

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

А П Р Ъ Л Ъ.

1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Ссылка Сперанскаго въ 1812 году. (Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Вычкова). Сообщилъ И. А. Вычковъ.	5—44	щили И. А. Вычковъ и В. М. Модзалевскій.....	177—188
II. Василий Андреевич Жуковский и его отношенія къ денабристамъ: I.—В. А. Жуковский и семейство Якушкиныхъ; II.—В. А. Жуковский и братья Тургеневы; III.—В. А. Жуковский и В. К. Кюхельбекеръ; IV.—В. А. Жуковский и Ѳ. Н. Глинка; V.—В. А. Жуковский и А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггенъ. Н. Дубровина.....	45—119	VIII. Записки В. А. Жуковскаго, написанныя въ альбомахъ Александры Андреевны Воейковой. Сообщ. графъ Н. А. Бревернъ де-ля-Гарди.....	189—192
III. Письма и записки В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой. Сообщилъ Ѳ. А. Вычковъ.	121—133	IX. Письмо короля прусскаго Фридриха-Вильгельма къ В. А. Жуковскому.....	193—194
IV. Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго. Сообщилъ графъ Н. А. Бревернъ де-ля-Гарди.....	134—136	X. Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. 195—207	
V. Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину.....	137—166	XI. Россія и Англія въ Афганистанѣ. (Оконч.). В. В. Тимошукъ.....	209—223
VI. Альбомъ, подаренный Фридрихомъ - Вильгельмомъ наследникомъ прусскимъ Васил. Андреевичу Жуковскому. А. Ѳомина.	167—176	XII. Записная книжка „Русской Старины“. Кн. П. А. Вяземскій о В. А. Жуковскомъ. Письмо кн. П. А. Вяземскаго къ А. Ѳ. Вычкову, 17 іюня 1872 г. Сообщилъ И. А. Вычковъ (стр. 120).—Московский университетъ въ 1826 г. Предисловіе И. Дибича-полков. гр. Строганову. 17 апр. 1826 г. Письмо И. Дибича А. А. Писареву. 17 апр. 1826 г. (208).—Къ биографіи В. Н. Каразина. Письмо В. Каразина къ В. Г. Муратову, 3 марта 1827 г. (224).	
VII. Письма В. А. Жуковскаго къ разнымъ лицамъ. Сооб-		XIII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Вычковъ.
2) Портретъ, Василя Андреевича Жуковскаго.

3) Фототипія первой страницы альбома В. А. Жуковскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъяческая, № 39.
1902.

Библиографическій листокъ.

Русскій біографическій словарь. Павелъ (преподобный)—Петръ (Илейка). Изданъ подъ наблюдениемъ председателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 1902 г.

Въ разсматриваемомъ нами новомъ выпускѣ Словаря обращаетъ на себя вниманіе статья «Павелъ I».

Павелъ Первый родился въ С.-Петербургѣ 20-го сентября 1754 года. «Только-что спеленали его, — рассказываетъ Екатерина, — какъ явился, по приказанію императрицы, духовникъ ея и нарекъ ребенку имя Павла, послѣ чего императрица тотчасъ велѣла новизальной бабушкѣ взять его и нести за собою, а я осталась на родильной постели. Въ городѣ и Имперіи была великая радость по случаю этого событія. На другой день я начала чувствовать нестерпимую ревматическую боль, начиная отъ бедра вдоль голени и въ лѣвой ногѣ. Боль эта не давала мнѣ спать, и, сверхъ того, со мною сдѣлалась сильная лихорадка; но, не смотря на то, и въ тотъ день я не удостоилась большаго вниманія. Впрочемъ, великій князь на минуту явился въ моей комнатѣ и потомъ ушелъ, сказавъ, что ему некогда больше оставаться. Лежа въ постели, я безпрерывно плакала и стонала... Наконецъ, великій князь соскучился по моимъ фрейлинамъ: по вечерамъ ему не за кѣмъ было волочиться, и потому онъ предложилъ проводить вечера у меня въ комнатѣ. Тутъ онъ началъ ухаживать за графиней Елиз. Воронцовой». Этотъ простой рассказъ царственной матери Павла Петровича объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его рожденіе ясно показываетъ, подъ какими несчастными предзнаменованіями появился на свѣтъ великій князь: семейная драма, происходившая въ средѣ императорской фамилии, уже дала направленіе его будущности. Жертва политическихъ расчетовъ, баловень царственной бабушки, Павелъ Петровичъ при самомъ рожденіи встрѣченъ былъ полнымъ равнодушіемъ ничтожнаго отца и слезами гениальной матери.

Крещеніе великаго князя было совершенно при пышной обстановкѣ 25-го сентября и сопровождалось длившимся около года торжественными праздниками: балами, маскарадами, фейерверками. Празднуя рожденіе внука, императрица Елизавета по-прежнему не щадила материнскихъ чувствъ Екатерины: для нея на первомъ планѣ были «интересы имперіи». Увидѣвъ сына въ первый разъ родовъ Екатерины пришлось только чрезъ шесть недѣль, когда она принимала очистительную молитву.

Малолѣтній Павелъ Петровичъ, конечно, не понималъ отношеній, существовавшихъ между его родителями. Въ ночь на 27-го іюня 1762 г. онъ былъ страшно напуганъ, когда его внезапно разбудили и, подъ охраною войскъ, перенесли изъ Лѣтняго дворца въ Зимній, и здѣсь

Павелъ всю ночь провелъ въ одной постели съ своимъ воспитанникомъ. Испугъ мальчика былъ такъ великъ, что у него появились болязненные припадки. Между тѣмъ, рано утромъ на другой день, Павелъ повезъ его къ Казанскому собору, куда, для принятія присяги, ѣхали возлѣ кареты великаго князя едва одѣтые солдаты. Екатерина провозглашена была самодержавной императрицей, а Павелъ объявленъ былъ ея наследникомъ; чрезъ нѣсколько дней затѣмъ услышалъ онъ о скоростившей смерти отца.

Въ 1772 г. великій князь достигъ совершеннолѣтія; 29-го сентября 1773 года онъ вступилъ въ первый бракъ съ принцессою гессенъ-дамштадтской Вильгельминой, нареченной при св. миропомазаніи Наталіей Алексѣевной, вскорѣ умершей во время родовъ, и 26-го сентября 1776 г. онъ женился на принцессѣ виртембергской Софіи-Доротеевѣ, нареченной при св. миропомазаніи Маріей Теодоровной; отъ этого втораго брака онъ имѣлъ четырехъ сыновей: Александра, Константина, Николая и Михаила, и шесть дочерей.

6-го августа 1783 года Екатерина подарила Павлу Петровичу великолѣпную мызу Гатчину, принадлежавшую прежде Г. Г. Орлову. Съ этого времени начинается новый, гатчинскій періодъ жизни великаго князя, когда онъ, постоянно удаляемый отъ дѣлъ правленія и удаляясь самъ отъ матери и отъ большаго екатерининскаго двора, замыкается постепенно самъ въ себя, предаваясь, въ качествѣ «гатчинскаго помѣщика», хозяйственный и благотворительной дѣятельности, а также излюбленнымъ своимъ военнымъ занятіямъ.

Въ 1787 году, съ началомъ второй турецкой войны, Павелъ Петровичъ надѣялся, что ему, наконецъ, откроется достойное его сана поприще для дѣятельности, и 10-го сентября просилъ мать о позволеніи отправиться въ армію вольверомъ для участія въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ. Это намѣреніе Павла не пришлось Екатеринѣ: она не желала ни создавать затрудненій Потемкину, командовавшему арміей, ни содѣйствовать популярности сына, былъ устраненъ котораго отъ престола въ пользу великаго князя Александра Павловича она уже думала въ это время. Подъ всевозможными предлогами императрица или отказывала Павлу въ своемъ разрѣшеніи, или откладывала дѣло; лишь въ маѣ 1788 года она дала, наконецъ, ему столь желанное для него дозволеніе, но внезапно открывшаяся война со Швеціей направила цесаревича не на югъ, а на сѣверъ, въ финляндскую армію; туда же направленъ былъ и гатчинскій отрядъ великаго князя. Военныя дѣйствія противъ шведовъ происходили главнымъ образомъ на морѣ, покрывъ славою русскій флотъ и адмираловъ Чичагова и Грейга; но сухопутныя наши войска ограничивались рекогностировками и аванпост-

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ
ЖУКОВСКІЙ.

Russkaja starina

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОСНОВАННОЕ 1-ГО ЯНВАРЯ 1870 Г.

1902.

АПРѢЛЬ.— МАЙ.— ІЮНЬ.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

ТОМЪ СТО ДЕВЯТЫЙ.

БК
I
К. 87
v. 100

INDIANA UNIVERSITY
LIBRARIES
BLOOMINGTON

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъяческая, № 39.
1902.

3. 16

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„РУССКАЯ СТАРИНА“

на 1902 годъ.

Имѣя цѣлью знакомить читателей съ историческимъ прошлымъ Россіи, редакція «Русской Старины» будетъ по-прежнему помѣщать на своихъ страницахъ: 1) Историческія изслѣдованія; 2) Записки, воспоминанія и дневники; 3) Очерки и рассказы; 4) Жизнеописанія людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ; 5) Статьи по исторіи русской литературы и искусствъ; 6) Историческіе рассказы и преданія; 7) Документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлыхъ временъ; 8) Мемуары и рассказы иностранные, насколько они касаются Россіи и ея исторіи; 9) Народную словесность; 10) Архивные документы.

Редакція не имѣетъ возможности перечислять здѣсь статьи, находящіяся въ ея архивѣ, и называть ея многочисленныхъ сотрудниковъ, при благосклонномъ участіи которыхъ успѣхъ изданія можно считать вполне обеспеченнымъ.

По примѣру прежнихъ лѣтъ, въ книгахъ будутъ помѣщаться портреты выдающихся русскихъ дѣятелей, гравированные лучшими художниками. Журналъ, какъ и прежде, будетъ выходить 1-го числа каждого мѣсяца.

Подписная цѣна на годъ 9 р. съ пересылкой.

Книгопродавцамъ, принимающимъ подписку, дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, Фонтанка, д. № 145.

*

ПРОДАЕТСЯ КНИГА

И С Т О Р І Я

КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

И

ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ.

Н. О. ДУБРОВИНА.

ТРИ ТОМА,

заключающіе 1480 страницъ текста, съ картами и планами.

Цѣна 9 рублей съ пересылкою. Съ требованіями обращаться

въ Товарищество «Общественная Польза», Большая

Подъяческая, № 39.

Ссылка Сперанского въ 1812 году ¹⁾.

(Изъ бумагъ академика А. О. Бычкова).

1. Нѣсколько словъ о послѣдней аудіенціи Сперанскаго у императора Александра 17 марта 1812 года.

Въ числѣ тѣхъ умолчаній, за которыя особенно гнѣвалась на насъ періодическая наша пресса,—читаемъ мы въ дополнительныхъ замѣткахъ барона М. А. Корфа къ «Жизни графа Сперанскаго»—указано было ею и сокрытіе подробностей послѣдняго свиданія Сперанскаго съ императоромъ Александромъ (17 марта 1812 года). «Если дошедшія до автора сказанія объ этихъ подробностяхъ разяствуютъ и даже противорѣчатъ между собою,—говорилось въ журналахъ—то отчего же онъ не передалъ публикѣ хоть эти противоположные рассказы съ нужнымъ ихъ опроверженіемъ или разъясненіемъ, какъ сдѣлалъ то въ разныхъ другихъ случаяхъ, и отчего же именно только въ этомъ одномъ, важнѣйшемъ, онъ оставляетъ любопытство читателей неудовлетвореннымъ?».

Оттого—повторяемъ мы сказанное уже нами на 16-й страницѣ II-го тома «Жизни графа Сперанскаго»,—что никто не былъ свидѣтелемъ этой аудіенціи, а Сперанскій, если когда-нибудь и отвѣчалъ на вопросы о ней, то или отыгрывался отъ назойливаго любопытства общими фразами, или, можетъ быть, рассказывалъ дѣло такъ, какъ ему предста-

¹⁾ Дополнительные матеріалы къ „Жизни графа Сперанскаго“ барона М. А. Корфа.

влялось соотвѣтственнымъ въ отношеніи личности слушателей, послѣдніе же, при передачѣ слышаннаго ими другимъ, могли опять расцвѣчивать этотъ рассказъ прикрасами собственной фантазіи; оттого, скажемъ далѣе, что дошедшія до насъ преданія сложились, большею частью, по наслышкѣ, или даже по догадкамъ; оттого, наконецъ, что вездѣ въ нашей книгѣ, гдѣ намъ казалось невозможнымъ высказывать полную истину, мы предпочитали совѣмъ молчать....

Но въ настоящихъ листахъ, мы постараемся собрать въ одной общей картинѣ то, что было намъ передано съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ направленіяхъ, отнюдь только не принимая на себя отвѣтственность передъ исторіею за достовѣрность этихъ матеріаловъ. Важнѣйшая ихъ часть основана на сообщеніяхъ престарѣлаго Ѳедора Петровича Лубяновскаго, которому будто бы пересказывалъ все это самъ Сперанскій въ длинныхъ и откровенныхъ пензенскихъ бесѣдахъ ихъ въ 1821 году (т. II, стр. 256). Но показанія его дополнены и разными другими. Нѣкоторыя изъ замѣченныхъ нами противорѣчій и несообразностей сами собою выйдутъ здѣсь наружу посредствомъ сличенія съ другими частями нашей работы.

Съ января 1812 года Александръ, развлеченный военными приготовленіями, почти совѣмъ пересталъ ѣздить въ Государственный Совѣтъ ⁽¹⁾, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекратились и постоянные доклады государственнаго секретаря. Когда ему нужно было о чемъ доложить, онъ посылалъ записку, и государь отвѣчалъ ему назначеніемъ дня и часа или отмѣткою на той же запискѣ, или послѣ, черезъ нарочнаго фельдъегеря. Въ февралѣ понадобился такой докладъ, и Сперанскій послалъ свою обычную записку. Но на нее не было отвѣта недѣлю, двѣ, три. При особенныхъ въ это время занятіяхъ государя и при замѣчаемомъ въ немъ уже давно охлажденіи къ гражданскимъ дѣламъ, Сперанскій ничего не подозрѣвалъ, и думая только, нѣтъ ли въ такомъ долговременномъ молчаніи какого недоразумѣнія, справлялся по-часту во дворцѣ, не отдано ли по его запискѣ изустнаго приказанія, на что, однако, никто не умѣлъ отвѣтить. (Здѣсь уже тотчасъ и неправда, обличаемая подлинными актами Государственного Совѣта. Сперанскій имѣлъ личный докладъ еще 12 марта и на двадцати шести поднесенныхъ въ тотъ день мѣннійхъ Совѣта своеручно отмѣтилъ мѣсто и число высочайшей конфирмаціи. Бумаги эти хранятся и теперь въ архивѣ Совѣта). Наконецъ 17 марта, въ воскресенье, когда онъ спокойно обѣдалъ у своей пріятельницы г-жи Вейкардтъ, пріѣхалъ фельдъегерь съ повелѣніемъ

⁽¹⁾ Свидѣтельства Ѳ. П. Лубяновскаго и А. Н. Оленина..

ему явиться къ государю вечеромъ, въ 8 часовъ. Сперанскій тутъ же переодѣлся, по тогдашнему обычаю, въ мундиръ съ чулками и башмаками и отправился въ Зимній дворецъ въ указанное время ¹⁾).

Между тѣмъ, при свиданіи въ этотъ же день утромъ съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ ²⁾), государь сказалъ ему, что по-вечеру назначилъ быть къ себѣ кому-то изъ военныхъ съ работою, но послѣ будетъ свободенъ и желаетъ «поболтать» съ нимъ, Голицынымъ; почему онъ и можетъ ѣхать, по своей обыкновенной привычкѣ, на *avant-soirée* къ Гурьевой (женѣ министра финансовъ), а оттуда уже явиться во дворецъ. Слѣдуя этому, Голицынъ пріѣхалъ около 8 часовъ; но, противъ своего чаянія, нашелъ въ секретарской нѣсколько высшихъ сановниковъ, изъ которыхъ одни ждали съ бумагами, а другіе изустныхъ приказаній; въ кабинетъ же съ государемъ находился, по словамъ камердинера, совсѣмъ не военный, а Сперанскій. Такъ пробило и 9 часовъ, и 10. Государь уже давно выслаалъ сказать ожидавшимъ, что сегодня не имѣетъ времени ихъ принять, и всѣ удалились; но Голицынъ, слышавшій о существованіи интриги противъ Сперанскаго, знавшій, что онъ уже давно (?) не былъ допущенъ передъ государя, знавшій, можетъ статья, и болѣе, рѣшился дожидаться того, что будетъ далѣе. Съ нимъ въ секретарской оставался только дежурный генералъ-адъютантъ Павелъ Васильевичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

Наконецъ въ 11-мъ часу Голицынъ, сидѣвшій въ креслѣ у топившагося камина, услышавъ движеніе замочной ручки, поспѣшно вскочилъ и выступилъ на середину комнаты, чтобы встрѣтиться лицомъ къ лицу съ выходившимъ изъ кабинета.

Здѣсь, въ описаніи послѣдовавшей затѣмъ сцены, появляется то разноегласіе въ разсказѣ обоихъ единственныхъ очевидцевъ, о которомъ упомянуто у насъ въ «Жизни графа Сперанскаго» на страницѣ 15-й II-го тома. Что касается министра юстиціи И. И. Дмитріева, то, быть можетъ, онъ находился въ числѣ тѣхъ «высшихъ сановниковъ», про которыхъ Голицынъ разсказывалъ, что они сперва дожидались государя, а потомъ удалились.

Но, повторимъ опять, въ чемъ же состояли тайны этого длиннаго свиданія, которое такъ расстроило и Александра, и его любимца?

Сперанскій ³⁾ привезъ съ собою кипу бумагъ, накопившихся въ долгій промежутокъ (?) за то время, что онъ не имѣлъ личнаго доклада. Въ числѣ ихъ было и нѣсколько представленій къ наградамъ. Государь встрѣтилъ его, по обыкновенію, милостиво, извинился, что такъ давно

¹⁾ Разсказъ г-жи Вейкардтъ и г-жи Поггенполь.

²⁾ Разсказъ князя А. Н. Голицына.

³⁾ Э. П. Лубяновскій по разсказу будто бы Сперанскаго.

не могъ принять его за множествомъ работы по военной части, утвердилъ всѣ его представленія и вообще не далъ замѣтить ничего, кромѣ всегдашняго своего благорасположенія. Когда докладъ, занявшій, по большому числу дѣлъ, очень много времени, окончился, Сперанскій собравъ свои бумаги, хотѣлъ идти, и ожидалъ только обычнаго поклона, съ которымъ отпускалъ его государь. Но такого не было. Вставъ и пройдясь нѣсколько шаговъ по комнатѣ, Александръ вдругъ перемѣнилъ и видъ, и осанку, и началъ самымъ суровымъ голосомъ, съ перемѣною всегдашняго ты на холодное вы: «Намъ надо объясниться, Михайло Михайловичъ: я уже давно замѣчаю, что вы идете противъ меня, а теперь вполнѣ въ томъ убѣдился». Остолбенѣвшій Сперанскій хотѣлъ что-то вымолвить, но государь не допустилъ до того и вообще, продолжая рѣчь съ чрезвычайною живостью и свойственнымъ ему многословіемъ, не далъ своему слушателю выговорить, и послѣ, почти ни слова. Въ самыхъ раздраженныхъ выраженіяхъ, въ тонѣ грознаго судьи передъ обличеннымъ преступникомъ, съ такими подробностями, которыя едва ли могъ бы уловить и стенографъ и которыя тѣмъ менѣе могутъ найти себѣ мѣсто въ настоящемъ разсказѣ со словъ взволнованнаго Сперанскаго, Александръ сталъ обвинять его главнѣйше въ томъ ¹⁾: 1) что, стоя у кормила правленія, онъ, при всѣхъ случаяхъ, худо о немъ отзывается и даже въ секретарской комнатѣ не разъ громко говорилъ о предстоящемъ будто бы паденіи имперіи; 2) что онъ стремился разстроить ее финансовыми своими мѣрами и посредствомъ усиленныхъ налоговъ возбудить ненависть противъ правительства; 3) что онъ жертвуетъ благомъ государства изъ привязанности своей къ французской системѣ; 4) что, не довольствуясь общимъ преобразованиемъ всего государственнаго строя, въ которое вовлекалъ государя своими софизмами, онъ замышлялъ уничтожить даже и послѣднее звено, соединявшее Россію Александровскую съ Петровскою—черезъ ломку Сената; 5) что, несмотря на ввѣренный уже ему обширный кругъ дѣлъ, онъ старался еще болѣе его расширить и покушался проникнуть въ дипломатическія тайны, употребляя для того во зло вліяніе свое на нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; 6) что онъ готовъ былъ, чтобы только не встрѣчать никакихъ болѣе препонъ своимъ замысламъ и своему властолюбію, пожертвовать даже личными своими чувствами и соединиться съ прежними извѣстными своими врагами Армфельдомъ и Балашовымъ.

— Я знаю ²⁾ — продолжалъ государь — что вы предлагали имъ составить вмѣстѣ съ вами какой-то триумвиратъ, черезъ который проходили бы всѣ государственныя дѣла, а я, стало-быть, представлялъ бы у васъ уже только роль пѣшки!

¹⁾ Тотъ же Лубяновскій и пермское письмо Сперанскаго.

²⁾ Записка полковника А. В. Воейкова.

Здѣсь Сперанскій не могъ болѣе воздержаться, хотя Александръ и старался было сначала его перекричать.

— Помилуйте, государь,—воскликнулъ онъ — это гнуснѣйшая клевета, подлый вымыселъ, который долженъ пасть всею своею силою на самихъ моихъ враговъ. Нѣсколько дней тому назадъ Армфельдъ, точно, прѣзжалъ ко мнѣ и, точно, было предложеніе, только не отъ меня ему, а отъ него мнѣ, все вносимое къ вашему величеству имъ и Балашовымъ передавать сперва, частно, мнѣ и обращать по принадлежности тогда уже, когда я одобрю или укажу, что исправить, такимъ образомъ, чтобы все достигало до васъ не иначе, какъ черезъ наши руки. Я долженъ быть вполнѣ искреннимъ: «Упаси Боже—отвѣчалъ я этимъ господамъ:—вы не знаете государя; онъ увидитъ тутъ прикосновение къ своимъ правамъ, и намъ всѣмъ можетъ быть худо». Такъ предложеніе ихъ было мною отклонено, и я обѣщалъ только Армфельду не сказывать о немъ вашему величеству, а теперь они же воспользовались моимъ довѣрчивымъ молчаніемъ, чтобы меня очернить.

— Если и такъ—перебилъ снова государь,—то вы все равно виноваты: я слышалъ обо всемъ этомъ уже три дня тому назадъ, слышалъ и нарочно молчалъ, въ надеждѣ, что вы мнѣ скажете, но теперь, наконецъ, принужденъ былъ самъ начать. У меня не было отъ васъ ни одной сокровенной мысли, а вы хитрили со мною и не показали взаимной довѣренности. Впрочемъ стараніе ваше сойтись съ Балашовымъ для скрытыхъ отъ меня цѣлей я вижу и изъ другаго. «Чья это рука? ¹⁾» — спросилъ онъ вдругъ, вынувъ изъ кармана и держа передъ глазами Сперанскаго своеручную записку послѣдняго—Чья это рука?».

Что же было въ этой запискѣ ²⁾? Родственникъ и клеветникъ Балашова Бологовской, обѣдавъ, за нѣсколько времени передъ тѣмъ гдѣ-то съ Магницкимъ, въ шумѣ винныхъ паровъ спросилъ у него:

— Зачѣмъ вашъ Михайло Михайловичъ дѣлаетъ такія глупости?

— Какія глупости?

— Зачѣмъ онъ въ распрѣ съ Балашовымъ? Оба люди добрые и умные, а между тѣмъ не только не говорятъ, даже и не кланяются другъ съ другомъ, тогда какъ вмѣстѣ могли бы дѣйствовать гораздо успѣшнѣе. Отчего бы имъ не помириться, когда нѣтъ и настоящей причины къ ссорѣ?

Слово за словомъ, Магницкій взялся переговорить объ этомъ съ Сперанскимъ, а Бологовской съ Балашовымъ и, черезъ ихъ посредство, оба непріятеля изъявили согласіе на примиреніе: одинъ съ незлобивымъ своимъ добродушіемъ, другой съ тѣми же коварными намѣреніями,

¹⁾ Лубяновскій, по разсказу Сперанскаго.

²⁾ См. «Русскую Старину» 1902 г., мартъ, стр. 497—498.

которыя нѣкогда внушили предательское лобзаніе Іудино. Оставался только вопросъ, кому первому протянуть руку? Балашовъ, ссылаясь на то, что онъ министръ и генераль-адъютантъ, уклонялся отъ перваго визита; Сперанскій, въ простодушной своей довѣрчивости къ людямъ, былъ менѣе щекотливъ и согласился сдѣлать первый шагъ съ своей стороны. Но въ самый день, назначенный для примирительнаго свиданія, у Сперанскаго сильно заболѣла голова, и потому онъ написалъ своему посреднику Магницкому, *qu'un mal de tête violent l'empêchait de paraître à l'entrevue convenue avec Balachoff* ¹⁾. Эту самую записку Магницкій переслалъ въ подлинникъ Балашову, а Балашовъ, въ тайныхъ своихъ цѣляхъ, представилъ государю, который ее-то именно и предъявилъ теперь Сперанскому.

— Чья это рука?—продолжалъ онъ.—И можете ли вы, послѣ этой записки, оспорить, что желали скрытнаго сближенія и союза съ такимъ человѣкомъ, къ которому въ публикѣ вы всегда оказывали явное презрѣніе и котораго не разъ и мнѣ самому выставляли какъ злѣйшаго врага? Нужны ли послѣ этого еще другіе факты въ доказательство вашей двуличности со мной?

Точно ли Александръ былъ убѣжденъ въ справедливости высказанныхъ имъ Сперанскому обвиненій и подозрѣній, или все это была одна только маска передъ послѣднимъ и, можетъ стать, даже передъ самимъ собою, одинъ предлогъ для удаленія отъ себя, во что бы то ни стало, безъ вида явнаго неправосудія, человѣка, которому самъ онъ далъ слишкомъ большое вліяніе? Скорѣе, кажется, послѣднее. Онъ не могъ вѣрить въ выдумку о предложеніи Сперанскимъ такого триумvirата, который самого государственнаго секретаря подвергнулъ бы раздѣленію съ другими власти, дотогѣ ему одному принадлежавшей. Съ другой стороны умолчаніе о предложеніи Армфельда, отвергнутомъ и оставшемся, какъ частный разговоръ, безъ всякихъ послѣдствій, не составляло никакой вины даже и передъ самымъ подозрительнымъ характеромъ, а въ приступѣ къ сближенію съ Балашовымъ трудно было найти что-нибудь другое, какъ естественное желаніе избавиться по крайней мѣрѣ отъ одного лишняго врага. Наконецъ, что касается прочихъ статей обвиненія, то на нихъ всего убѣдительнѣе отвѣчалъ самъ Сперанскій уже изъ заточенія, въ знаменитомъ пермскомъ своемъ письмѣ, и эти отвѣты такъ просты, такъ дышать истиною, такъ исполнены логики, что Александру, конечно, должно было предугадать ихъ еще въ ту минуту, когда онъ произносилъ грозную свою филиппику...

Возвращаясь къ аудіенціи 17-го марта.

¹⁾ Т. е. что сильная головная боль препятствуетъ ему явиться на предположенное свиданіе съ Балашовымъ.

Перечисливъ ¹⁾ всѣ предметы своихъ обвиненій, государь, тономъ уже нѣсколько смягченнымъ, продолжалъ:

— Изъ всего этого вы видите, что намъ нельзя больше оставаться въ прежнихъ отношеніяхъ и что, сколько я ни уважаю ваши дарованія, мы необходимо должны разстаться.

— Государь, — отвѣчалъ Сперанскій, какъ только нашелъ минуту произнести слово, — всѣ ваши обвиненія такъ для меня неожиданны, духъ мой такъ взволнованъ этою внезапностью, что я не могъ бы теперь вдругъ представить моихъ оправданій, хотя бы вы мнѣ то и позволили, но вы не позволяете. Вижу ²⁾, слѣдственно, что мнѣ должно молчать, каково бы ни было внутреннее сознаніе моей совѣсти, и безусловно исполнить вашу волю, еще болѣе тяжкую для моего сердца, чѣмъ для разсудка. Вижу также, и очень хорошо понимаю, что, лишась вашей довѣренности, уже не могу больше съ пользою занимать никакого мѣста. Прошу послѣ этого, за всю мою службу, одной только милости: отпустить меня не съ безчестіемъ и позволить подать отъ самого себя просьбу объ отставкѣ.

— Въ другое время — возразилъ государь — я поступилъ бы иначе; во всякомъ иномъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, я употребилъ бы годъ или два, чтобы ближе изслѣдовать и повѣрить взведенныя на тебя обвиненія. Но теперешнія обстоятельства этого не позволяютъ. У тебя сильные враги ³⁾; общее мнѣніе требуетъ твоего удаленія, только на этомъ условіи соглашаются дать нужныя намъ деньги, а у меня на рукахъ — Наполеонъ и неизбежная война. Но на желаніе твое ⁴⁾ самому проситься въ отставку я охотно соглашаюсь. Пріѣзжай ко мнѣ завтра утромъ въ 12 часовъ съ просьбою, и мы покончимъ все между собою, а теперь прощай, до свиданья.

Сперанскій пошелъ, но, дойдя до дверей, невольно оглянулся. Александръ стоялъ скрестя руки и мрачно смотрѣлъ вслѣдъ ему. Сперанскій не могъ удержать сердечнаго порыва и бросился опять назадъ поцѣловать руку государя, который его обнялъ и прижалъ къ груди.

— Въ жизни моей — сказалъ онъ при этомъ — судьба покарала меня двумя жестокими несчастіями: смертію отца и теперешнею необходимостью съ тобою разстаться... Прощай, будь счастливъ, а я даю тебѣ слово въ одномъ: если переживу тебя, никогда не оставлять твоей очереи.

Сперанскій обильно его руку слезами и удалился.....

¹⁾ Лубяновскій по разсказу Сперанскаго.

²⁾ Записки Мнхайловскаго-Данилевскаго по разсказу Магницкаго.

³⁾ Автобіографія Сперанскаго.

⁴⁾ Лубяновскій по разсказу Сперанскаго.

Въ особенной, или секретной канцеляріи министерства полиціи, состоявшей подъ начальствомъ де-Санглена, дежурнымъ въ этотъ день былъ Густавъ Васильевичъ Лерхе, впоследствии извѣстный петербургскій адвокатъ. По вечеру де-Сангленъ ¹⁾, заѣхавъ въ канцелярію, взялъ у Лерхе два слѣдующіе нумера по исходящему журналу, выставилъ ихъ секретно на привезенныхъ съ собою бумагахъ и велѣлъ молодому человѣку не уходить впредь до приказанія. Въ ту же ночь внезапно разбудили тогдашняго оберъ-полиціймейстера Ивана Саввича Горголи. Частный приставъ Шипулинскій явился донести о полученномъ имъ отъ министра полиціи предписаніи.

— Что такое?

— Мнѣ велѣно сейчасъ ѣхать изъ Петербурга.

— Куда, зачѣмъ?

— Не велѣно сказывать.

По вліянію своему на подчиненнаго, Горголи, однако, тутъ же вывѣдалъ всю истину и остолбенѣлъ: Шипулинскій долженъ былъ везти Сперанскаго въ Нижній... Кромѣ самихъ непосредственныхъ дѣятелей, никому въ Петербургѣ не приходило въ мысль ничего подобнаго. Менѣе всѣхъ, послѣ словъ Александра, сама обреченная жертва провидѣла готовившуюся ей участь.

Въ третьемъ часу утра де-Сангленъ воротился въ канцелярію и позволилъ Лерхе идти домой. Все было кончено.....

2. Участіе де-Санглена въ высылкѣ Сперанскаго.

Въ статьѣ барона М. А. Корфа «Дѣятели и участники въ паденіи Сперанскаго», помѣщенной въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» за нынѣшній годъ, упоминалось о той роли, которую игралъ въ паденіи Сперанскаго Я. И. де-Сангленъ, и были сообщены свѣдѣнія о томъ, какъ удалось барону Корфу получить отъ де-Санглена разсказъ, касающійся ссылки Сперанскаго. Этому разсказу въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» посвящена барономъ Корфомъ особая глава; содержащійся въ ней разсказъ де-Санглена представляетъ лишь небольшія отличія сравнительно съ его Записками, изданными въ «Русской Старинѣ» 1883 года (томъ XXXVII стр. 19—46 и 375—392), а потому печатать въ настоящее время эту главу въ полномъ видѣ было бы излишне. Приведемъ здѣсь лишь конецъ ея, въ которомъ де-Сангленъ описываетъ свое свиданіе съ императоромъ Але-

¹⁾ Разсказъ Г. В. Лерхе.

ксандромъ на другой день послѣ высылки Сперанскаго изъ Петербурга въ Нижній-Новгородъ.

На другой день [послѣ высылки Сперанскаго, 18-го марта 1812 года] утромъ въ 12 часовъ—читаемъ въ рассказѣ де-Санглена—я былъ потребованъ къ государю ¹⁾ и впущенъ въ большой кабинетъ.

— Балашовъ—тотчасъ началъ государь—сказалъ мнѣ, что крайне вами недоволенъ, что даже ни онъ съ вами, ни вы съ нимъ служить не хотите ²⁾. Догадываюсь (улыбаясь). Однако изъ его донесенія я немного понялъ: у него все какъ-то не ясно, сбивчиво, не чисто. Онъ все сваливаетъ на васъ и что вы не умѣли быть ему помощникомъ.

— Я отвѣчалъ, что первый отказался служить съ Балашовымъ; мѣшать министру не могъ, а быть ему помощникомъ—еще менѣе, потому, что онъ дѣйствовалъ одинъ, а я былъ только зрителемъ.

— Вы не можете себя представить—продолжалъ государь,—какой вчера былъ тяжелый для меня день! Я вывелъ Сперанскаго, приблизилъ его къ себѣ, имѣлъ къ нему неограниченную довѣренность и принужденъ былъ его выслать. Я плакалъ!

И дѣйствительно, у него навернулись на глазахъ слезы. Я молчалъ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ, онъ потребовалъ, чтобы я рассказалъ подробно, что и какъ все было. Когда мое повѣствованіе дошло до того, какъ Балашовъ поѣхалъ за шубой и пр. для Магницкаго, государь сказалъ:

— Это и онъ мнѣ говорилъ, вѣроятно, чтобъ эти деньги съ меня воротить. Онъ очень жалостно описалъ положеніе Магницкаго, но а будто не понималъ.

При рассказѣ о томъ, что на вопросъ Магницкаго, ѣдетъ ли съ ними Воейковъ, я отвѣчалъ: Болховской, и что Магницкій просилъ по-

¹⁾ Напомнимъ, что де-Сангленъ, во время подготовленія высылки Сперанскаго, неоднократно былъ призываемъ къ императору Александру и имѣлъ продолжительные съ нимъ разговоры.

²⁾ При отправленіи Сперанскаго у де-Санглена было нѣсколько столкновеній съ Балашовымъ; такъ Балашовъ вошелъ одинъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ въ его кабинетъ, тогда какъ де-Сангленъ оставался въ залѣ рядомъ, откуда видѣлъ, какъ Сперанскій жегъ долгое время часть своихъ бумагъ; на требованіе Балашова распечатать кабинетъ Сперанскаго, чтобы дать ему возможность вынести забытый тамъ портфель съ бумагами, де-Сангленъ отвѣчалъ отказомъ и пр. Послѣ отъѣзда Сперанскаго рѣзкій разговоръ между Балашовымъ и де-Сангленомъ продолжался, и тутъ, между прочимъ, де-Сангленъ сказалъ Балашову: „Александръ Дмитріевичъ, между нами все кончено, ибо я болѣе съ вами не служу“, а послѣдній заявилъ де-Санглену: „Знайте, что вы имѣете во мнѣ навсегда непримиримаго врага“.

зволенья писать къ Сперанскому, государь съ гнѣвомъ прервалъ мою рѣчь:

— Это состраданіе было напрасное; вы этимъ открытіемъ поставили меня въ затруднительное положеніе. Когда Сперанскій ко мнѣ вошелъ и сталъ раскрывать портфель, я сказалъ ему: «Не надо, Михайло Михайловичъ: у меня есть другое дѣло переговорить съ вами, понуживъ». И каково же было мое удивленіе, когда онъ хладнокровно отвѣчалъ мнѣ: «Государь, я все знаю; по выходѣ отъ васъ я буду отправленъ въ Нижній; но позвольте мнѣ воспользоваться послѣдними минутами свиданія и излить передъ вами мою вѣрноподданническую преданность». Тутъ онъ началъ описывать Балашова такими красками, которыя меня ужаснули. Это вы ему открыли глаза.

Государь,—отвѣчалъ я—оправдываться не смѣю; но могъ ли я объявить Сперанскому или Магницкому объ ихъ отъѣздѣ и заставить немедленно ѣхать къ Балашову? Они все знали и приготовились. Балашовъ очернилъ меня, выдумалъ сказку о Воейковѣ и не назвалъ Болховскаго, чтобы не впасть въ подозрѣніе ему, а свалить вину на меня. Магницкій спросилъ; я отвѣчалъ правду, потому что лгать не умѣю, да тутъ не было и нужды лгать. Я уже высказалъ эту правду въ минуту извѣстнаго уже несчастія, въ минуту отъѣзда, а не прежде. Для чего было мнѣ оставаться въ ихъ глазахъ шпиономъ, чернымъ человекомъ?

— Съ другой стороны—замѣтилъ государь—я, конечно, только по этому случаю могъ узнать всю черноту души Балашова и потому могу простить вамъ эту неосторожность. Она послужила мнѣ въ пользу. Министерства полиціи и министра полиціи не будетъ. Мнѣ второй экземпляръ Палена не нуженъ. Продолжайте.

Когда я дошелъ до того, какъ Магницкій надѣлъ шапку и спросилъ жену свою: «Suis-je bien coiffé par la police?» ¹⁾, государь громко засмѣялся и потомъ сказалъ:

— Это славно. А Балашовъ это пропустилъ, ни слова не сказалъ! Магницкій уменъ, остеръ, но ужасно вѣтренъ.

Далѣе государь очень удивился, что Балашовъ оставилъ меня у Магницкаго, а самъ поѣхалъ къ Сперанскому.

— Онъ мнѣ и этого не говорилъ!

Разговоръ мой съ Балашовымъ до пріѣзда Сперанскаго, особливо предположеніе мое, что, вмѣсто него, отправятъ насъ, разсмѣшилъ моего слушателя; онъ сказалъ:

— Едва ли это не было бы лучше для меня; но въ отношеніи къ государству лучше было отправить Сперанскаго: доказательство—ра-

¹⁾ Т. е. Хорошо ли принарядила меня полиція?

дость, которую произвелъ его отъѣздъ въ столицѣ и, вѣрно, произведетъ и вездѣ.

Потомъ, погода немного:

Люди — мерзавцы! Тѣ, которые еще вчера утромъ ловили его улыбку, нынче поздравляютъ меня и не могутъ нарадоваться его ссылке.

Государь взялъ со стола книгу и потомъ гнѣвно бросилъ ее опять на мѣсто, сказавъ съ негодованіемъ:

— Подлецы, вотъ кто окружаетъ насъ.... Но я все васъ останавливаю. Какъ вошелъ Михайло Михайловичъ?

— Государь, чрезвычайно спокойно; я даже такъ удивился его хладнокровію и твердости, что подумалъ, не прощенъ ли онъ вашимъ величествомъ.

Потомъ я рассказалъ все до приглашенія въ кабинетъ и просьбы Балашова дать ему пробыть полчаса наединѣ съ Сперанскимъ.

— Вамъ не слѣдовало на это соглашаться,—возразилъ мой собесѣдникъ.

— Государь, онъ былъ еще тогда моимъ начальникомъ, и ваше величество запретили мнѣ ему мѣшать, велѣвъ только довести до вашего свѣдѣнія о томъ, что я увижу и услышу.

— Да, это такъ. Но можно ли мнѣ было предполагать, что Балашовъ, которому я приказалъ взять васъ съ собою, отважится на такой поступокъ?

Я продолжалъ свой рассказъ. Серьезность лица государя и его движенія доказывали, что онъ все болѣе и болѣе былъ недоволенъ,—мною ли, или Балашовымъ, я разгадать не могъ; но когда я упомянулъ, что, послѣ запечатанія, двери были снова распечатаны, онъ вышелъ изъ себя.

— Какой бездѣльникъ! Онъ мнѣ объ этомъ смолчалъ. Петръ Великій своеручно отрубилъ бы ему голову, а я, я мало-по-малу спущу его изъ поповъ въ дяконы. Удивляюсь только Сперанскому.... Видно дѣлилки его, въ самомъ дѣлѣ, не такъ-то чисты!

Я передалъ государю послѣднія слова сосланнаго, т. е. о желаніи его монарху и отечеству счастья и успѣховъ, и прибавилъ, что эти слова были произнесены съ чувствомъ, отъ сердца.

Государь отвѣчалъ, кажется, откровенно:

— Вѣрю; я Сперанскаго знаю; въ немъ нѣтъ злобы, онъ болѣе способенъ на добро. Онъ религіозенъ, и я никогда не замѣчалъ въ немъ пристрастія, еще менѣе вражды. Но сожженные и увезенные бумаги?.. Онѣ оправдываютъ его ссылку, а общая радость подкрѣпляетъ ее необходимостью.

Государь очень любопытствовалъ знать, что было въ минуту

прощанья. Я подробно все рассказалъ, прибавивъ, что Сперанскаго до самаго отъѣзда не оставляло присутствіе духа, и что ссылаемый былъ, во все время, выше того, который его отправлялъ.

Наконецъ рассказалъ я и о моемъ прощаньи съ Балашовымъ.

— Вы поступили дерзко,—замѣтилъ государь—но это былъ языкъ правдиваго человѣка. Вы только не подумали о послѣдствіяхъ. Балашовъ сдержитъ слово: онъ будетъ всѣми силами вамъ вредить, и уже началъ. А что вы сдали дѣла Фоку ¹⁾, это еще для васъ вреднѣе: онъ подниметъ противъ васъ все министерство полиціи. *Mais ce qui est fait, est fait* ²⁾. Внутренно вы удовлетворили вашему благородству, а наружно много проиграете.

Погодя немного, государь отпустилъ меня со словами:

— Завтра вечеромъ въ 7 часовъ придите въ секретарскую и ожидайте моего призыва.

— Не хотите ли быть статсъ-секретаремъ?—спросилъ меня, между прочимъ, государь въ это свиданіе.

— Ваше величество,—отвѣчалъ я—развѣ вамъ угодно, чтобъ потомство утвердилось на пустыхъ слухахъ, распушенныхъ Балашовымъ и его кліентами, будто бы я подкопался подъ Сперанскаго и Магницкаго?

— Это и такъ не уйдетъ,—сказалъ государь, разсмѣявшись, — но, если вы меня обманываете возвышенными вашими чувствами, то никто еще меня такъ не обманывалъ.

Что далѣе происходило при этомъ новомъ свиданіи и для чего оно было назначено, де-Санглецъ намъ не передалъ, — пишетъ баронъ Корфъ.—Но вотъ что онъ еще прибавилъ частью о личныхъ своихъ и прочихъ участниковъ этого дѣла судьбахъ, а частью о причинахъ, которыми, по его мнѣнію, вызвано было паденіе Сперанскаго:

«Итакъ всѣ пострадали въ этой великой драмѣ. Сперанскаго и прочихъ сослали; Балашовъ упалъ во мнѣніи государя, но въ мнѣніи публики не тотчасъ, потому что оставался еще генераль-адъютантомъ и съ титуломъ министра полиціи; дипломаты Армфельдъ и Вернегъ спрятались, какъ улитки, въ скромные свои домики. Моя участь была тяжелѣе всѣхъ, и хотя я оставался въ довѣренности у государя, но оттого и число враговъ моихъ множилось ежедневно. Самъ государь, по

¹⁾ М. Я. Фоку, вполнѣдствіи бывшему управляющимъ III Отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи. „По возвращеніи домой [послѣ отправления Сперанскаго], прежде чѣмъ лечь спать—говоритъ въ своемъ разсказѣ де-Санглецъ—послалъ я Фоку ордеръ о принятіи имъ всѣхъ дѣлъ по причинѣ моей болѣзни“.

²⁾ Т. е. Но ничего уже не подѣлаешь.

слабости ли характера, или изъ политики, ничего для меня не дѣлалъ. Но все это было только личное и ничто въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который претерпѣло правительство. Учрежденія Сперанскаго, не получивъ еще настоящей опредѣлительности и окрѣпlosti и утративъ тотъ духъ, которымъ они двигались и жили, лишились съ нимъ и должнаго развитія, что еще надолго отзовется для Россіи.

«Для меня лично, все кончилось напоследокъ слѣдующимъ отзывомъ государя: «Вамъ Балашовъ навлекъ столько враговъ въ Петербургѣ, что я рѣшился отправить васъ въ армію» ¹⁾. Дѣйствительно, Балашовъ не устыдился не только взводить на меня разныя небывлицы, какъ, между прочимъ, и отправленіе Сперанскаго, но и просить Барклая, Ермолова, Кутузова, всѣхъ начальниковъ и, наконецъ, московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына всячески меня притѣснять и не давать мнѣ хода, что всѣми ими, безъ разсужденія, въ одну угодность Балашову, и было исполнено, думаю, выше даже собственныхъ его ожиданій. Такъ князь Голицынъ, кромѣ лживыхъ на меня, уже въ послѣдующее царствованіе донесеній, представилъ въ превратномъ видѣ челоуѣколюбивый мой подвигъ и тѣмъ, при императорѣ Николаѣ, окончательно убилъ политическій мой бытъ.

«Сперанскій—продолжаетъ де-Сангленъ—ввергъ себя въ несчастіе самонадѣянностью, увѣренностью, что онъ необходимъ, ибо кому другому, думалъ онъ, было бы подъ силу развить нити клубка, столь таинственно имъ замотаннаго, наконецъ, излишнею своею довѣренностью къ министру полиціи и къ Магницкому, челоуѣку не безъ таланта, но вѣтрренному, опрометчивому, болтуну. Отправленіе Магницкаго и Болховскаго было нужно, чтобы сбить съ толку публику. По-

¹⁾ Де-Сангленъ былъ отправленъ оберъ-гевальдигеромъ къ Барклаю; но еще прежде того, а именно 22-го марта 1812 г., слѣдственно черезъ пять дней послѣ высылки Сперанскаго, пожалованъ орденомъ св. Анны 2-й степени при слѣдующей высочайшей грамотѣ:

„Господину коллежскому совѣтнику де-Санглену.

„Особенная дѣятельность ваша по службѣ и отличное усердіе къ исправленію возложенныхъ на васъ должностей, съ совершеннымъ безкорыстіемъ соединенныхъ, во все время нахождения васъ при министерствѣ полиціи начальствомъ засвидѣтельствованныя, обращаютъ особенное благоволеніе наше, въ изъявленіе коего жалуетъ васъ кавалеромъ ордена св. Анны 2-го класса, знаки коего для возложенія на васъ при семъ препровождаемъ. Въ С.-Петербургѣ, 22-го марта 1812 года. Александръ.

(Контрасигнировалъ) Министръ полиціи А. Балашовъ“.

„Этимъ рескриптомъ—пишетъ де-Сангленъ—государь отвлекъ отъ меня всѣ недѣльные слухи, которые Балашовъ съ 18-го марта старался взводить на меня. А что глупая публика могла приписать этотъ крестъ въ награду за обличеніе Сперанскаго, то обличеніе это столь же мало до меня относится, какъ и до самаго Сперанскаго, ибо рѣшительно никакого обличенія не было“.

чему Балашовъ съ перваго разу призналъ за необходимое утаить передъ государемъ свою связь съ Сперанскимъ—не знаю; но видно въ томъ была надобность по его цѣлямъ, ибо онъ отрекся отъ этого знакомства. Первая эта ложь породила послѣдующія и, находясь между двумя огнями, Балашовъ метался то туда, то сюда, чтобъ не обжечься. Сожженные бумаги должны были относиться и къ самому Балашову, который, точно, имѣлъ переписку съ Сперанскимъ, ибо личными посѣщеніями боялся пробудить извѣстную недовѣрчивость государя: слѣдственно онъ долженъ былъ и Сперанскому дать возможность увести съ собою тѣ бумаги, которыя послѣднему казались нужными. Балашова побудила къ тому самая необходимость, такъ какъ иначе всѣ обманы его вышли бы на свѣтъ, и онъ не отдѣлался бы такъ дешево. Сверхъ того я подозреваю—и не безъ причины,—не разрѣшилъ ли ему самъ государь позволить Сперанскому увести съ собою кое-какія бумаги, чтобы чрезъ то имѣть болѣе причинъ къ обвиненію послѣдняго, ибо никакихъ преслѣдованій за это позволеніе не было, тогда какъ можно было и воротить портфели, и узнать ихъ содержаніе. Балашовъ перешагнувъ за границы полученнаго имъ разрѣшенія, далъ гораздо болѣе, но, при ссылкѣ на это разрѣшеніе, не могъ быть прямо обвиненъ. Армфельдъ и Вернегъ дѣйствовали за кулисами и, когда пьеса окончилась—скрылись. Публика ихъ не видѣла. Одинъ я съ своею правдивостію сдѣлался *le fou de l'aventure* ¹⁾. Выставить меня публикѣ въ настоящемъ свѣтѣ было невыгодно для инаго, а благородный мой характеръ, слѣпая довѣренность къ владыкѣ и слѣпое повиновеніе его волѣ были, впоследствии, причиною всѣхъ претерпѣнныхъ мною неудовольствій и гоненій. Но я остался съ чистою совѣстью и могу сказать, какъ нѣкогда Францискъ I: «*Tout est perdu, hors l'honneur*» ²⁾.

Въ современномъ дневникѣ Логгина Ивановича Голенищева-Кутузова ³⁾ находятся два слѣдующія замѣчательныя мѣста:

Подъ 25 марта 1812 г.: «Я видѣлся вчера съ Сангленомъ, и все, что я отъ него услышалъ, не умѣстилось бы и на 50-ти страницахъ. Онъ не былъ у меня цѣлыхъ два мѣсяца изъ страха проговориться о томъ, что между тѣмъ готовилось. Преступленіе Сперанскаго есть—измѣна. Всѣ доказательства на то въ рукахъ государя. Онъ, Сангленъ, былъ нѣсколько разъ призыванъ къ царю и однажды пробылъ у него

¹⁾ Т. е. козломъ отпущенія.

²⁾ Т. е. Все потеряно, кромѣ чести.

³⁾ Подлинная рукопись дневника Л. И. Голенищева-Кутузова, писанная на французскомъ языкѣ, хранится въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

цѣлыхъ шесть часовъ сряду: это немножко сильно, но, что еще сильнѣе, это то, что, въ минуту высылки преступника, министръ полиціи, которому вѣрно было взять съ собою въ эту экспедицію Санглена, оставилъ его въ залѣ, а самъ заперся наединѣ съ Сперанскимъ на три часа въ его кабинетъ, и что, по выходѣ ихъ оттуда, Сангленъ сдѣлалъ сцену своему начальнику, объявивъ, что не хочетъ болѣе служить при немъ, и, дѣйствительно, вслѣдъ затѣмъ, и вышелъ отъ него. Словомъ, Сангленъ явно обвиняетъ Балашова въ измѣнѣ и уѣзжаетъ въ армію генераль-гевальдигеромъ. Все, что онъ говоритъ о Балашовѣ—невообразимо. Онъ называлъ его прямо участникомъ Сперанскаго; говорить, что сказалъ ему, что если бы онъ, Сангленъ, отказался идти съ нимъ въ кабинетъ Сперанскаго, то Балашовъ долженъ бы былъ втолкнуть его туда силою; словомъ, сдѣлать все на свѣтѣ, чтобъ не оставаться съ этимъ молодцомъ одному. Но нѣтъ ли тутъ какой-нибудь изнанки? Я такъ просто думаю, что Балашову хотѣлось выручить свои, слишкомъ нѣжныя письма, съ которыми онъ обращался къ Сперанскому для полученія поста министра полиціи, и что при этомъ онъ уже черезъ чуръ запутался. Сангленъ—въ какомъ-то восторженномъ бѣшенствѣ».

Подъ 15 сентября того же 1812 года: «Сангленъ возвратился изъ арміи и былъ у меня. Шишковъ рассказывалъ мнѣ, что онъ (т. е. Сангленъ) былъ болѣе часа у государя и вышелъ отъ него весь сіяющій, съ словами: «Ну, вотъ теперь не Барклай!» Слышавъ отъ тетюшки, что онъ худо отзывается о моемъ дядѣ (фельдмаршалѣ князѣ Смоленскомъ), я прямо спросилъ у него о томъ; онъ поклялся мнѣ, что слыханное мною сущая ложь и что это самъ государь распускаетъ разныя неблагопріятныя мнѣнія насчетъ моего дяди, приписывая ихъ ему, Санглену. Впрочемъ онъ, точно, не совсѣмъ доволенъ дядею, и поэтому и оставилъ армію».

«Первая выписка изъ этого современнаго событіямъ дневника—писать баронъ Корфъ—во многихъ подробностяхъ подтверждаетъ рассказъ, переданный намъ де-Сангленомъ спустя 35 лѣтъ послѣ того; но какъ въ тогдашнемъ его сообщеніи Кутузову является прямое обвиненіе Сперанскаго въ измѣнѣ, а между тѣмъ въ упомянутомъ, позднѣйшемъ, рассказѣ де-Сангленъ совершенно очищаетъ государственнаго секретаря отъ этого упрека и, напротивъ, вездѣ выставляетъ себя его защитникомъ передъ Александромъ, то мы не остановились сообщить эту выписку нашему корреспонденту, болѣе, сознаемся, изъ желанія увидѣть, какъ онъ, съ своимъ умомъ, выпутается изъ такого противорѣчія».

Вотъ отвѣтъ де-Санглена (отъ 18-го марта 1847 года), съ опущеніемъ титулатуры и фразъ вѣжливости:

«Письмо ваше пробудило во мнѣ давно протекшее—царствование

*

императора Павла, сего худо понятаго рыцаря среднихъ вѣковъ, и служеніе мое при Иванѣ Логгиновичѣ Голенищевѣ-Кутузовѣ ¹⁾. Здѣсь соединили насъ съ его сыномъ Логгиномъ Ивановичемъ науки, молодость и практическій взглядъ на все, насъ окружавшее. Я былъ въ ихъ домѣ ежедневно, по службѣ—капитанъ, а по ласкѣ—гость, и придерживаясь правила никогда не забывать хлѣба-соли, я, и послѣ смерти Ивана Логгиновича, старался поддерживать благодарностью то, что случай мнѣ доставилъ и разрушилъ. Послѣ успѣлъ я оказать немалыя услуги Логгину Ивановичу. Къ сердцу доброму, благородному, хотя нѣсколько надменному, къ уму образованному онъ присоединялъ недостатки, изъ которыхъ главнѣйшій состоялъ въ нерасположеніи къ покойному государю (т. е. Александру Павловичу), доходившемъ до безумія,—вѣроятно изъ благодарности къ памяти Павла и изъ оскорбленнаго самолюбія. Нашлись услужливые люди, которые пили-ѣли у Логгина Ивановича и о рѣчахъ и рѣзкихъ сужденіяхъ его доносили императору. Я два раза имѣлъ счастье отклонить отъ него бѣду и очистить домъ его отъ этихъ услужливыхъ паразитовъ. Вотъ, вкратцѣ, близкое мое знакомство съ Логгиномъ Ивановичемъ. Благодарность моя ставитъ меня и нынѣ мысленно у могилы его, и я отъ души восклицаю: *sit tibi terra levis!* Но Логгинъ Ивановичъ былъ хвастливъ, болтливъ, нескроменъ до безконечности ²⁾. Разсудите сами, могъ ли я съ нимъ говорить съ тою откровенностію, на которую вызвали вы меня вашею ко мнѣ довѣренностію. Сверхъ того, цѣлью его разспросовъ было—любопытство, тогда какъ ваша—истина для потомства. Обыкновенную его быстроту и опрометчивость въ сужденіяхъ я встрѣчаю теперь опять и въ его дневникѣ. Спрашивается, могъ ли я оставить вопросы стариннаго этого добраго знакома безъ отвѣта, но и не долженъ ли былъ мои отвѣты сообразовать съ его характеромъ и моимъ положеніемъ?... Иногда приходитъ мнѣ на мысль, не имѣете ли вы какого-либо предубѣжденія противъ меня? Ибо никакъ не хотите вникнуть въ настоящую причину ссылки ³⁾, какъ-то: что въ глазахъ государя Сперанскій изобличался въ желаніи на-

¹⁾ Адмиралъ, президентъ Адмиралтействъ-коллегіи.

²⁾ Прибавимъ еще съ нашей стороны—болѣе всего тщеславенъ. Мы очень коротко знали Логгина Ивановича, съ которымъ находились и въ нѣкоторомъ родствѣ. Въ портретѣ де-Санглена, впрочемъ очень вѣрномъ, пропущена еще одна черта—непомѣрная, отнюдь не по средствамъ, роскошь жизни, происходившая изъ того же тщеславія и между тѣмъ вовлекшая Кутузова въ неплатные долги, съ разореніемъ многихъ семействъ, которыя довѣрили ему свои капиталы. Нерасположеніе свое къ Александру онъ перенесъ потомъ и на его преемника. (Примѣчаніе барона М. А. Корфа).

³⁾ Это и слѣдующее далѣе относилось къ разнымъ, выраженнымъ въ письмахъ моихъ къ нему сомнѣніямъ,—замѣчаетъ Корфъ.

нестъ своими учрежденіями ударъ самодержавію (онъ утвердилъ государя въ этомъ мнѣніи совѣтомъ собрать боярскую думу), и что государь хотѣлъ парализировать Государственный Совѣтъ, а для этого нужно было удалить душу Совѣта, и съ тѣмъ вмѣстѣ соединить народъ около престола противъ общаго врага Европы. Вотъ основная идея! Теперь, пусть чернь волнуется, царедворцы интригуютъ, распускаютъ самые нелѣпые слухи, кричатъ объ измѣнѣ—тѣмъ лучше! Бранятъ то Балашова, то Сперанскаго, то Армфельда, де-Санглена, Блума и пр.: прекрасно! Чѣмъ больше путаютъ, опять таки тѣмъ лучше: все ведетъ скорѣе къ цѣли! И вы этого видите какъ будто не хотите. Основная историческая идея у васъ въ сторонѣ; вы рассматриваете второе отдѣленіе интриги, слухи, записки людей далекихъ отъ сцены и даже, опираясь на нихъ, самопроизвольно опредѣляете награды за небывалое. Какъ пришло вамъ на мысль данныя мнѣ такъ деликатно царемъ 5 тысячъ рублей ¹⁾ растолковать въ видѣ награды за обличеніе Сперанскаго, котораго не было? Вы мало что меня черезъ это унижаете, вы унижаете память царя, который изъ собственныхъ рукъ будетъ платить за доносы или небывалыя обличенія!! Царское ли это дѣло? Государь зналъ, что куча арестантовъ, привозимыхъ ко мнѣ изъ всѣхъ губерній, получала пищу со стола моего, что я жилъ тогда однимъ жалованьемъ,—и деликатно подаль мнѣ руку помощи. Не одинъ разъ страдалъ я сердечно, слыша вокругъ себя, будто царь награждалъ за подлость, и еще изъ собственныхъ рукъ. Я выходилъ изъ себя; прошу и теперь извинять меня за эту сердечную выходку. Вы спрашиваете: какъ можно объяснить, что государь нѣкоторымъ образомъ за противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ давалъ эти награды? Именно такъ, ибо благородное это противодѣйствіе произвело сильное впечатлѣніе на его возвышенную душу, не привыкшую къ тому. Отъ этого же произошли и тѣ безпримѣрно-ласковые приемы, о которыхъ вы изволите говорить. Они доказываютъ вамъ, что я имѣлъ счастье пользоваться уваженіемъ моего царя, которое мнѣ превыше всего. Подлецамъ подобныхъ приемовъ не дѣлаютъ: имъ платятъ деньги и ихъ презираютъ. И зачѣмъ подозрѣвать зло тамъ, гдѣ его нѣтъ, зачѣмъ обижать дателя и даяніе? Впрочемъ, часто говорено было о Сперанскомъ; я отвергалъ всѣ нелѣпости, лжи, клевету, просто какъ мерзости; но не оправдывалъ его въ томъ, въ чемъ обвинялъ государь, защищавшій родовое свое наслѣдіе—самодержавіе, въ минуту войны сдѣлавшееся ему необходимымъ. Но я не скрылъ отъ государя, что и въ этомъ прямо Сперанскаго укорить нельзя, ибо подписывалъ не онъ, да и не разгадано еще, имѣлъ ли онъ, дѣйствительно, такое

¹⁾ См. объ этомъ въ Запискахъ де-Санглена („Русская Сгарина“ 1883 г., т. XXXVII, стр. 42—45).

намѣреніе, или при составленіи учрежденій, одного за другимъ, не явилось ли это само собою, безъ цѣли и видовъ? И вы полагаете, что подобныя сѣмена, падшія на добрую землю, не приносятъ плода. Неужели не случилось вамъ никогда быть готовымъ поднять мечъ правосудія на обнесеннаго, оклеветаннаго человѣка, но вы встрѣчаете въ защитникѣ его хладнокровіе, высокое чувство чести, убѣждаетесь въ истинѣ его рѣчи: вы обнимаете защитника; это дань, непроизвольно платимая вами человѣческому величію. Эта фраза покажется вамъ самолюбивою; что дѣлать! но оно такъ. *Sauver je ne pouvais pas; mais mitiger, en contrebalançant les calomnies par la plus stricte vérité, je l'ai pu, et ma conscience n'a rien à me reprocher; à mes yeux le plus grand crime de Spéransky est d'être resté seul avec Balachoff pendant trois heures me sachant dans le salon. C'est un respect (?) dont je n'aurais pas voulu à la honte des deux champions. Qui fermera la bouche à la postérité que ce n'était point une trahison! S'il n'était pas fautif auparavant, il le devenait à présent* ¹⁾). Вообще, чтобъ писать вѣрно исторію Сперанскаго, надо входить болѣе въ характеръ Александра I-го. Все высокое, великое, доступно было его величеству; онъ умѣлъ уважать эту возвышенность, но не далѣе той комнаты, въ которой оказывалъ свое уваженіе. Это было сердечное сочувствіе тому, кто въ наградахъ нужды не имѣлъ. Тутъ одна награда—личное уваженіе. Я жилъ уже въ отпуску въ Москвѣ, какъ у Ауербаха сгорѣла фабрика; я осмѣлился просить о вспомоствованіи ему; государь приказалъ, безъ слѣдствія и запроса, выдать ему 25 тысячъ рублей на нѣсколько лѣтъ безъ процентовъ. Вотъ настоящая награда для моего сердца, а не та, которая въ уровень со всѣми обыкновенными наградами. Впрочемъ, если и государь, видя мои поступки почти ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, могъ иногда выражать сомнѣніе насчетъ моихъ чувствъ, то мудро ли, если вы, зная меня, можете быть, по слухамъ, задолго до письменнаго знакомства, и по слухамъ не всегда вѣрнымъ, не можете разстаться съ внушенными вамъ на мой счетъ мыслями. Но гдѣ доказательства? Языкъ правдиваго человѣка узнается по тону и образу выраженія.

«Перейдемъ къ мнимому разнорѣчію съ дневникомъ.

¹⁾ Т. е. Спасти я не могъ; но облегчить, противопоставляя клеветамъ самую строгую истину, это я могъ, и совѣсть моя ни въ чемъ не можетъ меня упрекнуть. По моему мнѣнію, Сперанскій виновенъ всего болѣе въ томъ, что онъ оставался въ теченіе трехъ часовъ наединѣ съ Балаховымъ, хотя зналъ, что я нахожусь въ сосѣдней залѣ. Я бы отказался отъ подобной чести, къ стыду обоихъ этихъ героевъ. Кто заставитъ потомство молчать, что тутъ была измѣна! Если Сперанскій не былъ ранѣе виновенъ, то теперь онъ становится виновнымъ.

«Онъ не былъ у меня цѣлыхъ два мѣсяца изъ страха проговориться о томъ, что между тѣмъ подготовлялось». Это довольно вѣжливая фраза, чтобъ не сказать: я не хотѣлъ и не долженъ былъ у васъ быть. Да и въ этотъ разъ не я былъ у него, а онъ у меня. «Преступленіе Сперанскаго есть измѣна... и до конца». Могъ ли я иначе говорить, какъ согласно съ мнѣніемъ царя и всей публики? И отвѣтъ, когда спрашивали о доказательствахъ, весьма естественъ былъ: «Въ рукахъ у государя». И кому я о томъ сказывалъ? Тому, который у себя за столомъ объ этомъ не смолчалъ бы, а уже навѣрно два задушевные пріятели, М(ихаилъ) А(лексѣевичъ) Обрѣзковъ (въ то время директоръ департамента вѣшной торговли, а послѣ сенаторъ) и П(етръ) А(ндреевичъ) Кикинъ (статсъ-секретарь у принятія прошеній) это тотчасъ бы узнали, а съ ними вся публика и самъ государь. Я не говорю уже, что, кромѣ собственнаго убѣжденія, одной царской воли достаточно было, чтобъ молчать.

«Сангленъ былъ нѣсколько разъ призыванъ къ царю».—Нѣтъ, почти всякій день, а въ Царскомъ Селѣ почти цѣлыя сутки. Мнѣ поручалъ государь и другія дѣла, которыя имѣли видъ полной довѣренности. «Но что еще сильнѣе»—доказываетъ, что довѣряемое мною Кутузову я довѣрялъ каждому, ибо Балашова я не щадилъ, а Сперанскаго отдѣлять отъ Балашова не смѣлъ. Для публики—измѣнники оба, и дѣло съ концомъ. «Я такъ просто думаю, что Балашову хотѣлось выручить свои, слишкомъ нѣжныя письма, съ которыми онъ обращался къ Сперанскому для полученія поста министра полиціи» — почти слово въ слово моя фраза; забыто только еще: *es war ein Tauschhandel* ¹⁾).

«Не могу довольно подивиться, какъ вы могли тутъ найти различіе. Я тогда былъ предметомъ вниманія каждаго уже и по ссорѣ моей съ Балашовымъ, тогдашнимъ для меня миниатюрнымъ колоссомъ, а для всѣхъ—Геркулесомъ. Всѣ меня разспрашивали, всѣмъ я давалъ отвѣты, но несообразные съ истиною, которую обязанъ былъ таить. Я недавно видѣлъ краткую записочку о сей эпохѣ Ивана Ивановича Дмитріева, гдѣ сказано, что де-Сангленъ изобличилъ Сперанскаго въ измѣнѣ—я засмѣялся... Ему же сообщилъ, какъ самъ онъ говорить, родственникъ его—Балашовъ: источникъ не очень чистый. У насъ вообще манера сильныхъ сваливать вину съ больной головы на здоровую. Можетъ быть, найдутся и еще дневники, записки и пр. съ подобными пустыми слухами, а истина все останется непреложно истиною; пусть

¹⁾ Т. е. Это былъ обмѣнъ услугъ.

зароютъ ее глубоко въ нѣдрахъ земли: она съ шумомъ и бурей, какъ вулканъ, вырвется на бѣлый свѣтъ».

«Приведенная выше вторая выписка изъ дневника Кутузова осталась несообщенною де-Санглену, — замѣчаетъ Корфъ — потому что мы отыскиали это мѣсто уже гораздо позже, когда сношенія наши съ нимъ прекратились и когда вообще, за другими занятіями, вся наша работа давно была отложена въ сторону. Впрочемъ, упомянутое мѣсто и не имѣетъ прямой связи съ нашимъ предметомъ, относясь болѣе къ лицу самого де-Санглена».

Въ дневникѣ Сперанскаго подъ 31-мъ августа 1821 года находится слѣдующее мѣсто (въ «Жизни графа Сперанскаго», т. II, стр. 17—18, оно напечатано съ нѣкоторыми пропусками):

«Пространный разговоръ съ государемъ, по случаю разговора о Балашовѣ. Началомъ всему полагается де-Сангленъ. Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Влумомъ ¹⁾. Повидимому, Болховской Магницкому и Балашову твердилъ о соединеніи, обманывая равно того и другаго; но Балашовъ предупредилъ государя и получилъ повелѣніе слѣдовать. Вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла смѣшаны и забыты. Confusion, intrigues, comérages. En s'occupant des choses, on néglige les hommes ²⁾. Но все въ рукѣ Провидѣнія, всегда сираведливаго, всегда милосердаго».

Выписка эта была сообщена барономъ Корфомъ де-Санглену, послѣ уже того, какъ Корфъ имѣлъ въ рукахъ его извѣстный рассказъ, и вотъ что де-Сангленъ отвѣчалъ Корфу (10-го февраля 1847 года) порознь противъ каждой изъ вышеприведенныхъ фразъ дневника:

«Началомъ всему полагается де-Сангленъ» — *A se trait je reconnais Sa Majesté de glorieuse mémoire* ³⁾! Такъ это было съ Гурьевымъ. Чтобы скрыть нѣмца, доносившаго на него, императоръ называлъ—меня. Такъ это было и съ Козодавлевымъ, Армфельдомъ и пр. Но въ настоящемъ случаѣ это было необходимо, чтобы скрыть собственные свои дѣйствія. Какъ возможно было выказать мои дѣйствія, не окомпрометировавъ себя? Поступя иначе, государь могъ бы заставить Сперанскаго обратиться ко мнѣ и узнать истину, могъ бы даже внушить ему желаніе вырвать меня, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, изъ забвенія. Все это было не въ нашей политикѣ! Но я откровенно пойду

¹⁾ Тогдашними французскимъ и датскимъ посланниками въ Петербургѣ.

²⁾ Т. е. Неясность, интриги, сплетни. Занимаясь дѣлами, пренебрегаешь людьми.

³⁾ Т. е. По этой чертѣ узнаю блаженной памяти государя.

далѣе. Какъ могъ Сперанскій не догадаться, что онъ окруженъ ложью, имѣя слѣдующія доказательства: во 1-хъ, я совѣтовалъ Болховскому бросить факторство. Онъ имъ это пересказалъ. Они велѣли мнѣ быть осторожниѣ насчетъ Балашова и грозили бѣдой; во 2-хъ, я открылъ Магницкому, что Балашовъ ихъ обогалъ: не Воейковъ, а Болховской съ ними ѣдетъ. Магницкій предупредилъ Сперанскаго запискою; въ 3-хъ, не самъ ли Сперанскій, въ первой, по возвращеніи отъ государя, вспышки благодарности, далъ мнѣ почувствовать, что онъ это цѣнить умѣетъ, и тѣмъ меня компрометировалъ; въ 4-хъ, не при немъ ли я сказалъ Балашову, что онъ, неумѣстною своею снисходительностію, навлекъ на Сперанскаго подозрѣнія всей Россіи? Это—факты. Но что дѣлалъ Сперанскій? Собиралъ тутъ и тамъ слухи, то вѣрилъ, то сомнѣвался, а обо мнѣ—забылъ!

«Доносъ якобы состоялъ въ сношеніи съ Лористономъ и Блумомъ». Выдуманно глупо, изъ одного желанія путать; жаль только, что я этихъ господъ не зналъ и никогда съ ними ни слова не говорилъ. Просто вздоръ, путаница!

«Повидимому Болховской Магницкому и Балашову твердилъ о соединеніи, обманывая равно того и другаго». *Trop d'honneur* ¹⁾! Болховской слишкомъ вѣтренъ и теперь (онъ въ 1847 году былъ еще живъ). Хвастовство и кокетство—его элементъ. Онъ, просто, чванился своими связями, но онъ соединилъ! Доказательства: пріѣздъ Магницкаго вечеромъ къ Балашову въ день ссылки; одѣтые въ дорогу люди Сперанскаго, когда воля императора была, чтобы ссылаемые узнали о своей ссылкѣ только въ минуту отправленія.

«Но Балашовъ предупредилъ государя и получилъ повелѣніе слѣдовать».—Боже мой! Ложь за ложью. Балашовъ называлъ доктора Эллизена ²⁾ факторомъ своимъ между Магницкимъ и Сперанскимъ. Врагъ всякой лжи, я открылъ государю истину. Онъ потребовалъ отъ Балашова записки Болховскаго. Балашовъ принужденъ былъ ихъ привезти, и все открылось само собою, и ничего не слѣдовало, и слѣдовать не было и нужды. Одно только видѣлъ Сперанскій хорошо: «*confusion, intrigues, commérages*»; и на этомъ надо ему было и остановиться, если онъ не хотѣлъ меня спросить, ибо я одинъ не имѣлъ нужды лгать, потому что никакихъ доносовъ не дѣлалъ: *j'étais donc en dehors de toutes les intrigues* ³⁾. А послѣдняя фраза справедлива только наоборотъ: *en s'occupant des hommes on a négligé les*

¹⁾ Т. е. Слишкомъ много чести.

²⁾ См. Записки де-Санглена („Русская Старина“ 1883 года, т. XXXVII, стр. 32).

³⁾ Т. е. Я стоялъ внѣ всякихъ интригъ.

choses ¹⁾). Самъ Сперанскій не придавалъ, кажется, своему дневнику исторической истины, ибо говорить: «вообще, кажется, начало и происшествіе сего дѣла забыты».—Это такъ, Сперанскому все должно было казаться смѣшаннымъ и забытымъ,—но не мнѣ, при которомъ наматывались нитки клубка, а завитокъ его—былъ въ рукахъ сильнаго ²⁾), любившаго путать и ссорить, по правилу: *divide et impera!*»

Прошло тринадцать лѣтъ со времени сношеній барона Корфа съ де-Сангленомъ; можно было думать, что его уже нѣтъ въ живыхъ, какъ вдругъ въ октябрѣ 1860 года Корфъ получилъ отъ него слѣдующее письмо: «Разныя житейскія случайности, болѣзни и пр. лишили меня лестной переписки съ вашимъ высокопревосходительствомъ. Нынѣ, оправясь немного, осмѣливаюсь я, на случай моей смерти, доставить вамъ прилагаемый документъ, который есть слѣдствіе предварительнаго сценическаго разсказа, вамъ представленнаго прежде, и который предшествовалъ самому факту. Прошу ваше высокопревосходительство убѣдиться, что 85-ти-лѣтній старикъ, котораго смерть ежеминутно наступить можетъ и который остался единственнымъ живымъ свидѣтелемъ того происшествія, не станетъ осквернять ни языка, ни пера своего неправдой или лестию, но всегда предпочиталъ святую истину всѣмъ благамъ міра сего».

Упоминаемый здѣсь «документъ» есть не иное что, какъ записка самого де-Санглена, содержащая въ себѣ дальнѣйшія разсужденія о преждеописанныхъ имъ событіяхъ и не представляющая, въ существѣ, ничего новаго. Записка эта, служащая доказательствомъ того, что этотъ замѣчательный человѣкъ, вплоть сохранялъ свои умственные силы и въ такой глубокой старости, была слѣдующаго содержанія:

«Съ нѣкотораго времени читаемъ мы въ нашихъ журналахъ и пр. о происшествіи, случившемся съ человѣкомъ крайне замѣчательнымъ; я говорю о Михайлѣ Михайловичѣ Сперанскомъ, не бывшемъ еще графомъ, но вышедшемъ уже изъ ряда людей обыкновенныхъ и пренебрегавшемъ угождать современнымъ кумирамъ, чтобы не стать въ разладъ съ самимъ собою. Но какъ поступили въ критическую минуту современники его? Тѣ, которые сплетали наканунѣ ему вѣнки, отреклись на другой день отъ всякаго съ нимъ сообщенія. А онъ, съ твердостью Сократа, принявъ и поднесъ къ устамъ своимъ поданную ему чашу страданія; и, видя въ роковую минуту его спокойствіе, его благородную осанку, слыша рѣчь его, я увѣренъ, что, если бъ предложили ему принести себя на жертву для блага отечества, онъ съ радостью пошелъ бы

¹⁾ Т. е. занимаясь личностями, пренебрегали дѣлами.

²⁾ Т. е. императора Александра.

на такой великій подвигъ. Не огромно у насъ число мыслящихъ людей, которые догадались бы, что человекъ не можетъ устоять на своемъ постѣ, когда его понятія, правила и твердость духа были большимъ препятствіемъ исполненію предположеннаго другими плана, не соответствовавшаго его воззрѣніямъ. Еще менѣе насчитаемъ мы такихъ людей, которые поняли бы, какъ иной человекъ можетъ сдѣлаться лишнею жертвою, чтобы скрыть имена двигателей факта, самый зародышъ проекта, и тѣмъ болѣе запутать и затмить весь фактъ. Тогда весь Петербургъ предался разнымъ толкамъ, преувеличеннымъ рассказамъ, произвольнымъ догадкамъ, и все было пустое, ибо отправленіе Сперанскаго не было слѣдствіемъ гнѣва, хотя казалось таковымъ, или какого-либо преступленія, а было только временное удаленіе ¹⁾, немного крутое, это правда, но нужное для толпы, ненавидѣвшей, безъ причины, Сперанскаго. А корень ненависти состоялъ въ быстромъ его возвышеніи и въ упрекѣ, будто учрежденіемъ министерствъ онъ хотѣлъ подкопаться подъ самодержавіе, правленіе единственно свойственное обширному государству. Иногда, кажется, невидимою рукою перепутаны житейскія наши случайности до того, что мы задаемъ себѣ вопросъ: не тамъ ли, въ странахъ выпренныхъ, составленъ огромный планъ этой трагикомедіи, которая, какъ мы видимъ, разыгрывается на землѣ плохими актерами, не понимающими ни сюжета, ни цѣли, а еще менѣе развязки мудро обдуманной пьесы, имѣющей однако сильное вліяніе на цѣлыя столѣтія.

«Теперь появляются люди новаго вѣка, готовые разбирать фактъ, герметически закупоренный, и хотять приподнять таинственную завѣсу, покрывавшую минувшее. Но мы не живемъ болѣе въ миеологическія времена, не обращаемъ нашихъ героевъ въ полу-боговъ, или даже выше. Мы безъ лести и высокопарныхъ словъ разсматриваемъ человека, съ его доблестями и недостатками, отдаемъ должную справедливость его мысленіямъ и поступкамъ. Нынѣ требуемъ мы—исторіи. А ей нужно почерпать свѣдѣнія изъ вѣрныхъ источниковъ, болѣе или менѣе исходящихъ изъ самаго факта; нужно полное знакомство со всѣми подробностями, предшествовавшими происшествію, и даже, по изреченію Паскаля, *il faut croire aux histoires, dont les témoins ont été égorgés* ²⁾), физически или морально, все равно! Сверхъ того не должно основываться на по-

¹⁾ На другой день послѣ отправленія Сперанскаго, утромъ, при докладѣ государю о томъ, что происходило въ комнатахъ Сперанскаго, государь, крайне растроганный этимъ отправленіемъ, сказалъ: „Мы возвратимъ его; дай Богъ только благополучно кончить эту неизбежную войну“.

(Примѣчаніе де-Санглена).

²⁾ Т. е. надо вѣрить происшествіямъ, свидѣтели которыхъ обречены на молчаніе.

казаніяхъ людей, получившихъ свѣдѣнія тоже по наслышкѣ, или заимствованныхъ изъ записокъ современниковъ, бывшихъ за кулисами, а не на сценѣ, или изъ замѣтокъ двигателей факта, желавшихъ отвлечь отъ себя подозрѣніе, или изъ выкраденныхъ изъ кабинетовъ записокъ, писанныхъ наскоро, про себя, для памяти. Какіе все жалкіе источники для святой истины! Мы слишкомъ близки къ тѣмъ временамъ—рано! Нужно въ добавокъ опираться на людей, которые не могли имѣть въ виду, низвергнувъ челоуѣка мощнаго, поступить на его мѣсто, или воспользоваться его вліяніемъ на дѣла государственныя и не имѣвшихъ ни его обширныхъ свѣдѣній, ни дарованій, ни нравственнаго значенія.

«Какая странность! Въ дѣлахъ военныхъ выигрышъ или потеря сраженія падаетъ на главнаго начальника, конечно, не безъ участія офицеровъ и солдатъ; но ему принадлежитъ честь и слава, или обвиненіе. Въ дѣлахъ по статской службѣ удача или неудача рѣдко падаетъ на главнаго начальника, а сплошь на товарищѣй, производителей дѣла, на секретаря. Въ дѣлѣ противъ Сперанскаго, двигателей было пять лицъ, стоявшихъ на высшихъ степеняхъ государственной службы: графъ Марковъ, графъ Растопчинъ, графъ Армфельдъ, Балашовъ и *chevalier de Vernègues*, тайный посланникъ короля Людовика XVIII. У нихъ было три ассистента: графъ Н. А. Толстой, графъ Гурьевъ, князь П. М. Волконскій,—тоже въ немаловажныхъ чинахъ. А секретарь ¹⁾ былъ одинъ, даже безъ переписчика. Въ его рукахъ были всѣхъ пятерыхъ письма, доносы, проекты и отзывы, по которымъ никакого формальнаго изслѣдованія не было, а все состояло въ докладахъ, по большей части изустныхъ, *высшему лицу* ²⁾, рѣшеніе же основывалось на большей или меньшей довѣренности къ пятерымъ лицамъ и ихъ ассистентамъ. Всѣ переселились нынѣ въ другой міръ, а дѣла ихъ перенесены безъ апелляціи въ верховный судъ за гробомъ. *De mortuis et absentibus nihil nisi bene*; все пало на секретаря, и обвиненіе поддержано даже высшими двигателями дѣла. Публика легко вѣритъ всѣмъ слухамъ; въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе, когда всѣ знали о свободномъ доступѣ секретаря къ высшему лицу. Большая часть людей понять не можетъ, какъ челоуѣкъ бѣдный, стоящій на среднихъ степеняхъ службы, могъ быть выше низости, подлости, интригъ и пошлыхъ поступковъ. Полагаютъ, что благородство живетъ только въ сердцахъ вельможъ, людей богатыхъ, стоящихъ на высшихъ степеняхъ. А секретарь остался живъ и молчать, его виноватъ! Но онъ молчитъ, и молчать не перестанетъ; онъ предпочитаетъ слѣдовать примѣру покойнаго графа Аракчеева, опредѣлившаго черезъ девяносто лѣтъ награду тому, кто напишетъ лучшую исторію цар-

¹⁾ Т. е. самъ де-Сангленъ.

²⁾ Т. е. императору Александру.

ствованія императора Александра I. Мѣра благоразумная! Тогда страсти притихнуть, зависть, предразсудки, ненависть, клевета угаснуть. Правда, высказанная во-время, не будетъ колоть глаза наслѣдникамъ, и проявится на бѣлый свѣтъ. Въ вѣчномъ кругообращеніи природы все гаснетъ, но ничто не погибаетъ, а правда и идеи никогда съ корнемъ вырваны быть не могутъ изъ нѣдръ нравственнаго міра. Таковъ законъ судебъ. Но довольно. *Sapienti sat.*

«Эта статья назначалась для печати въ какомъ-либо журналѣ; но я предпочелъ отправить оную къ вамъ съ слѣдующимъ результатомъ всего происшествія.

«Тильзитскій миръ тяготѣлъ надъ Россією, и въ умѣ царя родилась мысль свергнуть бремя, наложенное на коммерческія наши дѣла; но война противъ сильнаго, искуснаго и счастливаго врага требовала большихъ издержекъ и жертвъ. Нужно было обратить эту войну въ національную. Для достиженія сей цѣли должно было еще сильнѣе пробудить во всѣхъ сословіяхъ духъ патріотическій и найти благовидную причину, или предлогъ. Сперанскій былъ тогда предметомъ ненависти почти всѣхъ; а въ народѣ, или толпѣ слылъ онъ даже измѣнникомъ. Теперь обратились всѣ сословія противъ него, иные думали быть убѣжденными въ его виновности, другіе изъ малодушія соглашались съ общимъ мнѣніемъ, просто! Пошли доносы, клеветы; утверждали, будто Сперанскій состоялъ регентомъ въ ложѣ иллюминатовъ Вейсгаупта и былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ I-мъ на гибель Россіи. Главный распространитель этихъ слуховъ былъ государевъ флигель-адъютантъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, подтверждавшій это и на письмѣ¹⁾. Толпа всему вѣрить и принимала всякій вздоръ за истину, волновалась, кричала; словомъ, ненависть къ Сперанскому возрастала до такой степени, что удаленіе его становилось необходимостію для спасенія его жизни, какъ это отозвалось въ Нижнемъ-Новгородѣ, откуда правительство вынуждено нашлось отправить его въ Вятку²⁾. Ко всѣмъ симъ интригамъ, клеветамъ присоединилась и партія легитимистовъ, желавшихъ ниспровергнуть Наполеона I-го и воцарить во Франціи—Бурбоновъ; сверхъ сего явилось и огромное предпріятіе поднять противъ Наполеона всю Европу, обиженную и имъ разоренную. Такимъ образомъ къ желанію возбудить патріотизмъ приступила политика. Она не щадитъ людей, а щадитъ идеи, не увлекается чувствительностью, а имѣетъ въ виду одни интересы; не убиваетъ человѣка, а удаляетъ его только со сцены, какъ препятствіе. Сперанскій былъ противъ всеобщаго этого кровопролитія и особливо противъ отступленія войскъ до самаго сердца

¹⁾ Ср. „Русскую Старину“ 1898 года, т. 96, стр. 517—538.

²⁾ Здѣсь память измѣнила де-Сантлену. Сперанскій былъ высланъ въ Нижній-Новгородъ, а потомъ въ Пермь.

имперіи, ибо видѣлъ въ этой ретирадѣ разореніе государства, какъ это видно отчасти изъ моего сценическаго разсказа ¹⁾). Кажется, все это надѣло, и внезапно рѣшено было отправленіе Сперанскаго, которое принято публикою за ссылку. Но, чтобъ запутать этотъ гордіевъ узелъ крѣпче, въ тотъ же вечеръ, когда отправленъ Сперанскій, отправлены были Магницкій и Болховской, по разнымъ трактамъ; за ними уже отправлены были Воейковъ и де-Сангленъ въ армію; какъ будто всѣ были Сперанскаго или участниками или обличителями, какъ кому растолковать угодно было. Всѣ пали жертвою; уцѣлѣли двигатели и доносители факта. Кто правъ, кто виноватъ? — разрѣшить неподкупное и нелицемѣрное потомство.

«Итакъ все началось, развилось и созрѣло въ затаенной глубокой мысли о д я о г о ²⁾), а разыгралось, передъ лицомъ его, актерами, желавшими утолить свою ненависть, угождать, и не смекнувшими, въ чемъ дѣло состояло. Съ другой стороны, нельзя не согласиться, чтобы эта, въ корнѣ своемъ, мелочная исторія безумной ненависти не произвела обильныхъ плодовъ. Россія, съ пожертвованіями своими, даже древней столицей, стала на принадлежащую ей высокую степень между европейскими державами, удивленными ея рѣшимостію и патріотизмомъ, коимъ въ новѣйшія времена примѣра нѣтъ. Неизбѣжное, во время дальнихъ походовъ, знакомство съ законами и обрядами чуждыхъ народовъ открыло новый путь не къ одному частному, а къ всенародному просвѣщенію. Зло, по таинственному процессу Промысла, обращается иногда въ добро. Сперанскій возвышенъ, награжденъ титуломъ графа, не по уваженію къ происхожденію, а по достоинству; и днесъ — уничтожается рабство! Дай Богъ продолжать намъ жизненный путь нашъ подъ покровомъ святой вѣры, справедливости и чести! Яковъ Ивановичъ де-Сангленъ».

3. Впечатлѣніе, произведенное въ Россіи и за границею ссылкой Сперанскаго.

Если Сперанскаго, во время милости къ нему, ненавидѣли и подозревали, то, послѣ паденія, уже нисколько не усомнились признать его за совершеннаго измѣнника. Вѣсть о его высылкѣ разнеслась чрезвычайно скоро и, разумѣется, въ преувеличенномъ видѣ, касательно ея

¹⁾ Такъ называетъ де-Сангленъ свой сообщенный въ 1847 году барону Корфу разсказъ, въ виду того, что ему во многихъ мѣстахъ придана драматическая форма изложенія.

²⁾ Т. е. императора Александра.

причинѣ, въ ложныхъ краскахъ, съ тѣми прибавками, на которыя всегда такъ щедра народная молва. Масса не могла ни понять, ни повѣрить, чтобы монархъ пожертвовалъ своимъ любимцемъ только для нея, съ поправленіемъ личныхъ своихъ чувствъ. Не пріученная къ такому торжеству надъ самодержавною волею, она доискивалась особыхъ, сокровенныхъ причинъ тамъ, гдѣ, кромѣ лицемѣрія Александра, все было очень просто и естественно. Эта склонность массъ къ таинственному, эта хвастливая страсть тѣхъ, которые выдаютъ себя за прозорливыхъ и всевѣдущихъ, смотрѣть и видѣть далѣе толпы, основала въ то время такое прочное зданіе, что и долго послѣ многіе были вполне убѣждены, (даже, можетъ быть, убѣждены и теперь) въ измѣнѣ и предательствѣ Сперанскаго.

Во всякомъ случаѣ любопытно прослѣдить первыя впечатлѣнія этого событія и ту форму, въ которой они проявились. У падшаго временщика было много враговъ, и враги сильные, и мало друзей, и друзья слабые. Торжествующій голосъ первыхъ, не скупившійся ни на какую клевету, готовый на всякій вымыселъ, звучалъ повсюду, встрѣчая воспріимчивый откликъ въ общей непріязни къ низвергнутому. Голосъ послѣднихъ, если и удавалось ему куда-нибудь проникнуть, не находилъ ни вѣры, ни сочувствія. Вотъ нѣсколько отрывочныхъ подробностей, собранныхъ изъ достовѣрныхъ современныхъ свидѣтельствъ.

Письмо Масальскаго къ бывшему своему покровителю, передъ которымъ судьба вдругъ такъ насмѣшливо измѣнила его роль, письмо это, отправленное, такъ оказать, по горячимъ слѣдамъ, намъ извѣстно¹⁾. Мы знаемъ также мнимое письмо Растопчина и напечатанную у насъ вполне записку барона Г. А. Розенкампа²⁾. Другіе³⁾ рассказывали, будто бы Сперанскій, въ предусмотрѣніи вторженія французовъ въ Россію, подалъ планъ о мѣрахъ, которыя надлежало бы принять на такой случай; что этотъ планъ былъ сообщенъ государемъ великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, и что она, доказавъ очевидное направленіе его къ пагубѣ Россіи, изобразила при томъ сочинителя въ самыхъ черныхъ краскахъ.

¹⁾ См. „Дружескія письма М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому“, Спб. 1862, стр. 12—21.

²⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 31—40.—По увѣренію старика Х. А. Бека, достовѣрнаго хроникера своей эпохи, Розенкампфъ, спустя три дня послѣ удаленія Сперанскаго изъ Петербурга, представилъ свою жену ко двору, и потомъ, при пѣшеходныхъ прогулкахъ Александра по городу, старался безпрестанно попадаться ему на глаза вѣстѣ съ новоприведенною. „Mais qu'est-ce donc?“—наконецъ съ удивленіемъ сталъ говорить государь приближеннымъ.—„Qu'est-ce que Rosenkampf va s'imaginer?“ (т. е. Но что это такое? Что это Розенкампфъ воображаетъ?).

³⁾ К. М. Бороздинъ.

Въ домъ къ графу Павлу Александровичу Строганову ¹⁾ первую вѣсть о случившемся принесъ А. С. Шишковъ, въ присутствіи подчиненныхъ Сперанскаго: А. Н. Оленина и А. И. Тургенева.

— Польстился же на какую бездѣлицу,—сказалъ Шишковъ, выдавая за достовѣрную истину, что Сперанскій былъ подкупленъ Наполеономъ предать ему Россію, подъ обѣщаніемъ учредить для него, Сперанскаго, отдѣльное царство Польское!!

Оленинъ и Тургеневъ тотчасъ тому повѣрили. «И откуда бы—замѣтили первый—у этого поповича-высочки взялись такое лукавство и мастерство, что онъ умѣлъ такъ хитро и долго обманывать нашего проницательнаго государя!» Тургеневъ сталъ объяснять это тѣмъ, что и у архіереевъ есть своего рода дворъ въ маленькомъ видѣ. Всѣ трое единодушно отзывались объ упавшемъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, представляя его и безнравственнымъ человѣкомъ, и государственнымъ злодѣемъ. Оленинъ прибавилъ, что Сперанскій нерѣдко въ самой канцеляріи, передъ всѣми, гласно порицая государя, называлъ его «ребенкомъ, котораго необходимо водить на помочахъ».

Было еще другое сказаніе ²⁾. По возвращеніи А. И. Чернышева изъ извѣстной парижской его посылки, государь, отдавъ его донесенія Сперанскому, сказалъ, что никто другой о нихъ знать не долженъ. Это не помѣшало, однако, Сперанскому передать ихъ содержаніе Магницкому, а послѣдній, встрѣтись, гдѣ-то, вскорѣ послѣ того, съ французскимъ консуломъ Лессепсомъ, давнишнимъ своимъ знакомцемъ, сказалъ ему: «Мы, кажется, скоро будемъ съ вами непріятелями». Лессепсъ тотчасъ донесъ о слышанномъ имъ французскому послу, а этотъ—Наполеону, и возникшая отсюда переписка и была причиною гнѣва Александра, вмѣнивашаго неосторожную довѣрчивость Сперанскаго въ измѣну отечеству.

Спустя нѣсколько дней послѣ событія, Петръ Сергѣевичъ Кайсаровъ ³⁾ вмѣстѣ съ барономъ Розенкампомъ обѣдалъ у О. П. Козодавлева, который еще недѣлю передъ тѣмъ выдавалъ себя за друга Сперанскаго и показывалъ ему истинную, повидимому, пріязнь.

— Ну что,—спросилъ онъ съ усмѣшкою у Кайсарова — увезли вашего друга? Впрочемъ, не совѣтую вамъ теперь ни передъ кѣмъ хвастаться этою дружбою. Лучше совсѣмъ объ немъ не говорить. Обстоятельства перемѣнились.

Розенкампъ съ своей стороны тутъ промолчалъ; но потомъ въ

¹⁾ Разсказъ Алексѣя Алексѣевича Логгипова, находившагося при этомъ разговорѣ.

²⁾ Графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ.

³⁾ Разсказъ П. С. Кайсарова.

своихъ мемуарахъ, не упоминая ни о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, ни о другихъ своихъ сподвижникахъ, и вообще задѣвая этотъ случай, столь важный въ собственныхъ его судьбахъ, какъ бы лишь мимоходомъ, писалъ только: «Le moment arriva où l'empereur ne pût plus douter de la guerre avec la France. Il ne manquait pas d'hommes qui voulurent lui persuader le contraire. Il y en avait même qui crurent qu'on ne pouvait pas résister, qu'il fallait s'arranger de manière ou d'autre et qui pensèrent à des organisations préparatoires au cas que les Français occuperaient la capitale et les points centraux du gouvernement. L'empereur saisit une partie de cette idée; mais le penchant, que ces projets manifestaient pour tout ce qui pouvait rapprocher le gouvernement russe du français, ouvrit ses yeux sur le danger de laisser dans une époque aussi critique les rênes entre les mains d'un homme qui était le plus grand admirateur et prôneur de la France impériale et qui, d'ailleurs, avait épuisé sa patience par ses projets continuels de réformes et de réorganisations. L'empereur connaissait aussi trop bien le coeur humain pour ne pas savoir jusqu'où aurait pu s'égarer l'ambition d'un parvenu qui alors avait pris le masque du mysticisme et qui, dans ses conceptions législatives, ne trouvait jamais de point fixe où il aurait voulu s'arrêter. De sa prédilection pour les innovations il n'y avait peut être qu'un pas à faire pour compromettre l'autocratie du souverain russe. Toute sa carrière n'a été qu'une chaîne d'innovations irréfléchies ou préméditées. C'est ainsi qu'il fit toute sa fortune, d'abord en flattant l'amour propre de ses chefs par des projets de changements qu'il leur fit adopter et auxquels chaque ministre russe est plus ou moins susceptible, et ensuite en grim pant par les mêmes moyens vis-à-vis du souverain jusqu'au poste éminent de secrétaire de l'empire, qui alors, dans le fait, équivalait à celui de premier ministre» ¹⁾.

¹⁾ Т. е. Наступило время, когда государю нельзя уже было болѣе сомнѣваться въ необходимости войны съ Франціею. Были, однако, нѣкоторые лица, которые желали убѣдить его въ противномъ. Нашлись даже и такіа, которые полагали, что нельзя будетъ противостоять непріятелю, что поэтому надо такъ или иначе войти въ соглашеніе съ Франціею, и занимались выработкою мѣропріятій на случай, если бы французы заняли столицу и главные пункты государства. Государь воспользовался нѣкоторыми изъ этихъ идей. Но во всѣхъ этихъ проектахъ ясно проглядывало стремленіе къ возможному сближенію русскаго правительства съ правительствомъ французскимъ, и государь понялъ тогда, насколько опасно было бы оставить въ столь критическую эпоху руководство государственнымъ дѣлами въ рукахъ чловѣка, который былъ ярымъ поклонникомъ императорской Франціи и къ тому же своими постоянными проектами реформъ и преобразованій истощилъ терпѣніе монарха. Для государя, хорошо знавшаго человѣческую душу, было

Въ Москву вѣсть обо всемъ этомъ пришла, естественно, въ еще болѣе преувеличенномъ видѣ. Едва ли не прежде всѣхъ получилъ ее тамъ Карамзинъ. Приѣхавъ къ Ивану Владиміровичу Лопухину ¹⁾, онъ рассказывалъ, что Сперанскаго повезли, въ цѣпяхъ, въ Березовъ, подъ прикрытіемъ драгунскаго конвоя, и, разсуждавъ долго объ этомъ происшествіи, кончилъ свою рѣчь словами: «je pense que cela doit finir par l'échafaud» ²⁾.

Достовѣрно одно: когда разнеслась вѣсть о паденіи Сперанскаго, она была встрѣчена общею почти радостію, даже ликоваціями. Явленіе это легко объяснить. Народъ инстинктивно не расположенъ къ людямъ новымъ, особенно когда они суть вмѣстѣ и нововводители, а здѣсь было еще столько могущественныхъ завистниковъ и враговъ, которые находили свою выгоду возбуждать народныя страсти. Сперанскій обратился въ какую-то собирательную личность, на которую слагалось все дурное, тяжкое, всѣ неудачи и ошибки послѣднихъ лѣтъ. Сверхъ того, въ это именно время наступила эпоха всеобщаго броженія умовъ, общаго патріотическаго фанатизма. Гордость націи была оскорблена раболопнымъ покорствомъ Наполеону. Народный голосъ требовалъ мести, войны, освобожденія отъ позорнаго ига, и низверженіе Сперанскаго представлялось какъ бы первымъ рѣшительнымъ къ тому шагомъ. Такимъ образомъ деспотическій актъ принялъ, въ то время, видъ дѣйствія самаго популярнаго, удовлетворявшаго желанію огромнаго большинства.

Но убѣжденіе большинства не могло, однако, сдѣлаться убѣжденіемъ общимъ. Были люди, и не между одними клеветами Сперанскаго, которые понимали и цѣну его, и невозможность замѣнить падшій колоссъ современными ему пигмеями.

ясно, до чего могло бы дойти честолюбіе выскочки, который прикрывался въ то время мистицизмомъ и въ своихъ законодательныхъ проектахъ никогда не зналъ границъ. Пристрастіе Сперанскаго къ нововведеніямъ заставляло даже опасаться за возможность попытки съ его стороны къ ограниченію самодержавной власти русскаго государя. Вся государственная дѣятельность Сперанскаго представляетъ лишь рядъ необдуманныхъ или предумышленныхъ нововведеній. Этимъ путемъ онъ и сдѣлалъ карьеру. Сначала онъ игралъ на самолюбіи своихъ начальниковъ, усвоивая имъ свои проекты преобразованій, къ которымъ государственные дѣятели въ Россіи всѣ болѣе или менѣе склонны. Держась тѣхъ же пріемовъ и въ отношеніи государя, Сперанскій достигъ наконецъ высокаго поста государственнаго секретаря, который, на самомъ дѣлѣ, соответствовалъ въ то время должности перваго министра.

¹⁾ А. И. Ковальковъ (побочный сынъ Лопухина), находившійся при этомъ разговорѣ.

²⁾ Т. е. Полагаю, что это должно кончиться эшафотомъ.

Военный министр Барклай ¹⁾, человекъ въ высшей степени правдивый и у котораго каждое слово было истиннымъ выраженіемъ его мысли, Барклай, когда ему принесли извѣстіе объ удаленіи Сперанскаго, вскричалъ: «Итакъ зависти и злобѣ удалось таки взять верхъ надъ правдою!». Этого мнѣнія былъ не онъ одинъ. Открытые приверженцы Сперанскаго говорили еще сильнѣе. Фесслеръ, въ то время начальникъ основаннаго Злобинымъ въ Вольскѣ учебнаго заведенія, въ мемуарахъ своихъ, приготовленныхъ къ печати (но не напечатанныхъ), уже послѣ смерти Сперанскаго, писалъ: «Вскорѣ пришла къ намъ ужасная вѣсть о томъ, что почтенный и добродѣтельный мужъ, истинный христіанинъ, неизмѣнно-вѣрный патріотъ, неутомимый государственныи дѣятель, знаменитый Сперанскій палъ подъ злоухищреніями и ударами своихъ враговъ, и, бывъ внезапно схваченъ, безъ допроса отвезенъ въ Нижній. Его судьбы напомнили мнѣ слова Сенеки: «*Ecce spectaculum dignum, ad quod respiciat intentus operi suo Deus!*» ²⁾».

Наконецъ, и въ другомъ даже кругу, въ томъ, гдѣ преобладающимъ чувствомъ была радость о совершившемся, она не оставалась совершенно неомраченною. Въ умахъ предусмотрительныхъ этотъ актъ, первый въ своемъ родѣ при Александрѣ, актъ, живо опять напомнившій ужасы прошлаго царствованія, не могъ не произвести глубокаго потрясенія. Каждый со страхомъ подумалъ о будущемъ, грозящемъ, можетъ статься, и ему. Сами виновники нѣкоторымъ образомъ испугались своей удачи!..

Но что же думалъ, что дѣлалъ въ это время Аракчеевъ, для котораго, съ паденіемъ докучливаго соперника, восходила новая звѣзда, еще подернутая туманомъ неизвѣстности, еще неясно обрисовывавшаяся въ будущемъ ея объемъ, но уже легко прозрѣваемая сквозь лучи милости Александра? Преданіе ничего не сохранило для насъ въ этомъ отношеніи. Осталось лишь одно то историческое письмо, гораздо позднѣйшей уже эпохи (24-го марта 1819 года), напечатанное и въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 159), въ которомъ Аракчеевъ увѣрялъ Сперанскаго, что любилъ его и во время его несчастія, и «протестовалъ противу онаго, по крайнему своему разумнію, не только въ душѣ своей, но и всюду, гдѣ только голосъ его могъ быть слышенъ».

Правда ли это? Аракчеевъ былъ далеко не Барклай... ³⁾.

¹⁾ Свидѣтельство И. О. Самбурскаго.

²⁾ Т. е. Вотъ достойное удивленія зрѣлище, къ которому были направлены несповѣдимые пути Промысла!

³⁾ Де-Сангленъ въ своей запискѣ говорить: „Аракчеевъ усердно работалъ о возвращеніи Сперанскаго уже по одной ненависти и злобѣ противъ

Отъ Россіи обратимся теперь къ остальной Европѣ.

Роль Сперанскаго въ нашей администраціи и въ милости Александра была слишкомъ многозначительна, чтобы не привлекать на него вниманія и Запада, особенно въ наступавшую тогда рѣшительную для Европы эпоху.

Что писали о паденіи его дипломатическіе агенты своимъ дворамъ, это хранится еще въ архивахъ ¹⁾ и едва ли бы въ чемъ-либо разъяснило нашъ вопросъ. Журналы заграничныя, бывъ единственно отголоскомъ тѣхъ вѣстей, которыя разнеслись въ то время по Россіи, еще менѣе заслуживаютъ здѣсь вѣры и вниманія, какъ то видно и по образчикамъ, напечатаннымъ въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 26 и 27, въ выносѣ).

Въ дополненіе къ нимъ приведемъ еще, въ русскомъ переводѣ, выписку изъ вѣстей объ этомъ событіи Мадритской газеты, отъ 27 августа н. ст. 1812 года, присланную нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи Валленштейномъ канцлеру графу Н. П. Румянцову:

«Замышленный Бонапартомъ заговоръ противъ императорскаго дома, къ счастью, открытъ по волѣ Провидѣнія, въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ сохранившаго Россію отъ грозившихъ ей бѣдъ и напастей, и составляетъ въ настоящее время главный предметъ разговоровъ.

«Къ дѣлу оказался причастнымъ государственный секретарь Сперанскій, достигшій этого важнаго поста исключительно благодаря особому къ нему благоволенію императора Александра. Съ нѣкотораго времени стали подозрѣвать, что у Наполеона имѣются въ Петербургѣ шпіоны и тайные агенты, которые и сообщали ему государственныя тайны русскаго правительства. Это подозрѣніе подкрѣплялось въ особенности тѣмъ обстоятельствомъ, что курьеры изъ Петербурга во Францію отправля-

Балашова.—Припомнимъ слѣдующія строки изъ письма Аракчеева къ его брату Петру Андреевичу, отъ 3-го апрѣля 1812 года: „Теперь приступаю вамъ къ описанію, что, я думаю, извѣстно вамъ уже, выѣздъ изъ С.-Петербурга госп(одина) Сперанскаго и госп(одина) Магнитскаго. На ихъ счетъ много здѣсь говорятъ нехорошаго; слѣдовательно, если это такъ, то онѣ и заслужили сами свою нынѣшнюю участь; но вмѣсто оныхъ теперь партія знатныхъ нашихъ господъ сдѣлалась уже чрезмѣрно сильна, состоящая изъ графовъ Салтыковыхъ, Гурьевыхъ, Толстыхъ и Голицыныхъ. Слѣдовательно, я, не бывъ съ первыми въ связи, былъ оставленъ безъ дѣла; а сими новыми патріотами равномѣрно не любимъ, также буду безъ дѣла и безъ довѣренности“ („Русская Старина“, 1874 года, т. X, стр. 191; Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1874 годъ, стр. 107—108).

¹⁾ Дешети французскаго посла Лористова и датскаго посланника Блума, въ которыхъ идетъ рѣчь о высылкѣ Сперанскаго, напечатаны въ послѣднее время въ „Русскомъ Архивѣ“ 1882 года, книга первая, стр. 169—176.

лись все чаще, тогда какъ, наоборотъ, курьеровъ изъ Франціи въ Россію почти не прибывало.

«Побуждаемый подобными соображеніями, князь Багратіонъ, командовавшій арміею, стоявшею на границѣ, рѣшилъ задержать курьера, слѣдовавшаго въ Парижъ съ депешами на имя Бонапарта, которыя были за печатью императора Александра.

«Несмотря на все уваженіе къ тайнѣ, довѣренной пакету за императорскою печатью, князь рѣшился его вскрыть. Оказалось, что въ немъ заключались депеши, въ которыхъ были изложены историческій обзоръ и подробности плана, выработаннаго на случай предстоявшей войны съ Франціею, приводились точныя данныя о состояніи и численности русскихъ военныхъ силъ, а также подробныя свѣдѣнія о дислокаціи войскъ, военныхъ магазинахъ и складахъ и вообще о мѣропріятіяхъ нашего правительства на случай войны съ Франціею. Князь Багратіонъ немедленно распорядился отправкою въ Петербургъ особаго курьера съ перекваченными депешами и при этомъ всеподданнѣйше просилъ государя не вѣнчать ему, въ монаршемъ милосердіи, въ вину совершенное имъ самовольное вскрытіе пакета за императорскою печатью, тѣмъ болѣе что послѣдствія вполне оправдали такую рѣшимость. Курьеръ получилъ, отъ князя наказъ передать депеши лично въ руки императору. Исполненіе этого представило немало затрудненій. Только благодаря упрямой настойчивости посланца ему удалось преодолѣть противодѣйствіе лицъ, не хотѣвшихъ допускать его до государя, такъ какъ они, наконецъ, поняли, что князь Багратіонъ, по всему вѣроятію, пришлетъ, въ такомъ случаѣ, вслѣдъ за первымъ и второго курьера. Только черезъ три часа по прибытіи въ столицу посланный князя Багратіона могъ передать привезенныя имъ депеши лично государю. Изъ содержанія полученныхъ бумагъ императоръ убѣдился, что эти важнѣйшія государственныя тайны были переданы Бонапарту Сперанскимъ и его личнымъ секретаремъ Магницкимъ (Magnesy).

«Потребовавъ къ себѣ Сперанскаго, государь одновременно далъ приказаніе министру полиціи произвести обыскъ и опечатать бумаги обонихъ обвиняемыхъ и при этомъ повелѣлъ Магницкаго немедленно отправить въ Сибирь. Распоряженія императора тотчасъ были приведены въ исполненіе, и Сперанскій прибылъ во дворецъ въ полномъ невѣдѣніи всего совершившагося.

«Государь принялъ Сперанскаго какъ всегда, и въ разговорѣ упомянулъ, что онъ очень опечаленъ тѣмъ обстоятельствомъ, что убѣдился въ измѣнѣ лица, которому онъ оказывалъ полное довѣріе. «Можетъ ли быть, чтобы нашелся человѣкъ, который рѣшился бы стать измѣнникомъ въ отношеніи вашего величества, столь добраго и великодушнаго монарха?» возразилъ государственный секретарь.—«Такъ знайте же—

отвѣчалъ императоръ,—что другъ, о которомъ идетъ рѣчь, это именно вы....».—Сперанскій началъ отрицать свою вину и оправдываться; говорилъ, что все это гнусная клевета, распушенная его врагами, которые не могутъ простить ему его быстрое возвышеніе; указывалъ, что среди другихъ министровъ не найдется никого, кто, по сравненію съ нимъ, служилъ бы императору съ такою преданностью и ревностью; наконецъ, выразилъ готовность немедленно сложить съ себя всѣ должности, чтобы заставить замолчать своихъ завистниковъ и несправедливыхъ обвинителей. Тогда государь, принявъ тонъ, приличествовавшій обстоятельствамъ, объявилъ Сперанскому, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ не объ отставкѣ, а что Сперанскій долженъ дать объясненія по поводу вводимыхъ на него обвиненій, добытыхъ изъ вѣрныхъ источниковъ и основанныхъ къ тому же на подлинныхъ документахъ, и при этомъ государь передалъ Сперанскому перехваченныя депеши.

«Между тѣмъ доложили государю, что явился военный министръ и желалъ бы немедленно быть выслушаннымъ. Принятый государемъ, министръ доложилъ, что онъ обнаружилъ пропажу высочайше одобреннаго плана, выработаннаго на случай предстоящей войны съ Франціею, и что одинъ изъ его адъютантовъ признался въ томъ, что планъ этотъ былъ довѣренъ имъ Сперанскому.

«Вернувшись въ кабинетъ, въ которомъ оставался Сперанскій, императоръ Александръ объявилъ ему, что его измѣна подтверждается только-что привезеннымъ военнымъ министромъ извѣстіемъ.

«Тогда государственный секретарь, видя, что дѣло его проиграно, прибѣгнувъ къ милосердію государя. Императоръ Александръ, желая въ послѣдній разъ оказать милость и снисхожденіе своему бывшему любимцу, предложилъ ему на выборъ: или судъ на основаніи добытыхъ противъ него уликъ, или же ссылку въ Сибирь.

«Сперанскій предпочелъ послѣднее, и императоръ повелѣлъ ему тотчасъ же ѣхать домой, гдѣ уже все готово къ немедленному отъѣзду опальнаго.

«Не смотря на столь ясно выраженную волю императора, Сперанскій вмѣсто того, чтобы прямо ѣхать домой, приказалъ своему кучеру заѣхать на квартиру Магницкаго (Magnesny); послѣдняго онъ, впрочемъ, не засталъ, такъ какъ его уже успѣли отправить въ Сибирь. Тогда Сперанскій поѣхалъ къ себѣ; у подъѣзда дома уже стоялъ наготовѣ экипажъ, въ которомъ бывший государственный секретарь долженъ былъ отправиться въ ссылку. Между тѣмъ внимательное изученіе бумагъ, захваченныхъ у обвиняемыхъ, придало дѣлу совершенно иную окраску. Оказалось, что планы заговорщиковъ были самые ужасные. Было задумано захватить императора и великаго князя Константина живыми или мертвыми и, въ первомъ случаѣ, отвезти ихъ во Францію; захва-

тить далѣе всѣхъ членовъ царствующаго дома, а также главнѣйшихъ государственныхъ дѣателей и важнѣйшихъ чиновниковъ, несочувственно относившихся къ французамъ; низвергнуть существующее правительство и произвести повсемѣстное смятеніе и анархію. Въ случаѣ успѣха предпріятія, мятежники думали, для водворенія порядка, обратиться за помощью къ Бонапарту и такимъ путемъ предать ему въ руки Россію.

«Когда планы эти были обнаружены, тотчасъ послѣдовалъ приказъ о немедленномъ возвращеніи Сперанскаго обратно въ Петербургъ. По прибытіи онъ былъ заключенъ въ крѣпость въ ожиданіи производства слѣдствія и обнаруженія другихъ соучастниковъ.

«Между тѣмъ генералъ князь Багратіонъ приказалъ задержать двухъ шпионовъ, которые давно были у него на примѣтѣ. При опросѣ послѣдніе показали, что не задолго до ихъ ареста прослѣдовалъ изъ Франціи курьеръ съ депешами первостепенной важности и что курьеръ этотъ, снабженный фальшивымъ паспортомъ, долженъ былъ окольными путями ѣхать въ Тангаровъ (Tangaroff) (Таганрогъ?).

«Генералъ распорядился отправить людей въ погоню за этимъ курьеромъ, и вскорѣ его удалось задержать. Курьеръ этотъ оказался родомъ полякъ, отлично владѣющимъ русскимъ языкомъ и состоящимъ на французской службѣ въ чинѣ полковника. Онъ везъ съ собою золотыхъ дукатовъ на громадную сумму, при чемъ на него возложено было порученіе возбудить мятежъ среди казаковъ и татарскихъ войскъ въ окрестностяхъ Тобольска; возстаніе должно было вспыхнуть тотчасъ послѣ того, какъ пришло бы извѣстіе о выступленіи русскихъ войскъ въ походъ и объ отъѣздѣ императора и великаго князя къ арміи.

«По слухамъ, Бонапартъ съ этою цѣлью уже ранѣе отправилъ 500 тысячъ золотыхъ дукатовъ.

«Вотъ планъ государственнаго переворота, который Бонапартъ замышлялъ, произвести въ нашемъ отечествѣ. Въ общихъ чертахъ онъ очень напоминаетъ планъ, которому Бонапартъ слѣдовалъ четыре года тому назадъ съ цѣлью овладѣть Испаніею...»

Въ депешѣ, при которой находится эта статья, нашъ повѣренный въ дѣлахъ въ Испаніи, между прочимъ, писалъ (на французскомъ языкѣ) слѣдующее:

«Съ прискорбнымъ и смущеннымъ чувствомъ приходится мнѣ возвратиться къ той же газетѣ (Мадритской) касательно помѣщенной на ея столбцахъ статьи изъ С.-Петербурга, въ которой идетъ рѣчь о мнимомъ проектѣ Наполеона составить заговоръ противъ русскаго правительства. Не нахожу словъ выразить вашему сіятельству насколько мнѣ прискорбно ознакомить васъ подробно съ этимъ ужаснѣйшимъ заговоромъ, если онъ дѣйствительно существовалъ, въ противномъ же

случаѣ съ самою низкою клеветою. Только безграничная преданность заставляетъ меня исполнить этотъ тяжкій долгъ и представить вамъ во всѣхъ чертахъ это дѣло, которое—имѣло ли оно мѣсто въ дѣйствительности, или является ложнымъ вымысломъ—одинаково возбуждаетъ одно чувство омерзѣнія.

«Считаю не лишнимъ при семъ дословный переводъ этой статьи, которая помѣщена также въ одной изъ кадикскихъ газетъ за прошлый июль мѣсяцъ. Содержаніе этой статьи было извѣстно барону Моренгейму ¹⁾, но онъ не довелъ о ней до вашего свѣдѣнія, съ одной стороны, вѣроятно, отъ того, что не зналъ, съ кѣмъ послать свою корреспонденцію, съ другой, и, быть можетъ, главнымъ образомъ, потому, что ему было противно сообщать вамъ содержаніе статьи, въ которой повѣствуется о столь ужасномъ и вѣроломномъ проектѣ.

«Впрочемъ и я, съ своей стороны, рѣшилъ слѣдовать примѣру Моренгейма и хранить молчаніе о дѣлѣ, которое мнѣ представляется ложнымъ и лишеннымъ всякаго вѣроятія.

«Если вашему сіятельству угодно было бы сдѣлать какія-либо распоряженія по настоящему дѣлу, то я просилъ бы васъ преподать мнѣ указанія, какія мѣры надлежало бы мнѣ принять или для опроверженія этой басни, или для изображенія даннаго событія въ вѣрномъ и согласномъ съ дѣйствительностью освѣщеніи...».

Но вѣтъ ли какихъ-нибудь другихъ еще иностранныхъ источниковъ, по крайней мѣрѣ позднѣйшихъ, въ которыхъ была бы рѣчь о катастрофѣ нашего государственнаго секретаря?

Прежде всего замѣтимъ, что во всей огромной библіотекѣ, составившейся изъ словъ, изреченій, рассказовъ и пр. самаго Наполеона, истинныхъ или вымышленныхъ, имѣющихъ характеръ правдивости или очевидно подложныхъ, мы, при самомъ тщательномъ просмотрѣ, нигдѣ не встрѣтили ни одного упоминанія о томъ лицѣ, которому общая молва такъ безразсудно приписывала преступныя съ нимъ связи ²⁾. Налагая

¹⁾ Барону Павлу Осиповичу Моренгейму, бывшему ранѣе нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Испаніи.

²⁾ Вообще мы ничего не знаемъ о Наполеонѣ въ отношеніи къ Сперанскому. Только членъ Государственнаго Совѣта Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ рассказывалъ намъ, что когда онъ въ 1812 году былъ взятъ въ плѣнъ (въ Смоленскѣ) и представленъ императору французовъ, то послѣдній спросилъ у него: „гдѣ теперь Сперанскій?“, на что Тучковъ отвѣчалъ (какъ дѣйствительно и было), что ничего положительнаго о томъ не знаетъ, слышавъ лишь, что онъ высланъ изъ Петербурга. (Примѣчаніе барона Корфа).—Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ „Жизни графа Сперанскаго“ нашлась также выписка изъ депеши нашего посла въ Парижѣ князя Куракина къ графу Н. П. Румянцову, отъ 12-го апрѣля 1812 г., въ которой переданъ вопросъ Наполеона Куракину о причинахъ ссылки Сперанскаго. (См. эту выписку у Н. К. Шильдера, „Императоръ Александръ I“, т. III, стр. 50).

печать отверженія на множество людей, оправдывая другихъ отъ взведенныхъ на нихъ современниками нареканій, обнажая тайны многихъ историческихъ событій, указывая ихъ нити, самую сокровенную ихъ связь, Наполеонъ никогда не проронилъ ни одного слова не только о тайныхъ, но и вообще о какихъ бы то ни было сношеніяхъ своихъ съ Сперанскимъ, или Сперанскаго съ нимъ. При болтливости бывшаго императора французовъ, при той прямогѣ, съ которою, творя исторію словомъ, какъ прежде творилъ ее дѣломъ, онъ объяснялъ всѣ малѣйшія подробности и всѣ эпизоды своего царствованія, наконецъ, при хвастливой нескромности лицъ, слушавшихъ и передававшихъ его рассказы, не позволено ли думать, что клеветы и слухи о тайныхъ, будто бы, его связяхъ съ любимцемъ Александра совсѣмъ и не дошли до его свѣдѣнія. Во всякомъ, однако, случаѣ примѣчательно, что, зная Сперанскаго лично еще съ Эрфурта, безъ сомнѣнія, зная также о вліяніи его на всѣ дѣла и на Александра, наконецъ, имѣвъ, вѣроятно, свѣдѣніе и о томъ, что непріязненный для Франціи тарифъ 1810 года былъ его же твореніемъ, Наполеонъ ни въ одной изъ (напечатанныхъ) многочисленныхъ бесѣдъ своихъ о Россіи, о государственныхъ ея людяхъ, и именно даже объ этомъ тарифѣ, не произнесъ имени Сперанскаго, хотя часто и пространно говорилъ о множествѣ второстепенныхъ лицъ той эпохи.

Записокъ французскаго при нашемъ дворѣ посла Лористона не осталось, или по крайней мѣрѣ не напечатано. Записокъ другаго посла, Коленкура, также не существуетъ, а то, что издано, подъ названіемъ его *Воспоминаній*, Шарлоттою Соръ ¹⁾, есть больше сборникъ мелкихъ анекдотовъ. Имени Сперанскаго въ этой книгѣ нигдѣ не упомянуто.

Послѣ Савари хотя и остались подробные мемуары ²⁾, но самого его смѣнили у насъ Коленкуръ въ декабрѣ 1807 года, когда Сперанскій еще не являлся на высшихъ ступеняхъ государственной дѣятельности.

Наконецъ, драгоценныя для нашей исторіи послѣднихъ временъ Записки шведскаго посла графа Стединга ³⁾, или, лучше сказать, письма его къ своему королю, кончаются разрывомъ нашимъ съ Швецію передъ финляндскою войною, слѣдственно также прежде Эрфурта. Вотъ, за этимъ, все, что мы находимъ въ иностранныхъ литературахъ о катастрофѣ Сперанскаго ⁴⁾:

¹⁾ *Souvenirs du duc de Vicence, par Charlotte de Sor.* Paris. 1837.

²⁾ *Mémoires du duc de Rovigo.* Paris. 1829.

³⁾ *Mémoires de Stedingk.*

⁴⁾ Показаній Н. И. Тургенева, Шницлера и пр., какъ повторяющихъ только общезвѣстное изъ другихъ источниковъ, мы здѣсь не приводимъ. Равно не говоримъ ничего и о статьѣ въ „*Zeitgenossen*“, какъ вылившейся изъ-подъ собственнаго пера Сперанскаго.

1) Мемуары, извлеченные, какъ уже упомянуто въ другомъ мѣстѣ (Дѣятели и участники въ катастрофѣ Сперанскаго) ¹⁾ изъ воспоминаній дюка де Серра-Каприола ²⁾, говорятъ о Сперанскомъ въ двухъ мѣстахъ. Въ одномъ, описавъ переходъ въ наше подданство барона Армфельда, авторъ продолжаетъ ³⁾: «Статсъ-секретарь Сперанскій, человѣкъ просвѣщенный и стоявшій выше всякихъ мелочныхъ расчетовъ тщеславія, думалъ, что баронъ, какъ богатый помѣщикъ, пользующійся влияніемъ въ новопріобрѣтенной области, можетъ быть полезенъ. Въслѣдствіе того Армфельдъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Финляндской комиссіи, что открыло ему доступъ въ царскій кабинетъ и случай къ частой работѣ съ монархомъ».—Въ другомъ мѣстѣ, говоря о неугодномъ Александру поведеніи Кутузова въ турецкую кампанію, онъ пишетъ ⁴⁾: «Но не однимъ этимъ ограничились тогдашнія огорченія императора Александра. Въ массѣ вѣрныхъ подданныхъ нашлось и нѣсколько измѣнниковъ, часть которыхъ была заключена или удалена. Но, по тяжкой участи монарховъ, слишкомъ часто принужденныхъ не довѣрять своимъ приближеннымъ, при этомъ случаѣ успѣли внушить царю самыя несправедливыя подозрѣнія и противъ человѣка, достойнаго всей его довѣренности. Статсъ-секретарь Сперанскій, человѣкъ, равно отличный и знаніями, и характеромъ, и ревностію къ дѣлу, пользовался вполнѣ заслуженною милостію своего государя, которая породила зависть нѣсколькихъ честолюбивыхъ царедворцевъ. Зная Сперанскаго за почитателя талантовъ Наполеона, они сумѣли обратить это обстоятельство въ оружіе противъ него. Толстые, возбуждаемые кавалеромъ де-Вернегъ, однимъ изъ агентовъ Людовика XVIII-го, представили его Армфельду тайнымъ орудіемъ императора французовъ, опаснымъ для блага государства; одинъ изъ второстепенныхъ интригановъ, отчасти самому же Сперанскому обязанный своею карьерою, но искавшій еще болѣе возвыситься ⁵⁾, составилъ записку, исполненную самыхъ тяжкихъ обвиненій противъ государева любимца, и послѣдній—былъ удаленъ въ ссылку. Въслѣдствіи Александръ, убѣдясь въ своей ошибкѣ, раскаялся въ ней и великодушно ее исправилъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ впалъ въ опалу уже Армфельдъ, за необдуманное усердіе, которымъ онъ вовлекъ государя въ эту несправедливость».

2) Въ другой книгѣ, которой авторъ не назвался, но однакоже всѣмъ извѣстенъ—именно генераль-адъютантъ баронъ Жюмиви,—разсказываются, отъ лица будто бы самого Наполеона, всѣ главные фазы

¹⁾ „Русская Старина“ 1902 г., мартъ.

²⁾ *Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état.* Paris. 1836.

³⁾ Tome XI, pp. 283 et 284.

⁴⁾ Ibid., pp. 367 et 368.

⁵⁾ Это былъ баронъ Г. А. Розенкампфъ.

его жизни. Книга эта, достойная, по многимъ отношеніямъ, полного уваженія, но которой впрочемъ никакъ нельзя признать за автобіографію или исповѣдь самого Наполеона, не принимавшаго ни прямо, ни косвенно никакого личнаго участія въ ея составленіи, издана въ Парижѣ, въ 1827 году, подъ заглавіемъ: «*Vie politique et militaire de Napoléon, racontée par lui même devant le tribunal de César*». Вотъ, что авторъ ея влагасть въ уста императора французовъ насчетъ Сперанскаго ¹⁾: «Около того же времени (въ началѣ 1812 года), одна изъ тѣхъ интригъ, которыя такъ часты на придворномъ поприщѣ, еще болѣе усилила недоувѣрчивый характеръ императора Александра. Тайный совѣтникъ Сперанскій, человѣкъ съ большими достоинствами, находился въ перепискѣ, посредствомъ Локрѣ ²⁾, съ моимъ статсъ-секретариатомъ касательно образованія Государственнаго Совѣта, который императору хотѣлось ввести и у себя. Враги Сперанскаго стали разглашать, что эта переписка служить только прикрытіемъ преступныхъ его окошеній со мною и моимъ министерствомъ. Тутъ, насколько можно вѣрить слухамъ, шла рѣчь о превращеніи всего государственнаго порядка, и если Сперанскому не приписывали прямого участія въ этихъ замыслахъ, то винили его, по крайней мѣрѣ, въ той слабости, съ которою онъ доставлялъ средства къ ихъ переносу. По словамъ другихъ, его обвиняли только въ способствованіи мнѣ къ упроченію моего преобладанія надъ его монархомъ. Какъ бы то ни было, Сперанскій былъ внезапно схваченъ и увезенъ въ Сибирь. Послѣ войны, Александръ, удостовѣрясь въ своей ошибкѣ, поспѣшилъ назначить его генералъ-губернаторомъ въ тотъ самый край, въ который онъ былъ сосланъ; но между тѣмъ въ теченіе двухъ лѣтъ питалъ противъ одного изъ достойнѣйшихъ своихъ подданныхъ, а также и противъ меня недоувѣрчивость, которая была плодомъ одного лишь гнуснаго заговора и возымѣла, безъ сомнѣнія, большое вліяніе на его рѣшимость къ войнѣ». Надо, впрочемъ, замѣтить, что авторъ, какъ бы самъ колебался въ достовѣрности приписываемаго имъ Наполеону мнѣнія, прибавляетъ тутъ же въ особой выноскѣ ³⁾: «Автору надлежало здѣсь слѣдовать взгляду тѣхъ писателей, которые старались объяснить перемѣну расположенія императора Александра особыми причинами; но едва-ли есть надобность такъ далеко ихъ искать. Довольно было, для разрыва, присоединенія Ольденбургскаго герцогства и Вѣнскаго трактата: первое касалось семейной чести Александра, второй затрагивалъ самые живые интересы Россіи. Послѣ этихъ двухъ событій миръ былъ невозможенъ».

¹⁾ Tome IV, pp. 29 et 30.

²⁾ Секретарь французскаго Государственнаго Совѣта.

³⁾ Стр. 30 и 31, въ выноскѣ.

3) Домашній секретарь Наполеона, баронъ Менваль, представляя самое происшествіе, въ изданныхъ имъ Запискахъ ⁴⁾, почти въ томъ же самомъ видѣ, приписываетъ его вліянію англійскаго кабинета. «Англія—пишетъ онъ—въ то время совершенно овладѣла Александромъ. Для возбужденія его противъ Наполеона она не останавливалась употреблять интриги всякаго рода: даже вымышленные акты, подлоги въ бумагамъ и въ подписяхъ,—лондонскій кабинетъ не гнушался, для своей цѣли, никакимъ средствомъ. Въ концѣ 1811 года партія, которой главнымъ дѣятелемъ былъ баронъ Армфельдъ, уже давно состоявшій на жалованіи Англіи, вымыслила какой-то мнимый подкупъ, главою котораго былъ будто бы Наполеонъ, а первымъ орудіемъ статсъ-секретарь Сперанскій. Послѣдній, по порученію своего монарха и по соглашенію съ французскимъ правительствомъ, дѣйствительно, велъ переписку съ первымъ секретаремъ французскаго Государственнаго Совѣта (Локрѣ); но эта переписка относилась до образованія разныхъ частей внутренняго управленія, а между тѣмъ клевета умѣла этимъ сношеніямъ, совершенно чуждымъ политикѣ, дать видъ и смыслъ заговора. Сперанскаго внезапно схватили и сослали безъ допроса».

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

⁴⁾ Napoléon et Marie-Louise. Souvenirs historiques de Mr. le baron Méneval, Paris. 1843, t. I, pp. 352 et 353.

Василій Андреевичъ Жуковскій

И ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ДЕКАВРИСТАМЪ.

I.

В. А. Жуковскій и семейство Якушкиныхъ.

15-го іюня 1826 года супруга государственнаго преступника Анастасія Васильевна Якушкина, дочь Василя Петровича Шереметева (р. 1765 † 1808) и Надежды Николаевны, урожденной Тютчевой (р. 1775 † 1850) писала императору Николаю I:

«Всемилостивѣйшій государь! Мучительная неизвѣстность объ участи мужа, котораго обожаю и съ которымъ была счастлива, понудила меня совершить дальнее путешествіе. Удрученная скорбью и болѣзнью, съ груднымъ пятимѣсячнымъ ребенкомъ и съ двухлѣтнимъ сыномъ, проѣхала я 700 верстъ, въ надеждѣ на благость вашего императорскаго величества. Не объ облегченіи судьбы мужа моего молю васъ, государь, не оправданія о немъ дерзаю приносить вамъ,—я рѣшилась съ покорностью ждать часа правосудія и милосердія вашего.

«Но, государь! Вы отецъ и супругъ нѣжный, сердцу вашему знакомы чувства, коими теперь исполнено сердце мое: два невинные младенца у подножія престола вашего императорскаго величества просятъ обнять нечастнаго отца своего; 18-ти лѣтняя жена, проливая горькія слезы, умоляетъ васъ дозволить ей видѣться съ мужемъ и писать ему. Государь не отриньте прошеніе несчастной, на Бога и на васъ упованіе полагающей».

Императоръ Николай разрѣшилъ ей какъ свиданіе съ мужемъ, такъ и переписку во время пребыванія его въ Петропавловской крѣпости. Но это скоро прекратилось. Судь приговорилъ Ивана Дмитриевича

Якушкина къ ссылкѣ въ Сибирь и, пока онъ прибылъ на мѣсто, супруга не имѣла о немъ никакихъ извѣстій. Положеніе ея было невыносимо, и молодая женщина рѣшилась просить о разрѣшеніи ей отравиться къ мужу. Тогда мать ея, Шереметева, обратилась съ просьбою о томъ къ В. А. Жуковскому.

«Имѣю честь,—писалъ онъ князю А. Н. Голицыну ¹⁾,—представить вашему сіятельству письмо, недавно мною полученное. Прибѣгаю къ вамъ, чтобы, наконецъ, имѣть какую-нибудь возможность отвѣчать на него. Оно писано тещею несчастнаго Якушкина, которая желаетъ знать, можетъ ли дочь ея вмѣстѣ съ дѣтьми поѣхать къ мужу, изгнаннику.

«Благоволите прочитатъ это письмо, благоволите взять на себя трудъ сказать мнѣ, можно ли надѣяться получить такого рода позволеніе и какое для этого средство.

«Простите, что обременяю васъ моими письмами.

«Хлопочу за другихъ и знаю, что такого рода хлопоты вамъ не могутъ быть неприятными».

И дѣйствительно В. А. Жуковскій зналъ къ кому обращался. Онъ зналъ доброе и отзывчивое сердце кн. А. Н. Голицына, зналъ расположеніе къ нему императора Николая и былъ увѣренъ, что князь горячо отзовется на доброе дѣло. 3-го февраля Василій Андреевичъ получилъ уже отъ графа Дибича увѣдомленіе, «что Г. И. отозваться соизволилъ, что исполненіе (Якушкиной) сего желанія, на существующихъ для того правилахъ, ей не возбраняется. Но, при этомъ его величеству благоугодно, дабы ей поставлено было на видъ, что въ мѣстѣ пребыванія мужа своего не найдетъ она никакихъ способовъ къ воспитанію дѣтей, устройству будущаго состоянія коихъ полагаетъ она чрезъ то не малую преграду, а потому нужно ей предварительно размыслить о воѣхъ послѣдствіяхъ своего предпріятія, дабы избѣгнуть поздняго и бесполезнаго раскаянія».

Совѣты эти не могли пересилить чувства любящей женщины, но домашнія обстоятельства не позволили ей отправиться немедленно. Въ 1832 году, когда Анастасія Васильевна собралась въ путь и просила опять разрѣшенія, графъ Бенкендорфъ отвѣчалъ ей ²⁾:

«Государь императоръ, по всеподданнѣйшему моему докладу о желаніи вашемъ отправиться въ Сибирь къ вашему мужу, высочайше повелѣтъ мнѣ соизволилъ увѣдомить васъ, что сначала дозволено было всѣмъ женамъ государственныхъ преступниковъ слѣдовать въ Сибирь за своими мужьями; но какъ симъ дозволеніемъ вы, въ свое время, не

¹⁾ Въ собственноруч. письмѣ отъ 22-го января 1828 г.

²⁾ Въ отношеніи отъ 28-го ноября 1832 г.

воспользовались, то и не можете нынѣ онаго получить, ибо вы нужны теперь для вашихъ дѣтей и должны для нихъ пожертвовать желаніемъ видѣться съ вашимъ мужемъ».

Такимъ образомъ поѣздка эта не состоялась.

II.

В. А. Жуковскій и братья Тургеневы ¹⁾.

Дружба, которая соединяла Жуковского со многими декабристами, положеніе его, близкое къ императору, а въ особенности къ императрицѣ, какъ преподавателя и наставника наследника престола, и наконецъ необыкновенная доброта и чистота души были причиною того, что онъ всѣми силами старался облегчить положеніе своихъ бывшихъ друзей, подвергшихся суду и ссылкѣ.

Особенно близки были ему братья Тургеневы ²⁾. Одинъ изъ нихъ Николай Ивановичъ былъ замѣшанъ въ дѣлѣ декабристовъ и, находясь въ то время за границею, былъ потребованъ въ Россію, но не явился, что усилило его вину, и онъ заочно былъ приговоренъ къ смертной казни. При первомъ извѣстіи о томъ, что Н. И. Тургеневъ обвиняется въ соучастіи въ тайномъ злоумышленномъ обществѣ, оба брата его тотчасъ же покинули службу, при чемъ на младшаго, Сергѣя, обвиненіе это такъ подѣйствовало, что онъ сошелъ съ ума и вскорѣ умеръ ³⁾. Старшій же братъ Александръ Ивановичъ употреблялъ всѣ силы къ тому, чтобы оправдать опальнаго брата и доказать его невинность. Онъ убѣждалъ его составить и прислать оправдательную записку, для представленія ея суду. Николай Ивановичъ долго не соглашался составить такую записку (см. его письма къ братьямъ, напечатанныя въ «Рус. Старинѣ» 1901 г. Т. CVI, май, стр. 235—275), но, наконецъ, уступая просьбамъ, прислалъ ее. Получивъ эту за-

¹⁾ При составленіи настоящей статьи, мы пользовались сверхъ архивныхъ источниковъ и тѣми документами, которые были обязательно намъ сообщены графомъ Н. А. Бревверномъ де-ла Гард и, Изв. А. Бычковымъ и П. Н. Тургеневымъ. Приносимъ имъ глубокую благодарность за доставленіе столь интересныхъ и новыхъ данныхъ.

²⁾ Ихъ было четверо: Андрей († 1803 г.), Александръ († 1845 г.), Николай († 1872 г.) и Сергѣй († 1827 г.) Ивановичи.

³⁾ Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ, въ то время еще молодой человѣкъ, дипломатъ, которому предстояла блистательная будущность, былъ съ графомъ Строгановымъ въ Константинополѣ.

писку, Александръ Ивановичъ препроводилъ ее къ князю Александру Николаевичу Голицыну и при этомъ писалъ ¹⁾:

«Теперешнія отношенія мои къ вашему сіятельству не дають мнѣ права обратиться къ вамъ съ какою-либо просьбою, но сколько ни прискорбно мнѣ послѣ 14-ти-лѣтней службы подъ начальствомъ вашимъ, послѣ всего, что со мною было, видѣть въ васъ теперь въ минуту несчастія, какое-то отъ меня удаленіе,—горестъ о судьбѣ моего брата, заглушающая во мнѣ всякое другое чувство, принуждаетъ меня къ вамъ прибѣгнуть.—Вы должны простить мнѣ и самый упрекъ сей: онъ вырвался изъ растерзаннаго сердца. Будучи членомъ комитета, производящаго слѣдствіе по извѣстному дѣлу, вы имѣете и доступъ къ государю: въ семъ нахожу я оправданіе, что къ вамъ, а не къ другому теперь обращаюсь.

«По приѣздѣ въ Петербургъ, узналъ я городскіе слухи о братѣ Николаѣ. Зная характеръ его и правила, слышавъ и въ послѣднее время его слова, исполненные негодованія къ преступникамъ, замышлявшимъ цареубійство, любовь и благодарность къ покойному императору и безопасность о себѣ, я не могъ сему повѣрить. Не я одинъ, но и всѣ, которые знали его въ частной жизни, коимъ извѣстна его дѣятельность по службѣ, доведшая его до неизлѣчимой болѣзни, не могутъ считать его участникомъ въ злодѣяніи. Но какую пользу принесетъ ему сія увѣренность противъ обвиненій, въ точности мнѣ неизвѣстныхъ и основанныхъ, можетъ быть, на личномъ недоброжелательствѣ къ нему нѣкоторыхъ изъ преступниковъ, на ихъ желаніи увеличить число мнимыхъ своихъ сообщниковъ или на гадательномъ ихъ толкованіи его мыслей о правительствѣ, ложно соображая оныя съ собственными видами!

«Еслибы братъ мой стоялъ теперь передъ судіями, отвѣтствуя на сія обвиненія, то искреннимъ изложеніемъ своихъ мнѣній могъ бы убѣдить, что всегда горѣлъ безкорыстною любовію къ отечеству, что желалъ переменъ многого и мечталъ о лучшемъ, но что былъ далекъ отъ гибельныхъ покушеній, клонящихся къ разрушенію установленнаго порядка, съ коимъ тѣсно связано бытіе и цѣлость государства. Особа монарха была и въ умѣ его и въ сердцахъ неприкосновенною святынею. Можетъ быть, въ теоріи предпочиталъ онъ образъ одного правленія другому, но у насъ самодержавіе полагалъ необходимымъ для искорененія рабства ²⁾), называемаго имъ язвою Россіи. Въ семъ отношеніи онъ сего ожидалъ отъ покойнаго императора и всегда съ довѣренностію говорилъ о благихъ его намѣреніяхъ.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 1-го мая 1826 г. Письмо это получено отъ П. Н. Тургенева.

²⁾ Т. е. крѣпостнаго права.

«Кончина государя повергла брата въ такое уныніе, которое едва-ли не усилило его болѣзни. Чувства, кои онъ питалъ къ покойному, были неизмѣняемы: иначе, смѣю сказать, онъ бы не принялъ его благодарѣній. Клянусь всемогущимъ Богомъ, что сіи чувства видѣлъ я въ немъ за нѣсколько дней до нашей разлуки, ибо онъ говорилъ о незабвенномъ Александрѣ со мною и съ другими съ любовію и съ благодарностію.

«Брата здѣсь нѣтъ; его спасло отсутствіе изъ Россіи отъ неминуемой гибели, которую бы, при его болѣзненномъ состояніи, принесло ему заточеніе самое кратковременное; ибо онъ поддерживаетъ жизнь однимъ движеніемъ и непрерывнымъ лѣкарствомъ. Цвѣтущимъ здоровьемъ пожертвовалъ онъ службѣ. Покойный государь зналъ его только по трудамъ его. Удовольившись въ причинѣ его болѣзни, онъ былъ его спасителемъ, уволивъ его для излѣченія. За годъ предъ симъ, государь приказалъ предложить ему мѣсто по министерству финансовъ, сказавъ, однако же, что онъ необходимъ ему и въ Государственномъ Совѣтѣ. Первое движеніе брата было явиться на новую службу, но болѣзнь остановила его опять въ Карлсбадѣ.

«По возвращеніи изъ Варшавы государь, говоря съ Н. М. Карамзинымъ объ успѣхахъ законодательства въ Польскомъ королевствѣ, изъявилъ сожалѣніе, что болѣзнь брата моего мѣшаетъ ему возвратиться въ Россію. Государь говорилъ о немъ, какъ о человѣкѣ, котораго хотѣлъ употребить по сей части съ пользою для государства: слова его да спасутъ несчастнаго!

«Теперь для чего будетъ онъ жить въ землѣ чужой, гдѣ все чуждо его сердцу? Отсутствіе лишило его способовъ оправдать себя во многомъ, въ чемъ по характеру своему онъ быть виновенъ не можетъ.

«И сіе самое отсутствіе есть для него наказаніе жесточайшее. Цѣль его жизни уничтожена. Онъ жилъ и хотѣлъ жить для одной Россіи. Могъ заблуждаться умомъ, но не могъ имѣть намѣреній преступныхъ; а теперь, безъ него, кто отличить въ немъ заблудшаго отъ преступника.

«Мнѣ было бы утѣшительно знать, что сіе можетъ дойти, посредствомъ вашимъ до высочайшаго свѣдѣнія. Его императорское величество выслушивалъ всѣхъ; но о братѣ моемъ говорить некому. Пусть хотя голосъ брата достигнетъ до сердца государя, который, будучи строгимъ судіею за вѣренную ему Россію, есть въ то же время и самое надежное прибіжище, какъ невинныхъ, такъ и обвиняемыхъ».

Получивъ это письмо и при немъ записку Н. И. Тургенева, князь А. Н. Голицынъ пригласилъ къ себѣ В. А. Жуковскаго и князя П. А. Вяземскаго и вмѣстѣ съ ними прочиталъ записку.

— Мы поступаемъ немного беззаконно,—сказалъ князь А. Н. Го-

лицынъ, улыбаясь своимъ собесѣдникамъ, — составляя изъ себя комитетъ, не разрѣшенный правительствомъ; но такъ и быть, приступимъ къ дѣлу.

«Извѣстія, — писалъ Н. И. Тургеневъ ⁴⁾ — полученныя мною на сихъ дняхъ изъ Петербурга, поразили меня чрезвычайно. Меня обвиняютъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ, и братъ мой закликаетъ меня представить оправданіе. Хотя предъ тѣмъ Судією, который былъ для меня всегда строгимъ — предъ моею совѣстію — я и чувствую себя невиннымъ; но, не смотря на сіе, оправданіе представляетъ для меня затрудненія особеннаго рода. По всѣмъ извѣстіямъ, напечатаннымъ въ газетахъ, я вижу, что въ Петербургѣ составилось мнѣніе, что въ Россіи образовались тайныя общества, устроенныя по извѣстнымъ уставамъ, дѣйствовавшія по извѣстнымъ правиламъ, обдуманнѣйшими средствами и къ предначертанной цѣли. Я же въ душѣ моей убѣжденъ — и говоря сіе, говорю истину, — что въ Россіи такого общества не существовало. Если описать то, что было въ семъ отношеніи поверхностно, то конечно тайныя общества могутъ представить видъ чего-то, но между тѣмъ твердое мое увѣреніе было и есть, что ничего серіознаго не было. Но могу ли я сообщить сію мою увѣренность другимъ, особливо тѣмъ, кои видятъ въ семъ обществѣ нѣчто важное? Оправдываясь, не могу ли навлечь на себя подозрѣніе во лжи? Думая и думая объ ужасныхъ происшествіяхъ, случившихся въ Россіи, я болѣе и болѣе не постигаю, какъ можно приписывать ихъ причинѣ столь ничтожной, каковою были эти тайныя общества. Сіи общества, по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, какъ я ихъ понималъ, никогда не могли произвести ничего похожего на то, что случилось. Повторяю, что устроеннаго общества, съ опредѣленною цѣлію, съ опредѣленными средствами дѣйствовать къ достиженію извѣстной цѣли, не было.

«Все, что могу сказать, есть то, что въ Россіи нѣкоторые люди толковали объ обществахъ, пытались составлять общества, сочиняли уставы для общества, сами не зная, какъ все это сдѣлать, какъ дѣйствовать, къ какой цѣли и какими средствами. Вотъ главное и существенное. Подробности состоятъ въ томъ, что, собираясь вмѣстѣ, сіи люди въ совѣщаніяхъ своихъ говорили, что надобно помогать другъ другу, что надобно распространять чтеніе книгъ, распространять извѣстныя такъ называемыя либеральныя идеи, которыя впрочемъ не были распространяемы; что, толкуя или объ обществахъ, или о предметахъ гражданскихъ и политическихъ вообще, были говорены вещи, которыхъ нельзя было бы, напри-

⁴⁾ Въ запискѣ безъ даты, полученной нами отъ П. Н. Тургенева. Записка эта была представлена А. И. Тургеневымъ князю Голицыну въ копіи, и гдѣ находится оригиналъ, на которомъ несомнѣнно проставлены даты, намъ не извѣстно.

мѣръ, напечатать. Но кто не говорилъ въ жизнь свою такихъ вещей, которыхъ бы не захотѣлъ повторить? Такъ и я, особливо бывъ моложе, говорилъ много такого, что бы послѣ или теперь не сказалъ. Въ обществѣ молодыхъ людей, въ разговорахъ шумныхъ и быстрыхъ, мудро ли, что у многихъ вырывались такія рѣчи, коихъ они не могли бы одобрить по размышленіи хладнокровномъ? Такъ и фраза, мнѣ приписываемая (*le president sans phrases*) могла вырваться въ одномъ изъ сихъ разговоровъ. Но едва могу теперь вспомнить, при какомъ случаѣ я сказалъ это. «Дѣло не въ пустыхъ фразахъ», скажутъ мнѣ. Но я буду отвѣчать, что кромѣ фразъ я ничего во всемъ дѣлѣ не видалъ, и если я виноватъ за фразы, тысячи людей, разговаривающихъ ежедневно въ бесѣдахъ пріятельскихъ, виновны почти также. Впрочемъ я не полагаю, чтобы намѣреніе чье-либо было обвинять за слова и еще менѣе за мнѣніе. Мнѣнія и слова могутъ быть тогда только преступными, когда объявляются всенародно или публично. Французскіе законы, въ семъ отношеніи столь строгіе, именно дѣлаютъ сіе различіе, и подвергая наказанію за объявленіе извѣстныхъ мнѣній всенародно, освобождаютъ отъ всякой отвѣтственности того, кто изъяснялъ сіи мнѣнія не публично, въ кругу знакомыхъ, въ жилищѣ частномъ. Не всегда мы сами себѣ можемъ отдать отчетъ въ нашихъ мнѣніяхъ. И напримѣръ я самъ не имѣю теперь рѣшительныхъ мнѣній о многихъ предметахъ и даже о такихъ, кои казались мнѣ прежде ясными.

«Размышляя о предметахъ, мы ищемъ истины. Иногда новыя обстоятельства или рождаютъ новыя мнѣнія, или измѣняютъ прежнія. И такъ со всею охотою я не могу дѣлать оправданіе моихъ мнѣній. Но всегда обязанъ и надѣюсь всегда быть въ состояніи оправдать мои поступки. Если бы въ такъ называемыхъ тайныхъ обществахъ было что-либо важное, серіозное, то у меня достало бы духа смѣло выйти впередъ и, изложивъ истину, защищать мои дѣла, оправдывать намѣренія и— обвинять себя предъ существующими законами. Но этого ничего нѣтъ, и мое оправданіе, предъ сими законами, должно быть успѣшно. Я не знаю подробно, что показывали тѣ, кои теперь задержаны по участию въ тайныхъ обществахъ. Догадываюсь только, что они въ показаніяхъ своихъ не позабыли ничего, ибо упоминаютъ о фразахъ, за нѣсколько лѣтъ провознесенныхъ. Признаніе ихъ должно быть полное. Я съ своей стороны могу дать объясненіе въ томъ, что до меня касается, и отчетъ въ томъ, какъ я видѣлъ и разумѣлъ вещи. Пусть тѣ, кои такъ подробно меня обвиняютъ, прочитаютъ мое объясненіе, скажутъ: есть ли въ немъ что-нибудь противное истинѣ. Вотъ оно:

«За нѣсколько предъ симъ лѣтъ (думаю въ 1819 или 1820 году) мнѣ принесли уставъ общества «Благополучія» или «Благоденствія». Это была такъ называемая «Зеленая книга». Я пробѣжалъ (въ

точномъ смыслѣ сего слова) эту книжку. Сколько могу теперь вспомнить (ибо съ тѣхъ поръ я никогда этой книги въ рукахъ не имѣлъ), въ семь уставѣ излагались нѣкоторые правила относительно учрежденія училищъ, благотѣянія, и т. п. Далѣе помню только, что эту книжку у меня взяли назадъ. По правиламъ сего устава надлежало принадлежать къ одному изъ отдѣленій Общества, по части училищъ или благотѣяній. Но я не избралъ для себя никакой части, и дѣло кончилось для меня прочтеніемъ «Зеленой книги». Въ то же время я слышалъ, что эта книга была показываема многимъ, которые также, какъ и я, не находили въ ней ничего предосудительнаго.

«Между тѣмъ, продолжая жить въ Петербургѣ, я познакомился съ нѣкоторыми людьми, которымъ «Зеленая книга» была извѣстна и которыхъ я почиталъ сочинителями ея; но узналъ послѣ, что они приняли ее отъ другихъ, и что первоначальные образователи сего устава не принимаютъ въ дѣлѣ никакого участія. Вступилъ ли я въ тайное общество прочтеніемъ «Зеленой книги» и изъявленіемъ одобренія намѣреніямъ, въ ней изложеннымъ? На сей вопросъ мнѣ отвѣчать трудно. Я могу только сказать, что было и что помню. Я прочелъ уставъ—и только. Никакихъ требованій дѣлаемо мнѣ не было. Я продолжалъ видѣться иногда съ людьми такимъ же образомъ, какъ и я, принадлежавшими сему обществу. Рѣдко говорили объ обществѣ, и я видѣлъ, что все это не имѣло ничего значительнаго.

«Такъ прошло, я думаю, два или три года. Но въ теченіе сего времени я былъ иногда приглашаемъ на совѣщанія. Въ сихъ совѣщаніяхъ толковали о томъ, какъ бы устроить Общество, ибо на самомъ дѣлѣ Общество не существовало. Каждый говорилъ, что приходило въ голову. Но всѣ сіи разсужденія оставались всегда совершенно безъ всякаго результата. Иногда наскучивъ безсиліемъ придумать что-нибудь такое, отъ чего можно было бы надѣяться какого-либо успѣха, разсужденія превращались въ разговоры объ общихъ предметахъ гражданскихъ и политическихъ. Одинъ хвалилъ такую-то форму правленія, другой восхищался другою, и однажды, я помню (но это было не въ сихъ засѣданіяхъ, а въ моей комнатѣ), что мнѣ доказывали выгоду какого-то ультра-спартанскаго порядка вещей, въ которомъ не должно существовать права поземельной собственности, и что земля должна быть общою собственностію, какъ воздухъ. Мудрено ли, что посреди такихъ теорій и я говорилъ о президентахъ безъ фразъ!! Въ теченіе двухъ или трехъ лѣтъ такихъ совѣщаній, я думаю, было три или четыре. Посѣщать ихъ, я имѣлъ свои особенныя причины, вотъ онѣ:

«Люди, которыхъ я встрѣчалъ тутъ, питали въ душахъ своихъ желаніе добра и пользы общей. Но понятія ихъ о всѣхъ предметахъ, до гражданского устройства касающихся, были весьма не совершенны.

Это во многомъ происходило отъ недостатка просвѣщенія. Тѣ же изъ нихъ, кои со способностями ума соединяли свѣдѣнія въ наукахъ, казалось мнѣ, не чувствовали достаточно значительности тѣхъ невыгодъ гражданскаго устройства въ Россіи, которыя, по моему мнѣнію, суть важнѣйшія, и объ отстраненіи коихъ надлежитъ пешихъ предпочтительно; я разумѣю крѣпостное состояніе крестьянъ. Но между сими людьми были и такіе, кои чистыми внушеніями души постигали то, чего прежде не приобрѣли ученіемъ или размышленіемъ. Я надѣялся, что нѣкоторыхъ могу уговорить сдѣлать что-нибудь въ пользу ихъ крестьянъ. Я толковалъ имъ объ этомъ и однажды предложилъ поставить въ обязанность каждому отпустить на волю своихъ слугъ, если кто имѣетъ къ тому возможность. Меня слушали, соглашались со мною; но результата никакого не было, но только думаю отъ того, что все это такъ называемое Общество въ сущности было совершенно ничтожно. Сія увѣренность въ ничтожности Общества была впрочемъ всеобщая. Всѣ это видѣли, и весьма часто члены Общества смѣялись и надъ Обществомъ, и сами надъ собою. Наконецъ, по какому-то внутреннему убѣжденію, всѣ были согласны въ томъ, хотя это и не было именно объявлено, но что Общество не существуетъ. Не было болѣе ни совѣщаній, ни разсужденій и, проводя иногда по нѣсколько часовъ вмѣстѣ, не упоминали и однимъ словомъ ни объ Обществѣ, ни о всемъ томъ, что до него могло касаться. Я съ моей стороны совершенно отстранился отъ всего этого, тѣмъ болѣе, что занятія мои требовали всего моего времени, хотя впрочемъ я не могу сказать, чтобы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ я пожертвовалъ Обществу болѣе пяти вечеровъ.

«Все сіе было въ Петербургѣ. Что было въ другихъ мѣстахъ, я не зналъ, и по тому самому полагаю, что въ другихъ мѣстахъ не было ничего. Но между тѣмъ, нѣкоторые члены Общества, видя, съ одной стороны, что оно не имѣетъ никакой дѣйствительности, съ другой, что большое число людей, коимъ была извѣстна «Зеленая книга», могутъ компрометировать прочихъ, желали постановить что-либо рѣшительное. Спросили моего мнѣнія. Я объявилъ, что дѣйствительно эти шутки могутъ имѣть для насъ непріятныя послѣдствія въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда мнѣнія о существованіи тайныхъ обществъ во всей Европѣ были распространены повсемѣстно. Мнѣ сказали, что для сего лучше собраться въ Москвѣ, гдѣ удобнѣе могутъ собраться многіе изъ членовъ, въ разныя времена поступившіе въ Общество и разсѣянные по всему государству. Это было для меня удобно, ибо я долженъ былъ и безъ того туда ѣхать.

«Въ Москвѣ, послѣ многихъ разсужденій и споровъ, я убѣдился болѣе, нежели когда-либо, въ совершенной бесполезности Общества. Другіе думали такъ же и положили уничтожить Общество формально, т. е. осо-

бымъ объявленіемъ, предоставляя каждому полную волю дѣлать, что угодно, не почитая себя нимало обязаннымъ къ чему-либо относительно Общества. Такимъ образомъ оно умерло, можно сказать, прежде своего рожденія. Единственныя совѣщанія, которыя имѣли результатъ, и этотъ результатъ былъ: уничтоженіе Общества. Я признаюсь, что это едва-ли нужное уничтоженіе Общества (ибо Общество едва-ли существовало) было для меня пріятно. Размышляя вообще о тайныхъ обществахъ хладнокровно, я никогда не находилъ, чтобы они могли быть дѣйствительны, хотя не полагалъ также, чтобы все тайное было дурно и преступно потому только, что тайно.

«Я долженъ также сказать—къ обвиненію или къ оправданію себя, не знаю—что во все продолженіе существованія Общества, я никому не сообщалъ о существованіи его, или, говоря словами, принятыми для обществъ образованныхъ, я никого не вводилъ въ Общество кромѣ одного человѣка, который впрочемъ прежде слышалъ уже о семъ Обществѣ. Я ему сообщилъ то, что зналъ и что думалъ. Показавъ ему Общество и объявивъ мое о немъ мнѣніе, онъ, кажется, раздѣлялъ это мнѣніе и былъ съ своей стороны всегда увѣренъ въ ничтожности Общества. Съ этимъ человѣкомъ впослѣдствіи я часто видѣлся, даже жилъ вмѣстѣ, но во все время едва-ли однажды мы говорили объ Обществѣ.

«Возвратившись въ Петербургъ по уничтоженіи Общества, я попалъ по службѣ къ такой должности, которая не позволяла мнѣ заниматься ничѣмъ кромѣ процессовъ. Знакомство мое съ бывшими членами Общества не пресѣклось, такъ какъ оно и составилось не по Обществу. Видаюсь съ ними, почти никогда не говорили мы ни о чемъ, до бывшаго Общества относящемся. Но вмѣстѣ съ симъ, въ это время, я слышалъ о существованіи нѣсколькихъ обществъ, не говорили впрочемъ, какихъ и изъ кого состоящихъ именно. Зная по опыту, что значать эти общества, я не обращалъ на сіи вѣсти никакого вниманія. Иногда нѣкоторые говорили о составленіи новаго Общества. Я отклонялся отъ этого. Однажды настоянія о составленіи новаго Общества были весьма сильны. Они были обращаемы ко мнѣ однимъ изъ лицъ, не бывшихъ въ петербургскомъ обществѣ ¹⁾. Но при сихъ-то самыхъ настояніяхъ я слышалъ изложеніе той теоріи, о которой упомянулъ выше. Могъ ли я, уже по одной сей причинѣ, рѣшиться на составленіе общества на такихъ правилахъ, еслибъ я не имѣлъ другихъ причинъ? Оспаривая теорію, я отклонилъ принятіе сихъ правилъ. При семъ случаѣ я долженъ упомянутьъ объ одномъ обстоятельстве, ясно доказывающемъ ничтожность

¹⁾ Еслибъ Общество было, еслибъ я принадлежалъ къ нему, могли ли бы имѣть мѣсто такія настоянія?

П р и м ѣ ч. Тургенева.

усилій, къ образованію Обществъ стремившихся. Тотъ, кто дѣлалъ мнѣ предложеніе, получивъ отказъ, отвѣчалъ мнѣ, что такіе отказы весьма вредны для образованія Общества, что если тѣ, на коихъ можно считать для вступленія въ Общество, узнаютъ истину, узнаютъ, что только человѣкъ пять готовы образовать Общество, то все предпріятіе должно рушиться. Эти слова лучше всѣхъ доводовъ и изъясненій показываютъ дѣло и всю тайну Обществъ въ настоящемъ видѣ. Я удержался и при моемъ отказѣ привелъ между другими причинами намѣреніе мое ѣхать за границу лѣчиться. Этотъ же человѣкъ и въ это же время говорилъ мнѣ о соединеніи остатковъ существовавшаго Общества въ Петербургѣ съ подобнымъ Обществомъ (или съ одною изъ отраслей бывшаго Петербургскаго Общества, точно не знаю) во второй арміи. Я никогда не имѣлъ подробнаго понятія о семъ Обществѣ во 2-й арміи, но тутъ ясно увидѣлъ, что и оно не было значительнѣе Петербургскаго. Отказавъ за себя, я не желалъ, чтобы и другіе приняли сіе предложеніе. Я сообщилъ сіе мнѣніе нѣкоторымъ лицамъ, которыя, кажется, не принадлежали прежде къ Петербургскому Обществу, но хлопотали о составленіи или возобновленіи Общества. Было совѣщаніе, на которомъ, сколько могу помнить, всѣ отказались соединиться съ Обществомъ 2-й арміи, находя правило повиновенія, которое было предлагаемо, неудобнымъ. Вскорѣ послѣ сего я оставилъ Петербургъ, почитая себя не принадлежащимъ ни къ какому Обществу. Можно ли обвинять меня въ томъ, что предъ отъѣздомъ въ чужіе края я не вышелъ изъ Общества? Откуда и какъ я могъ выйти? Гдѣ я могъ найти Общество или членовъ, его представлявшихъ? И сія невозможность выйти изъ Общества не есть ли лучшее доказательство, что никакого Общества тогда не существовало. Прежнее было уничтожено въ Москвѣ. Новаго при мнѣ составлено не было. И такъ я имѣлъ полное право почитать себя не принадлежащимъ ни къ какому Обществу, при выѣздѣ изъ Санктпетербурга.

«Въ извѣстіяхъ, напечатанныхъ въ газетахъ, говорятъ, что, по разрушеніи Общества въ Москвѣ, составилось новое изъ нѣкоторыхъ избранныхъ членовъ. Я рѣшительно могу сказать, что новаго Общества составлено не было; даже принимая составленіе сего новаго Общества какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, говорили о соединеніи остатковъ Петербургскаго Общества съ обществомъ 2-й арміи; представляли даже проекты правилъ новаго Общества; говорили также о существованіи многихъ другихъ Обществъ, но Общества, даже подобнаго прежнему, составлено не было. Если кто-либо изъ участвовавшихъ въ сихъ разговорахъ показываетъ теперь, что послѣ одного составлено было другое Общество, то я не знаю, чему сіе приписать: или одушевляющему ихъ сильному желанію составить новое Общество, желанію, которое заставляло ихъ видѣть дѣло въ словахъ, или можетъ быть намѣренію—вовлеченіемъ

другихъ лицъ въ обвиненіе—нѣсколько оправдать самихъ себя. Для меня такое предположеніе тягостно. Но, вспоминая все, что было, все, что я видѣлъ послѣ разрушенія Общества въ Москвѣ, я не могу найти никакого повода къ показанію, что было составлено новое Общество.

«Вотъ изъясненія, касающіяся до дѣла, общаго для всѣхъ обвиняемыхъ въ участіи въ тайныхъ обществахъ. Я изложилъ мѣру участія моего собственнаго. Но дабы сдѣлать объясненіе, относительно меня исключительно, полнымъ, я долженъ присоединить къ сему нѣсколько другихъ обстоятельствъ, и сіе даже съ опасеніемъ повредить самому себѣ болѣе, нежели сколько предѣлы признанія строго требуютъ.

«Одна главная господствующая мысль наполняла и наполняетъ все мое нравственное бытіе. Всѣ прочія мысли, всѣ мои дѣянія, болѣе или менѣе, и невольно направляются къ сей главной мысли. Мнѣ кажется, что для сей мысли я живу, что за нее готовъ и умереть. Эта мысль: уничтоженіе крѣпостнаго состоянія въ Россіи. Эта мысль, эта страсть, если хотите, заставили меня принимать участіе въ Обществѣ до его разрушенія. Эта мысль приводила меня искать успѣха къ освобожденію крестьянъ въ масонствѣ: было время, когда я думалъ, что полезно учредить новую степень въ масонствѣ съ цѣлію уничтоженія рабства. Эта мысль поселила во мнѣ намѣреніе издавать журналъ и посредствомъ онаго распространять мнѣнія о необходимости освобожденія крестьянъ. Ни масонство, ни журналъ не удались, также какъ не удалось и Общество. Наконецъ эта же мысль предтавилась мнѣ и при разрушеніи Общества. Я всегда почиталъ долгомъ не пропускать никакого случая даже самаго маловажнаго, дѣйствовать въ пользу освобожденія. Скажу теперь откровенно, но справедливо: я находилъ удачу, хотя и весьма не значительную, только по службѣ, т. е. въ дѣлахъ, которыя могли проходить чрезъ мои руки. Всѣ частныя мои попытки остались безуспѣшными. По уничтоженіи Общества, не смотря на опытъ неуспѣшности, я невольно опять началъ думать, не могу ли сдѣлать чего-либо для своей цѣли. Видя около себя людей, которые продолжали желать тайныхъ обществъ, я предпринялъ изложить нѣсколько правилъ для составленія такого Общества съ главною цѣлію, съ необходимымъ условіемъ освобождать собственныхъ своихъ людей. Я сообщилъ мои правила нѣкоторымъ лицамъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ. Нельзя было ничего сказать противъ справедливости моихъ предложеній. Всѣ ихъ одобряли, но вмѣстѣ съ оимъ я видѣлъ, что и по изъясненіи согласія ни одной отпускнуой дано не было. Это болѣе и болѣе убѣдило меня въ невозможности сдѣлать что-либо сими средствами въ пользу моей цѣли, и я наконецъ ограничился только дѣйствіями моими по службѣ.

«Изложивъ такимъ образомъ обстоятельства, касающіяся до меня въ совокупности съ другими, равно какъ и тѣ, кои касаются до меня

исключительно, я могу надѣяться, что люди, судящіе хладнокровно, безъ вліянія посторонняго, безъ невыгодныхъ предубѣжденій; люди, знающіе по опыту силу убѣжденій душевныхъ, глубокихъ, не останутся въ нерѣшительности произнести мое оправданіе. Но надежда моя простирается далѣе: я полагаю, что и по законамъ я могу быть оправданъ.

«Меня обвиняютъ: 1) Въ участіи въ тайныхъ обществахъ. 2) Въ изъясненіи какихъ-то незаконныхъ мнѣній въ совѣщаніяхъ и бесѣдахъ.

«Вотъ мое оправданіе передъ закономъ: не довольно, чтобы Общество было тайно, дабы быть преступнымъ. Надлежитъ, чтобы цѣль и дѣйствія Общества были преступны. Единственный уставъ Общества была такъ называемая «Зеленая книга». Въ ней не было ничего преступнаго. Дѣйствія Общества были ли преступны? Сего никакъ доказать нельзя, ибо Общество не дѣйствовало, и я, какъ членъ сего Общества, не могу привести ни одного поступка, который бы я произвелъ въ дѣйство въ качествѣ члена сего Общества. Къ сему надлежитъ прибавить, что сіе Общество было разрушено самими членами онаго.

«На 2-е: Мнѣнія предъ закономъ не могутъ быть признаваемы преступными, покуда они не гласны. Гласность остоитъ въ объявленіи мнѣній или всенародно въ публичныхъ мѣстахъ, или посредствомъ печати. Я могъ въ разговорахъ съ знакомыми излагать мнѣнія рѣзкія, неосновательныя; но при всемъ томъ то, что я говорилъ—были мнѣнія, не публично разглашаемыя. Самое понятіе слова «мнѣніе» означаетъ, что оно можетъ быть несправедливо, можетъ измѣниться. Впрочемъ, если бы мнѣнія, мною въ то время произносимыя, были постояннымъ послѣдствіемъ моихъ правилъ, которыя не могутъ мѣняться подобно мнѣніямъ,—то я конечно помнилъ бы ихъ. Но я истинно могу сказать, что не помню, какія именно мнѣнія я излагалъ въ разговорахъ съ членами Общества; не вспомнилъ бы и приводимыхъ выше словъ, еслибы мнѣ теперь ихъ не напомнили. Смыслъ сихъ словъ, если впрочемъ смыслъ въ нихъ есть—такъ далекъ отъ всѣхъ моихъ правилъ, что я почти сомнѣваюсь, что произнесъ ихъ. Но, положи руку на сердце, кто можетъ сказать, что сіи слова и по формѣ, и по смыслу, простирались за предѣлы шутки.

«Далѣе меня могутъ обвинять: 3) Въ участіи въ Обществѣ, составленномъ по разрушеніи перваго. Здѣсь оправданіе предъ законами легче. Гдѣ слѣды того новаго Общества, въ которому, полагаютъ, что я принадлежалъ? Нѣтъ устава, по которому бы можно судить о виновности сего Общества. Если нѣтъ предмета преступленія (*corpus delicti*, *le corps du délit*), то нѣтъ и преступника. Это правило есть общее для всѣхъ законовъ.

«Сего для оправданія предъ закономъ достаточно. Если въ изъясненіи моемъ выше я говорилъ, что и по уничтоженіи прежняго Общества

толковали о составленіи новаго, что я самъ дѣлалъ попытки въ семъ намѣреніи; то принявъ и сіе за пунктъ обвинительный, судья, пожалѣвъ, можетъ быть, о заблужденіи, тщетно будетъ искать въ законахъ казни за толкованія, за желанія, за попытки такія.

«Наконецъ, дабы истощить всѣ отрасли обвиненія, могутъ обвинять меня: 4) и въ томъ, что я не донесъ о существованіи Общества. Но тутъ самъ законъ меня оправдываетъ и ограждаетъ, требуя въ доносѣ показаній ясныхъ, достовѣрныхъ, и подвергая казни за показанія недоказательныя. Съ самою сильною ревностію къ доносамъ, что могъ бы я показать на членовъ Общества? Что они написали «Зеленую книгу»? Что они собираются въ годъ два раза или три? Что они разговариваютъ о политическихъ предметахъ, не имѣя по большей части нужныхъ для сего овѣдѣній? Что иногда они собираютъ деньги для помощи бѣднымъ (ибо я не знаю другаго употребленія денегъ, которыя иногда нѣкоторые давали)? Но все сіе было бы не достаточно, и судья могъ бы отвѣчать мнѣ, что вмѣсто доноса, я долженъ бы посоветовать членамъ Общества познакомиться посредствомъ ученія и чтенія съ предметами, о коихъ они говорятъ. Вотъ именно что я и дѣлалъ: не доносилъ, а совѣтовалъ въ семъ смыслѣ.

«Впрочемъ я долженъ здѣсь объявить, что многіе изъ членовъ Общества, съ коими мнѣ случалось о семъ говорить, полагали, по многимъ причинамъ, что какъ «Зеленая книга», такъ и все Общество было извѣстно правительству. Я по крайней мѣрѣ не сомнѣвался въ семъ въ послѣднее время, и оказываемыя мнѣ милости покойнымъ императоромъ принималъ тѣмъ съ большею признательностію. То, что покойный императоръ поручилъ мнѣ сказать при отпускѣ меня за границу, подтвердило меня въ семъ мнѣніи. Я обѣщалъ исполнить то, что мнѣ совѣтовали (ибо государь, по безпредѣльной добротѣ души, приказалъ мнѣ сказать, что онъ мнѣ даетъ совѣтъ, какъ христіанинъ, а не приказаніе), и прося ту особу, которая мнѣ сообщила эти священныя, незабвенныя для меня слова, изъяснить предъ императоромъ мою живѣйшую душевную признательность, я полагалъ, что эпоха всѣхъ моихъ, такъ называемыхъ, либеральностей миновалась безвозвратно. Въ семъ увѣреніи я пребывалъ съ тѣхъ поръ по нынѣ. И сіе обстоятельство дѣлаетъ для меня чрезмѣрно горестнымъ необходимою оправдываться нынѣ не только въ участіи въ этомъ несчастномъ Обществѣ, но, можетъ быть, и въ предполагаемомъ заговорѣ—противъ кого?—Великій Боже! сотворилъ ли Ты меня такимъ чудовищемъ!

«Газеты нѣсколько разъ повторяли, что, кромѣ тайныхъ обществъ, былъ еще заговоръ... противъ жизни покойнаго императора. Я истинно не знаю, долженъ ли я отклонять отъ себя подозрѣніе такого рода! Въ такомъ обвиненіи конечно не я долженъ оправдываться. Не распро-

страшаясь о чувствахъ, которыя питалъ я къ покойному государю, скажу только, что, по моему убѣжденію, онъ болѣе всѣхъ земнородныхъ сдѣлалъ въ пользу той вещи, которую я почитаю важнѣйшею и священнѣйшею,—въ пользу освобожденія крестьянъ. Скажу еще въ отношеніи къ другимъ членамъ Общества, что во всѣхъ совѣщаніяхъ никогда не было сказано ни полслова, которое могло бы позволить заключеніе о намѣреніяхъ столь глупо жестокихъ. Это я очень помню, ибо никогда не забылъ бы такихъ словъ, которыя могли бы имѣть въ смыслѣ своемъ что-либо похожее на такое обвиненіе.

«Все, что я изложилъ доселѣ, кажется мнѣ достаточнымъ для моего оправданія и предъ законами и предъ людьми, которые будутъ судить о моихъ поступкахъ такъ, какъ надлежитъ судить о дѣяніяхъ человѣческихъ вообще, сообразно словамъ, произнесеннымъ Екатериною II: «*justice n'est pas justice, justice est équité*». Повторю еще истинное, всегдашнее мое убѣжденіе: я никогда не почиталъ Общества серіознымъ, никогда не воображалъ, что могу быть подверженъ отвѣтственности по участію въ такомъ Обществѣ. Намѣренія мои были всегда чисты, дѣянія мои никогда не были преступны. Мои разговоры могли быть и конечно были неосновательны. Вотъ все, что противъ меня сказать можно.

«Если бы все относящееся къ тайнымъ обществамъ кончилось въ то время, о которомъ говорю; если бы всѣ лица, принадлежавшія къ тайнымъ обществамъ, находились въ такомъ же положеніи, въ какомъ находился я въ послѣдніе два года, т. е. былъ совершенно чуждъ всему, что происходило въ Россіи, то конечно никто не сталъ бы обвинять ихъ ни въ какихъ преступныхъ замыслахъ. Но было возмущеніе! Нѣкоторые изъ лицъ, принадлежавшихъ къ Обществу, участвовали въ семъ возмущеніи. И теперь сіе возмущеніе на основаніи сдѣланныхъ показаній, приписывается Обществу! Въ семъ Обществѣ участвовалъ и я, слѣдовательно, и я обязанъ дать отчетъ въ возмущеніи.

«Я могъ дать отчетъ въ моемъ участіи въ Обществѣ, потому что я зналъ это Общество. Но не могу дать совершенно никакого отчета въ возмущеніи, ибо первое понятіе о немъ я получилъ съ первымъ извѣстіемъ, въ газетахъ напечатаннымъ. При семъ первомъ извѣстіи я никакъ не могъ заключить, чтобы возмущеніе произошло отъ бывшаго Общества, ибо почти никто изъ тѣхъ, коихъ означили участниками возмущенія, не принадлежалъ къ Обществу,—по крайней мѣрѣ тогда, когда я зналъ Общество. Нѣкоторые изъ участвовавшихъ въ возмущеніи конечно принадлежали къ Обществу. Но неужели я могу отвѣчать за послѣдующіе поступки тѣхъ лицъ, кои нѣкогда вмѣстѣ со мною принадлежали къ Обществу? Я вижу, напротивъ того, что тѣ, съ коими, будучи вмѣстѣ въ Обществѣ, я всѣхъ болѣе былъ связанъ сходствомъ и мнѣніи

и чувствованій, будучи на самомъ мѣстѣ возмущенія, ни мало въ немъ не участвовали, и, какъ я слышу, совершенно теперь оправданы. Какъ же могу отвѣтствовать въ возмущеніи я, оставившій Россію почти за два года прежде возмущенія? Въ продолженіе моего отсутствія я не имѣлъ совершенно никакихъ сообщеній съ Россією, кромѣ писемъ отъ братьевъ, пока они тамъ были. Въ продолженіе всего этого времени я былъ совершенно чуждъ не только тому, что могли дѣлать или замышлять лица, участвовавшія со мною въ Обществѣ, но чуждъ даже всему, что дѣлалось вообще въ Россіи. Я оставилъ Россію для поправленія моего здоровья. Оно было въ такомъ состояніи, что я не могъ не только ничѣмъ заниматься, но даже ни о чемъ думать, кромѣ только средствъ избавиться отъ сильно вкоренившейся болѣзни. Всѣ тѣ, кои видали меня въ чужихъ краяхъ, могутъ засвидѣтельствовать, что я кромѣ своей болѣзни ни о чемъ не думалъ и не говорилъ. Первое извѣстіе о возмущеніи поразило меня такъ же, какъ и всѣхъ прочихъ русскихъ, которыхъ я тогда видѣлъ въ чужихъ краяхъ; и при семъ извѣстіи мнѣ никакъ не могло придти въ голову, что я впослѣдствіи буду принужденъ оправдываться въ такомъ дѣлѣ! Узнавая болѣе и болѣе подробностей о возмущеніи, я также ни мало не подозрѣвалъ, что замыслъ возмущенія былъ составленъ въ то время, когда и самое возмущеніе было предпринято. Я не буду оправдывать себя тѣмъ, что возмущенія не могутъ быть приписываемы мнѣ тѣми, которые меня знаютъ; ибо къ несчастію вижу, что въ семъ возмущеніи участвовали такіа лица, которыхъ я и самъ никогда не могъ почитать способными къ такимъ дѣламъ. Но вмѣстѣ я долженъ сказать, что между участвовавшими въ возмущеніи я нахожу такихъ людей, съ которыми (судя по ихъ репутаціи, ибо лично я ихъ не зналъ) я никогда не могъ бы имѣть ничего общаго, ни въ чемъ быть съ ними вмѣстѣ.

«Обвиняемыхъ, какъ я вижу по газетамъ, раздѣляютъ на два класса: тѣ, кои участвовали въ возмущеніи, и тѣ, кои, не участвовавъ въ ономъ, принадлежали къ Обществу.

«Тѣ изъ первыхъ, кои, участвовавъ въ возмущеніи, принадлежали къ Обществу, въ допросахъ должны были показать причину своего преступленія. Я полагаю, что единственная причина ихъ дѣяній была ихъ воля. Но сіа причина слишкомъ отвлеченною могла быть для нихъ. Гораздо проще было указать на Общество и существованію сего Общества приписать причину возмущенія, тѣмъ болѣе, что, принадлежавъ къ Обществу, они могли въ разговорахъ своихъ одобрять происшествія сего рода, бывшія въ Гишпаніи и Италіи. Но если бы ихъ спросили: возлагало ли Общество обязанность бунтовать и рѣзать? Кто изъ нихъ могъ бы отвѣчать утвердительно на сей вопросъ? Если же Общество, или уставъ сего Общества, такой обязанности на нихъ не возлагали,

то очевидно, что единственною причиною, единственнымъ источникомъ ихъ дѣяній была собственная ихъ воля. Новымъ доказательствомъ служить и то, что тѣ, кои наиболѣе участвовали въ возмущеніи, къ Обществу не принадлежали, и собственная, индивидуальная воля была и для нихъ единственною побудительною причиною.

«Что касается до тѣхъ, кои, принадлежавъ къ Обществу, не участвовали въ возмущеніи, то они въ показаніяхъ своихъ конечно не могли отрицать, что принадлежали Обществу, они могли также сознаться, что въ совѣщаніяхъ и разговорахъ они произносили слова неосторожныя, неосновательныя. Но отъ мнѣній и рѣчей до дѣяній разстояніе безпредѣльно. И отъ самыхъ сихъ мнѣній или рѣчей они добровольно отказались тѣмъ самымъ, что, бывъ на самомъ мѣстѣ возмущенія, они въ немъ не участвовали. Такое отреченіе отъ прежнихъ мнѣній должно служить для нихъ лучшимъ оправданіемъ, доказывая, что если грѣшили языкомъ, то сердце оставалось всегда невиннымъ. Я не знаю, что они показывали, въ чемъ признавались; но, судя по подробностямъ, напечатаннымъ въ газетахъ, судя по тому, что они не забыли даже фразы, которую я произнесъ за нѣсколько лѣтъ, которую я самъ давно позабылъ и теперь едва могу вспомнить, мнѣ кажется, что они высказали совершенно все съ особенною подробностію. Сіе не позволяетъ сомнѣваться ни въ полнотѣ, ни въ искренности ихъ признанія. Послѣ сего я смѣлъ бы желать, чтобы имъ сдѣлали слѣдующій вопросъ: почитали ли они когда-либо Общество вещью серіозною? Имѣли ли они когда-либо ясное понятіе о цѣли Общества, о средствахъ, кои долженствовали вести къ сей цѣли? Я увѣренъ, что на сіе они отвѣчали бы отрицательно. О семъ спросить ихъ нужно, какъ для пользы ихъ собственной, такъ и для убѣжденія правительства, которое не только желаетъ отличить невинныхъ отъ виновныхъ, но конечно не захочетъ лишить себя средствъ удостовѣриться и удостовѣрить свѣтъ, что тайныя общества въ Россіи не имѣли той значительности, которую предполагаютъ по теперешнимъ о нихъ извѣстіямъ. Скажу болѣе: конечно, правительство не захочетъ отвергнуть средствъ объявить, что обвиняемые сего класса лица не столь виновны, какъ, можетъ быть, показываютъ собственныя ихъ признанія.

«Вотъ все, что я могу сказать о возмущеніи. Въ продолженіе моего изъясненія, я не называю лицъ по именамъ. Кромѣ того, что я полагаю это бесполезнымъ, ибо всѣ лица сіи уже извѣстны, я опасаюсь, исчисляя имена, ошибиться и вмѣсто одного назвать другого. Относительно числа лицъ я могу только сказать, что, принадлежавъ къ Обществу, я видался, можетъ быть въ разныя времена, съ 10 или 15 чело-вѣками, но слыхалъ, что къ Обществу со времени его учрежденія принадлежало около 100 чело-вѣкъ.

«Здѣсь повторю еще, что всѣ мои объясненія, относительно времени, простираются не далѣе начала 1824 года, когда я выѣхалъ изъ Россіи. Было ли составлено вновь какое-либо Общество, не знаю; былъ ли заговоръ, о которомъ пишутъ, не только не знаю, но и вѣрить теперь сему не могу;—хотя послѣ бывшихъ происшествій всему вѣрить позволительно. Я долженъ сказать также, что говорю только о томъ, что могу теперь вспомнить. Въ послѣднее время я совершенно не думалъ ни о какихъ обществахъ; существованіе того, къ которому принадлежалъ, изгладилось было изъ моей памяти и возобновилось только при видѣ извѣстій о семъ Обществѣ.

«Въ заключеніе моего объясненія да позволено мнѣ будетъ упомянуть объ одномъ обыкновеніи англійскаго уголовного судопроизводства. По изслѣдованіи дѣла, по обнаруженіи вины подсудимаго, судья въ изложеніи существа дѣла присяжнымъ всегда представляетъ имъ прежнюю жизнь подсудимаго, его качества, его поведеніе. Я желалъ бы, чтобы взглянули и на мои занятія, и, положивъ на вѣсы съ одной стороны мое участіе въ Обществѣ, которое я выше описалъ, и мои дѣла, съ другой, рѣшили: могу ли я быть виновенъ въ какомъ-либо содѣйствіи въ происшествіяхъ, покрывшихъ печалію мое отечество?

«Наконецъ я долженъ сдѣлать еще одно признаніе, которое для меня весьма трудно, и именно: мучительна для меня необходимость оправдываться въ дѣлѣ... ребяческомъ, и мучительна потому болѣе, что я и прежде таковымъ почиталъ Общество и всѣ его затѣи. Давно переставъ думать объ Обществѣ, мнѣ казалось, что я простилъ самъ себя,—не скажу мои заблужденія, ибо — по истинѣ—я едва даже и заблуждался; но вѣтренность, съ какою я все слушалъ, все говорилъ,—и сказалъ бы, все дѣлалъ, если бы я что-нибудь дѣлалъ. Теперь будучи въ жестокой необходимости оправдываться въ такомъ ребяческомъ дѣлѣ,—я терплю болѣе, нежели заслужилъ».

Записка эта не удовлетворила слушателей.

— *Cette justification est trop à l'eau de rose* ¹⁾,—сказалъ князь Голицынъ по окончаніи чтенія.

«Князь Голицынъ, прибавляетъ князь Вяземскій ²⁾, былъ человекъ отменно благовольтельный, онъ вообще любилъ и поддерживалъ подчиненныхъ своихъ. Александра Тургенева онъ уважалъ и отличалъ особенно. Нѣтъ сомнѣнія, что онъ обрадовался бы первой возможности придратъ къ случаю быть защитникомъ любимаго брата, любимаго имъ Александра Тургенева; однако же записка не убѣдила его» ³⁾.

¹⁾ Въ этомъ оправданіи слишкомъ много розовой воды.

²⁾ „Русскій Архивъ“ 1876 г. Т. I, стр. 356.

³⁾ Не имѣя въ своихъ рукахъ показаніе участниковъ тайнаго общества и не зная подробностей, въ чемъ обвиняютъ его, Н. И. Тургеневъ, не могъ

Возвращая записку, князь Голицынъ, конечно, высказалъ свое мнѣніе о ней Александру Тургеневу, но послѣдній, продолжая хлопотать о братѣ, вновь обратился къ государю и писалъ ему ¹⁾:

«Всемиловѣйшій государь! Прилагаемое у сего письмо получилъ я сегодня. Любовь къ брату и ужасъ о судьбѣ его объемлютъ всю мою душу. Я увѣренъ, я убѣжденъ въ томъ, что онъ не причастенъ въ злодѣйскихъ замыслахъ.

«Уже теперь, однимъ подозрѣніемъ, наказанъ онъ сверхъ мѣры за то, что участвовалъ въ совѣщаніяхъ Общества, еще не образованнаго, коего проектъ устава ему извѣстный не содержалъ ничего преступнаго. Душа, правила моего брата чужды злодѣйствамъ.

«Его обвиняютъ въ словахъ, въ мнѣніяхъ, но кто обвинитель? кто показываетъ о томъ, что онъ думалъ, говорилъ? Оправданіе его въ рукахъ вашего императорскаго величества. Умоляю васъ—прочестъ его и приказать судить безъ предубѣжденія.

«Милосердіе, нѣтъ, самая справедливость сего требуетъ. И здѣсь, въ присутствіи судей, не сказалъ бы онъ ничего болѣе того, что написалъ.

«Болѣзнь его, жестокая и неизлѣчимая, не есть пустое извиненіе; но истинна, и слѣдовательно законная причина для отсутствія. Оно не должно пасть ему въ новое обвиненіе. Слова, ему приписываемыя, коихъ онъ и не помнить, не имѣли, не могли имѣть того ужаснаго, преступнаго значенія, которое придаютъ имъ. Сказанное въ разговорѣ, котораго такъ же, какъ и словъ, онъ и припомнить не можетъ, можетъ ли составить обвиненіе, какъ злодѣяніе, какъ измѣна! Боже мой! Онъ-ли, пылавшій и пылающій любовью къ государю, жизнь посвятившій службѣ его, можетъ быть въ семъ обвиняемъ! Государь! Прочтите письмо его, прочтите чистоосердечную его исповѣдь къ брату. Такъ ли чувствуетъ, такъ ли говоритъ преступникъ? Простите мнѣ сіи строки. Положеніе мое теперь ужасно. Богъ отнимаетъ у меня не только брата, но и тѣхъ, кои знали его, его службу, его душу. Никакая казнь сравниться не можетъ съ тѣмъ, что чувствую въ сіи минуты! Богъ видитъ наше сердце. Онъ судитъ не по словамъ; слова и мнѣнія—не дѣло, не преступленіе, не измѣна. Слезами омываю руки ваши».

Письмо это осталось, однако же, безъ послѣдствій. Николай Ивановичъ Тургеневъ былъ осужденъ, приговоръ вошелъ въ свою силу, и онъ поселился въ Англіи. Тяжела была для него жизнь на чужбинѣ. Убѣжденный въ невинности своего друга и желая придти къ нему

составить основательнаго оправданія. Впослѣдствіи онъ написалъ то, которое было напечатано въ „Русской Старинѣ“.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 23-го мая 1826 года. Письмо это получено нами отъ П. Н. Тургенева.

на помощь, В. А. Жуковский упорно ходатайствовалъ за Н. И. Тургенева и старался оправдать его въ глазахъ государя.

Императоръ Николай выслушивалъ Жуковского, не препятствовалъ ему быть въ сношеніяхъ съ братьями Тургеневыми, не особенно негодовалъ на Николая ¹⁾, но не считалъ возможнымъ измѣнить приговоръ верховнаго суда. Такъ прошло три года; въ апрѣлѣ 1829 г. Н. И. Тургеневъ прислалъ Жуковскому письмо для представленія его императору.

«Всемилоостивѣйшій государь,—писалъ Николай Ивановичъ Тургеневъ. Уже скоро годъ (?) какъ я ношу на себѣ имя измѣнника противъ отечества и государя. Я самъ навлекъ на себя это несчастіе; своею неаякою лишилъ я себя средствъ доказать свою невинность. Не оправдываю себя въ сей настоящей винѣ моей. Но, государь, за сію единственную вину, за которую въ нашихъ законахъ не положено и наказанія, мнѣ назначена казнь выше казни уличенныхъ измѣнниковъ. Носивъ въ продолженіе года въ молчаніи и съ покорностію къ Промыслу на себѣ бремя сего осужденія, смѣю теперь думать, что я заслужилъ право говорить о самомъ себѣ передъ верховнымъ судилищемъ,—передъ государемъ. Смѣю теперь думать, что я получилъ право просить прощенія въ томъ, въ чемъ не могу совершенно оправдать себя; т. е. въ моей неаякѣ, и снять съ себя ту вину, которой не былъ причастенъ. Сія вина, вовсе мнѣ чуждая, не тяготитъ моей совѣсти, хотя осужденіемъ меня въ оной я и лишенъ на всегда и безвозвратно лучшаго изъ благъ земныхъ: возможности быть на что-либо годнымъ землѣ овоей и самаго необходимаго благополучія: жить въ землѣ сей. Чувство чистой совѣсти и обязанности мои, какъ человѣка и христіанина, требуютъ, чтобы я съ твердостію переносилъ неосчастія незаолуженныя. Съ помощію Бога Всевышняго и Всевидящаго, я надѣюсь переносить ихъ терпѣливо. Но моя неаяка, сія дѣйствительная вина моя—сильно бременитъ меня, и не смотря на безнадежность моего положенія, я не могу не искать облегченія отъ сего бремени въ великодушіи вашего императорскаго величества. Предъ вашимъ императорскимъ величествомъ я виновенъ. Къ вамъ, всемилоостивѣйшій государь, и обращаюсь. Снятие съ меня сего бремени, единственно моею виною причиненнаго, сдѣлаетъ меня совершенно невиннымъ и позволить мнѣ жить и умереть, какъ

¹⁾ Князь Вяземскій записалъ, что въ то время рассказывали слѣдующее: вскорѣ по учрежденіи слѣдственной комиссіи по дѣламъ политическихъ обществъ, Жуковский спрашивалъ государя: нужно ли Николаю Тургеневу возвратиться въ Россію? Государь отвѣчалъ: „Если спрашиваетъ меня, какъ императора, скажу: нужно; если спрашиваетъ какъ частнаго человѣка, то скажу: лучше ему не возвращаться“ („Рус. Арх.“ 1876 г, Т. I, стр. 254).

жилъ дотолѣ: съ чувствомъ не нарушенныхъ обязанностей ни въ какомъ отношеніи. Что побудило меня не явиться? Скажу откровенно: я былъ въ отдаленіи, не совсѣмъ оправившись отъ продолжительной болѣзни. Характеръ вашего императорскаго величества былъ мнѣ тогда не извѣстенъ. Я зналъ, что противъ меня было сильное предубѣжденіе, основанное на образѣ мыслей моихъ, которыя я никогда не скрывалъ и обнаруживалъ, можетъ быть, съ излишнею рѣзкостію, не щадя ничьяго самолюбія, и тѣмъ самымъ подалъ поводъ къ заключеніямъ на счетъ моихъ правилъ, неблагопріятнымъ даже враждебнымъ, но вообще не справедливымъ; ибо, думая объ одномъ только освобожденіи отъ рабства крестьянъ, занятый исключительно сею мыслию, мыслию любимую и покойнаго государя—я всегда былъ и мнѣніями и поступками врагомъ безпорядка и буйствъ. Но предубѣжденіе сіе существовало, и я не могъ думать, что меня будутъ судить безпристрастно, тѣмъ болѣе, что и самое правительство, прежде нежели судъ рѣшилъ, злодѣй ли я или нѣтъ, уже нѣкоторымъ образомъ признало меня преступникомъ, ибо мнѣ сказано было, именемъ вашего императорскаго величества, что я буду немедленно объявленъ (*signalé*) государственнымъ измѣнникомъ, если не явлюсь къ отвѣту. Все сіе могло рѣшить меня на поступокъ неизвинительный, котораго не хочу оправдывать. Но, повторяю, не страхъ за преступленіе, коему я не былъ причастенъ, но опасеніе, что меня обвинять по одному предубѣжденію, рѣшило меня не явиться.

«Предъ тѣмъ я послалъ письменное объясненіе: оно не могло быть ни подробно, ни удовлетворительно; ибо я не зналъ всей обширности и важности того ужаснаго дѣла, въ которомъ я оказался замѣшаннымъ, и не могъ отразить тѣхъ обвиненій, коихъ не могъ ни угадывать, ни почитать возможными. Мое объясненіе не было принято въ уваженіе, и я, въ отсутствіи, безъ собственнаго признанія и безъ всякихъ убѣдительныхъ причинъ, осужденъ какъ участникъ въ заговорѣ противъ отечества и жизни государя. Довѣренность къ вашей строгой справедливости, обязанность противъ моего отечества, которому служилъ съ пламенною любовію и съ безкорыстіемъ, обязанность противъ самого себя и особенно благодарность къ тому, который, зная образъ моихъ мыслей, отдавалъ мнѣ справедливость и противъ жизни котораго признанъ я неистовымъ заговорщикомъ,—побудили меня обратить безпристрастный взоръ на прошедшую жизнь мою. Покойному государю извѣстно было, что я въ разное время говорилъ, извѣстно было, къ какому обществу я принадлежалъ. Но онъ все простилъ мнѣ—и мои рѣзкія слова и мои рѣзкія мнѣнія, и принадлежность къ тайному обществу (впрочемъ, не преступному). Онъ не только продолжалъ употреблять меня по дѣламъ службы; но принялъ съ благоволеніемъ проектъ мой «О рабствѣ», велѣлъ благодарить меня за оный, отпустилъ меня за границу, осыпавъ

благодѣяніями, велѣлъ мнѣ сказать только, чтобы я оставилъ мои либеральности. Я принялъ совѣтъ, какъ повелѣніе, и исполнилъ оное свято, и почиталъ себя чуждымъ всего, кромѣ благодарности къ тому, кто открылъ забвеніемъ прошедшее и съ нимъ мои заблужденія. И въ чужихъ краяхъ получилъ я предложеніе по волѣ покойнаго государя принять новое мѣсто; слышалъ, что и не за долго до кончины его, меня поразившей, онъ не перемѣнилъ обо мнѣ мнѣніе.

«Приношу, государь, къ вашему трону мою исповѣдь: въ ней все сказано. Если бы съ нею въ рукахъ явился я предъ судомъ, то она опровергнула бы неосновательныя показанія моихъ обвинителей и спасла бы отъ осужденія. Судьи мои, тѣ, кои могли поставить меня на-ряду съ измѣнниками и убійцами, не примутъ ее. Но вы, государь, судья моихъ судей, обратите на нее взглядъ внимательный! Именемъ вашимъ погублена моя честь предъ лицомъ моего отечества. Вы бы спасли ее, когда бы мой голосъ дошелъ до васъ прежде приговора! Но и послѣ приговора этотъ голосъ будетъ до васъ доступенъ. Екатерина сказала: лучше простить десять виновныхъ, чѣмъ наказать одного невиннаго. Я невиненъ—а вы на престолѣ Екатерины».

Письмо это было представлено императору, при чемъ самъ В. А. Жуковский писалъ ему ¹⁾:

«Всемилоствѣйшій государь, на колѣняхъ прошу ваше императорское величество оказать мнѣ монаршую милость. Увѣренъ, что не прогнѣваю васъ сею просьбою, которой не могу не принести вамъ, ибо не буду имѣть покоя душевнаго, пока не исполню того, что почитаю священнойшею должностію. Государь, снова прошу о Николаѣ Тургеневѣ, но уже не о его оправданіи—если чтеніе бумаги его ²⁾ не произвело надъ вашимъ величествомъ убѣжденія въ пользу его невинности, то уже онъ ничѣмъ оправданъ быть не можетъ. Прошу ваше величество объ одномъ милосердіи, которое достойно вашего сердца и которое въ семъ случаѣ не можетъ быть несправедливостію. Государь, приговоръ, произнесенный надъ Николаемъ Тургеневымъ, былъ убійствененъ не для одного его, но и для его братьевъ. Младшій ³⁾, находившійся по болѣзни въ Италіи, былъ вызванъ къ суду: онъ немедленно покори́лся вызову и поѣхалъ въ Россію. Въ Дрезденѣ получилъ онъ позволеніе остановиться за границею, ибо на него не было никакихъ показаній (и не могло быть, ибо онъ совершенно ничему непричастенъ). Но

¹⁾ Начало и заключеніе этого письма, впрочемъ не дословно, напечатаны въ статьѣ кн. П. А. Вяземскаго „Жуковский, какъ адвокатъ Н. Тургенева передъ императоромъ Николаемъ“ см. „Русскій Арх.“ 1876 г. Т. I, стр. 255 и 256.

²⁾ Оправдательной записки.

³⁾ Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ.

вызовъ и, наконецъ, приговоръ брата разстроили его такъ сильно, что онъ потерялъ рассудокъ: онъ умеръ въ Парижѣ на рукахъ у меня и у старшаго брата. Государь, сіе несчастное сумасшествіе, сія преждевременная смерть суть слѣдствія вызова, сдѣланнаго по подозрѣнію, оказавшемуся несправедливымъ: они даютъ мертвому право на милосердіе ваше къ живому осужденному. Онъ боленъ, жизнь въ климатѣ Англіи умертвить его; онъ могъ бы быть спасенъ въ южномъ климатѣ Европы. Прошу не о позволеніи ему жить, гдѣ пожелаетъ—на такое позволеніе онъ права имѣть не можетъ; прошу только о доставленіи ему возможности оставить Англію, не опасаясь никакого преслѣдованія. По волѣ вашей сего преслѣдованія быть не можетъ, но наши иностранныя миссіи обязаны не позволять ему жить свободно въ мѣстахъ, отъ вліянія ихъ зависящихъ.

«Государь, державъ въ семъ случаѣ просить васъ быть личнымъ моимъ благотворителемъ: я страшусь за бѣднаго его брата, съ которымъ друженъ съ дѣтства и который теперь неразрывно соединилъ судьбу свою съ бѣдственною судьбою осужденнаго. Дайте мнѣ счастье спасти его вашею милостію. Если бы могло быть сообщено подъ рукою повѣлѣніе, хотя англійскому посольству (а оно уже могло бы сообщить его и другимъ отъ себя), чтобы Николаю Тургеневу не препятствовать жить, гдѣ онъ пожелаетъ за границею, то милость ваша была бы неизреченна. Примите въ залогъ мое честное слово, что онъ нигдѣ ни словомъ, ни дѣломъ не навлечетъ на себя никакого нареканія отъ правительства. Государь, не откажите въ сей милости. Съ восхитительнымъ чувствомъ благодарности къ вамъ она прольетъ и ясность и спокойствіе на всю мою жизнь, столь совершенно вамъ преданную.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподанный В. Жуковский» ¹⁾.

Не ограничиваясь этимъ письмомъ и желая ознакомить Бенкендорфа, въ рукахъ котораго находились теперь всѣ дѣла осужденныхъ декабристовъ, со всѣми подробностями о прошломъ и настоящемъ положеніи Николая Тургенева, В. Жуковский отправилъ ему въ копіи почти всю переписку по этому дѣлу ²⁾. За отсутствіемъ изъ Петербурга Бенкендорфа, онъ писалъ правителю канцеляріи шефа жандармовъ Максиму Яковлевичу Фонъ-Фоку ³⁾:

«Имѣю честь препроводить къ вашему превосходительству тѣ бу-

¹⁾ Сообщено И. А. Бычковымъ, изъ бумагъ его покойнаго отца, академика А. Ѳ. Быкова.

²⁾ Оправдательную записку Н. Тургенева, напечатанную нами выше; письмо Н. Тургенева; выписки изъ его писемъ къ братьямъ (Письма эти полностью были напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1901 г. № 5) и свое письмо къ государю.

³⁾ Стѣ 30-го іюня 1829 года. Арх. П. Н. Тургенева.

маги, о коихъ я имѣлъ честь говорить съ вами лично. Не прошу васъ ни о чемъ—вѣрю ихъ вашему благородному сердцу и вашему здравому уму. Прочтите ихъ безъ предубѣжденія и выведите изъ нихъ то заключеніе, которое внушитъ вамъ строгая справедливость и всегда согласное съ нею челоуѣколюбіе.

«Результатъ, коего на первый случай желаю и коего, по всей справедливости, ожидать можно и должно, есть слѣдующій: исходатайствовать, чтобы государь императоръ благоволилъ сдѣлать милость подъ рукою приказать дать миссіямъ нашимъ не препятствовать свободному пребыванію Николая Тургенева за-границею, тамъ, куда приведетъ его разстроенное здоровье. Если это удастся, то оказана будетъ милость, не противная самой строгой справедливости. Не прошу васъ быть ревностнымъ ходатаемъ за двухъ несчастныхъ ¹⁾, скажу только, что если вы поможете, съ своей стороны, удачѣ сего дѣла, то можете радоваться мыслию, что спасли жизнь двумъ достойнымъ людямъ. И тотъ и другой вамъ извѣстны.

«Я увѣренъ, что вы обратите на нихъ (на бумаги) заботливое вниманіе. Прошу еще объ одномъ: напомните генералу Бенкендорфу (по возвращеніи его) о семъ дѣлѣ; онъ расположенъ благопріятно. Нужно только воспользоваться симъ расположеніемъ и не дать дѣлу заглохнуть».

Повидимому, опасенія Жуковскаго оправдались, и до декабря мѣсяца не было получено никакого рѣшенія. Тогда Александръ Тургеневъ, жившій въ то время въ Парижѣ, рѣшился обратиться самъ съ просьбою къ императору и сообщилъ о томъ Жуковскому.

«Всемиловѣйшій государь,—писалъ А. И. Тургеневъ ²⁾,—вашему императорскому величеству благоугодно было принять въ Берлинѣ милостиво письмо мое, въ коемъ умолялъ я васъ, всемиловѣйшій государь, о безопасности для моего несчастнаго брата жить на континентѣ. Съ преданностію волѣ Божіей и съ вѣрою въ ваше сердце ожидалъ я разрѣшенія судьбы моей, страдая въ терпѣніи. Я не смѣлъ приступить снова къ престолу вашему, особливо въ дни испытанія, когда вмѣстѣ съ Россією и почти со всею Европою, дрожалъ и молился ³⁾. Провидѣніе васъ сохранило: сердце подданныхъ успокоилось.

«Нынѣ снова я рѣшился прибѣгнуть къ милосердію вашему, храня въ благородной душѣ высочайшее соизволеніе, вами въ Берлинѣ изъявленное. Я бы не дерзнулъ прибѣгнуть къ вамъ, всемиловѣйшій государь, но усиливающаяся болѣзнь и опасеніе за жизнь и послѣдняго брата преодолеваютъ силы души, изнемогшей въ бѣдствіяхъ и въ оди-

¹⁾ Александра и Николая Тургеневыхъ.

²⁾ Въ письмѣ изъ Парижа отъ „ „ декабря 1829 (января 1830 г.); числа не проставлены.

³⁾ По случаю пребыванія императора Николая въ Турціи въ 1829 году.

ночествѣ. Я умоляю не о немъ, а о себѣ и для себя. Онъ не хочетъ, чтобы я раздѣлялъ съ нимъ жизнь въ Англіи; а здѣсь живу я съ мыслию, что для облегченія неизлѣчимой болѣзни ему нуженъ южный климатъ и цѣлительныя воды. Умоляю васъ, всемилостивѣйшій государь, о возможности исполнить мою обязанность, умоляю объ одномъ себѣ. Вѣрю себя вашему сердцу неограниченно и буду сносить жизнь не безъ упованія».

Зная, что письмо это не минуетъ рукъ шефа жандармовъ, и, желая подкрѣпить просьбу Тургенева своею, Жуковскій отправился къ нему. При входѣ въ кабинетъ Бенкендорфъ встрѣтилъ его словами:

— Знаю, зачѣмъ вы пришли; но долженъ сказать вамъ нерадостный отвѣтъ. Государь рѣшительно отказалъ. Ему даже было неспріятно, что Тургеневъ говоритъ въ письмѣ своемъ объ общаніи, котораго ему никогда дано не было.

Жуковскій напомнилъ Бенкендорфу, что если государь не общалъ въ Берлинѣ ничего рѣшительнаго, то, по его же словамъ, изъявилъ согласіе обратить вниманіе на просьбу Александра Тургенева, спросить Нессельроде и даже пересмотрѣть дѣло Николая Тургенева. Бенкендорфъ не рѣшился доложить объ этомъ государю и отвѣчалъ Александру Тургеневу, что императоръ не можетъ ничего сдѣлать для удовлетворенія его просьбы, такъ какъ братъ его «отрекся отъ своего царя, не предавшись въ свое время великодушію его; что государь уже не считаетъ его своимъ подданнымъ» ¹⁾...

Къ этому Жуковскій прибавлялъ Тургеневу ²⁾: «Въ Берлинѣ государь былъ склоненъ обратить вниманіе на твою просьбу потому, что тогда Бенкендорфъ представилъ твое положеніе, какъ оно есть. Теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ представилъ письмо твое, вѣроятно безъ всякаго объясненія, и оно могло показаться государю новымъ требованіемъ. Онъ отказалъ, а Бенкендорфъ не объяснилъ ничего снова».

Такое объясненіе Жуковскій рѣшился сдѣлать самъ и писалъ императору ³⁾:

«Всемилоствѣйшій государь! Смѣю быть увѣренъ, что не навлеку на себя гнѣва вашего императорскаго величества моимъ поступкомъ. Исполняю обязанность, налагаемую на меня дружбою, и тѣмъ только

¹⁾ Письмо Бенкендорфа Алек. Тургеневу 29-го янв. 1830 г. № 415.

²⁾ Черновой отпускъ собственноручнаго письма, доставленный намъ графомъ Н. А. Бревверномъ-де-ля-Гарди.

³⁾ Въ письмѣ отъ 20-го января 1830 г. Изъ бумагъ покойнаго академика А. Ѳ. Бычкова. Черновой отпускъ въ нѣсколько намѣненномъ видѣ доставленъ намъ графомъ Бревверномъ-де-ля-Гарди.

вновь свидѣтельствую мою благоговѣйную довѣренность къ вашему характеру.

«Александръ Тургеневъ снова повергъ всеподданнѣйшую просьбу свою къ стопамъ вашего императорскаго величества. Онъ увѣдомилъ меня объ этомъ черезъ письмо. Я не ходатайствовать за него осмѣливаюсь передъ вашимъ величествомъ, ибо на это не имѣю никакого права. Но, всемилостивѣйшій государь, никому, кромѣ меня, здѣсь не извѣстно его бѣдственное положеніе; если оно въ сію минуту не будетъ столько же извѣстно и вамъ, то просьба его должна будетъ показаться вамъ дерзновенною; а дѣло идетъ о судьбѣ цѣлой его жизни. Я счелъ себя обязаннымъ представить всеподданнѣйше вашему величеству нѣкоторыя объясненія.

«Излагаю въ немногихъ словахъ то, что было съ Александромъ Тургеневымъ въ послѣдніе годы. Въ ту минуту, когда узналъ онъ въ Петербургѣ объ осужденіи старшаго своего брата, находившагося тогда въ Лондонѣ, получилъ онъ извѣстіе, что другой его братъ, бывшій въ Дрезденѣ, отъ горя лишился ума; пораженный приговоромъ одного брата, онъ принужденъ былъ спѣшить на помощь къ другому, безумному, прожилъ съ нимъ годъ, но не помогъ ему и наконецъ схоронилъ его. Отъ могилы мертваго переселился онъ къ другому, можно сказать, полумертвому, котораго нашелъ убитаго и потерю брата, и собственнымъ несчастіемъ, и климатомъ. Проведя съ нимъ нѣсколько времени, онъ долженъ былъ и его покинуть, ибо его присутствіе не облегчаетъ, а увеличиваетъ бремя жизни осужденнаго, который въ братѣ своемъ видитъ новую жертву судьбы, его постигшей. Онъ находится теперь въ Парижѣ для того, чтобы быть хотя вблизи брата. И такъ не можетъ быть ни съ нимъ вмѣстѣ, ни разнѣ. Такое состояніе можетъ быть названо мученическимъ, и тѣ, которые видѣли его въ послѣднее время, говорятъ, что онъ самъ, отъ безпрестанной тоски по братѣ, находится въ опасности потерять разсудокъ. Его состояніе тѣмъ болѣе бѣдственно, что онъ увѣренъ, что братъ его былъ бы совершенно оправданъ, еслибы явился къ суду, и что онъ себя почитаетъ одною изъ главныхъ причинъ его несчастія, ибо, видя, какое невыгодное мнѣніе на счетъ брата распространено было въ Петербургѣ во время производства слѣдствія, онъ самъ уговорилъ его прислать одно письменное оправданіе вмѣсто того, чтобы явиться лично. Но привсемъ полномъ убѣжденіи въ невинности брата, онъ умоляетъ васъ, государь не объ его оправданіи, а только о нѣкоторомъ облегченіи собственной участи, умоляетъ единственно о возможности спасти жизнь брата переселеніемъ его на континентъ. Все было бы сдѣлано для А. Тургенева, если бы дано было секретное повелѣніе нашимъ миссіямъ не тревожить его брата тамъ, гдѣ онъ на континентѣ жить будетъ.

«Государь! Александръ Тургеневъ жертвуетъ братской любви всею своею жизнію, спокойствіемъ, отечествомъ, дѣятельностію, счастіемъ служить вамъ — къ сему мнѣ прибавить нечего. Кто лучше васъ опредѣлитъ цѣну такому братскому самоотверженію? Повергаюсь ко стопамъ вашимъ съ неограниченною преданностію и любовію.

«Вашего императорскаго величества вѣрноподанный Жуковскій».

Въ пятницу 24-го января Жуковскій отнесъ это письмо въ кабинетъ государя и 30-го января писалъ А. И. Тургеневу:

«Вчера я получилъ письмо твое изъ Парижа съ письмомъ къ Бенкендорфу и съ выпискою изъ письма Николая. И то, и другое отдамъ но это будетъ бесполезно. Рѣшительный отвѣтъ сдѣланъ, и ты уже объ этомъ увѣдомленъ мною и, можетъ быть, самимъ Бенкендорфомъ. Теперь увѣдомляю тебя о томъ, что случилось послѣ отправленія послѣдняго письма твоего; во-первыхъ, прочитай приложенную копию съ письма, которое написалъ я къ государю. Оно было написано, но еще не подано, когда я написалъ къ тебѣ — я не хотѣлъ пропустить курьера; а о моемъ намѣреніи не говорилъ потому, что не хотѣлъ напрасно тебя тревожить новою надеждою. На другой день по представленіи письма моего государю, получилъ я отъ него отвѣтъ и получилъ черезъ посредника, который въ этомъ случаѣ представляется мнѣ добрымъ Ангеломъ Хранителемъ — черезъ государыню ¹⁾. Вотъ что сказала она мнѣ именемъ государя: *L'Empereur ne peut rien faire pour A. Tourgueneff dans la cause de son frère, encore moins pour son frère. Mais si ce dernier se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur; il saura lui rendre justice* ²⁾. И она прибавила нѣчто весьма трогательное со стороны государя: *mais il ne faut pas qu'il risque à présent le voyage, il pourrait être pris; qu'il vienne au printemps par mer; alors il lui sera possible de parvenir tout droit jusqu'à l'Empereur* ³⁾. Это отвѣтъ рѣшительный. Онъ даетъ то, чего бы я не посмѣлъ требовать и не полагалъ уже возможнымъ. — Я принялъ его съ чувствомъ благодарности къ государю и передаю его тебѣ слово въ слово. — Но совѣта не могу дать никакого. Я не могу дать совѣта, что дѣлать. Объяснимъ только положеніе твоего брата. 1-е. Онъ осужденъ въ

¹⁾ Въ черновомъ наброскѣ написано: „Какъ она была трогательна, говоря со мною просто, съ участіемъ, съ чистымъ чувствомъ человѣчества, которое въ ней такъ всегда ясно сіяетъ“.

²⁾ Императоръ не можетъ ничего сдѣлать для А. Тургенева въ дѣлѣ его брата, а тѣмъ болѣе для его брата; но если этотъ послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора; онъ ссумѣетъ оказать ему справедливость

³⁾ Но ему не слѣдуетъ рисковать ѣхать теперь, онъ могъ бы быть арестованъ! Пусть онъ пріѣдетъ весною моремъ, тогда онъ будетъ имѣть возможность явиться прямо императору.

отсутствіи, неявка его принята за доказательство преступленія, письменное объясненіе его не было принято. Если бы онъ въ то время самъ явился и могъ на очной ставкѣ опровергнуть показанія обвинителей, то совершенно бы оправдался. — 2-е. Уже приговоренный верховнымъ судомъ, онъ прислалъ второе свое объясненіе, руководствуясь донесеніемъ слѣдственной комиссіи. Самъ же явиться болѣе не могъ, ибо не могъ надѣяться, чтобы его послѣ приговора стали судить, и явился бы только для приличія, для принятія опредѣленнаго наказанія. Но его новое объясненіе не было признано удовлетворительнымъ. — 3-е. Теперь снова государь даетъ ему надежду быть судимымъ и ставитъ его въ то положеніе, въ которомъ онъ находился до произнесенія приговора. Онъ можетъ надѣяться быть оправданнымъ, если, вѣрившись самому государю, представить достаточныя доказательства своей невинности. Не даю никакого совѣта. — Но спрашиваю: можетъ ли братъ надѣяться представить своимъ будущимъ судьямъ сіи достаточныя доказательства своей невинности. — Обвинителей, выслушанныхъ на прежнемъ судѣ, на лицо не будетъ, очныхъ ставокъ дѣлать не съ кѣмъ; то же, что онъ представилъ въ послѣднемъ письменномъ объясненіи, было найдено неудовлетворительнымъ; будетъ ли удовлетворительнѣе это объясненіе, если оно сдѣлано будетъ словесно? Станемъ на мѣсто судей. Могутъ ли они смотрѣть на него нашими глазами? Мнѣ и тебѣ извѣстна вся прошедшая жизнь его, намъ извѣстны и его чувства, правила и характеръ: отъ сего совершеннаго знанія его такимъ, каковъ онъ есть, мы переходимъ къ его приговору и, сличая этотъ приговоръ (произнесенный въ отсутствіи по однимъ показаніямъ, не утвержденнымъ доказательствами) съ нашимъ понятіемъ о немъ и съ его словами (коимъ напередъ вѣримъ), мы оправдываемъ его совершенно. Я съ своей стороны никогда не потеряю вѣры въ его невинность. Но можно ли по справедливости того же ожидать отъ судей его. Они не только не знаютъ и не могутъ знать его такимъ, каковъ онъ есть, но, переходя къ нему отъ его приговора, отъ его неявки, отъ мнѣнія, противъ него говорящаго, должны быть напередъ убѣждены въ его виновности, и нужна совершенная очевидность, чтобы поколебать и уничтожить сіе убѣжденіе; одни его слова не произведутъ нужной очевидности. Ему не только надобно сказать за себя я не виненъ, но должно сказать и своимъ обвинителямъ: вы не правы; должно имъ это доказать, должно ихъ своими доказательствами принудить отказаться отъ словъ своихъ. Но гдѣ же эти обвинители? Онъ долженъ будетъ говорить одинъ, передъ нимъ не будетъ тѣхъ обвинителей, коихъ показанія подвергли его приговору и коихъ бы онъ своими опроверженіями могъ или убѣдить во лжи или заставить отречься отъ показаній ошибочныхъ. Государь общаетъ ему судъ и правосудіе. Вѣрив-

пись безусловно великодушію государя, онъ конечно произведъ бы великое убѣжденіе въ свою пользу. Но государь не можетъ ему обѣщать помилованія, да и самому ему нельзя желать помилованія. Воспользовавшись великодушіемъ государя, онъ необходимо долженъ въ надеждѣ оправданія подвергнуть себя и опасности осужденія въ случаѣ неудовлетворительности его доказательствъ въ пользу своей невинности. И такъ прежде, нежели на что-нибудь рѣшиться, ему надобно непременно быть напередъ увѣреннымъ, что онъ можетъ соотвѣтствовать сей готовности государя оказать ему правосудіе, что его доказательства будутъ достаточны, что онъ представитъ судьямъ своимъ нѣчто болѣе убѣдительное, нежели послѣднее его оправданіе. Опять повторяю: не могу дать никакого совѣта. Пускай Николай поступитъ, какъ скажетъ ему его добрый геній. Я съ своей стороны сохранию убѣжденіе въ его невинности и тогда, когда бы онъ нашелся принужденнымъ сказать государю, столь великодушно его призывающему: болѣе тѣхъ доказательствъ, кои мною представлены на бумагахъ, я не имѣю! Если они не достаточны, то не могу быть оправданъ, хотя и невиненъ! Но послѣ такого отзыва судьба его рѣшится навсегда. Государю безъ суда оправдать его не возможно; въ отсутствіи же судить его не будутъ: этого нельзя ни ожидать, ни требовать. Напиши немедленно, на что вы рѣшитесь» ¹⁾).

Между тѣмъ ободренный словами императрицы и видя въ нихъ, что императоръ Николай не имѣетъ къ осужденнымъ непріязненнаго чувства, а напротивъ относится къ нимъ милостиво, В. А. Жуковский рѣшился на смѣлый подвигъ, возможный только ему, по близкому положенію къ царскому семейству. — Онъ намѣренъ былъ обратиться къ милости императора и просить объ облегченіи участи всѣхъ осужденныхъ.

«Милостивое вниманіе, — писалъ онъ, — съ какимъ ваше императорское величество благоволили принять послѣднюю просьбу мою, дастъ мнѣ смѣлость наконецъ выразить передъ вами то, что давно у меня на сердцѣ и что уже давно бы излилось передъ вами, если бы я имѣлъ на то случай. Смѣю думать, государь, что вы нѣсколько меня знаете, что вы вѣрите чистотѣ моихъ намѣреній и искренней любви моей къ вамъ. Итакъ не могу бояться, чтобы теперешній поступокъ мой могъ быть изъясненъ неблагопріятно. Думаю даже, что буду виноватъ передъ вами, если побоюсь передать душѣ вашей такую мысль, которая кажется мнѣ ея достойною, которая вамъ однимъ и никому, кромѣ васъ, сообщена быть не можетъ.

«Государь! Я осмѣлился просить васъ за Александра Тургенева и

¹⁾ Письмо это доставлено намъ графомъ Н. А. Бревверномъ-де-ля-Гарди.

упомануть передъ вами о братѣ его; теперь осмѣливаюсь сдѣлать болѣе: говорить о другихъ осужденныхъ ¹⁾).

«Государь! Время строгости для нихъ миновало! Время милости наступило! Пришла пора залѣчить тѣ раны, которыя въ столькихъ сердцахъ болятъ и вѣчно болѣть не перестанутъ. Государь! произнесите амнистію! Обрадуйте ваше сердце, Россію и Европу! Я переносусь мысленно къ первой минутѣ вашего царствованія, къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи, въ которую вы, сначала отказавшись отъ короны изъ уваженія къ святости права, потомъ принявъ ее изъ покорности къ Промыслу, явились намъ столь достойнымъ вашего назначенія ²⁾. Въ эту минуту Провидѣніе изъ безумства нѣсколькихъ несчастныхъ произвело для васъ случай вдругъ явиться передъ Россією въ естественномъ ³⁾ вашемъ величіи, вдругъ овладѣть довѣренностію вашихъ подданныхъ и уваженіемъ остальнаго свѣта. Но преступленіе

¹⁾ Первые строки письма были сначала написаны въ двухъ редакціяхъ.

а) Не имѣю словъ, чтобы изъяснить передъ вами то чувство благодарности, которое произвело во мнѣ ваше милостивое вниманіе къ моей просьбѣ и вашъ трогательный, великодушный, истинно царскій отвѣтъ, сообщенный мнѣ государынею императрицею.

б) Милость (затѣмъ исправлено: милостивое вниманіе), съ какою вы благоволили принять просьбу мою, столь трогательная для меня особенно потому, что вижу въ ней личное вамъ ко мнѣ благоволеніе, которое такъ для меня драгоцѣнно, даетъ мнѣ смѣлость наконецъ выразить то, что давно у меня на сердцѣ, что я давно бы сказалъ вамъ, если бы имѣлъ на то случай. Не знаю, какъ приступить къ этому изъясненію, ибо можетъ показаться, что я выѣшиваюсь не въ свое дѣло, что хочу себя передъ вами выставить или имѣю гордое (фраза не окончена). Смѣю думать, что вы, государь нѣсколько меня знаете, что вы вѣрите чистотѣ моихъ намѣреній, что вы вѣрите моей искренней къ вамъ любви. Безъ всякихъ постороннихъ видовъ я принадлежу къ вашему семейству; я знаю сторону вашей жизни, которая менѣе другихъ видна свѣту; я знаю лучше, нежели кто-нибудь изъ окружающихъ васъ, ту душу, которая наиболѣе къ вамъ привязана, душу государыни, и поэтому уже къ вамъ близокъ. Вы видите, чему исключительно посвящена жизнь моя. Главная мысль, которая наполняетъ меня, такая высокая, что никакіе мелкіе, посторонніе виды не могутъ при ней зайти ко мнѣ въ душу. Итакъ не могу бояться, чтобы теперешній постушокъ мой былъ вами неблагопріятно истолкованъ. Мнѣ даже кажется, что буду виноватъ передъ вами, если не подѣлюсь съ вашею душою такою мыслию, которая кажется мнѣ васъ достойною и вамъ однимъ и никому кромѣ васъ сообщена быть не можетъ. Я осмѣлился просить васъ за Тургенева. Теперь осмѣливаюсь сдѣлать болѣе: сказать о другихъ осужденныхъ то, что давно уже порывается къ вамъ изъ глубины моего сердца.

²⁾ Сначала было написано: „къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ древней, ни въ новой исторіи, въ которую вы явились столь покорнымъ Провидѣнію, столь достойнымъ своего назначенія!“

³⁾ Сначала было написано: „во всемъ естественномъ“.

сихъ несчастныхъ есть преступленіе политическое, плодъ заблужденія, произведеннаго и духомъ времени, подъ вліяніемъ котораго образовалась ихъ молодость, и войнами, въ которыя столько пылкихъ, неопытныхъ, невозмужалыхъ умовъ столкнулись съ идеями неуспокоенной Европы, и, смѣю сказать, самимъ государемъ Александромъ ¹⁾, который съ благими намѣреніями возбудилъ столько свободныхъ идей и не-далѣимъ надлежащаго направленія ²⁾.

«Вы строго наказали преступленіе ³⁾; виновнѣйшіе, то-есть злодѣи по умыслу и дѣйствию не существуютъ. Всѣ остальные не иное что, какъ жертвы заблужденія! Ни одинъ не зналъ ни чего хотѣлъ, ни что дѣлалъ; всѣ были заражены какою-то умственной чумою ⁴⁾, которая теперь должна казаться неизъяснимою загадкою и для нихъ самихъ, уже испытанныхъ несчастіемъ заслуженнымъ ⁵⁾. Твердость, съ какою поразило ихъ ваше царское правосудіе ⁶⁾, положила конецъ всему; увидѣли ⁷⁾, что власть державная досталась рукѣ могучей, и все пришло въ порядокъ. Россія забыла о нихъ, но ихъ несчастныя семейства, по всей Россіи разсыпанныя, покорныя своему жребію, существуютъ, и для нихъ забвенія быть не можетъ. Строгое правосудіе удовлетворено. Милосердіе ждетъ своей очереди. И именно теперь, когда ничто, кромѣ вашего сердца, не можетъ требовать сего милосердія, насладитесь вы, государь ⁸⁾, во всей полнотѣ вашимъ лучшимъ царскимъ правомъ. Вы помилите какъ Богъ ⁹⁾, только по тому, что на то есть ваша воля. Пронесите амнистію.

«Иногда, наединѣ самъ съ собою и только мыслию приближаясь къ вамъ, думаю съ восхищеніемъ о томъ дѣйстви, какое произвела бы сія амнистія, никѣмъ не требуемая, никѣмъ не ожидаемая. То была бы другая

¹⁾ Сначала было написано: «и особенно самимъ государемъ Александромъ».

²⁾ Затѣмъ сначала было написано еще слѣдующее: „Смѣю думать, что на него наиболѣе падаетъ отвѣтственность за то, что было необходимымъ послѣдствіемъ его царствованія, въ которомъ лучше всего была прекрасная душа его“.

³⁾ Сначала было написано: „Вы наказали преступленіе, и должны были наказывать его“.

⁴⁾ Сначала было написано: „горячкою“.

⁵⁾ Сначала было написано: «для нихъ самихъ, просвѣщенныхъ уроками несчастія».

⁶⁾ Сначала было написано: „Твердость, съ какою наказала ихъ ваша царская справедливость“.

⁷⁾ Сначала было написано: „Вся Россія почувствовала“.

⁸⁾ Сначала была написана: „Не можетъ понудить васъ быть милосердымъ, можете вы, государь, насладиться“.

⁹⁾ Сначала было написано: „Какъ Богъ творящій добро, ибо Онъ всемогущій, можете вы помиловать“.

истинно великая минута вашего царствованія, столь уже богатаго славою. Въ первую минуту вы явились намъ мужественнымъ царемъ—мы были изумлены вашимъ твердымъ характеромъ. Въ сію другую ¹⁾ вы явитесь ангеломъ милости—всѣ сердца полетятъ къ вамъ съ благодарностію и любовію, и ваша благость сниметъ единственный упрекъ ²⁾, лежащій на драгоцѣнной памяти Александра. И сколько сердець, теперь безнадежныхъ, подымутъ крикъ молитвы за васъ и за дѣтей вашихъ къ небу. И что скажетъ Европа! И что скажете ³⁾ вы сами вашимъ подданнымъ въ томъ манифестѣ, который обнарудуетъ всепрощеніе. Какъ будутъ наставительны слова, провознесенныя съ высоты престола царскою душею, оживляющею безнадежныхъ и воскрешающею мертвыхъ ⁴⁾.

«Но мнѣ должно объяснить, какой смыслъ соединяю я съ словомъ амнистія ⁵⁾. Я разумѣю подъ нимъ не возстановленіе осужденныхъ въ первобытномъ ихъ состояніи. Нѣтъ! Приговоръ, лишившій ихъ политическаго бытія, навсегда разлучилъ ихъ съ тѣмъ обществомъ, коего членами были они прежде. На мѣсто, посрамленное ихъ преступленіемъ, они уже никогда не могутъ и не должны возвращаться. Изъ своего изгнанія привесли бы они воспоминаніе прошедшаго, которое сдѣлало бы ихъ совершенно бесполезными для настоящаго ⁶⁾.

«Амнистія не можетъ имъ возвратити ихъ прежняго отечества; она должна создать для нихъ отечество новое, тамъ, гдѣ они теперь; отечество, въ которомъ не будетъ для нихъ воспоминаній оскорбительныхъ, а будутъ цѣлительныя надежды. Тамъ могутъ они сдѣлаться гражданами дѣятельными и полезными. Всѣ они болѣе или менѣе образованы; а несчастье остепенило ихъ характеръ и, безъ сомнѣнія, исправило ихъ мысли.

«Сибирь—безлюдная пустыня или хуже, чѣмъ безлюдная пустыня; до сихъ поръ она была населяема преступниками, испорченными цѣлою жизнію низкихъ пороковъ. Это не поселенцы, способные образовать населенную ими страну; это разбойники, загнанные въ дѣсь безъ оружія.

¹⁾ Сначала было написано: „Въ эту другую“.

²⁾ Сначала было написано: „Сниметъ упрекъ“.

³⁾ Сначала было написано: „И что можете сказать“.

⁴⁾ Затѣмъ были написаны слѣдующія строки: «О какое было бы для меня счастье написать этотъ манифестъ, въ которомъ бы выразилъ всю знакомую мнѣ душу несравненнаго моего государя и передалъ ее Россіи такою, какою Богъ ее создалъ“.

⁵⁾ Сначала было написано: „Я долженъ теперь объяснить, что разумѣю подъ словомъ амнистія“.

⁶⁾ Сначала было написано: „Воспоминаніе прошедшаго, которое испортило бы ихъ настоящее и, раздражая ихъ, могло бы сдѣлать бесполезными если не опасными“.

«Осужденные, о которыхъ говорю, не принадлежать къ сей ужасной категоріи: они жертвы заблужденія, смутившаго разсудокъ, поколебавшаго самую волю, но весьма далекаго отъ низости и неизлѣчимости порока. Въ другихъ обстоятельствахъ они были бы гражданами полезными; многими даже могло бы гордиться отечество. Что же? Однимъ дѣйствіемъ царской благодати (отъ которой по всей Россіи затрепетали бы сердца благодарностію и любовію къ царю и столько бы страждущихъ сердець вдругъ исцѣлились)—однимъ дѣйствіемъ царской благодати толпа несчастныхъ, теперь униженныхъ, лишенныхъ надежды ¹⁾, бесполезныхъ отечеству, погибшихъ для настоящей жизни и, можетъ быть, гибнущихъ для будущей—вдругъ превратилась бы въ колонію смиренныхъ гражданъ, полезныхъ той землѣ, которую теперь бременять безъ пользы, ободренныхъ, ожившихъ, облагороженныхъ и тѣмъ болѣе дѣятельныхъ для добра, что благодарность и чувство достоинства человеческого, имъ возвращеннаго, обратились бы для нихъ въ необходимость изгладить остаткомъ жизни посрамительное пятно ея начала. Сибирь имѣетъ нужду въ людяхъ, чтобъ быть разработанною для просвѣщенія: вѣчно ли ей быть пустынею или вертепомъ разбойниковъ, смиренныхъ отъ безсилія? Но гдѣ найти людей для населенія Сябири? ²⁾ Кто захочетъ пожертвовать своимъ отечествомъ для будущаго невѣрнаго благоденствія чуждой ему пустыни! Ссылъные преступники не поселенцы: они жильцы острога; тѣ же, которыхъ ³⁾ бросаетъ въ ту сторону необходимость, бывають минутными гостями, приходящими, чтобъ удалиться. Но Провидѣніе бѣдствіемъ одной стороны хочетъ пролить добро на другую. Люди сіи, могущіе положить основаніе общественной образованности ⁴⁾ въ глубинѣ Сибири, теперь существуютъ въ ней, и во множествѣ ⁵⁾. Надобно только воспользоваться ими заблаговременно, пока ихъ нравственныя силы еще не раздроблены несчастіемъ. До сихъ поръ несчастіе имъ учитель; скоро оно можетъ сдѣлаться ихъ убійцею. Теперь еще они люди, скоро будутъ дышущіе ⁶⁾ трупы.

«Пусть же мѣсто ссылки обратится для нихъ въ отечество со всѣми выгодами, какія всякое отечество представляетъ дѣтямъ своимъ, и они воскреснутъ. Со многими теперь ихъ жены, трогательныя своимъ героическимъ самоотверженіемъ; у нѣсколькихъ есть уже тамъ дѣти; нѣкто-

¹⁾ Сначала было написано: „безнадежныхъ“.

²⁾ Сначала было написано: „для ея населенія“.

³⁾ Сначала было написано: „кого“.

⁴⁾ Вмѣсто „общественной образованности“ сначала было написано: „цивилизаци“.

⁵⁾ Затѣмъ было написано, но потомъ зачеркнуто: „Не надобно только имъ дать погибнуть нравственно“.

⁶⁾ Сначала стояло: „живые“.

рые оставили своихъ женъ и дѣтей здѣсь, не смѣя ихъ приковать къ своей бѣдственной участи: они призываютъ ихъ къ себѣ, какъ скоро будетъ что подѣлать съ ними; многіе могутъ жениться тамъ и также имѣть дѣтей; отъ отцовъ, исправленныхъ несчастіемъ, и отъ матерей, великодушно пожертвовавшихъ счастіемъ долгу, дѣти получаютъ воспитаніе нравственное; новое невинное поколѣніе возрастетъ посреди прежняго, облагоустроеннаго, очищеннаго искупленіемъ царскаго милосердія. Однимъ словомъ, въ этой божественной милости вижу одно счастье для настоящаго и обширную пользу для будущаго. Пройдетъ вѣкъ, и многочисленные потомки помилованныхъ изгнанниковъ будутъ посреди разрабатанныхъ цвѣтущихъ полей прославлять святое милосердіе, обрадовавшее въ наше время Россію.

«Одно только необходимо: чтобы въ самомъ началѣ положены были основанія твердыя, чтобы съ самаго начала дано было полное счастье гражданское, чтобы исполненіе благаго намѣренія было поручено людямъ, способнымъ постигнуть его и исполнить съ совершеннымъ забвеніемъ личной корысти. Такіе надежные люди есть; назову: Адлерберга ¹⁾, Василя Перовскаго ²⁾, Сергѣя Строганова ³⁾ и еще одного, который бы могъ тамъ и остаться, который есть воплощенная честность и здравый смыслъ, статскаго или дѣйствительнаго (татскаго) (овѣтника) Тургенева ⁴⁾, служившаго при министрѣ (внутреннихъ) дѣлъ, теперь взявшаго отставку. Онъ былъ въ Сибири, знаетъ всю Россію, знакомъ со всѣми состояніями и во всѣхъ ихъ нуждахъ и занималъ такія должности, въ коихъ легко бы могъ нажитья, но совершенно бѣденъ и теперь былъ бы безъ куска хлѣба, если бы вы же сами о немъ не позаботились.

«Что же было (бы) слѣдствіемъ?—Теперь эти несчастные гибнутъ безъ пользы для края, который служитъ для нихъ темницей. И самому правосудію уже не нужно ихъ страданіе, ибо они навсегда отрѣзаны отъ отечества ⁵⁾. Но что послѣ нихъ останется, если не измѣнится судьба ихъ? Кости и гробы! А пока они живы, хотя Россія вообще и забыла (о) нихъ, все (же) иногда ихъ печальная участь будетъ тревожить умы, какъ страшное сновидѣніе.

«Перемѣните ихъ участь теперь, пока еще они въ силахъ жизни, пока еще могутъ быть людьми для блага будущихъ временъ, и мы уви-

¹⁾ Владиміра Ѳеодоровича (вслѣдствіи графа).

²⁾ Василя Алексѣевича Перовскаго (вслѣдствіи графа).

³⁾ Графа Сергѣя Григорьевича Строганова.

⁴⁾ Затѣмъ было написано, но потомъ зачеркнуто: „бывшаго губернатора въ Сибири“. Александръ Михайловичъ Тургеневъ (авторъ извѣстныхъ „Записокъ“) былъ тобольскимъ губернаторомъ съ конца 1823 по мартъ 1825 г.

⁵⁾ Затѣмъ было написано, но зачеркнуто: „и все для нихъ кончилось“.

димъ прекрасное созданіе благодти. Другаго подобнаго случая уже не представится! Провидѣніе, двинувшее ихъ туда цѣлою толпою, говорить царю: твори добро постоянное изъ бѣдствія минувшаго» ¹⁾).

Письма этого Жуковский подать не рѣшился въ виду неблагоприятно сложившихся для него обстоятельствъ. Упорное его ходатайство за братьевъ Тургеневыхъ навлекло непріязнь и нерасположеніе къ нему въ высшихъ сферахъ. На него стали клеветать, старались очернить его въ глазахъ государя и представить его главою партіи враждебной правительству. Узнавъ объ этомъ, Жуковский написалъ письмо императору, въ которомъ объяснялъ, что хотя его чернятъ, «но взгляды, писалъ онъ, на мою прошедшую и настоящую жизнь, даетъ мнѣ право не бояться никакихъ обвиненій тайныхъ». Онъ просилъ объясненій.

«Мое письмо, записалъ онъ 1-го апрѣля, повидимому, производитъ свое дѣйствіе: *on est gêné avec moi. — Enfin on m'assigne une entrevue* ²⁾). Это свиданіе было не объясненіе, а родъ головной боли, въ которой мнѣ нельзя было помѣстить почти ни одного слова».

— Что ты это написалъ ко мнѣ?—спросилъ Жуковского императоръ Николай.

— Вы знаете,—отвѣчалъ онъ,—или по крайней мѣрѣ должны знать, что я къ вамъ привязанъ.—А меня Богъ знаетъ кто очернилъ въ вашемъ мнѣніи.

— Слушай! Знаешь ли пословицу: *dis moi qui tu hantes, je te dirai qui tu es* ³⁾. Ее можно примѣнить къ тебѣ. Не смотря на то, что Тургеневъ осужденъ и я тебѣ говорилъ о немъ, что ты знаешь, что доказательство существуетъ противъ него, ты безпрестанно за него вступаешься и не только мнѣ, но и вездѣ говорилъ, что считаешь его невиновнымъ.

— Да я вѣдь зналъ его прежде и знаю о немъ то, чего правительство не знаетъ. Когда вы мнѣ сказали....

— Слушай!—перебилъ его государь.—Ты имѣлъ связь съ Вяземскимъ, который дѣлалъ множество непозволительныхъ поступковъ, лгалъ самъ, подбивалъ лгать и дѣйствовать другихъ, былъ настоящий *boute-feu* (зажигатель). До вчерашняго дня былъ онъ таковъ. Теперь я и самъ позволю тебѣ его обнять—можно. Я все, все скажу ему самъ, когда увижу его: теперь онъ все сгладилъ своимъ раскаяніемъ! ⁴⁾ Онъ поступилъ такъ,

¹⁾ Письмо это находится въ бумагахъ покойнаго академика А. О. Бичкова; черновой же набросокъ принадлежитъ графу Н. А. Бреверну-де-ла-Гарди.

²⁾ Со мною стѣсняются.—Наконецъ мнѣ назначено свиданіе.

³⁾ Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, я скажу тебѣ, кто ты.

⁴⁾ См. объ этомъ раскаяніи сочиненія кн. Вяземскаго, т. II, стр. 84—111; т. IX стр. 106 и „Русскій Арх.“ 1890 г. кн. II, стр. 279.

какъ очень рѣдко поступаютъ, смирился, писалъ къ великому князю. Если бы онъ за четыре года сдѣлалъ это съ покойнымъ императоромъ, то получилъ бы тоже прощеніе и тотъ открылъ бы ему объятія; теперь все забыто. Но ты навлекъ на себя нареканія. Тебя называютъ главою партіи, защитникомъ всѣхъ тѣхъ, кто только худъ съ правительствомъ.

— Да кто называетъ? Я никого незнаю и знать не хочу; живу у себя, дѣлаю свое дѣло и ни о чемъ постороннемъ не забочусь.—Моя забота въ томъ, чтобы вы имѣли обо мнѣ хорошее мнѣніе, а вы должны почерпнуть его изъ моей жизни, а не изъ того, что другіе говорятъ обо мнѣ.

— Нѣтъ, ты долженъ объ этомъ заботиться.—Ты при моемъ сынѣ. Какъ же тебѣ слыть сообщникомъ людей безпорядочныхъ или осужденныхъ за преступленія?

На этомъ разговоръ окончился и хотя императоръ не допустилъ Жуковскаго высказать всего, что лежало на его чистой душѣ, тѣмъ не менѣе онъ записалъ: «вообще результатомъ я доволенъ; онъ произвелъ миръ, но заставилъ меня о многомъ перемѣнить мнѣніе и многого страшиться въ будущемъ».

«Если бы я имѣлъ возможность говорить,—вотъ чтò бы я отвѣчалъ и сдѣлалъ бы хорошо, но вѣрно бы повредилъ себѣ; и такъ невозможность говорить нѣкоторымъ образомъ послужила мнѣ къ добру.—Я сказалъ бы: то, чтò могло подать вамъ поводъ быть мною недовольнымъ, должно было напротивъ дать вамъ лучшее мнѣніе обо мнѣ. Я защищаю тѣхъ, кто вами осужденъ или обвиненъ передъ вами; но это служить только доказательствомъ моей довѣренности къ вашему характеру. Развѣ вы не можете ошибаться? Развѣ правосудіе (особливо у насъ) безошибочно? Развѣ донесенія вамъ людей, которые основываютъ ихъ на тайныхъ презрѣнныхъ доносахъ, суть для васъ рѣшительные приговоры Божіи? *) Развѣ вы можете осуждать, не выслушавъ оправданія? Развѣ я могу знать объ этихъ доносахъ? И, зная о нихъ, долженъ я ихъ потому уже признавать истинными, что они доносы, тайные доносы, сдѣланные вамъ и обвинившіе предъ вами безотвѣтныхъ! И развѣ могу, не утративъ собственного къ себѣ уваженія и вашего, жертвовать связями цѣлой моей жизни. Итакъ правиломъ моей жизни должна быть не совѣсть, а все то, что какому-нибудь низкому наушнику вздумается донести на меня, по личной злобѣ, Бенкендорфу, и противъ такихъ презрѣнныхъ клеветъ не можетъ устоять то, что одно только должно быть принято за правило, когда судишь о человѣкѣ: его видимыя дѣла, его характеръ, его собственный образъ мыслей. Я не

*) Сначала было написано: „Развѣ человѣкъ, обвиненный передъ вами тѣмъ, кто вамъ доноситъ и которые основываютъ доносы свои на тайныхъ показаніяхъ, слѣдственно презрѣнныхъ показаніяхъ, виноватъ безотвѣтно? И могу ли я соглашать связи мои съ тѣмъ“.

могу бѣгать по улицамъ и спрашивать у всѣхъ возможныхъ на меня доносчиковъ, что мнѣ думать, что мнѣ дѣлать и кого любить. Если эти доносчики могутъ быть доступны до васъ, то это ваше и наше несчастіе, ибо въ такомъ случаѣ вы безпрестанно будете осуждать несправедливо, и мы никогда не можемъ быть правыми. Поэтому въ Россіи одинъ человѣкъ добродѣтельный: это Бенкендорфъ! Всѣ прочіе должны смотрѣть на него въ поступкахъ своихъ, какъ на флигельмана. Что онъ назоветъ хорошимъ, то и для нихъ должно быть хорошо; что онъ осудитъ, то и они должны осудить. А онъ произноситъ свои осужденія по доносамъ, слѣдственно нравственность наша теперь вся предана на произволъ доносчиковъ: нѣтъ никого правыхъ!.. Но это гибель всего! Презрѣніе ко всему и ко всѣмъ укоренится въ душѣ вашей! Около васъ будутъ жить только тѣ, кои живутъ предательствомъ. Изъ остальныхъ одни, меньшая часть, то-есть вамъ преданные и честные, будутъ вамъ чужды, будутъ молчать съ горемъ и лишены возможности быть вамъ полезными. Между царемъ и Россією будетъ бездна, огороженная заборомъ изъ наушниковъ.

«Я съ своей стороны буду продолжать жить, какъ я жилъ. Не могу покорить себя ни Булгариннымъ, ни даже Бенкендорфу: у меня есть другой вожатый—моя совѣсть, моя вѣрность къ государю.

«Во всемъ прочемъ надо отдать себя на волю Провидѣнія, которое спасаетъ добрыхъ, или губитъ ихъ для ихъ же добра. Въ этой одной мысли спасеніе. Буду осторожнѣе, вступаясь за тѣхъ, кто въ ссорѣ съ правительствомъ, ибо тамъ, гдѣ нельзя ничего сдѣлать, а можно только погубить себя, благоразуміе велитъ думать о себѣ; это не будетъ эгоизмъ... Вотъ бѣдствія, происходящія отъ невѣжества.

«Мало того, чтобы имѣть чистую совѣсть, надобно имѣть и понятія, принадлежащія времени, въ коемъ живемъ. Ихъ даетъ одно просвѣщеніе. Просвѣщеніе для ума есть то же, что чистая религія для совѣсти. Тамъ, гдѣ нѣтъ просвѣщенія, каждый имѣетъ свой собственный умъ, умъ своего мѣста, своей партіи, и всѣ они въ противорѣчьи, въ безпрестанной битвѣ»...

Эти строки, написанныя на листочкѣ бумаги, подъ влияніемъ огорченія, не сдѣлали В. А. Жуковского ни эгоистомъ, ни осторожнымъ, какимъ онъ обѣщалъ себѣ быть.

Увлеченный желаніемъ облегчить участь осужденныхъ, онъ рѣшилъ передать свои мысли «Ангелу хранителю», какъ онъ называлъ императрицу Александру Θεодоровну, вполнѣ увѣренный, что мысли эти дойдутъ до государя и, быть можетъ, окажутъ свое дѣйствіе. Вскорѣ послѣ разговора съ императоромъ и данной ему «головомойки» Жуковскій писалъ императрицѣ:

«Je crois devoir présenter à Votre Majesté Impériale ma lettre à

Alexandre Tourgueneff telle que je l'ai écrite d'abord, après avoir reçu par votre bouche la réponse magnanime de Sa Majesté l'Empereur. Elle a été jetée sur le papier dans la première chaleur de ma reconnaissance et de mon admiration. Mais je ne l'ai pas envoyée par deux raisons. La première est que j'exprime trop dans cette lettre ma propre façon de penser sur ce que j'aurais fait moi-même à la place de Nicolas Tourgueneff; j'ai pensé ensuite que je ne devais pas l'influencer sur sa conduite et que surtout je ne devais pas prendre sur ma conscience la responsabilité de ce qui en pourrait être le résultat. J'ai donc écrit une autre lettre, dans laquelle, après avoir omis toute cette partie de la première, j'ai appuyé au contraire sur tout ce qui pouvait être de dangereux dans la démarche, à laquelle il devait se décider¹⁾. La seconde raison qui m'a empêché d'envoyer ma première lettre est le contenu de sa conclusion. Emporté par le moment, j'y ai exprimé une idée qui depuis longtemps germe dans mon âme. Mais j'ai pensé ensuite qu'une telle idée ne pouvait, ni ne devait être communiquée à personne, hors l'Empereur lui-même; et j'ai exprimé cette idée plus en détail en russe, dans l'espérance de la présenter à Sa Majesté dans un moment favorable. Et je l'aurais déjà fait (après avoir toutefois demandé préalablement sa permission); mais la dernière conversation que j'ai eu l'honneur d'avoir avec Sa Majesté m'a persuadé que j'ai bien fait de m'en être abstenu. J'ai vu que Sa Majesté n'approuvait pas mes relations avec Tourgueneff: en lui parlant sur un objet qui m'est tout-à-fait étranger, j'aurais pu m'attirer encore plus le malheur de sa désapprobation. Je continue pourtant de croire que la franchise de ma conduite m'absoudra toujours devant son noble cœur: que prouve-t-elle autre chose, sinon mon estime profonde pour son beau caractère? Il est probable qu'avec un autre j'aurais été plus craintif; mais avec lui peut-on craindre d'être franchement ce qu'on est, si on a les intentions pures? Je vous donne donc mes deux lettres telles que je les ai écrites et c'est uniquement pour n'avoir rien de caché dans cette affaire, dans laquelle le courant des circonstances m'a entraîné insensiblement. Faites en, Madame, ce que vous jugerez à propos²⁾.

¹⁾ Жуковский представилъ императрицѣ два письма къ А. И. Тургеневу. Первое отъ 26-го января (7-го февраля) 1830 г. не было отправлено и состояло изъ двухъ частей: первая составила дословное письмо отъ 30-го января, помѣщенное нами выше (см. стр. 71), а вторая часть письма отъ 26-го января дословно вошла во всеподданнѣйшее письмо Жуковского приведенное нами выше, но которое онъ представить не рѣшился (см. стр. 73. Письмо 26-го января обязательно сообщено намъ графомъ Н. А. Бревверномъ-де-ля-Гарди.

²⁾ Считаю долгомъ представить вашему императорскому величеству мое письмо къ Александру Тургеневу въ томъ видѣ, какъ оно было написано

Между тѣмъ письмо Жуковскаго, отъ 30-го января, было получено А. И. Тургеневымъ только вечеромъ 29-го марта. Копія съ него была тотчасъ же отправлена къ Н. И. Тургеневу въ Чельтенгамъ, но не застала его тамъ и была послана къ нему въ Батъ. Во вторникъ, 6-го апрѣля, Николай Тургеневъ писалъ брату въ Парижъ:

«Si ce dernier se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur! Il saura lui rendre justice!» ¹⁾.

«Je me croirais déshonoré, si j'hésitais un moment d'accepter une telle proposition» ²⁾. Вотъ мой короткій отвѣтъ. Я не думаю, не желаю думать о послѣдствіяхъ такого отвѣта. Не знаю, что со мною будетъ. Не имѣю никакой надежды на судей, не могу имѣть сей надежды, ибо

первоначально, по полученіи изъ вашихъ устъ великодушнаго отвѣта его императорскаго величества. Оно было набросано въ первомъ порывѣ благодарности и восторга, но не было послано мною по двумъ причинамъ. Первая та, что я слишкомъ подробно высказываю въ этомъ письмѣ мои собственныя мысли по поводу того, какъ я поступилъ бы на мѣстѣ Николая Тургенева. Я подумалъ, что мнѣ не слѣдуетъ его винить за его образъ дѣйствій и въ особенности, что я не долженъ брать на свою совѣсть отвѣтственность могущее произойти изъ этого; потому я написалъ другое письмо, въ которомъ опустивъ всю эту часть перваго письма, распространился напротивъ о томъ, что могло быть опаснаго въ этомъ шагѣ, на который ему приходилось рѣшиться. Второе соображеніе, удержавшее меня отъ посланія перваго письма, относится къ заключительной части письма. Увлеченный моментомъ, я высказалъ въ немъ мысль, которая давно уже назрѣвала въ моемъ умѣ, но я подумалъ, что подобная мысль не можетъ и не должна быть никому высказана, кромѣ какъ самому императору; я изложилъ ее подробно по-русски, рассчитывая представить ее его величеству при удобномъ случаѣ. И я ужъ сдѣлалъ бы это (испросивъ однако предварительно на то его разрѣшеніе), но послѣдній разговоръ, котораго его величество удостоилъ меня, убѣдилъ меня въ томъ, что я хорошо сдѣлалъ, воздержавшись отъ этого намѣренія. Я увидѣлъ, что его величество не одобряетъ мои сношенія съ Тургеневымъ. Если бы я сталъ говорить съ его величествомъ о предметѣ, для меня совершенно постороннемъ, я, къ прискорбію, еще скорѣе могъ бы навлечь на себя его неодобреніе. Но я вѣрю по-прежнему, что чистосердечіе моего поведенія всегда послужитъ мнѣ оправданіемъ передъ его благороднымъ сердцемъ: ибо оно свидѣтельствуетъ только о моемъ глубокомъ уваженіи къ его рыцарскому характеру. Весьма вѣроятно, что съ другимъ я былъ бы болѣе робокъ. Но можно ли бояться откровенно показаться передъ нимъ такимъ, каковъ человѣкъ есть на дѣлѣ, если его намѣренія чисты? Поэтому я вручаю вамъ мое письмо въ томъ видѣ, какъ они были написаны, и единственно для того, чтобы у меня не было ничего скрытаго въ этомъ дѣлѣ, въ которое стеченіе обстоятельствъ незамѣтно увлекло меня; поступите съ ними, ваше величество, такъ, какъ вы признаете за благо.

¹⁾ „Если послѣдній невиненъ, то пусть онъ пріѣдетъ и положится на великодушіе императора! Онъ сумѣетъ оказать ему справедливость“

²⁾ Я счелъ бы себя опозореннымъ, если бы я колебался хотя одну минуту принять подобное предложеніе.

*

судьи однажды осудили меня въ такихъ преступленіяхъ, въ коихъ я не былъ и обвиняемъ. Но государь произнесъ, что *Il saura me rendre justice* ¹⁾. Этого довольно. Никакой государь не можетъ сдѣлать болѣе. Я знаю, что я невиненъ. Я знаю также, что и по законамъ я невиненъ. Слѣдовательно, я не могу и не долженъ отказать того, что мнѣ предлагается. Я исполню свой долгъ. Пусть другіе исполняютъ свой съ ихъ стороны. Доказательствъ новыхъ моей невинности я не имѣю. Но думаю, что мое защищеніе лучше изложено въ моихъ французскихъ нотахъ, на случай моей смерти написанныхъ ²⁾, нежели въ прежнихъ моихъ запискахъ. Съ этими нотами и съ словесными изъясненіями я не могу бояться никакихъ судей на свѣтѣ, кромѣ тѣхъ, кои осудили меня частію за то, въ чемъ меня не обвиняли. Этихъ судей я и теперь боюсь: этого не скрываю. Но для меня нѣтъ выбора: Государь говоритъ, что если я невиненъ, то онъ дастъ мнѣ правосудіе. Я невиненъ, и, безъ безчестія и гнусности, не могу отказать отъ предлагаемой мнѣ милости. Я обязанъ былъ бы уже принять ее и для тѣхъ, кои никогда не сомнѣвались въ моей невинности и заплатитъ имъ такимъ знакомъ признательности за доброе о мнѣ мнѣніе. И такъ мнѣ остается только ожидать: куда и когда государь велитъ мнѣ явиться. Я поѣхалъ бы съ первымъ пароходомъ. Но онъ не начинаетъ ходить прежде конца мая, или іюня. А тогда государь не будетъ въ Петербургѣ. Я же надѣюсь и во время суда быть на свободѣ. Этого мнѣ конечно не откажутъ.

«Вотъ откѣтъ мой на вашъ № 58, который получилъ я вчера въ Батѣ, садясь въ карету, чтобы возвратиться сюда. Я случайно зашелъ на почту и прочелъ ваше письмо дорогою. Я полагаю, что вы согласитесь со мною *sur la manière de voir la chose* ³⁾. И думать нельзя отказать безъ безчестія, какъ же могу я отказать такое предложеніе государя? Какое право имѣю я сомнѣваться, что доказательство невинности будетъ и для него пріятнѣе, нежели доказательство виновности? Еслибъ я отказалъ, то отказомъ я оказалъ бы такое сомнѣніе. И тогда было бы болѣе справедливо обвинять меня въ *lèse-Majesté* ⁴⁾, нежели тогда, когда меня приговаривали къ смерти за республиканскіе умыслы! Конечно, я не имѣю никакихъ новыхъ доказательствъ сверхъ тѣхъ, кои уже найдены были неудовлетворительными. Но, не имѣя новыхъ доказательствъ, я буду имѣть новаго судью: государя. Мнѣ обѣщаютъ къ нему доступъ. Отъѣвъ его теперешній поселилъ во мнѣ къ нему такое

¹⁾ Онъ счумѣетъ оказать мнѣ справедливость.

²⁾ Ноты эти надъ заглавіемъ „Николай Ивановичъ Тургеневъ въ своемъ оправданіи“ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ 1900 г. № 8—12.

³⁾ Согласитесь съ тѣмъ, какъ я смотрю на вещи.

⁴⁾ Въ оскорбленіи величества.

чувство, что я увѣренъ, что въ полчаса, выслушавъ меня, онъ убѣдится въ моей невинности. Еслибы я въ этомъ не былъ увѣренъ, я все бы явился, но сказалъ бы напередъ, что являюсь совершенно безъ надежды. Теперь я имѣю полную надежду на самого государя и не могу имѣть ее только на судей. Они люди и захотятъ поддержать прежнее рѣшеніе. Къ тому же у насъ не привыкли каждое олово приговора основывать на законѣ, а излагать заключенія въ общихъ разсужденіяхъ. Я слишкомъ долго самъ производилъ уголовныя дѣла въ Россіи, чтобы знать, съ какою легкостію они тамъ производятся. Я привожу одинъ примѣръ такой легкости въ моихъ нотахъ.

«Я писалъ вамъ изъ Бата о моихъ намѣреніяхъ: предложеніе было сдѣлано и имѣло такой же успѣхъ, какъ и другія предложенія, другими прежде дѣланныя: отказъ. Но главная причина отказа была въ моемъ качествѣ иностранца: отецъ не любитъ ничего иностраннаго; особливо съ тѣхъ поръ, какъ одна дочь его вышла за итальянца (съ ними мы туда и ѣздили). Можетъ быть, это препятствіе было бы не непреодолимо со временемъ. Но вотъ *ein Strich durch die Rechnung!* ¹⁾—ваше письмо и мой отвѣтъ! Обстоятельства, въ которыя я былъ поставленъ въ Батѣ, конечно, не облегчили для меня сего отвѣта. Еслибъ это знали, то готовность моя явиться могла бы имѣть *un mérite tout particulier* ²⁾.

«Еслибъ я думалъ только о позитивныхъ выгодахъ ежедневной жизни, то я бы не такъ легко рѣшился. *Le mal est fait* ³⁾. Я опубликованъ былъ въ Европѣ заговорщикомъ. Мнѣ за 40 лѣтъ. Плановъ на будущность не имѣю и имѣть не могу. Къ свѣтской жизни не расположенъ и не способенъ. Путешествовать и охоты нѣтъ и здоровье не позволяетъ. Могъ бы остальную треть жизни (*les farces n'étant qu'en trois actes*) ⁴⁾ въ мирѣ и тишинѣ прожить въ какомъ-нибудь трактирѣ. Позитивныхъ или матеріальныхъ выгодъ оправданіе мнѣ не дастъ. А невыгодъ куча и до оправданія. Весьма легко можетъ случиться, что меня арестуютъ сейчасъ по приѣздѣ въ Россію, хотя, кажется, оводно являющагося къ суду и можно бы безъ опасенія оставить на овододѣ. Статсья можетъ, что и государю представлять, что приличіе требуетъ моего осужденія, ссылки и пр. и пр. Не смотря на все это, я ѣду на вѣрную гибель или бѣду. 20 лѣтъ житья въ Англіи для меня легче 20 дней сидѣнія въ крѣпости. Нельзя ли представить, чтобы мнѣ позволили приѣхать туда, гдѣ будетъ государь, напр. въ Эмсъ? Тамъ бы я могъ, если не лично государю, то кому-либо по его приказанію изяснить

¹⁾ Но вотъ что разстраиываетъ мои планы.

²⁾ Совершенно особую заслугу.

³⁾ Зло сдѣлано.

⁴⁾ Такъ какъ фарсы бываютъ только въ трехъ дѣйствіяхъ.

мое дѣло, и показать, что и безъ суда можно обойтись и что даже безъ суда было бы лучше и для дѣла, не говоря уже о мнѣ самомъ. Еслибы мои объясненія найдены были неудовлетворительными, тогда я поѣхалъ бы туда, куда государь велитъ.

«Такъ какъ Жуковскій требуетъ отъ васъ отвѣта, то сообщите ему мой отзывъ. А если получите что-нибудь официальнаго отъ Бенкендорфа или кого бы то ни было, то и ему сообщите тоже; разрѣшеніе они могутъ прислать къ вамъ, или въ Лондонскую миссію, которая меня всегда отыскать можетъ.

«Я вижу, что ошибкою оставилъ одну страницу не написанною. Не подумайте, чтобы это было отъ какой-нибудь ажитации. Конечно, дѣло серьезное. «Бойся судей, а не суда», говоритъ пословица. Къ несчастію, я имѣю довольно доказательствъ, что и невинные должны бояться русскихъ судей. Пословицы суть разумъ народа и всегда основаны на опытѣ; и въ словахъ, часто рѣзкихъ, изъясняютъ не болѣе, какъ простую справедливость. Я будущихъ судей моихъ конечно страшусь. Но обѣщаніе государя *de me rendre justice* ¹⁾ и еще болѣе благородство, великодушіе, которое онъ оказалъ въ семъ отзывѣ, не позволили мнѣ ни на минуту остановиться въ моемъ отвѣтѣ».

Посылая это письмо Жуковскому, Александръ Ивановичъ Тургеневъ прибавлялъ ²⁾: «Я могъ только плакать и потомъ молиться, когда прочелъ письмо брата, молиться и благодарить Бога за такого брата. Страшусь, какъ и онъ, судей, но изъ записокъ его, на случай смерти писанныхъ, еще яснѣе вижу всю его невинность и надѣюсь. Полагаю упованіе на Бога. Не могу и самому себѣ дать отчета въ томъ, что теперь со мною. Надѣюсь, что современемъ буду спокойнѣе. Я бы не такъ страшился и Россіи, если бы не боялся, что пріѣздъ въ Россію разрушить всѣ мои старанія скрыть отъ него болѣзнь Сережи: онъ знаетъ о смерти, познакомился съ сею мыслью, но не подозрѣваетъ рода болѣзни. Опасаюсь, чтобы, узнавъ о ней въ Петербургѣ, онъ не сталъ упрекать себя въ причинѣ сей болѣзни. Вынесетъ ли онъ такіе упреки? Онъ все легче перенесетъ, нежели мысль о сей болѣзни Сережи, а какъ скрыть отъ него то, что всѣ знаютъ: онъ уже не объ одномъ оправданіи будетъ думать. Я все надѣялся, что здѣсь, или въ Германіи, легче было бы мнѣ долѣе скрывать отъ него сію тайну, вотъ почему и я желалъ бы, чтобы онъ долѣе не былъ въ Россіи и могъ представить въ другомъ мѣстѣ объясненія свои, напр., въ Эмсѣ! Государь тамъ будетъ: пусть, выслушавъ его, скажетъ одно слово, и братъ свято испол-

¹⁾ Оказать мнѣ справедливость.

²⁾ Въ письмѣ отъ 12-го апрѣля 1830 г. Получено нами отъ графа Н. А. Бреверна-де-ля-Гарди.

нить повелѣніе и самъ явится, куда укажутъ. Я имѣю довольно силы написать слова сіи и отвѣчаю, что братъ не измѣнитъ ни слову, ни чести. Чувство, его одушевляющее, исполнило и меня. Зная болѣзнь брата, которая не терпитъ сидячей жизни, я не могъ ожидать, чтобы братъ рѣшился явиться особливо теперь, когда лѣченіе ему необходимо. Онъ все бросаетъ, даже дѣло важнѣйшее въ жизни, послѣ оправданія. Я не вымаралъ и строкъ, гдѣ онъ говоритъ о семъ дѣлѣ, дабы и тѣни подозрѣнія не подать. Вѣряю все государю и вашей тайнѣ, вашему уваженію къ фамилінымъ тайнамъ. Государь, именемъ его Ангела и нашего Ангела-хранителя общаетъ брату доступъ.

«Онъ прочтетъ невинность въ глазахъ его, убѣдится въ ней, разсмотрѣвъ бумаги, выслушавъ его объясненіе. Ноты (оправданіе) брата написаны на случай смерти. Онѣ яснѣе показываютъ все дѣло, ибо братъ многое узналъ и вспомнилъ, чего не могъ знать за три года, когда писалъ послѣднее оправданіе.

«Опасаясь ареста для его физическихъ силъ; арестъ и тюрьма до рѣшенія дѣла, кажется, излишни и были бы для насъ тяжелымъ унижительнымъ бѣдствіемъ. Лишаютъ людей до суда свободы только за тѣмъ, чтобы воспрепятствовать имъ уйти; а онъ самъ свободно является, повинувся данному слову государя и своей совѣсти. Будетъ время арестовать, но я не могу думать о семъ несчастіи, думая о государѣ. Нѣтъ причины лишать свободы брата во время суда. Онъ теперь рискуетъ всею жизнію,—и моею, для приговора суда, а не для производства суда.

«Какъ ни скоро отвѣчалъ братъ, какъ ни спѣшу я отправить его письмо къ тебѣ; но все оно придетъ, вѣроятно, уже по отъѣздѣ государя въ Варшаву или въ Эмсъ, не знаю еще куда. Если брату велѣтъ пріѣхать въ Петербургъ, то согласно изъявленному самимъ государемъ опасенію, брату безъ ареста на континентѣ нельзя пріѣхать въ Петербургъ прежде іюля или августа на пароходѣ, а мы не знаемъ, когда государь возвратится въ Петербургъ: и это обстоятельство заставляетъ меня желать, чтобы брату позволено было пріѣхать въ Эмсъ. Въ августѣ братъ еще можетъ пріѣхать на пароходѣ, позже нельзя и тогда, согласно же волѣ государя надобно будетъ отложить поѣздку до весны. Зимой былъ бы онъ арестованъ вездѣ: этого и государь не хочетъ и потому-то и даетъ совѣтъ ѣхать весною. Надобно бы брату велѣть не ѣздить, иначе онъ поѣдетъ, какъ бы то ни было.

«Надобно бы также, чтобы братъ явился въ Петербургъ въ такое время, когда тамъ государь. Но я все надѣюсь, что не захотятъ отлагать актъ повиновенія безусловнаго моего брата и не найдутъ неудобства позволить ему пріѣхать и въ Эмсъ: характеръ государя не потерпитъ отъ сего въ глазахъ другихъ, когда увидятъ, съ какою довѣрен-

ностію на его судъ ему отдаются.—А для меня главное было бы: скрыть отъ брата болѣзнь другаго.

«Что касается до новыхъ доказательствъ, то братъ ихъ не имѣетъ, но онъ чувствуетъ и знаетъ себя невиннымъ и, зная судей, полагаетъ однакожъ полную, не ограниченную довѣренность на правосудіе государя и увѣренъ, что, для спасенія репутаціи судей, онъ не захочетъ имъ пожертвовать, впрочемъ онъ исполняетъ обязанность и надѣется, что государь выше мелкостей его сенаторовъ. Въ этомъ мы увѣрены, и я спокойнѣе съ тѣхъ поръ, какъ раздѣляю сіе мнѣніе съ братомъ.

«Отъ 8-го апрѣля, братъ оканчиваетъ письмо свое слѣдующими строками: «Еще повторяю, въ отвѣтъ на слова Жуковскаго, что я совершенно увѣренъ, что я могу соотвѣтствовать великодушной готовности государя оказать мнѣ правосудіе, что мои доказательства будутъ совершенно удовлетворительны для государя. Но для судей, какъ говоритъ Жуковскій, я въ томъ же не увѣренъ. «Нѣчто болѣе удовлетворительное» — это нѣчто я не имѣю. Но увѣренъ, что съ моими французскими нотами (на случай смерти написанными) я совершенно оправдаюсь передъ государемъ. Вотъ, что внушилъ мнѣ мой добрый геній. Отвѣтъ, на который намекаетъ Жуковскій, въ случаѣ еслибъ я не согласился явиться, былъ бы съ моей стороны не что иное, какъ *une lâcheté*» (подлость).

«Я не умѣю и не могу ничего прибавить къ словамъ брата, особливо теперь, когда сердце полно упованіемъ, а душа молитвою. Я слишкомъ встревоженъ. Думаю ѣхать навстрѣчу къ государю съ копіею письма брата, въ случаѣ, если письмо сіе не найдетъ уже государя въ Петербургѣ. Братъ, несущій предъ него всю судьбу брата—о моей бѣдной жизни я не горюю и, право, не думаю—не можетъ быть противенъ тому, коего слова были и обвиненному: «*Je saurai lui rendre justice*»¹⁾. Прости, мой милый другъ. Не знаю, съ курьеромъ ли или по почтѣ пошлю это письмо, разсчитавъ какъ лучше. Не узнаю ли отъ тебя, куда мнѣ лучше и когда ѣхать?»

Три дня спустя А. И. Тургеневъ писалъ В. А. Жуковскому²⁾:

«Вчера отправилъ къ тебѣ оригинальное письмо брата о пріѣздѣ его туда, куда государь велитъ, съ моею копіею съ онаго и съ моимъ письмомъ къ тебѣ. Всѣ сіи письма посланы съ курьеромъ нашимъ, который вчера долженъ былъ отправиться.

«Сейчасъ получаю новое письмо отъ брата и выписываю, что успѣю о главномъ: ты увидишь, съ какою рѣшительностью и съ какою довѣренностію онъ исполняетъ то, что почитаетъ своею обязанностію, даже

¹⁾ Я съумѣю оказать ему справедливость.

²⁾ Въ письмѣ отъ 15-го апрѣля 1830 г. изъ Парижа.

и по полученіи перваго письма твоего послѣ втораго, нами полученнаго.

«Челътенгамъ 9-го апрѣля. Я получалъ вашъ № 59, вы имѣете уже мой отвѣтъ на вашъ № 58. Чѣмъ больше думаю о моемъ положеніи, тѣмъ сильнѣе убѣждаюсь, что мнѣ не возможно было отказать такое предложеніе, какое мнѣ было сдѣлано, и если бы въ отвѣтъ государя не было намека не пріѣзжать зимою, а весною, то мнѣ надлежало бы ѣхать немедленно въ Петербургъ, дабы дать болѣе официальности моему отвѣту и болѣе ясности моей готовности отвѣтствовать на отзывъ государя. Я хочу написать официальное письмо къ Ливену, сказавъ, чтобы онъ донесъ государю, что я готовъ явиться и только ожидаю приказанія, куда и когда».

«Болѣе отъ себя ничего не прибавляю; ибо вижу, что всѣ мои хлопоты только вредятъ брату: и онъ это знаетъ, и только изъ деликатности не упрекаетъ мнѣ въ томъ. Напримѣръ, я хлопоталъ о континентѣ, расположилъ противъ себя государя, а братъ никогда не думалъ о континентѣ, никогда не поручалъ мнѣ хлопотать о семъ. Я страшусь послѣдствій, кои сіи хлопоты произвели въ умѣ государя, и умоляю его забыть о нихъ. И ты знаешь и Богъ видитъ, что всѣ сіи хлопоты были безъ участія брата. Для моего успокоенія *il me laissait faire* (онъ не мѣшалъ мнѣ). Когда услышалъ слова государя—онъ увидѣлъ долгъ свой, обязанность невиннаго, обязанность подданнаго и русскаго и—является. Является, не смотря на мое безпокойство, на мои страданія за него, вопреки моимъ опасеніямъ. Все прежнее должно пасть на мою совѣсть. И тебя утомилъ я хлопотами за насъ. И на тебя, можетъ быть, навлекъ неудовольствіе.—Но вспомни о моемъ положеніи, вспомни, какою болѣзнію я потерялъ другаго брата, вспомни, что я былъ тогда и какія впечатлѣнія болѣзнь и смерть его произвели на меня! И теперь еще главный страхъ мой за брата—отъ болѣзни сердца».

«Николай Тургеневъ не зналъ, что братъ его умеръ въ сумасшествіи и отчего произошло это сумасшествіе. Онъ узнаетъ о ней въ Россіи. Не смѣю просить о позволеніи ему пріѣхать въ Эмсъ, но это позволеніе спасло бы ему ужасную горестъ. Да будетъ,—что Богу угодно».

«Братъ, сколько я вижу изъ его писемъ, готовитъ отвѣты свои на рапортъ ¹⁾ комиссіи, на немъ онъ все основываетъ. Кажется, что справедливость требовала бы по сему акту, по коему братъ обвиненъ былъ, и теперь судить его; но я ничего не хочу позволять себѣ, ни совѣтовать, ни просить, знаю, однакожъ, что опредѣленіе сего пункта весьма важно для насъ. Новаго слѣдствія сдѣлать не возможно, всѣ обвиненія

¹⁾ На донесеніе слѣдственной комиссіи.

можно основывать токмо на старомъ слѣдствіи. Чего не найдено слѣдственной комиссіею, того нельзя вновь искать. Остается судить и рѣшить, можно ли брата признать виновнымъ по тому, что о немъ сказано въ рапортѣ слѣдственной комиссіи. Предубѣжденіе публики и судей, конечно, утишится, когда увидать его передъ судомъ, другаго въ могилѣ. Судья будутъ знать, имѣя рапортъ предъ глазами, въ чемъ судить, братъ будетъ знать, въ чемъ защищаться, и это для него весьма важно».

Исполняя обѣщаніе, данное брату, Николай Ивановичъ Тургеневъ писалъ князю Ливену:

«Monseigneur,

Dans le moment où un jugement erroné m'a condamné à passer ma vie dans l'exil, j'ai vécu dans l'obscurité et la retraite en Angleterre, dédaignant de jouir de la faveur que la notoriété d'une accusation politique procure auprès de certains hommes dans ce pays, et ne cherchant non plus auprès d'autres la dernière consolation du malheur: celle de leur exposer mon innocence et la dureté de mon sort. Dans ce refuge tranquille et assuré, pour n'être à la charge de personne pour les besoins de mon existence, refusant la société de ceux qui me recherchaient et ne recherchant de mon côté aucune, je n'avais pour consolation que le sentiment profond de mon innocence et la persuasion que ce sentiment me rendait digne de la sécurité que la providence m'avait offerte pour le reste de mes jours. J'ose croire que si votre Altesse Sérénissime veut bien prendre des informations sur la manière dont j'ai passé les dernières quatre années, Elle rendra témoignage de la vérité de ce que j'avance. Quelques amis, à mon insu, crurent qu'il serait utile à ma santé d'avoir la faculté de passer sur le continent, nommément en France ou en Italie, et firent des démarches en conséquence auprès de S. M. L'Empereur. On m'a fait connaître, que S. M. répondit qu'elle ne pouvait et ne voulait autre chose en ma faveur que me rendre justice, si je me croyais innocent et si je me présentais volontairement pour l'obtenir. Cette gracieuse détermination de mon Souverain ne me laisse plus, monseigneur, la faculté de jouir paisiblement de ma retraite en Angleterre. Je dois à mes amis, à moi-même et surtout à Sa Majesté l'Empereur, de me livrer à sa justice. Dès que cette magnanime détermination de S. M. m'a été connue, j'ai répondu que je l'embrassais avec reconnaissance et que je suis prêt à me rendre dans l'endroit qu'il plaira à Sa Majesté d'indiquer.

Ayant donc directement répondu à cette communication j'ai, aussi recours à V. Altesse Sérénissime pour la supplier de faire parvenir au pied du trône la résolution que je viens de prendre, de demander des ordres à

cet égard et me donner, Monseigneur, en son temps vos directions pour mon embarcation. Je suis etc ¹⁾...»

«Я не въ силахъ ничего прибавить,—писалъ при этомъ А. М. Тургеневъ Жуковскому ²⁾, долженъ только засвидѣтельствовать истину словъ его, что онъ, не смотря на мои убѣжденія хотя заглядывать иногда въ общество для моего успокоенія—оставался всегда и вездѣ одинъ въ своей мрачной комнатѣ, отклонялъ всѣ приглашенія, но спокойный, какъ невинность.

«О континентѣ также никогда не думалъ и не воспользовался бы и позволеніемъ: ты это уже давно знаешь. Никакіе пріятели не хлопотали: одинъ я—одинъ я навлекъ на него и на себя и сіе можетъ быть неудовольствіе государя.

«Слышу, что въ Эмсѣ государь не будетъ: это еще болѣе усиливаетъ мое безпокойство.

¹⁾ Ваше сіятельство. Съ тѣхъ поръ какъ я осужденъ несправедливымъ приговоромъ обрѣтаться въ изгнаніи, я жилъ въ безвѣстности и уединеніи въ Англіи, гнушаясь пользоваться тѣми преимуществами, какія можно приобрѣсть въ этой странѣ у нѣкоторыхъ лицъ, имѣя славу человѣка, обвиненнаго за политическое преступленіе, и не стараясь также искать у другихъ лицъ последнее утѣшеніе въ несчастіи: объяснить имъ мою невинность и жестокость моей судьбы. Чтобы, живя въ этомъ спокойномъ и надежномъ убѣжищѣ, не быть никому въ тягость относительно средствъ къ жизни, я уклонялся отъ общества людей, искавшихъ сближенія со мною, и со своей стороны не искалъ ничьего общества; единственнымъ моимъ утѣшеніемъ было глубокое сознаніе въ моей невинности и убѣжденіе въ томъ, что это сознаніе дѣлаетъ меня достойнымъ той безопасности, какую Провидѣніе предоставило мнѣ на остаткѣ дней моихъ. Силью думать, что если в. с-во пожелали бы навести справки о томъ, какъ я провелъ послѣдніе четыре года жизни, то вы признали бы справедливость всего сказаннаго мною. Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей, полагая, что для моего здоровья было бы полезно переѣхать на континентъ, а именно во Францію или Италію, согласно съ этимъ стали, безъ моего вѣдома, хлопотать о томъ у его императорскаго величества. Меня извѣстили, что его величество отвѣтилъ, что онъ не можетъ и не хочетъ сдѣлать въ мою пользу ничего инаго, какъ оказать мнѣ правосудіе, если я считаю себя невиннымъ и если я явлюсь добровольно, чтобы получить его. Это милостивое рѣшеніе императора не позволяетъ мнѣ, в. с-во, пользоваться долѣе моимъ убѣжищемъ въ Англіи. Я обязанъ передъ своими друзьями, передъ самимъ собою и въ особенности передъ его величествомъ отдать себя въ руки правосудія. Какъ только я узналъ объ этомъ великодушномъ рѣшеніи его величества, я отвѣтилъ, что я принимаю его съ благодарностью и что я готовъ отправиться туда, куда его величества мнѣ укажутъ.

Отвѣтивъ такимъ образомъ на сдѣланное мнѣ сообщеніе, я прибѣгаю къ в. с-ву съ просьбою повергнуть къ подножію престола рѣшеніе, принятое мною, испросить приказаній на этотъ счетъ и дать мнѣ своевременно указанія относительно того, когда я долженъ отплыть отсюда.

²⁾ Въ письмѣ отъ 22-го апрѣля 1830 г.

«Я почти не пишу къ брату: что могу, что долженъ я говорить ему? Онъ дѣйствуетъ самъ собою, и мои хлопоты всегда и вездѣ только вредятъ ему.—Безъ всякихъ видовъ, только съ надеждою на справедливость государя, а не судей, отдается онъ въ руки его, подѣ шить его. Что кромѣ чувства невинности и довѣренности къ государю—что могло рѣшить его на сей поступокъ, зная, что одно производство дѣла будетъ для меня и для него бѣдствіемъ?

«Онъ былъ такъ спокоенъ въ Англіи, въ уголку своемъ! Онъ ищетъ одного правосудія въ Россіи, отъ одного государя, его надѣется: все остальное для остальной жизни имѣетъ онъ въ Англіи. Я и самъ не замѣчалъ въ немъ всей силы его желанія, сего чувства и тяжести неоправданной невинности.—Перечитываю его письма, молюсь и надѣюсь.

«Пишу на почтѣ, она отходитъ. Прости, мой милый».

По полученіи всеподданѣйшаго письма Николая Тургенева и двухъ первыхъ писемъ А. И. Тургенева, Жуковскій писалъ государю:

«Представляя при семъ въ оригиналѣ и въ копіи письмо Николая Тургенева, писанное къ брату его тотчасъ по сообщеніи ему словъ вашего императорскаго величества, переданныхъ мнѣ отъ вашего имени государынею императрицею, почитаю необходимымъ изъяснить, почему такъ долго не было получено мною сего отвѣта.

«Письмо мое къ Александру Тургеневу въ Парижъ, въ коемъ я сообщилъ ему слова вашего величества, было отъ 30-го генваря, но я послалъ его не прежде, какъ 27-го февраля, ибо не желалъ, чтобы оно шло по почтѣ, и дожидалъ курьера. Александръ Тургеневъ получилъ его 29-го марта и на другой же день отправилъ къ брату въ Чельтенгамъ; но письмо не нашло его въ Чельтенгамѣ, онъ былъ въ Батѣ, туда и было оно послано, и тамъ застало его въ самую минуту обратнаго его отъѣзда въ Чельтенгамъ. Все это произвело замедленіе, но по выставленному на оригиналѣ письма числу ваше величество увидите, что его отвѣтъ послѣдовалъ немедленно по полученіи письма и что онъ насколько не поколебался своимъ отвѣтомъ.

«Для объясненія сего отвѣта я долженъ представить вашему величеству, тѣ строки изъ письма моего, къ коимъ онъ относится. Вотъ, что было мною написано: (Далѣе должна была слѣдовать выписка изъ письма Жуковскаго къ А. Н. Тургеневу отъ 30-го января).

«Вотъ, что я написалъ. (Эти строки я сообщилъ тогда же государынѣ и она благоволила ихъ одобрить), полагая, что Николай Тургеневъ, не имѣя въ доказательство своей невинности ничего, кромѣ того, что было уже имъ написано и что уже не показалось самимъ вамъ удовлетворительнымъ, поколеблется. Но вижу, что я зналъ его худо. Онъ не поколебался.

«Не позволяю себѣ дѣлать никакихъ замѣчаній на письмо его. Осмѣ-

люсь только обратить вниманіе вашего неличества на слѣдующее. Николай Тургеневъ имѣлъ несчастіе не явиться по первому вызову въ такое время, когда еще приговоръ не былъ произнесенъ надъ нимъ: въ этой неявкѣ видна одна недовѣрчивость (которой и извинить нельзя) къ судьямъ. Но она изъясняется его тогдашнимъ отдаленіемъ отъ Петербурга, его болѣзнію, письмами брата, который, страшась за жизнь его, убѣждалъ его прислать объясненіе письменное, и наконецъ тѣмъ, что онъ зналъ, какое предубѣжденіе на счетъ его распространено было въ обществѣ и въ самыхъ его судьяхъ. Если не явился онъ послѣ, а представилъ одно письменное подробное объясненіе, то онъ уже не могъ явиться, ибо приговоръ былъ произнесенъ, и онъ не имѣлъ никакого права надѣяться, чтобы онъ былъ допущенъ къ суду: если бы онъ явился, то по всей справедливости онъ былъ бы просто преданъ наказанію, какъ преступникъ уже осужденный. Теперь по одному царскому слову, уже приговоренный, не страшась прежнихъ судей свои(хъ), но зная своего верховнаго судью, котораго четыре года царствованія познакомили коротко съ Европою и Россією, онъ готовъ явиться безусловно, когда и куда повелитъ сей судья великодушный. Письмо его было писано къ брату съ тѣмъ, чтобы онъ доставилъ ко мнѣ одну выписку; а братъ доставилъ все письмо въ оригиналѣ. Благоволите обратить вниманіе на отмѣченные мною строки. Изъ нихъ увидите, какую имѣлъ онъ надежду и что для себя готовить. (Эта семейная тайна вѣрится вамъ, государь). И онъ все покидаетъ; онъ предаетъ себя вамъ. Что повелите, то и будетъ. Благоволите же, всемилостивѣйшій государь, изъяснить, что долженъ я отвѣчать его брату» ¹⁾.

Указанія императора намъ, пока, въ точности неизвѣстны, но во всякомъ случаѣ были неблагопріятны, какъ видно изъ ниже слѣдующаго письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу:

«Спѣшу извѣстить тебя о томъ, что случилось. Все рѣшено для брата. Ты и онъ будете обвинять меня въ опрометчивости — винюсь съ сокрушеннымъ сердцемъ! Меня мучитъ мысль, что я произвелъ (въ) васъ новую надежду со всѣми ея волненіями ²⁾. Я не понялъ словъ государя, переданныхъ мнѣ императрицею, и далъ имъ слишкомъ обширное значеніе. Въ нихъ не заключалось никакого вызова на судъ и

¹⁾ Печатается съ черноваго отпуски, принадлежащаго графу Н. А. Бревнеру-де-ля-Гарди.

²⁾ Первоначально было написано: „Ты и онъ будете обвинять меня въ опрометчивости [въ томъ, что я возбудилъ въ васъ новую надежду, привелъ васъ въ новое волненіе. Что жъ дѣлать! Это меня мучитъ, но исправить не могу“].

на оправданіе, ибо ¹⁾ въ этомъ отношеніи для брата все кончено, и онъ новаго суда ни ожидать, ни требовать не въ правѣ, и государь его ему не дастъ. Если бы братъ явился и безусловно предаль себя великодушію государя, то его величество рѣшилъ бы тогда самъ, какое существованіе могло бы быть дано ему, осужденному въ Россіи безъ уничтоженія осудившаго его приговора. Таковъ былъ истинный смыслъ сказаннаго мнѣ отвѣта. И такъ повторяю: ему обѣщанъ былъ не судъ, а одно только измѣненіе его участи безъ оправданія. Я виноватъ передъ братомъ, что своею поспѣшностію вовлекъ его въ заблужденіе; виноватъ и передъ государемъ императоромъ, и страшусь, не навлекъ ли на себя неблаговоленіе его величества. Я поступилъ весьма опрометчиво и неосторожно, тѣмъ болѣе, что уже и самъ государь лично изъявилъ мнѣ за нѣсколько дней передъ симъ свое неудовольствіе за то, что я вмѣшиваюсь въ дѣло, до меня не принадлежащее. Могу быть извиненъ ²⁾ одною только чистотою намѣренія. Благодарю Бога, что Онъ избавилъ меня отъ горькаго раскаянія въ чемъ-нибудь болѣе. Теперь вы все знаете ³⁾.

«Остается мнѣ дать или, лучше сказать, повторить тебѣ особенно прежній совѣтъ свой: не тревожь Николая. Безъ тебя давно бы уже онъ смотрѣлъ на судьбу свою глазами твердыми и покорился бы ея могуществу. Ты долженъ быть ему помощникомъ и утѣшителемъ, а не обременителемъ его жребія. Теперешній случай долженъ рѣшительно объяснить для тебя твою должность. Прости».

Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ Н. Тургеневу было разрѣшено жить на континентѣ, и онъ поселился тогда въ Парижѣ.

III.

В. А. Жуковский и В. Н. Кюхельбекеръ.

Въ 1837 году В. А. Жуковский сопровождалъ великаго князя Александра Николаевича, тогда наслѣдника престола, въ его путешествіи

¹⁾ Первоначально было написано: «Въ нихъ не заключалось никакого обѣщанія сула, и братъ вызывался не къ оправданію, котораго онъ уже получить никогда не можетъ, но просто».

²⁾ Сначала было написано: „Могу быть оправданъ и передъ нимъ и передъ вами“.

³⁾ Затѣмъ зачеркнуто: «Прости» и еще слѣдующее: „Но я винюсь передъ однимъ Николаемъ, а не передъ тобою. Ты своими тревогами доселѣ нарушалъ и послѣдній остатокъ спокойствія, возможнаго въ его положеніи. Ты искалъ для него того, о чемъ онъ и не думалъ. Мои объ этомъ старанія, никому не полезныя, а мнѣ только одному вредныя довели.....“

по Сибири, гдѣ они видѣли многихъ декабристовъ. Положеніе ихъ какъ нравственное, такъ и матеріальное было весьма тяжелое. Оторванные отъ семействъ, поставленные въ совершенно инныя условія жизни, они были лишены всякихъ сношеній съ родными и друзьями. Переписка съ ними навлекала подозрѣніе правительства, и потому многіе избѣгали ея. Такъ, когда, въ 1836 году, А. С. Пушкинъ получилъ письмо отъ Кюхельбекера, онъ немедленно представилъ его въ III отдѣленіе и при этомъ писалъ 28-го апрѣля 1839 г. статсъ-секретарю Александру Николаевичу Мордвинову ¹⁾:

«Спѣшу препроводить къ вашему превосходительству полученное мною письмо. Мнѣ вручено оно съ недѣлю, по моему возвращенію съ прогулки; оно было просто отдано моимъ людямъ безо всякаго словеснаго порученія неизвѣстно кѣмъ. Я полагалъ, что письмо доставлено мнѣ съ вашего вѣдома. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть» и проч.

Письмо это было возвращено Пушкину, какъ не заключающее въ себѣ ничего не позволительнаго ²⁾, но за то второе письмо Кюхельбекера, приводимое нами ниже, не было передано по назначенію и оставлено въ дѣлахъ.

«Ты хочешь,—писалъ В. К. Кюхельбекеръ А. С. Пушкину ³⁾,—чтобы я тебѣ говорилъ о самомъ себѣ. Нынѣ это мнѣ еще совершенно невозможно: въ судьбѣ моей жизни произошла такая огромная перемѣна, что и понынѣ душа не устоялась. Дышу чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, иду, куда хочу, не вижу ни ружей, ни конвоя, не слышу ни скрипа замковъ, ни шопота часовымъ при смѣнѣ ⁴⁾. Все это прекрасно, а между тѣмъ говорить ли? порою жалко о своемъ уединеніи. Тамъ я былъ ближе къ вѣрѣ, къ поэзіи, къ идеалу. Здѣсь все не такъ, какъ ожидалъ даже я, порядочно, кажись, разочарованный на счетъ людей и того, чего можно отъ нихъ требовать. Впрочемъ *le goût me viendra en mangeant*,—вотъ напримѣръ какъ вчера въ лѣсу, когда предложили мнѣ вмѣсто обѣда соленыхъ омулей, нѣсколько, какъ говорятъ здѣсь вонъ к и х ъ, отъ нихъ чуть было не сорвало съ души. Но, протаскавъ цѣлое утро бревна и доски, я усталъ, проголодался и вообрази: съѣлъ цѣлаго омуля. Такъ-то наконецъ и нравы здѣшнія придутся же мнѣ по зубамъ. Еще одно: когда

¹⁾ Управлявшему III отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи.

²⁾ Отношеніе статсъ-секретаря Мордвинова А. С. Пушкину отъ 30-го апрѣля 1836 г. № 1416.

³⁾ Въ письмѣ отъ 3-го августа 1836 года изъ Баргузина.

⁴⁾ Кюхельбекеръ долгое время содержался въ Динабургской крѣпости. По случаю польскаго мятежа онъ былъ, въ апрѣлѣ 1831 г., отправленъ въ Ревель, 7-го октября перевезенъ въ Свеаборгъ, а затѣмъ отправленъ въ Сибирь и поселенъ въ Баргузинѣ.

я началъ дневникъ свой, я именно положилъ, чтобы онъ отнюдь не былъ исповѣдью, а вышло напротивъ: проговариваюсь и довольно часто. Иначе и быть не можетъ. Есть случаи, гдѣ «всякъ человѣкъ ложъ»; но есть и такіе, гдѣ всякъ человѣкъ—истина. Писать къ тебѣ о самомъ себѣ, какъ не высказать того, что во мнѣ бродитъ. А это еще рано.

«Ты, другъ, Александръ Сергѣевичъ, полагаешь, что я получалъ въ крѣпости много литературныхъ новостей,—ошибаешься. Французскихъ и нѣмецкихъ мнѣ давали очень немного; изъ русскихъ только въ послѣднее время попадались мнѣ не совсѣмъ еще старыя».

Освобожденіе изъ крѣпости и поселеніе въ Баргузинѣ ухудшали положеніе Кюхельбекера. Вообще облегченія участи сосланныхъ были дѣлаемы весьма рѣдко и въ размѣрахъ самыхъ ограниченныхъ. Сначала имъ сокращались сроки, назначенные для бытности въ каторжной работѣ, потомъ они, находясь на поселеніи, всякій разъ по просьбамъ ихъ и по ходатайству мѣстнаго начальства, были переводимы изъ суровыхъ мѣстъ въ болѣе умѣренныя, или изъ селеній въ города, но не иначе, какъ въ предѣлахъ Сибири. Многіе изъ нихъ, не имѣя никакихъ средствъ къ жизни, принуждены были пропитывать себя тяжелымъ трудомъ хлѣбопашца. Трудъ этотъ былъ для нѣкоторыхъ и не по характеру и не по силамъ, и заставлялъ стремиться къ выходу изъ такого положенія.

«Я подаль просьбу, писалъ—В. К. Кюхельбекеръ графу Бенкендорфу¹⁾»,—о дозволеніи мнѣ жениться на любимой мною дѣвушкѣ. Я долженъ буду содержать жену, но слѣдуетъ вопросъ: какимъ образомъ? Рана пулею въ лѣвое плечо и недостатокъ тѣлесныхъ силъ будутъ мнѣ всегдашнимъ препятствіемъ къ снискиванію пропитанія хлѣбопашествомъ или какимъ-либо рукодѣліемъ.

«Осмѣливаюсь прибѣгнуть къ вашему сіятельству съ просьбою оказать милость исходатайствованіемъ мнѣ у государя императора дозволенія питаться литературными трудами, не выставляя на нихъ моего имени. Мнѣ не нужно говорить вашему сіятельству, что благодарность моя за эту милость будетъ безпредѣльна; благодарность эту я могу доказать одною лишь молитвою предъ Богомъ о благоденствіи моего государя, милосердаго и человѣколюбиваго даже въ наказаніяхъ, и о благѣ того, который за меня будетъ ходатайствовать при его высокой особѣ. Но я увѣренъ, что ни великодушный монархъ, ни ваше сіятельство не отвергнете моего моленія. Я оканчиваю; сердце мое слишкомъ полно и не даетъ мнѣ писать болѣе. Съ чувствомъ страха, которое ваше сіятельство мнѣ вѣрно простите, какъ послѣдствіе столь многихъ не сбывшихся надеждъ, но и съ совершенною увѣренностію въ милосердіе того,

¹⁾ Отъ 9-го октября 1836 г. изъ Баргузина.

че великое сердце въ рудѣ Божіей, и въ благородное стремленіе ваше по возможности способствовать облегченію нашей участи».

Разрѣшенія не послѣдовало, и на просьбѣ было написано «не лѣзя».

Отказъ, конечно, произвелъ на Кюхельбекера тяжелое, удручающее впечатлѣніе, но скоро блеснуть лучъ надежны, когда въ Сибири узнали о предстоящемъ посѣщеніи ея наслѣдникомъ престола. Всѣ оживились и съ нетерпѣніемъ ожидали гостя. Сибиряки были въ восторгѣ; въ восторгѣ былъ и высокій путешественникъ.

«Начну съ того,—писалъ онъ отцу, императору Николаю ¹⁾,—чтобы благодарить тебя за мысль твою послать меня въ этотъ отдаленный, любопытный край, который никого изъ насъ еще не видѣлъ и въ настоящемъ случаѣ чувствуетъ съ благодарностью высокое вниманіе своего государя, котораго сибиряки настоящіе (коренные) умѣютъ любить.

«Восторгъ, съ которымъ меня здѣсь вездѣ принимали, меня точно поразилъ, радость была искренняя, во всѣхъ лицахъ видно было чувство благодарности своему государю за то, что онъ не забылъ своихъ отдаленныхъ подданныхъ, душевно ему привязанныхъ, и прислалъ къ нимъ сына своего, который также умѣетъ цѣнить счастье дѣлать счастливыми и другихъ. Я точно не знаю, какъ благодарить тебя, милый папа, за то, что ты меня прислалъ сюда, ибо пребываніе мое здѣсь принесло и жителямъ и мнѣ душевную радость. Они говорятъ, что доселѣ Сибирь была особенная страна, а теперь сдѣлалась Россіей.

«Сибирскій край чрезвычайно любопытный, и мнѣ очень жаль, что въ этотъ разъ не удалось далѣе съѣздить, надѣюсь при томъ, что если Богъ дастъ, современемъ и туда попасть. Я видѣлъ многихъ пріѣзжихъ оттуда, и всѣ очень сожалѣютъ, что я не могу къ нимъ заѣхать. Здѣшнее населеніе надобно раздѣлить совершенно на (двѣ) отдѣльныя части: старожилы или коренные сибиряки, народъ чисто русскій, привязанный къ своему государю и ко всей нашей семьѣ, нравственные, живущіе спокойно и во благоденствіи, ибо земля у нихъ удивительная,—все черноземъ; народъ собою видный.

«Другая же часть населенія Сибири совершенно другого рода и пагубная для сего края,—это суть поселенцы или сосланные на поселеніе, которые больше ничего не дѣлаютъ, какъ бродятъ по большимъ дорогамъ, грабятъ, обижаютъ жителей и для нихъ настоящее бремя. Присмотръ за ними невозможенъ. Мы заходили въ нѣсколько избъ, и крестьяне намъ говорили, что когда они на работу уходятъ, то ставятъ на окошки хлѣбъ, соль и квасъ для бродягъ ссыльныхъ, а не то зажгутъ имъ деревню или разграбятъ домъ. Нечего сказать, незавидное положеніе, которому однако весьма трудно пособить.

¹⁾ Отъ 3-го іюня 1837 года изъ Тобольска.

«Горчаковъ ¹⁾), пользуясь моимъ прибытіемъ сюда, осмѣливается ходатайствовать за испрошеніе прощенія нѣкоторымъ несчастнымъ, того истинно заслуживающимъ; онъ вѣрно за недостойныхъ не сталъ бы просить. Во-первыхъ, онъ проситъ позволенія произвести изъ рядовыхъ 1-го линейнаго сибирскаго баталіона Чижова въ унтеръ-офицеры, свидѣтельствуя его усердную и ревностную службу и тихое, скромное поведеніе. Онъ объ этомъ вошелъ съ представленіемъ къ гр. Чернышову. Помянутый Чижовъ, за принадлежаніе тайному обществу и знаніе цѣли его, лишень лейтенантскаго чина и дворянства 10-го іюля 1826 г. и былъ сосланъ въ Сибирь на поселеніе; но по высочайшему повелѣнію, объявленному графомъ Бенкендорфомъ 24-го іюня 1833 г., опредѣленъ на службу рядовымъ въ 1-й линейный Сибирскій баталіонъ. Кромѣ того онъ еще проситъ о прощеніи лишенныхъ чиновъ и дворянства и сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе Павла Рукина, Льва Кузнецова и жены его, достойныхъ всемілостивѣйшаго милосердія по скромной жизни и хорошему поведенію. Просьбы ихъ пересылаю въ особенномъ пакетѣ. Осмѣливаюсь присовокупить къ этому и мое ходатайство: мнѣ бы чрезвычайно пріятно было, милый и безцѣнный папа, если это возможно, чтобы пріѣздъ мой принесъ этимъ несчастнымъ облегченіе въ ихъ судьбѣ».

«По утру я выслушалъ обѣдню въ соборѣ въ Курганѣ,—писалъ великій князь-наслѣдникъ въ другомъ письмѣ ²⁾). Тамъ находятся нѣкоторые изъ причастныхъ къ дѣлу 14-го числа (декабря), именно: Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ (бывшій коннополюснѣръ), Нарышкинъ, Розень, Фохтъ и Фурманъ. Я нарочно справлялся о нихъ и узналъ, что какъ они, такъ и живущіе въ Ялуторовскѣ и въ другихъ мѣстахъ, ведутъ себя чрезвычайно тихо и точно чистосердечно раскаялись въ своемъ преступленіи; ихъ раскаянію можно повѣрить. Мой Назимовъ ³⁾ заходилъ къ своему однофамильцу, его дальнему родственнику и говорить, что онъ его совершенно разстроилъ своимъ раскаяніемъ. Онъ ему говорилъ, что если даже государь насъ проститъ, то мы всю жизнь сами себѣ не простимъ наше преступленіе: это пятно неизгладимое. Я ихъ всѣхъ почти видѣлъ въ церкви; въ особенности хвалятъ Нарышкина. Онъ благодѣтель всего города, жена его, почтенная женщина, написала мнѣ письмо, которое я тебѣ пересылаю тоже. Она проситъ, постѣ 10 лѣтъ разлуки, повидаться съ матерью, посоветоваться съ докторами на счетъ своей болѣзни и потомъ опять воротиться къ своему мужу.

¹⁾ Сибирскій генералъ-губернаторъ.

²⁾ Отъ 6-го іюня 1837 г.

³⁾ Полковникъ Влад. Ив. состоявшій при великомъ князѣ наслѣдникѣ.

«Еще Фохтъ писалъ письмо В. А. Жуковскому, въ которомъ онъ проситъ исходатайствовать ему позволеніе ѣхать въ Tobolskъ полѣчиться. Онъ проситъ: нельзя ли старшему сыну его, живущему въ Россіи, позволить пріѣхать повидаться съ матерью.

«Осмѣливаюсь и я съ своей стороны ходатайствовать передъ тобою за сихъ несчастныхъ, вполне раскаявшихся въ своемъ преступленіи и готовыхъ пролить послѣднюю каплю крови за своего государя, уже облегчившаго ихъ судьбу, на которую они не думаютъ роптать».

Эти теплыя слова наслѣдника престола въ защиту ссыльныхъ раздѣлялись и всею его свитою, въ особенности В. А. Жуковскимъ.

«Особенно поразила меня,—писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ ¹⁾,—во всѣхъ ихъ ²⁾ смиренная покорность судьбѣ своей и въ то же время признаніе вины своей и той кротости, какая была ими оказана во всѣ эпохи ихъ изгнанія. Ни одного изъ встрѣченныхъ мною въ Курганѣ я не зналъ прежде, но свиданіе со мною было имъ отрадою, правда, минутною. И, простясь съ ними, я живо почувствовалъ, что такое изгнаніе! Мы исчезли для нихъ какъ тѣни. На одинъ мигъ явилась передъ ними Россія, и родные, и погибшее прошлое, и осталось отъ всего безнадежное будущее. А ихъ дѣти, оставленные въ Россіи или родившіяся въ изгнаніи; а ихъ родные, для которыхъ давно совершившееся бѣдствіе не состарѣлось, а свѣжо и живо, какъ въ первую минуту».

Такія мысли о тяжкомъ положеніи многихъ товарищей и друзей юности произвели глубокое впечатлѣніе на добрую и чистую душу В. А. Жуковского и вызвали съ его стороны сердечное желаніе облегчить ихъ участь. Узнавъ, что наслѣдникъ ходатайствуетъ объ облегченіи участи осужденныхъ, онъ не могъ утерпѣть отъ желанія вновь просить милости у императора Николая и писалъ ему 8-го іюня 1837 г. изъ Златоуста ³⁾:

«Великій князь покинулъ Сибирь, которую сбрядовало несказанно его минутное присутствіе. Этотъ случай побуждаетъ меня повергнуть къ стопамъ вашего в(еличест)ва нѣкоторыя мысли, которыя давно таились въ душѣ моей, но теперь съ новою живостію въ ней пробудились.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 24-го іюня 1837 г. изъ Симбирска. Сочиненія В. А. Жуковского, изд. 7-е, 1878 г. Т. VI, стр. 318.

²⁾ Сосланныхъ по дѣлу 14-го декабря.

³⁾ Письмо это обязательно доставлено намъ И. А. Бычковымъ и списано съ черноваго подлинника, находящагося въ одной изъ тетрадокъ дневника Жуковского за 1837 г. Дневникъ хранится въ Императорской публичной библиотекѣ (см. И. А. Бычковъ. Бумаги Жуковского. С.-Петербург. 1887 г. стр. 14) и письмо занимаетъ листы: 31, 30, 29, 28, 27 и 26 (страницы переименованы обратно).

Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что я долженъ ихъ сообщить вамъ, что я погрѣшу передъ вами, передъ в(еликимъ) в(няземъ) и передъ собою, если этого не сдѣлаю. Я повиную(сь) этому влеченію въ полной увѣренности, что вы, государь, оправдаете мое намѣреніе и въ такомъ случаѣ, когда не согласитесь со мною.

«Ни одинъ изъ русскихъ царей не имѣлъ прекрасной мысли вашей, мысли, достойной царя самодержавнаго, послать своего наслѣдника знакомиться съ будущимъ его царствомъ.

«И ни одинъ изъ вашихъ великихъ предшественниковъ не могъ имѣть такой мысли; сынъ Петра былъ недостойнъ отца своего; Екатерина имѣла несчастіе быть нечадолюбивою матерію; Александръ не былъ отцомъ. Вамъ однимъ судилъ Богъ, съ наслажденіемъ добраго и счастливаго отца, во всемъ цвѣтѣ жизни, общающей намъ еще многіе годы благословеннаго вашего царствованія, показать любимому сыну Россію, и какую Россію! Такого праздника еще ей не давали цари ея. Плодъ путешествія наслѣдника не будетъ приобрѣтеніе точныхъ свѣдѣній о тѣхъ краяхъ, кои онъ увидитъ; это физически и морально невозможно. И это, впрочемъ, не есть главная цѣль его путешествія.

«Нѣтъ, онъ долженъ увидѣть Россію и ею быть увидѣннымъ; онъ долженъ ее полюбить и приобрѣсть любовь ея. И это будетъ непремѣннымъ слѣдствіемъ того, что онъ видитъ и будетъ видѣть. При въѣздахъ его въ города, улицы кипятъ народомъ, кровли имъ усыпаны, все толпится къ нему съ криками радости, и большая часть, глядя на него, молится. Цѣлыя волости собираются на дорогу и въ два ряда выстраиваются по сторонамъ ея. Эти картины (съ нѣкоторыми измѣненіями, смотря по характеру и происхожденію жителей) встрѣчаетъ онъ на каждомъ шагу. Видѣвшіе его, конечно, сохранять память о днѣ, въ который его встрѣтили; а онъ возвратится къ вамъ съ живѣйшею любовію къ вашему и своему будущему царству, ибо онъ видѣлъ къ себѣ отъ этого царства и всей Россіи любовь неподкупленную, и сіе чувство встрѣтило его на первомъ шагѣ его.

«Государь! Россія видитъ въ немъ вашего представителя; она съ благодарностію понимаетъ васъ, и въ этомъ царскомъ посольствѣ, единственномъ въ нашихъ лѣтописяхъ, видитъ вашу отеческую заботливость о ея будущемъ благоденствіи и о будущемъ вашего сына: еще при себѣ, въ цвѣтѣ могущественнаго царствованія, вы хотите ихъ подружить, вы хотите своимъ соприсутствіемъ запечатлѣть этотъ законный союзъ, на которомъ, конечно, останется печать вашего царскаго и родительскаго благословенія во благо сына и подданныхъ. Все это прекрасно, и все это вездѣ понимаютъ.

«Будучи свидѣтелемъ этихъ встрѣчъ народныхъ и видя въ нихъ разнообразное выраженіе одного и того же общаго чувства, вѣрности къ

трону (еще полному, нигдѣ не расточенному наслѣдію народа русскаго), я сожалѣю только о томъ, что вы не можете быть ихъ невидимымъ свидѣтелемъ. Это была бы величайшая радость родительскому сердцу.

«Такъ, государь, онъ вашъ представитель, но представитель не вашей власти—власть впереди, она есть просто право наслѣдства,—а вашей благодти (прекраснаго достоянія царей, и исключительнаго, лучшаго достоянія царей самодержавныхъ). И Россія видѣла лице этого представителя. Нельзя (было) выбрать болѣе привлекательнаго представителя святѣйшей изъ добродѣтелей царскихъ. Но, будучи представителемъ вашей благодти, пускай оставитъ онъ по себѣ и ея памятникъ, такой памятникъ, который бы вся Россія разомъ, съ одною общею молитвою, воздвигнула отцу милующему и сыну, посреднику милосердія.

«Скажу то слово, которое хотѣлъ уже сказать вамъ, съ вѣрою въ вашу высокую душу, въ день совершеннолѣтія наслѣдника и которое теперь еще приличнѣе сказать, ибо обстоятельства благоприятствуютъ и нѣкоторымъ образомъ вызываютъ изъ души моей это слово. Государь, даруйте всепрощеніе несчастнымъ, осужденнымъ и достойно наказаннымъ по заговору 1825 года. Пускай этотъ актъ, въ которомъ выразится самодержавіе во всей свойственной ему красотѣ и силѣ, ознаменуетъ первое посѣщеніе Сибири сыномъ царскимъ. Пускай въ то же время скажутъ по всей Россіи: государь показалъ намъ своего сына ангеломъ радости.

«Этотъ ангелъ увидѣлъ страданіе и несчастіе и сдѣлалъ свое дѣло; онъ молилъ за нихъ своего правосуднаго отца, и отецъ послушалъ сына, подобно Отцу Небесному, передъ Которымъ Сынъ ходатайствовалъ о спасеніи осужденныхъ. А это, государь, скажутъ всѣ, и съ какимъ чувствомъ къ вамъ и къ вашему сыну!

«Правосудіе совершило дѣло свое во всей полнотѣ. Заговоръ, произведенный коварнымъ замысломъ немногихъ и фантастическимъ заблужденіемъ другихъ или опрометчивою молодостію остальныхъ, задушенъ былъ въ самую первую минуту героизмомъ царя, и эта минута насъ познакомила съ нашимъ государемъ. Судъ надъ преступниками, произнесенный съ небывалою дотошъ всенародностію и совершенный съ строгостію рѣшительною, явилъ могущество правительства и ужаснулъ злонамѣренныхъ. Вся Россія была за-одно съ своимъ государемъ и вмѣстѣ съ нимъ осудила заговорщиковъ противъ общественнаго порядка. Можно сказать, что этотъ безумный опытъ потрясти тронъ послужилъ только къ его утвержденію, ибо, конечно, съ тѣхъ поръ гораздо болѣе счесть можно людей, для коихъ, при мысли о томъ, какія бы слѣдствія имѣлъ заговоръ, если бы онъ имѣлъ успѣхъ, стала гораздо яснѣе мысль о необходимости для насъ самодержавной власти. Но казнь правосудная, отбивавъ виновнымъ, должна была необходимо ввергнуть тысячи се-

мействъ въ глубокой трауръ; и этотъ трауръ лежитъ на всей Россіи, ибо семейства сіи разсыяны по всему ея пространству. Причина казни, такъ сказать, не существуетъ, ибо казнь ее уничтожила, а скорбь, произведенная казнью, скорбь отцовъ и матерей, братьевъ и сестеръ, родныхъ и друзей, жива и не умретъ; напротивъ, будетъ получать со-всѣмъ особенный характеръ живости по мѣрѣ продолжительности наказанія и отъ ужаснаго чувства безнадежности и черной мысли о неумолимости. Это чувство, столь естественное въ пострадавшихъ и столь же естественно раздѣляемое состраданіемъ постороннихъ, пережило вину преступниковъ. Сколько ежедневно слезъ проливается передъ Богомъ, сколько рукъ подымается къ Спасителю съ молитвою: «Смягчи сердце царю, да помиуетъ заблуждшихъ». Въ то же время и эти заблужденія, конечно, пережили свое заблужденіе: ихъ преступленіе не входитъ въ разрядъ неисцѣлимаго разврата; оно въ большей части не иное что, какъ пагубное заблужденіе, произведенное безпорядочнымъ воспитаніемъ, обстоятельствами тогдашняго времени и, смѣю прибавить, нѣкоторыми ошибками тогдашняго правительства. Теперь несчастіе дало имъ новое воспитаніе; оно познакомило ихъ съ своимъ необходимымъ товарищемъ—религіею. Можно быть увѣреннымъ, что подъ этимъ двойнымъ вліяніемъ произошла въ нихъ значительная перемена, которая можетъ сдѣлать ихъ надежнѣе самихъ не испытавшихъ преступленія; они ясно увидѣли, къ чему могутъ привести мысли превратныя; несчастіе научило ихъ смиренію, изгнаніе врѣзало въ нихъ живѣйшую любовь къ отечеству; а кротость, съ какою въ самой строгости своей поступило съ ними правосудіе, конечно, вселила въ нихъ благодарность къ государю, ихъ покаравшему. Однимъ словомъ, всемилостивѣйшій государь, время карающей строгости миновалось, время благи спасающей, примирительной наступило. Никогда случай, подобный теперешнему, не представится вамъ для облегченія дѣйствія вашей благи. Теперь Россія васъ знаетъ и по первой героической минутѣ вашего царствованія и по многимъ другимъ, еще болѣе героическимъ; Россія днаетъ, какую силу духа можете вы раскрыть въ тѣ минуты, когда на-вобно поплатитесь собою; она видѣла, какъ вы сильно, вопреки самымъ крикамъ Европы, умѣли поддержать права свои и раздавить мятежничество. Она не назоветъ слабостію вашей благи. Всепрощеніе въ сію минуту будетъ самымъ произвольнымъ дѣйствіемъ самодержавія, ему одному приличнымъ и тѣмъ именно, по коему оно приобрѣтаетъ характеръ божественности. Здѣсь, какъ самодержецъ, (который) даетъ законъ—самъ произвольно можетъ его отмѣнить. Вы можете сказать: «Я прощаю, потому что хочу простить; потому (что) на это есть моя воля, потому что мой сынъ объ этомъ просилъ меня». Боже мой, сколько ранъ вдругъ исцѣлится однимъ такимъ божественнымъ словомъ!

Какія молитвы со всѣхъ концовъ отечества полетятъ за васъ и за него! Какой новый блескъ получите вы въ глазахъ всей Россіи! Другой подобной минуты не будетъ».

Письма сына-наслѣдника и В. Жуковского не остались безрезультатными. Въ указѣ Правительствующему Сенату отъ 22-го іюля 1837 года изъ Ропши ¹⁾, императоръ Николай I писалъ:

«Внявъ ходатайству любезнѣйшаго сына нашего, наслѣдника нашего престола, цесаревича и великаго князя Александра Николаевича, мы признали за благо оказать нѣкоторыя облегченія и милости тѣмъ изъ находящихся въ Сибири ссыльнымъ, кои хотя очернили себя заблужденіями и преступленіемъ, но нынѣ поведеніемъ своимъ заслуживаютъ, чтобы на нихъ было обращено дѣйствіе нашего милосердія».

Это милосердіе выразилось въ различныхъ облегченіяхъ участи ссыльных, сокращеніемъ наказаній, опредѣленныхъ по суду, переводомъ на поселеніе, дозволеніемъ поступать на службу и проч. ²⁾.

¹⁾ См. Полное Собр. Законовъ т. XII, № 10470.

²⁾ Разсмотрѣвъ,—было сказано далѣе въ томъ же указѣ,—представленныя намъ о положеніи ссыльных вообще свѣдѣнія, повелѣваемъ:

1) Тѣмъ, кои, принадлежа къ податнымъ состояніямъ, сосланы въ Сибирь на поселеніе безъ тѣлеснаго наказанія, дозволить возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи для избранія тамъ рода жизни, если они въ назначенныхъ имъ мѣстахъ ссылки пробыли не менѣе пяти лѣтъ до прибытія наслѣдника престола нашего цесаревича и великаго князя Александра Николаевича въ Тобольскъ, и во все сіе время вели себя неукоризненно, не бывъ ни подъ судомъ, ни въ бѣгахъ; изъ сего исключить только тѣхъ, кои сосланы за преступленія противъ вѣры, или же за бродяжество при упорномъ сокрытіи своихъ именъ, состоянія и происхожденія, или наконецъ по волѣ помѣщиковъ и по приговорамъ городскихъ и сельскихъ обществъ за неисправное развратное поведеніе; исключить равно тѣхъ, кои, желя въ Сибири, обзавелись тамъ прочнымъ хозяйствомъ и слѣдственно сами не пожелали бы оставить настоящихъ мѣстъ жительства.

2) Тѣмъ изъ сосланныхъ на поселеніе, кои не пожелаютъ или не могутъ воспользоваться дозволеніемъ возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи по кратковременности пребыванія ихъ въ Сибири, или же по другимъ причинамъ, но кои также со времени ссылки вели себя неукоризненно и не были ни подъ судомъ, ни въ бѣгахъ, сократить въ половину сроки, назначенныя для оставленія ихъ въ цехъ слугъ или разрядъ ремесленныхъ работниковъ; а находящихся во временныхъ заводскихъ работахъ немедленно освободить отъ сихъ работъ и обратить въ другіе разряды поселенцевъ съ льготами и правами, симъ разрядамъ предоставленными.

3) Имѣющимъ въ слѣдствіе сего правила поступать изъ цеха слугъ въ мѣщане и цеховые и изъ ремесленныхъ работниковъ на поселеніе, а равно и предназначеннымъ прямо къ поселенію людямъ, даровать двойной срокъ свободы отъ платежа казенныхъ податей противу опредѣленнаго 749 ст. Свод. Уст. о ссыльн., распространивъ сію милость и на тѣхъ поселенцевъ, кои уже водворены, но коимъ общее льготное отъ податей время не кончп-

Вмѣстѣ съ тѣмъ императоръ Николай повелѣлъ спросить менѣ виновныхъ декабристовъ, не пожелаютъ ли они поступить въ военную службу, и тѣ, которые заявили желаніе, были опредѣляемы рядовыми въ отдѣльный Кавказскій корпусъ. Всѣмъ имъ объявлялось, что назначеніе это послѣдовало «въ видѣ особой монаршей милости и хосъ еще въ день прибытія въ Тобольскъ наслѣдника престола нашего цесаревича и великаго князя Александра Николаевича.

4) Недоимки въ казенныхъ податяхъ, числящіяся на поселенцахъ, какъ возвращаемыхъ во внутреннія губерніи Имперіи, такъ и остающихся въ Сибири, изъ какого бы они состоянія ни поступили, простить и изъ счетовъ исключить, кои уже болѣе десяти лѣтъ обзавелись собственнымъ прочнымъ хозяйствомъ.

5) Распространить сіи предназначаемыя для поселенцевъ облегченія и милости, кромѣ права возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи, и на сосланныхъ въ Сибирь на поселеніе дворянъ, чиновниковъ и другихъ, въ прежнемъ званіи своемъ не подлежавшихъ тѣлесному наказанію, исключая лишь тѣхъ, кои по какимъ-либо причинамъ подверглись ссылке на поселеніе, хотя были обвинены въ важнѣйшихъ, на основаніи Свод. Зак. Уголовн. каторжною работою наказываемыхъ, преступленіяхъ. Сверхъ того тѣмъ изъ имѣющихъ воспользоваться даруемыми имъ облегченіями поселенцевъ сего рода, которые, находясь въ Сибири не менѣе десяти лѣтъ, хорошимъ поведеніемъ обратили на себя вниманіе мѣстнаго начальства, дозволить переписаться, буде желаетъ, изъ поселенцевъ въ тамошнія городскія общества или же и вступить въ Сибири или въ Кавказомъ въ военную службу нижними чинами, на общемъ для людей сего рода основаніи. Главное мѣстное начальство можетъ, по усмотрѣнію своему, разрѣшать имъ вступленіе и въ гражданскую въ Сибири службу, также нижними чинами съ производствомъ въ первый офицерскій по истеченіи 12 лѣтъ, а по особеннымъ достойнымъ уваженія причинамъ и ходатайствовать предъ нами о дозволеніи нѣкоторымъ изъ нихъ возвратиться во внутреннія губерніи Имперіи, съ правомъ вступить тамъ въ гражданскую или военную службу нижними чинами.

Даруемыя намъ находящимся въ Сибири сильнымъ облегченія не могутъ быть распространяемы на преступниковъ, осужденныхъ въ каторжную работу; но дабы явить знакъ монаршаго милосердія нашего тѣмъ изъ нихъ, кои, во время посѣщенія Тобольской губерніи наслѣдникомъ нашего престола цесаревичемъ и великимъ княземъ Александромъ Николаевичемъ, испрашивали его предъ нами ходатайства, повелѣваемъ опредѣленный имъ судебными приговорами срокъ работы уменьшить одною третью или и половиною, смотря по роду ихъ преступленій, лѣтамъ и состоянію здоровья, предоставляя сіе разрѣшенію главныхъ мѣстныхъ начальствъ; для осужденныхъ же въ сіи работы безсрочно, ограничить оный пятнадцатю годами, съ дозволеніемъ, по усмотрѣнію главныхъ въ Сибири начальствъ, сокращать и сей пятнадцатилѣтній срокъ еще пятью годами для тѣхъ, кои будутъ сего заслуживать поведеніемъ своимъ въ теченіе остальнаго времени пребыванія ихъ въ работахъ, или же окажутся достойными особаго снисхожденія по преклонности лѣтъ и слабости здоровья. Сіи облегченія не должны однакожь быть распространяемы на тѣхъ осужденныхъ въ каторжную работу, кои назначены въ оную изъ поселенцевъ, или же, до истеченія опредѣленнаго имъ срока, впали или впадутъ въ новыя уголовныя преступленія.

въ ознаменованіе пребыванія его высочества въ Курганѣ»¹⁾. Тѣмъ же, которые не могли воспользоваться этою милостію или по состоянію своего здоровья или семейнымъ обстоятельствамъ—тѣмъ, при одобрительной аттестаціи мѣстнаго начальства, разрѣшалось поступить на гражданскую службу въ Сибирь.

Радости Жуковского не было предѣловъ. «Вчера,—писалъ онъ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ²⁾,—была одна изъ счастливѣйшихъ минутъ моей жизни, и я не могу лишить себя наслажденія раздѣлить ее съ вашимъ императорскимъ величествомъ. На дорогѣ между Буинскомъ и Симбирскомъ встрѣтилъ насъ фельдъегерь, и скоро потомъ великій князь сообщилъ мнѣ содержаніе письма государя императора, въ которомъ было и для меня драгоцѣнное милостивое слово. Посреди дороги, подъ открытымъ небомъ, мы трое, великій князь, Александръ Александровичъ (Кавелинъ) и я обнялись во имя царя, возвѣстившаго намъ милость къ несчастнымъ. Мы трое, не сговариваясь, сдѣлали одно и съ однимъ чувствомъ обратились къ государю. Великій князь послалъ письмо свое изъ Тобольска, а я свое изъ Златоуста, о коемъ сказалъ великому князю, уже отдавъ его фельдъегерю. И всѣмъ намъ одинъ отзывъ отъ нашего несравненнаго государя. Какое счастье получить его одобреніе въ такомъ дѣлѣ, которое такъ близко сердцу, и какое еще большее счастье увидѣть его благодѣтельную царскую душу во всей естественной красотѣ ея. Такія минуты, конечно, принадлежатъ къ лучшимъ въ жизни... Понимаю по себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на всю Россію милость самодержца, произнесенная во имя сына, и какую прелесть онъ получитъ въ глазахъ ея, ставъ у престола представителемъ царской благодати, лучшаго достоянія всемогущества царскаго.... Боже мой! Какими глазами будетъ смотрѣть Россія на этого милаго сына царскаго! Какое восхищеніе произведетъ во всѣхъ этотъ новый союзъ милосердія, между отцомъ, умѣвшимъ въ свое время быть правосудно строгимъ и грознымъ, и сыномъ, котораго юношескій умоляющій голосъ такъ легко претворилъ строгость въ помилованіе! Сколько ранъ будетъ исцѣлено, и сколько слезъ и молитвъ благодарныхъ прольется передъ Богомъ за отца и сына!.. Не покажется ли онъ (сынъ) всѣмъ и страждущимъ за вину изгнанныкамъ, и страждущимъ безъ вины отцамъ, матерямъ, братьямъ, сестрамъ и роднымъ, и всѣмъ, у кого есть

¹⁾ Письмо военного министра графа Чернышева графу Бенкендорфу 20-го октября 1837 г. Первыми отправленными на Кавказъ были: Нарышкинъ, Лореръ, Лихаревъ, Назимовъ, баронъ Розенъ и Фохтъ. (Отношеніе графа Чернышева графу Бенкендорфу 21-го іюня 1837 г. № 243).

²⁾ Въ письмѣ отъ 24-го іюня 1837 г. изъ Симбирска. Полное Собраніе сочиненій В. А. Жуковского, изданіе VII 1878 г., т. VI стр. 316—318.

въ груди сердце,—не покажется ли онъ чистымъ ангеломъ, слетѣвшимъ съ неба примирителемъ и посредникомъ».

Нѣтъ надобности говорить о томъ каксе впечатлѣніе произвело на осужденныхъ облегченіе ихъ участи. Они вздохнули свободнѣе и твердо знали, кому обязаны этимъ облегченіемъ. На В. А. Жуковскомъ сосредоточивалась ихъ благодарность; къ нему же стремились ихъ просьбы. Однимъ изъ первыхъ былъ В. К. Кюхельбекеръ. Въ письмѣ отъ 24-го мая 1838 года, изъ Баргузина, Кюхельбекеръ, между прочимъ, писалъ Жуковскому: «Изъ всѣхъ, кто знавалъ и любилъ меня,—юношу, почти отрока, въ живыхъ очень, очень немногіе, а вы въ числѣ этихъ немногихъ изъ писателей для сердца моего занимаете первое мѣсто. Не считаю нужнымъ увѣрять васъ, что, я безъ всякой другой причины это обстоятельство для меня очень важно: не дорожить расположеніемъ Жуковского было бы не только неблагодарно, было бы просто глупо. Итакъ горжусь воспоминаніемъ той дружбы, которой удостоивали вы меня съ 1817 года. Вы ободряли меня при первыхъ моихъ поэтическихъ опытахъ; въ началѣ моего поприща вы были мнѣ примѣромъ и образцомъ. И теперь отраднѣе мнѣ говорить самому себѣ (злѣе другому этого не расскажешь): Жуковскій читывалъ мнѣ своего Вадима строфами, когда еще его дописывалъ; Жуковскій пересылалъ мнѣ изъ Москвы свое: «Для немногихъ»; изъ 10 отпечатанныхъ экземпляровъ его грамматическихъ таблицъ одинъ достался на мою долю... По томъ обстоятельству, мнѣнія, люди отдалили меня отъ васъ; во и въ 25-мъ (1825) году я нашелъ въ васъ то же сердце, столь благородное, столь мнѣ знакомое. Затѣмъ случились мои огромныя заблужденія и мои несчастія, не менѣе огромныя. Искупили ли я въ вашихъ глазахъ первыя послѣдними?...» ¹⁾.

Спустя годъ онъ вновь просилъ Жуковского выхлопотать разрѣшеніе печатать свои сочиненія, хотя бы безъ подписи своего имени. Препровождая просьбу Кюхельбекера шефу-жандармовъ, В. А. Жуковскій писалъ ему ²⁾.

«Мое убѣжденіе на счетъ всѣхъ этихъ несчастныхъ то, что мѣра наказанія исполнилась, и теперь чередъ благости. По крайней мѣрѣ все то надобно дѣлать, что можетъ ихъ поддержать нравственно. Писать никому не запрещено; чтобы написанное не было вредно для читающихъ, на то есть цензура. Писать для изгнанника, если только онъ для того имѣетъ талантъ, есть великое нравственное лѣкарство; оно поддержитъ душу отъ совершеннаго упадка. И почему ему не позволить печатать того, что онъ напишетъ, дабы имѣть деньги, столь нужны ему,

¹⁾ См. „Русскій Арх.“ 1871 г. т. I, стр. 0174—0175.

²⁾ См. всеподданнѣйшій докладъ шефа-жандармовъ 17-го янв. 1840 г.

особливо если у него на рукахъ семья. Человѣкъ, имѣющій занятіе, имѣ любимое и для него выгодное, надежнѣе человѣка празднаго или принужденнаго по необходимости заниматься такимъ трудомъ, который не по его силамъ и склонностямъ. Мнѣ кажется, что было бы несправедливо отказать въ этомъ Кюхельбекеру».

Тѣмъ не менѣе ему отказали. 18-го января императоръ Николай написалъ на докладѣ: «Дослужилъ ли онъ до офицерскаго чина?» И когда ему было доложено, что не дослужилъ, то высочайшаго соизволенія на просьбу В. К. Кюхельбекера не послѣдовало.

Прошло пять лѣтъ, и онъ опять обратился съ просьбою къ В. А. Жуковскому.

«Слишкомъ пять лѣтъ прошло,—писалъ онъ ¹⁾»,—какъ я имѣлъ счастье получить безцѣнное для меня письмо ваше изъ Дармштата, которое служить мнѣ живымъ свидѣтельствомъ и прекрасной души вашей, и того, что вы по сю пору не равнодушны къ тому Вильгельму, который нѣкогда пользовался вашею дружбою. Я къ вамъ послѣ того писалъ два раза: въ концѣ 40-го и въ началѣ 42-го годовъ. Въ послѣднемъ письмѣ, осмѣлился я васъ назвать заочнымъ крестнымъ отцемъ моего покойнаго сына Ивана—отвѣта не было. Нынѣ рѣшаюсь опять прибѣгнуть къ вамъ же, и въ обстоятельствахъ для меня и всего моего семейства крайне тяжелыхъ. Не говорю уже о совершенно разстроенномъ состояніи моего здоровья и преждевременной дряхлости, но уже два мѣсяца какъ я почти совсѣмъ ослѣпъ—на лѣвомъ глазу у меня бѣльмо, а правымъ, я едва, едва, различаю очерки предметовъ; и въ добавокъ мои житейскія средства крайне скудны. У бѣдныхъ моихъ сестеръ на рукахъ мы, два несчастные брата, онѣ не могутъ намъ удѣлять каждому болѣе 600 руб. въ годъ. Покуда я еще былъ въ силахъ, я занимался сельскимъ хозяйствомъ и кое-что пріобрѣталъ отъ продажи излишняго хлѣба—теперь и это не возможно, а между тѣмъ болѣзнь требуетъ безпрестанно новыхъ издержекъ.

«Все это вмѣстѣ вынудило меня обратиться къ его сіятельству графу Орлову и просить его ходатайства о высочайшемъ дозволеніи издавать безымянно мои сочиненія и переводы, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправить къ вамъ эти строки. Въ вашемъ послѣднемъ письмѣ отъ 29-го іюля 1840 г. (*c'est par parenthese le jours de naissance de mon fils Michel*) ²⁾ вы говорите насчетъ подобной моей просьбы «что можетъ быть она современемъ и исполнится»; мнѣ кажется, что это время или теперь настало, или мнѣ уже не дожить до него.

«Я вполне въ васъ увѣренъ—и нисколько не сомнѣваюсь, что вы

¹⁾ Отъ 21-го декабря 1845 г. изъ г. Кургана.

²⁾ Между прочимъ это день рожденія моего сына Михаила.

даже и безъ моей просьбы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы доставить мнѣ возможность достигнуть этой единственной теперь цѣли моихъ желаній—тогда жена моя и дѣти будутъ имѣть надежный кусокъ хлѣба; я не буду въ тягость моимъ сестрамъ, и при тѣлесныхъ и душевныхъ моихъ страданіяхъ буду по крайней мѣрѣ покоенъ насчетъ вещественныхъ моихъ надобностей. Вотъ, добрый мой Василій Андреевичъ, о чемъ я прошу васъ и чего отъ васъ надѣюсь.

«О литературномъ достоинствѣ своихъ сочиненій говорить не стану; но Богъ мнѣ свидѣтель, что безкорыстная любовь къ добру и красотѣ всегда была моею единственною руководительницею, по крайней мѣрѣ послѣднія двадцать лѣтъ. Вотъ почему смѣю считать себя однимъ изъ несовсѣмъ недостойныхъ представителей того періода нашей словесности, который, по самой строгой справедливости, долженъ бы называться вашимъ именемъ, потому что вы первые намъ, неопытнымъ тогда юношамъ, и въ томъ числѣ Пушкину, отворили дверь въ святилище всего истинно прекраснаго и заставили изучать образцы великихъ иностранныхъ поэтовъ. Никто изъ вашихъ преемниковъ никогда не передавалъ ни Шиллера, ни Гёте, ни Байрона въ такомъ совершенствѣ, какъ вы. Собственные ваши сочиненія всѣ живые свидѣтели души высокой, изящной и благородной. Вы остались и по нынѣ жрецомъ того храма, въ который насъ впустили. Послѣ насъ наступили другія мнѣнія и толки, расчеты и соображенія не совсѣмъ литературныя—не мое дѣло судить, выиграла ли тутъ наша словесность ¹⁾».

«Извините, мой безцѣнный Василій Андреевичъ, я немного увлекся болтовней. Возвращусь къ дѣлу. Повторяю, я совершенно увѣренъ, что вамъ, для того чтобы послѣпить мнѣ на помощь, стоитъ только узнать, въ какомъ нахожусь положеніи, и потому не скрою, что особенно въ

¹⁾ По этому поводу, въ выше приведенномъ нами письмѣ къ Пушкину (3-го августа 1836 г.) Кюхельбекеръ писалъ: „Вашею критикою я не слишкомъ доволенъ; только не думаю, чтобы она въ наше время была лучше. Честности точно было болѣе, но, другъ, иная простота хуже воровства. Не слишкомъ ли ты строгъ къ Кукольникову? Къ тебѣ я, конечно, писалъ бы иначе, чѣмъ къ племянникамъ, а все же онъ не то, что Тимофеевъ, который (par rapanthèse) безбожно обкрадываетъ и тебя и меня. Языкъ Кукольникъ знаетъ плохо, стихъ его слишкомъ изященъ (?), главный порокъ его—болтовня. Но все же онъ стоитъ, чтобы ты принялъ его въ руки: въ немъ могъ бы быть путь. Дай ему болѣе сжатости, силы, бойкости; мыслей и чувства у него довольно, особенно (не во гнѣвъ тебѣ), если сравнить его кое съ кѣмъ изъ нашихъ сверстниковъ и старшихъ братій. Гоголь? Изъ выписокъ Сенковского, который впрочемъ его ругаетъ, вижу, что онъ долженъ быть чловѣкъ съ истиннымъ дарованіемъ. Пришли мнѣ его комедію и трагедію Хомякова (только не Ермака). Н. Глинка мнѣ расхвалилъ. Точно ли она хороша?“

этомъ дѣлѣ надѣюсь на васъ и на ваше содѣйствіе. Вамъ вѣрно утѣшительно будетъ знать, что при новомъ постигшемъ меня несчастіи, я, сколько возможно, бодръ духомъ и исполненъ упованіемъ на Бога.

«Прилагаю при семъ, какъ могу припомнить, подробный реестръ всѣмъ моимъ сочиненіямъ и переводамъ вообще какъ старымъ, такъ и новымъ ¹⁾. Нѣкоторые журналы и книги, въ которыхъ первые были напечатаны, вы вѣрно не откажитесь мнѣ переслать, по вашему возвра-

¹⁾ Сочиненія, о которыхъ говоритъ Кюхельбекеръ, были:

Театральныя піесы: „Ижорскій“, трагедія-мистерія; „Иванъ—купеческій сынъ“, сказка-драма; „Нашла коса на камень“, фарсъ; „Шекспировы духи“, комедія; „Паденіе дома Шуйскихъ“, историческая драма; „Прокопій Лапуновъ“, историческая драма; „Возвращеніе молодого Товія“, пасторель; „Архилогъ“, трагедія; „Армяване“, трагедія.

Переводы: „Макбетъ“ три первыя дѣйствія; „Ричардъ II“; первая и вторая часть „Генриха IV“; „Ричардъ III“; „Венеціанскій купецъ“, первое дѣйствіе.

Разсказы въ стихахъ: „Давидъ“, поэма въ десяти книгахъ; „Юлій и Ксенія“, поэма въ шести пѣсняхъ; „Сирота“, поэма въ пяти разговорахъ; „Заровавель“, поэма въ трехъ частяхъ; „Семь спящихъ отроковъ“, поэма въ двухъ частяхъ; „Святополкъ“, поэма въ трехъ частяхъ; Вѣчный жидъ“, пять отрывковъ.

Разсказы въ прозѣ: „Послѣдній Колонна“, романъ въ двухъ частяхъ; „Семинаристъ“, начало романа; „Дѣти генерала ла-Гранжа“, начало романа; „Адо“, повѣсть, напечатанная въ „Мнемозинѣ“, теперь исправленная; „Путешествіе на луну“, разсказъ, напечатанный въ „Мнемозинѣ“; Повѣсть, которой заглавіе не помню, напечатана въ „Невскомъ Зрителѣ“.

Лирическія стихотворенія: Духовнаго содержанія: гимны, оды, пѣсни, переложенія псалмовъ и другихъ мѣстъ св. писанія, сонеты, легенды и элегии; свѣтскія: оды, пѣсни, элегии, посланія, баллады, сонеты, эпиграфы, гимны—всего около 200 нумеровъ.

Критика и эстетика: „Подробный разборъ историческихъ драмъ Шекспира“; „Описаніе Дрезденской галлерей“, напечатанное въ „Мнемозинѣ“ и теперь исправленное; съ десятокъ критикъ, напечатанныхъ въ „Conservateur Impartial“, въ „Сынѣ Отечества“, въ „Невскомъ Зрителѣ“ и въ „Мнемозинѣ“; Письмо къ молодому поэту, передѣлка изъ Виланда.

Филологія: Статьи о русскомъ языкѣ; жители Забайкалья и Закаменья.

Богословіе и правоучительныя сочиненія: „Толкованіе на молитву Господню“; „Смерть“, передѣлка проповѣди Гердера; Двѣнадцать писемъ, названныхъ Европейскими, напечатаны прежде.

„Извлеченія изъ моего дневника, которыя только-что начаты и вѣроятно составляютъ пять или шесть большихъ томовъ. Эти извлеченія состоятъ изъ замѣчаній о книгахъ, которыя я читалъ въ послѣднія 20 лѣтъ, и мѣстами изъ собственныхъ размышленій; касаются они религій, философіи, особенно Шелинговой и Спинозовой, поэзіи, эстетики, филологіи и грамматики, особенно языковъ: русскаго, греческаго и англійскаго; исторіи и этнографіи.

„Прежнія письма мои къ Дельвигу и за границу.

щеніи въ Россію, а лучше всего выдержки изъ нихъ, чтобы пересылка была не такъ затруднительна.

«Если мнѣ разрѣшено будетъ безымянно печатать мои труды, или часть изъ нихъ, я во всякомъ случаѣ прошу васъ быть ихъ главнымъ издателемъ; а Петръ Александровичъ Плетневъ, конечно, не откажется принять на себя корректуру и редакцію.

«Подаренныя мнѣ вами сочиненія ваши составляютъ лучшую часть моей очень скудной библіотеки. Миша мой знаетъ наизусть вашу «Свѣтлану», «Графа Габсбургскаго», «Трехъ путниковъ» и множество другихъ піесъ—и прибавлю понимаетъ ихъ.

«Пожимаю вамъ отъ души руку; молю Бога, чтобы вы нашли чистое, ничѣмъ не возмущаемое счастье въ своемъ семействѣ, и прошу иногда вспомнить того, кто не забываетъ васъ ни въ мечтахъ своихъ, ни въ молитвахъ. В. Кюхельбекеръ.

«Р. S. Вы увидите по почерку этого письма, мой добрый Василій Андреевичъ, что я самъ не въ состояніи былъ писать къ вамъ, а долженъ былъ диктовать одному изъ моихъ товарищей, который ухаживаетъ за мною, бѣднымъ слѣпцомъ».

Въ тотъ же день В. К. Кюхельбекеръ писалъ и графу Орлову:

«Болѣзненное состояніе, въ которомъ я нахожусь съ давняго времени, и которое теперь угрожаетъ мнѣ совершенною потерей зрѣнія, дало мнѣ смѣлость откровенно изложить вашему сіятельству всю затруднительность моего положенія и просить васъ, сіятельнѣйшій графъ, обратить благосклонное вниманіе на мою всеижайшую просьбу. Я отецъ семейства, средства мои къ существованію слишкомъ недостаточны, и, теперь при потерѣ зрѣнія,—мнѣ, женѣ и бѣднымъ дѣтямъ моимъ предстоитъ самая горькая будущность, если вы, графъ, откажетесь быть ходоатаемъ моимъ предъ августѣйшимъ нашимъ монархомъ.

«Вотъ въ чемъ состоитъ моя просьба къ вашему сіятельству. Въ теченіе двадцати лѣтъ, со времени осужденія моего, я посвящалъ часы грустныхъ моихъ досуговъ поэзіи и прикосновеннымъ къ ней отраслямъ словесности. Плодъ этихъ занятій—собственные мои сочиненія и переводы въ стихахъ и прозѣ, оставались у меня до сихъ поръ въ черновыхъ рукописяхъ, и я конечно бы не смѣлъ даже сѣтовать, если бы они остались въ такомъ видѣ до самой моей смерти. Но постигая меня болѣзнь, лишивъ меня всякой возможности приобрѣтать что-либо, для моего семейства, инымъ путемъ, не оставила мнѣ другого способа облегчить участь тѣхъ, коихъ судьба связана съ моею—какъ изданіе моихъ занятій, или хотя части ихъ. Беру смѣлость, сіятельнѣйшій графъ, убѣдительно просить васъ быть истиннымъ благодѣтелемъ моего семейства, испросивъ высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе безымянно моихъ рукописей. Въ прилагаемомъ моемъ письмѣ, къ Василію Андреевичу

Жуковскому о томъ же предметѣ находится подробный реестръ моихъ литературныхъ трудовъ, и я усерднѣйше прошу ваше сіятельство приказать отправить это письмо туда, гдѣ онъ теперь проживаетъ.

«Не излишнимъ считаю довести до свѣдѣнія вашего, что въ 1835 г., когда я находился еще въ Свеаборгской крѣпости—по ходатайству покойнаго А. С. Пушкина, государю императору угодно было дозволить напечатать двѣ части моей мистеріи «Ижорскій», найденныя нашимъ великимъ поэтомъ въ моихъ старыхъ бумагахъ. Въ Сибири, я къ этимъ двумъ частямъ прибавилъ третью, теперь рукописную, и исправилъ прежнія. Осмѣлюсь замѣтить, что безъ этой послѣдней третьей части смыслъ первыхъ двухъ не только не будетъ полонъ, но даже можетъ быть превратно истолкованъ. Слѣдовательно, эта третья часть необходима, чтобы все сочиненіе получило свое истинное религіозно-правственное значеніе.

«Будучи вполне увѣренъ, что ваше сіятельство не отринете просьбу человека во всѣхъ отношеніяхъ столь несчастнаго, чувствующаго вмѣстѣ съ тѣмъ всю тягость своего преступленія, я полагаю мою надежду на Бога, «въ рукахъ же Его сердце царево». О томъ уже нечего говорить, что ваше ко мнѣ участіе и милость государя исполняютъ душу мою живѣйшею и безпредѣльною благодарностію».

Ему было отказано на томъ же основаніи, какъ и въ 1840 году; письмо же Кюхельбекера къ Жуковскому доставлено не было.

По поводу изданія сочиненій бывшихъ декабристовъ наиболѣе удачною была просьба В. А. Жуковского за Ѳ. Н. Глинка.

IV.

В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка.

Замѣшанный въ дѣлѣ декабристовъ, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка былъ отправленъ на жительство въ г. Петрозаводскъ подъ надзоръ полиціи. Положеніе его тамъ было очень тяжелое. «Несчастія схватили и бросили меня въ страну,—писалъ онъ Н. И. Гнѣдичу ¹⁾,—отброшенную отъ сообщеній съ живымъ гражданскимъ міромъ, которая, какъ нѣкая страшная тайна, скрыта, погружена въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ древней Кареліи, наводнена безчисленными озерами, загромождена безобразными обломками разрушенныхъ первобытныхъ горъ. Въ

¹⁾ 24-го марта 1829 года. „Изъ собранія автографовъ Императорской Публичной бібліотеки“, С.-Петербург. Изданіе 1898 г., стр. 37.

сихъ-то мѣстахъ, въ Петрозаводскѣ, который развѣ по самозванству считается городомъ (да еще и губернскимъ!), провождаю я, не смѣю сказать жизнь, но бытіе томительное, теряя силы и лѣта. Мое званіе въ быту общественномъ есть званіе старшаго совѣтника въ олонекскомъ губернскомъ правленіи; занятіе—текуція дѣла. Я изучилъ и благотворную сторону и черную магію приказнаго дѣла. Непостижимое единообразіе существуетъ во всѣхъ здѣшнихъ занятіяхъ и какаа судьба ожидаетъ?.. Подлѣ меня сидитъ совѣтникъ, извѣдаемый ракомъ, послѣдствіемъ пыльных канцелярскихъ трудовъ. Выбѣжишь за городъ,—нагое поле, усыянное могилами предсѣдателей, судей и совѣтниковъ. Невольно родится мысль: «Господи Боже! Неужели придется умереть на чужбинѣ, въ сей странѣ, гдѣ и самая весна, пролетая быстро, какъ испуганная птица, не успѣваетъ нагрѣть могилу и выраститъ на ней цвѣтокъ». При этой мысли какой-то внутренній морозъ отдираетъ кожу отъ костей. «И при взглядѣ болѣе прозаическомъ, въ самыхъ житейскихъ потребностяхъ, открывается здѣсь во всемъ болъшой недостатокъ и мало удобностей. Противу петербургскаго здѣсь все втрое дороже и вшестеро хуже».

Гнѣдичъ просилъ Жуковскаго вывести Ѳ. Н. Глинку отъ такого положенія, и по ходатайству Васи́лія Андреевича онъ въ 1830 году былъ переведенъ въ Тверь, оставаясь все-таки подъ надзоромъ полиціи.

Въ 1839 году Ѳ. Глинка, желая издать «Очерки Бородинскаго сраженія», писалъ графу Бенкендорфу ¹⁾:

«Во многихъ обстоятельствахъ жизни моеи пользовался я высокимъ покровительствомъ вашего сіятельства и привыкъ считать васъ своимъ благодѣтелемъ. Полагая, что и на этотъ разъ не откажете вы сдѣлать мнѣ добро, я осмѣливаюсь утруждать васъ моею покорнѣйшею просьбою. Въ общій составъ воспоминаній моихъ о 1812 годѣ вошла статья подъ названіемъ «Очерки Бородинскаго сраженія». По случаю наступающихъ маневровъ мнѣ хотѣлось бы напечатать отдѣльно эту статью, составленную болѣе въ литературномъ смыслѣ по формамъ, принятымъ современною словесностью. Но какъ здѣсь слухъ носится, что всѣ сочиненія, заключающія въ себѣ что-нибудь о сраженіи Бородинскомъ, должны быть рассмотрѣны въ С.-Петербургѣ, то я и препровождаю мое къ вашему сіятельству, съ покорнѣйшимъ прошеніемъ взглянуть на рукопись и дозволить напечатать ее въ настоящемъ ея видѣ. Буде же таковое разрѣшеніе зависить отъ высочайшей особы государя императора, то я прошу васъ, со свойственнымъ вамъ великодушіемъ, исходатайствовать все милостивѣйшее разрѣшеніе на напечатаніе сочиненія, стоявшаго мнѣ труда и времени.

¹⁾ Въ письмѣ отъ 1-го августа 1839 года. Москва.

«Сугубымъ почту для себя благодареніе, если ваше сіятельство благоволите разрѣшить прошеніе мое въ скоромъ времени потому, что сочиненія такого рода могутъ быть и прочитаны и раскуплены только тогда, когда поспѣютъ ко времени.

«Въ полной надеждѣ на милость и покровительство ваше, съ отличнымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть и проч.».

Вмѣстѣ съ тѣмъ О. Н. Глинка писалъ В. А. Жуковскому:

«Почтеннѣйшій и достойнѣйшій Василій Андреевичъ. Узнавъ, что государь нашъ предпринялъ возсоздать битву Бородинскую на самомъ полѣ, ею прославленномъ, я собралъ мои воспоминанія о 1812 годѣ и, отдѣливъ отъ нихъ статью «Очерки Бородинскаго сраженія», хотѣлъ напечатать ее особо. Но здѣшняя (московская) цензура не вѣдомо почему отозвалась, что она не смѣетъ принять на просмотръ ничего, что хотя немного касается до Бородина и событій 1812 года. Вамъ извѣстно, что я много писалъ и печаталъ о незабвенномъ годѣ, и никогда этотъ предметъ не считался запретнымъ. Не имѣя ни средствъ, ни желанія начинать второй битвы Бородинской съ цензурою московскою, я задумалъ послать мою рукопись прямо къ графу Александру Христофоровичу Бенкендорфу, благодарѣтельствувавшему мнѣ во многихъ случаяхъ моей жизни. Съ этою же почтою отправилъ я мое сочиненіе, чистое литературное, въ которомъ за основаніе разсказа принято все то, что уже давно сказано и напечатано въ моихъ же «Письмахъ русскаго офицера». Зная, что вы хорошо знакомы съ благодарѣтельнымъ Л. В. Дубельтомъ, я прошу васъ покорнѣйше сказать ему слово за рукопись мою, которая, конечно, пройдетъ черезъ его канцелярію. Убѣдительнѣйше прошу постараться, особенно о томъ, чтобы рукопись, во всякомъ случаѣ, была мнѣ возвращена потому, что за краткостію времени, я не успѣлъ оставить у себя порядочнаго съ нея списка; а затѣмъ я прошу не замедлить этимъ дѣломъ, ибо августъ на дворѣ, а напечатаніе 8 листовъ займетъ болѣе двухъ недѣль времени. Запоздалый же выпускъ повредитъ моей книгѣ во всѣхъ отношеніяхъ. Сочиненія такого рода хороши ко времени. Красное яйцо теряетъ половину цѣны послѣ Святой недѣли! Привыкнувъ полагаться во всѣхъ моихъ бѣдахъ на васъ, какъ на добраго генія моего, я ожидаю, что и въ этотъ разъ одолжите и утѣшите имѣющаго честь быть и проч.

Р. С. Прошу убѣдительнѣйше, чтобы рукопись моя (если графу нельзя по чему-нибудь просмотрѣть ее самому), не была препровождаема въ военно-цензурный комитетъ, гдѣ сочиненіе мое чисто литературное будетъ продержано долгое время и можетъ быть разсмотрѣно не съ надлежащей точки зрѣнія. Постарайтесь, достойнѣйшій Василій Андреевичъ, попросить Дубельта, чтобы они просмотрѣли мои очерки у себя, а если

имъ нельзя, то возвратили бы мнѣ тетрадь какъ можно скорѣе обратно».

Посылая это письмо Василию Леонтьевичу Дубельту, Жуковский писалъ ¹⁾: «Вы будете не только моимъ дядюшкою, но и дѣдомъ, а если хотите, и отцомъ роднымъ, если поможете моему доброму Глинкѣ. Посылаю вамъ его письмо, адресованное ко мнѣ, изъ котораго увидите, чего онъ просить. Прошу васъ за него и никакъ не жду отказа. Только оберните все кругомъ пальца. Онъ забылъ приложить въ письмѣ своемъ ко мнѣ адресъ. Вѣроятно этотъ адресъ найдется у васъ, а если нѣтъ, то адресуйте всѣ бумаги на имя его превосходительства Александра Яковлевича Булгакова, для немедленнаго доставленія. Утѣшьте меня, отецъ. Вашъ Жуковский».

«Р. S. Буду въ Петербургѣ, увижусь съ вами и объ этомъ дѣлѣ переговорю».

Статья Глинки была отправлена на разсмотрѣніе Михайловскаго-Данилевскаго, который сообщилъ, что къ «напечатанію статьи препятствія не имѣется», съ тѣмъ, однако же, чтобы выпущены были означенныя красными чернилами мѣста, которыя или несогласны съ официальными свѣдѣніями, или заключаютъ въ себѣ сужденія несправедливыя ²⁾.

Этотъ отзывъ въ подлинникѣ былъ сообщенъ Глинкѣ ³⁾, и о немъ уведомленъ В. А. Жуковский ⁴⁾.

V.

В. А. Жуковский и А. Θ. фонъ-деръ Бриггенъ.

Въ апрѣлѣ 1845 г. А. Θ. фонъ-деръ-Бриггенъ писалъ графу Орлову ⁵⁾:

«Изъ письма моего къ г. Жуковскому изволите вы усмотрѣть, что я испрашиваю его позволеніе посвятить ему сдѣланный мною переводъ съ латинскаго языка на русскій записокъ Юлія Кесаря, который я желаю напечатать. Прошу всепокорнѣйше ваше сіятельство сдѣлать милость въ этомъ случаѣ исходатайствовать мнѣ позволеніе исполнить мое намѣреніе, для котораго, кажется, затрудненій не предвидится и тѣмъ болѣе, что имя мое останется неизвѣстнымъ. Я увѣренъ, что ваше

¹⁾ Письмо безъ даты, но обозначено, что получено 12-го августа 1839 г.

²⁾ Письмо Михайловскаго Л. В. Дубельту 14-го августа 1839 г.

³⁾ Отношеніе Дубельта Θ. Н. Глинкѣ 16-го августа 1839 г., № 3175.

⁴⁾ Письмо Дубельта Жуковскому 16-го августа 1839 г., № 3176

⁵⁾ Отъ 6-го апрѣля 1845 г. изъ Кургана.

сіятельство, какъ любитель наукъ и отечественной словесности, знающій цѣнить сочиненія Кесаря, признанное цѣлою просвѣщенной Европою столь важнымъ во многихъ отношеніяхъ, въ особенности же въ военномъ, не откажете мнѣ въ этихъ обстоятельствахъ вашимъ покровительствомъ, ибо я смѣю надѣяться, что трудъ мой, при всѣхъ своихъ несовершенствахъ, не останется безполезнымъ, не говоря уже о томъ, что тутъ въ первый разъ увидать полный переводъ Кесаря на русскомъ языкѣ».

В. А. Жуковский былъ въ то время за границею, и прошло много времени прежде, чѣмъ онъ могъ отвѣтить.

«Прилагая присемь, — писалъ В. А. Жуковский Л. В. Дубельту¹⁾, — мой отвѣтъ на письмо фонъ-деръ-Бриггена, доставленное мнѣ вашимъ превосходительствомъ, прошу васъ благоволить, прочитавъ его, доставить по адресу. Полагая, что не будетъ никакого препятствія напечатанію книги фонъ-деръ-Бриггена, я предлагаю взять на себя ея изданіе. Книга общепользная, и я увѣренъ, что переводъ фонъ-деръ Бриггена хорошъ, ибо онъ умѣетъ владѣть русскимъ языкомъ и коротко знакомъ съ латинскимъ. Условія, на коихъ я беру на себя изданіе книги, означены въ письмѣ моемъ къ фонъ-деръ Бриггену. Деньги же, которые будутъ слѣдовать ему за рукопись, будутъ доставлены вашему превосходительству коллежскимъ совѣтникомъ Родіоновымъ, которому я также поручилъ вручить вамъ и экземпляръ сочиненій моихъ, для пересылки фонъ-деръ-Бриггену. Прошу ваше превосходительство взять на себя трудъ доставить все это по назначенію. Я долженъ здѣсь прибавить, что фонъ-деръ-Бриггенъ изъявлялъ желаніе посвятить мнѣ свой переводъ Юлія Кесаря: думаю, что это будетъ ему позволено. Я согласился принять посвященіе, а васъ прошу благоволить сообщить фонъ-деръ-Бриггену, позволено ли то ему или нѣтъ.

«Вы, можетъ быть, спросите, давно ли я знаю фонъ-деръ-Бриггена? Я его всего на все видѣлъ одинъ разъ въ Курганѣ, при моемъ проѣздѣ черезъ этотъ городъ съ государемъ наследникомъ. Все наше знакомство ограничено однимъ часомъ, который я провелъ съ нимъ въ его курганскомъ домикѣ. Но я весьма радъ, что онъ доставляетъ мнѣ способъ содѣйствовать ему въ такомъ трудѣ, на который, конечно, и правительство обратитъ благосклонное вниманіе. Кто, послѣ двадцатилѣтняго несчастія можетъ такъ заниматься, какъ фонъ-деръ Бриггенъ, тотъ доказываетъ, что мысли его мирны и что это тяжелое несчастіе, заблужденіемъ молодости на него навлеченное, не разстроило, а привело въ желаемый порядокъ его душу.

¹⁾ Въ собственноручномъ письмѣ 27-го іюня (9-го іюля) 1845 изъ Франкфурта на Майнѣ.

«Прошу ваше превосходительство взять на себя трудъ извѣстить меня, что будетъ сдѣлано по письму моему».

В. А. Жуковскій выразилъ желаніе пріобрѣсти рукопись за 2.500 руб. съ тѣмъ, что, по выходѣ книги, онъ будетъ продавать ее, пока не покроетъ расходы на изданіе, а за тѣмъ чистый барышъ будетъ высылать фонъ-деръ-Бриггену.

Императоръ разрѣшилъ печатаніе рукописи и посвященіе ея Жуковскому, но съ тѣмъ, чтобы на книгѣ не было означено имя переводчика ¹⁾. Бриггенъ принялъ предложенныя ему условія и 17-го сентября 1845 года отправилъ изъ Кургана въ III отдѣленіе первую часть своей рукописи для доставленія ея Жуковскому. Послѣдній препроводилъ къ Дубельту впередъ для Бриггена 714 р. 26 коп., которые 3-го ноября и были отправлены по назначенію. Не получая долгое время второй части перевода ²⁾ и опасаясь, что рукопись затерялась, В. А. Жуковскій писалъ Л. В. Дубельту ³⁾:

«Дядюшка! Я давно получилъ черезъ васъ письмо отъ Бриггена, и при немъ ваше собственное письмо, въ которомъ впрочемъ вашего собственнаго—только одна ваша подпись, сдѣланная съ мастерскою размашкою. Я давно собираюсь благодарить васъ, но тому мѣшали до сихъ поръ двѣ мои злодѣйки, родныя вѣдьмы: одна врагъ жизни тѣлесной, по имени болѣзнь (это ея фамиліное имя, но у нея много прованій, данныхъ ей за разныя одержанныя ею надъ бѣднымъ человѣчествомъ побѣды); а другая врагъ жизни моральной—лѣнь. Бѣда тому, кто попадется въ когти обѣимъ сестрицамъ. Такова была по сію пору моя участь. Теперь обѣ сестрицы провалились къ своему хозяину; а я, пользуясь своею свободою, благодарю васъ за присылку письма отъ Бриггена и за доставленіе ему всего того, что было мною назначено передать ему. Прилагаю здѣсь мой отвѣтъ Бриггену ⁴⁾, прося васъ его ему доставить; а меня потрудитесь извѣдомить, что сдѣлалось со вторымъ томомъ перевода Кесаревыхъ записокъ, который былъ посланъ Бриггеномъ и до меня еще не дошелъ. Можетъ быть, онъ найдется въ вашей канцеляріи. Если онъ тамъ, то благоволите его передать Ростиславу Родіоновичу Родіонову, моему петербургскому корреспонденту, служащему въ канцеляріи ея императорскаго величества. Впрочемъ онъ самъ къ вамъ явится.

¹⁾ Письмо Л. Дубельта Жуковскому 20-го іюля 1845 г. № 917. Бриггенъ былъ въ то время на службѣ канцеляристомъ.

²⁾ Она была отправлена изъ Кургана 29-го января 1846 г.

³⁾ Въ собственноручномъ письмѣ отъ 1-го (13-го) іюня 1846 г. изъ Франкфурта на Майнѣ.

⁴⁾ Отвѣтъ этотъ напечатанъ въ сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изданіе 7-е, т. VI, стр. 618—622.

«При семъ случаѣ позволяю себѣ просить васъ, добрый дядюшка, и тѣмъ смѣлѣе прошу, что знаю по собственному опыту, какъ много есть въ васъ готовности къ добру,—прошу обратиться на Бриггена ваше спасительное покровительство. Двадцать лѣтъ изгнанничества и смиренной покорности своему бѣдствію, навлеченному на себя виновнымъ, преступнымъ заблужденіемъ, даютъ, кажется, право на облегченіе участи. Видите сами, какъ Бриггенъ сноситъ свой жребій и какой образъ мыслей выражается въ его письмахъ. Вашему сердцу будетъ утѣшительно дать этой бѣдной, одиноко страждущей душѣ столько простора, чтобы она могла освѣжаться еще и на здѣшнемъ свѣтѣ: благотворенія оказываемыя нами, едва-ли не полезнѣе намъ самимъ, нежели тѣмъ, на кого они проливаются, если только будемъ смотрѣть на нихъ тѣми глазами, какими смотрять на нихъ съ неба.

«Между остальными изъ находящихся въ ссылкѣ я позволяю себѣ особенно обратиться ваше вниманіе на Якушкина (онъ долженъ быть въ Ялуторовкѣ); я читалъ (когда находился въ Москвѣ) его письма къ дѣтямъ, писанныя во все время ссылки, и это чтеніе произвело во мнѣ какое-то благоговѣйное умиленіе передъ несчастіемъ, отдающимся въ волю Божию съ полною покорностью.

«Можетъ быть, вамъ будетъ пріятно узнать нѣкоторыя подробности обо мнѣ: ихъ весьма не много. Съ самаго начала моей заграничной жизни по сію минуту, всѣ мои дни похожи одинъ на другой. Нѣкоторую варіацію произвело въ нихъ появленіе дочери и сына. Впрочемъ, все идетъ однимъ чередомъ: уединеніе, работа и домашній покой или домашній покой, уединеніе и работа. Вотъ вся моя біографія. Не очень она изобильна матеріаломъ для потомства. Самъ я до потомства на своихъ, конечно, не дойду. Нанялъ извозчика, онъ туда по нашей ухабистой дорогѣ довезетъ, если только гдѣ-нибудь я на раскатѣ не вывалюсь изъ саней и не останусь въ какомъ-нибудь сугробѣ. Мой наемный извозчикъ называется Гомеръ, отецъ Одиссеи, которую напередъ вамъ рекомендую. А вы, дядюшка, не поленитесь отвѣчать на это письмо. Преданный вамъ Жуковский».

Дальнѣйшая переписка съ А. Ѳ. фонъ-деръ Бриггеномъ дала В. А. Жуковскому поводъ написать нѣсколько писемъ Л. В. Дубельту, которыя мы и приводимъ ниже.

«Я очень благодаренъ Бриггену, — писалъ онъ Л. В. Дубельту¹⁾, — что онъ даетъ мнѣ иногда случай сказать вамъ нѣсколько словъ, любезный дядюшка. Этимъ онъ препятствуетъ мнѣ выскочить изъ вашей памяти, что было бы мнѣ весьма не по нутру, ибо во время оно вы были ко мнѣ весьма благосклонны. Обращаюсь къ вамъ съ просьбою

¹⁾ Отъ 6-го (18-го) мая 1847 г. изъ Франкфурта на Майнѣ.

переслать приложенное письмо къ Бриггену ¹⁾ туда, гдѣ онъ теперь находится. Я давно обязанъ ему отвѣтомъ, и вы весьма одолжите меня, если письмо отправите немедленно, дабы я могъ имѣть во-время отъ Бриггена отвѣтъ. Этотъ отвѣтъ прошу васъ, дядюшка, оставить у себя до появленія передъ лицомъ вашимъ собственной моей персоны, которая представится вамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ посреди Петербурга, въ вашемъ кабинетѣ и весьма порадуетъ, если найдетъ васъ совершенно здоровымъ и столь же къ ней дружески расположеннымъ, какъ вы всегда бывали. Я дожидаюсь только, чтобы пуститься въ путь, прибытія сюда государя цесаревича, который самъ благоволилъ меня увѣдомить, что будетъ въ Дармштадтѣ въ іюнѣ мѣсяцѣ. Повторяю мою просьбу о немедленной отсылкѣ письма моего къ Бриггену и о сбереженіи у себя до моего прибытія отвѣта,—для чего это, узнаете, прочитавъ мое письмо Бриггену. Другая просьба вѣрить преданности давнишней и постоянной.

Вашъ покорный слуга Жуковский.

Надежды его о скоромъ возвращеніи въ Россію однако же не осуществились, и онъ писалъ тому же Л. В. Дубельту ²⁾.

«Любезный дядюшка! Я полакомилъ васъ (если только для васъ это такое же лакомство, какъ для меня) надеждою скоро увидѣть васъ въ Петербургѣ. Не тутъ-то было,—долженъ вести больную жену въ Швейцарію, и докторъ не позволяеть ей и думать о проведеніи долгой зимы въ Россіи. Итакъ, еще почти на годъ надобно отказаться отъ возвращенія въ отечество. Вы меня тамъ совсѣмъ забудете и разлюбите. Авось и нѣтъ! А я теперь обращаюсь къ вамъ съ моею обыкновенною просьбою: доставить приложенное письмо Бриггену и продолжать быть ему добрымъ покровителемъ. Какой вины не загладитъ изгнаніе, двадцать лѣтъ переносимое съ твердымъ терпѣніемъ! Это ваше доброе сердце хорошо вѣдаетъ. Не помню, гдѣ манускриптъ второй части Бриггенова перевода Кесаревыхъ записокъ, у васъ ли, или у Родіонова? Если онъ у васъ, то благоволите его отдать Родіонову (который лично къ вамъ явится) для передачи мнѣ. Завтра надѣюсь видѣть во Франкфуртѣ государя наслѣдника. По маршруту онъ долженъ нынче ночевать въ Касселѣ. Когда-то увижу Русь! Это будетъ для меня двойное счастье, ибо означитъ, что ожила совсѣмъ моя жена, которая жестоко страдала въ продолженіе послѣднихъ осьми мѣсяцевъ.

«Простите, любезный дядюшка, желаю сердечно, чтобы вы, не смотря на долгое мое отсутствіе, сохранили мнѣ мой уголокъ въ вашей памяти. Эти мѣшечки я всегда сохранять забочусь».

¹⁾ Оно напечатано въ Сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго, изд. 7-ое, т. VI, стр. 622—625. При этомъ письмѣ Жуковский послалъ Бриггену 143 руб.

²⁾ Отъ 3-го (15-го) іюня 1847 г.

Послѣдняя вторая часть перевода была доставлена Жуковскому, но, къ сожалѣнію, трудъ Бриггена не былъ напечатанъ, и въ настоящее время рукопись эта хранится въ Императорской публичной библіотекѣ ¹⁾, съ слѣдующею надписью: «Посвящаю Василю Андреевичу Жуковскому, душою и стихомъ поэту и другу человѣчества, въ знакъ личнаго уваженія и преданности неліцемерной».

Н. Дубровинъ.

¹⁾ Она озаглавлена такъ: „Записки Каія Юлія Кесаря о войнѣ въ Галліи и войнѣ междуусобной“, съ дополненіями А. Гиртіа и иныхъ. Переведены вновь съ латинскаго подлинника, со многими объяснительными примѣчаніями, съ приложеніемъ краткой жизни Каія Юлія Кесаря и его портрета по древнему бюсту, съ картою древней Галліи по Барбье-дю-Бокажъ, иконографическими чертежами и полнымъ историческимъ и географическимъ указателемъ.

Князь П. А. Вяземскій о В. А. Жуковскомъ.

Письмо князя П. А. Вяземскаго къ А. Θ. Бычкову.

17-го іюня 1872 г. Царское Село.

Милостивый государь Аѳанасій Ѳеодоровичъ!

Спѣшу принести вашему превосходительству мою живѣйшую признательность за присланный мнѣ Сборникъ въ память графа Сперанскаго ¹⁾. По бѣглому просмотру успѣлъ я убѣдиться, что въ немъ много любопытнаго и достойнаго вниманія.

Отправляясь на-дняхъ за границу, въ числѣ немногихъ русскихъ книгъ возьму и ее съ собою и тамъ надѣюсь ближе съ нею ознакомиться. Нечаянно попалъ я (стр. 597) на сужденія Сперанскаго о Жуковскомъ, которому пророчить онъ не идти далѣе Делиля. Это пророчество и сближеніе этихъ двухъ именъ показываетъ въ Сперанскомъ плохое развитіе поэтическаго чувства. Делиль былъ искусный стихотворецъ, а въ Жуковскомъ виденъ самобытный поэтъ и въ переводахъ. Впрочемъ, говорю это не въ укоръ Сперанскому, тѣмъ болѣе, что, какъ мнѣ извѣстно, отношенія ихъ другъ къ другу были всегда пріязненныя.

Покорнѣйше прошу ваше превосходительство принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и неизмѣнной преданности. Князь Вяземскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ Изданный въ 1872 году, подъ редакціей А. Θ. Бычкова, сборникъ „Въ память графа М. М. Сперанскаго“.

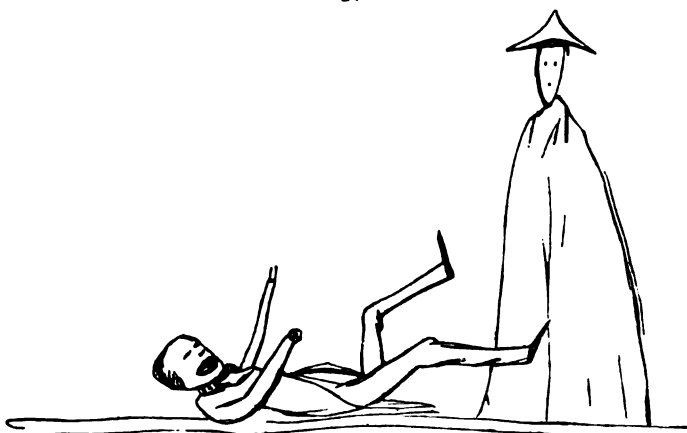

Письма и записки В. А. Жуковского къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой.

Письма и записки Жуковского къ воспитательницѣ дочерей императора Николая I, статсъ-дамѣ, съ 1846 года графинѣ, Юліи Ѳедоровнѣ Барановой (р. 1790 † 1864) печатаются съ подлинниковъ, принадлежащихъ Ѳедору Аванасіевичу Бычкову. Примѣчанія къ письмамъ составлены И. А. Бычковымъ. Нѣкоторые письма, сопровождаемыя рисунками-баррикурами Жуковского, являются свидѣтельствомъ его добродушнаго юмора.

Изъ писемъ Жуковского къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой въ печати извѣстно лишь одно, 1827 года, изданное въ «Русскомъ Архивѣ» 1885 года, книга вторая, стр. 322—323.

1.

Это лежитъ Василій Андреичъ.—Онъ похудѣлъ; исчезли на головѣ

его пышные локоны, и онъ совсѣмъ оплѣшивѣлъ. Онъ брыкаетъ ногами и машетъ руками. Надъ нимъ стоитъ докторъ Енохинъ ¹⁾; въ длинной докторской мантии, болѣе похожъ на чорта, нежели на доктора. Вотъ ихъ разговоръ:

Докторъ Енохинъ. Что съ тобою сдѣлалось, Василій Андреевичъ? Отъ чего ты валяешься на землѣ какъ чупка? Отъ чего растопорчились твои ручки? Отъ чего брыкаешься какъ осель?

Василій Андреевичъ. Благодарю тебя за твои учтивыя, утѣшительныя слова, Енохинъ! Я боленъ отъ горя! Юлія Федоровна меня презираетъ.

Докторъ Енохинъ. Врешь, дуракъ! Она почтенная женщина и тебя жалуетъ. Хочешь ли я за тебя похлопочу?

Василій Андреевичъ. Похлопочи, голубчикъ! Покажись ей. Она подумаетъ, что ты чортъ, испугается, вспомнитъ свое слово и окажетъ мнѣ милость.

Докторъ пошелъ, а что онъ сдѣлалъ, Богъ знаетъ.

2.

Прошу васъ, Юлія Федоровна, взглянуть на посылаемый вамъ экранъ, шитый бѣдною дѣвицею, у которой въ рукахъ есть иглолка, а хлѣба въ нихъ нѣтъ. Не купить ли кто этой работы, за которую просятъ 120 рублей. Если нѣтъ, то возвратите экранъ. А право бы купить не худо, работа хорошая.

3.

Дѣвица Герцова.

Это швея, которая отъ радости пляшетъ съ рюмкой шампанскаго, которое хочетъ выпить за здоровье Юліи Федоровны. Да не удастся

¹⁾ Лейбъ-хирургъ Иванъ Васильевичъ Енохинъ (р. 1791 † 1863).

ей выпить, потому что она отъ радости такъ брыкнула, что все шампанское вылилось на землю. Подбѣжала кошка и подлизала шампан-

ское, опьянѣла и принялась кувыраться въ честь Юліи Ѳеодоровны. А вдали ползетъ на четверенькахъ Ефимовичева ¹⁾). Право, кажется мнѣ, что она вѣдьма. У нея хвостикъ, право хвостикъ.

4.

Эта дама, стоящая на колѣняхъ, есть госпожа Ефимовичъ. Она думаетъ, что стоитъ передъ Юліею Ѳеодоровною, а передъ нею нѣтъ никого. Кажется, что она съ хвостикомъ. Впрочемъ, это, можетъ быть, и не хвостикъ, а только кончикъ платка съ кисточкою. Если это хвостикъ, то она вѣдьма; надобно бы ее осмотрѣть, да я за это не берусь; страшно, прости Господи! А вотъ письмо, которое изъ ея рукъ попало въ мои и слѣдуетъ быть доставлено Юліи Ѳеодоровнѣ.

5.

Посылаю вамъ письмо Ефимовичевой. Прошу васъ ей помочь. Я ужъ помогать отъ себя; да мощна моя плоха. Пришлите пожалуйста съ подателемъ этой записки для передачи ей. Да не скупитесь, сударыня. Жуковскій.

¹⁾ Г-жа Ефимовичъ.

6.

Ваше превосходительство Юлія Ѳеодоровна.

Я имѣлъ честь вчерашняго числа препроводить къ вамъ писульку собственной работы и при ней письмо, сочиненное трудолюбіемъ г-жи Ефимовичъ. Моей писульки вы не изволили чтать, потому что ее не разобрали: это случилось отъ того, что, когда я писалъ ее, чертъ своими рожками подталкивалъ меня въ правый локоть; и теперь онъ каналь(я) сидитъ за мною; того и гляди, что пырнетъ меня. Такой разбойникъ. Для того-то и спѣшу поскорѣе попросить васъ въ двухъ словахъ, пришлите господамъ Ефимовичевой то, что заблагодарасудите. Мнѣ отъ нея нѣтъ отступа. Видно, плохо приходитъ. А я, милостивая государыня Юлія Ѳеодоровна, имѣю честь быть вашего превосходительства покорнымъ слугою ¹⁾ В. Жуковскій.

Видите ли, какъ дурно написаны послѣднія строки. Чертъ меня принялся такъ толкать, что, дабы отъ него отдѣлаться, я началъ читать ему вслухъ стихи покойника Хвостова. Тотчасъ ушелъ.

7.

(Въ апрѣлѣ 1838 г.).

Историческое обозрѣніе
благодѣтельныхъ поступковъ
Юліи Ѳеодоровны
и разныхъ другихъ обстоятельствъ,
курьозныхъ происшествій,
и особенныхъ всякихъ штукъ.
Сочиненіе
Матвѣя.

Это г. Шевченко ²⁾. Онъ говорить про себя: хотѣлось бы мнѣ написать картину, а господинъ велитъ мести горницу. У него въ одной

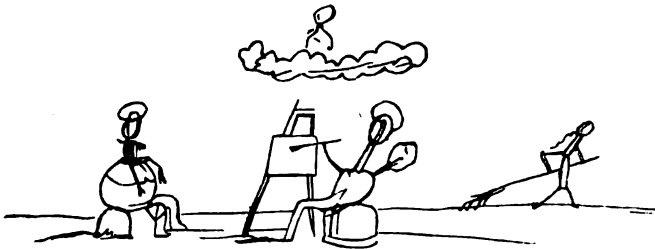
¹⁾ Конечъ письма, со словъ: „имѣю честь быть“ нарочно написанъ неразборчивымъ почеркомъ.

²⁾ Какъ извѣстно, Т. Г. Шевченко (имѣвшій большую склонность къ живописи) былъ крѣпостнымъ помѣщика Ангельгардта, который за выкупъ Шевченка на свободу требовалъ 2.500 р. Чтобы добыть эту сумму, Жуковскій попросилъ К. П. Брюлова написать съ него, Жуковского, портретъ, и потомъ разыграть его въ частной лотерей. Портретъ былъ написанъ, разыгранъ въ лотерею, гдѣ онъ достался императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, и на вырученные отъ лотереи 2.500 р. была куплена (22-го апрѣля 1838 г.) свобода Шевченка.

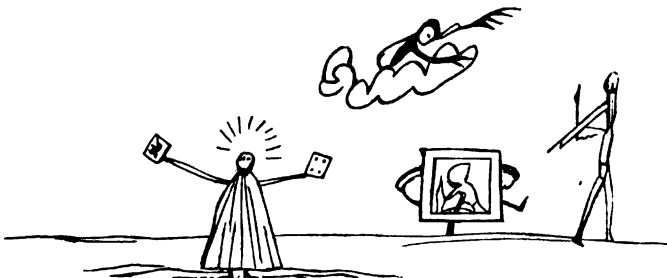
рукѣ кисть, а въ другой помело, и онъ въ большомъ затрудненіи. Надъ

нимъ въ облакахъ Юлія Оеодоровна.

Это Брюловъ, пишетъ портретъ съ Жуковскаго. На обояхъ лавровые вѣнцы. Вдали Шевченко мететъ горницу. Въ облакахъ Юлія Оеодоровна. Она думаетъ про себя: какой этотъ Матвій красавецъ. А Василій Андреичъ, слыша это, благодарить внутренно Юлію Оеодоровну и говоритъ про себя: Я пожалуй готовъ быть и Максимомъ, и Демьяномъ, и Трифономъ, только бы намъ выкупить Шевченко. Не безпокойся, Матюша,—говоритъ изъ облаковъ Юлія Оеодоровна—мы выкупимъ Шевченко. А Шевченко знай себѣ мететъ горницу. Но это въ послѣдній разъ.

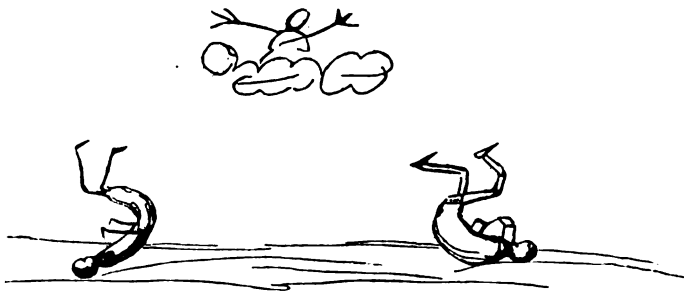
Жуковский въ видѣ Судьбы провозглашаетъ выигрышный билетъ. Въ одной рукѣ его карта; а въ другой отпускная Шевченки. Въ дали портретъ Жуковскаго; онъ пляшетъ отъ радости, потому что достался государынѣ императрицѣ. Онъ подперъ руки въ боки и, стоя на одной

ногѣ, подражаетъ неподражаемой Тальони. Шевченко выросъ отъ радости и играетъ на скрипкѣ качучу. А Юлія Ѳедоровна изъ облаковъ ихъ благословляетъ.

Юлія Ѳедоровна сошла съ облаковъ, въ которыхъ осталось одно только сіяніе. Въ ея рукѣ мѣшокъ съ деньгами (2.500 рублей); указательный палецъ ея устремленъ на Ѳздоваго, и она говоритъ ему повелительнымъ голосомъ: Голубчикъ Ѳздовой, съѣзди къ Матвѣю и попроси его ко мнѣ. Я собрала всѣ деньги, и мнѣ хочется ихъ поскорѣе ему отдать. Поѣзжай, голубчикъ, поскорѣе; ты человѣкъ расторопный, и я очень тебя за это люблю. Только прошу тебя, душенька, не напейся пьянъ дорогою. Это нехорошо. Надобно вести себя порядочно. И какое удовольствіе въ пьянствѣ, самъ ты разсуди. Кто исполняетъ свои обязанности, тотъ можетъ назваться истиннымъ патриотомъ.— Вотъ что говоритъ Юлія Ѳедоровна, а Жуковский, подслушавъ это, записываетъ въ записную книжку; и конечно уже теперь никогда пьянъ не будетъ.

Примѣчаніе. Юлія Ѳедоровна отъ того такъ спѣшитъ собрать деньги, что Матвѣй скоро поѣдетъ за границу и долженъ прежде отъѣзда своего кончить это дѣло. Удивительная женщина эта Юлія Ѳедоровна. Кто ее не любитъ? Дай ей Господь всякаго благополучія, ей самой, ея дѣтямъ, и внукамъ, и правнукамъ. Матвѣй общается съ одною изъ ея правнучекъ проплясать за здоровье ея качучу.

Это Шевченко и Жуковский; оба кувыркаются отъ радости. А Юлія Ѳедоровна благословляетъ ихъ изъ облаковъ.

8.

3-го мая ¹⁾ (1838 г.).

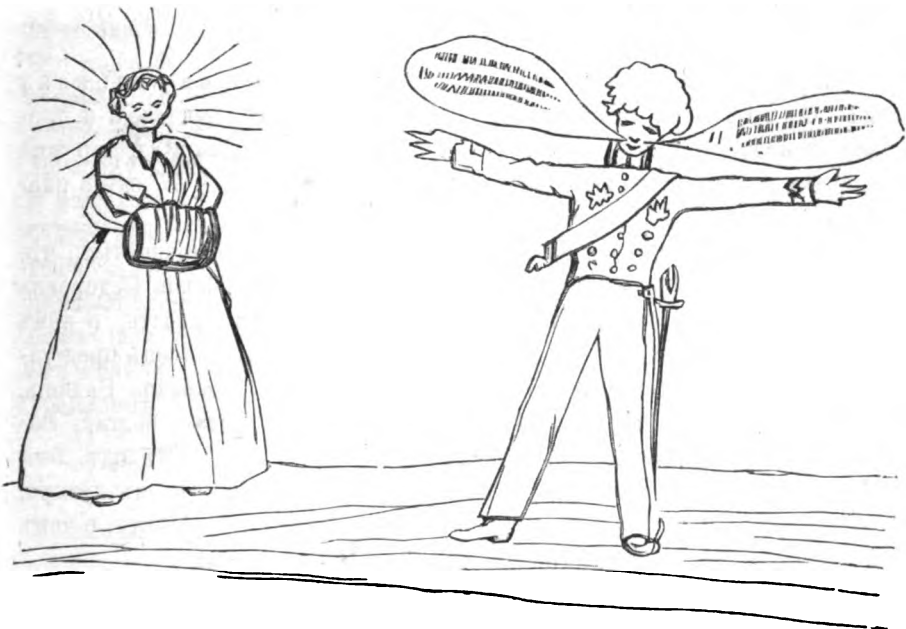
Податель этого письма есть Грасгофъ (Grashof), живописецъ изъ Дюссельдорфа, гдѣ теперь живетъ нашъ Рейтернъ ²⁾. Онъ привезъ съ собою нѣсколько картинъ и рисунковъ тамошнихъ живописцевъ: есть между ими прекрасныя. Есть и его собственныя картины, очень хорошия. Прошу васъ дать ему возможность показать свое добро великимъ княжна(мъ); я увѣренъ, что онъ посмотрятъ на эти картины съ удовольствіемъ. Можетъ быть, захотятъ что-нибудь и купить. Хорошо бы.

Простите. Прошу васъ сказать мое сердечное почтеніе ихъ высочествамъ. Не забывайте насъ странствующихъ. Жуковский.

Р. S. Прилагаю реестръ картинъ. Я отмѣтилъ тѣ, кои мнѣ лучше другихъ понравились.

9.

(Въ концѣ февраля 1840 г.).

Это Василій Андреевичъ Жуковский, дѣйствительный статскій совѣтникъ и разныхъ орденовъ кавалеръ, носящій до двѣнадцати звѣздъ разныхъ націй на высокой груди своей, почему имѣетъ

¹⁾ День выѣзда Жуковского въ 1838 г. въ заграничное путешествіе.

²⁾ Будущій тестъ Жуковского.

право называться Большимъ Медвѣдемъ въ угожденіе Большой Медвѣдицѣ, сіяющей по ночамъ на небѣ и которую давно Василій Андреевичъ очень любитъ. Василій Андреевичъ представленъ здѣсь въ мундирѣ, потому что онъ самъ представляется ея превосходительству Юліи Ѳедоровнѣ. Онъ растопырилъ руки, и аннинская лента на немъ какъ будто прыгаетъ: это отъ восторга, потому что онъ видитъ Юлію Ѳедоровну и говоритъ ей о двухъ предметахъ; эти двѣ рѣчи, въ видѣ пузырей, выходятъ изъ устъ его: это очень умно придумано живописцемъ. Иначе какъ же на картинкѣ представить, что говоритъ Василій Андреевичъ.—Онъ говоритъ съ Юліею Ѳедоровной, а скажешь, что онъ на нее не смотритъ. Анъ нѣтъ, извините, смотреть, и съ восторгомъ, и обоими глазами, и отъ этого вѣроятно голова его покрылась въ семь изображеній густыми локонами, коихъ въ натурѣ на ней не находится. Видитъ же онъ Юлію Ѳедоровну въ зеркалѣ, ибо не смѣетъ смотрѣть на нее прямо: она ослѣпила бы его очи, ибо вокругъ ея главы сіяніе; а ручки спрятала она въ муфту, потому что ей холодно.—Что же ей говоритъ Василій Андреевичъ? Вотъ что:

Пузырь № I. 333 рубля отъ великой княгини Маріи Николаевны ¹⁾ для Ушаковой! Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пришлите. Это повторяется еще 40 разъ.

Пузырь № II. Попросите о вкладѣ въ сборъ на подписку на Сочиненія Козлова ²⁾. Вы знаете, кого просить; а я прошу помнить только о томъ, что я ѣду черезъ недѣлю ³⁾ и что мнѣ собранныя деньги надобно положить въ ломбардъ. NB. Я здѣсь значить не пузырь, а Василій Андреевичъ.

Вотъ что говоритъ Василій Андреевичъ, и надобно признаться, что онъ не краснорѣчивъ. Да на что же тутъ краснорѣчіе; Юлія Ѳедоровна такой добрый человѣкъ, что она не забудетъ сама то сдѣлать, о чемъ ее разъ попросишь, и безъ краснорѣчія. А бестія живописецъ представилъ здѣсь слова Василя Андреевича въ двухъ пузыряхъ. Видишь, какой плутъ. Онъ вѣрно думалъ этимъ сказать: «Болтай, болтай, Василій Андреичъ, слова твои лопнутъ какъ пузыри». Вретъ онъ, бездѣльникъ, мазилка. Нѣтъ тутъ никакихъ пузырей! Самъ онъ пузырь; чтобъ ему лопнуть. Юлія Ѳедоровна нынче же все то сдѣлаетъ, о чемъ ее проситъ Василій Андреевичъ. Дай Богъ ей здоровья!

¹⁾ Великая княжна Марія Николаевна вступила въ бракъ съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ 2-го іюля 1839 года.

²⁾ Сочиненія И. И. Козлова вышли, 3-мъ изданіемъ, въ Петербургѣ въ 1840 году.

³⁾ Жуковскій сопровождалъ наследника Александра Николаевича въ его поѣздкѣ въ Дармштадтъ. Изъ Петербурга Жуковскій выѣхалъ 5-го марта 1840 года (см. „Бумаги В. А. Жуковского“, Спб. 1887, стр. 17).

10.

Страстная суббота (13-го апрѣля 1840), 2 часа по полудни.

Благодарю васъ отъ всего сердца за любезное письмо ваше, которое было для меня самымъ пріятнымъ знакомъ вашей дружбы: вы вспомнили обо мнѣ въ минуту для васъ счастливую и хотѣли подѣлиться со мною вашею радостію ¹⁾. И я раздѣлилъ ее съ вами отъ полноты сердца. Минута, въ которую она вошла въ вашу душу, конечно, принадлежитъ къ лучшимъ минутамъ жизни. Радоваться не своимъ личнымъ счастьемъ, а счастьемъ милыхъ намъ людей есть самое чистое наслажденіе; тутъ есть все свое, и нѣтъ нисколько эгоизма. Прошу васъ быть моимъ представителемъ передъ нашею прелестною великою княгинею ²⁾ и сказать ей, какъ въ ея счастіи для меня много моего собственнаго и какъ искренно я желаю ея счастію: твердости, неизмѣняемости и долголѣтія. По своему сердцу она достойна лучшаго земнаго счастія, и Богъ ей его дастъ; и разъ давши, сохранить его. Прошу васъ передать ей эти искреннія выраженія моего ей преданнаго сердца. Прибавляю къ нимъ мое Христось воскресе. Это слово было всегда знаменіемъ счастія въ семьѣ нашего добраго государя. Вспомните, въ какихъ разныхъ обстоятельствахъ оно было повторяемо. И теперь мы здѣсь будемъ говорить его, какъ поздравленіе великому князю вмѣстѣ съ его невѣстою ³⁾, которая нынче будетъ у нашей заутрени, а, можетъ быть, на слѣдующее Свѣтлое Воскресеніе будетъ вмѣстѣ съ другими принимать въ Зимнемъ дворцѣ поздравленіе, какъ жена наслѣдника. Благослови Богъ то счастіе, которое родилось подъ вліяніемъ великаго слова: Христось воскресе! Говорю вамъ его издали съ особеннымъ чувствомъ; а васъ прошу его передать отъ меня и счастливой молодой матери, и ея младенцу, о которомъ, со временемъ, если не я, то другой кто-нибудь скажетъ:

Лѣта прошли, и нашъ расцвѣлъ младенецъ,
Прекрасенъ, тихъ, какъ Божій ангелъ милъ! ⁴⁾

¹⁾ Рѣчь идетъ о рожденіи у великой княгини Маріи Николаевны дочери, принцессы Александры Максимиліановны Лейхтенбергской (р. 28-го марта 1840 + 31-го іюля 1843).

²⁾ Великою княгинею Марією Николаевною.

³⁾ Обрученіе цесаревича Александра Николаевича съ принцессою Марією Гессенъ-Дармштадтскою (будущею императрицею Марією Александровною) состоялось 6-го декабря 1840 г., а бракосочетаніе 16-го апрѣля 1841 года.

⁴⁾ Эти стихи взяты изъ посвященія „Удины“ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ.

Простите. Желаю душевно, чтобы вы были здоровы и безъ всякаго изъяна радовались теперешнимъ вашимъ и нашимъ счастьемъ.

Жуковский.

Прошу васъ передать мое усерднѣйшее поздравленіе ихъ высочествамъ великимъ княжнамъ Ольгѣ и Александрѣ Николаевнамъ. Аннѣ Алексѣевнѣ ¹⁾ и Софіи Ивановнѣ ²⁾ мое дружеское почтеніе. О. П. Литке и А. И. Философова ³⁾ обнимаю, прося ихъ обнять за меня нашихъ милыхъ великихъ князей.

11.

Дюссельдорфъ, 12-го (24-го) февраля 1844.

Вотъ уже почти три года, какъ я пропалъ у васъ изъ глазъ, милая и почтенная Юлія Федоровна; во все это время вы отъ меня лично не получали извѣстія о томъ, что со мною творится, но конечно слыхали отъ другихъ, что мнѣ въ семейномъ уголку моемъ хорошо. И я самъ собирался написать къ вамъ, и очень жалѣю, что не написалъ. Ибо, къ несчастію, мое первое письмо къ вамъ должно быть теперь упрекомъ. Права пословица: изъ глазъ вонъ, изъ памяти вонъ. Вы обо мнѣ забыли; не мудрено; память объ отсутствующихъ небывалое при дворѣ явленіе. Но вотъ что худо, вы не вспомнили обо мнѣ и въ такомъ случаѣ, въ какомъ бы могли и должны были вспомнить; а отъ этого забвенія вышло то, что вы мнѣ (конечно, безъ намѣренія) сдѣлали чувствительное огорченіе. Вотъ какъ: по указу государя опредѣленъ моему тестю Рейтерну пенсіонъ, разложенный на воѣхъ членовъ царскаго семейства; этотъ пенсіонъ однако пожалованъ былъ ему съ тѣмъ, чтобы всѣ картины, какія выйдутъ изъ подъ кисти его, принадлежали царскому семейству ⁴⁾. Великое облегченіе для отца семейства, обремененнаго 8-ю дѣтьми, изъ которыхъ одного взрослого сына было надобно опредѣлять на службу и еще шесть на рукахъ взрослыхъ, подроставшихъ и ребятъ—великое облегченіе, повторяю, потому, что онъ, потерявъ правую руку въ сраженіи Лейпцигскомъ,

¹⁾ Окуловой († 1861), наставницѣ при великихъ княжнахъ.

²⁾ Гигинботомъ, также бывшей наставницею при великихъ княжнахъ.

³⁾ Адмиралъ (впослѣдствіи графъ) О. П. Литке († 1882) былъ воспитателемъ великаго князя Константина Николаевича, а генералъ-адъютантъ А. И. Философовъ († 1874) воспитателемъ великихъ князей Николая и Михаила Николаевичей.

⁴⁾ Пенсіонъ этотъ былъ пожалованъ Рейтерну въ 1837 году (см. книгу „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, S.-Petersburg. 1894, стр. 103—105).

русскій офицеръ, не имѣющій ничего, кромѣ мундира и безпрестанно возвращающихся страданій отъ раны, не могъ бы рѣшиться жить трудами своихъ рукъ, или былъ бы весьма несчастливъ, если бы для насущнаго хлѣба былъ принужденъ продавать свою работу. Государь милостиво вошелъ въ его положеніе и опредѣлилъ ему этотъ пенсіонъ, которымъ, такъ сказать, присвоилъ своему семейству всѣ будущіе труды заслуженнаго инвалида. 500 рублей изъ этого пенсіона указомъ государя императора опредѣлены были на часть великой княжны Александры Николаевны. Теперь при замужествѣ ея высочества¹⁾, по вашему представленію, эти 500 рублей, пожалованныя государемъ, вычеркнуты, и мой бѣдный инвалидъ теряетъ часть дохода, весьма значительную для него въ тѣсныхъ его обстоятельствахъ, хотя сумма ничтожная сама по себѣ. И это сдѣлалось въ такую минуту, когда по случаю брака великой княжны оказаны были всѣмъ другимъ милости. Вотъ видите ли, если бы вы не совершенно забыли, что когда-то на свѣтѣ встрѣчалось вамъ двуногое животное, называвшееся Жуковскимъ, то вы при имени Рейтерна вспомнили бы о Жуковскомъ; вы бы не отняли произвольно пособія, даннаго милостію государя этому Рейтерну, тестю этого Жуковского, вы бы или представили объ этомъ пенсіонѣ самой великой княжнѣ А(лександрѣ) Н(иколаевнѣ), и она бы конечно не уничтожила благотворенія, оказаннаго ей милостивымъ отцемъ, или, что было бы лучше, вы бы представили объ томъ самому государю, и онъ уже конечно не отнял бы у бѣднаго своего живописца-инвалида того, что самъ даровалъ ему. Но вы просто вычеркнули имя Рейтерна изъ списка. Какъ можно было это сдѣлать, не понимаю; но, кажется, съ императорскими указами слѣдовало бы поступать осторожнѣе.

Жаль мнѣ, что я долженъ былъ написать къ вамъ такое письмо, милая Юлія Федоровна; вы всегда были ко мнѣ такъ добры. Но зачѣмъ же у васъ такая плохая память? Теперь, надѣясь на вашу старую дружбу (которая еще, можетъ быть, отыщется у васъ въ какомъ-нибудь изъ сундуковъ вашихъ между старымъ платьемъ), надѣясь на эту дружбу, увѣренъ, что вы постараетесь загладить сдѣланное вами безъ намѣренія зло и войдете насчетъ этихъ 500 рублей въ объясненіе съ кѣмъ слѣдуетъ. Я утверждаю, что этихъ 500 рублей, безъ особенной воли государя императора, нельзя было отымать у Рейтерна: они составляютъ часть пенсіона, пожалованнаго ему за его будущіе труды, которые со времени опредѣленія пенсіона всѣ принадлежатъ исключительно царскому семейству. Правда, онъ доставилъ картинъ не столько,

¹⁾ Великая княжна Александра Николаевна была повѣнчана 14-го января 1844 года съ принцемъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ Гессенъ-Кассельскимъ.

сколько бы хотѣлъ, но онъ пишетъ лѣвою рукою, онъ часто боленъ; за то трудится прилежно и теперь занятъ большою работою, которая возьметъ много времени, но конечно заслужить одобреніе его благотворителей. Впрочемъ, надобно замѣтить, что цѣль пенсіона есть великодушное пособіе; эта цѣль главная; пріобрѣтеніе же картинъ была цѣль побочная. Хотя, конечно, Рейтернъ между живописцами нашего времени займетъ почетное мѣсто и стоять въ этомъ отношеніи покровительства отъ своего государя, не говоря уже о его отстрѣленной рукѣ.

Буду ждать отвѣта отъ васъ и надѣюсь, что вы это дѣло примете къ сердцу. Поправьте свою ошибку. Скажу вамъ по секрету, что этотъ случай и для меня лично весьма огорчителенъ. Въ то самое время, когда я, въ знакъ моей къ ней привязанности, посвящаю имени великой княгини Александры Николаевны мою поэмѣ ¹⁾ и печатный экземпляръ этой поэмы былъ представленъ ея высочеству за нѣсколько дней до ея замужества—какой мнѣ на это отвѣтъ. Имя моего тестя выбрасывается безъ всякихъ церемоній изъ списка, какъ будто онъ шифръ, не заслуживающій никакого дальнѣйшаго вниманія. Согласитесь, что это больно.

Заключу письмо мое просьбою, чтобы вы возвратились на старую методу и были для меня не теперешняя забывчивая, а прежняя добрая Юлія Федоровна, съ которой мы столько лѣтъ, важныхъ въ нашей жизни, провели въ добромъ согласіи, во взаимной довѣренности, по(дъ) одною кровлею; эта прежняя Юлія Федоровна, которую я люблю по старому, хотя и не люблю ея забывчивости, будетъ конечно довольна, когда скажу ей, что я на проселочной дорогѣ, на которую своротилъ съ большою дороги свѣта, нашелъ желаемое счастье, что у меня добрая, рѣдкая жена и что моя дочка ²⁾ есть прелесть глазъ и сердца. Эти двѣ или, лучше сказать, полторы персоны рекомендуютъ себя въ ея благосклонность. А я Жуковскій вашего высокопревосходительства покорный слуга Василій Жуковскій (NB).

(NB) Нарочно повторено, чтобы вы легче могли вспомнить, кто къ вамъ пишетъ.

12.

20-го іюля (1-го августа) 1848.

Милая моя графиня ³⁾, чтобы не пропустить почты, пишу къ вамъ маленькую записочку, но эта записочка стоитъ десяти писемъ, ибо въ

¹⁾ Наль и Дамаланги.

²⁾ Александра Васильевна, впоследствии баронесса Вѣрманъ (р. 1842 † 1899).

³⁾ Ю. О. Баранова была возведена въ графское достоинство 1-го іюля 1846 года.

ней заключается полномѣсная, важная просьба. Податель этой записочки, мой добрый пріятель Родіоновъ ¹⁾, потерялъ въ Шамбо ²⁾ добраго начальника; новый его начальникъ Гофманъ ³⁾ еще его не знаетъ. А Родіонову нужно, чтобы онъ зналъ его съ хорошей стороны. Я же скажу отъ себя, что въ Родіоновѣ не одна хорошая сторона, а всѣ стороны хороши: я его давнымъ давно знаю; честнѣе, добрѣе, нравственнѣе человека быть не можетъ. Я писалъ объ немъ къ Гофману, котораго лично не знаю, поэтому и не могу думать, чтобы письмо мое могло быть особенно имъ уважено. Но вы, моя добрая графиня, можете мнѣ въ этомъ дѣлѣ, важномъ для моего сердца, помочь: рекомендуйте моего Родіонова Гофману; можете за него поручиться, какъ за меня; окажете ему великое благодѣяніе, тѣмъ болѣе важно(е), что Родіоновъ, котораго всѣ средства жизни заключаются въ его службѣ, завелся недавно своимъ семействомъ и что для него теперъ житейскія заботы весьма увеличились. Поручаю его вамъ; вы своею о немъ заботливостью докажете мнѣ, что въ отношеніи ко мнѣ пословица: *les absents ont toujours tort* ⁴⁾ вретъ. А я не вру, когда говорю вамъ, что люблю васъ по старому вошмъ сердцемъ и что я вашъ всегда есмь, былъ и буду. Жуковскій.

Если захотите мнѣ отвѣчать, то весьма меня обрадуете. Обо мнѣ узнаете отъ Родіонова; онъ же перешлетъ мнѣ и ваше письмо. Простите. Спѣшу. Жена вамъ посылаетъ свое почтеніе. Саша и Павелъ ⁵⁾, ваши знакомые, васъ цѣлуютъ.

Сообщилъ О. А. Бычковъ.

¹⁾ Ростиславъ Родіоновичъ Родіоновъ, старшій чиновникъ собственной ея величества канцеляріи, котораго Жуковскій назначилъ съ К. К. Зейдиномъ своимъ душеприкащикомъ.

²⁾ Иванъ Павловичъ Шамбо, секретарь императрицы Александры Θεодоровны и управлявшій собственною ея величества канцеляріею († 1848).

³⁾ Статсъ-секретарь Андрей Логиновичъ Гофманъ (р. 1798 † 1863), управлявшій IV отдѣленіемъ собственной ея величества канцеляріи.

⁴⁾ Т. е. Отсутствующіе всегда виноваты.

⁵⁾ Дѣти Жуковского, Александра Васильевна и Павелъ Васильевичъ.

Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуковскаго.

1.

Младенцемъ быть душою;
Разсудкомъ созрѣвать;
Не тѣла красотою,
Любезностью плѣнять;
Цѣнить златое время;
Считать весельемъ трудъ;
И празднои скуки бремя
Навѣки скрыть подъ спудъ;
Не въ свѣтѣ, но въ природѣ,
Въ простомъ кругу семьи,
Въ порядкѣ и свободѣ
Утѣхи зрѣть свои;
Быть въ дружбѣ неизмѣнной;
Любя, душой любить;
Супруги санъ священной
Какъ даръ небесъ хранить;
Струи благодѣянья
На скорбныхъ проливать;
Въ обители страданья
Отраду посылать;
Пріятныхъ музъ игрою
Плѣнять себя подъ часъ,
И нѣжной къ нимъ душою
Любить ихъ сладкой гласъ;
Въ бѣдахъ не быть унылой;

На радость уповать;
И мощной вѣры силой
Печали отражать;
Собою наслаждаться;
Свой рай въ душѣ хранить;
За призракомъ не гнаться
И путь житейскій чтить.
Къ безсмертію стезёю,
Гдѣ жизни сей вѣнецъ,
Куда любви рукою
Насъ всѣхъ благій Отецъ
Ведеть не откровенный:
Вотъ цѣль сихъ быстрыхъ лѣтъ,
Вотъ счастье, другъ безцѣнный,
Другаго счастья нѣтъ!

Ж.

1806 года октября 9-го.

Это стихотвореніе печатается съ собственноручной рукописи Жуковскаго, которому шель тогда двадцать четвертый годъ.

2.

Отрывокъ изъ Делилева диамрамба на безсмертіе души.

На лонѣ вѣчности безмолвной,
Въ непомрачаемыхъ лучахъ,
Безсмертіе, порока страхъ
И щитъ невинности безкровной,
Отъ Крона, яраго рушителя міровъ,
Добра подвижниковъ спасаетъ,
И преступленье исторгаетъ
Изъ страшной пристани гробовъ.

Такъ, молній вѣчнаго надменный похититель,
О ты, кичащійся надъ скорбной правотой,
Земли ничтожный утѣснитель,
Страшись: безсмертье жребій твой!

А ты, отъ сладостной отчизны отлученный,
 О жертва мирная, минутный гость земной,
 О странникъ, тайною рукою огражденный,
 Страдалецъ, ободрись: безсмертье жребій твой!

И кто не оживленъ симъ сладкимъ ожиданьемъ!
 Сомнѣньемъ зыблемый, живимый упованьемъ,
 Въ обитель смерти человѣкъ
 Приводитъ смѣлую надежду за собою
 Отъ тмы небытія спасти свой краткій вѣкъ.
 На пеплѣ гробовомъ, съ заоблачной главою,
 Превознесенный мавзолей
 Къ Предвѣчнаго стопамъ изъ праха восхищаетъ
 Кичливую мечту надменныхъ сихъ костей!
 На бренности гробовъ онъ слѣдъ свой сохраняетъ
 И, ахъ! ничтожество свое!...

Ж.

Это стихотвореніе Жуковского написано имъ въ 1806 году (см. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковского, Спб. 1887, стр. 29). Въ печатныхъ изданіяхъ не помѣщено второй половины «Отрывка» (со стиха: И кто не оживленъ симъ сладкимъ ожиданьемъ!) (см. напр. Сочиненія В. А. Жуковского въ стихахъ и прозѣ, изд. 10-е, Спб. 1901, стр. 17). Подлинникъ стихотворенія писанъ весь рукою Жуковского.

Сообщилъ графъ Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

Собственноручныя письма В. А. Жуковского къ Д. П. Северину ¹⁾.

1.

7-го (19-го) апрѣля (1829 г.).

Любезнѣйшій другъ Дмитрій Петровичъ, обращаюсь къ тебѣ съ убѣдительнѣйшею моею просьбою; увѣренъ, что ты, по старой ко мнѣ дружбѣ, примешь ее къ сердцу. Въ Женевѣ, въ пенсіонѣ оставленъ сынъ Александры Андреевны Воейковой ²⁾. Не знаю, именно, какой

¹⁾ Печатавъ письма князя П. А. Вяземскаго къ Северину („Русская Старина“ 1896 г., № 1), редакция сообщила и краткія біографическія свѣдѣнія о послѣднемъ. Здѣсь мы припомнимъ только, что со вступленіемъ на престолъ императора Николая Д. П. Северинъ, въ августѣ 1826 г., былъ назначенъ повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Швейцарію, а 7-го апрѣля 1836 года наименованъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при Швейцарскомъ союзѣ. Въ мартѣ 1837 года ему повелѣно было быть чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ Баварскомъ. Въ 1863 году онъ былъ уволенъ по болѣзни отъ службы и 24-го января 1865 г. скончался въ Мюнхенѣ.

Дружба Жуковского съ Северинымъ окрѣпла въ Арзамасскомъ обществѣ, гдѣ Северинъ носилъ прозваніе Рѣзваго Кота, а Жуковский — Свѣтланъ. Начало же пріятельскаго ихъ знакомства относится къ еще болѣе раннему времени (см. „Письма В. А. Жуковского къ А. И. Тургеневу“, стр. 4, 74, 79 и 86). Часть писемъ Жуковского къ Северину (за 1830, 1832 и 1833 годы) напечатана въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., № 7, стр. 83 — 98. Нѣсколько писемъ Жуковского къ Северину за позднѣйшіе годы (1848 и 1849 гг.), хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, помѣщено въ „Русскомъ Архивѣ“ 1900 года, сентябрь, стр. 42—53. Примѣчанія къ письмамъ обязательно составлены И. А. Бычковымъ. Ред.

²⁾ Племянницы Жуковского, скончавшейся за границею, въ февралѣ 1829 года.

пенсіонъ; но можешь узнать объ немъ отъ семейства Saladin и отъ Бонстеттена ¹⁾, а также отъ г(оснодин)а Joseph de Joux, homme de lettres. Матери этого бѣднаго ребенка нѣтъ на свѣтѣ. До окончанія дѣтскаго своего возраста онъ будетъ учиться въ Женевѣ. Нужно, чтобъ было объ немъ попеченіе и чтобъ тамъ знали, что онъ не оставленъ. Поручаю его твоей благодѣтельной дружбѣ: забота твоя объ немъ будетъ благодѣяніемъ для меня. Ты знаешь, что была для меня его мать, и будешь въ немъ видѣть моего ближайшаго роднаго. Прошу тебя разъ въ три мѣсяца требовать объ немъ изъ пенсіона свѣдѣнія и доставлять ихъ ко мнѣ. Государыня императрица принимаетъ въ немъ живѣйшее участіе; она сама хотѣла писать къ тебѣ объ немъ и, вѣроятно, уже писала. Забота твоя объ немъ побудитъ и тѣхъ, коимъ онъ ввѣренъ, имѣть объ немъ большее попеченіе. А я въ этомъ случаѣ твердо полагаюсь на твою ко мнѣ дружбу. О себѣ мнѣ тебѣ нечего сказать новаго; со мною ничего новаго быть не можетъ. Иду по старой дорогѣ и стараюсь съ нею не сбиваться. Теперь, однако, собираюсь въ Варшаву ²⁾, куда и мой великій князь ³⁾ ѣдетъ. Прости, любезный другъ. Скажи мое дружеское почтеніе твоей женѣ. А меня помни и продолжай любить по прежнему. Твой Жуковскій.

Пиши ко мнѣ на имя Булгакова ⁴⁾.

2.

1-го (13-го) іюля (1829 г.). С.-Петербургъ.

Благодарю тебя, мой безцѣнный Дмитрій Петровичъ, за дружеское твое письмо и за увѣдомленіе о Андрюшѣ Воейковѣ ¹⁾. Будь ему покровителемъ; смотри на него, какъ на моего сына: это дастъ ему еще большее право на твое сердце. Когда будутъ видѣть твою объ немъ заботливость, то будутъ и наблюдать за нимъ съ большею ревностію. Я бы совершенно согласился съ тѣмъ, что ты замѣчаешь насчетъ слѣдствій будущихъ его воспитанія, когда бы его воспитаніе должно было кончиться въ Женевѣ. Но онъ тамъ оставленъ на первую пору, для

¹⁾ Извѣстнаго писателя Карла-Виктора Бонстеттена († 1832), съ которымъ Жуковскій познакомился въ Женевѣ, въ первое свое заграничное путешествіе.

²⁾ На предстоявшее коронованіе императора Николая I, которое совершилось 12-го мая 1829 г. (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 206 — 210).

³⁾ Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ.

⁴⁾ Пріятеля Жуковскаго, Константина Яковлевича Булгакова († 1835), бывшаго тогда петербургскимъ почтъ-директоромъ. — На письмѣ имѣется пометка Северина: „Отвѣчалъ изъ Цюриха 27-го мая (8-го іюня) 1829“.

⁵⁾ См. предыдущее письмо.

приобрѣтенія первыхъ понятій, для перваго развитія; не болѣе какъ на пять лѣтъ. Въ Россіи нѣтъ хорошихъ пенсіоновъ для перваго возраста; а дома ему не у кого оставаться. Этотъ пенсіонъ выбранъ для него матерью, она рѣшилась съ нимъ разстаться; я увѣренъ, что это и послужитъ ему въ пользу. Дома и въ отечествѣ было бы лучше; но что же дѣлать съ обстоятельствами? Матери не воротись. О прочемъ говорить нечего ¹⁾. То, что есть, для него теперь есть лучшее изъ худаго. Итакъ прошу тебя продолжать быть къ нему внимательнымъ. Благодарю тебя душевно за твое намѣреніе иногда брать Андрюшу къ себѣ. Ты будешь для него по временамъ представителемъ отечества и вѣры отцевъ его; и русскій языкъ не будетъ для него совершенно чужимъ. Не бойся слѣдствій. Повторяю, онъ въ Женевѣ останется только на первые годы отрочества. Я давно не видалъ его и не знаю, каковъ онъ: по виду общалъ много; всегда имѣлъ живость; но очень долго не начиналъ говорить, и теперь, какъ я слышалъ, сей недостатокъ, то-есть трудность выражать на словахъ мысли, у него остался. Это можетъ замедлить и самое развитіе мыслей. Но онъ дитя Провидѣнія; Ему его и повѣряю.—Что сказать тебѣ о себѣ? Моя жизнь дѣятельно однообразна; все заключено въ учебной комнатѣ моего воспитанника ²⁾ или въ моемъ кабинетѣ. Живу уединенно. Съ Карамзиними ³⁾ выдаюсь разъ въ недѣлю: то-есть обѣдаю у нихъ по воскресеньямъ. Съ другими всѣми рѣдко, когда Богъ сведетъ. Катенька—княгиня Мещерская ⁴⁾. А Софья ⁵⁾ все Софья Карамзина. Блудовъ ⁶⁾ теперь въ Карлсбадѣ: я видѣлся съ нимъ въ Варшавѣ. Дашковъ ⁷⁾, помощникъ министра юстиціи, въ лихорадкѣ, привезенной изъ арміи. Полетика ⁸⁾ сумасшествуетъ и все тотъ же квакеръ.

¹⁾ Намекъ на отца маленькаго Воейкова, Александра Фёдоровича Воейкова, не отличавшагося, какъ извѣстно, нравственными достоинствами. Незадолго до кончины А. А. Воейковой, Жуковскій писалъ ей 4-го февраля 1829 года, между прочимъ, слѣдующее: „Андрюша долженъ остаться въ Женевѣ; онъ очень хорошо пристроенъ тамъ, гдѣ онъ находится, и будетъ устроенъ отъ отцовскаго вліянія; окончивъ свое первоначальное обученіе, онъ возвратится, и я позабочусь о немъ“ (см. Зейдлицъ, „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“, Спб. 1883, стр. 147).

²⁾ Наслѣдника Александра Николаевича.

³⁾ Съ семействомъ исторіографа.

⁴⁾ Дочь исторіографа, Екатерина Николаевна Карамзина вышла въ 1828 г. замужъ за князя Петра Ивановича Мещерскаго.

⁵⁾ Софья Николаевна Карамзина, другая дочь исторіографа, бывшая фрейлиною высочайшаго двора, скончалась въ дѣвицахъ въ 1856 г.

⁶⁾ Дмитрій Николаевичъ, въ то время статсъ-секретарь и товарищъ министра народнаго просвѣщенія.

⁷⁾ Дмитрій Васильевичъ. Онъ находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ императора Николая I при его поѣздкѣ въ дѣйствующую армію.

⁸⁾ Петръ Ивановичъ, бывшій ранѣе посланникомъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, а въ 1825 году назначенный сенаторомъ.

Тургеневъ ¹⁾ живетъ для изгнаннаго брата ²⁾. Пушкинъ ³⁾ бродитъ по русскому свѣту, и гдѣ теперь, не знаю. Вяземскій ⁴⁾ закопался въ пензенскую деревню Кологриваго ⁵⁾ и собирается выдавать свои сочиненія. Вотъ вся тебѣ таблица историческая жизни главныхъ арзамасцевъ. О согнившихъ членахъ не упоминаю. Забылъ одного добраго Жихарева ⁶⁾: онъ прокурорствуетъ въ Москвѣ.—Я теперь живу въ Царскомъ Селѣ и пробуду тамъ все лѣто. Карамзины въ Ревелѣ, гдѣ пробудутъ, вѣроятно, до конца сентября. Государя и государыню мы ждемъ къ 15 (27) іюля ⁷⁾. Вотъ все. Обнимаю тебя и прошу тебя сказать мое почтеніе твоей милой женѣ. Я познакомился въ Берлинѣ съ ея сестрою ⁸⁾, съ которою вмѣстѣ однажды обѣдалъ у Гумбольдта ⁹⁾. Твой по старому Жуковскій.

Я отвѣчаю тебѣ поздно, ибо получилъ письмо твое на отъѣздѣ изъ Варшавы въ Берлинъ, а отвѣчаю изъ Петербурга.

3.

29-го апрѣля с(тарого) с(тня) (1832).

Посылаю тебѣ письмо, мой милой Северинъ. Прилагаю при семъ и реестръ ¹⁰⁾. Деньги заплачены. А я тебя обнимаю и писать болѣе некогда. Твой Жуковскій.

¹⁾ Александръ Ивановичъ.

²⁾ Николая Ивановича Тургенева.

³⁾ Александръ Сергѣевичъ.

⁴⁾ Князь Петръ Андреевичъ.

⁵⁾ Петра Александровича, мужа тещи кн. П. А. Вяземскаго, Прасковьи Юрьевны Кологривовой (въ первомъ бракѣ княгини Гагариной).

⁶⁾ Степана Петровича, автора извѣстныхъ Записокъ („Дневникъ студента“ и „Дневникъ чиновника“). Въ это время онъ занималъ должность оберъ-прокурора 8-го департамента Правительствующаго Сената.

⁷⁾ Императоръ Николай вернулся въ Царское Село 11-го іюля.

⁸⁾ Д. П. Северинъ вторымъ бракомъ былъ женатъ на баронессѣ Мольтке (см. „Русскій Архивъ“ 1899 года, книга вторая, стр. 447). Первая его жена, Елена Скарлатовна († 1818), была рожденная Стурдза (сестра извѣстнаго Александра Скарлатовича Стурдзы).—Въ 1829 году, послѣ коронаціи въ Варшавѣ, императоръ Николай съ императрицею и наслѣдникомъ ѣздили въ Берлинъ, гдѣ присутствовали на бракосочетаніи принца Прусскаго Вильгельма (будущаго германскаго императора) съ принцессою Августою Саксенъ-Веймарскою. Жуковскій сопровождалъ своего августѣйшаго воспитанника въ этой поѣздкѣ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 211—212).

⁹⁾ У знаменитаго Вильгельма Гумбольдта.

¹⁰⁾ Новыхъ книгъ на русскомъ языкѣ, которыя высылалъ Жуковскій Северину (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 84).

4.

6-го ноября (н. ст.) (1832 г.), вторникъ. Вевѣ.

Я рѣшился остаться ¹⁾, мой милой Коть, но еще не увѣренъ, исполнится ли это намѣреніе. Его исполненіе зависитъ отъ Рейтерна ²⁾, который останется со мною, если пріѣдетъ семья его, и покинетъ меня, если семья его нельзя будетъ пріѣхать. Дней черезъ десять это рѣшится. Тогда и я узнаю навѣрное, что мнѣ дѣлать. Италія тащитъ меня всѣми возможными очарованіями къ себѣ; а суровой разсудокъ говоритъ: не слушайся и сиди на мѣстѣ; ему вторитъ весьма охриплымъ и фальшивымъ басомъ моя болѣзнь, и такъ какъ мнѣ не подѣлѣта ребячиться, то я и послушаюсь этихъ суровыхъ совѣтниковъ. Если останусь, то ты долженъ будешь помочь горькому сиротству моему книгами. Есть ли у тебя Карамзина Исторія? Она будетъ мнѣ необходима. Ибо я примусь за разныя работы, кои пригодятся для моего возвращенія къ питомцу моему ³⁾, отъ коего NB получилъ очень милое письмо.—Очень радъ, что ты еще въ Женевѣ. Я собираюсь съѣздить туда дня на четыре, дабы повидаться съ Андриюшкой ⁴⁾. Послѣ-завтра, т. е. въ четвергъ (8-го ноября), поѣду; итакъ ты удовлетворишь меня, если останешься еще дни на четыре. Мы поживемъ вмѣстѣ. Вѣдь ты остановился въ *Écu de Genève* ⁵⁾. Если же мнѣ здоровье или черезъ чуръ худая погода воспрепятствуютъ ѣхать въ Женеву, то я напишу къ тебѣ въ четвергъ, и тогда побѣждай въ назначенный тобою срокъ, и мы увидимся здѣсь ⁶⁾. Я живу еще не въ Монтрѣ, а въ *la Tour du Peilz* ⁷⁾, въ домѣ М-г Ormond.—Прощай, милый Коть, обнимаю тебя и цѣлую лапку у твоей Кошурки. Обними за меня Килия ⁸⁾ и скажи ему, что я съ горемъ по-

¹⁾ На зиму въ Швейцаріи и не ѣхать въ Италію (см. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 243 и 244).

²⁾ Пріятеля и будущаго тестя Жуковского, Гергардта фонъ Рейтерна.

³⁾ Наслѣднику Александру Николаевичу.

⁴⁾ Воейковымъ (см. въ первыхъ двухъ письмахъ).

⁵⁾ Названіе гостиницы въ Женевѣ.

⁶⁾ Состояніе здоровья Жуковского, а также холодная погода, какъ это видно изъ слѣдующаго засимъ письма его къ Северину, не позволили ему ѣхать въ предполагаемый имъ день (8-го ноября н. ст.) въ Женеву. 1-го (13-го) ноября его посѣтилъ Северинъ, а 18-го (30-го) того же мѣсяца къ нему пріѣзжалъ и Андриша Воейковъ (см. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 246 и 248).

⁷⁾ Т. е. *Tour de Peilz*.

⁸⁾ Льва Ивановича Килия (†1851), бывшаго адъютанта цесаревича Константина Павловича, потомъ свиты его величества генералъ-маіора, а съ 1845 года начальника русскихъ художниковъ въ Римѣ. Первоначально Жуковский думалъ ѣхать въ Италію съ Килемъ (см. „Письма Жуковского къ А. И. Тургеневу“, стр. 266).

поламъ долженъ отказаться отъ удовольствія съ нимъ путешествовать. Желаю ему всякаго рода радостей въ Италіи и въ особенности полнаго выздоровленія. Свѣтлана.

5.

8-го ноября (н. ст.) (1832).

Кысы! Кысы! ¹⁾ Благодарствую за доставленіе письма подъ орломъ: въ немъ ничего однако нѣтъ царскаго; пишетъ ко мнѣ Перовскій ²⁾ и Коллинсъ ³⁾, учитель великаго князя. Вѣстей нѣтъ никакихъ. Мы однако должны скоро получить важныя вѣсти о разрѣшеніи государыни ⁴⁾. Дай Богъ имѣть счастливыя. Сердце не на мѣстѣ. Уже теперь все должно быть кончено. Сохрани Богъ ее: она залогъ счастья для царя и для всѣхъ насъ. Я не ѣду въ Женеву; холодно и пароходъ пересталъ ходить. Жаль, что надобно отложить свиданіе съ Андрюшей; но мнѣ надобно поступать съ собою весьма осторожно, дабы не попасть опять въ тотъ же омутъ, изъ котораго только что выбрался, и не нажить, вмѣсто теперешнихъ розовыхъ щекъ, тѣхъ же блѣдно-желтыхъ, съ какими я отправился изъ Питера. Еще не совсѣмъ я увѣренъ, остаюсь ли здѣсь, ибо обстоятельства Рейтернова семейства не совсѣмъ еще прояснились ⁵⁾; вѣроятно, что останусь. Если надобно будетъ Рейтерну отъ меня уѣхать, то буду въ великомъ недоумѣніи, ѣхать ли впередъ, или бросить якорь въ водахъ Лемана. Всего нужнѣе мнѣ покой самой неподвижный; но и совершенное уединеніе плохое лѣкарство. Скучать не буду вообще; но будутъ мрачныя минуты, съ которыми трудно будетъ совладать. Объ этомъ поговоримъ при свиданіи: ты можешь дать мнѣ добрый совѣтъ. Итакъ черезъ три дни мы увидимся. Ты, вѣроятно, остановишься въ «Трехъ Коронахъ», а я живу въ La Tour du Peilz, maison Ormond. Тотчасъ пришли ко мнѣ, какъ скоро приѣдешь. Обнимаю тебя и цѣлую лапку твоей Кисурки. Передъ отъѣздомъ повидайся съ Андрюшей и привези мнѣ свѣжія вѣсти о немъ. Есть ли у тебя каталогъ твоихъ книгъ? Доставь его мнѣ. Я ими буду пользоваться, если здѣсь останусь и если ты позволишь. До свиданья, душа. Рейтернъ тебѣ кланяется. Свѣтлана.

¹⁾ Это значитъ милостивый государь Дмитрій Петровичъ. (Примѣчаніе В. А. Жуковскаго).

²⁾ Василій Алексѣевичъ.

³⁾ Эдуардъ Давыдовичъ Коллинсъ преподавалъ наслѣднику математику.

⁴⁾ Великій князь Михаилъ Николаевичъ родился 13-го октября 1832 года.

⁵⁾ Семья Рейтерна приѣхала въ Вернѣ 14-го (26-го) ноября (см. „Дневники Жуковскаго“, стр. 248), и Жуковскій рѣшилъ остаться на зиму на берегахъ Женевского озера.

6 ¹⁾.

5-го (17-го) декабря (1832) (Вернè).

Я все собирался писать къ тебѣ, Котикъ, но все откладывалъ по той причинѣ, что въ новомъ жилищѣ моемъ не былъ готовъ мой собственный столъ (!!). Теперь этотъ столъ водруженъ на опредѣленномъ ему мѣстѣ, и я пишу къ тебѣ стоя, а не сидя, что весьма выгодно для ...моей тѣлесной конструкціи... ²⁾. И вотъ объ чемъ я пишу къ тебѣ: книги, присланныя мнѣ тобою, то есть Исторію Карамзина, я получилъ ³⁾, за что благодарю. Изъ газетъ весьма исправно получаютъ *Débats*, *J(ournal) de Francfort* и Сѣверная Пчела. Но было мнѣ еще прислано нѣсколько нумеровъ *Gazette de France*, Берлинскихъ Вѣдомостей, и они остановились. Да ихъ и не надобно, довольно *Débats*, *J(ournal) d(e) F(rancfort)* и Сѣверной Пчелы. Первые два журнала берегутся; а Сѣверная Пчела служить полотенцемъ.... ⁴⁾. А каталога книгъ все нѣтъ, да нѣтъ. Пришли, Киска. Да ты бы очень хорошо сдѣлалъ, когда бы своею лапкою покопалъ въ своихъ книгахъ и выбралъ изъ оныхъ самое новѣйшее и интереснѣйшее *en fait d'histoire, de mémoires surtout et de romans*: отъ французской же поэзіи прошу избавить. Да нѣтъ ли у тебя той недавно вышедшей на нѣмецкомъ языкѣ Исторіи польской революціи, о которой говорилъ тебѣ Лагарпъ. Онъ мнѣ далъ титулъ этой книги, но я не могу найти его записки ⁵⁾. Желалъ бы прочесть эту книгу.

Мы наконецъ совершенно устроились въ своемъ уединеніи, которое не есть одиночество. Рейтерново семейство здѣсь ⁶⁾. Цѣлая четверня дѣтей, слѣдственно есть въ домѣ и шумъ. Время идетъ хорошо, и здоровье мое отъ этого укореняется. Жаль Италіи, но теперь я совершенно увѣренъ, что поступилъ умно, не поѣхавъ туда. Прости, об-

¹⁾ Упомянутое объ этомъ письмѣ см. въ „Дневникахъ В. А. Жуковскаго“, стр. 250, подъ 4-мъ (16-мъ) декабря 1832 г.

²⁾ Нѣсколько словъ при печати выпущено.

³⁾ О присылкѣ Исторіи Карамзина Жуковскій просилъ Северина въ письмахъ отъ 6-го ноября н. ст. (см. выше, письмо № 4) и отъ 9-го (21-го) ноября 1832 года (см. „Русскую Старину“ 1896 г., июль, стр. 88).

⁴⁾ Нѣсколько словъ при печати выпущено.

⁵⁾ Рѣчь идетъ о присылкѣ сочиненія Рихарда-Отто Шпацера (*Spazier*, p. 1803†1854) „*Geschichte des Aufstandes des Polnischen Volkes in den Jahren 1830—1831*“, которое вышло въ 1832 году въ Альтенбургѣ, въ 3 томахъ. Жуковскій забылъ, что точное заглавіе этого сочиненія было уже имъ послано Северину въ письмѣ отъ 9-го (21-го) ноября 1832 г. (см. тамъ же, стр. 88, и „Дневникъ В. А. Жуковскаго“, стр. 258, прим. 1-е).

⁶⁾ См. выше, стр. 142, прим. 5-е.

нимаю тебя, цѣлуй лапку у Кошурки. Всѣ мои, и знакомые тебѣ, и незнакомые, вамъ кланяются. Жуковский.

Адресъ все въ Вевѣ.

7.

(6-го (18-го) января 1833 г., Вернѣ) ¹⁾.

Мой милый Северинъ.

Я собрался было послать мои пакеты прямо на имя Булгакова ²⁾; но Лютернѣ ³⁾ присовѣтовалъ мнѣ послать ихъ черезъ тебя: ты знаешь, какъ послать вѣрнѣе посылку. Итакъ препровождаю къ тебѣ мои пакеты. Сдѣлай собственный кувертъ на оныхъ и отправь, взявши тѣ предосторожности, кои найдешь нужными. Нѣтъ ли у тебя брошюры Шатобриана о duchesse de Berry ⁴⁾? Доставь. Обнимаю васъ. Жуковский.

8.

(Вѣроятно 27-го января (8-го февраля) 1833 г.) ⁵⁾.

Здравствуй, Котъ. Благодарю за доставленіе книгъ; пять томовъ Записокъ Лудвига XVIII кончили, жду шестаго и не вѣрю, чтобъ онѣ были

¹⁾ Письмо не имѣетъ даты, но она можетъ быть точно опредѣлена на основаніи напечатаннаго въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., июль, письма Жуковского къ Северину отъ 24-го декабря 1832 г. и „Дневниковъ Жуковского“. Въ упомянутомъ письмѣ, Жуковский, между прочимъ, писалъ Северину, что хочетъ послать свои портреты наслѣднику. „Какъ вѣрнѣе, черезъ почту, или черезъ тебя, также по почтѣ?“—спрашивалъ онъ, и затѣмъ прибавилъ: „Думаю просто адресовать на имя Булгакова“ (стр. 88). Изъ дневника Жуковского видно, что 21-го декабря были кончены всѣ три портрета Жуковского, предназначавшіеся для наслѣдника, объ отправленіи которыхъ Жуковский и писалъ его высочеству 1-го января 1833 г. 1-го и 3-го января постигъ Жуковского Лютернѣ, а подъ 5-мъ января въ дневникѣ, между прочимъ, записано: „Писалъ къ Коту“ (т. е. къ Северину) (см. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 251, прим. 2-е, и стр. 252—253).

²⁾ Константина Яковлевича, (см. выше, стр. 138, прим. 4-е).

³⁾ Знакомый Жуковского въ Вевѣ и Вернѣ; о немъ часто упоминается въ дневникѣ Жуковского за время его пребыванія въ Швейцаріи въ 1832—1833 гг.

⁴⁾ Рѣчь идетъ о вышедшей въ 1832 году брошюрѣ Шатобриана: „Courtes explications sur les 12.000 fr. offerts par M^e la duchesse de Berri aux indigens, attequés de la contagion“ (см. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 225, прим. 3-е).

⁵⁾ Дата опредѣлена на основаніи дневника Жуковского; тамъ подъ 27-мъ января (8-го февраля) 1833 г. записано, между прочимъ: „Писалъ къ Козлову, къ Северину“ (см. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 254).

истинныя, ибо ни издатель, ни манускрипты никому неизвѣстны; а много въ нихъ интереснаго ¹⁾). Теперь читаю Сисмонди ²⁾). Не думаю, чтобъ принялся за *Mémoires d'un homme d'état*, слишкомъ волюминезно ³⁾). Сисмонди сухъ непомѣрно, онъ пишетъ, кажется, въ красной шапкѣ, которой пора бы износиться. Нѣтъ ли чего поефемернѣе? Напримѣръ хорошаго романа? но только по французски. Наши пріатели лѣзутъ въ гору: Дашковъ и Блудовъ ⁴⁾ цеголяютъ въ александровскихъ лентахъ. А тебя, казака, несмотря на то, что ты хорошій наѣздникъ, забыли. У Карла ⁵⁾ и память такъ же исчезла, какъ онъ самъ. Посылаю тебѣ письмо Вяземскаго ⁶⁾); возврати, а самъ напиши къ нему. Ж.

Кошечкѣ цѣлованіе лапки.

9.

(Въ мартѣ 1833 года).

Возвратился ли ты, моя кошачья радость? Если возвратился, то вотъ тебѣ просьба. Я нашелъ средство повидаться съ Италією. Благодаря зимѣ, чувствую себя крѣпче, и уже испыталъ силы свои, карабкаюсь ежедневно (болѣе недѣли) по здѣшнимъ горамъ. Мои пароксизмы (то-есть кровотеченіе) не миновались, и противъ нихъ надобно будетъ употребить сильное средство и еще курсъ водъ. Но курсы на водахъ нигдѣ не начинаются прежде начала іюня. Итакъ во власти моей апрѣль и май. И вотъ что я хочу сдѣлать, дабы не оставить у себя на совѣсти грѣха, что, бывши у дверей Италіи, не вошелъ въ нихъ. Изъ Марсели ходитъ три раза въ мѣсяцъ пароходъ въ Неаполь, 10-го, 20-го и въ послѣдній день мѣсяца. Если поѣду теперь же, то могу быть въ Марсели къ 10-му апрѣля, слѣдственно, 15-го буду въ Неаполѣ, и я не хочу ничего видѣть, кромѣ Неаполя. Въ Неаполѣ оста-

¹⁾ 11-го (23-го) января 1833 г. Жуковскій писалъ Северину: „Дочитываю 4-й томъ Записокъ Лудвига XVIII и жалѣю, что онѣ поддѣльны; на нихъ печать истины. Пришли поскорѣ V и VI“ („Русская Старина“ 1896 г., іюль, стр. 89). Признаваемые апокрифическими „*Mémoires de Louis XVIII*“ были изданы въ Парижѣ въ 1832 году.

²⁾ Извѣстнаго историка (р. 1773 † 1842).

³⁾ Въ томъ же письмѣ отъ 11-го (23-го) января 1833 года Жуковскій писалъ Северину: „Нѣтъ ли у тебя *Mémoires d'un homme d'état*, приписываемыхъ Гарденбергу?“ („Русская Старина“ 1896 г., іюль, стр. 89). „*Mémoires tirés des papiers d'un homme d'état*“ были изданы въ Парижѣ въ 1831—1838 гг., въ 13 томахъ. (О нихъ см. „Русскую Старину“ 1902 года, мартъ, стр. 492, прим. 4-е).

⁴⁾ Д. В. Дашковъ былъ въ это время министромъ юстиціи, а Д. Н. Блудовъ министромъ внутреннихъ дѣлъ.

⁵⁾ Виде-канцлера графа К. В. Нессельрода.

⁶⁾ Князя Петра Андреевича.

нужь двѣ недѣли.—Въ началѣ мая опять сяду на пароходъ и выду на берегъ или въ Марсели или въ Ливурнѣ, изъ которой берегомъ до Ниццы, и потомъ опять въ Женеву. Такъ что могу вѣроятно быть здѣсь къ 20-му или 30 мая, не позже. Отсюда уже пушусь въ обратный путь туда, куда мнѣ будетъ назначено.—Не правда ли, что этотъ планъ весьма благоразуменъ? А ты вотъ что сдѣлай. Я уже имѣю паспортъ, визированный для Италіи австрійскимъ и сардинскимъ министрами, но онъ отъ 8-го октября прошлаго года. Годится ли теперь? Если нѣтъ, то пришли немедленно новый. Pour 'M-r Joukoffsky et sa suite. (Довольно ли это для моего человѣка? Если нѣтъ, то наименовать его, а его имя Théodore Titof). Такъ какъ я, можетъ быть, изъ Ливурны поѣду назадъ берегомъ и во всякомъ случаѣ долженъ буду на время сойти на берегъ въ Ливурнѣ ¹⁾, то не худо заставить визировать и тосканскаго министра, если таковой здѣсь обрѣтается. Да мой планъ перемѣнился; болѣзнь Рейтерна ²⁾ остановила меня дней на десять; вмѣсто того, чтобы ѣхать черезъ Марсель, отправляюсь черезъ Туринъ въ Геную, гдѣ сяду на пароходъ и прямо въ Неаполь. Отправившись отсюда 12-го апрѣля, буду къ 20 числу въ Генуѣ. Въ Марсель же раздумалъ я ѣхать ³⁾ потому, что еще не снято запрещеніе для русскихъ въѣзжать во Францію, хотя бы мнѣ эта дорога была и легче, и дешевле по поводу пароходовъ; но нельзя. Впрочемъ скажи, какъ ты думаешь объ этомъ?—Прошу тебя увѣдомить меня, кто нашъ министръ въ Туринѣ и кто при немъ? Также увѣдомь, кто нашъ консулъ въ Генуѣ? Гейдекенъ ли? ⁴⁾.

10 ⁵⁾.

(29-го марта (10 апрѣля) 1833 г.)

Посылаю тебѣ твои книги, кромѣ Mémoires de Louis XVIII, которыя я, съ твоего позволенія, оставляю Рейтерновой женѣ для прочте-

¹⁾ Чтобы побывать на могилѣ своей племянницы Александры Андреевны Воейковой (рожд. Протасовой).

²⁾ Въ дневникѣ Жуковскаго подъ 11-мъ (23) марта записано, между прочимъ: „Глазная болѣзнь Рейтерна“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 258).

³⁾ Северинъ посовѣтовалъ Жуковскому ѣхать въ Италію черезъ Марсель. Въ дневникѣ Жуковскаго подъ 25-мъ марта (6 апрѣля) 1833 года читается, между прочимъ, слѣдующее: „Меня ждало (по возвращеніи изъ Лозанны въ Вернѣ) письмо Сѣверина, которое рѣшило мое путешествіе черезъ Марсель въ Неаполь“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 263).

⁴⁾ Въ Генуѣ въ это время нашимъ генеральнымъ консуломъ былъ д. с. с. Карлъ Егоровичъ Гейдекенъ.

⁵⁾ Дата письма опредѣлена на основаніи дневника Жуковскаго. Изъ Вернѣ Жуковскій выѣхалъ, направляясь въ путешествіе въ Италію, 1-го (13) апрѣля 1833. Подъ 29 же марта (10 апрѣля) въ дневникѣ стоитъ, между прочимъ: „Письма къ Сѣверину и Голицыной“ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 264). Сверхъ того на письмѣ выставленъ почтовый штемпель: Vevey. 11 Avril 1833.

нія; возвращу ихъ самолично. Она остается одна¹⁾, и ей нужно оружие противъ скуки. Для этого прошу тебя доставлять ей, какъ мнѣ: *Journal des Débats*, *de Francfort* и *Staatszeitung*, также и *Voleur*. Очень этимъ меня одолжишь. И прошу тебя быть ей покровителемъ на время ея одиночества: въ случаѣ важной нужды (чего однако не предполагается) она будетъ искать твоей помощи. Прощайте, Котъ и Кошечка; молитесь за путешественниковъ. Жуковский.

11.

5-го (17-го) іюля (1833 г.), Вернѣ²⁾.

Сейчасъ ѣду въ Лозанну, гдѣ пробуду завтрашній день. А послѣ-завтра отправлюсь въ Бернъ. Вотъ тебѣ пакетъ моихъ книгъ, кои побереги у себя; при случаѣ можешь переслать ко мнѣ въ Петербургъ съ курьеромъ; если не всѣ за одинъ разъ, то по частямъ въ три, четыре раза. До свиданья. Жуковский.

12³⁾.

(Въ сентябрѣ 1833 года).

Вотъ тебѣ, мой милый, письмо къ Карлу Карловичу Мердеру⁴⁾; перешли его, а меня увѣдомь немедленно о доставленіи. Мнѣ много писать теперь право некогда; но буду писать на просторѣ. Скажу тебѣ только о своемъ долгѣ: не сердись, что я не тотчасъ по приѣздѣ внесъ деньги; во-первыхъ, это отъ того, что я еще не добился до сихъ поръ трети своего жалованья; во-вторыхъ, если бы и добился оной, то не зналъ бы, кому отдать деньги; напиши къ твоему корреспонденту, чтобъ меня увѣдомилъ.—Прости, душа моя. Возвратясь въ Петербургъ (мы теперь въ Царскомъ Селѣ), намѣренъ непременно погрызться за тебя съ нѣкоторыми особами. Теперь пока еще не съ кѣмъ. Кыскѣ поклонъ отъ души. Твой Жуковский.

13.

(Въ концѣ апрѣля 1834 г.)

Посылаю тебѣ конфетъ для твоего де Веле; просили мы для него крестика, но на это не послѣдовало высочайшаго соизволенія. Христосъ

¹⁾ Самъ Рейтернъ поѣхалъ вмѣстѣ съ Жуковскимъ.

²⁾ Годъ опредѣленъ на основаніи дневника В. А. Жуковского.

³⁾ Изъ заграничнаго путешествія Жуковский вернулся въ Царское Село 10-го (22-го) сентября 1833 г., какъ видно изъ его дневника.—На письмѣ имѣется слѣдующая пометка Северина: „Отвѣчено) 26-го октября (7-го ноября)“.

⁴⁾ Воспитателю наслѣдника Александра Николаевича, находившемуся, по болѣзни, за границею.

воскресе, Коть и Кошка. Что-то у васъ дѣлается? А мнѣ часто по васъ грустно въ нашемъ туманно-холодномъ и скучномъ Петербургѣ. Не нажить уже мнѣ такого домика, какой у меня былъ въ Вернѣ. Я думаю, что и ты иногда обо мнѣ вспоминаешь. — Благодарю тебя за исполненіе моихъ комиссій и за расплату съ Лори ¹⁾ и Жантономъ ²⁾; я уже здѣсь расквитался съ Преномъ, который, вѣроятно, тебя уже и увѣдомилъ обо всемъ. На сихъ дняхъ было у насъ прекрасное торжество; мой великій князь, вступивъ въ совершеннолѣтіе, совершилъ первый актъ своей жизни, присягалъ государю и отечеству ³⁾. Дай Богъ, чтобъ жизнь его была похожа на этотъ прекрасный день. Но послѣ радости будетъ ему и горе (какъ то обыкновенно бываетъ въ жизни): дни черезъ два узнаетъ онъ о своей невозвратной потерѣ, о кончинѣ своего Мердера ⁴⁾. — Я пока еще и живъ, и весьма здоровъ, слѣдственно и тебя люблю. Жуковскій.

14.

16-го (27-го) декабря 1834 г.

Сейчасъ получилъ твое письмо, любезный мой Коть, и прочиталъ его съ грустью: жаль вашей доброй старушки ⁵⁾, которую зналъ я одну минуту, и въ эту минуту успѣлъ полюбить ее за ея любезность и добродушіе; жаль васъ, ибо великая потеря въ смерти милыхъ людей, о коихъ сладко было заботиться; послѣ нея остается въ душѣ пустота, которую наполнить невозможно. Но что же дѣлать? Все-таки терпѣть надобно, живучи на свѣтѣ: это наша участь. Хорошо еще тому, у кого есть для перенесенія потери такой добрый помощникъ, какъ у тебя; поэтому-то и желаю вамъ обоимъ судьбы Флимона и Бавкиды.

О себѣ скажу одно хорошее: я возвратился отъ васъ, благодаря ножу или ножницамъ доктора или оператора Майора ⁶⁾, съ порядочнымъ запасомъ здоровья, который и теперь еще не тронуть и состоитъ во всей наличности. Что-то Богъ дастъ впередъ: худо только то, что я толстѣю и глупѣю; это не потеря, а весьма плохое приобрѣтеніе. Нашъ Вяземскій

¹⁾ Живописцемъ Габріелемъ Лори, часто посѣщавшимъ Жуковскаго въ Вернѣ.

²⁾ Банкиромъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 251, прим. 3-е).

³⁾ Присяга наслѣдника Александра Николаевича происходила 22-го апрѣля 1834 года.

⁴⁾ К. К. Мердеръ скончался въ Римѣ 24-го марта 1834 года.

⁵⁾ Вѣроятно, матери жены Северина.

⁶⁾ Операция была произведена Жуковскому, какъ видно изъ его дневника, 13-го (25-го) іюня 1833 года; см. также письмо его къ наслѣднику Александру Николаевичу, отъ 7 (19) — 14 (26) іюня (Сочиненія Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI, стр. 398).

давно къ намъ не пишеть, и мы совершенно не знаемъ, что дѣлается съ его милою больною ¹⁾. Только по всѣмъ слухамъ—худо! Здѣсь Арендъ ²⁾ увѣряеть, что ея положеніе весьма опасное, а изъ Флоренціи графиня Вьельгорская ³⁾ пишеть, что у нея безпрестанная лихорадка и пульсъ доходить до 140 въ секунду: изъ письма гр(афини) Вьел(ьгорской) знаемъ, что они во Флоренціи. Жду съ безпокойствомъ извѣстій и сердечно жалѣю о Вяземскомъ, который принимаетъ горе свое глубоко въ сердцѣ.—Не знаю точно, что было причиною того, что Карамзины къ тебѣ не доѣхали; знаю только, что въ письмѣ своемъ къ Екатеринѣ Андреевнѣ ⁴⁾ они жалѣли, что имъ была неудача тебя увидѣть.

Прощай, душа моя, обнимаю тебя и твою милую старушку. Скажи ей мое нѣжное, дружеское участіе, и сохрани васъ обоихъ Богъ. Жуковский.

Прилагаемое письмо прошу тебя переслать немедленно по адресу. Прошу также помочь Боку ⁵⁾ въ его затруднительномъ положеніи: ему нельзя возвратиться въ Россію; жена и дочь не стерпятъ нашего климата. Дай, прошу тебя, имъ свое свидѣтельство. А я здѣсь буду хлопотать съ своей стороны. Прошу тебя объ этомъ убѣдительно. Наставь ихъ самъ, что имъ дѣлать.

15.

24-го мая (5-го іюня) (1835), Царское Село ⁶⁾.

Мой милый Сѣверинъ. Спѣшу отвѣчать въ немногихъ словахъ на письмо твое. Съ графомъ Нессельродомъ ⁷⁾ было говорено о твоёмъ

¹⁾ Дочь князя П. А. Вяземскаго, княжна Прасковья Петровна, скончалась въ Римѣ, въ слѣдующемъ 1835 году.

²⁾ Лейбъ-медикъ Николай Ѳеодоровичъ Арендъ († 1859).

³⁾ Супруга графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго, графиня Луиза Карловна, рожд. принцесса Вировъ († 1853). Ср. „Письма Жуковскаго къ А. И. Тургеневу“, стр. 287.

⁴⁾ Карамзиной, вдовѣ исторіографа.

⁵⁾ Старому пріятелю Жуковскаго, Тимоѳею Егоровичу Боку (о немъ см. въ статьѣ Н. Лыжина „Знакомство Жуковскаго съ романтическою школою“ въ Лѣтописяхъ русской литературы и древности, изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. I, М. 1859, изслѣдованія, стр. 61—78). Въ это время Бокъ съ женою и дочерью жилъ въ Швейцаріи, недалеко отъ Веве; Жуковский во время своего пребыванія тамъ въ 1832—33 гг. часто видался съ Бокомъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 242 и слѣд.).

⁶⁾ Годъ опредѣленъ по соображенію съ содержаніемъ письма Жуковскаго къ Северину отъ 29-го мая 1835.

⁷⁾ Графомъ К. В. Нессельродомъ, вице-канцлеромъ.

дѣлъ ⁴⁾; я просилъ объ этомъ Дашкова ⁵⁾, и онъ взялся за это со всѣмъ усердіемъ. Вотъ что ко мнѣ Дашковъ пишетъ: «Я объяснялся съ гр(афомъ) Нессельродомъ и нашелъ его не худо расположеннымъ. Просимаго мѣста во Франкфуртѣ онъ С(ѣверину) дать не можетъ, ибо оно уже назначено Убри, лишенному мѣста въ Испаніи силою обстоятельствъ ⁶⁾; но когда я сталъ ему говорить о правахъ Северина, о сверстникахъ и младшихъ по службѣ, его обогнавшихъ, то графъ Н(ессельродъ) обѣщалъ употребить все стараніе, чтобы тотчасъ по пріѣздѣ государя (а государь нынѣшній день возвращается изъ Москвы) выпросить Сѣверину званіе министра въ Швейцаріи съ положеннымъ жалованьемъ, для производства коего онъ сыщеть у себя сумму безъ новаго требованія отъ госуд(арственнаго) казначейства».—Таково положеніе твоего дѣла. Я увижусь лично съ Дашковымъ и буду просить его, чтобы ковалъ желѣзо, пока горячо; я увѣренъ, что онъ будетъ продолжать дѣйствовать столь же усердно, какъ началъ; вѣроятно, что и Нессельродъ съ своей стороны все сдѣлаетъ.—Вопросъ, какъ рѣшить государь? Захочетъ ли имѣть въ Швейцаріи министра? Тотчасъ увѣдомлю о послѣдствіяхъ. Между тѣмъ при случаѣ объясню дѣло и самой императрицѣ ⁴⁾. А ты напиши къ Дашкову. Пора вамъ съ нимъ помириться ⁵⁾. Вотъ случай самый благоприятный.

Обнимаю тебя и Кошечку. Жуковскій.

16.

29-го мая 1835 г.

Мой милой Сѣверинъ, спѣшу увѣдомить тебя о ходѣ твоего дѣла. Я былъ у императрицы и говорилъ съ нею о тебѣ. Она уже знала о наименованіи Убри на мѣсто Анштета ⁴⁾; несмотря на то, приказала мнѣ ея именемъ переговорить съ графомъ Нессельродомъ, что я и сдѣлалъ. Я нашелъ его весьма хорошо къ тебѣ расположеннымъ. «Если Сѣве-

⁴⁾ Северинъ съ 1826 г. занималъ должность повѣреннаго въ дѣлахъ въ Швейцаріи и хлопоталъ черезъ Жуковскаго еще съ конца 1833 г. о повышеніи (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 98).

⁵⁾ Дмитрія Васильевича, тоже бывшаго членомъ „Арзамаса“, гдѣ онъ носилъ прозваніе Чу.

⁶⁾ Въ 1835 г. освободилось мѣсто посланника во Франкфуртѣ, за смертью барона И. О. Анштета; на его мѣсто былъ назначенъ Петръ Яковлевичъ Убри (Oubril) (р. 1774 † 1847), бывшій до тѣхъ поръ посланникомъ въ Мадридѣ.

⁴⁾ Что Жуковскій и исполнилъ, какъ видно изъ письма отъ 29-го мая 1835 года.

⁵⁾ О неладахъ Северина съ Д. В. Дашковымъ упоминается еще въ письмѣ Жуковскаго къ Северину отъ 17-го (29-го) ноября 1833 г. (см. „Русскую Старину“ 1896 г., іюль, стр. 98).

⁶⁾ См. выше, прим. 3-е.

ринъ—сказалъ онъ мнѣ—отсталъ отъ другихъ или еще не имѣетъ министерство, то этому вина одни обстоятельства. Штутгардская миссія ему слѣдовала по праву, и онъ былъ бы въ Штутгардѣ министромъ, если бы самъ дворъ тамошній тому не воспротивился. На мѣсто Анштета нельзя помѣстить Сѣверина, такъ какъ Убри останется безъ мѣста. Но Северинъ слишкомъ хорошо велъ себя въ Швейцаріи (это именно его слова), чтобъ быть забытымъ; онъ у меня стоитъ первый на листу, и я все одѣлаю, чтобъ онъ получилъ въ Швейцаріи, вмѣсто титула повѣреннаго въ дѣлахъ, настоящее министерство. Но за успѣхъ этого отвѣчать не могу, ибо это зависитъ отъ того, угодно ли будетъ государю имѣть въ Швейцаріи министра. По крайней мѣрѣ я этого весьма желаю, и употреблю все усилія на то, чтобъ это сдѣлалось; тѣмъ болѣе, что министерское жалованье можетъ быть дано Сѣверину) безъ обремененія министра финансовъ, нашими собственными средствами. Я Сѣверинимъ очень доволенъ; и столько же, какъ его дѣйствіями, доволенъ и послѣднимъ его письмомъ, на которое буду немедленно самъ отвѣчать». Таково содержаніе нашего разговора, который меня порадовалъ; ибо графъ отдалъ искренно полную тебѣ справедливость, и въ немъ видно рѣшительное желаніе изъяснить ее тебѣ на дѣлѣ. Въ чемъ я и не сомнѣваюсь. Только прошу тебя все писанное мною тебѣ о Швейцаріи сберечь про себя. Графъ сказалъ мнѣ, чтобы я пока и тебѣ объ этомъ не писалъ; ибо онъ, ручаясь за себя, не можетъ поручиться, будетъ ли съ нимъ согласенъ государь. Одно только вѣрно, то, что онъ искренно и съ большимъ благорасположеніемъ къ тебѣ хочетъ работать въ твою пользу. Итакъ потерпи, казакъ, атаманомъ будешь. Но пока никому ни слова. Обнимаю тебя и Кошечку. Жуковский.

1-го іюня с(тараго) с(тиля).

Нынче графъ Нессельродъ уѣзжаетъ на пароходѣ въ Любекъ. Онъ сказалъ мнѣ вчера, что и императрица съ нимъ сама о тебѣ говорила; она только третьяго дня получила письмо твое.

17.

9-го апрѣля (1836 г.)

Жилъ былъ котъ, и у этого кота была жена кошечка; котъ былъ Рѣзвый Котъ, а кошечка была Кошечка душечка. Рѣзвый Котъ служилъ въ Иностранной коллегіи, и былъ уже этотъ Котъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, и былъ онъ ваше превосходительство; и было непріятно Коту, что у него частенько въ кошелькѣ бывало легко и пусто; но это было ему сносно, потому что онъ имѣлъ съ собою Кошечку душечку; онъ хотя и не мурлыкалъ на судьбу свою, но иногда фыркалъ

на несправедливость; и наконецъ Карлъ Васильевичъ Нессельродъ, дай Богъ ему здоровья, сдѣлалъ то, что уже давно бы надо было ему сдѣлать, а что онъ сдѣлалъ, то Котъ ужъ вѣрно знаетъ; а если не знаетъ, то пусть прочтетъ на оборотѣ записку отъ Чу ¹⁾ къ Свѣтланѣ, записку, которая немедленно ему посылается.

Поздравляю, Кота! Радъ я сердечно, что наше дѣло уладилось. Выходить теперь и лучше, ибо ты вѣдь получилъ еще прежде и аренду. Карманъ твой теперь поразбухнетъ, и ты выведенъ наконецъ изъ своей неприятной *fausse position*. По приложенной запискѣ можешь судить, что Дашковъ о тебѣ и хлопочетъ, и заботится. Письма же отъ него къ себѣ не дождешься. Не такой онъ человѣкъ.

А я тебя обнимаю вдвоемъ. Очень бы радъ былъ, когда бы моя записка была первымъ тебѣ увѣдомленіемъ. Жуковский.

Письмо Дашкова къ Жуковскому.

8-го апрѣля.

Гр(афъ) Нессельродъ сдержалъ свое слово, и съ лихвою: Сѣверинъ получилъ званіе чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра при Швейцарскомъ Союзѣ и притомъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Указы уже вышли ²⁾, и ты смѣло можешь поспѣшить его о томъ увѣдомить. Если захочешь, то я велю списать для тебя съ обихъ указовъ копіи. Оканчивая эту благовѣстную записку, я получилъ твой пакетъ. Радъ бы слушать протоколы: но не побоишься ли ты къ намъ пріѣхать? У насъ на одномъ изъ малютокъ корь. Скажи сперва, да или нѣтъ? Бѣлевскія твои эпистолы прочту на досугъ и посмотрю, что можно сдѣлать.

До свиданія. Д.

Притиска Жуковскаго.

13-го (25-го) апрѣля.

Я не успѣлъ послать это письмо на почту. Съ тѣхъ поръ узналъ, что жалованье тебѣ по званію министра еще не полагается. Это отъ того, что въ Швейцаріи не хотятъ имѣть министра. Но графъ Нессельродъ сказывалъ мнѣ, что онъ вѣрно надѣется скоро тебя перевести. Онъ весьма хорошо къ тебѣ расположенъ; я увѣренъ, что не замедлитъ

¹⁾ Чу—арзамасское прозвище Д. В. Дашкова; Свѣтлана—такое же прозвище Жуковскаго.

²⁾ Указы эти состоялись 7-го апрѣля 1836 года.

это сдѣлать при первомъ случаѣ ¹⁾). Я усердно поблагодарилъ его за тебя.

18.

(Въ сентябрѣ 1838 г., Мюнхенъ) ²⁾).

Мой милый Сѣверинъ, увѣдомъ, какъ расположенъ нынѣшній день; что въ которомъ часу дѣлать? Если мой ящикъ съ книгами у тебя, то пришли его. Какъ скоро одѣнусь, буду къ тебѣ. Чтобы не забыть: за твоего Дарю ³⁾ и за Итинереръ въ Италіи ⁴⁾ я пришлю тебѣ новѣйшія русскія книги, только надобно имѣть реестръ тѣхъ, кои у тебя есть, и сверхъ того дай мнѣ адресъ твоего петербургскаго корреспондента, чтобы я могъ знать, кому передать книги. Жуковский.

19.

3-го (15-го) октября 1838 г. Комо.

Хотя я и общалъ не писать къ тебѣ, Котъ, но не могу не сказать словечка благодарности за твое минхенское гостепріимство; поблагодари и любезную Кошечку за то же. Мнѣ у васъ пожилось весьма хорошо. Приѣдемъ опять, но на самое короткое время, дни на три не болѣе. Жаль. Минхенъ мнѣ полюбился. — А въ Италіи пока еще холодно. Что-то будетъ впередъ. Комское озеро прелестно, но еще мы не успѣли имъ насладиться; а уже успѣли догадаться, что здѣсь нужны бываютъ и печи. Домъ, нанятый для насъ, очень покоенъ; но все, кажется, не миновать намъ насморка. Прошу тебя не забыть о высылкѣ намъ книгъ, коихъ реестръ я отдалъ Кошечкѣ. Мы пробудемъ въ Комо двѣ недѣли ⁵⁾. Потомъ отправимся на житье въ Венецію. Весьма было бы

¹⁾ Вскорѣ, въ мартѣ 1837 года, Северинъ былъ переведенъ посланникомъ въ Мюнхенъ, и этотъ постъ занималъ до 1863 года.

²⁾ Письмо не имѣетъ даты; судя по содержанію письма, съ достаточною вѣроятностью можно отнести его къ 1838 г., ко времени пребыванія наследника Александра Николаевича въ Мюнхенѣ; въ этомъ городѣ путешественники пробыли съ 11-го (23-го) сентября по 21-е сентября (6-е октября) 1838 г., какъ видно изъ дневника Жуковского, и каждый день посвящали осмотру достопримѣчательностей города.

³⁾ Вѣроятно, сочиненіе французскаго писателя графа Дарю (comte Pierre-Antoine-Noël-Bruno Daru, р. 1767 † 1829) „Histoire de la république de Venise“ (первое изданіе вышло въ 1819 г., а третье въ 1827 году).

⁴⁾ Путеводитель по Италіи нуженъ былъ Жуковскому въ виду предстоявшаго путешествія наследника въ Италію.

⁵⁾ Какъ видно изъ дневника Жуковского, наследникъ Александръ Нико-

хорошо, когда бы книги нашли насъ еще въ Комо. Похлопочи объ этомъ. Обнимаю васъ. До свиданія. Жуковский.

Я оставилъ ящикъ съ книгами въ твоёмъ домѣ; не забудь взять его подъ свое покровительство; отдашь мнѣ при нашемъ возвращеніи въ Минхенъ.

20.

4-го (16-го) августа 1839 г. Петергофъ.

Благодарю тебя, Коть и министръ, за то, что ты заплатилъ по счету моему Герману (ибо на этомъ счетѣ, здѣсь мною полученномъ, я видѣлъ царапанье твоей лапки); я заплатилъ немедленно Германову корреспонденту и, вслѣдствіе того, говорю тебѣ брысь!—Вотъ мы и на родинѣ. Ужъ добрый мѣсяцъ ¹⁾. У насъ было много пировъ, и было для чего: праздновали домашній праздникъ нашего великаго царя ²⁾ и радовались вмѣстѣ съ нимъ. Дай Богъ, чтобы это предисловіе было предисловіемъ долгаго, постоянного счастья. А ты что дѣлаешь, Коть? Если ничего не дѣлаешь, то сдѣлай вотъ что: надобно тебѣ знать, что я сдѣлался собирателемъ рисунковъ, и у меня есть теперь образчики почти всѣхъ лучшихъ живописцевъ Германіи и Италіи; но недостаетъ нѣкоторыхъ столбовыхъ, именно: Генриха Гесса, Петра Гесса, Корнелиуса ³⁾, къ коимъ желалъ бы прибавить Байера ⁴⁾, и еще кто найдется изъ значительныхъ минхенскихъ живописцевъ (это оставляю на твой произволъ), и ты очень, очень обяжешь меня, если обогатишь меня рисунками сихъ матадоровъ искусства. Подговори на свою сторону Кленце ⁵⁾, который уѣхалъ отсюда, не сказавшись мнѣ, которому за это попеняй и скажи, что не иначе заглядитъ вину свою, какъ помогши тебѣ

заевичъ и лица, его сопровождавшія, пріѣхали въ Комо повдно вечеромъ 2-го (14-го) октября и пробыли тамъ до 22-го октября (3-го ноября). Въ Венеціи путешественники прожили съ 3-го (15-го) ноября по 22-е ноября (4-е декабря) 1838 года.

¹⁾ Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ возвратился изъ заграничнаго путешествія въ Петергофъ 23-го іюня 1839 года.

²⁾ 2-го іюля 1839 г. состоялось бракосочетаніе великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ.

³⁾ Извѣстные живописцы: Генрихъ Гессъ (Hess, р. 1798 † 1863, въ Мюнхенѣ), Петръ Гессъ (р. 1792 † 1871, въ Мюнхенѣ) и Петръ Корнелиусъ (род. 1787 † 1867).

⁴⁾ Живописецъ Августъ фонъ Байеръ (р. 1803 † 1875, въ Карлсруэ).

⁵⁾ Лео фонъ Кленце (von Klenze, р. 1784 † 1864), извѣстный архитекторъ, которымъ возведено много великолѣпныхъ зданій, особенно въ Мюнхенѣ. Въ Петербургѣ по его планамъ и рисункамъ построено зданіе Императорскаго Эрмитажа; во время производства работъ Кленце семь разъ пріѣзжалъ въ Петербургъ.

достать мнѣ означенные рисунки. А на Корнелиуса напади со стороны совѣсти; онъ далъ мнѣ слово; скажи ему: стыдно де вамъ не держать слова. Прошу тебя и быть моимъ плательщикомъ; а мнѣ назначить, кому заплатить деньги въ Петербургѣ. Вотъ и все тутъ. Остальное очень просто: обнимаю тебя, обнимаю ее, то есть жену твою и желаю вамъ всякаго благополучія. Жуковский.

Н. В. Уложить какъ можно лучше рисунки, во-первыхъ между толстыми картонами, потомъ и въ клеенку ¹⁾).

21.

7-го (19-го) января 1840 г. С.-Петербургъ.

Мой милый Рѣзвый Котъ, поздравляю тебя съ Новымъ годомъ, тебя и твою Кошку. Какъ-то ты встрѣтилъ его; а мы пока хорошо. Но было у насъ очень холодно; а теперь оттепель и лужи. Возобновленный Зимній дворецъ ²⁾ блистаетъ и, несмотря на то, что въ одинъ годъ выросъ изъ своихъ развалинъ, не сыръ и тепелъ. За то мой Шепелевскій дворецъ, въ которомъ я прожилъ ровно 15 лѣтъ, обреченъ на сломку, и я его покидаю, переселяясь на обыкновенную квартиру простыхъ, не дворцовыхъ смертныхъ. Вотъ все, что могу сообщить тебѣ замѣчательнаго изъ моей жизни. Вѣроятно, весною буду къ тебѣ поближе, ибо кажется, что мнѣ предстоитъ походъ на берега Рейна ³⁾). Пока вотъ тебѣ просьба: ты человекъ аккуратный и исполнишь ее въ точности. Кленце писалъ мнѣ, что Корнелио ⁴⁾, Генри и Петръ Гессы общаются мнѣ по рисунку. Хорошо. Но надобно за эти рисунки заплатить и ихъ ко мнѣ доставить такъ, чтобы они гдѣ-нибудь въ Европѣ не запропалились, какъ то разъ уже случилось съ рисунками, посланными мнѣ изъ Венеціи Фрейгангомъ ⁵⁾. Но ты не Фрейгангъ. Вотъ что надобно сдѣлать: снюхайся съ Кленце и узнай отъ него цѣну рисунковъ и заплати, а мнѣ дай назначеніе, кому здѣсь отдать деньги. Это первый пунктъ. Второй пунктъ укладка. Рисунки не свертывать, это ихъ портитъ, а, переложивъ тонкою бумагою, уложить между двумя досками, которыя крѣпко свинтить, обер-

¹⁾ На письмѣ имѣется помята руки Северина: „Отвѣчалъ 15-го (27-го) января (1840)“.

²⁾ Извѣстный пожаръ Зимняго дворца былъ 17-го декабря 1837 года.

³⁾ Въ 1840 году Жуковский сопровождалъ цесаревича Александра Николаевича въ Дармштадтъ.

⁴⁾ Т. е. Корнелиусъ.

⁵⁾ Василій Ивановичъ Фрейгангъ (р. 1783 † 1849), нашъ генеральный консулъ въ Венеціи. Жуковский близко съ нимъ познакомился въ Лейпцигѣ въ 1827 году, когда Фрейгангъ былъ генеральнымъ консуломъ въ Саксонскомъ королевствѣ (см. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 193 и слѣд.).

нута бумагою, потомъ клеенкою. И все это потомъ отправить въ министерство иностранныхъ дѣлъ на имя его высочества наслѣдника; но чтобы его высочеству не вздумалось быть моимъ наслѣдникомъ въ этихъ рисункахъ, сдѣлать особенный адресъ на мое имя, который написать на доскахъ, такъ чтобы, развернувъ клеенку, бросилось прямо въ глаза, кому принадлежить посылка. Если, Коть, поступишь съ настоящею аккуратностію въ семъ важномъ случаѣ, то получишь отъ меня благоволеніе, и я пришлю тебѣ жирную русскую крысу.

Обнимаю тебя и Кошечку. Жуковский.

Приложенное письмо вручи Кленце.

22.

Франкфуртъ на Майнѣ, воскресенье (въ іюлѣ 1840).

Вотъ письмо, которое я къ тебѣ приготовилъ, Коть. Я уже хотѣлъ брать деньги и посылать ихъ въ Минхенъ, какъ узнаю, что ты мяучешь въ Эмсѣ. Какъ тебѣ не стыдно, что ты ко мнѣ не написалъ. Заплати же за оба письма. А ко мнѣ все-таки напиши, куда къ тебѣ переслать деньги. Было бы весьма не худо, когда бы ты поѣхалъ черезъ Дармштадтъ ¹⁾ и тамъ со мною повидался. Только знай, что по субботамъ и воскресеньямъ меня въ Дармштадтъ не бываетъ; эти дни принадлежать Франкфурту. Да и въ пятницу слѣдующую меня не будетъ. Поѣду въ Мангеймъ, куда и принцесса Марія ²⁾ поѣдетъ на свиданіе съ гротгерцогинею Стефаніею ³⁾. Прости, Коть; напиши непременно. Жуковский.

Въ Эмсѣ ли еще графиня Эделингъ ⁴⁾? Поклонись ей отъ моей души, да увѣдомъ, скоро ли она ѣдетъ и куда. Манускриптъ Корфа отдашь Радовицу ⁵⁾, который доставить графинѣ.

¹⁾ Жуковскому было назначено остаться въ Дармштадтѣ и по отъѣздѣ наслѣдника Александра Николаевича, для преподаванія русскаго языка его невѣстѣ, принцессѣ Маріи Гессенъ-Дармштадтской (будущей императрицѣ Маріи Александровнѣ) (см. письмо Жуковскаго къ Е. А. Протасовой отъ 10-го (22-го) августа — 5-го (17-го) сентября 1840 года, напечатанное въ „Русской Бесѣдѣ“ 1859 года, кн. III, Извѣстная словесность, стр. 26).

²⁾ Невѣста цесаревича.

³⁾ Со вдовою великаго герцога Баденскаго Карла-Людвига-Фридриха, великою герцогинею Стефаніею (р. 1789 † 1860).

⁴⁾ Извѣстная графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ († 1844), рожденная Стурдза.

⁵⁾ Извѣстному прусскому государственному дѣятелю и пріятелю Жуковскаго Іосифу фонъ Радовицу (р. 1797 † 1853), котораго біографическій очеркъ написалъ впоследствии Жуковский. Въ это время Радовицъ былъ прусскимъ уполномоченнымъ при Германскомъ Союзѣ.

23.

31-го іюля (12-го августа) (1840 г.) Франкфуртъ на Майнѣ.

Мой милый Сѣверинъ, деньги, которыя я тебѣ долженъ, лежатъ готовыя во Франкфуртѣ у банкира Бетмана. Благодарю за довѣренность. Если поѣдешь обратно по Рейну, то заѣзжай ко мнѣ въ Дюссельдорфъ, гдѣ я пробуду до начала нашего октября ¹⁾. Спроси домъ Рейтерна, котораго ты давно знаешь; у него найдешь меня. Мнѣ весело будетъ тамъ съ тобою, роднымъ товарищемъ, свидѣться, а тебѣ и Кошкѣ твоей не худо и взглянуть на работы дюссельдорфскихъ живописцевъ, да и на меня тутъ же. Обнимаю тебя. Жуковский.

24.

Франкфуртъ на Майнѣ, (31-го) іюля (12-го августа) 1840 г.

Мой милый Сѣверинъ, я писалъ къ тебѣ въ Слевенингенъ. Жаль будетъ, если письмо мое тебя тамъ не застанетъ. Это лишитъ меня свиданія съ тобою въ Дюссельдорфѣ. Деньги твои у моего банкира Бетмана, которому я оставилъ объ нихъ записку. Обнимаю тебя и Кошку. Жуковский.

25.

(1840-хъ годовъ, Франкфуртъ на Майнѣ) ²⁾.

Мой милый, благодарю тебя за кредитъ и возвращаю деньги 473 гульдена. Я поручилъ здѣсь во Франкфуртѣ Радовицу взять вексель и его тебѣ доставить въ Минхенъ. Надобно тебѣ однако сказать, что Кленце ³⁾, бывъ у меня въ Эмсѣ, объявилъ мнѣ, что рисунокъ Корнелиуса ⁴⁾, тобою мнѣ доставленный, не можетъ быть его работы, что Корнелиусъ никогда подобныхъ рисунковъ не дѣлалъ и не дѣлаетъ; что tout au plus это можетъ быть работа его ученика подъ его руководствомъ. Сообщаю тебѣ таковой комеражъ; дѣлай изъ него что хочешь. А я тебя

¹⁾ Въ письмѣ къ Е. А. Протасовой отъ 10-го (22-го) августа—5-го (17-го) сентября 1840 г. Жуковский также писалъ: „Съ нынѣшняго числа (т. е. 5-го (17-го) сентября) останусь здѣсь (т. е. въ Дюссельдорфѣ) ровно мѣсяцъ; потомъ поѣду въ Петербургъ“ (см. „Русская Бесѣда“ 1859 г., кн. III, стр. 41). — Около этого времени Жуковский сталъ женихомъ дочери Рейтерна.

²⁾ Письмо безъ даты; отнесено къ 1840-мъ годамъ по соображенію съ письмами №№ 20 и 21.

³⁾ См. выше, стр. 164, прим. 5-е.

⁴⁾ См. выше, стр. 164, прим. 3-е.

обнимаю. Дальнѣйшее обо мнѣ узнаешь послѣ отъ меня самого или отъ стоустой фамы. Нѣжное объятіе и рукожатіе твоимъ. Жуковский.

473 гульдена составля(ютъ) 270 талеровъ и(ли) 30 кронъ или 85 червонцевъ.

26.

4-е сентября в(оваго) с(тиля) (1845). Франкфуртъ на Майнѣ.

Мой милый Сѣверинъ, я ѣду вмѣстѣ съ женою моею на встрѣчу государыни императрицы, въ Нире(н)бергъ ¹⁾. Прошу тебя меня увѣдомить, если паче чаянія ея маршрутъ перемѣнится, куда она поѣдетъ. Напиши немедленно въ Ниренбергъ на мое имя, *poste restante*. Мы, стало быть, скоро съ тобою увидимся. Обнимаю тебя. До свиданія. Жуковский.

Я выѣзжаю отсюда послѣзавтра, въ субботу, и надѣюсь быть въ Ниренбергъ въ воскресенье. Отвѣчай немедленно.

27.

(31-го августа (12-го сентября) 1845 г. Нюрнбергъ) ²⁾.

Благодарствую, милый Коть, за письмо. Я теперь въ Ниренбергъ, *Rothe Ross* ³⁾, сижу у моря и жду погоды. Здѣсь нашелъ письмо отъ Вьельгорскаго ⁴⁾, который увѣдомляетъ меня о перемѣнѣ путешествія императрицы, мокраго пути на сухой ⁵⁾, по причинѣ худой погоды, ко-

¹⁾ Императрица Александра Ѳеодоровна ѣхала, для восстановления здоровья, въ Италію, гдѣ она пробыла часть осени и зиму 1845 года и весну 1846 года. По возвращеніи моемъ изъ Швальбаха, гдѣ я купался и пилъ *Weinbrunn*,—писалъ Жуковский А. Я. Булгакову 4-го (16-го) сентября 1845 г. изъ Нюрнберга—я получилъ письма изъ Петербурга о ея проѣздѣ черезъ Берлинъ, безъ всякаго означенія маршрута и писемъ. Желая ей представить жену и дочь, я рѣшился ѣхать на перерѣзъ дороги ея въ Ниренбергъ“ (см. Сочиненія Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 561).

²⁾ Письмо не имѣетъ даты; но на адресѣ находится почтовый штемпель: *Nürnberg, 12 Sep. 1845*. На письмѣ сдѣлана помѣта рукою Северина: „Отв. 2-го (14-го) сент.“.

³⁾ Названіе гостиницы.

⁴⁾ Оберъ-шенка и композитора графа Михаила Юрьевича Вьельгорскаго (р. 1787 † 1856), стараго знакомаго Жуковского.

⁵⁾ „Здѣсь (въ Нюрнбергѣ) узналъ я отъ Северина, что государыня поѣхала не моремъ, а сухимъ путемъ и пріѣхала въ Берлинъ не 6-го сентября н. с., а 12-го, и что пробудетъ тамъ до 21-го, что она не въ Ниренбергѣ остановится ночевать, а въ Гофѣ“—писалъ Жуковский А. Я. Булгакову 4-го (16-го) сентября 1845 года (см. Сочиненія Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 561—562).

торая, вѣроятно, уже давно поправилась. Прошу тебя написать изъ Гофа, что узнаешь вѣрнаго о маршрутѣ. Я дождусь императрицы въ Ниренбергъ или въ такомъ ближайшемъ отъ него мѣстѣ, гдѣ, по маршруту, императрица остановится почевать. Всего важнѣе знать скоро, остановится ли она почевать (въ) Ниренбергъ. Увѣдомь меня немедленно объ этомъ въ Ниренбергъ изъ Гофа. Тебѣ уже должна быть тайна сія открыта. Прости. До свиданія. Обнимаю. Жуковскій.

Выставь на пакетъ: très pressée.

28.

3-го (15-го) сентабря (1845). Ниренбергъ.

Благодарствую, мой милый Котъ, за увѣдомленіе ¹⁾, сію минуту мною полученное: безъ тебя я бы пропалъ. Теперь вотъ мой планъ: жену и дочь везти въ Берлинъ мнѣ нельзя, а самому еще можно будетъ захватить тамъ императрицу. Я намѣренъ завтра 4-го (16-го) отправиться по желѣзной дорогѣ въ Бамбергъ. 5-го (17-го) изъ Бамберга въ Барейтъ ²⁾. 6-го (18-го) изъ Барейта въ Гофъ. Тамъ оставляю жену подъ твоимъ покровительствомъ и поѣду по почтѣ до Альтенбурга; откуда по желѣзной дорогѣ въ Берлинъ. Могу быть въ Берлинѣ 19-го ввечеру. Изъ Берлина вмѣстѣ съ императрицею доѣду по желѣзной дорогѣ до Лейпцига, гдѣ, вѣроятно, она будетъ почевать, и оттуда прямо въ Гофъ, гдѣ и дождусь ее съ женою. А тебя, милый Котъ, прошу позаботиться о насъ и приготовить намъ квартиру въ Гофѣ на вечеръ 17-го (ибо можетъ случиться, что, если погода будетъ благопріятствовать, мы изъ Бамберга поѣдемъ прямо въ Гофъ, не останавливаясь въ Барейтѣ). Ты же (прошу убѣдительно) отвѣчай на это письмо немедленно въ Бамбергъ или въ Барейтъ *poste restante*; я въ обоихъ городахъ, на проѣздѣ, пошлю на почту. Еще разъ благодарю тебя; радуюсь сердечно скорому свиданію со старымъ, вѣрнымъ другомъ. Увѣдомь въ письмѣ, гдѣ найти тебя въ Гофѣ и гдѣ будетъ наша квартира. Если можно, займи двѣ горницы для меня и жены и комнатку для челоуѣка. Ну! ужъ такой возни давно со мною не было. Гдѣ дворъ, тамъ шумъ и волненіе. Я же принужденъ путешествовать медленно потому, что со мною малютка дочь; и она отъ дороги не совсѣмъ здорова. Да и жена должна была остановиться на два дни въ Вирцбургѣ за нездоровьемъ.—Она сердечно тебѣ кланяется. Ты ее видѣлъ невѣстою. Теперь увидишь съ

¹⁾ См. предыдущее письмо, стр. 158, прим. 5-е.

²⁾ Такъ пишетъ Жуковскій вездѣ и далѣе вмѣсто: Байрейтъ.

невѣстою-дочкою двухъ съ половиною лѣтъ; и съ сыномъ-женихомъ 9 мѣсяцевъ-⁴⁾). Твой Святлана.

29.

17-го сентября (н. ст. 1845 г.).

Я ночевалъ въ Бамбергѣ и сейчасъ отправляюсь въ Барейтъ, гдѣ буду ночевать. Съ маленькою двухлѣтнею дѣвченкою ѣзда плохая. Надѣюсь найти отъ тебя письмо въ Барейтъ; а завтра увижу тебя, вѣроятно, въ Гофѣ. На всякой случай оставь мнѣ въ Гофѣ записку о маршрутѣ императрицы, если паче чаянія что-нибудь заставитъ тебя уѣхать изъ Гофа. Боюсь, чтобы все еще какъ-нибудь не перепуталось. Въмѣсто 8-ми дней, какъ я полагалъ, я пространствую три недѣли и вмѣсто 50 миль взадъ и впередъ проскачу 90, не считая желѣзныхъ дорогъ; мошна моя охнула и лопнула. Ты очень одолжишь меня, если дашь мнѣ гульденовъ 200, кои возвращу тотчасъ по приѣздѣ въ Франкфуртъ; со мной есть кредитивъ, но на него здѣсь мнѣ никто не дастъ денегъ; онъ адресованъ на Бетмана во Франкфуртъ. Прощай. До свиданія. Жуковский.

30.

17-го сентября (н. ст. 1845 г.).

Вотъ я и въ Барейтъ, любезнѣйшій Коть, и получилъ твое письмо, и опять въ недоумѣнн. Ты мнѣ назначилъ только два ночлега императрицы; для чего не назначилъ третьяго? Вѣроятно, онъ уже назначенъ и, вѣроятно, долженъ быть въ Барейтъ. Если въ Барейтъ, то для чего мнѣ тащить жену и дочь по горамъ, въ тяжеломъ экипажѣ, по скверной шоссе въ Гофъ? Она легко могла бы дождаться ея въ Барейтъ, гдѣ мы очень уютно помѣстились въ Солнцѣ⁵⁾), сирѣчь въ Фебѣ, моемъ давнишнемъ отцѣ и командирѣ. И кажется мнѣ, что ей нельзя будетъ переѣхать изъ Гофа прямо въ Бамбергъ. Мы едва дотащились сюда къ псходу шестаго часа, выѣхавъ изъ Бамберга въ 9 и почти не останавливаясь для обѣда. Императрица скорѣ насъ по горамъ не поѣдетъ; и должна будетъ приѣхать ввечеру поздно въ Бамбергъ. Хорошо ли это будетъ для ея здоровья? На Кульмбахъ же дорога изъ Гофа

⁴⁾ Александра Васильевна Жуковская родилась 30-го октября (11-го ноября) 1842 г. (впоследствии была замужемъ за барономъ Вѣрманомъ и скончалась въ 1899 году), а Павелъ Васильевичъ Жуковский родился 1-го января 1845 года.

⁵⁾ Гостиница Sonne.

хуже и гористѣе. Такъ все это мнѣ здѣсь рассказываютъ. Итакъ я долженъ предположить, что третій ночлегъ ея будетъ въ Барейтѣ. Если жъ я не ошибаюсь, то будетъ гораздо лучше, если я оставлю жену и дочь въ Барейтѣ. Это избавитъ ихъ отъ тяжкихъ 16 миль по горамъ, ибо для возвращенія во Франкфуртъ изъ Барейта и изъ Гофа нѣтъ другой, легчайшей дороги, какъ чрезъ Бамбергъ, Вирцбургъ и Ашафенбургъ (отъ Вирцбурга на пароходѣ до крыльца моего дома во Франкфуртъ). Еслибъ я зналъ весь маршрутъ императрицы, то не тронулся бы изъ Ниренберга, ибо, вѣроятно, четвертый ночлегъ ея будетъ въ Ниренбергѣ. Все это заставляетъ меня остановиться на день въ Барейтѣ и просить тебя написать мнѣ обстоятельный отвѣтъ на всѣ мои вышеозначенные запросы. Такой возни со мною давно не бывало; и я такъ отвыкъ отъ всякой возни, что теперь почти одурѣлъ. Не сердись на меня, Коть, за то, что такъ тебя торможу своими письмами. Я съ тобою не перемонюся; мы оба посѣдѣли, но другъ для друга молоды и останемся молоды Арзамасскою дружбою.

Ты долженъ теперь имѣть весь маршрутъ императрицы. Пришли мнѣ его немедленно. Онъ рѣшитъ судьбу моего странствія. Это письмо ты получишь завтра въ 11 часовъ, а въ часъ отходить изъ Гофа почта; эта почта прибудетъ въ Байрейтъ въ 9 часовъ вечера. Пришли мнѣ съ нею отвѣтъ. Да нѣтъ ли въ Гофѣ на почтѣ писемъ на мое имя чрезъ Ниренбергъ? Пришли ихъ также. Подумай также и о денежной статьѣ, находящейся въ моемъ письмѣ къ тебѣ изъ Бамберга. Для большаго тебѣ облегченія прилагаю свой маршрутъ, на которомъ выставъ числа. До свиданія. Твой Свѣтлана.

31.

15-го (27-го) сентября 1845 г. Ниренбергъ.

Ты такъ быстро исчезъ изъ Ниренберга, что я и вслѣдъ тебѣ не успѣлъ закричать моего прости. Посылаю его тебѣ письменно съ душевною благодарностью за новые знаки старой дружбы въ послѣднее время. Жена тебя также благодаритъ. А Сашка, надѣюсь, долго не забудетъ министра-танцмейстера. Прошу тебя, мой милый, сдѣлать мнѣ большое одолженіе: съ той черты, на которой ты разстанешься съ нашею милою путешественницею, напиши мнѣ нѣсколько словъ о состояніи ея здоровья. Кажется, можно надѣяться, что это путешествіе и потомъ покойная жизнь подъ небомъ Италіи принесетъ ей пользу. Напиши тотчасъ, какъ скоро повориши оглобли для возвращенія на свое озеро. А пріѣхавъ туда, поклонись отъ насъ твоей доброй женѣ. Прости. Обнимаю сердечно. Жуковский.

32.

17-го (29-го) октября 1845 г. Франкфуртъ.

Благодарю тебя, мой милый Коть, за твое любезное мурлыканье изъ Иншпрука; послѣ него уже дошло до меня чириканье изъ Комо отъ фрейлины Окуловой ¹⁾, увѣдомившей меня о благополучномъ путешествіи императрицы; скоро надѣюсь получить торжественное ржаніе Маркуса ²⁾ изъ Палермо, которое, надѣюсь, подтвердитъ всѣ прежнія вѣсти и упрочить наши веселыя надежды. Мое свиданіе съ императрицею, несмотря на всю передрагу, которой ты былъ и свидѣтелемъ, и участникомъ, оставило глубокий слѣдъ на душѣ моей: нигдѣ бы моя жена не могла къ ней такъ приблизиться и такъ изъ близи узнать ее, какъ въ Ниренбергѣ. Воспоминая объ этомъ свѣтломъ ниренбергскомъ днѣ, и я, и жена всегда чувствуемъ теплоту на сердцѣ. Богъ да сохранить это прекрасное Свое созданіе. Увидѣвъ ее, я успокоился насчетъ будущаго: разрушительной болѣзни нѣтъ. Просто нервическое разстройство; путешествіе будетъ для нея исцѣленіемъ.—Повторяю тебѣ мою благодарность за твою дружбу и снова изъявляю сожалѣніе, что съ тобою не простился. Спѣшу увѣдомить тебя, что денежный нашъ расчетъ конченъ: я счелся съ Бетманомъ, который заплатилъ 60 червонцевъ, должныя мною тебѣ, Эйхталю. Благодарю за кредитъ. Если мнѣ случится, при отъѣздѣ въ Петербургъ, нужда въ деньгахъ, то могу ли прибѣгнуть къ твоему кошельку? Отвѣчай на это. Получивъ здѣсь, могу заплатить твоему петербургскому корреспонденту, какъ то уже и было разъ по поводу бернской коляски.—Теперь два слова о дѣлѣ. Императрица купила въ Ниренбергѣ готическій алтарь съ живописными копіями А. Дюреровыхъ ³⁾ апостоловъ. Въ среднѣй этого алтаря было рѣзное изъ дерева изображеніе Мадонны. Императрица приказала замѣнить его живописною копіею какой-нибудь Дюреровой Мадонны. Художникъ Ротермундъ, который вырѣзывалъ изъ дерева алтарь и у котораго онъ былъ купленъ императрицею, получилъ отъ меня за него всю сумму 300 гульденовъ, въ чемъ и далъ мнѣ росписку. Деревянное изображеніе Мадонны вынута и отдано мнѣ; оно должно быть замѣнено живописною копіею съ А. Дюрера, что взялся исполнить Ротермундъ и за что должно будетъ ему заплатить особенно; онъ же долженъ взять на себя и укладку алтаря для отправленія его въ Петербургъ. Но плату за живописную копію и за отправленіе изъ Ниренберга по каналу, Майну и Рейну до

¹⁾ Анны Алексѣевны, бывшей наставницею великой княжны Ольги Николаевны.

²⁾ Михаила Антоновича, лейбъ-медика.

³⁾ Знаменитый нѣмецкій живописецъ Альбрехтъ Дюреръ (р. 1471 † 1528).

Любека и изъ Любека должна взять на себя наша миссія, слѣдовательно ты, представитель Россіи въ Баваріи и всѣхъ городахъ ея. Вотъ почему и обращаюсь къ тебѣ съ официальнымъ письмомъ, по которому прошу тебя снестись съ Ротермундомъ и назначить ему, чтобы немедленно, по окончаніи своей работы, тебя о томъ увѣдомилъ. Ты уже тогда самъ придумаешь, какъ лучше переслать алтарь. А дополнительную плату за работу и плату за пересылку возми на себя.

Ну, прощай; дружески обнимаю тебя и цѣлую лапку твоей милой Кошечки. Моя Свѣтлана-жена и Свѣтланочка-дочь тебѣ нѣжно кланяются. Последняя съ тѣхъ поръ, какъ ты потанцевалъ передъ нею, часто и весьма удачно кривляется. Жуковский.

33.

19-го (31-го) марта 1846 г. Франкфуртъ.

Мой милый Котъ, видно, опять намъ придется дружески помянуть вмѣстѣ: императрица, какъ я слышалъ, возвращается опять тою же дорогою въ Россію. На какіе города и когда она поѣдетъ, это еще таится въ лонѣхъ безсмертныхъ, какъ говорятъ Одиссей. Но изъ смертныхъ конечно одинъ изъ первыхъ (ты) узнаешь эту тайну. Какъ скоро узнаешь ее, то сообщи ее немедленно твоему вѣрному арзамасцу Свѣтланѣ въ халдейскій городъ Франкфуртъ на Майнѣ. Что будетъ далѣе, не вѣдаю, но весьма вѣроятно, что мы свидимся гдѣ-нибудь въ одномъ изъ городовъ, подчиненныхъ твоей миссіи. Но жена моя уже со мной не поѣдетъ; и Сашка моя уже не заставитъ тебя передъ нею кобениться. Хорошо, когда бы ты вздумалъ сдѣлать крюкъ на возвратномъ твоёмъ пути отъ Гофа (до котораго во всякомъ случаѣ ты долженъ будешь проводить императрицу) въ Минхенъ, заглянуть во Франкфуртъ, чтобы представиться будущему арзамасцу, собственному моему сыну Павлу Васильевичу, который славный мальчишка; онъ уже начинаетъ ходить и, какъ прилично арзамасцу, переваливается съ ноги на ногу, какъ гусь.

Прощай, Котъ; обними за меня твою милую Кошечку. А жена тебѣ дружески кланяется и проситъ тебя хорошенько отрекомендовать ее милой Кисынькѣ. Свѣтлана ¹⁾).

34.

10-го апрѣля п. ст. 1846 г. ²⁾).

Благодарю тебя, мой милый Котъ, за твою дружескую заботливость. Ты истинный, неизмѣнный арзамасецъ. Продолжай, какъ началъ, и увѣ-

¹⁾ На письмѣ сдѣлана Северинимъ помѣта: „Отвѣчалъ 23-го марта (4-го апрѣля) 1846“.

²⁾ На письмѣ имѣется помѣта Северина: „Отвѣчалъ 9-го (21-го) апрѣля“.

домляй меня поспѣшно и толко(во) о ходѣ нашего дѣла. Одна изъ хорошихъ сторонъ этого дѣла есть та, что мы опять съ тобою увидимся. Надѣюсь, что мнѣ здоровье мое (которое со времени нашей разлуки, особенно во все продолженіе зимы, было плохо.....¹⁾) не помѣшаетъ мнѣ совершить желаемого путешествія и встрѣтить гдѣ-нибудь императрицу съ ея благословенною невѣстою²⁾. Итакъ повторяю, продолжай увѣдомлять меня, какъ началъ; только пиши поразборчивѣе. Какъ нарочно, въ такихъ мѣстахъ, которыя бы мнѣ хотѣлось вполнѣ разобрать, я встрѣтилъ у тебя такія классическія закорючки, что маленькое письмо твое вдругъ получаетъ въ глазахъ моихъ характеръ Луксорскаго обелиска, покрытаго неизъяснимыми іероглифами. Я очень радъ, что имѣю отъ тебя извѣстіе о нашемъ Стурдзѣ³⁾, къ которому храню въ сердцѣ своемъ и дружбу, и глубокое уваженіе такъ же, какъ къ его семейству. Память о Гуфеландѣ⁴⁾ всегда останется во мнѣ жива и благоговѣйна. И графиня Эделингъ⁵⁾ никогда не умретъ въ ней. Какое было бы для меня услажденіе встрѣтиться съ Стурдзою. Какъ было бы для меня важно услышать его мнѣніе о м о е й Одиссеѣ⁶⁾. Его одного мнѣніе въ семъ отношеніи перевѣситъ для меня судъ всѣхъ нашихъ (и чужихъ) литераторовъ⁷⁾ (до котораго, вѣроятно,

¹⁾ Одна фраза при печати выпущена.

²⁾ Съ великою княжною Ольгою Николаевною, помолвленной за наследнаго принца Виртембергскаго Карла. Торжественное обрученіе великой княжны было совершено въ Петергофѣ 25-го іюня 1846 г.

³⁾ Александръ Скарлатовичъ.

⁴⁾ Извѣстномъ врачѣ и писателѣ Христіанѣ-Вильгельмѣ Гуфеландѣ (Hufeland, р. 1762 + 1836), на дочери котораго былъ женатъ А. С. Стурдза. Съ Гуфеландомъ Жуковскій познакомился въ Берлинѣ въ 1820 году; изъ дневника его видно, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на него Гуфеландъ (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 87 и 89—90).

⁵⁾ Сестра А. С. Стурдзы (см. выше, стр. 156, прим. 4-е).

⁶⁾ Въ это время Жуковскимъ были уже переведены первыя двѣнадцать пѣсенъ Одиссеи.

⁷⁾ Впослѣдствіи, въ началѣ 1849 года, Северинъ сообщилъ Жуковскому самый сочувственный отзывъ Стурдзы о переводѣ Одиссеи. Жуковскій 11-го марта и. ст. 1849 г. писалъ Северину: „Благодарствую, Котикъ, за доставленіе письма Стурдзы. Оно меня весьма, весьма порадовало. Приложенная вѣньетка изобразить для твоихъ очей видим о и для твоихъ бархатныхъ лапокъ п а л п а б е л ь н о, что значитъ для меня мнѣніе Стурдзы о моемъ переводѣ Одиссеи. (Затѣмъ нарисованы вѣсы; на одной ихъ чашкѣ, которая перетягиваетъ, написано: „Выписка изъ письма Стурдзы къ Сѣверину“, а на другой: „Мнѣнія о переводѣ Одиссеи В. А. Жуковскаго литераторовъ Германіи, Англіи, Франціи, Италиі и пр., и пр., и пр., и даже Россіи“). Видишь, какъ оно для меня увѣсисто“ (см. „Русскій Архивъ“ 1900 года, сентябрь, стр. 44).

мнѣ нѣтъ никакого дѣла, ибо мой трудъ предпринять не для угожденія вкусу нашего времени и даже не для приобрѣтенія лоскуточка славы, который въ наше время сдѣлался нечистою тряпкою, а просто для наслажденія поэзіею во всей ея дѣвственной чистотѣ). Мнѣніе же Стурдзы было бы для меня поэтическою потѣхою и въ то же время вѣрною оцѣнкою труда высокаго. Скажи ему это отъ меня и пошли ему въ письмѣ своемъ дружеское мое объятіе. Въ то же время скажи, что господинъ Émile, котораго я фамилии не разобралъ въ твоёмъ письмѣ, никакихъ книгъ отъ него не присылалъ мнѣ. Я былъ бы весьма обрадованъ, если бы онъ не поскупился прислать мнѣ другой экземпляръ этихъ книгъ, которыя по своему титулу весьма для меня приманчивы: если же у него нѣтъ экземпляра, то прошу тебя прислать свой для прочтенія. Также нѣтъ ли у тебя и его прежняго сочиненія о Церкви Православной ¹⁾? Пришли все и скорѣе. То, что ты написалъ мнѣ о страхахъ Стурдзы насчетъ моего православія (какъ я догадываюсь), написано такъ неразборчиво, что мнѣ и отвѣчать на это нельзя почти ничего. Скажи Стурдзѣ, что мы идемъ вмѣстѣ съ моею женою рука въ руку къ одной цѣли по двумъ дорогамъ, которыя такъ смежны одна съ другою, что намъ можно и держаться другъ за друга каждому, и оставаться, не сбиваясь, на собственной дорогѣ своей.

Прощай. Жена вамъ сердечно кланяется, тебѣ и своей любезной незнакомкѣ-Кошечкѣ. Жуковскій.

35.

12-го (24-го) апрѣля (1846, Франкфуртъ) ²⁾.

Котъ! Благодарствую за твое любезное письмецо. Не прошу тебя продолжать быть всегда столь любезнымъ, ибо это въ твоей натурѣ и просьба моя была бы излишнею. Пишу къ тебѣ два слова; первое мое слово коротко, но оно перевѣситъ всѣ слова, вмѣстѣ взятыхъ, цѣлаго міра—Христосъ воскресъ! Второе мое слово: какъ хочешь, доставь мнѣ книги Стурдзы, всѣ, означенныя въ письмѣ твоёмъ. Если Стурдза отправился уже въ путь обратный, то напиши къ нему въ Одессу, чтобы, хорошенько зашивъ въ клеенку книги, отправилъ ихъ въ Петер-

¹⁾ Сочиненіе А. С. Стурдзы „Considérations sur la doctrine et l'esprit l'église orthodoxe“, изданное въ 1817 году.

²⁾ Письмо имѣетъ адресъ: „A son excellence monsieur de Severine, ministre de S. M. l'Empereur de Russie près de la Cour de Bavière. A Munich“ почтовые штемпели: 1) Frankfurt 25 Apr. 1846. и 2) München 27 Apr. 1846 а также отмѣтку Северина: „Отвѣчалъ 19-го апрѣля (1-го мая)“.

бургъ на имя его высокоблагородія Ростислава Родіоновича Родіонова ¹⁾ въ канцелярію государыни императрицы для немедленнаго доставленія В. А. Ж. Такъ книги дойдутъ до меня вѣрно. А я жажду ихъ прочитать.

Прощай. Фырки отъ меня дружескій поклонъ твоей Кошечкѣ. Жена вамъ обоимъ кланяется съ сердечнымъ привѣтствіемъ. Свѣтлана.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Р. Р. Родіоновъ былъ старшій чинovníкъ собственной ея величества канцеляріи и исполнялъ разнаго рода порученія Жуковскаго, когда послѣдній жилъ за границею.

АЛЬБОМЪ В. А. ЖУКОВСКАГО
принесенный имъ въ даръ Н. Ц. В. К. Александру Николаевичу.

Meinem lieben Zoukowsky
zum Andenken
von Friedrich Brand.

Berlin
4 Februar 1825

Friedrich Wilhelm
Friedrich Brand

Эту книгу особенно мне драгоценную — въ томъ надписи,
которую на ней сделана — пишу вамъ, мой другъ, въ память
того, что вы, когда вы записали въ ней мои письма, не
слишкомъ давно, когда вы были полны въ жизни и въ любви
и тогда, со временемъ, составили для себя книгу, весьма важную
и необходимую, которую, какъ вы знаете, вы, какъ
государственный; а когда это случилось, то вы, какъ вы
уже, уже, уже и теперь.

Жуковский

12. Января. 1834.

Первая страница альбома.

Наверху надпись Фридриха Вильгельма Наслѣд. Прусс.

Внизу приписка В. А. Жуковского.

А Л Ь Б О М Ъ,
ПОДАРЕННЫЙ
ФРИДРИХОМЪ - ВИЛЬГЕЛЬМОМЪ
НАСЛѢДНИКОМЪ ПРУССКИМЪ
ВАСИЛЮ АНДРЕЕВИЧУ ЖУКОВСКОМУ,
А ПОСЛѢДНИМЪ, ПРИНЕСЕННЫЙ ВЪ ДАРЪ
НАСЛѢДНИКУ ЦЕСАРЕВИЧУ
ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ
АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ,
ВПОСЛѢДСТВІИ
ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II.

I.

Лѣтомъ 1901 года, интересуясь бумагами и рисунками Василия Андреевича Жуковского, хранящимися въ Собственной Его Императорскаго Величества библіотекѣ въ Зимнемъ дворцѣ въ С.-Петербургѣ, я имѣлъ возможность ¹⁾ познакомиться съ интереснымъ содержаніемъ шкатулки императора Александра II, заключающей въ себѣ нѣсколько историко-литературныхъ реликвій, дорогихъ и для скромнаго наставника наслѣдника престола и для его ученика, будущаго Царя-Освободителя, и для всѣхъ тѣхъ, кому дороги эти имена...

Въ этой шкатулкѣ находятся: альбомъ наслѣдника цесаревича, рисунки В. А. Жуковского и учебныя тетрадки великой княгини Александры Теодоровны.

Альбомъ представляетъ довольно объемистую тетрадь, плотной разноцвѣтной бумаги, переплетенную въ роскошный, кожаный, зеленый переплетъ, съ золотымъ по красному тисненіемъ. Орнаментація полу-восточная и посрединѣ переплета, какъ на передней, такъ и на задней крышкѣ, повидимому, турецкія надписи.

Альбомъ снабженъ бронзовой, золоченой, украшенной рѣзнымъ отъ руки плоскимъ орнаментомъ застежкой, приспособленной къ тому, чтобы она могла быть запираема всякимъ замочкомъ.

¹⁾ Благодаря любезности и вниманію завѣдующаго собственною Его Величества библіотекою его превосходительства Рихарда Александровича Гримма, которому не могу не принести моей искренней благодарности.

II.

На первомъ листѣ альбома наслѣдникомъ прусскаго престола Фридрихомъ-Вильгельмомъ ¹⁾ сдѣлана слѣдующая собственноручная надпись:

Meinem lieben Goukowsky

zum Andenken

von freundes Hand

Berlin.

Friedrich Wilhelm

4 Februar 1825 ²⁾).

Kronprinz v. Preussen

Затѣмъ рукою В. А. Жуковского приписано:

«Эту книгу особенно мнѣ драгоцѣнную ³⁾ по той надписи, которая на ней сдѣлана—приношу вамъ, мой безцѣнный великій князь, для того, чтобъ вы записывали въ ней такія только мысли, кои наиболѣе могутъ быть вамъ полезны въ жизни и изъ коихъ можете со временемъ составить для себя коренныя, весьма не многія, но необходимыя правила поступковъ какъ нравственныхъ, такъ и государственныхъ, а какія это правила, то скажетъ вамъ наука, умъ, сердце и опытъ

22-го апрѣля 1834.

Жуковскій

На второмъ и слѣдующихъ листахъ Жуковскимъ же написано для великаго князя слѣдующее разсужденіе:

«Христось Воскресе! Въ этомъ словѣ заключается вся судьба чело-

¹⁾ Наслѣдникъ прусскаго престола Фридрихъ-Вильгельмъ сынъ прусскаго короля Фридриха-Вильгельма III и братъ принцессы Фредерики-Луизы-Шарлоты-Вильгельмины, потомъ великой княгини Александры Ѳеодоровны, супруги великаго князя Николая Павловича (род. въ 1797 г. вступилъ на престолъ подъ именемъ Фридриха-Вильгельма IV въ 1840 г., ум. въ 1861 г.).

²⁾ Моему любимому Жуковскому на память отъ дружеской руки. Фридрихъ-Вильгельмъ наслѣдникъ прусскій. Берлинъ. 4-го февраля 1825.

³⁾ В. А. Жуковскій очень любилъ кронпринца Фридриха-Вильгельма, съ которымъ познакомился въ въ Берлинѣ въ 1820 году.—Во время своего довольно долгаго житія въ этомъ городѣ въ 1820 и 1821 г. Жуковскій очень часто видѣлся съ кронпринцемъ и близко сошелся съ нимъ. Въ одномъ изъ писемъ къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ онъ пишетъ напри- мѣръ о немъ такъ:

«Онъ оказываетъ мнѣ самую трогательную для меня благосклонность за которую плачу ему сердечною привязанностью. Я нѣсколько разъ имѣлъ честь у него обѣдать въ его маленькомъ обществѣ и провелъ вмѣстѣ съ нимъ два пріятнѣйшихъ вечера у М-me Wildermeth. Въ оба раза читали Клейстову трагедію „Der Prinz von Homburg“. Было много спору и смѣху“ (Письмо В. А. Жуковского изъ Берлина отъ 26-го ноября (12-го декабря) 1821 года къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ).

вѣка и то, что онъ нѣкогда былъ, и то, что онъ можетъ быть на землѣ, и то, къ чему предназначенъ за гробомъ. Всякое земное величіе изчезаетъ предъ величіемъ этого слова, всякое земное несчастіе уничтожается передъ его небеснымъ утѣшеніемъ, всякое истинное сокровище души становится въ немъ неизмѣннымъ, прямо нашимъ, на всю жизнь и далѣе жизни. Оно возвышаетъ нашъ умъ въ вѣру, наше чувство въ надежду, нашу волю въ любовь, оно даруетъ человѣку его собственное достоинство: смиреніе.

«Христосъ Воскресе! А этимъ благовѣстительнымъ словомъ встрѣтилъ васъ народъ московскій въ минуту вашего рожденія. То былъ день прекрасный ').

Какъ ясный Богъ, горѣло солнце славой,
Изъ храмовъ гласъ моленій вылеталъ,
И тишины исполненъ величавой
Торжественно державный Кремль стоялъ.....
На праздникъ великомъ воскресенья
Народъ тѣснился ко ступенямъ алтаря,
Смиренно ждалъ надежды совершенья,
Ждалъ милаго пришельца въ Божій свѣтъ....
И онъ рожденъ въ великомъ градѣ славы
На высотѣ воскресшаго Кремля,
Здѣсь возмужалъ орелъ нашъ двоголавный,
Кругомъ его и небо и земля,
Питавшія Россію съ колыбели,
Здѣсь жизнь отцевъ великая была,
Здѣсь битвы ихъ за честь и Русь кипѣли,
И здѣсь ихъ прахъ могила приняла—
Обманетъ ли сіе знаменованье?
Пусть отъ плена въ свѣтъ онъ перейдетъ
Съ душой на все прекрасное готовой,
Наставленный: достойнымъ счастья быть,
Великое съ величіемъ сносить,
Не трепетать, встрѣчая рокъ суровый,
И быть въ дѣлахъ временъ своихъ красой,
Лѣта пройти.... Подвижникъ молодой
Опъ полетитъ въ путь опыта и славы.

') Далѣе слѣдуетъ стихотвореніе, которое составляетъ сокращеніе стихотворенія Жуковскаго же, написаннаго имъ въ 1818 году и которымъ онъ привѣтствовалъ рожденіе великаго князя, предсказывая ему славу въ будущемъ.

Стихотвореніе это носитъ слѣдующее названіе: „Государынѣ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ на рожденіе Великаго Князя Александра Николаевича посланіе“.

Жуковскій взялъ изъ всего этого „Посланія“, заключающаго въ себѣ 178 стиховъ, только слѣдующіе 34 стиха и при этомъ онъ нѣсколько передѣлалъ ихъ.

Да встрѣтитъ онъ обильный честию вѣкъ.
 Да славнаго участникъ славный будетъ,
 Да на чредѣ высокой не забудеть
 Святѣйшаго изъ званій: челоуѣкъ ¹⁾,
 Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
 Для блага всѣхъ—свое позабывать,
 Лишь въ голосъ отечества свободномъ
 Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
 Вотъ правила царей великихъ внуку.

«Это было написано тогда мною. Въ то время я еще не подозревалъ, какое мѣсто мнѣ судьба подлѣ васъ готовила. Я просто пророчилъ, слѣдуя влеченію сердца. Теперь наступило время, въ которое пророчеству моему должно оказаться справедливымъ или ложнымъ. Надѣюсь на первое.

«Христосъ воскрес! Это благовѣстительное слово встрѣтило васъ при входѣ вашемъ въ храмъ, гдѣ надлежало совершиться вашему первому рѣшительному дѣйствию, вашей присягѣ ²⁾. Но что же и весь міръ, какъ не храмъ Божій? Что наша жизнь, какъ не всегдашняя присяга передъ Богомъ? А въ жизни не все ли, безпрестанно, вездѣ и явно и тайно повторяетъ намъ: Христосъ воскрес!

«Ваша присяга произнесена, Богъ васъ слышалъ: теперь все свойство вашей жизни должно переимѣниться. Беззаботное ребячество кончилось, время спокойной безусловной покорности чужому руководству ³⁾ прошло, и хоть вамъ еще нельзя обойтись безъ помощи руководителей, но уже для васъ настала болѣе трудная пора произвольной покорности долгу; совѣсть вступила для васъ въ строгія права свои, отвѣтственность за себя теперь вы приняли на самого себя, ибо вы ясно понимали то, что говорили передъ Святѣмъ Евангеліемъ, въ присутствіи государя и отца, передъ надѣющимся на васъ отечествомъ... Но вамъ остается еще нѣсколько лѣтъ свободныхъ, и ваша существенная теперь обязанность, ваша вѣрность данной присягѣ должна состоять единственно въ томъ, чтобы по совѣсти воспользоваться остающимися годами свободы, чтобы утвердить свой характеръ, дать зрѣлость уму, скопить необходимыя для будущаго знанія и правила поступковъ, чтобы, однимъ словомъ, приготовиться къ высокому своему назначенію.

¹⁾ Напечатанное разрядкою подчеркнуто въ подлинникѣ.

²⁾ Въ этотъ же день, 22-го апрѣля 1834 года, наследникъ цесаревичъ великій князь Александръ Николаевичъ по случаю совершеннолѣтія своего (ему исполнилось 16 лѣтъ 17-го апрѣля того же года) приносилъ присягу.

³⁾ Напечатанное здѣсь и далѣе разрядкою подчеркнуто самимъ Жуковскимъ.

«Наконецъ, говорю вамъ: Христосъ Воскресе! какъ утѣшительное слово при первомъ несчастіи жизни, говорю именемъ того ¹⁾, кто уже вамъ никогда его не скажетъ на этомъ свѣтѣ, кто былъ вашимъ первымъ и лучшимъ другомъ, кто за васъ положилъ свою душу, и чье послѣднее слово на землѣ было ваше имя. Въ Христіанскомъ братскомъ привѣтѣ моемъ примите и его прощальное слово любви, и его завѣщаніе на здѣшнюю вашу жизнь и его надежду на радостное свиданіе съ вами

¹⁾ Рѣчь идетъ о Мердерѣ. Генералъ-адъютантъ Карлъ Карловичъ Мердеръ, род. въ 1788 году, ум. въ 1834 году, былъ воспитателемъ наслѣдника цесаревича великаго князя Александра Николаевича. Императоръ Николай Павловичъ обратившій вниманіе на Мердера, какъ на чловека, обладавшаго выдающимися педагогическими способностями (какъ командира роты въ Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ), а также прекраснымъ, кроткимъ характеромъ и рѣдкимъ умомъ, назначилъ его на должность воспитателя наслѣдника престола.

Къ исполненію своихъ обязанностей Мердеръ приступилъ 12-го іюня 1824 года, когда великому князю было еще только 6 лѣтъ, и исполнялъ ихъ въ продолженіе почти 10 лѣтъ вплоть до своего отъѣзда для лѣченія за границу, гдѣ, въ Римѣ, онъ и скончался 24-го марта 1834 года.

Жуковский въ своемъ „Воспоминаніи о К. К. Мердерѣ“ даетъ очень симпатичную характеристику этого чловека.

„Отмѣнно здравый умъ,—говорить Жуковский,—рѣдкое добродушіе и живая чувствительность, соединенные съ холодной твердостью воли и неизмѣннымъ спокойствіемъ души, таковы были отличительныя черты его характера. Съ сими свойствами, дарованными природою, соединялъ онъ живыя правила, извлеченныя имъ изъ опыта жизни, правила, отъ коихъ ничто никогда не могло отклонить его въ поступкахъ. Спокойно и смиренно дѣйствовалъ онъ въ кругу своихъ обязанностей, руководимый одною совѣстію, вѣрный долгу, безъ честолюбія, безъ видовъ корысти, строгій съ самимъ собою и удивительно добродушный съ другими. Десять лѣтъ, проведенныхъ имъ при великомъ князѣ, конечно, оставили глубокіе слѣды на душѣ его воспитанника, по въ данномъ имъ воспитаніи не было ничего искусственнаго: вся тайна состояла въ благодѣтельномъ, тихомъ, но безпрестанномъ дѣйствіи прекрасной души его, дѣйствіи, которое можно сравнить съ благораствореніемъ воздуха, необходимымъ для жизни и полнаго развитія растеній. Его питомецъ былъ любимъ нѣжно, жилъ подѣ святымъ вліяніемъ прямодушія, честности, благородства; онъ окруженъ былъ порядкомъ, самая строгость принимала съ нимъ выраженіе нѣжности; онъ слышалъ одинъ голосъ правды, видѣлъ одно безкорыстіе—могла ли душа его, отъ природы благородная, не сохраниться свѣжею и непорочною, могла ли не полюбить добра, могла ли въ то же время не приобрѣсти и уваженія къ чловечеству, столь необходимаго во всякой жизни, особливо въ жизни близъ трона и на тронѣ?

„Будемъ же радоваться, что душа наслѣдника Россіи на разсвѣтѣ своемъ встрѣтилась и породнилась съ прекрасною душою Мердера“.

Нельзя сомнѣваться, что великій князь горячо любилъ своего воспитателя и друга и что его смерть была для него дѣйствительно первымъ несчастіемъ въ настоящей жизни, въ которую онъ только-что съ принесеніемъ присяги торжественно вступилъ.

тамъ, гдѣ у отца обитателей много. Примите это несчастіе, какъ даръ Божій: оно послано вамъ отъ промысла во благую минуту, при самомъ первомъ приступѣ вашему къ жизни, когда вы, какъ наслѣдники великаго государства, увидѣли около себя весь приманчивый блескъ земнаго могущества и, можетъ быть, имъ плѣнились... и что же? Рядомъ съ этою землею славою гробъ лучшаго друга. Не ясно ли дѣйствуетъ здѣсь Богъ, воспитывающій нашу душу и земными радостями и земными печальми? Открывая передъ вашими глазами съ одной стороны все великое земное, онъ даетъ вамъ въ то же время испытать и великую земную утрату, утрату вѣрнаго друга. Для чего же? Не для того ли, чтобы вы теперь же ясно поняли, что наша жизнь не для невѣрнаго человѣческаго счастья, а для вѣрной Божіей правды. И въ самомъ дѣлѣ что было истинно великаго въ ту минуту, когда вы присягали? Одна ваша присяга. Все прочее было одно блестящее привидѣніе; люди, окружавшіе васъ, и вы сами должны исчезнуть ¹⁾ и слишкомъ скоро: вы уже на опытъ знаете, какъ время летитъ быстро. И этотъ царскій дворецъ, въ которомъ всѣ эти люди собрались на поклоненіе вамъ, перемѣнитъ видъ свой, другіе праздники на поклоненіе другимъ соберутъ въ немъ другихъ людей, и самыя стѣны, иначе украшенныя, перестанутъ напоминать въ немъ о тѣхъ, кои были когда-то въ немъ прежде. Но присяга, данная передъ Богомъ и исполненная передъ людьми, останется жива съ нашею душою, слѣдственно останется жива вѣчно, не умретъ и въ памяти людей... Въ эту минуту, когда вы стояли передъ Евангеліемъ, будучи всѣми мыслями преданы той святынѣ, которая васъ окружала, я думалъ: если душа наша, покинувъ землю, сохраняетъ воспоминаніе о томъ, что мы любили на землѣ, то въ эту минуту, подлѣ него: невидимо присутствуетъ душа друга: это безъ сомнѣнія такъ и было. Повѣрьте, настоящей разлуки съ нимъ для васъ еще нѣтъ, она была бы только тогда, когда бы вы или его, или себя забыли. Помните жъ и любите его, какъ живаго, и живите такъ, чтобы воспоминаніе объ немъ было для васъ не горемъ, а утѣшеніемъ ²⁾.

22-го апрѣля 1834.

¹⁾ Общій характеръ этого напоминанія о смерти и желанія внушить спокойное отношеніе къ ней и даже стремленіе извлечь изъ этого настроенія извѣстное безстрастное отношеніе къ жизни—нѣсколько напоминаетъ содержаніе писемъ Жуковскаго къ умиравшей (въ 1829 году) Александрѣ Андреевнѣ Воейковой. (См. К. Зейдлицъ. „Жизнь и поэзія В. А. Жуковскаго“ С.-Петербургъ 1863 г.)

²⁾ Больше въ этомъ альбомѣ ничего написано не было.

III.

Все написанное Жуковскимъ въ альбомѣ представляетъ интересъ въ историко-литературномъ отношеніи.

Во-первыхъ, характеренъ даже самый фактъ подарка этого альбома, драгоценнаго для самого Жуковского, какъ предмета, полученнаго на память о симпатичномъ ему человѣкѣ ¹⁾, и какъ воспоминаніе о времени, пріятно и интересно проведенномъ въ его обществѣ. И такой дорогой для его нѣжнаго сердца предметъ, полученный имъ въ подарокъ отъ царственнаго друга сосѣдней державы, естественно могъ быть имъ подаренъ только его царственному ученику, горячо имъ любимому. Этотъ подарокъ былъ выраженіемъ самой искренней и глубокой любви къ нему.

Но еще интереснѣе въ этомъ альбомѣ надпись Жуковского и его разсужденія на тему «Христосъ Воскресе!», раскрывающія предъ нами глубокіе и сокровенные мотивы этой симпатіи къ его царственному ученику и указывающія, въ какія именно формы выливались отношенія къ нему такого наставника, какимъ былъ этотъ чуткій и мечтательный поэтъ-художникъ. Интересъ этотъ усиливается тѣмъ болѣе, что все это было писано въ тотъ моментъ, когда дѣло воспитанія было уже закончено, когда ученикъ выступалъ самостоятельнымъ человѣкомъ на открывающійся передъ нимъ жизненный путь, полный труда, волнений и громадной отвѣтственности.

Въ авторѣ этихъ наставленій наслѣднику престола чувствуются съ одной стороны мечты и планы поэта-романтика начала XIX вѣка, съ другой стороны какъ будто беретъ перевѣсъ трезвый, далекій отъ всякихъ мечтаній педагогъ—человѣкъ непоколебимой воли, глубоко-религіозный, человѣкъ, твердо вѣрящій въ торжество добра и необходимость служенія высшей истинѣ.

Обратимся прежде всего къ припискѣ В. А. Жуковского на первомъ листѣ.

Какими наивными кажутся теперь намъ эти, около ста лѣтъ тому назадъ, написанныя, строки, въ которыхъ «чистая душа» Жуковский, какъ звали его нѣкоторые друзья ²⁾, предлагаетъ своему «безцѣнному» ученику записывать въ приносимомъ ему въ даръ альбомѣ такія мысли, которыя наиболѣе могутъ быть полезны въ жизни. Это было счастливое время, когда люди безъ малѣйшаго сомнѣнія вѣрили въ то, что «наука, умъ, сердце и опытъ» могутъ дѣйствительно подсказать такія

¹⁾ Кронпринцъ прусскомъ Фридрихъ-Вильгельмъ.

²⁾ Напримѣръ Александръ Михайловичъ Тургеневъ въ его многочисленныхъ письмахъ къ поэту.

«правила жизни», которыя, оставаясь навсегда ненарушаемыми, могут быть лучшими и надежнѣйшими руководителями на жизненномъ пути среди всѣхъ тревоженій и соблазновъ капризной и непостоянной дѣятельности».

Жуковский воспользовался темой «Христосъ Воскресе!» не случайно, но потому, что день Св. Пасхи 22-го апрѣля 1834 года былъ особенно знаменательнымъ днемъ въ жизни наслѣдника. Это былъ день перехода его изъ юношескихъ лѣтъ въ зрѣлый возрастъ, день его присяги на вѣрность служенія Царю и Отечеству, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ днемъ его перваго серьезнаго горя—извѣстія о смерти его воспитателя и друга генерала-адъютанта К. К. Мердера.

Для Жуковского, какъ для впечатлительнаго поэта, всего этого было болѣе, чѣмъ достаточно, чтобы, выйдя изъ обычной житейской колѣи, настроить и струны своего сердца на особенный высоко-торжественный ладъ и заставить звучать въ глубинѣ души такіа ноты, которыя касались его искреннихъ чувствъ любви и привязанности къ своему воспитаннику.

А вмѣстѣ съ тѣмъ это разсужденіе является его личною исповѣдью, характеризующей его какъ человѣка не только религіознаго въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но такого, который свои религіозныя убѣжденія положилъ въ основу всей своей жизни и который постоянно черпаетъ въ нихъ силу, и для своей дѣятельности, и во всѣхъ случаяхъ, какъ печальныхъ, такъ и радостныхъ, на которыя жизнь наталкиваетъ помимо его воли.

А это была не слѣпая и безотчетная покорность волѣ какого-то неизвѣстнаго высшаго существа, за которымъ признается прежде всего и больше всего его безконечная сила и власть... Это было глубокое убѣжденіе въ собственномъ единеніи съ Божествомъ и преклоненіе предъ Нимъ, какъ предъ недостигаемымъ идеаломъ, который въ своей абсолютной истинѣ и красотѣ является невидимымъ, но самымъ надежнымъ руководителемъ человѣка. Эта глубокая и спокойная вѣра создала такое нравственное равновѣсіе, которое трудно было уже поколебать. И это какъ-то особенно сильно чувствуется въ его разсужденіи «Христосъ Воскресе». Прежній милый, добрый наставникъ, ласково и нѣжно лелѣявшій своего «милаго» великаго князя, уходитъ на задній планъ и становится теперь старшимъ другомъ своего воспитанника, который, конечно, внимательно прислушивался къ тому, что ему будетъ сказано нашимъ поэтомъ въ послѣдній разъ, какъ—наставникомъ и въ первый разъ, какъ—другомъ.

И свой «братскій привѣтъ» старшаго друга Жуковский какъ бы соединяетъ съ завѣщаніемъ другаго близкаго великому князю человѣка—

его воспитателя К. К. Мердера, который, только-что закончивъ свое дѣло воспитанія, на вѣки покинулъ его.

Какъ это торжественно и прекрасно въ своей трогательно-грустной красотѣ! Поэтъ-художникъ рисуетъ въ живыхъ образахъ прозаическую элегію, подернутую слегка дымкой таинственности, связывающей живыхъ членовъ человѣческой семьи съ тѣми, которые уже покинули ее и ушли въ неизвѣстную даль безконечности.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ заключительныя слова Жуковского въ его «Христосъ Воскресе» являются и мощнымъ призывомъ къ бодрому стремленію къ достиженію не «блестящаго привидѣнія—невѣрнаго человѣческаго счастья», а того истинно-великаго идеала добра и красоты, который онъ называетъ «вѣрной Божіей правдой».

Нелѣстивый придворный рисуетъ картину безпощаднаго всепоглощающаго времени, очень скорой смѣны торжествующихъ и преклоняющихся теперь лицъ—другими новыми уже лицами, забывающими своихъ предшественниковъ.....

Нѣтъ, этотъ чуткій поэтъ и честный человѣкъ призываетъ отзывчивую душу благороднаго юноши—будущаго Царя-Освободителя откликнуться на тѣ таинственные звуки человѣческой души, которые способны

«Для блага всѣхъ—свое позабыть».....

«Лишь въ голосъ отечества свободномъ

«Съ смиреніемъ дѣла свои читать».....

И въ близкомъ будущемъ свершились слова поэта-пророка:

«Присяга, данная предъ Богомъ и исполненная предъ людьми..... останется жива вѣчно, не умереть и въ памяти людей»...

Не умереть въ памяти людей русскихъ ни безцѣнное имя императора Александра II, ни дорогое имя его наставника и друга-поэта Жуковского!

А. Ѳоминъ.

Письма В. А. Жуковского къ разнымъ лицамъ.

1.

В. А. Жуковский—К. Θ. Калайдовичу ¹⁾.

(Въ іюнѣ 1818 г.).

Я къ вамъ съ просьбою отъ Николая Михайловича Карамзина, почтеннѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ. Я сообщилъ ему ваше мнѣніе о мѣсяцѣ Изокѣ ²⁾, и ему бы хотѣлось имѣть ту статью, на которой вы это мнѣніе основываете. Потрудитесь выписать изъ манускрипта то, что вы мнѣ читали; этимъ обяжете нашего почтеннаго историографа. Свое письмо доставьте Константину Яковлевичу Булгакову ³⁾ для пересылки ко мнѣ. Жду отъ васъ отвѣта и увѣренъ, что вы не откажетесь исполнить мою просьбу. Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашимъ покорнымъ слугою Жуковский.

На письмѣ отмѣтка руки Калайдовича: Получ(ено) 26 іюня 1818 отъ его прев(осходительства) Конст(антина) Яковл(евича) Булгакова.

10-го октября 1818 г.

Отвѣчаю нѣсколько поздно на письмо ваше, любезнѣйшій Константинъ Ѳедоровичъ; извините лѣннца, поэта. Вы пишете ко мнѣ о за-

¹⁾ Два письма Жуковского къ К. Θ. Калайдовичу печатаются съ подлинниковъ, хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ.

²⁾ О томъ же просилъ Калайдовича и самъ Карамзинъ въ письмѣ отъ 11-го іюня 1818 г., изъ Царскаго Села (см. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву, Спб. 1866, стр. 445, и примѣчанія, стр. 0179).

³⁾ Пріятелю Жуковского, с.-петербургскому почтъ-директору.

мѣчаніяхъ на Исторію Николая Михайловича, посланныхъ мнѣ черезъ Булгакова. Я ихъ не получалъ. Вѣроятно, почта ихъ поглотила. Если вы уже не послали новаго экземпляра ихъ къ нашему исторіографу (онъ сказывалъ мнѣ, что имѣлъ отъ васъ письмо), то потрудитесь послать его ¹⁾. Можете адресовать письмо прямо на его имя. Онъ живетъ въ домѣ Екатерины Ѳедоровны Муравьевой у Аничковского моста на Фонтанкѣ.—Я съ своей стороны пользуюсь только этимъ случаемъ, чтобы снова увѣрить васъ въ томъ почтеніи, съ которымъ честь имѣю быть вашимъ покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

2.

В. А. Жуковскій—В. Н. Кюхельбекеру ²⁾.

Вы были у меня вчера, любезнѣйшій Вильгельмъ Карловичъ. Очень сожалѣю, что не застали меня. Но по утрамъ меня никогда не бываетъ дома. Лучше всего заставить меня отъ 7-ми до 9-ти часовъ послѣ обѣда. Тутъ мое домашнее и свободное время. Благодарю васъ за вашъ подарокъ. Но на предложеніе ваше, къ сожалѣнію, долженъ отвѣчать: нѣтъ. Не имѣю времени заняться переводомъ Макбета, какъ бы ни пріятно было потрудиться вмѣстѣ съ вами. Примитесь одни за этотъ подвигъ. Удача будетъ вѣрная. Жуковскій.

3.

В. А. Жуковскій—къ неизвѣстному лицу ³⁾.

19-го октября (н. ст. 1821), Франкфуртъ на Майнѣ.

Я наконецъ во Франкфуртѣ ⁴⁾ и спѣшу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Еще разъ благодарю васъ за вашу любезную обязательность и

¹⁾ Карамзинъ благодарилъ Калайдовича за его основательныя и любопытныя примѣчанія письмомъ отъ 28-го ноября 1818 года (см. Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмѣтріеву, стр. 445).

²⁾ Печатается съ подлинника, принадлежащаго редакціи „Русской Старины“.—Изъ писемъ Жуковскаго къ Кюхельбекеру извѣстно въ печати одно, относящееся, вѣроятно, къ началу 1823 года (см. „Русскую Старину“ 1875 года, № 7, и Сочиненія Жуковскаго, изд. 7-е, т. VI, стр. 459—461).

³⁾ Печатается съ подлинника, принадлежавшаго покойному академику А. Ѳ. Бычкову.

⁴⁾ Во Франкфуртъ Жуковскій пріѣхалъ на возвратномъ пути изъ Швейцаріи въ Россію именно 19-го октября н. ст. 1821 года (см. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 165).

возвращаю вамъ ваши червонцы, которые остались неприкосновенными. Они послужили только для того, чтобы обезпечить меня во время дороги насчетъ возможныхъ казусовъ. Деньги я отдалъ банкиру Gontard et fils ¹⁾, а это письмо отправять по почтѣ. Время до Франкфурта было мнѣ благоприятно; я видѣлъ прекрасно и Гейдельбергъ, и долину Некара, и Bergstrasse. Теперь идетъ дождикъ, но, можетъ быть, только для того, что я сижу; какъ скоро тронусь съ мѣста, онъ уймется: по крайней мѣрѣ таковъ былъ порядокъ во все мое путешествіе. Простите; обнимаю васъ дружески. До свиданія. Честь имѣю быть съ совершенною къ вамъ преданностію вашимъ покорнымъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

4.

Отрывокъ письма Жуковскаго о его путешествіи въ Италію въ 1833 г.

Этотъ отрывокъ письма Жуковскаго сохранился, въ черновомъ подлинникѣ, въ его бумагахъ, пожертвованныхъ въ 1884 году Императорской Публичной Библіотекѣ сыномъ его, Павломъ Васильевичемъ Жуковскимъ ¹⁾. По всему вѣроятію, отрывокъ этотъ представляетъ собою начало того письма Жуковскаго, въ которомъ онъ думалъ описать наслѣднику Александру Николаевичу свое путешествіе по Италиі ²⁾ и котораго мы не находимъ между изданными письмами его къ цесаревичу.

Вотъ я поселился на три недѣли въ Шлангенбадъ ³⁾. Время весьма непріятное, пасмурное, холодное, то дуетъ пронзительный сѣверный вѣтеръ, то идетъ мелкій осенній дождь, изрѣдка проглядываетъ солнце, но только для того, чтобы подразнить своимъ минутнымъ присутствіемъ. Въ ясную погоду здѣшняя природа могла бы показаться пріятною:

¹⁾ Такимъ образомъ можетъ быть объяснено, кто такой Гонтаръ, у котораго Жуковскій былъ во Франкфуртѣ 24-го октября н. ст. 1821 г. (см. Дневники Жуковскаго, стр. 165).

²⁾ Именно въ тетради № 40, об. л. 1—об. л. 5 (см. И. Бычковъ, Бумаги В. А. Жуковскаго, Спб. 1887, стр. 106—107).

³⁾ „Изъ Шлангенбада, въ коемъ буду заключенъ на три недѣли,—писалъ Жуковскій цесаревичу 19-го (31-го) іюля 1833 года, изъ Франкфурта—буду писать къ вамъ; употребляю это время на то, чтобы составить для васъ подробную реляцію моего быстрого путешествія по Италиі“ (см. Сочиненія В. А. Жуковскаго, изд. 8-е, т. VI. стр. 400).

⁴⁾ Въ Шлангенбадъ Жуковскій пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, 19-го (31-го) іюля 1833 года, а выѣхалъ изъ Шлангенбада 4-го (16-го) августа.

зеленныя неглубокія долины, на днѣ коихъ выются ручьи и дороги и разсыпаны крестьянскіе дома, мельницы, огороды. Но теперь все печально, и не хочется вытти изъ горницы. Живу въ огромномъ, старинномъ и довольно нечистомъ домѣ Nassauer Hof; комнаты мрачны; въ окна и двери несетъ; общества мало, хотя жильцевъ и довольно. Въ Эмсъ и Швальбахѣ пьютъ и купаются; здѣсь только что купаются, и каждый въ свой часъ; отъ этого всё розно. Однимъ словомъ здѣсь мрачно, пусто и скучно. Займусь описаніемъ прошедшаго.

Я видѣлъ чудесный сонъ: множество великихъ, до безконечности разнообразныхъ предметовъ, кои такъ долго, такъ долго, съ первой молодости до теперешнихъ лѣтъ, говорили воображенію, привлекали мысли, тревожили любопытство, стѣснившись въ одну толпу, въ нѣсколько минутъ промчались передъ глазами моими, всколыхали всю душу, какъ буря, и исчезли. Видѣлъ ли я ихъ—не вѣрится; наслаждался ли ихъ явленіемъ—не знаю. Весьма немного осталось въ душѣ отъ этого очаровательнаго хаоса охладѣвшихъ воспоминаній, и едва ли удастся привести въ нѣкоторый порядокъ это немногое.

Все путешествіе мое съ береговъ Женевского озера до Неаполя и обратно отъ Неаполя до уединеннаго моего домика въ деревнѣ Вернѣ продолжалось не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Я выѣхалъ изъ Вернѣ 13-го апрѣля ¹⁾ и черезъ десять дней уже былъ посреди голубыхъ волнъ Средиземнаго моря, на пароходѣ Il Real Ferdinando. Какая быстрая смѣна климатовъ, время года и сценъ природы! Изъ Ліона (до котораго мы доѣхали въ два дни изъ Женевы, преслѣдуемые холоднымъ вѣтромъ, дождемъ и снѣгомъ, въ виду темносиней бѣлоголовой Юры) отправились мы въ 5 часовъ утра на пароходѣ. Съ обѣихъ сторонъ промелькнули мимо насъ берега быстрой Роны, покрытые безлиственными деревьями; нигдѣ еще не было зелени; дулъ холодный мистраль, и ничто не возвѣщало весны; но въ пять часовъ послѣ обѣда, вышедъ на берегъ у Авиньона, мы очутились посреди зеленѣющихъ полей, распустившихся цвѣтущихъ деревьевъ, и надъ нашею головою разстилось голубое прованское небо, съ легкими, прозрачными облаками. Передъ нами блистала весна, несмотря на сѣверный мистраль, который пронзалъ насъ насквозь и подымалъ столбами бѣлую пыль на дорогѣ. Не могу ничего сказать о южной Франціи; я нигдѣ не хотѣлъ останавливаться; цѣль моя была поймать пароходъ въ Марсели. То, что я могъ видѣть въ Провансѣ съ большой дороги, совсѣмъ не привлекательно и нимало не отвѣчаетъ тому поэтическому понятію, которое мы составляемъ себѣ о сей знаменитой отчизнѣ трубадуровъ: голыя, ободранныя холоднымъ мистралемъ или сожженныя зноемъ юга равнины; бѣлые, совершенно

¹⁾ Новаго стиля (см. Дневники В. А. Жуковскаго, стр. 264).

нагіе утесы; бѣдныя деревни, составленныя изъ худо построенныхъ нечистыхъ лачужокъ, въ коихъ ничто не утѣшаетъ картиною веселой домашней жизни; вотъ все, что я видѣлъ по дорогѣ отъ Авиньона до Марсели. Окрестности Экса довольно живописны, но весь путь отъ Экса до Марсели представляетъ печальную пустыню утесовъ; нѣныя мѣста такъ печальны и дики, что воображенію невольно мечтаются безжизненныя окрестности Мертваго моря, давно пораженнаго проклятіемъ неба. Наконецъ взвѣзжаешь на высоту, и вдругъ видишь голубой заливъ Средиземнаго моря, гавань, наполненную лѣсомъ мачтъ, и Марсель, окруженный безчисленнымъ множествомъ бастидъ ¹⁾, бѣлый городъ, расположенный по отлогому берегу, окруженный съ суши бѣлыми утесами горами, а съ моря грядами бѣлыхъ утесистыхъ острововъ. Видъ великолѣпный, но не привлекательный: зданія кажутся продолженіемъ утесовъ; бастиды не защищены отъ зноя тѣнистыми деревьями, а блѣдая зелень оливъ не утѣшаетъ взора, которому все представляется знойнымъ и пыльнымъ.

Наше плаваніе, продолжавшееся семь дней, было благополучно. Я видѣлъ всѣ западные берега Аппенинскаго полуострова отъ Марсели до Неаполя. Не знаю, какое дѣйствіе произвело бы надо мною это величественное Средиземное море, когда бы я очутился на немъ въ молодые, поэтическіе годы жизни: но и теперь, когда уже поэзія для меня миновала, оно сильно расшевелило мое воображеніе: его лазурь спокойно разстилалась передъ глазами моими; все было тихо; одинъ только кипучій серебряный слѣдъ тянулся за нашимъ пароходомъ, и слѣва медленно развивались голубые гористые берега Италіи: а мыслямъ мечтались всѣ сорокъ вѣковъ исторіи человѣческаго рода, коего главныя судьбы рѣшались на берегахъ этого моря, омывающаго Египетъ, Палестину, Малую Азію, Грецію, Италію, Сицилію, Корсику, Францію и Испанію. Темныя вѣка пирамидъ, патріархальныя времена пророковъ, баснословныя странствія финикіянъ и грековъ, развозившихъ повсюду сокровища торговли, законовъ и наукъ, Аргонавты, Улиссъ и Эней, флоты римлянъ и кареагенянъ; все обновляющій крестъ въ Палестинѣ и корабль апостола Павла, таинственно входящій въ пристань Пуццольскую; новый Римъ, могущественнѣйшій древняго; арабы, норманны, крестоносцы; блескъ Венеціи и Генуи и, наконецъ, въ наше время два плаванія Наполеона отъ Египта и Эльбы и цѣлое тысячелѣтіе Рима, возобновившееся въ десять годовъ жизни одного чудеснаго человѣка, все это волновало душу; толпа великанскихъ привидѣній наполняла пространство между голубымъ безоблачнымъ небомъ и равниною моря, ко-

¹⁾ Такъ называются на югѣ Франціи, особенно около Марсели, загородныя дачи.

торое и теперь такъ же спокойно его отражало, какъ и въ тѣ времена, когда ладьи фокейскихъ изгнанниковъ летали по немъ съ колыбелию Массиліи ¹⁾. Въ первый день проѣхали мы въ виду Тулонской пристани, загороженной отъ насъ двумя огромными утесами; изъ-за нихъ вдали мелькали корабельныя мачты; солнце зашло, когда мы очутились между грядями Пьерскихъ острововъ и южнымъ берегомъ Франціи, на коемъ у подошвы голубыхъ и violetовыхъ горъ мелькалъ Пьеръ, окруженный померанцевыми садами.

Въ первый день путешествія чувствовалъ я морскую болѣзнь, которая не дала мнѣ покоя и ночью; но къ утру все миновалось. Было ясно и тихо, когда я изъ тѣсной каюты своей вышелъ на палубу. Ночью прошли мы мимо Фрежюса, Антиба и Ниццы и теперь находились уже противъ С.-Ремо. Великолѣпные берега Италіи лежали передъ глазами моими въ прозрачномъ туманѣ утра; ихъ формы безпрестанно измѣнялись; намъ ясно видна была дорога, идущая по крутизнамъ надъ самымъ моремъ (всѣ эти части берега извѣстны подъ именемъ *Corniche*); путешественники мелькали на высотѣ его какъ черныя точки; сквозь тонкій паръ, надъ свѣтлою лазурью моря, посреди темной лазури береговъ мелькали въ дали, приближались и исчезали позади насъ города и виллы; мы быстро прошли мимо S. Mauricio ²⁾, Oneglia, Alassio, Albenga, и наконецъ вдалекѣ открылась Генуя. Ничто не можетъ быть великолѣпнѣе Генуэзской гавани съ моря: солнце ярко блистало, когда мы къ ней приближались; сперва явилась необозримая полоса зданій: ибо (въ) отдаленіи кажется, что всѣ города, расположенные по заливу Спецъ, Сестри, Рекко, Рапалло, Нерви и Генуя, составляютъ одинъ; но вдругъ Генуя величественно отдѣляется отъ прочихъ, растетъ изъ воды по мѣрѣ приближенія къ ней и, наконецъ, обхватываетъ тебя своею глубокою гаванью, впереди которой, какъ великанъ-стражъ ея, возвышается башня, служащая фarosомъ для кораблей, плывущихъ къ гавани во время ночи. Городъ стоитъ на полугорѣ и сходить безчисленнымъ множествомъ зданій къ самому морю; онъ обнесенъ двумя стѣнами и защищенъ укрѣпленіями, по высотамъ расположенными. Ни одинъ городъ въ Италіи не имѣетъ такого множества монументальныхъ великолѣпныхъ домовъ, какъ Генуя, и въ этомъ отношеніи она совершенно заслуживаетъ имя свое *la superba*; но я не могъ насладиться ея великолѣпіемъ, хотя нашъ пароходъ и пробылъ 24 часа въ гавани: во

¹⁾ Массилія—древнее названіе Марсели. Ее основали, какъ извѣстно, фокейцы около 600 г. до Р. Х.

²⁾ T. e. S. Maurizio.

все это время лилъ проливной дождь, и не было никакой возможности осматривать городъ: я могъ видѣть только внутренность нѣкоторыхъ главныхъ зданій. Palazzo del Re въ Strada Balby есть старинное зданіе; оно принадлежало прежде фамиліи Dugazzo; въ его картинной галерей находятся нѣкоторыя замѣчательныя картины, напримѣръ Веронезова Марія, омывающая ноги Спасителя, и Тиціановы Пастухи передъ Младенцемъ Иисусомъ. Вестибуль университета есть превосходный памятникъ зодчества. Древній дворецъ Андрея Доріи привлекателенъ своими историческими воспоминаніями: на его терасѣ, съ коей видна вся пристань, знаменитый дождь угощалъ императора Карла V. Рассказываютъ, что золотыя блюда, на коихъ подносили были кушанья Карлу, были всѣ брошены передъ глазами его въ море: это польстило алчности императора; но въ глубинѣ моря таилась сѣть, и ни одно изъ драгоценныхъ блюдъ не осталось на днѣ его. Въ Palazzo Serra показываютъ залу, блестящую позолотою, кристаллами, зеркалами и стоявшею, какъ увѣряютъ, 1.200.000 франковъ: мнѣ она не понравилась, великолѣпіе безъ вкуса; остальные комнаты дворца своею бѣдностію и нечистотою составляютъ странную противоположность съ сей знаменитою залою. Изъ церквей Генуи я видѣлъ только три; въ кафедральной S. Lorenzo, построенной изъ бѣлаго и чернаго мрамора, почиваютъ мощи Іоанна Крестителя; въ ней находятся также и гробницы знаменитой фамиліи Фіески. Церковь Annunziata есть великолѣпнѣйшій храмъ Генуи. А старинная церковь S. Stefano привлекаетъ путешественника не пышностію архитектуры, а картиною Рафаеля, изображающею мученичество (святаго) Стефана. Часть сей прекрасной картины писана самимъ Рафаелемъ, а часть Юліемъ Романомъ, знаменитымъ ученикомъ его. Театръ Carlo Felice, въ которомъ я видѣлъ Беллиніеву оперу Il Pirata и балетъ Eteocle e Polinice есть, по моему мнѣнію, лучшій въ Италіи; можетъ быть, La Scala въ Миланѣ и S. Carlo въ Неаполѣ огромнѣе, но оба уступаютъ генуэзскому и красотою, и великолѣпіемъ архитектуры. Дождь пересталъ, но облака покрывали небо и вѣтеръ волновалъ море, когда мы возвратились на пароходъ свой; волненіе продолжалось до утра, и ночью возобновился дождь; но къ утру небо прояснилось, и прекрасная, хотя довольно холодная погода встрѣтила насъ въ Ливурнской гавани. Ливурна городъ не великолѣпный, но многолюдный и оживленный торговлею. Позавтракавъ въ café Minerva, мы отправились въ Пизу, находящуюся въ трехъ часахъ ѣзды отъ Ливурны. Сей городъ, нѣкогда знаменитый, полный силы и жизни, сохранилъ все древнее свое великолѣпіе, но тихъ и пустъ, какъ огромная гробница. Его кафедральная церковь съ своею наклоненною колокольнею, Баптистеріумъ и Campo Santo, стоящіе на одной площади, покрытой травою, приво-

дать въ изумленіе величіемъ своей архитектуры; но окружающая ихъ запустѣлость невольно приводитъ въ уныніе душу...

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

5.

В. А. Жуковскій—А. С. Стурдзѣ ¹⁾.

20-го іюля [1835 г. С.-Петербургъ].

Спѣшу теперь только увѣдомить васъ, почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ, что вашъ манускриптъ ²⁾ мною полученъ. Нынѣшній день я имѣлъ удовольствіе видѣть господина Карузо ³⁾, который самъ отдалъ мнѣ вашу книгу. Благодарю васъ сердечно за доставленіе оной. Надѣюсь, самъ прочитаю ее вмѣстѣ съ в[еликимъ] к[няземъ] ⁴⁾; для этого будетъ у меня и время, ибо онъ не поѣдетъ съ государемъ императоромъ въ Калишъ ⁵⁾. Но когда возвращу вамъ манускриптъ, не знаю, ибо скоро прочитать его будетъ невозможно. А ввѣрить его кому-нибудь или почтѣ—страшно. Доставьте мнѣ сами для этого случай, указавъ на человѣка, которому бы можно было, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, отдать его. Буду хранить его съ должнымъ къ нему

¹⁾ Это письмо и слѣдующее—къ гр. Эдлингъ—печатаются съ подлинниковъ, находящихся въ распоряженіи А. Θ. Шидловскаго, любезно предоставившаго намъ возможность опубликовать ихъ.

²⁾ Здѣсь говорится о рукописи: „Отрывокъ изъ исторіи XIX столѣтія. Сочиненіе Александра Стурдзы. 1833“; она заключается на 449 страницахъ, въ листъ, и сохранилась въ бумагахъ А. С. Стурдзы, находящихся нынѣ у А. Θ. Шидловскаго. Этотъ трудъ Стурдзы содержитъ въ себѣ изложеніе событій, происшедшихъ въ Россіи съ 1769 г., и заканчивается описаніемъ убійствъ графа И. А. Каподистріи 27-го сентября 1831 г.; во многихъ мѣстахъ онъ носитъ характеръ личныхъ мемуаровъ Стурдзы.

³⁾ Пріятель А. Стурдзы молодой офицеръ, бывший тогда майоромъ.

⁴⁾ Александромъ Николаевичемъ, впоследствии императоромъ.

⁵⁾ 9-го августа 1835 г. въ Калишѣ, въ присутствіи императора Николая, императрицы Александры Теодоровны, великаго князя Константина Николаевича, великой княжны Ольги Николаевны (убѣжавшихъ 1-го августа изъ Петербурга) и иностранныхъ гостей, былъ смотръ отряду гвардейскаго и гренадерскаго корпусовъ. Наслѣдникъ, дѣйствительно, въ этомъ смотрѣ участія не принималъ.

уваженіемъ. Когда прочту, напишу къ вамъ. Теперь простите. Мое душевное почтеніе всѣмъ вашимъ. Преданный вамъ Жуковскій.

Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій.

6.

В. А. Жуковскій—графинѣ Р. С. Эдлингъ ¹⁾.

1-го (13-го) сентября 1840 г. Дюссельдорфъ.

Любезнѣйшая графиня! Я почиталъ бы себя погрѣшившимъ передъ дружбою, которую къ вамъ питаетъ мое сердце и которую оно вѣрно сохранить къ вамъ во всю мою жизнь,—если бы не сказалъ вамъ хотя одного слова о томъ, что со мною произошло. Я очень сожалѣю, что не довѣрился вамъ, когда вы были около меня: мнѣ было бы такъ пріятно порадоваться тѣмъ вниманіемъ, которое вы проявили по отношенію ко мнѣ съ такою сердечностью, и раздѣлить съ вами счастье, которое уже тогда наполняло мою душу. Итакъ, дорогой другъ, благословите меня! Я нашелъ счастье жизни; правда, нѣсколько поздно, но я нашелъ его именно такимъ, о какомъ всегда мечтало мое сердце; оно само пришло ко мнѣ на встрѣчу, и я глубоко чувствую, что это Богъ, въ Своей неизъяснимой добротѣ, благоволилъ ниспослать мнѣ его; Онъ приготовилъ его для меня и далъ мнѣ его помимо моихъ

¹⁾ Графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ (род. въ 1786, ум. въ 1844 г.), сестра А. С. Стурдзы, одна изъ просвѣщеннѣйшихъ и умнѣйшихъ женщинъ своего времени, была фрейлиной императрицы Елизаветы Алексѣевны. Императоръ Александръ питалъ глубокое уваженіе къ Роксандрѣ Скарлатовнѣ, любилъ встрѣчаться съ нею и часто находилъ утѣшеніе и облегченіе въ ея бесѣдахъ, цѣня умъ ея и высокія нравственныя качества; ихъ взаимная переписка напечатана въ „Русскомъ Архивѣ“ 1888 г., кн. III, стр. 373—377 и, по сообщенію А. О. Шидловскаго, въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1899 г., № 1, стр. 483—499. Покровительствуемое императоромъ сватовство Каподистріи на фрейлинѣ Стурдзѣ окончилось неудачей для графа, и въ 1816 году Роксандра Скарлатовна вышла замужъ за графа Альберта-Гастанга Эдлинга (ум. въ 1841 г.), занимавшаго постъ министра иностранныхъ дѣлъ и маршала въ великомъ герцогствѣ Саксенъ-Веймарскомъ. Въ 1822 году супруги Эдлингъ поселились въ Одессѣ, а съ 1824 г. — въ пожалованномъ Роксандрѣ Скарлатовнѣ императоромъ Александромъ имѣніи „Манзырь“, гдѣ графиня сумѣла создать цѣлый рядъ просвѣдительныхъ и благотворительныхъ учреждений. Жуковскій, какъ видно и изъ печатаемаго здѣсь письма, съ большимъ уваженіемъ и сердечностью относился къ графинѣ Эдлингъ; начало знакомства ихъ, безъ сомнѣнія относится ко второй половинѣ десятихъ годовъ прошлаго столѣтія.

исканий. Молитесь Ему, молитесь вмѣстѣ со мной, чтобы Онъ благоволилъ сохранить его для меня!

Вотъ уже три недѣли, что я—женихъ дочери г. Рейтерна. Это ангелъ, который пожелалъ связать себя съ моею жизнью и придать ей ея дѣйствительную цѣну. Я люблю ее, какъ свою душу, не съ страстностью молодого человѣка, но съ глубокою довѣрчивостью, которая успокаиваетъ, возвышаетъ и очищаетъ все мое существо. Она любитъ меня такъ, какъ будто бы я былъ молодой человѣкъ. Какъ это могло случиться, я и самъ не понимаю, но я ею обязанъ—только ей одной: ничье постороннее вліяніе не оказывало на нее своего воздѣйствія; ея безхитростное и чистое сердце соединилось съ моимъ; она его помолодила, она окрасила для меня настоящее и открыла для меня будущее, о которомъ я пересталъ уже и мечтать. Раздѣлите, какъ другъ, мое счастье и помолитесь о томъ, чтобы оно не было отъ меня отнято, и чтобы ему покровительствовало и его сохранило Провидѣніе, которое милостиво ниспослало мнѣ его не по моимъ заслугамъ.

Передайте объ этомъ моему милѣйшему другу Стурдзѣ; я увѣренъ, что онъ порадуется моему счастью. Прощайте, милая, милая графиня! Сохраните ко мнѣ вашу драгоценную дружбу. Весь вашъ Жуковский ¹⁾).

Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій.

¹⁾ Вотъ оригинальный текстъ этого письма:

Chère Comtesse, je croirois manquer à l'amitié que mon coeur vous a vouée et qu'il vous conservera fidèlement toute ma vie, si je ne vous disois pas un mot sur ce qui m'arrive. Je regrette même beaucoup de ne vous avoir pas fait ma confidence lorsque vous étiez près de moi: il m'aurait été si doux de jouir de l'intérêt que vous m'aviez chaudement temoigné et de partager avec vous la félicité qui déjà alors remplissait mon âme. Eh bien, chère amie, bénissez moi! j'ai trouvé le bonheur de la vie; un peu tard, il est vrai, mais je l'ai trouvé tel que mon coeur l'a toujours rêvé; il est venu de lui même à ma rencontre et je sens profondément, que c'est Dieu qui dans Sa bonté ineffable m'a daigné l'accorder; c'est Lui qui me l'a préparé, qui me l'a donné sans que je l'ai recherché. Priez Le, priez avec moi, qu'Il daigne me le conserver. Depuis trois semaines je suis fiancé à la fille de Reutern. C'est un ange, qui veut s'associer à ma vie et lui donner sa valeur réelle. Je l'aime comme mon âme, non avec la passion d'un jeune homme, mais avec la persuasion profonde qui calme, élève et purifie tout mon être. Elle m'aime comme si j'étais jeune. Comment cela a pu se faire, je ne le conçois pas moi-même; mais je la, dois à elle seule, aucune influence étrangère n'a influé sur elle; son coeur simple et pur c'est allié au mien; il l'a rajeuni, il a embelli pour moi le présent et m'a ouvert un avenir auquel j'ai

7.

В. А. Жуковский—Н. В. Гоголю ¹⁾.

(Во второй половинѣ ноября 1843 года)

Любезнѣйшій Гоголекъ, пишу къ вамъ только для того, чтобы вы сказали мнѣ поскорѣе, доѣхали ли вы въ Ниццу, и прислали мнѣ вашъ адресъ. У меня лежитъ для васъ вексель въ 100 франковъ. Не могу послать его наугадъ въ Ниццу. Скорѣе, скорѣе напишите ко мнѣ. У меня дома все постарому, какъ видѣли вы. А Одиссея идетъ впередъ ровнымъ шагомъ. Если будетъ возможность остаться еще на два года за границей, то привезу въ Россію готовую Одиссею и еще, можетъ быть, кое-что. Въ Ниццѣ ли Александра Осиповна ²⁾? Рекомендуйте ей мою рождающуюся 3000-лѣтнюю дочку, которую я люблю почти, какъ родную. Жду отвѣта, вашъ Жуковский.

Есть еще у меня къ вамъ и письмо отъ Шереметьевой ³⁾. Пошлю, когда получу адресъ. Другихъ писемъ нѣтъ ⁴⁾.

déjà cessé de rêver. Partagez en amie ma félicité et faites des vœux qu'elle me reste, qu'elle soit protégée et conservée par la Providence qui a daigné me l'accorder sans mon mérite. Conservez tout cela à mon excellent ami Stourdza; je suis sûr qu'il se réjouira de mon bonheur. Adieu, chère, chère Comtesse. Conservez moi votre précieuse amitié. Tout à vous Joukovsky.

1 (13) Septembre 1840

Dusseldorf.

На оборотѣ: A Madame la Comtesse d'Edelink à Odessa.

Запечатано облаткой, на которой виденъ отпечатокъ Пушкинскаго перстня-талисмана.

¹⁾ Это письмо печатается съ копіи, снятой съ подлинника племянникомъ Гоголя Н. П. Трушковскимъ и сообщенной редакціи „Русской Старины“ М. Ѳ. Де-Пуле. Оно дополняетъ рядъ писемъ Жуковскаго къ Гоголю, изданныхъ въ приложеніяхъ къ отчету Импер. публичной бібліотеки за 1887 г., въ „Русской Старинѣ“ 1889 года, январь, стр. 147, и Сборникѣ Общества любителей россійской словесности на 1891 годъ.

²⁾ Смирнова, рожденная Россетъ.

³⁾ Надежды Николаевны.

⁴⁾ Отвѣтное письмо Гоголя Жуковскому, изъ Ниццы, отъ 2-го декабря 1843 года, см. въ письмахъ Н. В. Гоголя. Редакція В. И. Шенрока, Томъ второй, стр. 365—367.

8.

В. А. Жуковскій—Θ. В. Булгарину.

Ты высокъ духомъ, за то и живешь высоко; и доступъ къ тебѣ, какъ ко всему великому и высокому, трудный.—Я побѣдилъ всѣ трудности, вскарабкался на высоту и не нашелъ никого на этой высотѣ. Прискорбно это мнѣ, хотя для меня (столь часто лавившаго по пустякамъ на высоту Парнаса) и не ново.

Жаль, что не удалось сказать тебѣ слово. Долго не увидимся. Ёду въ Дерптъ на мѣсяцъ—нынче же обѣдаю вмѣстѣ съ Дашковымъ у Блудова; а на вечеръ къ Батюшкову. Не занесетъ ли и тебя въ одно изъ этихъ мѣстъ или къ одному изъ этихъ смертныхъ, случай или намѣреніе?

Благодарю за табакерку. Жуковскій ¹⁾).

¹⁾ Когда написано было это письмо, опредѣлить трудно, но во всякомъ случаѣ въ дни молодости В. А. Жуковскаго. Извѣстно, что въ послѣдующее время онъ находился съ Θ. Булгаринымъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

Замѣтки В. А. Жуковского, написанныя въ альбомахъ Александры Андреевны Воейковой.

I.

1808 г.

Подарокъ на новый годъ.

Невинность мирная, краса души твоей,
Подъ сѣнью матери съ тобой да сохранится!
О небо, пусть идетъ цвѣтущею стезей!
Пусть скорбью никогда сей взоръ не помрачится!
Собой счастливить всѣхъ прелестный жребій твой!
Счастливыхъ близъ тебя внимай благословенье!
Невинный милый другъ, храни души покой!
Да сохранить тебя Святое Провидѣнье!

II.

30-го апрѣля 1810 г. Дерптъ

Я когда-то написалъ: счастье не состоитъ изъ удовольствій простыхъ, а удовольствій съ воспоминаніемъ ихъ. Эти удовольствія сравнилъ я съ фонарями, зажженными ночью на улицѣ—между ими есть промежутки, но эти промежутки освѣщены, и вся улица свѣтла, хотя не вся составлена изъ свѣта.—Такъ и счастье. Удовольствіе—фонарь, зажженный на дорогѣ жизни; воспоминаніе свѣтъ, а счастье рядъ этихъ прекрасныхъ воспоминаній, которыя всю жизнь озаряютъ.—Надежда пустое слово! Оно прекрасно только для неисполнимости. Что такое надежда—ожиданіе лучшаго въ будущемъ!—Но чего? и когда это ожиданіе безпокойное, и когда пріятное! Но оно всегда болѣе вредно, нежели полезно. Оно уничтожаетъ настоящее. Если оно

весело, то дѣлаетъ насъ къ нему (настоящему) равнодушными; если печально, то его отравляетъ.—Надобно позабыть о будущемъ, чтобы жить какъ должно, надобно пользоваться настоящею минутою, ибо только она одна есть вѣрное средство къ прекрасному.

Зажигай свой фонарь, не заботясь о тѣхъ, которые удастся зажечь впереди! Въ свое время оглянись,—за тобою будетъ прекрасная, свѣтлая дорога. Между настоящею минутою и неизвѣстнымъ предѣломъ жизни, помѣстимъ не надежду, а Провидѣніе. Переходя отъ одной хорошей минуты до другой, нечувствительно дойдемъ до этого предѣла, за которымъ вѣрное, прекрасное будущее. Объ немъ можно думать безъ волненія—оно не мѣшаетъ жизни. Но здѣшнее будущее есть настоящій врагъ прекраснаго! Что въ немъ? Приходить ли оно когда-нибудь такимъ, какимъ себѣ его воображаемъ? На что же смущаться и о немъ заботиться. А прошедшее пускай идетъ съ нами рядомъ!..

Это все можетъ быть хорошимъ дополненіемъ къ тому, что ты мнѣ написала въ альбомѣ, моя Саша. Мы думаемъ одно, хотя разными словами высказываемся. То, что здѣсь написано, я написалъ для себя гораздо прежде, нежели прочитать твое: «*Wünsche nicht mit Leidenschaft*» ¹⁾. Желать что-нибудь страстно значитъ мѣшаться въ дѣло Провидѣнія; рваться за будущимъ вслѣдъ за надеждою и забывать настоящее! Mettons à la place de l'Espérance trompeuse la Providence qui ne trompe pas, alors tout devient conséquent dans la vie! On sait d'avance le mot de l'énigme! Ce mot n'est autre chose que: mériter.

Einfachheit und Wahrheit.

Ewige, unzertrennliche Freundschaft ²⁾.

Въ томъ же альбомѣ написано рукой А. А. Воейковой

1) J'aime la monotonie dans les sentiments de la vie et je ne chercherai le bonheur que dans l'habitude ³⁾.

В. А. Жуковскій приписалъ:

C'est que Vous avez coeur aimant. Pour qui sait aimer, qu'est ce qui peut être plus cher que l'habitude? ⁴⁾.

¹⁾ Не желай страстно.

²⁾ Поставимъ на мѣсто обманчивой надежды Провидѣніе, которое не обманываетъ, и тогда въ жизни все будетъ послѣдовательно! Мы знаемъ напередъ слово загадки! Это слово не что иное какъ: быть достойнымъ.

Простота и истина, вѣчная, неразрывная дружба!

³⁾ Я люблю однообразіе въ жизненныхъ чувствахъ и буду искать счастья только въ привычѣ.

⁴⁾ Это потому, что у васъ любящее сердце. Для того, кто умѣетъ любить что можетъ быть дороже привычки?

Рукой А. А. Воейковой написано:

2) Mille accidents séparent les hommes qui s'aiment pendant la vie puis vient cette séparation de la mort, qui renverse tous nos projets ¹⁾).

В. А. Жуковскій приписалъ:

Est-ce que la mort est une séparation?

Schwester! über im Sternfeld

Muss ein guter Vater wohnen! ²⁾

III.

1822 г.

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ

Своимъ сочувствіемъ для насъ животворили,

Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!

Но съ благодарностію: были!

Нѣтъ и были какая разница! въ первомъ потеря, въ послѣднемъ воспоминаніе! Нѣтъ значить исчезли! были значить оставили слѣдъ бытія своего! Прекрасная жизнь тѣхъ, которыхъ мы лишились, освѣщаетъ для насъ и землю и жизнь нашу. Рѣшительная минута разлуки миновалась; они на вѣки переданы воспоминанію; недоумѣніе кончилось; ихъ будущее не приводитъ въ трепетъ; печаль объ нихъ обратилась изъ страданія въ благодѣтельную для сердца любовь; можешь всѣмъ дѣлиться съ ними оводно; ихъ образъ равно свѣтитъ для насъ и при нашемъ счастьи и при нашемъ несчастьи; ни то, ни другое не измѣняетъ ихъ жребія, но и въ томъ и въ другомъ они съ нами воспоминаніемъ, всегда неизмѣннымъ, когда не измѣнимъ мы сами, возвышающимъ душу въ счастьи, ободряющимъ ее въ печали, и такое воспоминаніе есть для насъ совѣсть.

Ея умирающая мать не могла докончить того письма, которое получила отъ своей дочери на смертной постелѣ: такъ было сильно чувство материнской любви и материнскаго счастья, наполнявшее душу въ эту минуту! Ей не достало жизни для нѣсколькихъ строкъ,—но эти недочитанныя строки имѣютъ высокое, трогательное знаменованіе! Недочитанныя строки письма полного любви—то же, что остальная жизнь, уже не видимая матерью, но полная тою же любовью, какую она прочитала бы въ этихъ послѣднихъ строкахъ! Безъ нея и все для нея.

¹⁾ Тысячи случайностей разлучаютъ людей, которые любятъ другъ друга въ этой жизни; затѣмъ настаетъ разлука смерти, разрушающая всѣ наши планы.

²⁾ Развѣ смерть разлука?

Сестра! тамъ въ звѣздномъ небѣ долженъ быть добрый отецъ!

И эта чистая жизнь будетъ уже безъ нарушенія радовать материнскую, вѣчно близкую душу! Смерть уже не придетъ оторвать ее отъ этой радости:

«Въ минуту предчувствія сказала она: *«Wenn gleich die Nachwelt meinen Namen nicht unter den Namen der berühmten Frauen nennen wird, sie wird doch, wenn sie die Leiden dieser Zeit erfährt, wissen, wass ich durch sie gelitten habe und sie wird sagen: sie duldete viel und harrete aus im Dulden. Dann wünsche ich nur, dass sie zugleich sagen möge: aber sie gab Kindern das Daseyn, welche besserer Zeiten würdig waren, sie herbeizuführen gestrebt und endlich sie errungen haben»* ¹⁾).

На ея часть досталось желаніе великаго и величіе въ страданіи; но дѣтямъ завѣщала она свои надежды и исполненіе своихъ великихъ желаній.

Іоаннъ, ученикъ и товарищъ Спасителя, видѣлъ его улетавшаго на небо и глаза его поднялись къ этому небу, сокрывшему всѣ его блага;—но въ этихъ глазахъ не печаль разлуки, не томительное нетерпѣніе оставить землю, но чувство глубокой, спокойной, покорной любви къ улетѣвшему. Онъ уже не на землѣ, но онъ былъ на ней; своимъ Преображеніемъ, онъ познакомилъ съ таинствомъ неба, но своею любовью, своимъ страданіемъ познакомилъ съ величіемъ жизни; небеснымъ онъ озарилъ житейское и не чудесное видѣніе неестественнаго представляется взору молодаго Іоанна, онъ спокойно помянетъ воспоминаніемъ не томящимъ, не отлучающимъ отъ здѣшняго,—но тихимъ, сладкорядующимъ, вполне удовлетворяющимъ душу; онъ смотритъ на небо какъ на облако удалившагося друга; не стремится туда, ибо жизнь оставлена ему въ наслѣдство, какъ благо, для совершенія воли учителя; но вѣрить съ глубокою, мирною радостью, любить задумчиво и уповаетъ безъ нетерпѣнія! И все земное, радостное, печальное, заключено для него въ одномъ словѣ, во всемъ отражается и слышится одно слово: Спаситель твой живъ!

Собщ. графъ Н. А. Бревернъ-де-ля-Гарди.

¹⁾ Хотя потомство не назоветъ моего имени въ числѣ именъ знаменитыхъ женщинъ, но когда оно узнаетъ страданія, пережитыя въ наше время, то оно будетъ знать, что я выстрадала изъ-за нихъ и скажетъ: она много страдала и выказала въ страданіи много терпѣнія. Я желала бы, чтобы оно сказало вмѣстѣ съ тѣмъ: но она дала жизнь дѣтямъ, которыя были достойны лучшаго времени, стремились къ достиженію его и въ концѣ концовъ достигли его.

Письмо короля прусскаго Фридриха-Вильгельма къ В. А. Жуковскому.

Санъ-Суси, 25-го іюля 1840 г.

Дорогой и добрый другъ! Настоящее письмо имѣеть двѣ цѣли, и хотя объ нихъ трудно говорить одновременно, но, располагая лишь немногими минутами, я поставленъ въ необходимость помѣстить въ одно письмо то, что такъ плохо вяжется вмѣстѣ.

Во-первыхъ, цѣль этого письма: обнять васъ обѣими руками и поблагодарить отъ глубины души за письмо, неподобное по мысли и по слогу, которое вы написали мнѣ, мой дорогой и нѣжный другъ. Читая это письмо, я проливалъ потоки слезъ. Въ немъ выразилось все ваше благородное сердце, вся ваша прекрасная душа. Изъ всѣхъ словъ, которыя должны почтить память моего возлюбленнаго и глубокочтимаго отца и короля и которыя были прочитаны мною это время, ваши слова безпорно самыя прекрасныя, самыя краснорѣчивыя и достойныя; это слова истиннаго поэта, т. е. человѣка, прислушивающагося къ вдохновенію не своего желудка (простите за тривиальное, но чрезвычайно вѣрное выраженіе), но божественнаго духа.

Вторая цѣль моего письма касается предмета обыденнаго, и поэтъ-прорицатель могъ бы по праву прогнѣваться, видя себя до нѣкоторой степени смѣшаннымъ съ толпою царедворцевъ, еслибы сердце не подсказало ему, что въ этомъ видна рука друга. Словомъ, дорогой Жуковский, жалую вамъ четырехугольную звѣзду съ алмазами Краснаго орла 2-й степени. По статуту ордена, утвержденному королемъ, каждый кавалеръ долженъ пройти всѣ степени ордена. Благоволите, любезный другъ, пройти охотно чрезъ эту переходную ступень.

Высказавъ вамъ все, что нужно, обнимаю васъ еще разъ, въ пріят-

ной надеждѣ, что я часто буду видѣть васъ и что вы никогда не покраснѣете за свою дружбу ко мнѣ. Прощайте. Фридрихъ-Вальгельмъ ').

') Sans-Souci, 25 juillet 1840.

Cher et excellent ami,

Cette lettre a deux buts qu'il est fort difficile de traiter de concert, mais le peu de moments dont je puis disposer me font une loi de mettre dans un même paquet ce qui d'ailleurs va mal ensemble.

D'abord, le but de cette lettre est: de vous embrasser de mes deux bras et de vous remercier du fond de mon cœur de la lettre sublime en pensées et en style que vous m'avez adressée, cher et tendre ami. Ich habe den Brief mit stürzenden Thränen gelesen. Tout votre noble cœur, toute votre belle âme y est. De toutes les paroles qui doivent honorer la mémoire de mon bienaimé et vénéré père et roi, que j'ai lues dans ce temps, les vôtres sont sans comparaison les plus belles, les plus éloquentes et les plus dignes, ce sont les paroles d'un vrai poète, c.-à.-d. d'un homme qui prête l'oreille aux inspirations, non de sa digestion (excusez l'expression triviale d'une grande vérité), mais à cette de l'esprit divin.

L'autre but de ma lettre tranche du conventionnel et le poète-prophète se fâcherait de droit, en se voyant en quelque sorte confondu dans une foule de courtisans, si son cœur ne savait distinguer la main de son ami. Enfin, cher Joukowsky, je vous offre l'étoile carrée en diamants de la 2 classe de l'Aigle rouge. D'après les lois de l'ordre, données par le Roi, chaque chevalier doit passer par toutes les zones de l'ordre. Veuillez, cher ami, entrer de bonne grâce dans cette zone de passage. Ma besogne étant remplie, je vous embrasse encore avec le doux espoir que je vous reverrai souvent et que vous ne rougirez jamais de l'amitié que vous m'avez vouée.

Vale. Frederic-Guillaume.

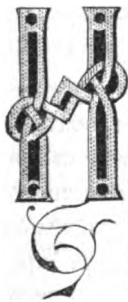

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Брэ).

III ¹⁾.

Кампанія 1805 года. — Отношеніе императора Александра I къ Пруссіи. — Возвращеніе его въ Петербургъ. — Придворныя интриги. — Приѣздъ въ Петербургъ герцога Брауншвейгскаго. — Отношеніе къ нему Александра I и общества. — Политическія комбинаціи.

Нѣтъ описанія событій, ознаменовавшихъ собою 1805 г., извѣстно, что въ злополучномъ исходѣ Аустерлицкаго сраженія были виновны главнымъ образомъ русскіе союзники императора Франца I и въ особенности безумное высокомеріе тѣхъ совѣтниковъ Александра I, которые побудили князя Шварценберга принять сраженіе преждевременно. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, тѣ же самые люди, которые были виновны въ испытанной тяжелой неудачѣ, поспѣшили во всемъ обвинить австрійцевъ и счумѣли представить русскому монарху, что главною причиною пораженія была «измѣна и малодушіе имперскихъ войскъ».

Впослѣдствіи императоръ Александръ, увлекшись, говорилъ въ откровенной бесѣдѣ, что «среди этихъ бездѣльниковъ и измѣнниковъ (австрійцевъ) Стадионъ былъ однимъ изъ честнѣйшихъ людей». Этого было достаточно для того, чтобы всѣ кружки высшаго русскаго общества

¹⁾ „Русскую Старину“ мартъ 1902 г.

старались превзойти другъ друга, выказывая свое презрѣніе къ бывшимъ союзникамъ; но относительно того, что слѣдовало дѣлать дальше, т. е. надлежало ли продолжать войну съ Франціей или, по примѣру Австріи, заключить миръ съ Наполеономъ—мнѣнія расходились.

Новосильцовъ и князь А. Чарторыйскій, самые вліятельные изъ лицъ, совѣтовали императору принять участіе въ войнѣ, были не прочь измѣнить свое мнѣніе и сдѣлать попытку къ соглашенію съ Наполеономъ, если это могло быть достигнуто на болѣе или менѣе выгодныхъ условіяхъ. Многіе изъ ихъ товарищей высказывались съ самаго начала за необходимость заключить миръ, какъ-то: министръ финансовъ графъ Васильевъ, министръ юстиціи князь Лопухинъ, всегдашній сторонникъ Франціи, министръ торговли, графъ Румянцевъ, бывший вице-канцлеръ князь Куракинъ и другіе. Къ голосу этихъ лицъ, ратовавшихъ за необходимость заключить миръ, присоединялась иногда и вдовствующая императрица.

Она дѣлала это, разумѣется, не по убѣжденію, такъ какъ всему міру было извѣстно, что дочь Виртембергскаго принца была заклятымъ врагомъ французовъ и революціи,—но изъ желанія играть политическую роль и, применивъ «къ оппозиціи», выказать свое вліяніе, которое она не могла проявить инымъ путемъ.

Этому меньшинству можно было противопоставить цѣлую фалангу ярыхъ ненавистниковъ Франціи, коихъ было особенно много въ среднемъ классѣ, гдѣ можно было встрѣтить не однихъ только рѣшительныхъ приверженцевъ «англійской системы». Къ нимъ принадлежали графъ Воронцовъ, морской министръ адмиралъ Чичаговъ и графъ Гурьевъ, многіе генералы и представители торговаго сословія, понимавшіе, что благосостояніе Россіи зависѣло отъ поддержанія добрыхъ отношеній къ Англіи (главной, даже можно сказать единственной потребительницей сырыхъ произведеній страны) и наконецъ консервативные сановники, руководствовавшіеся совѣтами сардинскаго и неаполитанскаго посланниковъ де Мэстра и Серра Капріола, услугами которыхъ какъ нельзя лучше умѣла пользоваться англійская дипломатія. Люди, кои не принимали никакого участія въ войнѣ 1805 г. и считали себя приверженцами Екатерины II потому, что они не одобряли участія Россіи въ какихъ бы то ни было «европейскихъ» дѣлахъ, сходились теперь во мнѣніи съ убѣжденными сторонниками войны, которые ставили такъ называемое величіе Россіи выше всякихъ иныхъ соображеній и считали, въ своемъ безумномъ высокомеріи, что русскимъ ничего не стоило бы побѣдить величайшаго полководца нашего времени, если бы царь серьезно этого захотѣлъ.

Но чего именно хотѣлъ царь, этого никто не зналъ. При тогдaшнемъ состояніи русскаго общества вполнѣ понятно, что придворные, дворянство и чиновныя лица считали верхомъ премудрости и высшимъ про-

явленіемъ патріотизма угадать мысли его величества. Поэтому возвращенія императора изъ его продолжительнаго путешествія, которое затнулось нѣсколько мѣсяцевъ, ожидали съ напряженнымъ вниманіемъ, которое возрастало съ каждымъ днемъ и, наконецъ, перешло въ настоящее лихорадочное нетерпѣніе.

Императоръ Александръ возвратился въ Петербургъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ потерпѣлъ неудачу, кратчайшимъ путемъ, не захвативъ даже въ прусскую столицу. Уже не говоря объ его неудовольствіи по поводу того, что Пруссія не только не приняла участія въ походѣ 1805 г., но даже ставила всевозможныя препятствія русскому войску при его прохожденіи въ Австрію, на это рѣшеніе императора имѣли вліяніе также соображенія политическаго свойства.

Александръ, склоняясь къ тому, чтобы прекратить войну, которую не одобряли многіе его совѣтники и большинство населенія, и, находя нужнымъ «подумать о самомъ себѣ и о своихъ интересахъ» (какъ онъ выразился 5-го декабря въ разговорѣ съ императоромъ Францомъ въ Кольтѣ), не могъ дать королю Фридриху-Вильгельму III никакого совѣта или изложить ему какую-либо опредѣленную программу до тѣхъ поръ, пока военныя дѣйствія противъ Франціи не прекратились. Впрочемъ, у императора и не было никакого опредѣленнаго плана. Зная лишь то, чего онъ не хотѣлъ дѣлать, Александръ не имѣлъ опредѣленнаго мнѣнія относительно того, слѣдовало ли заключить миръ съ Франціей или же слѣдовало оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ.

Поэтому онъ предоставилъ королю прусскому придти съ Франціей къ какому-либо соглашенію, не обращая вниманія на Россію, и этимъ далъ графу Гаугвицу возможность послѣдовать своимъ миролюбивымъ стремленіямъ, чѣмъ прусскій министръ и воспользовался, заключивъ съ уполномоченнымъ Наполеона, Дюрокомъ, предварительныя условія мира 15-го декабря 1805 г.

Въ то время какъ дѣла находились въ столь неопредѣленномъ положеніи, которое не могло, разумѣется, поднять значеніе Россіи, Александръ возвратился въ свою столицу, побѣдителемъ. Въ бумагахъ графа де-Бре сохранилась копія съ одного интереснаго и до сихъ поръ не обнародованнаго донесенія, повѣствующаго о тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ состоялось возвращеніе императора, и о вѣнскихъ проявленіяхъ, коими официальная и придворная Россія и приближенные монарха выразили свое удовольствіе по поводу его возвращенія (какъ полагали и а в с е г д а), и по поводу того, что онъ не будетъ долѣе подчиняться иноземному вліянію. Авторомъ этого донесенія былъ аккредитованный въ Петербургъ въ теченіе многихъ лѣтъ баварскій повѣренный въ дѣлахъ ф. Ольри, который исполнялъ должность уѣзжавшаго въ отпускъ ф. Пота и былъ хорошо знакомъ съ тамошними «отношеніями». Какъ искренній

другъ Франціи, не скрывавшій своихъ симпатій къ «союзнику своего монарха (курфюрста, а съ 1-го января 1806 г. короля баварскаго), Макса Иосифа, и поэтому радостно привѣтствовавшій первые признаки сближенія Пруссіи съ Франціей, Ольри находился въ Петербургѣ не въ особенно пріятномъ положеніи. Сторонники Англіи и патріоты, смотрѣвшіе неодобрительно на всякое вмѣшательство Россіи въ западно-европейскія дѣла, видѣли въ немъ адвоката французскихъ интересовъ, отъ котораго они были не прочь отдѣлаться,—ихъ желаніе исполнилось лѣтомъ слѣдующаго года (1806 г.), когда Ольри получилъ приказаніе оставить Россію. Но пока онъ находился на своемъ посту Ольри, умѣлъ быть наблюдательнымъ и доносилъ своему двору обо всемъ совершавшемся на берегахъ Невы настолько подробно, насколько это было возможно при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Въ первой изъ трехъ записокъ, посланныхъ имъ въ Мюнхенъ съ декабря мѣсяца 1805 г. по май мѣсяць 1806 г., онъ писалъ между прочимъ по поводу возвращенія Александра въ Петербургъ:

«Съ возвращеніемъ молодаго монарха наступила новая эра для всѣхъ лицъ, желающихъ войны или мира, для всѣхъ сторонниковъ и недоброжелателей министровъ, для вдовствующей и для царствующей императрицы и ихъ соперницъ. Обѣ императрицы выѣхали его величеству навстрѣчу въ Гатчину; императрица-мать не только для того, чтобы увидѣть и обнять своего сына, но въ тайной надеждѣ вернуть нѣкоторую долю своего померкшаго политическаго вліянія и значенія, а царствующая императрица—съ скромнымъ желаніемъ вернуть любовь своего высочайшаго супруга.

Изъ придворныхъ дамъ однѣ признавали за собою права на благосклонность императора, другія возлагали надежды на прежнія отношенія, наконецъ, третьи рассчитывали на новыя побѣды, и среди нихъ началось соревнованіе по поводу того, кто выкажетъ наиболѣе патріотической радости; при этомъ въ одинаковой степени были задѣты любовь, низкопоклонство, самолюбіе и тщеславіе.

Г-жа Кочубей ¹⁾, года два передъ тѣмъ привлекая на короткое время взоры императора, и Воронцовы смѣшались съ ранняго утра въ толпу, желая выказать этимъ преданность, которая давала право быть замѣченной и вознагражденной.

Одна изъ Чернышевыхъ помѣстилась во дворцѣ, въ корридорѣ, чтобы поцѣловать императору, когда онъ будетъ проходить мимо, платье и плечо,—а г-жа Нарышкина ²⁾, которая могла гордиться особымъ бла-

¹⁾ Супруга министра внутреннихъ дѣлъ, князя Виктора Павловича Кочубея.

²⁾ Марія Антоновна Нарышкина, рожденная княжна Четвертинская, † 1823 г.

воленіемъ, была настолько самоувѣренна, что стала ожидать, что императоръ самъ посѣтитъ ее. Во время вынужденной разлуки ей служила утѣшеніемъ переписка, которая пересылалась съ особыми курьерами. Соперничество этихъ дамъ продолжалось и вечеромъ, когда онѣ старались превзойти другъ друга во время иллюминаціи аллегорическими транспарантами, устроенными возлѣ ихъ домовъ. Это послѣднее заставило потрудиться надъ сочиненіемъ надписей для нихъ многихъ славившихся своимъ умомъ жителей столицы. У г-жи Кочубей горѣлъ вѣнзель государя съ надписью: «Царю и отечеству», г-жа Нарышкина избрала имя «Александръ» съ надписью: «au bienfaiteur du monde» (благодѣтелю міра) и хотя эта надпись подала поводъ къ злымъ шуткамъ, но она одержала блестящую побѣду. Императоръ, тотчасъ послѣ пріѣзда, посѣтилъ г-жу Нарышкину. На другой день она заболѣла—разумѣется, отъ избытка радостныхъ чувствъ; какъ извѣстно, императоръ давалъ очаровательной больной собственноручно прописанное врачомъ лѣкарство.

До тѣхъ поръ отношенія монарха къ очаровательной полкѣ были окружены тайною, какъ того требовало уваженіе къ скромной и добродѣтельной императрицѣ. Но со времени его возвращенія г-жа Нарышкина не скрываетъ болѣе оказываемое ей вниманіе: тотъ, кто дорожитъ своимъ положеніемъ, долженъ быть у ея ногъ.

О занятіи дѣлами, прерванными продолжительнымъ отсутствіемъ императора, при подобныхъ обстоятельствахъ, конечно, не могло быть и рѣчи. Къ рѣшенію важнѣйшаго вопроса о томъ, будетъ ли Россія продолжать войну съ Франціей или начнетъ переговоры о мирѣ, до конца года даже не было приступлено. За то, по словамъ г. Ольри, начались всевозможныя интриги, направленныя противъ Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова. Трудно сказать, были ли эти интриги вызваны воинственными или миролюбивыми стремленіями. Поричать военныя дѣйствія и тѣхъ, кто ими руководилъ, не исключая великаго князя Константина Павловича, вошло въ моду; но главнымъ образомъ, интересъ сосредоточивался на личностяхъ; при этомъ между ними и интересовавшими всѣхъ политическими вопросами не проводилось никакой параллели, не дѣлалось никакого сопоставленія. Даже такіе неспособные люди, какъ министръ юстиціи князь Лопуханъ, писали записки, въ которыхъ они указывали грубыя ошибки, сдѣланныя ихъ тремя коллегами, но никто не хотѣлъ высказаться опредѣленно о томъ, какой политики слѣдовало держаться впредь относительно желаній императора. Было извѣстно одно: онъ говорилъ неоднократно, что не хочетъ разстаться со своими «друзьями», т. е. съ княземъ Чарторыйскимъ, Новосильцовымъ и Строгановымъ, противъ которыхъ были направлены нападки общества, но не было рѣшительно никакихъ данныхъ, по кото-

рымъ можно было бы составить себѣ понятіе о намѣреніяхъ монарха.

Считалось весьма знаменательнымъ, что при представленіи новой пьесы «*Le mariage d'Aubigné*» его величество громко выражалъ свое одобреніе при каждой тирадѣ героя пьесы д'Обинья о преданности и твердости характера молодого короля (Генриха IV).

Слѣдующее донесеніе Ольри писано въ исходѣ февраля 1806 г. Съ мѣсяцъ передъ тѣмъ на засѣданіи совѣта министровъ, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ императора, было рѣшено начать съ Наполеономъ переговоры о мирѣ и въ то же время поддерживать союзъ съ Англіей (Питтъ скончался уже по принятіи этого рѣшенія 26-го января 1806 г.), быть въ возможно дружескихъ отношеніяхъ съ Портою и удерживать Пруссію отъ принятія одѣланныхъ ей Франціею предложеній заключить миръ. Теперь, когда Россія со своей стороны хотѣла одѣлать попытку войти въ «соглашеніе» съ Наполеономъ, было забыто то обстоятельство, что Александръ, всего нѣсколько недѣль передъ тѣмъ, писалъ королю Фридриху-Вильгельму III, чтобы онъ по мѣрѣ возможности пришелъ къ какому нибудь соглашенію съ Франціей. Императоръ самъ энергичнѣе всѣхъ высказался за необходимость заключить миръ; къ его мнѣнію присоединились министры, впрочемъ не безъ нѣкотораго колебанія. «Къ сожалѣнію,—пишетъ Ольри,—императоръ не обладаетъ тою твердостью характера, которая была бы ему необходима, если бы онъ хотѣлъ управлять самъ. Онъ возвратился изъ Аустерлица съ отвращеніемъ къ войнѣ и ко всѣмъ ея ужасамъ, а въ настоящее время любовь повидимому упрочила его въ этихъ взглядахъ, благопріятныхъ для человечества и мира. Г-жа Нарышкина постоянно твердитъ монарху, что она «надѣется имѣть его возлѣ себя и болѣе не потерять»; этими же словами привѣтствовала своего сына и вдовствующая императрица».

Упомянувъ о томъ, что положеніе министра Чарторыйскаго, Новосильцова и Строганова упрочилось, повидимому, болѣе чѣмъ когда-либо, и что даже вдовствующая императрица, относившаяся къ нимъ обыкновенно враждебно, стала благосклоннѣе и что сенаторъ Трошинскій, являсь къ императору съ новыми жалобами на «тріумвировъ», услышалъ отъ него рѣзкое замѣчаніе, Ольри продолжаетъ:

«По мѣрѣ того какъ вліяніе г-жи Нарышкиной на императора возрастаетъ, «тріумвиры» начинаютъ ухаживать за ней и искать въ ней поддержки».

Какаясь вопроса о политикѣ, Ольри былъ того мнѣнія, что миръ, не смотря на всѣ старанія, не удастся заключить, что общественное мнѣніе было противъ него. Свое мнѣніе онъ основывалъ на двухъ обстоятельствахъ: на нескрываемой антипатіи Чарторыйскаго къ Пруссіи и его симпатіи къ Австріи и на возраставшемъ въ Россіи недовольствѣ,

которыми императоръ не рѣшился пренебречь. Высказывая все болѣе и болѣе открыто свои симпатіи къ Австріи, Чарторыйскій такъ тщательно избѣгалъ встрѣчи съ прибывшимъ въ Петербургъ, по порученію Фридриха-Вильгельма III герцогомъ Брауншвейгскимъ, что даже не бывалъ на придворныхъ обѣдахъ, на которые приглашался герцогъ. Самымъ заклятымъ врагомъ Пруссіи была мать Чарторыйскаго (Изабелла, рожденная графиня Флемингъ, † 1835 г.), которая не могла забыть, что передъ послѣднимъ раздѣломъ Польши она ваялась въ ногахъ у маркиза Луккезини, моля его о томъ, чтобы Пруссія поддержала избраніе ея сына (впослѣдствіи министра) на польскій престолъ. Сближенію съ Пруссіей не сочувствовалъ также Новосильцовъ; антипрусскія чувства были такъ сильны въ обществѣ, что даже предупредительность Александра къ герцогу Брауншвейгскому не могла сдержать ихъ проявленія.

«Въ тотъ день,—пишетъ Ольри,—когда герцогъ пріѣхалъ въ Петербургъ и долженъ былъ присутствовать въ театрѣ, директоръ императорскихъ театровъ, Нарышкинъ, поставилъ, по просьбѣ своего брата, «Тартюфа». Креатуры Австріи и другіе недоброжелательные люди, старавшіеся противодействовать успѣху возложенной на герцога миссіи, хотѣли показать этимъ, что этотъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойный принцъ былъ не болѣе, какъ фразеръ! Въ тотъ моментъ, когда герцогъ вошелъ въ царскую ложу, присутствующіе громко привѣтствовали его, полагая, что появилась царская фамилія. Когда же увидѣли, что въ ложу вошли только герцогъ, его свита, графъ Гольцъ¹⁾ и сопровождавшій ихъ Нарышкинъ, то со всѣхъ сторонъ раздалось довольно громкое «шikanье». Тѣ же, кои недоумѣвали, что бы это могло значить, поняли, въ чемъ дѣло при слѣдующихъ заключительныхъ словахъ полицейскаго Орлову:

„Remettez vous Monsieur d'une alarme aussi chaude,
 Nous vivons sous un prince, ennemi de la fraude,
 Un prince dont les yeux se font jour dans lescoeurs
 Et que ne peut tromper tout l'art des imposteurs“²⁾.

Раздались громкія и единодушныя рукоплесканья.

Императоръ и великій князь вполне чистосердечны, оказывая любезность герцогу, но приближенные монарха вліятельныя лица преслѣдуетъ цѣли, явно враждебныя ему. Мнѣ извѣстно, что втайнѣ пускаются въ ходъ всевозможные происки для того, чтобы Алопеусъ былъ отозванъ со своего поста изъ Берлина и чтобы на его мѣсто былъ назначенъ кто-либо иной. Алопеусъ едва-ли не единственный дипломатическій представитель Россіи за границею, который пользуется славой

¹⁾ Прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ, р. 1747 † 1818 г.

²⁾ Не бойтесь, сударь, ничего: бѣда прошла. Для короля стало очевидно, что вы обмануты жестоко и безстыдно и т. д.

человѣка безпристрастнаго и снискалъ въ Берлинѣ всеобщее уваженіе и расположеніе своимъ образомъ дѣйствій и своими прекрасными принципами (которые считаются здѣсь, разумѣется, «слѣпой преданностью»). Не знаю, будетъ ли онъ въ состояніи устоять противъ угрожающей ему бури; во всякомъ случаѣ это будетъ ему не легко.

Если таковы тайныя цѣли, которыя эта партія преслѣдуетъ противъ Пруссіи, то едва-ли нужно говорить о чувствахъ, какія питаетъ она противъ насъ (Баваріи). А между тѣмъ въ числѣ людей, кои держатъ себя подобнымъ образомъ, есть лица, выказывающія особое довѣріе генералу Меерфельду ¹⁾. Въ этомъ случаѣ министры и придворные держатъ себя совершенно различно, чтò составляетъ явленіе весьма любопытное въ этомъ мірѣ царедворцевъ. Многія высокопоставленныя лица не отдали визита австрійскому генералу и оставили безъ вниманія карточки, которыя онъ завозилъ имъ два раза. Къ числу ихъ принадлежитъ графъ (Алексѣй) Орловъ, который, какъ мнѣ достовѣрно извѣстно, не отдалъ австрійскому консулу визита; точно также поступилъ по отношенію меня въ Новый годъ графъ Шуваловъ ²⁾. Меерфельдъ, къ которому всѣ отнеслись весьма холодно, былъ принятъ особенно нелюбезно министромъ Гурьевымъ ³⁾ и Волконскимъ».

Герцогъ Карлъ-Вильгельмъ-Фердинандъ Брауншвейгскій пріѣхалъ въ Петербургъ 31-го января 1806 г., чтобы выяснитъ причины, побудившія короля Фридриха-Вильгельма III вступить съ Франціей въ сношенія, которыя привели 15-го февраля къ заключенію союзнаго договора. Горячность, съ какою Ольри говоритъ въ своемъ донесеніи о герцогѣ, отождествляя интересы Пруссіи съ интересами своей страны, даетъ поводъ думать, что баварскій резидентъ былъ вполнѣ освѣдомленъ съ миссіей, возложенной на герцога Брауншвейгскаго, но ему не было повидимому извѣстно, что герцогу было сверхъ того поручено оправдать образъ дѣйствій Пруссіи и въ особенности занятіе Ганновера «силою обстоятельствъ» и подготовить заключеніе союза между Пруссіей и Россіей для совмѣстнаго дѣйствія противъ Наполеона. Пребываніе герцога въ Петербургѣ затянулось нѣсколько мѣсяцевъ. Ольри былъ совершенно правъ, говоря, что между взглядами руководящихъ сферъ Петербурга и любезностью, съ какою дворъ относился къ прусскому посланнику, не было ничего общаго; что господствовавшее въ войскѣ недовольство было вызвано тѣмъ духомъ «капральства» (corporalismus), который поддерживали въ немъ императоръ и великій князь и который

¹⁾ Генералъ Меерфельдъ, посланный въ Петербургъ австрійскимъ правительствомъ съ дипломатическимъ порученіемъ, считался отъявленнымъ врагомъ Франціи.

²⁾ Графъ Павелъ Шуваловъ † 1823 г.

³⁾ Министръ удѣловъ, съ 1810—1823, министръ финансовъ.

былъ главною причиною пораженія подъ Аустерлицемъ, и что, вслѣдствіе этого недовольства, императору было бы трудно въ надлежащій моментъ стать на сторону безусловныхъ сторонниковъ мира.

Въ своей третьей и послѣдней запискѣ, написанной въ началѣ мая 1806 г., Ольри сообщаетъ многія отдѣльныя подробности о переговорахъ, которые поглощали въ то время вниманіе Европы, но не описываетъ всего хода этихъ переговоровъ.

Въ первой половинѣ 1806 г. еще не было ровно ничего сдѣлано для осуществленія принятаго уже въ это время рѣшенія сдѣлать попытку къ соглашенію съ Наполеономъ для заключенія мира. Бывшій глава оппозиціи и партіи виговъ, въ англійской палатѣ общинъ, которая желала заключенія мира, Чарльзъ-Джемсъ Фоксъ, сталъ въ январѣ мѣсяцѣ 1806 г. во главѣ англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, осиротѣвшаго со смертію Питга. По существовавшему въ Россіи убѣжденію, котораго держался въ особенности Чарторыйскій, это обезпечивало возможность заключенія англо-французскаго мирнаго договора и давало Россіи случай приступить совмѣстно съ Великобританскимъ кабинетомъ къ переговорамъ о мирѣ. Императоръ считалъ совмѣстное дѣйствіе съ Англіею самымъ благоприятнымъ рѣшеніемъ вопроса, но Чарторыйскій хотѣлъ предупредить англичанъ и такъ счумѣлъ настоять на своемъ, что составленіе инструкцій для русскихъ уполномоченныхъ было поручено ему, и онъ могъ придать имъ двойное значеніе. Уполномоченнымъ для переговоровъ былъ избранъ бывшій повѣренный въ дѣлахъ въ Парижѣ, статскій совѣтникъ Убри, но такъ какъ намѣренія Фокса все еще не были выяснены, то отъѣздъ Убри замедлился и дѣло оставалось нерѣшеннымъ вплоть до іюля мѣсяца.

Записка Ольри была написана въ это именно неопредѣленное время; онъ касается въ ней почти исключительно двухъ пунктовъ: постоянно возростающаго недовольства администраціей и усиленія вліянія и дѣятельности англійской партіи. Ревностный сторонникъ Франціи, Ольри не находитъ довольно сильныхъ выраженій, чтобы изобразить тогдашнее положеніе Россіи и опасность, угрожавшую будущности этого государства и ея монарха. Несомнѣнно, что недовольство дѣйствительно было всеобщее, что причинъ къ этому было вполне достаточно и что подъ скипетромъ гуманнаго и нерѣшительнаго молодого императора злоупотребленія администраціи и лихоимства возрасли до чрезвычайныхъ размѣровъ по сравненію съ предыдущими царствованіями.

Весьма характерно, что самыя серьезныя и тяжкія обвиненія, предъявляемыя баварскимъ уполномоченнымъ въ дѣлахъ къ нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ, основаны имъ на свидѣтельствѣ высшихъ сановниковъ, пользовавшихся всеобщимъ уваженіемъ, и что эти «хорошо освѣдомленные люди» высказывали о своихъ коллегахъ и сотрудни-

какъ еще болѣе рѣзкія сужденія, нежели иностранный наблюдатель, который передаетъ только факты, сдѣлавшіеся всѣмъ извѣстными гораздо позже.

Донесеніе Ольри начинается описаніемъ серьезныхъ неудачъ, понесенныхъ русской политикой въ Азіи, неудавшейся миссіи въ Японію и Китай, Резанова и графа Головкина и печальнаго исхода такъ много обѣщавшей вначалѣ экспедиціи князя Циціанова въ Персію и союзныхъ съ нею пограничныхъ закавказскихъ племенъ, отъ которой ожидали блестящихъ результатовъ. Затѣмъ онъ разражается страстной филиппикой противъ графа Разумовскаго и нѣкоторыхъ другихъ сановниковъ (ссылаясь на свидѣтельство «свѣдущихъ людей», въ особенности директора канцеляріи министерства иностранныхъ дѣлъ Оберта), коихъ обвиняетъ въ подкупѣ со стороны Австріи и Англіи.

«Если принять во вниманіе великодушіе русскаго правительства относительно графа Стадіона ¹⁾, говоритъ Ольри, то можно подумать, что Россія хотѣла попытаться отплатить вѣнскому двору за его подкупъ тою же монетою. Помимо роскошныхъ подарковъ, сдѣланныхъ императоромъ ему (Стадіону) и его женѣ, его величество приказалъ приобрести за немощно высокую цѣну бывшія въ домѣ этого посланника картины, вина и съѣстные припасы. Подобныя же предложенія были сдѣланы въ очень деликатной формѣ княземъ Чарторыйскимъ графу фонъ-деръ-Гольцу, который былъ очень стѣсненъ деньгами и даже много задолжалъ, но Гольцъ отвергъ ихъ со свойственной ему безупречной честностью.

«Коль скоро зашла рѣчь о представителяхъ иностранныхъ державъ, кстати будетъ упомянуть, что маркизъ де-ла-Мезонфортъ ²⁾ былъ назначенъ на несуществовавшій до тѣхъ поръ постъ русскаго повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ его высочества герцога Брауншвейгскаго. Судя по тому, что мы говорили, подъ этимъ скрывалась тайная мысль учредить нѣкотораго рода контроль надъ русскимъ посольствомъ въ Берлинѣ. Считаютъ возможнымъ что Аполеусъ, удержится на своемъ посту, и въ настоящее время, когда французское вліяніе возрастаетъ, въ сѣверной Германіи хотятъ имѣть въ распоряженіи человека, который могъ бы наблюдать за соседними дворами, могъ бы получать, благодаря своимъ связямъ во Франціи, точныя свѣдѣнія изъ этой страны и въ случаѣ надобности могъ бы быть центромъ политическихъ интригъ,

¹⁾ Графъ Іоганъ-Филиппъ-Карлъ-Іосифъ Стадіонъ, назначенный послѣ заключенія Прессбургскаго мира австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, былъ въ 1804 и 1805 г. посланникомъ въ Петербургъ (р. 1763†1824).

²⁾ Маркизъ де-ла-Мезонфортъ былъ образованный эмигрантъ, владѣвшій перомъ, сумѣвшій снискать благоволеніе императора и такъ называемаго тріумвирата вышеупомянутой исторической драмой „Le mariage d'Aubigné“.

отъ коихъ нѣкоторые люди все еще не отказались. Г. де-Мезонфортъ распространилъ слухъ, что онъ другъ герцога Брауншвейгскаго, въ столицѣ коего онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, и далъ понять министерству, что чрезъ посредство герцога, пользующагося большимъ уваженіемъ въ Пруссіи и у короля, можно будетъ вліять на берлинскій кабинетъ, противодѣйствовать вліянію Франціи въ Берлинѣ и имѣть точку опоры».

Затѣмъ Ольри переходитъ ко внутреннему состоянію Россіи. «Слабость характера императора такъ ясно обнаружилась въ теченіе его слишкомъ пятилѣтняго правленія, говорятъ онъ,—что она вызываетъ неудовольствіе въ войскѣ. Придворные, хорошо изучивъ его, злоупотребляютъ его добротой. Изъ всѣхъ ходячихъ по этому поводу разсказовъ особенно любопытенъ и характеренъ нижеслѣдующій. Императоръ былъ недоволенъ пріѣхавшимъ недавно въ Петербургъ изъ Смоленской губерніи княземъ Борисомъ Голицынымъ и вопреки обычаю не пригласилъ его къ обѣду. Князь явился однако въ обѣденное время въ залу, гдѣ собирались приглашенные. Когда о немъ доложили, то императоръ приказалъ гофмаршалу графу Толстому спросить, что ему угодно. Князь отвѣчалъ, что онъ пріѣхалъ къ обѣду, полагая, что слѣдующее ему по чину приглашеніе не было послано по недоразумѣнію. Монархъ, чрезвычайно этимъ разсерженный, приказалъ гофмаршалу удалить нахала, но Толстой, не имѣвъ ни малѣйшаго желанія нажить себѣ изъ-за мимолетнаго гнѣва его величества врага въ лицѣ представителя вліятельнаго рода, просилъ уволить его отъ этого непріятнаго порученія. Тогда императоръ приказалъ ему позвать петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, «у котораго,—сказалъ онъ,—хватитъ вѣроятности исполнить это приказаніе». Такъ какъ губернаторъ также высказалъ нѣкоторое колебаніе и сказалъ, что это было бы слишкомъ большимъ униженіемъ для Голицына, то Александръ уступилъ и безъ дальнѣйшихъ разговоровъ сѣлъ за столъ. Голицынъ также сѣлъ за столъ, какъ ни въ чемъ ни бывало, и добрый монархъ считалъ его достаточно наказаннымъ тѣмъ, что онъ не говорилъ съ нимъ и что онъ обратился къ сосѣду Голицына съ нѣсколькими ядовитыми замѣчаніями относительно послѣдняго.

Опуская рядъ фактовъ, которые Ольри приводитъ въ доказательство подкупности чиновниковъ, остановимся на одномъ примѣрѣ:

«Почтовый чиновникъ, получающій заграничную корреспонденцію, разсказывалъ, мнѣ безъ малѣйшаго стыда,—пишетъ онъ,—что онъ получаетъ ежегодно 20.000 рублей отъ петербургскаго купечества. Если что-либо подобное можетъ происходить, такъ сказать, на глазахъ у монарха, то можно себѣ представить, чтѣ дѣлается въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ».

«Когда о таковыхъ вещахъ заходитъ рѣчь, то русскіе объясняютъ ихъ слабостью и гуманностью императора и воспитаніемъ, которое онъ получилъ. Я не зналъ лично Лагарпа, но знаю, что принципы, внушенные имъ своему воспитаннику, не подходили къ тому призванію, къ которому онъ былъ предназначенъ судьбою. Александръ былъ совершенно чуждъ своей странѣ.

«Когда я вспоминаю начало его царствованія и сравниваю его съ теперешнимъ положеніемъ, то я не вѣрю своимъ глазамъ. Когда были учреждены министерства, увеличены права Сената и министры сдѣланы до нѣкоторой степени отвѣтственными, и всѣ эти гуманныя распоряженія исходили непосредственно отъ престола и даже былъ поднятъ вопросъ о мѣрахъ, клонившихся къ отмѣнѣ крѣпостнаго права, то можно было подумать, что Александръ хотѣлъ устроить свою обширную монархію, населенную по большей части варварами(!), по образцу Афинской республики(?). Въ то время онъ проводилъ вечера въ дружеской бесѣдѣ съ Лагарпомъ, съ которымъ онъ постоянно совѣтовался и коего слушалъ, подобно тому, какъ ученики божественнаго Платона слушали своего учителя. Когда, пріѣхавъ сюда, я обратилъ вниманіе на сдѣланныя нововведенія и на разницу, существовавшую между ними и прежними правительственными принципами, то одинъ престарѣлый русскій сановникъ сказалъ мнѣ:

— Видно, что вы еще не знаете нашей страны; годика черезъ два все это забудется и измѣнится.

«Такъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ.

«Императоръ бываетъ иногда вспыльчивъ и упрямъ, считая, что онъ проявляетъ этимъ свою власть, и гордясь этимъ; но его знаютъ и умѣютъ воспользоваться другимъ моментомъ, чтобы добиться отъ него подъ другимъ видомъ того, чего хотятъ».

При такомъ положеніи дѣлъ надежды на заключеніе франко-русскаго союза были не блестящи. Олери говоритъ объ этомъ слѣдующее:

«Англійская партія пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вліянія, такъ что императору будетъ трудно побороть ее, если онъ когда-либо пойметъ опасность, какою она можетъ угрожать. Англійское посольство умѣетъ привлечь къ себѣ молодыхъ людей, кои имѣютъ вліяніе и значеніе въ политикѣ, и проявляетъ не свойственное ему обыкновенно гостепріимство. Тотъ, кто держитъ сторону этой партіи, встрѣчаетъ со стороны англійскаго посольства самый радушный пріемъ, прочихъ же встрѣчаютъ такъ, что у нихъ пропадаетъ охота пріѣхать вторично. Особенно бросается въ глаза близость къ этой партіи Меерфельда; его можно постоянно встрѣтить въ обществѣ членовъ англійскаго посольства, подобно тому, какъ нѣкогда графа Стадіона. Въ императорскомъ дворцѣ Англія имѣетъ вліяніе чрезъ нѣкоторыхъ врачей, которые извѣстны не столько своимъ

профессіоннымъ искусствомъ, сколько ловкостью къ интригамъ и умѣніемъ воспользоваться всякимъ обстоятельствомъ. Особенно отличается въ этомъ отношеніи Роджерсонъ. Онъ ѣздитъ часто въ Англію за новыми инструкціями и умѣетъ всегда быть во-время на мѣстѣ. Трудно себѣ представить, какъ враждебно относятся эти лица къ доктору Франку; его громкая извѣстность, неутомимая дѣятельность и умѣніе держать себя ставили его до сихъ поръ выше интригъ и клеветы».

Событія, случившіяся вскорѣ послѣ отправленія этого донесенія, доказали полную справедливость всего сказаннаго Ольри. По желанію императора, Убри былъ посланъ въ началѣ іюля въ Парижъ, гдѣ онъ заключилъ, по настоянію Талейрана, предварительный мирный договоръ. Возвратясь въ Петербургъ, Убри нашелъ въ столицѣ большія перемѣны Чарторыйскій, давшій ему инструкціи, которыя были составлены въ такомъ смыслѣ, что имъ могло быть придано различное истолкованіе относительно заключенія отдѣльнаго мира между Россіей и Франціей, оставилъ свой постъ а его преемникъ добился отмены заключеннаго предварительнаго договора и не одобрилъ всего сдѣланнаго Убри.

Рѣшительность, съ какою баронъ Будбергъ сталъ на сторону Англіи, поразила не только Чарторыйскаго, но даже и тѣхъ, кои хлопотали о его назначеніи.

Ольри, который (по его словамъ), не смотря на личное благоволеніе къ нему великаго князя Константина Павловича и дружескія отношенія къ Чарторыйскому, былъ постоянно окруженъ шпионами, былъ вынужденъ покинуть Петербургъ въ 1806 г. Его донесенія попали, кажется, не въ надлежащія руки; кромѣ того онъ возстановилъ противъ себя многихъ своею любовью къ интригамъ и своимъ эксцентрическимъ поведеніемъ. Ревностный приверженецъ Франціи и поклонникъ либеральныхъ и просвѣщенныхъ принциповъ, Ольри сдѣлался со временемъ такимъ отчаяннымъ реакціонеромъ и ультрамонтаномъ, что Швейцарскій Союзъ, при которомъ онъ былъ аккредитованъ во время реставраціи, считалъ его врагомъ швейцарской независимости, и ему угрожала опасность вторично быть удаленнымъ съ поста дипломатическаго агента.

Де-Брѣ находился въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ Ольри только во время пребыванія послѣдняго въ Петербургѣ. Въ дипломатическомъ мірѣ и въ особенности въ кругу аккредитованныхъ въ Берлинѣ дипломатовъ придавали извѣстное значеніе донесеніямъ баварскаго повѣреннаго въ дѣлахъ, такъ какъ ихъ считали правдивыми и заслуживающими довѣрія. Поэтому-то, вѣроятно, де-Брѣ и старался возстановить въ Петербургѣ репутацію нужнаго человѣка и обращался съ этой цѣлью къ Чарторыйскому и другимъ вліятельнымъ лицамъ, но всѣ его старанія были безуспѣшны.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Московскій университетъ въ 1826 году.

I.

Предписаніе начальника Главнаго штаба Дибича флигель-адъютанту полковнику гр. Строганову.

17-го апрѣля 1826 г., № 724.

Дошло до свѣдѣнія государя императора, что между воспитанниками Московскаго университета, а наипаче принадлежащаго къ оному Благороднаго пансіона, господствуетъ неприличный образъ мыслей. Въслѣдствіе чего высочайше мнѣ повелѣно поручить вашему сіятельству, на возвратномъ пути вашемъ изъ Костромы, чрезъ Москву, обратить вниманіе на профессоровъ, учителей и наставниковъ тамошняго университета и Благороднаго пансіона, рассмотреть въ особенности:

1) не кроется ли чего вреднаго для существующаго порядка вещей и противнаго правиламъ гражданина и подданнаго, въ системѣ учебнаго преподаванія наукъ?

2) Каково нравственное образованіе юныхъ питомцевъ и доказываетъ ли оно благонамѣренность самихъ наставниковъ, ибо молодые люди обыкновенно руководствуются внушаемыми отъ назидателей своихъ правилами.

Препровождаемое у сего письмо на имя попечителя Московскаго университета генералъ-маіора Писарева, ваше сіятельство отдадите ему, по приѣздѣ вашемъ въ Москву; копія съ онаго прилагается при семъ же къ собственному вашему свѣдѣнію.

II.

Письмо И. Дибича Александру Александровичу Писареву.

17-го апрѣля 1826 г., № 725.

Государь императоръ, желая до прибытія своего въ Москву, имѣть ближайшія свѣдѣнія о всѣхъ знаменитыхъ заведеніяхъ древней столицы, соизволилъ мнѣ повелѣть, между прочимъ, предписать флигель-адъютанту полковнику графу Строганову, по случаю проѣзда его чрезъ Москву, на возвратномъ пути изъ Костромы, осмотрѣть Московскій университетъ и принадлежащій къ нему Благородный пансіонъ.

Увѣдомляя ваше превосходительство о сдѣланномъ мною, въ слѣдствіе высочайшей воли, порученіи графу Строганову, имѣю честь быть и проч.

Россія и Англія въ Афганистанѣ.

(Изъ записокъ фельдмаршала лорда Робертса) ¹⁾.

II.

Когда извѣстіе о звѣрскомъ убійствѣ капитана Каваньяри и прочихъ членовъ англійскаго посольства подтвердилось, то индійское правительство рѣшило двинуть въ Афганистанъ, со всевозможною поспѣшностью, войска, чтобы отомстить афганцамъ за ихъ вѣроломный поступокъ. Командующимъ этимъ войскомъ былъ назначенъ Робертсъ.

Между тѣмъ, вице-королемъ Индіи были получены письма отъ эмира Якубъ-хана, въ которыхъ, описывая совершившееся трагическое происшествіе и разгромъ, учиненный въ Кабулѣ мятежниками, которые осаждали даже его дворецъ, онъ просилъ у индійскаго правительства совѣта и помощи. Хотя въ одномъ изъ этихъ писемъ онъ увѣрялъ въ своей преданности и дружескихъ чувствахъ къ Англіи, но по полученнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что въ то же время имъ были посланы изъ Кабула, къ сосѣднимъ племенамъ, эмиссары, съ цѣлью побудить ихъ оказать сопротивленіе англичанамъ въ ихъ движеніи къ Афганистану. Не допуская того, что убійство посла совершилось по наущенію Якубъ-хана, нельзя было сомнѣваться въ томъ, что имъ не были приняты мѣры предупрежденія этого печальнаго событія и что онъ дѣйствовалъ, вообще, неискренно.

Въ самомъ дѣлѣ, Якубъ-ханомъ были пущены въ ходъ все средства для того, чтобы задержать войско, шедшее подъ начальствомъ Робертса,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1902 г.

и убѣдить его предоставить афганскимъ властямъ самимъ наказать мятежниковъ. Съ этою цѣлью имъ даже были посланы къ Робертсу, для переговоровъ, его довѣренныя Мустафа-ханъ и Вазиръ-шахъ. Когда они ничего не добились отъ англійскаго генерала, то Якубъ рѣшилъ самъ повидаться съ нимъ, и 27-го сентября, Робертсъ, на пути къ Кабулу, получилъ чрезвычайно смутившее его извѣстіе, что Якубъ-ханъ прибылъ въ Куши. Съ нимъ находились: его сынъ Муза-ханъ, юноша лѣтъ семнадцати, его тестъ, главнокомандующій афганской арміей Даудъ-шахъ, свита, состоявшая изъ 45 человѣкъ, и конвой въ 200 человѣкъ.

«Нельзя сказать, чтобы первое впечатлѣніе, произведенное эмиромъ, было особенно благоприятное,—пишетъ Робертсъ.—Это былъ мужчина, лѣтъ тридцати двухъ, самой заурядной наружности, съ низкимъ, убѣгавшимъ назадъ, лбомъ и головою конической формы; онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка, лишеннаго той твердости характера, при отсутствіи которой, нечего было и думать управлять страной, и держать въ повиновеніи воинственное и непокорное населеніе Афганистана. Взглядъ у него былъ лукавый, онъ не могъ смотрѣть собесѣднику въ глаза, и я сразу почувствовалъ, что его наружность вполне соотвѣтствовала двоедушію, которое ему приписывали.

«Его присутствіе въ моемъ лагерѣ доставило мнѣ не мало безпокойства. Онъ то и дѣло получалъ и посылалъ письма и, безъ сомнѣнія, доставлялъ своимъ друзьямъ въ Кабулъ всѣ свѣдѣнія, какія только онъ могъ собрать о нашихъ силахъ и намѣреніяхъ. Но онъ пріѣхалъ подъ видомъ нашего союзника, искалъ у насъ защиты противъ своихъ мятежныхъ войскъ, и каковы бы ни были мои тайныя подозрѣнія, я не могъ отнестись къ нему иначе, какъ къ почетному гостю, до тѣхъ поръ, пока что-либо не заставило бы меня измѣнить свой взглядъ.

«Мой первый визитъ Якубъ-хану былъ совершенно офиціальныи. Но онъ тотчасъ воспользовался случаемъ и сталъ энергично наставлять на томъ, что мнѣ лучше было бы пріостановить мое движеніе, чтобы онъ имѣлъ время возстановить порядокъ въ войскѣ и наказать виновныхъ въ нападеніи на посольство. Я отвѣчалъ, что мнѣ даны самыя положительныя приказанія и что я обязанъ и твердо рѣшилъ идти къ Кабулу со всевозможной поспѣшностью. Видя, что его доводы не подѣйствовали, онъ перемѣнилъ тактику и заявилъ, что онъ боится за безопасность своей семьи, оставленной имъ въ Бала-Гиссарѣ ¹⁾, что у него есть только одинъ полкъ, на который онъ можетъ положиться, и онъ опасается, чтобы прочіе полки, услыхавъ о нашемъ приближеніи, не взбунтовались и не атаквали крѣпости, и боится, что ни въ чемъ

¹⁾ Крѣпость и резиденція эмира въ Кабулѣ

неповинное населеніе Кабула, не предполагая, что британское войско могло подойти такъ скоро, не успѣвъ увезти свои семьи.

«Чувствуя, что эти опасенія не были истинною причиною тѣхъ стараній, которые эмиръ прилагалъ, чтобы задержать насъ, я сказалъ ему, что я не могу исполнить его желанія, но что если мнѣ придется брать городъ приступомъ, то женщинамъ и дѣтямъ будетъ дано время оставить его.

«Мои слова, видимо, крайне опечалили Якубъ-хана. Оказывается, что онъ оставилъ Кабулъ столь поспѣшно, что даже не захватилъ съ собою палатки, и, если бы ему удалось убѣдить меня не идти далѣе, то онъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ возвратился бы въ Кабулъ. Какъ бы то ни было, для него была поставлена палатка посреди нашего лагеря, и были приняты всѣ мѣры къ возможно лучшему его содержанію.

«Когда прибыли, наконецъ, его палатки, то онъ просилъ позволенія поставить ихъ внѣ лагеря, на что я согласился, приказавъ, однако, поставить возлѣ его палатки такой же караулъ, какой стоялъ у меня, якобы для того, чтобы оказать ему почетъ, а въ сущности для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за всѣми его движеніями.

«Поведеніе моего царственного гостя не внушало мнѣ ничего успокоительнаго. Онъ все время поддерживалъ сношенія съ Кабуломъ, откуда къ нему то и дѣло являлись гонцы, очевидно привозившіе ему чрезвычайно важныя извѣстія, какъ объ этомъ можно было судить по жадности, съ какою онъ читалъ получаемыя имъ письма, и потому, что верховыя лошади гонцовъ изнемогали отъ усталости и слишкомъ быстрой ѣзды.

«Можно себѣ представить, какъ мнѣ было непріятно присутствіе въ нашемъ лагерѣ Якубъ-хана, который могъ сообщить кабульскимъ властямъ самыя точныя свѣдѣнія о нашей численности и движеніяхъ. А что онъ былъ увѣренъ въ нашемъ пораженіи, то объ этомъ можно было судить по тому, что его, въ началѣ не только дружественное, но даже низкопоклонное обращеніе со мною сдѣлалось, по мѣрѣ приближенія къ Кабулу, вызывающимъ и надменнымъ».

5-го октября, ровно мѣсяцъ спустя послѣ того, какъ было получено извѣстіе о печальной судьбѣ, постигшей англійское посольство, Робертсъ подошелъ къ Кабулу, а на слѣдующій день одержалъ полную побѣду надъ афганскимъ войскомъ, защищавшимъ доступъ къ столицѣ.

Весьма любопытенъ для характеристики азіатскаго правителя рассказъ Робертса о томъ, какъ держалъ себя Якубъ-ханъ въ этотъ знаменательный для него день, и съ какимъ самообладаніемъ онъ выслушалъ извѣстіе о пораженіи своихъ войскъ.

«Мой другъ эмиръ,—пишетъ Робертсъ,—окруженный своими сардарами, сидѣлъ весь день на холмикѣ среди нашего лагеря, слѣдя

*

съ большимъ вниманіемъ за ходомъ сраженія и разспрашивая воѣхъ подходившихъ къ нему о томъ, какъ идетъ дѣло. Какъ только я окончательно убѣдился въ побѣдѣ, я послалъ своего адъютанта къ его степенству сообщить ему это радостное извѣстіе. Это была, безъ сомнѣнія, тяжелая минута для него, и горькое разочарованіе послѣ того, какъ онъ и его приверженцы въ Кабулѣ тщательно выработали, какъ я впоследствии узналъ, планъ для нашего истребленія. Но эмиръ выслушалъ это извѣстіе съ чисто азіатскимъ спокойствіемъ, не высказавъ ни малѣйшаго огорченія и прсылѣ адъютанта передать мнѣ, что такъ какъ мои враги—его враги, то онъ радуется моей побѣдѣ.

«Я былъ вполне доволенъ результатомъ этого дня, но, какъ бы то ни было, въ 12 миляхъ, за холмами, стоялъ Кабулъ съ тысячами вооруженныхъ жителей, готовыхъ энергично сопротивляться, если бы намъ пришлось брать городъ приступомъ.

«Поэтому нельзя было терять времени и, не смотря на усталость войска, ему было приказано съ разсвѣтомъ идти далѣе.

«Наше послѣднее движеніе впередъ тотчасъ послѣ пораженія, нанесеннаго афганцамъ наканунѣ, произвело желаемое дѣйствіе. Прибывъ въ Бени-Гиссаръ, довольно значительную деревню, окруженную огородами и садами, лежащую всего въ двухъ миляхъ къ югу отъ столь прославленной крѣпости Бала-Гиссаръ, я послалъ кавалерійскій развѣздъ осмотрѣть мѣстность и получилъ пріятную вѣсть, что Бала-Гиссаръ оставленъ непріятелемъ и что часть города, которую можно было разсмотрѣть, казалась пустынною.

«Въ теченіе этого дня меня посѣтили именитые кабульскіе купцы; каждый изъ нихъ рассказывалъ по-своему о движеніи разбитой мною афганской арміи и о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ афганскаго главнокомандующаго. Изъ ихъ разнорѣчивыхъ рассказовъ я могъ, однако, заключить, что изъ Когистана подошли свѣжія войска, которыя соединились съ остатками разбитой мною арміи и заняли холмы, возвышавшіеся надъ Кабуломъ къ западу».

Но на слѣдующее утро оказалось, что афганцы побоялись вступить въ сраженіе и, воспользовавшись ночью темнотою, бѣжали, оставивъ въ своемъ лагерѣ множество оружія, слоновъ, верблюдовъ, муловъ и пони.

Англійскій лагерь былъ перенесенъ ближе къ городу на плато, возвышающееся между рѣками Кабуломъ и Лагаромъ близъ ихъ слиянія, въ разстояніи менѣе одной мили отъ Бала-Гиссара.

«Наконецъ, говоритъ Робертсъ, я былъ въ Кабулѣ, о которомъ я такъ много слышалъ съ самаго дѣтства, и который мнѣ такъ хотѣлось видѣть. Онъ лежалъ у моихъ ногъ, раскинувшись на довольно обширномъ пространствѣ, со своими глинянаго цвѣта зданіями и 50.000 жителей. Въ юго-

восточномъ углу города виднѣлась крѣпость Бала-Гиссаръ, живописно расположенная на выступѣ скалы у подошвы Шаръ-и-Дарвиза, по гребню котораго шла укрѣпленная стѣна.

«Мнѣ донесли, что Кабулъ былъ совершенно спокоенъ; въ нашъ лагерь явилось множество купцовъ, предлагая свои товары, но я запретилъ кому бы то ни было ѣздить въ городъ до тѣхъ поръ, пока мною не будутъ приняты мѣры для поддержанія порядка среди фанатичнаго, вѣроломнаго и мстительнаго населенія.

«Два дня спустя, я поѣхалъ въ Бала-Гиссаръ и пытался воспроизвести въ своемъ воображеніи картину храброй защиты и трагической кончины посольства. Стѣны дома, въ которомъ оно помѣщалось, истыканныя пулями, свидѣтельствовали объ энергичномъ нападеніи и о продолжительной оборонѣ. На полу были кровавыя пятна, а въ пеплѣ очага были найдены груды человѣческихъ костей. Можно себѣ представить, что испытали мои солдаты при видѣ этого, и какъ трудно было сдержатъ проявленіе ихъ чувствъ ненависти и вражды противъ виновниковъ злодѣйскаго покушенія.

«Бала-Гиссаръ, нѣкогда довольно сильное укрѣпленіе, находилось въ разоренномъ состояніи, и его не трудно было бы взять приступомъ, если бы дѣло до этого дошло».

«Я имѣлъ въ это время нѣсколько интересныхъ разговоровъ съ Якубъ-ханомъ. Обсуждая со мною причины, побудившія Ширъ-Али отдалиться отъ насъ и искать сближенія съ Россіей, онъ высказалъ, что хотя его отецъ и не получилъ отъ англійскаго правительства всего, что онъ желалъ, но онъ все-таки былъ доволенъ тѣмъ, что было сдѣлано для него. Но когда Саидъ-Нуръ-Магомедъ возвратился, въ 1873 г., изъ своей поѣздки въ Индію, то онъ убѣдилъ Ширъ-Али въ томъ, что онъ не могъ долѣе разсчитывать на помощь со стороны Великобританіи, тогда Ширъ-Али сдѣлалъ нѣкоторыя предложенія русскимъ, съ которыми съ тѣхъ поръ постоянно поддерживалъ сношенія.

«Когда отецъ,—говорилъ Якубъ,—получилъ отъ индійскаго правительства письмо съ извѣщеніемъ, что въ Кабулъ отправляется британское посольство», то онъ прочелъ его на дурбарѣ, на которомъ присутствовали члены русскаго посольства. Когда чтеніе письма было окончено, то полковникъ Столѣтовъ всталъ, поклонился эмиру и просилъ у него позволенія уѣхать изъ Кабула съ тѣмъ, чтобы немедленно отправиться въ Ташкентъ и изложить положеніе дѣлъ генералу Кауфману, который извѣститъ обо всемъ царя и постарается о томъ, чтобы на Англію было произведено давленіе. Онъ обѣщалъ возвратиться мѣсяца черезъ полтора или два и совѣтовалъ эмиру сдѣлать тѣмъ временемъ все, что будетъ въ его власти, чтобы не допустить посольство въ Кабулъ. Полковникъ Столѣтовъ не вернулся болѣе въ Кабулъ. Онъ по-

спѣшно выѣхалъ въ Ташкентъ, гдѣ пробылъ не долго, и затѣмъ отправился въ Россію ¹⁾).

«Афганскій чиновникъ, мирза Магомедъ - Гассанъ - ханъ, болѣе извѣстный подъ именемъ «Дабиръ-ул-Мулка», сопровождавшій полковника Столѣтова отъ Аму-Дарьи до Кабула, сопутствовалъ ему и на обратномъ пути въ Ташкентъ, гдѣ мирза былъ задержанъ подъ предлогомъ, что вскорѣ будутъ получены приказанія отъ императора, и гдѣ онъ оставался до тѣхъ поръ, пока генераль Кауфманъ не получилъ извѣстія о бѣгствѣ моего отца изъ Кабула. Тогда ему было разрѣшено выѣхать. Съ нимъ были посланы два адъютанта, одинъ европеецъ, а другой бухарецъ.

«Генераль Кауфманъ очень совѣтовалъ моему отцу не покидать Кабула ²⁾. «Вмѣстѣ съ тѣмъ чинамъ посольства было приказано возвратиться, а доктору было разрѣшено остаться съ моимъ отцомъ, если онъ нуждается въ его услугахъ.

¹⁾ По отъѣздѣ изъ Кабула, Столѣтовъ извѣстилъ афганскаго министра иностранныхъ дѣлъ Вазиръ-шаха-Магомедъ-хана 21-го сентября 1878 года о своемъ благополучномъ возвращеніи въ Ташкентъ и о томъ что онъ отправляется въ Россію, чтобы донести императору о результатѣ переговоровъ его съ афганскимъ правительствомъ, и между прочимъ выражалъ надежду, что тѣ, кои захотятъ вступить въ Кабулъ чрезъ восточныя ворота, найдутъ ихъ запертыми, и это заставитъ ихъ трепетать. (Изъ переписки, захваченной Робертсомъ въ Кабулѣ и помѣщенной въ Приложеніи къ его запискамъ).

²⁾ 25-го декабря 1878 г. генераль-адъютантъ Кауфманъ писалъ эмиру, что англійское министерство, на запросъ, сдѣланный ему русскимъ правительствомъ, отвѣчало, что Англія не намѣрена посягать на независимость Афганистана; со своей стороны онъ горячо совѣтовалъ эмиру не покидать страны, а постараться придти къ соглашенію съ англичанами, если же онъ не пожелаетъ возвратиться для этого въ Кабулъ, то генераль-губернаторъ совѣтовалъ ему уполномочить Якубъ-хана заключить миръ на извѣстныхъ условіяхъ.

Повторяя еще разъ совѣтъ не уѣзжать изъ Афганистана, Кауфманъ писалъ, что это не только не принесетъ пользы эмиру, но что его появленіе на русской территоріи можетъ ухудшить дѣло.

Въ томъ же мѣсяцѣ туркестанскій генераль-губернаторъ писалъ генералу Розгонову, находившемуся въ Кабулѣ, что такъ какъ Россія не можетъ въ зимнее время помочь эмиру войскомъ, то чтобы онъ посовѣтовалъ ему повременить до весны; а если, несмотря на все стараніе эмира, война будетъ объявлена, то Розгонову повелѣвалось выѣхать изъ Афганистана.

17-го января 1874 г. Кауфманъ подтвердилъ эмиру, что вслѣдствіе его просьбы о помощи, императоръ вошелъ въ сношеніе съ великобританскимъ правительствомъ и русскому посланнику въ Лондонѣ подтверждено, что независимость Афганистана останется неприкосновенною, и что императоръ, получивъ извѣстіе о томъ, что эмиръ оставилъ Кабулъ и передалъ престолъ сыну

«Русскому посольству оказывали всюду большой почетъ, и войскамъ на всѣхъ станціяхъ, между Мазаръ-и-Шарифомъ и Кабуломъ, было приказано выходить имъ навстрѣчу и привѣтствовать ихъ при прїѣздѣ и при отъѣздѣ залпомъ изъ ружей.

«Не могу поручиться,—говорить Робертсъ,—за точность каждого слова, сказаннаго Якубъ-ханомъ, но ручаюсь за то, что все вышесказанное написано по замѣткамъ, тогда же мною занесеннымъ въ записную книгу, и есть вполнѣ вѣрное воспроизведеніе сказаннаго имъ.

«Было бы излишне,—продолжаетъ онъ,—приводить какое-либо доказательство въ подтвержденіе того факта, что Ширъ-Али, по той или другой причинѣ, отдалился отъ насъ въ послѣдніе годы своего царствованія и сталъ склоняться въ пользу союза съ Россіей, но мнѣ кажется, что связь, существовавшая между возникшимъ, болѣе тѣснымъ сближеніемъ Россіи съ Кабуломъ и размѣромъ враждебнаго отношенія къ намъ эмира не была до сихъ поръ оцѣнена какъ должно. Сказанное Якубъ-ханомъ проливаетъ на этотъ вопросъ нѣкоторый свѣтъ, и его слова (о томъ, что эмиромъ поддерживались съ 1873 г. сношенія съ русскими) подтверждаются тѣмъ, что мы встрѣтили въ Кабулѣ гораздо болѣе русскихъ, нежели англичанъ. Афганскіе сардары и офицеры были одѣты въ мундиры русскаго покроя, въ казначействѣ оказались русскія деньги, на базарахъ продавались русскіе товары и хотя дороги, ведущія въ Среднюю Азію, были, конечно, не лучше тѣхъ, которыя вели въ Индію, но Россія воспользовалась ими лучше, нежели мы для того, чтобы завязать торговые сношенія съ Афганистаномъ.

«Преобладаніе русскихъ денегъ и товаровъ въ Кабулѣ и обширныя военныя приготовленія, которыя дѣлались Ширъ-Али послѣдніе годы, составляютъ любопытный комментарий къ всему разсказанному Якубъ-ханомъ. Разрывъ, происшедшій между нами и Ширъ-Али, далъ намъ возможность обнаружить и предотвратить серьезный заговоръ, угрожавшій спокойствію и безопасности Индійской имперіи.

приказалъ сообщить Ширъ-Али, что въ настоящее время ему не можетъ быть оказано помощи войскомъ. Нѣсколько раньше, а именно 8-го октября 1878 г. генералъ-маіоръ Столѣтовъ, по прїѣздѣ въ Ташкентъ, благодарилъ эмира письмомъ за оказанный ему пріемъ и, увѣряя его въ дружескихъ къ нему чувствахъ русскаго императора и готовности помочь ему, писалъ что „тому, кто находится на высокой горѣ, лучше видно то, что дѣлается вокругъ него, и что по милости Божіей на свѣтѣннѣ государства равнаго государству великаго императора“, поэтому онъ совѣтуетъ эмиру во всемъ сообразоваться съ совѣтами русскаго правительства, которое „мудро, какъ змѣй, и кротко, какъ голубь“. Далѣе, увѣдомляя эмира, что Англія желаетъ заключить съ нимъ миръ, онъ совѣтовалъ ему согласиться на это, но въ то же время постараться „раз-узнать намѣренія сосѣднихъ племенъ и, заключивъ миръ, готовиться втайнѣ къ войнѣ“. (Тамъ же).

«Обширные военные приготовления, которые дѣлались Ширъ-Али, представляютъ, по моему мнѣнію, фактъ въ высокой степени знаменательный. Еще до начала войны, эмиръ призвалъ къ оружію и вооружилъ ружьями, заряжающимися съ казенной части, 68 полковъ пѣхоты и 16 полковъ кавалеріи. Афганская артиллерія была доведена до 300 орудій. Множество мастеровъ работало непрерывно надъ изготовленіемъ нарѣзныхъ орудій и ружей, заряжающихся съ казенной части.

«Въ Бала-Гиссарѣ оказалось болѣе милліона пудовъ пороха и нѣсколько милліоновъ боевыхъ снарядовъ, туземной работы. Было заготовлено также соотвѣтственное этому количество сабель, касокъ, мундировъ и другихъ предметовъ воинскаго снаряженія. Наконецъ Ширъ-Али затратилъ поразительное количество денегъ и труда на постройку укрѣпленнаго лагеря въ Шерпурѣ; о размѣрахъ и стоимости этого сооруженія можно судить по тому, что въ немъ могло бы помѣщаться въ теченіе цѣлой зимы все войско, находившееся подъ моею командою, при чемъ наибольшая часть его могла помѣститься въ чертѣ главнаго вала, который тянулся приблизительно на двѣ мили, у подошвы южнаго и западнаго склоновъ холмовъ Б и м а р у. Очевидно, первоначальнымъ намѣреніемъ Ширъ-Али было обнести всѣ эти холмы валомъ на протяженіе 5 миль и на значительномъ протяженіи уже былъ заложенъ фундаментъ. Всѣ эти воинственные приготовления могли имѣть цѣлью единственно непріязненные дѣйствія противъ насъ; въ добавокъ трудно понять, какимъ образомъ афганское казначейство могло дать потребныя для этого сооруженія деньги, когда весь доходъ страны равнялся около 8 лакъ рупій (800.000 руп.) въ годъ.

«Я сказалъ, что изобиліе русскихъ денегъ и товаровъ въ Кабулѣ было доказательствомъ возрастающаго сближенія Россіи съ Афганистаномъ. У меня не было доказательствъ того, что русскія деньги были ввезены туда какимъ-либо инымъ путемъ кромѣ торговли. Весьма возможно, что большая часть этого золота, и быть можетъ и все оно проникло туда постепенно, такъ какъ въ этой странѣ, гдѣ чеканится весьма мало денегъ, заботятся о накопленіи иностранной звонкой монеты. Тѣмъ не менѣе, огромное количество русскаго золота, находившагося тутъ въ обращеніи, было такъ велико, что это невольно поражало. Въ одной кассѣ эмира найдено было не менѣе 13.000 золотыхъ монетъ; подобныхъ же монетъ падалось не мало и на городскихъ базарахъ; всѣмъ извѣстно, что ихъ было также не мало у сардарей. Разумѣется, въ Кабулѣ также много всевозможныхъ англійскихъ товаровъ, иначе и быть не могло, тѣмъ болѣе, что въ городѣ проживаетъ множество купцовъ, индусовъ, но и русскихъ товаровъ тутъ чрезвычайно много. Стекло, фаянсъ, шелки, чай и много другихъ вещей, которыя, казалось бы, гораздо легче при-

вести изъ Индіи, нежели изъ Россіи, встрѣчаются тутъ въ огромномъ количествѣ.

«У сардарей и другихъ служащихъ вошло, какъ сказано, въ моду носить не только мундиры русскаго покроя, но русскія пуговицы, русскіе сапоги и тому подобное. Вообще, русскіе товары и русскіе обычаи, повидимому, вошли въ моду въ Афганистанѣ».

Послѣ занятія Кабула Якубъ-ханъ былъ вынужденъ передать Робертсу часть не уничтоженной переписки своего отца съ русскими генералами,

«Когда я спросилъ Якубъ-хана, куда дѣлась переписка, которая должна была происходить между его отцомъ и русскими, читаемъ въ запискахъ Робертса, то онъ отвѣтилъ мнѣ, что онъ уничтожилъ ее по пути въ Гандамакъ; однако, нѣкоторые письма генераловъ Кауфмана и Столѣтова достались въ мои руки.

Въ одну изъ моихъ послѣднихъ бесѣдъ съ нимъ, «Якубъ-ханъ, совѣтовалъ мнѣ не терять изъ вида Герата и Туркестана. На мой вопросъ, имѣетъ ли онъ какой-нибудь поводъ ожидать съ этой стороны непріятностей, онъ отвѣчалъ: «Я не могу сказать, что именно можно ожидать, но помните, что я предостерегалъ васъ». Безъ сомнѣнія, онъ зналъ болѣе того, нежели говорилъ, и я считаю возможнымъ, что онъ имѣлъ кое-какія свѣдѣнія о намѣреніяхъ своего брата, Эюбъ-хана ¹⁾ относительно Кандагара, и предвидѣлъ вѣроятно, что Абдуррахманъ появится на сценѣ изъ Туркестана».

12-го октября должно было происходить въ Бала-Гиссарѣ чтеніе прокламаціи, въ которой излагались дальнѣйшія намѣренія англійскаго правительства по отношенію къ Афганистану и мѣры, какія оно рѣшило принять для утвержденія власти эмира, наказанія виновныхъ въ убійствѣ посольства и для водворенія въ странѣ порядка.

«Я очень затруднялся, пишетъ Робертсъ, какъ поступить относительно эмира, но мое недоумѣніе скорѣ разрѣшилось самимъ Якубъ-ханомъ. 12-го числа, рано утромъ, онъ явился ко мнѣ въ палатку, когда я еще не былъ одѣтъ, и попросилъ у меня свиданія. Я предложилъ своему царственному посѣтителю единственный, бывшій у меня стулъ, на который онъ сѣлъ, и тотчасъ заявилъ мнѣ, что онъ рѣшилъ отказаться отъ престола, это рѣшеніе его принято твердо, что жизнь его самая жалкая и что онъ скорѣ согласится косять сѣно въ англійскомъ лагерѣ, нежели быть правителемъ Афганистана; въ заключеніе онъ умолялъ меня позволить ему поставить свою палатку возлѣ моей до тѣхъ поръ, пока онъ не получитъ возможность уѣхать въ

¹⁾ Сардаръ Эюбъ-ханъ былъ въ 1879 г. губернаторомъ Герата.

Индію, въ Лондонѣ, куда бы то ни было, куда вице-король пожелаетъ отправить его.

«Я предоставилъ въ его распоряженіе палатку, велѣлъ приготовить для него завтракъ и просилъ его хорошенько обдумать принятое имъ рѣшеніе, присовокупивъ, что я повидаюсь съ нимъ вторично въ десять часовъ, передъ тѣмъ какъ отправиться (для чтенія прокламаціи) въ Бала-Гиссаръ».

Рѣшеніе Якубъ-хана осталось неизмѣннымъ.

28-го октября былъ обнародованъ манифестъ объ отреченіи его отъ престола, и нѣсколько времени спустя онъ и главные его министры были отправлены въ Индію, гдѣ ему было назначено опредѣленное мѣстожителство; афганскій престолъ остался вакантнымъ, и генералъ Робертсъ временно принялъ на себя высшее управленіе военными и политическими дѣлами въ Афганистанѣ.

Продолжительная оккупация англійскимъ войскомъ укрѣпленнаго лагеря при Шерпурѣ, захватъ артиллеріи и многочисленныхъ боевыхъ снарядовъ, разрушеніе исторической крѣпости афганцевъ и резиденціи ихъ эмировъ, наконецъ, отправка въ Индію самого эмира и его министровъ могли довести обычную ненависть афганцевъ къ иностранцамъ до высшей степени. И дѣйствительно афганцы, движимые религіознымъ и патріотическимъ энтузіазмомъ, подстрекаемые къ тому же своими муллами, начали еще въ ноябрѣ мѣсяцѣ собираться большими отрядами, противъ которыхъ англійскія войска дѣйствовали безъ особеннаго успѣха. 18-го декабря афганцы окружили Шерпурскій лагерь и 23-го декабря пытались произвести штурмъ, который однако былъ отбитъ съ большими потерями, послѣ чего афганцы обратились въ бѣгство; всѣ ихъ отряды были разсѣяны, и страна мало-по-малу стала успокаиваться. Тогда на очередь сталъ вопросъ объ избраніи новаго эмира, который могъ бы занять въ Кабулѣ престолъ съ надеждою удержаться на немъ. Этотъ вопросъ живо интересовалъ индійское и великобританское правительства.

Исторія Афганистана показывала, какъ трудно было одному лицу сосредоточить въ своихъ рукахъ власть надъ непокорными племенами, населявшими страну. Достъ-Магомедъ, первый попытавшійся объединить Афганистанъ, провелъ всю жизнь въ борьбѣ за власть и въ стараніи утвердить ее; его преемникъ, Ширъ-Али, пять лѣтъ велъ междоусобную войну прежде, нежели утвердился на престолѣ, и никогда бы не одержалъ верхъ надъ своими соперниками, если бы Англія не оказала ему матеріальной поддержки. Для безопасности Индійской имперіи и спокойствія ея границъ самымъ желаннымъ сосѣдомъ былъ, разумѣется, сильный и объединенный Афганистанъ, при условіи, конечно, что англійское правительство могло бы быть увѣрено въ томъ,

что ихъ интересы были бы тождественны, но существовала возможность, что силы Афганистана будутъ направлены противъ Англіи. Даже если бы вновь избранный эмиръ оказался всецѣло преданнымъ Англіи, то исторія Афганистана могла повториться и изъ-за престола могла снова возгорѣться междоусобная война со всѣми ея тревожными послѣдствіями.

Таковы были въ общихъ чертахъ соображенія, побудившія въ то время генерала Робертса предложить своему правительству раздѣлить Афганистанъ на нѣсколько самостоятельныхъ княжествъ, какъ это было до Достъ-Магомеда, и не назначать общаго властителя. Но это было найдено невыполнимымъ, и британское правительство начало съ главнѣйшими афганскими князьями переговоры объ избраніи эмира, который имѣлъ бы въ странѣ достаточное число приверженцевъ. Найти такое лицо было не легко. Робертсъ остановилъ свой выборъ на Абдуррахманѣ, племянникѣ бывшаго эмира Ширъ-Али, но никто довольно долго не зналъ, гдѣ онъ находится, какъ вдругъ въ концѣ января 1880 г. было получено письмо отъ его матери, жившей въ Кандагарѣ, которая писала, что Эюбъ-ханъ предлагалъ ея сыну соединиться съ нимъ и дѣйствовать противъ англичанъ, но Абдуррахманъ отъ этого отказался, заявивъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ «не можетъ оставить русскую территорію безъ позволенія русскихъ, отъ коихъ онъ получаетъ субсидію, и что, даже получивъ это разрѣшеніе, онъ не пріѣхалъ бы въ Афганскій Туркестанъ и въ Кабулъ иначе, какъ по приглашенію Англіи».

Индійское правительство дѣйствительно само предложило ему занять афганскій престолъ. Переписка, возникшая по этому поводу съ нимъ у англійскихъ властей, весьма любопытна и даетъ очень яркую характеристику этого замѣчательнаго государя.

Абдуррахманъ сразу весьма точно и опредѣленно поставилъ вопросъ о своихъ будущихъ отношеніяхъ какъ къ Англіи, такъ и къ Россіи. Выражая полную готовность поддерживать дружественныя отношенія съ Англіею и воспользоваться ея помощью для того, чтобы возстановить въ Афганистанѣ миръ и порядокъ, онъ увѣдомилъ вмѣстѣ съ тѣмъ англійское правительство, что займетъ афганскій престолъ только съ согласія русскаго правительства, по отношенію къ которому онъ имѣлъ извѣстныя обязательства за оказанное ему гостепріимство, и вообще далъ понять, что его отношенія къ обоимъ государствамъ всегда будутъ совершенно одинаковы, т. е., другими словами, онъ сразу старался поставить себя въ совершенно независимое положеніе.

Индійское правительство отвѣчало ему, что оно не можетъ войти съ нимъ въ обсужденіе вопроса объ отношеніяхъ Афганистана къ Великобританіи и Россіи и что оно всегда и при всякихъ обстоятельствахъ

считало устраненіе иноземнаго вліянія и вмѣшательства во внутреннія дѣла Афганистана непремѣннымъ условіемъ, обезпечивающимъ спокойствіе Индійской имперіи, и на которомъ могла бы быть оказана поддержка афганскому эмиру, и что это условіе всегда признавалось и русскимъ правительствомъ, которое неоднократно подтверждало сдѣланное имъ англійскому правительству заявленіе, что «Россія считаетъ Афганистанъ внѣ сферы своего вліянія».

Переговоры съ Абдуррахманомъ еще не были окончены, когда было получено извѣстіе, что правитель Герата, Эюбъ-ханъ, призываетъ со-сѣднія племена къ возстанію, собравъ значительныя силы (12.000 чел.), и нанесъ англичанамъ (12-го іюля 1880 г.) рѣшительное пораженіе при Маймандѣ. Остатки британскаго войска, преслѣдуемые афганской конницей, бѣжали въ Кандагаръ, гдѣ генераль Примрозъ былъ осажденъ Эюбъ-ханомъ съ отрядомъ въ 3.650 чел. Тогда Робертсъ рѣшилъ немедленно идти ему на выручку съ тѣми войсками, которыми онъ могъ располагать, и совершилъ свой извѣстный кандагарскій походъ, принесшій ему титулъ лорда, въ столь короткій промежутокъ времени (съ 7-го августа по 2-е сентября 1880 г.), что онъ могъ считаться необыкновеннымъ подвигомъ. Эюбъ-ханъ былъ разбитъ на голову и потерялъ всю свою артиллерію.

Между тѣмъ 22-го іюля 1880 г. на дурбарѣ афганскихъ князей, созванномъ въ Кабулѣ генераломъ Робертсомъ, Абдуррахманъ былъ провозглашенъ эмиромъ и принялъ власть на чрезвычайно выгодныхъ условіяхъ. Британское правительство отказалось отъ своего притязанія содержать въ Кабулѣ постоянное посольство, обѣщало очистить всю страну, уплачивать эмиру ежегодную ренту и возвратить большую часть отнятыхъ пушекъ и другаго оружія, взамѣнъ чего Абдуррахманъ обязался только не вступать въ политическія сношенія ни съ ка-кимъ другимъ иностраннымъ правительствомъ.

Но вскорѣ положеніе Абдуррахмана сдѣлалось весьма затруднительнымъ, вслѣдствіе дальнѣйшихъ успѣховъ Россіи въ Средней Азіи, которые усилили соперничество между нею и Великобританіей и заставили послѣднюю еще пристальнѣе слѣдить за Афганистаномъ.

«Нельзя было относиться безразлично къ дѣйствіямъ Россіи, — писалъ Робертсъ, — ибо, въ то время, когда мы отказались отъ нашего господствующаго положенія въ Кандагарѣ, она значительно приблизилась къ Афганистану и при томъ въ направленіи болѣе выгодномъ, чѣмъ прежде, для того, чтобы идти впередъ еще далѣе».

До 1881 г., русской арміи, если бы таковая была двинута въ Афганистанъ, пришлось бы рѣшить трудную задачу—либо перейти черезъ Гинду-Кушъ, представлявшій весьма внушительную преграду, либо пройти по пустынямъ Хивы и Бухары, въ томъ случаѣ, если бы она

была двинута къ Герату. Но все это измѣнилось со взятіемъ Геокъ-Тепе Скобелевымъ (1881 г.) и съ побѣдами, одержанными имъ надъ текинцами, которыя предоставили Мервъ во власть Россіи и дали ей возможность перенести ея операціонный базисъ изъ Оренбурга къ Каспійскому морю. Это былъ важнѣйшій изъ всѣхъ шаговъ, когда-либо сдѣланныхъ Россіей въ ея поступательномъ движеніи къ Индіи.

«Я обращаю, говоритъ Робертъ, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ вниманіе индійскаго правительства на то, какъ много выиграла бы Россія, когда, завоевавъ Мервъ,—а я считалъ это завоеваніе неизбѣжнымъ въ ближайшемъ будущемъ,—она получила бы возможность сдѣлать этотъ шагъ. На мои слова не обратили въ то время вниманія, надъ ними даже смѣялись и говорили, что я, какъ и нѣкоторые другія лица, раздѣлявшія мой взглядъ, былъ одержимъ болѣзнью, которую одинъ извѣстный политическій дѣятель окрестилъ названіемъ «Mervousness» (мервность, отъ nervousness—нервность) и подъ вліяніемъ которой я такъ сильно беспокоился объ успѣхахъ русскихъ въ Средней Азіи. Но нѣсколько времени спустя мои слова оправдались. Мервъ сдѣлался (1885 г.) русскимъ владѣніемъ, и Туркестанъ былъ непосредственно соединенъ съ Петербургомъ желѣзною дорогою и пароходнымъ сообщеніемъ. Нельзя отрицать того, что это давало русскимъ возможность, въ случаѣ надобности, быстро двинуть кавказскую армію на театръ военныхъ дѣйствій и что генералъ Комаровъ могъ, такимъ образомъ, продиктовать свои условія коммисіи, имѣвшей цѣлью установить сѣверную границу Афганистана, и русскіе могли овладѣть Пенджа (на лѣвомъ берегу Мургаба, въ 35 кил. выше отъ впаденія въ него Кушки), на глазахъ у британскихъ офицеровъ».

Бразды правленія въ Индіи находились въ то время въ рукахъ лорда Дюфферина. Въ виду тревожнаго оборота, который принимали дѣла въ Средней Азіи, и крайне натянутыхъ отношеній, установившихся между Россіей и Англіей, и взаимнаго недовольства и недоразумѣній, возникшихъ по вопросу о проведеніи сѣверной границы, вице-король счелъ нужнымъ имѣть свиданіе съ афганскимъ эмиромъ, котораго онъ пригласилъ съ этою цѣлью въ мартъ мѣсяцѣ 1886 г. въ Раваль-Пиндъ.

«Абдуррахману было въ то время 45 лѣтъ; страдая ревматизмомъ, онъ долженъ былъ опираться на палку, но, не смотря на это, его статная фигура была благородна и внушала уваженіе. У него было мужественное, умное и красивое лицо, но его нѣсколько портило жесткое выраженіе рта; въ обращеніи онъ былъ вѣжливъ, хотя нѣсколько рѣзокъ».

При первомъ же свиданіи эмиръ напомнилъ лорду Дюфферину, что онъ предостерегалъ британское правительство относительно движенія

русскихъ къ Афганистану, которое производило тревожное впечатлѣніе на умы его соотечественниковъ.

Вице-король отвѣчалъ, что если Россія двинется къ Герату, то Англія отвѣтитъ на это объявленіемъ войны, поэтому онъ счелъ нужнымъ поставить Абдурахману ребромъ вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ его къ Англіи и указалъ ему на безусловную необходимость рѣшить совершенно опредѣленно, кого изъ своихъ могущественныхъ союзей онъ выбираетъ союзникомъ въ случаѣ войны между ними; въ то же время лордъ Дюфферинъ совѣтовалъ Абдурахману укрѣпить сѣверную границу Афганистана и предлагалъ ему услуги англійскихъ инженеровъ для приведенія Герата въ состояніе надлежащей обороны.

Абдурахманъ горячо поблагодарилъ лорда Дюфферина за лестное для него предложеніе заключить союзъ съ Англіей, говорилъ, что онъ лично безусловно на сторонѣ англичанъ, [но... что онъ долженъ считаться съ чувствами и мыслями своихъ подданныхъ, а «этотъ грубый, необразованный и подозрительный народъ», къ сожалѣнію, противъ англичанъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда Абдурахмана въ Раваль-Пиндъ, состоялся торжественный дурбаръ, на которомъ вице-король и эмиръ обмѣнялись увѣреніями во взаимныхъ дружественныхъ чувствахъ.

На другой день было получено извѣстіе о пораженіи генераломъ Комаровымъ афганскихъ войскъ подъ Кушкой.

Поведеніе Абдурахмана при этомъ извѣстіи было изумительно: онъ принялъ его съ полнымъ равнодушіемъ и заявилъ присутствующимъ, что не придаетъ ему особеннаго значенія; очевидно, онъ употребилъ всю силу своей азіатской выдержки съ цѣлью не обнаружить своихъ истинныхъ чувствъ и тѣмъ не дать связать себя съ англійскимъ правительствомъ какими-нибудь поспѣшными обѣщаніями.

Эмиръ получилъ отъ англійскаго правительства въ подарокъ почетную саблю, принимая которую, онъ сказалъ, что «съ этой саблей онъ надѣется истребить всѣхъ враговъ великобританскаго правительства». Онъ выразилъ также желаніе имѣть англійскій орденъ, который и былъ пожалованъ ему передъ его отъѣздомъ. Онъ могъ быть вполне доволенъ своимъ посѣщеніемъ Индіи: ему была не только обѣщана помощь Англіи въ случаѣ нападенія на Афганистанъ, но онъ получилъ также большую сумму денегъ, нѣсколько орудій, много ружей и боевыхъ снарядовъ.

Послѣ отъѣзда эмира англичане начали усиленно готовиться къ войнѣ съ Россіей; Робертсъ былъ назначенъ командующимъ арміей въ составѣ двухъ армейскихъ корпусовъ, которая должна была идти къ

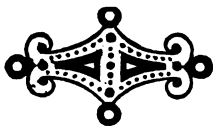
Герату, если бы только русскіе послѣ кушкинскаго боя двинулись еще далѣе впередъ.

«Два армейскихъ корпуса,—это была конечно внушительная сила, говоритъ Робертсъ, но, къ сожалѣнію, если бы дѣло дошло до дѣйствительнаго разрыва съ Россіей, то ихъ вовсе нельзя было бы двинуть, такъ какъ перевозочныя средства совершенно отсутствовали».

Въ виду этого, будучи назначенъ главнокомандующимъ войсками въ Индіи,—постъ, который онъ занималъ въ теченіе 8 лѣтъ,—Робертсъ обратилъ на этотъ вопросъ особенное вниманіе и въ запискѣ, поданной имъ индійскому правительству, настаивая на необходимости какъ можно лучше подготовиться къ войнѣ съ Россіей,—идею о которой онъ желѣвалъ въ теченіе всей своей продолжительной службы,—онъ подробно изложилъ свой взглядъ на необходимость обезпечить перевозочныя средства, улучшить пути сообщенія, построить желѣзныя дороги, чему онъ придавалъ несравненно большее значеніе, чѣмъ постройкѣ новыхъ укрѣпленій.

Изложенію существеннѣйшихъ мѣръ, которыя были приняты имъ какъ для укрѣпленія сѣверной границы Индіи, такъ и по вопросамъ мобилизаціи, сосредоточенія и устройства тыла арміи, посвящены послѣднія главы записокъ Робертса.

В. Тимошукъ.

Къ біографіи В. Н. Каразина.

Письмо статскаго совѣтника Василія Каразина къ дѣйствительному статскому совѣтнику Василю Гавриловичу Муратову, 3-ю марта 1827 года. С. Кручикъ.

Мой любезный Сергѣй Сѣренко ¹⁾ умеръ на прошедшей недѣлѣ. Еще нѣсколько поселянъ вѣроятно отправятся въ слѣдъ за нимъ. Отъ сыновей ²⁾ нѣтъ писемъ. Грустно мнѣ!.. Еще же и оттуда до сихъ поръ нѣтъ разрѣшенія ни на ваше ³⁾, ни на наше съ женою представленіе. Последнее пошло 9-го января; слѣдовательно, весьма бы уже пора, кажется. Для чего бы меня (просто) не спросить, буде дѣйствительно встрѣчаются сомнѣнія какія? И смертоубійцевъ спрашиваютъ.

Въ моихъ бумагахъ (если онѣ тамъ открыты, по сему поводу, или по случаю происшествій) дѣйствительно встрѣтятся недоразумѣнія, кои кромѣ меня, конечно, разрѣшить никто не можетъ. И мое объясненіе было бы, можетъ статья, любопытнѣе допросовъ всѣхъ прочихъ деликвентовъ виноватыхъ и безвинныхъ. Я привыкъ всегда дѣйствовать чисто, какъ совѣсть велитъ. Потому и долгомъ почитаю, не имѣя никакого другаго способа—вамъ это передать. А вы, какъ хотите.

¹⁾ Крестьянинъ, имѣвшій смотрѣніе за больными. Примѣч. Каразина.

²⁾ Которые находятся въ С.-Петербургѣ въ корпусѣ путей сообщенія. Примѣч. Каразина.

³⁾ Представленіе сіе есть всеподданнѣйшій рапортъ мой отъ 16-го минувшаго января 1826 года. Примѣч. Каразина.

ными стычками. 1-го июля Павелъ Петровичъ прибылъ въ Выборгъ, мечтаа о военныхъ трудахъ, и лишь 22-го августа ему удалось участвовать въ рекогносцировкѣ шведскихъ укрѣпленій Гекфорса.

По свидѣтельству современниковъ, еще съ 1785 г. Павелъ Петровичъ началъ оказывать знаки большого уваженія къ фрейлинѣ своей супруги, Е. И. Нелидовой. Дружба его съ нею была возвышенная и отчасти обоснована была на мистическихъ воззрѣніяхъ ихъ обоихъ.

5-го ноября 1796 г., Павелъ Петровичъ обѣдалъ съ Маріей Ѳеодоровной и приближенными ему лицами на гатчинской мельницѣ, когда явился туда внезапно изъ Гатчины арендаторъ ея, Штакеншнейдеръ, и сообщилъ ему, что въ Гатчину явился курьеръ съ извѣщеніемъ о тяжелой болѣзни императрицы Екатерины. По прибытіи въ Петербургъ, Павелъ Петровичъ и Марія Ѳеодоровна прежде всего отправились къ умирающей императрицѣ. Вида мать свою лежащей безъ движенія, великій князь отдался глубокой горести; онъ плакалъ, цѣловалъ у нея руки и вообще проявлялъ всѣ чувства истинно любящаго сына. Агонія императрицы Екатерины продолжалась послѣ пріѣзда Павла Петровича въ Зимній дворецъ еще сутки. Вечеромъ 6-го ноября въ $\frac{3}{4}$ десятого часа Екатерина вздохнула въ послѣдній разъ и отошла въ вѣчность. Въ 12-мъ часу ночи въ придворной церкви совершена уже была высшимъ духовенствомъ, всѣми сановниками и придворными чинами присяга на вѣрность императору Павлу Петровичу и его послѣднику, великому князю Александру Павловичу.

Павелъ Петровичъ вступилъ на престолъ съ искреннимъ желаніемъ добра народу во всемъ его цѣломъ, съ готовыми проектами реформъ, которыя, по его мнѣнію, должны были «исцѣлить» Россію, дать новое направленіе ея политической и государственной жизни. Уже 29-го ноября, чрезъ три недѣли по воцареніи, изданы были нѣмъ воинскіе уставы о конной и пѣхотной службѣ, а 25-го февраля—морской уставъ. Петербургъ принялъ весьма быстро, насколько было возможно, гатчинскую фвіономію. Шлагбаумы, мосты, будки, верстовые столбы окрашены были полосами черной и бѣлой краски; опредѣлены были формы одежды, удобной государю, и строго воспрещено ношеніе круглыхъ шляпъ и фраковъ; тогда же велѣно было, при встрѣчѣ съ императоромъ и императрицей, всѣмъ ѣхавшимъ въ экипажахъ выходить изъ нихъ и отдавать поклонъ, при чемъ дамы могли стоять на подножкѣ экипажа. Даже образъ жизни обитателей столицы измѣнился совершенно привычками государя, встававшаго очень рано, въ 5 час. утра, а въ 6 час. уже принимавшаго сановниковъ съ докладомъ: въ 10 ч. вечера въ Петербургъ гасили повсюду огни, и городъ казался вымершимъ.

Коронація императора Павла совершилась въ

Москвѣ 5-го апрѣля 1787 г., въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Тотчасъ послѣ совершенія обряда коронаванія, Павелъ Петровичъ исполнилъ давнюю свою мечту—о дарованіи государству «фундаментальныхъ законовъ»: съ высоты трона онъ самъ прочелъ въ храмѣ во всеуслышаніе актъ о престолонасліи по прямой линіи по мужскому колѣну; вслѣдъ затѣмъ прочитаны были новыя узаконенія: «Учрежденіе объ императорской фамиліи» и «Установленіе о россійскихъ императорскихъ орденахъ».

Царствованіе Павла I было непродолжительно и въ ночь съ 11-го на 12-е марта 1801 года онъ скончался.

Далѣе въ этомъ выпускѣ помѣщены біографіи: Паррота; Памсіа Лигарида ¹⁾; гр. П. А. Палена; Петра Симона Палласа, извѣстнаго ученаго изслѣдователя природнхъ богатствъ и быта народовъ Россіи; Паниныхъ; Паскевича-Эриванскаго; В. В. Пассека; Г. Е. Паукера, извѣстнаго профессора строительнаго искусства, бывшаго министромъ путей сообщенія; Пезаровіуса, основателя «Русскаго Инвалида»; академика П. П. Пекарскаго; П. М. Перевѣтскаго, извѣстнаго педагога, заявившаго себя трудами по орфографіи и синтаксису русскаго языка; М. С. Перекунхиной, камеръ-юнгфрау Екатерины II; А. А. Перовскаго, писателя (псевд. Погорѣльскій); графа В. А. Перовскаго; живописца В. Г. Перова; А. П. Перфильева, одного изъ главныхъ сообщниковъ Пугачева; П. И. Пестеля, главнаго дѣятеля заговора декабристовъ, казненаго въ 1826 г.; М. В. Петрашевскаго-Вуташевича. Заканчивается этотъ выпускъ біографіей Петрушки, вначѣ Илейки, или Лже-Петра, выдававшего себя за сына Ѳедора Іоанновича.

Н. И-ш-ъ.

Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга вторая Д. В. Цвѣтаева. Варшава. 1902 г.

О первомъ выпускѣ мы уже упоминали. Въ составъ второй книги входятъ новыя матеріалы, касающіеся поздѣйшихъ судебъ мѣстъ заченія Шуйскихъ и погребенія. Главный интересъ предпринятаго изслѣдованія сводится пока къ доказательствамъ неосновательности заключенія о заброшенной могилѣ на заднемъ дворѣ Первой гимназіи. Будемъ ожидать скорѣйшаго выхода третьяго выпуска, съ точнымъ указаніемъ, на основаніи собранныхъ документовъ, дѣйствительнаго мѣста усыпальницы Шуйскихъ.

В. Л-ій.

¹⁾ Дополнительные свѣдѣнія о Памсіи Лигаридѣ изъ римскихъ архивовъ, сообщенныя о. П. Пирлингомъ, помѣщены въ «Русск. Стар.» 1902 г., февраль.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входяща въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелъе и К°), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

 Гг. Иногородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

 Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

Утверждена, въ общихъ основаніяхъ,
Военнымъ Министромъ 26 октября 1894 г.

ПРОГРАММА ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

курсъ младшаго юнкерскаго класса,

НИКОЛАЕВСКАГО ИНЖЕНЕРНАГО УЧИЛИЩА.

1896 — 1897 г.

1) Понятіе объ исторіи русской церкви и ея предметъ. Христіанство въ Россіи до св. Владиміра: преданіе о проповѣди св. Андрея Первозваннаго; труды Кирилла и Меѳодія; крещеніе русскихъ при Аскольдѣ и Дирѣ; крещеніе св. Ольги. Владиміръ до принятія христіанства: его ревность къ язычеству; прибытіе религіозныхъ миссіонеровъ; выборъ православноѣ вѣры.

2) Крещеніе Владиміра. Крещеніе кіевлянъ и дальнѣйшее распространеніе христіанства. Распространеніе христіанства между инородцами: труды св. Стефана Пермскаго; просвѣтители отдаленнаго сѣвера (Сергій и Германъ Валаамскіе, Савватій и Зосима Соловецкіе, Ѳеодоритъ на рѣкѣ Колѣ, Трифонъ на р. Печенгѣ); распространеніе христіанства въ Казани (Гурій и Варсонофій), въ Астрахани и на Кавказѣ.

3) Іерархія русской Церкви: ея составъ; зависимость отъ Константинопольскаго патріарха, — свѣтлыя и темныя черты этой зависимости; примѣры самостоятельнаго избранія митрополита (Иларіонъ и Климентъ). Прекращеніе зависимости русской іерархіи отъ Константинопольскаго патріарха; смуты, произведенныя митрополитомъ Исидоромъ.

полита Макарія (стоглавный соборъ); заботы о духовномъ просвѣщеніи въ періодъ патріаршества (московскіе еретики) и особенно — синодальнаго управленія.

10) Монашество: Кіевопечерская лавра, ея основатели и устроители; Троицко-Сергіева лавра, общественное служеніе и значеніе ея основателя. Общественное значеніе монастырей.

11) Унія: состояніе юго-западной Церкви послѣ раздѣленія митрополіи; князь Константинъ Острожскій; братства и общественное значеніе ихъ; подготовка уніи (Кириллъ Терлецкій и Адамъ Потій); введеніе уніи, соборъ въ Брестѣ. Страданія православныхъ. Противодѣйствіе уніи и католицизму; воссоединеніе уніатовъ съ православною Церковью.

12) Расколъ: причины раскола; первые представители раскола и первоначальныя ихъ мнѣнія; начало раскола и отдѣленіе его отъ Церкви; раскольническія волненія въ Соловецкомъ монастырѣ и въ Москвѣ.

13) Распространеніе раскола и распаденіе его на разные толки. Общія замѣчанія о безпоповщинѣ и поповщинѣ. Мѣры власти церковной и гражданской противъ раскола; Церкви единовѣрческія. Австрійское жесвщенство.

Протоіерей Михаилъ Середонинъ.

В. Я. Шведовъ.

ПРОГРАММА ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Курсъ старшаго юнкерскаго класса
НИКОЛАЕВСКАГО ИНЖЕНЕРНАГО УЧИЛИЩА.

1897 — 1898 г.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

Западно-европейское вліяніе.

Ложноклассическое направленіе въ русской словесности.

1) Происхожденіе и общій характеръ ложноклассицизма. Теорія ложноклассическаго эпоса; теорія лирики; теорія поэзіи драматической; теорія трагедіи и комедіи.

Русскіе лирики: а) *Ломоносовъ*. Біографія. Научная и литературная дѣятельность Ломоносова: 1) Ломоносовъ, какъ филологъ: содержаніе и разборъ „Россійской грамматики“ и „Разсужденія о пользѣ книгъ церковныхъ“. 2) Ломоносовъ, какъ риторъ: содержаніе и разборъ „Краткаго руководства къ краснорѣчію“ и „Похвальнаго слова Петру I“. 3) Ломоносовъ, какъ поэтъ: характеръ его религіозныхъ одъ; содержаніе и разборъ его „Оды на день восшествія на престолъ императрицы Елизаветы“. Заслуги Ломоносова, какъ поэта и литератора.

2) *Державинъ*. Біографія. Разборъ сочиненій: 1) Оды релігійныя (переложенія псалмовъ и оды „Богъ“) и філософическія („На смерть кн. Мещерскаго“). Отзывъ объ этихъ одахъ. 2) Торжественныя или патріотическія оды. Общая ихъ характеристика. 3) Оды сатирическія: содержаніе и разборъ оды „Фелица“. Значеніе одъ Державина. Что сдѣлалъ Державинъ для поэзіи и стиха?

3) *Драматическая поэзія на Руси*. Мистеріи; ихъ происхожденіе и развитіе въ Западной Европѣ. Появленіе и судьба мистеріи въ южной и сѣверной Россіи. Свѣтская драма и устройство общественнаго театра.

Сочиненія императрицы Екатерины II. Характеръ „Провсвѣтительной эпохи“. „Наказъ“, его содержаніе и историко-литературное значеніе. Воспитаніе и образованіе: „Генеральный планъ воспитанія“; преобразование прежнихъ и открытіе новыхъ учебно-воспитательныхъ заведеній; „Инструкція Салтыкову“; дѣятельность Бецкаго; педагогическія идеи императрицы; „Выборныя русскія пословицы“, „Гражданское начальное ученіе“ и „Записки“; „Сказки о Хлорѣ и Февелѣ, красномъ солнышкѣ“; недостатки воспитанія въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

4) Сатирическія и драматическія произведенія Екатерины II. Участіе въ журналѣ „Всякая всячина“ и въ „Собесѣдникѣ любителей русскаго слова“. „Были и небылицы“. Комедіи „О время!“ и „Именины г-жи Ворчалкиной“. Вліяніе императрицы Екатерины II на развитіе русской словесности.

5) *Трагедіи*: а) *Сумароковъ*. Біографія. Содержаніе и разборъ его трагедій: „Хоревъ“ и „Дмитрій Самозванецъ“. Слогъ и языкъ трагедій. Причины успѣха трагедій Сумарокова.

6) *Комедіи*: а) *Фонъ-Визинъ*. Біографія. Разборъ комедій „Бригадиръ“. Идея комедіи „Недоросль“ и характеры дѣйствующихъ въ ней лицъ: комическихъ и резонеровъ. Недостатки этой комедіи. Слогъ комедіи и заимствованія, сдѣланныя ея авторомъ.

7) *Эпические поэты: Херасковъ.* Біографія. Содержание и разборъ поэмъ „Россіада“ и „Владиміръ Возрожденный“.

Романтическое направленіе въ русской литературѣ.

8) Происхожденіе и общій характеръ новоромантизма. Его направленія: а) сентиментализмъ; его происхожденіе и характеръ; отраженіе этого направленія въ русской литературѣ; б) собственно романтизмъ; его происхожденіе и характеръ; его представители; в) байроновскій романтизмъ; его происхожденіе и характеръ. *Карамзинъ.* Біографія. Литературная его дѣятельность. 1) Карамзинъ, какъ литераторъ. Общій характеръ литературной его дѣятельности. Журнальная его дѣятельность. Карамзинскій сентиментализмъ.

9) Содержаніе и характеръ „Писемъ русскаго путешественника“. Сравненіе съ ними „Писемъ изъ Франціи къ графу П. И. Панину“ Фонъ-Визина. Содержаніе и характеръ его повѣстей „Бѣдная Лиза“ и „Наталья боярская дочь“. Карамзинъ, какъ преобразователь слога. Характеръ слога Карамзина. Шишковисты или „бесѣдисты“, и карамзинисты или „арзамасцы“. 3) Карамзинъ какъ историкъ. Состояніе русской исторической науки до Карамзина. Общій характеръ, достоинства и недостатки „Исторіи“ Карамзина.

10) *Жуковскій.* Біографія. Вліянія, подъ которыми находился Жуковскій, и значеніе его самостоятельныхъ произведеній: вліяніе Державина, Карамзина и нѣмецкихъ романтиковъ. Характеръ балладъ и поэмъ Жуковскаго. Достоинство и значеніе переводовъ Жуковскаго изъ новѣйшихъ и древнихъ поэтовъ. Гнѣдичъ и Жуковскій, какъ переводчики Гомера. Вліяніе Жуковскаго на развитіе русскаго стихосложенія.

ПЕРІОДЪ ТРЕТІЙ.

Стремленіе къ самобытности и народности.

11) *Крыловъ.* Его біографія. Литературная дѣятельность Крылова. Замѣчаніе о баснописцахъ до Крылова (Тредья-

ковский, Сумароковъ, Хемницеръ и Дмитріевъ). Разборъ басенъ Крылова: а) взглядъ на воспитаніе и образованіе („Червонецъ“, „Кукушка и Горлинка“, „Воспитаніе Льва“, „Крестьянинъ и Змѣя“, „Бочка“); б) невѣжество, грубость и проявленіе физической силы въ отношеніи къ полезнымъ предметамъ (Пѣтухъ и Жемчужное зерно“, „Мартышка и Очки“, „Свинья подъ дубомъ“, „Голикъ“); в) ученый педантизмъ и мудрованіе („Ларчикъ“, „Любопытный“, „Огородникъ и Философъ“); г) увлеченіе крайностями взглядовъ въ наукѣ и жизни („Сочинитель и Разбойникъ“, „Конь и Всадникъ“, „Водолазы“).

12) д) Басни историческія: а) изъ сферы государственной („Волкъ на псарнѣ“, „Ворона и Курица“, „Обозъ“, „Щука и котъ“); б) общественной („Чижъ и Ежъ“) и частной („Василекъ“, „Осель и соловей“).

Художественность басенъ: въ общемъ строѣ и частности, въ тонѣ и манерахъ разсказа, въ стихѣ. Народность: въ типахъ, морали и воззрѣніяхъ, въ языкѣ и слогѣ. Замѣчаніе о грамматическихъ особенностяхъ языка и слога басенъ Крылова.

13) *Грибодовъ*. Его біографія. Разборъ комедіи „Горе отъ ума“. 1) Ея художественная сторона. Успѣхъ комедіи въ обществѣ. Сравненіе ея съ ложноклассическими комедіями и отличіе отъ нихъ. Идея комедіи „Горе отъ ума“. Несоотвѣтствіе этой идеи интригѣ комедіи, — отсюда недостатки комедіи. „Горе отъ ума“ — рядъ сатиръ на московское общество. 2) Историческая сторона комедіи. „Горе отъ ума“ цѣликомъ вырвано изъ жизни. Характеристика тогдашняго аристократическаго общества.

14) Дѣйствующія лица: а) Фамусовскій кружокъ: Фамусовъ, какъ чиновникъ, хозяинъ и отецъ; Молчалинъ; Софья; Скалозубъ; Загорѣцкій; гг. N. и D.; Хлестова; графиня бабушка и графиня внучка; князь и княгиня Тугоуховскіе; Наталья Дмитріевна и Платонъ Михайловичъ; б) Репетиловскій кружокъ: характеристика этого кружка; в) Чацкій — представитель „вѣка нынѣшняго“.

15) *Пушкинъ*. Его біографія. Разборъ произведеній. Періоды развитія Пушкина. Неудобства разсматривать его произведенія по этимъ періодамъ. 1) Лирическія произведенія. Стихотвореніе „Эхо“, какъ характеристика поэзіи Пушкина. Значеніе лицейскихъ стихотвореній. Замѣчаніе о Языковѣ. Вліяніе Державина („Наполеонъ на Эльбѣ“, „Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ“, „Наполеонъ“, „Клеветникамъ Россіи“, „Бородинская годовщина“, „У гроба Кутузова“, „Полководецъ“, „Пиръ Петра Великаго“).

16) Вліяніе Жуковскаго („Мечтатель и Наѣздникъ“). Отличіе лирики Пушкина отъ лирики Жуковскаго. Вліяніе Батюшкова и характеръ его поэзіи („Вода и Вино“, „Мое завѣщаніе друзьямъ“, „Моему Аристарху“, „Добрый совѣтъ“ и другія). Вліяніе Байрона. Отраженіе его въ дѣятельности Пушкина („Погасло дневное свѣтило“, „Къ морю“, „Зимняя дорога“, „Осень“) и др. Отношеніе Пушкина ко всѣмъ вышеуказаннымъ вліяніямъ. Взглядъ на поэта и его служеніе („Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ“, „Андре Шеньє“, „Пророкъ“, „Поэтъ“, „Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція“, „Чернь“, „Поэту“, „Эхо“). Стихотвореніе „О муза пламенной сатиры“. Элегіи („Я пережилъ свои желанья“, „Даръ напрасный“, „Брожу ли я вдоль улицъ“, „Безумныхъ лѣтъ“, „Трудъ“, „Туча“, „Опять на родинѣ“). Отличіе элегій Пушкина отъ элегій Жуковскаго и Батюшкова.

17) *Эпическія произведенія*. „Русланъ и Людмила“.

Поэмы: „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“, „Братья разбойники“, „Цыганы“. Герои и героини этихъ поэмъ. „Евгеній Онѣгинъ“. Сходство этого романа съ разобранными поэмами. Байроновскій герой въ русскомъ обществѣ — Москвитъ въ Чайльдъ-Гарольдовскомъ плащѣ. Анализъ романа и характеры дѣйствующихъ лицъ: Онѣгина, Ленскаго, Ольги и Татьяны. Сужденіе объ этомъ романѣ.

18) *Баллады*: „Утопленникъ“, „Бѣсы“. Отличіе балладъ Пушкина отъ балладъ Жуковскаго. „Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ“ „Полтава“. Построеніе и развитіе поэмы. Сторона истори-

ческая. Частности. „Капитанская дочка“. Характеръ эпохи и дѣйствующихъ лицъ; Гринева, Швабрина, Марьи Ивановны и Пугачова. Развязка повѣсти.

19) *Драматическія произведенія*. „Борисъ Годуновъ“. Слова Пушкина объ этой хроникѣ. Ея источники. Основная идея и ея вліяніе на подборъ частностей, общій строй драмы и постановку дѣйствующихъ лицъ. Характеръ Бориса и самозванца. Сужденіе объ ихъ характерахъ. Замѣчаніе о второстепенныхъ лицахъ хроники. Историческая и художественная сторона хроники. Подражаніе Шекспиру.

20) „Скупой Рыцарь“. Анализъ пьесы. Характеръ Альбера, барона и герцога. Достоинства этой пьесы. Заслуги Пушкина въ русской литературѣ. Ломоносовъ и Пушкинъ. Пушкинъ — представитель новаго періода развитія русской литературы. Самобытность Пушкина. Теорія „чистаго искусства“. Искренность, правда и дѣйствительность въ поэзіи Пушкина. Національность въ изображеніи природы и жизни. Художественность въ содержаніи и внѣшней отдѣлкѣ произведеній. Языкъ, слогъ и стихъ Пушкина.

Преподаватель Ф. Витбергъ.

Печатано по распоряженію Николаевской Инженерной Академіи.

Типографія А. Лашина, Кирпичный пер., д. 3.

Утверждена, въ общихъ основаніяхъ,
Воснынъ Министромъ 26 октября 1894 г.

ПРОГРАММА ИСТОРИИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Курсъ младшаго юнкерскаго класса

НИКОЛАЕВСКАГО ИНЖЕНЕРНАГО УЧИЛИЩА.

1896—1897 г.

В В Е Д Е Н І Е .

1) Понятіе объ исторіи русской словесности. Объемъ и содержаніе исторіи русской словесности. Періоды развитія исторіи русской словесности: а) періодъ самобытной устной народной словесности; б) періодъ подражательный; подраздѣленіе послѣдняго на отдѣлы; 1) византійское вліяніе и 2) западно-европейское: а) схоластическое направленіе; б) ложноклассическое и в) романтическое (сентиментализмъ, романтизмъ нѣмецкій и романтизмъ Байрона); г) періодъ стремленія къ самобытности и народности.

ПЕРВЫЙ ПЕРІОДЪ.

Устная народная словесность.

2) Понятіе о ней. Періоды развитія устной народной словесности, какъ выраженіе ступеней развитія самого народа: періодъ мифическій, періодъ героическій и періодъ историческій. Содержаніе и общая характеристика каждаго изъ этихъ періодовъ.

3) *Пѣсни*. Значеніе пѣсенъ и ихъ раздѣленіе на общественныя и семейныя. Общественныя или обрядовыя пѣсни. Древне-славянскіе праздники: Коляда и Овсень, Красная горка и Семикъ день, Купало.

4) *Пѣсни семейныя*. Свадебныя пѣсни. Брачныя обычаи: 1) умыканіе невѣсты; 2) покупка невѣсты и 3) добровольный приводъ невѣсты. Пѣсни и обряды, изображающіе различныя положенія женщины въ семьѣ: 1) положеніе дѣвушки; 2) положеніе замуженной женщины и 3) положеніе вдовы.

5) *Сказки*. Очеркъ историческаго развитія сказокъ: 1) сказки миѳическія; 2) бытовыя; 3) нравственныя и 4) сказки изъ міра животныхъ. Разборъ сказокъ: а) сказки миѳическаго содержанія: ихъ герои—свѣтлые и темные; б) сказки бытовыя, главный герой ихъ; в) сказки нравственныя и ихъ герои; г) сказки о животныхъ и ихъ герои.

6) *Богатырскій эпосъ*. Происхожденіе и развитіе былинь. Три цикла былинь: 1) Богатыри старшіе, ихъ характеристика. Богатыри стихійные: Донъ Ивановичъ, Дунай Ивановичъ и Дятъира Королевишна; Святогоръ; Волхъ или Вольга Всеславьевичъ — представитель кочеваго періода народной жизни; Микула Селяниновичъ—богатырь земледѣлецъ. 2) Богатыри младшіе. Общая ихъ характеристика. Владимиръ Красное Солнышко.

7) Богатыри младшіе (*Продолженіе*). Илья Муромецъ—представитель крестьянскаго сословія; Добрыня Никитичъ—представитель боярская сословія; Алеша Поповичъ—представитель духовнаго сословія; Василий Казиміровичъ—представитель дьяковъ; Дюкъ Степановичъ — представитель нерусской цивилизаціи. 3) Богатыри новгородскіе: Садко — представитель торговой и Василий Буслаевичъ — представитель общинно-вѣчевой стороны Новгорода. Отчего перевелись богатыри на св. Руси.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫИ.

Византійское вліяніе въ русской словесности.

8) Характеръ греческой словесности византійскаго періода. Просвѣщеніе славянъ св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Судьба святыхъ братьевъ и ихъ дѣла. Славянскія письмена: кириллица и глаголица. Остромирово евангеліе.

9) Общій характеръ и направленіе древне-русской письменности. Полемическія сочиненія, сборники (Святославовы сборники), житія святыхъ, сборники проповѣдей и безыменныя поученія.

Лѣтописные сборники. Понятіе о лѣтописи и происхожденіи ея. Біографическія свѣдѣнія о препод. Несторѣ. Списки несторовой лѣтописи. Содержаніе лѣтописи Нестора. Характеръ и источники лѣтописи: а) Византійскія хроники; б) Пален и др. Лѣтописное повѣствованіе послѣ преп. Нестора. Областные лѣтописи, Степенная книга, Софійскій временникъ, Воскресенская и Никоновская лѣтописи.

Почтеніе Владиміра Мономаха. Личность автора и содержаніе поученія.

10) *Слово о полку Игоревѣ*. Содержаніе «Слова» и главная мысль его. Сравненіе «Слова» съ сказаніемъ Ипатіевской лѣтописи о походѣ Игоря Святославича на половцевъ. Библиографическія свѣдѣнія о «Словѣ о полку Игоревѣ». Мнѣніе и христіанскія черты «Слова». Языкъ «Слова».

Слово Даниіла Заточника. Смыслъ названія памятника и личность его автора. Содержаніе «Слова». Слово Даниіла по изводу XIII в. «Пчелы».

11) *Древне-русскія путешествія*. Ихъ происхожденіе и значеніе. «Паломникъ» Даниіла, русскія земли игумена. Содержаніе и характеръ «Паломника». Путешествіе инока Симеона въ Италію. Мистерія Благовѣщенія. Хожденіе за три моря Аванасія Никитина.

Былины изъ временъ татарщины. Общій характеръ этихъ произведеній. Ихъ содержаніе: 1) Калинъ царь; 2) Михайль Казариновъ; 3) Щелканъ Дудентьевичъ и 4) Романъ Дмитриевичъ и Марья Юрьевна.

12) *Апокрифы.* Ихъ происхождение и общій характеръ. Ветхозавѣтные апокрифы. Сказаніе объ Адамѣ и Евѣ. Сказаніе о древѣ крестномъ. Новозавѣтные апокрифы: Хожденіе Богородицы по мукамъ. Слово о видѣніи ап. Павла.

13) *Легенды.* Ихъ происхождение и общій характеръ. Содержаніе и разборъ нѣкоторыхъ легендъ.

Духовные стихи. Ихъ происхождение и общій характеръ. Древнѣйшіе стихи: Сорокъ каликъ со каликою; о Егоріи Храбромъ; о Ѳеодорѣ Тиронѣ; Стихъ о Голубиной книгѣ. Стихи позднѣйшіе: Стихъ о вознесеніи Христовѣ; объ Алексѣѣ челоувѣкѣ Божіемъ; о Лазарѣ.

14) *Книжныя историческія сказанія.* Общій характеръ образованія въ древней Руси. Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ. Содержаніе ея. Сказанія, относящіеся къ битвѣ на Куликовомъ полѣ: а) сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ; б) Задонщина и в) Слово о житіи и о преставленіи вел. кн. Дмитрія Іоанновича.

15) *Сочиненія царя Іоанни Грознаго и кн. А. Курбскаго.* Развѣтїе идеи о царской власти и измѣненіе положенія дружинниковъ. Біографическія свѣдѣнія о князѣ Курбскомъ и содержаніе его «Переписки» съ царемъ. Характеръ изложенія «Переписки». «Исторія князя великаго Московскаго»; ея содержаніе, достоинства и недостатки.

16) «Посланіе Іоанна Грознаго въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». Поводъ къ написанію, содержаніе и характеръ «Посланія». «Стоглавъ». Составъ и содержаніе «Соглавнока»; сужденіе о немъ.

Пѣсни о Грозномъ. Взглядъ народа на Грознаго. Содержаніе пѣсенъ: 1) Свадьба Грознаго; 2) Казнь сына. Характеръ пѣсенъ.

17) *Домострой.* Біографическія свѣдѣнія о попѣ Сильвестрѣ. Составъ «Домостроя». Планъ и содержаніе а) иде-

аль праведнаго и порядливаго житія; б) положеніе мужа въ идеальной домостроевской семьѣ, положеніе жены, дѣтей и слугъ; в) идеаль «благоразсудливаго и порядливаго» хозяйства. Сужденіе о достоинствѣ домостроевскаго идеала.

18) *Котошихинъ и Крыжаничъ*. Біографическія свѣдѣнія о Котошихинѣ и содержаніе сочиненія «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича». Біографическія свѣдѣнія о Крыжаничѣ. Характеръ его сочиненій. «Грамматично изсказаніе». «Разговоры объ владательствѣ». Содержаніе послѣдняго сочиненія и сужденіе о немъ.

19) *Сѣвская народная поэзія въ XVII в.* Характеръ древнерусской свѣтской народной литературы—переводной и подражательной. Самостоятельныя произведенія: 1) Сказки: а) Шемякинъ судъ и б) сказка о Ершѣ Ершовѣ Щетинниковѣ; 2) Повѣсти: повѣсть о Россійскомъ дворянинѣ Флорѣ Скабѣевѣ; 3) Историческія народныя пѣсни. Общій характеръ эпохи. Содержаніе пѣсень: а) о Гришкѣ Разстрижкѣ; б) о князѣ Скопинѣ Шуйскомъ; в) о Ксеніи Борисовнѣ, и г) о Стенькѣ Разинѣ. Замѣчаніе о содержаніи и характерѣ этихъ пѣсень.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКОЕ ВЛІЯНІЕ.

Схоластическое направленіе въ русской литературѣ.

20) Схоластическая наука, ея характеръ и вліяніе на образованность въ южной Россіи: дѣятельность братствъ; учебный и воспитательный строй въ Кіево-Могилянскомъ коллегіумѣ; кіевскіе проповѣдники: содержаніе и характеръ проповѣдей Голятовскаго, Радивиловскаго и Барановича. Мистеріи и стихотворство въ Кіево-Могилянскомъ коллегіумѣ. Появленіе схоластической науки въ Москвѣ. Дѣятельность Епифанія Славинецкаго. Симеонъ Полоцкій, какъ богословъ, проповѣдникъ и стихотворецъ. Отношеніе къ схоластической наукѣ и ея представителямъ русскаго общества и степень ея вліянія на образованность.

21) Начало прямого вліяння Запада на русскую образованность. Характеръ науки петровскаго времени. Состояніе и специальное назначеніе схоластической науки при Петрѣ I. Характеръ проповѣдей св. Дмитрія Ростовскаго и Стефана Яворскаго; Феофанъ Прокоповичъ, его «Духовный регламентъ» и проповѣди. Вліяніе Петра I на свѣтскую литературу и русскій языкъ. Общій характеръ и значеніе литературы при Петрѣ I и послѣ него до Ломоносова.

22) *Посошковъ и Татищевъ*. Біографическія свѣдѣнія о Посошковѣ. Содержаніе и разборъ его сочиненія о «Скудости и богатствѣ». Біографическія свѣдѣнія о Татищевѣ. Содержаніе и разборъ «Исторіи Россійской». «Духовная» Татищева.

23) *Кантемиръ и его сатиры*. Его біографія. Состояніе русскаго общества кантемирова времени и литературная дѣятельность Кантемира. Характеръ кантемировыхъ сатиръ и морали. Взглядъ Кантемира на значеніе науки. Содержаніе и разборъ первой сатиры. Подражаніе и оригинальность въ сатирахъ Кантемира. Преобразование силлабическаго стихосложенія.

24) *Тредьяковскій*. Біографическія свѣдѣнія. Литературная дѣятельность. Отношеніе къ Тредьяковскому современниковъ и потомства. Сужденіе о его стихотворныхъ произведеніяхъ. Переводные его труды. Самостоятельныя сочиненія по исторіи («Три разсужденія о трехъ главнѣйшихъ древностяхъ россійскихъ»). Сочиненія по словесности и русскому языку. («Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ». «Разсужденіе о древнемъ, среднемъ и новомъ россійскомъ стихотвореніи». «Мнѣніе о происхожденіи поэзіи и стиховъ вообще». «О героической піимѣ» и «Разговоръ объ ореографіи»).

Преподаватель Ф. Витбергъ.

Печатано по распоряженію Николаевской Инженерной Академіи.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 13.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

М А И.

1902 годъ.

СОДЕРЖАНИЕ:

I. Письма императора Николая I и велик. кн. Михаила Павловича. Сообщ. Рих. Алек. Гриммъ. 225—230	XII. Письма В. А. Жуковского къ А. С. Стурдзъ. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій. 385—397
II. Пребываніе Сперанскаго въ Нижн.-Новгородѣ и Перми. Сообщ. И. А. Бычковъ. 231—249	XIII. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. А. Слезинскаго. 399—408
III. М. М. Сперанскій. (По Гауеншильду). Сообщ. В. А. Вильбасовъ. 251—262	XIV. Польша въ 1814—1831 гг. 409—438
IV. Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г. Сообщ. Анд. Ник. Крыжановскій. 263—284	XV. Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. В. Гоголя. Сообщилъ В. И. Шенрокъ. 439—447
V. Записки баронессы Праксовны Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщилъ князь А. Дадіанъ. 285—302	XVI. Записная книжка „Русской Старины“: Собственноручный рескриптъ имп. Александра I моск. гражд. губер. Н. В. Обрѣзову объ аэропланѣ Лепиха. 24 мая 1812 г. Сообщ. П. А. Тулубъ (стран. 250). — Чиновники-актеры. Предложеніе Правительствующему Сенату. 20 марта 1831 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій (368). — Письмо А. С. Стурдзъ-Жуковскому о М. П. Розбергъ. 30 апр. 1836 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій (398). — О перемѣнѣ вѣремѣисчисленія во флотѣ. Предложеніе Правительствующему Сенату. 26 марта 1831 г. Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій (448).
VI. Николай де-Мелло, «гишпанскія земли» чернецъ. (Изъ смутнаго времени). П. Пирлинга. 303—312	XVII. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).
VII. Новый документъ о Самозванцѣ. С. Шампино. 313—316	
VIII. Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева. 317—336	
IX. Письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 г. Сообщ. И. А. Бычковъ. 337—358	
X. Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка. (Окончаніе). 359—367	
XI. Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины. А. Р. 369—384	

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковского. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ князя Михаила Дмитриевича Горчакова.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, № 39.
1902.

Библиографическій листокъ.

Григорій Виленкинъ. Финансовый и экономическій строй современной Англіи. С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к.

На русскомъ языкѣ нѣтъ справочныхъ изданій по финансовымъ и коммерческимъ вопросамъ въ Англіи, и потому книга г. Виленкина подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ является очень существеннымъ вкладомъ въ нашу литературу по этому предмету. Въ ней помѣщено много интересныхъ свѣдѣній, съ которыми мы и познакомимъ читателей.

Финансовый годъ въ Соединенномъ королевствѣ считается съ 1-го апрѣля по 31-е марта. Канцлеръ Казначейства вноситъ свой бюджетъ въ Парламентъ обыкновенно въ началѣ апрѣля. Въ бюджетѣ онъ даетъ отчетъ о положеніи государственныхъ финансовъ за истекшій годъ и предлагаетъ смѣту доходовъ и расходовъ въ наступившемъ финансовомъ году. Порядокъ составленія смѣты обыкновенно бываетъ слѣдующій. Осенью финансовый секретарь Государственного Казначейства обращается съ циркулярною нотой ко всѣмъ вѣдомствамъ съ предложеніемъ представить къ извѣстному сроку смѣты всѣхъ расходовъ, потребныхъ въ предстоящемъ году для ихъ дѣятельности. Эти смѣты составляются въ каждомъ вѣдомствѣ подъ прямымъ надзоромъ его главнаго управляющаго, который вмѣстѣ съ тѣмъ является представителемъ вѣдомства въ Парламентѣ и членомъ Кабинета. Онъ рѣшаетъ, какія статьи расходовъ должны войти въ смѣту, соблюдая при этомъ возможную экономію. Для избѣжанія впослѣдствіи пререканій, Канцлеръ Казначейства обыкновенно за мѣсяцъ до формальнаго представленія смѣты въ Государственное Казначейство сноситъ съ этими членами министерскаго Кабинета, чтобы опредѣлить главныя статьи расходовъ. Затѣмъ смѣты препровождаются въ Государственное Казначейство, гдѣ ихъ облачаютъ въ установленную форму для представленія въ Парламентъ. Смѣты эти составляются съ чрезвычайною подробностью и образуютъ нѣсколько томовъ; въ нихъ не ограничиваются перечисленіемъ однихъ только главныхъ статей и указаніемъ общихъ суммъ, но каждая статья разбивается на нѣсколько отдѣловъ, обнимающихъ иногда весьма значительныя суммы. Такимъ образомъ устраняется всякій произволъ въ распредѣленіи суммъ, и это даетъ возможность контролю открыты съ перваго взгляда всякую неточность.

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ видно, что бюджетъ 1901—1902 г. предполагается закончить съ дефицитомъ почти въ 41 милл. фунтовъ стерлинговъ.

Государственный долгъ, какъ извѣстно, есть продуктъ позднѣйшей цивилизаціи; въ средніе вѣка, во времена постоянныхъ междоусобныхъ войнъ, не могло быть и рѣчи о постоянномъ государственномъ долгѣ. Въ Великобританіи начало государственному долгу было положено въ XVII столѣтіи; максимальная цифра долга,

885,000,000 фунт. ст.,—была вскорѣ послѣ сраженія при Ватерлоо; съ тѣхъ поръ онъ погашается и къ 31-му марта 1900 г. составлялъ 639,169,265 фунт. ст., что даетъ 15 фунт. 6 шилл. на человѣка общаго населенія Соединеннаго королевства.

Основой денежной системы въ Англіи является одно золото, и поэтому, по своей номенклатурѣ, система эта принадлежитъ къ монометаллическимъ. Для цѣлей обращенія чеканятся золотыя, серебряныя и бронзовыя монеты. Золото въ монетѣ содержитъ $\frac{11}{12}$ чистаго металла; серебро—37 частей чистаго металла и 3 части латуны. Вумажныя деньги выпускаются Англійскимъ банкомъ¹⁾ въ видѣ банкнотъ въ 5, 10, 20, 50, 100, 200, 500 и 1,000 фунт. Банкноты банка составляютъ законенныя для обращенія деньги, и ими можно погашать любой долгъ, но самъ Англійскій банкъ можетъ платить ими лишь съ согласія кредитора и вообще получателя ихъ. Золотомъ можно платить какую угодно сумму, серебро же годится лишь для уплаты суммы, не превышающей 2 фунт. стер., а бронза— для суммы не свыше одного шиллинга.

Железныя дороги въ Англіи находятся въ рукахъ частныхъ компаній, и безпрерывно желѣзнодорожная сѣть расширяется; валовая выручка ежегодно увеличивается; вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и цифра расходовъ; одной изъ главныхъ причинъ увеличенія расходовъ слѣдуетъ считать принятіе закона о вознагражденіи рабочихъ за несчастные случаи.

Подходный налогъ впервые былъ введенъ въ Англіи въ 1798 году; правительство потребовало, чтобы всѣ лица объявляли свои доходы, и взискивало съ нихъ 10%. Такая форма обложенія представляла много неудобствъ, и, послѣ всевозможныхъ измѣненій, въ 1853 г. парламентскимъ актомъ была выработана система обложенія, существующая до настоящаго времени. Подходный налогъ взискивается:

¹⁾ Англійскій банкъ былъ основанъ въ 1694 году съ капиталомъ въ 1,200,000 фунт. ст., постепенно увеличивавшимся и достигшимъ въ 1816 году 14,553,000 фунт. стерл., и эта сумма и составляетъ въ настоящее время размѣръ его капитала, не считая резервнаго капитала, составляющаго къ 10-му октября 1900 года 3,150,984 фунт. ст. На основаніи хартіи, выданной Парламентомъ банку въ 1844 году, банкъ состоитъ изъ двухъ отдѣловъ, изъ которыхъ одинъ вѣдаетъ выпускомъ денегъ, а другой занимается банковными операціями. Банку разрѣшено имѣть въ обращеніи бумажныхъ денегъ на 14,000,000 фунт. ст., обезпечиваемыхъ равными средствами, изъ коихъ долгъ государства банку въ 11,015,100 фунт. стерл. составляетъ главное обезпеченіе. Каждая банкнота, выпускаемая сверхъ этихъ 14,000,000 фунт. стерл., должна быть обезпечена пачкою золотомъ монетою ли золотомъ въ слиткахъ.

6-го апрѣля скончался Директоръ Императорской Публичной библіотеки генералъ-лейтенантъ Николай Карловичъ Шильдеръ. Покойный былъ постояннымъ сотрудникомъ «Русской Старины» и нѣсколько лѣтъ ея редакторомъ. Портретъ Николая Карловича и некрологъ о немъ будутъ помѣщены въ іюньской книжкѣ «Русской Старины».

КНЯЗЬ
МИХАИЛЬ ДМИТРИЕВИЧЪ
ГОРЧАКОВЪ.

(Въ первыя минуты послѣ кончины).

Письма императора Николая I и великаго князя Михаила Павловича.

I.

Императоръ Николай—великому князю Михаилу Павловичу ¹⁾.

1.

3-го (15-го) февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Отправляя къ тебѣ Философова ²⁾, по твоему желанію, любезный Михайло, начну съ повторенія моего поздравленія съ прошедшимъ днемъ твоего рожденія; да благословитъ тебя во всемъ милосердый Богъ, и да соединитъ насъ всѣхъ съ радостью видѣть тебя совершенно излѣченнымъ. Досель извѣстенъ я только о щастливомъ проѣздѣ твоёмъ чрезъ Швейцарію и о вѣздѣ въ Сардинскую границу, далѣе ничего не знаемъ. Съ послѣдняго моего письма здѣсь ничего важнаго не произошло кромѣ смерти извѣстнаго Пушкина отъ послѣдствій раны на дуэли съ Дантесомъ. Хотя давно ожидать было должно, что дуэлью кончится ихъ неловкое положеніе; но съ тѣхъ поръ, какъ Дантесъ женился на сестрѣ жены Пушкина, а сей послѣдній тогда же письменно отрекся отъ требованной сатисфакціи, надо было надѣяться, что дѣло заглушено. Дотоль Пушкинъ себя велъ, какъ каждый бы на его мѣстѣ сдѣлалъ; и хотя никто не могъ обвинять жену Пушкина, столь

¹⁾ Печатаются съ Высочайшаго разрѣшенія Государя Императора.

²⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ то время въ Римѣ.

же мало оправдывали поведение Дантеса, и въ особенности гнуснаго его отца, Гекерна. Но послѣдній поводъ къ дуэли, котораго никто не постигаетъ и заключавшійся въ самомъ дерзкомъ письмѣ Пушкина къ Гекерну, сдѣлалъ Дантеса правымъ въ семь дѣлъ. *C'est le cas de dire, chasser le naturel, il revient au galop* ¹⁾). Пушкинъ погибъ, и славу Богу умеръ христіаниномъ. Это происшествіе возбудило тѣмъ толковъ, наибольшую частію самыхъ глупыхъ, изъ коихъ одно порицаніе поведения Гекерна справедливо и заслуженно; онъ точно велъ себя какъ гнусная каналья. Самъ сводничалъ Дантесу въ отсутствіе Пушкина, уговаривая жену его отдаться Дантесу, который будто къ ней умиралъ любовью, и все это тогда открылось, когда послѣ перваго вызова на дуэль Дантеса Пушкинымъ, Дантесъ вдругъ посватался на сестрѣ Пушкиной; тогда жена Пушкина открыла мужу всю гнусность поведения обоихъ, бывъ во всемъ совершенно невинна. Такъ какъ сестра ея точно любила Дантеса, то Пушкинъ тогда же и отказался отъ дуэли. Но должно ему было при томъ и оставаться—чего не вытерпѣлъ. Дантесъ подъ судомъ равно какъ Данзасъ, секундантъ Пушкина; и кончится по законамъ; и кажется, каналья Гекернъ отсюда выбудеть.

По корпусамъ все въ порядкѣ. — На-дняхъ былъ въ Царскомъ Селѣ и не былъ доволенъ видомъ дѣтей въ Александровскомъ корпусѣ; они блѣдны и видно общее расположеніе къ болѣзненности, противъ велѣлъ принять мѣры. Показывалъ принцу Карлу дивизіонъ Образцоваго полка, которымъ былъ очень доволенъ, и лейбъ-эскадроны моего Гусарскаго полка, первымъ былъ очень доволенъ, но не гусарами, которыхъ погонялъ.

Вчера сюрпризомъ вывелъ весь здѣшній гарнизонъ въ полной походной формѣ и съ обозами и былъ очень доволенъ; тѣмъ болѣе, что никто и не подозрѣвалъ сего смотра. Грипъ у насъ перебралъ весь гарнизонъ и дурно дѣйствуетъ на слабыхъ грудью; по должномъ совѣщаніи признано весьма полезнымъ вывести поочередно полки за городъ, для малаго похода, вмѣсто прогулки и освѣженія людей, и для очистки и провѣтриванія въ казармахъ. Такъ какъ Павловскій полкъ, а за нимъ Финляндскій, болѣе другихъ болѣли, то съ нихъ и начнемъ.

По спискамъ рекруты нынѣшняго года будутъ весьма хороши, но иные поздно приходятъ; тѣ, которыхъ уже видѣлъ, отличны. Великая княгиня была все это время здорова; но вчера жаловалась ревматизмомъ въ лицѣ, и сегодня вырвали коренной зубъ, послѣ чего ей было легче. Лили я видѣлъ сегодня, ей также лучше, и она очень выросла. Жена моя, благодаря Мандту, начинаетъ поправляться; за то сынъ Ни-

¹⁾ Вотъ когда по истинѣ можно сказать: „гони природу въ дверь она влетитъ въ окно“.

колай 10-й день въ постелѣ отъ лихорадки, и хотя увѣряють, что это ничего, но все насъ беспокоить. Впрочемъ все по-прежнему и по городу идетъ прежняя кутерьма. У насъ для жены бываютъ комнатные спектакли въ концертной залѣ, что очень пріятно, и не утомляетъ. Карлъ Ивановичъ ⁴⁾ здоровъ, и вчерашній весьма не продолжительный смотръ выдержалъ верхомъ, какъ нельзя лучше. За симъ прощай, любезный Михайло, не забывай меня и вѣрь искренней неизмѣнной дружбѣ стараго вѣрнаго друга и брата. Н.

2.

12-го (24-го) февраля 1837 г. С.-Петербургъ.

Отъѣздъ Философова долженъ былъ отложиться по несчастной причинѣ болѣзни и смерти его сына. Жаль мнѣ очень и его и бѣдной жены его, которая, при томъ, еще беременна; но усердіе его умѣло покорить горестъ, и онъ просить долѣе его не удерживать. Потому это письмо не много будетъ включать новаго, кромѣ отчета о послѣднихъ моихъ смотрахъ. Послѣ перваго внезапнаго смотра здѣсь расположенныхъ войскъ, сдѣлалъ я второй однимъ загороднымъ и Литовскому полку, но безъ Гренадерскаго баталіона. Всѣ явились отлично исправно. Церемоніальный маршъ за глубокимъ снѣгомъ для пѣхоты былъ очень труденъ, но, не смотря на то, прошли очень порядочно: пѣшая артиллерія прекрасно, а кавалерія и 1-я конно-легкая батарея славно, прибавленной рысью. Обозы всѣхъ тѣхъ войскъ были въ примѣрномъ порядкѣ. Вслѣдъ за симъ видѣлъ я пообыкновенному оба баталіона Павловскаго и Финляндскаго полковъ въ ружейныхъ приѣмахъ и маршировкѣ; могу точно сказать, что оба полка въ отличнѣйшемъ состояніи. Вчера былъ я на выступленіи Павловскаго полка въ практическій походъ и нашелъ тутъ все въ большомъ порядкѣ. Завтра выступаютъ Финляндскій и 4-я батарейная батарея.

Погода стоитъ мягкая и прекрасная, воздухъ хотя и не твой итальянскій, но необыкновенно весенній и утомляетъ. Философовъ тебѣ словесно все прочее расскажетъ. Англичане на насъ продолжаютъ ворчать, но врядъ-ли рѣшатся грызться; впрочемъ, мы готовы принять незванныхъ гостей. Великую княгиню и Лили видѣлъ я сегодня; онѣ здоровы. Мой госпиталь также благодаря Бога поправляется. Про тебя вчера узнали; твое пребываніе въ Туринѣ и отъѣздъ въ Ниццу; ждемъ съ нетерпѣніемъ, поѣдешь ли въ Неаполь. Ежели будешь тамъ, прошу

⁴⁾ Бистромъ, генералъ-адъютантъ, командовавшій всею гвардейскою пѣхотою.

меня повергнуть къ стопамъ королевы и просить продолженія ея милостиваго ко мнѣ расположенія.

Прощай вторично, любезный Михайло; не забывай стараго вѣрнаго друга и брата. Н.

II.

Великій князь Михаилъ Павловичъ—императору Николаю I.

2-го (14-го) іюня 1837 г. Баденъ-Баденъ.

Милостивыя твои письма, любезный Николай, отъ 9-го (21-го), 10-го (22-го) и 13-го (25-го) маія черезъ фельдъегеря Виммера я имѣлъ счастье получить 22-го маія (3-го іюня) и приношу тебѣ мою искреннѣйшую и низжайшую благодарность. На разные предметы, въ нихъ заключающіеся, буду отвѣчать по порядку. Лѣчение мое здѣсь приходитъ къ концу, и слава Богу теперь я чувствую себя совершенно здоровымъ, остается мнѣ желать, чтобы и впредь такъ же продолжалось съ помощію Всевышняго. Я не могу довольно нахвалиться усердіемъ здѣшняго доктора Гунерта, который меня лѣчитъ съ чрезвычайнымъ желаніемъ меня вылѣчить и, кажется, выполнѣ въ этомъ успѣлъ. Истинно отличный медикъ и имѣющій необыкновенно точный взглядъ, хотя еще и молодъ; по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ я осмѣлюсь просить тебя оказать ему какую-нибудь милость. Онъ думалъ, начавъ мое лѣчение здѣсь, что нужно будетъ мнѣ послѣ употребленіе морскихъ ваннъ; но такъ какъ теплая и истинно лѣтняя погода началась у насъ только-что нѣсколько дней, а прежде стояла все прехолодная и сырая, и потому море не можетъ быть достаточно согрѣто, онъ находитъ, что полезнѣе мнѣ будетъ послѣднюю недѣлю лѣченія здѣсь взять соленныя ванны и души, что уже я и началъ. 1-го (13-го) числа я совершенно кончу курсъ лѣченія и 8-го (20-го) выѣзжаю отсюда. Если бы я слѣдовалъ влеченію души моей, то, конечно, направилъ бы свой путь прямо въ Петербургъ и могъ по расчету времени поспѣть ко дню твоего рожденія. Не нужно мнѣ тебѣ сказать, сколь я былъ бы счастливъ, если бы сіе могло сбыться, но, полагая, что можетъ быть тебѣ угодно, чтобы я ѣхалъ въ Англію, я рѣшился туда ѣхать и думаю пробыть тамъ день десять или двѣ недѣли. Признаюсь откровенно, что нѣкоторымъ образомъ я страшусь этой поѣздки, потому что почти годъ я жилъ весьма уединенно, теперь вдругъ попаду въ огромный лондонскій свѣтъ, гдѣ я почти никого не знаю; но съ помощію Божіею постараюсь не осрамиться. По газетамъ

говорять, что король весьма опасно боленъ. Если съ нимъ случится какая-нибудь бѣда, то истинно не знаю, что мнѣ дѣлать, т. е. ѣхать ли или нѣтъ; отвѣтъ на сей вопросъ врядъ ли можетъ дойти до меня во-время. Я думаю отправиться отсюда 8-го (20-го) числа на Голландію; на пребываніе у сестры и до пріѣзда въ Лондонъ примѣрно кладу отъ десяти до двѣнадцати дней, слѣдовательно, я тамъ могу быть около 20-го іюня (2-го іюля), впрочемъ надо будетъ мнѣ соображаться съ обстоятельствами. Прошу тебя, любезный Николай, принять мое душевное поздравленіе съ наступающимъ днемъ твоего рожденія, дай Богъ тебѣ всевозможнаго счастья и полное преуспѣяніе во всѣхъ твоихъ благихъ предпріятіяхъ. Весьма мнѣ больно, что вновь я лишень счастья тебя лично поздравить и изъяснить тебѣ изустно то, чѣмъ сердце мое преисполнено. Изъ Лондона полагаю отправиться моремъ въ Гамбургъ или иначе, что по справкамъ окажется поспѣшнѣе, и изъ Любека пушусь моремъ такъ, что съ милостью Всевышняго надѣюсь въ половинѣ іюля явиться на службу. Съ нетерпѣніемъ ожидаю минуты счастливой тебя увидѣть. Я весьма радовался, видѣвъ изъ письма твоего, что ты всѣми войсками и кадетами, какъ на смотрѣ, такъ и на ученіяхъ остался доволенъ. Тебѣ угодно приписывать часть сего успѣха мнѣ; не знаю, какъ тебѣ выразить довольно то чувство глубочайшей признательности, которою я былъ и есть преисполненъ при чтеніи сихъ милостивыхъ и драгоценныхъ для меня строкъ. Но могъ ли я что-нибудь сдѣлать одинъ безъ усердныхъ помощниковъ, слѣдовательно честь принадлежитъ имъ, тѣмъ болѣе, что вотъ уже почти годъ, что я отъ нихъ удаленъ,—мнѣ остается ими и за нихъ радоваться. Могу только въ одномъ тебя увѣрить, что покуда я буду живъ и во мнѣ будетъ хоть малѣйшая сила, они (т. е. жизнь и сила) будутъ посвящены служить тебѣ вѣрой и правдой.

Я весьма разумѣю, сколь тебѣ было тяжело разстаться съ Наслѣдникомъ ⁴⁾, но путешествіе сіе вѣрно послужитъ какъ ему, такъ и Россіи, нашей славной и неоцѣненной матушкѣ Россіи, въ пользу, ибо его увидятъ, узнаютъ и вѣрно полюбятъ. Мнѣ кажется, что это чувство неотъемлемо отъ него, когда его узнаютъ; я не какъ льстецъ подлый говорю, но по убѣжденію и влеченію, которое я къ нему чувствую. Признаюсь, безъ памяти люблю его, у него душа необыкновенная; Богъ вѣрно будетъ всегда ему сопутствовать. Прочитавъ описаніе сна императрицы и что я въ немъ замѣшанъ въ непростительномъ фамильярствѣ, крѣпко содрогнулся, обрѣвъ, oh, oh, la, la, жаль, что со мною нѣтъ Свода законовъ, а то бы учинилъ по немъ справку,

⁴⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ путешествовалъ тогда по Сибири.

что онъ на такіе случаи гласить; дѣло, кажется, плоховато. Да при семъ осмѣливаюсь приложить челобитню къ ея величеству, дескать матушка ваше императорское величество бью челомъ и всеподданнѣйше прошу, чтобы впредь подобные сны, могущіе привести васъ въ трепетъ и меня невиннаго, не приходили бы тревожить высочайшую особу вашу и меня, ползущаго у подножія вашего, о чемъ и прошу рѣшеніе учинить и меня нижепоименованнаго успокоить.

Весьма радуюсь, что нашему почтенному Карлу Ивановичу, при отеческихъ твоихъ о немъ попеченіяхъ, равно и гр. Бенкендорфу гораздо лучше. Жаль мнѣ весьма Бородина и Перрена, они были оба добрые и честные служивые. Дай Богъ, чтобы А. Я. Сукинъ поправился. Царствіе небесное А. Д. Балашову. Приношу искреннѣйшую мою благодарность за поздравленіе съ рожденіемъ Лили. Отсюда ничего мнѣ совершенно нельзя тебѣ любопытнаго писать *faute de matériaux*. На-дняхъ отправляется Филосововъ съ полковникомъ Лаколе здѣшней службы въ Страсбургъ.

Нѣсколько дней тому назадъ былъ здѣсь Дантесъ и пробылъ два дня. Онъ, какъ говорятъ, весьма соболѣзнуетъ о бывшемъ съ нимъ, но увѣряетъ, что со времени его свадьбы, онъ ни въ чемъ не можетъ себя обвинять касательно Пушкина и жены его, и не имѣлъ съ нею совершенно никакихъ сношеній, былъ же вынужденъ на поединокъ поведеніемъ Пушкина. Всѣмъ твердить, что послѣ Россіи все кажется ему *petit et mesquin*. На лѣто онъ переѣзжаетъ съ женою жить сюда. Приѣхали сюда княгиня Радзивиль, которой здоровье все еще не хорошо, и Бутурлина такъ же лѣчится. Княгинѣ Долгоруковой хотя лучше, но лѣченіе ея продолжится еще, можетъ быть, два года. Прошу тебя повергнуть меня къ стопамъ ея величества и обнять отъ меня милыхъ твоихъ дѣтей. Итакъ Ольга Николаевна переросла уже императрицу! Мой Долгорукой сюда еще не прибылъ, хотя по письмамъ его знаю, что онъ также ѣдетъ въ Баденъ; женѣ его хуже, чѣмъ когда было. Прощай, любезный Николай, не забывай твоего вѣрнаго брата и друга. Михаилъ.

Р. S. Генералъ Безакъ уже нѣсколько недѣль здѣсь на возвратномъ пути въ Петербургъ, онъ везетъ весьма многія любопытныя свѣдѣнія по разнымъ частямъ, которыя онъ собралъ во время своихъ путешествій во Франціи и Англіи. Я осмѣливаюсь взять его съ собою въ Англію, гдѣ онъ можетъ быть мнѣ весьма полезенъ.

Сообщ. Рих. Алекс. Гриммъ.

Пребываніе Сперанскаго въ Нижнемъ-Новгородѣ и Перми ¹⁾

(Изъ бумагъ академика А. Θ. Быткова).

Въ ночь съ 17-го на 18-е марта 1812 года Сперанскій, въ сопровожденіи частнаго пристава Шипулинскаго, выѣхалъ изъ Петербурга. Шипулинскій быстро и исправно выполнилъ возложенное на него порученіе: 23-го марта, въ 8 часовъ утра, онъ уже примчалъ сосланнаго въ Нижній и въ тотъ же день выѣхалъ обратно въ Петербургъ. Шипулинскій повезъ съ собою къ министру полиціи Балашову отъ невольнаго изгнанника письмо ²⁾, при которомъ было приложено и письмо его къ императору Александру. «Въ чемъ состояло это послѣднее письмо, намъ неизвѣстно»—было сказано на стр. 48-й II-го тома «Жизни графа Сперанскаго». «Такъ, дѣйствительно, и было во время составленія и напечатанія нашей книги—писалъ баронъ Корфъ впоследствии;—но по смерти государственнаго канцлера графа Нессельрода, послѣдовавшей въ 1862 году, это письмо было найдено между его бумагами въ подлинникѣ, писанномъ, по-французски, отъ начала до конца рукою Сперанскаго,—новое доказательство крайней, щепетильной осторожности покойнаго нашего дипломата. И при сочиненіи нашей біографіи, и послѣ ея изданія въ свѣтъ, мы по крайней мѣрѣ разъ двадцать говорили о ней съ графомъ; онъ, повидимому, чрезвычайно интересовался нашимъ трудомъ, передавалъ къ нему разныя дополнительные свѣдѣнія, хвалилъ его исполненіе, можетъ быть, даже выше мѣры,—и между тѣмъ, послѣ полувѣка, при совершенно измѣнившихся обстоятельствахъ, когда это письмо уже давно перешло

¹⁾ Дополнительные матеріалы къ „Жизни графа Сперанскаго“.

²⁾ Напечатано въ „Жизни графа Сперанскаго“, т. II, стр. 47—48.

въ область исторіи, тайлъ его про себя и не сообщалъ намъ! Къ счастью, сынъ его, вскорѣ послѣ смерти отца, не только далъ намъ прочесть это драгоцѣнное письмо, но и самъ его для насъ списалъ». Въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» сохранилась точная копія этого письма Сперанскаго, со всѣми ошибками и описками, которыя очень естественно объясняются тогдашнимъ его волненіемъ.

Въ 1867 году баронъ Корфъ напечаталъ въ «Русскомъ Архивѣ» нѣсколько дополненій къ «Жизни графа Сперанскаго»¹⁾, въ томъ числѣ онъ предполагалъ помѣстить и это нижегородское письмо Сперанскаго къ императору Александру, но затѣмъ перемѣнилъ свое намѣреніе. «Вотъ, любезный Аѳанасій Ѳеодоровичъ,—писалъ Корфъ А. Ѳ. Бычкову²⁾ 25-го января 1867 года—пакетъ мой о Сперанскомъ для «Русскаго Архива», съ просьбою переслать его къ Бартеневу³⁾. Къ сожалѣнію, послѣднія событія побудили меня исключить отсюда важнѣйшее: первое письмо Сперанскаго изъ заточенія. Напечатаніе его теперь было бы крайне несвоевременно, а съ моей стороны, можно сказать, даже и неudelikatно».

По смерти графа Нессельрода нижегородское письмо Сперанскаго поступило въ Государственный Архивъ, откуда оно было извлечено не такъ давно и напечатано Н. К. Шильдеромъ⁴⁾.

«Письмо это—читаемъ въ замѣткѣ барона Корфа—особенно замѣчательно тѣмъ, что открываетъ, въ чемъ Сперанскій видѣлъ главную и даже единственную причину своего паденія: именно въ составленномъ имъ проектѣ конституціи (фраза о томъ подчеркнута въ самомъ подлинникѣ). Этимъ же отчасти выясняются и загадочныя слова пермскаго письма Сперанскаго: «вашею (обращаясь къ государю) тайною, а не своею я связанъ». Вся опала произошла вслѣдствіе дѣятельнаго соучастія Александра въ реформаторскихъ идеяхъ его любимца; когда пора послѣднихъ прошла для государя, или была оттъснена силою обстоятельствъ, тогда онъ рѣшился пожертвовать и Сперанскимъ, съ цѣлью убѣдить общественное мнѣніе, что такого соучастія не существовало и что все это были одни личные замыслы государственнаго секретаря, вдругъ будто бы подмѣченные и откры-

¹⁾ См. „Русскій Архивъ“ 1867 г., № 3, столбцы 432—455.

²⁾ Которому, по обыкновенію, были присылаемы барономъ Корфомъ для предварительнаго просмотра и исправленія предназначавшіяся къ помѣщенію въ „Русскомъ Архивѣ“ дополненія къ „Жизни Сперанскаго“.

³⁾ Петру Ивановичу, издателю „Русскаго Архива“.

⁴⁾ См. „Императоръ Александръ Первый. Его жизнь и царствованіе“, т. III, Спб. 1897, стр. 491—493.

тые. Придворные интриганы явились тутъ только желанными пособниками собственныхъ плановъ государя».

Сообщая нижегородскому губернатору о томъ, какія мѣры должны быть приняты относительно Сперанскаго въ Нижнемъ, Балашовъ, между прочимъ, предписывалъ ему имѣть бдительное наблюденіе, чтобы переписка Сперанскаго была доставляема въ Петербургъ для доклада государю ¹⁾.—Сперанскій въ свою очередь принималъ въ перепискѣ извѣстныя мѣры предосторожности. Такъ, въ письмѣ къ зятю Михайлу Федоровичу Третьякову въ Черкутино, отъ 12-го апрѣля 1812 г., онъ, между прочимъ, писалъ: «Если захотите вы ко мнѣ писать, то не иначе какъ чрезъ г. Астафьева, а никакъ не по почтѣ ²⁾». Упоминаемый здѣсь Астафьевъ былъ нижегородскій помѣщикъ, отставной штабсъ-капитанъ. Но и онъ на дѣлѣ оказался совсѣмъ не надежнымъ комиссіонеромъ. Настоящее письмо Сперанскаго, тоже пересылавшееся черезъ Астафьева, успѣлъ достать отъ него—какъ доносилъ губернаторъ Балашову—«по знакомству и особенной расторопности» полиціймейстеръ Бабушкинъ, и хотя подлинное не было задержано, однако копію съ него губернаторъ тотчасъ отослалъ къ министру полиціи.

Къ пребыванію Сперанскаго въ Нижнемъ относится еще слѣдующій эпизодъ, сообщенный барону Корфѣ княземъ Георгіемъ Александровичемъ Грузинскимъ (бывшимъ въ 1812 г. нижегородскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства), во который не былъ включенъ въ «Жизнь графа Сперанскаго», «какъ не подтвержденный (въ то время)—замѣчаетъ Корфъ—никакими другими доказательствами, которыя непременно требовались бы для факта такой первостепенной важности».

«По званію предводителя—пишетъ князь—я состоялъ въ то время подъ главнѣйшимъ начальствомъ графа Петра Александровича Толстаго ³⁾, а ему, по обязанности формировать запасныя войска и по разнымъ другимъ порученіямъ, часто приходилось отлучаться изъ Нижняго. При такихъ отлучкахъ всѣ приходившія на его имя бумаги онъ довѣрялъ вскрывать мнѣ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ экстренности, дѣлать по нимъ и исполненіе. Разъ я вскрылъ, такимъ образомъ, отношеніе къ Толстому графа Растопчина, который требовалъ немедленной присылки Сперан-

¹⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 48.

²⁾ Это мѣсто письма въ печатномъ изданіи „Жизни графа Сперанскаго“ (т. II, стр. 50) было выпущено.

³⁾ Бывшаго съ октября 1807 по октябрь 1808 года посломъ въ Парижъ, а въ то время начальствовавшего въ Нижнемъ 3-мъ округомъ военнаго ополченія и имѣвшаго особыя уполномочія и по гражданской части.

скаго въ Москву ¹⁾), безъ объясненія, однако, для чего именно. Я отвѣчалъ, что Сперанскій находится въ Нижнемъ по особому высочайшему повелѣнію, и потому я не въ правѣ исполнить это требованіе, а представляю о немъ графу Толстому. Но пока шла переписка, французы вошли въ Москву, и Сперанскій вскорѣ затѣмъ былъ отправленъ въ Пермь, къ великой радости губернатора Руновскаго, освободившагося, наконецъ, отъ плѣнника, котораго каждый шагъ тяготилъ его».

«Но здѣсь—замѣчаетъ Корфъ—рождается вопросъ—и въ этомъ мы и полагаемъ важность факта,—съ какою же цѣлью Растопчинъ отважился на такой самовластный поступокъ? Безъ сомнѣнія, съ одною только,—по крайней мѣрѣ, какъ думали, въ то время, Грузинскій и съ нимъ нѣкоторые другіе,—чтобы ненавидимаго народомъ предать на жертву возбужденнымъ страстямъ, подобно несчастному Верещагину. Ко всегдашней административной политикѣ Растопчина не присоединялась ли тутъ еще, можетъ статься,—какъ ни страшно выговорить—жажда удовлетворенія личной злобѣ?...».

15-го сентября 1812 года Сперанскій, какъ извѣстно, по высочайшему повелѣнію былъ увезенъ, съ фельдъегеремъ, изъ Нижняго въ Пермь. Причиной этой новой мѣры, принятой въ отношеніи его, было донесеніе Балашову нижегородскаго вице-губернатора Крюкова, отъ 22-го августа 1812 г. ²⁾), о разговорѣ Сперанскаго за закускою, 6-го августа, у нижегородскаго архіерея Моисея ³⁾). «Послѣ обѣдни былъ тутъ (у архіерея) и г. тайный совѣтникъ Сперанскій—писалъ Крюковъ,—обѣдать однакожъ не оставался, но между закускою, занимаясь онъ съ преосвященнымъ обоюдными разговорами, кои доведя до нынѣшнихъ военныхъ дѣйствій, говорилъ о Наполеонѣ и о успѣхахъ его предпріятій; къ чему г. Сперанскій дополнилъ, что въ прошедшія кампаніи въ нѣмецкихъ областяхъ, при завоеваніи ихъ, онъ, Наполеонъ, щадилъ духовенство, оказывалъ ему уваженіе и храмовъ не допускалъ до разграбленія, но еще, для сбереженія ихъ, приставлялъ караулъ, что слышали бывшіе тамъ чиновники, отъ которыхъ о томъ на сихъ дняхъ я узналъ».

¹⁾ Это требованіе содержалось въ письмѣ Растопчина къ графу Толстому, отъ 21-го августа 1812 года (см. въ статьѣ А. Н. Попова „Эпизоды изъ исторіи 1812 г.“, въ „Русскомъ Архивѣ“ 1892 г., книга вторая, стр. 409).

²⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 57.

³⁾ Преосвященный Моисей былъ человекъ смѣлый и дерзкій. Въ запискѣ купца Попова о пребываніи Сперанскаго въ Перми находится слѣдующій отзывъ Сперанскаго о нижегородскомъ архіерее: „Я принужденъ былъ пророчить ему, что онъ за разговоры и сужденія свои сорветъ себѣ голову“.

Г. Анатолій Жадовскій (бывшій въ послѣдствіи тайнымъ совѣтникомъ) въ запискѣ, доставленной имъ барону Корфу по прочтеніи «Жизни графа Сперанскаго», писалъ по этому поводу слѣдующее:

«Вся исторія нижегородская была произведеніемъ князя Грузинскаго, извѣстнаго и лживостію своею, и всѣми низкими качествами, не исключая ябедничества и даже наклонности къ шпіонству и доносамъ, нерѣдко ложнымъ. Онъ, и никто болѣе, былъ виновникомъ ссылки Сперанскаго изъ Нижняго въ Пермь: ибо и самое донесеніе (и неумѣстное, и несправедливое) Крюкова возбуждено и подстрекнуто было княземъ Грузинскимъ, а предубѣжденіе графа П. А. Толстаго противъ Сперанскаго было послѣдствіемъ ложныхъ навѣтовъ и тайныхъ наговоровъ графу того же князя, который въ 1851 году, при нашихъ довольно частыхъ свиданіяхъ и въ Нижнемъ и въ Лысковѣ, почти ясно о томъ высказалъ и при томъ нисколько не краснѣя, лишь изрѣдка поглядывая на меня, какъ хищный волкъ, изъ подлобыя. Если Провидѣніе, всегда правосудное, достойнымъ образомъ наказало князя Грузинскаго, сдѣлавшагося, съ окончаніемъ войны, предметомъ всеобщаго, можно сказать, презрѣнія, несмотря на всѣ средства, которыя доставляло ему его богатое состояніе, и оставило на его долю единственно ханжество, такъ какъ ни одинъ мало-мальски порядочный человѣкъ не только не навѣщалъ, но и знать его не хотѣлъ, даже, частію, и не смѣлъ, такъ что все свое время, не имѣя способности, ни духу заниматься дѣлами, чтеніемъ, или инымъ чѣмъ, онъ проводилъ какъ бы во снѣ, т. е. въ самозабвеніи и состоя при томъ подъ болѣе строгимъ надзоромъ самого правительства, чѣмъ невинная его жертва Мих(аилъ) Михайловичъ: то орудіе князя (болѣе по глупости, раболѣпству и собственному людямъ малодушнымъ желанію подслужиться и выслужиться чѣмъ-либо, въ личномъ своемъ интересѣ и видахъ, высшему начальству) Крюковъ, по истинѣ, заслуживая презрѣніе за свой подлый и гадкій поступокъ, не могъ не возбуждать искренняго къ себѣ собогѣзнованія каждаго, знавшаго подробности его обстоятельствъ. Кара Провидѣнія жестоко поразила его—персть Божій тяготѣлъ надъ нимъ. Имѣя хорошее и по всему обезпеченное состояніе, болѣе двухъ тысячъ душъ въ богатыхъ мѣстностяхъ, и только двухъ сыновей, порядочныхъ, хорошо образованныхъ, служившихъ уже офицерами въ Кавалергардскомъ полку по 14-е декабря (1825 года), онъ разомъ лишился ихъ обоихъ, и мнѣ случалось потомъ встрѣчаться съ стариками Крюковыми какъ бы застѣнчивыми, угрюмыми, терзавшимися однимъ: куда преклонить имъ голову, что дѣлать и куда дѣвать ихъ хорошее состояніе, сдѣлавшееся для нихъ, по ссылкѣ дѣтей, въ совершенную тягость и какъ бы въ укоръ въ чѣмъ-то. Дѣтей Крюковыхъ я видѣлъ, въ 1843 году, на поселеніи въ Минусинскѣ и могу засвидѣтельствовать и удо-

стовѣрить въ истинѣ всего вышеизложеннаго и присовокупить, что старшій братъ любилъ и науку, и, въ особенности, литературу, и выписывалъ къ себѣ въ Минусинскъ много журналовъ, не только русскихъ, но и французскихъ и нѣмецкихъ».

«Съ своей стороны—замѣчаетъ баронъ Корфъ—мы можемъ только завѣрить, что рапортъ Крюкова отъ 22-го августа, рѣшившій переводъ Сперанскаго въ Пермь, былъ основанъ именно на доносѣ князя Грузинскаго, который въ томъ рапортѣ и названъ по фамилинъ».

При отъѣздѣ изъ Нижняго Сперанскій послалъ письмо графу П. А. Толстому и просилъ его приложенное письмо доставить государю. Но этого письма Сперанскаго къ государю Толстой не послалъ. Вотъ находящаяся въ дополнительныхъ матеріалахъ къ «Жизни графа Сперанскаго» замѣтка барона Корфа, относящаяся къ этому эпизоду:

«Графъ Петръ Александровичъ Толстой, братъ оберъ-гофмаршала, вѣроятно, раздѣлявшій съ нимъ и ненависть къ Сперанскому, участвовалъ нѣкогда въ Прагскомъ штурмѣ и въ славномъ Маціовицкомъ дѣлѣ, при которомъ былъ взятъ въ плѣнъ Костюшко. Получивъ изъ рукъ Екатерины, въ полковничьемъ чинѣ, орденъ св. Георгія 3-й степени и совершивъ съ Суворовымъ знаменитый итальянскій походъ, Толстой, при Александрѣ, былъ сперва с.-петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ (1803—1805), а потомъ (съ октября 1807 по октябрь 1808) посломъ нашимъ въ Парижѣ; съ отъѣздомъ же Наполеона въ Эрфуртъ, удалился отъ дѣлъ и жилъ въ Москвѣ, пока 1812 годъ не вызвалъ его снова на службу. Независимо отъ военныхъ его подвиговъ, Толстой и въ то время, и послѣ, съ тѣхъ поръ, что онъ оставилъ боевое поприще и былъ призванъ, при Николаѣ, къ участию во всѣхъ высшихъ дѣлахъ государственныхъ, представлялъ лицо преимущественно отрицательное. При нѣкоторой остротѣ ума, у него не было ни образованія государственнаго человѣка, ни основательныхъ сужденій, а главное—все подавлялось въ немъ неописуемымъ равнодушіемъ къ дѣламъ, въ связи съ истинно-невообразимою лѣнностію. Всѣ важнѣйшіе вопросы и дѣла, общественные и частные, въ его глазахъ были всегда—любимое его выраженіе—«плевое дѣло». Отъ этого, вѣроятно, если не вслѣдствіе своей ненависти, онъ и письмо Сперанскаго оставилъ безъ дѣйствія, или, какъ рассказывалъ Филимоновъ¹⁾, просто разорвалъ. Отпусковъ ихъ, къ сожалѣнію, мы нигдѣ не нашли».

Въ Пермь Сперанскій пріѣхалъ 23-го сентября 1812 г. Во время пребыванія своего въ этомъ городѣ онъ жилъ одно время въ домѣ

¹⁾ Владиміръ Сергѣевичъ Филимоновъ (р. 1787 † 1858), довольно извѣстный литераторъ, состоявшій въ 1812 г. за адъютанта при графѣ П. А. Толстомъ (см. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 68).

купца Ивана Николаевича Попова, который доставилъ впослѣдствіи барону Корфу записку о жизни Сперанскаго въ Перми. Въ «Жизни графа Сперанскаго» (т. II, стр. 73—79) приведены нѣкоторые выписки изъ этой записки. Вотъ еще нѣсколько любопытныхъ изъ нея выдержекъ, не попавшихъ въ печатное изданіе книги:

«При семействѣ перемѣнилъ Михайла Михайловичъ свои занятія. Утромъ, до прогулки, училъ дочь словесности и другимъ предметамъ; прогуливался всегда съ нею; послѣ обѣда читалъ вслухъ для домашнихъ легкія сочиненія, романы и т. п., или катался съ дочерью съ нарочито устроенной при квартирѣ горы (ватушки) на кождѣ, или лубкѣ; вечеромъ, довольно часто, дочь съ двоюроднымъ братомъ ¹⁾ и дядею Козьмой Михайловичемъ ²⁾ выдумывали какіе-нибудь фарсы, напримѣръ они и всѣ люди наряжались воинами, заставляли его бѣгать отъ нихъ по комнатамъ, и въ кабинетѣ, когда всѣ успѣвали его окружить, дочь приставляла къ груди его кинжалъ, съ крикомъ: «сдавайся, злодѣй-измѣнникъ!». Шутки таковыя выдумывались съ разными перемѣнами. Домашніе думали, что доброе дѣло дѣлаютъ, а напротивъ только досаждали ему, чего онъ, однакожъ, никогда не давалъ замѣтить.

«Когда наступила весна, съ того времени до глубокой осени, Михайла Михайловичъ прогуливался четырежды въ день, дважды до обѣда, въ ту же минуту послѣ обѣда (но въ эту прогулку такимъ тихимъ шагомъ, что на какихъ-нибудь сто сажень требовалось едва-ли не болѣе получаса), и наконецъ вечеромъ, при чемъ онъ уходилъ съ книгою въ лѣсокъ на крутомъ берегу Камы и читалъ тамъ почти до захожденія солнца. Лѣтомъ онъ, можно сказать, не жилъ въ домѣ и одѣвался очень, очень легко; осенью и зимою ходилъ скоро и мѣховаго платья не носилъ. Никто никогда въ Перми не видалъ на лицѣ его огорченія, задумчивости и печали: оно всегда было живое и веселое. Только дважды, и то на нѣсколько минутъ, привелось мнѣ замѣтить противное, именно въ первый разъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Пермь, когда привезенный имъ съ собою молодой крѣпостной человѣкъ уходилъ съ квартиры и не являлся дня по три, что было не однажды. Ему горя мало было, что баринъ долженъ будетъ все самъ для себя дѣлать. Разъ, входя въ комнату Михайла Михайловича по своей надобности, я засталъ его растирающимъ табакъ; не давъ еще мнѣ сказать о моемъ дѣлѣ, онъ съ улыбкою произнесъ: «трудивыйся да ясты!». Въ такое свое безвременье онъ даже самъ приготавливалъ свой гордеробъ, никакъ не позволяя выполнять эту послугу нашимъ людямъ, хотя она предлагалась съ величайшимъ радушіемъ. Въ другой разъ, когда губернаторъ не хотѣлъ

¹⁾ Вѣроятно, дядею по матери, Франсисомъ Стивенсомъ.

²⁾ Сперанскимъ.

было выпустить его дочери изъ Перми безъ разрѣшенія высшаго начальства, тогда Михайла Михайловичъ со скорбію, весьма растроганнымъ голосомъ, говорилъ мнѣ:

— Пусть я виноватъ, пусть сошлютъ меня въ Нерчинскъ, но чѣмъ виновата моя дочь, за что и она должна страдать! Что ей здѣсь дѣлать? Общество у губернатора и вездѣ для нея закрыто; образованіе ея достигло до той степени, что высшаго не могу ей здѣсь дать въ искусствахъ, а мнѣ она въ тягость.

«Михайла Михайловичъ пользовался въ Перми самымъ цвѣтущимъ здоровьемъ и съ недѣлю только не выходилъ изъ дому за простудою уха; но и эта болѣзнь была, кажется, больше приманкою къ себѣ доктора Граля ¹⁾ изъ другихъ видовъ, потому что съ нѣкоторою досадою говорилъ:

— Знаю я вѣрнѣйшее и самое скорое средство для излѣченія уха (смоляную паклю съ одеколономъ); но мнѣ нужно было видѣть доктора для объясненій съ губернаторшею по займу денегъ, и вотъ онъ такъ растравилъ ухо припарками, что нельзя выйти.—

«Еще, когда сблизился съ архіереемъ и когда у него обѣдывалъ, то на другой день всегда лежалъ въ постели до 12-го часа, что относить надо къ наливкамъ, которыми любилъ угощать преосвященный очень настоятельно.

«Въ Перми водворилась, постепенно, общая къ Михайлѣ Михайловичу любовь; но тамошнія развлеченія едва ли были по его вкусу: играя въ горѣлки и бѣгая съ дѣвцами на загородныхъ гуляньяхъ, онъ, на замѣчаніе о томъ, выразился:

— Тысячу разъ лучше согласенъ бѣгать, чѣмъ сидѣть подлѣ губернатора за карточнымъ его столомъ.—

«Карты, которыя въ Перми поглощали все почти время, онъ вообще ненавидѣлъ. Козьма Михайловичъ ²⁾, съ которымъ мы часто прогуливались и который бывалъ у насъ въ домѣ по крайней мѣрѣ три раза въ недѣлю, часто говаривалъ мнѣ, что развѣ только въ раю было бы лучше для него жить.

— Нуля не стоили вся прежняя моя жизнь, говорилъ онъ, и все мое ученіе университетское противъ нынѣшней жизни и бесѣды съ братомъ; въ полгода я сдѣлался и добрѣе, и умнѣе, и образованнѣе.

«Живя въ Перми, Михайла Михайловичъ не только въ праздники, но иногда и въ будни ходилъ въ церковь къ заутренямъ и обѣднямъ

¹⁾ Къ слову о докторѣ Гралѣ. Поповъ прибавляетъ, что въ Перми такъ согласно тогда жили, что всѣ дни были разобраны, и холостому не нужно было имѣть своей кухни. Граль, въ теченіе 45-ти-лѣтней тамъ службы, ни разу, кромѣ болѣзненныхъ случаевъ, не обѣдалъ у себя дома.

²⁾ Сперанскій.

и во всѣ посты говѣлъ, въ великій дважды, на первой и послѣдней недѣлѣ. Благочестіе это было ли благочестіемъ—не знаю. Рассказывая, въ первое еще время своего пребыванія, что отъ многолюдства за заутреней въ Николинъ день очень вспотѣлъ и на выходѣ простудился, онъ тѣмъ крайне удивилъ меня.

— Ужели—спросилъ я—вы изволили быть у заутреней?

— Каменіемъ побіють, когда бъ не былъ,—отвѣчалъ онъ.

«Но въ другое время, гораздо спустя, послѣ приобщенія его Святыхъ Таинъ, зашелъ я по обычаю его поздравить и, за отсутствіемъ всѣхъ людей, прошелъ безъ доклада въ его спальню, бывшую вмѣстѣ и кабинетомъ. Тутъ я увидѣлъ его лежащимъ на полу, на коврѣ, сіяющимъ и лучезарнымъ, точно святымъ! Любилъ онъ также благотворить въ острогѣ, говоря, что между виноватыми есть тамъ и невинные.

«Переводъ изъ Нижняго въ Пермь разумѣлъ Михайла Михайловичъ особеннымъ благодареніемъ ему государя, потому что осень 1812 года могла бы быть для него печальною въ Нижнемъ, по общему на него озлобленію всѣхъ состояній и наиболѣе дворянства, которое въ огромномъ числѣ сѣхалось тогда въ этотъ городъ.

«Изъ Петербурга было предписаніе почасту доносить о поведеніи Михайла Михайловича. Почтмейстеръ, котораго онъ разумѣлъ добрымъ, но почти глупымъ человѣкомъ и который, впоследствии, былъ ревностнымъ его почитателемъ, имѣлъ неосторожность хвалиться, что Михайла Михайловичъ находится и подъ его надзоромъ.

— Кому же лучше какъ не ему и надзирать за мною: вѣдь я всякой день мимо его оконъ прогуливаюсь!—говорилъ онъ.

«Этотъ же почтмейстеръ какъ-то вызвался дать прочитать такую книгу, которой и за 10 тысячъ рублей нигдѣ не найти. Возбудивъ тѣмъ живѣйшее любопытство Михайла Михайловича, онъ, по убѣдительной его просьбѣ, прислалъ эту книгу въ запечатанномъ конвертѣ. Оказались Записки Артамона Матвѣева.

— Я ему эту книгу въ каждой петербургской книжной лавкѣ за два съ половиной куплю; но нечего дѣлать, надо двѣ недѣли поддержать и возвратитъ съ благодарностію—шутя говорилъ Михайла Михайловичъ и отослалъ книгу, не читавши.

«Въ Перми какъ-то заговорили, что онъ продалъ отечество не за деньги, а за польскую корону.

— Слава Богу!—сказалъ онъ, перекрестясь—начинають лучше обо мнѣ думать; за корону все-таки извинительнѣе соблазниться».

Во время общаго гоненія на Сперанскаго, чувство теплаго довѣрія къ человѣчеству было въ немъ поддержано, между прочимъ, благородными дѣйствіями семейства Лазаревыхъ, состоявшаго въ давнишней

пріязни съ бывшимъ государственнымъ секретаремъ. Христофоръ Іоакимовичъ Лазаревъ, тогда еще почти юноша ¹⁾, отважился пообщать Сперанскаго еще въ ту эпоху, когда всѣ умы въ Перми были сильно предрасположены противъ него, и вопреки совѣтамъ пермскаго губернатора Гермеса ²⁾. Послѣдній предостерегалъ молодого человѣка отъ дурныхъ послѣдствій, которыя можетъ имѣть для него такое пообщаніе, если вѣсть о немъ дойдетъ до Петербурга.

— Какъ рѣшились вы навѣстить меня?—было и вопросомъ самого Сперанскаго при первомъ ихъ свиданіи,—меня, котораго и на улицѣ всѣ бѣгаютъ, какъ чумнаго!

Впослѣдствіи Лазаревъ успѣлъ познакомить пермскаго пустытника съ нѣсколькими духовными лицами изъ Соликамска, отличавшимися преимущественнымъ просвѣщеніемъ, и съ нѣкоторыми также изъ числа управлявшихъ частными горными заводами. Сперанскій любилъ бесѣдовать съ ними, спрашивалъ ихъ съ обыкновенною своею любознательностію обо всемъ, представлявшемъ какой-нибудь мѣстный интересъ, и, записывая, что слышалъ отъ нихъ любопытнаго, часто говорилъ молодому своему пріятелю:

— Вы мнѣ открыли такіе источники, изъ которыхъ я многому научился!

Въ пребываніе Сперанскаго въ Перми, туда пріѣзжали еще: извѣстный заводчикъ и богачъ Алексѣй Ивановичъ Яковлевъ, который, однако, съ нимъ не видѣлся, за чтò, по словамъ Попова, названъ имъ былъ умнымъ человѣкомъ, сенаторъ князь Шаховской и, наконецъ, Константинъ Васильевичъ Злобинъ, жившій въ Перми съ недѣлю и бывавшій у Сперанскаго съ утра до ночи.

Стѣсненный крайностью и постоянно преслѣдуемый оскорбленіями, Сперанскій рѣшился, въ ноябрѣ 1812 года, о своихъ нуждахъ и страданіяхъ довести до свѣдѣнія государя черезъ министра полиціи А. Д. Балашова ³⁾, который не замедлялъ отвѣтомъ. Письмо Балашова, отъ 6-го декабря 1812 года, было слѣдующаго содержанія ⁴⁾:

«Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ! Письмо вашего превосходительства и всеподданнѣйшее прошеніе я имѣлъ честь получить и повергнулъ высочайшему усмотрѣнію. Государю императору угодно было опредѣлить на содержаніе ваше 6.000 рублей въ годъ, что

¹⁾ Впослѣдствіи дѣйствительный тайный совѣтникъ и попечитель Лазаревскаго института въ Москвѣ.

²⁾ Разсказъ Х. І. Лазарева.

³⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 84—85.

⁴⁾ Письмо это напечатано тамъ же, стр. 85, но не вполнѣ: выпущено мѣсто, набранное разрядкою.

для исполненія отъ меня уже и сообщено г. министру финансовъ. Касательно отобраннаго письма вашего отъ посланнаго, его величество изволилъ отозваться, что причиною сего былъ видъ скрытности, тому отправленію данный, то-есть, что письмо не было показано губернатору и было зашито въ шакль, что изволилъ находить не соотвѣтствующимъ положенію вашему, равно и скрытность промѣна серебряныхъ денегъ. Я къ сему присовокупить долженъ, что, въ точнѣйшее изысканіе образа поступковъ г. губернатора, ему нынѣ подтверждено, дабы высочайшая воля вполнѣ и не далѣе предѣловъ, ею означенныхъ, была исполняема.

«О сынѣ г. Стивенсѣ я до сихъ поръ еще ничего не слыхалъ и исполнить желанія вашего превосходительства я не нахожу съ своей стороны никакого препятствія.

«Пребывать честь имѣю съ истиннымъ почтеніемъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга А. Балашовъ».

Это возстановляемое теперь мѣсто въ письмѣ Балашова требуетъ особаго поясненія.

Сперанскимъ былъ приторгованъ въ Нижнемъ домъ вдовы Скуридиной ¹⁾, и онъ уже и жилъ въ немъ, давъ за него задатокъ. Вдругъ Сперанскаго отправили въ Пермь. Спустя послѣ того какой-нибудь часъ, является Скуридина съ настойчивымъ требованіемъ, чтобы г-жа Стивенсъ ²⁾ съ остальнымъ семействомъ тотчасъ очистила домъ. Только послѣ долгихъ просьбъ удалось вымолить у нея двѣ комнаты, почти людскія, но на условія выбраться и изъ нихъ какъ можно скорѣе. На переѣздъ въ далекую Пермь требовались, однако, деньги, а ихъ не было. Занявъ, вслѣдствіе того, у жены откупщика Мартынова ³⁾ 500 рублей, которыхъ, по расчету, должно было достать до Казани, гдѣ братъ Сперанскаго, Козьма Михайловичъ, служилъ въ то время губернскимъ прокуроромъ, г-жа Стивенсъ съ внукою, сыномъ своимъ Франсисомъ и Анютою ⁴⁾, выѣхали изъ Нижняго 20-го сентября, т. е. черезъ пять дней послѣ Сперанскаго ⁵⁾. Но въ Казани ожидало

¹⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 58.

²⁾ Теща Сперанскаго.

³⁾ Тамъ же, стр. 54.

⁴⁾ Побочною дочерью Маріанны Злобиной, воспитывавшейся у Сперанскаго (см. замѣтку барона М. А. Корфа въ „Русскомъ Архивѣ“ 1885 г., книга третья, стр. 55—57).

⁵⁾ Губернаторъ, разрѣшивъ имъ выѣздъ, тотчасъ донесъ о томъ министру полиціи. Любопытно, что паспортъ былъ выданъ на имя „г-жи Стефенсъ, иностранки, вдовы англійской службы полковника“,—вмѣсто: пастора. (Донесеніе губернатора Балашову отъ 20-го сентября 1812 года и ордеръ нижегородскому полиціймейстеру отъ 19-го сентября).

ихъ письмо, оставленное послѣднимъ при своемъ проѣздѣ. Онъ уговаривалъ ихъ не ѣхать далѣе, прежде чѣмъ установится зимній путь. Неперпѣніе дочери быть опять вмѣстѣ съ отцомъ не позволило ей, однако, согласиться на такую неопредѣленную отсрочку, и по усиленнымъ ея настояніямъ г-жа Стивенсъ рѣшилась отправить въ Пермь нарочнаго, съ письмомъ, въ которомъ онѣ просили разрѣшить имъ пріѣхать немедленно. Этотъ нарочный—слуга Василій, данный Сперанскому отъ Столыпина въ качествѣ человека самаго вѣрнаго и надежнаго—едва уѣхалъ, какъ къ Козьмѣ Михайловичу пришла бумага, что онъ увольняется отъ службы. Эта вѣсть, всѣми—кромѣ его самого—послѣ паденія его брата давно ожидаемая, совершенно оразила бѣдняка. Дальнѣйшее пребываніе въ Казани сдѣлалось ему, послѣ этого, невыносимымъ, и онъ сталъ ожидать отвѣта изъ Перми съ такимъ же нетерпѣніемъ, какъ его племянница. Но время, рассчитанное для проѣзда Василія въ оба пути, давно прошло, прошло даже болѣе, нежели вдвое, а его все еще не было. Тогда колонія нашихъ страдальцевъ рѣшилась дѣйствовать самостоятельно. Они всѣ вмѣстѣ пустились въ путь, и уже только за какія-нибудь сутки до прибытія въ Пермь встрѣтили своего посланнаго, но—безъ письменнаго отвѣта.

Какая же была тому причина?

«Не бывъ какъ-то у Михайла Михайловича нѣсколько дней—пишетъ Поповъ—и зайдя къ нему однимъ утромъ, я встрѣтилъ его отправляющимся на прогулку.

— Мнѣ—сказалъ онъ—нужно вотъ что сказать вамъ. Домашніе мои прислали ко мнѣ изъ Казани человека съ письмами, требуя разрѣшенія, нынче ли еще осенью имъ ко мнѣ ѣхать, или дожидаться зимняго пути? Съ пріѣзда этого посланца безпрестанно стали появляться въ моей квартирѣ то явные, то замаскированные полицейскіе для развѣдыванія, поѣдетъ ли онъ назадъ и когда, и, наконецъ, самъ губернаторъ, прежде ни разу у меня не бывавшій, пріѣхалъ съ визитомъ. Не нужно было догадываться, что это значитъ. Я рассказалъ ему о пріѣздѣ человека и предложилъ прочитать самыя письма, которыя на ту пору случайно лежали раскрытыя на столѣ, но онъ отказался; я объяснилъ ему, что и отвѣчать намѣренъ. Онъ смолчалъ. Человеку же моему, отправляя его въ тотъ же день обратно съ моимъ отвѣтомъ, я приказалъ, въ случаѣ если—какъ то можно было предвидѣть—его схватятъ и если потомъ опять выпустятъ, а письмо задержать, рассказать моимъ отвѣтъ на словахъ. На другой день иду къ губернатору и говорю ему:

— За что вы моего человека схватили въ Оханскѣ¹⁾, привезли назадъ сюда и засадили въ острогъ?

¹⁾ Уѣздный городъ, въ 67-ми верстахъ отъ Перми, на трактѣ къ Казани.

— А вы какъ это знаете?

— Я слышалъ въ церкви—отвѣчаю ему—возлѣ меня двое какихъ-то постороннихъ людей о томъ между собою толковали; но теперь извините, если я буду, черезъ васъ же, на васъ жаловаться; я присланъ сюда подъ ваше охраненіе, а между тѣмъ сколько долженъ былъ, не видя никакой защиты, вытерпѣть оскорбленій!—Тутъ все я ему выпѣлъ, и какъ рекруты чуть меня не убили (?). Онъ сконфузился и всячески просилъ и убѣждалъ меня не жаловаться, но мнѣ непремѣнно нужно было имѣть дорогу для отсылки письма къ государю, которое я и заставилъ его принять».

Дочь Сперанскаго въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ это происшествіе въ нѣсколько иной обстановкѣ. По ея словамъ, отецъ ея показалъ губернатору и ея письмо, и свой отвѣтъ, въ которомъ было одно короткое разрѣшеніе ѣхать въ Пермь тотчасъ, закупивъ только въ Казани нѣкоторыя нужныя вещи, и губернаторъ, прочитавъ оба письма, не нашелъ препятствій къ отправленію Василія. Но какъ только послѣдній пустился въ дорогу, онъ замѣтилъ, что за нимъ слѣдять, и потому, при переѣздѣ черезъ какую-то рѣку, предпочелъ бросить отвѣтное письмо своего барина въ воду. Ему, однако, не дали этого сдѣлать: онъ былъ схваченъ, привезенъ, вмѣстѣ съ письмомъ, обратно въ Пермь, засаженъ въ тюрьму и выпущенъ изъ нея только черезъ нѣсколько дней, но безъ письма. Оно было отослано, въ подлинникѣ, къ государю въ главную квартиру, и Василій встрѣтилъ своихъ господъ съ пустыми руками и съ однимъ отвѣтомъ изустнымъ, уже опоздавшимъ ¹⁾.

«Происходило ли дѣло такъ или иначе—замѣчаетъ Корфъ,—этотъ вопросъ, относясь болѣе къ личной характеристикѣ трусливаго пермскаго губернатора Гермеса, не имѣетъ для насъ особаго значенія. Видимъ только, что въ обоихъ вышеприведенныхъ разсказахъ умолчано одно, довольно существенное обстоятельство, выведенное въ письмѣ Балашова, именно, что отвѣтъ Сперанскаго былъ зашитъ въ шапкѣ его посланнаго; этимъ, конечно, оправдывалось подозрѣніе мѣстнаго начальства, которое не могло не видѣть во ввѣренномъ его надзору лицѣ человека, заточеннаго хотя за тайныя, но, по строгости принятыхъ противъ него мѣръ, вѣрно уже не маловажныя государственныя вины.

«Но съ какою цѣлью принята была такая мѣра опасливой предосторожности при отправленіи отвѣта Сперанскаго? Мы сами читали его въ дѣлѣ III-го Отдѣленія, гдѣ это письмо и теперь еще хранится, и удостоверились, что все содержаніе его было точно то самое, какое

¹⁾ Е. М. Фролова-Багрѣва прибавляетъ, что добрый малый, изъ опасенія испугать ее понапрасну, при первой встрѣчѣ совѣтъ умолчалъ о случившемся, а позже, когда она разспрашивала его о подробностяхъ, всегда, покачивая головою, отвѣчалъ, что лучше не говорить о „политическихъ дѣлахъ“.

указано Е. М. Фроловою-Багрѣвою. Зачѣмъ же было за ш и в а т ь в ъ ш а п к у такое письмо, которое можно было отправить безъ страха даже и по почтѣ? Или не было ли это личною затѣею осторожнаго Василія, который, можетъ стать, воображалъ, что во врученномъ ему письмѣ есть и что-нибудь больше переданнаго ему на словахъ?»

Къ срединѣ 1814 года война противъ Наполеона была окончена. Россія и Европа праздновали свою побѣду и миръ; русскій монархъ стоялъ на высшей ступени славы и величія. Сперанскій выбралъ это время, чтобы напомнить о себѣ императору Александру. 9-го іюля 1814 года онъ отправилъ къ государю изъ Перми письмо, въ которомъ, принося поздравленія по случаю заключенія мира, между прочимъ, писалъ: «Тому полтора года, какъ, бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью, вручилъ я ей письмо ¹⁾ для поднесенія вашему величеству при первомъ вѣрномъ и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ вашихъ. Содержаніе его, съ переменною обстоятельствомъ, не во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости: дозволенія скрыть остатокъ скорбныхъ дней моихъ въ маленькой деревнѣ близъ Новгорода, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь испрашиваю, въ твердомъ упованіи на правосудіе и и милосердіе ваше ²⁾».

Обстоятельства, точно, были теперь иныя, — читаемъ въ замѣткахъ барона Корфа. Нѣкоторые изъ прежнихъ дѣятелей уже умерли, другіе не находились болѣе при Александрѣ. Съ минованіемъ войны отпало и главное побужденіе опалы, или то, что было взято поводомъ къ ней. Но, чтобы указать связь событій, необходимо возвратиться къ извѣстнымъ врагамъ Сперанскаго, которыхъ дальнѣйшія судьбы не остались безъ вліянія и на его участь.

Армфельдъ, вслѣдъ за удаленіемъ Сперанскаго пожалованный членомъ Государственнаго Совѣта (3-го апрѣля 1812 года) и графскимъ титуломъ, въ томъ же апрѣлѣ сопровождалъ государя, въ числѣ самыхъ

¹⁾ Извѣстное пермское письмо. „Письмо это до 1839 года, оставалось совершенно неизвѣстнымъ—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ барона Корфа,—потому что подлинникъ былъ сданъ Александромъ, тотчасъ по полученіи, Аракчееву, между бумагами котораго въ Военномъ министерствѣ оно и теперь хранится, а самъ Сперанскій никогда никому о немъ не говорилъ. Уже только послѣ его смерти, при разборѣ его бумагъ, было найдено черновое, которое, по приказанію императора Николая I, отдано для храненія въ Государственный Архивъ; но, прежде передачи туда, государь позволилъ дочери Сперанскаго, Е. М. Фроловой-Багрѣвой снять для себя списокъ съ этого достопамятнаго акта, а оттуда онъ распространился потомъ и въ публикѣ“.

²⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 92.

приближенныхъ къ нему, въ Вильну. Послѣ, въ 1812-мъ же году, онъ находился при извѣстномъ свиданіи Александра, въ Або, съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ (Бернадотомъ) и немедленно затѣмъ былъ назначенъ къ исправленію должности финляндскаго генераль-губернатора, на мѣсто графа Штейнгейля, вызваннаго въ армію. Въ началѣ Армфельдъ продолжалъ пользоваться большою милостію и вліяніемъ на всѣ почти дѣла; но привязанности Александра были непрочны, и Армфельдъ вскорѣ это на себѣ испыталъ.

«Паденіе Армфельда—записано въ дневникѣ Сперанскаго по слыханному имъ позже (въ 1821 г.) отъ Балашова—послѣдовало отъ опыта, отъ перемѣны и скорого движенія военныхъ дѣлъ, и особенно отъ того, что онъ—посѣтилъ Палена» ¹⁾).

Другой человекъ, близко знавшій обстоятельства того времени, извѣстный уже намъ де-Сангленъ, также утверждаетъ, что Армфельдъ ѣздилъ къ графу Палену (жившему, въ то время, въ курляндскомъ своемъ имѣніи) съ предложеніемъ, будто бы, безъ вѣдома государя сдѣланнымъ, взять на себя главное начальство надъ арміею: за это и за принятіе въ Вильнѣ, кажется отъ Радзивилловъ, нѣсколькихъ верховыхъ лошадей съ полною сбруею, государь сдѣлалъ ему строгій выговоръ и съ тѣхъ поръ сталъ обращаться съ нимъ чрезвычайно холодно. Наконецъ, приближенный въ то время къ Армфельду человекъ, послѣ вице-предсѣдателя финляндскаго сената (подъ конецъ жизни членъ нашего Государственнаго Совѣта) Гартманъ увѣрялъ насъ, что самое порученіе генераль-губернаторской должности было однимъ только послѣдствіемъ желанія Александра удалить отъ себя этого тонкаго интригана, котораго ему невозможно было напослѣдокъ не прозрѣть. Какъ бы то ни было, но Армфельдъ потерялъ всякое политическое значеніе и, послѣ долговременной и тяжелой болѣзни, умеръ, въ Царскомъ Селѣ, 7-го августа 1814 года. Государь нѣсколько разъ навѣщалъ его во время его страданій; но, по словамъ Гартманна, эти посѣщенія начались только послѣ неоднократныхъ завѣреній лейбъ-медика Крейтона, что больному уже не встать. Другіе ²⁾ говорятъ, что, въ одно изъ такихъ свиданій, Армфельдъ, чувствуя приближеніе смерти и желая очистить передъ государемъ человека, въ гибели котораго прежде столь дѣятельно участвовалъ, торжественно провозгласилъ невинность Сперанскаго во взведенныхъ на него клеветахъ.

¹⁾ Сынъ Палена, знаменитый нашъ ветеранъ графъ Петръ Петровичъ, сказывалъ намъ, что никогда не слышалъ объ этомъ посѣщеніи, но отъ того можетъ статься, что находился въ то время неотлучно при арміи.

(Примѣч. барона М. А. Корфа).

²⁾ Домашній секретарь Армфельда Энгельбахъ, умершій нашимъ генеральнымъ консуломъ въ Ливорно.

Шведскій писатель Крузенстолпе, въ книгѣ «Carl Johann und die Schweden», которая, впрочемъ, больше романъ, нежели исторія, съ своей стороны пишетъ, будто бы девятимѣсячная смертельная болѣзнь Арифельда произошла отъ даннаго ему (кѣмъ?) медленнаго яда ¹⁾. Тотъ же писатель увѣряетъ, что послѣднія слова Арифельда къ государю заключались въ предстательствѣ за несчастнаго принца Густава, но о Сперанскомъ тутъ ничего не сказано ²⁾.

Судьбы другаго главнаго врага Сперанскаго, котораго послѣдній называлъ «дерзкимъ въ счастіи и бабою въ несчастіи»,—мы говоримъ о графѣ Растопчинѣ—болѣе извѣстны. Упорный и заносчивый его характеръ, а также отважный до нахальности языкъ не могли быть угодны Александру. Что любилъ нѣкогда въ этихъ вспышкахъ молодой великій князь, втайнѣ озлобленный противъ тогдашняго правительства и своего положенія, то, въ ревнивомъ къ власти своей императорѣ, возбуждало одно лишь неудовольствіе и мрачныя подозрѣнія. Сверхъ того, извѣстное происшествіе съ Верещагинымъ внушило Александру особенное отвращеніе къ человѣку, который могъ рѣшиться, хотя бы и для самой святой цѣли, на такой звѣрски-самовластный поступокъ. Покамѣстъ продолжалась война, Растопчинъ былъ терпимъ по необходимости; но съ прекращеніемъ военныхъ бурь окончилась и его политическая карьера. 30-го августа 1814 года онъ былъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго въ Москвѣ и, съ пожалованіемъ въ тотъ же день въ члены Государственнаго Совѣта, тогда же отпущенъ въ безсрочный отпускъ. Уѣхавъ, вслѣдъ за тѣмъ, въ чужіе края, онъ, по окончательномъ низверженіи Наполеона, основалъ постоянное свое пребываніе въ Парижѣ. Милость Александра никогда уже болѣе къ нему не возвращалась ³⁾.

Наконецъ Балашовъ.—«Въ мартѣ 1812 года—пишетъ онъ въ оставленныхъ послѣ себя Запискахъ—государь изволилъ мнѣ сказать, что собирается ѣхать въ армію и не знаетъ, какъ ему со мною быть; что желалъ бы раздѣлить меня на двѣ части и одну взять съ собою, а другую оставить въ столицѣ, для управленія въ его отсутствіи, и спрашивалъ мои о томъ мысли. Я отвѣчалъ, чтобъ сдѣлалъ милость государь, рѣшилъ бы это обстоятельство безъ меня; что же касается до моихъ

¹⁾ Carl Johann und die Schweden, ч. II, стр. 110.

²⁾ Тамъ же, стр. 111.

³⁾ Извѣстны стихи, которые Растопчинъ самъ написалъ къ своему портрету:

„Безъ дѣла и безъ скуки
Сажу, поджавши руки“.

Въ Россію онъ воротился въ 1823 году и 14-го декабря, по собственной просьбѣ, уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ, съ сохраненіемъ только прежняго званія оберъ-камергера. Умеръ 13-го января 1826 года.

дѣлъ, то они такъ устроены, что я могу и оставаться, и ѣхать, какъ будетъ приказано. Рѣшено было, чтобы я ѣхалъ и, по довольномъ разсмотрѣніи и разсужденіи, послѣдовалъ рескриптъ ко мнѣ, 28-го марта, поручить должность министра полиціи и начальство надъ городомъ сдать генералу-отъ-инфантеріи Сергѣю Козьмичу Вязмитинову».

Такъ говорить о себѣ самъ Балашовъ, и тѣ же самыя подробности «о раздѣленіи его на двѣ части», въ тѣхъ же самыхъ словахъ, рассказывалъ намъ человѣкъ, никогда не слыхавшій о существованіи Записокъ министра полиціи, но очень въ то время къ нему близкій, и именно тогдашній петербургскій оберъ-полицеймейстеръ Иванъ Саввичъ Горголи (умершій въ 1862 году сенаторомъ). Онъ прибавлялъ, однако, кое-что, о чемъ Балашовъ умалчиваетъ. Государь, прикрывая истинныя свои побужденія видомъ особенной благосклонности, взялъ его съ собою единственно для того, чтобы освободить себя отъ сплетней и интригъ, которыми нашъ Фушѣ безпрестанно утомлялъ его по довѣреннымъ своимъ званіямъ министра полиціи и военнаго генералъ-губернатора столицы, и для которыхъ, съ начатіемъ войны, должно было открыться еще обширнѣйшее поле. Изъ двухъ золъ Александръ предпочелъ меньшее, и 17-го апрѣля Балашовъ послѣдовалъ за нимъ въ Вильну, откуда, въ іюнѣ, былъ отправленъ въ главную квартиру Наполеона съ извѣстною своею безуспѣшною миссіею. Потомъ, сопроводивъ государя въ Москву и оттуда опять въ Петербургъ и объѣздивъ, по его приказанію, опустошенныя непріателемъ мѣста, онъ слѣдовалъ при императорской квартирѣ за-границу. Здѣсь, въ концѣ 1813 года, отправили его съ русскими орденами къ принцу-регенту въ Лондонъ, а въ началѣ 1814 года съ дипломатическимъ порученіемъ къ королю неаполитанскому Мюрату. Объ этомъ послѣднемъ порученіи находившійся тогда при Александрѣ статсъ-секретарь М. Р. Марченко въ Запискахъ своихъ замѣчаетъ: «Государь отдѣлся отъ неотвязнаго Балашова командировкою въ Неаполь, гдѣ и загрузъ онъ такъ, что осенью умолялъ позволить ему ѣхать въ Петербургъ ¹⁾». Получивъ, наконецъ, просимое дозволеніе, титулярный министръ полиціи воротился въ августѣ 1814 года.

Во все это время, какъ еще долго и послѣ, положеніе его было едва-ли не безпримѣрное въ лѣтописяхъ нашей администраціи. Балашовъ сохранялъ свои званія, засѣдалъ, въ наѣзды свои въ Петербургъ, въ Государственномъ Совѣтѣ и даже въ Комитетѣ министровъ,—но и только. При живомъ, часто наличномъ и постоянно здоровомъ министрѣ, должность его продолжалъ исправлять другой — Вязмитиновъ. На безпрестанныя исканія и домогательства Балашова о дозволеніи самому

¹⁾ Въ автобіографической запискѣ Марченка, напеч. въ „Русской Старинѣ“ 1896 г., объ этомъ не упоминается.

ему вступить снова въ эту должность, Александръ отвѣчалъ ему всегда уклончиво, то нежеланіемъ огорчить престарѣлаго Вязмитинова, то надобностію въ Балашовѣ для другихъ будто бы дѣлъ, которыхъ, однако, ему не поручалось, и т. п. ¹⁾). Всѣ, кажется, наконецъ даже онъ самъ, понимали, что это—одни лишь предлоги, а настоящая причина заключается въ перемѣнѣ о немъ мыслей. Балашову уже не суждено было никогда вступать въ прежнія должности. Чтобы ему не быть снова министромъ, самое министерство полиціи было впоследствии уничтожено. Александръ остался вѣренъ тому, что сказалъ де-Санглену: «Министерства и министра полиціи болѣе не будетъ; мнѣ второй экземпляръ Палена не нуженъ ²⁾»).

Прослѣдимъ теперь числа:

9-го іюля 1814 года Сперанскій отправилъ свое письмо государю.

7-го августа умеръ Армфельдъ. Отстраненіе перваго врага, и притомъ, если вѣрить слухамъ, съ торжественнымъ оправданіемъ Сперанскаго.

30-го августа кончилось государственное поприще Растопчина. Паденіе втораго врага.

30-го же августа третій врагъ, Балашовъ,—ничтожнѣйшій, впрочемъ, изъ воѣхъ, потому что онъ въ то время не игралъ болѣе никакой роли—былъ осыпанъ, безъ всякаго видимаго къ тому повода, наградами. Ему дали Владимира 1-й степени, женѣ его—орденъ Екатерины 2-й сте-

¹⁾ Балашовъ въ своихъ Запискахъ очень подробно описываетъ всѣ изустныя и письменныя о томъ объясненія свои съ государемъ, продолжавшіяся нѣсколько лѣтъ. Съ этой стороны Записки его, имѣющія, впрочемъ, мало общаго интереса, представляютъ любопытныя черты для характеристики Александра. Онъ внутренно презиралъ Балашова, почти гнушался имъ, и между тѣмъ все изыскивалъ благовидные предлоги, чтобы не облачить истинныхъ своихъ чувствъ. Но публика догадывалась. Въ одной современной рукописной сатирѣ на сановниковъ той эпохи противъ имени Балашова былъ приведенъ стихъ извѣстной русской пѣсни: „Мнѣ моркотно молоденьку, нигдѣ мѣста не найду!“.

²⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 14. — Двусмысленное положеніе Балашова продолжалось — почти невѣроятно — до конца 1819 года. Самыя просьбы объ отставкѣ, на которыя онъ иногда, въ минуты крайней досады, покушался, были также отклоняемы, или оставляемы совсѣмъ безъ вѣтвѣта. Наконецъ, въ октябрѣ 1819 г. Вязмитиновъ умеръ, и надлежало на что-нибудь рѣшиться. Вслѣдствіе того, 4-го ноября, военнымъ генералъ-губернаторомъ с.-петербургскимъ назначенъ былъ графъ Милорадовичъ; министерство полиціи, „для лучшаго“—какъ сказано въ указѣ—„распредѣленія дѣлъ“ (Полн. Собр. Законовъ, № 27964), присоединено снова къ министерству внутреннихъ дѣлъ, а Балашова—обошли въ молчаніи. Уже только спустя нѣсколько мѣсяцевъ, его опредѣлили генералъ-губернаторомъ пяти губерній (Тульской, Орловской, Воронежской, Тамбовской и Рязанской), на особыхъ правахъ, для него созданныхъ и съ нимъ же потомъ и прекратившихся.

пени. Тщеславіе его было вполне удовлетворено. Александръ зналъ, чѣмъ купить покорность и молчаніе своего эксъ-министра.

Съ этого времени и перемѣна въ положеніи Сперанскаго сдѣлалась возможною. По крайней мѣрѣ она тотчасъ затѣмъ послѣдовала.

30-го августа того же 1814 года, въ день именинъ государя, состоялся милостивый манифестъ о всепрощеніи преступниковъ. Судьба Сперанскаго была поставлена—надѣмся, для чести Александра, только случайно—въ печальное сближеніе съ судьбою разбойниковъ и убійцъ! Не далѣе, какъ на другой день, т. е. 31-го августа, управлявшій министерствомъ полиціи графъ Вязмитиновъ увѣдомилъ его, что государь «всемилоостивѣйше изволяетъ на желаніе его жить въ новгородской его деревнѣ Великополье, въ полной будучи увѣренности, что скромное въ оной житіе его не подастъ повода къ какимъ-либо въ отнѣну сего мѣрамъ; о сопровожденіи же его туда съ симъ вмѣстѣ дано знать пермскому губернатору ¹⁾».

19-го сентября Сперанскій выѣхалъ изъ Перми, въ сопровожденіи полицейскаго чиновника (частнаго пристава Матвѣева).

«Всѣ чиновники и знатнѣйшіе горожане—пишетъ И. В. Поповъ въ своей запискѣ—предполагали было торжественно проводить своего двухлѣтняго гостя до Оханска; но губернаторъ Гермесъ втайнѣ то отсоевѣтовалъ, приводя, что его велѣно везти до деревни подъ полицейскимъ надзоромъ и, по приѣздѣ, рапортовать министру. Всѣ и отдумали. Провожали только: почтмейстеръ до первой станціи и я—до Оханска. Однакожь всѣ простились, и чѣмъ кто богатъ, тѣмъ и радъ былъ служить въ дорогу: винами, разнымъ печеньемъ, фруктами—всѣмъ, что у кого было лучшее. «Очень мнѣ жаль—говорилъ на прощаньи отъѣзжавшій Сперанскій,—что не могу увезти съ собою въ карманъ вашу Каму».

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

¹⁾ „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 92.

Собственноручный рескриптъ императора Александра I московскому гражданскому губернатору тайн. совѣт. Н. В. Обрѣзкову объ аэростатѣ Лепиха ¹⁾.

24-го мая 1812 г. Вильно.

Николай Василіевичъ. Притчина побудившая меня столь тщательно скрыть отъ Московскаго Главнаго начальства ²⁾, препорученіе возложенное на механика Лепиха ³⁾ есть докторъ Сальватори ⁴⁾. Съ назначеніемъ новаго военнаго Губернатора ⁵⁾ притчина сія исчезаетъ. Я нахожу полезнымъ для лутчаго успеха дѣла, чтобы вы сообщили лично на единѣ Графу Ростопчину, всѣ бумаги отъ меня къ вамъ доставленныя, и действовали совокупно съ нимъ, къ довершенію сего предпріятія, продолжая однакожъ сохранять—по оному не проникаемую тайну.

Фельд-егерь долженствующій вручить вамъ сіе письмо, везетъ съ собою семь чѣловѣкъ рабочихъ выписанныхъ по желанію Лепиха. Они имъ будутъ оставлены за городомъ до свиданія вашего съ Графомъ Ростопчинымъ и до назначенія послѣ онаго, куды ихъ везти. Пребываю на всегда вамъ благосклоннымъ Александръ.

Сообщилъ П. А. Тумубъ.

¹⁾ Печатается съ сохраненіемъ правописанія подлинника.

²⁾ Отъ главнокомандующаго въ Москвѣ фельдмаршала графа Ивана Васильевича Гудовича.

³⁾ О Францѣ Лепихѣ и его воздушномъ шарѣ см. „Сборникъ Историческихъ Матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной его величества канцеляріи“, выпуски I и II.

⁴⁾ Имѣвшій огромное вліяніе на графа Гудовича, который, по словамъ графа Ростопчина, „сдѣлался игрушкою двухъ разбойниковъ, своего брата и доктора Сальватори“. Послѣдній не стѣснялся говорить, что получаетъ по 6.000 ливровъ въ годъ отъ Наполеона. (См. Москва въ 1812 году А. Н. Попова, „Рус. Арх.“, 1875 г. т. II, стр. 276).

⁵⁾ Графа Федора Васильевича Ростопчина.

М. М. Сперанскій.

(по Гауеншильду) ¹⁾.

Сперанскій былъ сынъ бѣднаго дьячка, по имени Михаилъ, который при крещеніи далъ своему сыну то же имя. Михаилъ Михайловъ ²⁾ получилъ первоначальное воспитаніе въ духовной семинаріи при Александро-Невской академіи и такъ какъ въ то время даже сыновья крестьянъ, — каковыми считаются въ Россіи дѣти дьячка — получали въ школѣ прозвище, то онъ получилъ отъ ректора, въ виду тѣхъ надеждъ, какія онъ подавалъ своимъ прилежаніемъ, римско-славянскую фамилію Сперанскій.

Предназначенный къ духовному званію, онъ читалъ, по окончаніи курса, въ той же Александро-Невской академіи лекціи по математикѣ и философіи, гдѣ съ нимъ познакомился князь А. Куракинъ, братъ бывшаго посланника при нашемъ дворѣ, который пригласилъ его воспитателемъ къ своимъ дѣтямъ. Такъ какъ Сперанскій выказывалъ ко всему усердіе и способность, то князь Куракинъ, въ то время министръ внутреннихъ дѣлъ, поручилъ ему сначала веденіе своей частной, а затѣмъ и официальной корреспонденціи, давъ ему предварительно чинъ и мѣсто въ своей министерской канцеляріи.

Графъ Викторъ Кочубей, мнѣніе котораго въ этомъ случаѣ весьма вѣско, говорилъ мнѣ: Сперанскій тогда уже обладалъ хорошимъ канце-

¹⁾ Изъ Вѣнскаго Государственнаго Архива. Переводъ съ нѣмецкаго.

²⁾ При этомъ авторъ иностранецъ дѣлаетъ чрезвычайно интересное примѣчаніе. „Частіца и чъ приданная къ отчеству, говоритъ онъ, есть признакъ дворянскаго происхожденія. Царь Алексѣй Михайловичъ давалъ дипломы съ формулой: „жалую тебѣ и твоимъ потомкамъ и чъ“.

лярскимъ слогомъ, въ который онъ ввелъ современемъ въ высшей степени благотѣльную реформу, принятую всѣми.

Въ 1800 г. Сперанскій имѣлъ еще чинъ титулярнаго совѣтника, который не позволялъ ему питать особенно большихъ надеждъ. Но дѣловитый Куракинъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе возлагалъ на него собственную работу, и такимъ образомъ случилось, что когда Куракинъ былъ однажды нездоровъ, Сперанскій былъ посланъ съ докладомъ къ императору. Отнынѣ ему было открыто обширное поприще, на которое онъ вступилъ, правда, не особенно вооруженный знаніями, но съ большою жаждою дѣятельности. Онъ сдѣлался совершеннымъ европейцемъ, женился на англичанкѣ, свободно владѣлъ англійскимъ языкомъ, на которомъ охотно говорилъ императоръ Александръ; зналъ въ совершенствѣ французскій языкъ и древніе языки, (а впослѣдствіи, во время своего пребыванія въ Сибири, онъ прекрасно изучилъ и нѣмецкій языкъ).

Съ тѣхъ поръ онъ сталъ быстро повышаться по службѣ. Въ то время императору по разнымъ причинамъ наскучили Румянцевъ, Кошелевъ, Куракинъ, Новосильцевъ; графъ Кочубей, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера, никогда не могъ пользоваться вліяніемъ продолжительное время, хотя онъ и былъ достоинъ въ силу своей безупречной честности, своихъ знаній и тѣхъ правъ, которыя онъ какъ бы унаследовалъ отъ своего дяди Безбородки.

Въ первые дни 1810 г., когда я познакомился со Сперанскимъ, онъ былъ на вершинѣ своего счастья, до которой ему никогда уже не удавалось достигнуть впослѣдствіи. Онъ сопровождалъ императора въ 1808 г. въ Эрфуртъ, что имѣло величайшее вліяніе на его образъ мыслей; Наполеонъ сказалъ о немъ, что онъ «la seule tête fraîche en Russie». По возвращеніи вліяніе его, казалось, было навсегда упрочено. Сперанскій присутствовалъ на всѣхъ совѣщаніяхъ, въ коихъ предсѣдательствовалъ императоръ и на которыхъ обсуждались вопросы, касавшіеся разныхъ министерствъ.

Было принято, что тѣ изъ присутствующихъ, кои при обсужденіи какого-нибудь вопроса не были согласны съ остальными, не высказывали своего мнѣнія прямо, а обращались съ рѣчью къ императору, какъ будто онъ былъ ихъ оппонентомъ. Такимъ образомъ въ 1809 г. часто случалось, что когда Сперанскій выступалъ съ какими-либо предложеніями по дѣламъ духовнаго вѣдомства, князь Александръ Голицынъ, бывшій въ то время оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, обращался вмѣсто Сперанскаго къ государю со словами: *Sire, je ne suis pas de l'avis de Votre Maesté*. Въ случаѣ подобнаго разногласія императоръ нерѣдко высказывалъ свое мнѣніе и при этомъ всегда соглашался со Сперанскимъ. Когда впослѣдствіи императоръ болѣе не предсѣдательствовалъ

въ собраніяхъ и Комитетъ Министровъ могъ рѣшать дѣла по своему благоусмотрѣнію, то онъ былъ обязанъ составлять въ каждомъ засѣданіи протоколъ своихъ постановленій, просьбъ, предложеній и мѣропріятій, который предтавлялся на утвержденіе императора. Онъ разсматривалъ его по пунктамъ со Сперанскимъ и тотчасъ отмѣчалъ тѣ пункты, которые могли быть приняты или должны были быть отмѣнены, смотря потому, какъ Сперанскій находилъ это нужнымъ.

Г. Новосильцевъ рекомендовалъ меня Сперанскому, хотя онъ и былъ не въ ладахъ съ нимъ. Послѣдній, незадолго передъ тѣмъ, далъ мѣста д-ру Фесслеру венгерцу, профессору Лоде изъ Берлина и опредѣлилъ также весьма выгоднымъ образомъ другихъ его соотечественниковъ: Орлея, Балугьянскаго и т. д., поэтому я отправился къ нему преисполненный самыхъ радужныхъ надеждъ.

Сперанскій принялъ меня любезно и говорилъ на латинскомъ языкѣ, коимъ онъ владѣлъ свободно. Въ выраженіи его лица было что-то страдальческое и мечтательное, но его наружность никоимъ образомъ не изобличала низкое происхожденіе. При первомъ же моемъ посѣщеніи онъ заговорилъ о преобразованіи русскаго духовенства; это было его излюбленной мыслью, которая поглощала его всецѣло, осуществленіе коей заняло у него много времени и весьма вѣроятно было впоследствии главною причиною постигшей его немилости и ссылки. Да позволено мнѣ будетъ сказать, что Сперанскій, послѣ неоднократныхъ моихъ посѣщеній повидимому полюбилъ меня и поручалъ мнѣ кое-какія литературныя работы, коими г. Пезаровіусъ не сумѣлъ угодить ему. Я работалъ кое-что для Комиссіи Законовъ, по дѣламъ церковнымъ и долженъ былъ составлять обзорѣнія нѣмецкой философской литературы и дѣлать переводы изъ мелкихъ сочиненій и статей Маргейнеке, Фихте и Шеллинга, которыя мнѣ удавалось иногда изложить довольно кудрявымъ слогомъ и которыя онъ, отложивъ всякія другія занятія, читывалъ вмѣстѣ со мною, какъ только я ихъ приносилъ. Въ скоромъ времени онъ предложилъ мнѣ помочь ему при разработкѣ его плановъ преобразованія русскаго духовенства; но средства, коими онъ хотѣлъ достигнуть этого преобразованія, подѣ влияніемъ дурныхъ совѣтовъ Фесслера, были избраны имъ весьма странныя. Предполагалось основать масонскую ложу съ филиальными ложами во всей Россійской имперіи, въ которую были бы обязаны поступать наиболѣе способныя изъ духовныхъ лицъ всѣхъ сословій. Духовные братья были бы обязаны писать статьи по извѣстнымъ гуманитарнымъ вопросамъ, говорить проповѣди и т. д., каковыя бумаги должны были затѣмъ препровождаться въ главную ложу на разсмотрѣніе перваго мастера великой ложи (эта честь была предложена мнѣ), по предложенію котораго достойнѣйшіе должны были получать повышенія въ союзѣ масонскихъ

ложь и въ государствѣ. Но такъ какъ существовавшія уже многочисленныя ложи отнюдь не могли согласоваться съ этимъ проектомъ и преслѣдовали совершенно инныя цѣли (въ сущности у нихъ не было никакихъ цѣлей), то Сперанскій представилъ императору къ подписи два указа. Однимъ изъ нихъ его величество повелѣвалъ министру народнаго просвѣщенія графу Алексѣю Разумовскому закрыть временно при помощи директора полиціи всѣ существовавшія въ Имперіи ложи и истребовать у мастеровъ стула различные ихъ ритуалы. Этотъ указъ былъ подписанъ императоромъ и былъ немедленно приведенъ въ исполненіе; вторымъ указомъ повелѣвалось начальникамъ ложъ либо принять составленный Сперанскимъ (въ то время еще не вполне выработанный) новый ритуалъ масонскихъ ложъ или закрыть ихъ. Императоръ обѣщалъ подписать и этотъ указъ, но это не было исполнено.

Хотя мнѣ было въ то время всего двадцать пять лѣтъ отъ роду, но я чувствовалъ, что этотъ проектъ былъ совершенно неудобноисполнимъ и что онъ долженъ былъ произвести тѣмъ болѣе непріятное впечатлѣніе, что слишкомъ напоминалъ Вейсгаупта.

Преслѣдовалъ ли Сперанскій при этомъ еще какія-либо другія скрытыя имъ отъ меня цѣли, или же, введенный въ заблужденіе краснорѣчіемъ Феслера, онъ дѣйствительно рассчитывалъ достигнуть этой цѣли такимъ страннымъ и подозрительнымъ образомъ, этого я никогда не могъ вполне выяснитъ. Даже внѣшніе масонскіе знаки онъ исполнялъ въ это время съ такимъ рвеніемъ, какъ будто у него не было другихъ занятій. Мнѣ былъ извѣстенъ весь появившійся безсмысленный хламъ, включая сочиненія братьевъ Корнъ и др., я перечиталъ всѣ ритуалы французскихъ, англійскихъ, шведскихъ и нѣмецкихъ ложъ, мнѣ постоянно приходилось переводить ихъ и дѣлать по поводу ихъ доклады, при чемъ я помню, что мнѣ попалась въ руки французская система масонскихъ ложъ, съ 60, именно съ шестьдесятю, *tableaux* и столькими же степенями! Г. Пезаровіусъ, издатель Инвалида (нынѣшняя военная газета), человекъ самый легкомысленный и самый юркій интриганъ, какихъ когда-либо свѣтъ производилъ, откапываетъ ежедневно какую-нибудь новую, ничего нестоющую ветошь.

Когда новый ритуалъ былъ наконецъ сочиненъ (по большей части Фесслеромъ) и переведенъ мною на французскій языкъ, Сперанскій приступилъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1810 г., къ торжественному открытію Великой ложи, засѣданія которой происходили въ бесѣдкѣ, принадлежащей къ помѣщенію Коммиссіи Законовъ. Сперанскій объявилъ себя мастеромъ стула, я былъ назначенъ первымъ, баронъ Розенкампфъ, директоръ законодательной коммиссіи, вторымъ наблюдателемъ, а статскій совѣтникъ Пезаровіусъ вводящимъ братомъ. Статсъ-секре-

тарь Магницкій, который былъ въ то время другомъ Сперанскаго, чуть не его наперсникомъ, былъ принятъ нами въ первую ложу по новому ритуалу, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, при чемъ Сперанскій произнесъ прекрасную рѣчь. А во время обѣда, происходившаго въ ложѣ, нами была трогательно пропѣта латинская ода Сарберіуса (начинающаяся, вѣжета, словами *quant potestates* и т. д. и въ коей говорится о превратностяхъ судьбы).

Такъ прошло нѣкоторое время; надъ выработкою внутренняго устройства ложи усердно трудились; въ ложу были приняты тайный совѣтникъ Дерябинъ, директоръ департамента горныхъ и соляныхъ дѣлъ, г. фонъ Ренненкампфъ, нынѣ гофмаршалъ герцога Ольденбургскаго, и нѣкоторые другія лица, и мы только-что собирались принять герцога Ольденбургскаго, зятя императора, и его супругу, какъ вдругъ Сперанскій пригласилъ меня однажды къ себѣ въ необычный часъ. Онъ только-что возвратился поздно вечеромъ изъ Царскаго Села, гдѣ убѣждалъ государя подписать второй изъ вышеупомянутыхъ двухъ указовъ. Императоръ отвѣчалъ на просьбу Сперанскаго отказомъ, и послѣдній понялъ, *qu'il y avait du trouble dans l'affaire* (что дѣло не ладно). Сперанскій пригласилъ меня для того, чтобы сообщить мнѣ, что ложа закрыта и Фесслеру приказано покинуть Петербургъ. Онъ дѣйствительно уѣхалъ вскорѣ вмѣстѣ съ зятемъ Сперанскаго, г. Злобинымъ, въ Вольскъ, а когда Злобинъ разорился, то онъ отправился въ Сарепту.

Осенью 1811 г. я переѣхалъ въ Царское Село. Сперанскій вмѣнилъ мнѣ въ обязанность посѣщать его какъ можно чаще, что я и исполнялъ, бывая у него обыкновенно разъ въ недѣлю. Я всегда имѣлъ къ нему свободный доступъ и когда мы оставались одни, то онъ бывалъ со мною вполне откровененъ. Въ исходѣ того же года онъ познакомилъ меня со всевозможными личными отношеніями, существующими при русскомъ дворѣ. Повидимому, онъ хорошо зналъ людей, которые таили вражду противъ него. Во главѣ ихъ стоялъ шведъ, генералъ графъ Армфельдъ; затѣмъ Кошелевъ, у котораго онъ былъ прежде другомъ дома. Первый дѣйствовалъ изъ потребности интриговать; послѣдній объявилъ себя рѣшительнымъ врагомъ французской системы, къ которой Румянцевъ былъ всегда приверженъ, и которой Сперанскій еще сочувствовалъ въ то время. Князь Александръ Голицынъ считалъ Сперанскаго своимъ противникомъ по религіознымъ убѣжденіямъ, въ которыхъ онъ самъ былъ еще неопитъ. Аракчеевъ и Волконскій считали себя лично обиженными; что же касается графа Кочубея, то, при всѣхъ его достоинствахъ, онъ одинаково не имѣлъ значенія, какъ другъ и какъ врагъ.

Зимой 1811 г. Сперанскій позволилъ мнѣ ввести къ нему въ домъ нѣкоторыхъ лицъ, которыя прежде не допускались дальше его швей-

царской; между прочимъ извѣстнаго Его Свѣтлости г. Туварова. Но онъ рѣшительно отказался принять донъ Бенито-Парда-Фигероа, который упротсилъ меня передать ему сдѣланный имъ метрическій переводъ 14-й оды Горация. Но Сперанскій выказывалъ величайшую боязнь къ Фесслеру, — когда я сообщалъ ему, что послѣдній пишетъ свою автобіографію, то онъ сказалъ мнѣ съ величайшимъ испугомъ: «Напишите ему, Бога ради, чтобы онъ не упоминалъ въ ней про меня». Онъ охотно говорилъ объ императорѣ Александрѣ, но оканчивалъ обыкновенно разговоръ восклицаніемъ: *malheureusement l'Empereur n'est pas un homme à gouverner* ¹⁾. Объ Австріи и австрійцахъ онъ былъ наилучшаго мнѣнія. Многіе изъ нихъ были уже привлечены въ Россію, и онъ имѣлъ намѣреніе выписать еще нѣсколько человѣкъ въ Коммиссію Законовъ и въ различныя академіи, коими онъ интересовался (онъ былъ между прочимъ кураторомъ Абосскаго университета).

Между тѣмъ приближалась катастрофа, которой суждено было пресѣчь на долго столь дѣятельную политическую жизнь Сперанскаго. Я посѣтилъ его за недѣлю передъ тѣмъ. Онъ былъ чрезвычайно разговорчивъ, привѣтливъ и добродушенъ; незадолго передъ этимъ императоръ пожаловалъ ему орденъ Александра Невскаго, который очень порадовалъ его. Я передалъ ему, что носится слухъ, будто Розенкампфъ строить козни противъ него.

— Я знаю это, — сказалъ онъ, и Козодавлевъ тоже, котораго я сдѣлалъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но *je les ferai rentrer tous sous terre* ²⁾. Пезаровіусъ много повредилъ мнѣ, ибо въ то время, какъ мы открывали ложу, онъ былъ такъ безъ памяти радъ по поводу того, что онъ вступилъ въ хорошее общество, что на другое же утро разсказалъ тайну своему брадобрѣю, а также и то, что мы собирались принять вскорѣ и герцога Ольденбургскаго. Герцогу, котораго брѣветъ тотъ же брадобрѣй, не понравилось, что люди относились къ нему, какъ къ брату, когда онъ еще не вступилъ въ ложу, и онъ лишилъ меня своего благоволенія.

Въ то утро (воскресенье 10-го марта 1812 г.) я провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ ³⁾. Съ нами была его дочь, еще почти ребенокъ. Я никогда не видалъ его болѣе веселымъ и добродушнымъ. Онъ сказалъ между прочимъ:

— *Croyez moi, mes enfants, hormis un vice de coeur et une maladie incurable, il n'y a point de malheur dans la vie* ⁴⁾.

¹⁾ Къ несчастью, императоръ не изъ тѣхъ людей, коими можно управлять.

²⁾ Но я заставляю ихъ всѣхъ замолчать.

³⁾ Авторъ ошибается въ числахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ сообщаетъ не вѣрные слухи, но мы оставляемъ разсказъ въ его авторской точности.

Р е д.

⁴⁾ Повѣрьте мнѣ, дѣти мои — кромѣ недостатка сердца и неизлѣчимой болѣзни, въ жизни вовсе нѣтъ несчастья.

Восемь дней спустя онъ былъ въ состояніи провѣрить истину этого изреченія.

О злополучномъ для Сперанскаго днѣ 17-го марта 1812 года я слышалъ отъ него самого и отъ князя Александра Голицына, который, какъ министръ народнаго просвѣщенія, былъ моимъ послѣднимъ начальникомъ въ Россіи, слѣдующее:

Сперанскій работалъ съ императоромъ до 10 часовъ вечера. Когда онъ собирался удалиться, императоръ сказалъ:

— Обвините меня, Михаилъ Михайловичъ, я долженъ на нѣкоторое время разстаться съ вами.

Когда же чрезвычайно изумленный и испуганный Сперанскій спросилъ императора, чѣмъ вызвано его удаленіе, онъ встрѣтилъ такой строгій и холодный взглядъ, что умолкъ и удалился. Въ пріемной, его затуманенные слезами глаза не разглядѣли стоявшаго тамъ князя Голицына, который спросилъ его, чѣмъ онъ такъ смущенъ; Сперанскій могъ только отвѣтить: «я ѣду».

Когда онъ подѣхалъ къ своему дому въ своей обитой мѣхомъ теплою каретѣ, полицейскій офицеръ преградилъ ему входъ. Онъ долженъ былъ, не простясь съ дочерью, сѣсть въ томъ, въ чемъ онъ былъ, въ кибитку, въ которой онъ былъ отправленъ въ Пермь ¹⁾. На своемъ пути онъ испыталъ горькую участь утратившихъ свое значеніе временщиковъ. Всѣ тѣ господа, которые нѣсколько времени передъ тѣмъ пресмыкались передъ нимъ и изъ коихъ большинство было обязано ему занимаемыми ими мѣстами, отказывались принять его у себя.

Одновременно съ нимъ былъ сосланъ недостойный и отверженный имъ въ послѣдствіи другъ, статсъ-секретарь Магницкій.

Два дня спустя послѣ паденія Сперанскаго, г. фонъ Розенкампфъ распространилъ ходившее по рукамъ и направленное противъ его бывшаго благодѣтеля сочиненіе подъ заглавіемъ «Что такое Сперанскій какъ человекъ и государственный мужъ», которое было слишкомъ объемисто для того, чтобы оно могло быть написано въ два дня.

Госпожа Стевенсъ, невѣстка Сперанскаго, постаралась встрѣтиться съ императоромъ на другой день послѣ катастрофы; онъ любезно поздоровался съ нею и заговорилъ, но, видя ея глубокую печаль и уныніе, сказалъ:

— Не беспокойтесь по поводу случившагося вчера. Михаилъ Михайловичъ не совершилъ никакого государственнаго преступленія, онъ былъ только неправъ лично противъ меня.

Когда я разспрашивалъ Розенкампфа, по какой причинѣ Сперанскій могъ впасть въ немилость, то онъ сказалъ мнѣ таинственно:

¹⁾ Сперанскій былъ отправленъ въ Нижній Новгородъ.

— Вслѣдствіе крайне опасныхъ сношеній, которыя онъ поддерживалъ внутри государства и за границею.

Въ высшей степени опасныя сношенія внутри государства означали вышеупомянутыя логи, которыя Розенкампфъ представилъ императору съ самой опасной стороны.

Помимо вышеупомянутаго Магницкаго, случайно былъ замѣшанъ также дѣйствительный статскій совѣтникъ Бекъ (бывшій секретарь и воспитатель у графа Палена) и—безъ всякой вины—заключенъ въ тюрьму на шесть мѣсяцевъ.

Послѣ удаленія Сперанскаго я написалъ ему, единственно изъ расположения, нѣсколько писемъ; этотъ необдуманный поступокъ не причинилъ мнѣ никакихъ непріятностей, но я не получилъ отъ Сперанскаго никакого отвѣта. По возвращеніи своемъ Сперанскій увѣрялъ однако меня, что моя преданность была ему весьма пріятна.

Проходили годы, а Сперанскій не возвращался изъ ссылки. Это случилось наконецъ послѣ того, какъ Сперанскій письменно просилъ у императора дать ему возможность оправдаться передъ своимъ монархомъ и отечествомъ своею усердною службою, занявъ подчиненное мѣсто на болѣе скромномъ поприщѣ. Князь Александръ Голицынъ рассказывалъ мнѣ, что онъ нашелъ, въ переданныхъ ему статсъ-секретаремъ Оленинымъ бумагахъ Сперанскаго, болѣе чѣмъ на половину оконченный переводъ Подраженія Христу Ѳомы Кемпійскаго, по поводу котораго Сперанскій обращался въ комиссію, назначенную для разбора его бумагъ, съ просьбою возвратить ему этотъ переводъ для того, чтобы онъ могъ окончить его въ своемъ уединеніи. Голицынъ спросилъ у императора: «можетъ ли онъ послать эту рукопись Сперанскому». Императоръ, хорошо знавшій почеркъ Сперанскаго, приказалъ привести тетради, просмотрѣлъ ихъ и сказалъ, что онъ очень удивляется тому, какъ дерзнули обвинять Сперанскаго въ невѣріи, ибо если человѣкъ столь занятый, какъ Сперанскій, имѣлъ все-таки потребность читать сочиненіе Ѳомы Кемпійскаго, переводить его на русскій языкъ и дѣлать къ нему такіе дѣльные комментаріи, то навѣрно этотъ человѣкъ гораздо болѣе религіозный, нежели тѣ, кои его обвиняютъ. Когда вслѣдъ затѣмъ появился печатный переводъ Ѳомы Кемпійскаго, сдѣланный Сперанскимъ, то императоръ уже ранѣе этого какъ бы далъ ему повышеніе, назначивъ его вмѣсто губернатора Пензы (?) временно сибирскимъ генералъ-губернаторомъ, хотя находившійся тогда въ Петербургѣ тайный совѣтникъ Пестель продолжалъ на самомъ дѣлѣ управлять этой страной.

8-го іюля 1820 г., передъ отъѣздомъ изъ Царскаго Села въ Лайбахъ, императоръ разговаривалъ со мною, со своей обычною добротою, въ паркѣ и сказалъ:

— Хотите, я сообщу вамъ извѣстіе о добромъ другѣ? Михаилъ

Михайловичъ здоровъ и съ тѣхъ поръ, какъ вы его видѣли, въ особенности за послѣднее время много измѣнился въ свою пользу, въ особенности съ точки зрѣнія религіи. Какъ вамъ извѣстно, онъ былъ всегда очень искуснымъ работникомъ, въ особенности въ канцелярскомъ дѣлѣ; послѣдніе годы, будучи губернаторомъ въ Пензѣ (?), онъ приобрѣлъ также основательныя познанія и въ административной службѣ, которыя теперь очень пригодятся ему въ Сибири.

Я сказалъ на это довольно неловко:

— *Sire, c'est un homme auquel vous avez donné l'éducation* ¹⁾.

Императоръ отвѣчалъ, поморщившись:

— *Je ne prends pas cela pour moi* ²⁾.

Изъ Лайбаха Сперанскому было послано приказаніе возвратиться въ Петербургъ. Помилованный, онъ прибылъ въ столицу въ исходѣ февраля 1821 г.

Старикъ тайный совѣтникъ Кошелевъ, озлобленный болѣе чѣмъ когда-либо противъ Аракчеева, сильно рассчитывалъ на Сперанскаго и его возрождавшееся вліяніе. Въ кружкѣ Кошелева было рѣшено, что Сперанскій, въ извѣстныхъ, разумѣется нѣсколько эгоистичныхъ видахъ, единственный человѣкъ, которому можетъ быть ввѣрено управленіе дѣлами и который можетъ нравиться императору. Румянцевъ давно уже былъ благоразумнымъ образомъ устраненъ, Лопухинъ былъ глухъ и къ тому же не способенъ, управленіе министерствомъ юстиціи находилось въ самомъ жалкомъ состояніи въ рукахъ Лобанова-Ростовскаго, который служилъ ранѣе исключительно въ военной службѣ, а на Кочубея, по причинѣ его слабаго здоровья, нельзя было рассчитывать. Почти единственной помѣхой къ возвышенію Сперанскаго былъ Аракчеевъ, который, поддерживаемый императоромъ, сталъ съ нѣкоторыхъ поръ во все вмѣшиваться, да еще пожалуй Волконскій. Гурьевская партія не окажетъ особаго сопротивленія; зять министра, графъ Нессельроде, не можетъ удержаться.

Мое первое посѣщеніе Сперанскаго произошло при такихъ обстоятельствахъ: Кошелевъ, привлекшій меня чрезъ Голицына, который какъ тѣнь всюду слѣдуетъ за нимъ, увидѣлъ во мнѣ прекрасное орудіе своихъ цѣлей. А именно, побуждаемый Кошелевымъ, я отправился скорѣ послѣ пріѣзда Сперанскаго къ нему въ одно воскресное утро. Должно быть, пріемныя всѣхъ министровъ опустѣли въ тотъ день, и ихъ обычные посѣтители явились въ пріемную Сперанскаго, гдѣ они образовали живыя шпалеры, но самое солнце еще не взошло на этомъ небосклонѣ. Старикъ камердинеръ, который зимою 1810, 1811 и 1812 гг.

¹⁾ Ваше величество, это человѣкъ, воспитанный вами.

²⁾ Я не беру это на себя.

частенько вводилъ меня въ кабинетъ своего барина въ 6 часовъ утра, радостно привѣтствовалъ меня и тотчасъ доложилъ обо мнѣ. И что же? Дверь тотчасъ отворилась. Сперанскій появился, обнялъ меня, поцѣловалъ и сказалъ:

— C'est une justice que je vous dois devant tout le monde ¹⁾.

Затѣмъ онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ и продержалъ тамъ такъ долго, бесѣдуя со мною весьма привѣтливо, что мнѣ наконецъ стало неловко при мысли о чающихъ за дверьми, и я попросилъ позволенія уступить мѣсто другимъ. Тогда онъ проводилъ меня и обнялъ вторично *comme d'habitude*.

Описывая этотъ случай, не могу не посмѣяться надъ тщеславіемъ своимъ собственнымъ и прочихъ людей. Вслѣдствіе благоволенія, оказаннаго мнѣ временщикомъ (?), я одѣлся для всѣхъ предметомъ зависти. Какъ многіе желали бы быть на моемъ мѣстѣ, и не болѣе какъ годъ спустя навѣрно имъ никто не помѣнился бы со мною, хотя въ то именно время я былъ въ душѣ какъ нельзя болѣе счастливъ, вслѣдствіе происшедшей въ моей жизни на видъ неблагопріятной перемѣны, когда, порвавъ всѣ отношенія къ Россіи, я какъ будто бы обрѣлъ снова свое отечество.

Между тѣмъ въ Петербургѣ разнесся слухъ объ оказанномъ мнѣ отличіи, и вокругъ меня стали толпиться люди всевозможныхъ оттѣнковъ. Я помню, между прочимъ, что находящійся въ Вѣнѣ г. Рибоберъ, всѣмъ обязанный Гурьеву, отъ котораго Сперанскій по возвращеніи своемъ удалялся, магнетизировалъ меня цѣлыхъ два часа у егермейстера князя Сергѣя Голицына, чтобы уяснить себѣ отношенія, существовавшія между Кошелевымъ и Сперанскимъ.

Старикъ Кошелевъ далъ мнѣ длинную инструкцію относительно того, какъ я долженъ былъ держать себя со Сперанскимъ, на что мнѣ слѣдовало намекнуть ему, что сказать и на чемъ особенно настаивать. Все клонилось къ тому, что Сперанскій, ставъ подъ Кошелево-Голицынское знамя, могъ рассчитывать достигнуть высшихъ почестей и занять исключительное положеніе во главѣ администраціи. При этомъ придавалось особенное значеніе тѣмъ еженедѣльнымъ вечернимъ совѣщаніямъ, которыя давно уже аккуратно происходили по субботамъ между императоромъ, Кошелевымъ и Голицынымъ, а равно правильной перепискѣ, которую его величество поддерживалъ сверхъ того съ Кошелевымъ, которая была, по этому случаю полностью предъявлена мнѣ и, просматривая которую, я убѣдился, между прочимъ, сво-

¹⁾ Это справедливость, которую я долженъ отдать вамъ въ присутствіи всѣхъ.

ими собственными глазами въ томъ, съ какой твердостью императоръ, не смотря на всѣ убѣжденія пылкого и избалованнаго его добротою старика, отклонялъ всѣ назойливыя настоянія на пользу грековъ.

Какъ ни соблазнительнъ могъ показаться въ то время Сперанскому союзъ съ Кочелевымъ, но онъ не связалъ себя съ нимъ. Онъ не могъ получить Кочелева безъ Голицына, къ послѣднему же онъ питалъ рѣшительную антипатію, не только потому что въ предъидущіе годы часто шелъ противъ него, но также и потому, что онъ главнымъ образомъ приписывалъ ему свое паденіе. Вообще, онъ не хотѣлъ примкнуть ни къ какой партіи, чѣмъ, быть можетъ, онъ снова погубилъ себя въ то время; по крайней мѣрѣ люди съумѣли не допустить его сближенія съ императоромъ въ той степени, на которую онъ вначалѣ твердо рассчитывалъ.

Только въ іюнѣ мѣсяцѣ 1821 г., 9 лѣтъ и 3 мѣсяца послѣ ссылки Сперанскаго, императоръ принялъ его въ Царскосельскомъ дворцѣ. Прямо отъ императора онъ пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ былъ чрезвычайно растроганъ и разсказалъ о томъ, какъ онъ былъ принятъ государемъ; онъ заключилъ слѣдующими словами: «Enfin, c'était une adoption»).

Во время этого посѣщенія, Сперанскій потребовалъ отъ меня, чтобы я отказался отъ мѣста директора института и перешелъ въ Коммиссію Законовъ.

Все, что произошло со Сперанскимъ въ послѣдующіе мѣсяцы, могло бы удовлетворить обыкновенное честолюбіе, но Сперанскій пользовался вѣдь прежде несравненно бѣльшимъ благоволеніемъ и имѣлъ неограниченное вліяніе и власть. Онъ часто жаловался мнѣ:

— L'empereur ne veut pas même me sacrifier Lopouchin et c'est avec difficulté que j'ai pu renvoyer Rosenkampf ¹⁾.

Такимъ образомъ и ему пришлось испытать, что возрожденіе временщика никогда не бываетъ полное.

4-го мая 1822 г. я оставилъ Россію послѣ 22-ти лѣтняго пребыванія въ ней. Сперанскій до послѣдней минуты выказывалъ мнѣ неизмѣнно дружеское расположеніе и въ послѣднее время многократно предостерегалъ меня и предлагалъ мнѣ оставить министерство Голицына и зарабатывать себѣ средства къ жизни, служа лично у него. Когда я прощался съ нимъ, онъ сказалъ мнѣ, что рассчитываетъ навѣрно, что я вернусь черезъ два года: car vous nous serez nécessaire ²⁾. Я отвѣчалъ ему, что доброта заставляетъ его увлекаться и быть при-

¹⁾ Императоръ не хочетъ даже пожертвовать мнѣ Лопухиннымъ, и мнѣ съ трудомъ удалось удалить Розенкампа.

²⁾ Такъ какъ вы будете намъ нужны.

страстнымъ, но онъ сказалъ мнѣ на прощанье: J'ai bien pesé le mot—vous nous serez nécessaire et même indispensable ¹⁾).

Со времени этого разговора прошло четыре года, и я обязанъ вашей добротѣ, многоуважаемый баронъ, что это пророчество не сбылось и уже никогда не можетъ сбыться ²⁾).

Сообщилъ В. А. Бильбасовъ.

¹⁾ Я хорошо взвѣсилъ свои слова: вы будете намъ нужны и даже необходимы.

²⁾ Приложение къ депешѣ Лебцельтерна, изъ Петербурга, отъ 17-го апрѣля 1826 г. № 3.

Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г.

(Записка С. Панютина) ¹⁾.

Послѣднія событія въ Варшавѣ были столь неожиданны и странны, совершились столь быстро, что трудно объяснить ихъ, не зная настоящей ихъ причины и не видѣвъ на мѣстѣ, какъ событія сіи приготовлялись мало-по-малу. И дѣйствительно, отъ чего Варшава, а съ нею и царство Польское, бывшія спокойными въ продолженіе 30 лѣтъ, не смотря на многія неблагопріятныя для насъ обстоятельства, нынѣ почти внезапно, при условіяхъ несравненно лучшихъ для насъ и самихъ поляковъ, возстали и такъ еще, что на другой же день въ демонстраціяхъ участвовали не отдѣльныя лица, не кучка какихъ-либо злонамѣренныхъ, но все классы народа кромѣ крестьянъ, и на улицахъ Варшавы было сто тысячъ человѣкъ. Наконецъ весьма естественно представляется еще вопросъ: если это могло случиться вчера, то не можетъ ли случиться и завтра, то-есть какія причины возбудили общую вспышку и нѣтъ ли возможности устранить ихъ на будущее время?

Напрасно было бы искать объясненія этого явленія въ нынѣшнемъ политическомъ положеніи Европы, во влияніи на Польшу дѣлъ Италіи и Венгріи. Стоитъ вспомнить событія послѣднихъ 30 лѣтъ, чтобы убѣдиться, что бывали обстоятельства гораздо для насъ хуже, влияние ихъ на Польшу было сильнѣе и вреднѣе; но въ царствѣ было удержано спокойствіе.

Въ 1831 году, по усмиреніи мятежа, полъ-арміи польской ушло за границу, половина магнатовъ выѣхала въ Англію, во Францію и въ Бельгію. Почти вся Европа только-что вышла изъ революціи 1830 г.

¹⁾ Писана въ апрѣлѣ 1861 года.

Поляковъ вездѣ принимали съ распростертыми объятіями. Образовалась устроенная эмиграція и дѣйствительно имѣла силу; много было интригъ; но всѣ попытки ихъ были уничтожены. Едва появлялись въ царствѣ эмиссары, какъ противъ нихъ тотчасъ же принимаемы были мѣры; ничто и нигдѣ не успѣвало разгорѣться: только что вспыхнетъ и потушено.

Въ 1846 году, когда во всей Германіи было волненіе—въ Галиціи все было въ огнѣ и крови, а въ царствѣ (Польскомъ) все было спокойно; одна незначительная попытка двухъ-трехъ человекъ въ Седлецахъ,—и тѣмъ кончилось.

Въ 1848 году революція во Франціи, въ Австріи и въ Пруссіи. Въ Познаніи образовались польскія войска. Прусскій король съ обнаженною головою стоялъ передъ поляками. Въ 1849 году возстаніе въ Венгріи, безпокойства и волненія вездѣ; вся Европа потрясена,—а въ царствѣ Польскомъ все спокойно.

Наконецъ въ 1853 году, когда почти вся Европа была противъ Россіи и когда безъ сомнѣнія много было интригъ въ Польшѣ, не только со стороны Франціи и Англіи, но даже и Австріи, когда Россію готовы были постигнуть такіа бѣдствія, какихъ она не испытывала съ 1812 года, въ царствѣ Польскомъ все было спокойно; даже во все продолженіе войны не было ни одного политическаго преступника. Слѣдственная коммиссія была закрыта, и предсѣдатель ея получилъ другое назначеніе.

Средствомъ къ достиженію такихъ результатовъ были: постоянный надзоръ, никакого послабленія, предусмотрительность и предупредительныя мѣры осторожности, такъ что у злоумышленниковъ отнималась всякая надежда на успѣхъ и всякая даже мысль о попыткѣ къ возстанію.

Поэтому была возможность дѣйствовать средствами края, т. е. управлять краемъ посредствомъ польскихъ же чиновниковъ, которые во все время вели себя какъ нельзя лучше, исполняли свои обязанности какъ нельзя усерднѣе; они были настоящими русскими чиновниками съ русскими чинами. Въ самыя трудныя времена: послѣ мятежа 1831 года, въ 1846, 1848 и въ 1849 годахъ чиновники дѣйствовали совершенно въ духѣ правительства. Никому не приходила мысль выдти въ отставку или отказаться отъ исполненія приказаній начальства. Еще сильнѣйшею опорой, не по наружности, но въ сущности для правительства нашего въ царствѣ, былъ классъ крестьянъ, не только казенныхъ, но и помѣщичьихъ. Очиншеваніе крестьянъ въ казенныхъ имѣніяхъ и въ особенности въ пожалованныхъ русскимъ маіоратахъ показало, до какой степени благосостоянія дошли поселяне въ сихъ имѣніяхъ, вслѣдствіе попеченій о нихъ правительства. Сравненіе быта крестьянина го-

сударственнаго или въ маіоратахъ съ бытомъ ихъ у помѣщиковъ не поселяло въ нихъ привязанности къ польскимъ владѣльцамъ, а напротивъ, еще болѣе внушало довѣрія къ русскому правительству, которое постоянно служило имъ защитою отъ притѣсненій шляхты и въ особенности когда послѣдовалъ указъ 1846 года, оградившій и личность и собственность крестьянъ отъ незаконныхъ требованій и притязаній помѣщиковъ. Не надобно однако думать, что правительство наше дѣлало крестьянамъ послабленія во вредъ помѣщиковъ или возбуждало ихъ противъ своихъ владѣльцевъ. Напротивъ, когда въ 1846 году въ Галиціи черезъ рѣку отъ насъ происходили убійства, крестьяне рѣзали своихъ помѣщиковъ, въ царствѣ Польскомъ не было ни одного случая даже ослушанія крестьянъ, потому что въ первую же минуту приняты были необходимыя мѣры.

Все держалось системою, основанною на знаніи народнаго характера поляковъ, твердою сильною волею иногда переходившею можетъ быть въ строгость, но заставлявшемъ всегда себя уважать, а иногда бояться.

Поэтому тогдашнее управленіе въ царствѣ Польскомъ считало бы для себя стыдомъ, если бы допустило хоть одинъ выстрѣлъ на улицахъ Варшавы.

Можетъ быть, дѣйствительно многое можно было смягчить, исправить, измѣнить въ управленіи царства; но не было необходимости мѣстному управленію края дѣлать измѣненія только для измѣненій, отъ которыхъ почти всегда приходилось отказываться. Не надо было забывать, что кротость или справедливость не есть еще послабленіе и безнаказанность, что, отказываясь отъ принадлежащей ему власти, управленіе не заставитъ себя уважать; что власть дана не для фаворитизма только, наконецъ, что, выпуская изъ рукъ власть, ее захватятъ другіе и захотятъ сами приказывать и тогда придется имъ дѣлать постыдныя уступки или принимать жесткія мѣры.

Такъ къ несчастію случилось да и не могло быть иначе.

Желаніе пріобрѣсти популярность газетную и въ гостиныхъ заставило (кн. Горчакова) заискивать въ магнатахъ и шляхтѣ ¹⁾. Но надобно не знать вовсе исторіи Польши, чтобы надѣяться чѣмъ бы то ни было привязать къ себѣ шляхту.

¹⁾ Правдивая въ общемъ записка С. Павлютина грѣшитъ здѣсь противъ исторической истины и несправедливо обвиняетъ князя М. Д. Горчакова въ исканіи популярности у поляковъ и тѣмъ объясняетъ его крайне нерѣшительныя дѣйствія. Странно обвинять человека въ недостаткѣ энергіи и рѣшимости, когда шесть лѣтъ передъ тѣмъ у того же человека достало энергіи стоять съ достоинствомъ во главѣ главной обороны Севастополя, и рѣшимости на безпримѣрный въ исторіи войнъ переводъ арміи съ южной на сѣ-

Не говорю уже найти въ ней преданность. По натурѣ вещей она намъ враждебна. Ни одинъ изъ магнатовъ не забываетъ надежды на прежнюю возможность быть королемъ. Ни одинъ шляхтичъ не проститъ потерянной вольности или правильнѣе вольницы своей аристократической республики, гдѣ онъ былъ панъ, а прочіе рабы, гдѣ было широкое поле его удали, самовластія, беззаконности и безнаказанности. Примѣръ пятнадцатилѣтія до 1830 года ничего еще не доказываетъ, тогда еще была какая-нибудь узда, да и ту поляки старались сбросить революціею 1830 года.

Магнаты и шляхта конечно были обрадованы, видя, что снисхожденіе къ нимъ управленія даетъ имъ и вліяніе на людей и на дѣла и средства поправить свои обстоятельства и надежду приготовить все на случай вѣчно желаемыхъ, вѣчно ожидаемыхъ перемѣнъ явно, не прибѣгая ни къ тайнымъ обществамъ и не рискуя ничѣмъ.

Такимъ образомъ составилось Агрономическое общество; такимъ же образомъ отдано безъ торговъ и съ недостаточными залогами содержаніе шоссе въ царствѣ—дѣло почти въ 20 милліоновъ золотыхъ, на которое, кажется, они ничего еще не употребляли или очень мало.

Агрономическое общество въ первый же годъ своего существованія имѣло уже до 5 тыс. членовъ. Теперь ихъ, кажется, до 6 тыс. Агрономія тутъ только предлогъ. Оно было не что иное, какъ существующее съ дозволенія правительства политическое общество, гдѣ шляхта собиралась затѣмъ, чтобы счесть свои силы и подготовиться къ будущему воображаемому конечно устройству независимой Польши. Рѣчи членовъ рѣдко касались земледѣлія; но болѣе говорили о единствѣ, братствѣ, о правахъ народа и проектахъ объ измѣненіяхъ въ администраціи.

При этомъ были и депутаты изъ Позена (Познани) и Галиціи.

Къ сожалѣнію, все дозволялось, все оставалось безнаказаннымъ. Же-

верную сторону Севастополя въ виду непріятеля по утлому мосту, перекинутому черезъ широкую бухту. Но, тамъ, въ Севастополѣ, ему никто не мѣшалъ, а напротивъ всѣ его поддерживали своимъ геройскимъ духомъ. Здѣсь было другое дѣло. Не князь Горчаковъ искалъ популярности, а высшія петербургскія сферы боялись, „что скажутъ въ Европѣ“. Мнѣніе о польскихъ дѣлахъ было крайне неустойчиво. Изъ обширной переписки, которую велъ князь Горчаковъ съ Петербургомъ, историкъ увидитъ, какія перемѣны и противорѣчія исходили изъ столицы: что ни письмо, то новость, то новый взглядъ на дѣла Польши. Мнительный и нервный князь Горчаковъ не зналъ, чему слѣдовать, какому образу дѣйствій держаться, и незамѣтно для себя выпустилъ власть изъ своихъ рукъ. Посылая одно изъ писемъ, полученныхъ имъ изъ Петербурга, военному губернатору г. Варшавы Н. А. Крыжановскому, князь Горчаковъ написалъ на немъ: „Lisez cette horrible lettre et parlez m'en demain“. (Прочитайте это ужасное письмо и скажите мнѣ завтра свое мнѣніе). Князь Горчаковъ боялся того, какъ посмотрятъ въ Петербургѣ на его мало-мальски рѣшительныя мѣры, и потому постоянно колебался. А. К.

ханіе популярности удерживало насъ отъ принятія какихъ-либо мѣръ, чтобы напомнить шляхтѣ, что существуетъ однако въ царствѣ русское правительство, которому одному предоставлено право заботиться объ управленіи и благосостояніи края.

Мало того шляхта, какъ сказано выше, не имѣла сочувствія поселянъ, которые болѣе довѣряли русскому правительству, чѣмъ своимъ владѣльцамъ. Въ это время составлялся проектъ объ очиншеваніи крестьянъ. Мѣра сія, самая существенная для ихъ благосостоянія, была конечно единственнымъ и лучшимъ средствомъ привязать къ себѣ поселянъ.

Вовсе неожиданно правительство отказывается отъ этого средства и передаетъ его въ руки шляхты, которая, обѣщая и оглашая свои обѣщанія, ничего однако же доселѣ не дѣлала; да и крестьяне шляхтѣ не вѣрятъ, не смотря на то, что само правительство объявило имъ съ амвоновъ, что помѣщики о нихъ заботятся.

Результатомъ многихъ подобныхъ мѣръ было однако же то, что управление наше потеряло всякое уваженіе шляхты; привязанности оно не приобрѣло, а возбудило развѣ презрѣніе.

Другой классъ въ Польшѣ, чиновники были орудіемъ правительства нашего въ управленіи. Чиновниковъ въ царствѣ до 10 т. Въ Польшѣ любятъ титулы и знаки отличія. Однимъ даны были чины, другіе ихъ желали и ожидали; всѣ были усердные слуги. Русскій чинъ былъ какъ русскій мундиръ.

Чины въ царствѣ послѣ 20 лѣтъ уничтожены подъ предлогомъ неприимѣнности. Нѣтъ сомнѣній, что чины имѣютъ свою дурную сторону. Можетъ быть, что рано или поздно чины признано будетъ возможнымъ уничтожить и въ Россіи. Ничто бы не препятствовало тогда отмѣнить ихъ въ царствѣ. Но уничтоженіе ихъ въ одномъ царствѣ было только уничтоженіемъ возможности имѣть русскихъ чиновниковъ въ Польшѣ и тѣмъ болѣе, что почти въ то же время послѣдовало запрещеніе русскимъ начинать службу въ царствѣ Польскомъ.

Такимъ образомъ произошло отдѣленіе, такъ сказать, польскихъ чиновниковъ отъ русскаго правительства и уничтоженіе существовавшей между ними связи.

Послѣдствія были выгодны только для фаворитизма.

Много послѣдовало назначеній, возбудившихъ общее неудовольствіе,—тѣмъ болѣе, что остальнымъ чиновникамъ не было уже возможности подвинуться службою впередъ, какъ было при существованіи чиновъ.

Можетъ быть, это отчасти было причиною, что большая половина ихъ даже дерзнула подписать впослѣдствіи извѣстный адресъ государю императору, участвовала въ демонстраціяхъ или подала въ отставку.

Словомъ чиновники всѣ, не исключая и полицейскихъ, сдѣлались ненадежными.

Такимъ образомъ были подготовляемы матеріалы для возстанія. Оставалось вывести революцію на улицу, чтобы показать Европѣ, что царство Польское не потому спокойно, что довольно своимъ положеніемъ.

Для этого нужны были мальчики-школьники. Дѣйствительно въ школахъ уже былъ для этого готовый элементъ. Изъ того же необъяснимаго желанія популярности, школы были распущены совершенно. Безнаказанность, изъ нежеланія, вѣроятно, огорчить родственниковъ, дошла до того, что часто учителя, инспекторы и директора вынуждаемы были извиняться передъ воспитанниками.

Ученики дѣлали все, что имъ вздумается, не ходили въ классы, шумѣли въ театрахъ, дѣлали разныя демонстраціи, о которыхъ будетъ говорено ниже, собирали сходки для битья стеколъ, писали анонимныя письма и пр. пр.

На все это смотрѣли сквозь пальцы и только съ тѣмъ, кажется, чтобы имѣть возможность закрыть поступки, которые называли дѣтскими шалостями. Дошло до того, что ученики были первыми во всѣхъ возстаніяхъ, содержали полицію въ городѣ и почти управляли Варшавою.

Такъ мало-по-малу приготавлилось то положеніе дѣлъ, которое родило послѣднія варшавскія событія.

Первыя проявленія попытокъ показали въ прошломъ 1860 году. Въ іюнѣ начали обнаруживаться враждебныя дѣйствія воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній, которые воспользовались похоронами вдовы коменданта Воли Савинскаго убитаго при защитѣ сего укрѣпленія, (въ 1831 г.), чтобы сдѣлать демонстраціи на Вольскомъ кладбищѣ, гдѣ они осмѣлились идѣваться надъ могилами русскихъ.

Не смотря на настоянія генераль-губернатора,—объ этомъ происшествіи даже не производили слѣдствія.

Первый шагъ былъ сдѣланъ. Воспитанники и разный обродъ, пользуясь безнаказанностію и поддержкою въ краѣ Земледѣльческаго (Агрономическаго) общества, которое уже тогда считало до 5 тыс. членовъ, а за границею партіями Чарторижскаго и Мирославскаго,—начали постепенно готовить умы къ безпорядкамъ.

Даже во время послѣдняго пребыванія государя, они не скрывали своихъ дѣйствій. Иначе какъ объяснить намѣреніе облить ложу его величества купоросомъ, отсутствіе польскихъ дамъ на балѣ князя Горчакова и проч.

Въ ноябрѣ прошедшаго (1860) года, начались разныя демонстраціи, битье стеколъ, писаніе анонимныхъ писемъ, изъ которыхъ запрещалось давать балы и вечера, ненависть и ругань русскихъ и ихъ приверженцевъ.

Въ годовщину бывшаго возстанія 1830 года воспитанники учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ толпою народа, собрались на Лешно и пѣли разныя патріотическія пѣсни. Нѣсколько недѣль спустя, вся реальная гимназія отправилась въ костелъ бернардиновъ, для служенія панихиды, въ память разныхъ лицъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи Польши.

Генералъ-губернаторъ вновь настаивалъ о принятіи строгихъ мѣръ для прекращенія безпорядковъ и предлагалъ закрыть реальную гимназію, но представленія его остались безъ всякаго вниманія.

Такой образъ дѣйствій продолжался до собранія Земледѣльческаго (Агрономическаго) общества,—т. е. до 23-го февраля сего (1863) года.

Тутъ уже дерзость и самонадѣянность поляковъ перешла всякую мѣру.

За нѣсколько дней до годовщины Гроховскаго сраженія были разбросаны въ костелахъ, а 12-го (24-го) февраля наклеены въ разныхъ мѣстахъ города воззванія: собраться народу въ понедѣльникъ 13-го (25-го) февраля въ половинѣ шестаго на площадѣ Стараго мѣста. Здѣсь собравшаяся толпа должна была слѣдовать за процессією мимо замка къ намѣстниковскому дому, гдѣ тогда Земледѣльческое общество имѣло свои засѣданія.

Хотя члены сего собранія не принимали видимаго участія, но извѣстно, что они не только знали, что будетъ демонстрація, но руководили оной и даже согласились по прибытіи процессіи къ намѣстниковскому дому выдти къ народу, изъ среды котораго зачинщики должны были просить ихъ подать адресъ о дарованіи конституціи.

13-го (25-го) февраля рано утромъ полиція арестовала ученика художественной школы Бальцера, печатавшаго воззванія посредствомъ ручной типографіи. Бальцеръ сознался во всемъ и показалъ, что если бы демонстрація удалась, то жители должны были иллюминировать городъ.

Казалось, что когда всѣ планы зачинщиковъ были уже извѣстны правительству, то и мѣры предосторожности могли быть приняты, а слѣдственно спокойствіе не могло быть нарушено.

Однако же вышло иначе.

Въ назначенный часъ началось сильное народное движеніе къ Старому мѣсту и къ костелу Паулиновъ. Оберъ-полицеймейстеръ, прибывшій на площадь, былъ встрѣченъ криками. Полковникъ Треповъ, не смотря на грозившую ему опасность, вошелъ въ толпу, приказывая ей замолчать и расходиться. Толпа, между которыми были мастеровые, послушалась, но ученики Маримонтской школы съ палками оставались на мѣстѣ. Вслѣдъ за симъ частный приставъ прислалъ сказать, что академики и гимназисты хотятъ заставить ксендза, отслужившаго вечерню, выйти изъ костела Паулиновъ съ хоругвями и съ крестомъ и что онъ просить помощи. Оберъ-полицеймейстеръ, видя, что богослуженіе уже

окончено, приказалъ запереть костелъ, что было исполнено съ большимъ усиленіемъ.

Полковникъ Треповъ не успѣлъ доѣхать до площади Старого мѣста, какъ уже показались академики, воспитанники Маримонтской школы, гимназисты и нѣсколько неизвѣстныхъ лицъ, вѣроятно эмиссаровъ партіи Мирославскаго съ зажженными факелами и значками съ польскими орлами. Не смотря на всѣ увѣщанія, процессія продолжала идти впередъ. Тогда оберъ-полицеймейстеръ былъ вынужденъ приказать полиціи и пѣшимъ жандармамъ тушить факелы и отбирать значки. Прискакавшему же по приказанію намѣстника эскадрону жандармскаго полка приказалъ преградить процессіи дорогу, что было въ точности исполнено, безъ насильственныхъ мѣръ, не смотря на то, что академики факелами и значками пугали лошадей, а камнями и грязью бросали въ жандармовъ.

Демонстрація окончилась рукопашной схваткой. Восемь человекъ, на которыхъ найдены прокламаціи и портреты сапожника Килинскаго, были арестованы.

Народное же движеніе по улицамъ продолжалось до ночи.

Слѣдующій день, 14-го (26-го) февраля, прошелъ спокойно, но члены Земледѣльческаго общества и большая часть публики надѣли трауръ въ честь мнимо убитенныхъ 13-го (25-го) февраля.

15-го (27-го) февраля утромъ нѣсколько сотъ человекъ, въ томъ числѣ члены Земледѣльческаго общества, академики, гимназисты и ученики Маримонтской школы въ траурѣ, собрались въ костелъ Кармелитовъ, на Лешно, для служенія панихиды въ память тѣхъ же убитенныхъ. Послѣ совершенія обряда, толпа пошла по улицѣ Долгой, заставляя дорогой выходить всѣхъ изъ экипажей и слѣдовать за нею, оскорбляя встрѣчавшихся офицеровъ и солдатъ. Подойдя къ запертой церкви Паулиновъ, она запѣла народные гимны и отправилась къ Старому мѣсту, гдѣ была встрѣчена съ восторгомъ. Изъ одного дома вынесли образъ, бросали изъ оконъ бумажные образки, которые ученики прибили къ палкамъ, направляясь мимо замка къ костелу бернардиновъ, откуда намѣрены были слѣдовать къ намѣстниковскому дому, гдѣ засѣдали члены Земледѣльческаго общества.

На площади замка намѣстникъ приказалъ сотнѣ линейныхъ казаковъ преградить дорогу процессіи, при которой не было ни одного ксендза.

Подвигаясь все ближе и ближе къ костелу бернардиновъ, казаки, при которыхъ былъ только ихъ сотенный командиръ, наткнулись на похороны чиновника Лемпицкаго. Кто-то изъ толпы закричалъ: хоронятъ жертву, павшую за отечество 13-го (25-го) февраля. Тогда чернь начала бросать въ казаковъ грязью и камнями. Казаки, между ко-

торыми были раненные, отбивались плетью. Зачинщики же, для возбужденія народа, распространили слухъ, что они побили двухъ коендзовъ, выходявшихъ изъ костела съ крестомъ для сопровожденія похоронъ, и что крестъ сломался въ дребезги ¹⁾.

Казаки не только не помѣшали народу войти въ костель, но сами получили приказаніе отойти къ замку.

Генералъ Заболоцкій, желая перестѣчь народу сообщеніе съ намѣстниковскимъ домомъ, безъ приказанія, пришелъ съ ротою, взятой изъ Примасовскаго дома. Чернь съ неистовыми криками начала бросать грязью и камнями въ нашихъ солдатъ. Заболоцкій, ушибленный камнемъ, не вытерпѣлъ, приказалъ зарядить ружья и сдѣлать залпъ. Вслѣдствіе чего было убито 5 человекъ и ранено 15-ть.

Толпа же въ первую минуту разбѣжалась во всѣ стороны.

Залпъ сей произвелъ страшное смятеніе въ замкѣ. Намѣстникъ не зналъ, на что рѣшиться, и окончилось тѣмъ, что приказано было для успокоенія народа убрать войска. Чернь, предводительствуемая своими начальниками, видя наше отступленіе, подняла трупы и на носилкахъ понесла ихъ по городу. Четыре трупа были положены въ Европейскую гостиницу, а пятый внесенъ въ засѣданіе Земледѣльческаго общества. Члены съ криками: «убиваютъ нашихъ братьевъ», побѣжали въ Европейскую гостиницу. При огромномъ стеченіи народа рыдали надъ тѣлами убитыхъ и произносили разныя патріотическія рѣчи. Вслѣдъ затѣмъ начали подписывать адресъ государю, и тотчасъ же составила депутація будто бы отъ всѣхъ сословій, которая вмѣстѣ съ адресомъ отправилась съ разными требованіями къ намѣстнику.

Князь Горчаковъ согласился на слѣдующія уступки:

1. Похоронить убитыхъ со всѣми почестями.
2. Учредить временное управленіе, составленное изъ всѣхъ сословій города (делегація), которое въ продолженіе трехъ дней, а именно до похоронъ будетъ, безъ вмѣшательства полиціи, блюсти за порядкомъ и сохранять спокойствіе.

Словомъ сказать, городъ отданъ былъ на произволъ людямъ, производящимъ безпорядки.

3. Въ день похоронъ полиція и войска не должны были показываться на улицахъ.

4. Назначить маркиза Паулуччи на мѣсто оберъ-полицеймейстера Трепова, не умѣвшего, по словамъ депутаціи, пріобрѣсти популярности (?).

5. Дозволить депутаціи ѣхать въ Петербургъ для поднесенія адреса государю ²⁾.

¹⁾ Нынѣ достоверно извѣстно, что все это вымыселъ злонамѣренныхъ людей.

²⁾ Въ тотъ же день послѣдовало измѣненіе: князь Горчаковъ самъ послалъ адресъ въ Петербургъ.

6. Освободить безъ исключенія всѣхъ лицъ, арестованныхъ 15-го (27-го) февраля.

Подобныя уступки не требуютъ объясненій.

Въ тотъ же самый день, подали въ отставку всѣ предводители дворянства и большая часть лицъ, принадлежавшихъ къ высочайшему двору. Предсѣдатель Земледѣльческаго общества, гр. Андрей Замойскій, принялъ роль диктатора. Ничто не дѣлалось безъ его согласія. Всѣ же его требованія были исполняемы нашимъ правительствомъ безпрекословно. Временное управленіе вступило въ исполненіе своихъ обязанностей, издало прокламацію къ жителямъ Варшавы, въ которой умоляло именемъ отечества не прибѣгать къ насильственнымъ мѣрамъ, которыя въ настоящее время могутъ имѣть только пагубныя послѣдствія.

Нельзя не согласиться (въ томъ, что) временное правленіе исполнило въ точности свои обѣщанія, и въ городѣ былъ сохраненъ порядокъ. Учреждены патрули изъ разныхъ лицъ и воспитанниковъ учебныхъ заведеній. Тишина и наружное спокойствіе не были нарушены. Но между тѣмъ патріоты не теряли времени. На улицахъ и въ домахъ были произносимы рѣчи противъ правительства, въ которыхъ были указываемы на святотатства, совершенныя будто бы надъ крестомъ, и на истязанія ксендзовъ.

Были посланы приглашенія къ крестьянамъ прибыть въ Варшаву на похороны жертвъ, павшихъ 15-го (27-го) февраля. Сія послѣдняя мѣра не удалась: крестьяне, помня благодѣянія покойнаго государя, оставались на своихъ мѣстахъ.

Совершенно было торжественное примиреніе съ евреями, которыхъ называли братьями ¹⁾). Также были отправлены въ города и мѣстечки агенты для возбужденія народа противъ правительства, съ приглашеніемъ дѣлать демонстраціи и служить панихиды.

Наконецъ наступилъ день похоронъ.

Не приведи Богъ русскому и вѣроподданному видѣть другой разъ въ жизни зрѣлище, унижившее до такой степени имя русское.

Въ тотъ день, когда было приказано войскамъ и полиціи не показаться на улицахъ, все варшавское населеніе въ глубокомъ траурѣ, католическое духовенство, имѣя во главѣ епископа, духовенства: евангелическое и реформатское, равнинъ съ кагаломъ и всѣ городскіе цехи съ своими значками провожали тѣла, несенныя на рукахъ лицами того сословія, которому принадлежалъ убитый; а наши караулы отдавали честь процессіи.

¹⁾ Чтобы получить отъ нихъ деньги на возстаніе.

Примѣч. Н. А. Крыжановскаго.

Въ тотъ же день послѣ похоронъ въ самомъ враждебномъ для русскаго правительства духѣ было сдѣлано во всѣхъ газетахъ описаніе похоронъ, а графъ Андрей Замойскій благодарилъ отъ имени отечества академиковъ и воспитанниковъ всѣхъ учебныхъ заведеній за сохраненіе порядка.

Послѣ похоронъ большая часть членовъ Земледѣльческаго общества разѣѣхалась по деревнямъ; но для наблюденія за ходомъ дѣлъ осталось до 200 членовъ.

Въ награду же за сохраненіе порядка, намѣстникъ разрѣшилъ временному правленію наблюдать за спокойствіемъ въ городѣ еще въ день восшествія на престолъ государя императора. Затѣмъ въ помощь городскимъ властямъ была составлена делегація изъ гражданъ въ числѣ 24-хъ членовъ подъ предсѣдательствомъ маркиза Паулуччи. Делегація эта засѣдала въ ратушѣ и каждый вечеръ представляла отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ членамъ ресурса, гдѣ ежедневно собиралось отъ 1.000 до 2.000 человекъ. Словомъ, въ это время русское правительство не существовало, русскія войска исчезли, были спрятаны, управленіе передано въ руки людей, которыхъ нельзя назвать иначе, какъ мятежниками.

Вотъ до какихъ результатовъ, послѣ пятилѣтнихъ послабленій и необузданныхъ мѣръ, достигли наши русскіе дѣятели въ Польшѣ.

Исторія не представляетъ примѣра, чтобы въ краѣ, гдѣ правительство опирается на пять крѣпостей, на прекрасное войско и на четыре милліона крестьянъ, которые еще до сихъ поръ за правительство, могло унижить себя до такой степени.

Послѣ всѣхъ сихъ событій, 2-го (14-го) марта былъ полученъ высочайшій рескриптъ на имя князя Горчакова (рескриптъ сей былъ напечатанъ во всѣхъ газетахъ, слѣдственно излишне говорить о содержаніи онаго ¹⁾).

¹⁾ Считаемо, однако, не лишнимъ напомнить читателямъ, что 16-го (28-го) февраля варшавскій архіепископъ Фіалковскій, въ сопровожденіи трехъ другихъ лицъ, представилъ генералъ-адъютанту князю Горчакову слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

„Государь! Горестныя происшествія, случившіяся недавно въ Варшавѣ, раздраженіе, предшествовавшее имъ и послѣдовавшее за ними, глубокая скорбь, проникшая всѣ сердца, побудили насъ повергнуть настоящее прошеніе къ стопамъ вашего величества отъ имени всей страны, въ надеждѣ, что ваше благородное сердце, государь, не отвергнетъ гласъ несчастнаго народа.

„Эти событія, которыхъ горькія ацены мы удерживаемся описывать, вовсе не были вызваны разрушительными страстями отдѣльныхъ классовъ населенія, напротивъ того, они составляютъ единодушное и краснорѣчивое выраженіе чувствъ отвергнутыхъ и нуждъ признанныхъ. Болѣе полустолѣтія

На другой день князь Горчаковъ пригласилъ къ себѣ архіепископа Фіалковскаго, графа Андрея Замойскаго, Островскаго, графа Малаховскаго, банкира Кроненберга и купца Шленкера. Такъ какъ онъ принималъ всѣ депутаціи отъ 15-го (27-го) февраля глазъ на глазъ и ни съ кѣмъ не совѣтовался, а только соглашался на всѣ требованія, то неизвѣстно, какіе происходили разговоры и пренія. Но въ тотъ же вечеръ распространились слухи и копіи съ протокола засѣданій въ ресурсѣ, въ которомъ сказано, что государь, не смотря на строгость выраженій, изъясненныхъ въ рескриптѣ, общаетъ сдѣлать разныя измѣненія и улучшенія въ администраціи царства. Разсказывали также, что намѣстникъ сообщилъ депутаціи письмо отъ министра статсъ-секретаря, въ которомъ сказано, что льготы, даруемыя царству Польскому, будутъ обнародованы особеннымъ декретомъ.

Графъ Замойскій, выслушавъ содержаніе письма г. Тимовскаго, будто бы сказалъ князю Горчакову: «мы принимаемъ оіи уступки, но онѣ для насъ недостаточны». Намѣстникъ отвѣчалъ: «примите ихъ на время; увидимъ, что можно будетъ сдѣлать для васъ впослѣдствіи».

Въ продолженіе нѣсколькихъ дней много было толковъ о рескриптѣ.

«Я читалъ прошеніе, вами ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено вовсе безъ вниманія, какъ мнѣніе нѣсколькихъ лицъ

страданій, претерпѣваемыхъ всѣмъ народомъ, управлявшимся въ теченіе вѣковъ учрежденіями либеральными; народомъ, у котораго отняты были даже законные пути для принесенія монарху жалобъ и выраженія общихъ нуждъ; все это поставило его въ такое положеніе, что онъ не можетъ иначе проявить свой голосъ, какъ стономъ жертвъ. А потому онъ и не перестаетъ приносить эти жертвы.

„Въ глубинѣ души каждого жителя этой несчастной страны хранилось сильное чувство особенной національности, отличной отъ національностей другихъ народовъ Европы. Это чувство не сокрушено ни временемъ, ни событіями; несчастіе не только не ослабило, но укрѣпило его. Все, что оскорбляетъ или вредитъ ему, волнуетъ умы. Вслѣдствіе того, это роковое вліяніе подорвало всякое довѣріе между правителями и управляемыми.

„Довѣріе не можетъ возродиться, пока будутъ употребляемы насильственные принудительныя мѣры, не ведущія ни къ какому результату. Страна, нѣкогда стоявшая въ уровень по образованію съ своими сосѣдами въ Европѣ, не въ состояніи развиваться ни морально, ни матеріально, доколѣ ея церковь, законодательство, публичное воспитаніе и вся ея общественная организація будутъ лишены своей національности и своихъ историческихъ преданій.

„Желанія нашего народа тѣмъ сильнѣе, что въ огромной европейской семьѣ, въ настоящее время, онъ только почти одинъ лишенъ необходимыхъ условій существованія, безъ которыхъ никакое общество не можетъ идти по пути развитія, указаннаго Провидѣніемъ.

„Повергая къ стопамъ трона выраженіе нашей скорби и нашихъ пламенныхъ желаній, и вѣря въ высокую справедливость и правосудіе вашего

которые, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицахъ беспорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ одно лишь увлеченіе».

Въ рессурсѣ ораторы кричали: «какъ это возможно, здѣсь дѣло идетъ не о нѣсколькихъ лицахъ, а о всемъ народѣ, который такъ благородно и скромно выразилъ, предъ всей Европой, сколь тягостно для него русское иго».

Ждали только случая, чтобы сдѣлать какую-нибудь манифестацію, и воспользовались выѣздомъ г. Муханова ¹⁾, чтобы собраться въ числѣ двухъ или трехъ тысячъ у дебаркадера желѣзной дороги, гдѣ имѣли намѣреніе бросать въ него камнями и грязью.

Хотя Мухановъ имѣлъ предосторожность поѣхать въ экипажѣ до первой станціи, но до самой границы, на станціяхъ, гдѣ останавливался поѣздъ, его встрѣчали съ ругательствами, а въ Скерневицахъ

императорскаго величества, мы осмѣливаемся взывать къ вашему великодушію».

15-го (27-го) февраля 1861 г.

Князь Горчаковъ представилъ это прошеніе императору, который отвѣчалъ ему 25-го февраля:

„Князь Михаилъ Дмитріевичъ! Я читалъ прошеніе, вами ко мнѣ препровожденное. Оно могло бы быть оставлено вовсе безъ вниманія, какъ мнѣнне нѣсколькихъ лицъ, которые, подъ предлогомъ возбужденныхъ на улицахъ беспорядковъ, присвоиваютъ себѣ право осуждать произвольно весь ходъ государственнаго управленія въ царствѣ Польскомъ. Но я готовъ видѣть во всемъ этомъ одно лишь увлеченіе.

„Всѣ заботы мои посвящены дѣлу важныхъ преобразованій, вызываемыхъ въ моей Имперіи ходомъ времени и развитіемъ общественныхъ интересовъ. Тѣ же самыя попеченія распространяются безраздѣльно и на подданныхъ моихъ въ царствѣ Польскомъ. Ко всему, что можетъ упрочить ихъ благосостояніе, я никогда не былъ и не буду равнодушнымъ.

„Я уже на дѣлѣ доказалъ имъ мое искреннее желаніе распространить и на нихъ благотворныя дѣйствія улучшеній истинно-полезныхъ, существенныхъ, постепенныхъ. Неизмѣнны пребудутъ во мнѣ таковыя желанія и намѣренія, и потому я въ правѣ ожидать, что попеченія мои не будутъ затрудняемы, ни ослабляемы требованіями несвоевременными или преувеличенными и несовмѣстными съ настоящими пользами моихъ подданныхъ. Я и исполню всѣ мои обязанности. Но ни въ какомъ случаѣ не потерплю нарушенія общественнаго порядка. На такомъ основаніи созидать что-либо не возможно. Всякое начало, порожденное подобными стремленіями, произносить самому себѣ сужденіе. Я не допущу до сего. Не допущу никакого вреднаго направленія, могущаго затруднять или замедлить постепенное, правильное развитіе и преруспѣяніе благосостоянія сего края, которое будетъ всегда и постоянно цѣлью моихъ желаній и попечительности“.

(См. „Русскій Инвалидъ“ 2-го апрѣля 1861 г., № 50).

¹⁾ Министръ внутреннихъ дѣлъ царства Польскаго.

*

разбили всѣ окна въ вагоны. 13-го (25-го) марта около вечера, толпа, собравшаяся въ одно мгновеніе по свисткамъ, разбила всѣ окна у генерала Абрамовича въ театрѣ и въ квартирѣ г. Эноха въ намѣстниковскомъ домѣ. Предполагали, что послѣ такого явнаго нарушенія общественнаго спокойствія будутъ приняты строгія мѣры, чтобы положить предѣлъ дерзости.

Написано уже было постановленіе объ объявленіи города на военномъ положеніи; но новая городская депутація остановила всѣ распоряженія, и городъ вновь былъ отданъ для сохраненія спокойствія делегаціи, которая тотчасъ учредила свою полицію. Спокойствіе дѣйствительно не было нарушено въ продолженіе страстной недѣли. Нельзя себѣ вообразить, что дѣлалось на улицахъ,—это былъ просто маскарадъ. Все народонаселеніе носило трауръ, молодые люди и разный сбродъ надѣли бѣлыя, голубыя, малиновыя конфедератки, чамарки и контуши.

Наконецъ, 31-го марта былъ обнародованъ всемилостивѣйшій манифестъ о дарованіи разныхъ льготъ царству Польскому. Милости, оказанныя государемъ краю, не успокоили умовъ, хотя умѣренная партія казалась, видимо, довольною, но лихорадочное состояніе было слишкомъ сильно. Конфедератки и чамарки, подстрекаемые поджигателями, надѣялись, что посредствомъ безпорядковъ они достигнутъ еще другихъ уступокъ.

Всѣ объявленія и прокламаціи высшаго начальства, въ которыхъ старались образумить народъ, представляя всѣ гибельныя послѣдствія, ожидающія возмутителей порядка, только возбуждали еще болѣе волненіе. Раздѣленіе города на четыре отдѣла, подчиненныя начальникамъ войскъ, ясно доказывало, что правительство рѣшилось приступить къ энергическимъ мѣрамъ и, наконецъ, положить предѣлъ безначалію, но и эта мѣра не имѣла никакого вліянія.

Безпорядки распространялись по всему краю. Въ Радомѣ, Калишѣ, Люблинѣ, Кѣльцахъ, Серадзѣ и проч., чернь, волнуемая подстрекателями и увѣренная въ безнаказанности, повторила безпорядки, бывшіе въ Варшавѣ.

Въ Варшавѣ съ 22-го марта (3-го апрѣля) манифестаціи продолжались ежедневно. У статуй Богородицы и Святыхъ собирались толпы въ нѣсколько тысячъ людей, которые вмѣстѣ съ молитвами пѣли разныя патріотическія пѣсни. 24-го марта (5-го апрѣля), въ 9 часовъ утра, было большое стеченіе народа у костела Реформатовъ, въ которомъ даже принимало участіе духовенство.

Нельзя было ручаться, что при тогдашнемъ безначаліи, мы не лишились бы единственной вашей опоры въ Польшѣ, а именно крестьянъ, которые еще до сихъ поръ за насъ, хотя помѣщики, духовенство и разнаго рода агенты подстрекали ихъ противъ правительства, увѣряя, что

русскіе совершили святотатство надъ крестомъ и хотѣтъ обратитъ ихъ въ православную вѣру. Къ сожалѣнію, правительство вмѣсто того, чтобы воспользоваться симъ положеніемъ и стараться поддержать привязанность къ себѣ крестьянъ, дозволило 21-го марта (2-го апрѣля) объявить крестьянамъ съ амвоновъ чрезъ духовенство слѣдующее постановленіе:

Что владѣльцы, въ попеченіи о благѣ крестьянъ, усердно занимаются проектомъ объ очиншеваніи ихъ; что, кромѣ того, значительное число владѣльцевъ изъявило желаніе, по введеніи установленнаго по добровольному согласію чинша, предоставить крестьянамъ право выкупа земель.

Объявленіе сіе имѣетъ ту дурную сторону, что крестьяне, услышавши изъ устъ своихъ священниковъ, что благосостояніемъ своимъ они обязаны будутъ не государю, но владѣльцамъ, которые, воспользовавшись ошибкою правительства, передавшаго на разсмотрѣніе Земледѣльческаго общества проектъ объ очиншеваніи, надѣются безъ всякихъ для себя потерь положить тѣмъ предѣлъ вѣковой враждѣ между ними и крестьянами.

Непонятно, какъ правительство, видя въ теченіе столькихъ лѣтъ и, наконецъ, во время нынѣшнихъ безпорядковъ, спокойствіе и расположеніе къ себѣ крестьянъ, не взяло на себя безъ вмѣшательства шляхты обнародованіе постановленія очиншеванія ¹⁾ крестьянъ, подобно тому, какъ это сдѣлано въ казенныхъ имѣніяхъ и маіоратахъ.

Какой представлялся нынѣ прекрасный случай совершить сіе великое дѣло. Это было лучшимъ средствомъ еще болѣе привязать къ себѣ крестьянъ и, опираясь на четырехмилліонное населеніе, обуздать тѣмъ навсегда враждебную шляхту.

25-го марта (6-го апрѣля) было обнародовано постановленіе совѣта управленія о закрытіи по высочайшему повелѣнію Земледѣльческаго общества. На другой день, 26-го марта (7-го апрѣля), около трехъ часовъ пополудни, огромныя толпы народа начали стекаться со всѣхъ сторонъ къ зданію земскаго кредитнаго общества, гдѣ на балконѣ, во время пѣнія патріотическихъ пѣсень, былъ водруженъ польскій орелъ, подъ которымъ поставленъ образъ Богородицы, покровительницы Польши. Оттуда толпы направились чрезъ Саксонскую площадь и близъ лежащія улицы къ дому бывшаго предсѣдателя общества графа Андрея Замойскаго. Не смотря на всѣ увѣщанія генералъ-губернатора, выѣхавшаго на встрѣчу, толпа не расходилась. По прибытіи же къ дому Замойскаго, послѣ криковъ «ура!», начали вызывать его на балконъ. Послѣ долгаго ожиданія, Замойскій, наконецъ, появился и старался убѣдить народъ разойтись по домамъ. Рукоплесканіямъ и восторженнымъ крикамъ

¹⁾ Очиншеваніе—земельный надѣлъ

не было конца, но убѣжденія графа Замойскаго не могли успокоить толпы, которыя направились къ замку.

Когда народъ сталъ все болѣе собираться къ замку, тогда было приказано войскамъ стать на площади Сигизмунда. Самъ намѣстникъ, окруженный своимъ штабомъ, выѣхалъ къ толпѣ, уговаривая расходиться по домамъ. Дерзость дошла до того, что осмѣяли и освистали князя Горчакова.

— Пошелъ вонъ! — кричала толпа, — мы стоимъ на родной землѣ повѣжай самъ домой; мы не отойдемъ, пока войска не отступятъ.

Намѣстникъ воротился въ замокъ, а войска, простоявъ еще нѣкоторое время, были уведены съ площади.

Отступление войскъ еще болѣе подняло самонадѣянность мятежниковъ, которые вообразили, что русское правительство никогда не осмѣлится употребить противъ нихъ силу. Такъ называемая умѣренная партія, къ которой принадлежали всѣ высшія сословія, члены бывшаго Земледѣльческаго общества и наконецъ люди, имѣющіе какое-либо состояніе, оставались въ сторонѣ, хотя очень хорошо знали всѣ дѣйствія радикальной партіи и руководили ею.

27-го марта (8-го апрѣля), около трехъ часовъ по полудни опять толпа начала собираться на Краковскомъ предмѣстьи у костела кармелитовъ, гдѣ отпѣвали тѣло возвратившагося изъ Сибири политическаго преступника. По совершеніи обряда, толпа пошла для сопровожденія похоронъ на Повонзковское кладбище, откуда большая часть направилась къ замку. Около 5¼ часовъ вечера площадь Сигизмунда была уже покрыта народомъ, и войска, выходившія изъ замка, были встрѣчены неистовыми криками. Желая образумить народъ и во избѣжаніе несчастныхъ послѣдствій, которыя его ожидали въ случаѣ упорства, было приказано одной ротѣ пѣхоты съ жандармами на флангахъ подвинуться впередъ, а полицейскому чиновнику, послѣ барабаннаго боя, объявить народу, чтобы расходился.

Троекратно каждыя десять минутъ было возобновляемо сіе объявленіе. Послѣ третьяго раза, когда увидѣли, что всѣ увѣщанія остаются тщетными, было приказано взводу жандармовъ разогнать народъ.

Атака была произведена рысью, и толпа разбѣжалась на тротуары Краковскаго предмѣстья, жандармы разогнали чернь холоднымъ оружіемъ, но она, пользуясь тѣмъ, что жандармы не могли въѣзжать на скользкіе тротуары, съ криками и свистомъ начала отбиваться остро-конечными окованными желѣзомъ палками и бросать камни. Такъ какъ дальнѣйшее дѣйствіе жандармовъ не могло имѣть успѣха, то приказано имъ отойти, а взводу пѣхоты разогнать толпу съ тротуаровъ. Толпа дѣйствительно разбѣжалась, но только-что взводъ возвратился на свое мѣсто, какъ снова густыя массы съ Краковскаго предмѣстья и

съ Сенаторской улицы двинулись на площадь Сигизмунда. Была произведена вторая атака, двумя взводами жандармовъ, имѣвшая тотъ же неуспѣхъ, какъ и первая. Тогда выдвинули противъ Сенаторской улицы взводъ пѣхоты, который былъ встрѣченъ камнями, и сдѣланъ мятежниками первый выстрѣлъ изъ углового дома, выходящаго съ правой стороны отъ Сенаторской улицы на площадь Сигизмунда.

Наступила минута молчанія, и вслѣдъ затѣмъ былъ произведенъ первый залпъ. Толпа съ крикомъ разбѣжалась во всѣ стороны.

Въ это мгновеніе показалась изъ костела бернардиновъ процессія, впереди которой несли крестъ. Рота пѣхоты пропустила ее до угла Сенаторской, гдѣ два взвода жандармовъ преградили ей дорогу. Находявшійся вблизи жандармскій штабъ-офицеръ узналъ человѣка, несшаго крестъ; это былъ выпущенный изъ цитадели политическій арестантъ ученикъ художественной школы Новаковский ¹⁾.

Новаковского арестовали—посыпался градъ камней. Войска должны были податься назадъ и сдѣлать нѣсколько выстрѣловъ для удержанія натиска. Въ то же время показалась другая процессія, которая стала на перекресткѣ Краковского предмѣстья и Сенаторской улицы. Толпа заплѣла: «избави насъ Боже отъ язычниковъ». Казаки успѣли ее разогнать, но только-что отошли за пѣхоту, какъ толпа снова начала собираться и кидать камнями. Въ то же время, чтобы заградить улицы Сенаторскую и Подвальную, чернь сдѣлала изъ нагромоздившихся дрожекъ и экипажей родъ барикады, изъ-за которыхъ бросали камнями.

Видимо было, что только рѣшительныя дѣйствія могутъ положить конецъ безумному упорству мятежниковъ, которые со всѣхъ сторонъ съ криками напирали на войска. Дерзость ихъ вынудила начальника войскъ генерала Хрулева, имѣвшаго предварительно письменное повелѣніе отъ намѣстника, приказать сдѣлать четыре залпа: одинъ вдоль Сенаторской улицы, другой по Краковскому предмѣстью, третій по Подвальной и четвертый по Новому сѣзду ²⁾.

¹⁾ А не ксендзъ.

²⁾ Это не вѣрно: никакого письменнаго приказанія намѣстникомъ дано не было. По разсказу Н. А. Крыжановскаго, дѣло происходило такъ:

Когда выѣздъ кн. Горчакова къ толпѣ оказался неудачнымъ, то князь, сильно разстроенный, призвалъ къ себѣ въ кабинетъ генерала Хрулева, гдѣ находился и Николай Андреевичъ Крыжановскій.

— Выведите войска изъ замка на площадь и разгоните толпу, — сказалъ князь Горчаковъ.

— А если она меня не послушаетъ, какъ и вась? — спросилъ Хрулевъ.

— Ну, тогда употребите самыя рѣшительныя мѣры.

— Какія же? — стрѣлять?

— Да, но лишь въ самомъ крайнемъ случаѣ.

Уговоромъ Хрулева толпа, видѣвшая наканунѣ нерѣшительныя дѣйствія намѣстника, конечно, не послушалась, и черезъ полчаса раздались четыре

Всего выпущено 464 выстрѣла.

Толпы побѣжали во всѣ стороны, оставивъ на мѣстѣ 4 тѣла и до 20 раненыхъ. Унесли же съ собою 7 тѣлъ и до 130 раненыхъ, которые, какъ увидимъ ниже, были отобраны ночью. Арестовано 70 чело-вѣкъ. Съ нашей же стороны убито два чело-вѣка и ранено 12.

Послѣ арестованія Новаковского и перваго залпа, былъ данъ сигналъ общей тревоги, въ замкѣ и на Саксонской площади.

Смятеніе и страхъ народа были необыкновенны. Когда увидѣли ра-кеты и слышали пушечные выстрѣлы холостыми зарядами изъ цита-дели, жители вообразили, что бомбардируютъ городъ. Толпы уже не останавливаясь бѣжали по всѣмъ направленіямъ, а наши войска въ уди-вительномъ порядкѣ собирались на указанныхъ пунктахъ. Между тѣмъ, въ замкѣ уже явились: банкиръ Кроненбергъ и каноникъ Стецкій. Намѣстникъ ихъ не принялъ, и затѣмъ депутаціи уже болѣе не являлись съ требованіями разныхъ уступокъ и льготъ.

Вслѣдъ затѣмъ были приняты слѣдующія мѣры:

- 1) Всѣмъ войскамъ, пришедшимъ по тревогѣ, расположиться бива-ками на площадяхъ, впредь до особаго приказанія.
- 2) Ночью забрать всѣ тѣла убитыхъ, отнесенныя въ частные дома, и отвезти въ цитадель,—гдѣ ихъ похоронить по совершеніи обряда католическимъ капланомъ, находящимся при войскахъ.
- 3) Всѣхъ раненыхъ изъ частныхъ домовъ перевезти для лѣченія въ гражданскіе и военные госпитали.
- 4) Всѣхъ арестованныхъ лицъ перевезти въ цитадель,—откуда на другой день отправить въ Новогеоргіевскъ.
- 5) Обнародовать постановленіе совѣта управленія, состоявшееся 27-го марта (8-го апрѣля) противъ сборищъ.
- 6) Подтверждено начальникамъ войскъ наблюдать, чтобы ни подѣ

залпа. Услышавъ залпъ, кн. Горчаковъ вскочилъ съ кресла и, бормоча что-то про себя, сталъ ходить по кабинету. Вошелъ Хрулевъ и совершенно покойно доложилъ: „согласно приказанія вашего сіятельства толпа разогнана; по ули-цамъ посланы патрули и разъѣзды, а на площади поставленъ караулъ изъ одной роты. Убитыхъ (поляковъ) 11 чело-вѣкъ, раненыхъ около 150; у насъ потеря: 2 убитыхъ и 12 раненыхъ“.

— А развѣ я,—сказалъ князь Горчаковъ какъ бы съ укоромъ,—прика-зывалъ вамъ стрѣлять боевыми патронами?..

Но это Хрулевъ, со свойственною ему грубоватою откровенностью, пере-билъ князя.

— Полно хитрить, князь,—сказалъ онъ,—я хорошо знаю, что означаетъ приказаніе намѣстника разогнать толпу оружіемъ, когда она другихъ при-казаній не слушаетъ... и вышелъ изъ кабинета.

Горчаковъ схватилъ листъ бумаги и, бормоча про себя, сталъ что-то пи-сать. Н. А. Крыжановскій также вышелъ.

какимъ видомъ на улицахъ и площадяхъ не было сборищъ, ослушниковъ приказано брать подъ арестъ, а въ случаѣ сопротивленія употреблять оружіе.

7) Опубликованы временныя правила для варшавскаго муниципальнаго совѣта, въ который послѣ всемилостивѣйшаго манифеста были призваны, съ разрѣшенія высшаго начальства, часть членовъ, принадлежавшихъ къ бывшей делегаціи, дозволившей себѣ при первомъ засѣданіи сдѣлать разные постановленія, превышающія ея власть, и напечатать оныя въ газетахъ.

8) Посланы въ губерніи и города, гдѣ возникли безпорядки, военные начальники для восстановленія спокойствія.

9) Въ Варшавѣ приказано закрыть ресурсъ, преобразившійся въ патріотическій клубъ. Здѣсь рѣшались всѣ вопросы, относящіеся къ возбужденію безпорядковъ въ краѣ, отдавались приказанія о демонстраціяхъ и разсылались эмиссары.

10) Послѣ 10-ти часовъ вечера никому не дозволено ходить по улицамъ безъ фонаря.

11) Домовладѣльцы обязаны подписками объявлять полиціи о каждомъ лицѣ, проживающемъ безъ установленнаго вида.

12) Раненымъ воспрещено показываться на улицахъ.

13) Всѣ шинки, кофейные дома и другія публичныя заведенія приказано закрывать впредь до особаго приказанія въ 8 часовъ вечера.

14) Запрещенъ трауръ и разные маскарадные костюмы.

15) Воспрещено также носить разные наружные знаки, какъ-то: бѣлые орлы, кокарды, галстуки съ національными цвѣтами и проч.

16) Въ магазинахъ не вывѣшивать траурныхъ принадлежностей, какъ это было въ теченіе 6-ти недѣль.

17) Не носить палокъ, окованныхъ желѣзомъ и съ свинцовыми набалдашниками.

18) На похоронахъ не собираться постороннимъ зрителямъ; дозволено только сопровождать тѣла усопшихъ родственникамъ.

19) Отобранное у оружейныхъ мастеровъ и въ лавкахъ оружіе огнестрѣльное и холодное перевезти въ цитадель.

20) Впредь до особаго распоряженія, закрыть городскую почту.

21) При всѣхъ поѣздахъ желѣзной дороги отправлять конвой для наблюденія за порядкомъ.

Половина сихъ мѣръ, принятыхъ въ-время, могла бы предупредить всѣ безпорядки и кровопролитіе. Доказательствомъ чего служить и то, что, не смотря на разившееся отъ безнаказанности до безумія остервенѣніе черни, въ одну минуту, какъ бы по волшебству, фізіономія города совершенно измѣнилась, исчезли маскарадные костюмы. На улицахъ только показались лица, изумленные и подъ вліяніемъ видимаго страха.

Простой народъ понялъ, что его выставляли только впередъ и употребляли какъ орудіе, а при первой возможности бросили на произволъ судьбы.

Извѣстно, что главные зачинщики не были съ народомъ, они оставались въ сторонѣ и выжидали обстоятельствъ, а послѣ несчастныхъ событій нѣкоторые даже пѣшкомъ бѣжали изъ города.

Куда дѣвались Замойскіе, Островскіе, Шленкеры, Еппштейны и другіе? Они оставались у себя въ заперти и дома выжидали исхода обстоятельствъ. Имъ нужны были новыя жертвы, которыя дали бы снова возможность воспользоваться слабостію правительства, чтобы на трупахъ своихъ несчастныхъ соотечественниковъ потребовать для себя новыхъ уступокъ.

Для достиженія сей цѣли дѣлались подъ видомъ пожертвованій для родственниковъ, павшихъ 15-го (27-го) февраля, окладки, которыя раздавались простому народу. Работники и чернь, отвыкшіе отъ работы, предавались страшному пьянству и готовы были на всѣ неистовства. Изъ духовенства же, къ сожалѣнію, многіе проповѣдывали народу бунтъ.

Чернь, волнуемая рѣчами своихъ руководителей, проповѣдями духовенства, ободряемая бездѣйствіемъ правительства и отступленіемъ по ея требованію нашихъ войскъ, въ присутствіи которыхъ она осмѣяла и осмѣяла намѣстника русскаго царя, рѣшилась 27-го марта (8-го апрѣля) на безумныя дѣйствія, повлекшія за собою кровь. Кровь не была бы пролита, народъ не былъ бы возбужденъ до безумія, войска наши не терпѣли бы поруганія, русское имя не понесло бы такого стыда и униженія и, наконецъ, не было бы такихъ уступокъ, которыя измѣняютъ даже форму правленія, безъ высочайшей власти, если бы постоянныя ошибки не приготавливали общаго разстройства дѣлъ или по крайней мѣрѣ если бы въ-время, т. е. въ первый же моментъ появленія мятежа на улицѣ, были приняты весьма привычныя уже въ Варшавѣ извѣстныя мѣры осторожности, которыя предупредили бы всѣ безпорядки и не было бы укора ни намъ, ни за насъ.

Февральскіе и мартовскіе безпорядки въ Варшавѣ, постоянное напряженное состояніе и боязнь—какъ посмотреть на все происходящее въ Петербургѣ, окончательно надломили силы князя М. Д. Горчакова; онъ заболѣлъ и 18-го (30-го) мая скончался. При его кончинѣ присутствовали четыре лица: супруга его, Н. А. Крыжановскій, священникъ и камердинеръ. Умирающій что-то шепталъ по-французски, разобрать можно было только слова: *L'Empereur et Sevastopol*. Онъ умеръ сидя въ креслѣ. Н. А. Крыжановскій прикрылъ его простыней, поставилъ ему на плечо образъ Смоленской Божіей Матери, поднесенный ему

въ Севастополѣ, и послалъ за фотографомъ. Помѣщаемый портретъ снятъ тотчасъ же послѣ кончины. Такихъ портретовъ было только два: одинъ у княгини, а другой Н. А. Крыжановскій оставилъ себѣ. Негативъ былъ уничтоженъ съ цѣлью не дать возможности пустить этотъ портретъ въ продажу въ Варшавѣ, гдѣ онъ могъ бы послужить предметомъ насмѣшекъ.

Опасеніе это было болѣе чѣмъ основательно. Варшава, въ самый моментъ кончины князя, какъ бы провожая его душу въ вѣчный покой, устроила въ костелахъ новые беспорядки. Вотъ что писалъ Н. А. Крыжановскій графу А. В. Адлербергу, въ письмѣ отъ 18-го (30-го) мая 1861 г.:

«Покорнѣйше прошу ваше сіятельство довести до высочайшаго свѣдѣнія, что послѣ кончины князя Михаила Дмитріевича Горчакова кабинетъ его и бюро, гдѣ находится вся переписка, были запечатаны. Также была, въ присутствіи всего семейства Горчаковыхъ, открыта шкатулка, въ которой между прочими бумагами найдено письмо князя къ его императорскому величеству, духовное завѣщаніе и особая записка о послѣдней волѣ покойнаго. Въ этой запискѣ были изложены просьба о немедленномъ отправленіи письма къ государю императору и о желаніи покойнаго князя быть погребеннымъ на Сѣверной сторонѣ Севастополя, среди бранныхъ его товарищей.

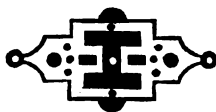
«Во исполненіе воли покойнаго, я отправляю письмо съ курьеромъ, прося ваше сіятельство представить его въ собственныя государя императора руки.

«Въ минуту смерти намѣстника, происходила въ городѣ на Старомъ мѣстѣ церковная процессія по случаю католическаго праздника «Божье тѣло». Народу скопилось множество. Процессіею предводительствовалъ архіепископъ Фіалковскій. Когда архіепископъ подошелъ къ алтарю, приготовленному на Старомъ мѣстѣ, кто-то въ толпѣ закричалъ «русскіе бьютъ, стрѣляютъ», другіе крикнули «ура!». Всею массою народа, тысячъ въ 50, овладѣлъ паническій страхъ, всѣ начали кричать, одѣлась ужасная суматоха и давка, въ которой нѣсколько дѣтей и женщинъ пострадали. Архіепископъ окончательно растерялся и почти безъ чувствъ свѣлъ на ступеньки алтаря. Тогда варшавскій оберъ-полицімейстеръ, подошедъ къ архіепископу, успокоилъ его и уговорилъ поднять надъ алтаремъ Святые Дары. Видъ ихъ заставилъ народъ стать на коѣнѣна, и все успокоилось. Войско, бывшее на площади Сигизмунда, стало въ ружье, но было тотчасъ же распущено, и ружья составлены въ козла, такъ что ни одинъ изъ нашихъ солдатъ во всей бывшей суматохѣ не участвовалъ никакимъ дѣйствіемъ. По возвращеніи процессіи въ церковь св. Яна, раздались въ толпѣ новые крики: «русскіе стрѣляютъ», но уже никто имъ не повѣрилъ, и толпа разошлась миролюбиво.

«Дѣло это будетъ изслѣдовано по распоряженію генералъ-адъютанта Мерхелевича.

«Вечеромъ въ 5 часовъ другая церковная процессія происходила у Александровскаго костела и прошла совершенно спокойно и благополучно».

Сообщ. Анд. Ник. Крыжановскій.

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.

IV ¹⁾.

Жизнь во Владычнемъ монастырѣ.—Основаніе общинъ сестеръ милосердія.—Участіе въ этомъ Митрофанія и ея дѣятельность.—Дѣло Солодовникова.—Обвиненіе Митрофаніи въ подлогѣ векселей.—Арестъ и отправленіе ея въ Петербургъ.—Допросы.—Отъѣздъ изъ Петербурга.—Посѣщеніе Тихвина.—Прибытіе въ Москву.—Судъ и обвиненіе.—Вторичный отъѣздъ въ Петербургъ.—Ставрополь Кавказскій назначенъ мѣстомъ жительства Митрофаніи.

Все шло тихо и мирно, когда поступилъ 1873 годъ. Я встрѣтила его и проводила старый съ дорогими мнѣ сестрами Владычней обители; съ ними мнѣ было отрадно и хорошо, лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Въ десятомъ часу вечера въ мою дорогую обитель стекался народъ на молитву.

Спасскій храмъ былъ освященъ; въ моей спальнѣ, кабинетѣ, гостиной и во всѣхъ прочихъ келіяхъ, также и на галлерей теплились лампы, мирнымъ и тихимъ свѣтомъ. Все вокругъ меня говорило: «молись, благодари Господа за прошедшее, благодари за настоящее и уповай на его милосердіе въ будущемъ».

Я въ это время сидѣла предъ моимъ письменнымъ столомъ, противъ висѣвшаго на стѣнѣ большого Распятія, моей работы, и много много разныхъ думъ волновали мою душу. Мнѣ было радостно, что я дома и грустно, что чрезъ нѣсколько дней я должна ѣхать въ Москву

¹⁾ См. „Русскую Старину“ январь 1902 г.

съ отчетами. На столѣ моемъ лежалъ № 358 «Современныхъ извѣстій», въ которомъ напечатана была замѣчательная по своему ложному съ начала до конца содержанію статья г. Плевако ¹⁾....

¹⁾ По поводу гражданскаго иска, возбужденнаго игуменьею Митрофаніею противъ Солодовниковыхъ. Такъ какъ авторъ записокъ основываетъ на этой статьѣ дальнѣйшій разсказъ, но не приводитъ ея содержанія, то для уясненія событій, редакция считаетъ необходимымъ привести краткое содержаніе статьи г. Плевако.

„Возбужденное дѣло, говоритъ онъ, между Солодовниковымъ и Митрофаніею идетъ о жизни и смерти цѣлаго благосостоянія; о томъ, быть ли, благодаря своему личному, сорокалѣтнимъ трудомъ нажитому, состоянію съ присоединеніемъ доставшагося по наслѣдству отъ брата, достаточнымъ человекомъ и виднымъ промышленнымъ дѣятелемъ края или, буквально, сдѣлаться нищимъ, благодаря настойчиво требуемому на благо православнаго храма пожертвованію....

„Солодовниковъ, какъ говорятъ, былъ скопецъ. То, что онъ находился на свободѣ и былъ полноправнымъ гражданиномъ, было послѣдствіемъ милости высшаго правительства. Въ 1870 году возникло повсемѣстное преслѣдованіе скопчества во всѣхъ его видахъ. На Солодовникова пало подозрѣніе въ принадлежности къ скопчеству и распространенію секты. Съ 1870 года по 7-е января 1871 года онъ еще пользовался свободой; съ этого дня былъ заключенъ въ Пречистенскій Частный домъ.

„Обвинительная власть нашла возможнымъ преслѣдовать его лишь въ принадлежности къ сектѣ и въ притондержательствѣ скопцовъ. Въ этомъ смыслѣ составленъ былъ обвинительный актъ и врученъ, по утвержденіи палатою, Михаилу Герасимовичу Солодовникову.

„Первый вердиктъ присяжныхъ, строго взглянувшихъ на противоестественность скопческаго ученія, поразилъ подсудимаго; онъ умеръ 3-го октября 1871 года, не дождавшись болѣе благоприятнаго возрѣнія Сената, по которому принадлежность къ сектѣ безъ распространенія ея и безъ самостоятельнаго преступленія „самоскопленія“, не наказуема по 203 ст. Уложенія.

„Смерть Солодовникова разоблачила слухи о многомилліонномъ состояніи его. На основаніи точныхъ описей и актовъ оказалось состоянія не болѣе 1.200.000 руб. Изъ этого состоянія, состоявшаго изъ личной собственности покойнаго, заключающейся въ недвижимости и общаго имущества, обращавшагося въ Торговомъ домѣ, надо исключить третью часть послѣдняго, какъ принадлежащую брату его Василю. И вотъ на долю М. Г. Солодовникова не приходится болѣе милліона. Я беру милліонъ, какъ приблизительную цифру; вѣрнѣе цифра его благосостоянія выражается 900.000 руб.

„И вотъ, при принятіи наслѣдства, не отягощеннаго, судя по книгамъ торговымъ и по личнымъ свѣдѣніямъ, никакими долгами, вырастаетъ долгъ матери Митрофаніи, который не только равенъ, но болѣе всего состоянія покойнаго“!

„Мать Митрофанія заявила, что Солодовниковымъ дано ей въ даръ векселей выѣсто денегъ на 1.230.000 руб.

„Есть ли смыслъ,—писалъ Плевако,—жертвовать не только то, что имѣешь, но и то, чего не имѣешь? Есть ли смыслъ обязывать своего наслѣдника жертвовать не только то, что ему оставляешь, но и его собственность, и пускать

Я задумалась и опомнилась, когда услышала возгласъ «Владыко, благослови». Всенощная уже началась, и я едва успѣла открыть дверь въ церковь, какъ въ мою молельню вошли съ каждыємъ діакономъ и духовникъ мой отецъ Петръ. Когда они ушли, я опять притворила дверь и слушала всенощную въ моемъ уединенномъ уголкѣ, въ которомъ такъ хорошо, такъ тепло для души.

2-го января я пришла въ трапезу по первому звонку и утѣшена была тишиной и порядкомъ во время обѣда. Этому порядку, этому благочинію обязана я всецѣло наставленіямъ блаженной памяти отцу Мельхиседеку. Онъ старался внушить сестрамъ, что въ трапезѣ нужно не болтать, но съ благоговѣніемъ внимать чтенію поучительныхъ подвиговъ и страданій святыхъ. Читали житіе св. Василия Великаго. Вотъ намъ всѣмъ монахамъ примѣръ: жилъ онъ уединенно и спокойно въ пустынѣ, съ другомъ своимъ Григоріемъ Богословомъ, но когда оказалось необходимымъ ихъ служеніе церкви, когда церковь нуждалась въ трудахъ и въ борьбѣ за православіе, то они оставили свой покой, свое любимое уединеніе и принесли себя въ жертву дѣлу общественному.

При размысленіи о тѣхъ временахъ, сравнивая бывшее съ настоящимъ, къ прискорбію убѣждаюсь, что въ настоящее время начальствовать еще труднѣе. Въ тѣ времена бороться приходилось съ язычествомъ, съ людьми, которые не были просвѣщены ученіемъ Христовымъ. Нынѣ же язычниковъ въ Европѣ нѣтъ, свѣтъ Христовъ своею любовью просвѣщаетъ всѣхъ, и что же мы видимъ и слышимъ? Что мы читаемъ въ новыхъ учебникахъ, составленныхъ христіанами же для просвѣщенія нашего юношества? Читаемъ, что человѣкъ не созданъ по образу и по подобию Божію, а есть животное, произведенное постепенно улучшающеюся расою обезьяны. Вотъ до чего дошло просвѣщеніе христіанства, и не труднѣй ли теперь истинному христіанину управлять, или имѣть дѣло съ лжехристіанами, чѣмъ съ тѣми язычниками, съ которыми боролись вселенскіе учителя церкви нашей Православной. Язычники, съ которыми боролись Василій Великій и Григорій Богословъ, чувствовали, что есть Богъ, имѣя потребность молиться, поклонялись

его по міру? Смысла нѣтъ, нѣтъ разумной причины. Отсюда, по праву, что неразумное не предполагается, наслѣдники по совѣсти сомнѣваются въ дѣйствительности этихъ безумныхъ дареній, ищутъ причинъ, наталкиваются на вопіющія обстоятельства. Сомнѣніе точитъ ихъ душу; сомнѣніе не останавливается ни предъ саномъ игумена, ни передъ ея общественнымъ положеніемъ. Нѣтъ, какъ хотите, а вѣрить трудно,—даже при смыслѣ на авторитетъ справедливости матери Митрофаніи, чтобы Солодовниковъ отъ 900/т. своего состоянія пожертвовалъ 1.200.000. Вотъ гдѣ зародилось сомнѣніе“.

Сомнѣніе это повело къ слѣдствію, обвиненію Митрофаніи въ подлугѣ векселей, ея аресту, а затѣмъ и къ суду, подробности котораго изложены въ книгѣ Е. П. Забѣлиной подъ заглавіемъ «Дѣло игумена Митрофаніи».

солнцу, лунѣ, звѣздамъ, или идоламъ. Св. Евангелія они не знали, рождались во тьмѣ, воспитывались во тьмѣ и, не бывъ освящены св. крещеніемъ, они жили и ходили во мракѣ. Но вѣрующимъ въ Спасителя міра, въ ученіе Его, страшно становится при размышленіи объ ученіи нашихъ современныхъ проповѣдниковъ, по имени только христіанъ. Если бы мы слышали отъ самоѣдовъ что-нибудь въ родѣ того, что человѣкъ происходитъ отъ обезьяны, то это было бы не удивительно, потому что мракъ невѣжества все прощаетъ; но когда мы слышимъ это отъ нашихъ современныхъ христіанъ-педагоговъ, невольно даемъ преимущество алеутамъ и самоѣдамъ; ихъ невѣжеству мы не удивляемся и жалѣемъ, какъ не удостоившихся получить еще св. крещеніе. Но отвратительно слышать такого рода ученіе изъ устъ современныхъ христіанъ, отвергающихъ существованіе Бога, даровавшаго имъ жизнь.

И вотъ въ эту эпоху безвѣрія и разврата, волею благочестивой государыни нашей, вѣрующей въ ученіе Христово, являются епархіальныя общины сестеръ милосердія, учрежденія, своей благотворительной дѣятельностью угрожающія распаденію нигилизма. Это поняли тѣ, которымъ не нравилось это нововведеніе, и возбудили дружное возстаніе противъ меня, учредительницы этихъ общинъ. Тяжело мнѣ, я одна борюсь съ этимъ моремъ вольнодумства, и чѣмъ это все кончится, не знаю. Знаю только то, что я буду бороться до конца, не сойду сама со креста, пока не сведутъ меня тѣ, которые меня на оный пригвоздили, не съ цѣлію моихъ страданій, а съ цѣлію блага общественнаго.

Такъ думалось мнѣ сегодня, такъ думается мнѣ очень часто, такъ размышляла я долго вчера, послѣ слышанія въ трапезѣ житія св. Василія Великаго.

3-го января. Сегодня я была особенно обрадована извѣщеніемъ, что Псковская духовная консисторія, указомъ отъ 28-го декабря, извѣстила Псковскую общину сестеръ милосердія, что ея императорскому величеству государынѣ императрицѣ благоугодно было возложить на г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода званіе почетнаго члена Псковской Іоанно-Ильинской общины сестеръ милосердія. Такая милость государыни конечно упрочитъ благосостояніе этого учрежденія, главное тѣмъ, что этимъ распоряженіемъ доказывается, насколько ея величество цѣнитъ участіе графа (Д. А. Толстаго), слѣдовательно и тѣхъ лицъ, которыя содѣйствуютъ благосостоянію общины. Воображаю, какъ во Псковѣ это извѣстіе не понравится. Тамъ, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, энергично распространяется молва, что я учреждаю эти общины, по моему собственному желанію, изъ корысти и честолюбія, чтобы выказывать себя. Тамъ говорятъ, что ея величество настолько мною недовольна, что перестала даже меня принимать, что я нахожусь подъ судомъ, что община Псковская въ скоромъ времени должна будетъ за-

крыться и что я въ благотворительной помощи не нуждаюсь болѣе и пр. пр. Все это говорится, конечно, съ цѣлю удалить благотворителей и подорвать мѣстное народное ко мнѣ довѣріе. Разными газетными статьями стараются гласно очернить меня; однимъ словомъ, всѣми силами, во всѣхъ слояхъ общества имѣются агенты тайные и явные, которые стараются мѣшать моей дѣятельности клеветою. Неоднократно мои недоброжелатели закидывали меня грязью, возносили на меня гнусную ложь и даже обвиняли въ подлогахъ. Епархіальныя общины ихъ волнуютъ, они предвидятъ ихъ процвѣтаніе, потому что купечество русское не поетъ еще ихъ преступную пѣснь, старики и старушки даютъ мнѣ деньги для учрежденія общинъ, они вѣрятъ и понимаютъ, что я всѣ эти скорби переношу изъ любви къ моему отечеству. Да, при такихъ чувствахъ, тяжело быть непонятой одними, оклеветанной другими, еще болѣе тяжело видѣть застой въ дѣлахъ. Грустно видѣть, какъ личные интересы заглушаютъ интересы общественныя. Публицисты въ родѣ Гилярова-Платонова ¹⁾, въ родѣ Скворцова, собирающаго всѣ городскія сплетни для пополненія столбцовъ въ его ежедневной газетѣ, и другихъ имѣютъ право гласнаго слова. Нашу современную печать я уважать не могу и ежедневно испытываю на себѣ, насколько она лжива, пристрастна, а главное корыстолюбива, особенно у насъ въ Москвѣ. Здѣсь однѣ «Московскія Вѣдомости» держатъ себя благородно, хотя и не всегда безпристрастно. Но все-таки эту газету уважать должно.

25-го февраля. Пришли мнѣ доложить о пріѣздѣ ко мнѣ изъ Орла И. П. Драгоманова, кандидата правъ, прикомандированнаго къ орловскому окружному суду и приглашеннаго мною для составленія апелляціонной жалобы по иску съ Солодовниковыхъ 480.000 р. Бумаги, относящіяся до этого дѣла, были у меня разложены, и Драгомановъ сталъ ихъ перелистывать. Въ это самое время мнѣ доложили, что изъ Москвы пріѣхалъ прокуроръ Московскаго окружнаго суда Жуковъ, слѣдователь Спасскій и вмѣстѣ съ ними исправникъ г. Серпухова, съ которымъ, по его недавнему назначенію, я не была еще знакома. Такъ какъ за нѣсколько дней до того было напечатано въ одной изъ московскихъ газетъ, кажется въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», что я арестована, или что-то предвѣщающее слѣдствіе и арестъ, то я соображала причину ихъ прибытія.

Поздоровавшись съ ними, я спросила о причинѣ ихъ визита и получила отвѣтъ, что они пріѣхали по порученію петербургскаго слѣдователя 13-го участка для предъявленія мнѣ векселей Лебедева. Одновременно съ этимъ я вынесла нѣсколько бумагъ, писанныхъ Солодовниковымъ, и, показывая ихъ г. прокурору, спросила его, не знаетъ ли

¹⁾ Редакторъ „Современныхъ Извѣстій“.

онъ, по какому это поводу господинъ предсѣдатель Лавровъ, передъ засѣданіемъ по иску моему съ Солодовникова, вызвалъ къ себѣ въ кабинетъ моего повѣреннаго И. П. Архипова и далъ ему инструкцію, что можно говорить и чего нельзя говорить на судѣ. Я видѣла, что этотъ вопросъ сильно ихъ покорибиль, точно такъ же, какъ и заявленіе мое, что безъ депутата допрашивать меня нельзя. Они простились со мною и уѣхали, получивъ отъ меня обѣщаніе, что черезъ два дня я буду въ Москвѣ, и что депутатъ будетъ избранъ моимъ начальствомъ къ 1-му марта.

19-го марта, пріѣхавъ изъ Серпухова въ Москву, я прямо съ вокзала поѣхала по дѣламъ обители въ Московскую духовную консисторію, а оттуда отдохнуть въ Страстной монастырь къ игуменіи Валеріи, и у нея я ночевала. Тутъ я узнала, что наканунѣ г. прокуроръ, слѣдователь и полиційместеръ пріѣзжали въ общину. Тогда я поняла, но не хотѣла воспользоваться моею свободою. Мнѣ совѣтовали, не заѣзжая въ общину, ѣхать прямо въ Петербургъ и заявить обо всемъ бывшему тамъ нашему митрополиту, но я, предпочитая не бороться съ тѣмъ, что предрасполагаетъ мнѣ милосердная десница Всевышняго, поѣхала домой въ общину и написала официальное письмо слѣдователю, съ увѣдомленіемъ о моемъ возвращеніи изъ Серпухова въ общину. Черезъ нѣсколько часовъ слѣдователь пріѣхалъ, и я, въ 4 часа дня 20-го марта, была арестована. Причина ареста мнѣ объявлена не была. Чтобы меня взять на поруки, московскій купецъ А. И. Поповъ, далъ заимообразно 30 тысячъ рублей, но этотъ залогъ не былъ принятъ, слѣдовательно и на поруки меня не отпустили.

Итакъ, газетныя предсказанія сбылись. Подпольная адская интрига великихъ и малыхъ міра сего принесла имъ давно желанныя плоды. Я арестована, а за что? почему? и для чего? Арестъ есть мѣра не наказанія, а лишь только пресѣченія обвиняемому возможности уклониться отъ слѣдствія и суда, но эта мѣра принимается лишь только тогда, когда дѣйствительно есть опасеніе, что обвиняемый способенъ принять мѣры къ бѣгству или тому подобному. Относительно меня такія опасенія были напрасны. Арестъ я встрѣтила совершенно спокойно, и мнѣ странно только то обстоятельство, что мое начальство о моемъ арестѣ ничего мнѣ не сообщило. Неужели жъ прокуроръ имѣлъ власть арестовать меня, не имѣя на то согласія моего начальства—я вѣдь на должности, имѣю счастье служить подъ покровительствомъ ея величества; неужели же такое самоволіе дозволено закономъ? Удивляюсь содержанію письма преосвященнаго Леонида, помѣченнаго нынѣшнимъ 20-мъ марта; онъ мнѣ пишетъ, что я напрасно думаю, что мое епархіальное начальство равнодушно ко мнѣ. Напротивъ, говоритъ онъ, оно принимаетъ самое горячее участіе въ дѣлѣ моемъ, и все, что возможно,

будеть сдѣлано. Что же касается до отзывовъ людскихъ, то исходящее отъ людей, дѣла незнающихъ, не должно смущать никого, и онъ отъ всей души желаетъ мнѣ мира и благоуспѣшности.

Полиція окружила общину. Жила я спокойно, только никуда не могла выѣзжать, не выходила даже въ садъ, а только была въ церкви, гдѣ стояла въ темномъ уголкѣ за алтаремъ, въ совершенномъ уединеніи. Насталъ день Святой Пасхи, тяжелъ онъ былъ для меня, однако же ради торжества я вышла въ храмъ и по обычаю христіанскому христосовалась со всѣми сестрами и дѣтьми. Когда кончилась въ общинѣ утренняя и обѣдня, я пошла къ себѣ въ келлію, куда пришли Поповъ съ семействомъ и нѣкоторые изъ живущихъ въ обители монахинь. Въ 5-мъ часу утра пріѣхала ко мнѣ прямо изъ церкви игуменья Валерія, мы разговлялись выѣстѣ, съ вечера прислалъ мнѣ просфору и поздравленіе пресвященный Леонидъ.

11-го апрѣля явился ко мнѣ чиновникъ полиціи съ повелѣніемъ сейчасъ собираться и ѣхать съ нимъ въ С.-Петербургъ по вызову слѣдователя. Въ то время былъ у меня докторъ, который ему заявилъ, что я неадорова и нужно было бы мнѣ пребыть дня два еще дома. Но посланный отъ оберъ-полиціймейстера Арапова требовалъ немедленнаго выѣзда, или отправленія въ тюремную больницу. Тутъ былъ и частный приставъ Лефортовской части, угрожавшій мнѣ тѣмъ же. Они послали за штатнымъ врачомъ Лефортовской части, Львовымъ, который заявилъ, что я ѣхать могу. Тогда я, больная, была взята прямо съ постели и перевезена подъ надзоромъ полиціи на вокзалъ Николаевской дороги. Игуменья Валерія, бывшая у меня въ то время, рѣшилась сама, не сказавши у себя дома, поѣхать проводить меня до Петербурга. Со мною поѣхалъ и повѣренный мой Драгомановъ. По пріѣздѣ въ Петербургъ, полицейскій чиновникъ хотѣлъ вести меня прямо въ окружный судъ къ слѣдователю и только обѣщанная благодарность могла убѣдить его дозволить мнѣ остановиться въ гостиницѣ, чтобы немного отдохнуть. Извозчикъ повезъ насъ въ гостиницу «Москва», а мой повѣренный поѣхалъ въ судъ заявить слѣдователю, что я пріѣхала и гдѣ остановилась. Черезъ часа два послѣ того пріѣхалъ слѣдователь Руссиновъ и приставилъ къ дверямъ околоточнаго надзирателя. Игуменья Валерія, простившись со мною, поѣхала обратно въ Москву съ отходящимъ первымъ поѣздомъ. Драгомановъ тоже уѣхалъ, а пріѣхавшіе со мною мать Анатолія и Магдалина заявили слѣдователю готовность принять и для себя всѣ условія ареста. Въ тотъ же день въ 4 часа пріѣхалъ ко мнѣ прокуроръ С.-Петербургскаго окружнаго суда А. О. Ковя, прося въ случаѣ какой-либо надобности адресоваться къ нему, и обѣщалъ устроить все къ моему спокойствію. Одинъ видъ этой благородной личности и его приемы доказали мнѣ, что онъ съ достоинствомъ проходитъ свое трудное служеніе. Я видѣла,

*

что это человѣкъ съ сердцемъ, желающій открытія только одной истины; я видѣла, что онъ молодъ годами, но старъ разумомъ.

13-го апрѣля былъ первый допросъ на моей квартирѣ въ присутствіи прокурора, товарища прокурора и депутата отъ общины, благочиннаго московскихъ монастырей Богоявленскаго монастыря архимандрита Никодима. Строгость страшная, доступа ко мнѣ нѣтъ никакого; околodочный надзиратель смѣнился чиновникомъ полиціи, который сидитъ передъ входомъ въ наши номера. У меня номеръ особый во второмъ этажѣ окнами на Владимірскую, а мои монахини помѣщаются въ другомъ номерѣ окномъ во дворъ; между нами коридоръ. Онъ ко мнѣ безпрепятственно допускаются, и мы дѣлимъ вмѣстѣ наше общее горе и арестъ. Мнѣ разрѣшено посылать посыльнаго за покупками; служителя гостиницы ко мнѣ допускаются. Что будетъ далѣе, не знаю. Митрополитъ Иннокентій сегодня прислалъ мнѣ своего келейника съ просфорою: просфору взяли, а келейника не допустили. Завтра жду втораго допроса; рада ему, чтобы повидаться еще съ многолюбимымъ и уважаемымъ нами архимандритомъ Никодимомъ.

Дѣло мое въ Петербургѣ идетъ хорошо, одно грустно, что до насъ никого не допускаютъ; ежедневно почти допросы, слѣдствіе кончается, я вполнѣ довольна прокурорскимъ надзоромъ и надѣюсь оправдаться. Совѣсть моя чиста, а потому я спокойна, ночи сплю своимъ крѣпкимъ, ничто меня не возмущаетъ; я вкушаю блаженство совершеннаго уединенія. Близкіе мнѣ дали на дорогу 500 р.; и я ни въ чемъ не нуждаюсь; въ номерѣ чисто и свѣтло, но надоѣдаетъ постоянная ѣзда по Владимірской. Одно у меня лишеніе здѣсь,—нѣтъ церкви и общины. Здоровье мое только меня беспокоитъ, ноги сильно болятъ. Въ этой гостиницѣ подаютъ намъ пищу едва-ли не съ мясомъ; рыба накрошена, а жиръ такъ и плаваетъ, другаго ничего нѣтъ, уха дорога; болѣе питаемся чаемъ. Я плачу за номеръ 4 р. въ день; ковра нѣтъ, едва какой-то выпросила; ну, все равно, только бы не страдали отъ холода мои больныя ноги.

27-го апрѣля, гостиница «Москва». Слѣдствіе, слава Богу, окончено, быть можетъ, скоро возвращусь въ мою родную обитель въ дорогой мой Владычный (монастырь), для благосостоянія котораго я такъ много и съ такою любовью трудилась.

19-го іюня, гостиница «Москва». Сегодня вдругъ являются ко мнѣ товарищъ прокурора Вильямсонъ и слѣдователь Руссиновъ съ полиціей и объявляютъ, что по требованію московской судебной власти они должны произвести обыскъ въ моей квартирѣ. Вѣроятно, прокуроръ Жуковъ заподозрилъ пріѣздъ ко мнѣ игуменіи Валеріи и думалъ, что она привезла мнѣ какіе-либо документы, или же я ее вызвала, чтобы ей что-либо передать. Искавшіе положительно ничего не нашли, и я очень бла-

годарна прокурору и слѣдователю: они всѣ бумаги мои прошнуровали, сдѣлали имъ опись, выдали мнѣ росписку и сказали, что такъ какъ онѣ вовсе не относятся къ производящимся дѣламъ, то, чтобы я подала имъ прошеніе о возвращеніи взятыхъ ими бумагъ.

24-го іюня, гостиница «Москва». Сегодня мнѣ принесли газеты; изъ нихъ я узнала, что былъ обыскъ у меня въ келліи моей въ Серпуховѣ 17-го іюня, а 18-го въ общинѣ. Газеты врутъ, но неужели жъ я буду внимать крику безумной толпы, кричащей безъ своего собственного соображенія вслѣдъ за закупленными редакторами и репортерами. Охъ, эта гласность—ее обращаютъ во зло. Человѣкъ, какъ я, вращавшійся во всѣхъ сферахъ русскаго общества, можетъ о томъ судить болѣе другихъ. Нынѣ все возстало противъ дворянства, и все мое преступленіе состоитъ въ томъ, что въ монашеской рясѣ я все-таки принадлежу къ числу столбовыхъ дворянъ, къ числу аристократовъ. Это есть мое первоклассное преступленіе, второклассное—моя возможность доводить до высшихъ сферъ то, что анти-религіозное стремленіе желаетъ отъ нихъ скрыть. Прозелитамъ ненавистна моя дѣятельность клонящаяся не ко вреду, а ко благу нашего дорогаго отечества.

Надоѣла стукотня уличная, неумолкающая день и ночь; страдаемъ отъ жары, духоты, уличной пыли и уличной суматохи.

10-го іюля, гостиница «Москва». Завтра я должна подъ стражею ѣхать въ Москву, по милости московской судебной власти составившей себѣ планъ для моей, ими задуманной, гибели. Братъ меня убѣждалъ просить дозволенія остаться здѣсь, просить о томъ, чтобы дѣла мои всѣ переведены были въ Петербургъ, но я при всемъ моемъ желаніи не могу здѣсь болѣе жить: средствъ у меня нѣтъ, занять нельзя, мое начальство подъ давленіемъ московскаго прокурорскаго надзора боится подать мнѣ руку помощи, чѣмъ же я здѣсь буду жить? Тамъ хоть у меня родной очагъ, даровое содержаніе и помѣщеніе, тамъ св. храмъ, тамъ я въ своей монашеской средѣ, тамъ я дома. Нѣтъ, уѣду завтра, положусь на волю Всевышняго, будетъ то, что Ему угодно. Скамья подсудимыхъ, говорятъ, готовится мнѣ въ Москвѣ, а до того помѣщеніе въ Сущевской части; ну, что жъ дѣлать! я вѣдь монахъ, тотъ же солдатъ, который проходитъ во всю свою жизнь курсъ послушанія и всякаго рода лишеній. Итакъ прости, гостиница «Москва».

Благодаря человѣколюбію прокурора А. Ѳ. Кони, я отпущена была въ городъ Тихвинъ, куда желала ѣхать помолиться чудотворному образу заступницы вѣрныхъ. Игуменія Валерія, Магдалина и Андріана со мною поѣхали, сопровождалъ насъ чиновникъ Павловъ. Пріѣхавъ на вокзалъ, публика съ удивленіемъ на меня смотрѣла. Въ вагонѣ 1-го класса нашелся изъ числа пассажировъ какой-то назойливый господинъ; онъ сталъ презрительно относиться въ моемъ присутствіи о монашествѣ,

говорить насмѣшливо обо мнѣ, постоянно обращаясь съ вопросами къ нашимъ послушницамъ, которые, наконецъ, не стали ему отвѣчать. Этотъ господинъ былъ очень прилично одѣтъ, нѣкоторыя отличія, какъ напримѣръ, ленточка Владиміра въ петлицѣ, свидѣтельствовали, что онъ былъ человѣкъ служащій. Онъ былъ среднихъ лѣтъ, изъ его разговоровъ, въ которые я вслушивалась, можно было заключить, что онъ принадлежитъ къ высшему слою петербургскаго общества. Говори съ сосѣдомъ, онъ всматривался въ меня и нѣтъ-нѣтъ, а сведеть разговоръ о «Московской гостиницѣ». Я притворилась заснувшею, мнѣ хотѣлось знать о слухахъ городскихъ, провѣрить ихъ. Разговоръ начался по-нѣмецки, онъ, вѣроятно, думалъ, что я уснула, а мои спутницы не поймутъ. Тогда разговоръ его меня еще болѣе заинтересовалъ, и я долго не открывала глазъ. Изъ этого разговора я узнала, что московской прокуратурѣ я обязана арестомъ.

Вскорѣ свистокъ возвѣстилъ о нашемъ приближеніи къ станціи, я открыла глаза: это была станція Чудово, мы вышли и должны были направиться по пути къ городу Тихвину.

Слава и благодареніе заступницѣ нашей Пресвятой Богородицѣ; она привела меня въ ея святую обитель; не могла я стоять равнодушно передъ Пречистымъ Ея Образомъ, слезы невольно катились изъ глазъ; вотъ уже 3 мѣсяца, какъ меня отъ св. храма оторвали. Пріѣхали мы прямо къ вечернѣ; что перечувствовала душа моя, это знаетъ Царица Неба и земли, ей всѣ сокровенныя наши думы открыты, она видитъ все, и слезы мои и молитвы за того, кто меня сюда отпустилъ. Молилась я горячо за раба Божія Анатолія, за раба Божія Алексія, за несчастнаго Махалина,—этого узника, терпящаго муку заключенія.

13-го іюля. Москва Владычинская Покровская община. Слава Богу, я опять въ общинѣ; благодаря прокурору А. О. Кони, я возвратилась изъ Петербурга болѣе спокойно, чѣмъ ѣхала туда. Я не видала ни полиціи, меня провожающей, ни оскорбленій на пути. Чинovníкъ полиціи Тутоминъ ѣхалъ въ другомъ вагонѣ, ему дана была инструкція и письмо къ исправляющему должность прокурора Рынкевичу. Вѣроятно, попеченію А. О. Кони я обязана, что меня повезли не прямо въ Сущевскую часть. Изъ Петербурга отпущена я безъ почета, а въ Москвѣ, по милости вѣроятно оберъ-полицеймейстера Арапова, я встрѣчена двумя частными приставами, двумя квартальными, всѣ въ формѣ, всѣ отдавали мнѣ честь, городовые также... Была ночь, я пріѣхала съ послѣднимъ поѣздомъ для того, чтобы всѣ въ это время спали, и я могла бы сама до утра уснуть и отдохнуть отъ всѣхъ душевныхъ волненій, чтобы приготовить себя къ новымъ волненіямъ при встрѣчѣ съ дѣтьми и сестрами.

Свиданіе было трогательно, я не могла удержаться отъ слезъ, когда

эти крошки бросались меня цѣловать и, можно сказать, душили своими поцѣлуями, обвивая мою шею своими рученками. Стражи здѣсь нѣтъ, а у воротъ стоитъ городской, другой прогуливается по полотну желѣзной дороги. Странно, что его туда какъ вывѣску поставили. Неужели жъ думаютъ, я и подъ рельсы кинусь или начальникъ Рязанской желѣзной дороги приготовить мнѣ вагонъ и будетъ способствовать моему побѣгу. Страхъ этотъ только простителенъ старушкѣ Москвѣ.

Не буду говорить о томъ, какъ разбиралось мое дѣло, объ этомъ слишкомъ много было въ то время писано вездѣ, и безъ меня известно со всѣми подробностями. Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и судъ постановилъ: лишивъ всѣхъ лично и по состоянію мнѣ присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать въ Енисейскую губернію съ запрещеніемъ выѣзда въ теченіе 3 лѣтъ изъ мѣста ссылки, и въ теченіе одиннадцати лѣтъ въ другія губерніи. Во время совѣщанія присяжныхъ засѣдателей мнѣ было объявлено постановленіе суда о томъ, что такъ какъ у судебного слѣдователя 5-го участка производится новое слѣдствіе по дѣлу о фальшивыхъ векселяхъ на 20.000 руб., то и арестъ мой будетъ продолженъ.

Судьи нашли нужнымъ перевести меня изъ Москвы снова въ Петербургъ, гдѣ я и пробыла вплоть до отъѣзда въ Ставрополь. Изъ всѣхъ моихъ родныхъ одна только родная сестра моя Софья Григорьевна, генеральша Аладына, хлопотала о моей участи, а чѣмъ ея хлопоты кончились, скажу въ свое время; другая же сестра моя, княжна Дадіанъ, къ моему величайшему огорченію, была уже въ могилѣ.

Искренно говорю, у меня на сердцѣ, легко и душа совершенно спокойна, по крайней мѣрѣ все кончено, и я надѣюсь, что скоро буду совершенно свободна. Во мнѣ въ эти минуты водворились то желанное спокойствіе, которое чувствовалось въ то время, когда вынесли присяжные свой вердиктъ. Мнѣ дорого только вырваться изъ Москвы: меня не страшитъ теперь и Сибирь: тамъ хорошо; читаю теперь описаніе оной и дивлюсь, какъ Россія мало знакома съ этимъ чуднымъ краемъ. Въ Сибири нравы еще не испорчены, и край богатый всѣмъ, а главное богатъ тѣмъ, что тамъ царствуетъ еще простота. Господь внушитъ государю отпустить меня въ старый Іерусалимъ. Туда стремится моя душа, и я вѣрую и надѣюсь дожить до этого путешествія и тамъ найти среди невѣрныхъ болѣе справедливости, чѣмъ среди православныхъ. Послала прошеніе въ Московскую палату объ освобожденіи меня за поруки, съ приложеніемъ постановленія слѣдователя, обязавшаго меня подпискою о невыѣздѣ изъ Петербурга безъ его разрѣшенія. Не знаю, какъ благодарить этого слѣдователя, также и здѣшнюю петербургскую прокуратуру относительно ихъ ко мнѣ справедливости и безпристрастія.

Слава Богу, дѣло мое дѣйствительно кончается и имѣю надежду скоро сбросить оковы, связывающія меня здѣсь. Завтра меня въ 1-мъ часу вызываютъ въ консисторію для выслушанія указа Свят. Синода, рѣшающаго мою судьбу. Св. священно-мученикъ Анфиногенъ молитвами своими поможетъ мнѣ, надѣюсь, выдержать спокойно и эту пытку, думаю послѣднюю, а можетъ еще и нѣтъ.—Мнѣ велѣно съ собою привезти въ консисторію документы, которые имѣю на мое званіе, на мои должности и на полученіе знаковъ отличія.—Ни тѣхъ, ни другихъ нѣтъ у меня и быть не могло, слѣдовало ихъ требовать изъ Московской духовной консисторіи, они вѣрно забыли, что я не въ своей обители жила, а что изъ тюрьмы меня сюда привезли, какіе же у арестанта бываютъ при себѣ документы? Изъ всего этого можно понять только то, что отберутъ отъ меня кресты и при томъ возьмутъ подписку, что я не буду подписываться игуменьей. Я спокойно встрѣтила этотъ вызовъ, даже обрадовалась оному, какъ предвѣщающему конецъ давно желанный, давно ожидаемый.

Сегодня Магдалина (моя послушница) пріѣхала и привезла мнѣ деньги на дорогу отъ митрополита 300 руб. Я узнала также, что по опредѣленію Св. Синода меня завтра лишаютъ чиновъ и крестовъ; но выѣзжать изъ монастыря мнѣ запрещено.

1 6-го іюля 6 часовъ утра. День этотъ для меня есть избавленіе отъ ругъ судейской клиры.

Съ меня взяли въ консисторіи подписку, что я не буду подписываться монахиней и игуменьей Митрофаніей, а въ официальныхъ бумагахъ именоваться должна баронессой Прасковьей Григорьевной Розенъ. Значить, я высокопревосходительная, правъ состоянія не лишена. Кресты и камилавку мнѣ велѣли снять, и я надѣла маленькую шапочку. Кресты, какъ мою собственность, мнѣ возвратили съ обязательствомъ не носить ихъ. Тогда я заявила, что, обрекая себя на жизнь отшельническую, я желаю ими распорядиться какъ бы послѣ своей смерти. Мнѣ предложили высказать свое желаніе съ тѣмъ, что Синодъ сдѣлаетъ официальное распоряженіе и перешлетъ ордена по назначенію. Я очень обрадовалась и просила письменно крестъ, данный ея величествомъ за Псковскую общину, возложить въ память моихъ трудовъ на икону Великомученика Пантелеймона въ Псковскую общинскую церковь въ иконостасъ; наперсный крестъ, данный мнѣ Синодомъ за Владычный монастырь, на икону Введенія въ соборномъ храмѣ, а бронзовый общинскій—въ церковь общины на храмовую икону Воскресенія Христова. Потомъ я просила членовъ Св. Синода помолиться обо мнѣ, помянуть меня въ ихъ молитвахъ, чтобы я въ будущемъ несла съ покорностію мой крестъ, какъ несла его доселѣ; заявила еще разъ о моей невинности и о томъ, что я со-

вершено спокойно принимаю волю царя, сознавая монашество не въ одеждахъ монашескихъ, а въ обѣтахъ.

Хлопоты родной сестры моей Софьи Григорьевны Аладыной увѣнчались успѣхомъ. Мнѣ было объявлено, что я вмѣсто ссылки въ Сибирь могу ѣхать въ Ставрополь Кавказскій безъ права выѣзда оттуда, впредь до особаго на то разрѣшенія. Тутъ же былъ мнѣ врученъ маршрутъ, по которому я должна была ѣхать. Порядокъ моего путешествія до Ставрополя былъ довольно своеобразный, а именно: на Рыбинскъ, Ярославль, Кострому, Нижній, Казань, Симбирскъ, Самару, Саратовъ, Царицынъ, оттуда до Калача по желѣзной дорогѣ, потомъ по Дону до Ростова, затѣмъ по желѣзной же дорогѣ до Невинномысской станціи, гдѣ въ экипажѣ нужно ѣхать до Ставропольскаго монастыря 60 верстъ.

Вчера ко мнѣ пріѣзжалъ вице-губернаторъ объявить, что я могу ѣхать, когда хочу. Я заявила желаніе выѣхать 23-го числа.

V.

Путешествіе до Ставрополя-Кавказскаго.— Жизнь въ немъ.— Переходъ въ Ладинскій монастырь Полтавской губерніи.— Разрѣшеніе Митрофаніи проживать въ разныхъ губерніяхъ Россіи.— Жизнь въ Одессѣ, въ Дально-Давыдовскомъ монастырѣ Нижегородской губерніи и въ Усманскомъ Тамбовской губерніи.— Разрѣшеніе отправиться въ Іерусалимъ къ Гробу Господню.

25-го іюля въ 9 час. нашъ пароходъ присталъ къ пристани въ Рыбинскѣ. День былъ чудный. Вчера изъ Бологова намъ дали отличный вагонъ, и ночью я отдохнула; пріѣхали мы въ Рыбинскъ въ 10-мъ часу утра. Въ дамской комнатѣ я умылась, одѣлась и напилась чаю, а въ часъ мы были уже на пристани пароходнаго общества «Самолетъ». Въ 3 часа мы отправились далѣе. У меня каюта на два человѣка, и мы съ Магдалиной (моя келейная) будемъ покоемъ ночь: я въ каютѣ, а она въ общей залѣ, гдѣ мы тоже однѣ, такъ какъ на наше счастье дамъ нѣтъ на пароходѣ. Берега Волги восхитительны. Я сидѣла довольно долго на палубѣ съ двумя весьма пріятными кавалерами: одинъ симбирскій купецъ, другой ярославскій житель. Признаюсь, я рада этому неожиданному путешествію по водѣ, мнѣ отрадно освѣжиться послѣ столькихъ лѣтъ заключенія. Я всегда любовалась Невой, но что Нева противъ матушки-Волги!....

Ночь теплая, на берегу видѣются огни, разводимые рыбаками; на мачтахъ барокъ, какъ звѣздочки, горятъ фонари; все располагаетъ къ мечтамъ, и мои мысли быстрѣй парохода несутся вдоль по матушкѣ по

Волгѣ, несутся и за Азовское море, перелетаютъ горы Кавказа... Не давить теперь меня тягость прокурорскаго и инаго надзора, и невольно сердце радуется и хвалить Творца. Вчера вечеромъ сильная гроза и молнія вызвали меня на палубу, любоваться дивною картиною. Николо-Бобаевскій монастырь, гдѣ находится могила преосвященнаго Игнатія Брянчанинова, освящался мгновенно и ежеминутно сверкающей молніей.

Въ 3 часа ночи мы пріѣхали въ Кострому. Кострома съ своими древними монастырями и церквами, за нею на берегу убогая татарская деревушка съ своею мечетью и кладбищемъ; на противоположномъ берегу села и помѣщичьи усадьбы, лѣса, поля, горы, пасущіяся стада—все это составляетъ очаровательную картину, и тотъ, кто не былъ на Волгѣ, не имѣетъ понятія о Россіи. Здѣсь сердце Россіи, здѣсь и народъ, по мѣрѣ удаленія отъ столицъ, лучше, добрѣе, много проще и честнѣй.

Слава Богу, теперь ѣду на покой, ѣду въ край далекій, гдѣ надѣюсь имѣть возможность забыть обо всѣхъ, даже газетъ кромѣ «Церковнаго Вѣстника» и «Дневника писателя» ¹⁾ никакихъ получать не хочу, жизнь свою теперь устрою такъ, какъ давно желалось.

Казань 11 ч. утра.—Сильный вѣтеръ наводитъ на меня грусть; въ 10 часовъ сошла въ свою каюту, спросила чаю, и Магдалина и Захарія ночевали въ каютѣ рядомъ, на наше счастье пустой. Спала спокойно, въ 7 часовъ проснулась и, напившись чаю, пошла на верхній балконъ, чтобы полюбоваться Волгой и посмотреть хотя издали на городъ, который отъ пристани за 6 верстъ, но онъ на полторѣ, и его видно отлично съ помощью подзорной трубки. Вчера на балконѣ я встрѣтилась съ ставропольскимъ (кавказскимъ) жителемъ, и всѣ рассказы о монастырѣ благопріятны; всѣ хвалятъ мѣстность и вообще городъ, начальство и монастырь. Что встрѣтитъ меня тамъ,—увидимъ; надѣюсь, что буду жить покойно, ни мало не пожалѣю о прежнемъ.

Въ Казани многіе сѣли на пароходъ, и я принуждена скрыться въ моей каютѣ одна. Съ народомъ, особенно съ барышнями, сидѣть не люблю, потому что онѣ много болтаютъ.

Сызрань.—Съ утра не могу оторвать взоры отъ чудной Волги, которая сегодня восхитительна, волнуется, одна волна покрываетъ другую и одна за другою гонятся, и брызги ихъ долетаютъ даже до моей каюты, такъ что, стоя у окна, я отлично выкупалась и освѣжилась какъ бы подъ дождемъ. Эти два дня пассажировъ очень много; я не хочу лѣзть имъ на глаза, и такъ уже надоѣли, точно на звѣря приморскаго смотреть.

¹⁾ Достоевскаго.

Слава Богу, я совершила благополучно путь по Волгѣ. Сегодня воскресенье, пароходъ нашъ причалилъ въ 7 часовъ утра къ пристани Царицына, пробуду на немъ до 12-ти, а въ 2 часа буду катать по желѣзной дорогѣ до Калача; въ 6 часовъ вечера прїѣдемъ и прямо на пароходъ ночевать, отчалимъ въ 4 часа утра и поплывемъ по Дону, въ Ростовѣ будемъ во вторникъ вечеромъ.

Плыву по, Дону съ моими спутниками, и не смотря на то, что два раза нашъ пароходъ садился на мель, мы совершаемъ путешествіе прїятно и благополучно. Вчера мы стояли на мели очень долго, часа два, не менѣе. Оригинально было видѣть матросовъ, ходящихъ вдоль и поперекъ рѣки, съ шестами и кольями въ рукахъ и размѣряющими глубину. Всѣхъ пассажировъ съ палубы капитанъ попросилъ выйти на берегъ для облегченія парохода. Наконецъ, Богъ помогъ выбраться, и опасность, благодаря находчивости капитана, миновала. Пароходъ поплылъ, и пассажиры были приняты. По случаю мелководья прибудемъ въ Ростовъ вмѣсто вторника въ среду вечеромъ, къ 6-ти часовому поѣзду, идущему въ Ставрополь.

Теперь мы уже на Югѣ; небо лучше, синѣй, солнце горячѣй, а народъ проще и добрѣй. Берега Дона восхитительны, мѣстность, гдѣ расположена станція Цимлянская, очаровательна; виноградники по всему берегу, какъ коверъ разостланъ по горамъ. Тутъ за 5 коп. купили мы фунтъ отличнаго винограду; арбузы и дыни дешевле рѣпы и картофеля.

Въ Ставропольскомъ Іоанно-Маріинскомъ монастырѣ я встрѣтила то, чего и ожидать было нельзя. Не смотря на всѣ рассказы о добродѣтельной игуменіи Серафимѣ, я положительно не рассчитывала на такой истинно сестринскій привѣтъ и покой, я окружена не только вниманіемъ, но даже уваженіемъ, подобающимъ сану игуменни. Милая она старушка, любвеобильная, сердобольная и проходящая, какъ видно, жизнь истинно, а не притворно монашескую. Сестры обители очень ласковы, почтительны, и отъ каждой я и мои келейныя видятъ одну ласку и привѣтъ. Гдѣ кончу жизнь свою? гдѣ и въ какомъ храмѣ будутъ предавать землѣ брѣнные останки мои! Здѣсь дѣйствительно рай, мѣстность великолѣпная, пустыня настоящая, и при этомъ всѣ удобства къ жизни относительно больного тѣла. Матушка-игуменія уступила мнѣ свои новые покои, только-что для нея отстроеныя, и я теперь имѣю утѣшеніе, какъ во Владычнемъ, помѣщаться рядомъ съ святымъ храмомъ: тамъ была дверь, а тутъ окно, которое во время службы открыто; сдѣлана занавѣсъ, и я могу даже утромъ молиться, если бы не была въ силахъ встать, то лежа на моей постели. Если мнѣ понравится и удобно будетъ, то игуменія предлагаетъ мнѣ тутъ жить всегда; но она меня не стѣсняетъ и даетъ право избрать любую келію, или выстроить совершенно новую на счетъ монастыря. Внутри обители версты двѣ есть и

лѣсъ, тутъ же и пруды, однимъ словомъ, хорошо. Въ монастырѣ триста сестеръ, храмъ великолѣпный, пѣніе очень стройное, голоса отличные и вообще порядокъ во всемъ. Казначей—старушка добрая, и на мое счастье была еще у матери моей, когда мы жили въ Москвѣ, знаетъ мою сестру и меня, когда я еще была въ міру.

Прожила я въ Иоанно-Маріинскомъ монастырѣ два года съ 1877 г. по 1879 г. Жизнь моя шла изо-дня въ день, совершенно однообразно, тихо и покойно. Я занималась духовною живописью, устроила при обители школу; между сестрами нашлись такія, которыя съ душою и искреннимъ желаніемъ стали заниматься со мной. Между ними оказались нѣкоторые умѣющія писать иконы, я научила ихъ, какъ золотить и чеканить (т. е. по золоченому дереву выбивать узоры); все это было для меня дѣломъ хорошо знакомымъ, потому что я сама изучила всѣ эти работы у очень хорошихъ мастеровъ.

Благодаря энергіи и упорному труду сестеръ обители, дѣло пошло настолько хорошо, что черезъ годъ были у насъ свои мастерскія, гдѣ исполнялись дѣльные иконостасы. Заказовъ было много, такъ какъ нигдѣ еще въ Кавказскихъ монастыряхъ не было иконостасныхъ мастерскихъ. Такъ проходили мѣсяцы, и жизнь моя текла очень покойно.

Въ октябрѣ 1878 года былъ присланъ указъ Святѣйшаго Синода, въ которомъ говорилось, что духовная сестра моя переводится въ Ладинскій монастырь Полтавской губерніи Придужскаго уѣзда. Какъ ей бѣдной не хотѣлось разставаться съ сестрами обители, но приказаніе Синода нужно было исполнить, и къ Рождеству она должна была уже быть на мѣстѣ и принять монастырь отъ бывшей игуменіи, которая по болѣзни не могла болѣе управлять монастыремъ и просилась на покой. Насталъ день ея отъѣзда. Мы вмѣстѣ съ игуменьею поѣхали къ ней въ монастырь, чтобы проститься; её любили и уважали не только сестры обители, но и окрестные жители. Съѣхалось такое множество, что игуменская келія не могла вмѣстить всѣхъ желающихъ проститься съ уѣзжающей матушкой-игуменьею. Прощаніе съ духовной сестрой такъ меня разстроило, что я не въ состояніи была проводить ее. Вернувшись въ монастырь, я слегла въ постель и пролежала два дня.

Я съ нетерпѣніемъ ждала отъ нея письма. Помню, сижу я въ своей келіи и пишу икону, смотрю: входитъ добрая моя матушка-игуменья съ улыбающимся лицомъ и подаетъ мнѣ письмо; какъ я была рада получить извѣстіе отъ дорогаго мнѣ человѣка. Слава Богу, ей понравился монастырь, только одно не хорошо—мѣстность низменная и болотистая, монастырь очень большой и благоустроенный, есть много разныхъ угодій, полевое хозяйство, все сдѣлано очень солидно и толково, казначей милая и добрая. Оставшись безъ друга, я все время кромѣ церковныхъ службъ занималась съ сестрами обители, составляли рисунки

иконостасовъ, заказы на которые все увеличивались. Теперь уже до 10 сестеръ пишутъ иконы и столько же занимаются позолотой и чеканкой. Монастырь выписалъ знающаго мастера для рѣзной работы; его мастерская помѣщается за оградой монастыря въ особомъ отведенномъ домѣ.

Между тѣмъ я получила письмо отъ духовной сестры, въ которомъ она пишетъ, что хорошо бы было, еслибы я сама могла устроить такъ, чтобы меня перевели къ ней; что чувствуетъ себя не совсѣмъ здоровою, и хотѣлось бы послѣдніе дни жизни провести вмѣстѣ. Я рѣшилась просить о томъ нашу добрую государыню черезъ сестру мою Аладьину, и къ великому счастью для насъ обѣихъ, т. е. для духовной сестры моей и для меня, императрица разрѣшила переѣхать на жительство въ Ладинскій монастырь.

Переѣздъ мой совершился очень быстро, и въ декабрѣ мѣсяцѣ 1879 г. я была у всенощной вмѣстѣ со своей духовной сестрой въ Ладинскомъ монастырѣ. Въ этомъ монастырѣ совершилось то, чего и нужно было ожидать. Переводъ съ Кавказа сильно разстроилъ и безъ того слабое здоровье духовной сестры моей, а сырой и болотистый климатъ свелъ ее въ могилу. Съ ея смертію для меня монастырь Ладинскій потерялъ всякое значеніе; жить въ немъ было пыткой. Все то, что я устроила, и что раньше меня интересовало, теперь стало для меня тяжестью; я уже не ходила въ школу шелководства, гдѣ прежде проводила цѣлыя дни. Теперь моимъ излюбленнымъ мѣстомъ была могила духовной моей сестры. Однажды, когда я сидѣла на ея могилѣ, плакала и какъ бы совѣтовалась съ нею, что я должна теперь дѣлать и гдѣ жить, я совершенно незамѣтно уснула и слышу во снѣ голосъ ея. «Уѣзжай, Митрофанія, отсюда,—такъ нужно. Все устроится къ лучшему, и въ Іерусалимъ поѣдешь». На другой день я получаю письмо отъ сестры Аладьиной, въ которомъ она сообщала радостную вѣсть, что Св. Синодъ разрѣшилъ мнѣ проживать въ разныхъ губерніяхъ Россіи, а вслѣдъ за ея письмомъ я вскорѣ получила и самый указъ Св. Синода. Посоветовавшись съ врачами, я рѣшила уѣхать въ Одессу и прожила тамъ около двухъ лѣтъ, имѣя пребываніе частію на Пантелеймонскомъ подворьѣ, а частію на Архіерейскомъ. Дай Богъ здоровья преосвященному епископу одесскому, который помогалъ мнѣ изъ личныхъ своихъ средствъ.

Въ 1888 году я избрала для постоянного жительства Дально-Давыдовскій монастырь, находящійся въ Нижегородской губ. Горбатовскаго уѣзда, въ 20 верстахъ отъ пароходной пристани Александрово на р. Окѣ.

Пустынная эта обитель окружена лѣсами, принадлежащими графу Шереметеву. Я написала настоятельницѣ обители о желаніи своемъ поселиться въ этомъ монастырѣ и вскорѣ получила письмо, въ которомъ она приглашала къ себѣ и сообщала, что къ моему приѣзду велѣла го-

товить келію. Встрѣтили меня въ монастырѣ очень радушно. Во время жизни моей въ Давыдовскомъ монастырѣ я часто ѣздила въ Нижній, гдѣ живетъ мой племянникъ князь Анатолій Александровичъ Дадіанъ, сынъ родной сестры моей Лидіи. Я очень сошлась съ его семьей, въ особенности съ его сыномъ, а моимъ внукомъ, Сашей, и очень полюбила его.

Пока я жила въ Давыдовской обители, я написала полную исторію этого монастыря. Въ 1893 году обстоятельства сложились такъ, что я должна была переѣхать въ Усманскій монастырь Тамбовской губерніи; здѣсь я тоже составила лѣтопись этого монастыря. Во время моихъ поѣздокъ по Рязанской дорогѣ, я совершенно случайно познакомилась съ игуменіей Балашовскаго монастыря, матерью Маріей; мы съ ней такъ сошлись и полюбили другъ друга, что я, переѣхавши въ Усмань, часто ѣздила и подолгу жила въ Балашовѣ. Въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ туда, я заболѣла и очень долго пробыла въ обители. Во время моей болѣзни мы съ матерью Маріей полюбили другъ друга, какъ сестры: она мнѣ замѣнила мою духовную сестру, настолько ее вниманіе и уходъ за мной были родственны и искренни. Тѣмъ временемъ я все же не оставляла надежду на свое путешествіе въ Іерусалимъ и давно еще просила сестру Аладьину хлопотать о пособіи мнѣ на эту поѣздку. По вступленіи на престолъ нынѣ благополучно царствующаго Императора Николая Александровича, было мнѣ высочайше пожаловано это пособіе и дано разрѣшеніе ѣхать въ Іерусалимъ. Передъ отъѣздомъ мнѣ захотѣлось проститься съ близкими мнѣ, и отправилась изъ Усманскаго монастыря въ Балашовъ, оттуда въ Москву къ сестрѣ Софьѣ Григорьевнѣ Аладьиной, гдѣ пробыла два дня. Заѣхала потомъ въ Нижній, чтобы послѣдній разъ повидаться съ семьей князя Дадіанъ. На возвратномъ пути была въ Павловѣ у семьи покойнаго моего благодѣтеля Якова Ивановича Лабзина, которому я такъ много обязана за его помощь и неоставленіе меня своимъ вниманіемъ. Я писала имъ, что ѣду въ Старый Іерусалимъ и буду у нихъ, чтобы проститься, потому что Богъ знаетъ, вернусь ли я въ Россію.

Итакъ я ѣду въ св. градъ Іерусалимъ, оставляю Россію вѣроятно навсегда. Всѣ мои мученія милостями нынѣ царствующаго Императора кончились, и на пожалованныя имъ мнѣ средства ѣду ко Гробу Господню.

Сообщилъ кн. А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай де-Мелло, «гишпанскія земли» чернецъ.

(Изъ Смутаго времени).

Въ нѣкоторыхъ памятникахъ Смутаго времени встрѣчается имя Николая де-Мелло, католическаго монаха, прожившаго около четырнадцати лѣтъ въ Россіи и бывшаго въ перепискѣ, послѣ майскаго погрома 1606 года, съ сандомірскимъ воеводою Юріемъ Мнишкомъ. Діаментовскій приводитъ въ своемъ дневникѣ три изъ его посланій, но, къ сожалѣнію, только въ извлеченіи. Костомаровъ обратилъ на нихъ вниманіе, довольствуясь, однако жъ, кое-какими выдержками изъ упомянутыхъ извлеченій. Никто еще, сколько мнѣ извѣстно, не позаботился выяснить личность Николая и ближе съ нею познакомиться. А съ критической точки зрѣнія, это вовсе не безразлично. Въ дошедшихъ до насъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ есть, хотя и немногія, но за то цѣнныя данныя. Къ слову сказать, бывало и такъ, что письма Николая де-Мелло приводились сплошь и рядомъ съ текстомъ Діаментовскаго, безъ всякой оговорки и къ немалому ущербу научной точности ¹⁾).

На Западѣ, въ Испаніи и Португаліи, укоренилось такое мнѣніе о Николаѣ, что онъ погибъ въ Астрахани мученическою смертію, исповѣдуя христіанскую вѣру; вслѣдствіе чего уже Кардозо внесъ его имя въ португальскую агіологію. Вообще, для его жизнеописанія, въ періодъ пребыванія въ Россіи, главнымъ источникомъ послужила его собствен-

¹⁾ „Журналь Мин. Нар. Просв.“, октябрь 1901 г., стр. 513.

ная переписка особенно съ Алексѣемъ Менезіемъ, бывшимъ тогда архі-епископомъ въ Гоѣ, и письма кармелита Ивана-Θаддея, того самаго, который представлялся Димитрію въ Москвѣ, а потомъ миссіонерство-валъ въ Испани.

Въ настоящее время мы не имѣемъ въ нашемъ распоряженіи этихъ прямыхъ свидѣтельствъ; мы должны почерпать извѣстія изъ вторыхъ и третьихъ рукъ ¹⁾. Но, и такимъ путемъ, какъ оказывается, можно дойти до нѣкоторыхъ новыхъ результатовъ.

Николай де-Мелло былъ родомъ изъ Португаліи, по всей вѣроятности изъ города Кавилхао. Семейство его принадлежало къ мѣстной знати. Мѣстомъ его дѣятельности были испанскія владѣнія, а такъ какъ Испанія и Португалія были тогда соединены подъ властью единого короля, то, не смотря на свое португальское происхожденіе, онъ слылъ повсюду за испанца. Еще юношей, въ Испаніи, или въ Мексикѣ, около 1578 года, вступилъ онъ въ орденъ отшельниковъ св. Августина, который былъ очень распространенъ во всей Америкѣ.

Пребываніе его въ Мексикѣ продолжалось недолго. Шесть лѣтъ спустя, въ 1584 году, онъ былъ переведенъ на Филиппинскіе острова, гдѣ, изучивъ мѣстныя нарѣчія, съ успѣхомъ занимался проповѣдываніемъ христіанской вѣры. Тамъ онъ пробылъ до самаго конца XVI столѣтія.

За это время, кромѣ сказаннаго, о немъ извѣстно, что онъ снискалъ всеобщее уваженіе, и, занимая отвѣтственные должности, не чуждался писательской работы. Отъ него осталось одно, другое житіе ²⁾. По всему замѣтно, что онъ былъ человѣкъ образованный, преданный своему призванію, одушевленный высоконравственнымъ стремленіемъ.

Немаловажное порученіе, которое выпало на его долю, подтверждаетъ такое о немъ мнѣніе. Когда, согласно обычаю, пришлось посылать представителя къ орденскому начальству въ Европу, то выбранъ былъ Николай де-Мелло, и на него возложили разнаго рода ходатайства при папской курии и при испанскомъ дворѣ.

Николай пустился въ путь около 1599 года, въ сопровожденіи молодого японца, съ которымъ онъ былъ очень друженъ. Вся семья этого спутника переселилась изъ Японіи въ Манилю и обратилась въ христіанство при посредствѣ де-Мелло, и одному изъ сыновей дали имя Николая въ честь и память его духовнаго отца. Новокрещенный юноша вскорѣ вступилъ въ орденъ св. Августина, что еще болѣе скрѣпило

¹⁾ Изъ печатныхъ иноземныхъ источниковъ назову здѣсь: *Pineyro, Relacion del successo que tuvo nostra santa fe en los reynos del Japon*; *Triguault, De Christianis apud japonios triumphis*; *Antonio de Govea, Triunfo glorioso de tres Martyres espanoles*; *Postrema saecula sex Religionis Augustinianae*, t. II.

²⁾ Antonio Bibl. Hispana nova, т. II, стр. 153.

узы, связывавшія его съ своимъ просвѣтителемъ. Трудно было найти лучшаго спутника. Оба, отецъ Николай и братъ Николай, который въ отличіе отъ перваго называется обыкновенно Nicolaus a Sancto Augustino, поѣхали сперва въ Гою. Тамъ они свидѣлись съ мѣстнымъ архіепископомъ, знаменитымъ Алексѣемъ Менезіемъ, принадлежавшимъ также къ ихъ ордену и бывшимъ усерднымъ возвѣстителемъ христіанскаго ученія въ Индіи. Къ ихъ несчастію, готовыхъ къ отплытію кораблей не нашлось, и, чтобъ не терять времени, они рѣшились ѣхать сухимъ путемъ.

Сначала обстоятельства сложились благопріятно, особенно въ Персіи. Шахъ Аббасъ II принялъ ихъ очень милостиво, такъ что у нихъ зародились большія надежды относительно будущаго. Именно въ то время шахъ отправлялъ посольство въ Европу для заключенія союза съ христіанскими государями противъ турокъ. Отецъ Николай пожелалъ примкнуть къ персидскимъ представителямъ, на что шахъ не только согласился, но вручилъ ему письма для папы и для испанскаго короля, удостоивъ его даже особаго своего расположенія. Въ такихъ именно условіяхъ эта поѣздка и стала началомъ всѣхъ послѣдующихъ злоключеній.

Здѣсь источники расходятся. Въ посольствѣ участвовалъ англичанинъ, Антоній Ширлей, который занималъ высокое мѣсто при персидскомъ дворѣ и не желалъ раздѣлять своего представительства съ латинскимъ монахомъ. Онъ вовсе не лестно отзывался о немъ, приписываетъ ему неблаговидные поступки и глухо упоминаетъ о ихъ разладѣ ¹⁾. Совсѣмъ иначе дѣло представляется испанскими писателями. Они обѣляютъ отца Николая и сваливаютъ всю вину на Ширлея, на его зависть и религіозную нетерпимость. Онъ всячески притѣснялъ и огорчалъ своего спутника, покушался даже будто на его жизнь. Какъ бы то ни было, персидское посольство, въ 1600 году, добралось до Москвы.

Здѣсь де-Мелло отказался отъ сожителства съ своими товарищами и поселился въ домѣ Павла Читадинъ. Это былъ докторъ, католикъ, родомъ изъ Милана, уже преклонныхъ лѣтъ. Еще въ 1595 году Генрихъ IV обращался къ царю Ѳеодору съ просьбою отпустить его во Францію, гдѣ онъ имѣлъ друзей и родственниковъ ²⁾; но желаннаго разрѣшенія не послѣдовало. Читадинъ все еще оставался на мѣстѣ, и, пребывая у него, отецъ Николай не только отправлялъ домашнее бого-

¹⁾ The three Brothers, or the travels and adventures of sir Anthony, sir Roberd and sir Thomas Sherley in Persia, Russia, Turkey etc. (London, 1825), p. 98:

²⁾ Richter, Geschichte der Medicin in Russland, т. I, стр. 322, 438.

служеніе, но даже окрестилъ новорожденную дѣвочку по римскому обряду.

Это дошло до свѣдѣнія Бориса Годунова. Предателемъ оказался Антоній Ширлей, а сообщниками его были англійскіе купцы, на проски которыхъ жаловался еще Поссевинъ. За доносомъ открылось слѣдствіе. Въ старой Москвѣ было своего рода третье отдѣленіе, были жандармы. У отца Николая сдѣлали обыскъ, при чемъ нашлись грамоты шаха Аббаса, посланія къ папѣ и къ испанскому королю. Все это показалось крайне подозрительнымъ, и, безъ дальнѣйшихъ разъясненій, ничуть не заботясь о международномъ правѣ, Борисъ Годуновъ сослалъ мнимаго преступника въ Соловецкій монастырь. Память объ его пребываніи тамъ сохранилась въ грамотѣ 1600 года «о присылкѣ въ монастырь подъ началъ Гиспанскія земли чернца Николая съ человѣкомъ его» ¹⁾).

Шесть цѣлыхъ лѣтъ оба Николая провели въ Соловкахъ. Можно себя представить, какъ мучились и томились въ суровомъ сѣверномъ климатѣ непривычныя къ нему иностранцы. Но пока они тамъ бѣдствовали, о нихъ шли переговоры въ Краковѣ. Неизвѣстно, какими путями свѣдѣнія о невзгодахъ отца де-Мелло дошли до Рима, и папская курія заинтересовалась его участью. Въ 1604 году, краковскій нунцій Рангони обратился къ польскому правительству съ просьбою вступить за невиннаго страдальца и выручить его изъ плѣненія. Поляки отнеслись доброжелательно къ дѣлу и дали ему канцелярскій ходъ, что, конечно, не обѣщало быстрого успѣха ²⁾).

Между тѣмъ Климентъ VIII пытался достичь своей цѣли еще другимъ путемъ. Онъ поручилъ кармелитамъ, ѣхавшимъ въ Персію чрезъ Россію, замолвить доброе слово въ пользу изгнанника. Какъ извѣстно кармелиты не могли проникнуть въ Москву при Годуновѣ и явились туда только при названномъ Дмитріи. Съ новымъ царемъ дѣло уладилось немедленно. Николай де-Мелло былъ вызванъ обратно въ Москву, ему ставилась на видъ поѣздка въ Испанію съ важными предложеніями для короля и обѣщалось милостивое содѣйствіе.

Но злой рокъ преслѣдовалъ несчастнаго монаха. Пока онъ опѣшилъ въ столицу, въ Кремлѣ совершился кровавый переворотъ 27-го мая 1606 года. По своему пріѣздѣ онъ нашелъ на престолѣ ужъ не предпримчиваго Дмитрія, а Василя Шуйскаго, который вовсе не задавался мечтою объ испанскомъ посольствѣ. Пришлось вступить съ нимъ въ переговоры и объясниться на счетъ прошлаго. Посредниками и переводчиками явились опять-таки неизбѣжные англичане. Ихъ ковар-

¹⁾ Казань, Духовная академія, „Соловецкій Сборникъ“, № 18, грамота № 98, л. 7. Самой грамоты въ Сборникѣ нѣтъ. Сообщение С. О. Платонова.

²⁾ Ватиканскій архивъ, отдѣлъ Боргезе, III, 90, b., л. 263 v., 279.

ству Николай приписываетъ печальный исходъ своего дѣла: его опять удалили изъ Москвы и, вмѣстѣ съ товарищемъ, сослали въ Борисоглѣбскій монастырь, основанный еще въ 1363 году близъ Ростова, при рѣкѣ Устьѣ.

Пребываніе въ монастырѣ было не что иное, какъ тюремное заключеніе, да къ тому же очень тяжкое, особенно для брата Николая. Его назойливо преслѣдовали и старались переманить въ православіе. Такимъ притѣсненіямъ отецъ Николай почему-то не подвергался, въ чемъ онъ самъ сознается. Оба страдали отъ всякаго рода лишеній, нерѣдко голодали и содержались вообще довольно строго. Однако жъ, съ теченіемъ времени наступило, кажется, нѣкоторое послабленіе. Сохранилось извѣстіе, что латинскій чернецъ былъ друженъ съ затворникомъ того же монастыря Иринархомъ ¹⁾. Этотъ бывший земледѣлецъ Ростовской области, деревни Кондакова, причисленный впослѣдствіи къ лику мѣстно чтимыхъ святыхъ восточной церкви, былъ тогда въ большомъ почетѣ, сносился съ Василиемъ Шуйскимъ, принималъ однажды у себя Димитрія Пожарскаго, благословилъ его крестомъ и получилъ отъ него льготу для своего монастыря. Такая обстановка отчасти объясняетъ обиліе извѣстій, которое поражаетъ въ дошедшей до насъ отрывочной перепискѣ отца Николая съ Юріемъ Мнишкомъ. Очевидно, онъ передаетъ ходячіе монастырскіе слухи, хотя однажды ему удалось самому сойтись съ постороннею личностью. Во всякомъ случаѣ, письма эти заслуживаютъ полнаго вниманія и даютъ кое-какія разъясненія.

Поводомъ къ перепискѣ послужило, вѣроятно, сосѣдство польскихъ пановъ, сосланныхъ 14-го августа 1606 года въ Ростовъ. Отъ нихъ можно было узнать окольными путями о пребываніи Мнишка въ Ярославлѣ, объ его надеждѣ возвратиться въ Польшу. Заманчиво было вступить въ сношенія съ нимъ, обмѣняться мыслями. Какъ де-Мелло взялся за это дѣло, догадаться трудно. Несомнѣнно, однако жъ, что вопреки строгому надзору и строжайшимъ запрещеніямъ, три изъ его посланій дошли благополучно до Мнишка. Да, кромѣ того, онъ какъ-то ухитрился сблизиться съ Андреемъ Стадницкимъ, однимъ изъ ростовскихъ плѣнниковъ.

Первое посланіе отца Николая пришло въ Ярославль 12-го іюля 1607 года ²⁾. Оно было написано на французскомъ языкѣ. Въ немъ за-бытый узникъ рассказывалъ всю свою жизнь: пребываніе въ Америкѣ и московскія превратности, и свидѣтельствовалъ о своей непоколебимой преданности римской церкви. Ближайшая цѣль его посланія была просьба о ходатайствѣ въ Римѣ и Мадридѣ. Предвидя или только соображая,

¹⁾ Сообщение А. А. Титова по мѣстнымъ источникамъ.

²⁾ Діаментовскій (Hirschberg, Polska a Moskwa), стр. 103.

что польскому сенатору будетъ легче вырваться изъ русскаго плѣненія, онъ умолялъ пана Мнишка, въ случаѣ освобожденія, вступить за него и напомнить папѣ и испанскому королю о своемъ долгодѣтельномъ заключеніи и печальной судьбѣ. Въ томъ же пакетѣ находилось письмо Андрея Стадницкаго съ извѣстіями о польскомъ мятежѣ.

Совсѣмъ другаго рода и съ исторической точки зрѣнія гораздо важнѣе второе посланіе отца, полученное въ Ярославлѣ 25-го октября того же 1607 года ¹⁾. Здѣсь онъ мало что сообщаетъ о себѣ и, упомянувъ вскользь объ Андрѣй Стадницкомъ, распространяется о текущихъ событіяхъ. По свидѣтельству Діамантовскаго, борисоглѣбскіе чернцы были гораздо лучше освѣдомлены, чѣмъ ярославскіе узники, а де-Мелло самъ признается, что, не смотря на препятствія, онъ узнавалъ все, что происходило въ Москвѣ. И вотъ какъ онъ описываетъ состояніе умовъ въ маѣ мѣсяцѣ 1607 года:

Вслѣдствіе постоянныхъ успѣховъ Ивана Болотникова и пораженія царскихъ войскъ, знатнѣйшіе изъ бояръ—ихъ насчитывается десятеро—обратились къ Василию Шуйскому и убѣждали его постричься въ монахи, предоставивъ престолъ тому, кто имѣетъ на него право. А сдѣлать такое предложеніе, говорили бояре, они рѣшились потому, что другаго исхода не было. Повсюду кровопролитіе и неукротимое возстаніе на царя: кто явно ведетъ войну противъ него, кто тайно подготавливаетъ измѣну, кто перебѣгаетъ на сторону непріятеля; да и самые царскіе сторонники только ради страха пребываютъ въ вѣрности, чтобъ дѣтей не погубить и самимъ не пропасть. Понятно, что такіа рѣчи раздражили Шуйскаго. Онъ бросилъ въ темницу слишкомъ смѣлыхъ бояръ и отобралъ ихъ имущество въ свою казну,

Загадочное сообщеніе. Конечно, всѣ подробности не выдерживаютъ провѣрки; но не странно ли, что событія 1610 года излагаются съ удивительною точностью ровно три года раньше? И не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что враждебное настроеніе противъ Шуйскаго созрѣвало долго въ боярскомъ кругу, что его насильственное постриженіе и заточеніе въ Чудовъ монастырь было намѣчено давно и имѣлось въ виду съ самаго начала его правленія?

Далѣе отецъ Николай рассказываетъ, что, разославъ повсюду патриаршія грамоты съ угрозами и анаемами, Шуйскій собралъ значительное войско и, выступивъ съ нимъ 14-го мая изъ Москвы, торжественно клялся въ Серпуховѣ, что вернется только побѣдителемъ. Между тѣмъ Болотниковъ, вырученный изъ Калуги княземъ Телятевскимъ, перешелъ въ Тулу, соединился тамъ съ самозваннымъ царевичемъ Петромъ Фёдоровичемъ и счастливо отбивалъ приступы царскихъ сторой-

¹⁾ Тамъ же, стр. 112.

никовъ. На этихъ военныхъ успѣхахъ обрывается разсказъ. Скорого паденія Тулы де-Мелло не предвидѣлъ и, быть можетъ, мечталъ о совсѣмъ другой развязкѣ.

Дѣло въ томъ, что въ теченіе октября мѣсяца онъ имѣлъ ночное, таинственное свиданіе съ какимъ-то московскимъ бояриномъ, «большимъ пріятелемъ воеводы князя Ѳедора»,—какого именно Ѳедора, къ сожалѣнію, умалчивается. Этотъ бояринъ подѣлился съ нимъ такими новостями: «вотъ осьмнадцатый день, говорилъ скрытый вѣроятно сторонникъ самозванца, что я покинулъ Путивль. Тамъ живетъ царь Дмитрій, окруженный войскомъ тысячъ въ девять. Онъ писалъ Шуйскому, что могъ бы добыть престолъ оружіемъ, но, будучи наслѣдственнымъ государемъ, чуждается насилія и потому совѣтуетъ не вызывать его на борьбу, а сдаться на его милосердіе. Съ этимъ письмомъ посланецъ Дмитрія отправился сперва въ Тулу, а потомъ въ Москву, гдѣ, 4-го октября, въ присутствіи бояръ и войска, справилъ свое посольство и, получивъ отвѣтъ, возвратился въ Путивль. За тѣмъ послѣдовали переговоры и стали воздерживаться отъ взаимныхъ нападеній».

Если отецъ Николай соблазнился этими новостями, то ему вскорѣ пришлось разочароваться. Въ посланіи, доставленномъ въ Ярославль 7-го февраля 1860 года ¹⁾, онъ передаетъ, что Тула взята, Петрушка повѣшенъ, Болотниковъ въ оковахъ; удивляется, что при всеобщемъ разстройствѣ Шуйскому хватало духу на женитьбу; жалуется на свою горькую участь,—подъ часъ два, три дня проводить безъ пищи,—наконецъ возобновляетъ просьбу о доброй памяти въ случаѣ избавленія.

Всматриваясь ближе въ эту переписку, можно сказать, что де-Мелло добросовѣстно отмѣчалъ всё, что слышалъ, и безъ дальнѣйшаго разсчета слышанное передавалъ Юрію Мишкѣ. Въ этой безусловной откровенности и состоитъ главное достоинство его посланій. По всей вѣроятности, онъ самъ ничего не сочинялъ, а приводимые имъ слухи были дѣйствительно въ ходу. Въ монастырской кельѣ врядъ-ли удалось бы иностранцу выдумывать отчасти совершенно вѣрныя свѣдѣнія. Сравненіе съ другими источниками свидѣтельствуетъ также въ пользу отца Николая. Во второмъ его посланіи есть само по себѣ не важное извѣстіе, которое указываетъ на точность въ подробностяхъ. Говорится тамъ, что при выступленіи изъ Москвы Василій Шуйскій посадилъ въ тюрьму двухъ докторовъ, Давида и Кристофа. И дѣйствительно, въ русской столицѣ находились тогда доктора Давидъ Вазмеръ изъ Любека и венгерецъ

¹⁾ Тамъ же, стр. 123. Afferetur въ приведенномъ здѣсь евангелическомъ текстѣ—бесмыслица. Слѣдуетъ читать auferetur.

докторъ Кристофъ Ристленгеръ ¹⁾). Ихъ имена вѣрно воспроизводились въ Борисоглѣбской обители.

Переписка съ сендомірскимъ воеводою имѣла для монастырскаго узника важныя, но лишь отдаленныя послѣдствія. Участь его покуда не измѣнилась. Ему послали, по крайней мѣрѣ однажды, отвѣтъ и денежную помощь. Мнишекъ писалъ о немъ Сигизмунду III въ прочувствованныхъ выраженіяхъ и докладывалъ, что онъ имѣетъ тайныя порученія, которыя не дай Богъ, чтобы погибли вмѣстѣ съ нимъ въ Россіи ²⁾). Повторялъ ли онъ изустно въ Варшавѣ то, что писалъ изъ Ярославля, и какъ на это откликнулся польскій король, остается неизвѣстнымъ. Во всякомъ случаѣ, выручка пришла не съ этой стороны.

Въ 1611 году, 30-го ноября, случилось происшествіе, которое сильно потрясло и опечалило отца де-Мелло. Выше уже было упомянуто, что брату Николаю навязывали переходъ въ православіе. Впослѣдствіи стали докучать и самому отцу Николаю. Иноземные писатели утверждаютъ даже, что ему обѣщали архіерейство въ случаѣ согласія. Отъ словъ перешли къ дѣйствіямъ: начались притѣсненія, преслѣдованія и даже всякаго рода мученія. Съ особою жестокостію обрушились на брата Николая. Его разлучили отъ отца Николая, увѣрили, что послѣдній уже принялъ православіе, подвергли истязаніямъ и, наконецъ, грозили лютою смертію. Молодой японецъ оставался непоколебимымъ въ страданіяхъ, имѣлъ случай свидѣться съ отцомъ Николаемъ, убѣдился, что онъ не измѣнилъ своей вѣры, и вкорѣ передъ глазами своего спутника былъ безпощадно казненъ. Та же участь ожидала де-Мелло, но ради поляковъ и по ихъ просьбѣ его избавили отъ смерти.

Таковъ рассказъ иноземныхъ писателей. Надо признаться, что онъ теменъ, сбивчивъ и не поддается удовлетворительной критикѣ.

Другой фактъ представляется въ условіяхъ большей достовѣрности. По смерти дорогаго товарища, де-Мелло еще нѣкоторое время томился въ заключеніи. Только около 1612 года наступила для него давно желанная минута избавленія. Виновницею является бывшая царица Марина. Что вызвало ея заступничество, остается для насъ тайною. Можетъ быть, самъ де-Мелло обратился къ ней съ просьбою; можетъ быть, Марина съ какой-либо другой стороны узнала о немъ и вспомнила объ его перепискѣ съ сендомірскимъ воеводою.

Какъ бы то ни было, но мужъ Марины, такъ говорятъ иноземные писатели, атаманъ Иванъ Мартыновичъ Зарудскій, взялся за дѣло и достигъ намѣченной цѣли. Отца Николая освободили, онъ пріѣхалъ къ Маринѣ и вмѣстѣ съ ней перебрался въ Астрахань.

¹⁾ Richter, т. I, стр. 372, 374.

²⁾ Львовъ, Библ. Оссолинскихъ, 2431.

Новая обстановка ему, кажется, понравилась. Посреди казакаго войска образовался маленькій католическій очагъ. Ихъ было тамъ трое монаховъ: кромѣ отца Николая, при Маринѣ постоянно находился ея исповѣдникъ, бернардинъ Антоній изъ Люблина, да еще случайно присоединился къ нимъ кармелитъ Иванъ-Ѳаддей, котораго шахъ Аббасъ посылалъ къ Сигизмунду III въ Польшу, но который былъ задержанъ въ Астрахани ¹⁾. Марина не мало обрадовалась присутствію такихъ гостей; они были для нея желанными утѣшителями. Она завела у себя домовую церковь, посвященную Богородицѣ, гдѣ, въ день св. Августина 1613 года, отецъ Николай впервые отслужилъ литургію. То же радушіе, какъ и Марина, оказывала ея родственница Варвара Казановская. Она ѣздила въ Москву на свадьбу съ Димитріемъ и, бывъ тогда въ главѣ блестящаго женскаго штата Марины, не покидала ея въ несчастія и невзгодахъ. Особенно она сблизилась съ отцомъ Николаемъ и даже примкнула къ его ордену.

Это относительно счастливое время продолжалось не долго. Извѣстно, въ какомъ безвыходномъ положеніи очутилась вскорѣ Марина. Она поняла, что Россія передъ нею закрывается навсегда, и стала думать о перемѣщеніи въ Персію. На эту мысль ее навели, пожалуй, побывавшіе при испаганскомъ дворѣ монахи. Прежде всего, она рѣшила отправить посланца къ шаху Аббасу, чтобы сговориться съ нимъ. Выборъ ея колебался между отцомъ Николаемъ и Иваномъ-Ѳаддеемъ, и остановился наконецъ на послѣднемъ, который вскорѣ и уѣхалъ въ Персію.

Между тѣмъ въ Астрахани обстоятельства обострились, сложились такъ грозно, что Марина принуждена была покинуть городъ и спасаться бѣгствомъ. Она направилась на Яикъ. Только немногіе согласились ее сопровождать. Какъ извѣстно, бѣглецы были настигнуты на Медвѣжьемъ островѣ. Окруженные царскими войсками, казаки защищались недолго и выдали Заруцкаго, Марину и отца де-Мелло. Это извѣстіе, заимствованное отчасти у иностранныхъ писателей, подтверждается отпискою 11-го іюля 1614 года астраханскихъ воеводъ князя Одоевскаго и Головина къ казанскимъ воеводамъ князю Воротынскому и Ушатову, гдѣ упоминается, какъ спутникъ Марины, плѣненный вмѣстѣ съ ней, «чернецъ Николай» ²⁾.

Что случилось дальше и какая участь постигла де-Мелло, трудно установить съ должною точностью. Иноземная версія сводится къ тому, что Марина была умерщвлена, отцу же Николаю и Варварѣ Казановской предлагали сперва перейти въ православіе; потомъ, въ виду ихъ рѣшительнаго отказа, ихъ стали немилосердно мучить и, наконецъ, жи-

¹⁾ Kruśinski, De legationibus Polono-Persiis dissertatio (въ сочиненіи Prodrōmus), стр. 247.

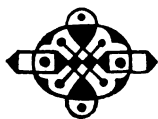
²⁾ Акты историческіе, т. III, стр. 33, № 33.

выхъ сожгли на кострѣ. Источникомъ для этой версіи послужило, вѣроятно, письмо кармелита Ивана-Өаддея, бывшаго тогда въ Испани и слѣдившаго за астраханскими событіями.

Вообще, необходимо замѣтить, что иноземные писатели придаютъ своему изложенію исключительно религіозную окраску. О свирѣпствовавшей тогда національной борьбѣ и ея проявленіяхъ они вмѣютъ лишь очень поверхностное понятіе. Скудость русскихъ извѣстій объ отцѣ Николаѣ не допускаетъ желаемой и безусловно нужной провѣрки. Не знаю, на какомъ основаніи г. Лѣствицынъ утверждаетъ, что де-Мелло «по ходатайству сына индійскаго раджи, пріѣхавшаго съ нимъ въ Россію и остававшагося въ Москвѣ, былъ освобожденъ потомъ Шуйскимъ изъ заточенія и возвращенъ въ Москву, но тамъ скорѣ умеръ и погребенъ, а бывший его спутникъ выѣхалъ въ Польшу» ¹⁾.

Самъ де-Мелло оставилъ послѣ себя двѣ записки: одну—о своей личной миссіонерской дѣятельности; другую—о казни спутника своего брата Николая. Но были ли онѣ когда-либо напечатаны, этого библиографы положительно не высказываютъ ²⁾. Пожалуй, онѣ до сихъ поръ хранятся въ рукописи, и не легко будетъ ихъ найти. Подлежащія разысканія дѣлаются однако въ Римѣ и Мадридѣ. Если, кромѣ того откроется переписка отца Николая съ Алексѣемъ Менезіемъ, своими собратьями и кармелитами, то весь этотъ эпизодъ Смутаго времени явится передъ нами въ новомъ и для исторіи поучительномъ освѣщеніи.

П. Пирлингъ.

¹⁾ Слѣдѣ въ Борисо-Глѣбскомъ монастырѣ, стр. 10.

²⁾ D. B. Machado, Bibliotheca Lusitana, т. III, стр. 495; Ossinger, Bibliotheca Augustiniana, стр. 579.

Новый документъ о Самозванцѣ.

оявление Лжедмитрія въ Польшѣ и его рассказы о себѣ, какъ извѣстно, не всюду находили легковѣрныхъ слушателей. Особенно скептическое отношеніе нашли они себѣ при дворѣ, въ правящихъ классахъ. «Какъ только этотъ Димитрій явился при дворѣ вашего величества, докладывалъ познанскій кастелянъ Янъ Остророгъ, вы разослали къ сенаторамъ письма, въ которыхъ спрашивали ихъ совѣта, какъ вамъ поступить въ настоящемъ случаѣ». (Рус. Ист. Биб., т. 1, стр. 5).

На сеймахъ неоднократно выражалось предостереженіе—не увлекаться показаніями Димитрія и не нарушать, ради этого неизвѣстнаго чловѣка, мира съ Московскимъ государствомъ. Интересно, въ этомъ отношеніи мнѣніе престарѣлаго Замойскаго, высказанное имъ на варшавскомъ сеймѣ 20-го января 1605 года. «Что касается до этого Димитрія, то я совѣтовалъ вашему величеству не только не нарушать самымъ дѣломъ условій мира съ Москвою, но даже остерегаться давать поводъ подозрѣвать насъ въ этомъ.... Что касается личности самого Димитрія, который выдаетъ себя за сына извѣстнаго (намъ) Ивана, то объ этомъ я скажу слѣдующее: правда, что у Ивана было два сына, но тотъ—оставшійся, за котораго онъ выдаетъ себя, какъ было слышно, былъ убитъ. Онъ говоритъ, что вмѣсто него задушили кого-то другаго: помилуй Богъ! Это комедія Плавта или Теренція, что ли?» (Ibid.).

Таково было мнѣніе одного изъ лучшихъ государственныхъ людей Польши. Недовѣріе къ личности Димитрія очевидно росло пропорціонально тому теченію, которое, наоборотъ, видѣло въ немъ московскаго царевича. Двѣ противоположныя тенденціи, несомнѣнно, должны были встрѣчаться и этимъ самымъ дѣлали болѣе настоящимъ вопросъ объ установленіи личности загадочнаго чловѣка.

Въ томъ же 1605 году посланъ Бѣльскаго воеводства была послана инструкція, въ которой говорилось, между прочимъ: «На государика, какъ его зовутъ, Димитрія, который родомъ и по воспитанію—русскій, мы не находимъ возможнымъ полагаться, да если бы и можно было довѣрять ему, то непонятно намъ, по какимъ побужденіямъ и какимъ образомъ осмѣлились собственною властію, безъ сеймоваго одобренія, поддерживать его. Ничего подобнаго не бывало прежде; дурной это примѣръ, и Богъ знаетъ, что изъ этого выйдетъ» (Ibid.).

Очевидно, благодаря этой инструкціи, вопросъ о личности Димитрія сталъ часто подниматься на сеймахъ. Изъ нижеслѣдующаго будетъ видно, что о достовѣрности показаній Димитрія о своемъ царскомъ происхожденіи король всячески старался разузнать «при содѣйствіи другихъ», т. е. не вѣрилъ показаніямъ самого Димитрія. Таковъ смыслъ отрывка изъ сеймовыхъ предложеній короля:

«О Димитріи (канцлеръ) говорилъ, что Димитрій не малое время находился при дворѣ его величества, и еслибы, вслѣдствіе дурныхъ совѣтовъ, онъ не успѣшилъ оставить дворъ, то король, зная, что у царя Ивана Васильевича было три сына, изъ которыхъ старшаго отецъ самъ погубилъ, второй вступилъ на престолъ послѣ смерти отца, а третій—Димитрій въ юности былъ умерщвленъ, о чемъ тогда же было много разказовъ, навѣрное разузналъ бы при содѣйствіи другихъ, онъ ли царевичъ Димитрій, или нѣтъ; но такъ какъ Димитрій, собравъ около себя людей, ушелъ въ предѣлы Московскаго государства, то король не имѣетъ о немъ никакихъ другихъ извѣстій» (Кромѣ того, что ему сдалось нѣсколько крѣпостей). (Ibid.).

Таковъ матеріалъ, который даетъ по данному вопросу Русская Историческая Библіотека. Въ дѣлахъ Литовской метрики, хранящейся въ Московскомъ архивѣ министерства юстиціи, нашелся случайно одинъ документъ, касающійся разбираемаго вопроса. Въ отдѣлѣ подъ названіемъ «Новыя дѣла», заключающемъ въ себѣ бумаги главнымъ образомъ, второй половины XVIII вѣка (въ книгѣ подъ № 14, на л. 59) находится этотъ документъ, безъ даты, безъ всякой другой какой-либо помѣтки, но по бумагѣ и почеркомъ—начала XVII столѣтія.

Содержаніе его отъ слова до слова слѣдующее (съ соблюденіемъ ореографіи подлинника):

Terminata Interrogatoriorum
Kniazika Moskiewskiego.

Ociec tego Dimitra ktorego czasu dal mu opiekuny, wiele ich wldzbie y iako ich zwano.

Item ktorego roku niebosczik kniaś Fiedor w Czerncze wstąpił.

Item Monaster swientego Cyrila gdzie lezi.

Item ktorego roku y na którym mieysou kniaś dzisieyszy opiekuny

te s swiata zgladził. Iesli wszystkich pospolu razem, czili zosobna, et quo genere mortis.

Item Opiekunow nowych ktorych dał, wiele ich bylo, y iako ich zwano, y kiedy się to dzialo, imię Praeceptora Dimitrowego ktore bylo, y gdzie go przestrzegal, y gdzie mieszkal.

Item kiedy y na którym mieyscu zabite dziecię powinne iego ktore mialo bydz podrzuczone wlozu, takze y trzidziesci innych dzieatek.

Item rychlo się ten mord po wszystkiey Moskwie ogłosił.

Item Matka iego Maria iesli ieszcze zywa y gdzie mieszka.

Item iako imię temu Boiarzinowi ktory za zaleceniem Praeceptora tego Dimitra doma ukrył, ktorego roku, dnia, y na którym mieyscu, y dlugoli przy nim byl.

Item na którym Monasterze w Czernocze byl obleczon, ktorego czasu, y dlugo tam mieszkal, y po których inszych Monasterach waleśal się, wiele lat y dawno y iako do Polski się udal. Kiedy do Pana Woiewody Kijowskiego, do Pana Hoyskiego, a nakoniecz do Kniazia Wiśniowieckiego się obrócił. O inne rzeczy ktore są w narratıey na początku tey Historıey nietylko samego Kniazika pytać trzeba ale też uerificować trzeba dosiągszy o tym wiadomośće od Poslow K. I. M. ktorzi pośledzey w Moskwie byli.

Русскій переводъ.

Вопросные пункты

относительно московскаго князька.

Въ какое время отецъ того Димитрія далъ ему опекуновъ, сколько ихъ числомъ и какъ ихъ звали.

Далѣ—въ которомъ году покойный князь Феодоръ принималъ монашескій чинъ.

Далѣ—гдѣ находится Кирилловскій монастырь.

Далѣ—въ которомъ году и въ какомъ мѣстѣ теперешній князь умертвилъ тѣхъ опекуновъ. Всѣхъ ли вмѣстѣ разомъ, или поодиночкѣ, и какимъ родомъ смерти.

Далѣ—сколько было новыхъ, данныхъ имъ, опекуновъ, какъ ихъ звали, когда это случилось, каково было имя дядьки Димитрія, гдѣ онъ пѣствовалъ его и гдѣ жилъ.

Далѣ—когда и на какомъ мѣстѣ убито похожее на него дитя, которое должно было его замѣнить, и тридцать другихъ дѣтей.

Далѣ—быстро ли то убійство разгласилось по всей Москвѣ.

Далѣ—жива ли еще и гдѣ живетъ мать его Марія.

Далѣ—какъ имя тому боярину, который, по порученію дядьки, укрывъ у себя того Димитрія, котораго года, дня, въ какомъ мѣстѣ и долго ли онъ былъ при немъ.

Далѣ—въ какомъ монастырѣ онъ принималъ монашескій чинъ, въ ка-

кое время и долго ли жилъ тамъ, и по какимъ инымъ монастырямъ скитался, сколько лѣтъ, давно ли и какъ отправился въ Польшу. Когда обратился къ пану воеводѣ кievскому, къ пану Гойскому, наконецъ—къ князю Вишневецкому.

Объ иныхъ предметахъ, рассказываемыхъ въ началѣ этой исторіи, слѣдуетъ допытать не только самого князька, но и свѣрить, доставивъ о томъ свѣдѣнія отъ пословъ его королевскаго величества, которые впоследствии были въ Москвѣ.

Таково содержаніе этого документа. Эти пункты, разосланные, очевидно, правительствомъ для отобранія свѣдѣній у знающихъ людей о личности Димитрія, дополняютъ приведенныя выше выписки изъ собранныхъ ранѣе матеріаловъ и, во всякомъ случаѣ, интересны, какъ планъ той исторіи, которую рассказывалъ о себѣ Димитрій въ Польшѣ, наконецъ—вообще, какъ новый документъ, не лишній въ такомъ запутанномъ и темномъ историческомъ вопросѣ.

С. Шамбинаго.

Воспоминанія Валеріана Александровича Панаева.

XXVII ¹⁾.

Первая поѣздка В. А. Панаева за границу. — Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи. — Свиданіе по этому поводу съ А. И. Герценомъ. — Характерика его. — Поѣздка Панаева съ семействомъ въ Лондонъ. — Семейство Бусаковыхъ. — Русскіе музыкальные вечера у Герцена. — Брошюра Панаева объ освобожденіи крестьянъ. — Письмо его императору Александру II. — Бесѣды съ А. И. Герценомъ.

Н адо сказать, что я уже давно мечталъ о поѣздкѣ за границу съ цѣлью ознакомиться съ европейскими желѣзными дорогами вообще. Но главнымъ образомъ меня интересовало начертаніе линіи перехода черезъ Альпы недавно устроенной уже дороги, а равно и изученіе разныхъ системъ паровозовъ, которые были въ то время жгучимъ вопросомъ.

Я рѣшился просить у главноуправляющаго путями сообщенія, Чевкина, отпускъ за границу, тѣмъ болѣе, что 14 лѣтъ не пользовался вообще отпусками, и что два доктора: извѣстный Здекауеръ и Мейнгардъ совѣтовали провести нѣкоторое время въ тепломъ климатѣ, ибо у меня, время отъ времени, показывалась кровь горломъ.

Когда я заявилъ Чевкину о совѣтѣ докторовъ, онъ сказалъ:

— Хорошо, мой другъ, я дамъ вамъ порученіе въ тепломъ климатѣ, на Югѣ.

И вотъ, онъ посылаетъ меня для изысканія наилучшаго направленія дороги изъ центра Россіи на Кіевъ. Это порученіе пришлось исполнять въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1857 г. Въ это время въ данномъ мѣстѣ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ декабрь 1901 г.

зима была безснѣжная и очень холодная. Никогда, ни прежде, ни послѣ, не приходилось мнѣ дѣлать изысканія во время морозовъ, а и порядкомъ натерпѣлся тогда отъ нихъ. Результатомъ моихъ изслѣдованій было то, что я призналъ наилучшимъ направленіемъ дороги изъ центра Россіи на Кіевъ—отъ Курска, а не отъ Орла или другого какого-либо пункта, о чемъ и представилъ пояснительную записку. Въ то время не было еще дороги отъ Москвы на Югъ.

Когда я окончилъ это порученіе, то рѣшился вновь просить отпуска за границу. Тогда Чевкинъ оказалъ, что вмѣсто отпуска онъ пошлетъ меня за границу на долго и дастъ порученіе отъ правительства.

Въ скоромъ времени, онъ дѣйствительно отправилъ меня за границу съ порученіемъ: а) изучить администрацію желѣзныхъ дорогъ; б) собрать свѣдѣнія о системѣ общаго государственнаго контроля; в) обратить вниманіе преимущественно на изученіе администраціи и порядковъ на правительственныхъ дорогахъ въ Бельгіи и г) ознакомиться съ подвижнымъ составомъ желѣзныхъ дорогъ.

Чевкинъ снабдилъ меня письмами къ посланникамъ въ Парижѣ, Брюсселѣ и Берлинѣ, и, кромѣ того, письмами къ директору правительственныхъ дорогъ въ Бельгіи г. Мазюи, который былъ его большой другъ, и къ депутату Бельгійской палаты, г. де-Брауеру, которому, между прочимъ, поручилъ открыть мнѣ путь въ Англію.

Въ апрѣлѣ 1858 года, я съ женою выѣхалъ за границу и отправился прямо въ Парижъ, гдѣ находился съ своимъ семействомъ мой товарищъ по институту, Кусаковъ. Кромѣ того, я хотѣлъ посоветоваться съ докторами, не столько для себя, сколько для жены. Доктора посоветывали ей ѣхать на лѣто въ Эмсъ, и мы отправились туда, куда вслѣдъ за тѣмъ привезены были изъ Петербурга и наши дѣти. Водворивъ въ Эмсъ мою семью, я поѣхалъ въ Брюссель и увидѣлъ, что тамъ мнѣ придется провести около полугода, и потому вскорѣ жена и дѣти переехали ко мнѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ изложеніе хода моихъ занятій за границей для исполненія моего порученія, и мое пребываніе въ Эмсѣ, я долженъ остановиться на одномъ обстоятельстве, игравшемъ роль въ моей жизни.

По вступленіи императора Александра II на престолъ, во всѣхъ слояхъ общества упорно держалось мнѣніе, что покойный императоръ завѣщалъ, при своей смерти, своему державному преемнику исполнить то, что онъ, по несозрѣвшимъ обстоятельствамъ, не успѣлъ совершить, не смотря на свое горячее желаніе, во время своего царствованія, т. е. завѣщалъ уничтожить крѣпостное состояніе помѣщичьихъ крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ его царствованіе, постепенно дѣлались къ тому приготовленія. Напримѣръ: 1) Уничтожена была продажа крестьянъ

безъ земли. 2) Всѣ дворовые люди были приписаны къ землѣ. 3) Власть помѣщика была ограничена тѣмъ, что, законно, онъ могъ подвергать крѣпостнаго, за проступки, не болѣе какъ 25 ударамъ розогъ, тогда какъ прежде совершались возмутительныя истязанія: людей наказывали и палками и плетью. Конечно, и послѣ этого ограниченія, злоупотребленія помѣщицкой властью встрѣчались не рѣдко, но все же эти злоупотребленія были противозаконны и могли подвергать нарушителей строгой отвѣтственности, что и случалося. Затѣмъ, при императорѣ Николаѣ, было учреждено министерство государственныхъ имуществъ, во главѣ котораго былъ поставленъ наигуманнѣйшій, образованнѣйшій и умнѣйшій человекъ того времени, графъ П. Д. Киселевъ. Въ его время, самоуправленіе среди крестьянъ государственныхъ имуществъ было образцовое, которому можно позавидовать и нынѣ. Еще живы люди, которые вспоминаютъ то время съ большою радостью.

Какъ бы то ни было, но въ 1856 г. всѣ чувствовали, что верховная власть скоро проявитъ свое намѣреніе относительно уничтоженія крѣпостнаго состоянія.

Конечно, я такъ же, какъ и тысячи людей, лихорадочно ожидалъ реформы и возымѣлъ намѣреніе написать проектъ освобожденія крестьянъ.

Я написалъ этотъ проектъ еще въ 1856 году, и читалъ его многимъ среди литературнаго кружка, въ которомъ вращался. Понятно, что о преданіи его гласности нельзя было и думать въ то время. Но въ 1857 году картина мѣняется. Верховная власть высказала свое намѣреніе, вслѣдствіе чего были образованы губернскіе комитеты и центральный комитетъ въ Петербургѣ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Не менѣе того, мой проектъ не могъ пройти чрезъ цензуру.

Пользуясь моимъ пребываніемъ за границей, я задумалъ обратиться къ русской типографіи, находившейся въ Лондонѣ. Когда я водворился въ Брюссель и начерталъ себѣ путь моихъ тамъ занятій, я рѣшился ѣхать на нѣсколько дней въ Лондонъ, съ намѣреніемъ отдать мой проектъ освобожденія крестьянъ въ печать и сдѣлать его гласнымъ.

Пріѣхавъ въ Лондонъ, я написалъ Герцену письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый государь Александръ Ивановичъ.

«Я, Панаевъ, двоюродный братъ извѣстнаго вамъ Ив. Ив. Панаева, составилъ проектъ освобожденія крестьянъ, который желаю напечатать въ вашей типографіи, на что и прошу вашего разрѣшенія».

Я не былъ знакомъ съ Герценомъ и видѣлъ его только одинъ разъ у Ив. Ив. Панаева въ 1842 г., но съ нимъ не разговаривалъ, и потому Герценъ не имѣлъ обо мнѣ никакого представленія.

Въ тотъ же день, я получилъ отъ Герцена отвѣтъ, которымъ онъ

назначилъ на завтра утренній часъ для пріема, и просилъ привезти мою рукопись.

Когда я пріѣхалъ къ нему, онъ былъ въ кабинетѣ одинъ. Освѣдомившись о моемъ соціальномъ положеніи и узнавъ, что я авторъ статьи «Община», напечатанной недавно въ «Современникѣ», онъ сказалъ:

— Я вполне раздѣляю всѣ взгляды, изложенные въ вашей статьѣ; очевидно, что вы пристально изучили русскій народный бытъ; теперь потрудитесь прочесть мнѣ что-нибудь изъ вашего проекта, чтобы я могъ судить объ его направленіи.

Проектъ мой состоялъ изъ краткаго предисловія и былъ раздѣленъ на три главы, озаглавленные: «Цѣль», «Путь» и «Средства».

Я прочелъ предисловіе и остановился; тогда Герценъ попросилъ прочесть первую главу. Я прочелъ и опять остановился.

— Я прошу васъ прочесть и вторую главу,—сказалъ онъ.

Я прочелъ и въ третій разъ остановился.

— Нѣтъ, уже читайте до конца,—сказалъ онъ.

Все чтеніе рукописи заняло пять часовъ.

Когда я кончилъ, Герценъ немедленно позвонилъ, и явился человекъ.

— Julie, попросите Огарева придти ко мнѣ теперь же,—сказалъ Герценъ.

Пришелъ Огаревъ.

— Позволь, — говорилъ онъ, обращаясь къ Огареву, — познакомить тебя съ авторомъ «Общины», такъ намъ понравившейся, а теперь онъ привезъ намъ другой свой трудъ—проектъ освобожденія крестьянъ. Я выслушалъ его весь до конца. Вопросъ исчерпанъ вполне Панаевымъ, и намъ придется сложить перья по вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Я просилъ бы тебя распорядиться, чтобы неотлагательно было приступлено къ набору, и такъ какъ проектъ весьма серьезенъ, то его надо напечатать отдѣльной книжкой, а не въ «Колоколѣ».

Когда я собрался уходить и хотѣлъ взять рукопись, Герценъ остановилъ меня со словами:

— Я прошу васъ оставить её, чтобы она сегодня же отправилась въ типографію.

Тогда я заявилъ, что долженъ завтра возвратиться въ Брюссель, и просилъ прислать мнѣ корректуру.

— Мы затрудняемся въ прифѣтъ,—сказалъ Огаревъ,—и не можемъ набрать весь проектъ разомъ, а если высылать вамъ частями, то на это пропадетъ много времени. Корректуру мы продержимъ сами и вышлемъ вамъ уже готовую книжку.

Я рассказал означенный эпизодъ моей первой встрѣчи съ Герценомъ потому, что онъ очень рельефно характеризуетъ человѣка.

Въ то время, Герценъ былъ, неоспоримо, огромная политическая величина, блестящій и выдающійся литературный талантъ, основатель русскаго книгопечатанія за границей, полный хозяинъ всѣхъ печатаемыхъ имъ изданій, человѣкъ съ большими средствами и вполнѣ ни отъ чего, ни отъ кого независимый. Его вниманіемъ дорожили, въ немъ, можно сказать, заискивали; сотни лицъ изъ всѣхъ сферъ общества, и преимущественно изъ высшихъ, посѣщали его въ Лондонѣ, и онъ былъ поглощенъ трудами по своимъ изданіямъ.

Сколькими, повидимому, атрибутами обладалъ Герценъ, чтобы разыгрывать роль политическаго и литературнаго генерала, чтобы кичиться своимъ положеніемъ, окружить себя стѣнами недоступности. Ничего подобнаго въ Герценѣ не проявлялось, онъ не терпѣлъ ничего не натурального, искусственнаго и ходульнаго.

Такого горячаго, сердечнаго пріема моему проекту я не ожидалъ. Тутъ высказалось самое добросовѣстное отношеніе къ сущности дѣла, отсутствіе предвзятыхъ мыслей и узкихъ доктринъ и отстраненіе личнаго самолюбія, такъ какъ мой проектъ далеко не подходилъ къ тѣмъ взглядамъ, которые излагались по крестьянскому вопросу въ «Колоколѣ».

Оставивъ рукопись моего проекта у Герцена, я черезъ день уѣхалъ въ Брюссель. Вскорѣ я получилъ изъ Лондона «V книжку голосовъ изъ Россіи», которая и заключала единственно мой проектъ освобожденія крестьянъ.

Нѣсколько времени спустя появляется въ № 267 журнала «Le Nord», издававшемся въ Брюсселѣ и считавшемся официальнымъ органомъ русскаго правительства, проектъ банкировъ Френкеля и Гомберга объ освобожденіи крестьянъ путемъ выкупа, т. е. проектъ подобный моему; при чемъ «Le Nord» заявлялъ, что правительство склоняется на этотъ проектъ.

Проектъ этотъ съ виду представлялся соблазнительнымъ, но заключалъ въ себѣ ловушку въ томъ, что отдавалъ все крестьянское помѣщичье населеніе въ откупъ европейскимъ банкирамъ. Тогда я написалъ, на французскомъ языкѣ, критическій разборъ этого пресловутаго проекта, приложивъ къ разбору мой проектъ въ сокращенномъ видѣ, и издалъ его отдѣльной брошюрой въ Брюсселѣ ¹⁾. Эту брошюру я послалъ государю и нѣсколькимъ высокопоставленнымъ лицамъ. Она была про-

¹⁾ Emancipation des serfs en Russie. Examen du projet financier de M. M Frenkel et Homberg, banquiers, suivi d'un autre projet. Bruxelles. Muquart, éditeur 1859 г.

пущена иностранной цензурой въ Россіи, а потому скоро разошлась, и издатель испросилъ у меня разрѣшенія на второе изданіе.

Въ то же время, въ № 29 «Колокола», появился «Обвинительный актъ» на Герцена, подписанный буквою Ч, вызванный отзывомъ Герцена о доктринерахъ, напечатаннымъ въ одномъ изъ предшествующихъ номеровъ «Колокола», а именно въ № 27.

Обвинительный актъ былъ написанъ очень умно, во многомъ былъ справедливъ, но былъ написанъ тономъ издѣвательства надъ дѣятельностью Герцена. Находя, что авторъ «Обвинительнаго акта» не понималъ роли и значенія изданій Герцена, я написалъ возраженіе и послалъ для печати въ Лондонъ.

Разъ я коснулся Герцена, то, въ настоящей же главѣ, я расскажу о дальнѣйшихъ моихъ отношеніяхъ къ этой личности.

Дѣло, которымъ я занимался въ Брюсселѣ, подходило къ концу, и мнѣ надо было ѣхать въ Англію. Въ это время пріѣхалъ мой товарищъ Кусакъ съ женою и дочерью. Узнавъ, что я собираюсь ѣхать въ Лондонъ, онъ пожелалъ ѣхать туда же вмѣстѣ со мною. Такъ какъ я рассчитывалъ провести въ Англіи около двухъ мѣсяцевъ, то я поѣхалъ тоже съ женою и съ старшею дочерью, лѣтъ восьми, другія же дѣти остались въ Брюсселѣ.

Передъ отъѣздомъ въ Лондонъ, Мазю и де-Брауеръ, о которыхъ я уже упоминалъ, дали мнѣ рекомендательныя письма; въ томъ числѣ, я имѣлъ письмо къ лорду В. ¹⁾, который былъ президентомъ совѣта одной желѣзно-дорожной компаніи. Когда я свезъ ему письмо, то онъ на другой же день отдалъ мнѣ визитъ и узналъ, что я нахожусь въ Лондонѣ съ женою. На слѣдующій день жена лорда В. завезла карточку, и вслѣдъ за тѣмъ, мы получили письмо, приглашающее насъ на обѣдъ. Мы поѣхали. Хотя обѣдъ былъ семейный, но всѣ присутствующіе мужчины, не исключая и хозяина дома, были, по обычаю, во фракахъ, а дамы «*décolletées*» и «*à la manche-courte*». Когда мы уѣзжали, то хозяинъ дома свелъ мою жену подъ руку сверху внизъ, до самой кареты. Я упоминаю объ этомъ для характеристики англійскаго джентльменства. Вообще, лордъ открылъ мнѣ много путей для возможности исполненія моего порученія.

Между тѣмъ, я познакомилъ мою жену съ семействомъ Герцена и Огарева, которые жили вмѣстѣ. У Герцена были тогда двѣ дочери, а сынъ находился въ Италіи. Семейство Огарева состояло изъ его жены и одной дѣвочки. Я познакомилъ съ ними также и семейство Кусакъ.

¹⁾ Въ оригиналѣ фамилія обозначена одною буквою.

Надо сказать, что Кусаковъ былъ превосходный пѣвецъ, обладавшій высокимъ баритономъ, отличный музыкантъ и человѣкъ особенно веселый и живой. Онъ пѣлъ все: и итальянскія аріи, и французскіе романсы, и главнымъ образомъ восхитительно пѣлъ русскія пѣсни со всѣми переливами и разнохарактерными оттѣнками, присущими русской пѣснѣ. Діапазонъ его голоса былъ необыкновенно обширенъ, и онъ бралъ иногда извѣстную ноту октавой выше и тѣмъ значительно украшалъ пѣсню. Въ теченіе моей жизни я встрѣтилъ только двухъ пѣвцовъ, которые могли пѣть настоящимъ образомъ русскія пѣсни:—это Кусаковъ, и извѣстнаго Петербургу Шиловскаго. Послѣдній былъ богатый помѣщикъ, но артистъ до мозга костей. Это былъ сынъ знаменитой пѣвицы изъ высшаго Петербургскаго mond'a Шиловской, въ концѣ концовъ, разорился и кончилъ свою карьеру поступленіемъ на сцену Московскаго театра подъ именемъ Лошинскаго и вскорѣ умеръ. Въ дальнѣйшихъ моихъ воспоминаніяхъ я коснусь еще этой личности.

Пѣсня «Не одна въ полѣ дороженька», положенная кѣмъ-то на ноты, не представляетъ и подобія того, какъ ее пѣлъ Кусаковъ.

Мы часто бывали у Герцена, много разъ обѣдали у него, и, само собою разумѣется, Кусаковъ не замедлилъ обнаружить свой талантъ. Когда онъ запѣлъ русскія пѣсни, то Герценъ, Огаревъ и жена его пришли въ неописанный восторгъ. Вспоминались имъ русская удадь, все родное, русскій добродушный мужичекъ, и слезы появились на ихъ глазахъ. Герценъ смотрѣлъ на русскаго мужичка, какъ своего роднаго брата, и находилъ, что типъ, напримѣръ, ярославскаго или сосѣднихъ губерній, мужичка есть самый красивый типъ изъ всѣхъ европейскихъ народностей, что онъ и высказалъ въ одномъ изъ своихъ произведеній.

И вотъ, всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Кусаковъ, вся компанія собиралась около рояля, и образовывался хоръ, и такъ какъ я пѣлъ тоже русскія пѣсни, имѣя довольно сильный голосъ, то исполнялъ въ этомъ случаѣ роль запѣвалы. Когда же затыгивали плясовую, то моя дочь принималась плясать русскую. Словомъ сказать, эти дни проводились всѣми весело и оживленно.

Хорошее пѣніе вообще оживляетъ и подымаетъ духъ человѣка, что и обнаружилось въ Borden Haus, гдѣ мы помѣщались въ Лондонѣ. По обычаю, проживаніе въ Borden-Haus имѣетъ характеръ семейный: всѣ постояльцы являются къ общему обѣду; послѣ того идутъ въ сосѣднюю залу, которая играетъ роль «salon de causerie et de lecture». Всѣ говорятъ тамъ шопотомъ, разсѣвшись по разнымъ угламъ, или занимаются чтеніемъ. Въ это время горитъ каминъ, въ которомъ поставленъ большой мѣдный чайникъ для кипяченія чая. Затѣмъ хозяйка разливаетъ чай, цвѣтомъ и крѣпостью уподобляющійся кофе. Въ залѣ между тѣмъ царитъ невыносимая тоска, а не зайти туда послѣ обѣда считалось бы

*

неделикатнымъ въ отношеніи хозяйки. Кусаковъ не выдержалъ и двухъ такихъ послѣобѣденныхъ чаевъ, и, увидавъ въ залѣ рояль, взялъ нѣсколько аккордовъ и сыгралъ какую-то легенькую вещь. Затѣмъ онъ, спросивъ позволенія хозяйки, спѣлъ французскій романсъ. Тогда всѣ присутствовавшіе восторженно, обступили Кусакова и просили его спѣть что-нибудь еще. Кусаковъ любилъ пѣть и не заставлялъ вообще себя упрашивать. Вся компанія оживилась и не расходилась до ухода Кусакова.

На слѣдующій день, Кусаковъ запѣлъ русскія, лихія пѣсни, и вся компанія пришла въ полный восторгъ. Съ тѣхъ поръ Кусаковъ постоянно веселилъ жильцовъ Borden Haus, и они упрекали его, если онъ иногда не обѣдалъ дома. Такъ прошло нѣсколько недѣль, пока Кусаковъ оставался въ Лондонѣ.

Между тѣмъ, мнѣ нужно было часто уѣзжать изъ Лондона для ознакомленія себя съ ходомъ административныхъ порядковъ, съ паровозами разныхъ типовъ и съ механическими заведеніями. Не зная англійскаго языка, мнѣ нужно было имѣть переводчика. Герценъ рекомендовалъ мнѣ одного француза по имени: Talandier, который давно жилъ въ Лондонѣ и зналъ хорошо англійскій языкъ. Оказалось, что этотъ господинъ былъ то самое лицо, отъ котораго я получилъ сочувственное письмо по поводу изданной мною передъ тѣмъ брошюры на французскомъ языкѣ: «La sainte Alliance des peuples», о которой будетъ упомянуто ниже.

Въ промежутокъ этого времени, не забывая главнаго, душевнаго моего вопроса, т. е. вопроса объ освобожденіи крестьянъ, я задумалъ написать еще мой проектъ въ сокращенномъ видѣ и издать его въ такой формѣ, чтобы коренныя основы, изложенныя по пунктамъ, выдѣлялись крупнымъ шрифтомъ, а поясненія къ каждому пункту были бы напечатаны мелкимъ шрифтомъ, такъ чтобы весь проектъ могъ помѣститься на четырехъ страницахъ—in quarto. Герценъ сейчасъ же напечаталъ его и издалъ отдѣльнымъ листкомъ.

Этотъ проектъ я позволилъ себѣ послать на имя государя, при моемъ письмѣ, подъ которымъ, однако, не выставилъ своего имени.

Парижъ, май, 1859 г.

Вотъ это письмо:

«Государы!

«Долгъ совѣсти побуждаетъ меня послать тебѣ прилагаемый при семъ, попавшійся мнѣ въ руки проектъ освобожденія крестьянъ.—Этотъ проектъ не оставляетъ ничего лучшаго желать.

«Государь! Если ты рѣшишь вопросъ такъ, чтобы освободить помѣщичьихъ крестьянъ разомъ, цѣлыми общинами, со всею землею, которою они пользуются, и совершишь это освобожденіе посредствомъ выкупа правительствомъ, тогда ты разрѣшишь великій вопросъ о пролета-

ріатѣ, не нарушая ничьихъ интересовъ,—вопросъ, которой не могли еще рѣшить ни великіе философы, ни великіе ученые, ни великіе государственные люди Западной Европы.

«Вся сущность рѣшенія этого вопроса состоитъ въ томъ, чтобы уравнивать права крестьянъ помѣщичьихъ съ правами крестьянъ государственныхъ и сохранить то русское общинное начало, которое существуетъ во всемъ сельскомъ сословіи, то начало, которое покойный императоръ, твой отецъ, упрочивалъ между государственными крестьянами всѣми мѣрами; то начало, великое значеніе котораго онъ понялъ, и за что потомство и исторія отдадутъ ему должную справедливость.

«Государь, вѣрь себѣ и не отдавай своего могущества, дабы имѣть власть творить добрыя, великія, непримѣрныя дѣла не только для блага своего народа, но и для всего человѣчества.

«Не забывай, государь, что ты царь народа, котораго назначеніе осуществить не словомъ, а дѣломъ заповѣдь Христа. Характеръ владѣнія землею въ русской общинѣ—есть тому образчикъ. Подобнаго характера никогда, ни въ одной странѣ не существовало, хотя иные и мнятъ противное, да и не могло существовать въ странахъ Западной Европы, развившихся изъ рабства, завоеванныхъ и дѣлившихся на побѣдителей и побѣжденныхъ. До русской земли—это горе не коснулось.

«Государь! Сохрани крестьянамъ всю землю, которою они пользуются, сохрани русское общинное начало и освободи крестьянъ разомъ цѣлыми общинами, и тогда ты утвердишь осуществленіе христіанскаго начала на дѣлѣ, ты положишь основу Царству Христову на землѣ, о которомъ Онъ пророчилъ. Тогда не будетъ монарха тебѣ равнаго,—ты будешь первымъ послѣ Христа.

«Да благословитъ тебя Богъ! Аминь».

Когда я вернулся въ Россію, то узналъ, что какъ этотъ проектъ, такъ и предшествующіе были препровождены по высочайшему повелѣнію въ Центральный Комитетъ по крестьянскому дѣлу. Лѣтъ 15 тому назадъ, я издалъ книгу, подъ заглавіемъ: «Общинное землевладѣніе и крестьянскій вопросъ», гдѣ и помѣстилъ выше означенное, а равно и письмо къ Ростовцеву, имѣя въ то время неоспоримыя доказательства того, что я былъ авторъ этихъ писемъ.

У Герцена, по воскресеньямъ, собирались разные интересныя личности изъ иностранцевъ, а также нѣкоторые русскіе, пріѣзжавшіе изъ Россіи. Всякій разъ завязывались споры, которые возбуждалъ самъ Герценъ, любя не только вступать въ споры, но и быть свидѣтелемъ спора другихъ, подобно тому, какъ многіе люди любятъ всякій спортъ. Въ философскихъ и политическихъ спорахъ Герценъ отличался мѣткостью замѣчаній, находчивостью, необыкновеннымъ остроуміемъ, особеннымъ жаромъ при защитѣ своего тезиса и большою начитанностью. Не рѣдко,

смотря по характеру присутствовавшей аудиторіи, затрогивались и вопросы экономическіе и финансовые, но Герценъ самъ признавалъ себя не совсѣмъ компетентнымъ въ этихъ вопросахъ и живаго участія въ нихъ не принималъ.

Съ однимъ, изъ постоянно являвшихся, по воскресеньямъ, иностранцемъ, мнѣ нѣсколько разъ приходилось вступать въ споры. Я старался пояснить мысль о сложившемся и водворившемся, съ незапамятныхъ временъ, ошибочномъ взглядѣ въ наукѣ о внутренней стоимости предмета, о чемъ я намекалъ въ одной изъ своихъ брошюръ на французскомъ языкѣ, не задолго передъ тѣмъ изданной мною. Герценъ пристально слѣдилъ за нашими спорами, и вотъ, послѣ послѣдняго спора, онъ спросилъ меня, когда я уѣзжаю изъ Лондона. Я отвѣтилъ ему, что я уѣзжаю черезъ три дня.

— Не можете ли вы остаться на недѣлю, — сказалъ онъ, — я получилъ письмо отъ Прудона, что онъ черезъ недѣлю пріѣдетъ въ Лондонъ. Я свелъ бы васъ тогда съ нимъ, — и вамъ было бы интересно познакомиться съ нимъ, а мнѣ было бы очень желательно узнать его мнѣнія о столь важномъ вопросѣ, который вы силитесь развивать въ наукѣ.

Я сказалъ, что мнѣ было бы, конечно, интересно познакомиться съ этою замѣчательною личностью, свободною отъ научныхъ предразсудковъ и буржуазныхъ катехизисовъ, но что я дорожу временемъ и не увѣренъ, когда пріѣдетъ Прудонъ. Я сказалъ Герцену, что въ скоромъ времени публикую научную статью о предметѣ слышаннаго имъ, Герценомъ, спора, что и исполнилъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, напечатавъ мою статью: «Бумажныя деньги — товаръ».

Передъ отъѣздомъ изъ Лондона, я возбудилъ съ Герценомъ разговоръ по поводу моей статьи, посланной ему изъ Брюсселя: «Отвѣтъ на статью, напечатанную въ №№ 28, 30, 31 «Колокола»: «Реформа сверху или реформа снизу».

Мой отвѣтъ ставилъ вопросъ, если можно такъ выразиться, на философскую точку зрѣнія, гдѣ я проводилъ мысль, діаметрально противоположную идеямъ Герцена; а именно старался выяснить несостоятельность общепризнаннаго въ политикѣ принципа о господствѣ большинства. Я доказывалъ, что республиканская или парламентская форма правленія обезпечиваетъ лишь, въ извѣстной степени, свободу партій, а не общую свободу гражданъ; что, при этихъ формахъ правленія, одни дышатъ свободно, а другіе непременно задавлены. Что истинная свобода можетъ осуществляться только при монархической формѣ, не ограниченной ни палатами, ни законами, т. е., что самодержецъ есть представитель совѣсти и является выразителемъ господства духа надъ матеріей.

Разсматривая Герцена, какъ человѣка съ широкимъ философскимъ умомъ, не раболѣпствующимъ передъ тѣми и другими доктринами и съ которыми можно дебатировать вопросы, взгляды на которые не сходились бы съ его взглядами,—я, весьма натурально пожелалъ знать, будетъ ли Герценъ печатать означенную статью?

Послѣ продолжительной нашей бесѣды, Герценъ заключилъ ее слѣдующими словами:

— Вы созидатель или строитель, а не разрушитель. «Колоколъ» же является органомъ протеста противъ существующихъ порядковъ, т. е. носить въ себѣ характеръ разрушительный; и потому я не напечаталъ вашей статьи въ «Колоколъ». Но въ виду особенной серьезности затрогиваемаго вами вопроса, я не считаю себя въ правѣ не допустить его на общій судъ и потому напечаталъ ее въ «Полярной Звѣздѣ», которая появится въ будущемъ году.

«Полярная Звѣзда» не появилась болѣе, а потому и статья моя не была тогда напечатана. Но въ 1877 году, я напечаталъ всю суть этой статьи отдѣльной брошюрой на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Проектъ политической реформы въ Россіи» ¹⁾. На этой брошюрѣ я выставилъ мой псевдонимъ: «В. Патфиндеръ».

Окончивши мои занятія въ Лондонѣ, я отправился въ Парижъ.

Года черезъ два, въ 1861 году, лѣтомъ, мнѣ пришлось быть опять въ Англіи. Герцена не было въ Лондонѣ; онъ проводилъ лѣто на островѣ Жеризей. Но во время его пріѣзда въ Лондонъ, я былъ у него два раза и замѣтилъ еще тогда нѣкоторую перемену въ его настроеніи.

Затѣмъ, въ 1865 году, я вздумалъ поѣхать на Бернскій конгрессъ, гдѣ были, между прочимъ, поставлены вопросы, постоянно меня интересовавшіе, а именно: «О сельской общинѣ и о системахъ построекъ и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ».

Пользуясь этой поѣздкой, я заѣхалъ въ Женеву, гдѣ проживалъ въ это время Герценъ, переѣхавшій изъ Англіи въ Швейцарію, въ которой онъ еще прежде принялъ подданство. Я нашелъ его измѣнившимся и въ очень грустномъ настроеніи духа. Однажды, я пришелъ къ нему довольно рано, и онъ предложилъ мнѣ сдѣлать съ нимъ прогулку пѣшкомъ за городъ. Мы отправились вдоль Женевского озера по восточной его сторонѣ. Долго мы шли почти молча, порядкомъ устали и зашли въ какую-то «auberge» выпить пива. Утоливши нѣсколько жажду, Герценъ, до того времени молчавшій, началъ разговоръ. Будучи отъ природы человѣкъ общительный, прямой и откровенный, онъ свернулъ свой разговоръ на исповѣдь.

¹⁾ Парижъ, типографія Адольфа Рейффа, Place Combrai, 9.

Онъ разскалъ много о Бакунинѣ, о томъ, что онъ считалъ его рыцаремъ, но теперь разочаровался и окончательно съ нимъ разошелся. Затѣмъ, онъ сталъ рассказывать о разныхъ личностяхъ, наѣзжающихъ къ нему изъ Россіи, и которые, въ концѣ-концовъ, просятъ нахальнымъ образомъ денегъ, опираясь на то, что они, бѣгущіе отъ російскаго режима, ищутъ помощи у него, какъ у представителя протеста этому режиму.

— Давалъ! давалъ! да наконецъ и усталъ,—сказалъ онъ.—Вѣдь не Крезъ же я. Вотъ еще недавно, особенно назойливо, обратился ко мнѣ одинъ человѣкъ, котораго вы, кажется, встрѣчали у меня въ Лондонѣ; это братъ того С—но-С—ча, который одно время вошелъ было въ почетъ въ Петербургѣ, а затѣмъ куда-то теперь сосланъ. Лѣтъ шесть—семь тому назадъ, меня посѣщали болѣе или менѣе люди серьезные. Положимъ, люди отрицающіе существующій политическій строй, положимъ, скептики въ религіи; но люди искренно любящіе свою родину. Нынѣ же, въ пріѣзжающей сюда молодежи, я вижу какое-то особое настроеніе, мало утѣшительное. Эти господа, именующіе себя нигилистами, характеризуются отрицаніемъ совѣсти, отрицаніемъ нравственныхъ началъ, преобладаніемъ корыстныхъ цѣлей, исключительнымъ эгоизмомъ, отсутствіемъ стремленія къ труду и какимъ-либо чистымъ идеаламъ. Неужели же таковъ общій характеръ нарастающаго поколѣнія?

Мы долго просидѣли въ Auberge'ѣ, много бесѣдовали о разныхъ личностяхъ, вернулись къ обѣду поздно и нашли нѣсколько новыхъ посѣтителей, пріѣхавшихъ къ обѣду, и въ томъ числѣ графиню Сальясъ съ сыномъ. Вечеромъ я уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ уже Герцена ни разу.

Изъ моихъ встрѣчъ съ нимъ я вынесъ слѣдующее впечатлѣніе: онъ былъ человѣкъ очень добраго сердца, деликатный, весьма отзывчивый, блестяще-умный, на ходули не становящійся, правдивый, откровенный, лихорадочнымъ самолюбіемъ не страдавшій, отличающійся терпимостью въ мнѣніяхъ, несравненный собесѣдникъ, до крайности остроумный. Онъ имѣлъ наружность красивую, пріятную, внушительную, обнаруживающую интеллигентность и могущество. При всѣхъ таковыхъ условіяхъ, онъ дѣйствовалъ на людей обаятельно. Несомнѣнно, что дѣйствовали обаятельно и на женщинъ.

Высказавъ по моему разумѣнію столько хорошихъ качествъ человѣка, я не могу однако не обратить вниманія на то, что, при всемъ своемъ желаніи добра своей родинѣ, онъ въ своей литературной дѣятельности грѣшилъ незнаніемъ условій практической жизни Россіи, съ которыми не успѣлъ ознакомиться ни до своей эмиграціи, ни, тѣмъ паче, послѣ нея. Можно сказать, что онъ, по выходѣ изъ университета,

остался восторженнымъ студентомъ своего времени до гробовой доски. Онъ вѣрилъ разнымъ глупостямъ, посылаемымъ ему изъ Россіи, и часто печаталъ ихъ. Эти не рѣдко фальшивыя свѣдѣнія онъ, по своей пылкости и влеченію къ остроумію, облакалъ часто въ рѣзкія своеобразныя формы. Большой его ошибкой было еще то, что онъ не понималъ и не вникалъ въ значеніе царствованія императора Николая I, какъ не понимало и не вникало въ него большинство людей. Царствованіе это характеризовалось стремленіемъ къ покровительству прямоты, добросовѣстности, честности и къ выдвиганію впередъ людей истиннаго знанія и истинныхъ талантовъ по всѣмъ отраслямъ. Мнѣ думается, что еслибы Герценъ былъ еще живъ, то нынѣ, находясь на точкѣ зрѣнія, болѣе удаленной, онъ уразумѣлъ бы многое въ твердой и мудрой, сообразно эпохѣ, политикѣ императора Николая I.

XXVIII.

Жизнь въ Брюсселѣ. — Французскій инженеръ Непгус. — Философъ Беронъ.

Въ Эмсѣ, гдѣ мы жили въ 1857 году, была масса посѣтителей и большое оживленіе. Между прочими, я познакомился съ извѣстнымъ знаменитѣйшимъ публицистомъ Эмиль-де-Жиранденомъ, въ которомъ я признавалъ самый сильный политическій умъ Франціи. Въ это время, онъ, будучи лѣтъ 60-ти, женился во второй разъ, на 18-ти-лѣтней, весьма красивый и богатой дѣвушкѣ. Онъ вообще любилъ, не въ примѣръ тогдашнимъ французамъ, Россію и много разспрашивалъ меня о нашихъ порядкахъ, обычаяхъ и нравахъ. Тогда въ Эмсѣ было тоже много русскихъ, которые составляли не малочисленную колонію. Въ числѣ этой колоніи, было одно семейство изъ Москвы: вдова Феллеръ съ двумя молоденькими дочерьми. Старшая была очень умна и хорошо пѣла; меньшая—была 15-ти лѣтъ и очень хороша собою. Съ этимъ семействомъ мы особенно сдружились и въ слѣдующую весну пріятно проводили время въ Парижѣ.

Когда мы изъ Эмса поѣхали въ Брюссель, гдѣ мнѣ нужно было провести по дѣламъ моего порученія нѣсколько мѣсяцевъ, то семейство Феллеръ познакомило насъ съ однимъ французскимъ семействомъ Непгус, состоявшимъ изъ мужа и жены.

На М-г Непгус мнѣ нужно нѣсколько остановиться.

Этотъ человѣкъ былъ обширнаго образованія: онъ воспитывался въ парижской Ecole polytechnique и окончилъ курсъ въ Ecole des mines, т. е. получилъ самое высшее образованіе; затѣмъ онъ нѣсколько

лѣтъ провелъ въ Южной и Сѣверной Америкѣ и пріѣхалъ въ Россію, будучи приглашенъ ѣхать въ Сибирь на золотые прииски. Въ Петербургѣ онъ случайно встрѣтился въ обществѣ съ извѣстнымъ въ то время графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ и съ генераломъ Чевкинымъ, бывшимъ тогда начальникомъ штаба горныхъ инженеровъ. Эти люди вскорѣ подмѣтили выдающееся образованіе и обширныя свѣдѣнія Непгуса. Въ это время Бобринскій начиналъ устраивать свеклосахарное производство въ Тульской губерніи, гдѣ оказывался при томъ каменный уголь или лигнитъ, чѣмъ интересовался и Чевкинъ. Бобринскій отговорилъ Непгуса ѣхать въ Сибирь и предложилъ ему взять на себя устройство и управленіе свеклосахарнымъ заводомъ въ Тульской губерніи. Непгус согласился, заключилъ съ Бобринскимъ условіе и поселился въ его имѣніи Михайловскомъ, Тульской губерніи, гдѣ прожилъ 12 лѣтъ, и страшно полюбилъ Россію и вообще русскій народъ.

И такъ, Непгус былъ однимъ изъ первыхъ дѣятелей по введенію въ Россію свеклосахарнаго производства; говорю, однимъ изъ первыхъ, но не первымъ, ибо до него, извѣстный въ то время замѣчательный сельскій хозяинъ и писатель по этой отрасли, Николай Шишковъ имѣлъ въ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Бобринскаго небольшой свеклосахарный заводъ.

Когда Непгус заработалъ въ теченіе 12-ти лѣтъ 200.000 франковъ, онъ прекратилъ дѣло, уѣхалъ за границу и избралъ мѣстомъ жительства Брюссель, по тому обстоятельству, что онъ находилъ для себя обиднымъ жить во Франціи и считаться подданнымъ Наполеона III.

Семейство Феллеръ, будучи сосѣдомъ по Тульской губерніи, гдѣ провелъ 12 лѣтъ Непгус, было очень дружно съ нимъ, и ради лишь того, чтобы повидаться съ нимъ и его женой, оно и заѣхало въ Брюссель, гдѣ и познакомило насъ съ Непгусомъ.

Это знакомство доставило мнѣ громадное удовольствіе, и мы сдружились съ Непгусомъ. Я могу сказать, что едва-ли я встрѣчалъ въ жизни болѣе пріятнаго и развитаго человѣка.

Надо сказать, что Непгус былъ продуктъ конца двадцатыхъ годовъ и начала тридцатыхъ. Какъ и всѣ въ то время, онъ провелъ жизнь при крайнемъ скептицизмѣ. Но когда ему стукнуло 60 лѣтъ, онъ сталъ задумываться о вопросахъ будущей жизни, и это было предметомъ нашихъ бесѣдъ. Онъ какъ бы исповѣдывалъ свою душу и говорилъ, что ищетъ какого-либо разумнаго утѣшенія, и потому перечиталъ, въ послѣдніе годы, всѣ философскія сочиненія, но нигдѣ не нашелъ разумнаго отвѣта на вопросы, которые его волновали.

Мы видѣлись почти каждый день; но такъ какъ я былъ очень занятъ, то, большею частью, онъ приходилъ ко мнѣ, зная часы, въ которые я былъ свободенъ. Вотъ, однажды, зайдя ко мнѣ, онъ предложилъ

прогуляться съ нимъ. Гуляя, Henrys вздумалъ зайти въ большой книжный магазинъ.

— Не вышло ли,—спросилъ онъ,—какого-либо новаго сочиненія по философскимъ вопросамъ?

— Вчера,—отвѣчали ему,—мы получили изъ Парижа книгу: «*Origine des sciences*», неизвѣстнаго автора по имени «Béron».

Henrys тотчасъ же купилъ эту книгу, и мы разошлись.

Послѣ того, въ теченіе 4-хъ дней, Henrys не приходилъ ко мнѣ, что меня встревожило, и, полагая, что онъ заболѣлъ, я собрался навѣстить его; но онъ появился самъ и былъ въ необычайно восторженномъ состояніи.

— Представьте себѣ,—заговорилъ онъ.—Всѣ эти дни я не могъ оторваться отъ книги, которую купилъ, когда мы ходили гулять съ вами. Авторъ, съ первыхъ же строкъ книги, заявляетъ, что въ природѣ не существуетъ иной силы, какъ сила растяженія или расширенія, т. е. діаметрально противоположная гипотезѣ о силѣ притяженія. Меня это страшно поразило, и я было хотѣлъ бросить книгу; но едва приступилъ къ дальнѣйшему чтенію, увидалъ такую логичность, подтверждаемую фактами въ природѣ, что я увлекся прелестью этого ученія, которое, въ то же время, наводитъ на мысль, разрѣшеніе истинны которой я тщетно искалъ въ прежнихъ философахъ. Если бы я только могъ не на слѣпой вѣрѣ, а разумно убѣдиться въ первоначальной аксіомѣ о силѣ расширенія, то всѣ явленія природы, до сихъ поръ намъ неизвѣстныя, могли бы быть объяснены.

Надо сказать, что лѣтъ 10 передъ тѣмъ я сошелся съ однимъ русскимъ мыслителемъ, Алексѣемъ Кусаковымъ, братомъ того, о которомъ я упоминалъ выше. Этотъ человекъ былъ весьма образованный и много читавшій. Онъ кончилъ курсъ кандидатомъ Московскаго университета по математическому факультету. По выходѣ изъ университета, онъ поступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ и давалъ уроки; но его не покидала мысль, о которой, можно сказать, онъ думалъ и днемъ и ночью, а именно: что матерія совсѣмъ не одарена пресловутымъ свойствомъ притяженія, и что эта гипотеза преграждаетъ путь къ точному пониманію физической природы. И вотъ, онъ написалъ брошюру, въ которой изложилъ, строго логическимъ путемъ, отрицаніе въ матеріи свойства притяженія.

Когда я познакомился съ нимъ и онъ развилъ мнѣ свои сужденія, я уговаривалъ его напечатать свою брошюру и совѣтовалъ ему измѣнить лишь форму редакціи, на что онъ не согласился. Спустя нѣсколько лѣтъ, я попросилъ его отдать мнѣ рукопись и позволить издать ее, сохраняя хотя бы прежній текстъ. Я это и исполнилъ, т. е. издалъ на свой счетъ, въ 1857 году, брошюру Кусакова.

Она имѣла заглавіе: «Объ истинности понятій и достовѣрности чловѣческихъ знаній».

Вотъ, на основаніи сейчасъ здѣсь рассказаннаго, я съ большою радостью отвѣтилъ Henrys:

— Если вы сомнѣваетесь въ сочиненіи Берона, только тѣмъ, что въ самую основу его доктрины положено отрицаніе силы притяженія, то я покажу вамъ сейчасъ брошюру одного русскаго мыслителя, который доказываетъ, что въ природѣ существуетъ лишь одна сила расширяемости. Брошюра эта издана мною, и вотъ она.

Съ этого времени, мы принялись за совмѣстное чтеніе книги: «*Origine des sciences*». Хотя въ книгѣ авторъ прибѣгалъ къ названіямъ совершенно новымъ, заимствованнымъ изъ греческаго языка, но такъ какъ Henrys зналъ хорошо греческій языкъ, то обоюдное чтеніе не представляло для меня затрудненій. Черезъ нѣсколько дней, въ то время какъ мы прочитывали первую книгу, изъ Парижа прислали еще вышедшія въ свѣтъ сочиненія Берона: 1) «*Cosmobiographie*» съ превосходнымъ атласомъ, трактующая о ходѣ образованія міровъ. Система Берона такъ проста, такъ ясна, что мыслящему здравому чловѣку представляется, что иначе и быть не могло, что тутъ нѣтъ случайностей, а все подчинено строго физическимъ законамъ намъ извѣстнымъ, а не какимъ-либо Декартовскимъ вихрямъ и тому подобнымъ фантазіямъ. 2) «*La vie des plantes*» и 3) «*Le déluge*». Ознакомившись, по возможности, съ четырьмя вышедшими, въ то время, сочиненіями Берона, намъ положительно открывался новый міръ, новый свѣтъ, въ которомъ, замѣчу, я и въ настоящее время пребываю.

Мы захотѣли, конечно, узнать: кто такой этотъ Беронъ, и написали письмо къ издателю въ Парижѣ *Bachelier*. Онъ отвѣтилъ намъ тогда, что авторъ пріѣзжалъ въ Парижъ, напечаталъ свои сочиненія и уѣхалъ, а куда именно, доподлинно, не знаетъ. Мы были въ отчаяніи, но все-таки думали, что, со временемъ, узнаемъ что-нибудь объ авторѣ.

Мѣсяца черезъ два, я поѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ оставался около двухъ мѣсяцевъ. Вернувшись въ Брюссель, я не нашелъ тамъ Henrys. Оказалось, изъ оставленнаго имъ мнѣ письма, что свой домъ онъ продалъ, поѣхалъ путешествовать и проведетъ лѣто на водахъ, которыя укажутъ доктора для его жены.

Вскорѣ послѣ того, я долженъ былъ перебраться въ Парижъ и остановился въ *Hôtel du Louvre*. Въ одинъ прекрасный день, я вижу за табльдотомъ Henrys. Я несказанно обрадовался, и мы послѣ обѣда засѣли въ читальнѣ, въ углу, за небольшимъ столомъ, чтобы побесѣдовать. Оказалось, что Henrys пріѣхалъ въ Парижъ на нѣсколько дней изъ Виши. Бесѣдуя съ нимъ, мы замѣтили на столѣ большія въ переплетѣ книги и, развернувъ, къ великому удивленію, увидали атласъ Бе-

рона. Мы тотчасъ позвали мальчика и спросили его: откуда попали въ читальную комнату эти книги? Мальчикъ отвѣтилъ, что эту книгу подарилъ въ читальню, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ господинъ, который жилъ въ отелѣ. Онъ далъ адресъ въ Вѣну, но на-дняхъ пріѣхалъ и остановился опять здѣсь въ отелѣ.

Понятно, до какой степени мы обрадовались этой случайности, и на другой же день явились къ Берону. Мы увидали человѣка, лѣтъ 60-ти, небольшого роста, сѣдаго, но съ необыкновенно выразительными глазами.

Мы сказали ему, что знакомы уже отчасти съ его сочиненіями и признали основную его доктрину.

— Если вы, — отвѣтилъ онъ, — не заражены предрасудкомъ о силѣ притяженія, то я съ удовольствіемъ готовъ съ вами побесѣдовать.

Мы попросили позволенія изрѣдка посѣщать его.

— Хотя бы каждый день, — сказалъ онъ, — но только приходите не утромъ, въ это время я пишу, а послѣ завтрака.

Мы нѣсколько разъ были съ Henrys у Берона. Но Henrys уѣхалъ, а я оставался въ Парижѣ еще нѣсколько мѣсяцевъ и продолжалъ посѣщать Берона.

Вотъ, что я узналъ о немъ: онъ былъ родомъ болгаринъ, получилъ образованіе въ Мюнхенскомъ университетѣ, по двумъ факультетамъ: медицинскому и естественныхъ наукъ. По окончаніи курса, нѣкоторое время, онъ занимался медицинской практикой; но, будучи человѣкомъ богатымъ, онъ отдался изученію физическихъ наукъ. Имѣя философское настроеніе и аналитическій умъ, онъ, послѣ долгихъ мысленій, пришелъ къ идеѣ объ отсутствіи въ природѣ силы притяженія. Тогда у него явилась мысль пересоздать основы естественныхъ наукъ, зиждущихся на заблужденіи и предрасудкѣ о существованіи силы притяженія. И вотъ онъ принялся сначала за изученіе незнакомыхъ еще ему языковъ, а затѣмъ пустился въ путешествія и излѣздалъ почти весь свѣтъ: онъ былъ въ Сѣверной и Южной Америкѣ, въ Индіи, Азіи, Россіи и въ Сибири до Берингова пролива. Когда онъ провѣрилъ свои идеи и съ геологической точки зрѣнія, онъ рѣшился, имѣя уже 60 лѣтъ, начать свое сочиненіе, и допуская возможность, что не успѣетъ въ своей жизни познакомить людей со всѣмъ, чѣмъ онъ обладаетъ — онъ изложилъ основные свои принципы въ книгѣ: «*Origine des sciences*», гдѣ резюмировалъ вкратцѣ эти принципы, дабы, въ случаѣ смерти, не погибъ его идеѣ. Затѣмъ, онъ поспѣшилъ изложить мірозданіе, приложивъ къ нему огромный атласъ, объясненіе потоковъ и жизнь растений.

Съ тѣхъ поръ, я не прерывалъ сношеній съ Берономъ. Онъ жилъ

послѣ того 12 лѣтъ ⁴⁾, и всякій разъ, какъ я бывалъ въ Парижѣ, я посѣщалъ его и бесѣдовалъ съ нимъ.

Ему предстояло докончить химію. Затѣмъ, какъ онъ говорилъ мнѣ— онъ дастъ полную фізіологію, медицину, психологію, жизнь души и метафизику.

Беронъ былъ совершенно здоровъ и года въ четыре успѣлъ бы докончить свое грандіозное зданіе; но надъ нимъ совершенно было неслыханное злодѣяніе. Не получая отъ него никакихъ свѣдѣній съ 1870 года, я объяснялъ это тѣми передрыгами, черезъ которыя прошелъ Парижъ въ послѣдніе годы. Въ 1874 году я поѣхалъ туда и, по обыкновенію, остановился въ Hôtel du Louvre, гдѣ жилъ постоянно Беронъ. Въ отелѣ, гдѣ его всѣ знали и называли: Pègre Béron, мнѣ сказали, что онъ выѣхалъ изъ Парижа передъ самой осадой, и что съ тѣхъ поръ никакихъ свѣдѣній и никакихъ писемъ отъ него не получали. Я бросился къ издателю его сочиненій и тамъ узналъ то же самое: что никакихъ свѣдѣній о Беронѣ не имѣютъ, но что передъ отъѣздомъ онъ отобралъ всѣ книги и передалъ ихъ одному англичанину, занимающемуся книжной торговлей. Послѣ долгихъ поисковъ, я нашелъ мѣсто жительства этого англичанина, но оказалось, что онъ выѣхалъ въ Лондонъ. Тогда я отправился въ турецкое посольство и обратился къ болгарскому консулу. Едва я рассказалъ ему о моихъ отношеніяхъ къ Берону, какъ консулъ горько заплакалъ и, сказавъ, что онъ былъ въ дружбѣ съ послѣднимъ, рассказалъ мнѣ слѣдующее:

— Какъ вижу, вы знали хорошо Берона и конечно знали, что онъ болѣе 12 лѣтъ жилъ въ Парижѣ и занималъ небольшую комнату въ Hôtel du Louvre. Вамъ, конечно, извѣстно, что онъ былъ богатъ; его имѣнія находились въ Болгаріи и Румыніи. Не будучи женатъ, онъ предоставилъ все свое состояніе двумъ племянникамъ, по фамиліи Veron ⁵⁾, возложивъ на нихъ обязательство выплачивать ему, ежегодно, по 20.000 фр. и покрывать всѣ счета по стоимости его изданій. Когда пруссаки окружили Парижъ, Берону посовѣтовали выѣхать изъ города,

⁴⁾ Въ эти 12 лѣтъ онъ издалъ слѣдующія книги: 1) Origine des sciences physiques et naturelles. 2) Texte du grand atlas Cosmobiographique. 3) Deluge. 4) La vie des plantes. 5) Meteorologie. 6) Electrostatique. 7) Photostatique. 8) Thermostatique. 9) Barostatique. 10) Physique céleste: le système du monde. 11) Le système planétaire. 12) L'origine de la terre et de l'homme. 13) Physico-Chimie. 14) Origine de l'unique couple humain. 15) Много брошюръ, относящихся до физики, химіи, астрономіи, фізіологіи.

⁵⁾ Настоящее имя Берона не Béron, а Véron. Переимѣна имени случилась такъ: Беронъ, выставляя свое имя въ первомъ сочиненіи, вмѣсто французской буквы V написалъ русскую букву В, и такъ оставилъ на слѣдующихъ книгахъ.

чтобы не подвергать себя все́мъ бѣдствіямъ осады. Онъ долго не хотѣлъ оставлять Парижа, но наканунѣ полного его обложенія, рѣшился уѣхать. И я же—консулъ опять заплакалъ—посоветывалъ ему съѣздить на родину, гдѣ онъ не былъ около 15 лѣтъ. Не прошло двухъ недѣль по его пріѣздѣ на родину, какъ родственники убили Берона, чтобы избавиться отъ своихъ обязательствъ.

— Неужели такое злодѣяніе,—спросилъ я,—остается безъ преслѣдованія?

— Кто же будетъ преслѣдовать злодѣевъ? Да у насъ нѣтъ ни законовъ, ни порядковъ.

Теперь читатель, естественно, задаетъ себѣ вопросъ: какимъ же образомъ въ ученomъ мірѣ не слышно ничего о человѣкѣ, написавшемъ огромное сочиненіе, все изложенное научнымъ методомъ? Главная причина заключается въ томъ, что Беронъ отвергъ пресловутый и общепринятый законъ физики о томъ, что матерія одарена свойствомъ взаимнаго притяженія. Съ первыхъ же строкъ своего основнаго сочиненія: «*Origine des sciences*», онъ возгласилъ, что въ природѣ не существуетъ иной силы, какъ сила растяженія, и, въ силу этого естественнаго и непреложнаго закона, онъ пересоздалъ все естественныя и физическія науки самымъ строгимъ научнымъ путемъ, нигдѣ не расходясь съ фактами, наукою доказанными, и, напротивъ, объясняя самымъ понятнымъ, нагляднымъ образомъ факты, которые оставались наука́мъ еще непонятными и необъяснимыми.

Понятно, чтобы ознакомиться съ Берономъ и здраво окритиковать его, надо было бы ученому мужу переучиваться и употребить на это нѣсколько лѣтъ. Надо было сдѣлаться фанатикомъ идеи, и потому самое лучшее, въ такомъ небываломъ случаѣ, пройти сочиненія Берона молчаніемъ и игнорировать грандіозный и колоссальный трудъ Берона, признавъ его недостойнымъ ученаго міра. Въ доказательство этого, укажу на полемику, возбуждившуюся въ газетахъ между мною и профессоромъ астрономіи Г—мъ¹⁾ и его помощникомъ К—ъ, изъ которой обнаружилось, что обѣ эти личности не имѣли никакого понятія о Беронѣ, написавшемъ три громадные тома объ астрономіи. К—ъ же, не въ отвѣтъ мнѣ, а для показанія своихъ познаній въ астрономіи, напечаталъ огромную статью въ «Русскомъ Богатствѣ», доказавшую только его полное, вообще, невѣжество, отрицая то, что знаменитый Laplace безспорно доказалъ всему ученому и неученому міру о причинѣ приливовъ и отливовъ въ морѣ.

По этому поводу я приведу еще факты. Въ Парижѣ мнѣ нѣсколько разъ приходилось встрѣчаться съ знаменитымъ аббатомъ Moignau, сто-

¹⁾ Такъ въ оригиналѣ; полная фамилія не обозначена.

явшимъ тогда во главѣ ученаго міра по математическимъ и физическимъ наукамъ.

Однажды я завелъ рѣчь о Беронѣ.

— Je l'ignore, il me paraît un fantasmeur, сказалъ Moignau.

Между тѣмъ, одинъ молодой ученый, ученикъ Moignau, нѣкто Rabach, будучи поклонникомъ принциповъ Берона, сталъ издавать небольшой ученый журналъ: «La réforme scientifique», который назначался специально для пропаганды ученія Берона, и въ этомъ журналѣ Rabach нѣсколько разъ обличалъ Moignau въ томъ, что тотъ, въ своихъ ученыхъ статьяхъ, даетъ разныя объясненія на основаніяхъ, выхваченныхъ изъ ученій Берона. При этомъ Rabach писалъ по адресу Moignau: «вы дѣлаете видъ, что игнорируете Берона, а я не разъ встрѣчалъ васъ въ коридорѣ отеля, выходящемъ изъ номера, занимаемаго Берономъ».

(Продолженіе слѣдуетъ).

Письма В.А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ изъ перваго его заграничнаго путешествія въ 1821 году¹⁾.

4 ²⁾.

(Штутгартъ, 2-го (14-го) октября—Франк-
фуртъ на Майнѣ, 7-го (19-го) октября 1821).
Штутгартъ, 14-го октября н. с.

За покинулъ Швейцарію и теперь въ Штутгартѣ. Мое долгое молчаніе могло заставить подумать ваше императорское высочество, что я сорвался съ какого-нибудь утеса и разбился въ дребезги или что я сижу въ трещинѣ какого-нибудь глетшера—но эти бѣды миновали меня. Писать же во время путешествія было для меня невозможно. Усталость—(почти всю дорогу или по крайней мѣрѣ двѣ трети моей дороги по Швейцаріи сдѣлалъ я пѣшкомъ)—была главнымъ моимъ препятствіемъ; я не хотѣлъ писать наскоро и урывками и рѣшился отложить свой отчетъ вашему высочеству до перваго мѣста, въ которомъ могъ пробыть нѣсколько дней на просторѣ. Съ этою надеждою пріѣхалъ я въ Штутгартъ, гдѣ думалъ остаться дней пять или шесть, чтобы короче познакомиться съ картинами Boisserée³⁾ и между тѣмъ описать вашему вы-

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1901 г.

²⁾ Извлеченія изъ этого письма первоначально были напечатаны въ Сочиненіяхъ въ прозѣ В. Жуковского, изданіе второе, Спб. 1826, стр. 221—242, подъ заглавіемъ „Отрывки изъ письма о Швейцаріи“ (см. въ Сочиненіяхъ Жуковского, изд. 8-е, т. V, стр. 449—461).

³⁾ Братья Буассере (Boisserée), Сюльписъ (р. 1783 † 1854) и Мельхиоръ (р. 1786 † 1851), извѣстные своими трудами по исторіи искусствъ, обладали драгоцѣнною картинною галлереею, особенно богатою картинами нѣмецкой школы. Въ 1827 году ихъ собраніе было куплено баварскимъ королемъ Лудвигомъ I и въ настоящее время находится въ Мюнхенской Пинакотекѣ.

сочеству подробно нѣкоторую часть дорожныхъ моихъ приключеній. Но судьба располагаетъ нами по своему. Я уже десятый день въ Штутгардѣ ¹⁾ и боленъ; теперь оправляюсь; надѣюсь дни черезъ два пуститься опять въ дорогу; но отъ подробнаго описанія, отъ котораго столько общалъ себя удовольствія, долженъ отказаться; нѣсколько разъ принимался за перо, начиналъ писать и разрывалъ начатое. Болѣзнь какъ будто затуманила прошедшее; что было такъ живо въ настоящемъ, то сдѣлалось мертвымъ въ воспоминаніи: надобно дать ожить душѣ, чтобы говорить съ вѣрностію и наслажденіемъ о томъ, что ее животворило и радовало. Это время для меня придетъ, и удовольствіе представить вашему высочеству полный отчетъ оставляю для себя впереди, какъ веселую надежду. Теперь, по крайней мѣрѣ, какъ удастся, скажу вашему высочеству о томъ, гдѣ я былъ съ той минуты, которую оканчивается мое первое письмо.

Начну изъясненіемъ глубочайшей, сердечной благодарности: по возвращеніи моемъ въ Цюрихъ, я имѣлъ счастье получить милостивое письмо вашего высочества; можете вообразить, какъ я ему обрадовался, ибо вашему высочеству извѣстно, сколь драгоценны для меня ваши милости. Скоро поѣду по слѣдамъ вашимъ и увижу тѣ мѣста, о которыхъ вы упоминаете въ письмѣ своемъ. Если бы моя болѣзнь еще нѣсколько дней продолжилась, то я совершенно бы отказался отъ Рейна; теперь надѣюсь его увидѣть, но уже многое надобно выбросить изъ своего плана. Какіе прелестные осенніе дни были во все время моей болѣзни! Какъ бы я наслаждался ими на берегахъ Рейна! Но я не ропщу на эту потерю—я слишкомъ былъ счастливъ во все мое путешествіе по Швейцаріи.

Изъ Дрездена, черезъ Кульмъ, Теплицъ и Прагу, поѣхалъ я въ Карлсбадъ, гдѣ пробылъ долѣе, нежели сколько располагалъ: я хотѣлъ дожидаться въ Карлсбадѣ нѣкоторыхъ петербургскихъ друзей; потомъ пріѣхалъ его высочество великій князь ²⁾, и ему угодно было остановить меня на нѣсколько дней. Но эта пріятная остановка послужила мнѣ къ добру; я какъ будто переждалъ дурную погоду въ Карлсбадѣ, и въ Эгрѣ она рѣшительно со мною разсталась: всѣ лѣтніе мѣсяцы и весь сентябрь были дождливые, но для меня дожда не было, онъ шелъ, когда я сидѣлъ подъ кровлею, и переставалъ, какъ скоро я пускался въ путь: природа не скрыла себя отъ своего поэта. Изъ Эгры, осмотрѣвъ все то, что служить памятникомъ Валленштейна ³⁾, черезъ Вейссенштатъ и живо-

¹⁾ Въ Штутгардъ Жуковскій пріѣхалъ 21-го сентября (3-го октября) и пробылъ тамъ до 4-го (16-го) октября.

²⁾ Великій князь Михаилъ Павловичъ (см. „Русскую Старину“ 1901 г., ноябрь, стр. 400).

³⁾ Какъ извѣстно, Валленштейнъ былъ убитъ въ г. Эгерѣ (Eger) въ ночь съ 25-го на 26-е февраля н. ст. 1634 года.

писный замокъ Бернекъ, поѣхалъ я въ Барейтъ ¹⁾, гдѣ пробылъ день, чтобы познакомиться съ J. Paul ²⁾; я провелъ съ нимъ нѣсколько пріятныхъ минутъ: забавный оригиналъ, который понравился мнѣ своимъ простодушіемъ. Въ Ниренбергѣ пробылъ я дни три; его древности весьма привлекательны; я поклонился праху Албрехта Дюрера ³⁾, осмотрѣлъ старинный замокъ императоровъ, ратушу, ея подземныя тюрьмы и нѣсколько прекрасныхъ готическихъ церквей. Картины нѣмецкой школы, которыя видѣлъ я въ замкѣ и въ нѣкоторыхъ частныхъ галлерейхъ, заставили меня переимѣнить нѣсколько мой планъ и завернуть въ Минхенъ, чтобы осмотрѣть тамошнюю богатую галерею. Кто ея не видалъ, тотъ не имѣетъ понятія о Рубенсѣ. Она богата картинами италіанской школы, но еще болѣе фламандской и нѣмецкой. Послѣдними наполненъ замокъ Шлейзгеймъ, находящійся въ милѣ отъ Минхена. Изъ Ульма, осмотрѣвъ каедральную церковь, великолѣпный памятникъ готической архитектуры, отправился я черезъ Равенсбургъ, Вальдэе и Штадель въ Мерсбургъ на берегъ Констанцскаго озера. На другой день моего пріѣзда, переждавъ жаркое время въ Мерсбургѣ, въ три часа пополудни, пошелъ я на берегъ, свой Stuhlwagen отправилъ на перевозномъ суднѣ прямо въ Констанцъ, а самъ въ маленькой лодкѣ поѣхалъ на островъ Мейвау, находящійся въ сѣверномъ заливѣ озера. Время было тихое, но зной еще не миновался; скоро повѣялъ попутный вѣтеръ, гребцы подняли парусъ и положили весла; лодка плыла безъ движенія, и я, сидя подъ тѣнію паруса, видѣлъ передъ собою великолѣпное зрѣлище: у меня передъ глазами была какъ будто въ сокращеніи вся Швейцарія; я видѣлъ вдругъ три кантона ея: Тургау, Аппенцель и С(анктъ)-Галленъ; на берегахъ, которые отсюда полугорью сходили къ равнинѣ озера, было разсыпано безчисленное множество селъ, замковъ, домовъ, рощей, пажитей и садовъ; берега кантона Тургау, прелестные своимъ изобиліемъ, были плоски; надъ Аппенцелемъ и С(анктъ)-Галленомъ подымались Альпы; но прелестнѣйшую картину представляло само озеро; нельзя изобразить словами тѣхъ безчисленныхъ оттѣнковъ, въ которыхъ является его поверхность, измѣняющаяся при всякомъ колыханіи, при всякомъ вѣтерѣ, при всякомъ налетающемъ на солнце облакѣ; когда озеро спокойно, видишь жидкую, тихотрепещущую бирюзу; кое-гдѣ виолетовыя полосы, а на самомъ отдаленіи яркой, свѣтлозеленый отливъ; когда воды наморщатся, то глубина этихъ морщинъ кажется изумрудно-зеленою, а по ребрамъ ихъ голубая пѣна съ яркими искрами и звѣздами; когда же облако закроетъ солнце, то воды, смотря по цвѣту облака, или блѣднѣютъ, или

¹⁾ Т. е. въ Байрейтъ (Bayreuth).

²⁾ Съ знаменитымъ писателемъ Жанъ-Полемъ Рихтеромъ (р. 1763 †1825).

³⁾ Живописецъ и граверъ Альбрехтъ Дюреръ умеръ въ Нюренбергѣ въ 1528 году.

синѣютъ, или кажутся дымными.—Плаванье мое продолжалось часъ съ четвертью. Мейнау есть маленькой островокъ, покрытый виноградниками, огородами и рощами; нѣкогда принадлежалъ онъ Мальтійскому ордену, а теперь въ замкѣ командора живетъ старая вдова съ прекрасною дочерью, и эта пустынная красавица показывала мнѣ пустынные горницы замка; въ немъ однѣ голыя стѣны, но видъ съ балкона несравненный: я просидѣлъ на немъ около часа. Жаръ между тѣмъ миновался; я взялъ проводника и пошелъ пѣшкомъ въ Констанцъ: Мейнау соединенъ съ берегомъ узкимъ мостикомъ, сдѣланнымъ для однихъ пѣшеходовъ. Дорога отъ него до Констанца довольно пріятная: идешь по большей части лѣсомъ, который часто раскрывается, и тогда по сторонамъ представлялись глазамъ моимъ поля и пажити, освѣщенные заходящимъ солнцемъ.—Констанцъ городъ некрасивый и неоживленной. Я осмотрѣлъ въ немъ нѣкоторыя зданія, достойныя примѣчанія. Дряхлая деревянная палата, въ которой были засѣданія Констанцскаго собора, обезславившаго себя убійствомъ Гусса, есть не иное что, какъ сарай въ 80 шаговъ длины и въ 40 ширины: онъ служитъ теперь магазиномъ для складки товаровъ во время ярмарки. Въ одномъ углу этой палаты на небольшомъ возвышеніи стоятъ два стула, на которыхъ во время собраній сидѣли императоръ и папа: оба весьма скромные, но императорскій выше папскаго, и рядомъ съ ними (въ доказательство, сколь правосудно время) лежитъ кузовъ той повозки, въ которой несчастный Гуссъ отвезенъ былъ на мѣсто казни: посѣтитель смотритъ на нее съ большимъ чувствомъ и уваженіемъ, нежели на истлѣвшій скелетъ императорскаго трона. Доминиканской монастырь, въ которомъ былъ взятъ и заключенъ въ темницу Гуссъ, огромное готическое зданіе, есть не иное что, какъ огромная развалина; кельи монаховъ обращены въ ситцевую фабрику; болѣе всего сохранилась Гуссова тюрьма: маленькой чуланъ со сводомъ въ три шага длины и ширины; но церковь вся въ разрушеніи; кое-гдѣ на стѣнахъ видны остатки живописи; кровля упала; три ряда высокихъ столбовъ ничего не поддерживаютъ; на мѣстѣ одного изъ боковыхъ алтарей построено стойло; но одно разрушенное окно служитъ рамою прекраснаго ландшафта; въ немъ разцвѣла молодая береза; легкой вѣтеръ, едва нарушая тишину развалинъ, колебаль ея вѣтвями, и сквозь ихъ подвижную рѣшетку видно было озеро и отдаленные свѣтлые берега его. Вечеръ этого дня провелъ я на колокольѣ каедральной церкви и видѣлъ удивительную картину заходящаго солнца. Но мои описанія, какъ я замѣчаю, становятся слишкомъ длинные; прошу у вашего высочества прощенья: *je n'ai pas le temps d'être plus court* ¹⁾! Но постараюсь поубавить своей болтливости. Изъ Констанца черезъ

¹⁾ Т. е. я не имѣю времени быть болѣе краткимъ.

Фрауенфельдъ и Винтертуръ поѣхалъ я въ Цирихъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней. Отсюда по настоящему начинается мое швейцарское путешествіе. Докторъ Эбель ¹⁾, съ которымъ я познакомился, оракулъ всѣхъ, посѣщающихъ Швейцарію, далъ мнѣ нѣсколько нужныхъ совѣтовъ, и я, нанявши проводника (мнѣ достался тотъ самый, котораго имѣлъ въ своемъ путешествіи кронпринцъ) и оставивъ весь свой багажъ въ Цирихѣ, пустился въ путь 3-го августа н. с. рано поутру. Завернувъ на высоту Альбиса (съ которой обширный видъ на Цирихское и Цугское озеро), доѣхалъ я съ фурманомъ до Цуга; здѣсь сѣлъ на лодку и прелестнымъ озеромъ Цугскимъ переплылъ въ Артъ, откуда, вооружившись длинною альпійскою палкою, поѣхъ по крутому всходу на высоту Риги. Это путешествіе продолжалось болѣе трехъ часовъ, весьма затруднительныхъ. На высотѣ я засталъ заходженіе солнца, и хотя облака покрывали небо, но зрѣлище, которое видѣлъ я, было великолѣпное: я ночевалъ въ трактирѣ на Rigi-Staffel и на другой день всходилъ на самую вершину горы (Rigi-Kulm), чтобы видѣть первую минуту солнечнаго восхожденія. Обѣ картины были такъ плѣнительны, что, покидая вершину Риги, я общался опять навѣстить ее на возвратномъ пути своемъ. Я спустился внизъ тою же дорогою, по которой взойшелъ, потомъ поворотилъ вправо и мимо ужасныхъ развалинъ горы, задавившей десять лѣтъ тому назадъ прелестную деревню Goldau, пошелъ къ деревенкѣ Ловерцъ, полуразрушенной тѣмъ же паденіемъ, переплылъ маленькое Ловерцское озеро, посреди котораго уединенно цвѣтетъ зеленый островокъ Schwanaу, и къ вечеру очутился въ Швицѣ, въ очаровательной долинѣ, полной жизни и изобилія и отсюда окруженной великолѣпными горами. Слѣдующій день былъ одинъ изъ самыхъ утомительныхъ дней моего пѣшеходства. Я всталъ вмѣстѣ съ солнцемъ, но утро было душное. Дурными, вымощенными крупнымъ камнемъ дорожками пошелъ я черезъ Steinen (мѣсто рожденія Штауффахера; тамъ, гдѣ стоялъ его домъ, построена теперь часовня) къ Моргартену, гдѣ была одержана первая побѣда свободы швейцарской ²⁾. И на этомъ мѣстѣ стоитъ часовня. Отсюда черезъ Sattel и Rothenthurm въ Einsiedeln. Зной былъ несносный; дорога по камнямъ убійственная для ногъ; пришедъ въ Ейнзидельнъ, я почти ничего не могъ порядочно осмотрѣть отъ разслабленія; отдыхать же было некогда; надобно было засвѣтло воротиться въ Швицъ, ибо обратный путь шелъ черезъ крутую

¹⁾ Иоганнъ-Готфридъ Эбель (Ebel, р. 1764 † 1830, въ Цирихѣ), кромѣ того, что былъ докторомъ, извѣстенъ еще нѣсколькими сочиненіями по географіи Швейцаріи.

²⁾ При Моргартенѣ швейцарцы одержали 16-го ноября 1315 года побѣду надъ герцогомъ Леопольдомъ Австрійскимъ.

гору Haggen ¹⁾. Признаюсь, Ейнзидельнъ не имѣлъ для меня ничего привлекательнаго: положеніе монастыря не живописное; я видѣлъ богатую церковь, толпу богомольцевъ и процессію монаховъ, но усталость и боль въ ногахъ мѣшали моему вниманію. Но конецъ этого дня заплатилъ за непріятное начало его: возвратный путь черезъ зеленую долину Alpthal, всходъ на Haggen и потомъ спускъ по крутизнамъ при блескѣ начинающейся грозы въ долину Швица останутся навсегда въ моей памяти. Гроза только украсила для меня ночную картину горъ, которыя чудесно являлись и исчезали при быстромъ блистаніи молній: она началась не прежде во всей своей силѣ, какъ по возвращеніи моемъ въ трактиръ. Я думалъ, что на другой день ноги откажутся мнѣ служить, но проснулся свѣжъ и здоровъ и, напившись кофе, пошелъ въ Брунненъ, тамъ сѣлъ въ лодку и поплылъ къ Grütli, восхищаясь дикимъ величіемъ, окружающимъ озеро Четырехъ Кантоновъ, самое живописное изъ всѣхъ озеръ швейцарскихъ: Grütli есть маленькая, покрытая зеленымъ дерномъ площадка, до которой въ десять минутъ можно достигнуть; на ней нѣтъ памятника, но свобода Швейцаріи еще существуетъ! Это мѣсто удивительно трогаетъ своею тихою прелестію посреди грознаго величія окружающихъ его утесовъ. Я не могъ на немъ долго остаться: гребцы предвидѣли грозу, и надобно было спѣшить, дабы предупредить южный вѣтеръ (Föhn), который обыкновенно здѣсь начинается по полудни и бываетъ часто опасенъ въ этой части озера, окруженнаго здѣсь крутыми берегами, къ которымъ нигдѣ пристать невозможно. Мы поплыли къ Телевой часовнѣ (Tellsplatte), а оттуда къ деревнѣ Flüelen. Гроза началась, когда я пришелъ въ Альторфъ, и кончилась къ концу моего обѣда, послѣ котораго я ходилъ въ Бюргленъ, мѣсто рожденія Теля. Тамъ нашелъ я живописца Триннера ²⁾, который не великій артистъ, но который былъ для меня интересенъ тѣмъ, что могъ рассказывать, какъ очевидецъ, о Суворовѣ, котораго онъ видѣлъ въ этомъ мѣстѣ. Изъ оконъ башни, обросшей плющемъ, въ которой живетъ Триннеръ, взглянулъ я на вершину Кинцингкульма ³⁾, доступную только горнымъ пастухамъ, черезъ которую нашъ Аннибалъ перевелъ свое войско, томимое голодомъ, но не побѣжденное. Der Alte war doch lustig (сказалъ мнѣ Триннеръ). Er pffiff, und sang, und lachte, und sprang wie ein Kind ⁴⁾. Мѣсто, гдѣ жилъ Вильгельмъ Тель, означено часовнею. Этотъ обычай строить вмѣсто великолѣпныхъ памятниковъ скромные алтари благодарности Богу на мѣстахъ славы отечественной трогаетъ и возвышаетъ душу. Но та-

¹⁾ Т. е. Hacken.

²⁾ Живописецъ Тринеръ (Triner) родился въ 1760, а умеръ въ 1824 году.

³⁾ Т. е. Kinzigkult.

⁴⁾ Т. е. А старикъ былъ весельчакъ: онъ свистѣлъ и пѣлъ, смѣялся и скакалъ, какъ дитя.

кого рода памятники особенно приличны Швейцаріи. Въ пустыняхъ Египта можно дивиться пирамидамъ и обелискамъ—что бы они были у подошвы Альповъ! За то на вершинѣ Риги стоитъ простой деревянной крестъ, а маленькая часовня Теля таятся между огромными утесами; но они не исчезаютъ посреди этихъ громадъ, ибо говорятъ не о бѣдномъ могуществѣ человѣка, здѣсь столь ничтожномъ, но о величіи души человѣческой, о вѣрѣ, которая возноситъ ее туда, куда не могутъ достигнуть горы.—Вечеръ этого дня провелъ я на балконѣ загороднаго дома, принадлежащаго какому-то Муггейму, и видѣлъ передъ собою всю равнину Альторфа, за которою уже начинаются первобытныя горы: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сверкала Рейсса, которая, извиваясь по этой равнинѣ, тихо впадаетъ въ озеро 4 кантоновъ и потомъ быстро вытекаетъ изъ него подъ Люцерномъ. Къ концу слѣдующаго дня былъ я уже въ Андерматѣ у подошвы С.-Готара; до Амстега можно еще ѣхать въ *châg à banc(s)*, но отсюда надобно итти пѣшкомъ. Въ два дни моего путешествія черезъ С.-Готаръ видѣлъ я природу во всѣхъ ея измѣненіяхъ: близъ Альторфа всѣ горы зелены, но это печальная, однообразная зелень елей и сосенъ, надъ которою въ разныхъ мѣстахъ блистаетъ свѣтлая зелень горныхъ пажитей; Рейсса еще спокойна; у Амстега все становится мрачнѣе, горы круче, ели рѣже, скалы виднѣе, дорога вьется надъ пропастями, въ которыхъ Рейсса, то видимая, то невидимая, шумитъ, образуя безпрестанные каскады; когда я шелъ, небо было туманно, вершины горъ, исчезая въ темныхъ облакахъ, казались безконечными, но изрѣдка проглядывало солнце и на минуту зажигало быстрыя волны и пѣну Рейссы. Чѣмъ далѣе впередъ, тѣмъ разительнѣе дикость; наконецъ у *Gestinen* ¹⁾ исчезаетъ растеніе; видишь одни утесы, покрытые изрѣдка мохомъ и травою, видишь, какъ время разрушаетъ ихъ мало по малу зноемъ, холодомъ, дождемъ, морозомъ и бурями: камни, безпрестанно отваливающіеся, лежатъ повсюду живописными грудами, и эта долина камней становится наконецъ столь узкою, что одна только Рейсса, падающая шумнымъ каскадомъ, занимаетъ ея дно: поперегъ этой долины, надъ самымъ каскадомъ, изгибается Чортъ въ мостъ; къ нему съ одной стороны ведетъ узкая дорожка, до половины выдолбленная въ утесахъ, до половины поддерживаемая каменными сводами; съ другой стороны почти такая же узкая дорожка, подымаясь отъ него, упирается въ скалу, которую пробилъ насквозь промышленность человѣческая: глазамъ представляется темное отверстіе, какъ будто ведущее въ глубокую бездну. Но что же?... Мое счастье и здѣсь меня не покинуло! Солнце выглянуло изъ тучъ и ударило на прелестный Андерматъ въ самую ту минуту, какъ я выходилъ изъ

¹⁾ Т. е. Geschenen.

подъ Урнерскаго свода. Ничто не можетъ быть очаровательнѣе этой противоположности: вдругъ, послѣ густаго мрака пещеры, видишь свѣтлую, окруженную зелеными холмами долину, и въ глубинѣ ея веселая деревня. Зрѣніе обмануто, думаешь, что передъ тобою низкіе дерновые пригорки, но эти пригорки не иное что, какъ вершины высокихъ горъ, окружающія скрытую межъ ними долину и близкія къ снѣжной вершинѣ С.-Готара. Я ночевалъ въ Андерматтѣ, который черезъ минуту послѣ моего прихода исчезъ въ туманѣ: пошелъ дождь, смѣшанный съ снѣгомъ, но къ утру все миновалось; осталась одна клубящаяся мгла надъ высотами, и, окруженный ею, взошелъ я на вершину С.-Готарской дороги: неописанное зрѣлище природы, которой здѣсь нѣтъ имени, ибо здѣсь оно ни съ чѣмъ знакомымъ не сходствуетъ! Кажется, что стоишь на такомъ мѣстѣ, гдѣ кончится земля и начинается небо; передъ тобою равнина, вымощенная огромными, голыми плитами гранита; кругомъ низкіе холмы, но уже не зеленые, ибо здѣсь и трава исчезаетъ, а снѣжные или просто нагіе растреснутые утесы; съ одной стороны маленькое, свѣтлое озеро, не болѣе дождевой лужи, изъ него тихо бѣжитъ ручей; съ другой стороны такое же озеро и такой же тихой ручей: это Тессинъ и Рейсса; здѣсь они навсегда разлучаются, отсюда бѣгутъ одинъ на югъ, другая на сѣверъ, и въ быстромъ теченіи разрываютъ гранитныя горы. И съ этого мѣста начинаешь быстро спускаться къ Айроло, имѣя вправѣ шумный Тессинъ, который скоро является во всемъ своемъ могуществѣ и наконецъ близъ самаго Айроло образуетъ каскадъ, удивительно живописный. На самой вершинѣ уже увидѣлъ я споръ свѣтлаго юга съ угрюмымъ сѣверомъ: со стороны Италіи проглядывало голубое небо, со стороны Рейссы клубились туманныя облака; и небо сдѣлалось ярко-голубымъ, когда я, спустившись къ Айроло, вдругъ очутился посреди роскошной италіанской природы. Уже близъ Айроло ели и сосны становятся рѣже: ихъ мѣсто занимаютъ буки, орѣховыя деревья, потомъ каштаны, и наконецъ передъ глазами очаровательная Левантинская долина, посреди которой шумитъ Тессинъ въ тѣни зеленыхъ ольхъ, оживленная селами, церквями, замками, уже имѣющими характеръ италіанскій; я не долго отдыхать въ Айроло, ибо надобно было засвѣтло дойти до Aldazio grande, чтобъ видѣть чудесный мостъ черезъ Тессинъ и ночевать потомъ въ Faïdo. Этотъ вечеръ принадлежитъ къ прелестнѣйшимъ въ жизни: какое разнообразіе въ зрѣлищахъ! какое удивительное захожденіе солнца! По настоящему солнце посреди высокихъ горъ не всходитъ и не заходитъ для глазъ. Оно еще высоко на небѣ, а для тебя уже его нѣтъ! Но чудесно освѣщенные бока долины, но утесы, которые медленно угасаютъ, долго еще говорятъ о невидимомъ: я шель долиною Левантинскою, солнце уже было за горами, но Сентъ-Готаръ весь въ огнѣ стоялъ надъ Айроло

и свѣтилъ въ долину, и съ одной стороны на половинѣ горъ, сливающихся въ одну стѣну, лѣса пылали; этотъ розовый пламень мало по малу подымался, черная тѣнь бѣжала за нимъ изъ долины, наконецъ осталась одна свѣтлая полоса, словно огненная грива на хребтѣ горномъ, и та скоро исчезла, и звѣзды Италіи загорѣлись... въ какомъ прозрачномъ небѣ! съ какою неизъяснимою ясностію! Я увидѣлъ недалеко отъ Медвѣдицы прекрасную Корону и вспомнилъ вечеръ потсдамскій ⁽¹⁾! Я шелъ совершенно одинъ, отпустивъ впередъ проводника; луны не было, мнѣ свѣтили однѣ звѣзды, и горы стояли кругомъ какъ темныя привидѣнія, одинъ Тессинъ и каскады, бѣгущіе въ него, шумѣли.—Въ Файдо, гдѣ я ночевалъ въ мерзкомъ трактирѣ, кончилось на время мое пѣшеходство; я нанялъ повозку и поѣхалъ черезъ Беллинцону въ Лугано. Для путешествія пѣшкомъ время было слишкомъ знойно, а окрестныя виды, роскошныя, великолѣпныя, были все одинаковы до самыхъ береговъ Луганскаго озера. Но уже прекрасная Италія была передъ моими глазами. Правда, я не видалъ ни мартовыхъ рощъ, ни лавровъ, цвѣтущихъ на вольномъ воздухѣ, но уже природа потеряла свою швейцарскую суровость; самыя высокія горы перемѣнили форму и казались болѣе величественными, нежели огромными; прекрасная дорога вилась между каштанами и шелковицами; зеленныя деревья соединены были виноградными гирляндами; поля покрыты были маисомъ. За то и лица были не швейцарскія: привлекательное простодушіе исчезло. Изъ Беллинцоны, живописно разбросанной по холмамъ, поѣхалъ я черезъ Monte Cenero (гора, вся покрытая каштановымъ лѣсомъ) въ Лугано, гдѣ ночевалъ и откуда думалъ повернуть къ Lago Maggiore. Но мысль, что на другой день въ вечеру могу быть въ Миланѣ, взбунтовала мою голову, и на другой день въ вечеру подъ голубымъ сумракомъ звѣзднаго италіанскаго неба, при яркомъ свѣтѣ луны, вѣхалъ я въ Миланъ. Въмѣсто трехъ дней (какъ я располагалъ прежде) остался я въ немъ пять, дабы дождать[ся] открытія главнаго театра La Scala: давали Россиніеву Cenerentola, большой балетъ Jeanne d'Arc (взятый изъ Шиллеровой Jungfrau) и маленькой балетъ Донъ Кишотъ. Я слышалъ божественную музыку. La Scala великолѣпный театръ, оркестръ и пѣвцы его достойныя; но Шиллеръ былъ жестоко изуродованъ въ балетѣ, а костюмы, при всемъ своемъ великолѣпіи, не могутъ сравниться съ берлинскими. Но всѣ пять дней пребыванія моего въ Миланѣ я почти не сидѣлъ на мѣстѣ: бѣгалъ по картиннымъ галлереймъ, по церквамъ, при солнцѣ и при лунѣ дивился чудесной архитектурѣ миланскаго собора, и при всемъ томъ нашелъ еще способъ видѣть Ѳедора Петро-

⁽¹⁾ См. „Дневники В. А. Жуковского“, стр. 115.

вича Уварова¹⁾). Оставивъ Миланъ поутру рано, я былъ уже въ четыре часа пополудни въ Sesto на берегу Lago Maggiore; время было несравненное, и я поплылъ къ островамъ Борромейскимъ, остановился у Ароны, чтобы взглянуть на колоссальную статую Карла Борромея, потомъ при захожденіи солнца вышелъ на берегъ у Бельжирато, дабы дожидаться луны и при свѣтѣ ея пуститься къ Isola Bella. Этотъ вечеръ былъ волшебный: лунная ночь, звѣздное, безоблачное небо надъ озеромъ Италіи—какое будетъ для меня наслажденіе все это подробно описывать вашему высочеству! На другой день, осмотрѣвъ Isola Bella, я заглянулъ въ Isola Madre, и признаюсь, не восхищенъ Борромейскими островами. Я бы не согласился ихъ выбрать мѣстомъ своего пребыванія: здѣсь природа убита искусствомъ! Не острова Борромейскіе, но плаваніе къ нимъ по величественнымъ водамъ Lago Maggiore восхитительно. Вечеръ этого дня провелъ я въ Domo d'Ossola, городокъ, лежащій въ великолѣпной долинѣ, и лазилъ на высокую гору, чтобъ видѣть чудесное захожденіе солнца. Отъ Домо д'Оссола начинается горная Симплонская дорога, дивный памятникъ Наполеона; но на этой дорогѣ видѣлъ я нѣчто, еще болѣе разительное, нежели сама она: я видѣлъ лежащую на ней мраморную колонну, вытесанную изъ одного камня; эта колонна была приготовлена для триумфальныхъ воротъ Наполеоновыхъ, полувоздвигнутыхъ въ Миланѣ и къ которымъ должна была примыкать дорога Симплонская! Но эта колонна лежитъ неподвижно на чудесной дорогѣ Наполеоновой, а чудесная дорога Наполеонова примыкаетъ къ развалинамъ. Весь жребій Наполеона въ одномъ мраморномъ обломкѣ.—На Симплонской дорогѣ изумляетъ могущество человека, но природа, грозная и дикая, не столь разительна и разнообразна, какъ на Сень-Готарѣ. Виды со стороны Италіи великолѣпнѣе и ужаснѣе, со стороны Швейцаріи живописнѣе. Отъ Изелы до высоты Симплона дошелъ я пѣшкомъ; послѣ обѣда, отправивъ съ полудороги впередъ своего проводника, спустился по крутому скату Симплона одинъ къ Брюггу²⁾ имѣя передъ глазами удивительныя картины, одушевленные заходящимъ солнцемъ. Отъ Брюгга начинается знойная Валлійская долина, дорога идетъ черезъ Туртманъ (подлѣ котораго есть достойный примѣчанія водопадъ), черезъ Sierre и Sion въ Мартиньи. Я ночевалъ въ Сіонѣ, который съ своими тремя замками, одинъ надъ другимъ возвышающимися, представляетъ необыкновенное зрѣлище; несмотря на зной, я лазилъ на одинъ изъ крутыхъ холмовъ его, долго любовался великолѣпнѣе окрестностей и, наконецъ, принялся рисовать: здѣсь дол-

¹⁾ Оеодоръ Петровичъ Уваровъ (р. 1773 † 1824), генералъ-адъютантъ, командиръ гвардейскаго корпуса, а потомъ членъ Государственнаго Совѣта.

²⁾ Т. е. Бригу (Brig).

женъ я признаться вашему высочеству, что со вступленія моего въ Швейцарію открылась во мнѣ болѣзнь рисованья; я рисовалъ вездѣ, гдѣ только могъ присѣсть на свободѣ, и у меня теперь въ карманѣ почти всѣ озера Швейцаріи, нѣсколько долинъ и полдюжины высокихъ горъ. Но между Бриггомъ и Туртманомъ случилось со мною несчастіе, весьма чувствительное для путешественника: записная моя книжка (къ счастью, не та, которую получилъ отъ вашего высочества), въ которой замѣчалъ я на пути въ немногихъ словахъ все, что попадалось на глаза, выпала изъ коляски въ то время, какъ я зѣвалъ по окрестностямъ; я послалъ искать ее на дорогѣ, но ее не могли найти: такимъ образомъ я потерялъ весь Сенъ-Готаръ, всю Италію, весь Симплонъ и часть Валлійской долины. Пріѣхавъ на станцію, я записалъ, что могъ вспомнить, но мелкія, частныя замѣчанія пропали; вѣроятно, что они и въ памяти не останутся, ибо моя память никуда не годится. На слѣдующій день обѣдалъ я въ Мартиньи и послѣ обѣда ходилъ смотрѣть великолѣпный водопадъ, находящійся между Мартиньи и С.-Морицемъ: онъ, вѣроятно, самый шумный и самый обильный водою изъ всѣхъ водопадовъ швейцарскихъ; но мнѣ показался онъ менѣе всѣхъ живописнымъ. Правда, я не могъ любоваться имъ на свободѣ. Здѣсь скажу о несчастіи, которое преслѣдуетъ всякаго путешественника по Швейцаріи: это несчастіе называется проводникъ. Не зная дороги, надобно имѣть проводника; но проводникъ, указавъ дорогу къ желаемому мѣсту, портитъ совершенно удовольствія, когда стоишь на мѣстѣ: какъ наслаждаться съ необходимою свободою души, когда подлѣ тебя стоятъ скучающій товарищъ, который съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ ждетъ, чтобы ты пошелъ назадъ. За то я, всякой разъ, какъ скоро могъ одинъ найти дорогу или имѣлъ карту, отсылалъ своего проводника впередъ или оставлялъ его на квартирѣ. Въ Мартиньи опять вооружился я своею альпійскою палкою и на другой день до солнца пустился въ путь: черезъ Forclas ¹⁾, Триентскую долину и крутой Col de Balme въ Шамуни. Съ Col de Balme самый лучший видъ на Монбланъ, но переходъ слишкомъ великъ и труденъ, и я не могъ прежде двухъ часовъ по полудни быть на вершинѣ: солнце между тѣмъ успѣло накопить густыхъ паровъ, и мнѣ не удалось видѣть Монблана во всей его ясности; но то, что я видѣлъ, было великолѣпно: жаль только, что усталость и зной нѣсколько испортили наслажденіе; къ этимъ двумъ бѣдамъ присоединились какія-то жадныя, злыя мухи, которыя ни минуты не давали мнѣ покоя, пока я сидѣлъ на высотѣ Col de Balme; съ него видна вся долина Шамуни, всѣ горы, ее окружающія, и надъ ними во всей огромности Монбланъ. Сначала посѣщеніе Ша-

¹⁾ Т. е. Forclaz.

муни не входило въ мой планъ; потомъ, рѣшившись взглянуть на Mont Blanc съ высоты Col de Balme, я расположился не останавливаться въ Шамуни и, переночевавъ въ долинѣ, прямо идти въ Женеву. Это я и сдѣлалъ; но, покинувъ Шамуни, я былъ почти готовъ плакать, что не остался тамъ долѣе, дабы вполне насладиться красотами долины. Шамуни есть плѣнительный уголокъ природы: нигдѣ нѣтъ такого слиянія великости, возвышающей мысли, съ сельскою прелестью, трогательною сердцу. Ночи, которую я тамъ провелъ, никогда не забуду. Я пришелъ уже около вечера въ долину: ноги горѣли отъ усталости (болѣе десяти часовъ оряду продолжалось мое путешествіе); но все исчезло передъ тою прелестью, которую я увидѣлъ. Я легъ спать, но какой-то добрый духъ разбудилъ меня около трехъ часовъ утра: вижу, что полумѣсяцъ свѣтитъ ярко и что Mont Blanc снялъ съ себя облака; спѣшу одѣваться (послѣ я самъ хотѣлъ надѣть своимъ ночнымъ костюмомъ) и иду изъ трактира. Посреди самой долины есть церковь съ кладбищемъ; на этомъ кладбищѣ нѣсколько деревянныхъ крестовъ, и маленькая тропинка вьется между дерновыми гробами; и на одномъ изъ этихъ гробовъ просидѣлъ я до перваго луча солнечнаго — но оставляю это до подробнаго описанія! — Глупость, помѣшавшая мнѣ остаться лишній день въ Шамуни, послужила мнѣ въ пользу: я подумалъ, что отъ поспѣшности могу многое потерять въ горахъ Бернскихъ, и рѣшился пожертвовать нѣкоторою частію моего плана, дабы выиграть болѣе времени для Оберланда, рѣшился ѣхать изъ Вевѣ прямо въ Бернъ, не заѣзжая ни въ Ивердонъ, ни въ Невшатель, ни въ Биль: жалѣю, что это лишило меня счастья видѣть старика Песталоцци ¹⁾, но послѣдствіе наградило меня за это пожертвованіе. Всего имѣть невозможно. Счастье, сопутствовавшее мнѣ по Швейцаріи, было такъ постоянно, что я не смѣю роптать и на теперешнюю мою болѣзнь, которая держитъ меня теперь въ Штутгартѣ и едва ли не лишить Рейна. Но какъ бы то ни было, если не удастся доѣхать до Кобленца, то непременно увижу Niederwald и Rohus Capelle ²⁾. — Изъ Шамуни шелъ я пѣшкомъ до С.-Мартеня, гдѣ сѣлъ въ *chag à banc(s)*, и въ Женеву. Вся эта дорога прелестна, особенно живописны окрестности Клуза ³⁾ и Маглана. Сердце радуется, какъ скоро, покинувъ Савою, въѣдешь въ Женевскій кантонъ: картина дѣятельности, довольства и порядка представляется глазамъ во всей своей красотѣ. Женевы не красивый городъ, но окрестности и озеро очаровательны. Я пробылъ здѣсь три дни, изъ которыхъ одинъ посвящалъ пу-

¹⁾ Знаменитый швейцарскій педагогъ (р. 1746 † 1827).

²⁾ Т. е. Rochuscappel у Бингена.

³⁾ Т. е. Cluses.

тѣшествію на вершину Салева, весьма мало удачному, ибо, несмотря на то, что день былъ солнечной, вся необъятность вида, представляющагося глазамъ съ этой высоты, исчезала подъ густотою паровъ, а Монбланъ былъ совсѣмъ непримѣтенъ: въ ясное время можно видѣть отсюда все озеро до Лозанны, весь Женевскій кантонъ, большую часть горъ Савойскихъ и длинную цѣпь Юры; но я все это видѣлъ болѣе воображеніемъ, нежели глазами. — Я былъ въ замкѣ Фернеѣ, который нынче принадлежить гражданину Budet. Въ немъ сохранены въ прежнемъ состояніи только гостиная и спальня Вольтеровъ: въ спальнѣ стоитъ кровать съ полуистлѣвшимъ занавѣсомъ, на стѣнахъ живописные портреты Фридриха II, M-e du Chattelet ¹⁾, тканый портретъ Екатерины и нѣсколько гравированныхъ; на печи стоитъ деревянная, довольно дурная урна, въ ней нѣкогда хранилось сердце Вольтерова: въ революцію его похитили, а прежняя надпись: *Son esprit est partout et son coeur est ici* ²⁾ до половины уничтожена; похитители отломали отъ начала son, а отъ конца ici, и вышла галиматья; въ гостиной, гдѣ на старинной печи стоитъ Вольтеръ бюстъ, есть нѣсколько весьма дурныхъ картинъ, между которыми одна, изображающая Вольтеръ апотеозъ, замѣтна своимъ уродствомъ: Вольтера встрѣчаетъ, кажется, Минерва, а враговъ его, Фрерона ³⁾ и прочихъ, сѣкутъ змѣями мстительные геніи. Аллея, по которой прохаживался фернейскій пустыльникъ, и липовый лѣсокъ, имъ насаженный, сохранены въ цѣлости; надпись, сдѣланная имъ надъ входомъ построенной имъ церкви (Вольтеръ Богу), уничтожена философами революціи. Почти всѣ дома, въ Фернеѣ нынѣ существующіе, построены самимъ Вольтеромъ. Остальное время моего пребыванія въ Женевѣ посвятилъ я обозрѣнію города и Бонстеттену ⁴⁾, у котораго былъ два раза: живой, свѣжій, веселый старикъ, съ которымъ время прошло непримѣтно; онъ много рассказывалъ мнѣ о M-e Stael ⁵⁾, Миллерѣ ⁶⁾, Песталоцци и лордѣ Байронѣ, который долго жилъ въ Женевѣ нелюдимомъ. — Изъ Женевы, черезъ Лозанну, въ которой пробылъ я три дни, поѣхалъ я въ Вевѣ, гдѣ хотѣлъ отдохнуть на просторѣ, написать письма и насладиться окрест-

¹⁾ Маркиза Gabrielle-Emilie Du Châtelet (р. 1706 † 1749), писательница, извѣстная по своимъ отношеніямъ къ Вольтеру.

²⁾ Т. е. его умъ повсюду, а сердце его здѣсь.

³⁾ Egeon (р. 1718 † 1778), извѣстный критикъ, враждебно относившійся къ Вольтеру и энциклопедистамъ.

⁴⁾ Карлъ-Викторъ Бонстеттенъ (р. 1745 † 1832), швейцарскій писатель, другъ историка Іоганна Миллера. Какъ извѣстно, Жуковскій въ 1810 году напечаталъ въ „Вѣстникѣ Европы“ переводъ нѣсколькихъ писемъ Іоганна Миллера къ Бонстеттену.

⁵⁾ Извѣстной писательницѣ (р. 1766 † 1817).

⁶⁾ Іоганнъ фонъ Миллеръ (р. 1752 † 1809), швейцарскомъ историкѣ.

ностями Женевского озера; но все не удалось: дожидеть, замѣтить, что я сижу подъ кровлею, пошелъ ливня, а письма помѣшало мнѣ писать мрачное расположеніе духа, котораго я не захотѣлъ передать бумагѣ; и я рѣшился—рисовать. Изъ окрестностей Вевѣ видѣлъ я однако Кларанъ, куда ходилъ пѣшкомъ (наканунѣ моего отъѣзда изъ Вевѣ), и эта вечерняя прогулка была, *comme de raison*, прекрасная. Можно сказать, что небо было со мною въ заговорѣ: всякой разъ, когда я покидалъ свой пріютъ, оно становилось яснымъ или покрывалось живописными облаками, отъ которыхъ зрѣлище природы становилось великолѣпнымъ. Моимъ товарищемъ до Клара на былъ старый крестьянинъ изъ Montreux, съ которымъ я сошелся на дорогѣ. *Probablement* (спросилъ онъ меня) *vous allez à Clarens à cause de M-r le baron d'Etange et de sa fille. Je vous montrerai la place où était autrefois leur maison. Est ce que vous avez lu cette histoire?—Oui! c'est joli comme un roman quoique tout est parfaitement vrai* ¹⁾! И онъ добродушно началъ мнѣ описывать мѣсто, гдѣ жила Жанъ-Жакова Юлія, съ полною увѣренностію, что Новая Элоиза не выдумка ²⁾.—Въ тотъ день, въ который я оставилъ Вевѣ, успѣлъ я сѣздать на лодкѣ въ замокъ Хильонъ: я плылъ туда, читая *The Prisoner of Chillon* ³⁾, и это чтеніе очаровало для воображенія моего тюрьму Бонниварову ⁴⁾, которую Байронъ вѣрно описалъ въ своей несравненной поэмѣ. Дорога отъ Вевѣ до Фрибура чрезвычайно гориста, и легко можно слетѣть въ глубокую пропасть съ повозкою и лошадьми. Я не могъ порядочно осмотрѣть Фрибура: видѣлъ только каедральную церковь, самую высокую въ Швейцаріи, и Муртенскую липу, посаженную въ день побѣды надъ Карломъ Смѣлымъ ⁵⁾. Глаза мои, разболѣвшіеся отъ зноя, помѣшали мнѣ бродить по улицамъ, но свѣжесть вечера возвратила имъ здоровье, и я могъ вполне насладиться окрестностями Берна, въ который пріѣхалъ довольно поздно.

¹⁾ Т. е. Вы, вѣроятно, направляетесь въ Кларенъ ради барона Этанжъ и его дочери. Я покажу вамъ мѣсто, гдѣ нѣкогда былъ ихъ домъ.—Развѣ вы читали эту исторію?—Да; это такъ же интересно, какъ романъ, хотя все это совершенная правда.

²⁾ Рѣчь идетъ о романѣ Жанъ-Жака Руссо *Julie, ou la Nouvelle Héloïse*.

³⁾ Байрона. Эту поэму Жуковский и перевелъ въ 1821 году.

⁴⁾ Бониваръ (Bonivard), женевскій гражданинъ, мученикъ вѣры и патриотизма, былъ, по приказанію герцога Савойскаго Карла III, заключенъ въ Шильонскій замокъ, гдѣ онъ томился съ 1530 по 1537 годъ; его и обезсмертилъ Байронъ въ своемъ „Шильонскомъ узникѣ“.

⁵⁾ Побѣда была одержана швейцарцами 22-го іюня 1476 г. при мѣстечкѣ Муртенъ надъ Бургундскимъ герцогомъ Карломъ Смѣлымъ. Вѣсть о побѣдѣ была въ тотъ же день принесена во Фрейбургъ однимъ изъ участниковъ битвы; принесенная имъ вѣтка липы, по преданію, и была тогда же посажена во Фрейбургѣ.

Бернская природа соединяетъ въ себѣ съ удивительною обработанностію (вездѣ чувствительно изобиліе и довольство) всѣ простыя прелести сельскимъ и все великолѣпнѣе альпійское. Ни въ одномъ изъ кантоновъ, мною видѣнныхъ, не видалъ я такихъ живописныхъ крестьянскихъ домовъ, какъ въ Бернскомъ: ихъ архитектура совершенно сельская и весьма оригинальная! Чистота внѣшняя и внутренняя плѣняютъ глаза и удовлетворяютъ чувству. Въ Швейцаріи понялъ я, что поэтическія описанія блаженной сельской жизни имѣютъ смыслъ прозаически справедливый. Въ этихъ хижинахъ обитаетъ независимость, огражденная отеческимъ правительствомъ; они живутъ не для того единственно, чтобы тяжкимъ трудомъ поддерживать физическое бытіе свое, но имѣютъ и счастье, простое, разнообразное, но счастье, то-есть свободное наслажденіе самимъ собою. Въ Бернѣ пробылъ я недолго: спѣшилъ воспользоваться временемъ, которое было прекрасное, хотя знойное. Я успѣлъ только осмотрѣть музеумъ и провести цѣлый день въ Гофвилѣ у Фелленберга ¹⁾ (я видѣлъ тамъ нашихъ Шуваловыхъ ²⁾), оба очень любезны; младшій есть графиня Катерина Петровна въ сертукѣ, съ лицомъ загорѣлымъ отъ жара). Наконецъ я въ Оберландѣ! И эта послѣдняя часть моего путешествія была самая счастливая, самая богатая живыми, чистыми наслажденіями природы. Я былъ весьма благодаренъ самому себѣ за то, что пожертвовалъ Ивердономъ и Невшателемъ: имѣя болѣе времени, я могъ вездѣ выжидать благопріятной погоды. Озеро Туизъ, несравненная долина Интерлакенъ, ночь посреди горъ, подъ облачнымъ, бурнымъ небомъ, вечеръ на вершинѣ горы der Kleine Rügen въ виду ясной Юнгфрау, все путешествіе въ Лаутербрунненъ, чудесная лунная ночь въ Лаутербрунненской долинѣ и Штауббахъ, переходъ при свѣтѣ луны и при ясномъ восхожденіи солнца черезъ Wengen(alp) въ Grindelwald и видъ Jungfrau во всемъ ея величій, долина Гриндельвальдъ и ея глетшеры, возвращеніе въ Интерлакенъ и плаваніе по Бріенцкому озеру къ Гисбаху и въ Трахтъ, вечеръ въ Бріенцѣ, переходъ въ Мейрингенъ, нѣсколько прогулокъ по несравненной долинѣ Гасли и обзоръ Рейхенбаха при яркомъ солнцѣ, наконецъ путешествіе черезъ Брюнигъ въ Саксленъ ³⁾ и изъ Сакслена въ тотъ же день черезъ долину Мельхталъ мимо кельи, въ которой жилъ отшельникъ Клаусъ ⁴⁾, въ Станцъ (путешествіе, продолжавшееся 12 часовъ сряду,

¹⁾ Филиппъ-Эммануилъ Фелленбергъ (Fellenberg, р. 1771 † 1844), извѣстный педагогъ, основавшій въ Гофвилѣ цѣлый рядъ воспитательныхъ заведеній.

²⁾ Братъевъ графини Екатерины Петровны Шуваловой (фрейлины великой княгини Александры Ѳеодоровны), графовъ Андрея Петровича (впослѣдствіи оберъ-гофмаршала) и Григорія Петровича.

³⁾ Т. е. Саксельнъ.

⁴⁾ Nikolaus von der Flüe († 1487), извѣстный подъ именемъ Клауса, мужъ святой жизни, память котораго весьма почитается въ сѣверной Швейцаріи.

но безъ усталости)—вотъ драгоценныя воспоминанія, которыя, какъ вы говорите, останутся сокровищемъ на цѣлую жизнь!—Дождикъ начался, когда я пришелъ (уже поздно ночью) въ Станцъ, и кончился, когда я вышелъ, чтобы сѣсть въ Станцстадтъ въ лодку и плыть въ Люцернъ. И въ Люцернѣ не помѣшалъ онъ мнѣ видѣть окрестностей, и видѣть въ самомъ выгодномъ освѣщеніи: мнѣ всегда удавалось выбирать благоприятную минуту; окрестности Люцерна, можетъ быть, самыя живописныя въ Швейцаріи. Нельзя изобразить того великолѣпія, которое представляетъ хаосъ горъ, окружающихъ озеро 4 кантоновъ и видимыхъ съ люцернскаго моста: особливо при захожденіи солнца, когда снѣжныя горы сіяютъ и мало по малу гаснутъ.—Въ Люцернѣ есть теперь памятникъ, которому нѣтъ подобнаго въ огромности: въ высокой скалѣ высѣчена пещера, и въ глубинѣ ея лежитъ на щитѣ, означенномъ лиліями, умирающій левъ. Этотъ левъ ростомъ своимъ отвѣчаетъ огромному своему пьедесталу: передъ скалою прудъ, въ которомъ отражается вся эта громада. Торвальдсенъ ¹⁾ сдѣлалъ рисунокъ льва, а скульпторъ есть нѣкто Ahorn изъ Констанца. Памятникъ воздвигнутъ въ честь швейцаровъ, погибшихъ въ Парижѣ 10 августа 1792 ²⁾.—Я сдержалъ обѣщаніе, данное мною Риги, и изъ Люцерна поплылъ въ Weggis откуда ведетъ весьма покойная и обильная прекрасными видами дорога на высоту горы. И въ этотъ разъ имѣлъ я нѣсколько незабвенныхъ минутъ: видѣлъ всю бездну горъ, освѣщенныхъ вечерами и утреннимъ солнцемъ. Я возвратился тою же дорогою, и изъ Веггиса поплылъ въ Кюсснахтъ, чтобы видѣть die Hohle Gasse, гдѣ Вильгельмъ Тель застрѣлилъ Геслера, потомъ черезъ Цугское озеро въ Цугъ, гдѣ наслаждался вѣздомъ папскаго нунція, принятаго съ пушечными выстрѣлами и съ колѣнопреклоненіемъ. Берегомъ Цириха дошелъ я только до деревни Wädenschwyl ³⁾ откуда хотѣлъ переплыть въ Rapperswyl, чтобы потомъ богатыми деревнями, лежащими на противномъ берегу озера, идти въ Цирихъ пѣшкомъ, но дождикъ, соединенный съ сильнымъ противнымъ вѣтромъ, помѣшалъ мнѣ исполнить этотъ планъ. Это было во второй разъ во все мое путешествіе. Но, потерявъ съ одной стороны, я выигралъ съ другой. Я поплылъ изъ Wädenschwyl прямо въ Цирихъ: сильный вѣтеръ и дождикъ меня преслѣдовали, но я видѣлъ удивительную картину волнующагося озера; было что-то величественное, разительно напоминающее о Провидѣніи, въ этой легкой лодкѣ, которая, несмотря на брызжущія кругомъ волны, все плыла своею дорогою, въ этихъ облакахъ, которыя сзади налетали съ дождемъ, но сквозь которыя изрѣдка проглядывало небо, и въ этомъ сильномъ вѣтрѣ, который своею

¹⁾ Знаменитый датскій скульпторъ (р. 1770 † 1844).

²⁾ При защитѣ Тюильри.

³⁾ T. e. Wädensweil.

бурею только быстрѣ мчалъ къ пристани. И не вдали отъ этой пристани все утихло, и солнце удивительно украсило и берега, и горы, и воду, и близкій, какъ будто выходящій изъ озера, Цюрихъ. Очувившись опять на томъ мѣстѣ, съ котораго за полтора мѣсяца началось мое путешествіе, столь богатое разнообразными ощущеніями, я подумалъ, что совсѣмъ не покидалъ его. Я видѣлъ прекрасный сонъ—но воспоминаніе бережетъ прошедшее. Въ Цюрихѣ простился я съ Швейцарією и поѣхалъ черезъ Эглизау въ Шафгаузенъ, чтобы взглянуть на Рейнскій водопадъ. Онъ поразилъ меня, но не плѣнилъ, какъ нѣкоторые другіе швейцарскіе водопады, гораздо болѣе живописные. Если смотрѣть на него, какъ на водопадъ, если видѣть всю полную картину паденія, то онъ не имѣетъ ничего особенно разительнаго. Спереди—онъ не иное что, какъ невысокій водяной уступъ, шумящій и пѣнный, посреда котораго чернѣетъ нѣсколько утесовъ, изрытыхъ силою воды; сверху—видишь всю рѣку, тихо идущую къ тому уступу, съ котораго она падаетъ, и сила паденія почти непримѣтна: плываешься блескомъ солнца на водѣ и радугою на пѣнномъ туманѣ. Но разительное, неописанное зрѣлище представляется глазамъ, когда смотришь на паденіе вблизи, съ галлерей, построенной на берегу у самаго водопада: тутъ уже нѣтъ водопада, нѣтъ картины; стоишь въ хаосѣ пѣны, грома и волнъ, не имѣющихъ никакого образа; и это зрѣлище безъ солнца еще величественнѣе, нежели при солнцѣ: лучи, освѣщая волны, даютъ имъ нѣкоторую видимую, знакомую форму; но безъ лучей все теряетъ образъ; мимо тебя летаютъ съ громомъ, свистомъ и ревомъ какіе-то необъятные призраки, которые бросаются впередъ, клубятся, выются, поднимаются облакомъ дыма, взлетаютъ снопомъ шипящихъ водяныхъ ракетъ, одинъ другому пересѣкаютъ дорогу и, встрѣчаясь, расшибаются въ дребезги: это картина неописанная. На галлерей можно стоять безъ малѣйшей опасности, но волны такъ безпорядочны, что иногда совсѣмъ неожиданно бываешь облитъ съ головы до ногъ. Рейнской водопадъ достоинъ своей славы. Посреди самаго паденія торчитъ нѣсколько утесовъ: со временемъ они исчезнутъ; одинъ изъ нихъ такъ истертъ водами, что ему не прожить и полвѣка. На вершинѣ самаго высокаго стоитъ деревянная фигура; она была выкрашена, но краску смыло водою; осталась одна надпись: *Deus mea spes!* Богъ моя надежда! Мысль прекрасная! Въ маленькомъ замкѣ Wörth можно видѣть весь водопадъ въ камеробскурѣ: на бумагѣ представляется все паденіе, вода волнуется, солнце свѣтитъ и исчезаетъ, вѣтеръ разноситъ брызги, и слышный не вдали шумъ довершаетъ очарованіе.—Изъ Шафгаузена, черезъ Тютлингенъ ¹⁾, Nehingen ²⁾ и Tübingen, поѣхалъ

¹⁾ Т. е. Tuttlingen, городъ въ Виртембергѣ.

²⁾ Т. е. Nechingen.

я въ Штутгардъ. Сначала я хотѣлъ ѣхать черезъ Стразбургъ, Раштатъ и Баденъ, но краткость времени заставила меня перемѣнить этотъ планъ. Близъ Хехингена я свернулъ съ дороги и, отпустивъ свою коляску на почту, отправился къ развалинамъ замка Гогенцоллерна. Положеніе его чрезвычайно величественное: онъ стоитъ на высокой горѣ, отъ всѣхъ другихъ отдѣлившейся, и какъ будто царствуетъ надъ амфитеатромъ горъ, которыя позади его ограничиваютъ необъятную равнину. Страшный вѣтеръ бушевалъ, когда я взлѣзъ на крутизну горы, покрытой мелкими, безпрестанно осыпающимися камнями; деревянная рѣшетка на воротахъ замка поднята; всѣ стѣны болѣе или менѣе разрушены; но церковь уцѣлѣла, и въ одной огромной палатѣ хранится множество желѣзныхъ, покрытыхъ ржавчиною латъ; на дворѣ, заросшемъ высокою травой, стоитъ уединенно старая липа, можетъ быть, выдавшаяся подъ тѣнью своею древнихъ обитателей замка. Было что-то уныло-величественное въ мертвой его пустотѣ, въ горномъ его одиночествѣ и въ свистѣ вѣтра, который, летая кругомъ, какъ будто изображалъ могущее время, разрушившее эти стѣны.—Въ Штутгардѣ я успѣлъ видѣть ту церковь, въ которой молилась наша Екатерина ¹⁾: кресла ея стоятъ еще на своемъ мѣстѣ; я долго, съ грустнымъ чувствомъ, смотрѣлъ на тотъ образъ, которымъ въ послѣдній разъ благословилъ ее государь: на немъ изображенъ Александръ Невскій; видны Нева, Зимній дворецъ и надъ ними радуга, прекрасное, но минутное явленіе неба. Я видѣлъ и прелестныхъ ея дѣтей: когда я къ нимъ пришелъ, то онѣ играли вмѣстѣ на коврѣ. Старшая, принцесса Марія, долго дичилась и смотрѣла на меня вкось, прижавшись къ графинѣ Берольдингенъ, а младшая, принцесса Софія, скоро ко мнѣ подошла и разомъ нѣсколько вопросовъ: *Was macht die Grossmutter Kaiserin, die Tante Kaiserin, der Onkel Kaiser, die Tante Nicolas?* Это ободрило и другую. Ей сказали, что я былъ въ Швейцаріи, и она начала у меня разспрашивать: видѣлъ ли я медвѣдей и волковъ. И я ей разсказалъ, какъ я кормилъ въ Бернѣ прыжками медвѣдей и какъ видѣлъ чучелу огромнаго волка. Принцесса Софія никакъ не можетъ забыть того уса, который приклеилъ ей *der Onkel Nicolas*, и никакъ не соглашается его простить. Когда я сталъ имъ откланиваться, то обѣ въ одинъ голосъ твердили: *Grüssen sie die Grossmutter Marie, die Tante Kaiserin, den Onkel Kaiser*. Прелестныя дѣти! Полныя умнаго выраженія лица! Очень было мило ихъ видѣть играющихъ на коврѣ, въ бѣленькихъ платьцахъ, съ свѣтлыми клубящимися волосами; обѣ очень живы; на лицахъ написано здоровье! Я былъ у нихъ два раза; въ послѣдній разъ засталъ ихъ за важнымъ дѣломъ: обѣ сидѣли за малень-

¹⁾ Королева Виртембергская Екатерина Павловна (р. 1788 † 1819).

кимъ столикомъ, одна противъ другой, и передъ каждою стояла тарелка винограда. Когда надобно было простаться и сказать мнѣ: grüssen Sie die Grossmutter Kaiserin, то графиня Берольдингенъ напомнила мнѣ, что это надобно говорить, стоя. Старшая, которой жаль было своего винограда, сначала заупрямилась и не хотѣла встать, но младшая тотчасъ встала; этотъ примѣръ подѣйствовалъ и на другую, и обѣ очень мило прошептали поклонъ свой государынѣ. Былъ разговоръ и объ усѣ, и великій князь наконецъ получилъ свое прощеніе. О картинахъ Буассере ¹⁾, которыя видѣлъ я съ большимъ наслажденіемъ, и о работахъ Даннекера ²⁾, съ которыми мы довольно подружились, представлю вашему высочеству свой отчетъ въ надлежащее время. Это письмо, какъ оно ни длинно, есть не иное что, какъ одинъ сапечаз; предвижу, что будетъ еще нѣсколько № Лалла Рукъ или Для немногихъ ³⁾.—Моя болѣзнь, которая, кажется, со мною разсталась, лишила меня окрестностей Штутгарда, я не видалъ ни Solitude, ни Канштата; не могъ осмотрѣть и благодѣтельныхъ заведеній покойной королевы: десять дней не выходилъ я изъ горницы! Нынче въ первый разъ позволилъ я себѣ сдѣлать большую прогулку: утро посвятилъ галлерей Буассере, которую осматривалъ вмѣстѣ съ Даннекеромъ, а послѣ обѣда путешествію на Rothenberg: это высокій холмъ, на которомъ находился прародительскій замокъ фамиліи Виртембергской; онъ разрушился, и мѣсто его развалинъ займетъ теперь зданіе, столь же разительно напоминающее о непрочности великаго и прекраснаго, церковь, въ которую будутъ перенесены остатки нашей Екатерины. Прекрасная ротонда съ четырьмя порталами. Я видѣлъ мѣсто, на которомъ будетъ стоять гробъ. Какой прекрасный и трогательный памятникъ! Съ порога этой надгробной церкви восхитительный видъ на живую природу.

¹⁾ См. выше, стр. 337.

²⁾ Известный скульпторъ Іоганнъ - Генрихъ Даннекеръ (Dannecker p. 1758 † 1841).

³⁾ „Для немногихъ“—сборникъ произведеній Жуковского, изданный имъ въ шести небольшихъ книжечкахъ, въ 1818 году, въ Москвѣ. Изданіе это предназначалось главнымъ образомъ для великой княгини Александры Ѳеодоровны и печаталось въ самомъ ограниченномъ числѣ экземпляровъ. „Лалла Рукъ“—рукописный журналъ Жуковского, тоже, по всему вѣроятію, предназначавшійся для великой княгини Александры Ѳеодоровны и относящійся ко времени его пребыванія въ Берлинѣ въ 1821 году. Въ собраніи автографовъ Императорской Публичной Библіотеки хранится № 2 этого журнала „Лалла Рукъ“ (въ 8-ю д. л., 27 листовъ); на заглавномъ листѣ стоитъ помѣта: „1821, апрѣль. Берлинъ (въ концѣ нумера находится помѣта: Берлинъ 3-го апрѣля 1821). Этотъ второй нумеръ „Лалла Рукъ“ заключаетъ въ себѣ набѣло переписанный переводъ Жуковского „Орлеанской Дѣвы“ (съ 3-го явленія IV-го дѣйствія до конца драмы).

19 октября.

Я покинулъ Штутгардъ и теперь въ Франкфуртъ ¹⁾. Это письмо ваше высочество получите не задолго до моего возвращенія. Я осмѣлюсь исполнѣ воспользоваться вашею милостію и употреблю дни четыре лишніе на то, чтобы взглянуть на Рейнъ, хотя не надѣюсь увидѣть его во всей красотѣ: время нахмурилось, и осенніе туманы одолѣли солнце. Потомъ прямо въ Берлинъ черезъ Веймаръ и Дессау. Въ Веймарѣ надобно будетъ пробыть дни два, въ Дессау день, въ Берлинѣ... сколько, не знаю, но какъ можно менѣе. Прошу напередъ у вашего высочества позволенія остановиться на нѣсколько дней въ Дерптѣ у моихъ родныхъ ²⁾, съ которыми давно не видался и надолго долженъ буду разстаться. Объ остальномъ моемъ путешествіи представляю вашему высочеству отчетъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ. Я имѣлъ счастье слышать здѣсь отъ барона Анштета ³⁾, что путешествіе и воды сдѣлали большое добро здоровью вашего высочества. Итакъ gewissenhaft ⁴⁾ не пустое слово! Дай Богъ! Дай Богъ, чтобы вы имѣли все то счастье, котораго достойны! Этимъ драгоценнымъ для меня желаніемъ заключаю длинное письмо мое.

Государю великому князю приношу глубочайшее мое почтеніе.

Съ чувствомъ привязанности, благодарности и неограниченнаго почтенія честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковский.

5.

1 (13) ноября 1821, Берлинъ.

Я имѣлъ честь писать къ вашему императорскому высочеству изъ Штутгарда, гдѣ пробылъ двѣ недѣли больноі; но письмо мое лежитъ во Франкфуртѣ на Майнѣ въ ожиданіи курьера. А я уже въ Берлинѣ, четвертый день ⁵⁾, но еще не видалъ никого, потому что путешествіе опять меня разстроило и болѣзнь принудила всѣ эти четыре дня про-

¹⁾ Во Франкфуртъ на Майнѣ Жуковский пріѣхалъ ночью 6-го (18-го) октября.

²⁾ Въ Дерптѣ жила сестра Жуковскаго Е. А. Протасова и ея дочь, Марья Андреевна Мойеръ. На возвратномъ пути въ Петербургъ Жуковский провелъ тамъ семь дней, съ 29-го января по 4-е февраля 1822 года.

³⁾ Нашего посланника во Франкфуртъ на Майнѣ, барона Ивана Осиповича Анштета.

⁴⁾ Т. е. добросовѣстно. Ср. „Русскую Старину“ 1901 г., октябрь, стр. 223.

⁵⁾ Въ Берлинѣ Жуковский пріѣхалъ, какъ видно изъ его дневника, вечеромъ 7-го ноября н. ст.

сидѣть дома. Завтра надѣюсь выйти изъ своего заточенія, но считаю себя принужденнымъ пребыть не менѣ двухъ недѣль въ Берлинѣ ¹⁾, чтобы совершенно оправиться, и напередъ прошу у вашего императорскаго высочества милостиваго на это позволенія. Остальная дорога до Россіи довольно затруднительна для больного, и какъ ни сильно мое нетерпѣніе опять быть при вашемъ высочествѣ и снова заняться своею драгоцѣнною должностію, но предвижу, что мое путешествіе можетъ продолжаться долѣе, нежели сколько бы я желалъ.

Во франкфуртскомъ моемъ письмѣ описано вкратцѣ мое путешествіе по Швейцаріи. На Рейнъ я только что взглянулъ; краткость времени не позволила мнѣ нигдѣ остановиться, и я все видѣлъ мелькомъ. Изъ Франкфурта поѣхалъ я черезъ Висбаденъ въ Рюдесгеймъ откуда пѣшкомъ черезъ Niederwald въ Асмансгаузенъ, потомъ водою до Кобленца, а изъ Кобленца берегомъ назадъ въ Бингенъ и потомъ мимо Rohus Capelle ²⁾, черезъ Nieder-Ingelheim и Майнцъ, въ Франкфуртъ. Я видѣлъ прекрасно Niederwald и Rohus Capelle; но плаваніе по Рейну было не такъ удачно: пасмурная осенняя погода затуманила для меня красоту рейнскихъ береговъ. Но я не раскаиваюсь, что ихъ видѣлъ: они прекрасны и послѣ Швейцаріи. Изъ Франкфурта черезъ Веймаръ и Лейпцигъ поѣхалъ я въ Дрезденъ. Отъ спѣху не могъ пребыть въ Веймарѣ болѣе одного дня; тамъ имѣлъ счастье предстать ея императорскому высочеству великой княгинѣ Маріи Павловнѣ ³⁾, которая приняла меня съ очаровательною милостію, и ея же милости обязанъ я свиданіемъ съ Гёте; онъ находился въ Іенѣ, и, чтобы я имѣлъ время къ нему съѣздить, ея высочеству угодно было прислать мнѣ коляску, и я въ тотъ же день видѣлъ поэта ⁴⁾. Но свиданіе мое съ нимъ было похоже на плаваніе мое по Рейну; оно было туманное, хотя онъ принялъ меня съ ласкою.—Прошу у вашего императорскаго высочества прощенія, что я не заѣхалъ въ Дессау. Въ Дрезденѣ находился больнымъ одинъ изъ моихъ короткихъ друзей ⁵⁾, съ кото-

¹⁾ На самомъ дѣлѣ Жуковскій прожилъ въ Берлинѣ съ небольшимъ два мѣсяца; онъ покинулъ Берлинъ 12-го (24-го) января 1822 года, какъ видно изъ его дневника.

²⁾ Т. е. Rochuscappelle.

³⁾ Герцогинѣ Саксенъ-Веймарской.

⁴⁾ Свиданіе Жуковскаго съ Гёте происходило 17-го (29-го) октября. См. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 167.

⁵⁾ К. Н. Батюшковъ, уже тогда начинавшій страдать психическимъ разстройствомъ. Съ Батюшковымъ Жуковскій видѣлся 2-го и 4-го ноября н. с. 1821 г. (см. „Дневники В. А. Жуковскаго“, стр. 168). Въ послѣдній разъ они видѣлись въ Петербургѣ передъ отъѣздомъ Батюшкова за границу въ концѣ ноября 1818 г. Послѣ свиданія Жуковскій увидѣлъ Батюшкова, уже совсѣмъ

рымъ я нѣсколько лѣтъ не видался и котораго, вѣроятно, нѣсколько лѣтъ не увижу: я не могъ отказаться отъ свиданія съ нимъ; а теперь доволенъ этимъ путешествіемъ въ Дрезденъ и по другимъ обстоятельствамъ, о которыхъ буду имѣть честь говорить лично съ вашимъ высочествомъ. Въ Дрезденѣ кончилось мое счастье, дотоѣ невѣроятно постоянное; вплоть до Берлина преслѣдовала меня холодная, дождливая погода, и ей обязанъ я возобновленіемъ своей болѣзни. Завтра однако надѣюсь вытти и имѣть счастье представиться его величеству королю. О моихъ берлинскихъ приключеніяхъ буду имѣть честь представить словесный отчетъ вашему императорскому высочеству. Нетерпѣливо жду минуты, въ которую буду имѣть это счастье.

Его императорскому высочеству государю великому князю приношу мое глубочайшее почтеніе.

Съ неограниченнымъ, глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть вашего императорскаго высочества покорнѣйшимъ слугою Жуковскій.

Сообщилъ И. А. Вычковъ.

больного, въ 1823 г. въ Петербургѣ (см. біографію Батюшкова, написанную Л. Н. Майковымъ и помѣщенную въ началѣ I тома Сочиненій К. Н. Батюшкова, Спб. 1887, стр. 269 и 298—300).

Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка.

(По бумагамъ графа Франца-Габріэля де-Брэ).

(1808—1812 гг.).

Назначеніе де-Брэ посланникомъ въ Петербургъ.—Его положеніе въ Россіи.—Поѣздка въ Парижъ.—Приготовленіе Франціи къ войнѣ съ Россіею.—Переговоры де-Брэ съ герцогомъ Бассано.—Возвращеніе въ Парижъ Коленкура и его объясненіе съ Наполеономъ.—Возвращеніе де-Брэ въ Петербургъ.—Состояніе Россіи передъ войною 1812 года.—Отношенія Баваріи къ Россіи.

е-Брэ, назначенный посланникомъ въ Петербургъ въ 1808 г., вступилъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года въ исполненіе своихъ обязанностей и писалъ нѣсколько времени спустя своему другу, баварскому посланнику въ Дрезденѣ, барону Пфелю, что исполненіе этихъ обязанностей было для него, по многимъ причинамъ, легче, нежели другимъ. Онъ былъ еще со времени своей поѣздки въ 1799 и 1800 гг. хорошо знакомъ съ тою сферою, въ которой ему предстояло дѣйствовать; при томъ, какъ видно изъ оставленныхъ имъ многочисленныхъ записокъ, онъ прилежно изучалъ систему управленія и финансы русскаго государства, а съ русскимъ дворомъ былъ хорошо знакомъ по сообщеніямъ своего предшественника. Кромѣ того де-Брэ былъ рекомендованъ съ наилучшей стороны самому вліятельному изъ членовъ дипломатическаго корпуса, французскому посланнику Коленкуру, герцогу Виченскому, а чрезъ свою жену, рожденную фонъ-Левенштертъ, имѣлъ обширныя связи съ представителями весьма многочисленнаго въ Петербургѣ и въ то время весьма вліятельнаго балтійскаго дворянства.

Благодаря такому счастливому стеченію обстоятельствъ и своимъ личнымъ качествамъ, дипломатъ счумѣлъ поставить себя въ Петербургѣ такъ, что его домъ сдѣлался однимъ изъ наиболѣе посѣщаемыхъ аристократическихъ салоновъ, и онъ всего нѣскольکو мѣсяцевъ спустя послѣ своего пріѣзда успѣлъ снискать особое благоволеніе императора Александра I.

Высказывая въ своихъ письмахъ надежду на прочность русско-французской дружбы и распространяясь о преимуществахъ, какія принесло Россіи присоединеніе къ «французской системѣ», де-Брэ имѣлъ на это довольно вѣскія основанія. У императора Александра были развязаны руки относительно Турціи и Швеціи, онъ закончилъ завоеваніе Финляндіи и имѣлъ возможность поддерживать такія хорошія отношенія ко двору позорно брошенной на произволъ судьбы Пруссіи, что посѣщеніе Петербурга Фридрихомъ-Вильгельмомъ III и королевою Луизою носило вполне «сердечный» характеръ и сопровождалось рядомъ блестящихъ празднествъ, въ которыхъ принималъ участіе и французскій посланникъ. Восхваляя преимущества французской «системы» и «великія» качества ея основателя, де-Брэ намекаетъ на то, что въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было жаждали мира, и что союзники Франціи имѣли право ожидать, что у нихъ установятся съ нею наконецъ опредѣленныя отношенія.

Въ послѣдующіе годы де-Брэ высказывалъ въ своихъ письмахъ ту же увѣренность въ непоколебимости «французской системы» и франкорусской дружбы; но при этомъ онъ такъ часто и настойчиво возвращался къ этому предмету, говоря, что императоръ Александръ также дорожилъ дружбою съ Франціей и руководящіе круги петербургскаго общества раздѣляли чувства монарха, что невольно приходитъ на умъ, не старался ли онъ этимъ поддержать въ себѣ въ томъ увѣренность.

Но съ начала 1810 года у де-Брэ уже являются подозрѣнія къ «безпокойной дѣятельности великаго человѣка». Эти подозрѣнія еще болѣе увеличились лѣтомъ 1811 г. во время поѣздки де-Брэ въ Парижъ, вызванной кончиною его брата. Узнавъ объ его пріѣздѣ, Наполеонъ, слышавшій о де-Брэ, какъ о человѣкѣ, преданномъ Россіи и хорошо съ нею знакомомъ, поручилъ герцогу Бассано вывѣдать мнѣніе графа о положеніи дѣлъ. 5-го іюля 1811 г. де-Брэ изложилъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ этой бесѣды, и свой взглядъ на событія, въ объемистой запискѣ, которая была препровождена имъ баварскому правительству.

«Въ то время какъ я пріѣхалъ въ Парижъ (11-го мая), всѣ говорили о предстоявшей войнѣ съ Россіей,—читаемъ въ этой запискѣ. Армія спѣшно вооружалась; императоръ производилъ смотръ войскамъ, коими должны были усилить армію маршала Сульта, и поляки, находившіеся

въ Парижѣ, въ числѣ которыхъ былъ и князь Понятовскій, не скрывали своихъ надеждъ, а между тѣмъ депеши герцога Виченскаго (Колонкура) были такого рода, что онѣ могли успокоить императора, и заступившій мѣсто герцога Кадора (Шампаньи) въ управленіи министерствомъ иностранныхъ дѣлъ герцогъ Бассано былъ одушевленъ самыми миролюбивыми намѣреніями и искренно желалъ не начинать своей министерской карьеры войною, которая могла окончиться дурно. Герцогъ Бассано былъ первый человѣкъ, съ коимъ я пространно говорилъ о Россіи. Однажды, пріѣхавъ изъ Сентъ-Клу, гдѣ онъ видѣлся съ монархомъ, онъ завелъ со мною по порученію Наполеона разговоръ, чтобы узнать мое мнѣніе. Я сказалъ ему, что я уѣхалъ изъ Петербурга нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и что въ такое время, когда событія слѣдуютъ столь быстро одно за другимъ, многое могло уже переимѣниться...

— Но должны же быть,—говорилъ Бассано,—извѣстные принципы, которые не могутъ измѣниться. Полагаете ли вы, что императоръ Александръ былъ нашимъ другомъ?

— Я не только не сомнѣваюсь въ томъ,—отвѣчалъ де-Брэ,—что онъ былъ таковымъ, я иду далѣе и полагаю, что онъ вамъ другъ и теперь и останется таковымъ до тѣхъ поръ, пока императоръ (Наполеонъ) этого пожелаетъ.

— Съ нѣкоторыхъ поръ онъ уже не даетъ намъ никакихъ доказательствъ своей дружбы. Почему онъ вооружается противъ насъ, почему прервалъ онъ войну противъ Турціи, чтобы двинуть четыре армейскихъ корпуса изъ Молдавіи къ границѣ Польши? Что означаетъ указъ, коимъ воспрещенъ ввозъ нашихъ товаровъ и учреждена русская блокада на континентѣ? ¹⁾ Развѣ это есть доказательство дружескихъ отношеній? Вообще, какія услуги оказала намъ Россія? Во время войны съ Австріей, ея войска сдерживали поляковъ вмѣсто того, чтобы поддержать ихъ, и она держала себя такъ, что они (поляки) должны были остерегаться одинаково Австріи и Россіи. Я бы не удивился, если бы императоръ, по заключеніи мира въ Вѣнѣ, обратилъ свое оружіе противъ Россіи и отомстилъ бы этому коварному другу въ союзѣ съ Австріей. Наконецъ, что означаетъ циркуляръ, разосланный дружественнымъ Франціи державамъ (относительно оккупации французами Ольденбурга), который былъ принятъ императоромъ съ такимъ удивительнымъ хладнокровіемъ и по поводу котораго, говоря откровенно, я думалъ, что онъ сдѣлаетъ войну неизбежною.

— Я попытаюсь,—отвѣчалъ де-Брэ,—съ вашего позволенія, отвѣтить на эти вопросы. Вы удивляетесь, что Россія забила тревогу и выставила войска на границу; но вы забываете, что Франція отодвинула гра-

¹⁾ Говорится о новомъ тарифѣ 1810 года.

ницы своей имперіи до Балтійскаго моря и присвоила себѣ владѣнія Ольденбургскаго принца, неприкосновенность которыхъ была гарантирована Тильзитскимъ мирнымъ договоромъ. Такъ какъ вначалѣ была рѣчь только о военной оккупациі Ольденбурга, то Россія не протестовала противъ этого и ручалась дядѣ императора въ томъ, что онъ не можетъ лишиться своихъ владѣній, что ему нечего опасаться. И вдругъ, въ тотъ самый моментъ, когда герцогъ Ольденбургскій получилъ сдѣланное самой Франціей по поводу этого сообщеніе, французскій генералъ овладѣлъ герцогствомъ и опечаталъ его кассу. Столь послѣдствіи образъ дѣйствій въ связи съ такими важными мѣропріятіями долженъ былъ встревожить Россію. Планы императора Наполеона такъ обширны, что трудно предвидѣть, гдѣ имъ будетъ предѣлъ. Россія почувствовала, что ей угрожаетъ опасность, и боялась быть застигнутой врасплохъ. Она вооружилась, но въ то же время объяснила свой образъ дѣйствій и сама потребовала объясненій. Что касается вышеупомянутого указа, то надобно принять въ соображеніе слѣдующее: вексельный курсъ на Россію былъ такъ плохъ, что она сочла нужнымъ уменьшить ввозъ для того, чтобы выполнить принятія ею на себя обязательства и пополнить убытки, причиненные ей прекращеніемъ вывоза ея продуктовъ. Кромѣ того этотъ указъ былъ изданъ всего на шесть мѣсяцевъ, и надобно полагать, что срокъ его не будетъ продленъ. Совершенно вѣрно, что война (1809 г.) ведена была неудачно, но въ этомъ виновата армія, а не императоръ, который ни минуты не колебался относительно тѣхъ мѣръ, какія ему надлежало принять, чтобы доказать свое дружеское расположеніе къ Франціи. Я былъ свидѣтелемъ, съ какою радостью онъ выслушалъ извѣстіе о побѣдѣ императора Наполеона и съ какимъ достоинствомъ онъ отвергъ намеки нѣкоторыхъ близкихъ къ нему лицъ, не имѣющихъ впрочемъ никакого политическаго вліянія. Что касается наконецъ до циркуляра, то вашему превосходительству извѣстна его исторія... Что же изъ этого слѣдуетъ въ концѣ концовъ? Ничего такого, что могло бы быть непріятно для Франціи; вдобавокъ, циркуляръ обращенъ не къ врагамъ, а къ ближайшимъ друзьямъ императора Наполеона! Могъ ли императоръ Александръ допустить, чтобы въ Европѣ укоренилось мнѣніе, будто онъ одобряетъ фактъ нарушенія правъ близкаго родственника своего дома и готовъ снести это только потому, что здѣсь (т. е. со стороны Франціи) не приняли во вниманіе его заявленія? Достоинство Россіи требовало, чтобы въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ была сдѣлана по меньшей мѣрѣ демонстрація, въ отвѣтъ на то, что близкій родственникъ императора лишился своей собственности, обладаніе которой было гарантировано ему... Я твердо увѣренъ въ томъ, что императоръ Александръ далекъ отъ мысли желать войны съ императоромъ Наполеономъ. Не говоря уже о привязан-

ности, какую онъ питаетъ къ вашему монарху, онъ считаетъ его, совершенно основательно, самымъ опаснымъ изъ враговъ. Россія можетъ быть вынуждена воевать съ Франціей, но она никогда не рѣшится начать войну по своему собственному побужденію.

Герцогъ сказалъ на это, что я являюсь какъ бы порукою за добрыя намѣренія Россіи, что герцогъ Виченскій пишетъ въ томъ же смыслѣ, но сообщаетъ въ своихъ донесеніяхъ только то, что говоритъ ему императоръ Александръ, а этого, въ концѣ концовъ, недостаточно.

— Герцогъ правъ,—сказалъ я,—а неправы тѣ, кои передаютъ въ своихъ донесеніяхъ салонныя толки. Что бы ни говорили о слабыхъ характерахъ императора Александра, я остаюсь при своемъ мнѣніи, что будетъ то, что онъ хочетъ, и что отъ императора Наполеона зависитъ, что бы онъ остался при прежнихъ желаніяхъ и намѣреніяхъ.

Герцогъ поблагодарилъ меня за то, что я высказалъ ему свое мнѣніе, и сказалъ, что онъ сообщитъ его императору, который (какъ онъ вполне убѣжденъ) приметъ это во вниманіе.

Нѣсколько дней спустя Бассано возвратился къ тому же предмету и разсказалъ мнѣ, что генералъ Лористонъ, послѣ первой же аудіенціи у императора Александра, отправилъ сюда курьера, но его предупредилъ другой курьеръ, посланный герцогомъ Виченскимъ два дня раньше во избѣжаніе подозрѣнія въ томъ, что они сговорились. Оба донесенія написаны въ успокоительномъ тонѣ и видимо успокоили императора. Бассано присовокупилъ, что императоръ не хочетъ войны и что тѣ, кои приписываютъ ему обратное, жестоко ошибаются.

— Стоитъ только присмотрѣться внимательнѣе,—говорилъ онъ,—чтобы убѣдиться, что въ нашихъ поступкахъ ничто не указываетъ на подобное намѣреніе. Развѣ можно сказать, что мы хотимъ прекратить войну съ Испаніей? Напротивъ, мы послали туда еще 90.000 человекъ. Конечно, мы могли бы вести войну на два фронта, но что бы мы выиграли отъ этого? Быть можетъ независимость Польши? Но это не было бы выгодно для насъ, а какъ разъ обратно. Въ томъ видѣ, какъ дѣло обстоитъ въ настоящее время, герцогство Варшавское есть не что иное, какъ французская провинція, всѣ средства которой находятся въ нашемъ распоряженіи и которая существуетъ единственно благодаря Франціи и для Франціи. Если же мы возстановимъ Польшу, то намъ придется имѣть дѣло съ 16 милліонами людей, опыанныхъ независимостью, и со страной, за которую намъ придется пристально слѣдить и которая, разумѣется, не пожелаетъ быть управляема такъ, какъ намъ заблагоразсудится. Развѣ мы стремимся къ завоеваніямъ на сѣверѣ? Спрашивается, какой они имѣли бы смыслъ и кому принесли бы пользу? Вообще, ясно, какъ день, что въ случаѣ войны нашимъ успѣхамъ могла бы помѣшать тысяча случайностей. Русскіе, въ концѣ концовъ, не да-

дутъ намъ одержать рѣшительной побѣды, которая была бы необходима для славы императора. Словомъ, какъ видите, мы не имѣемъ никакого повода желать войны,—но если, ее хотятъ, то, разумѣется, мы съумѣемъ вести ее.

Я возразилъ, что я далекъ отъ мысли, чтобы въ Россіи хотѣли войны и что князь Куракинъ и графъ Нессельроде высказали мнѣ причины, въ силу которыхъ ихъ монархъ рѣшительно желаетъ избѣжать ея, а графъ Нессельроде сказалъ мнѣ въ концѣ концовъ, что объясненіе, посланное императоромъ Александромъ въ Парижъ, написано въ самомъ успокоительномъ тонѣ и съ намѣреніемъ произвести хорошее впечатлѣніе.

— Говорятъ о вооруженіяхъ,—сказалъ мнѣ графъ,—но они будутъ прекращены, какъ только Франція докажетъ, что она не питаетъ противъ Россіи никакихъ враждебныхъ замысловъ. Тогда все пойдетъ по-старому, такъ какъ Россія со своей стороны рѣшила не нападать. Далѣе говорятъ о континентальной системѣ, но вѣдь русскія гавани должны быть закрыты для англичанъ. Подымать же шумъ изъ-за нѣсколькихъ нейтральныхъ судовъ и нѣсколькихъ выданныхъ пропусковъ было бы равносильно явному недоброжелательству и желанію придраться. Франція сама выпускаетъ суда нейтральныхъ державъ, если ихъ бумаги въ порядкѣ, и сама выдаетъ имъ пропуска, если это согласно съ ея интересами! Вы знаете императора и знаете Россію, поэтому вамъ должно быть извѣстно, что у насъ никто не желаетъ войны съ Франціей. Единственно чего всѣ желаютъ—это достигнуть болѣе благопріятнаго для насъ положенія дѣлъ. Если Франція хочетъ упрочить свой союзъ съ нами, то она должна позаботиться о томъ, чтобы этотъ союзъ былъ сносенъ для насъ,—если она желаетъ поддержки съ нашей стороны, то она должна желать, чтобы у насъ были въ рукахъ средства, при помощи которыхъ мы могли бы дѣйствовать. Говорите въ этомъ смыслѣ; если вы будете содѣйствовать поддержанію мира, то вы окажете этимъ услугу Россіи.

Герцогъ Бассано выслушалъ все сказанное мною объ образѣ мыслей Нессельроде съ видимымъ удовольствіемъ. Нѣсколько дней спустя мы бесѣдовали съ нимъ самымъ сердечнымъ образомъ объ извѣстіяхъ, сообщенныхъ графомъ Лористонемъ, и онъ пригласилъ меня и Чернышева совершить вмѣстѣ съ нимъ поѣздку за городъ, въ которой принималъ участіе только самый близкій кружокъ его знакомыхъ.

5-го іюня пріѣхалъ въ Парижъ Коленкуръ; во время аудіенціи у императора, продолжавшейся пять часовъ, онъ высказалъ ему со свойственной ему смѣлостью и откровенностью свой взглядъ о положеніи дѣлъ. Я убѣдился въ томъ, что весьма распространенное тогда мнѣніе, будто отозваніе Коленкура изъ Петербурга было признакомъ охлажде-

нія, происшедшаго въ взаимныхъ отношеніяхъ Франціи къ Россіи, было ошибочно. Герцогъ Бассано просилъ самымъ настоятельнымъ образомъ отозвать его, вслѣдствіе несогласій, возникшихъ между нимъ и бывшимъ министромъ Шампаньи. Онъ говорилъ мнѣ, что онъ охотно остался бы на своемъ посту, если бы онъ зналъ, что министромъ будетъ назначенъ Бассано. Коленкуръ перечислилъ императору всѣ обвиненія, какія поляки предъявляли противъ Россіи и ея яко бы угрожающаго образа дѣйствій.

— Позовите Понятовскаго, — сказалъ онъ, — я укажу на картѣ занятія русскими позиціи и подпишусь подъ этимъ — пусть онъ попробуетъ опровергнуть мои слова, если онъ найдетъ это возможнымъ. Я не имѣю никакого желанія потерять голову, должность и довѣріе вашего величества, но я ручаюсь головою за то, что Россія не намѣревается воевать съ нами и что императоръ Александръ, который по-прежнему питаетъ къ вамъ дружескія чувства, будетъ снова всецѣло преданъ вамъ, если ваше величество это пожелаете. Если ваше величество думаете, что я ошибаюсь, то пригласите сюда де-Брэ, который находится въ настоящее время въ Парижѣ и который подтвердитъ, я увѣренъ, то, что я сказалъ.

Затѣмъ Коленкуръ сказалъ императору, что русскіе готовы на всякія уступки, но что они будутъ сражаться, если имъ не будетъ инаго исхода, и что пораженіе, нанесенное имъ въ случаѣ войны, никоимъ образомъ не поведетъ къ заключенію мира, такъ какъ русскіе отлично понимаютъ, что миръ, заключенный послѣ пораженія, не принесетъ имъ ничего добраго. Они возлагаютъ надежду на необъятное протяженіе своей страны, которое дастъ имъ возможность отступать и защищаться долгое время въ предѣлахъ государства.

Выслушавъ все это, Наполеонъ отказался отъ мысли объявить войну Россіи и одиннадцать дней спустя въ законодательномъ корпусѣ произнесъ рѣчь. Эта рѣчь поразила поляковъ — ихъ надежды послѣ этого омрачились, и пріемъ, который намѣрено имъ сдѣлать министерство, становится со дня на день менѣе благоприятнымъ. Эти господа попытались отомстить за себя и распространили о герцогѣ де-Бассано тысячу неблагоприятныхъ слуховъ. Саксонскій посланникъ, съ которымъ я нахожусь въ дружескихъ отношеніяхъ, передавалъ мнѣ, что поляки внушили герцогу свои взгляды и увѣрили его въ томъ, что война есть дѣло рѣшенное.

Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ графъ Нессельроде, рѣчь, произнесенная императоромъ, походила на рѣчь человека смущеннаго, но не желающаго воевать.

Когда я простился съ герцогомъ Бассано, то онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Вамъ нѣтъ надобности давать указаній относительно того, какъ вамъ слѣдуетъ держать себя въ смыслѣ политическомъ; поступайте такъ, какъ вы поступали до сихъ поръ! Я боюсь одного—чтобы дѣла не были оставлены (съ русской стороны) въ неопредѣленномъ положеніи, тогда какъ ихъ слѣдовало бы довести до конца и дать посланнику надлежащіе полномочія для рѣшенія спорныхъ вопросовъ. Намъ будутъ дразнить до тѣхъ поръ, пока намъ окончательно не разсердятъ. Вотъ уже полтора мѣсяца, какъ князь Куракинъ не получаетъ ни извѣстій, ни инструкцій, ни полномочій».

Въ вышеприведенной запискѣ де-Брэ любопытнѣе всего, разумѣется, указаніе на то, что герцогъ Бассано, Коленкуръ и прочіе совѣтники Наполеона такъ же горячо желали мира, какъ и русскіе, и что это настроеніе французскихъ государственныхъ людей было столь ясно выражено, что такой осторожный и сдержанный человѣкъ, какъ де-Брэ, рѣшился взять на себя роль защитника русской политики. Между строками его записки проглядываетъ какъ нельзя болѣе ясно, что по убѣжденію де-Брэ право и благоразуміе были на сторонѣ Россіи и что образъ дѣйствій Наполеона подавалъ поводъ къ вполнѣ основательнымъ жалобамъ. Онъ высказалъ это откровенно потому, что, не смотря на свое пристрастіе къ «французской системѣ», онъ обладалъ здравымъ и трезвымъ взглядомъ на вещи и имѣлъ полное право сказать это, ибо онъ видѣлъ, что совѣтники Наполеона, въ особенности Коленкуръ, раздѣляли его мнѣніе. При этомъ онъ придавалъ огромное значеніе тому невыносимому экономическому и финансовому положенію, въ какое была поставлена Россія континентальной системой, закрывшей англійскіе рынки для вывоза ея сырыхъ произведеній.

По возвращеніи въ Петербургъ, де-Брэ написалъ 3-го (15-го) августа 1811 г. новую записку, въ которой онъ подробно разсматриваетъ указъ 7-го (19-го) декабря 1810 г. и тѣ обстоятельства, коими онъ былъ вызванъ. Хотя баварскій посланникъ былъ ревностнымъ сторонникомъ франко-русскаго союза и дѣятельно заботился объ его поддержаніи, тѣмъ не менѣе онъ находилъ, что строгое, безъ всякихъ послабленій, соблюденіе континентальной системы было бы для Россіи равносильно «à une proscription absolue et arbitraire de tout espèce de commerce» ¹⁾.

Онъ говорилъ подробно о вздорожаніи всѣхъ, самыхъ необходимыхъ иностранныхъ произведеній, что при отсутствіи таковыхъ же предметовъ русскаго производства поставило торговлю въ самое отчаянное, безвыходное положеніе, и что «вслѣдствіе паденія русскихъ бумагъ и большихъ потерь, понесенныхъ русскимъ купечествомъ въ 1810 и 1811 гг., дѣло дошло до того, что иностранные банкиры не принимали къ уплатѣ векселей первыхъ торговыхъ домовъ Петербурга и Риги.

¹⁾ Совершенному и самовластному уничтоженію всякой торговли.

Одинъ только торговый домъ во всемъ Петербургѣ, фирма Ливіо, сумѣлъ поддержать свой кредитъ за границею.... Первые торговые дома Риги были вынуждены приостановить платежи, между тѣмъ какъ петербургскія фирмы держались только благодаря поддержкѣ правительства. Дѣла были въ такомъ застоѣ, что платежи по векселямъ, даже по денежнымъ ссудамъ, производились не иначе, какъ съ потерей 28 процентовъ».

Зимою 1811—1812 года де-Брэ еще надѣялся что дѣло не дойдетъ до крайности и что Россія и Франція придутъ къ соглашенію. Въ письмѣ отъ 6-го марта 1812 г. онъ говоритъ о томъ, какъ о дѣлѣ возможномъ.

Любопытно, что при отзываніи де-Брэ изъ Петербурга баварское правительство сдѣлало заявленіе въ высшей степени необычайное въ моментъ объявленія войны.

Въ запискѣ къ исторіи баварской политики, составленной де-Брэ, онъ пишетъ, что «изъ числа всѣхъ, дружественныхъ Франціи державъ, одна Баварія имѣла мужество громко (*hautement*) выразить петербургскому кабинету свое глубокое прискорбіе по поводу того, что ея король принужденъ былъ сражаться съ монархомъ, котораго онъ любилъ и съ которымъ его связывали многочисленныя узы».

Баварскому посланнику было приказано, вручая императору Александру свои отзывныя грамоты, выразить ему самыя искреннія чувства его монарха. Такимъ образомъ баварское посольство разсталось съ Петербургомъ самымъ дружественнымъ образомъ. Баварія дала этимъ понять, что она только подчиняется обязательствамъ, отъ которыхъ она въ данную минуту не могла отдѣлаться, но что при первой же возможности она попытается расторгнуть ненавистный и тягостный для нея союзъ.

Какъ извѣстно, баварскій дворъ не скрывалъ своего несочувствія намѣреніямъ Наполеона, въ успѣхъ которыхъ онъ сильно сомнѣвался; императоръ Александръ со своей стороны отнесся къ де-Брэ, при его отъѣздѣ изъ Петербурга, съ особымъ благоволеніемъ.

Уѣхавъ изъ Петербурга, графъ де-Брэ провелъ 1812 г. въ Баваріи не у дѣлъ, отдыхая въ своемъ имѣніи; лѣтомъ же 1814 г. онъ переехалъ въ лифляндское помѣстье семейства Левенштернъ, гдѣ прожилъ до конца 1815 г., ожидая съ часа на часъ своего возвращенія въ Петербургъ.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1815 г. де-Брэ былъ вновь аккредитованъ при петербургскомъ дворѣ. Его третье пребываніе въ русской столицѣ продолжалось семь лѣтъ. Въ достопамятный веронскимъ конгрессомъ 1822 годъ де-Брэ былъ перемѣщенъ въ Парижъ и этотъ разъ навсегда разстался съ Россіей.

Чиновники-актеры.

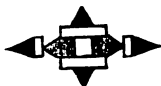
Предложеніе управляющаго министерствомъ юстиціи Правительствующему Сенату.

20-го марта 1831 г. № 2658.

Г. Министръ Императорскаго двора сообщилъ мнѣ, что 11-го октября 1827 года послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы чиновниковъ, желающихъ поступить въ актеры, не иначе опредѣлять, какъ съ лишеніемъ чиновъ. Нынѣ государь императоръ, въ слѣдствіе представленія директора Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ, высочайше повелѣть соизволилъ: тѣмъ актерамъ, кои поступили и впредь поступать будутъ къ Императорскимъ театрамъ изъ чиновниковъ, съ лишеніемъ чиновъ, на основаніи означеннаго высочайшаго повелѣнія, по увольненіи ихъ вовсе изъ актерскаго званія, возвращать прежніе чины, но безъ всякаго старшинства за службу ихъ актерами.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя, что объ ономъ,—какъ видно изъ отношенія г. генералъ-адъютанта князя Волконскаго, объявлено директорамъ Императорскихъ, С.-Петербургскихъ и Московскихъ театровъ.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

Изъ дневника Французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II.

I.

Въ августъ 1775 года въ Москву прибылъ только-что назначенный королемъ Людовикомъ XVI ко двору императрицы Екатерины II представитель Франціи, маркизь Жюинье. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и новый секретарь посольства, молодой шевалье Корберонъ.

Извѣстно, что при Людовикѣ XV, особенно же въ то время, когда во главѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ находился Шуазель, отношенія между Франціею и Екатериной II были очень натянуты. Когда въ Петербургѣ готовился переворотъ 1762 года, завершившійся вступленіемъ этой императрицы на престолъ, французскій представитель баронъ Бретейль не сумѣлъ предугадать событія; онъ довольно не деликатно отклонилъ просьбу тогдашней великой княгини о ссудѣ денегъ, въ которыхъ она нуждалась для осуществленія своихъ замысловъ, и поселилъ въ ней враждебность сперва лично къ нему самому, а потомъ и къ Франціи. Къ тому же, и французская политика въ Петербургѣ направлена была въ то время къ тому, чтобы устранить Россію отъ всякаго участія въ европейскихъ дѣлахъ, что не могло не быть понято петербургскимъ кабинетомъ. Соотвѣтственно такой цѣли, инструкціи представителей французскаго короля сводились въ ту пору къ тому, чтобы точнѣйшимъ образомъ ознакомиться съ внутреннимъ состояніемъ Россіи, втайнѣ способствовать усиленію въ ней соперничества партій въ видахъ ослабленія власти императрицы, оградить отъ ея честолюбивыхъ замысловъ дружественныя Франціи Польшу, Швецію и Турцію и до-

могаться упроченія лишь торговых сношеній между Франціей и Россіей. Екатерина II, съ своей стороны, конечно, тоже дѣйствовала во всемъ противно французскимъ интересамъ и, притомъ, съ полнымъ успѣхомъ. Отношенія между обѣими державами были настолько нехороши, что передъ восшествіемъ на престолъ Людовика XVI Франція держала въ Петербургѣ не посланниковъ, а лишь повѣренныхъ въ дѣлахъ.

Съ воцареніемъ Людовика XVI, назначившаго министромъ иностранныхъ дѣлъ Вержена, французской политикѣ по отношенію къ Россіи рѣшено было дать совсѣмъ другое направленіе: принявъ совершившіеся факты, Франція вознамѣрилась исправить надѣланныя ея дипломатіей ошибки, примириться съ Россіей и установить съ нею добрыя отношенія. Отправленный въ Петербургъ, въ качествѣ посланника, Дюранъ началъ дѣйствовать осмотрительнѣе и умнѣе своихъ предшественниковъ, но все еще казался французскому правительству недостаточно отвѣчающимъ новой политической задачѣ, тѣмъ болѣе, что ему не удалось вызвать довѣріе къ себѣ со стороны Екатерины II. Поэтому его замѣнили маркизомъ Жюинье.

Миссією этого новаго представителя Людовика XVI было уяснить русской императрицѣ, что до сихъ поръ она своею политикой только способствовала увеличенію могущества Пруссіи, особенно допущеніемъ ея къ раздѣлу Польши, и что слѣдовательно для нея будетъ выгодно сблизиться съ версальскимъ и вѣнскимъ дворами. Вмѣстѣ съ тѣмъ, маркизу Жюинье было внушено, чтобы онъ постарался снискать расположение Потемкина, охладить пристрастіе графа Панина къ союзу съ Пруссіей и оказать Австріи содѣйствіе въ ея борьбѣ въ Петербургѣ противъ вліянія Фридриха II.

Обо всѣхъ этихъ общеизвѣстныхъ фактахъ мы напоминаемъ здѣсь вкратцѣ лишь для того, чтобы указать на серьезность задачи, возложенной французскимъ дворомъ на Жюинье, которому и удалось въ значительной степени выполнить ее. Но черезъ два года Жюинье, по разстроенному здоровью, вынужденъ былъ покинуть Петербургъ; уѣзжая, онъ передалъ продолженіе своей дѣятельности въ указанномъ направленіи своему секретарю Корберону, котораго оставилъ въ 1777 г. при петербургскомъ дворѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ Франціи.

Молодой шевалье (впослѣдствіи баронъ) Корберонъ былъ довольно типическимъ представителемъ французской молодежи высшаго круга тогдашняго времени; по крайней мѣрѣ такимъ онъ сказывается въ своемъ дневникѣ ¹⁾, выдержки изъ котораго приведены нами ниже.

¹⁾ „Un diplomate français à la cour de Catherine II. — Journal intime du chevalier de Corberon“. Publié par L. H. Labande. Paris. 1901.

Бойкій свѣтскій собесѣдникъ, повѣса съ весьма легкимъ взглядомъ на женщинъ, ловкій танцоръ, отчасти поклонникъ энциклопедистовъ, склонный повтому и себя причислять къ философамъ, франмасонъ, но и расчетливый карьеристъ, ради служебной карьеры отказавшійся отъ брака съ любимой дѣвушкой—таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, этотъ молодой дипломатъ, успѣвшій въ короткое время пріобрѣсть множество знакомствъ въ петербургскомъ высшемъ обществѣ. Всѣ наблюденія свои онъ изо-дня-въ-день заносилъ въ дневникъ, аккуратно веденный имъ въ теченіе всего пятилѣтняго пребыванія (съ 1775 до 1780 г.) при русскомъ дворѣ. Надо, впрочемъ, замѣтить, что Корберонъ всего меньше говоритъ въ своихъ запискахъ о дѣловой сторонѣ своей дѣятельности: дневникъ переполненъ преимущественно записями о личныхъ впечатлѣніяхъ автора, о видѣнномъ и слышанномъ въ придворномъ кругу, и потому любопытенъ, скорѣе, лишь съ анекдотической стороны. Тѣмъ не менѣе, въ пестрыхъ отрывочныхъ записяхъ Корберона попадаются мѣстами черты, до нѣкоторой степени обрисовывающія тѣхъ или другихъ лицъ и придворные нравы екатерининской эпохи.

II.

Въ ту пору среди иностранныхъ дипломатовъ существовало мнѣніе, быть можетъ нелишнее нѣкотораго основанія, что вести съ успѣхомъ дипломатическіе переговоры въ Петербургѣ чрезвычайно трудно. Причиною тому были отчасти невыполнѣ еще установившееся во внутреннихъ дѣлахъ Россіи равновѣсіе, отчасти барская лѣньность вельможъ, завѣдывавшихъ государственными дѣлами, особенно Панина и Потемкина. Правильному ходу переговоровъ препятствовали также стремленіе сановниковъ постоянно принаравливать къ измѣнчивому настроенію императрицы, интриги между государственными людьми, взаимные происки между лицами, помогавшимися положенія «случайныхъ людей», тѣми, которые утратили это положеніе, и тѣми, которые занимали его въ данное время. Британскій посолъ Гаррисъ писалъ въ маѣ 1778 года: «Надо обладать сверхчеловѣческимъ терпѣніемъ, чтобы вести дѣла съ людьми, на столько лѣнливыми и неспособными ни выслушать вопроса, ни дать разсудительный отвѣтъ. Вы едва-ли повѣрите, что графъ Панинъ посвящаетъ дѣловымъ занятіямъ всего по полчаса въ день». Въ томъ же году и Корберонъ, успѣвшій уже къ тому времени достаточно ознакомиться съ петербургскими порядками, писалъ почти то же своему правительству въ депешѣ

*

отъ 9-го апрѣля. «Графъ Панинъ—отзывался онъ—слабъ, какъ и всѣ лица этого двора, держашіеся милостію; довѣріе, которымъ онъ пользуется, бываетъ иногда бесполезно. По натурѣ онъ чувствителенъ, а изъ системы и по привычкѣ лѣнливъ. Слово «нѣтъ» ему неизвѣстно, но обѣщанія свои онъ исполняетъ рѣдко, и если съ его стороны, по-видимому, лишь изрѣдка встрѣчаешь въ чемъ-нибудь отпоръ, зато и подаваемые имъ надежды почти никогда не сбываются. Къ числу чертъ его характера принадлежитъ и хитрость—та хитрость, которая состоитъ въ томъ, что онъ окружаетъ васъ внимательностью и тысячами любезностей, заставляющими человека, бесѣдующаго съ нимъ о дѣлахъ, забывать, что онъ говоритъ съ главнымъ министромъ императрицы; а этимъ онъ отвлекаетъ собесѣдника отъ предмета его миссіи и сбиваетъ его съ серьезнаго тона, котораго слѣдовало бы ему держаться среди увлекательной и опасной бесѣды». Далѣе Корберонъ прибавляетъ: «Скажутъ: какъ же управляется это государство? Какъ можетъ оно держаться? Я почти готовъ отвѣтить, что оно управляется случаемъ и держится естественнымъ равновѣсіемъ, подобно тѣмъ огромнымъ массамъ, которымъ сама ихъ тяжесть даетъ устойчивость».

Если прибавить, что впоследствии (въ 1779 г.) Корберону стало извѣстно о подкупѣхъ, на которые не жалѣлъ денегъ британскій посолъ Гаррасъ, располагавшій для этого отъ сентъ-жемскаго кабинета кредитомъ въ 36,000 ф. стерл., то не трудно будетъ угадать, какое мнѣніе могъ составить себѣ французскій дипломатъ о русскихъ сановникахъ. Тѣмъ не менѣе, собственно общество высшаго петербургскаго круга оставило въ немъ вообще очень пріятное впечатлѣніе, хотя онъ и называлъ нашихъ аристократовъ «людьми, которые носятъ прекрасные рукавички, а ходятъ безъ бѣлья».

Въ сущности, вращаясь среди русской аристократіи того времени. Корберонъ долженъ былъ чувствовать себя почти такъ же, какъ въ Парижѣ или Версалѣ. И тамъ, и въ Петербургѣ онъ слышалъ ту же французскую рѣчь, находилъ почти однѣ и тѣ же моды и общественныя привычки; смотрѣлъ тѣ же театральныя пьесы; даже книги читались въ Петербургѣ такія же, какъ въ Парижѣ. Этимъ объясняется та легкость, съ которою онъ освоился съ петербургскимъ обществомъ и преимущественно съ дамами, въ кругу которыхъ онъ, по-видимому, приобрѣлъ общее расположеніе.

Въ Москву Корберонъ прибылъ въ первой половинѣ августа 1775 г. Въ ожиданіи, пока маркизъ Жюинье будетъ представленъ императрицѣ (что состоялось черезъ двѣ недѣли по его приѣздѣ), посольскій секретарь осматривалъ Москву и приглядывался къ новой для него обстановкѣ. Прежде всего онъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ Москвѣ очень мало общественныхъ развлеченій, и, между прочимъ, описываетъ

какой-то большой увеселительный садъ, который называетъ «вокзаломъ». По его словамъ, садъ этотъ принадлежалъ нѣкому вельможѣ, сдавшему его въ аренду предпринимателю. Вечеромъ садъ освѣщался фонариками и шкаликами; въ находившемся при немъ большомъ домѣ происходили танцы; за входъ взималось по рублю. Весьма понравился Корберону Воспитательный домъ (основанный Бецкимъ въ 1763 г.), о которомъ онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Господствующій здѣсь порядокъ, вѣжливость дѣтей и проч. доставили мнѣ большое удовольствіе. Думаю осмотрѣть потомъ этотъ домъ во всѣхъ подробностяхъ».

Впослѣдствіи онъ снова посѣтилъ это учрежденіе, причемъ былъ нѣсколько озадаченъ балетомъ, который исполненъ былъ призрѣваемыми дѣтьми обоюго пола. «Балетъ—записалъ Корберонъ—исполненъ былъ какъ нельзя лучше; но, быть можетъ, спросить, съ какою цѣлью обучаютъ бѣдныхъ сиротъ танцамъ? Этотъ вопросъ задалъ себѣ и я, но отвѣта на него не нашелъ».

Собственно въ придворную сферу Корберонъ вступилъ съ того дня, когда вице-камеръ графъ Остерманъ (Ив. Андр.) представилъ маркиза Жюинье и его самого императрицѣ. «Государыня эта—записалъ тогда же секретарь французскаго посольства—имѣетъ въ высшей степени величественный видъ и въ выраженіи ея лица благородство слито съ любезностью». Таково было его первое впечатлѣніе; позднѣе, ближе присмотрѣвшись къ императрицѣ, Корберонъ составилъ себѣ о ней слѣдующее сужденіе, выраженное имъ въ одной изъ депешъ къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ, графу Вержану: «Мнѣ кажется, Екатерина II—быть можетъ, скорѣе умная женщина, чѣмъ великая государыня—уловила характеръ народа, которымъ она правитъ. Эта изумительная государыня, законодательница и воительница, однако всегда остающаяся женщиной, представляетъ собою неслыханное и непоследовательное сочетаніе мужества и слабости, познаній и неспособности, твердости и нерѣшимости».

Вслѣдъ за представленіемъ императрицѣ, начались знакомства Корберона съ русскою знатію. Маркизъ Жюинье познакомилъ его, прежде всего, съ дамами: престарѣлою графиней Румянцевой (матерью фельд-маршала), графинями Чернышевыми и со всѣми фрейлинами (которыхъ — сказать кстати—французскій дипломатъ именуетъ въ своемъ дневникѣ, по звукоподражанію, «les frêles»). Затѣмъ послѣдовало представленіе великому князю Павлу Петровичу и его супругѣ. «Великій князь—отмѣтилъ у себя Корберонъ — малъ ростомъ, худощавъ и лицомъ довольно красивъ. Держится онъ по-дѣтски и имѣетъ пока видъ молодого человѣка, очень желающаго держать себя соотвѣтственно наставленіямъ своего танцевальнаго учителя». Великаго князя Корберонъ увидѣлъ впервые на придворномъ балу, который имъ же былъ и открытъ.

Корберонъ, принявшій участіе въ танцахъ, не упустилъ записать объ этомъ такъ: «Я танцевалъ съ прехорошенькими фрейлинами Бибиковой и Бутурлиной. Всѣхъ фрейлинъ двѣнадцать или пятнадцать; онѣ живутъ въ отдѣльномъ помѣщеніи, гдѣ посѣщать ихъ нельзя съ тѣхъ поръ, какъ у одной изъ нихъ родился ребенокъ отъ одного изъ англійскихъ посланниковъ. Жалованья имъ полагается по двѣ тысячи рублей, а при выходѣ замужъ императрица жалуетъ каждой 20 тысячъ въ приданое».

Такого рода записи, основанныя на свѣдѣніяхъ, неизвѣстно откуда почерпнутыхъ, встрѣчаются въ дневникѣ секретаря посольства довольно часто и, до извѣстной степени, свидѣлствуютъ о злоязычій, господствовавшемъ въ окружавшемъ его обществѣ. Вообще въ своемъ дневникѣ Корберонъ отводитъ много мѣста всякимъ пересудамъ и слухамъ, ходившимъ въ его время въ придворныхъ кружкахъ, а мимоходомъ дѣлаетъ отмѣтки и объ отдѣльных лицахъ, съ которыми ему доводилось входить въ сношенія. Отмѣтки эти почти всегда кратки, но иногда въ двухъ-трехъ словахъ довольно ярко передаютъ впечатлѣніе, произведенное на французскаго дипломата тѣмъ или другимъ лицомъ. Такъ, напримѣръ, говоря о сенаторѣ графѣ Анд. Петр. Шуваловѣ, онъ пишетъ: «Это довольно странный человекъ: характеръ его настолько своеобразенъ, что дружественныя отношенія съ нимъ представляются очень непрочными. Сегодня вы ему другъ, а завтра дѣлаетесь чужимъ». Въ этихъ словахъ удачно схвачена общая многимъ русскимъ барамъ добраго стараго времени черта: быстрая смѣна отношеній къ лицамъ, въ которыхъ не предстояло личной надобности. Двумя словами очерчиваетъ онъ и графа Ив. Григ. Чернышева въ одной изъ своихъ записей: «Сегодня я обѣдалъ у графа Ивана Чернышева и едва не погибъ отъ отчаянія. Жена его глупа, онъ же не глупъ, но хуже того: это царедворецъ въ полномъ смыслѣ слова, и въ домѣ у него господствуетъ величайшая натянутость». Во всякомъ случаѣ, характеристикамъ, которыя Корберонъ дѣлаетъ разнымъ лицамъ, свойственны рѣшительность и опредѣленность, а иногда и вѣрность. Такъ, о любимцѣ Екатерины II, Григ. Григ. Орловѣ, онъ записалъ: «Изъ друзей императрицы, быть можетъ, одинъ только Орловъ имѣлъ силу давать ей смѣлые и достойные уваженія совѣты; но, будучи увлеченъ свойственнымъ рабству эгоизмомъ, онъ кончилъ тѣмъ, что сталъ жить только для себя. Притомъ, не имѣя никакихъ познаній по части управленія, онъ остался въ свойственномъ его родинѣ состояніи невѣжества и сталъ совершенно бесполезнымъ для государства». Въ такой оцѣнкѣ Корберонъ сходится съ отзывомъ объ Орловѣ французскаго посланника Дюрана, высказавшагося, впрочемъ, съ болѣею рѣзкостью: «Природа сдѣлала его не болѣе, какъ русскимъ мужикомъ; такимъ онъ и останется до конца. Онъ развлекается всякимъ вздоромъ; душа у него такова же, каковы и его вкусы.

Любви онъ отдается такъ же, какъ ѣдѣ, и одинаково удовлетворяется какъ калмычкою или финкою, такъ и самою хорошенькою придворною дамою. Это прямо бурлакъ». Въ сочувственномъ тонѣ очерчиваетъ Корберонъ князя Ивана Трубецкаго (незаконнымъ сыномъ котораго — отъ графини Вреде — считаютъ Ив. Ив. Бецкаго); о немъ онъ говоритъ: «Это простакъ; онъ ни гордецъ, ни царедворецъ, ни кабинетный, ни свѣтскій человѣкъ; живетъ ради того, чтобы жить, и больше ничего. Внѣшность его достаточно показываетъ, каковъ онъ есть: онъ толстъ, съ большимъ животомъ и заурядною фizioноміей, одѣвается просто, а волосы заплетаетъ въ небольшую косичку, болтающуюся на его широкой спинѣ. Сзади его можно принять за нормандскаго мелкаго помѣщика, но когда онъ обернется, то по андреевской лентѣ видишь, что это русскій вельможа. Можно бы пожелать, чтобы всѣ походили на него, потому что онъ чистосердеченъ, честенъ и милъ въ обращеніи».

Записывая впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ знакомства съ столичною жизнью, Корберонъ обратилъ вниманіе на различіе, замѣченное имъ между московскими и петербургскими нравами. «Въ Москвѣ — пишутъ онъ — гораздо явственнѣе виденъ національный характеръ; въ Петербургѣ же жители, перемѣшанные со множествомъ иностранцевъ, меньше заботятся о томъ, чтобы быть самими собою; я нахожу, что здѣсь они болѣе легковѣсны, потому что развлечены новыми для нихъ предметами. Въ сущности, въ нихъ всегда встрѣчается то же лукавство, тотъ же личный интересъ и та ловкость рабства, которая стараается выпутываться изъ бѣды скорѣе путемъ инстинкта, чѣмъ разсудка». Поразила Корберона также и та огромная разница, которая существовала между русскимъ образованнымъ классомъ и простонародьемъ. Послѣ одной изъ своихъ прогулокъ въ Екатерингофѣ, гдѣ въ то время часто устраивались гулянья, онъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Публики было много; была масса экипажей и толпы народа. Эти рабы, эти мужики, которые представляютъ здѣсь собою то, что въ другихъ странахъ называется народомъ, составляютъ поразительный контрастъ съ воспитанною частью общества. Съ одной стороны, видишь почти такую же роскошь, какъ въ Парижѣ, ту же свободную манеру держать себя у живущихъ въ этой столицѣ людей и ихъ богатство; съ другой — толпы грубыхъ крестьянъ пляшутъ и распѣваютъ тѣ же пѣсни, какія поются извозчиками на большихъ дорогахъ этого царства. Это сопоставленіе цивилизаціи и варварства всегда поражаетъ иностранца: такъ и кажется, будто тутъ сошлись двѣ различныя націи на одной и той же почвѣ; зритель чувствуетъ себя присутствующимъ одновременно и въ XIV, и въ XVIII вѣкахъ».

III.

Дневникъ Корберона изобилуетъ описаніями различныхъ празднествъ, баловъ, спектаклей и маскарадовъ при дворѣ и въ петербургскихъ аристократическихъ домахъ. Перечень всѣхъ этихъ увеселеній такъ длиненъ, что по немъ можно судить о томъ, какъ шумно жила въ то время столичная знать. Французскій дипломатъ зорко слѣдилъ и за частыми переменами, происходившими въ отношеніяхъ императрицы къ лицамъ, взысканнымъ ея особеннымъ личнымъ расположеніемъ. Григорій Орловъ, Потемкинъ, Завадовскій, Зоричъ и др. естественно привлекали къ себѣ вниманіе Корберона и онъ съ жадностью ловилъ всякаго рода свѣдѣнія, относившіяся до интимной стороны придворнаго быта. Въ концѣ марта 1776 г. мы находимъ въ его дневникѣ слѣдующую записъ: «Сегодня утромъ посѣтилъ меня Пикте, женевецъ родомъ и бывший адвокатъ въ Женевѣ. Наружность этого человѣка мало привлекательна: черты лица рѣзкія, выраженіе мрачное, ростъ гигантскій. Онъ живетъ здѣсь уже лѣтъ пятнадцать и состоялъ при князѣ Григоріѣ Орловѣ въ то время, когда князь находился въ милости; это дало ему возможность хорошо узнать эту страну, управленію которою онъ отчасти даже содѣйствовалъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и близко наблюдать событія, вслѣдствіе чего онъ хорошо освѣдомленъ по части анекдотической исторіи Россіи». «Эта нація — пишетъ Корберонъ со словъ Пикте—считаетъ себя одною изъ самыхъ сильныхъ и могущественныхъ; у нея въдесятеро больше земли, чѣмъ у насъ, и, если считать земли, годныя подъ обработку и заселеніе, Россія могла бы имѣть сто милліоновъ жителей; но у нея ихъ только 17 милліоновъ. Еслибы этому народу рабовъ была дана свобода, еслибы за нимъ была признана и охраняема закономъ собственность, еслибы у народа были опредѣленные понятія о торговлѣ и внутреннемъ обращеніи, то онъ могъ бы достигнуть блестящаго положенія, отъ котораго онъ такъ же далекъ, какъ отъ 2440 года. Пикте составилъ записки, которыя могли бы принести русскому народу пользу, еслибы князь Орловъ остался во главѣ дѣлъ и имѣлъ побольше порядка въ мысляхъ. Пикте объѣздилъ и осмотрѣлъ берега Волги, на которой грузятся для перевозки соли, руды и проч. большія баржи въ тысячу тоннъ. Баржи эти требуютъ очень многочисленнаго и потому очень дорогого экипажа; дороговизна эта неизбежна, потому что суда приходится тянуть лямкою, что замедляетъ ихъ движеніе и вызываетъ необходимость найма болѣе значительнаго числа людей. Вдоль береговъ рѣки надо было бы устроить дорогу, по которой могли бы тянуть суда лошади или быки; вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовало бы обезопасить путь отъ разбойниковъ, расположивъ на немъ

«сколько-нибудь войскъ. Тогда товары стали бы не такъ дороги, или, точнѣе, туземные продукты обходились бы дешевле привозныхъ изъ чужихъ странъ, какъ, напримѣръ, изъ Швеціи и Америки. Но правительство не хочетъ уяснить себѣ всѣхъ этихъ выгодъ».

Характеръ разсказовъ Пикте даетъ поводъ подозрѣвать его къ принадлежности къ столь многочисленному въ то время въ обихъ русскихъ столицахъ классу искателей приключеній изъ иностранцевъ. Это не мѣшало, однако, Корберону внимательно выслушивать и потомъ записывать повѣствованія этого человѣка. Въ числѣ другихъ разсказовъ послѣдняго, онъ записалъ и слѣдующій: въ годъ коронаванія императрицы, она, будто бы, посѣтила маскарадъ, данный въ домѣ графа Ивана Чернышева. Подозрѣвая въ немъ человѣка, способнаго примкнуть къ какому-либо заговору противъ нея, Екатерина, будто бы, прибыла на маскарадъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ лицъ (въ томъ числѣ и самого Пикте), у которыхъ подъ домино скрыто было оружіе.

26-го апрѣля (нов. стиля) 1776 г. великая княгиня скончалась, не разрѣшившись отъ бремени. По свѣдѣніямъ Корберона, при больной находилась лишь неопытная повивальная бабка, родомъ изъ Страсбурга, рекомендованная врачомъ великаго князя, Крузе, человѣкомъ тоже несвѣдущимъ въ медицинѣ. Бабка, вмѣстѣ съ этимъ врачомъ, слишкомъ поздно призвала на помощь хирурга, нѣкоего Тоди; тотъ, осмотрѣвъ великую княгиню, высказался за извлеченіе плода щипцами, но на это дано было согласіе лишь на третій день. Тоди производилъ операцію нѣсколько часовъ—по словамъ однихъ четыре часа, по словамъ другихъ цѣлыхъ восемь часовъ, да и то не окончилъ ея. Измученную великую княгиню уложили снова въ постель и въ ту же ночь послали за хирургомъ Мордъ. Онъ пробылъ во дворцѣ шесть часовъ, но пациентки не видалъ и высказалъ свое мнѣніе лишь на основаніи тѣхъ свѣдѣній, которыя были сообщены ему о положеніи больной. Послѣ этого, къ умиравшей приглашенъ былъ ея духовникъ, архіепископъ Платонъ, въ свое время крестившій ее въ православную вѣру и навсегда сохранившій ея расположеніе. Онъ пріобщилъ ее, причемъ она съ полною покорностью судьбѣ говорила о смерти. Затѣмъ она пожелала проститься со всѣми приближенными и съ твердостью выдержала трогательную сцену прощанія. Оставшись потомъ съ императрицей, она долго бесѣдовала съ нею, послѣ чего говорила особо съ великимъ княземъ, убѣждая его поскорѣ забыть о ней и вступить въ новый бракъ, необходимый для его царства и народа. Присутствовавшіе были глубоко потрясены всею этою сценой. Утромъ, въ день смерти великой княгини, гостившій въ то время въ Петербургѣ принцъ Генрихъ Прусскій прислалъ къ ней своего врача, но было уже поздно: сдѣлать кесарево сѣченіе было уже нельзя, такъ какъ началась гангрена.

Больная до самой смерти сохраняла присутствіе духа и разговаривала съ окружающими. За нѣсколько часовъ до кончины она неоднократно звала къ себѣ великаго князя, но его не пускали къ ней. «Она скончалась—записаль Корберонъ—въ 4 часа 42 минуты, какъ сказалъ мнѣ графъ Андрей Разумовскій. Я былъ у него въ 6 часовъ; онъ только-что легъ въ постель. Лакей его сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ заснуть, но впустилъ меня. Разумовскій, какъ только увидѣлъ меня, залился слезами; я и самъ не могъ удержаться отъ слезъ, обнимая его ¹⁾. «О, что за ужасъ, что за ужасъ! воскликнулъ онъ. Вы не знаете, мой другъ, что мы теряемъ». Я постарался успокоить его и мы стали бесѣдовать. «Какую твердость и какую доброту она проявила! сказалъ мнѣ Разумовскій: она старалась всѣхъ утѣшить. Такъ какъ она говорила со всѣми и всегда милостиво отличала меня при своемъ дворѣ, то со мною заговорила послѣ всѣхъ. Чтобы утѣшить меня, она сказала мнѣ: Мы когда-нибудь увидимся: мы созданы для того, чтобы свидѣться вновь». Тутъ онъ опять заплакалъ».

Отчаяніе Разумовскаго не замедлило оживить ходившую въ высшемъ кругу сплетню, что въ лицѣ покойной великой княгини онъ оплакиваетъ женщину, имъ любимую.

Тѣло покойной подвергнуто было вскрытію, причемъ, по отзыву присутствовавшаго врача принца Генриха Прусскаго, найдено, что великая княгиня была беременна мальчикомъ. Что касается французскаго хирурга Морб, то онъ отъ участія во вскрытіи тѣла уклонился, не желая входить въ столкновеніе съ придворными врачами и хирургами, рѣшившимися, вопреки его собственному мнѣнію, что великая княгиня, по строенію своего таза, разрѣшиться не можетъ. Корберону онъ сказалъ, что мнѣніе свое онъ послалъ во Францію, а придворныхъ врачей и хирурговъ считаетъ ослами. По его мнѣнію, смерть великой княгини исполнѣ могла быть предотвращена.

Смерть эта вызвала много толковъ въ простонародьѣ, высказывавшемъ по ея поводу различныя суевѣрныя догадки, а въ придворныхъ кругахъ дала обильную пищу пересудамъ относительно графа Андрея Разумовскаго. Корберону передавали, будто великій князь заподозрѣлъ почившую въ любви къ Разумовскому, о чемъ недѣли двѣ тому назадъ говорилъ князю Гагарину: «Надѣюсь, что это безуміе пройдетъ; подожду». Андрея Разумовскаго начали отстранять отъ великокняжескаго двора; видя это, двадцатичетырехлѣтній Разумовскій и самъ началъ подумывать о своемъ удаленіи. Въ первыхъ числахъ мая, дѣлая съ Корберономъ загородную прогулку въ экипажѣ, онъ разговаривалъ съ нимъ о своемъ положеніи.

¹⁾ Корберонъ находился съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ.

— Вы знаете — сказалъ онъ — то, о чемъ теперь толкуетъ весь городъ?

— Знаю, — отвѣчалъ Корберонъ, — но затрудняюсь вѣрить, чтобы великій князь могъ такъ быстро забыть васъ.

— Моя связь съ великимъ княземъ — продолжалъ Разумовскій — установилась издавна: мнѣ было тогда десять лѣтъ. Съ тѣхъ поръ я побывалъ въ Страсбургѣ, гдѣ воспитывался, въ Англіи и другихъ мѣстахъ, и, вернувшись, нашелъ въ немъ прежнее милостивое расположеніе ко мнѣ. Кончина великой княгини, о которой я скорблю и имѣю основаніе скорбѣть, потому что скорбь моя законна, измѣняетъ мое положеніе относительно великаго князя: минутою его печали и одиночества сѣмъ воспользоваться, чтобы овладѣть имъ. Императрица и принцъ Генрихъ Прусскій не покидаютъ его. Въ тотъ день, когда я поѣхалъ въ Царское Село ¹⁾, я видѣлся съ нимъ поутру; онъ обнялъ меня, и я ушелъ, видя, что къ нему идетъ императрица. Затѣмъ мнѣ передали записку отъ ея императорскаго величества, и я вернулся въ городъ. Я покажу вамъ подъ строжайшимъ секретомъ письмо, которое я, по прибытіи въ городъ, написалъ къ великому князю. Салтыковъ отвѣтилъ мнѣ въ первый разъ, что у его высочества лихорадка и что поэтому онъ не можетъ отвѣчать на мое письмо, а во второй разъ сообщилъ мнѣ свѣдѣнія о здоровьѣ великаго князя, не упомянувъ о томъ, что касалось меня. Я рѣшилъ предпринять путешествіе во Францію, Италію и особенно въ Англію; мнѣ надо освѣжить голову.

Толки объ опалѣ Андрея Разумовскаго все усиливались и осложнялись множествомъ подробностей; пронеслись слухи о предстоящей, будто-бы, высылкѣ его въ Ригу, о существованіи какой-то таинственной переписки между нимъ и испанскимъ посланникомъ Ласси, котораго Разумовскій якобы ссужалъ для чего-то деньгами и проч. Говорили также, будто истиннымъ виновникомъ постигшей Разумовскаго немилости былъ камердинеръ великаго князя Павла Петровича, французъ Дюфуръ, а именно передавали, будто вслѣдствіе вызванныхъ или подтвержденныхъ Дюфуромъ подозрѣній поручено было князю Куракину собрать оставшіяся послѣ великой княгини бумаги, причемъ въ шкапулѣ покойной найдены были письма Андрея Разумовскаго. Словомъ, сплетня вступила во всѣ свои права. Корберонъ, конечно, стремился провѣрить доходившіе до него слухи путемъ личнаго свиданія съ его пріятелемъ. Толки о высылкѣ его въ Ригу удивили Разумовскаго; онъ сказалъ, впрочемъ, Корберону, что молва не особенно ошиблась, такъ какъ онъ ѣдетъ въ Ревель, по повелѣнію императрицы, приказавшей

¹⁾ Куда, по смерти супруги, удалился Павелъ Петровичъ, вмѣстѣ съ императрицей.

ему чрезъ князя Голицына отправиться туда, черезъ сутки послѣ погребенія великой княгини.

— Меня успокаивали—прибавилъ онъ—относительно послѣдствій этой высылки, и я въ самомъ дѣлѣ успокоился бы, еслибы не зналъ здѣшнихъ порядковъ. Я просилъ, однако, разрѣшенія уѣхать въ Украину къ отцу, а потомъ отправиться за-границу.

По этому поводу Корберонъ замѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: «Здѣсь всякаго, кто впадетъ въ немилость, тревожить мысль о переселеніи въ Сибирь, и Разумовскій сказалъ мнѣ среди разговора, что еслибы онъ подозрѣвалъ что-либо дурное для себя, то принялъ бы мѣры къ тому, чтобы бѣжать изъ Ревеля на кораблѣ. На разспросы Корберона о сношеніяхъ съ испанскимъ посланникомъ Разумовскій отвѣтилъ смѣхомъ. Затѣмъ, продолжая разговоръ, онъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ бумагъ, причѣмъ показалъ своему собесѣднику тетрадь, писанную по-французски рукою почившей великой княгини. На тетради стояла надпись: «Начата 11 мая 1775 г.»; въ ней записаны были, специально для Андрея Разумовскаго, мысли Сенеки. Кромѣ того, онъ показалъ ему свое письмо къ великому князю Павлу Петровичу, составленное, по отзыву Корберона, въ благородномъ, твердомъ и скорѣе дружественномъ, чѣмъ искательномъ тонѣ. Въ письмѣ этомъ онъ излагалъ, что ему неизвѣстно, по повелѣнію ли великаго князя или безъ его вѣдома его удаляютъ отъ него. Далѣе онъ упоминалъ вкратцѣ о годахъ, проведенныхъ при его высочествѣ, и о своей преданности великой княгинѣ, а въ заключеніе говорилъ, что не хочетъ унижаться до разслѣдованія о причинахъ и тайныхъ виновникахъ постигшей его немилости. Отвѣта на это письмо не послѣдовало; быть можетъ, оно даже не было передано Салтыковымъ великому князю».

IV.

Погребеніе тѣла великой княгини въ Александро-Невской лаврѣ состоялось 7-го мая (нов. ст.) 1776 г.; служба длилась два часа, послѣ чего архіепископъ Платонъ сказалъ надгробное слово, вызвавшее, по словамъ Корберона, у однихъ искреннія, у другихъ фальшивыя слезы.

Во время погребальной церемоніи около императрицы стоялъ съ бравымъ видомъ князь Орловъ. «Графъ Иванъ Чернышевъ, этотъ завзятый царедворецъ—записалъ Корберонъ—отвѣсилъ ему три низкихъ поклона, а Потемкину, который, говорятъ, вскорѣ удалится, поклонился лишь слегка».

Около этого времени число источниковъ, изъ которыхъ Корберонъ

по преимуществу черпалъ свои свѣдѣнія по части скандальной хроники Петербурга, увеличилось: онъ нашелъ новаго усерднаго рассказчика, въ лицѣ берейтора (écuyer) при дворѣ великаго князя, француза Лормуа.

Послѣ смерти великой княгини, персоналъ великокняжескаго придворнаго штата подвергся большимъ перемѣнамъ, причемъ въ числѣ уволенныхъ отъ службы оказался и Лормуа. Раздосадованный какъ отставкою, такъ и тѣмъ, что ему не додано было тысячи полторы изъ слѣдовавшаго ему содержанія, Лормуа съ величайшимъ озлобленіемъ описывалъ Корберону господствовавшіе при великокняжескомъ дворѣ порядки и отзывался съ полнымъ неодобреніемъ о самомъ Павлѣ Петровичѣ. По его словамъ, великій князь отличался крайне неустойчивымъ характеромъ, былъ грубъ и жестокъ отъ природы, а если иногда и проявлялъ доброту, то лишь вслѣдствіе чувства боязни. Пребываніе при дворѣ великаго князя, повидимому, дало Лормуа возможность проникнуть кое-какія придворныя тайны, для гласнаго историческаго разслѣдованія которыхъ еще и теперь не наступило время. Корберонъ же вносилъ всѣ рассказы своего собесѣдника въ дневникъ въ видѣ фактовъ, хотя самъ же находилъ, что Лормуа «немного болтливъ». Между прочимъ, Лормуа утверждалъ, что графъ Андрей Разумовскій былъ въ большомъ заблужденіи, полагая, будто Павелъ Петровичъ питалъ къ нему въ прежнее время особенное расположеніе. Нѣсколько времени спустя послѣ своей отставки, Лормуа уѣхалъ во Францію, такъ и не получивъ недоданнаго ему содержанія. Съ этимъ небезъинтересно сопоставить отзывъ Корберона объ отсутствіи вообще справедливости въ денежныхъ расчетахъ среди тогдашняго петербургскаго общества. Въ подтвержденіе своего мнѣнія о свойственномъ русскимъ людямъ вѣроломствѣ, онъ ссылается на слѣдующіе случаи, о которыхъ онъ слышалъ. Одинъ изъ графовъ Салтыковыхъ былъ долженъ купцу-французу Демаре. Когда тотъ, послѣ неоднократныхъ просьбъ объ уплатѣ, явился къ нему съ категорическимъ требованіемъ расчета, Салтыковъ наотрѣзъ отрекся отъ своего долга и пригрозилъ ему вышвырнуть его вонъ. «Стыдитесь, князь—сказалъ на это возмущенный французъ—такъ ли слѣдуетъ платить свои долги лицу изъ рода Салтыковыхъ?» Тогда Салтыковъ приказалъ своей прислугѣ побить Демаре, который и былъ избитъ такъ сильно, что слегъ въ постель. Другой Салтыковъ, Сергѣй, пользовавшійся милостью Екатерины въ бытность ея великою княгиней, тоже былъ долженъ тысячу рублей московскому купцу Годѣну. Взамѣнъ уплаты, онъ предложилъ ему вексель на 10.000 руб. нѣкоей г-жи Грибоѣдовой, съ условіемъ, чтобы Годѣнъ далъ ему за то 6.000 руб. товарами. Годѣнъ принялъ вексель, но предложилъ за него ювелирныхъ вещей на четыре тысячи, а остальные двѣ тысячи деньгами. Сдѣлка состоялась, а мѣсяца черезъ два послѣ того московскій полицеймейстеръ Архаровъ

вызвалъ Годэна къ себѣ, допросилъ по этому дѣлу и, безъ дальнихъ разговоровъ, посадилъ его подъ арестъ, заковавъ въ кандалы. Для освобожденія пострадавшаго потребовалось вмѣшательство французскаго посла, маркиза Жюинье.

Вообще, тогдашніе нравы русскаго высшаго общества поражали Корберона многими своими сторонами. «Русскіе—отмѣтилъ онъ, въ видѣ общаго замѣчанія—внутри сущіе мужики; правда, внѣшностью своей они заняты и снаружи стараются казаться поларованными, но въ своей сущности они все одни и тѣ же: природа беретъ въ нихъ свое; когда сдѣланное ими надъ собою усиліе прекращается, маска спадаетъ, и остается налицо подлинный человѣкъ, а герой исчезаетъ». Нѣсколько ранѣе этого суроваго приговора въ дневникѣ встрѣчается слѣдующая замѣтка: «Чѣмъ болѣе я знакомлюсь съ этою націей, тѣмъ болѣе труднымъ становится для меня подыскать ей опредѣленіе. Она составляетъ смѣшеніе людей, крайне дурно подобранныхъ одинъ къ другому; среди нихъ не находишь градаціи оттѣнковъ и невозможно уловить хода ихъ мыслей, принциповъ, системъ. На первый взглядъ вы видите, съ одной стороны, народъ варваровъ, съ другой—просвѣщенную, образованную знать съ утонченными и привлекательными манерами; присмотрѣвшись же поближе, вы замѣчаете, что эта знать, въ сущности, состоитъ изъ тѣхъ же варваровъ, но хорошо одѣтыхъ, украшенныхъ орденами и отличающихся отъ грубой части націи лишь внѣшностью. Конечно, я исключаю нѣсколько счастливо уродившихся лицъ, которые выходятъ изъ общаго правила, благодаря сношеніямъ съ иностранцами или вслѣдствіе другихъ причинъ». Господствовавшее въ высшихъ кругахъ искачество и лѣсть слабыхъ передъ сильными Корберонъ подтверждаетъ указаніемъ на нѣсколько примѣровъ различныхъ карьеристовъ, вышедшихъ въ люди исключительно благодаря раболѣпству передъ высокими лицами. Между прочими, онъ упоминаетъ о г-жѣ Лафонъ, изъ дочери петербургскаго виноторговца сдѣлавшейся директрисою Смольнаго института, несмотря на то, что она была совершенно необразованна и отличалась сомнительною нравственностью. Карьеру свою, давшую ей возможность обогатиться на счетъ институтскихъ суммъ, она сдѣлала благодаря умѣнію подольститься къ Бецкому. При помощи протекціи, но со стороны Алексѣя Орлова, вышелъ въ люди и итальянецъ Рибасъ (Іосифъ Бужонтъ), ставшій директоромъ кадетскаго корпуса, а впослѣдствіи дослужившійся до адмиральскаго чина. Человѣкъ ловкій, онъ нашелъ случай заручиться также и покровительствомъ Бецкаго, женившись на его побочной дочери Анастасіи Соколовой, служившей камеристкою при императрицѣ Екатеринѣ. По случаю этого бракосочетанія, императрица пожаловала Рибасу 10.000 р., а женѣ его 15.000 р., да Бецкій подарилъ новобрачной тысячу сорокъ, домъ и т. д. «Рибасъ—

пишетъ Корберонъ—пріѣхалъ въ Россію безъ гроша въ карманѣ; но при гибкой спинѣ можно достигнуть въ этой странѣ весьма многого».

Въ смыслѣ характеристики придворныхъ нравовъ, не лишены интереса отмѣтки Корберона о взаимныхъ отношеніяхъ между тогдашними временщиками. Въ силу вещей, людямъ этимъ, при всей горечи чувствъ, которыя они должны были питать другъ къ другу, приходилось поддерживать вѣжливыя по внѣшности отношенія между собою. Въ мартѣ 1776 г. у Корберона сдѣлана слѣдующая записъ: «На спектаклѣ у великаго князя, гдѣ была и императрица, я съ удовольствіемъ увидѣлъ Орлова съ Потемкинымъ вмѣстѣ; положеніе это показалось мнѣ пикантнымъ для наблюдателей, и я замѣтилъ, что нынѣшній фаворитъ держалъ себя съ меньшею увѣренностью, чѣмъ бывшій».

V.

25-го іюня (нов. ст.) 1776 г. Корберонъ отмѣтилъ состоявшійся наканунѣ отъѣздъ великаго князя Павла Петровича въ Берлинъ. По его словамъ, великій князь поѣхалъ въ коляскѣ, вдвоемъ съ фельдмаршаломъ Румянцовымъ, съ однимъ только лакеемъ назади, «на прусскій манеръ». Кorteжъ его составляли Румянцовъ, Куракинъ, гофмейстеръ Салтыковъ, Нарышкинъ, псковскій губернаторъ, тецъ великаго князя Николай, хирургъ Беккеръ, камердинеръ Дюфуръ и нѣк. др. На слѣдующій день выѣхалъ слѣдомъ принцъ Генрихъ Прусскій, осыпанный подарками императрицы, которые молва оцѣнивала въ 60.000 руб. По возвращеніи же великаго князя (въ августѣ нов. ст.) изъ этой поѣздки, Корберонъ записалъ возникшіе по этому поводу толки. «Великій князь остался очень доволенъ Берлиномъ, гдѣ, однако, вовсе недоволенъ его малою щедростью. Говорятъ, что смотрителю лѣтняго дворца принца Генриха, гдѣ онъ провелъ нѣсколько дней, онъ подарилъ 40 червонцевъ. Это вполнѣ порядочный человѣкъ, а великій князь поступилъ съ нимъ, какъ съ лакеемъ, заплативъ ему такъ мало. Стражъ великаго князя не было дано ничего и т. д. Не понимаю, какъ допустила это императрица, которая сама такъ любитъ щегольнуть щедростью и величіемъ».

12-го сентября (нов. ст.) Корберонъ отмѣчаетъ слухи, распространившіеся по поводу состоявшагося наканунѣ прибытія въ Царское Село невѣсты Павла Петровича, принцессы Софіи-Доротеи Виртембергской (впослѣдствіи великой княгини Маріи Ѳеодоровны). Рассказывали, будто принцесса, вошедши къ императрицѣ, упала ей въ ноги, послѣ

чего тотчасъ же были заперты двери, чтобы скрыть дальнѣйшее отъ постороннихъ зрителей. Императрица, казалось, была очень довольна поступкомъ принцессы. Общія отзывы о будущей великой княгинѣ были очень благопріятны; ее признавали любезною, предупредительною и очень милою въ обращеніи. Всѣхъ представлявшихся ей она принимала въ высшей степени ласково и со всѣми разговаривала, причемъ оказалось, что она уже знаетъ нѣсколько русскихъ словъ. Черезъ недѣлю состоялось представленіе принцессы дипломатическаго корпуса, и тутъ Корберонъ впервые увидѣлъ ее. Онъ нашелъ, что она не отличается красотою, но держитъ себя просто и естественно, чѣмъ располагаетъ къ себѣ. Что касается великаго князя Павла Петровича, то онъ произвелъ на французскаго дипломата въ этотъ день непріятное впечатлѣніе. «Имѣ—пишетъ Корберонъ—всѣ, кажется, недовольны. Его поѣздка въ Берлинъ, если судить по наружному виду, съ которымъ онъ вернулся оттуда, придала ему еще болѣе самодовольства, чѣмъ сколько было въ немъ до отъѣзда. Всѣ эти черты выступили въ немъ послѣ поѣздки въ Пруссію съ болѣею, чѣмъ прежде, рѣзкостью».

Спустя нѣсколько дней, Корберонъ, вмѣстѣ съ маркизомъ Жюинье, присутствовалъ въ дворцовой церкви при обращеніи принцессы Виртембергской въ православіе. «Въ половинѣ одиннадцатаго—записалъ онъ—въ церковь прошла императрица, въ сопровожденіи великаго князя, идущаго подъ-руку съ принцессою. Она была въ бѣломъ платьѣ. Лицо ея было печально и, за отсутствіемъ румянъ, казалось очень блѣднымъ. Мы вошли въ церковь вмѣстѣ со всѣмъ дворомъ и, такъ какъ народа было множество, то я не могъ видѣть церемоніи, которая прошла вполне хорошо. Принцесса прочла по-русски Символъ вѣры и, говоря, хорошо произносила слова. Императрица показала ей, какъ принято поклоняться иконамъ, для чего сама нѣсколько разъ становилась передъ ними на колѣни».

Р.

(О кончаніе слѣдуетъ).

Письма В. А. Жуковского къ А. С. Стурдзѣ¹⁾.

Письма Жуковского къ А. С. Стурдзѣ, кромѣ напечатанныхъ нами въ предыдущей книжкѣ «Русской Старины», въ большей ихъ части уже были обнародованы: самъ Стурдза въ статьѣ своей «Дань памяти Жуковского и Гоголя»²⁾ помѣстилъ нѣсколько выдержекъ изъ адресованныхъ ему Жуковскимъ писемъ; вскорѣ, но уже послѣ смерти Стурдзы, они были, въ болѣе полномъ видѣ, напечатаны Диктиадисомъ (Н. В. Неводчиковымъ, вполнѣдствіи епископомъ кипиневскимъ Неофитомъ) въ «Одесскомъ

¹⁾ Сынъ молдавскаго выходца, вполнѣдствіи правителя Бессарабіи, Стурдза началъ свою службу актуаріусомъ въ Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1809 году; въ апрѣлѣ 1812 года онъ былъ откомандированъ въ западную нашу армію, къ адмиралу Чичагову, для веденія дипломатической переписки, и здѣсь познакомился и вскорѣ сблизился съ гр. И. А. Каподистріей, коему было поручено управленіе всѣми дипломатическими сношеніями по дѣламъ Молдавіи и Валахіи; затѣмъ Стурдза сопровождалъ его въ Вѣну и Парижъ, а съ 1816 по 1822 годъ завѣдывалъ всею перепискою по дѣламъ бессарабскимъ, которыя находились въ вѣдѣніи графа Каподистріи. Въ 1818 году, кромѣ того, Стурдза, по предложенію кн. А. Н. Голицына, былъ назначенъ членомъ Ученаго комитета Главнаго училищъ правленія и въ томъ же году былъ посланъ на Ахенскій конгрессъ; пожалованный въ 1820 году въ дѣйствительные статскіе совѣтники, онъ нѣкоторое время находился въ безсрочномъ отпуску, а затѣмъ, въ апрѣлѣ 1828 года, былъ командированъ въ Бухарестъ, для управленія походною канцелярією министерства иностранныхъ дѣлъ и для содѣйствія полномочному предсѣдателю дивановъ Молдавіи и Валахіи въ дѣлахъ управленія и образованія этого края. 29-го апрѣля 1830 года Стурдза вышелъ въ отставку съ чиномъ тайнаго совѣтника (формул. списокъ); поселившись, съ этого времени, въ Одессѣ, онъ занимался воспитаніемъ своей единственной дочери Маріи Александровны, вышедшей въ 1838 году за князя Евгенія Григорьевича Гагарина (ум. въ 1886 г.) и умершей въ 1890 г., дѣлами благотворительности и особенно—литературными трудами по вопросамъ богословскимъ, философскимъ, публицистическимъ и историческимъ. Онъ умеръ 13-го іюня 1854 года, 63-хъ лѣтъ отъ роду.

²⁾ «Москвитинъ» 1852 г., ч. V, № 20 кн. 2, стр. 219, 220, 221 и 222.

Вѣстникѣ»¹⁾, перепечатаны оттуда Погодинымъ въ «Москвитянинѣ»²⁾ и затѣмъ включены въ собраніе сочиненій Жуковскаго³⁾. Нынѣ, благодаря любезности А. Θ. Шидловскаго, предоставившаго въ наше распоряженіе подлинники этихъ писемъ Жуковскаго, переданные ему изъ архива князя Гагарина-Стурдзы, мы получили возможность провѣрить ихъ по оригиналамъ и представляемъ здѣсь, съ исправленіями и дополненіями къ извѣстному въ печати ихъ тексту.

Знакомство Жуковскаго со Стурдзою было многолѣтнее; начало его, по всей вѣроятности, относится къ половинѣ 1810 годовъ; по крайней мѣрѣ, въ дневникѣ поэта уже подѣ 17-мъ октября 1817 г. мы читаемъ: «У Булгакова. Капо д'Истрія, Стурдза...»⁴⁾. Тотъ же дневникъ носитъ въ себѣ слѣды частыхъ свиданій и бесѣдъ со Стурдзою въ іюнѣ и іюлѣ 1826 г. въ Эмсѣ⁵⁾. И впоследствии дружескія отношенія ихъ не прерывались до конца жизни Жуковскаго. «Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ», писалъ Стурдза въ 1852 году⁶⁾, «я уже зналъ и любилъ въ созвучіяхъ прекрасной души его нѣсколько лѣтъ прежде первой нашей встрѣчи. Впечатлѣніе отъ нея было прочно. Жуковский цѣнилъ во мнѣ любителя словесности древней, а я учился изяществу русской рѣчи въ его безсмертныхъ стихахъ, въ его стройной и обдуманной прозѣ, въ неподражаемыхъ его подражаніяхъ. Однако, я полюбилъ въ Жуковскомъ человѣка едва-ли не болѣе, чѣмъ великаго писателя».

Къ названнымъ письмамъ Жуковскаго присоединяемъ два, доселѣ еще неизданныхъ письма къ Стурдзѣ племянницы Жуковскаго, извѣстной дѣтской писательницы Анны Петровны Зонтагъ, рожденной Юшковой (род. въ 1785, ум. въ 1864 г.); они касаются намѣренія П. А. Плетнева собрать и опубликовать, въ пользу семьи Жуковскаго, письма его къ разнымъ лицамъ⁷⁾. «Слышу», писалъ по этому поводу Плетневу князь П. А. Вяземскій 19-го ноября с. с. 1852 г.: «что вы собираетесь издать письма его [Жуковскаго]. Это дѣло прекрасное. И у меня есть вкладчина въ это собраніе, но до возвращенія моего въ Россію не могу сообщить вамъ эти письма. Иныя, кажется, хранятся въ Остафьевѣ, другія перемишаны и уложены съ другими бумагами моими, и я одинъ могу найти нить въ этомъ бумажномъ лабиринтѣ. Пе-

¹⁾ 1855 г., № 1, 2 и 3: „Переписка В. А. Жуковскаго съ А. С. Стурдзою“.

²⁾ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 64—80.

³⁾ Изд. VII, подѣ ред. П. А. Ефремова, т. VI, Спб. 1878, стр. 537—546.

⁴⁾ Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, изд. „Русской Старины“, Спб. 1901, стр. 53.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 184—187.

⁶⁾ „Москвитянинъ“ 1852 г., ч. V, № 20, кн. 2, статья: „Дань памяти Жуковскаго и Гоголя“, стр. 216.

⁷⁾ См. напр., письмо его по этому поводу къ М. П. Погодину (Н. Барсуковъ. Жизнь и труды Погодина, т. XII, Спб. 1898, стр. 339—340).

чатайте, безъ зазрѣнія совѣсти и неумѣстнаго цѣломудрія, и шутливыя письма его, буфонскія, чисто Арзамасскія, гдѣ веселость его разыгрывалась во всю Ивановскую. Эта сторона не должна пропасть безъ вѣсти и дополняетъ характеръ его. Какъ я писалъ Булгакову по этому предмету, тотъ не будетъ вполне знать Суворова, кто не будетъ имѣть понятія о проказахъ и причудахъ его. Къ тому же вездорорѣчіе Жуковскаго доходило до истиннаго краснорѣчія, до высокой геніальности. Я поручилъ въ Москвѣ просить г-жу Зонтагъ собрать и записать всѣ свои воспоминанія о Жуковскомъ» ¹⁾...

Изданіе, задуманное Плетневымъ, не состоялось; нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ Жуковскаго къ Зонтагъ онъ напечаталъ, однако, въ изданной имъ въ концѣ того же 1852 года біографія Василя Андреевича, помѣщенныя въ III томѣ «Живописнаго Сборника»; сама же Анна Петровна въ «Москвитянинѣ» 1852 года ²⁾ опубликовала весьма цѣнныя воспоминанія свои о Жуковскомъ.

Б. Модзалевскій.

I ³⁾.

29-го мая 1835 г. [С.-Петербургъ].

Душевно благодарю васъ за воспоминаніе, любезнѣйшій Александръ Скарлатовичъ, и за подарокъ. Прочиталъ ваше письмо (печатное) ⁴⁾, съ большимъ удовольствіемъ и совершенно согласенъ съ вами въ главной идеѣ. Направленіе нынѣшней литературы и въ особенности французской для меня ненавистно. Дерзскій матеріализмъ въ ней царствуетъ. Читая новыя французскіе романы (впрочемъ, я ихъ не читаю: прочитавъ нѣкоторые, я рѣшился не брать въ руки ничего, что является въ свѣтъ подъ фирмою Бальзаковъ, Жаненей и братіи), пугаешься не ихъ содержанія, а самихъ авторовъ. По моему мнѣнію, безнравственность книги менѣе заключается въ самой книгѣ, нежели въ томъ, какую вѣру предполагаешь въ авторѣ. Если, читая книгу, сколь бы ни было отвратительно само по себѣ ея содержаніе, чувствуешь,

¹⁾ Сочиненія и переписка П. А. Плетнева, т. III, Спб. 1885 г., стр. 406

²⁾ № 18; статья эта представляетъ перепечатку, съ дополненіями изъ „Москвитянина“, 1849 г., № 9.

³⁾ Напечатано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1855 г., № 1 и въ „Москвитянинѣ“, 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 65—66, съ пропусками.

⁴⁾ „Письмо опытнаго романтика къ новичку, выступающему на поприще модной словесности“, было перепечатано въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1835 г., (№ 123 и 124) изъ „Одесскаго Вѣстника“.

что авторъ ея держится противнаго, то соединяешьсѣ вмѣстѣ съ нимъ и вмѣстѣ съ нимъ произносишь анаѣмъ тому, что онъ выставилъ на позоръ перомъ своимъ. Но эти господа совершенно равнодушны къ добру и злу; они видятъ и въ томъ, и другомъ что-то случайное, равно необходимое въ машинѣ здѣшней жизни, которая для нихъ не иное что, какъ сцѣпленіе какихъ-то явленій, безъ результата, безъ цѣли, необходимыхъ и представляющихъ одинъ только матеріалъ для наблюденія; ужасы нравственные для нихъ стоятъ на одной доскѣ съ ужасами физическими. И Вальтеръ-Скоттъ изображалъ нравственное безобразіе во всѣхъ его видахъ; но, читая его, я утѣшенъ имъ самимъ; въ душѣ его идеалъ прекраснаго, любовь къ добру, вѣра въ Бога, и я охотно слѣдую за нимъ въ темный лабиринтъ жизни: въ рукѣ его Аріаднины нити, и съ ними не заблудишься. Но куда ведутъ нынѣшніе путеводители? Куда придешь вслѣдъ за ними? Къ стремистой безднѣ, ни впередъ, ни назадъ: остается въ нее кинуться и погибнуть. Страшно подумать, что все это читается молодежью. Какія грязныя первыя впечатлѣнія жизни! и что можетъ ихъ послѣ загладить? И подобное является на сценѣ. Всѣ дрянныя французскіе водевили, всѣ отвратительныя мелодрамы Дюмасовъ и Дюканжей повсюду переводятся, и все это слушаетъ наша публика, отъ ложъ до райка. Нашъ театръ, на которомъ не явились ни Шиллеры, ни Шекспиры, заваленъ соромъ нынѣшнихъ французскихъ пачкуновъ. Сколько фальшивой монеты пускается въ оборотъ! Нашъ театръ не имѣлъ періода Корнелей, Расиновъ, Шекспировъ и Шиллеровъ; онъ вдругъ попалъ въ безнравственный періодъ французскихъ водевилей, мелодрамъ. Какое гибельное вліяніе на литературу, а вмѣстѣ съ нею и на чувство изящнаго, и на нравственное чувство! Въ вашей піесѣ есть, однако, для меня недостатокъ. Правда, вы говорите въ лицѣ романтика à la Balsak, но подъ піесой вашей выставлено: «А. Стурдза». Я бы желалъ, чтобъ вы отдѣлили ясное понятіе о литературѣ и о истинномъ романтизмѣ (который не иное что, какъ историческое понятіе) отъ понятія о злоупотребленіи литературы. Общество безъ литературы такъ же существовать не можетъ, какъ человѣкъ безъ языка: народъ безъ литературы то же, что глухонѣмой, который или еще не выразилъ, или не можетъ выразить того, что въ душѣ его творится. А у насъ существуетъ какое-то предубѣжденіе вообще противъ всякой литературной дѣятельности: усиливать это предубѣжденіе, по моему мнѣнію, такъ же вредно, какъ и быть панегиристомъ нынѣшняго направленія литературы. Поэтому, я бы и желалъ, чтобъ вы дополнили свою идею и, написавъ такъ сильно о томъ, чего быть не должно, написали бы столь же сильно о томъ, что быть должно, и опредѣлили въ то же время истинный характеръ романтизма. Это—задача прекрасная.

Я весьма, весьма радъ буду имѣть въ рукахъ вашъ манускриптъ: если можно, доставьте. Только смотрите, чтобы онъ какъ-нибудь не затерялся: надобно поручить доставленіе вѣрному человѣку. Безъ всякаго сомнѣнія великому князю ⁴⁾ будетъ и пріятно, и полезно прочитатъ ваши сказанія ⁵⁾ о бѣльшемъ дядѣ ⁶⁾.

Простите, любезный Александръ Скарлатовичъ. Скажите мой дружескій поклонъ вашимъ. Прошу васъ также оправдать меня передъ графомъ Эделингъ ⁴⁾: экземпляръ альмана[ха] одесскаго ⁵⁾ худую имѣлъ судьбу; я поручилъ распродажу Смирдину ⁶⁾; но онъ плохо за это принялся. Не знаю, что мнѣ съ ними дѣлать. Отъ всего сердца васъ обнимаю. Преданный вамъ Жуковский.

II ⁷⁾.

4-го апрѣля 1836. С.-Петербургъ.

Я отдалъ вашъ манускриптъ ⁴⁾ Александру Ивановичу Миллеру ⁵⁾, любезнѣйшій Александръ Скарлатовичъ; отдалъ съ горемъ пополамъ,

⁴⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, впоследствии императоръ Александръ II.

⁵⁾ Здѣсь говорится о рукописи: „Отрывокъ изъ исторіи XIX столѣтія. Сочиненіе Александра Стурдзы“. 1833. Въ настоящее время рукопись эта находится у А. Ф. Шидловскаго (см. „Русск. Стар.“ 1902 г. № 4, стр. 184)

⁶⁾ Императоръ Александръ I.

⁴⁾ Графъ Альбертъ-Гастанъ Эдлингъ (р. въ 1774 г., ум. 11-го декабря 1841 г.), министръ иностранныхъ дѣлъ и маршалъ при дворѣ великаго герцога Веймарскаго; въ 1816 г. онъ женился на родной сестрѣ А. С. Стурдзы, Роксандрѣ Скарлатовнѣ; въ 1822 г. онъ переселился въ Россію, гдѣ вмѣстѣ съ женою занялся устройствомъ высочайше пожалованнаго ей имѣнія Манзырь, близъ Одессы.

⁵⁾ Въ 1834 г. въ Одессѣ вышли два альманаха, предпринятые съ благотворительною цѣлію: „Подарокъ бѣднымъ“ (изданіе Новороссійскаго женскаго общества призрѣнія бѣдныхъ) и „La Quêteuse“; въ ихъ изданіи А. С. Стурдза принималъ дѣятельное участіе.

⁶⁾ Александръ Филипповичъ Смирдинъ (р. въ 1795, ум. въ 1857 г.), извѣстный петербургскій книгопродавецъ и издатель.

⁷⁾ Напечатано, съ пропусками, въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1855 г., № 1 и въ „Москвитянинѣ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 67.

⁸⁾ См. предыдущее письмо.

⁹⁾ А. И. Миллеръ, сослуживецъ и одинъ изъ друзей Стурдзы (который былъ крестнымъ отцомъ его сына Бориса Александровича, бывшаго члена Московской судебной палаты нынѣ т. сов. въ отставкѣ), род. 19-го августа 1783 г., въ 1800 г. поступилъ въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ актуаріусомъ и съ этого времени служилъ въ вѣдомствѣ этого министерства, находясь вмѣстѣ со Стурдзою при гр. Каподистринъ съ 1816 по 1821 годъ, затѣмъ—при гр. Нессельроде и въ походной канцеляріи министерства въ Молдавіи и Вала-

ибо частица его еще не была дочтена великимъ княземъ, которому я читалъ самъ, но не могъ читать сряду, а въ разное время, раздѣленное долгими промежутками; онъ слушалъ съ живѣйшимъ интересомъ то, что мнѣ было весьма пріятно читать ему. Про себя же, разумѣется, прочиталъ я все отъ доски до доски. Вы возбудили въ душѣ моей трогательное воспоминаніе о нашемъ христіанскомъ Аристидѣ ¹⁾, и я сожалѣю, что не всѣ могутъ раздѣлить съ нами это чувство удивленія къ нему, которое пробуждаетъ ваше описаніе дѣлъ его и мыслей. Весь вашъ манускриптъ, по разнымъ отношеніямъ, не можетъ быть еще отданъ въ печать; но все то, что заключается въ немъ, начиная съ описанія возстанія Греціи, все, что касается до одной Греціи и президента ея, то, кажется, можетъ быть издано отдѣльно и составить прекрасное цѣлое. Мое мнѣніе, что этотъ отрывокъ долженъ быть напечатанъ непременно: это нѣкоторымъ образомъ ваша обязанность. Имя Каподистріи было поругано недостойнымъ образомъ: должно вступить за его святую память. Вы это сдѣлали прекрасно: для чего же скрывать отъ свѣта сдѣланное вами? И что препятствуетъ напечатанію? ²⁾ Я очень сожалѣю, что не сдѣлалъ списка съ вашего манускрипта; разумѣется, я объ этомъ бы къ вамъ написалъ, возвратилъ бы вамъ списокъ, если бы вы не захотѣли его у меня оставить, въ противномъ случаѣ имѣлъ

хін (1828 г.). Въ 1835 г. Миллеръ занялъ мѣсто управляющаго 3-ею Особую Экспедицію Департамента вѣдѣній сношеній министерства иностранныхъ дѣлъ, въ 1837—чиновника особыхъ порученій V кл. при вице-канцлерѣ, въ 1838 г. пожалованъ въ д. с. совѣтники и назначенъ управляющимъ 1-ю экспедицію Департамента вѣдѣній сношеній (формуляръ), въ каковомъ званіи и скончался въ Петербургѣ 4-го февраля 1852 года. Это былъ человѣкъ высшихъ душевныхъ качествъ; Жуковскій очень уважалъ и любилъ его.

¹⁾ Такъ Жуковскій называлъ графа Іоанна Антоновича Каподистрію.

²⁾ Желаніе В. А. Жуковскаго осуществилось, но уже послѣ смерти А. С. Стурдзы: „Воспоминанія“ его о жизни и дѣяніяхъ гр. И. А. Кападистріи—президента Греціи (часть „Отрывка изъ исторіи XIX столѣтія“, находившагося въ рукахъ Жуковскаго), были напечатаны въ „Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1864 г., II, 1—205 (были изданы и отдѣльные оттиски. М. 1864). Въ бумагахъ Стурдзы имѣется французскій переводъ этого сочиненія въ двухъ спискахъ: черновой—писанный рукою автора, исправленный въ нѣкоторыхъ мѣстахъ графиней Эдлингъ, и перебѣленный; извлеченіе изъ него, подъ заглавіемъ „Notice biographique“, было напечатано при изданіи политической переписки графа Каподистріи, вышедшей въ Женевѣ въ 1839 году („Correspondance du comte Capodistria“). Въ тѣхъ же бумагахъ сохранилось много другихъ матеріаловъ для жизнеописанія гр. И. А. Каподистріи; въ числѣ ихъ особенную цѣнность представляетъ черновая рукопись: „Aperçu de ma carrière publique“, писанная рукою гр. И. А. Каподистріи. Записка эта была напечатана въ III т. „Сборника Русскаго Историческаго Общества“, гдѣ сказано, что подлинникъ ея хранится въ Государственномъ Архивѣ.

бы его уже теперь наготовѣ, и еслибъ вы согласились на мое предложеніе, то былъ бы издателемъ его самъ, то-есть, смотрѣлъ бы за печатію и корректурою. Это, впрочемъ, не ушло еще и теперь. Если моя мысль вамъ понравится, то отдѣлите изъ своей рукописи то, что назначите для печати, велите этотъ отрывокъ переписать и пришлите мнѣ ¹⁾; я готовъ быть его издателемъ. Но здѣсь долженъ сдѣлать и нѣкоторыя критическія замѣчанія: я на многія выраженія ваши досадовалъ при чтеніи; на одни за ихъ излишнюю пышность; на другія—за ихъ часто несправедливую, по крайней-^[мѣрѣ] неисторическую рѣзкость; вездѣ, гдѣ касается до политики нашихъ противниковъ, вы говорите о злобѣ и злодѣйствѣ; мнѣ кажется, что это не только излишество, но и пристрастіе: всѣ такія мѣста производили на меня дѣйствіе противное тому, какое вы произвести хотѣли: они меня охлаждали. Всѣ сіи мѣста поправлены быть могутъ весьма легко, и ваше сочиненіе выиграетъ двадцатью процентами. Я говорю то, что думаю и увѣренъ, что вы не будете недовольны моею искренностью, согласитесь ли или не согласитесь съ моимъ мнѣніемъ. Увѣдомьте, на что рѣшитесь вы относительно изданія манускрипта.

Александръ Ивановичъ ²⁾ сказывалъ мнѣ, что вы собираетесь за границу. Куда и на долго ли? ³⁾.

Простите, любезнѣйшій Александръ Скарлатовичъ, скажите мое душевное почтеніе вашей супругѣ ⁴⁾ и если увидите нашего старца Гуфеланда ⁵⁾, то напомните ему обо мнѣ и о моей глубокой къ нему при-

¹⁾ Въмѣсто этого, Стурдза вторично переслалъ Жуковскому весь свой манускриптъ, для исправленія; отрывокъ изъ него, касающійся собственно гр. И. А. Каподистріи, Стурдза, по предложенію Жуковскаго (см. слѣдующее письмо), намѣренъ былъ напечатать въ Пушкинскомъ „Современникѣ“.

²⁾ Миллеръ (см. выше).

³⁾ Стурдза въ началѣ мая отправился со всѣмъ своимъ семействомъ въ Берлинъ, для поправленія здоровья и для свиданія съ тестемъ—знаменитымъ Гуфеландомъ, вскорѣ же и умершимъ. Стурдза написалъ его біографію (см. „Oeuvres posthumes religieuses, historiques, philosophiques et littéraires d'Alex. Stourdza. Souvenirs et portraits“, Paris. 1859, pp. 225—265).

⁴⁾ Елизавета Ѳеодоровна, рожд. Гуфеландъ, вторая жена А. С. Стурдзы (первая жена его, Марья Васильевна, рожд. Чичерина, умерла отъ родовъ, 18-го марта 1817 г. въ Петербургѣ); по свидѣтельству Вигеля („Записки“, ч. VI, стр. 129), она „принадлежала къ числу тѣхъ прежнихъ нѣмокъ, кои, будучи домашнимъ сокровищемъ, единственно супругами и матерями, не имѣли никакой наружной цѣны и не искали ея“.

⁵⁾ Христофоръ-Вильгельмъ Гуфеландъ (Hufeland, р. въ 1762, ум. въ 1836 г.), лейбъ-медикъ прусскаго короля, извѣстный врачъ, авторъ не менѣе извѣстной „Макробіотики“, зять А. С. Стурды. Жуковскій познакомился съ Гуфеландомъ еще 31-го октября 1820 г. въ Берлинѣ (см. Дневники В. А. Жуковскаго. Съ примѣчаніями И. А. Бычкова, Спб. 1901, стр. 87—90).

вязанности. Обнимаю васъ отъ всего сердца. Сердечно преданный вамъ Жуковскій.

III ¹⁾.

13-го апрѣля 1836 г.

Вашъ манускриптъ былъ уже къ вамъ отправленъ, когда я получилъ ваше послѣднее письмо, почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ. При немъ получили вы и письмо мое. Прикажете сдѣлать списокъ по тому плану, который мной вамъ предложенъ, если его найдете годнымъ. Чтобы сдѣлать отрывокъ, въ которомъ будетъ заключаться повѣсть о возстаніи Греція до убійства ея президента, приложите къ началу, или гдѣ разсудите, быстрый взглядъ на жизнь Каподистріи до той минуты, въ которую онъ предпринялъ послѣдній путь свой, приведшій его къ славному гробу мученика. Эти немногія быстрыя страницы могутъ быть прекрасны, а вашъ отрывокъ сдѣлается отдѣльною историческою картиною. Въ такомъ видѣ (сдѣлавъ, если разсудите, нѣкоторыя поправки по моимъ общимъ замѣчаніямъ) доставьте мнѣ списокъ: я его напечатаю, если окажется нужнымъ—иное выраженіе перемѣню, хотя мнѣ страшно прикасаться къ тому, что написано вами: вы мастеръ, а не ученикъ. Вотъ еще предложеніе. Пушкинъ выдаетъ журналъ подъ названіемъ «Современникъ»: не согласитесь ли, чтобы я напечаталъ вашъ отрывокъ въ немъ? Такимъ образомъ онъ можетъ разомъ быть прочитанъ многими. Послѣ издадимъ его и особенно. Можно будетъ издать почти въ одно время. Отвѣчайте на этотъ послѣдній вопросъ.

Увѣдомьте также о своей поѣздкѣ, когда, куда, на долго ли? Обнимаю васъ искренно. Вотъ вамъ пріятная новость: Сѣверинъ ²⁾—министръ и тайный совѣтникъ; но еще безъ жалованія, то есть, безъ прибавки жалованія по Министерству; ему дана прежде аренда, но графъ Нессельродъ ³⁾ сказалъ мнѣ, что онъ скоро будетъ переведенъ, ибо въ Швейцаріи не полагается быть министру. Вашъ Жуковскій.

¹⁾ Напечатано въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1855 г., № 1 и въ „Москвитинѣ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 68, съ пропусками.

²⁾ Дмитрій Петровичъ, зять Стурдзы (род. въ 1792 г., ум. въ 1865 г.) 7-го апрѣля 1836 г. онъ занялъ постъ чрезвычайнаго посланника и полномочнаго министра Швейцаріи будучи произведенъ въ тайные совѣтники. Въ слѣдующемъ году (16-го марта 1837 г.) былъ переведенъ въ Баварію, гдѣ и оставался до выхода своего въ отставку, съ чиномъ д. т. совѣтника. Въ первомъ бракѣ Северинъ былъ женатъ на родной сестрѣ Стурдзы — Еленѣ Скарлатовнѣ, но она черезъ 5 мѣсяцевъ послѣ свадьбы умерла (20-го іюня 1818 г.) 24 лѣтъ отъ роду. Вторично Северинъ женился въ 1825 году на фрейлинѣ бар. Софьѣ Ѳеодоровнѣ Мольке, умершей въ Мюнхенѣ 26-го апрѣля 1882 года.

³⁾ Графъ Карлъ Васильевичъ, бывшій въ то время вице-канцлеромъ.

IV ').

10-го марта н. с. 1849. Bade-Bade, Maison Kleinmann.

Не всегда исполняется то, чего мы наиболѣе желаемъ, то-есть, сказать точнѣе, почти никогда не исполняется. Для меня же одно изъ живѣйшихъ желаній моихъ вполнѣ совершилось: желаніе знать ваше мнѣніе о моей Одиссеѣ, мой любезный Александръ Скарлатовичъ, и при ономъ желаніе, чтобы трудъ мой былъ вами одобренъ. Я прочиталъ это драгоценное для меня одобреніе въ вашемъ письмѣ къ Северину и былъ имъ несказанно обрадованъ²⁾. Здѣсь дѣло идетъ не о самолюбіи: въ шестьдесятъ шесть лѣтъ не до игрушекъ самолюбія. Но душа любить во всякое время дѣлиться тѣмъ, что ей дорого: послѣдніе годы, мною проведенные вмѣстѣ съ Гомеромъ, въ тишинѣ моей семейной жизни, были счастливы. Передавая моему языку его дѣвственную поэзію (которой гармонія доходила до моего слуха посредствомъ визговъ подстрочнаго нѣмецкаго перевода), я нѣкоторымъ образомъ принужденъ былъ спрашиваться съ самымъ гениемъ Гомера, не имѣя матеріальнаго посредничества и въ языкѣ его, и эта духовная бесѣда съ тѣнію имѣла для меня чудную прелесть. Само по себѣ разумѣется, что я не имѣлъ въ виду похвастать передъ публикой знаніемъ языка, мнѣ чужаго и теперь еще совершенно неизвѣстнаго. Мнѣ просто хотѣлось пожить поэтическимъ счастіемъ, пожить наслажденіемъ творчества: оно такъ и было; эта главная цѣль достигнута. Но великое наслажденіе заключается и въ томъ, когда въ придачу этому личному наслажденію, скажетъ тебѣ голосъ, которому вѣришь, который для тебя имѣетъ въ себѣ пророческую гармонію Пифіи, что та прелесть, которую ты находилъ въ трудѣ твоемъ, не есть обманъ, что есть въ твоемъ трудѣ существенное исполненіе. Этотъ пифійскій одобрительный листъ теперь я имѣю,

¹⁾ Напечатано въ „Одесск. Вѣстн.“ 1855 г., № 2 и въ „Москвитининъ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 69—71, съ пропусками.

²⁾ Въ письмѣ къ Д. П. Северину отъ 17-го ноября 1848 г. Жуковскій просилъ своего пріятеля „увѣдомить Стурдау о томъ, что ему доставленъ будетъ изъ Петербурга экземпляръ „Одиссеи“ и передать ему желаніе переводчика знать его мнѣніе объ этомъ трудѣ“ („Русск. Архивъ“ 1900 г., кн. III, стр. 43). Грекъ по матери (княжнѣ Мурузи), Стурдза въ совершенствѣ владѣлъ греческимъ языкомъ и новымъ, и древнимъ. По свидѣтельству Диктиадиса, „еще въ юности онъ изучилъ древнихъ поэтовъ Греціи, изъ коихъ особенно любилъ Гомера, и даже въ старости читалъ наизусть довольно длинныя отрывки изъ его поэмъ“ („Москвит.“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 69). Понятна, поэтому, была радость Жуковскаго, когда онъ получилъ отзывъ Стурдзы о переводѣ „Одиссеи“, сообщенный ему Северинымъ (См. „Русскій Архивъ“ 1900 г., кн. III, стр. 44—45).

благодаря Сѣверину, который прислалъ мнѣ письмо ваше въ оригиналѣ. Скажу вамъ, что вашъ приговоръ для меня рѣшительнѣе всѣхъ прочихъ, и я очень радъ, что вы не приговорили моей Музы къ отсѣченію буйной головы, а, напротивъ, дали ей свое благословеніе; я бы долженъ былъ съ смиреніемъ согласиться самъ повести подъ топоръ свою старушку.

Изъ Россіи я еще ни отъ кого не получилъ никакого отзыва, кромѣ одного—великаго князя Константина Николаевича, которому я посвятилъ переводъ мой (давъ ему давно обѣщаніе приняться за «Одиссею», и, если удастся перевести, ему посвятить ее); его письмо ¹⁾ меня порадовало не похвалами (которые здѣсь были неизбежною учтивостію), а умною, поэтическою оцѣнкою самой поэмы Гомера. Еще одинъ былъ весьма для меня пріятный отзывъ—отъ Фарнгагена ²⁾ (который играетъ теперь значительную роль между Лагарпами Германіи): бывши въ 43 году въ Берлинѣ, я читалъ Ф. Г. начало моего перевода (тогда была только половина первой пѣсни готова); Ф. Г., который хорошо знаетъ по-русски, хорошій эленистъ, нашелъ переводъ близкимъ; теперь я послалъ ему первый томъ русской «Одиссеи», и онъ отозвался слишкомъ одобрительно о моей работѣ. Но опять, повторяю, всего болѣе радуетъ меня вашъ отзывъ.

Вы говорите въ письмѣ къ Сѣверину объ очной ставкѣ, о публичной очной ставкѣ на подмосткахъ «Москвитяина»: убѣждаю васъ не оставлять этого намѣренія ³⁾. Такого рода сравненіе, сдѣланное вами, хотя бы оно было и осужденіемъ моего труда, будетъ имѣть дѣйствіе рѣшительное на общій вкусъ: у насъ классическая поэзія, эта первобытная, дѣвственная поэзія—еще небывалый гость. Если подлинно мой переводъ удаченъ, то надобно, чтобъ краснорѣчивый, поэтический голосъ растолковалъ его достоинство Русскому свѣту; будетъ значительною эпохою въ нашей поэзіи это позднее появленіе простоты древняго міра посреди конвульзій міра современнаго. Надѣюсь, что вы мнѣ повѣрите, если скажу вамъ, что я не о похвалахъ вашихъ думаю;

¹⁾ Оно въ печати не появлялось.

²⁾ Carl-August Varnhagen von Ense (род. въ 1785 ум. въ 1858 г.), извѣстный нѣмецкій писатель, поэтъ, историкъ, критикъ и лингвистъ, авторъ весьма цѣнныхъ воспоминаній, дневниковъ (14 томовъ), біографическихъ и историко-литературныхъ опытовъ. Онъ проживалъ въ Берлинѣ, нося чинъ тайнаго посольскаго совѣтника. Въ письмѣ отъ 11-го октября с. с. 1849 г. Жуковский писалъ: „Я сообщу вамъ послѣ то, что пишетъ о моей Одиссѣй Фарнгагенъ фонъ Энзе (теперь одинъ изъ передовыхъ критиковъ въ Германіи). Онъ знаетъ прекрасно и греческій, и русскій языкъ. Если онъ мнѣ не льститъ, то могу считать мою работу удачною“.

³⁾ Оно не было приведено въ исполненіе.

нѣтъ: желаю вашего суда и суда строгаго; все, что вы замѣтите ошибочнаго, какъ судья, болѣе нежели кто посвященный въ тайны поэзіи, напередъ принимаю, и все будетъ (если еще самъ я буду на-лицо) совѣстливо исправлено. Единственною виѣшною наградою моего труда будетъ тогда сладостная мысль, что я (во время оно родитель на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтической дядька чертей и вѣдьмъ нѣмецкихъ и англійскихъ) подъ старость загладилъ свой грѣхъ и отворилъ для отечественной поэзіи дверь Эдема, не утраченнаго ею, но до сихъ поръ для нея запертаго. Если бы не лежало на плечахъ моихъ шестидесяти шести лѣтъ, я бы не остановился на этой дорогѣ, но теперь уже нельзя и не должно терять времени въ болтовнѣ съ созданіями языческаго свѣтлаго міра. Спѣшу докончить свою сладостную бесѣду съ моимъ 300-лѣтнимъ старикомъ: потомъ за другое дѣло; объ этомъ другомъ еще надѣюсь съ вами перемолвить послѣ. Теперь надо кончить одно. И работа кипитъ. Обстоятельства загнали меня въ Баденъ-Баденъ ¹⁾. Здѣсь, пользуясь уединеніемъ и стараясь заткнуть уши отъ сатанинскаго визга нашего времени, я снова принялся за переводъ Одиссеи, болѣе двухъ лѣтъ неподвижный. Перевожу и въ то же время печатаю. Съ октября мѣсяца по мартъ я перевелъ XIII, XIV, XV, XVI, XVII, XVIII и половину XIX пѣсни. Если такъ пойдетъ работа и никакой бѣды со мной не случится, то, съ помощію Божіею, надѣюсь кончить мой трудъ къ половинѣ апрѣля. XIII—XVI пѣсни отдѣланы на-чисто и уже напечатаны. Благословите, а если не полѣнитесь, то и отвѣчайте на письмо мое. Обнимаю васъ.

Сердечный поклонъ отъ меня милой вашей женѣ, вашей дочери и (?) ²⁾ вашъ {ему—внуку,
ей—внучкѣ,
имъ—внучатамъ ³⁾).

Вашъ Жуковский.

Я не понимаю 97 и 98 стиховъ XVI пѣсни; не понимаю ихъ ни въ подстрочномъ переводѣ, ни въ переводѣ Фосса, ни въ другихъ переводахъ. Я перевелъ такъ, держась одного буквального смысла:

Или, быть можетъ, ты братьевъ винишь, на которыхъ отважность
Мужъ полагается каждый при общемъ, великомъ раздорѣ? ⁴⁾

¹⁾ Въ концѣ 1848 г. Жуковский предполагалъ ѣхать въ Россію, но былъ задержанъ холерою и поселился въ Баденъ, гдѣ жена его, хворавшая уже третій годъ, начала лѣчиться у доктора Гугерта. Въ маѣ 1849 г. Жуковский долженъ былъ покинуть и Баденъ, такъ какъ тамъ также вспыхнула революція.

²⁾ Такъ въ подлинникѣ.

³⁾ У Стурдзы въ это время было три внука, дѣти его дочери княгини Марьи Александровны Гагариной: князя Григорій (впослѣдствіи кн. Гагаринъ-Стурдза), Анатолій и Юрій Евгеньевичи Гагарины.

⁴⁾ Эти стихи остались безъ передѣлки.

Но и тутъ нѣтъ яснаго смысла. Какъ понимаете вы эти два стиха? Переведите ихъ перифразою.

Одно общее замѣчаніе на мой переводъ: я старался переводить цѣлое, желая сохранить весь общій эффектъ Гомерова слога, котораго отличительный характеръ: не отдѣльные разительные стихи, а богатый потокъ цѣлаго. Поэтому въ иныхъ, немногихъ мѣстахъ, я предпочиталъ цѣлое отдѣльному и жертвовалъ отдѣльными стихами совокупному эффекту. Согласны ли вы на это? Во всякомъ случаѣ, критикуйте безпощадно. Въ томъ будетъ польза общая.

Адресъ: Его превосходительству Александру Скарлатовичу Стурдзѣ etc. etc. Другою рукою (Д. П. Северина): Въ Одессѣ.

Почтовый штемпель: С.-Петербургъ. 1849. Марта 15 ⁴⁾.

V ⁵⁾.

3-го (15) ноября 1849. Бадень-Бадень.

Любезнѣйшій Александръ Скарлатовичъ, полагаясь на вашу старинную и до сихъ поръ неизмѣнившуюся ко мнѣ дружбу, позволяя себѣ обратиться къ вамъ съ просьбою, которой исполненія, слишкомъ для меня важнаго, ожидаю отъ васъ навѣрное. Напишите мнѣ вашимъ перомъ нѣсколько страницъ о нашей православной церкви въ сравненіи съ исповѣданіемъ лютеранской, выставивъ съ одной стороны твердость основаній первой и ничтожность основаній послѣдней; и прошу васъ написать это по-французски. Вы спросите: для чего и для кого? Позвольте объ этомъ пока умолчать ⁶⁾. Самъ же я не могу надлежащимъ образомъ исполнить этой задачи, ибо, при убѣжденіи и вѣрѣ, не имѣю необходимыхъ теологическихъ знаній. Но увѣряю васъ, что вы окажете мнѣ истинное благодѣяніе, удѣливъ нѣсколько вашего времени на написаніе немногихъ страницъ, въ которыя вамъ не трудно будетъ включить всѣ главные доводы. Прошу васъ, чтобы это осталось совершенно между нами. Чтò изъ этого по волѣ Божіей выйдетъ, о томъ я васъ увѣдомлю въ свое время. Такъ же прошу васъ указать мнѣ на нѣкоторые книги, въ которыхъ бы можно было почерпнуть добрыя

⁴⁾ Это письмо было переслано къ Стурдзѣ черезъ Д. П. Северина („Русскій Архивъ“ 1900 г., кн. III, стр. 46).

⁵⁾ Напечатано, съ большими пропусками, въ „Одесск. Вѣстн.“ 1855 года, № 3 и въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 74.

⁶⁾ Вѣроятно, В. А. Жуковский имѣлъ адъсь въ виду свою жену Елизавету Алексѣевну, рожденную Рейтернъ; послѣ смерти мужа она 16-го сентября 1852 г. перешла въ православіе (см. въ слѣд. № письмо А. П. Зонтагъ).

свѣдѣнія о томъ предметѣ, о которомъ желаю имѣть ваше просвѣтительное слово ¹⁾).

Я опять въ Баденъ-Баденѣ, который долженъ былъ на время покинуть, дабы спастись отъ бунта, вокругъ насъ вспыхнувшего. Этотъ бунтъ затушили пушки; но, по несчастію, той цитадели, въ которой гнѣздится чудовище, посылающее на наше время свои разрушительныя силы, пушками не разобьешь. Но бунтъ не помѣшалъ мнѣ кончить и даже напечатать вторую часть «Одиссеи». Она отправлена давно въ Россію, и я полагаю, что экземпляръ, вамъ назначенный, находится теперь въ рукахъ вашихъ. Эту вторую часть я переводилъ соп амоге; она привлекательнѣе первой. И переводъ мой былъ конченъ немомвѣрно скоро: менѣе, нежели въ сто дней, переведены всѣ XII пѣсней; возможность этого изъясняется тою совершенною независимостью и тишиною, которыми я пользовался прошлою зимою. Замѣчательно то, что эта тишина нарушилась не прежде, какъ наканунѣ отпечатанія послѣдняго листа «Одиссеи»: послѣднюю корректуру этого листа я послалъ въ Карlsru уже изъ Страсбурга, куда долженъ былъ убраться изъ Бадена ²⁾. Прошу васъ сказать мнѣ слово о моей работѣ. Всю нынѣшнюю зиму я проведу въ Баденѣ. Помогите Богъ моей жемѣ. Помогите Богъ намъ будущаго лѣтомъ воротиться на родину и вырваться изъ этого омута, который называется просвѣщенною Германіею. Простите Всѣмъ сердцемъ преданный вамъ Жуковскій.

Мой адресъ: A Bade-Bade. Maison Kleinmann.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Въ письмѣ своемъ къ Д. П. Северину отъ того же 3-го (15-го) ноября Жуковскій просилъ выслать ему немедленно „книгу Стурды о православной церкви“, т. е. „*Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*“, изд. въ 1817 г.; по прочтеніи ея онъ писалъ ему же 3-го декабря: „Книга Стурды о нашей церкви прочтена и съ великимъ наслажденіемъ: есть чудныя страницы. Что, если бы къ этому благоуханному букету цвѣтовъ, собранныхъ на лугѣ молодости, нашъ Платонъ христіанскій присоединилъ нѣсколько лавровыхъ вѣтокъ съ древа, осынающаго его старость? Вышла бы чудная книга, книга необходимая нашему вѣку“ („Русскій Архивъ“ 1900 г. кн. III, стр. 52 и 53). Желаніе Жуковскаго уже въ это время было исполнено, такъ какъ Стурдза только-что отпечаталъ въ Афинахъ книгу „*Le double parallèle, ou l'église en présence de la parauté et de la réforme du XVI siècle*“ (перепечатана въ его „*Oeuvres posthumes*.....“ Paris. 1858).

²⁾ Подробности объ этомъ времени см. въ письмѣ Жуковскаго отъ 11-го октября 1849 г.

**Письмо А. С. Стурдзы — Жуковскому о М. П. Розбергѣ, не
дошедшее по назначенію.**

30-го апрѣля 1836 г. Одесса.

Въ 1836 г., когда М. П. Розбергъ собирался выѣхать изъ Одессы въ Дерптъ (нынѣ Юрьевъ), куда былъ приглашенъ въ университетъ для занятія кафедрой русскаго языка и литературы, А. С. Стурдза передалъ Розбергу слѣдующее письмо къ В. А. Жуковскому:

«Почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, при самомъ отъѣздѣ берусь еще разъ за перо, чтобы познакомить васъ съ отличнымъ нашимъ литераторомъ Михайломъ Петровичемъ Розбергомъ. Это человѣкъ достойный вашего особеннаго вниманія и пріязни, не только по уму, просвѣщенію, дару писать, но и по сердцу. Въ немъ душа прекрасная, наполненная правоты. Онъ назначенъ въ Дерптъ профессоромъ русской словесности, намѣренъ побывать въ Петербургѣ и желаетъ лично узнать Жуковскаго. Примите ласково Розберга и меня не забывайте».

Письмо это не было передано по назначенію, потому что Розбергъ не засталъ Жуковскаго, и распечатано лишь въ 1899 г. дочерью Розберга (М. М. Розбергъ).

Сообщилъ Г. А. Тройницкій.

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ).

VII¹).

заграничномъ путешествіи графиня спрашивала совѣта у Фотія. Въ этомъ отношеніи Фотій на насилывалъ желанія своей послушной овцы и предоставлялъ ей самой распорядиться собою и дѣлать такъ, какъ подскажетъ ей сердце. «Ты меня вопрошаешь, ѣхать ли въ путь съ Ангеломъ Кротости³). Ты мнѣ рцы слово сердца твоего, какъ твое сердце къ сему лежитъ. Если хотя тѣмъ желанія и внутренняго согласія—ѣхать Бога ради и спасенія души А. К.²). Этотъ случай есть тебѣ тоже, какъ бы ты на проповѣдь Евангелія Христова была послана. Аще спасеши души ты великая въ мірѣ—ты яко Ѳекла Равноапостольная почтешися у Бога. Ты мнѣ напиши о чувствахъ твоихъ сердца». (20-го марта 1829 г.).

Графиня согласилась ѣхать за границу съ государыней и сообщила объ этомъ Фотію. Онъ начинаетъ справлять графиню въ путь, какъ наставникъ и духовный отецъ ея. «У насъ два освященныхъ Артоса, то я одинъ оставилъ тебѣ, весъ, дабы вручить; хотѣлъ бы я послать тебѣ нарочнаго, но можетъ быть отъ тебя не придетъ ли кто-нибудь, то я успѣю тебѣ послать оный съ тѣмъ во благословеніе на путь. А иначе я хранить буду до врученія тебѣ лично». (20-го апрѣля 1829 г.).

«Конечно, ты уже въ путь должна пуститься съ царицею днесъ или вскорѣ, то я тебѣ и посылаю Божеское благословеніе». (23-го апрѣля 1829 г.).

¹) См. „Русскую Старину“, февраль 1902 г.

²) Императрица Александра Ѳеодоровна.

³) Буквы обозначаютъ слова Ангель Кротости.

Въ этотъ день Фотій пслучилъ отъ графини письмо, въ которомъ обозначался день, когда она выѣдетъ съ государыней изъ Петербурга. Фотій сейчасъ же пишетъ въ отвѣтъ: «Итакъ выѣздъ вашъ въ четвертокъ будетъ, посылаю паки тебѣ Божеское благословеніе въ путь, да пошлетъ тебѣ Господь Ангела своего во храненіе. Ты ежели можно и будешь съ дороги писать, то записочку маленькую пошлешь» (24-го апрѣля 1829 г.).

«Я увѣренъ, что ты мнѣ маршрутъ пришлешь. Какъ прошедшее лѣто 1828 г., такъ и нынѣ я приказываю молебны о тебѣ править ежедневно отъ выѣзда до пріѣзда восвояси» (26-го апрѣля 1829 г.). Графиня выѣхала съ государыней 25-го апрѣля и написала Фотію письмо, на которое онъ отвѣчалъ: «Письмо твое отъ 26-го съ перваго ночлега изъ Городца мною получено» (29-го апрѣля 1829 г.). Вслѣдъ за этимъ письмомъ Фотій посылаетъ графинѣ другое, самостоятельное: «Завтра, 2-е мая, день твоего рожденія, то поздравляю тебя съ онымъ отъ всея души моей. Дай Господь тебѣ здравіе, спасеніе и радость и благополучный возвратъ восвояси» (1-го мая 1829 г.).

Молчаніе графини беспокоитъ Фотія; онъ пишетъ о томъ, и приводитъ видѣнный имъ сонъ. «Вотъ уже 12-й день, какъ я не получалъ письма твоего съ 1-го до 12-го мая. Какой я чудный сонъ видѣлъ. Я видѣлъ мощи Александра ¹⁾ раскрытыя и оныя нечаянно какъ-то раскрылись, якобы въ ризницѣ Невской ²⁾, подлѣ церкви хранимыя, и я служилъ молебенъ съ кѣмъ-то изъ братіи моей, да и мысль была частицу сихъ мощей взять къ себѣ». (13-го мая 1829 г.). Фотій жалуется, что не получаетъ долго писемъ, а самъ пишетъ каждый день. Но, вотъ, послѣдовалъ цѣлый рядъ писемъ графини, изъ которыхъ видно, почему она не получала ежедневно писемъ Фотія. Причиною тому были тогдашніе пути сообщенія. Между иными городами почта ходила не каждый день, поэтому ежедневныя письма копились въ тѣхъ городахъ, гдѣ отправленіе почты было установлено два-три раза въ недѣлю. «Письма твои отъ 13-го, 15-го и 16-го чиселъ мая получилъ; отъ 25-го мая получилъ; отъ 25-го мая я къ тебѣ не писалъ, потому что, какъ я замѣтилъ, тебѣ кучею приходятъ мои письма, вдругъ, то дабы изъ числа моихъ писемъ кое-либо не затерялось я и не писалъ, а при томъ же и худая погода мѣшала отвезти на почту» (27-го мая 1829 г.). «Отъ 17-го мая я получилъ твое письмо. Спаси Господи люди твоя и даруй Царю нашему побѣды на враги» (29-го мая 1829 г.). «Теперь чаю, что авось либо дастъ Господь скоро будетъ ваше возвращеніе» (30-го мая 1829 г.). Въ это время графиня была уже въ Берлинѣ и оттуда писала Фотію, но отвѣтомъ онъ за-

¹⁾ Александра Невскаго.

²⁾ Невской лавры.

медилъ, по случаю дня своего рожденія. «Нынѣ мнѣ минуло 37 лѣтъ житія моего на свѣтѣ» (7-го мая 1829 г.). «Письмо твое я получилъ изъ Берлина отъ 27-го числа. Прости меня, что отъ 8 числа не писалъ, со днемъ рожденія пріѣзжалъ меня поздравить сосѣдь дорогой, и, пріѣхавъ послѣ обѣда, послѣ вечерни 7-го іюня и уѣхалъ. Еще живы и здравы будемъ и Богъ восхощетъ, то чаемъ вскорѣ тебя видѣть» (19-го іюня 1829 г.).

Графиня дѣйствительно скоро пріѣхала въ Юрьевъ и уѣхала 19-го сентября.

VIII.

Княжій дворъ—деревня графини Орловой, стояла неподалеку отъ села Коростыни, гдѣ проживала часть поселенныхъ войскъ. По мнѣнію военнаго вѣдомства, Коростыня во многомъ не отвѣчала военнымъ цѣлямъ, и для перевода поселянъ былъ намѣченъ Княжій дворъ. Преобрѣтеніе этой деревни въ собственность казны было особенно желательно государю. Фотій, узнавъ объ этомъ, старался доказать графинѣ, что надо пользоваться случаемъ и назначить высокую цѣну. «Твой Княжій дворъ хотятъ купить непременно»—писалъ Фотій (28-го октября 1829 г.).

«Скажу тебѣ вотъ что: межевая коммиссія пишетъ и свое мнѣніе, что дабы исполнить волю государя и поселить столько-то баталіоновъ, то нѣтъ никакой возможности обойтись безъ Княжева двора: нужно скупить оный, ибо мѣста мало и окружающіе плохи и поселенные баталіоны должны пить воду изъ озера (Коростыни)—это будетъ вредно, а имъ должна быть рѣка близъ, а Княжій дворъ на рѣкѣ, то оное мѣсто все скупить должно по необходимости и по всѣмъ выгодамъ». (31-го октября 1829г.).

Дальше о Княжемъ дворѣ Фотій пишетъ: «Ежели дѣло пойдетъ о семъ, т. е. о Княжемъ дворѣ, ты не устрашай, а говори, какъ сходнѣе будетъ и смотри, чего Богъ чрезъ нихъ желаетъ послать, и соображая все разумно дѣлай. Истинно тебѣ нѣтъ надобности въ сей малой частицѣ и тебѣ хорошо бъ за домъ зачестъ, дабы поскорѣе развязаться и свободной быть о Господѣ» (22-го января 1830 г.)

Но когда вопросъ о переходѣ Княжаго двора отъ покупки сводится на почву дарственности, то Фотій восклицаетъ: «Ужели имѣніе твое Богъ изъ твоихъ рукъ беретъ и въ руки царицы и воинскія пріемлетъ. Чудо сіе есть» (31-го января 1830 г.)

Однако, Княжій дворъ былъ оставленъ въ покоѣ. Никакихъ туда войскъ переведено не было; онъ и теперь стоитъ, какъ прежняя де-

ревня, входящая въ составъ Шинской волости. Въ Коростынѣ же до упраздненія военныхъ поселеній жили пахотные солдаты, и помѣщался полковой штабъ.

IX.

Неудовольствіе противъ государя за неразрѣшеніе пріѣзжать самовольно въ Петербургъ Фотій хранилъ въ глубокой тайнѣ и только предъ графиней иногда выражалъ его. Впрочемъ, онъ восхвалялъ государя и графинѣ. Это бывало въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ получалъ сообщеніе, что государь сказалъ о немъ доброе слово или одобрилъ какія-нибудь его дѣйствія. Тогда Фотій писалъ графинѣ о долгоденствіи царя, о любви своей къ нему, о чувствахъ преданности и проч.

Когда же узналъ, что скоро въ Новгородъ прабудетъ императоръ Николай и, быть можетъ, заѣдетъ въ Юрьевъ монастырь, Фотій былъ насторожѣ и готовился къ его пріему. «Мы съ часу на часъ ожидаемъ царя въ Новгородъ и кто говорить, что на пароходѣ онъ будетъ, кто говорить, что сухимъ путемъ» (3-го іюля 1829 г.).

Въ этотъ разъ государь, вѣроятно, не былъ въ Новгородѣ, потому что о пріѣздѣ его Фотій умалчиваетъ, иначе онъ непременно сообщилъ бы графинѣ, какъ сообщалъ о пріѣздѣ его въ слѣдующемъ 1830 году.

Въ концѣ 1829 г. государь заболѣлъ. Увѣдомляя о семъ горестномъ событіи своего духовнаго отца, графиня просила его помолиться о здравіи царя и приписала, что августѣйшій больной вспоминалъ объ архимандритѣ Фотіи. Поэтому, когда государю стало лучше, Фотій изливъ всѣ радости въ письмѣ къ графинѣ. «Буди милость Господня на св. церкви, на царѣ, на отечествѣ, на тебѣ, чадо Господа, и на всѣхъ. Миръ тебѣ, радуйся, радуйся, радуйся, и я сорадуюсь твоей радости о здравіи Ангела правды—царя нашего Николая Павловича, съ полученіемъ здравія и днемъ Ангела—его отца нашего—и отъ меня вселюбезно поздравь. Такъ я жалѣлъ объ государѣ императорѣ Александрѣ Павловичѣ, что тебѣ теперь открою мой обѣтъ, данный Богу, ежели онъ (императоръ Николай) будетъ здоровъ. 1-й по всѣмъ церквамъ на мой счетъ въ Новгородѣ молебны отслужить и литургіи, а 2-й и 3-й обѣты тебѣ лично скажу: и такъ какъ ему будетъ совершенно хорошо, увѣдомь меня, и я исполню 1-й пунктъ, ибо обѣтъ, Богу данный, исполнить должно» (16-го ноября 1829 г.).

Какіе были два послѣдніе обѣта—не извѣстно. Выше сказано, что Николай Павловичъ былъ въ Новгородѣ въ 1830 г. Фотій хотя и приготовился къ встрѣчѣ государя, но не питалъ особой надежды, что императоръ побываетъ въ Юрьевской обители. «Вчера въ 3 ч. пріѣхалъ въ

Новгородъ царь и что дѣлалъ, не извѣстно, а я слышалъ, что гр. Толстой П. Алек. былъ въ Старой Руссѣ, весьма хвалилъ Ю. монастырь и настоятеля и сказывалъ, что онъ весьма доволенъ и прочее доброе говорилъ. Мы не ожидаемъ въ обитель А. П.¹⁾, но стоимъ на стражѣ, да не прійдетъ къ намъ «кто-либо царевъ человекъ нечаянно» (5-го марта 1830 г.)

Въ слѣдующемъ письмѣ тоже говорится о пріѣздѣ государя. «А. П. какъ у насъ слышно, 4-го числа пріѣхалъ, вмѣсто того, чтобы по вечеру, въ часъ по полудни, такъ что губернаторъ и полиціймейстеръ не успѣли и срѣтить его, а дѣлалъ подъ видомъ досмотрѣнія одного баталіона, находящагося будто бы въ поселеніи, а очутился, какъ говорятъ, уже за Бровницкимъ ямомъ, какъ орелъ летя въ Москву. Такъ мнѣ многіе говорили» (7-го марта 1830 г.).

Затѣмъ Фотій сообщаетъ графинѣ, конечно, по слухамъ, насколько быстро Николай Павловичъ дѣлалъ осмотры, при чемъ присовокупляетъ, что государь справлялся у новгородскаго губернатора о Юрьевской обители и ея настоятелѣ. «Скажу тебѣ то, что А. П. былъ доволенъ вездѣ, но такъ быстро и поспѣшно обзиралъ, какъ будто-бъ не для того пріѣхалъ, но что-то другое имѣлъ въ душѣ» (8-го марта 1830 г.). «А. П. былъ въ Новгородѣ, звалъ къ себѣ кушать гг. военныхъ, изъ нихъ одинъ вчера былъ, бывший на обѣдѣ у меня и между прочимъ говорилъ, что А. П. спрашивалъ у Денфера, знаетъ ли меня, и тотъ сказалъ, что знаетъ и бывалъ у меня, а прочаго не слышалъ, а слышалъ еще, что ему А. П. Софійскій соборъ паче всѣхъ на свѣтѣ одинъ нравится и такое благоговѣніе внушаетъ, что онъ и сказать не можетъ» (11-го марта 1830 г.).

Дальше, какъ видно изъ отвѣта Фотія къ графинѣ, государь остался доволенъ Юрьевымъ монастыремъ. «Изъ письма твоего 17-го апрѣля вижу, что А. П. доволенъ св. нашею обителью, мнѣ сіе пріятно» (19-го апрѣля 1830 г.).

При каждомъ посѣщеніи императора Николая Новгорода Фотій ожидалъ къ себѣ государя и каждый разъ готовился къ встрѣчѣ царя. Однако, государь не заглядывалъ въ монастырь, и архимандритъ потерялъ надежду видѣть его въ стѣнахъ своей обители.

Весною 1835 г. императоръ Николай совершенно неожиданно, и для Фотія, и для братіи, пріѣхалъ со свитою въ Юрьевъ монастырь и прошелъ чрезъ скотныя ворота. Фотій встрѣтилъ государя безъ креста и протянулъ ему для цѣлованія свою руку. За это Фотія вызвали въ Петербургъ и отдали подъ началъ Палладію въ Невскую лавру. Это былъ неизгладимый случай въ жизни честолюбиваго монаха.

¹⁾ Ангела Правды.

X.

Въ 1837 году Фотій ожидалъ въ Юрьевѣ наслѣдника Александра Николаевича и, какъ наученный уже опытомъ по случаю встрѣчи августѣйшихъ особъ, принялъ всѣ мѣры, дабы не проглядѣть новаго высокаго гостя. «Сейчасъ меня извѣстили, что наслѣдникъ чрезъ Новгородъ поѣдетъ и, будто бы, въ субботу выѣдетъ онъ и не долѣ вторника продолжится медленность. Набоковъ ¹⁾ мнѣ сказывалъ, будучи сейчасъ у меня. Вотъ какой случай неожиданный» (29-го апрѣля 1837 г.).

Затѣмъ письмо объ ожиданіи наслѣдника: «теперь ждемъ мы наслѣдника. Четыре часа утра уже все разослано и готово. Будетъ ли или не будетъ, но ждать его надобно. Лишь кончится все, о всемъ извѣщу» (3-го мая 1837 г.).

Дѣйствительно наслѣдникъ былъ въ Юрьевомъ монастырѣ. Фотій встрѣтилъ его торжественно и такъ удачно, что былъ въ большомъ восторгѣ. «Радуйся, чадо въ душѣ святѣ возлюбленное! твое сердце предчувствовало, что радость мнѣ будетъ и вѣсѣмъ въ обители отъ посѣщенія наслѣдника. Ты расположила меня своею сладкою рѣчію объ немъ ко срѣщенію его болѣе, нежели какъ я чаялъ. Ты дала средство къ тому отъ премногія любви къ нему, яко къ наслѣднику престола. Ты мнѣ говорила о немъ, какъ объ Ангелѣ Божіемъ по всему. Я вѣрилъ тебѣ, не зная его ангельскую душу. Братъ твой Алексѣй до небесъ его восхвалялъ, многіе мнѣ о немъ говорили многое человѣческое прекрасное по свѣту сему. И что я слышалъ, все правда. Но послушай, Ангелъ ты Божій, святая душа дѣвственная, что я видѣлъ самъ душевными и тѣлесными очами моими въ наслѣдникѣ. Какъ ты думаешь, кого и что я въ немъ обрѣлъ? Я нашелъ въ наслѣдникѣ воистину истиннаго во плоти Ангела Господня. Можно сказать, я въ первый разъ его видѣлъ и слышалъ и позналъ. Видъ его, ступаніе, хожденіе, стояніе, благоговѣніе, невинность, кротость, видимое усердіе къ Богу, вѣрѣ его святой и церкви и къ людямъ. Благонравіе, все наружное и внутреннее дарованіе Божіе въ немъ меня восхитило премного и порадовало. Слава и Богу благодареніе, что Господь, премудрый и святой, толико милость свою являетъ къ народу своему, что не токмо царя далъ Ангела Правды, но и наслѣдника даетъ и являетъ всему избранному своему народу во вселенной, не просто человѣка, сына царева, но Ангела Утѣшителя. Желая восхвалять его, какъ онъ мнѣ показался, полюбился о Господѣ, я кратко о немъ скажу сіе: Богъ даровалъ въ немъ надежду, залогъ Ангела Утѣшителя. Благо-

¹⁾ Начальникъ военныхъ поселеній.

дать Господня, на немъ почивающая, возвеселила печальную мою душу и отъ премногія радости, благословляя его, не могу не сказать,— ежели онъ когда будетъ самъ все, онъ утѣшитель будетъ во плоти на земли людямъ. Я смотрѣлъ на него въ лице, и онъ смотрѣлъ на меня, особенно при срѣтеніи и въ соборѣ при многолѣтіи, и видѣлъ на немъ благодать Божию! Какое доброе рожденіе, но видно есть и приставники при немъ истинно люди благочестивые. Я всѣхъ видѣлъ въ первый разъ. Два особенно военные мнѣ замѣчательны: первый мнѣ весьма по сердцу былъ, а второй Юркевичъ, точно какъ Ангелъ хранитель Господень въ тѣлѣ ему данный показался мнѣ. Арсеньева я давно за прекраснѣйшаго человѣка знаю. Вообрази мое удивленіе, что и г. Жуковский, котораго я въ первый также разъ видѣлъ, мнѣ въ стократъ лучше показался, нежели что я отъ другихъ слышалъ: я сужу о немъ по его словамъ и дѣйствіямъ. Я такъ нашелъ его. Послѣ кончины Александра Павловича я въ первый разъ былъ обрадованъ наслѣдникомъ, ибо я видѣлъ Ангело-подобное обращеніе и благонравіе и смиреніе: я думаю, что наслѣдникъ враговъ имѣть никого николи не будетъ, ибо злыя сердца и нравы, люди, звѣри лукавые и кровожадные, видѣвши такого Ангела Божія, безъ брани побѣждены будутъ. Совѣсть ихъ собственная побѣдитъ: могу сказать теперь, что я болѣе еще съ миромъ и радостію отъиду отъ сія жизни въ будущую, что наслѣдникъ таковой есть на земли, утѣшитель человѣчества. Прошу и молю Господа, дабы Онъ не однимъ Ангеломъ хранителемъ, но и ополченіемъ святыхъ Ангелъ своихъ его соблюдалъ и наставлялъ во всю жизнь. Видно по всему, что царь-отецъ любить сына своего наслѣдника, когда сколько можно лучше къ нему избралъ людей. Уже теперь ясно видны плоды добраго воспитанія. Прекрасный наслѣдникъ по тѣлу и душѣ, по вѣрѣ святой и воспитанію.

«Самъ Господь мнѣ внушилъ и далъ силы уготовить срѣтеніе такому Ангелу человѣку въ обители. Онъ 3-го мая, по полудни въ 5 часовъ, изволилъ на пароходѣ прибыть въ Юрьевъ монастырь и былъ мною со всею братію срѣтаемъ. Все было достойно и праведно сдѣлано. Отъ св. вратъ до собора и отъ собора до келій настоятельскихъ было послано по доскамъ красное сукно: таковъ былъ ему путь уготованъ. Іеромонахи-же, іеродіаконы и монахи и послушники всѣ были въ новыхъ наилучшихъ крестовыхъ ризахъ, отихаряхъ и рядъ былъ отъ св. вратъ до собора на 607 саженьяхъ протянуть и въ соборѣ до амвона. Все было ему сдѣлано такъ достойно прекрасно, какъ намъ Богъ далъ средства то все сдѣлать. Въ первое посѣщеніе свое наслѣдникъ въ первый монастырь Юрьевъ сдѣлалъ шагъ, то нужно было, яко наслѣднику и цесаревичу, все сдѣлать такъ, какъ лучше уже не можно было сдѣлать намъ по человѣчеству. Сіе вѣрно на вѣкъ сдѣлаетъ въ немъ

святое, благое, полезное вліяніе и все сіе не есть ему выдумка сдѣланная отъ насъ: явленіе въ томъ свыше явнаго къ нему Божія благоволенія и благословеніе. Былъ онъ въ соборѣ св. Георгія древнемъ, основанномъ въ 1119 лѣтъ и въ алтарѣ самъ изволилъ со мною войти и видѣлъ престолъ Святой Божій: все на него, яко на невиннаго, мягкаго яко воскъ, святое сдѣлало дѣйствіе, и онъ вездѣ, какъ Ангелъ Божій, показался милъ и премудръ. Такъ благочестно, свято и премудро я еще не слыхалъ отъ другихъ рѣчей и словъ сказанныхъ. Всю же благость онъ болѣе дѣломъ показалъ, нежели словомъ; какъ Ангелъ невинный, ангельски онъ и прощался со мною, просилъ самъ благословеніе у меня при провожаніи трижды, и я, перекрестивъ его, цѣловался рука въ руку. Такъ всѣмъ онъ премудръ благъ показался и любезенъ, что всѣ въ радости отъ посѣщенія его остались. Полезно будетъ таковое его путешествіе по Россіи для него и особенно для народа. Несравненно болѣе весь народъ сбѣгается и желаетъ видѣть наслѣдника, нежели кого другаго изъ царской фамилии, ибо слышавъ, что онъ по всему какъ Ангелъ Божій, спѣшитъ всякъ видѣть его отъ любви усердія. Бывъ наслѣдникъ въ соборѣ Георгія, во св. алтарѣ и ризницѣ, былъ въ кельяхъ настоятеля проходя, въ соборѣ Спаса Всемилостиваго, былъ въ общей трапезѣ и былъ въ соборѣ Креста. Болѣе я его никуда не водилъ, ибо зналъ, что усталъ наслѣдникъ. Выѣхалъ онъ въ 6-мъ часу въ исходѣ. Народу со всѣхъ мѣстъ и съ города много было на коняхъ, а особенно въ судахъ, кои за нимъ до города вслѣдъ плыли и провождали. Не могу всего описать тебѣ. На словахъ перескажу.

«Въ благословеніе ему, какъ въ первомъ монастырѣ, первое благословеніе на все было дано, образъ Всемилостиваго Спаса, нерукотворенный, списанный съ чудотворнаго, и свиты его нѣкто Юркевичъ съ прочими говорилъ мнѣ, что первое благословеніе на путь отъ меня въ монастырѣ Юрьевѣ дано. Послѣ все скажу и опишу болѣе. Миръ тебѣ чадо, порадуйся съ нами, что мы видѣли и благословили отъ Бога божіимъ благословеніемъ наслѣдника. Онъ объ тебѣ со всею любовію спрашивалъ. Благословляю тебя и паки реку: радуйся, Господь съ тобою» (4-го мая 1837 года).

Пріѣздъ наслѣдника принесъ обители много хлопотъ. Усталъ и самъ Фотій и братія, но эта усталость искупалась вѣстью о томъ, что пріемъ въ Юрьевѣ наслѣднику понравился. «Что знаешь, перескажи владыкѣ, не успѣлъ я ему написать: до смерти измучился я самъ. 3-го мая, какъ мнѣ сказывали, въ 4-мъ часу утра наслѣдникъ въ Новгородѣ пріѣхалъ и отъ 6-ти часовъ утра въ Юрьевѣ монастырѣ всѣ лампадки были во всѣхъ трехъ соборахъ возжены, а съ 11-го часа въ облаченіи всѣ были до 6—7-ми часовъ, пока уѣхалъ наслѣдникъ изъ Юрьева: всѣ

до крайности устали, ибо кушали, обѣдали въ 7 часу вечера, ожидая его, не смѣли отлучиться въ трапезу. Жуковский уже снялъ, ѣдучи на пароходѣ, видѣ монастыря и ежели кто по наружности, то особенно любезенъ показался мнѣ и расположенъ г-нъ Жуковский и прислалъ 4-го мая отъ себя губернскаго предводителя мнѣ сказать, что наслѣдникъ чрезвычайно доволенъ всѣмъ въ монастырѣ. Наслѣдникъ сказалъ о мнѣ Набокову, что удивительно, какіе у о. Фотія быстрые и свѣтлые глаза» (5-го мая 1837 года).

Въ слѣдующемъ письмѣ Фотій упоминаетъ о той блестящей картинѣ, которую представлялъ наслѣдникъ со свитой, монахи, свѣтильники и служеніе: «Былъ у насъ въ Новгородѣ Ангелъ Небесный и, посѣтивъ соборъ св. Софіи, соборъ Знаменія Богородицы, соборъ Николы Чудотворца, Свято-духовъ и нѣкія мѣста въ городѣ, прилетѣлъ наслѣдникъ, Ангелъ Утѣшитель какъ съ неба въ святую обитель нашу, въ нашу земный рай... Какъ должно быть пріятно отцу и матери имѣть сына такого Ангела Утѣшителя.

«Чудесный видъ былъ, день былъ прекрасный, и всѣ стоящіе отъ солнца были свѣтлы, какъ въ солнцѣ облеченные» (май 1837 г.).

XI.

Ранѣе, въ 1836 году, въ Юрьевомъ монастырѣ былъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Фотій готовился къ встрѣчѣ его, хотя подаль видѣ, что пріѣздъ этотъ былъ неожиданнымъ для обители. «Нынѣ почиваетъ въ Новгородѣ великій князь, то спѣшу готовиться въ соборѣ на случай пріѣзда и писать некогда» (8-го мая 1836 г.).

По мнѣнію Фотія, онъ встрѣтилъ Михаила Павловича, какъ полагаетъ, учтиво, благопристойно, но графиня сообщила ему о нѣкоторыхъ неудовольствіяхъ, которыя будто-бы князь испыталъ при пріемѣ его въ монастырѣ. Тогда Фотій пишетъ графинѣ въ свое оправданіе подробно о встрѣчѣ князя. «Кажется, по мнѣ нельзя было одѣлать лучше, аккуратно, скрытно, доброй встрѣчи, какъ была сдѣлана великому князю Михаилу. Мнѣ казалось, онъ былъ въ удовольствіи отъ всего и милостивъ очень ко мнѣ. Я же былъ радъ видѣть его высочество. Великій князь и всѣ бывшіе съ нимъ знаютъ сами, что мы не знали о его пріѣздѣ, а такъ были осторожны и готовы, что духомъ собралися и всѣ были готовы на своемъ мѣстѣ и у дѣла.

«Скажу откровенно: великій князь отъ нечаянныя священныя встрѣчи былъ внѣ себя, такъ что не зналъ, какъ ему что одѣлать, и цѣловавъ крестъ и не принималъ благословенія отъ удивленія священнаго, то я, знаменавъ мало, самъ простеръ мою руку взять его и взялъ и онъ мою

и очень кажется пріятно цѣловали другъ у друга, и онъ тогда уже былъ посмѣлѣе и веселѣе; и вошелъ по порядку позади меня въ соборъ.

«Корнилій мой любезный былъ у колонны на паперти и на крыльцахъ на дозорѣ одинъ смотря ко св. вратамъ, ибо какъ онъ знаетъ его въ лицо, то и вѣрно было сказать мнѣ, точно ли великій князь ѣдетъ, а не другой кто, ибо ни я, ни изъ братіи никто не зналъ его въ лице и вотъ по словамъ Корнилія какъ орелъ (скакалъ въ коляскѣ) летѣлъ во св. врата и къ собору ко крыльцу прямо и смотрѣлъ орломъ на всѣ стороны. А какъ соскочилъ съ коляски и увидѣлъ меня въ паперти съ крестомъ и все оръбленіе священное великій князь, какъ говоритъ Корнилій,—взглянулъ на меня и лице мое сдѣлалось совсѣмъ иное, какъ свѣтъ бѣлое (испугался), нѣсколько оробѣлъ и смиренъ и кротокъ и благоговѣнъ какъ Ангелъ Божій явился вдругъ, и подошелъ ко кресту и удивленъ былъ отъ вида моего и отъ всего, не зная кто я (виднo иначе онъ воображалъ, спросилъ тихо, кто я), всеблагоговѣнно подошелъ ко мнѣ и ко кресту и вошелъ во св. храмъ. Думаю, что сія встрѣча на него благодатію Христовою весьма сдѣлаетъ вліяніе. Онъ былъ удивленъ отъ алтаря и отъ сѣни надъ св. престоломъ и ото всего и очень, очень милъ мнѣ показался и всѣмъ, а впрочемъ я не знаю. А по всему было видно, что онъ былъ доволенъ и таковой встрѣчи во всю жизнь не имѣлъ. Миръ тебѣ, радуйся» (9-го мая 1836 г.).

Послѣ того какъ Фотій побывалъ подъ началомъ въ Невской лаврѣ за пріемъ императора Николая, пріемъ наслѣднику и великому князю былъ оказанъ свойственный во всѣхъ отношеніяхъ августѣйшимъ особамъ. Въ этомъ признавался даже самъ Фотій, сообщая графинѣ, что онъ, послѣ государя, научился уже встрѣчать высокихъ гостей изъ царской семьи.

А. Слезкинский.

(Продолженіе будетъ).

Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковскаго) ¹⁾.

III.

Смотръ и маневры, произведенные Александромъ I польскимъ и литовскимъ войскамъ подъ Брестомъ въ 1823 году.—Графъ Ржевусскій.—Эмиръ.—Вечера у великаго князя Константина Павловича въ Бельведерѣ.—Сенаторъ Илинскій.—Бельведерскій дворъ и его обычаи.—Генералы: Курута, Жандръ Дженшовъ, графъ Нессельроде и Дьяковъ.—Тайный совѣтникъ Моренгеймъ.—Князь Иванъ Голицынъ.—Адъютанты великаго князя.—День великаго князя Константина Павловича.—Родители княгини Ловичъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ (1823 г.) въ то время, когда я находился съ молодежью на практическихъ работахъ въ окрестностяхъ Келець, я получилъ письмо отъ генерала Гауке, который приглашалъ меня отъ имени великаго князя въ Брестъ-Литовскъ на большіе маневры соединенныхъ корпусовъ: польскаго и литовскаго. Тронутый памятью великаго князя, я поспѣшилъ сдать команду подполковнику Россману и, побывавъ въ концѣ сентября въ Варшавѣ, купилъ верховую лошадь и отправился вмѣстѣ съ флигель-адъютантомъ Соболевскимъ на почтовыхъ въ Брестъ, гдѣ находилась главная квартира. Польскій корпусъ расположился на лѣвомъ берегу Буга въ окрестностяхъ Терасполя; а литовскій,—на правомъ берегу рѣки, въ двухъ миляхъ отъ Бреста.

Польскимъ корпусомъ командовалъ Станиславъ Потоцкій, а литовскимъ генералъ Д'Оврѣ. Резервъ обоихъ корпусовъ составляла русская

¹⁾ См. „Русскую Старину“ мартъ № 3, стр. 623.

и польская гвардія, стоявшая въ Варшавѣ подъ начальствомъ генерала графа Красинскаго.

Подъ Брестомъ было всего 67 баталіоновъ, 72 эскадрона, 228 орудій и 10 ракетныхъ станковъ, т. е. (считая въ каждомъ баталіонѣ по 800 человекъ, въ эскадронѣ 180 человекъ и при каждомъ орудіи 12 человекъ) тутъ сосредоточено было всего 53.000 пѣхоты, 12.960 кавалеріи и 2.836 артиллеріи, а всего было подъ ружьемъ 68.796 чел.

Это было превосходно обученное и обмундированное войско; кавалерійскія и артиллерійскія лошади были прекрасно подобраны подъ масть. У литовскаго войска были зеленые мундиры съ желтыми обшлагами и отворотами, польскіе мундиры были гранатоваго цвѣта съ желтыми обшлагами и отворотами. На польскихъ шапкахъ блестѣлъ польскій орелъ, а на литовскихъ гербъ бывшаго Литовскаго княжества (всадникъ съ мечемъ на конѣ). Въ штабѣ великаго князя шутили, говоря, что императоръ измѣняетъ въ честь поляковъ цвѣтъ старыхъ русскихъ полковъ на польскіе цвѣта. Но измѣнены были не одни мундиры; всѣ солдаты литовскаго корпуса были дѣйствительно уроженцы присоединенныхъ провинцій и почти всѣ субалтернъ-офицеры были литовцы. Это послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно, ибо это подало поводъ говорить, что императоръ былъ твердо намѣренъ отдѣлить литовскія губерніи отъ Россіи, присоединить ихъ къ Польшѣ и дать имъ такія же привилегіи. Чѣмъ бы ни руководился императоръ, сосредоточивая столь значительныя силы, хотѣлъ ли онъ сдѣлать этимъ демонстрацію со стороны Турціи или же сдѣлать этимъ удовольствіе брату, который былъ не прочь похвастать передъ императоромъ организаціей и муштровкой своихъ солдатъ: какъ бы то ни было, извѣстіе о собраніи многочисленнаго войска привлекло не мало военныхъ изъ сосѣднихъ государствъ. Взглянуть на это зрѣлище съѣхались: принцъ прусскій Вильгельмъ со штабомъ, австрійскіе, англійскіе и ганноверскіе офицеры.

Пріѣхавъ въ Брестъ, я явился на другой же день великому князю, который представилъ меня императору. Его величество страдалъ въ то время рожею на ногѣ. Но, не смотря на болѣзнь государя, смотръ войску былъ произведенъ въ назначенный день на равнинѣ къ югу отъ Бреста и прошелъ блестящимъ образомъ. Пѣхота была разставлена колоннами въ двѣ линіи; третью линію занимала кавалерія, четвертую—артиллерія. Императоръ объѣхалъ всѣ линіи, привѣтствуемый громкими криками «ура», и казалось, былъ веселъ; затѣмъ войско прошло церемоніальнымъ маршемъ.

Въ то время когда проходила кавалерія, одинъ эскадронный командиръ литовскаго корпуса, заѣхавъ съ боку, чтобы привѣтствовать императора, дотронулся до его больной ноги. Но государь, не смотря

на причиненную этимъ боль, не выразилъ неудовольствія на своемъ лицѣ, просилъ великаго князя не взыскивать съ офицера и присутствовалъ на смотру до конца.

Въ свитѣ императора появился въ тотъ день извѣстный своей оригинальностью графъ Вацлавъ Ржевусскій, прозванный эмиромъ; онъ былъ одѣтъ по-восточному, ѣхалъ на прекрасной лошади чистой арабской крови. Императоръ ласково принялъ его и разрѣшилъ ему красоваться въ арабскихъ костюмахъ. Въ тотъ день на эмирѣ было что-то въ родѣ кафтана или куртки темнаго цвѣта съ розовыми разводами; безъ рукавовъ и турецкія шаровары; волосы его были коротко обстрижены. Выраженіе лица у Ржевусскаго было умное съ правильнымъ римскимъ профилемъ и красивыми глазами. Ему было въ то время лѣтъ 40, но никто не далъ бы ему болѣе 35. Вацлавъ Ржевусскій получилъ прекрасное воспитаніе и служилъ много лѣтъ гусаромъ въ австрійскомъ войскѣ и рано женился на княжнѣ Розаліи Любомірской. Вначалѣ они жили дружно; но двѣ столь различныя натуры не могли долго жить въ согласіи. Онъ былъ человѣкъ горячій, фантазеръ, страстно желалъ отличиться на какомъ-либо поприщѣ, она же была холодна, разсудительна, относилась съ насмѣшкой къ фантазіямъ своего мужа и смотрѣла на него какъ на человѣка невмѣняемаго. Не находя отрады въ семьѣ, онъ сталъ мало-по-малу отдаляться отъ жены и отправился путешествовать на востокъ и въ нѣсколько лѣтъ растратилъ почти все отцовское состояніе.

Ржевусскій провелъ нѣсколько лѣтъ на востокѣ, кочуя съ бедуинами, и такъ съ ними сроднился, что его легко можно было самого принять за бедуина. Онъ прекрасно говорилъ по-арабски и подписывался даннымъ ему именемъ: Якъ-ель-Шахеръ, арабскій эмиръ.

Два дня спустя послѣ смотра происходили маневры, во время которыхъ войско было раздѣлено на два корпуса. Первымъ корпусомъ командовалъ великій князь, вторымъ генералъ д'Оврѣ.

Хотя роль каждого отряда была опредѣлена заранее и въ инструкціяхъ была предусмѣтрѣна малѣйшая случайность, но все же я сомнѣваюсь, чтобы эти маневры могли дать иностраннымъ офицерамъ выгодное понятіе о тактическихъ способностяхъ нашего войска. Начальники, привыкшіе маневрировать на ровномъ плацпарадѣ, не смотря на подробно выработанную программу, потеряли голову, очутившись среди лѣса, зарослей, болотъ и холмовъ.

Колонны разстроились, линія поколебалась, артиллерія стала подъ горою какъ было указано въ инструкціи, и стрѣляла снизу вверхъ. Кавалерія стала на трясинѣ, откуда она не могла выбраться. Стрѣлки, не обращая вниманія на особенныя свойства мѣстности, растаянулись по прямой линіи, какъ на Саксонской площади. Однимъ словомъ всѣ, въ

особенности же посторонніе наблюдатели могли убѣдиться въ томъ, что великій князь Константинъ Павловичъ былъ весьма посредственный полководецъ и генералъ, а войско было игрушкою въ его рукахъ, предназначенною скорѣе для парадовъ, нежели для войны.

На слѣдующій день, простившись съ братомъ, государь уѣхалъ на югъ, а войска возвратились въ свои квартиры.

Я уѣхалъ въ Варшаву.

Въ 1824 г. въ свободное отъ службы время я часто бывалъ въ Бельведерѣ, въ особенности вечеромъ по четвергамъ или субботамъ; это вошло въ обыкновеніе, такъ что если я не появлялся въ эти дни, то великій князь справлялся обо мнѣ и на другой день нерѣдко посылалъ за мною. Общество, которое собиралось по вечерамъ въ Бельведерѣ, состояло изъ великаго князя, княгини Ловичъ, дежурнаго адъютанта, молодаго Павла Александрова и его гувернера Явицкаго, чловека почтеннаго и весьма образованнаго; иной разъ присутствовали также графъ Моріюла, французскій эмигрантъ, исполнявшій обязанность старшаго гувернера. Вечеръ начинался обыкновенно въ шестомъ часу. Великій князь въ виць-мундирѣ, не застегнутомъ на одну пуговицу (это былъ признакъ, что онъ подомашнему, не на службѣ), спускался изъ верхнихъ покоевъ и, поздоровавшись со мною, начиналъ бесѣду; говорилъ по большей части самъ, занимая насъ различными анекдотами о петербургскомъ и иныхъ дворахъ. Иногда, занятый политикой, онъ высказывалъ свое мнѣніе о заграничныхъ дѣлахъ, громилъ журналистовъ, разбиралъ ихъ статьи, хвалилъ, либо порицалъ; говорилъ о вновь вышедшихъ военныхъ сочиненіяхъ, которыя иной разъ дарилъ мнѣ, или приказывалъ мнѣ или адъютанту прочесть вслухъ интересовавшія его мѣста. Ежели на другой день было назначено ученіе или смотръ, то, тревожась на счетъ погоды, онъ ежеминутно посылалъ камердинера посмотреть, какъ стоитъ барометръ, или что дѣлаютъ въ банкѣ зеленныя жабы: выходятъ онѣ на верхъ или опускаются на дно? Наконецъ, подавали превосходный чай, который княгиня Ловичъ разливала всѣмъ сама. Въ девятомъ часу Павликъ уходилъ съ гувернеромъ, а въ десятомъ поднимался съ мѣста великій князь и, пожелавъ всѣмъ покойной ночи, уходилъ. Впрочемъ, мы не всегда были одни; иногда въ шестомъ часу вечера къ княгинѣ Ловичъ пріѣзжалъ съ визитомъ кто-нибудь изъ варшавскаго общества: министръ Станиславъ Грабовскій, г-жа Замойская, Соболевская, княгиня Тереза Яблоновская и многія другія. Нѣкоторые лица, къ коимъ великій князь особенно благоволилъ, оставались вечеромъ, другіе уѣзжали до его появленія. Я помню, какъ однажды наканунѣ новаго года г-жа Мокроновская гадала великому князю по свѣчкамъ, которыя плавали въ чашѣ, наполненной водою, что вызвало со стороны великаго князя не мало шутокъ и смѣха.

Г-жа Мокроновская, походившая на Сибиллу, слѣдила съ большимъ вниманіемъ за тѣмъ, какія фигуры описывали зажженные свѣчи, и пресерьезно дѣлала предсказанія.

Помню также сенатора Илинскаго, котораго великій князь считалъ своимъ человѣкомъ. Илинскій, богатый волынской магнатъ, находился при дворѣ Екатерины II за нѣсколько лѣтъ до ея кончины. Пріятная наружность и симпатичныя черты характера обратили на него вниманіе великаго князя Павла Петровича, къ которому онъ съ теченіемъ времени привязался, и считалъ его своимъ лучшимъ другомъ. Его заступничеству и ходатайству былъ обязанъ своей свободою Костюшко; это было поставлено ему поляками въ особую заслугу; но онъ этимъ не удовольствовался; пользуясь расположеніемъ Павла, онъ спасъ многихъ несчастныхъ отъ гнѣва монарха.

Послѣ кончины Павла Илинскій удалился изъ Петербурга въ свое имѣніе Романово, гдѣ онъ велъ жизнь богатаго магната. У него былъ свой дворъ, театръ, оркестръ и балетъ изъ дворовыхъ, которые помимо сцены ходили всегда босикомъ. Впрочемъ, это былъ человѣкъ весьма гордый и тщеславный. Императоръ Александръ и великій князь Константинъ Павловичъ, помня расположеніе къ нему своего отца, перенесли на него уваженіе, которое оказывалъ ему Павелъ I. Онъ былъ пожалованъ сенаторомъ и кавалеромъ многихъ русскіихъ орденовъ. Когда я познакомился съ нимъ, онъ только-что вернулся изъ Рима и привезъ княгинѣ Ловичъ много разныхъ вещичекъ изъ Рима и благословеніе святаго отца. Разговоръ съ Илинскимъ вертѣлся исключительно около предметовъ религіи, и я подмѣтилъ, что великій князь слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и почтеніемъ. Впослѣдствіи я видѣлъ сенатора Илинскаго въ монастырѣ капуциновъ, гдѣ онъ слушалъ обѣдню, преклонивъ колѣно на бархатной подушкѣ, обшитой золотымъ галуномъ, съ напудренной головою, изукрашенной русскими звѣздами. Нѣсколько шаговъ позади его стояла его супруга, также на колѣняхъ, но болѣе скромно, на кожаной подушкѣ. Еще далѣе стояли его дворовые и наконецъ челядь. Вотъ при какой тщеславной обстановкѣ Илинскій бесѣдовалъ съ Богомъ!

Я только однажды былъ на обѣдѣ въ Бельведерѣ да одинъ разъ былъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ во французскомъ театрѣ. Вообще, его императорское высочество избѣгалъ всего, что могло подать мысль, будто я пользуюсь его особой протекціей; въ этомъ отношеніи я былъ всегда ему признателенъ. Всякое повышеніе или награда были мною заслужены, а не были получены путемъ протекціи и близкаго родства съ княгиней Ловичъ. Впрочемъ, великій князь обходился со мною вѣжливо и никогда не позволялъ себѣ той фамильярности, которая считалась иными признакомъ особаго благоволенія, но вслѣдъ за которой не-

рѣдко раздражалась буря. Подобныхъ бурь мнѣ также не пришлось испытывать, и я со своей стороны никогда не выходилъ изъ границъ почительности и никогда не былъ предметомъ особаго благоволенія, вслѣдствіе чего я не потерялъ въ глазахъ своихъ собственныхныхъ и другихъ лицъ.

Чтобы дать понятіе о моихъ отношеніяхъ къ княгинѣ Ловичъ и къ великому князю, расскажу одинъ анекдотъ, относящійся къ 1824 г. Однажды вечеромъ, бесѣдуя съ великимъ княземъ, я обратилъ вниманіе на лежавшій на столѣ печатный пригласительный билетъ съ подписью коендза князя Гогенлоэ, молодого піетиста, молитвы котораго, по словамъ «девотокъ» (ханжей), творили чудеса.

На этомъ билетѣ было написано: «Ксендзъ Гогенлоэ такого-то и такого-то числа отслужить обѣдню за здравіе N. N.».

Въ то время я относился къ подобнымъ чудесамъ довольно скептически и имѣлъ неосторожность сказать: «этотъ билетъ походить на театральную офиншу». Услыхавъ эти слова, княгиня Ловичъ накинута на меня:

— Я давно уже замѣчаю — сказала она, — что ты принадлежишь къ числу современныхъ философовъ, которые смѣются надъ всѣмъ, что есть святаго; твои религіозные взгляды должно быть очень неустойчивы, если ты осмѣливаешься говорить подобныя вещи.

Я защищался какъ умѣлъ и сказалъ самымъ почитательнымъ образомъ, что я не менѣе религіозенъ, нежели многіе добрые католики, но что я вижу въ этомъ приглашеніи злоупотребленіе благочестіемъ, которое можетъ подать поводъ къ насмѣшкамъ надъ религіей, и нахожу, что молодой коендзъ страдаетъ гордостью, если онъ приписываетъ чудесную силу своей молитвѣ о здравіи людей, въ чемъ воленъ только одинъ Богъ. Но никакіе доводы съ моей стороны не помогали; княгиня нападала на меня все болѣе и болѣе яростно; наконецъ, боясь разсердить ее окончательно, я замолчалъ и спокойно выслушивалъ ея нападки. Мало-по-малу княгиня Ловичъ успокоилась и подала намъ чай. Я принялъ изъ ея рукъ стаканъ, какъ оливковую вѣтвь мира, и остальной вечеръ былъ спокоенъ, но грустенъ. Великій князь не мѣшался въ нашъ разговоръ, но съ улыбкой искоса посматривалъ на насъ; только при прощаніи онъ сказалъ: «Жансю, я не хочу, чтобы солнце зашло и вы остались въ ссорѣ, помиритесь скорѣе». Княгиня улыбнулась и подала мнѣ руку. Я поцѣловалъ ее и простился.

Дня черезъ два послѣ этого столкновенія, княгиня Ловичъ пригласила меня къ себѣ; я засталъ у нея г-жу Замоysкую и двухъ другихъ дамъ; она тотчасъ отошла со мною въ сторону и сказала:

— Ты не повѣришь, Клементій, какъ ты огорчилъ меня своимъ замѣчаніемъ. Я давно уже старалась примирить мужа съ нашей религіей

и много надъ этимъ потрудились. Великій князь уже былъ на истинномъ пути, а ты все испортилъ своими словами; сколько мнѣ придется снова употребить стараній, чтобы наставить его на путь спасенія?

Смягченный этой откровенностью, я сознался въ своей винѣ, обѣщалъ исправить ее и даже помогать ей въ столь похвальномъ намѣреніи, и мы простились съ княгиней вполне примиренные.

Опишу Бельведерскій дворъ и его обычаи. Начальникомъ штаба великаго князя былъ генералъ-лейтенантъ Курута, по происхожденію грекъ; онъ воспитывался вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ то время, когда императрица Екатерина составляла свои обширные планы,—мечтала о завоеваніи Константинополя, объ изгнаніи изъ Европы турокъ и утвержденіи короны Константина Великаго на челѣ ея любимаго внука, соименнаго византійскому императору. Курута былъ небольшого роста, нѣсколько тучный, смуглолицый съ выразительными глазами; ему было въ то время подъ 50 лѣтъ; его нетвердая походка изобличала человѣка, привыкшаго ходить по палубѣ судна; онъ служилъ въ молодости во флотѣ. Онъ получилъ довольно тщательное воспитаніе, былъ весьма свѣдущъ въ наукахъ необходимыхъ для капитана судна и кромѣ того былъ прекрасно знакомъ съ фронтовою службою всѣхъ родовъ оружія и въ особенности съ обязанностями унтеръ-офицера. Воспитанный вмѣстѣ съ великимъ княземъ и непрѣлнннй его товарищъ въ походахъ, онъ изучилъ какъ нельзя лучше всѣ его слабыя стороны; никто не умѣлъ лучше и терпѣливѣе его переносить вспышки гнѣва великаго князя. Бывъ много лѣтъ его довѣреннымъ лицомъ, онъ одинъ умѣлъ успокоить тѣхъ лицъ, кои были обижены великимъ княземъ и обращались къ нему со своими жалобами. Онъ былъ всегда спокоенъ, скрытенъ и выслушивалъ всѣ жалобы не показывая, что дѣлалось у него въ душѣ. Если онъ могъ замолвить за кого-нибудь слово, не подвергая себя непріятностямъ, то онъ дѣлалъ это охотно. Ему не разъ приходилось выслушивать рѣзкіе выговоры отъ великаго князя, но онъ никогда не жаловался, а смѣшилъ всѣхъ, говоря:—«Дорогой мой! когда великій князь сердить, то онъ говоритъ мнѣ иной разъ: Курута ты волъ,—но я не обижаюсь, ибо всѣмъ извѣстно, что я не волъ, а генералъ Курута—начальникъ штаба его императорскаго высочества великаго князя цесаревича». Его преданность великому князю доходила до того, что по приказанію великаго князя онъ могъ сдѣлать всякую жестокость.

Курута дѣлалъ много добра и былъ извѣстенъ всѣмъ нищимъ г. Варшавы, коимъ онъ много помогалъ.

Онъ страстно любилъ играть въ карты и проигрывалъ большую часть своихъ весьма значительныхъ доходовъ русскимъ генераламъ и въ особенности генералу Альбрехту. Великій князь зналъ эту слабость и неоднократно бранилъ его за это. Курута занималъ въ лѣвомъ фли-

гелѣ Бельведерскаго дворца двѣ комнаты, отдѣланныя на подобіе судовой каюты. Узкая лѣстница вела во второй этажъ, гдѣ помѣщался его другъ и пріятель, также грекъ родомъ, бывшій капитанъ судна, который занимался морскимъ разбоемъ, но счумѣлъ спасти свою голову отъ турецкаго кинжала. Курута всѣмъ дѣлился съ этимъ грекомъ по-братски, дѣлалъ также много добра и другимъ выходцамъ изъ Греціи и всегда относился сочувственно къ ихъ народному дѣлу. Съ великимъ княземъ онъ говорилъ обыкновенно по-гречески.

Генералъ Курута принималъ зимою и лѣтомъ въ 3 часа утра рапорты отъ полиціи и ординарцевъ изъ разныхъ полковъ варшавскаго гарнизона; въ 5 часовъ онъ являлся съ докладомъ уже къ великому князю. Вѣчно дѣятельный, хладнокровный, добрый, онъ былъ дѣйствительно правою рукою великаго князя и громоотводомъ во время гнѣвныхъ вспышекъ, которыми его начальникъ раздражался иногда съ ранняго утра.

Вторымъ лицомъ послѣ него былъ генералъ Жандръ, человекъ испорченный до мозга костей, къ которому великій князь, не смотря на всѣ недостатки, питалъ издавна особенную пріязнь. Генералъ Жандръ не занималъ опредѣленнаго мѣста, но числился только въ свитѣ, состоялъ въ его распоряженіи.

Третій приближенный къ великому князю человекъ, генералъ Дженшовъ (Jenszow) по происхожденію англичанинъ, предки котораго издавна находились въ русской службѣ, состоялъ адъютантомъ при великомъ князѣ во время походовъ 1812, 1813 и 1814 гг. У него была самая привлекательная наружность, красивое открытое лицо, а между тѣмъ онъ исполнялъ самыя щекотливыя обязанности. Въ его вѣдомствѣ состояла тайная полиція намѣстника, которой въ Варшавѣ было много разныхъ сортовъ: полиція Рожнецкаго, Любовицкаго, полковника Засса и наконецъ уличная полиція парикмахера Макрота. Но объ этомъ еще буду говорить далѣе. Я познакомился съ Дженшовымъ въ 1815 г. въ домѣ Бронцовъ. Кажется, великій князь ему первому открылъ свои чувства (къ Жанетѣ Грудзинской), и поэтому княгиня Ловичъ любила его.

Генералъ графъ Нессельроде и генералъ Дьяковъ, адъютанты великаго князя, состоявшіе въ его свитѣ, употреблялись имъ для личныхъ услугъ. Они славились безупречною честностью, были прекрасно образованы, чужды всякой подлости и весьма пріятные собесѣдники въ обществѣ.

Первый изъ нихъ, родственникъ министра иностранныхъ дѣлъ, по своему положенію былъ менѣе зависимъ, нежели второй, считался человекомъ весьма просвѣщеннымъ, прекрасно образованнымъ и остроумнымъ, но чрезвычайно страннымъ; онъ былъ страстный игрокъ. Онъ женился на полькѣ, паннѣ Горской изъ Литвы, сестрѣ генеральши Ле-

духовской и воспитанницѣ дѣвицѣ Грудзинскихъ и моей сестры Альберты, но прожилъ съ нею недолго. И мужъ и жена были, каждый въ своемъ родѣ, такіе удивительные чудаки, что они никакъ не могли ужиться вмѣстѣ.

Генералъ Дьяковъ человекъ любезный, свѣтскій, бывалъ въ польскомъ обществѣ со своею женою, прелестной женщиной, русской. Оба были хорошіе музыканты. Нессельроде отлично игралъ на фортепіано, Дьяковъ очень мило пѣлъ французскіе романсы и русскія пѣсни.

Директоромъ собственной канцеляріи великаго князя былъ тайный совѣтникъ Моренгеймъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ нимъ въ Варшаву въ 1815 г. Это былъ человекъ прекрасно образованный, изысканно вѣжливый, но до смѣшнаго напыщенный. О немъ рассказывали самыя удивительныя вещи, точно такъ же, какъ о причинахъ особаго благоволенія и довѣрія къ нему со стороны великаго князя. Моренгеймъ былъ принятъ въ самыхъ первыхъ варшавскихъ домахъ и женился вскорѣ на дочери министра Мостовскаго. Во время возстанія 1830 г. я видѣлъ Моренгейма вмѣстѣ съ его женою на улицахъ Варшавы, съ бѣлой кокардою на шляпѣ. Это было первое проявленіе помѣшательства, которое постигло его въ Вѣнѣ въ 1831 г., гдѣ онъ и скончался въ припадкѣ сумасшествія.

Князь Иванъ Голицынъ, котораго называли въ Бельведерѣ Jean de Paris, былъ типъ разорившагося русскаго барина, который любилъ широко пожить, промоталъ нѣсколько состояній и сдѣлался наконецъ камеръ-юнкеромъ, но въ сущности игралъ въ Бельведерскомъ дворцѣ роль шута. Его конькомъ были театральныя сплетни, которыя онъ передавалъ великому князю и тѣмъ забавлялъ его.

Адъютантами великаго князя были: Киль, Безобразовъ, Грессеръ старшій и Оливъ-де-Кюбьеренъ (Olive de Cubièren).

Полковникъ Киль, лифляндецъ, былъ веселый, пріятный сотоварищъ, котораго въ мужскихъ кружкахъ всѣ любили за его веселый нравъ и замѣчательную способность къ карриатурамъ, въ которыхъ онъ былъ дѣйствительно большой мастеръ.

Капитанъ гвардіи Безобразовъ, прозванный за свою красоту Аполлономъ Бельведерскимъ, извѣстный танцоръ, имѣлъ большой успѣхъ среди варшавскихъ дамъ.

Капитанъ гвардіи Грессеръ ничѣмъ особеннымъ не отличался.

Оливъ-де-Кюбьеренъ (Olive de Cubièren), происходившій изъ знатной французской фамиліи, служилъ сперва въ отрядѣ тѣлохранителей Людовика XVIII и обратилъ на себя вниманіе великаго князя въ то время, когда послѣдній гостилъ въ домѣ его матери, которая, уступивъ настоятельнымъ его просьбамъ, довѣрила ему своего сына, и онъ относился къ нему съ чисто отеческой заботливостью и обращался

съ нимъ какъ съ другомъ. Оливъ, будучи весьма преданъ и признателенъ великому князю, держалъ себя благородно и независимо и никогда не принималъ участія въ бельведерскихъ сплетняхъ. Познакомившись въ Варшавѣ съ Щербининой, рожденной Сухаржевской, дочерью прославившагося въ дѣлѣ 3-го мая 1791 г. посла на четырехлѣтнемъ сеймѣ и приверженца Россіи, онъ влюбился въ ея дочь и съ согласія великаго князя женился на ней, получивъ въ приданое прекрасное имѣніе подъ Саратовомъ.

Адъютантовъ поляковъ было четверо: гвардіи полковникъ Тренбицкій (Trenbicki), его младшій братъ Тренбицкій, гвардіи полковникъ Турно и гвардіи капитанъ Михаилъ Мицельскій (Mycielski).

Полковникъ Станиславъ Тренбицкій, сынъ извѣстнаго агронома Тренбицкаго, принадлежалъ къ числу наиболѣе образованныхъ офицеровъ польской арміи; онъ былъ характера твердаго, энергичнаго, что и доказалъ въ ночь на 29-е ноября, когда онъ не колебался предпочелъ смерть измѣнѣ. Великій князь особенно цѣнилъ его строгую исполнительность по службѣ и поэтому приблизилъ его къ своей особѣ. Но кромѣ строгой исполнительности, которой онъ многихъ возстановилъ противъ себя, это былъ человѣкъ вполне самостоятельный въ своихъ поступкахъ и достойный во всѣхъ отношеніяхъ; онъ даже не скрывалъ своего негодованія въ тѣхъ случаяхъ, когда великій князь позволялъ себѣ слишкомъ грозныя вспышки гнѣва.

Его братъ, Казиміръ, не имѣлъ тѣхъ качествъ, коими отличался Станиславъ Тренбицкій, и принадлежалъ къ числу самыхъ заурядныхъ личностей, окружавшихъ великаго князя. Онъ одинъ сопровождалъ Константина Павловича въ Бѣлостокъ и Витебскъ, присутствовалъ при его кончинѣ и сопровождалъ княгиню Ловичъ въ Петербургъ, куда она поѣхала проводить тѣло своего супруга.

Полковникъ Карлъ Турно, окончившій курсъ въ инженерной академіи въ Вѣнѣ, изъ которой вышло такъ много достойныхъ офицеровъ, служилъ въ австрійскомъ войскѣ; когда окончилась кампанія 1809 г. онъ поступилъ на русскую службу, участвовалъ въ славной войнѣ 1812 и 1813 гг. Принявъ затѣмъ участіе въ новой организаціи войска, онъ снискалъ расположеніе великаго князя своими познаніями, остроуміемъ и веселымъ характеромъ, такъ что его высочество не могъ обходиться безъ него и всегда бралъ его съ собою въ поѣздки. Чѣмъ Тренбицкій былъ для пѣхоты, тѣмъ былъ Турно для кавалеріи; это былъ такой же требовательный, исполнительный служака, хотя не столь строгій формалистъ; при этомъ онъ любилъ поиграть въ карты, хорошо поѣсть и провести время въ веселой товарищеской компаніи. Турно былъ не столь твердаго характера, какъ Тренбицкій, и любилъ задѣть и обрѣзать собесѣдника; но никто не сомнѣвался въ его безупречномъ поведеніи, только

немногіе завистники приписывали расположеніе и довѣріе великаго князя къ Турно его угодливости и лести, но изъ людей, знавшихъ его ближе, никто не могъ поставить этого ему въ вину.

Особымъ расположеніемъ великаго князя пользовался также графъ Михаилъ Мицельскій, но Константинъ Павловичъ любилъ его не за исполнительность по службѣ, которую тотъ ненавидѣлъ, а какъ пріятнаго собесѣдника. Мицельскій былъ человекъ свѣтскій, остроумный до геніальности. Кто не помнитъ его тощей, длинной, блѣдной фигуры съ очками на носу, съ насмѣшливой улыбкой на устахъ и тѣхъ язвительныхъ замѣчаній, шутокъ и французскихъ каламбуровъ, которые, какъ градъ, сыпались изъ его устъ на несчастныхъ жертвъ, попадавшихся ему подъ-руку.

Впрочемъ, Мицельскаго отнюдь нельзя было назвать человекомъ пустымъ, онъ былъ смѣлъ и отваженъ на полѣ битвы, а въ гостиной это былъ веселый и забавный собесѣдникъ, не дававшій спуску никому, даже великому князю, который хотя и шутилъ съ нимъ, но побаивался его. Для своихъ пріятелей Мицельскій былъ самый надежный другъ, на котораго можно было вполнѣ положиться и который всегда былъ готовъ оказать услугу. Мы были съ нимъ издавна, съ самаго пребыванія въ Парижѣ, въ весьма дружескихъ отношеніяхъ. Варшавскія дамы, даже сама Вонсовичъ, рожденная Тышкевичъ, боялись его какъ огня и старательно избѣгали его въ гостиной, не рѣшаясь сказать въ его присутствіи лишняго слова или противорѣчить ему изъ боязни, чтобы онъ имъ не отомстилъ какимъ-нибудь язвительнымъ замѣчаніемъ, которымъ онъ заклеивалъ бы ихъ на всегда. Очень жаль, что этотъ выдающійся человекъ былъ такъ страстно преданъ игрѣ и смотрѣлъ на нее не какъ на забаву, а какъ на средство жить широко. Быть можетъ, игра была для него тѣмъ, чѣмъ служить опиумъ на востокѣ—средствомъ притупить страшныя боли, которыми онъ страдалъ.

Упомяну также о достойномъ Колзаковѣ, типѣ добродушнаго моряка, и о генералѣ Кривцовѣ, которые много лѣтъ состояли при великомъ князѣ; для полноты картины надобно сказать также нѣсколько словъ о старикѣ Пастерниковѣ, камердинерѣ княгини Ловичъ, росломъ молодцѣ, котораго великій князь поставилъ во главѣ слугъ своей жены, и о Кохановскомъ, камердинерѣ великаго князя, хладнокровію котораго онъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ во время нападенія на Бельведерь. Назову еще пана Митчеля (Mitchel), человека образованнаго, и подконюшаго Гаврилу, имѣвшаго не малое значеніе по слѣдующей причинѣ. Передъ каждымъ ученіемъ и смотромъ, начальники отдѣльныхъ частей подходили съ тревогою къ Кохановскому и Гаврилѣ и спрашивали у перваго, какъ провелъ великій князь ночь, въ какомъ настроеніи онъ всталъ, а втораго—какую лошадь онъ приказалъ по-

дать, спокойная ли она и, главное, не боится ли мухъ. За благопріятный отвѣтъ они получали рублевки, и тогда всѣ приступали къ великому дѣлу—смотру или ученью съ веселыми лицами.

Но когда отвѣтъ былъ неблагопріятный, то лица генераловъ вытягивались, и всѣ предсказывали печальный конецъ смотра.

Препровожденіе дня въ Бельведерѣ, во всякое время года, неизмѣнно было слѣдующее:

Великій князь вставалъ въ пятомъ часу утра и еще не одѣтый принималъ первый рапортъ отъ генерала Куруты и начальниковъ полиціи; затѣмъ ему убиралъ голову парикмахеръ Макротовъ, который въ это время нашептывалъ ему все, что ему успѣли донести наканунѣ его тайные агенты. Потомъ великій князь пилъ чай и одѣвался; это называли *le petit lever*. Тогда входили адъютанты и дежурные генералы и первые ординарцы; онъ подписывалъ подносимые ему Моренгеймомъ важнѣйшія бумага и заходилъ на минутку къ княгинѣ Ловичъ. Потомъ онъ отправлялся въ Брюлевскій дворецъ, гдѣ рѣшалъ передъ смотромъ важнѣйшія дѣла и принималъ должностныхъ лицъ и офицеровъ; тутъ же являлись ему адъютанты. Въ это время представлялись намѣстнику офицеры разнаго рода оружія, пріѣзжавшіе или уѣзжавшіе изъ Варшавы. Наконецъ, въ одиннадцатомъ часу происходилъ смотръ въ указанномъ порядкѣ со всѣми актами и антрактами, обычными для этого зрѣлища. Послѣ смотра великій князь либо возвращался въ Брюлевскій дворецъ для окончанія служебныхъ дѣлъ, либо объѣзжалъ казармы, гауптвахты, военно-учебныя заведенія или другія учрежденія. Въ казармахъ онъ обходилъ спальни, солдатскія кухни и, приказавъ подать себѣ солдатскія щи, пробовалъ ихъ, хвалилъ или порицалъ. Въ госпиталяхъ разспрашивалъ больныхъ, чѣмъ они страдаютъ, рѣшалъ, подобно Суворову, какая у нихъ болѣзнь, и предписывалъ докторамъ рецепты. Во второмъ часу великій князь обѣдалъ съ княгиней Ловичъ, Павликомъ и гувернеромъ; къ столу приглашались дежурный адъютантъ и очень часто артиллерійскій генералъ Бонтанъ, котораго Константинъ Павловичъ очень любилъ. Обѣдъ былъ всегда изысканный, но состоялъ изъ немногихъ перемѣнъ; великій князь не пилъ никакого вина кромѣ шампанскаго и то не болѣе двухъ рюмокъ. Послѣ обѣда онъ приглашалъ къ женѣ выпить чашку кофе и бесѣдовалъ еще съ присутствующими съ полъ-часа. Затѣмъ, простясь со всѣми, онъ уходилъ на верхъ, гдѣ, поигравъ немного со своими любимыми бульдогами и обезьянами, ложился спать, приказавъ камердинеру разбудить его въ извѣстный часъ, обыкновенно часу въ шестомъ. Но потомъ выторговывалъ у камердинера еще часокъ и, наконецъ, еще четверть часика.

Если погода была хороша, то онъ снова одѣвался и ѣхалъ въ лагерь на вечернюю зарю или объѣзжалъ снова гауптвахты. Бѣда была молодымъ

офицерамъ, которые чаще всего попадались по своему легкомыслію. Болѣе пожилые и опытные никогда не раздѣвались, а сидѣли въ каскѣ, съ офицерскимъ знакомъ на груди, по уши застегнутые, въ кожаномъ креслѣ, готовые по первому звонку принять его. Если погода была худая, то онъ сходилъ къ княгинѣ Ловичъ пить чай.

Стѣны его верхнихъ комнатъ были увѣшаны разнаго рода оружіемъ и изображеніями офицеровъ и солдатъ польскаго и литовскаго войска. Были тутъ и портреты, въ числѣ ихъ находились и мой портретъ.

Высшіе военные и гражданскіе русскіе сановники, генералы, иностранные дипломаты, проѣзжавшіе черезъ Варшаву, а офицеры высшихъ чиновъ принимались великимъ княземъ въ Бельведерѣ и послѣ представленія княгинѣ Ловичъ обыкновенно приглашались къ обѣду. Княгиня принимала гостей со свойственной ей любезностью и пріятельностью, плѣняла иностранцевъ, которые пріѣзжали предубѣжденные, и умѣла выставить великаго князя въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ. Иностранцы, бывавшіе въ Бельведерѣ, увѣжали очарованные ея любезностью, остроуміемъ, умѣніемъ заинтересовать собесѣдника пріятнымъ разговоромъ. Въ Европѣ стали говорить объ удачномъ выборѣ великаго князя и о необыкновенной перемѣнѣ, происшедшей въ его характерѣ.

Панъ Грудзинскій, отецъ княгини Ловичъ, пріѣхалъ, по приглашенію великаго князя, въ Варшаву впервые въ 1822 году. Великій князь съ княгинею Ловичъ выѣхали ему на встрѣчу въ Олтаржевъ.

Константинъ Павловичъ почтительно пріивѣтствовалъ его, оказалъ ему всевозможные знаки вниманія и уваженія, посадилъ его въ экипажъ рядомъ съ женою, а самъ сѣлъ на переднюю скамейку и такъ ѣхалъ до Бельведерскаго дворца. Грудзинскій остановился въ Виленскомъ отелѣ, но проводилъ все время у дочери; только во вторичный свой пріѣздъ онъ остановился по желанію великаго князя въ Бельведерѣ.

Положеніе Грудзинскаго по отношенію къ великому князю было весьма щекотливо вслѣдствіе того, что его дѣла были очень разстроены, и ему постоянно угрожало преслѣдованіе со стороны кредиторовъ и даже арестъ за неуплату по отцовскимъ векселямъ. Великому князю было это извѣстно, но онъ, изъ деликатности, не показывалъ этого; съ другой стороны и Грудзинскій отнюдь не держалъ себя въ Бельведерѣ, какъ проситель или человѣкъ, ищущій покровителя, но держалъ себя съ большимъ достоинствомъ, какъ отецъ его жены. Великій князь до самаго его отъѣзда изъ Варшавы относился къ нему самымъ почтительнымъ и деликатнымъ образомъ.

Въ молодости Грудзинскій былъ очень живаго, веселаго характера и имѣлъ прекрасные живые глаза, въ которыхъ отражался его природный умъ; онъ получилъ подъ надзоромъ отца тщательное образо-

ваніе въ Берлинѣ и въ дворянской академіи въ Штутгартѣ. Какъ человѣкъ веселый и большой путникъ, онъ могъ бы очень понравиться, но онъ былъ весьма разсѣянъ и на его лицѣ постоянно отражалось какое-то безпокойство, выдававшее его затаенныя чувства; при этомъ онъ всегда говорилъ какъ-то особенно таинственно. По отношенію къ великому князю онъ держалъ себя чрезвычайно осторожно, никогда не противорѣчилъ ему, но когда великій князь спрашивалъ его мнѣніе, то онъ отвѣчалъ обыкновенно иносказательно, облекая свой отвѣтъ въ форму басни, какъ будто онъ говорилъ съ восточнымъ властителемъ временъ Гарунъ-Аль-Рашида. Великому князю не нравилась эта скрытность, и онъ часто жаловался женѣ на притворство ея отца.

Мать княгини Ловичъ, пани Бронецъ, первая супруга Грудзинскаго, рожденная Дерповска, по своимъ нравственнымъ качествамъ стояла гораздо ниже Грудзинскаго. Получивъ домашнее воспитаніе, она рано лишилась матери, и было замѣтно, что она не видала въ дѣтствѣ хорошихъ примѣровъ. Молоденькая, хорошенькая, легкомысленная панна вышла шестнадцати лѣтъ замужъ за своего дядю (по матери). Они прожили десять лѣтъ, повидимому, въ полномъ согласіи, но затѣмъ неожиданно разошлись. Въ это время на ихъ горизонтѣ появился красивый, молодой, разоренный литовецъ, Бронецъ, мастеръ побѣждать сердца молодыхъ женщинъ; онъ вкорѣ завладѣлъ ею всецѣло, убѣдилъ ее развестись съ мужемъ и выйти замужъ за него. Они зажили въ Варшавѣ на широкую ногу и вскорѣ спустили большую часть ея имѣнія. Вступленіе въ Варшаву французовъ въ 1806 г. было для Бронца причиною новыхъ расходовъ; назначенный гофмаршаломъ, онъ долженъ былъ принимать въ королевскомъ замкѣ свиту Наполеона. Эта должность дала Бронцу полную возможность выказать свои способности къ представительству, свое умѣніе устраивать съ большимъ вкусомъ всевозможныя увеселенія. Даваемые балы, обѣды, вечера, концерты привлекали лицъ императорской свиты и лучшее варшавское общество. Госпожа Бронецъ была еще хороша собою, а ея дочери отъ перваго брака были красавицы, хорошо воспитанныя и образованныя; это было не малой приманкой для гостей. Рядъ увеселеній продолжался все время пребыванія французовъ въ Варшавѣ. Когда возникло Варшавское герцогство, Бронецъ остался гофмаршаломъ короля саксонскаго, монарха набожнаго и бережливаго, которому расточительность его маршала очень не нравилась. По вступленіи въ Варшаву русскихъ, Бронецъ сохранилъ свое мѣсто и въ 1815 г. былъ назначенъ маршаломъ императорско-королевскаго двора. Перемѣна правительства не сократила его расходовъ и долговъ; имѣніе г-жи Бронецъ было оцѣнено за долги ниже его стоимости, кредитъ самого Бронца въ Варшавѣ совершенно упалъ. Однако, въ ихъ домѣ не было замѣтно никакой пере-

мѣны; у нихъ была все та же роскошь, давались тѣ же вечера, обѣды, ужины. Кто ихъ не помнитъ?! На столѣ польскаго Лукулла появлялось все, что было наилучшаго въ Варшавѣ, Парижѣ и въ Вѣнѣ; страсбургскіе паштеты, трюфели, морскія рыбы, стерляди, остендскія устрицы, верденскія конфеты, вѣнскіе торты и т. д. и т. д., выписывались самыя дорогія вина; но всѣ эти изысканныя вещи покупались большею частью въ долгъ, а купцы ожидали въ пріемной уплаты по счетамъ и часто уходили ни съ чѣмъ въ то время, какъ веселая компанія съ апшетитомъ ужинала подъ звонъ пѣющихся бокаловъ.

Бронецъ былъ не только въ полномъ смыслѣ расточитель, но онъ былъ въ то же время большимъ знатокомъ кулинарнаго искусства, обжорой или, лучше сказать, гастрономомъ. Во времена упадка Римской имперіи онъ былъ бы навѣрно консуломъ, исполнявшимъ обязанности гофмаршала императора Геліогабала. Такой домъ, по выходѣ замужъ моихъ кузинъ Грудзинскихъ, уже не представлялъ для меня ничего привлекательнаго. Но, въ виду моихъ давнишнихъ отношеній къ ихъ семьѣ, я продолжалъ бывать у нихъ на малыхъ обѣдахъ и вечерахъ.

Великій князь относился къ г-жѣ Бронецъ съ должнымъ почтеніемъ, какъ къ матери своей жены, но въ душѣ не уважалъ ее. Хотя она его очень боялась, но нерѣдко все же обращалась къ нему съ разными просьбами. Впрочемъ, она искала не одного его покровительства, но осаждала также варшавскіе суды и присутственныя мѣста и мучила прусскаго консула нескончаемыми дѣлами по обмѣну и покупкѣ имѣнія Попово; у императора она то просила увеличить жалованье мужу, то просила пожаловать ему казенныя земли. Все это чрезвычайно огорчало княгиню Ловичъ и великаго князя.

Обычными посѣтителями Бронца были: его домашній докторъ Кинцель, замковый архитекторъ Кубицкій и церемоніймейстеръ двора кавалеръ Забоклицкій, да еще нѣсколько человѣкъ, которые славились, какъ тонкіе гастрономы, любители поиграть въ карты и провести время въ веселой компаніи.

IV.

Сеймъ 1825 года.—Императоръ Александръ I въ Варшавѣ.—Его мистицизмъ и желаніе отречься отъ престола.—Варшава при полученіи извѣстія о кончинѣ Александра I и вступленіи на престолъ императора Николая I.—Открытіе тайныхъ обществъ.—Аресты.—Образованіе слѣдственной комиссіи.—Допросы.—Герцогъ Веллингтонъ и принцъ Фердинандъ д'Эсте въ Варшавѣ.—Варшава въ день похоронъ Александра I и коронаціи императора Николая I.—

Судъ и приговоръ надъ участниками тайныхъ обществъ.

Въ маѣ 1825 г. послѣ долгаго перерыва въ Варшавѣ былъ созванъ сеймъ. Императоръ пріѣхалъ на его открытіе и посвятилъ дѣламъ цар-

ства Польскаго цѣлый мѣсяцъ. Дополнительные статьи конституціи, принятыя по предложенію князя Любецкаго, привели въ негодованіе всѣхъ тѣхъ, кои придавали серьезное значеніе парламентарному управленію страны, не обращая вниманія на препятствія, которыя должны были возникнуть съ самаго начала въ ея сношеніяхъ съ Россійскою имперіей. Этой статьею была отмѣнена гласность преній на сеймѣ, и постороннимъ зрителямъ разрѣшалось присутствовать только на его открытіи и на закрытіи. Я также былъ возмущенъ этимъ повелѣніемъ, считая его нарушеніемъ важнѣйшихъ правъ, даруемыхъ конституціей; нынѣ, ближе узнавъ истинное положеніе дѣлъ и характеръ нашего народа, я нахожу, что оно было спасеніемъ, что оно даже было необходимо, если императоръ хотѣлъ избѣгнуть оппозиціи, которая, не смотря на зависимость царства Польскаго отъ Россіи и на то, что они были подчинены одному и тому же неограниченному монарху, хотѣла во что бы то ни стало играть роль, какую играетъ оппозиція въ англійскомъ парламентѣ. То, что у насъ было простой парламентской оппозиціей, называлось въ Россіи *rokosz*’емъ (мятежомъ). Поэтому не удивительно, что императоръ, принимая во вниманіе Россію и Европу, хотѣлъ во что бы то ни стало избѣжать слишкомъ явной оппозиціи во время публичныхъ преній и опасался, чтобы она не вызвала со стороны русскихъ желанія дѣйствовать точно также у себя дома. Всему этому была виною та двойственная роль, которую императору приходилось играть; легко можно было предвидѣть, что мы будемъ принесены со временемъ въ жертву.

На этомъ же сеймѣ были единодушно приняты нѣкоторыя правительственныя мѣры, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимало учрежденіе кредитнаго общества. Императоръ, довольный благополучнымъ исходомъ дѣлъ, отечески благодарилъ сеймъ и осыпалъ нѣкоторыхъ лицъ милостями. Обѣды, данные императоромъ въ замкѣ, большой балъ, данный его величеству въ театральномъ залѣ членами сейма, смотры, парады, визиты, пріемъ разныхъ лицъ наполнили все свободное отъ засѣданій время.

Въ это же время въ Варшаву пріѣхала г-жа Косцельская съ дочерью Михалиной, чтобы подать императору просьбу своего отца, отставнаго генерала Рокетницкаго, который былъ арестованъ во время возстанія 1794 г. и высланъ въ Кіевъ, гдѣ онъ прожилъ два года въ заточеніи. Теперь же онъ обращался къ милосердію царя, просилъ о назначеніи ему пожизненной пенсіи, въ которой онъ очень нуждался, потерявъ волѣдствіе политическихъ событій и отчасти по своей собственнѣй расточительности почти все свое имущество.

Съ прошеніемъ, написаннымъ рукою панны Михалины и завернутымъ въ кружевной платокъ, г-жа Косцельская отправилась въ за-

мокъ; но она опоздала на четверть часа къ назначенной аудіенціи. Когда о ней доложили, то она уже въ дверяхъ царскаго кабинета замѣтила, что прошеніе было ею забыто въ экипажъ; обернувшись въ вводившему ее камергеру, она сообщила ему объ этомъ непріятномъ случаѣ, и онъ поспѣшилъ за прошеніемъ. Императоръ принялъ ее съ улыбкой на устахъ и пригласилъ сѣсть на диванъ, самъ сѣлъ противъ нея въ кресло и, чтобы дать ей возможность оправиться отъ замѣшательства, причиненнаго ея забывчивостью, онъ началъ, со свойственной ему любезностью и деликатностью, расспрашивать объ ея семействѣ, о варшавскихъ вечерахъ и т. п., и только когда прошла первая неловкость, онъ пріятливо спросилъ ее о цѣли ея посѣщенія и внимательно выслушалъ всѣ подробности дѣла. Обѣщавъ исполнить все, чего просила г-жа Косцельская, императоръ взялъ у нея изъ рукъ прошеніе. По какой-то несчастной случайности, перчатки у г-жи Косцельской были пришиты къ платью; она позабыла объ этомъ и когда императоръ по своему обыкновенію хотѣлъ, прощаясь, поцѣловать у нея руку, то она изъ всѣхъ силъ стала тащить перчатку, чтобы снять ее, но это ей не удавалось; императоръ со своей стороны старался помочь ей. Во время этой борьбы у перчатки оторвался палецъ, который императоръ въ знакъ побѣды обернулъ около своего пальца и оставилъ у себя. Любезно простясь съ г-жею Косцельской, его величество проводилъ ее до дверей.

По отъѣздѣ императора изъ Варшавы прекратились увеселенія, и всѣ принялись за обычныя занятія.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1825 г. на обратномъ пути изъ Германіи императоръ послѣдній разъ посѣтилъ Варшаву. Пробывъ короткое время, онъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда вскорѣ отправился въ Таганрогъ. На его всегда спокойномъ лицѣ не было видно слѣда той душевной тревоги, которую онъ переживалъ въ то время, но все же было замѣтно, что онъ очень озабоченъ положеніемъ дѣлъ въ Россіи и судьбою угнетеннаго греческаго народа. Что касается перваго, то можно предполагать, что онъ зналъ о тайныхъ обществахъ, образовавшихся въ то время въ Россіи, ибо однажды на смотрѣ онъ сказалъ генералу Гауке: «я знаю, что я окруженъ убійцами, и что на мою жизнь злоумышляютъ».

Зловредный мистицизмъ, вселенный въ душу этого слабохарактернаго монарха г-жею Криднеръ, еще болѣе усилился подъ вліяніемъ его бесѣдъ съ княгинею Ловичъ.

Недовѣріе къ людямъ, отвращеніе къ власти, сознаніе своего безсилія поднять упавшую нравственность народа, предчувствіе подготовлявшихся въ Россіи смутъ вызвало въ немъ желаніе отказаться отъ престола; онъ мечталъ удалиться на покой, уѣхать въ Римъ, гдѣ, предавшись всецѣло религіи, надѣялся обрѣсти утраченное спокойствіе духа и убѣждалъ великаго князя Константина Павловича и княгиню Ловичъ

отказаться отъ суеты міра и отправиться вмѣстѣ съ нимъ. Онъ рисовалъ имъ въ самыхъ яркихъ краскахъ счастье, которое ихъ тамъ ожидаетъ. Княгиня Ловичъ, давно уже мечтавшая о томъ же, видѣла въ этомъ намѣреніи пероть Божій, волю Провидѣнія, которое могло привести императора въ лоно католической церкви. Великій князь изъ любви къ брату исполнилъ бы пожалуй его желаніе, но отказаться отъ парадовъ, смотровъ, отъ всѣхъ своихъ любимыхъ забавъ было свыше его силъ!

7-го декабря того же года прискакалъ въ Варшаву посланный генераломъ Дибичемъ фельдъегерь съ извѣстіемъ о кончинѣ императора Александра I. Войдя въ спальню великаго князя въ Бельведерѣ, онъ бросился ему въ ноги, называя его своимъ государемъ. Великій князь, только-что возвратившійся передъ тѣмъ съ супругою изъ Дрездена, былъ далекъ отъ мысли о подобномъ несчастіи. Первое впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, было потрясающее. Великій князь, какъ громомъ пораженный, упалъ въ объятія адъютанта. Онъ ни минуты не колебался въ своемъ намѣреніи отречься отъ престола и сказалъ, какъ мнѣ передавали, подошедшей къ нему съ встревоженнымъ лицомъ княгинѣ Ловичъ: «успокойся, ты не будешь царствовать».

Обстоятельства, сопровождавшія вступленіе на престолъ императора Николая, настолько извѣстны, что на нихъ нѣтъ надобности останавливаться, тѣмъ болѣе, что авторъ настоящихъ записокъ не прибавляетъ къ извѣстнымъ уже фактамъ никакихъ новыхъ подробностей; для насъ болѣе интересно, что авторъ, какъ очевидецъ и человѣкъ, стоявшій близко къ Бельведерскому дворцу, говорить о состояніи умовъ въ польской столицѣ.

«8-го декабря вся Варшава знала уже о случившейся катастрофѣ (кончинѣ Александра I). Всѣ задавали себѣ вопросъ: кто будетъ царствовать? Константинъ или Николай? Но спокойствіе въ городѣ на взглядъ ни на минуту не было нарушено. Это извѣстіе застало нашихъ заговорщиковъ, пораженныхъ участію Лукасинскаго и его товарищей, совершенно врасплохъ. Они не могли сговориться на счетъ тѣхъ мѣръ, какія слѣдовало принять, и рѣшили выждать болѣе удобнаго времени. Варшава официально предалась скорби. Великій князь Константинъ Павловичъ заперся въ Бельведерѣ, никого не принимая кромѣ самыхъ близкихъ и довѣренныхъ лицъ. Всѣ увеселенія прекратились, театры были закрыты, военные и гражданскіе чины облеклись въ трауръ. Общество также надѣло трауръ. Въ публикѣ еще ничего не знали о начавшейся великодушной борьбѣ между царственными братьями. Константинъ Павловичъ не былъ провозглашенъ императоромъ въ одной только Варшавѣ: догадокъ и предположеній высказывалось бездна, сказокъ передавалось еще больше, но достовѣрно ничего не было извѣстно;

истиннаго положенія дѣлъ никто не зналъ. Только 1-го января 1826 г. былъ обнародованъ манифестъ, данный 13-го (25-го) декабря 1825 г. Онъ прекратилъ всѣ сомнѣнія. На слѣдующій день, т. е. 2-го января, войско и администрація присягали Николаю I. Въ тотъ же день въ обществѣ начали ходить слухи о бывшемъ въ Петербургѣ возмущеніи.

Въ состояніи умовъ въ Варшавѣ не было замѣтно, на первый взглядъ, никакой перемѣны; хотя всѣ отдавали справедливость прекраснымъ качествамъ покойнаго императора, но вѣра въ искренность его обѣщаній давно была утрачена. О немъ сожалѣли преимущественно женщины, какъ о человѣкѣ обворожительномъ и пріятномъ, но о достоинствахъ его, какъ монарха, умалчивали. Зато дѣлались всевозможныя предположенія относительно наступавшаго царствованія. Одни высказывали сомнѣніе въ томъ, что императоръ Николай захочетъ исполнить обѣщанія, данныя его покойнымъ братомъ, и сохранить то подобіе конституціи, которое такъ поражало его русскихъ поданныхъ; другіе, зная огромную разницу въ характерѣ Николая и Константина, предвидѣли грозу и думали, что первый не захочетъ въ такой степени полагаться на фантазію брата, какъ это дѣлалъ Александръ, ради своего собственнаго спокойствія, и обращали свои взоры на молодаго монарха, въ надеждѣ, что онъ устранитъ многія злоупотребленія и обратитъ вниманіе на наши жалобы. Но и тѣ и другіе ошиблись. По вступленіи на престолъ, императоръ Николай I успокоилъ насъ обѣщаніемъ, что онъ намѣренъ во всемъ слѣдовать правительственной системѣ покойнаго императора, что дарованныя намъ учрежденія будутъ неприкосновенны и что онъ всѣми силами постарается выполнить данную имъ конституціонную хартію.

Еще до коронаціи, императоръ присягнулъ въ вѣрности конституціи и былъ безпрекословно признанъ королемъ, а великій князь Александръ Николаевичъ его законнымъ наслѣдникомъ.

Между тѣмъ въ Варшавѣ были арестованы Кюхельбекеръ и подполковникъ гродненскихъ гусаръ Лунинъ, участвовавшіе въ заговорѣ 14-го декабря, а изъ показаній арестованныхъ по этому дѣлу лицъ выяснилась ихъ связь съ польскими тайными обществами. Князь Антонъ Яблоновскій, человѣкъ весьма мягкосердечный, былъ арестованъ однимъ изъ первыхъ; какъ говорятъ, онъ открылъ императору всѣ планы тайныхъ польскихъ обществъ, все, что дѣлалось въ Варшавѣ и въ присоединенныхъ къ Россіи губерніяхъ царства Польскаго.

Въ Варшавѣ сразу все измѣнилось: тайная полиція была увеличена, начали принимать всевозможныя мѣры предосторожности; надъ нѣкоторыми лицами былъ учрежденъ тайный надзоръ. Подполковнику Прондзинскому, завѣдывавшему работами по устройству Августовскаго канала, было приказано явиться въ Варшаву. Онъ пріѣхалъ прямо ко мнѣ въ мою квартиру на Медовой улицѣ и провелъ у меня нѣсколько часовъ.

По тревогѣ, отражавшейся на его лицѣ, я сразу понялъ, что онъ находился въ опасности. Я рѣшилъ не покидать своего пріятеля и заступиться за него по мѣрѣ возможности. На другой же день по пріѣздѣ Прондзинскому было приказано явиться въ великому князю; тутъ онъ впервые подвергся допросу. Хотя онъ не передалъ мнѣ подробностей своего разговора съ великимъ княземъ, но по его смущенію можно было догадаться, что разговоръ былъ бурный. Послѣ этого его вызывали чуть не каждый день къ великому князю и русскому комиссару Новосильцеву и допрашивали объ его отношеніяхъ съ княземъ Яблоновскимъ и съ тайными обществами. Въ началѣ онъ отрицалъ какое бы то ни было участіе въ нихъ, но когда великій князь далъ ему честное слово, что ему уже извѣстны всѣ дѣйствія нашихъ тайныхъ обществъ изъ показаній князя Яблоновскаго, то Прондзинскій сдался и рассказалъ нѣкоторыя, впрочемъ неважныя, подробности, умолчавъ о главномъ.

Въ то время, какъ шли эти допросы, мы были постоянно окружены шпионами и тайной полиціей. Прондзинскій не могъ сдѣлать ни шагу на улицѣ, чтобы за нимъ не слѣдилъ издатель шпионъ. Когда онъ нанималъ извозчика, шпионъ также бралъ извозчика и ѣхалъ за нимъ слѣдомъ. Трое агентовъ тайной полиціи день и ночь находились въ шинкѣ противъ воротъ аппликаціонной школы, откуда они слѣдили за каждымъ его шагомъ. Они осмѣлились даже заглядывать въ мою квартиру и разспрашивать прислугу о Прондзинскомъ. Одного изъ нихъ, чересчуръ нахальнаго, я спустилъ довольно неделикатно съ лѣстницы; другому, который вздумалъ однажды вечеромъ сопровождать насъ по Красинской площади, я порядкомъ далъ въ шею. Между тѣмъ, я старался по мѣрѣ возможности развлекать своего пріятеля и вселить въ него увѣренность, которой у меня самого не было. Недѣли двѣ спустя пріѣхала изъ Августова его жена, рожденная Рудковская, вышедшая за него замужъ всего нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ. Тогда Прондзинскій переѣхалъ отъ меня и поселился вмѣстѣ съ нею въ Виленскомъ отелѣ, гдѣ онъ и былъ арестованъ ночью нѣсколько дней спустя, и заключенъ въ монастырѣ кармелитовъ, гдѣ онъ выстрадалъ три года и три мѣсяца, пока не былъ выпущенъ на свободу. Въ ту же ночь были арестованы, подполковникъ л.-гв. конныхъ стрѣлковъ Северинъ Крыжановскій, каштелянъ Станиславъ Солтыкъ, Романъ Залусскій, бывшій адъютантъ великаго князя, референдарій Войцехъ Гржимайло, Плихта, Цихоцкій, саперный поручикъ Собанскій и многіе другіе.

Въ Волынской и Подольской губерніяхъ и на Украинѣ было произведено еще больше арестовъ. На основаніи признаній, сдѣланныхъ княземъ Яблоновскимъ, были арестованы: Собанскій, Мартинъ Тарновскій, Петръ Можинскій, Ворцель, Александръ Ходкевичъ, Викторъ Оссолинскій, принадлежавшіе къ самымъ знатымъ польскимъ фамиліямъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1826 г. по требованію польскаго правительства арестованы въ Парижѣ генералъ Уминскій, Матвѣй Мелжинскій и мой зять, Іосифъ Крыжановскій. Всѣ трое были отвезены подъ стражей въ Торнъ.

Для допроса арестованныхъ, великій князь приказалъ назначить слѣдственную комиссію, въ составъ которой вошли слѣдующія лица: предсѣдатель, первоприсутствующій сенаторъ, графъ Станиславъ Замойскій, императорскій комиссаръ Новосильцевъ, военный министръ, генералъ Гауке, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Станиславъ Грабовскій, Моренгеймъ, генералъ Колзаковъ и генералъ Раутенштраухъ—исполнявшій должность секретаря.

Слѣдственной комиссіи было поручено раскрыть тайные замыслы обществъ какъ въ царствѣ Польскомъ, такъ и въ присоединенныхъ губерніяхъ, коими управлялъ великій князь, и открыть связь, существовавшую между тайными польскими и русскими обществами.

Всѣхъ лицъ, арестованныхъ въ провинціи и въ Познани, привезли въ скоромъ времени въ Варшаву.

Мой зять Крыжановскій также былъ привезенъ въ Варшаву подъ надзоромъ прусскаго полицейскаго комиссара Крюгера и нѣсколькихъ жандармовъ и былъ допрошенъ въ комиссіи.

Это дало великому князю возможность проявить свои способности, въ чемъ дѣятельно помогалъ ему генералъ Рожнецкій. Засѣданія комиссіи происходили при довольно торжественной обстановкѣ въ Брюлевскомъ дворцѣ. Въ одной изъ ярко-освѣщенныхъ залъ, за продолговатымъ зеленымъ столомъ, засѣдали члены комиссіи въ своихъ орденнахъ. По вечерамъ тайно привозили обвиняемыхъ, которые садились за тотъ же столъ; подавали чай, и между членами комиссіи и обвиняемыми начинался разговоръ о постороннихъ предметахъ, какъ будто тутъ дѣло шло не о жизни этихъ послѣднихъ. Нѣсколько времени спустя предсѣдатель приступалъ къ допросу. На одномъ изъ этихъ засѣданій, саперный поручикъ Собанскій, на очной ставкѣ съ княземъ Яблоновскимъ, назвалъ его гнуснымъ предателемъ.

Настала очередь Прондзинскаго. Ему было предъявлено показаніе, сдѣланное въ минуту слабости великому князю. Бѣдняжка не ожидалъ, чтобы его довѣріемъ такъ злоупотребили. Тутъ онъ впервые понялъ сдѣланную имъ ошибку. Вернувшись въ свою арестантскую камеру, онъ сталъ жестоко упрекать себя за свою неосторожность; терзаемый своимъ положеніемъ, угнетенный одиночнымъ заключеніемъ и неизвѣстностью за будущее, онъ все болѣе и болѣе падалъ духомъ и предавался отчаянію. Опасаясь, чтобы данныя имъ показанія не повредили кому-либо изъ товарищей, онъ отрекся отъ всего, и не довѣряя самому себѣ, опасаясь своей слабости, рѣшилъ покончить съ собою и три дня не

принималъ никакой пищи. На третій день караульные нашли его безъ чувствъ. Былъ приглашенъ докторъ, и къ нему прѣхалъ, по порученію великаго князя, самъ генералъ Курута, общая ему помилованіе; только увѣщанія священника и воспоминаніе о любимой имъ женѣ заставили его принять пищу. Съ этой минуты онъ покорился своей судьбѣ и старался наполнить тоску одиночества при помощи книгъ, которыя доставлялись ему впослѣдствіи. Во время своего одиночнаго заключенія, онъ рѣшилъ оставить военную службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ, но это счастье, о которомъ онъ мечталъ, не сбылось. Во время своего ареста онъ занялся также по приказанію великаго князя разработкою проекта о войнѣ съ Австріей. Здоровье Прондзинскаго, давно уже подорванное, было за это время совершенно расшатано, и у него возникли тѣ болѣзни, которыми онъ страдалъ съ тѣхъ поръ въ теченіе 25-ти лѣтъ.

Генералъ Уминскій, М. Мельжинскій и Іосифъ Крыжановскій выказали болѣе твердости и не дались въ обманъ. Послѣдній своими смѣлыми и остроумными отвѣтами не разъ приводилъ комиссію въ замѣшательство и умѣлъ разгладить суровое чело комиссара.

Вначалѣ арестованныхъ содержали каждого въ отдѣльной комнатѣ, въ которой окно было закрыто картонной ставней,—изобрѣтенія Рожнецкаго,—которая пропускала свѣтъ только сверху; имъ не позволяли сообщаться между собою; но мало-по-малу заинтересованныя въ нихъ лица, въ особенности варшавскія дамы и главнымъ образомъ Любинская, рожденная Оссолинская, и княгиня Заіончекъ съумѣли умиловитивъ караульныхъ, солдатъ и офицеровъ, такъ что со временемъ, кромѣ лишенія свободы, они болѣе ни въ чемъ не нуждались. Они могли сообщаться между собою, получали книги, газеты, письма и совѣты отъ своихъ друзей, собирались по вечерамъ на партію виста, принимали по секрету женъ, сестеръ и пріятелей.

При этомъ всѣмъ было хорошо, въ особенности же русскимъ караульнымъ солдатамъ и инвалидамъ, которые усердно служили арестованнымъ. Когда же у воротъ раздавался звонокъ, возвѣщая о какомъ-нибудь неожиданномъ посѣтителѣ, то по знаку, данному караульными, все приходило въ порядокъ, и арестованные оказывались каждый въ своей камерѣ запертые на ключъ и готовые принять посѣтителя. Такъ продолжалось все время, пока шло слѣдствіе.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года въ Варшаву прѣхалъ изъ Петербурга герцогъ Веллингтонъ. Весь гарнизонъ вышелъ ему на встрѣчу. Въ замкѣ ему представлялись офицеры всѣхъ родовъ оружія. Онъ принялъ насъ въ мундирѣ русскаго фельдмаршала, подаренномъ ему покойнымъ императоромъ. Такъ какъ мундиръ былъ спитъ по мѣркѣ императора, а фельдмаршалъ былъ сухопаръ, какъ индійскій набобъ, то онъ

сидѣлъ на немъ мѣшкомъ. Въ наружности Веллингтона не было впрочемъ ничего замѣчательнаго или привлекательнаго. Трудно было узнать въ немъ побѣдителя при Саламанкѣ и Ватерлоо. Я запомнилъ одно, что черты его лица напоминали китайскаго божка, дѣлающаго безконечныя поклоны.

Вслѣдъ за Веллингтономъ пріѣхалъ изъ Петербурга принцъ Фердинандъ д'Эсте. Я встрѣтился съ нимъ въ салонѣ г-жи Потоцкой. Его сопровождалъ полковникъ Кламъ, извѣстный впослѣдствіи своей дипломатической миссіей. Принцу, вѣроятно, было непріятно воспоминаніе о Варшавѣ 1809 г., хотя городъ былъ много ему обязанъ за строгость, какую онъ соблюдалъ въ австрійскомъ войскѣ.

Послѣ смерти императора Александра, я пересталъ бывать въ Бельведерѣ. Когда Прондзинскій поселился у меня, я почувствовалъ всю нескотливость моего положенія по отношенію къ великому князю и не являлся во дворецъ подъ предлогомъ траура. Вскорѣ послѣ арестованія Прондзинскаго, я получилъ отъ своего начальника, генерала Гауке, приказаніе представить заявленіе о томъ, что я не принадлежу ни къ какому тайному обществу; такое же предписаніе было получено полковникомъ Скржинецкимъ и нѣсколькими другими офицерами, которыхъ великій князь наиболѣе подозрѣвалъ. Я написалъ заявленіе съ своею истинною мнѣ откровенностью, зная отлично, что этимъ поступкомъ я разсѣю сомнѣнія великаго князя относительно меня и никому не причиню вреда, сдѣлавъ признаніе весьма ничтожное по сравненію съ тѣмъ, въ чемъ мы обвинялись.

Я сознался въ томъ, что въ 1816 г. мы составили съ Густавомъ Малаховскимъ и Прондзинскимъ тайное общество подъ названіемъ «Польскихъ друзей» и сказалъ, что цѣлю этого общества были заботы о нашей народности, и что другихъ противоправительственныхъ цѣлей у насъ не было. Въ общемъ показаніе мое было написано въ довольно шутиливомъ тонѣ, такъ какъ мнѣ не хотѣлось, чтобы было придано особенное значеніе тому, къ чему мы сами относились довольно легко; въ заключеніе я упомянулъ даже о носилкахъ г-жи Вобанъ и т. д. Заявленіе мое было отдано на слѣдующій день великому князю, который, прочитавъ его, сказалъ княгинѣ Ловичъ: «твой кузенъ также принадлежитъ къ тайному обществу, онъ былъ его основателемъ». Болѣе объ этомъ не было рѣчи, хотя великій князь долго послѣ этого косился на меня.

Но признаться, я опасался нѣкоторое время, что меня постигнетъ участь Прондзинскаго и что за сочувствіе, оказанное мною пріятелю, великій князь накажетъ меня нѣсколькими мѣсяцами заточенія у кармелитовъ.

Великій князь, присутствіе котораго въ Варшавѣ было необходимо,

не могъ быть въ Петербургѣ на похоронахъ императора Александра I; но, не желая пропустить церемоніалъ, онъ задумалъ совершить обрядъ погребенія въ Варшавѣ. По этому поводу весь городъ одѣлся въ трауръ. Католическое духовенство, монашескіе ордена, братства, цехи, сенатъ, чиновники, войско шло въ погребальномъ шествіи впереди пышнаго гроба, поставленнаго на парадной колесницѣ, въ которомъ лежало полное генеральское облаченіе покойнаго царя. При колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ и пальбѣ орудій пустой гробъ былъ привезенъ въ кафедральный соборъ св. Яна. Архіепископъ Вороничъ вышелъ, въ главѣ кафедральнаго духовенства, на встрѣчу гроба съ кадиломъ и святой водою и поклонился якобы праху; тогда гробъ былъ поставленъ на пышномъ катафалкѣ, украшенномъ императорскою короной. На слѣдующій день была отслужена заупокойная обѣдня съ панихидой и совершенно погребальное шествіе въ присутствіи великаго князя. До 200 чело­вѣкъ, въ числѣ которыхъ были многіе любители, пропѣли «Реквіемъ» Моцарта подъ управленіемъ Курпинскаго. Архіепископъ сказалъ съ амвона подходящее къ случаю выспренное и трогательное слово, превознесъ качества покойнаго императора.

Великому князю такъ понравилось это зрѣлище, что по его желанію оно было повторено на слѣдующій день. На этотъ разъ подъ управленіемъ Соливы исполнили «Реквіемъ» извѣстнаго композитора Козловскаго, который произвелъ на присутствующихъ болѣе сильное впечатлѣніе, нежели «Реквіемъ» Моцарта.

3-го октября совершилось торжество коронаванія императора Николая I. Великій князь Константинъ Павловичъ своимъ присутствіемъ на коронаціи хотѣлъ доказать всему свѣту искренность своихъ намѣреній.

Его поведеніе было отмѣчено достоинствомъ и преданностью новому монарху, чѣмъ онъ снискалъ всеобщее уваженіе и одобреніе. Присутствовавшій на коронаціи маршалъ Мармонтъ со всѣмъ своимъ штабомъ и многіе другіе чрезвычайные послы заграничныхъ державъ пріѣхали въ октябрѣ мѣсяцѣ въ Варшаву, чтобы изъявить свое почтеніе великому князю. За эту любезность онъ отплатилъ имъ, въ особенности французскимъ офицерамъ, окруживъ ихъ шпионами, которымъ было приказано слѣдить за каждымъ ихъ шагомъ. У маршала Мармонта по приказу великаго князя отрѣзали между Варшавой и Ражинѣмъ сундукъ, въ которомъ надѣялись найти какую-то переписку. Мармонтъ, чрезвычайно раздраженный, жаловался на нарушеніе всякаго уваженія по отношенію къ послу; однако забранныя у него бумаги не были возвращены.

Между тѣмъ слѣдственная коммиссія продолжала свою работу. Число арестованныхъ росло съ каждымъ днемъ. И тюрьмы начали

переполняться. Генерала Уминскаго, Матвѣя Мельжинскаго и Іосифа Крыжановскаго отвезли обратно въ Торнъ, такъ какъ они подлежали суду прусскаго правительства. О Прондзинскомъ я узналъ только, что онъ менѣе скомпрометтированъ, нежели можно было думать вначалѣ, и что жена получаетъ отъ него извѣстія. Надъ Варшавой нависла печаль.

Закончивъ слѣдствіе въ концѣ 1826 г., коммиссія представила свой докладъ 3-го января 1827 г. На основаніи его было повелѣно судить всѣхъ лицъ, привезенныхъ изъ присоединенныхъ губерній, обыкновеннымъ судомъ въ Россіи, польскихъ же подданныхъ судить въ Варшавѣ. Согласно конституціи, всѣ государственныя преступленія подлежали суду сената. Этому-то важному присутственному мѣсту и было повелѣно разсмотрѣть настоящее дѣло; этимъ государь выказалъ себя болѣе умѣреннымъ и снисходительнымъ, нежели великій князь, который настаивалъ на томъ, чтобы всѣхъ виновныхъ предали военному суду. Предсѣдателемъ Сеймоваго суда былъ назначенъ старшій воевода, Петръ Бѣлинскій, всѣми уважаемый старецъ.

Судъ началъ свои засѣданія въ октябрѣ мѣсяцѣ 1827 г. Онъ долженъ былъ происходить публично, со всѣми формальностями, обезпечивавшими свободу преній и защиты. Варшава живо интересовалась этимъ дѣломъ, ибо въ душѣ каждый сознавалъ, что осужденіе виновныхъ будетъ равносильно приговору его собственныхъ взглядовъ, его собственныхъ желаній.

Но и тутъ рука великаго князя дала себя почувствовать. Не желая, чтобы публика присутствовала въ залѣ суда, который происходилъ въ домѣ Красинскаго, онъ наполнилъ мѣста, предназначенныя для публики, нанятыми шпионами, такъ что не только родные и друзья обвиненныхъ, но даже защитники и адвокаты не могли найти себѣ мѣста.

Но, не смотря на всѣ эти препоны, сенаторы собрались въ полномъ составѣ съ епископомъ во главѣ. Князь Адамъ Чарторыйскій пріѣхалъ на засѣданіе изъ Италіи. Прежде всего былъ прочитанъ обвинительный актъ и заключеніе оберъ-прокурора Вычаховскаго. Затѣмъ начался допросъ обвиняемыхъ, и защитники, избранные изъ числа извѣстѣйшихъ варшавскихъ адвокатовъ, произнесли свои рѣчи, послѣ чего было приступлено къ подачѣ голосовъ. Ксендзъ Бержинскій, епископъ сендомірскій, первый подалъ голосъ: снявъ съ груди наперсный крестъ и высоко поднявъ его, онъ произнесъ громкимъ голосомъ, который гулко раздался въ залѣ: «клянусь именемъ распятаго Бога: они невинны». Къ его словамъ единогласно присоединились всѣ прочіе сенаторы, за исключеніемъ только одного Викентія Красинскаго, который произнесъ: «виновны». Можно себѣ представить, до какой степени вся Варшава была поражена этимъ приговоромъ. Всѣ, даже незнакомые

обнимали, поздравляли другъ друга, какъ будто избавились отъ большой опасности; не находили достаточно похвалъ для сенаторовъ, Красинскаго же всѣ поносили.

Великій князь мрачно взиралъ на эти изъявленія радости и видѣлъ въ нихъ только оскорбленіе величества и поруганіе его собственной власти. За то же самое дѣло, за тотъ же проступокъ виновные были наказаны въ Россіи смертью и ссылкой въ Сибирь, а тутъ, въ Польшѣ, на его глазахъ, они оставались безнаказаны; онъ не могъ этого допустить. Онъ позабылъ, что у насъ до тѣхъ поръ не существовало закона, каравшаго за намѣреніе, за мысль, а не за преступное дѣйствіе. Онъ позабылъ, что стремленія нашихъ тайныхъ обществъ были возбуждены либеральными планами его брата Александра и его обѣщаніемъ присоединить къ царству забранныя губерніи. Могли ли судьи осудить мысли и надежды, возбужденныя самимъ монархомъ?

Законъ долженъ былъ въ этомъ случаѣ смолкнуть; судьи были вынуждены оправдать виновныхъ. Этотъ достопамятный приговоръ, имѣвшій такое важное вліяніе на дальнѣйшія событія и въ особенности на ноябрьское возстаніе, былъ произнесенъ 17-го октября 1827 года.

Въ томъ же году наша аппликаціонная школа подверглась преслѣдованію. Въ началѣ іюня, когда занятія у насъ еще не были окончены, неожиданно былъ полученъ приказъ великаго князя, повелѣвавшій закрыть школу и послать учениковъ въ лагерь подъ Повонзками, распредѣливъ ихъ по разнымъ полкамъ, гдѣ они должны были нести службу наравнѣ съ простыми солдатами. Мы долго не могли понять, чѣмъ былъ вызванъ столь удивительный приказъ; только позднѣе мы узнали, что одинъ изъ служащихъ въ школѣ, подслушавъ какой-то разговоръ между учениками, донесъ о томъ, что они легкомысленно говорили между собою. Нѣкоторые приписывали все случившееся доносу, сдѣланному бывшимъ воспитанникомъ школы, княземъ Маврокордато, который служилъ въ русской артиллеріи и своимъ мрачнымъ и скрытнымъ характеромъ напоминалъ собою греческаго заговорщика.

Генералъ Гауке, огорченный этимъ приказомъ, предвидя вредныя послѣдствія, какія это могло имѣть для учениковъ, въ числѣ которыхъ находился и его собственный сынъ, рѣшилъ представить великому князю, какое вредное вліяніе могла имѣть эта мѣра на нравственность молодыхъ людей.

— Я знаю, что это варварство,—сказалъ великій князь,—но я не отмѣню своего приказа!—и Гауке долженъ былъ замолчать.

Ученики, распредѣленные по полкамъ, пробыли въ лагерѣ до окончанія осеннихъ маневровъ. Легко себѣ представить, какъ вредно было

для нихъ пребываніе среди необразованныхъ грубыхъ солдатъ. Многіе заплатились за это здоровьемъ. Особенно горевали бѣдныя матери. Замойская, Ржевуская, Потоцкая, Чертвертинская вѣдали съ жалобою и просьбою къ княгинѣ Ловичъ, но ничто не помогло. Въ слѣдующіе за тѣмъ годы, ученикамъ также пришлось отбывать лагерный сборъ, съ тою лишь разницею, что имъ были сдѣланы нѣкоторыя послабленія.

Возвратимся, однако, къ сеймовому суду, происходившему въ Варшавѣ. Первымъ дѣломъ великаго князя было, что онъ не привелъ приговора сената въ исполненіе, запретилъ опубликовать его и приказалъ не освобождать никого изъ арестованныхъ впредь до утвержденія приговора императоромъ. Императоръ, настроенный братомъ, повелѣлъ короннымъ судьямъ вторично рассмотреть дѣло и разъяснить, согласовался ли приговоръ сената съ буквою закона; сенаторамъ же выразилъ свое высочайшее неодобреніе.

Послѣ продолжительныхъ совѣщаній и многихъ проволочекъ, судъ, на основаніи заключенія, даннаго княземъ Любецкимъ, и вопреки всѣмъ возраженіямъ великаго князя и Новосильцова, рассмотрѣвъ дѣло, пришелъ къ заключенію, что сенатъ не могъ произнести инаго приговора, и онъ былъ обнародованъ 18-го марта 1829 г. Арестованные были наконецъ освобождены, за исключеніемъ подполковника Северина Крыжановскаго, который былъ увезенъ изъ Варшавы и, какъ русскій подданный, отданъ подъ судъ въ Россію. Крыжановскій былъ приговоренъ къ пожизненной ссылкѣ въ Сибирь. Онъ скончался въ 1839 г. въ Тобольскѣ.

Настроеніе варшавскаго общества выразилось съ особенной силою осенью 1827 года, во время похоронъ воеводы Бѣлинскаго.

По этому поводу князь Адамъ Чарторыйскій впервые выступилъ публично въ надгробномъ словѣ, сказанномъ экспромптомъ. Никто не ожидалъ отъ него такой смѣлости. Съ тѣхъ поръ Варшава стала относиться съ большимъ уваженіемъ къ патріотическимъ чувствамъ князя Адама и восторгалась его краснорѣчіемъ.

Осенью того же года, я былъ взволнованъ слѣдующимъ случаемъ.

Князь Маврокордато, довольный познаніями, пріобрѣтенными его старшимъ сыномъ въ аппликаціонной школѣ, и его быстрымъ повышеніемъ по службѣ, вздумалъ подарить насъ своими двумя младшими сыновьями. Онъ отправился съ этой цѣлью къ генералу Курутѣ и добился чрезъ него, что великій князь приказалъ принять ихъ въ нашу школу.

По правиламъ, кои до тѣхъ поръ строго соблюдались, предписывалось принимать въ школу только воспитанниковъ, окончившихъ кадетскій корпусъ въ Калишѣ; въ противномъ случаѣ требовалось, чтобы молодые люди сдали вступительный экзаменъ. Сыновьямъ князя Мавро-

*

кордато было одному 10, а другому 12 лѣтъ; они владѣли только греческимъ языкомъ, не знали первыхъ правилъ ариметики, о другихъ наукахъ нечего было и говорить.

Только пробывъ 3 или 4 года въ средней школѣ и научившись языкамъ, они могли быть подготовлены на столько, чтобы сдать экзаменъ. Аппликаціонная школа отнюдь не была элементарной школой для малолѣтнихъ, но высшимъ военно-учебнымъ заведеніемъ для взрослой молодежи. Ея значеніе и цѣль были бы совершенно извращены, если бы въ ней стали преподавать то, что проходится въ первомъ классѣ кадетскаго корпуса. Я высказалъ все это отцу мальчиковъ и генералу Гауке. Первый отвѣчалъ равнодушно:

— Это сдѣлано по приказанію великаго князя!

А второй, раздраженный несправедливостями, какія ему пришлось имѣть по поводу школы и въ особенности посылкою учениковъ въ предыдущемъ году въ лагерь, только пожалъ плечами. Я былъ чрезвычайно встревоженъ всѣмъ этимъ и, встрѣтившись со старшимъ сыномъ князя Маврокордато, артиллерійскимъ офицеромъ, Карломъ Маврокордато, служившимъ въ русской арміи, высказалъ ему свое удивленіе по поводу того, что будучи хорошо знакомъ съ программой нашей школы и съ тѣми трудностями, какія ему самому пришлось преодолѣть, пока онъ не усвоилъ самыя элементарныя свѣдѣнія, онъ могъ дать отцу подобный совѣтъ. Не обращая вниманія на наши четырехлѣтнія добрыя отношенія, онъ отвѣчалъ мнѣ еще холоднѣе отца: «это сдѣлано по приказанію великаго князя!» Протекція генерала Куруты сдѣлала его заносчивымъ.

Подобный отвѣтъ, не допускавшій никакихъ возраженій, былъ не что иное, какъ насмѣшка надъ нашими правилами. Между тѣмъ греческіе мальчишки поступили къ намъ въ школу. Савинскому пришлось устроить для нихъ отдѣльный элементарный курсъ и платить приглашеннымъ спеціально для нихъ учителямъ чистописанія, ариметики и языковъ изъ суммъ, отпущенныхъ на книги и модели.

Нѣсколько дней спустя Карлъ Маврокордато пріѣхалъ въ школу навѣстить мальчиковъ. Узнавъ объ его пріѣздѣ, я велѣлъ попросить его къ себѣ, чтобы съ глаза на глазъ еще разъ переговорить съ нимъ и высказать ему всѣ неудобства, какія причиняла намъ недостаточная подготовка его братьевъ.

Но едва я началъ говорить объ этомъ, какъ Маврокордато крикнулъ совершенно неприличнымъ тономъ: «великій князь такъ приказалъ».

— Да, конечно, это сдѣлано по приказанію великаго князя,—отвѣчалъ я,—но по особенной просьбѣ вашего отца, который не принялъ во вниманіе, что наша школа существуетъ вовсе не для того, чтобы обу-

чать грамотѣ такихъ маленькихъ дѣтей, какъ ваши братья. Аппликаціонная школа основана для лицъ, прошедшихъ среднюю школу! Со стороны вашего отца было бы благоразумнѣе, если бы онъ попросилъ опредѣлить ихъ на три или на четыре года въ Калишъ; да и для нихъ это было бы несравненно полезнѣе.

Возвышая голосъ, Маврокордато повторилъ на это самымъ нахальнымъ образомъ, нѣсколько разъ: «таково было желаніе великаго князя».

— Вы забываетесь, милостивый государь, прошу васъ успокойтесь и прежде всего не возвышайте голоса!

Но грекъ, раздражаясь все болѣе и болѣе, уже не владѣлъ собою. Опасаясь, чтобы нашъ крупный разговоръ не услышали на крыльцѣ, и чтобы ко мнѣ кто-либо не вошелъ, я заперъ дверь на ключъ и сказалъ ему строго:

— Последній разъ прошу васъ замолчать, ибо въ противномъ случаѣ я позову дежурнаго офицера и прикажу арестовать васъ.

Услыхавъ это, онъ поблѣднѣлъ и хотѣлъ выйти изъ комнаты, но ключъ былъ у меня въ рукахъ.

— Развѣ вы боитесь меня?—сказалъ я,—развѣ вы меня не знаете; вы забыли, чѣмъ я былъ для васъ?

Видя однако же, что онъ страшно перепугался, я отперъ дверь и выпустилъ струсившаго грека.

Эта сцена привела меня въ негодованіе. Я не считалъ возможнымъ умолчать о проступкѣ молодого человѣка, только потому, что онъ пользовался протекціей великаго князя и служилъ въ русскомъ войскѣ.

Я былъ оскорбленъ лично и какъ старшій въ чинѣ. Поэтому я рѣшилъ донести обо всемъ полковнику Савинскому, какъ моему ближайшему начальнику, а онъ донесъ объ этомъ въ свою очередь генералу Гауке, который, взвѣсивъ всѣ обстоятельства дѣла, написалъ генералу Курутѣ, прося его наказать князя Маврокордато.

Между тѣмъ на слѣдующій день вечеромъ явились ко мнѣ два русскихъ офицера, товарищи Карла Маврокордато, съ вызовомъ на дуэль за оскорбленіе его въ моей собственной квартирѣ. Я отвѣчалъ этимъ господамъ, что князь вовсе не былъ оскорбленъ мною, что, напротивъ, онъ велъ себя по отношенію меня самымъ недостойнымъ образомъ и что такъ какъ онъ оскорбилъ меня, какъ старшаго въ чинѣ, то я былъ вынужденъ донести о случившемся начальству.

— Что касается дуэли, то мы поговоримъ о ней послѣ того, какъ вашъ товарищъ будетъ наказанъ, — сказалъ я,—пока о ней нечего и думать, такъ какъ либо онъ, либо я должны сперва выйти въ отставку; а тогда я не откажусь драться съ нимъ.

Товарищи Маврокордато рассказали вездѣ о своемъ свиданіи со мною и о предстоящей дуэли. Объ этомъ дошло до свѣдѣнія генерала Курты.

Великій князь былъ чрезвычайно разсерженъ и сказалъ, какъ мнѣ передавали:

— Это было бы отцеубійство; Колачковскій вѣдь заботился о немъ четыре года, какъ родной отецъ.

По приказанію великаго князя былъ назначенъ военный судъ, который приговорилъ князя Маврокордато и его секундантовъ къ исключенію изъ службы; приговоръ этотъ по моей просьбѣ былъ смягченъ великимъ княземъ, и они были переведены изъ гвардейской въ полевую пѣшую артиллерію.

Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ и смерти Н. В. Гоголя.

Предлагаемое письмо С. П. Шевырева къ М. Н. Синельниковой, двоюродной сестрѣ Н. В. Гоголя (дочери его родной тетки по матери, Екатерины Ивановны Ходаревской) о послѣднихъ дняхъ жизни знаменитаго писателя, хотя почти не заключаетъ въ себѣ новыхъ свѣдѣній, въ высокой степени интересно особенно въ настоящее время, когда воспоминается его кончина. Копія его находится въ бумагахъ покойнаго Н. Д. Мизко и хранится въ Обществѣ любителей Россійской Словесности. Бумаги эти въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ были пересмотрѣны и разобраны Е. С. Некрасовой, которая и указала намъ мѣстонахожденіе этого чрезвычайно любопытнаго письма.

Какъ видно изъ этого письма, С. П. Шевыревъ обращался къ своей корреспонденткѣ, какъ къ лично знакомой ему особѣ, но близко знать онъ ее не могъ, такъ какъ и самъ Гоголь, жившій большею частью за границей, очень мало зналъ ее. Въ 1842 г. 16-го іюня Гоголь спрашивалъ о ней свою сестру Анну Васильевну: «Оленькѣ» (сестрѣ ихъ Ольгѣ Васильевнѣ, здравствующей понынѣ) «скажи, чтобъ она написала мнѣ, что такое есть въ самомъ дѣлѣ дочь Катерины Ивановны, Марья Николаевна—какихъ качествъ?» ¹⁾. Но во время своего пребыванія въ Васильевкѣ, по возвращеніи въ Россію лѣтомъ 1848 г., Гоголь имѣлъ случай лично узнать М. Н. Синельникову, которую раньше могъ видѣть только дѣвочкой. Съ М. Н. Синельниковой у него была даже потомъ небольшая переписка, на что указываютъ слова его въ письмѣ къ матери отъ 10-го декабря 1848 г., гдѣ читаемъ: «Я къ Марьѣ

¹⁾ „Письма Н. В. Гоголя“, т. II, стр. 183.

Николаевнѣ Синельниковой писалъ и хотѣлъ бы знать, получила ли она письмо» ¹⁾).

И еще разъ встрѣчаемъ въ его перепискѣ упоминаніе о М. Н. Синельниковой: «Совѣтую тебѣ»—говоритъ онъ своей сестрѣ Аннѣ Васильевнѣ въ письмѣ отъ 3-го октября 1851 (это было собственно письмо къ матери): «если тебѣ ужъ очень соскучится зимой, то совѣтую тебѣ отправиться къ Марьѣ Николаевнѣ» ²⁾).

С. П. Шевыревъ—М. Н. Синельниковой.

Милостивая государыня Марья Николаевна!

Извините меня великодушно, что не отвѣчалъ немедленно на письмо ваше: заботы семейныя, болѣзни дѣтей отвлекли меня. Горестная утрата для всѣхъ насъ, любившихъ Николая Васильевича, была такъ внезапна, что до сихъ поръ намъ трудно опомниться. Считаю святымъ долгомъ исполнить желаніе ваше и передать вамъ все то, что самъ знаю и что узналъ отъ другихъ объ его болѣзни и кончинѣ.

За недѣлю до масленицы Николай Васильевичъ казался совершенно здоровымъ и бодрымъ. Въ теченіе всей зимы я радовался за него, что онъ хорошо выноситъ московскую зиму ³⁾, которой боялся. Нерѣдко обѣдалъ онъ у насъ, послѣ обѣда занимался со мною чтеніемъ корректуръ перваго и втораго тома своихъ сочиненій ⁴⁾, въ которыхъ онъ выправлялъ слогъ, а я правилъ подъ диктовку его. Другіе два тома печатались въ то же время. Въ послѣдній разъ занимались мы съ нимъ этимъ дѣломъ въ четвергъ передъ масленицей. Въ понедѣльникъ на масленицѣ пріѣхалъ онъ ко мнѣ въ пять часовъ вечера, чтобы сказать, что некогда ему теперь заниматься корректурами. Я и жена ⁵⁾ замѣтили пе-

¹⁾ „Письма“, т. IV, стр. 233.

²⁾ Тамъ же, стр. 405.

³⁾ Гоголь былъ глубоко убѣжденъ и говорилъ всѣмъ роднымъ и друзьямъ, что онъ съ трудомъ можетъ переносить сѣверную зиму, вслѣдствіе чего не разъ обращался съ просьбой къ правительству доставить ему возможность „проводить три зимніе мѣсяца въ году въ Греціи или на островахъ Средиземнаго моря“. („Письма Н. В. Гоголя“, т. IV, стр. 341). Зима 1849—1850, проведенная имъ съ Москвѣ, была для него очень тяжела (тамъ же, стр. 350). И въ послѣднюю зиму Гоголь поневолѣ былъ вынужденъ остаться въ Москвѣ: онъ строилъ планъ поѣздки въ Крымъ, но это не удалось (тамъ же, стр. 399). Покойная сестра его Анна Васильевна съ грустью сообщала намъ, что, послѣ тяжелой для ея брата зимы 1849 г., онъ не разъ говаривалъ, что, если ему придется еще зимовать на сѣверѣ, то онъ боится не пережить зимы. „Такъ и случилось!“ прибавляла Анна Васильевна.

⁴⁾ См. соч. Гог., изд. X, т. I, стр. 11 и слѣд.

⁵⁾ Софья Борисовна Шевырева.

ремѣну въ лицѣ его и спросили, что съ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что дурно себя чувствовалъ, и кстатѣ рѣшился попоститься и поговѣть. Я спросилъ его: «зачѣмъ же на масленой?» «Такъ случилось», говоритъ онъ: «вѣдь и теперь Церковь читаетъ уже: «Господи, владыко живота моего!» и поклоны творятся». На другой день, послѣ лекцій моихъ, я поѣхалъ къ нему и засталъ его на отъѣздѣ. Онъ жаловался мнѣ на расстройство желудка и на слишкомъ сильное дѣйствіе лѣкарства, которое ему дали. Я говорилъ ему: «но какъ же ты, нездоровый, выѣзжаешь? Посидѣлъ бы дня три дома, и прошло бы. Вотъ то-то не женатъ: жена бы не пустила тебя»; онъ улыбнулся этому, и между тѣмъ слова сбылись горькою правдою. Что въ мірѣ, какая дружба можетъ замѣнить отношенія матери, жены, сестры, брата? Имъ принадлежитъ прежде всего наша жизнь и здоровье, и они берегутъ его. Въ среду онъ опять былъ у меня. Казалось, ему лучше: лицо было спокойнѣе, хотя слѣды усталости какой-то были видны на немъ. Я приписывалъ ихъ посту. Въ среду онъ исповѣдывался, въ четвергъ причастился Святыхъ Тайнъ. Это было въ приходѣ у Погодина, въ церкви святаго Саввы Освященнаго, гдѣ живетъ его духовникъ. Вечеромъ онъ пріѣхалъ въ ту же церковь, чтобы отслужить благодарственный (sic) молебенъ. Изъ церкви заѣхалъ къ Погодину, который также замѣтилъ перемѣну въ лицѣ его и спросилъ его о томъ. Онъ вскорѣ уѣхалъ отъ него. Въ пятницу и субботу продолжалъ еще выѣзжать. Въ субботу былъ у Хомяковыхъ вечеромъ. Должно сказать, что смерть жены Хомякова, случившаяся почти внезапно, послѣ кратковременной болѣзни, поразила его очень: это была сестра Языкова, одного изъ лучшихъ друзей его ¹⁾. Вѣроятно, это событіе произвело въ немъ потрясеніе душевное. Между тѣмъ, какъ узнали мы послѣ, большую часть ночей проводилъ онъ въ молитвѣ, безъ сна. Въ одну изъ такихъ ночей, съ пятницы на субботу, молясь на колѣняхъ передъ образомъ, онъ услышалъ голоса, говорившіе ему, что онъ умретъ. Въ душевной тревогѣ онъ разбудилъ своего человѣка и послалъ его поскорѣе за священникомъ съ просьбой соборовать его масломъ. Когда священникъ пришелъ, онъ ужъ былъ спокойнѣе, извинился, что потревожилъ его, и отложилъ до другаго дня совершеніе таинства. Такая ночь не помѣшала ему быть на другой день у Хомякова.

Съ первой недѣли поста онъ пересталъ выѣзжать. Хозяева дома, графъ и графиня Толстые ²⁾, говѣли. Служба совершалась у нихъ дома.

¹⁾ Екатерина Михайловна Хомякова была родная сестра поэта Николая Михайловича Языкова.

²⁾ Графъ Александръ Петровичъ и графиня Анна Егоровна, у которыхъ жилъ тогда Н. В. Гоголь (на Никитскомъ бульварѣ, въ домѣ Талызина, нынѣ графини Шереметевой).

Онъ всякій разъ ходилъ на службу, слушалъ ее стоя и усердно молился. Графиня, видя, что это утомляетъ его, прекратила говѣнье. Мысль о смерти его не оставляла. Еще, кажется, въ первый понедѣльникъ ¹⁾ онъ позвалъ къ себѣ графа Толстаго и просилъ его взять къ себѣ его бумаги, а по смерти его, отвезти ихъ къ митрополиту и просить его совѣта о томъ, что напечатать и чего не напечатать. Графъ не принялъ отъ него бумагъ, опасаясь тѣмъ утвердить его въ ужасной мысли, его одолевавшей. Съ понедѣльника на вторникъ ночью онъ молился до трехъ часовъ на колѣняхъ предъ иконою.

Къ тремъ часамъ ночи разбудилъ мальчика своего Семена. Спросилъ его: холоднѣе ли въ той комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно занимался? Мальчикъ отвѣтилъ, что гораздо холоднѣе. Не послушался онъ убѣжденій его, чтобы лечь спать; одѣлся въ теплый плащъ; взялъ свѣчу и пошелъ въ кабинетъ, велѣлъ мальчику слѣдовать за собою, останавливался во всѣхъ комнатахъ и крестился. Пришедши въ кабинетъ, велѣлъ мальчику открыть трубу, но такъ осторожно, чтобы не разбудить ни одного человѣка. Между тѣмъ перебиралъ свои бумаги: нѣкоторые откладывалъ въ портфель, другія обрекалъ на сожженіе. Эти послѣднія велѣлъ мальчику связать трубкою и положить въ каминъ. Семенъ бросился на колѣни передъ нимъ и слезно убѣждалъ его не жечь ихъ, говоря ему, что онъ будетъ сожалѣть о нихъ, когда выздоровѣетъ. «Не твое дѣло!» отвѣчалъ онъ. Самъ зажегъ бумаги. Когда обгорѣли углы, огонь сталъ потухать. Мальчикъ обрадовался. Но Николай Васильевичъ замѣтилъ это, велѣлъ развязать связку, еще подложить огня и ворочалъ бумаги до тѣхъ поръ, пока онѣ не превратились въ пепелъ. Въ продолженіе всего сожженія онъ крестился.

По окончаніи дѣла, отъ изнеможенія опустился въ кресло. Мальчикъ плакалъ и говорилъ: «что вы это сдѣлали?» «Тебѣ жаль меня», сказалъ ему, обнявъ его, поцѣловалъ и заплакалъ самъ. Крестясь по-прежнему, возвратился онъ въ спальню, легъ на постель и горько заплакалъ. Поутру рано узналъ о происшедшемъ графъ Толстой и пришелъ къ нему. Онъ сознался ему въ томъ, что сдѣлалъ, и говорилъ о томъ съ раскаяніемъ, приписывая это дѣло вліянію нечистаго духа. «Хитеръ лукавый!» говорилъ онъ: «я хотѣлъ сжечь однѣ только ненужныя бумаги, и вмѣсто того сжегъ и нужныя». Тутъ выговорилъ онъ графу, зачѣмъ онъ не взялъ у него бумагъ по его просьбѣ. Изъ подробностей видно, что онъ сжегъ второй томъ «Мертвыхъ Душъ». Намѣреніемъ было у него раздать по главѣ каждому изъ друзей его. Кажется, сожжено также и объясненіе на Литургію. Изъ второго тома онъ

¹⁾ Т. е. въ понедѣльникъ на первой недѣлѣ поста (Гоголь скончался на второй недѣлѣ).

читалъ мнѣ лѣтомъ, живучи у меня на дачѣ, около Москвы, семь главъ ¹⁾). Онъ читалъ ихъ, можно сказать, наизусть по написанной канвѣ, держа окончательную отдѣлку въ головѣ своей. Изъ объясненія на литургію онъ читалъ мнѣ начало передъ отъѣздомъ на родину, куда не доѣхалъ. Обо всѣхъ подробностяхъ сожженія узнали уже послѣ его кончины.

Это событіе поразило всю Москву, и можно сказать, уже всю Россію. Бумаги его до сихъ поръ не открыты. Чтѣ осталось въ нихъ, еще не извѣстно.

Портфель съ ними онъ держалъ при себѣ до смерти. На первой недѣлѣ поста я въ рѣдкій день не навѣщалъ его. Но онъ тяготился моимъ присутствіемъ и всѣхъ друзей своихъ допускалъ на нѣсколько минутъ и потомъ отзывался сномъ, что ему дремлетъ, что онъ говорить не можетъ. Въ положеніи его, мнѣ казалось, болѣе хандры, нежели дѣйствительной болѣзни.

Докторъ Иноземцевъ опредѣлилъ состояніе его катарральнымъ и не находилъ въ немъ ничего важнаго.

Впрочемъ, Николай Васильевичъ отвергалъ всякое медицинское пособіе и врачу не вѣрилъ. Тутъ изъ разспросовъ слуги я въ первый разъ узналъ, что онъ лѣчился въ домѣ и каждое утро обвертывался мокрой простынею. Такъ было въ декабрѣ и генварѣ мѣсяцѣ. Онъ никогда не говорилъ мнѣ о томъ. Лѣченіе это было прервано. Потомъ возобновилъ его опять, но, обернувшись простынею, не согрѣвался. Видно, сильная простуда проникла въ него и произвела первую горячку. Такое лѣченіе было совсѣмъ не по его слабому сложенію. Я думаю, въ немъ заключалась главная причина его болѣзни. Когда я его разспрашивалъ о томъ, онъ сказалъ мнѣ, что лѣченіе освѣжило его силы и онъ чувствовалъ себя бодрѣе, но, конечно, это была искусственная бодрость. Онъ почти не хотѣлъ говорить о своей болѣзни; сказалъ мнѣ, что его постигла болѣзнь та самая, отъ которой умеръ отецъ его ²⁾, что нашель

¹⁾ Эти слова подтверждаютъ справедливость нашего заключенія, что въ письмѣ своемъ къ Шевыреву отъ іюля 1861 г. („Письма“, т. IV, стр. 393) Гоголь подъ словами: „Послѣднія главы втораго тома“ разумѣлъ не в а к л ю ч и т е л ь н ы я, какъ позагалъ Н. С. Тихонравовъ (Соч. Гоголя, изд. X, т. III, стр. 574, гдѣ сказано: „Изъ записокъ Шевырева видно, что двѣ послѣднія главы втораго тома „Мертвыхъ Душъ“ были настолько отдѣланы, что Гоголь рѣшился прочесть ихъ Шевыреву“), а послѣднія изъ написанныхъ (см. „Письма Гоголя“ т. IV, стр. 393, примѣч. 2-е, „Матеріалы для біографіи Гоголя“, т. IV, стр. 912, и Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1893 г., стр. 68).

²⁾ Гоголю и раньше верѣдо приходила мысль о сравненіи своего сложенія и недуговъ съ сложеніемъ и недугами его отца. Такъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову отъ 5-го іюня 1845 г. („Письма“, т. III, стр. 64) онъ говорилъ: „Отецъ мой былъ также сложенія слабаго и умеръ рано, угаснувши недостаткомъ собственныхъ силъ своихъ“ и проч.

на его (sic) страхъ смерти, но что отецъ Матвѣй, Ржевскій священникъ, котораго онъ очень уважалъ, успокоилъ его. Я засталъ его съ молитвенникомъ въ рукахъ; говорилъ ему, что онъ напрасно напрягаетъ умственные силы на молитву, что такая молитва требуетъ силъ тѣлесныхъ, что для больного довольно призванія имени Иисуса Христа. Но видно было, что весь онъ погруженъ былъ въ молитву, готовая торжественно къ переходу въ вѣчность.

Семенъ говорилъ мнѣ, что онъ ѣстъ очень мало, отказывается отъ всякой пищи и не принимаетъ бульону.

Я убѣждалъ его именемъ всѣхъ его любящихъ принять пищу, которая могла бы подкрѣпить его. Я говорилъ ему, что постъ — есть великая продолжительная наука, что намъ невозможно отъ обыкновенной сытной пищи вдругъ переходить къ воздержанію великихъ подвижниковъ церкви; что покусенія — самоубійство. Въ тотъ самый день, какъ приобщился онъ Святыхъ Тайнъ, я былъ у него, и со слезами, на колѣняхъ, молилъ его о томъ, но онъ какъ будто оскорбился такою просьбою; увѣрялъ меня, что ѣстъ весьма довольно. Между тѣмъ врачей онъ не хотѣлъ. Иноземцевъ самъ занемогъ въ это время. Я предлагалъ ему привезти Варвинскаго. Но онъ не захотѣлъ никого. Въ послѣдніе дни былъ при немъ знаменитый Оверъ и другіе, но уже всѣ усилія медицины были напрасны. На въ субботу, на въ воскресенье на второй недѣлѣ положеніе его не было опаснымъ. Я видѣлся съ графомъ Толстымъ и говорилъ съ нимъ о его состояніи. Графъ былъ спокоенъ и все болѣе и болѣе приписывалъ хандрѣ его. Въ понедѣльникъ утромъ я долженъ былъ до четырехъ часовъ провести время въ университетѣ. Послѣ обѣда вечеромъ готовился я къ лекціямъ; но вдругъ пріѣзжаетъ ко мнѣ Павловъ ¹⁾ и говоритъ, что Николай Васильевичъ утромъ соборовался елеемъ и что положеніе его находятъ безнадежнымъ. Пораженный какъ громомъ, я поѣхалъ къ нему въ девятомъ часу. Домъ былъ въ тревогѣ. Графъ съ разстроеннымъ лицомъ сказалъ, что надежды нѣтъ.

Утромъ больной снова исповѣдывался, приобщался Святыхъ Тайнъ и соборовался елеемъ, въ полной памяти, въ присутствіи всѣхъ умственныхъ силъ своихъ, съ сокрушеніемъ полного молитвой сердца, съ теплыми слезами. Вечеромъ положеніе его стало очень трудно; при немъ былъ и духовникъ его, и приходскій священникъ, котораго онъ очень уважалъ. Онъ убѣждалъ его принять медицинское пособіе, необходимое по совѣту докторовъ, но онъ не соглашался и, разъ, согласившись, со стономъ закричалъ: «не мучьте меня!» Мы были съ Погодинымъ около его комнаты. Графъ не впускалъ къ нему насъ, боясь

¹⁾ Николай Филипповичъ, извѣстный литераторъ.

испугать его появленіемъ многихъ лицъ. До одиннадцати часовъ почти пробылъ я у него и оставилъ спокойно заснувшимъ. Но самъ отъ сильной тревоги и отъ поздняго выѣзда простудился, занемогъ, легъ въ постель и весь горестный исходъ узналъ послѣ.

Въ послѣдніе дни онъ имѣлъ еще силы писать хотя дрожащею рукою. На длинныхъ бумажкахъ писать онъ большими буквами: «Аще не будете малы, яко дѣти, не внидете въ Царствіе Небесное!» Потомъ молитву Иисусу Христу противъ сатаны, чтобы Иисусъ Христосъ связалъ его неисповѣдимою силою креста Своего. Послѣднія слова, написанныя имъ, были: «какъ поступить, чтобы признательно, благодарно и вѣчно помнить въ сердцѣ полученный урокъ?»¹⁾ Къ чему относились эти слова—это осталось тайной.

Всѣ медицинскія пособія, ванны, пѣявки и проч. только нарушали спокойствіе послѣднихъ минутъ его. Онъ со стономъ подчинялся имъ и все просилъ, чтобы оставили его въ покоѣ. Однимъ изъ послѣднихъ словъ, сказанныхъ имъ еще въ полномъ сознаніи, были слова: «какъ сладко умирать!»

Послѣднюю ночь онъ былъ уже въ безпамятствѣ, не узнавалъ къ нему подходившихъ, бредилъ, дышалъ усиленно. Къ утру дыханіе стало рѣже. Въ четвергъ, 21-го февраля, въ восемь часовъ утра не стало нашего незабвеннаго друга и великаго художника. Печаль Москвы была всеобща. Плачъ окружалъ его гробъ. Молодежь Москвы вся была проникнута живой скорбію, и на рукахъ своихъ отнесли его до могилы. Многія извѣстныя лица Москвы шли за гробомъ до самаго кладбища. Собрана значительная подписка на надгробный памятникъ. Много портретовъ его вышло въ свѣтъ. Если желаете имѣть лучшіе, я могу прислать ихъ.

Сороковой день его кончины пришелся замѣчательнымъ образомъ на второй день Пасхи въ понедѣльникъ. Онъ такъ любилъ праздникъ Воскресенья, такъ глубоко понималъ его, и послѣднее его печатное слово было посвящено этому празднику²⁾.

Друзья и цѣнители покойнаго собрались въ Даниловъ монастырь. Тамъ отслужили заупокойную обѣдню и панихиду по душѣ его. Утѣшеніемъ было въ нашемъ горѣ—слышать воскресный колоколъ вмѣстѣ съ заупокойнымъ пѣніемъ. На могилѣ его, убранной зеленью и цвѣтами среди снѣга, мы слышали: «Христосъ воскрес!» Послѣ панихиды предложена была трапеза шестидесяти бѣднымъ и монашествующей братіи. Мы собрались въ кельяхъ архимандрита и передъ своею

¹⁾ Ср. „Письма“, т. IV, стр. 426—427 и Соч. Гоголя, изд. X, т. VI, стр. 454 и 804.

²⁾ Шевыревъ разумѣетъ здѣсь статью „Свѣтлый праздникъ“ въ „Перепискѣ съ друзьями“.

трапезою прочли его: «Свѣтлое Воскресеніе», которое всѣхъ тронуло до слезъ. Во время обѣда мысль сосредоточивалась на немъ; говорили о томъ, какой надгробный памятникъ поставить ему. Это будетъ крестъ на гранитномъ камнѣ. Двѣ надписи встрѣтили всеобщее сочувствіе. Одна относится къ нему, какъ къ писателю, и ваята изъ пророка Іереміи: «Горькимъ словомъ моимъ посмѣюся». Другая относится къ любимымъ мыслямъ послѣдняго десятилѣтія его жизни. Въ ней выражается сосредоточіе всѣхъ его мыслей: «Ей, гради, Господи Іисусе!» Помины происходили въ замѣчательный день: 30-го марта, по преданію Церкви, было распятіе Спасителя. Съ 31-го марта на первое апрѣля совершилось воскресеніе. 31-го марта мы поминали его.

Въ заключеніе моего плачевнаго разсказа позвольте мнѣ обратиться къ вамъ съ моею покорнѣйшей просьбой. Я полагаю бы написать біографію Николая Васильевича; кромѣ моего желанія собственнаго, Академія возложила на меня это порученіе. Вы можете мнѣ много содѣйствовать къ совершенію этого труда сообщеніемъ семейныхъ подробностей о покойномъ. Мы не знаемъ даже годъ его рожденія. Отъ васъ я буду ожидать этихъ свѣдѣній и прошу васъ о томъ всепокорнѣйше. День его рожденія 17-го генваря¹⁾. Я узналъ это въ Римѣ. Все, что относится къ его дѣтству въ домѣ родителей и въ семьѣ его, все это желательно собрать, и позвольте мнѣ надѣяться, что вы это на себя примете и сообщите мнѣ. Къ числу главныхъ матеріаловъ послѣдняго десятилѣтія его жизни принадлежатъ его письма. Если можете, соберите мнѣ тѣ, которыя онъ писалъ вамъ²⁾ и къ другимъ роднымъ своимъ, или, по крайней мѣрѣ, замѣчательные отрывки изъ нихъ. Этимъ много меня обяжете. Всего бы лучше—самыя письма; я бы списалъ съ нихъ копии и возвратилъ бы обратно съ благодарностью. Изъ писемъ его я могъ бы составить еще томъ къ его сочиненіямъ. Не хранятся ли гдѣ-нибудь у родныхъ его черновыя тетради его (sic) «Мертвыхъ Душъ» или другихъ сочиненій. Это было бы сокровище! Изданіе сочиненій его покаместъ остановилось. Для продолженія нужны два условія: разрѣшеніе высочайшее и довѣренность его наслѣдниковъ. Я радъ служить семейству покойнаго моего друга своими трудами, какъ служилъ ему въ изданіяхъ его.

Памятны мнѣ слова, сказанныя покойнымъ передъ гробомъ Хомяковой, у котораго собрались мы для слушанія панихиды: «Ничто не можетъ быть торжественнѣе смерти. Жизнь не была бы такъ прекрасна,

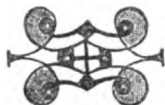
¹⁾ Это была ошибка. День рожденія Гоголя въ Римѣ праздновали также 27-го декабря. См. „Воспоминанія о Шевыревѣ“ М. П. Погодина и „Матеріалы для біографіи“, т. III, стр. 267.

²⁾ Письма Гоголя къ М. Н. Синельниковой, кажется, не сохранились, да ихъ и могло быть очень немного.

если бы не было смерти». Тогда, погруженный весь въ молитву, онъ готовился совершить этотъ переходъ въ вѣчность и совершилъ его какъ истинный христіанинъ и какъ вѣрный сынъ Церкви... Съ покойнаго сняли маску. Лицо его носило слѣды тяжелыхъ страданій болѣзни, но изъ этихъ страданій свѣтитъ добрая его улыбка и выраженіе его предсмертныхъ словъ: «Какъ сладко умирать!»

Примите, милостивая государыня, чувство моего глубочайшаго почтенія и преданности, съ коими имѣю честь быть вашимъ покорѣйшимъ слугою. Степанъ Шевыревъ. Москва, 2-го апрѣля 1852 г.

Сообщилъ В. И. Шенрокъ.

О переимѣнѣ времяисчисленія во флотѣ.

*Предложеніе управлявшаго министерствомъ юстиціи Правительствую
щему Сенату.*

26-го марта 1831 г. № 2890.

Г. Начальникъ главнаго морскаго штаба его императорскаго величества отъ 22-го сего марта сообщилъ мнѣ, что государь императоръ высочайше повелѣтъ изволилъ: вмѣсто существующаго нынѣ на російскомъ флотѣ морскаго времяисчисленія, начинающагося въ каждыя сутки съ полдня, т. е. двѣнадцатью часами послѣ начала гражданскихъ сутокъ, принять съ открытіемъ плаванія въ семъ году на всемъ Россійскомъ флотѣ обыкновенное гражданское времяисчисленіе, т. е. начиная каждыя сутки съ полночи.

О такомъ высочайшемъ повелѣніи имѣю честь предложить Правительствующему Сенату, присовокупляя, что оное, какъ видно изъ отношенія г. генералъ-адъютанта князя Меншикова, уже приведено въ надлежащее исполненіе по морскому вѣдомству.

Сообщилъ Г. К. Рѣпинскій.

а) съ собственниковъ домовъ и земель; б) съ арендаторовъ или жильцовъ,—оба пропорционально наемной платѣ; в) съ доходовъ, поступающихъ въ видѣ процентовъ и дивидендовъ; г) съ доходовъ отъ всякаго имущества, отъ торговли, свободныхъ профессій или другихъ источниковъ, и д) съ жалованья лицъ, состоящихъ на государственной службѣ. Налогъ взимается въ размѣрѣ 1 шилл. 2 пенс. съ одного фунт. стерл.

Относительно пенсій г. Вилленкинъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія. Общая сумма, идущая на уплату пенсій правительственнымъ служащимъ въ Соединенномъ королевствѣ, обыкновенно извѣстна подъ названіемъ «платежей по не дѣйствительной службѣ» и подъ этимъ названіемъ показывается въ государственной смѣтѣ расходовъ. Главныя начала, которыми руководствуются при назначеніи пенсій лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, заключаются въ слѣдующемъ: 1) пенсія выдается только тому, кто достигъ 60-ти-лѣтняго возраста, или остался за штатомъ вслѣдствіе упраздненія должности, или же потерялъ способность къ труду; 2) пенсія нѣкоимъ образомъ не выдается за службу менѣе 10 лѣтъ, но за каждый годъ службы уплачивается мѣсячный окладъ; 3) за каждый годъ службы, продолжавшейся 10 лѣтъ и больше, выдается $\frac{1}{60}$ годового оклада, съ тѣмъ, однако, чтобы общая сумма не превышала $\frac{2}{3}$ послѣдняго годового оклада. Кромѣ обыкновенныхъ пенсій бывшимъ чиновникамъ и чинамъ арміи и флота, имѣются еще особые виды пенсій,—такъ называемыя политическія, судебныя и пенсіи гражданского листа. Политическія пенсіи выдаются лишь лицамъ, занимавшимъ министерскіе посты и заявившимъ, что у нихъ не имѣется другихъ средствъ къ существованію; судебныя пенсіи выдаются судьямъ послѣ 15 лѣтъ службы; пенсіи гражданского листа выдаются разнымъ лицамъ, отличившимся на поприщѣ науки, литературы или искусства, а также и родственникамъ такихъ дѣтелей.

Питейная промышленность занимаетъ одно изъ главныхъ мѣстъ въ производствѣ и торговлѣ Великобританіи и касается трехъ отраслей: виноградныхъ винъ, спирта и пива. Раздробительная торговля находится въ рукахъ пивоваренныхъ и винокуренныхъ заводчиковъ. Пивоварамъ принадлежатъ въ Лондонѣ почти всѣ мѣста продажи питей, въ которыхъ торгуютъ сидъланцы, состоящіе на жалованьи или же получающіе извѣстный комиссіонный процентъ.

Въ 1900 году въ Англіи существовало 29.730 акціонерныхъ компаній съ оплаченнымъ капиталомъ въ 1.622.641.416 фунт. стерл. Минимальное число лицъ, требующееся по закону для составленія англійской акціонерной компаніи, состоитъ изъ семи. Это число акціонеровъ должно подписать заявленіе или меморандумъ, который записывается въ регистраціонной палатѣ и составляетъ главную основу

для законнаго существованія всякой акціонерной компаніи. Компаніи эти могутъ быть съ ограниченной отвѣтственностью, когда акціонеры отвѣчаютъ только въ суммѣ владѣемыхъ ими акцій, и съ неограниченной отвѣтственностью. Въ послѣднемъ случаѣ къ меморандуму обязательно должно быть приложенъ и уставъ компаніи, подписанный тѣми же лицами.

Въ Англіи существуютъ, кромѣ страхованія отъ огня и страхованія жизни, еще слѣдующіе виды: морское страхованіе; страхованіе отъ увѣчій, отъ нечестныхъ служащихъ¹⁾, отъ воровства со взломомъ, отъ падежа скота, грабительства, потери или порчи пассажирскаго багажа на желѣзныхъ дорогахъ и пароходахъ, отъ взрыва паровыхъ котловъ и проч.

Въ теченіе 1899 г. было спущено съ верфе-й Соединеннаго королевства 726 судовъ торг. ваго флота съ водоизмѣщеніемъ въ 1.416.791 тоннъ; изъ нихъ нарусныхъ было только 12; что касается матеріаловъ, изъ которыхъ были построены суда, то на первомъ мѣстѣ стоитъ сталь, затѣмъ желѣзо. Наибольше крупнымъ заказчикомъ была Германія, за ней слѣдуютъ Австро-Венгрія, Норвегія, Испанія и Данія.

Торговля отношенія между Великобританіею и Россіею юридически регулируются лишь трактатомъ, заключеннымъ этими государствами 12-го января 1859 г. На основаніи этого документа, состоящаго изъ 25 статей и имѣющаго силу по настоящее время, подданные каждаго изъ этихъ двухъ государствъ пользуются въ другомъ государствѣ тѣми же торгово-промышленными правами, какъ и мѣстные граждане, и ни одно изъ этихъ государствъ не можетъ ограничить права подданныхъ другаго государства, не ограничивъ, въ то же время, вообще права иностранныхъ подданныхъ. Дѣйствіе трактата 1859 г. продолжается до тѣхъ поръ, пока одна изъ подписавшихся сторонъ не дастъ заявленія о желаніи отнѣмъ его или только части его, и тогда срокъ его дѣйствія истекаетъ черезъ 12 мѣсяцевъ.

Изъ множества учебныхъ заведеній и курсовъ, находящихся въ Соединенномъ королевствѣ и имѣющихъ цѣлю распространеніе коммерческихъ знаній, выдѣляется Школа экономическихъ и политическихъ наукъ, съ 1898 г. присоединенная къ Лондонскому университету; въ ней преподаются, кромѣ политическихъ наукъ, банкирское дѣло, транспортное товаровъ, желѣзнодорожное хозяйство и администрація желѣзныхъ дорогъ и разныя другіе предметы коммерческаго характера.

Таково содержаніе интересной книги г. Вилленкина.

Н. К-ш-ъ.

¹⁾ Многія изъ торговыхъ фирмъ принимаютъ служащихъ лишь съ условіемъ, чтобы они представили гарантію страховой компаніи; размѣръ премій въ такихъ случаяхъ страхованія колеблется между 5 и 40 шиллингами на 100 фунт. стерл.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИНАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелле и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), **Н. И. Мамонтова** (Куанецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

 Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзыви о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

 Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по 8 рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по 9 рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала бесплатно.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIII-й.

І Ю Н Ъ.

1902 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Ѳеодоровны въ 1824 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ... 449—466	IX. Англійскій путешественникъ въ Россіи и его мнѣніе о русскомъ обществѣ. (1826 и 1827 гг.). Сообщилъ Н. С. Шукшинцевъ..... 575—578
II. Сперанскій въ Велікопольѣ и Пензѣ. (Изъ бумагъ акад. А. Ѳ. Бычкова). Сообщ. И. А. Бычковъ. 467—486	X. Письма В. А. Жуковскаго къ А. С. Стурдзѣ. Сообщ. В. Л. Модзалевскій. 579—588
III. Всеподданнѣйшій отчетъ графа М. Н. Муравьева по управленію сѣверо-западнымъ краемъ (съ 1 мая 1863 г. по 17 апрѣля 1865 г.)..... 487—510	XI. Записки баронессы Праксовьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщилъ князь А. Дадіанъ..... 589—610
IV. Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину..... 511—519	XII. Записка о Кіевскомъ университетѣ св. Владиміра въ 1838 году. Сообщилъ Г. Кунцевичъ..... 611—616
V. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина 521—540	XIII. Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. (По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ). А. Слескинского..... 617—628
VI. Николай Карловичъ Шильдеръ. (Некрологъ). Ред. и Ѳедора Шиманна. 541—548	XIV. 1838 годъ въ Петербургѣ. (По дневнику П. Г. Дивова)..... 629—651
VII. Русскіе на островѣ Готландѣ въ 1808 г. (Разсказъ секретаря магистрата въ Висбю, А. Моландера). Сообщила Екат. Ник. Янжулъ..... 549—552	XV. Записная книжка „Русской Старины“. Заѣтка о новомъ документѣ о Самозванцѣ. П. Пиранига. (стр. 520).
VIII. Польша въ 1814—1831 гг. (Изъ воспоминаній генер. Клементія Колачковскаго). 553—574	XVI. Библиографич. листокъ (на оберткѣ).

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщилъ И. А. Бычковъ.
2) Портретъ Николая Карловича Шильдера.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1902 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Вольная Подъяческая, № 39.
1902.

VI-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1902 года.

Digitized by Google

Библиографическій листокъ.

Луи де Сентъ-Обенъ. Тридцать девять портретовъ 1808 — 1825. Изданіе Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Михайловича.

Въ предисловіи къ этому вполне роскошному изданію издатель говоритъ, что часть этихъ портретовъ была уже издана въ 1813 году Вендрамини, но теперь это изданіе сдѣлалось библиографическою рѣдкостью, которую можно съ трудомъ достать у заграничныхъ антикваровъ, и то не въ полномъ видѣ. Къ портретамъ приложены краткія біографическія свѣдѣнія. Всѣ портреты написаны съ натуры въ періодъ великихъ Наполеоновскихъ войнъ 1812—1815 гг., и многіе являются новинкой, такъ какъ некогда еще не были воспроизведены. Одинъ списокъ этихъ портретовъ указываетъ на громадный интересъ изданія. Въ нихъ помѣщены портреты: императора Александра I, императрицы Елисаветы Алексѣевны, в. к. Константина Павловича, принцевъ Александра и Евгения Виртембергскихъ; принцевъ Гессенъ Филиппальскаго, Георга Ольденбургскаго, наследнаго принца Ольденбургскаго, Оравскаго и Вильгельма прусскаго; графа Армфельда, генераловъ: Багговута, кн. Багратиона, князя Барклая-де-Толли, графа Беннигсена, кн. Васильчикова, князей Витгенштейна, Воронцова, Голицына, Горчакова, гр. Дибича, Довре, гр. Кововничина, Кульнева, князя Кузубова, гр. Ламберта, гр. Орлова-Денисова, Писарева, гр. Платова, барона Розена, гр. Ростовчина, Сеславина, гр. Строгонова, гр. Тормасова, А. Фока, В. Фока, Уварова и гр. Чернышева.

Въ заключеніи предисловія говорится, что въ недалекомъ будущемъ предполагено заняться изданіемъ подробнаго собранія русскихъ портретовъ и миниатюръ, начиная съ эпохи императрицы Екатерины II до начала царствованія императора Николая I. Намъ остается только пожелать, чтобы Его Высочество не покидалъ своего намѣренія и скорѣе подарилъ всѣхъ интересующихся, такимъ драгоценнымъ изданіемъ, какъ и настоящее. Ред.

Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802 — 1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ, составленный начальникомъ отдѣленія канцеляріи Комитета Министровъ Н. А. Кислинскимъ, подъ главною редакціею статсъ-секретаря Куломзина. Томы первый и второй. С.-Петербургъ 1902 г.

Въ разсматриваемомъ нами историческомъ очеркѣ собранъ обильный фактический мате-

ріалъ по исторіи развитія нашей желѣзнодорожной сѣти (кромя свѣдѣній, относящихся до исторіи сооруженія Великой Сибирской дороги, которой, въ виду ея міроваго значенія, будетъ отведено особое изслѣдованіе); при чемъ по каждой отдѣльной дорогѣ приведены извлеченія изъ сужденій высшихъ государственныхъ учреждений, разсматривавшихъ вопросъ объ ея осуществленіи или дальнѣйшей эксплоатации, въ томъ числѣ—и многія сужденія Комитета Министровъ.

Съ самаго водворенія у насъ желѣзнодорожнаго строительства вплоть до послѣдняго времени, Комитетъ Министровъ не переставалъ принимать дѣятельное и непосредственное участіе въ обсужденіи важнѣйшихъ вопросовъ, касающихся желѣзнодорожнаго хозяйства. Первоначально кругъ этой дѣятельности не былъ вполне точно опредѣленъ: Комитетъ Министровъ участвовалъ въ разсмотрѣніи подобнаго рода вопросовъ наравнѣ съ другими специальными комитетами, одновременно учреждавшимися. Мало-по-малу было установлено болѣе точное разграниченіе компетенціи Комитета Министровъ и высшаго совѣщательнаго при особѣ монарха учрежденія по специально желѣзнодорожнымъ дѣламъ. Такъ продолжалось до 1874 года, когда, съ упраздненіемъ Комитета желѣзныхъ дорогъ, всѣ дѣла, подлежавшія его вѣдѣнію, были переданы въ Комитетъ Министровъ, въ которомъ, такимъ образомъ, сосредоточилось разсмотрѣніе всѣхъ, касающихся желѣзныхъ дорогъ, правительственныхъ мѣропріятій. Въ 1891 г. было образовано соединенное Присутствіе изъ Комитета Министровъ и департамента государственной экономіи Государственнаго Совѣта, существующее и понынѣ.

Первый томъ разсматриваемаго нами труда г. Кислинскаго заключаетъ въ себѣ исторію желѣзнодорожнаго строительства въ царствованіе Николая I и въ первую половину царствованія Александра II (до 1868 г.); во второмъ томѣ помѣщенъ обзоръ желѣзнодорожной политики въ послѣднюю половину царствованія Александра II (до 1881 г.).

1-го февраля 1842 г. императоръ Николай I, по ознакомленіи съ донесеніями вернувшихся изъ Америки инженеро-механиковъ Мельникова и Крафта, окончательно укрѣпившими его въ прежнемъ убѣжденіи о великомъ культурномъ и экономическомъ значеніи желѣзныхъ дорогъ,—объявилъ о принятіи имъ рѣшенія приступить къ постройкѣ рельсоваго пути отъ Петербурга до Москвы, съ принятіемъ расходовъ по проложенію линіи на счетъ Государственнаго Казначейства. Для заведенія сооруженіемъ этой дороги былъ образованъ спеціальный Комитетъ

НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧЪ
ШИЛЬДЕРЪ.

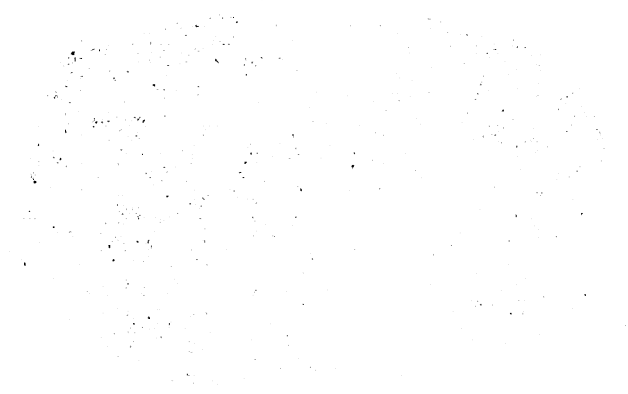

ИЧА

ОВИЧЪ
ГЪ ЗА-
Ъ ВЕ-
МАНІЮ
СТВО-
ПАЯСЯ
ПРО-

ОЕМЬИ
ДОСТ-
ДАЖЕ
СКАГО
О ДЛЯ
СКАГО
ЕЙНЫЕ
ПРУС-
ВСТУ-
ЫЧАЙ-
ЕСОВЪ
24 г.,

ИЙ, БУ-
ИТЬ ВЪ
БУДЯВЪ
НАСЕ-

Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Теодоровны въ 1824 году.

Въ 1824 году, 24-го іюля, великій князь Николай Павловичъ и великая княгиня Александра Теодоровна отправились въ заграничное путешествіе. На этотъ разъ желаніе доставить великой княгинѣ возможно спокойный переѣздъ въ Германію привело къ обратному результату. Погода не благопріятствовала морскому путешествію, и сильная буря, разразившаяся тогда надъ Балтійскимъ моремъ, обратила переѣздъ въ продолжительное почти сплошное мученіе.

Пребываніе великаго князя среди родственной королевской семьи сопровождалось, сверхъ того, еще разными происшествіями нерадостнаго свойства, грозившими нарушить семейный миръ и возбудить даже политическія страсти въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ прусскаго общества,—король Фридрихъ-Вильгельмъ III вступилъ неожиданно для семьи въ морганатическій бракъ съ графиней Гаррахъ (католическаго вѣроисповѣданія) ¹⁾, а съ другой стороны шли нескончаемые семейные переговоры по поводу настойчиваго желанія втораго сына короля, прусскаго принца Вильгельма (будущаго императора Вильгельма I), вступить въ бракъ съ княжной Елисаветой Радзивилъ. Все это необычайное сочетаніе политическихъ, религіозныхъ и семейныхъ интересовъ а также печальныя событія, ознаменовавшія въ Россіи исходъ 1824 г., нашли себѣ отголосокъ въ сообщаемой ниже перепискѣ.

Н. Шильдеръ.

¹⁾ Припомнимъ здѣсь, что въ это время наслѣдникъ прусскій, будучи женатъ на принцессѣ баварской, ввелъ уже католическій элементъ въ королевскую семью. Это обстоятельство сильно смущало пруссаковъ, возбудивъ безпокойство въ придворныхъ сферахъ и даже среди протестантскаго населенія королевства вообще.

I.

Письма великаго князя Николая Павловича къ императору Александру I.

1.

На рейдѣ противъ Ростка.

8-го (20-го) августа 1824 г.

Дорогой братъ. Уже два дня тому назадъ я запечаталъ письмо, чтобы увѣдомить васъ о нашемъ приѣздѣ, и задержалъ отправку его лишь въ томъ намѣреніи, чтобы послать его, когда мы вступимъ на землю; но какъ въ высшей степени справедливо говорить пословица: «человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ», неимѣніе хорошей карты мало посѣщаемыхъ ростокскихъ береговъ ввело насъ въ заблужденіе, и, вмѣсто того, чтобы бросить якорь на настоящемъ рейдѣ, мы остановились почти въ трехъ миляхъ отъ него. Мы вызывали сигналами лопмановъ, но они не явились, и только благодаря прибытію яхты великаго герцога Мекленбургскаго, который былъ столь внимателенъ, что послалъ ее къ намъ навстрѣчу, мы увидѣли свою ошибку; было слишкомъ поздно, чтобы мѣнять стоянку. На слѣдующій день, т. е., вчера, вѣтеръ былъ столь необычайно силенъ, что не было никакой возможности сняться съ якоря, а такъ какъ судно начало подаваться въ навѣтренную сторону, то мы были вынуждены отдать брамъ-стенги; этотъ мо-

I.

Письма великаго князя Николая Павловича къ императору Александру I.

1.

Le 8 (20) août 1824. En rade vis-à-vis Rostock.

Cher frère!

Il y a deux jours que j'avais déjà fermé ma lettre pour vous annoncer notre arrivée, et je n'avais gardé le courrier qu'avec l'intention de vous l'expédier au moment même où nous mettrions le pied sur terre; mais, comme le dit très justement le proverbe, l'homme propose et Dieu dispose, le défaut de bonne carte des côtes très peu fréquentées de Rostock nous a induit en erreur, et au lieu d'avoir jeté l'ancre à la rade véritable, nous nous étions arrêtés à près de trois milles en deçà; nous avons signalé des pilotes, mais ils n'arrivèrent point, et ce ne fut que par l'arrivée du yacht du Grand Duc de Mecklenbourg qu'il avait eu l'attention d'envoyer à notre rencontre, que nous reconnûmes notre erreur; il était trop tard pour changer de station; le lendemain, c. à. d. hier, le vent fut si extrêmement fort qu'il n'y eût aucune possibilité de lever l'ancre, et comme le vaisseau commençait à chasser dessus, nous fûmes forcés de bailler tous les perroquets; ce moment n'était pas des

ментъ быть не изъ особенно пріятныхъ, такъ какъ вѣтеръ и дождь налетали въ высшей степени сильными порывами и въ теченіе всего дня не было увѣренности, что судно удержится на якорѣ, и мы не будемъ выброшены на низкіе и песчаные берега, близъ которыхъ мы находились. Къ счастью, въ эту ночь вѣтеръ ослабѣлъ, а лоцмана, присылки которыхъ я послалъ просить у нашего консула, прибыли и рѣшили, что возможно сняться съ якоря; это удалось намъ, такъ какъ ко времени производства этого маневра вѣтеръ стихъ, и уже полтора часа какъ мы находимся въ надлежащемъ мѣстѣ и безопасности; завтра, въ десять часовъ утра я разсчитываю овести на берегъ жену.

Нашъ перѣздъ былъ очень долгій и, хотя все время вѣтеръ былъ противный, все обошлось очень счастливо; мы имѣли благопріятный вѣтеръ лишь до Гогланда, по эту сторону Ревеля; тамъ начались западные вѣтры и держались, съ нѣкоторыми, небольшими, измѣненіями въ силѣ, до Борнгольма; близъ Готланда выдался день съ очень сильными порывами вѣтра; день передъ нимъ и день послѣ него были спокойные. Подойдя близко къ острову Моён, мы пять дней крейсеровали передъ нимъ; такъ и не удалось найти возможности войти безъ опасности въ Бельтъ, потому что противный вѣтеръ былъ очень силенъ. Наконецъ, третьяго дня намъ, повидимому, удалось преодолѣть это затрудненіе, и казалось,

plus agréables, le vent et la pluie revenant par coups de vents d'une violence extrême, et n'étant pas sûr toute la journée, si à force de chasser sur les ancrs nous ne serions pas jetés sur les rives basses et sablonneuses près desquelles nous nous trouvions placés. Heureusement, cette nuit le vent baissa, et les pilotes que j'avais envoyé demander à notre consul, nous arrivèrent et décidèrent qu'il était possible de lever l'ancre; la chose nous a réussi, le vent étant tombé pour l'instant de la manœuvre, et il y a une heure et demie que nous sommes au véritable point et en sûreté;—demain, à 10 heures du matin, je compte faire débarquer ma femme.

Notre traversée a été bien longue, et quoique nous n'ayons eu que des vents contraires, tout s'est fort heureusement passé; nous n'eûmes bon vent que jusqu'à Hogland en deça de Reval; là les vents d'Ouest commencèrent et durèrent avec quelques petites variations de force jusqu'à Bornholm; près de Gotland nous eûmes une journée de coups de vent très violents, précédée et suivie de deux journées de calme. Arrivés près de l'île de Moën, nous fûmes cinq jours à croiser devant, sans pouvoir réussir à entrer sans risque dans le Belt, le vent contraire étant trop fort; enfin avant hier nous avons réussi, selon les apparences, à vaincre cette difficulté, et il paraissait que tout était fini, quand au

*

что все покончено, тогда какъ, напротивъ того, намъ предстояло подвергнуть свое терпѣніе сильному испытанію въ теченіе цѣлыхъ тридцати шести часовъ. Состояніе здоровья моей жены было хорошо, за исключеніемъ трехъ дней морской болѣзни, сильно утомившихъ ее; но удовольствіе быть такъ близко отъ своихъ излѣчило ее. Первые дни у нея было воспаленіе глазъ, что я приписываю сырости ея апартаментовъ въ Петергофѣ; въ настоящее время она отдѣлалась отъ него. Я отдѣлался тѣмъ, что дважды заплатилъ дань морю, а остальные изъ нашего транспорта были больны почти постоянно или же поочередно. Больные были даже среди экипажа, такъ какъ вѣтеръ, дѣйствительно, былъ очень силенъ. Я не могу, дорогой братъ, въ достаточной степени хвалиться передъ вами достойнымъ и почтеннымъ капитаномъ судна, которому вы благоволили довѣрить насъ. Вамъ извѣстно его усердіе; я осмѣливаюсь увѣрить васъ, что онъ превзошелъ себя, такъ какъ часто ему приходилось напрягать все свое знаніе и всѣ свои способности, чтобы справиться съ тѣмъ, что требовало его вниманія. Его въ высшей степени расшатанное здоровье еще болѣе поднимало значеніе того, что онъ дѣлалъ; вотъ пятнадцать ночей, проведенныхъ имъ безъ сна, несмотря на всѣ наши старанія заставить его поберечь себя; я я опасаясь, чтобы это не имѣло какихъ-либо послѣдствій для него. Соизвольте, до-

contraire nous eûmes 36 heures de forte patience à éprouver. La santé de ma femme a été bonne, sauf trois journées de mal de mer qui l'ont beaucoup fatiguée, mais le plaisir d'être si proche des siens l'a remise; les premiers jours elle eut une fluxion aux yeux, que j'attribue à l'humidité de ses appartements à Péterhof; elle en est quitte à cette heure. J'ai été quitte pour deux tributs, et le reste de notre transport a été malade presque toujours on à tour de rôle. Il y a eu même du monde de l'équipage malade, le vent étant vraiment très fort. Je ne puis assez vous recommander, cher frère, le digne et respectable capitaine de vaisseau auquel vous avez daigné nous confier; vous connaissez son zèle; j'ose vous assurer qu'il s'est surpassé, ayant eu souvent besoin de tout son savoir faire et de toute sa tête pour suffire à tout ce qui exigeait son attention; sa santé extrêmement délabrée rendait la chose encore plus méritoire; voilà quinze nuits qu'il a passé blanches, malgré tout ce que nous avons fait pour l'engager à se ménager, et je crains que cela n'aie des suites pour lui. Daignez lui donner quelque marque de contentement, cher frère; je me croirais ingrat envers lui, si je n'osais implorer ce bienfait pour quelqu'un qui sert depuis 29 ans comme officier, et toujours avec honneur. L'équipage était tout zèle; un peu plus d'habitude de la mer ne ferait pas de mal ni pour les officiers ni pour les marins.

рогой братъ, проявить ему какъ-нибудь свое благоволеніе; я считалъ бы себя неблагодарнымъ по отношенію къ нему, еслибы не осмѣлился умолять объ этомъ благодѣяніи для того, кто 29 лѣтъ служить офицеромъ и, притомъ, неизмѣнно съ честью. Экипажъ былъ—само рвеніе; нѣсколько болѣе привычки къ морю не повредило бы ни офицерамъ, ни матросамъ.

Письма изъ Доберана сообщаютъ, какъ будто бы король прусскій долженъ былъ прибыть туда третьяго дня; однако, я не могу утверждать это положительно; я оставляю это письмо незапечатаннымъ, чтобы отправить его завтра съ берега.

9-го (21-го) августа, Доберанъ.

Я кончаю это письмо здѣсь, дорогой братъ, чтобы имѣть возможность увѣдомить васъ о нашемъ благополучномъ сошествіи на берегъ. Мы прибыли въ Варнемюнде въ 11 $\frac{1}{2}$ ч.; король, наслѣдный принцъ, Фридрихъ Оранскій ожидали насъ тамъ съ Александриною, Павломъ, Карломъ и Луизой; это одно уже говоритъ вамъ, что моя жена счастлива! Виновики нашего счастья какъ постоянно, такъ и въ этомъ случаѣ—вы; да вознаградитъ васъ за это Богъ!

Я тороплюсь кончить; прощайте, дорогой и несравненный братъ; благоволите сохранить ваше расположеніе, вашу дружбу, вашу снисходительность къ тому, который на всю жизнь сердцемъ и душою, вамъ всецѣло преданный и покорнѣйшій братъ и подданный.

Des lettres de Doberan nous disent comme si le Roi de Prusse devait y arriver avant-hier; je ne puis cependant l'assurer pour positif; je laisse cette lettre ouverte, pour l'expédier demain de terre.

Le 9 (21) août, Doberan.

Je finis cette lettre ici, cher frère, pour pouvoir vous annoncer notre heureux débarquement; nous sommes arrivés à Warnemünde à 11 $\frac{1}{2}$; le Roi, le Prince Royal, Frédéric d'Orange nous y attendaient avec Alexandrine, Paul, Charles et Louise; c'est vous dire que ma femme est heureuse!—C'est vous qui êtes l'auteur de notre bonheur toujours et encore à cette occasion; que Dieu vous en récompense.

Je me hâte de finir; adieu, cher et excellent frère, daignez conserver vos bontés, votre amitié, votre indulgence à celui qui est pour la vie de cœur et d'âme,

cher frère,

Votre tout dévoué et très soumis frère et sujet
Nicolas.

2.

Веймаръ, 5-го (17-го) сентября 1824 г.

Дорогой братъ. Я ожидалъ прибытія перваго курьера, чтобы имѣть возможность написать вамъ такъ, какъ мнѣ хочется. Я начинаю съ принесенія вамъ моихъ пожеланій по случаю дня вашего ангела. Лишенный счастья быть возлѣ васъ въ этотъ день, я тѣмъ не менѣе былъ возлѣ васъ мысленно; и я горячо молилъ Провидѣніе, чтобы оно услышало молитвы, которыя возносились къ нему со всѣхъ сторонъ о сохраненіи васъ. Для меня было большимъ счастьемъ узнать черезъ матушку, что вы благополучно совершаете свое путешествіе, и что утомленіе, нераздѣльное съ подобнымъ образомъ жизни, не повліяло на ваше здоровье. Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о томъ; это долженъ былъ быть очень утомительный день для васъ; да хранить васъ небо!

Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ счастье писать вамъ, наши планы подверглись измѣненію. Такъ какъ время года теперь очень позднее, то врачи Доберана отсвѣтовали моей женѣ пользованіе морскими купаньями, и такъ какъ король очень сильно желалъ, чтобы моя жена

2.

Weimar, le 5 (17) septembre 1824.

Cher frère!

J'ai attendu l'arrivée du premier courrier pour pouvoir vous écrire à mon aise, cher frère;—je commence par venir vous offrir mes vœux à l'occasion du jour de votre fête; privé du bonheur d'être près de vous à ce jour, je n'en ai pas moins été près de vous en pensée, et c'est avec ferveur que j'ai prié la Providence d'exaucer les vœux qui s'adressaient à Elle de toute part pour votre conservation. C'est avec un grand bonheur que j'ai appris par ma Mère, que vous voyagez heureusement, et que la fatigue inséparable d'un pareil train de vie, n'avait pas influé sur votre santé. J'attends avec impatience vos nouvelles du 30; ç'aura été une journée bien fatigante pour vous; que le Ciel vous garde!

Depuis que je n'ai eu le bonheur de vous écrire, nos projets ont été modifiés; la saison ayant été très avancée, les médecins de Doberan ont déconseillé à ma femme l'usage des bains de mer, et le Roi ayant infiniment désiré avoir ma femme avec lui en Silésie, ce voyage fut décidé; après quelques jours de repos à Doberan, ma femme partit pour

была при немъ во время его поѣздки въ Силезію, то и было рѣшено совершить это путешествіе. Послѣ нѣсколькихъ дней отдыха въ Доберанѣ моя жена отправилась въ Потсдамъ; я пріѣхалъ въ Берлинъ нѣсколькими днями раньше ея, чтобы увидѣть конецъ производившейся близъ города примѣрной осады.

Мы въ тотъ же день отправились въ Силезію и 3-го сентября (22-го августа) пріѣхали въ Фишбахъ, помѣстье принцессы Вильгельмъ; для моей жены было большимъ счастьемъ увидѣться съ нею, такъ какъ она любитъ ее, какъ мать. Мѣстность, очень гористая, какъ разъ то, что она любитъ; поэтому она была какъ нельзя болѣе счастлива. Вся семья собралась тамъ 5-го числа, за исключеніемъ бѣднаго Вильгельма, котораго, вслѣдствіе сосѣдства Радзивиловъ, держали вдали подъ предлогомъ смотровъ его корпусу. Король провелъ тамъ 6-е, а 7-го уѣхалъ въ Лигницъ; мы послѣдовали за нимъ въ тотъ же день вечеромъ. На слѣдующій день, 8-го, былъ смотръ 5-му корпусу.

Такъ какъ моя жена должна была присутствовать при всемъ этомъ, то въ первый же день она такъ устала, что послѣ громаднаго обѣда была вынуждена остаться у себя, съ совершенно разстроенными нервами. На слѣдующій день я заставилъ ее остаться утромъ у себя, на что король взглянулъ не особенно благосклонно; но такъ какъ я выдвинулъ впередъ доктора, то это удалось мнѣ, и, благодаря этому, моя старушка совершенно оправилась и съ тѣхъ поръ могла очень хорошо перенести всѣ другіе дни, столь же утомительные.

Potsdam; je la précédais de quelques jours à Berlin pour voir la fin du simulacre de siège près de la ville.

Nous partîmes ce jour même pour la Silésie, et arrivâmes le 22 août (3 septembre) à Fischbach, campagne de la princesse Guillaume; ce fut un grand bonheur pour ma femme de se retrouver avec celle qu'elle aime comme une mère; le pays, très montueux, est tout ce qu'elle aime, aussi était-elle heureuse au possible. Toute la famille s'y réunit le 5, hors le pauvre Guillaume que l'on tint éloigné sous prétexte de revues de son corps, à cause du voisinage de la famille Radziwil; le Roi y passa le 6 et repartit pour Liegnitz le 7; nous l'y suivîmes le même soir. Le lendemain 8 fut le jour de la revue du 5-e corps.

Comme ma femme a dû être de tout cela, le premier jour elle en fut si accablée, qu'après un énorme dîner elle fut obligée de rester chez elle, toute nerveuse; le lendemain je la fis rester le matin chez-elle, ce qui ne fut pas fort bien reçu du Roi; mais ayant mis le médecin en avant, je parvins à le faire, et cela suffit pour remettre ma vieille tout à fait, et depuis elle a pu fort bien supporter toutes les autres journées également fatigantes.

•

На слѣдующій день утромъ я готовился отправиться къ королю, чтобы поздравить его по случаю дня вашего ангела, дорогой братъ, когда его величеству было угодно самому пожаловать къ намъ; онъ перучилъ мнѣ передать вамъ увѣреніе въ нѣжнѣйшемъ расположеніи къ вамъ и всевозможныя пожеланія и сказать, какъ онъ дорожитъ сохранять навсегда нѣжную дружбу, связующую его съ вами. Вслѣдъ затѣмъ явился поздравить насъ весь корпусъ генераловъ и старшихъ офицеровъ, по принятому обычаю, съ гарнизонными оркестрами и барабанами. Въ тотъ же день вечеромъ мы пріѣхали въ Лиссу, гдѣ повторилось то же самое со стороны генерала Цитена и его корпуса.

На слѣдующій день утромъ король произвелъ близъ Лейтена смотръ 6-му корпусу. Послѣ того какъ король объѣхалъ фронтъ, взяли на караулъ, съ криками «ура» въ честь дня вашего ангела. Когда парадъ былъ конченъ, весь корпусъ построился въ одно громадное карре: пѣхота заняла три фаса, кавалерія и артиллерія—четвертый, и было совершено богослуженіе.

Былъ большой обѣдъ по случаю смотра: во время этого обѣда король провозгласилъ тостъ за ваше здоровье съ тѣмъ выраженіемъ, которое постоянно замѣчается у него, когда рѣчь заходитъ о васъ, дорогой братъ. На слѣдующій день было произведено большое строевое ученіе всему корпусу, на тѣхъ же основаніяхъ; все было выполнено въ порядкѣ и съ точностью...

Le lendemain matin, j'allais me rendre chez le Roi pour le féliciter pour votre fête, cher frère, quand il plut à Sa Majesté de venir chez nous; il me chargea de ses plus tendres amitiés pour vous, ainsi que de tous ses vœux, et de vous dire, combien il tenait à conserver toujours la tendre amitié qui l'unit à vous. Bientôt après, tout le corps des généraux et officiers-majors vinrent selon l'usage avec les musiques et tambours des régiments de la garnison pour nous féliciter. Nous arrivâmes le soir même à Lissa, où la même chose fut répétée par le général Ziethen avec son corps.

Le lendemain matin, le Roi passa la revue près de Leuthen du 6-me corps. Après que le Roi eût passé le front, on présenta les armes avec hourra pour célébrer votre fête. La parade finie, le corps alla se placer en un seul grand carré, l'infanterie faisant trois côtés, la cavalerie et l'artillerie le quatrième, et il y eut service divin.

Il y eut grand dîner de revues, le Roi y porta votre santé avec cette expression qu'on lui voit toujours quand il est question de vous, cher frère. Le lendemain il y eut grand exercice de ligne de tout le corps, d'après les mêmes principes...

Король въ тотъ же день вечеромъ уѣхалъ въ Бреславль; моя жена послѣдовала туда за нимъ, чтобы провести тамъ съ нимъ слѣдующій день, а затѣмъ вернуться оттуда къ принцессѣ Вильгельмѣ, а я направился въ Веймаръ, гдѣ и нахожусь уже два дня. Я нашелъ тамъ Анну и Вильгельма, отправляющихся въ Петербургъ; мы втроемъ стараемся уговорить Марію поѣхать туда же, и я еще не теряю надежды успѣть въ этомъ.

9-го (21-го), въ Берлинѣ.

Мы вернулись сюда сегодня; такъ какъ мы оба, Вильгельмъ и я, должны были отправиться въ Берлинъ, то третьяго дня мы выехали изъ Веймара и вчера вечеромъ нашли короля и всю семью въ Потсдамѣ.

Войска, собираемыя здѣсь для маневровъ, прибыли сегодня; три полка кавалеріи, въ томъ числѣ и тотъ, который носить мое имя, расположены лагеремъ близъ Шарлотенбурга; король смотрѣлъ, какъ они дефилировали, и посѣтилъ затѣмъ лагерь. Маневры начнутся послѣзавтра большимъ смотромъ, въ слѣдующіе два дня корпусные маневры, а 27-го, 28-го и 29-го двухсторонніе маневры. Его величество король приказалъ Вицлебену предложить мнѣ командовать однимъ изъ отрядовъ; я счелъ за лучшее просить короля освободить меня отъ этого, а

Le Roi partit le même soir pour Breslau; ma femme l'y suivit pour y passer le lendemain avec lui, et retourner ensuite chez la princesse Guillaume, et moi je pris la route de Weimar, où me voici depuis deux jours. J'y trouvai Anne et Guillaume en route pour Pétersbourg; nous nous évertuons à trois à décider Marie à prendre le même chemin et je ne perds pas encore l'espoir d'y réussir.

Le 9 (21), à Berlin.

Nous sommes revenus ici aujourd'hui; devant partir tous deux pour Berlin, Guillaume et moi, nous sommes partis avant-hier ensemble de Weimar, et hier soir nous trouvâmes le Roi et toute la famille à Potsdam.

Les troupes réunies ici pour les manœuvres sont arrivées aujourd'hui; les trois régiments de cavalerie, du nombre desquels est celui qui porte mon nom, sont campés près de Charlottenbourg; le Roi les a vu défilier et entra ensuite au camp. Les manœuvres commenceront après-demain par une grande revue, le lendemain et le surlendemain manœuvres de corps et le 27, 28 et 29 manœuvres en deux corps. Sa Majesté le Roi m'avait fait proposer par Witzleben de commander un des deux corps; j'ai cru bien faire en priant le Roi de m'en

если въ его намѣренія входить, чтобы я принималъ въ маневрахъ дѣйственное участіе, — разрѣшить, чтобы ужъ лучше я поступилъ подъ команду моего зятя.

12-го (24-го).

Вчерашній смотръ представлялъ въ высшей степени красивое зрѣлище. Сегодня былъ произведенъ корпусный маневръ...

Извѣстіе о смерти короля Людовика XVIII возбудило здѣсь большой интересъ къ тому, какія послѣдствія можетъ повлечь за собою это событіе; но, повидимому, начало царствованія Карла X будетъ болѣе мирнымъ, чѣмъ начало царствованія его покойнаго брата.

Я получилъ вчера извѣстія отъ Константина; онъ пишетъ мнѣ, что находить, что его женѣ нѣсколько лучше, но что она еще не раздѣлась совершенно со своей болѣзнью; онъ не большой сторонникъ эмской воды. Повидимому, онъ въ неизвѣстности относительно своего возвращенія въ Варшаву и не могъ намѣтить мнѣ времени, когда возвратится; поэтому я осмѣливаюсь просить васъ, дорогой братъ, разрѣшить мнѣ остаться здѣсь до того времени, пока я не узнаю объ его окончательномъ возвращеніи въ Варшаву.

Здоровье моей жены, слава Богу, очень хорошо и не возбуждаетъ во мнѣ никакого безпокойства. Вся семья и король въ частности поручаютъ мнѣ засвидѣтельствовать вамъ, дорогой братъ, ихъ почтеніе.

dispenser, et s'il était de son intention que j'y prenne une part active, de permettre que ce fut plutôt sous les ordres de mon beau-frère.

Le 12 (24).

La revue d'hier a été fort belle; aujourd'hui eut lieu la manœuvre du corps...

La nouvelle de la mort du Roi Louis XVIII avait excité ici beaucoup de curiosité pour les suites que cet événement pourrait avoir; mais il paraît que le commencement du règne de Charles X sera plus paisible que ne fut celui de son défunt frère.

J'ai reçu hier des nouvelles de Constantin; il me dit trouver sa femme un peu mieux, mais pas entièrement quitte de son mal; il n'est pas très partisan des eaux d'Ems. Il paraît incertain de son retour à Varsovie et ne m'a pas pu marquer le moment de son arrivée; j'ose donc vous prier, cher frère, de me permettre de rester ici jusqu'à ce que je sache son retour définitif à Varsovie.

La santé de ma femme va fort bien, grâce à Dieu, et ne me donne aucune inquiétude. Toute la famille et le Roi en particulier me chargent

Благоволите разрѣшить мнѣ съ своей стороны обнять васъ и умолять васъ сохранить мнѣ ваше расположеніе и вашу снисходительность, оставаясь на всю жизнь вашимъ преданнѣйшимъ и покорнѣйшимъ братомъ и подданнымъ.

3.

Берлинъ, 9-го (21-го) декабря 1824 г.

Дорогой братъ. Съ вечера третьяго дня я наслаждаюсь счастьемъ быть воалѣ моей жены; это постоянно бываетъ счастьемъ для меня, но въ данное время оно было двойнымъ, такъ какъ я нашелъ ее не въ такомъ хорошемъ состояніи, въ какомъ покинулъ; теперь она снова хорошо чувствуетъ себя.

Я былъ вынужденъ рѣшиться избрать дорогу на Варшаву и Ковно, потому что было невозможно думать проѣхать черезъ Пруссію и Курляндію, въ виду ужаснаго состоянія дорогъ; право, это превосходить всякое вѣроятіе. Поэтому было бы безуміемъ подвергать мою жену подобнымъ мукамъ; дорога черезъ Польшу, напротивъ того, хотя и болѣе долгая дорога, но представляетъ для насъ болѣе удобства, и, еслибъ нужно было остановиться, я предпочитаю сдѣлать это у насъ, чѣмъ на чужой сторонѣ. Я написалъ Константину, прося его устроить для насъ

de leurs hommages pour vous, cher frère; veuillez me permettre de vous embrasser pour ma part et de vous supplier de me conserver votre amitié et votre indulgence, étant pour la vie,

cher frère,

Votre tout dévoué et très soumis frère et sujet
Nicolas.

3.

Berlin, le 9 (21) décembre 1824.

Cher frère!

Depuis avant-hier soir, cher frère, je jouis du bonheur d'être près de ma femme; toujours c'est un bonheur pour moi, mais dans ce moment c'en a été un double pour moi, ne l'ayant pas trouvée aussi bien que je l'avais quittée; maintenant elle est de nouveau bien.

J'ai été obligé de me décider à prendre la route de Varsovie et Kovno, car il est impossible de songer de passer par la Prusse et la Courlande, vu l'état affreux des routes; d'honneur, cela surpasse toute idée... C'eût donc été folie que d'exposer ma femme à de pareilles fatigues; la route de Pologne, au contraire, quoique plus longue, nous offre plus de commo-

путешествіе насколько только возможно болѣе удобнымъ образомъ; какъ только вопросъ о нашемъ отъѣздѣ будетъ рѣшенъ, я буду имѣть счастье увѣдомить васъ объ этомъ черезъ курьера.

Я нашелъ короля очень счастливымъ, нашъ семейный кругъ, повидимому, такимъ же, какимъ я оставилъ его, за исключеніемъ лишь того, что въ комнатѣ находится одною личностью болѣе; впрочемъ, она никого не стѣсняетъ, и это-то я могу сказать въ похвалу ей. Общественное мнѣніе сумрачно, грустно, да, глубоко грустно,—и всѣ проникнуты опасеніемъ, что король не найдетъ того счастья, котораго онъ искалъ въ этомъ бракѣ. Да поможетъ ему Господь Богъ! Я вручилъ ему ваше письмо, дорогой братъ; онъ поручилъ мнѣ благодарить васъ за его содержаніе; онъ оставилъ за собою право, послѣ нѣкотораго размышленія, переговорить со мною по поводу приложенной записки. Я равнымъ образомъ выполнилъ ваши приказанія, касавшіяся всей семьи и, въ частности, очаровательной Элизы; увы, она все еще не беременна и въ довершеніе всѣхъ удовольствій, она слушаетъ обѣдню съ принцессой Лигницъ.

Благоволите разрѣшить мнѣ прибавить еще, дорогой братъ, что я былъ вынужденъ уполномочить Модена увѣдомить Гурьева о состояніи нашихъ путевыхъ финансовыхъ средствъ, чтобы повергнуть это на ваше благовозрѣніе и просить у васъ прощенія, что затрогиваю во-

dité, et s'il fallait s'arrêter, j'aime mieux le faire chez nous qu'en pays étranger. J'ai écrit à Constantin pour le prier de nous arranger le voyage aussi commodément que possible; sitôt que notre départ sera décidé, j'aurais le bonheur de vous en instruire par courrier.

J'ai trouvé le Roi fort heureux, notre cercle de famille en apparence tel que je l'avais quitté, excepté une personne de plus dans la chambre; du reste elle ne gêne personne et c'est ce que je puis dire à son éloge. L'opinion publique est morne, triste, oui, profondément triste, et tous dans la crainte de ne pas voir le Roi trouver le bonheur qu'il cherchait dans cette union. Que Dieu daigne l'assister. Je lui ai remis vos lettres, cher frère, il m'a chargé de vous remercier pour son contenu; il s'est réservé de me parler après quelques reflexions de la note incluse. Je me suis également acquitté de vos ordres pour toute la famille et particulièrement pour la charmante Elise; hélas, elle n'est toujours pas grosse et, comme agrément de plus, elle écoute la messe avec—la princesse de Liegnitz.

Veillez me permettre d'ajouter encore, cher frère, que j'ai dû autoriser Модена d'informer Gourief de l'état de nos finances de voyage,

прось, заговаривать о которомъ и надѣлать вамъ имъ постоянно стоять для меня усилій надъ собою; но я вынужденъ къ этому.

Сонизвольте продолжать мнѣ ваше драгоцѣнное расположеніе и дружбу, дорогой и несравненный братъ, и вѣрить, что они составляютъ счастье того, кто на всю жизнь, является вашимъ всецѣло преданнымъ, покорнѣйшимъ и вѣрнѣйшимъ братомъ и поданнымъ.

4.

Берлинъ, 15-го (27-го) декабря 1824 г.

Дорогой братъ. Лишенный счастья быть возлѣ васъ 12-го числа, я осмѣливаюсь лстать себя надеждою, что вы соблаговолите повѣрить, что, несмотря на это, хотя и издали, я былъ преисполненъ горячихъ пожеланій вамъ; я надѣюсь, что Провидѣнію будетъ угодно услышать насъ всѣхъ и, для нашего общаго счастья, надолго сохранить васъ. Виновики счастья, которымъ я наслаждаюсь вотъ уже около восьми лѣтъ, вы не можете сердиться на меня, если въ этотъ день я позволю себѣ говорить вамъ о вѣчной признательности, которую внушаютъ мнѣ ваши милости, и крайне наглядное доказательство которыхъ вы даете мнѣ въ настоящее время, когда мнѣ приходится пренебрегать своими обязанностями. Благоволите только быть увѣреннымъ, дорогой братъ, что, несмотря на всю радость, которую я испытываю оттого,

pour vous le soumettre et vous demander pardon de toucher à un article pour lequel il m'en coûte chaque fois d'ouvrir la bouche pour vous en importuner; mais j'y suis forcé.

Daignez me continuer vos précieuses bontés et amitié, cher et excellent frère, et croire qu'elles font le bonheur de celui qui est pour la vie, cher frère,

Votre tout dévoué, très soumis et fidèle frère et sujet-
Nicolas.

4.

Berlin, le 15 (27) décembre 1824.

Cher frère!

Privé du bonheur d'être près de vous le 12, j'ose me flatter que vous voudrez bien croire que mes vœux ne vous en étaient pas moins offerts avec ferveur, quoique de loin; j'espère que la Providence daignera nous exaucer tous et vous conserver longtemps pour notre bonheur commun. Auteur du bonheur dont je jouis depuis près de huit ans, vous ne pouvez m'en vouloir si, à ce jour, je me permets de vous parler de la reconnaissance éternelle que vos bontés m'inspirent et dont en ce moment, où je suis dans le cas du manquer à mes devoirs, vous me donnez un si

что нахожусь подлѣ той, которая составляетъ счастье моей жизни, сознание моей безполезности и невыполненія мною моихъ обязанностей составляетъ для меня предметъ невыносимой муки; въ особенности меня подавляетъ мысль, что я рѣшительно не могу представить себѣ ясно продолжительности моей бездѣтельности; одно утѣшаетъ меня, что по моемъ возвращеніи мое усердіе позволитъ мнѣ наверстать часть потеряннаго времени, если только подобная потеря вознаградима.

Курьеръ, котораго я отправилъ къ Константину, еще не вернулся; письмо же, которое я только-что получилъ отъ него, до прибытія къ нему моего курьера, сообщаетъ, между прочимъ, о непроѣздномъ состояніи дорогъ и объ его опасеніяхъ на счетъ нашего путешествія въ виду состоянія полноты моей жены; и всѣ путешественники, прибывающіе съ разныхъ сторонъ, только и рассказываютъ грустныя вещи; почти все время идетъ дождь и почти каждый день бываютъ такіе ураганы, какихъ здѣсь еще не видѣли. Было бы безуміемъ думать уѣхать, пока все это не кончилось; и вотъ, я нахожусь въ самой ужасной неизвѣстности!

Со времени послѣдняго письма мнѣ пришлось услышать, какъ различные лица отзывались по поводу женитьбы короля; такъ какъ все это честные люди и истинные слуги короля, то они плачутъ, убиваются и, въ концѣ концовъ, высказываютъ пожеланія, чтобы король не ошалея въ своемъ выборѣ и въ своихъ намѣреніяхъ. Достоверно, что, прежде

grand exemple. Daignez seulement être persuadé, cher frère, que malgré toute la joie d'être près de celle qui fait le bonheur de ma vie, le sentiment de mon inutilité et de l'absence de tous mes devoirs m'est un sujet de peine insupportable; l'idée surtout que je ne puis absolument voir clair dans la durée de ma fainéantise m'accable; l'idée seule me console, que mon zèle à mon retour pourra me faire regagner une partie du temps perdu, si pareille perte peut se réparer.

Le courrier que j'ai envoyé à Constantin n'est pas encore revenu; une lettre que je viens d'en recevoir avant la réception de mon courrier, me parle entre autre de l'état impraticable des routes et de ses craintes pour notre voyage, vu l'état d'embonpoint de ma femme; et tous les voyageurs arrivant de tous côtés ne font que des récits lamentables; il ne fait que pleuvoir, et presque chaque jour nous avons des ouragans d'une force sans exemple ici. Il serait folie que de songer à partir tant que cela dure; me voilà donc dans la plus cruelle incertitude!

Depuis ma dernière lettre j'ai eu l'occasion d'entendre parler divers individus sur le mariage du Roi; comme ce ne sont que d'honnêtes gens et de vrais serviteurs du Roi, ils pleurent, se désolent, et finissent par

тѣмъ мы узнали объ этомъ, король сдѣлалъ честь Витгенштейну, Шильдону и Витцлебену говорить съ ними о своемъ намѣреніи. Лишь послѣдній изъ нихъ осмѣлился прямо, но съ величайшей покорностью, высказаться королю противъ этого шага; король нисколько не разсердился на это, но снова спросилъ мнѣнія двухъ другихъ, а тѣ поступили какъ низкопоклонные люди; второй рѣшился отвѣтить, что король долженъ поступить такъ, какъ онъ полагаетъ это необходимымъ для своего счастья. Но не подлежить ни малѣйшему сомнѣнію, что король никогда не рѣшился бы на это, еслибы его не подтолкнулъ къ этому великій герцогъ Стрелицкій. Послѣ цѣлой недѣли, которую я провелъ здѣсь, я ничего не могу измѣнить въ томъ, что уже имѣлъ счастье высказать вамъ по поводу принцессы. Я считаю ее дѣйствительно хорошей личностью, очень простой, скромной, но совершенно ничтожной, на мой взглядъ, ея величайшее достоинство заключается въ томъ, что она никого не стѣсняетъ,—а это много для такого семейнаго круга, какъ нашъ здѣшній; никто не замѣчаетъ, что раньше ея не было. Ея католичество во всемъ этомъ несчастномъ дѣлѣ произвело одно изъ самыхъ дурныхъ впечатлѣній, такъ какъ утвердило публику во мнѣніи, что, разъ король не постѣснялся взять себѣ жену этого вѣроисповѣданія, то еще менѣе онъ будетъ настаивать на томъ, чтобы жена наследника престола перешла въ вѣру страны, — обстоятельство, которому придають

faire des vœux que le Roi ne se soit point trompé dans son choix et ses intentions. Il est positif qu'avant que nous eussions appris la chose, le Roi a fait l'honneur à Witgenstein, Schilden et Witzleben de leur parler de son intention; il n'y eut que le dernier qui avec la plus profonde soumission osa parler au Roi directement contre la chose; le Roi ne s'en fâcha point, mais redemanda l'avis des deux autres, qui firent les chiens couchants; le second osa répondre que le Roi devait faire ce qu'il supposait nécessaire pour son bonheur. Mais il est hors de doute que le Roi ne s'y serait jamais décidé, si ce ne fut le Grand Duc de Strélitz qui ne l'y eut poussé. Depuis les huit jours que je suis ici, je ne puis rien changer à ce que j'ai déjà eu le bonheur de vous marquer au sujet de la princesse. Je la crois vraiment bonne personne, très simple, modeste, mais insignifiante tout à fait; son plus grand mérite est, à mes yeux, de ne gêner personne, et c'est beaucoup pour un cercle de famille comme est le nôtre ici; personne ne remarque qu'elle n'y eut pas été précédemment. Sa catholicité a produit un des plus mauvais effets de toute cette malheureuse affaire, ayant confirmé le public dans l'idée que puisque le Roi ne se faisait plus de scrupule à prendre pour sa femme une personne de cette croyance, bien moins encore insisterait-il à ce que la Princesse Royale passe à la croyance du pays, chose à laquelle,

значение, чрезмѣрное для страны, слывущей за вѣротерпимую. По тѣмъ же основаніямъ, мѣстные католики сильно торжествуютъ и радуются; однимъ словомъ, это вопросъ несравненно болѣе серьезный, чѣмъ, повидимому, предполагали сначала.

5.

23-го декабря 1824 г. (4-го января 1825 г.).

Послѣдній разъ, когда я писалъ вамъ, дорогой братъ, я былъ въ ожиданіи отвѣта отъ моего брата по поводу возможности ѣхать варшавскимъ трактомъ; къ сожалѣнію, онъ былъ таковъ, что на время лишилъ меня всякой возможности думать объ этомъ, такъ какъ, по его словамъ, дороги ужасны. Курьеръ, который прибылъ къ намъ вчера изъ Петербурга и который ѣхалъ черезъ Ковно и Кѣнигсбергъ, говорить, что эта дорога ужасна и хуже, чѣмъ остальная часть пути; у насъ каждый день лишь ураганы и ливни; все распускается и зеленѣетъ—однимъ словомъ, одна грусть.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появилось небольшое сочиненіе въ двухъ томахъ о походѣ въ 1813 и 1814 годахъ такъ-называемой силезской арміи; оно производитъ большую сенсацію и написано генераломъ Мюфлингомъ, хотя онъ и не названъ; я только-что прочелъ его; оно показалось мнѣ очень интереснымъ, безпристрастнымъ и написаннымъ такъ, какъ военное сочиненіе, по моему мнѣнію, должно быть

pour un pays soi-disant tolérant, l'on tient outre toute conception, Les catholiques du pays, dans la même idée, triomphent et se réjouissent beaucoup; en un mot, c'est un point beaucoup plus grave que l'on ne l'avait d'abord supposé.

5.

Le 23 décembre 1824 (4 janvier 1825).

La dernière fois que je vous écrivais, cher frère, j'étais dans l'attente de la réponse de mon frère au sujet de la possibilité de partir par le chemin de Varsovie; malheureusement, elle a été telle à m'ôter toute possibilité pour le moment d'y songer, car il dit les routes horribles. Le courrier que nous avons reçu hier de Pétersbourg et qui est venu par Kovno et Königsberg, dit cette route affreuse et pire que le reste de la route; nous n'avons tous les jours que des ouragans et des averses; tout pousse et verdit—enfin, c'est une désolation.

Il a paru, il y a quelques mois, un petit ouvrage en deux petits volumes sur la campagne de 13 et 14, de l'armée dite de Silésie, qui fait grand bruit; il est écrit par le général Müffling, mais sans le nom-

написано; языкъ точный, лаконическій и въ высшей степени ясный, интересъ постоянно возрастающій. Я взялъ на себя смѣлость послать вамъ его и отмѣтилъ одно мѣсто, которое прошу васъ прочесть; вы увидите, что воспоминаніе о вашихъ благодѣяніяхъ человѣчеству сохраняется всѣми тѣми, которые имѣли счастье быть свидѣтелями ихъ.

27-го — 28-го.

Такъ какъ пріѣздъ князя Волконскаго замедлил отправку курьера, то я пользуюсь этимъ, чтобы приписать еще нѣсколько словъ къ моему письму. Я надѣялся получить возможность сообщить вамъ о рѣшеніи короля относительно дѣла Вильгельма, но до настоящаго времени король не сдѣлалъ мнѣ чести заговорить со мною объ этомъ. Все, что я знаю объ этомъ, я знаю отъ самого Вильгельма, къ которому король послалъ Вицлебена съ запиской, которая была вручена мнѣ, чтобы сказать ему, что онъ ничего болѣе не можетъ сдѣлать для него и что онъ желалъ бы, чтобы Вильгельмъ считалъ этотъ вопросъ исчерпаннымъ.

Князь Волконскій уѣзжаетъ отъ насъ завтра утромъ.

Прежде чѣмъ кончу, благоволите разрѣшить мнѣ принести вамъ мои пожеланія по случаю наступающаго новаго года; дай Богъ, чтобы во всѣхъ отношеніяхъ онъ былъ болѣе счастливъ для васъ, чѣмъ тотъ, который кончается теперь, и да услышитъ Господь Богъ наши молитвы.

mer; je viens de le lire; il m'a paru très intéressant, impartial et écrit comme il me paraît qu'un ouvrage militaire doit être écrit; le style est précis, laconique, d'une clarté extrême et d'un intérêt toujours croissant. Je prends la liberté de vous l'envoyer; j'ai marqué un passage que je vous prie de lire; vous verrez que le souvenir de vos bienfaits pour l'humanité est conservé par tous ceux qui ont eu le bonheur d'en être témoins.

Le 27 (8).

L'arrivée du prince Volkhonsky ayant retardé le départ du courrier, j'en profite pour ajouter encore quelques mots à ma lettre. J'avais espéré pouvoir vous faire part des résolutions du Roi au sujet de l'affaire de Guillaume, mais jusqu'ici le Roi ne m'a pas fait l'honneur de m'en parler; tout ce que j'en sais, n'est que par Guillaume lui-même, auquel le Roi a envoyé Witzleben avec la note dont j'étais chargé, et pour lui dire, qu'il ne pouvait plus rien faire pour lui, et qu'il désirait que Guillaume regarde l'affaire comme terminée.

Le prince Volkhonsky nous quitte demain matin.

Avant que de finir, daignez me permettre de vous offrir ici mes vœux pour l'année prochaine,—puisse-t-elle sous tous les rapports être

По отношенію же ко мнѣ лично дай Богъ, чтобы я своимъ усердіемъ наверсталъ потерянное время и доказать вамъ, что, только основываясь на сердцѣ и душѣ, я и осмѣливаюсь, дорогой братъ, называть себя вашимъ всецѣло преданнымъ и покорнѣйшимъ братомъ и подданнымъ.

plus heureuse que celle qui se termine ne l'a été pour vous, et que Dieu veuille entendre nos prières. Puissé-je pour mon particulier regagner par mon zèle le temps perdu et vous prouver que c'est de cœur et d'âme que j'ose me nommer,

cher frère,

Votre tout dévoué et très soumis frère et sujet
Nicolas.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ.

(Изъ бумагъ академика А. Θ. Бычкова).

Въ петербургской администраціи, ко времени пріѣзда Сперанскаго въ Великополье (въ концѣ 1814 г.), сверхъ перемѣнъ, происшедшихъ съ главными врагами бывшаго государственнаго секретаря¹⁾, перемѣнилось и многое другое,—читаемъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго».—Въ Государственномъ Совѣтѣ и Комитетѣ министровъ, при погребеніи князя Николая Ивановича Салтыкова, заступившемъ мѣсто графа Румянцева, всѣмъ распоряжался бывший нѣкогда сослуживцемъ Сперанскаго, а потомъ оберъ-прокуроромъ въ Сенатѣ, Петръ Степановичъ Молчановъ. Отецъ его управлялъ гдѣ-то имѣніемъ князя Куракина и записалъ сына въ его генераль-прокурорскую канцелярію. Мальчикъ удался; онъ отличался не одними дѣловыми знаніями, но и большимъ просвѣщеніемъ и свѣтскою любезностію, а, наконецъ, приобрѣлъ и большое состояніе, женившись на дочери богатаго сенатора Ивана Ивановича Кушелева, родной племянницѣ и одной изъ наслѣдницъ екатерининскаго фаворита Ланскаго²⁾. Въ описываемую эпоху, Молчановъ, при очень двусмысленной репутаціи касательно его

¹⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., май, стр. 244—249.

²⁾ „Сіе приобретѣнное имѣніе—пишетъ Вигель—началъ онъ слишкомъ много и скоро умножать благопріобрѣтеннымъ, безпрестанно строилъ огромные дома, покупалъ деревни, и тѣмъ возбуждалъ завистливое вниманіе петербургской публики. Несмотря на то, вся она бросилась на славные балы, которые началъ онъ давать“ (Записки Вигеля, часть IV, Москва. 1892, стр. 130).

правиль, былъ одновременно сенаторомъ, статсъ-секретаремъ въ Комиссіи прошеній и управляющимъ дѣлами Комитета министровъ; сверхъ того, Салтыковъ ничего не дѣлалъ безъ него, при бездарномъ Оленинѣ, и по Государственному Совѣту. Около этого же времени министр юстиціи И. И. Дмитріевъ, по какимъ-то неудовольствіямъ съ тѣмъ же Молчановымъ, вышелъ въ отставку, и Салтыковъ, или, лучше сказать, опять-таки тотъ же Молчановъ, вспомнилъ о старинномъ коноводѣ подъяческой партіи, Трошинскомъ ¹⁾, который, живя въ полтавскихъ своихъ имѣніяхъ, былъ тамъ, по выбору дворянства, губернскимъ предводителемъ.

Александръ, несмотря на прежнія свои предубѣжденія противъ этого старика, согласился замѣстить имъ Дмитріева. Указъ о назначеніи Трошинскаго министромъ юстиціи былъ подписанъ 30-го августа 1814 г., т. е. наканунѣ дня, когда прежнему его подчиненному объявлено было позволеніе переѣхать изъ Перми въ Великополье. Но Трошинскій питалъ къ Сперанскому уже не прежнія чувства. И новый министр юстиціи, и другіе враги Сперанскаго, которыхъ оставалось еще немало, боялись, что переводъ его въ деревню, по близости къ столицѣ, есть только первый шагъ, за которымъ вскорѣ послѣдуетъ полное возвращеніе милости. Въ то именно время соображались въ Петербургѣ мѣры къ исправленію указа 1809 года объ испытаніяхъ на гражданскіе чины. Отмѣны его воѣхъ настоятельныѣ требовалъ Трошинскій, который, изливаясь въ горькихъ порицаніяхъ прежняго любимца государева, обнаружилъ, при этомъ, и внутреннее свое безпокойство. «Тотъ,—говорилъ онъ гласно въ Комитетѣ—кто виновникъ этого несчастнаго указа, пріѣхалъ уже въ Новгородъ; вѣроятно, онъ скоро будетъ и сюда ²⁾». Такого же мнѣнія была и большая часть петербургской публики ³⁾. Но, вопреки этимъ предположеніямъ, Сперанскому суждено было провести въ Великопольѣ почти два года.

Чѣмъ далѣе подвигалось впередъ время, тѣмъ болѣе терзали Сперанскаго продолжавшіяся подозрѣнія публики, какъ бы оправдываемыя долговременностію самой ссылки; терзало, вѣроятно, отсутствіе государственной дѣятельности послѣ прежняго огромнаго поприща; терзали, наконецъ, и помыслы честолюбія. Въ іюлѣ 1816 года онъ отправилъ, черезъ Аракчеева, къ императору Александру письмо, въ которомъ

¹⁾ Записки барона Г. А. Розенкампа.

²⁾ Письмо П. Г. Масальскаго, отъ 19-го ноября 1814 г., на основаніи разсказа графа В. П. Кочубея (см. „Дружескія письма М. М. Сперанскаго къ П. Г. Масальскому“, Спб. 1862 г., стр. 54).

³⁾ Записки Л. И. Голенищева-Кутузова.

именемъ правосудія и милости умолялъ государя обратить вниманіе на судьбу его ¹⁾).

Но, вѣроятно, еще прежде того, Сперанскій пытался доставить государю это самое или подобное по содержанию письмо черезъ графа В. П. Кочубея. По крайней мѣрѣ, сохранился нижеслѣдующій отвѣтъ послѣдняго (отъ 27-го іюля 1816 года), потерявшаго въ то время сына и отправлявшагося на два года въ заграничный отпускъ:

«При самомъ отъѣздѣ моемъ пишу я къ вамъ, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, и, дѣйствительно, едва успѣваю только написать нѣсколько строкъ, столь измученъ я распоряженіями и приуготовленіями къ дальнему пути, предпринимаемому мною послѣ постигшаго меня самаго жестокаго несчастія. Я не имѣю нужды удостовѣрять васъ, сколь искренне участіе принималъ я въ положеніи вашемъ и сколь сокрушенъ былъ случившимся съ вами. Вы въ семъ не можете имѣть никакого сомнѣнія, зная чувства мои и сколь искренно всегда отдавалъ я справедливость и дарованіямъ вашимъ, и свойствамъ вашей души. Посему легко вы себѣ представить можете, что всякій подвигъ, какой бы я могъ сдѣлать въ вашу пользу, былъ бы для меня чрезвычайно пріятенъ, но я, по несчастію, никогда не имѣлъ къ тому случая. Со мною ни одинъ разъ и слова не было молвлено о васъ, да, правду сказать, и вообще я никогда не имѣлъ случая и ни о чемъ говорить; все то, что до меня относилось, состояло въ однихъ учтивствахъ; впрочемъ, я совершенно былъ удаленъ и отъ всякаго участія въ дѣлахъ, исключая гнилаго комитета ²⁾, въ коемъ первостатейный воръ Молчановъ ³⁾, подъ прикрытіемъ фельдмаршала князя Салтыкова и ничтожныхъ другихъ людей, дѣлалъ все, что хотѣлъ. Нынѣ, послѣ смерти сына моего, осыпанъ я былъ милостями, коиъ я и забыть не могу, а по обращенію со мною, вѣроятно, и могъ бы я представить письмо ваше; но г. Цейеръ ⁴⁾ пріѣхалъ ⁵⁾, какъ я уже простился и, слѣдовательно, какъ я уже не имѣлъ никакого средства къ свиданію. Я предлагалъ ему при письмѣ моемъ отправить ваше, но онъ нашелъ сіе неудобнымъ, и я думаю, что онъ довольно основательно судилъ. Вы представить себѣ не можете, сколько бы я былъ счастливъ участіемъ въ перемѣнѣ положенія вашего. Независимо отъ личныхъ, къ вамъ относящихся уваженій, я бы радъ былъ паче мѣры для дѣлъ возвращенію вашему. Скудость въ людяхъ чрезвычайная, и мы угрожаемся многими недѣлостями со стороны тѣхъ, кои нынѣ разными частями управляютъ. Акты ихъ

¹⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 106—110.

²⁾ Комитета министровъ.

³⁾ Управлявшій дѣлами Комитета министровъ.

⁴⁾ Францъ Ивановичъ Цейеръ, служившій при Сперанскомъ.

⁵⁾ Съ письмомъ Сперанскаго изъ Великополя.

не имѣють и первыхъ основаній школьныхъ, а о грамматикѣ и говорить нечего. Вы, можетъ быть, хотѣли бы знать мысли мои о томъ, могутъ ли имѣть успѣхъ настоящія ваши отношенія? По мнѣнію моему, это зависить все отъ минуты, и никто напередъ ни за успѣхъ, ни за неудачу ручаться не можетъ. Непріятелей вы имѣете кучу. Всѣ они боятся потерять, при ничтожествѣ своемъ, тотъ странный вѣсъ, который нынѣ по мѣстамъ своимъ имѣють. Они боятся видѣть въ дѣлахъ кого бы то ни было съ нѣкоторыми дарованіями, а изъ сего интриги, движенія, внушенія и пр. партій, кои всегда при дворѣ существуютъ и теперь дѣйствуютъ. Изъ числа людей, кои вамъ добра не желаютъ, Гурьевъ имѣетъ теперь большое вліяніе. Я сего никогда не пойму, послѣ того, что отъ самого государя о немъ я слышалъ. Тактику имѣетъ онъ особенную, которая ему довольно удастся. Меня увѣряли, что онъ жалуется на графа Аракчеева, точно такъ, какъ прежде жаловался онъ на Васильева, на Новосильцова, на васъ, на князя Салтыкова, на Тропинскаго. Графъ Аракчеевъ имѣетъ, сколько судить могу, дѣйствительно весьма хорошія намѣренія, но жаль, что иногда не умѣетъ онъ разбирать людей, такъ, какъ и вы разбирать ихъ не умѣли; напримѣръ, нынѣ, какъ слышу я, Оленинъ подлостями своими успѣлъ найти въ немъ ¹⁾, а вы, думаю, наконецъ, узнали Оленина и способности его. Я ѣду на два года, а можетъ быть и на долѣе, располагаясь изъ чужихъ краевъ пробраться въ деревни мои. Государь изъявлялъ мнѣ сожалѣніе, что удаляюсь я въ такое время, когда могъ бы я для дѣлъ внутреннихъ быть полезенъ, ибо намѣреніе его есть на оныя обратить непремѣнно вниманіе свое. Прощайте. Лошади мои уже приведены, и чрезъ полчаса не буду я въ Петербургѣ. Вѣрьте, что я искреннѣйшее приѣмлю участіе во всемъ томъ, что до васъ касается, и что я всегда пребуду душевно вамъ преданнымъ».

Аракчеевъ, къ посредничеству котораго обратился Сперанскій, былъ, въ эту эпоху, уже могущественнымъ временщикомъ. На страницахъ 111—117 втораго тома «Жизни графа Сперанскаго» былъ данъ очеркъ характеристики Аракчеева. Въ дополненіе къ ней вотъ еще нѣкоторые другіе черты и анекдоты, заимствованные изъ Записокъ статсъ-секретаря Марченка ²⁾.

При назначеніи Аракчеева военнымъ министромъ (въ 1808 г.) и первомъ приѣмѣ имъ, въ этомъ званіи, чиновниковъ новаго своего вѣдомства, онъ сказалъ имъ: «Я грамотѣ мало знаю. За мое воспитаніе батюшка заплатилъ 4 рубля мѣдью. Я долго уклонялся брать настоящее мѣсто,

¹⁾ Въ подлинникѣ, очевидно пропущено слово; вѣроятно: „покровителя“.

²⁾ См. „Русскую Старину“ 1896 г., т. 85, стр. 480, 481, 488, 490 и 491.

во государю угодно было непремѣнно меня опредѣлить. Мнѣ ничего не надо, а будетъ у насъ дѣло хорошо идти, вамъ вся награда».

Правило Аракчеева было: «Все гибни, лишь бы мнѣ блеснуть».

На одномъ сенатскомъ указѣ о производствѣ чиновниковъ за выслугу лѣтъ, онъ написалъ, обращая его въ свою канцелярію: «Поздравляю, чиновъ прибавилось, да прибавятся ли ума и способности!»¹⁾ Онъ сажалъ въ крѣпость безъ доклада государю и рвалъ именные указы, продержавъ ихъ нѣсколько лѣтъ безъ исполненія.

Аракчеевъ стоялъ такъ высоко въ царской милости отъ того, что никогда не хотѣлъ принять ни фельдмаршальскаго сана, ни Андреевскаго ордена, а съ пожалованнаго ему портрета государева возвратилъ назадъ брильянты. Онъ не хотѣлъ быть ни съ кѣмъ равенъ.

А вотъ вѣсти и изъ противнаго лагеря, именно изъ Записокъ юрьевскаго архимандрита Фотія, который душою былъ преданъ Аракчееву и самъ имѣлъ надъ нимъ нѣкоторую власть: «О графъ Аракчеевъ кратко сказать можно то одно, что онъ, по примѣру своихъ предковъ, былъ преданъ царю, церкви и отечеству: слово цареву для него было законъ. Царь Александръ изъ всѣхъ своихъ подданныхъ никого болѣе не любилъ, какъ графа Аракчеева, никто справедливѣе, точнѣе не исполнялъ царскихъ велѣній, какъ Аракчеевъ; ему одному всѣ дѣла государственныя, тайны сердца царскаго были болѣе откровенны и извѣстны, а по-сему самая императорская канцелярія съ тайными дѣлами вся была въ рукахъ его, всѣ дѣла о церкви и вѣрѣ въ сіе время ему же тайно ввѣряемы были дѣйствовать».

Замѣчательнѣе еще слѣдующій рассказъ объ Аракчеевъ въ Запискахъ графа Евграфа Ѳедотовича Комаровскаго, находившагося въ свитѣ государевой въ началѣ кампаніи 1812 года. Когда Шишковъ и Балашовъ представляли Аракчееву, что государю необходимо бы оставить армію и ѣхать въ Москву, и что въ этомъ только средство спасти отечество, Аракчеевъ возразилъ: «Что мнѣ до отечества, скажите мнѣ, не въ опасности ли государь, оставаясь долѣе при арміи?». Они ему отвѣчали, что, конечно, такъ, ибо если Наполеонъ атакуетъ нашу армію и разобьетъ ее, что тогда будетъ съ государемъ? А если разобьетъ Барклай, то бѣда еще не велика. Это заставило Аракчеева идти къ государю и упросить его на отъѣздъ изъ арміи. «Можно ска-

¹⁾ Въ pendant къ этому—пишетъ баронъ М. А. Корфъ—мы слышали изъ другаго источника еще слѣдующій анекдотъ. Разсердясь какъ-то на своего начальника штаба П. А. Клейнмихеля, онъ сказалъ ему при всѣхъ: „То-то, и сюда-то я тебѣ далъ, и сюда (указывая на обѣ стороны его груди, т. е. на Владимірскую и Аннинскую звѣзды), а сюда (указывая на голову) уже ничего не могъ дать“.

зять,—прибавляетъ Комаровскій—что душа и чувства графа Аракчеева совершенно царедворца: онѣ чужды любви къ отечеству» ¹⁾).

30-го августа 1816 года послѣдовалъ извѣстный указъ, коимъ Сперанскому повелѣвалось быть пензенскимъ гражданскимъ губернаторомъ ²⁾).

Если оглянуть однимъ общимъ взглядомъ переходы въ опалѣ Сперанскаго и фазы тогдашнихъ событій,—замѣчаетъ по поводу этого указа баронъ Корфъ въ дополнительныхъ замѣткахъ къ «Жизни графа Сперанскаго»—то нельзя не подмѣтить опять и здѣсь такого совпаденія эпохъ, которымъ снова подтверждается мысль, что его низверженіе было преимущественно—жертвою народному мнѣнію, или по крайней мѣрѣ мнѣнію тѣхъ классовъ, которые, въ то время, имѣли у насъ какое-нибудь мнѣніе. Пока грозныя опасности войны, рѣшавшей вопросъ быть или не быть Россіи, настоятельно требовали угожденія волѣ и мыслямъ общественнымъ (1812—1814 гг.), Сперанскій, какъ изверженный парія, томился въ заточеніи на рубежѣ Европы. Потомъ, когда военныя бури уюмкли, но въ умахъ еще отзывался ихъ гулъ и вишнія опасенія не совоѣмъ еще прекратились (1814—1816 гг.), несчастный изгнанникъ, хотя и былъ возвращенъ въ составъ гражданского общества, даже въ близость столицы, но еще не признавался достойнымъ быть снова допущеннымъ къ государственной дѣятельности; наконецъ, когда миновала надобность привязывать къ себѣ и, такъ сказать, обольщать народъ угодливостію его желаніямъ; когда правительство стало опять болѣе или менѣе равнодушнымъ къ общему мнѣнію; когда главные враги прежняго временщика исчезли съ поприща и все опять возвратилось въ обычную колею, тогда вдругъ, какъ бы какимъ-то чудомъ, всѣ причины къ подозрѣніямъ отпали, и Сперанскій, свергнутый безъ обвиненія и возстановленный безъ оправданія, явился снова «способнымъ и достойнымъ» къ продолженію службы! Послѣ этого не позволено ли прямо сказать, что «внимательное и строгое разсмотрѣніе», о которомъ говорилъ указъ, заключалось въ одной лишь перемѣнѣ внѣшнихъ обстоятельствъ.

Но почему въ указѣ было такое странное, явно бросавшееся въ глаза противорѣчіе? Если не оказывалось не только вины, но даже и убѣдительныхъ причинъ къ подозрѣніямъ, то почему тѣ лица, которыя прежде ихъ на себя навлекали, не были торжественно очищены, не были возстановлены въ прежнемъ, или соотвѣтственномъ ему достоинствѣ? Почему, напротивъ, требовалось дальнѣйшее еще

¹⁾ См. „Историческій Вѣстникъ“ 1897 г., т. 70, стр. 60.

²⁾ См. „Жизнь графа Сперанскаго“, т. II, стр. 119.

очищеніе и, въ видѣ способа къ тому, государственный секретарь низводился на степень губернатора, а статсъ-секретарь ¹⁾ — на степень вице-губернатора?—Потому, думаемъ мы, что Александръ чувствовалъ свою вину и не находилъ въ себѣ довольно твердости, можетъ быть и довольно великодушнаго самоотверженія, чтобы исполнѣе ее провозгласить и загладить; потому что, сдѣлавъ послѣднее, онъ какъ бы все-народно сознался въ пожертвованіи невиннымъ человѣкомъ единственно съ цѣлью уловить у м.ы.

Аракчеевъ, пересылая Сперанскому копію съ указа о назначеніи его пензенскимъ губернаторомъ, такъ заключилъ свое препроводительное письмо: «Государю императору пріятно будетъ, если вы, милостивый государь, отправитесь изъ деревни прямо въ назначенную вамъ губернію». Александръ—замѣчаетъ по этому поводу Корфъ,—виднo, еще страшился очной ставки съ тѣмъ, который такъ недавно, изъ осылки и униженія, призывалъ его «на судъ передъ Богомъ, въ вѣчной Его правдѣ!» (Пермское письмо). Не Аракчееву было противорѣчить въ томъ государю!

Въ Пензу Сперанскій прибылъ 20-го октября 1816 года.

Приводимъ нѣсколько любопытныхъ писемъ, полученныхъ Сперанскимъ по случаю назначенія его пензенскимъ губернаторомъ.

1. Отъ министра юстиціи Д. П. Трощинскаго, отъ 16-го октября 1816 года.

Милостивый государь мой Михайло Михайловичъ. Получивъ почтенное письмо вашего превосходительства съ извѣщеніемъ объ отправленіи вашемъ къ должности, высочайше вамъ вѣренной, и благодаря васъ за оное, я съ удовольствіемъ приѣмлю сей случай для принесенія вамъ, милостивый государь мой, искренняго привѣтствія со вступленіемъ вновь на путь государственнаго служенія, на которомъ извѣстныя достоинства ваши, конечно, возвратятъ вамъ въ полной мѣрѣ довѣренность монарха.

Вѣрите ваше превосходительство, что я никогда не увлекался никакими на счетъ вашъ толками, которыхъ, впрочемъ, человѣку, хотя нѣсколько отдѣляющемуся отъ круга людей обыкновенныхъ, избѣжать почти невозможно; но, зная васъ лучше другихъ, сохранялъ всегда неизмѣнное къ вамъ уваженіе, и по сему чувствованію пріятно мнѣ возобновить съ вами сношенія, какъ по службѣ, такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, гдѣ могу удостовѣрить васъ въ отличномъ почтеніи и совершенной преданности.

¹⁾ Магницкій тѣмъ же указомъ 30-го августа 1816 года былъ назначенъ воронежскимъ вице-губернаторомъ.

2. Отъ князя Александра Борисовича Куракина, отъ 23-го ноября 1816 года, изъ Петербурга.

Милостивый государь мой Михайло Михайловичъ. Какъ скоро узналъ я объ опредѣленіи вашего превосходительства къ управленію Пензенскою губерніею, къ которой принадлежу моимъ кореннымъ помѣстіемъ и многими пріятными воспоминаніями свободного, безмятежнаго времени жизни моей, и радовавшись, что тѣмъ возвращенъ вамъ способъ быть паки трудолюбіемъ и дарованіями вашими отечеству полезнымъ, поспѣшилъ я изъяснить вамъ, нарочнымъ моимъ письмомъ, мое искреннее въ томъ участіе и послалъ сіе письмо къ управляющему моими городищенскими деревнями, титулярному совѣтнику Колоколову для собственноручнаго врученія вамъ онаго по пріѣздѣ вашему въ Пензу, и его самого, какъ и вѣренныя ему дѣла мои осмѣлился тогда въ особое покровительство ваше препоручить. О немъ и о производимыхъ имъ дѣлахъ моихъ симъ паки принесенную вамъ просьбу мою возобновляю. Съ удивленіемъ вижу, что Колоколовъ, не поспѣша въ Пензу явиться при первомъ извѣстіи о вашемъ туды прибытіи для доставленія вамъ лично вышепомянутаго письма моего, оное исполнить до установленія лутчей дороги отложилъ. О семъ много скорблю, ибо чрезъ то оцѣнить могли бы вы первое движеніе души моей при перемѣнѣ вашего положенія! Но тѣмъ живѣе было мое удовольствіе получить сегодня письмо ваше, коимъ вы равномерно изъ собственного же побужденія меня отъ 7-го текущаго удостоили. Пріимите за оное и за всѣ изъявленія памяти и дружбы вашей чувствительную благодарность мою.

О случившейся съ вами неожиданности, во время еще бытія моего въ Парижѣ, никто, конечно, болѣе меня не сожалѣлъ, и никогда не отдѣлялъ я отъ васъ той совершенной, уважительной довѣренности, къ которой вы столько лѣтъ обращеніемъ со мною и отличностію способностей вашихъ меня пріучили. Сему вѣрьте, милостивый государь мой, какъ и тѣмъ чувствіямъ непоколебимаго почтенія и древней преданности, съ коими быть никогда не переставалъ вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Куракинъ.

3. Отъ бывшаго до 1810 г. государственнымъ казначеемъ Ѳ. А. Голубцова, отъ 5-го декабря 1816 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ получилъ я дружеское письмо ваше отъ 14 ноября, за которое и принятіе подъ покровъ вашъ управителя деревень моихъ, чувствительнѣйше васъ благодарю. Такъ, точно, милостивый государь мой Михайло Михайловичъ, я препровождаю жизнь спокойную и безмятежную, и если бъ иногда болѣзненные мои припадки, проистекающіе отъ долговременной и тяжелой службы, не тревожили меня, былъ бы еще покойнѣе. Я хочу открыть вамъ душу и надѣюсь,

что вы мое чистосердечіе примете съ доброй стороны. Въ первой годъ моей отставки винилъ я въ душѣ моей Михайла Михайловича¹⁾; но по прошествіи года, когда чадъ изъ головы вышелъ, когда мракъ, отягчавшій мои мысли, исчезъ, тогда не только не винилъ, но благодарилъ Михайлу Михайловича. При всегдашней моей ретивости и заботливости къ дѣламъ и по чувствительному моему характеру, не знаю, что бы со мною случилось; думаю, что меня бы на свѣтъ не было. Благодареніе Всевышнему Создателю за спасеніе меня. Мнѣ теперь 58-й годъ, подвигаюсь къ 60 годамъ, тѣмъ лѣтамъ, въ которыя должно обращать мысли болѣе къ вѣчности, нежели къ мірскимъ суетамъ. Меня теперь утѣшаютъ священныя книги, которыми занимаюсь.

Но вамъ, другъ мой Михайло Михайловичъ, рано помышлять о томъ: вы въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ; Богъ наградилъ васъ отличными дарованіями и способностями; несчастіе васъ научило, и вы должны служить государю и отечеству. Вамъ вѣрена судьба восьмисотъ тысячъ жителей мужскаго и женскаго пола, не считая дворянства и купечества; старайтесь приобрести довѣріе дворянъ: они всегда умѣли и умѣютъ цѣнить заслуги и дарованія. Обратите ваше вниманіе на казенныхъ крестьянъ; будьте имъ отцомъ и защитникомъ: они будутъ васъ благословлять, и имя ваше останется у нихъ незабвеннымъ; сему есть многіе примѣры: Оренбургъ никогда не забудетъ Ивана Ивановича Неплюева, Тобольскъ всегда будетъ имѣть въ твердой памяти Дениса Ивановича Чичерина, а Саратовъ вѣчно будетъ помнить Василя Сергѣевича Ланскаго. Вы можете, другъ мой Михайло Михайловичъ, добрымъ управленіемъ отличить себя и сдѣлаться достойнымъ милостей государя; и тогда пріѣзжайте къ намъ на дальнѣйшее поприще, чтобъ быть полезнымъ для цѣлаго государственнаго состава, ибо несчастіе болѣею частію утверждаетъ добрыя правила, чтó испыталъ я надъ собою, и доставляетъ государству полезныхъ членовъ. Фельдмаршалъ Минихъ гораздо полезнѣе былъ послѣ своего несчастія, нежели тогда, когда онъ въ счастья утопалъ. Я васъ замучилъ пространнимъ письмомъ, но простите мою болтливость: она происходитъ отъ искренняго сердца. Я скажу вамъ еще, что умная и почтенная графиня Шувалова, которая давно въ Римѣ находилась, скончалась; я сообщая объ ономъ для того, что вы всегда почитали и уважали графиню. Вѣрный вашъ слуга Федоръ Голубцовъ.

4. Отъ него же, отъ 21-го февраля 1817 г.

Благодарю васъ, Михайло Михайловичъ, за дружеское письмо отъ 23 генваря, благодарю чувствительно васъ за то, что вы меня изба-

¹⁾ Дѣйствительно, Сперанскій былъ виновникомъ низверженія Голубцова и замѣщенія его Гурьевымъ: это не осталось тогда ни для кого тайною.

вляете отъ церемоніальныхъ сношеній, которыя всегда бываютъ мнѣ въ тягость.

Не только я не въ претензіи, но даже прошу васъ, чтобъ бѣдной и многосемейной вашъ родственникъ помѣщенъ былъ въ страпчѣе, надѣясь на дружеское ваше общаніе, что по переводѣ его въ другое мѣсто Александровъ получить саранское мѣсто.

Всякой разъ, когда я услышу, что дворянство и всѣ весьма вами довольны въ Пензѣ, душевно тому радуюсь; я прежде увѣренъ былъ, что всѣ васъ полюбятъ.

Главные ваши непріатели: гр(афъ) Арм(фельдъ) и гр(афъ) Тол(стой) скончались; шуринъ сего послѣдняго, князь И(ванъ) И(вановичъ) Баря(тинскій), сказывалъ мнѣ, что онъ слышалъ отъ графа Толстаго, что вы никогда здѣсь не будете; я спрашивалъ причину и вину вашу; признаюсь, что сказанная имъ вина ваша не сообразна съ здравымъ разсудкомъ, и того, въ чемъ обвиняютъ васъ, не только не могло приходить вамъ на мысль, но даже полагаю, что во снѣ никогда не видали; словомъ, сіе совсѣмъ на васъ не похоже. Я думаю, что сіе не что иное, какъ вздоръ и зло изобрѣтенное.

Простите мнѣ, что я хочу опять подавать вамъ мои совѣты, но сіе происходитъ отъ искренней моей къ вамъ привязанности; я буду говорить примѣрами, на опытѣ мною дознанными. Старинные генералъ-губернаторы, то-есть нѣкоторые, благоразуміемъ своимъ успѣли описать къ себѣ любовь и привязанность отъ подчиненныхъ тѣмъ, что если кто изъ нихъ провинится, то они никогда публично не бранили и выговоровъ имъ не дѣлали, а, взявши въ кабинетъ, наединѣ наставляли, а иногда и добрую катку давали, но, вышедши изъ кабинета, ни малѣйшаго знаку о томъ не показывали и въ публикѣ обращались съ ними, какъ будто ничего не бывало. Послѣдуйте сему примѣру, и васъ будутъ бояться и любить.

Мой Платонъ Богдановичъ Огаревъ ¹⁾, будучи молодъ, овдовѣлъ, имѣя за собою своихъ болѣе тысячи, да жениныхъ болѣе двухъ тысячъ душъ крестьянъ, да отъ тещи останется, сколько мнѣ извѣстно, болѣе тысячи душъ; онъ не веселаго нрава и нѣсколько гипохондрикъ, но чело-вѣкъ крайне честной и самыхъ добрыхъ правилъ. Полюбите и приласкайте его, только разбудите его изъ гипохондрии и заставьте его просто и откровенно съ вами обходиться; вы меня симъ чувствительно обяжете; мнѣ его жаль, что онъ, при своихъ молодыхъ лѣтахъ и при такомъ состояніи, углубился въ задумчивость. Будьте здоровы и не забывайте меня. Ф. Голубцовъ.

¹⁾ Отецъ поэта Н. П. Огарева.

5. Отъ государственнаго контролера барона Б. Б. Кампенгаузена, отъ 2-го іюня 1817 года ¹⁾.

Въ первый разъ послѣ пятилѣтняго промежутка времени позволяю себѣ напомнить вамъ о себѣ. Я не замедлилъ бы воспользоваться этимъ удовольствіемъ, какъ только явилась возможность снова свободно переписываться съ вами, но страшныя боли, которыми я страдаю уже нѣсколько лѣтъ, этому препятствовали, боли, которыя лишили меня силъ тѣлесныхъ и душевныхъ. Прежде чѣмъ передавать вамъ о моихъ страданіяхъ, считаю необходимымъ выразить вамъ, на сколько меня трогали доходившія до меня, по временамъ, черезъ Цейера и Кремера, вѣсти о томъ, съ какою покорностію вы переносили всѣ бѣды и напасти, васъ постигшія! Терпѣнія для этого требовалось немало — я лично по себѣ это сужу, я, который съ покорностію несу крестъ, ниспосланный мнѣ Провидѣніемъ..... ²⁾.

Во время моей пѣздки по Крыму узналъ я въ Кафѣ о перемѣнѣ, происшедшей въ вашей судьбѣ, и такъ какъ я имѣлъ намѣреніе возвращаться черезъ Саратовъ, то я и льстил себя надеждою повидаться съ вами въ Пензѣ. Но Богъ судилъ иначе; послѣдніе два мѣсяца я очень былъ нездоровъ.....

Съ измощеннымъ тѣломъ и съ слабымъ здоровьемъ, какимъ пользуюсь я, нельзя быть увѣреннымъ за слѣдующій день и дѣлать планы на продолжительный срокъ. Это тѣмъ сильнѣе побуждаетъ меня напомнить вамъ о себѣ и выразить вамъ, что я навсегда сохраню глубокую признательность за ту дружбу, которую вы мнѣ оказывали въ то время, когда намъ приходилось часто видѣться. Мнѣ остается только пожелать вамъ, чтобы, по волѣ Провидѣнія, вы до конца жизни сохранили тѣ высокія свойства, которыя вы выказали въ постигшемъ васъ испытаніи, доказавъ ими на вашемъ примѣрѣ ту великую истину, что настоящее счастье заключается не внѣ насъ, а въ насъ самихъ.

Лѣтомъ 1817 года Сперанскій выписалъ въ Пензу и свою дочь. До ея пріѣзда онъ жилъ въ Пензѣ, по возможности, уединенно и чуждаясь свѣтскихъ развлеченій, въ свободные часы много ѣздилъ верхомъ, а остальное время проводилъ въ трехъ домахъ: Войцеховича, председателя тамошней гражданской палаты, Столыпинныхъ и Евреинновыхъ, гдѣ мать семейства была тоже урожденная Столыпина. По пріѣздѣ дочери съ г-жею Вейкардтъ, домъ его нѣсколько оживился, и для молодой дѣвушки часто бывали маленькія собранія по вечерамъ; но большой ве-

¹⁾ Переводъ съ французскаго.

²⁾ Здѣсь и ниже пропускаются разныя подробности о здоровьи самого Кампенгаузена.

черъ съ ужиномъ и танцами, на которомъ была вся Пенза, онъ рѣшился дать, по усиленнымъ просьбамъ дочери и г-жи Вейкардтъ, только однажды, и именно 1-го января 1818 года, въ день своего рожденія. «Впрочемъ,—пишетъ Е. М. Фролова-Багрѣва въ своихъ воспоминаніяхъ—домъ нашъ въ Пензѣ батюшка устроилъ по всегдашнему своему вкусу, т. е. съ опрятностію, но и простотою совершенно квакерскою. Вся мебель, кромѣ находившейся въ моемъ флигелѣ, была мѣстнаго издѣлія и покрыта—китайкою. Образъ жизни нашъ очень походилъ на тотъ, который мы вели въ Петербургѣ до 1812 года: такіе же маленькіе обѣды, съ тѣмъ же числомъ и родомъ блюдъ; послѣ обѣда непремѣнно домашняя музыка въ моемъ флигелѣ, съ пѣніемъ или безъ него, изрѣдка и нѣсколько постороннихъ любителей».

Между тѣмъ изъ тѣхъ же разсказовъ видно, что пензенскія дамы простирали и особыя свои виды на нестарога еще вдовца. «У Евреиной—продолжаетъ Е. М. Багрѣва—была пятнадцатилѣтняя дочка, очень хорошенькая, которая прилагала всѣ соблазны своихъ свѣжихъ прелестей и всю ловкость очень довременнаго ума, чтобы вовлечь батюшку въ свои оковы. Не съ бѣдшимъ, однако, успѣхомъ пытались на то же самое, прежде и послѣ, еще разныя другія. Кончалось обыкновенно тѣмъ, что, вмѣсто ласкательствъ, которыми сперва во мнѣ заискивали, всѣ эти соперницы клялись мнѣ въ душѣ вѣчною враждою, въ увѣренности, что я одна служу препоною ихъ планамъ».

Частная переписка Сперанскаго за пензенскій періодъ представляетъ многосторонній интересъ. Между прочимъ, Сперанскій вошелъ въ оживленныя сношенія съ княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ, по вопросу объ изданіи своего перевода сочиненія Омы Кемпійскаго «О подражаніи Христу» и по дѣлу библейскихъ обществъ, которымъ въ то время много занималось наше правительство. Въ бумагахъ А. Θ. Бычкова имѣются копія, какъ съ нѣсколькихъ писемъ князя Голицына къ Сперанскому (подлинники которыхъ хранятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ), такъ и съ черновыхъ отпусковъ нѣкоторыхъ писемъ Сперанскаго къ князю ⁴⁾.—Помѣщаемъ здѣсь эти письма.

⁴⁾ Небольшія выписки изъ нѣкоторыхъ писемъ Сперанскаго къ кн. Голицыну касательно изданія книги „О подражаніи Христу“ были напечатаны барономъ М. А. Корфомъ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 г., № 3.

1.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

11-го декабря 1816.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ.

Извините меня, что я такъ долго замедлилъ моимъ отвѣтомъ на два ваши письма; причиною тому, что я хотѣлъ кончить ваши порученія и потомъ васъ увѣдомить о волѣ государя императора.

Его величество повелѣтъ мнѣ соизволилъ сообщить Сергѣю Козьмичу ¹⁾, чтобъ вынуть изъ бумагъ вашихъ перьвыя части перевода книги О подражаніи Іисусу Христу. Государь очень охотно беретъ на себя издержки по сему изданію; но прошу меня увѣдомить, кому вы поручите печатать и въ какой форматъ. Прибыль отъ распродажи сей книги вы обрекаете на дѣла благотворенія; то я не оставляю тогда, какъ напечатана будетъ книга, предложить благотворительному совѣту, а ваше превосходительство позвольте заранѣе поблагодарить за таковое назначеніе плода отъ трудовъ вашихъ въ пользу бѣдныхъ, въ лицѣ главнаго попечителя здѣшняго Человѣколюбиваго Общества.

Я читалъ доставленную мнѣ четвертую часть перевода вашего и сужу по оной, что, конечно, и три первыя таковы же, то и желаю крайне, чтобъ скорѣе оной переводъ вышелъ въ свѣтъ; ибо до сихъ поръ переводы сей изящной книги не совсѣмъ были удачны, тогда какъ она переведена столь хорошо на многіе языки.

Письмо ваше о господинѣ Цейерѣ ²⁾ я вручилъ государю, и его величество указать соизволилъ, чтобъ я князю Лопухину сказалъ волю его о принятіи г. Цейера въ Коммиссію законовъ ³⁾ съ чиномъ и жалованьемъ соотвѣтственнымъ, что мною уже и исполнено, и я надѣюсь, что князь Петръ Васильевичъ не замедлитъ исполненіемъ, что очень нужно г. Цейеру по разстроеннымъ его обстоятельствамъ.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго моего почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Р. S. Я испросилъ позволеніе государя вынуть изъ бумагъ вашихъ (такъ какъ мы должны будемъ искать книгу Подражанія) «О трехъ состояніяхъ челоѣка», принадлежащія Захару Яковлевичу Кариѣву;

¹⁾ Вязмитинову, министру полиціи.

²⁾ Францъ Ивановичъ, служившій при Сперанскомъ и съ марта 1812 г. находившемся не у дѣлъ.

³⁾ Предсѣдателемъ которой былъ князь П. В. Лопухинъ.

онъ меня просилъ при случаѣ доложить его величеству, что онъ вамъ давалъ для прочтенія только и которыя мнѣ онъ подарилъ.

2.

Сперанскій—ниязу А. Н Голицыну.

9-го января 1817 г.

Письмо вашего сіятельства принесло мнѣ великое утѣшеніе. При-
знаюсь, мнѣ горестно было считать себя отъ васъ отчужденнымъ, но
я не терялъ ни довѣрія, ни надежды. Ваше сіятельство оправдали и
то, и другое вниманіемъ вашимъ къ двумъ моимъ просьбамъ.

Не въ качествѣ переводчика, но въ точной увѣренности въ истин-
ной пользѣ книги «О подражаніи», весьма обрадованъ я былъ, что
сіе малое приношеніе, какъ лепта вдовицы, принято благосклонно.
Г. Цейеръ донесетъ вашему сіятельству, гдѣ и чрезъ кого желалъ бы я
ее напечатать; я съ нимъ говорилъ о семъ подробно.

Бывъ столь много вами ободренъ, я поступлю далѣе. Въ Перми и
потомъ въ деревнѣ составилъ я «Избранныя мѣста» изъ твореній
Таулера ¹⁾. Сочинитель сей, безъ сомнѣнія, вамъ извѣстенъ; множество
отрывковъ изъ него въ разныхъ мѣстахъ у насъ напечатано; но нигдѣ
нѣтъ въ цѣлости; можетъ быть, отъ того, что онъ, по высотѣ его поня-
тій, часто паритъ подъ облаками и скрывается почти изъ виду.
«Избранныя мѣста» всѣ вразумительны. Они составляютъ книгу не-
много менѣе «Подражанія».

Отъ сей работы родилась у меня другая мысль: вмѣсто того, чтобъ
намъ заимствовать полезное чтеніе изъ кладовей постороннихъ, для чего
бы не попытаться черпать изъ собственныхъ своихъ источниковъ? Я
разумѣю отцевъ нашей Церкви. Слѣдуя сей мысли, я рѣшился въ де-
ревенскомъ уединеніи пройти всѣ ихъ творенія по порядку, начиная съ
перваго вѣка, выписывая и замѣчая то, что казалось мнѣ наиболѣе
свойственнымъ нашему вѣку и потребностямъ нашего времени, и имѣя
всегда въ виду одну главную мысль, внутреннюю жизнь во
Христѣ. Я не дошелъ еще и до середины, и имѣлъ уже кипы записокъ,
но ничего совершеннаго и довольно выработаннаго, чтобъ представить
публичному чтенію, и, когда Богъ приведетъ меня сіе окончить, не
знаю. Увѣренъ однакоже, что работа сія была бы одна изъ полезнѣй-
шихъ. Одна только выписка подъ названіемъ «Избранныя мѣста изъ
бесѣдъ св. Макарія Великаго» кажется мнѣ довольно оконченною. Я

¹⁾ Иоганна Таулера, одного изъ извѣстнѣйшихъ мистиковъ XIV вѣка.

составилъ ее изъ перевода покойнаго преосвященнаго Моисея ¹⁾, и жалѣлъ, что не имѣлъ при себѣ подлинника.

Если которая-либо изъ сихъ двухъ рукописей привлечетъ на себя вниманіе вашего сіятельства, Цейеръ по первому вашему слову можетъ взять ихъ изъ новгородской моей деревни и вамъ представить. Надобно только, чтобъ онъ потрудился ихъ перебѣлать: ибо скорописная моя рука весьма нечетка. Еще одно слово о бесѣдахъ св. Макарія. Онѣ столь изящны, что, читая и приводя ихъ въ новую и удобнѣйшую форму, я часто удивлялся, какимъ образомъ мы (или, по крайней мѣрѣ, я) ищемъ и не безъ труда и не всегда во всей чистотѣ находимъ въ новѣйшихъ писателяхъ такой истины, которая въ твореніяхъ отцевъ нашей Церкви представлена несравненно яснѣе, поразительнѣе и, что еще болѣе, безопаснѣе. Переводъ преосвященнаго Моисея, а слѣдовательно и мои выписки (ибо я удержался его словъ) не весьма изящны въ слоги и выраженіяхъ: онъ былъ очень молодъ, когда переводилъ сію книгу, а я не имѣлъ при себѣ подлинника. Отецъ Филаретъ ²⁾, или кто-либо подъ надзоромъ его, могъ бы составить нѣчто несравненно лучшее обомъ насъ, если бы угодно было вамъ сіе поощрить.

Не бесѣдовавъ съ вами столь долгое время, я употребляю, можетъ быть, во зло и время, и терпѣніе ваше. Но не могу не упомянуть здѣсь о рукописи З. Я. Корнеева «О трехъ состояніяхъ человѣка». Ея нѣтъ въ моихъ бумагахъ; бывъ переплетена въ книгу, она пролежала спокойно вмѣстѣ съ книгами и вмѣстѣ же съ ними въ послѣдствіи перевезена ко мнѣ въ Великополье, гдѣ Захаръ Яковлевичъ, на пути въ Харьковъ, посѣтивъ меня, ее видѣлъ и мнѣ окончательно подарилъ. Но я съ удовольствіемъ передаю ее вашему сіятельству. Цейеръ можетъ ее отсюда достать по первому вашему желанію.

Не предупреждая вашего о сей книгѣ мнѣнія, позволите ли вы мнѣ по искренности, которую вездѣ, наипаче же въ сихъ предметахъ, наблюдать должно, сказать мои мысли? Рукопись сія содержитъ въ себѣ сокращеніе системы Бема, подобное тому, какое есть въ книгѣ «Пастырское посланіе». Я говорю только подобное: ибо въ нихъ много есть и различнаго. Слѣдовательно и сужденіе о ней много зависитъ отъ того мнѣнія, какое о корнѣ ихъ, самой системѣ Бема, имѣть должно.

Два главныя положенія составляютъ сію систему. Въ одномъ

¹⁾ Епископа ееодосійскаго и маріупольскаго Моисея (Гумилевскаго, † 1792). Его переводъ бесѣдъ св. Макарія Великаго былъ изданъ въ 1782 г.

²⁾ Архимандритъ Филаретъ (Дроздовъ), въ послѣдствіи знаменитый свяитель московскій, былъ въ то время ректоромъ С.-Петербургской духовной академіи.

утверждается и объясняется великая истина внутреннего образованія и дѣйствія Христова въ чловѣкѣ. Сія истина доказывается весьма твердо и разительно. На семь основаны лучшіе трактаты Бема, и между прочими тѣ самыя, которые переведены и на нашъ языкъ. Другое положеніе сей системы содержитъ въ себѣ изъясненіе свойствъ и рожденія первобытнаго духовнаго міра, отпаденія злаго духа, смятенія первобытной природы, отѣлесенія ея, хаосъ и потомъ возобновленіе и возстановленіе изъ его обломковъ міра настоящаго. Словомъ, все, что есть въ Бемѣ полезнаго, заключается въ книгѣ «Путь ко Христу». Сей родъ изъясненій, гдѣ сильное воображеніе сочинителя, не руководимое Священнымъ Писаніемъ, оставлено было собственному его паренію, представляетъ связь гаданій и предположеній, болѣе или менѣе вѣроятныхъ, но болѣею частію отважныхъ и ничѣмъ не утверждаемыхъ. Послѣдователи его, чтобъ дать симъ гаданіямъ какое-нибудь основаніе, старались доказать, что Бемъ имѣлъ истинное вдохновеніе, то есть смѣлыя его догадки оправдывали еще другими догадками, еще болѣе отважными.

По сему двоякому виду сей системы, сколько, съ одной стороны, можетъ быть полезно распространять чтеніе тѣхъ его трактатовъ, въ коихъ содержится первый родъ истины, столько можетъ быть вредно вводить въ употребленіе второй родъ пытливыхъ и высокопарныхъ его соображеній. Они напыщаютъ умъ, питаютъ гордость, приучаютъ разумъ къ пытливости и людямъ, едва еще понимающимъ первые начатки духовной жизни, даютъ ложную увѣренность и самомяніе. Увлекая разумъ въ блистательныя еоріи, они застѣняютъ прозрѣніе его въ пути живые и единые истинные. Ничто, можетъ быть, столько не способствовало къ утвержденію ложнаго мистицизма въ нашемъ вѣкѣ, какъ чтеніе Бема.

Да позволено будетъ мнѣ, долго блуждавшему на сихъ распутіяхъ пытливыхъ тонкостей, сказать, что одна глава изъ книги «Подражаніе», или еще лучше одна статья изъ Ефрема Сирина, изъ Іоанна Лѣствичника, изъ Макарія, изъ книги о добротолубіи и даже изъ Іоанна Аридта, или же одинъ листочекъ изъ тѣхъ мелкихъ разсужденій, кои издаются въ Англіи отъ извѣстныхъ обществъ и коихъ и у насъ уже переведено (но, къ сожалѣнію, въ провинціяхъ почти неизвѣстно) довольно количество,—стоитъ несравненно болѣе, нежели всѣ томы Бемовыхъ умозрѣній.

Впрочемъ, что значить, вообще, чтеніе, когда апостоль Петръ о чтеніи самыхъ истинныхъ пророческихъ книгъ говоритъ ¹⁾.

Сего-то возсіянія денницы должно искать; но его должно искать и

¹⁾ Далѣе должна была слѣдовать выписка изъ посланія апостола Петра.

къ нему идти живыми путями, а не чтеніемъ, хотя и чтеніе имѣетъ свою пользу, ибо въ недостатѣ солнечнаго свѣта лучше, конечно, имѣть свѣтъ лампы, нежели быть совсѣмъ во мракѣ.

Сего-то возсіянія внутренняго неизглаголаннаго свѣта желая отъ всего сердца себѣ, и вамъ, и всѣмъ тѣмъ, кои исповѣдуютъ Христа, во плоти пришедша, и кои по сему отъ Бога суть и суть братія, сколько бы мірскія положенія ихъ ни раздѣляли, со всѣми чувствами христіанской любви и истиннаго уваженія къ благотворнымъ намѣреніямъ вашимъ пребуду и проч.

3.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

С.-Петербургъ, 2-го марта 1817 г.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ.

Переводъ вашъ «Подражанія Іисусу Христу» отданъ господину Цейеру, и когда отъ него получу счетъ издержкамъ типографскимъ, то дамъ дальнѣйшій ходъ по желанію вашему. Не успѣлъ я сказать г-ну Цейеру, что вы пишете о выпискахъ изъ св. Макарія, какъ онъ готовъ уже былъ ѣхать въ новгородскую вашу деревню за оными, послѣ чего онъ и занялся уже перепискою на-бѣло, и какъ получу, то отдамъ отцу Филарету, хотя напередъ увѣренъ, что вы желаете изъ скромности, чтобъ слоги были пересмотрѣны, а вѣрно съ пользою могутъ быть сіи выписки напечатаны въ томъ видѣ, какъ онѣ теперь.

Истинно странно, что наши духовные мало занимаются переводами древнихъ отцовъ; публику нужно съ ними ознакомить, и тогда бы увидѣли, что то, что находятъ новымъ въ новѣйшихъ авторахъ мистическихъ, есть очень древнее ученіе, отъ Христа и апостоловъ Его дошедшее до первыхъ временъ Церкви, но потомъ потерявшееся въ большей части наружныхъ христіанъ, но сохранившееся въ скудныхъ обителяхъ и въ нѣкоторыхъ душахъ. Нынѣ, благодаря Господа, кажется, понятіе о внутренней жизни во Христѣ Іисусѣ становится знакомѣе въ городахъ и столицахъ; надобно молиться, чтобъ сіи понятія наиболѣе распространялись для разнасаженія царства Христова и спасенія душъ. Конечно, къ сему послужить и дѣйствіе библейскихъ обществъ чрезъ чтеніе Священнаго Писанія и переводы, взятые изъ столь хорошихъ источниковъ, каковыми вы занимаетесь. Я увѣренъ, что г-нъ Цейеръ имѣетъ довольно времени, чтобъ привести въ порядокъ все оное, ибо вы не имѣете способа теперь по управленію губерніи обработать всѣ собранные матеріалы.

*

Въ разсужденіи рукописи З. Я. Коріѣва «О трехъ состояніяхъ» я вамъ скажу, что онъ мнѣ ее подарилъ, считая ее въ бумагахъ вашихъ, и въ такомъ только случаѣ, ежели бы мнѣ что поручено было вынуть изъ оныхъ; но потомъ, проѣзжая чрезъ вашу деревню, узнавъ, что она къ вамъ доставлена, подарилъ вамъ. По сему приписываю она мнѣ не принадлежить, и хотя Цейеръ мнѣ ее привезъ, но я по прочтеніи ему возвращаю для доставленія вашему превосходительству. Я нимало не намѣренъ былъ издавать ее въ печать и совершенно согласенъ съ вами насчетъ сего рода сочиненій Бема.

Сужденіе ваше по сему предмету, которое вы извлекли, какъ вы пишете, изъ опыта, и что предпочитаете всѣмъ пытливымъ тонкостямъ авторовъ чтеніе Ефрема Сирина и прочихъ тому подобныхъ писателей, я васъ съ сему поздравляю и истинно радуюсь, ибо къ истинѣ одинъ только путь: Христосъ же; а тѣ распутія, о которыхъ вы говорите, что долго на нихъ блуждали, вы познали, конечно, что они никуда не доводятъ, а только измучаютъ до усталости и иссушаютъ сердце. Слава единому Господу, Который столь милосердно съ сихъ распутий и нечувствительно насъ направляетъ къ Себѣ, путю живому, чтобъ дать Себя вкусить, сколь Онъ благъ. И въ такомъ случаѣ остается прибѣгать къ Нему же въ молитвѣ, чтобъ Онъ сохранилъ насъ вѣрными Ему; чего вамъ и себѣ желаю, такъ, какъ и всѣмъ, ищущимъ истины, пребывая съ ними чувствами вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

4.

Сперанскій—князю А. Н. Голицыну.

20-го марта 1817 г.

Отъ искренняго сердца приношу вашему сіятельству поздравленіе мое съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Да воскреснетъ Онъ въ душахъ нашихъ и силою всеобъемлющей любви Его да соединитъ расточенное и да соберетъ всѣхъ вѣрующихъ во едино тѣло Церкви Своея, сожививъ его Себѣ словомъ Своея истины.

Библейское дѣло растетъ здѣсь хотя по малу, но ежедневно; обильнѣйшей жатвы ожидаю, когда при обзорѣни губерніи вступлю въ непосредственное сношеніе съ здѣшнимъ дворянствомъ, живущимъ большею частію по округамъ и рѣдко посѣщающимъ губернской городъ. Въ путешествіе сіе, впрочемъ и по службѣ необходимое, пушаюсь я по слитія водъ въ майѣ мѣсяцѣ.

Ваше сіятельство не удивится одной странной просьбѣ, которую

по случаю сему вамъ принесу. Въ 40 верстахъ отъ границы Пензенской губерніи отстоятъ пресловутая Саровская пустынь. Мнѣ давно хотѣлось посѣтить ее. Много рассказываютъ примѣчательнаго о образѣ ихъ (т. е. тамошнихъ монаховъ) жизни и даже о силѣ внутренняго христіанства, въ уединеніи ихъ хранящагося. Извѣстно, что когда Церковь отъ живыхъ своихъ внутреннихъ путей начала уклоняться ко вѣшнему, тогда многіе святые (такъ во времена апостольскія назывались и таковы были всѣ христіане) удалились въ пустыни. Тамъ апокалипсическая оная жена, истинная Христова Церковь, препитана была до времени. Отсюда возникли разныя духовныя установленія, и между прочими и монастыри, кои впослѣдствіи въ овою очередь также уклонились ко вѣшнему и, подчинивъ себя писемъ закона, утратили животворящій его духъ. Но смоковница сія не вовсе еще изсохла. Я видалъ примѣры, гдѣ она была еще въ полномъ своемъ цвѣтѣ; можетъ быть, тоже найду и въ Саровской пустынѣ и сообщу вамъ мое удовольствіе. Просить на сію трехдневную изъ губерніи отлучку формальнаго дозволенія по министерству показалось бы странно (почтутъ сіе пустосвятствомъ); а потому и осмѣливаюсь просить ваше сіятельство исходатайствовать мнѣ частно на сіе высочайшее дозволеніе и объявить мнѣ оное чрезъ посредство ваше.

Примите свидѣтельство совершеннѣйшаго почитанія и душевной преданности.

5.

Князь А. Н. Голицынъ—Сперанскому.

С.-Петербургъ, 10-го апрѣля 1817 года.

Милостивый государь мой Михайла Михайловичъ. Принося мою благодарность за привѣтствіе ваше съ свѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова, взаимно васъ съ онымъ поздравляю. Да услышитъ Воскресшій желанія ваши, которыя раздѣляю отъ всего сердца. На сей почтѣ получите мои официальные отношенія по библейскимъ дѣламъ; я увѣренъ, что при обзорѣнн губерніи, съ помощію Божіею, вы доставите какъ способы, такъ и содѣйствователей библейскому отдѣленію въ Пензѣ.

Я довелъ до свѣдѣнія государя о желаніи вашемъ посѣтить Саровскую пустынь, и его величество поручилъ мнѣ сообщить вашему превосходительству, что онъ на то соизволяетъ. Какъ-то вы найдете сію пустынь? Нынѣ не много монастырей истиннаго пути; у насъ въ сосѣдствѣ, въ Финляндіи, есть примѣчательная Коневская пустынь по духу, въ ней сохраняемому и по примѣрной жизни нѣкоторыхъ иноковъ.

Мы, кажется, живемъ въ такія времена, впрочемъ, что надобно спасаться не въ пустыняхъ, а искать пустыни посреди міра, и сіе уединеніе хотя трудно, но спасительно.

Примите при семъ увѣреніе истиннаго почтенія и преданности, съ коими честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

Сообщилъ И. А. Бычковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Всеподданнѣйшій отчетъ графа М. Н. Муравьева
ПО УПРАВЛЕНІЮ СѢВЕРО-ЗАПАДНЫМЪ КРАЕМЪ

(съ 1 мая 1863 г. по 17 апрѣля 1865 г.)

Въ маѣ мѣсяцѣ 1863 года, я призванъ былъ державною волею вашего императорскаго величества къ умиротворенію СѢверо-Западнаго края. Имѣя въ виду, что вспыхнувшій въ то время мятежъ былъ прямымъ послѣдствіемъ польскаго безумія и снисходительности нашего правительства, я тогда же имѣлъ счастье всеподданнѣйше повергнуть на благовоззрѣніе вашего императорскаго величества, что только энергическія мѣры, не могущія поправиться Европѣ и даже нѣкоторымъ изъ нашихъ правительственныхъ лицъ, однѣ будутъ въ силахъ возстановить законный порядокъ въ краѣ, гдѣ, подъ терроризмомъ революціонеровъ, мятежъ охватилъ всю СѢверо-Западную окраину нашу и даже Вѣлорусскія губерніи до бывшихъ границъ 1772 года. Вмѣстѣ съ тѣмъ я изъяснилъ общій взглядъ мой и систему предположенныхъ будущихъ дѣйствій, которыя удостоились высочайшаго вашего императорскаго величества одобренія.

Съ помощію Божіею и при содѣйствіи доблестныхъ войскъ вашего императорскаго величества, вооруженное возстаніе было скоро прекращено; но, такъ какъ минувшій мятежъ былъ страшенъ не числительностью вооруженныхъ шаяекъ, а силою и тайнственностью революціонной организаціи, покрывшей своею сѣтью всю страну, и терроризмомъ, распространеннымъ мятежниками, то главною задачею моихъ дѣйствій было открытіе и задержаніе главныхъ секретныхъ дѣятелей мятежа и огражденіе сельскаго населенія, оставшагося вѣрноподданнымъ вашему императорскому величеству, отъ насилій и неистовствъ мятежниковъ, отъ

которыхъ страдала и личность и собственность каждаго; съ достиженіемъ этой цѣли, упрочивался успѣхъ окончательнаго умиротворенія края.

Повергая на всемілостивѣйшее благовозрѣніе вашего императорскаго величества краткій обзоръ за время управленія моего Сѣверо-Западнымъ краемъ въ теченіе двухъ лѣтъ, я считаю своею обязанностью предварительно изложить тотъ порядокъ вещей, который нашелъ я при вступленіи моемъ въ управленіе.

Возстаніе 1863 года въ западныхъ губерніяхъ не есть внезапное явленіе; оно приготавлилось систематически въ теченіе многихъ десятильѣтъ. Продолжительная снисходительность правительства къ польско-католической пропагандѣ, къ разнымъ революціоннымъ заявленіямъ, явно начавшимся еще съ 1857 года, послужила поводомъ къ тому, что революціонеры получили полное убѣжденіе въ безнаказанности своихъ дѣйствій, которыя сначала, имѣя видъ частныхъ противоправительственныхъ заявленій, разныхъ публикацій и, въ особенности, воззваній къ народу и ремесленному населенію городовъ, съ 1860 года перешли въ торжественныя народныя манифестаціи, совершеніе панихидъ по убитымъ и казненнымъ въ Варшавѣ мятежникамъ. Впослѣдствіи, политическая зараза, разжигаемая ксендзами и жєнщинами, охватила все населеніе и выразилась въ вооруженномъ возстаніи, благодаря которому открылись у насъ глаза. Мѣстныя власти, состоявшія почти исключительно изъ поляковъ, не только вполнѣ бездѣйствовали, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ открыто становились на сторону мятежниковъ. Полицейскіе суды, учрежденные для сужденія лицъ, замѣшанныхъ въ политическіе безпорядки, служили только наглядною насмѣшкою надъ слабымъ правительствомъ и усиливали дерзость крамольниковъ; суды сіи не могли принести по сущности своего устройства никакихъ практическихъ результатовъ, сколько-нибудь полезныхъ для правительства. Сборы на мятежъ производились повсемѣстно въ краѣ и прикрывались именемъ благотворительности. Такъ, не смотря на воспрещеніе правительства, помѣщица Бучинская образовала общество Винцентинокъ и самопроизвольно открыла свои дѣйствія и денежныя сборы; изъ заведеній дворянки Домбровской ежегодно раздавалось по цѣлому краю нѣсколько десятковъ тысячъ кружекъ для денежныхъ сборовъ, въ расходованіи которыхъ, вопреки высочайше утвержденнымъ вашимъ императорскимъ величествомъ правиламъ, не было представляемо никакихъ отчетовъ. Римско-католическое духовенство, разжигая вначалѣ народныя страсти и содѣйствуя тайно мятежу, дерзнуло наконецъ стать открыто во главѣ возстанія; римско-католическіе монастыри, прикрываясь недоступностью свѣтскому контролю, сдѣлались центромъ революціонной организаціи и пропаганды. Въ городахъ цѣлаго края учреждались революціонерами

публичныя библіотеки, съ цѣлю соединенія молодежи и распространенія между ними заговора противу правительства, противу котораго распространены были повсюду мятежныя брошюры и воззванія. Подъ предлогомъ хозяйственныхъ сѣздовъ, для устройства быта крестьянъ, дѣлались не воѣмъ уѣздамъ заговоры противъ законной власти вашего императорскаго величества и избирались явные и тайные делегаты для наблюденія за дѣйствіями правительства; учреждались революціонныя комитеты, устраивались магазины для продажи будто бы мѣстныхъ надѣлій лицами, прибывшими изъ Варшавы съ цѣлю подготовленія орудствъ къ мятежу и, подъ видомъ сношенія съ главными производителями въ краѣ, дѣлались привлеченія къ мятежу и собирались пожертвованія на оный. Мировые посредники-поляки составляли съ умысломъ отяготительныя для крестьянъ уставныя грамоты и старались внушить имъ, что свобода дарована была не вашимъ императорскимъ величествомъ, а прежними ихъ помѣщиками, и что упавшій на нихъ отяготительный оброкъ есть слѣдствіе распоряженій правительства. Польскій языкъ, введенный официально въ училища, и польская пропаганда, допущенная въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ краѣ, воспламеняли юношей противу правительства и, приучая народъ, что цѣлый край тотъ не русскій, а польскій, окончательно стали подавлять собою русскую народность, тѣмъ болѣе, что помѣщики-поляки, въ періодъ, предшествовавшій вооруженному возстанію, стараясь сблизиться съ народомъ, открывали во множествѣ польскія школы, а революціонная партія распространяла въ народъ противоправительственныя брошюры и прокламаціи. На польскомъ языкѣ выдавались официальные документы и велась даже официальная переписка. Такъ римско-католическое духовенство съ 1860 года начало выдавать метрики и вести переписку, вопреки закону, по-польски; даже римско-католическая коллегія въ С.-Петербургѣ, по моему требованію, только недавно прекратила сношенія свои на польскомъ языкѣ съ духовенствомъ Сѣверо-Западнаго края. Православныя храмы и помѣщенія для причтовъ находились въ самомъ жалкомъ и униженномъ состояніи; нерѣдко случалось, что въ мѣстностяхъ, исключительно населенныхъ православными, не было церквей, вмѣсто которыхъ строились великолѣпные костелы, съ видимою цѣлю совращенія православныхъ въ латинство; заявленія православнаго духовенства по этому поводу ни къ чему не служили; начатыя слѣдствія по настоящему предмету лежали безъ движенія въ теченіе десятковъ лѣтъ; православное духовенство, зависѣвшее отъ польскихъ помѣщиковъ, нищенствовало, между тѣмъ римско-католическое духовенство, во всемъ и вполне обезпеченное, шло безпрепятственно къ предполагаемой цѣли ополченія края, строило, вопреки закону, самопроизвольно костелы и готовило мятежъ, усыпляя мнимою своею покорностью и безъ того

весьма малую бдительность правительства. Польское дворянство съ самаго начала политическихъ безпорядковъ въ Варшавѣ отшатнулось прямо отъ русскаго общества и прервало всякія съ нимъ сношенія, съ явною дерзостью заявляя свое нерасположеніе къ законному правительству вашего императорскаго величества. Мелкіе чиновники - поляки, шляхта и городское населеніе преданы были всею душою революціи. Гимназіи и уѣздныя училища доставляли живой элементъ для шаяекъ, ибо изъ сказанныхъ заведеній разбредлось по лѣсамъ и ушло въ мятежъ болѣе 2 тыс. воспитанниковъ. Короче, я нашелъ край въ самомъ сильномъ разгарѣ анархіи, такъ что личность и собственность каждаго не были обезпечены, революціонная же организація имѣла весьма прочное устройство не только въ городахъ, но и въ уѣздахъ цѣлаго края; всюду были назначены воеводы, комиссары, пристава и т. д., приказанія которыхъ исполнялись лучше, чѣмъ приказанія правительства. Даже въ самой Вильнѣ находился давно воевода, какъ главный начальникъ Литовскаго края, съ дирекціею почтъ, военнымъ министерствомъ, полиціею, гражданскою комиссіею, бывшею въ сношеніи съ Варшавскимъ и С.-Петербургскимъ революціонными комитетами. Трудная задача состояла въ отысканіи организаціи; за уничтоженіемъ ея, уничтожились и самыя шайки, которыя безъ того, хотя истреблялись войсками, но формировались снова. Такимъ образомъ предстояло, кромѣ подавленія открытаго возстанія, предупреждать преступные замыслы и отнять самую возможность продолжать мятежъ, а съ другой стороны—способствовать всѣми силами къ объединенію края съ остальною Россіею.

Исполняя высочайшую волю вашего императорскаго величества, 14-го мая 1863 года я прибылъ въ Вильну. Къ восстановленію вполне утраченной правительственной власти, вытѣсненной отовсюду подпольнымъ революціоннымъ комитетомъ, приняты были немедленно слѣдующія мѣры:

1) Я старался возвысить достоинство и права доблестнаго войска вашего императорскаго величества, которое, по волѣ начальства, переносило съ самоотверженіемъ, на всякомъ шагу повторявшееся, уничтоженіе отъ польскаго населенія.

2) 24-го числа издана была инструкція, въ которой опредѣлялись власть и кругъ дѣйствій военныхъ и гражданскихъ начальниковъ, поставленныхъ въ уѣздахъ, и излагались правила преслѣдованія мятежныхъ покушеній, съ соучастіемъ самихъ обывателей; главное состояло въ томъ, что каждый отвѣтствовалъ за свой участокъ, и виновные обыватели облагались денежными штрафами, независимо отъ законной отвѣтственности.

3) Штрафы служили самыми главными средствами къ остановленію мятежныхъ покушеній владѣльцевъ, ибо задѣвали за чувствительную

струну матеріальнаго ихъ быта, и мѣра эта могла быть тотчасъ приводима въ исполненіе. Такимъ способомъ были остановлены: трауръ, пѣніе, манифестаціи, попытка римско-католическаго духовенства, въ подражаніе Варшавскому, не звонить въ колокола, разныя политическія процессіи, совершавшіяся въ честь воспоминанія соединенія Литвы съ Польшею, и самая посылка городскихъ обывателей въ шайки, ибо каждый отвѣтствовалъ за свое семейство и находящихся у него людей. Собранныя контрибуціонныя суммы сосредоточивались въ казенныхъ палатахъ и расходовались установленнымъ порядкомъ, указаннымъ въ законахъ, по моимъ предложеніямъ и начальниковъ губерній.

4) Высылка изъ края главнаго духовнаго дѣятеля мятежа, епископа Красинскаго, и нѣсколько примѣровъ строгаго взысканія съ крамольнаго римско-католическаго духовенства въ скоромъ времени ослабили преступное его вліяніе на мѣстное населеніе.

5) Уничтоженіе бродяжничества и свободнаго безпаспортнаго перехода лицъ, въ особенности римско-католическаго духовенства, приведеніе въ точную извѣстность всего населенія, по участкамъ, составленіе обывательскихъ книгъ,—все это положило начало спокойствію края, ибо никто безъ отвѣтственности не могъ переходить съ одного мѣста на другое, безъ вѣдома ближайшаго начальства.

6) Обложеніе 10% сборомъ всѣхъ помѣщиковъ польскаго происхожденія, при самомъ разгарѣ мятежа, и отнятіе у нихъ тѣмъ средствъ поддержанія вооруженнаго возстанія, на которое они жертвовали всѣмъ своимъ достояніемъ, скоро положило конецъ ихъ преступнымъ замысламъ по содѣйствію мятежу.

7) Призвано было сельское населеніе къ наблюденію за крамольною шляхтою и къ содѣйствію правительству по усмиренію мятежа составленіемъ сельскихъ вооруженныхъ карауловъ и сельской стражи, что и было исполнено съ усердіемъ и неподдѣльною преданностью вашему императорскому величеству.

Увѣренность, что всякое приказаніе главнаго начальника края будетъ немедленно и въ точности исполнено, окончательно поставила помѣщиковъ и прочихъ сочувствующихъ мятежу въ колебаніе, и въ іюлѣ мѣсяцѣ, когда большая часть главныхъ зачинщиковъ тайной организациі была захвачена, и правительственная власть была всюду возстановлена въ полныхъ ея правахъ, мятежъ видимо ослабѣлъ, и началась подача адресовъ къ вашему императорскому величеству, съ просьбою о помилованіи и отреченіемъ отъ соединенія Литвы съ Польшею. Адресы эти, хотя и не составляли искренняго желанія многихъ, но уже выражали торжество правительства надъ революціей, тѣмъ болѣе, что поляки, сколько бываютъ горды въ успѣхѣ, столько низки, искательны и подлы при неудачѣ крамольныхъ ихъ замысловъ.

Когда, такимъ образомъ, началъ уже смиряться Сѣверо-Западный край и всюду законное правительство приобрѣло утраченную имъ прежде власть, тогда Варшавскій революціонный комитетъ принялъ окончательныя мѣры для возрожденія мятежа и, прибѣгнувъ къ кинжаламъ и яду противу главнѣйшихъ дѣятелей, увеличилъ терроризмъ учрежденіемъ жандармовъ-вѣшателей. Но преступныя попытки ихъ, милостію Божіею, были скоро обнаружены; еще въ іюлѣ мѣсяцѣ, покусившіеся на убійство виленскаго губернскаго предводителя дворянства Домейко и на заговоръ противу меня, варшавскіе агенты были схвачены, и цѣлая шайка организованныхъ кинжальщиковъ въ г. Вильнѣ была въ теченіе 7 дней открыта, суждена и казнена въ примѣръ и страхъ другимъ. Такимъ образомъ, къ половинѣ августа уже и послѣдняя попытка варшавскаго жонда была уничтожена, и виновные преданы законной отвѣтственности; при чемъ былъ открытъ и весь тайный заговоръ Варшавскаго революціоннаго комитета, съ таковымъ же, существовавшимъ въ западныхъ губерніяхъ; были схвачены воеводы, комиссары и т. п., и пламя мятежа видимо ослабѣло; самыя шайки, по безнадѣжности на покровительство революціонныхъ властей, стали расходиться, народъ же, увидѣвъ силу законнаго правительства, сталъ оному содѣйствовать; сельская вооруженная стража окончательно захватывала разбѣжавшихся мятежниковъ.

Согласно разрѣшенію вашего императорскаго величества, я призналъ тогда возможнымъ мѣрами снисхожденія и прощенія отвлечь заблудшихся мятежниковъ изъ лѣсовъ, въ которыхъ они скитались. Такимъ образомъ было объявлено всемилостивѣйшее прощеніе всѣмъ, возвращающимся съ чистосердечнымъ раскаяніемъ. Сямъ средствомъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ болѣе 3 тысячъ человекъ покинули шайки, приведены къ присягѣ на вѣрнопопданность вашему императорскому величеству и водворены на мѣста, подъ ручательствомъ обществъ за ихъ благонадежность. Тѣ же изъ нихъ, которые, по своей неблагонадежности, не были приняты, по закону отправлены были на водвореніе въ Сибирь. Такимъ образомъ своевременными мѣрами кротости, свойственными благодушію царствованію вашего императорскаго величества, я могъ вызвать изъ шаяекъ мятежа невинныя жертвы увлеченія и водворить въ семейства, изъ которыхъ онѣ нерѣдко исторгались насиліемъ и угрозами мятежниковъ; хотя впослѣдствіи и бродили еще кой-гдѣ мятежныя шайки, но встрѣчалось весьма мало случаевъ, чтобы возвратившіеся добровольно поступали въ таковыя. Неистовства же польскихъ мятежниковъ, разразившіяся на крестьянахъ, преданныхъ Россіи и престолу вашего императорскаго величества, но введенныхъ весьма часто въ заблужденіе крамольнымъ тамошнимъ дворянствомъ, именующимъ себя дворянствомъ польскаго происхожденія, римско-католиче-

скимъ духовенствомъ и въ особенности мелкою шляхтою, сословіемъ столь вреднымъ для спокойствія края, которое, по примѣру польской республики, всегда готово было на всякіе безпорядки и нынѣ оказывало дѣятельное содѣйствіе мятежу, могли быть прекращены только мѣрами строгости и взаимной круговой отвѣтственности всѣхъ лицъ, находящихся въ околodкѣ, гдѣ происходили смертоубійства и которыя допускались или по сочувствію къ мятежу, или по нежеланію содѣйствовать правительству въ поимкѣ жандармовъ-вѣшателей. Такимъ образомъ за повѣшенныхъ злодѣями въ разное время нѣсколькихъ православныхъ священниковъ и до 500 человекъ крестьянъ, отставныхъ солдатъ и разнаго рода лицъ, преданныхъ вашему императорскому величеству, окольные жители должны были заплатить сальную контрибуцію. Мѣра эта увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. При ея приложеніи, уходили сами жандармы-вѣшатели, а съ ними прекращался и терроризмъ, который держалъ пѣлый край въ оцѣпенѣніи и страхѣ. Такъ какъ быстротѣ умиротворенія Сѣверо-Западнаго края препятствовало царство Польское, откуда непрерывно вторгались мятежныя шайки и высылались эмиссары для поддержанія безпорядковъ и терроризма, то по высочайшей волѣ вашего императорскаго величества въ августѣ мѣсяцѣ 1863 года Августовская губернія была подчинена моему управленію. Одно появленіе туда гвардіи вашего императорскаго величества и введеніе строгаго военно-гражданскаго управленія, на основаніи вышесказанной Инструкціи 24-го мая, послужили къ окончательному украшенію тамъ мятежа, а такъ какъ онъ главнымъ образомъ поддерживался дворянствомъ и гминными войтами, то я приказалъ всѣхъ неблагонадежныхъ изъ послѣднихъ замѣнять таковыми же изъ крестьянъ. Эта мѣра послужила къ окончательному подавленію революціи, а съ освобожденіемъ крестьянъ 19-го февраля 1864 года покой и законный порядокъ возстановились всюду, такъ что менѣе, чѣмъ въ годъ, губернія эта приняла видъ не принадлежности Царству Польскому, а русской губерніи. Крестьяне одного только просили, чтобъ отдѣлиться отъ управленія Царства Польскаго и присоединиться къ Россіи, тѣмъ болѣе, что Августовская губернія, кромѣ Ломжинскаго уѣзда, исключительно населена литовцами, старообрядцами и нѣмцами. Кромѣ всего вышесказаннаго, принято было много частныхъ мѣръ, сообразно съ обстоятельствами края, клонившихся къ предупрежденію безпрестанно измѣнявшагося плана дѣйствій мятежниковъ; надобно было зорко слѣдить за ними, тѣмъ болѣе, что когда они дѣйствовали вначалѣ большими массами, уничтоженіе ихъ было весьма легко; впоследствии же они разсыпались по цѣлому краю, малыми бандами, отъ 5, 10, 15 человекъ, производившими грабежи и неистовства всюду, и слѣдовательно были уловимы только однѣми мѣрами строгаго взысканія съ обывателей, укры-

вавшихъ ихъ и дававшихъ средства къ существованію. Вотъ почему мѣры строгости были необходимы, и хотя много было возгласовъ противу того, но этимъ только можно было прекратить окончательно къ октябрю мѣсяцу мятежъ; такъ что послѣ этого времени осталось еще нѣсколько человѣкъ разбойниковъ, которые и были уничтожены въ началѣ 1864 года.

Описывать въ настоящемъ обзорѣ цѣлый ходъ мятежа и послѣдовавшій за нимъ рядъ моихъ распоряженій какъ по военному, такъ и гражданскому управленіямъ, и излагать всѣ фазисы этого крамольнаго возстанія, непрерывно измѣнявшіеся, я не буду. Это напрасно обременило бы только вниманіе вашего императорскаго величества, тѣмъ болѣе, что подробное описаніе минувшаго мятежа составляется, по моему порученію, артиллеріи генераль-маіоромъ Ратчемъ. Не лишнимъ однако же считаю присовокупить, что такъ какъ мятежники находили укрывательство въ лѣсахъ и болотахъ, то разновременно сдѣланы были распоряженія, къ удобному передвиженію войскъ, средствомъ проведенія въ лѣсахъ просьбъ обывателями, на счетъ помѣщиковъ, къ очищенію дорогъ по болотамъ, въ коихъ укрывались шайки, къ уничтоженію запасовъ и складовъ, которые дѣлали помѣщики, для продовольствія шайкъ; сдѣлано было неоднократное полное обезоруженіе края; учреждены летучіе отряды, съ пособіемъ отъ обывателей, для скорого преслѣдованія мелкихъ мятежныхъ бандъ; учреждены повсюду сельскіе караулы, подъ наблюденіемъ воинскихъ командъ и поставлены въ болѣе важныхъ пунктахъ военные начальники; словомъ, постоянно принимались всѣ, по непрестанно измѣнявшимся обстоятельствамъ, мѣры къ безпрепятственному дѣйствованію храбрыхъ войскъ вашего императорскаго величества и къ доставленію онымъ всѣхъ средствъ къ скорому передвиженію и доставленію повсюду продовольствія при преслѣдованіи мятежныхъ скопищъ. Благодаря Богу, полный успѣхъ увѣнчалъ начатое дѣло, исполненное по указаніямъ вашего императорскаго величества. Доблестныя войска арміи и въ особенности, смѣю сказать, безпримѣрная въ усердіи, мужествѣ и самоотверженіи гвардія вашего императорскаго величества могутъ засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ, что ничто не можетъ устоять предъ русскимъ народомъ, когда онъ движется истинною преданностью своему государю и отечеству и направляется религіознымъ побужденіемъ возстановленія и утвержденія Православія и своей народности; — польское дѣло было проиграно, какъ скоро русскіе восчувствовали свое могущество, такъ что мятежъ былъ укрощенъ не однѣми только матеріальными силами, но и моральнымъ сочувствіемъ Россіи, которая вступилась за край, едва нами не потерянный. Мы лишились бы его непременно по собственнымъ нашимъ ошибкамъ и заблужденію: мы сами называли его поль-

скимъ; сами допустили торжество латинства, столь враждебнаго намъ, по своей пропагандѣ. Россія заговорила,—и Европа умолкла, увидѣвъ успѣхи скорого подавленія мятежа въ Литвѣ.

По окончаніи вооруженнаго возстанія, хотя и оставалось приступить къ возстановленію и упроченію русской народности и Православія въ краѣ, въ которомъ они были подавлены многіе десятки лѣтъ и совершенно забыты, ибо и сами русскіе, жившіе въ тѣхъ губерніяхъ, не считали себя русскими, а край тотъ считали принадлежностью Польши, но я осмѣлился просить ваше императорское величество освободить меня, за укрощеніемъ мятежа, отъ тяжкаго управленія краемъ, ибо разстроенное мое здоровье не позволяло мнѣ надлежащимъ образомъ продолжать занятія, которыя требовали свѣжихъ силъ и продолжительнаго дѣйствованія въ томъ же духѣ и направленіи; я же ни по лѣтамъ, ни по здоровью не могъ разсчитывать на себя. Но ваше императорское величество удостоили меня милостивымъ рескриптомъ и повелѣли продолжать управлять краемъ до тѣхъ поръ, пока позволятъ мои силы.

Всегда безусловно покоряясь волѣ вашего императорскаго величества, я остался въ томъ краѣ, и первою моею заботою было утвердить благосостояніе сельскаго населенія, выведеннаго изъ крѣпостной зависимости и большею частію разореннаго польскими панами, не знавшего даже всѣхъ своихъ правъ, которыя ваше императорское величество даровали Положеніемъ 19-го февраля 1861 года. Еще въ самомъ разгарѣ мятежа я призналъ необходимымъ обезпечить бытъ сельскаго населенія, преимущественно русскаго и православнаго, загнаннаго, морально и матеріально уничтоженнаго польскимъ гнетомъ и латинскою пропагандою. Всѣ мировые посредники, бывшіе до мятежа изъ мѣстныхъ дворянъ, какъ главные дѣятели возстанія и угнетатели русской народности, были мною одновременно отрѣшены въ маѣ 1863 года отъ должностей, въ отвѣтъ на сдѣланное польскимъ революціоннымъ комитетомъ распоряженіе, чтобы всѣ поляки оставили службу вашего императорскаго величества; виновные изъ нихъ по участию въ мятежѣ были преданы военному суду, а за прочими былъ учрежденъ строгій надзоръ. Словомъ, я вынужденъ былъ въ маѣ мѣсяцѣ того года закрыть всѣ мировыя учрежденія и сдѣлать вызовъ русскимъ людямъ для занятія должностей мировыхъ посредниковъ. Россія и на это отозвалась съ свойственною ей готовностью; отовсюду явились русскіе дѣятели, съ искреннимъ желаніемъ помочь русскому дѣлу и утвердить въ краѣ русскій бытъ и Православіе; отовсюду стекались весьма замѣчательныя личности, которыя постепенно были разсылаемы во всѣ уѣзды на должности мировыхъ посредниковъ, — для объявленія крестьянамъ правъ,

вашимъ императорскимъ величествомъ имъ дарованныхъ, и для огражденія ихъ отъ тяжкаго ига польскихъ пановъ.

Еще во время мятежа сдѣлано было распоряженіе о производствѣ новыхъ выборовъ старшинъ и устройствѣ крестьянскаго самоуправленія, въ которомъ до того времени были главными дѣателями шляхта и лица римско-католическаго исповѣданія, поставленные бывшими помѣщиками; приказано было возвратитъ крестьянамъ всѣ земли, которыя помѣщики, коварно заявившіе желаніе свое въ 1857 году устроить быть крестьянъ, отняли у нихъ въ послѣдствіи и пустили многихъ изъ нихъ по міру, ссылаясь въ этомъ случаѣ на то, что это дѣлается по волѣ Правительства, дабы приготовить ихъ тѣмъ къ мятежу и поставить противу законной власти вашего императорскаго величества; оставлены были крестьянамъ пастбища, ибо иначе они потеряли бы свой скотъ; не дозволялось лишать ихъ права пользованія лѣсомъ, ибо въ противномъ случаѣ они были бы въ большой кабалѣ у помѣщиковъ, которые стали бы ихъ облагать отяготительными повинностями; наконецъ, сдѣлано было распоряженіе объ обезпеченіи 3-хъ десятиннымъ надѣломъ земли безземельныхъ батраковъ, которые, будучи угнетаемы помѣщиками, уходили въ шайки, въ надеждѣ, что, по общанію революціоннаго комитета, имъ дадутъ землю. Всѣ эти мѣры въ совокупности, сдѣланныя въ самомъ разгарѣ мятежа, убѣдили сельское населеніе въ могущество законнаго правительства и желанія обезпечить его быть полнымъ огражденіемъ отъ насилія пановъ. Такимъ образомъ многія тысячи возвратились изъ шайкъ, въ надеждѣ обезпечить будущее благосостояніе своихъ семействъ. Само собою разумѣется, что мѣры эти, необходимыя для умиротворенія края и справедливыя въ своихъ началахъ, возбудили ропотъ со стороны польскихъ и нѣмецкихъ католическихъ помѣщиковъ; все возопило, и жалобы стали доходить до престола вашего императорскаго величества. Я все это зналъ, но оставался твердъ и непреклоненъ въ исполненіи начатаго дѣла, столь необходимаго для утвержденія русскаго владычества въ этомъ краѣ, ибо одно только сельское населеніе и старообрядцы того края, столь усердно содѣйствовавшіе къ потушенію мятежа, преданы вашему императорскому величеству; такъ называемая же шляхта, паны и ксендзы были и будутъ всегдашними нашими врагами; ихъ преданности и увѣреніямъ не должно никогда вѣрить; крамола и обманъ есть основа ихъ чувствованій и воспитанія; они измѣняли Россіи и вѣнценосцамъ ея всякій разъ, когда встрѣчали къ тому возможность; они измѣняли и собственному ихъ правительству Рѣчи Посполитой и были виновниками ея паденія. Они и теперь ползаютъ и увѣряютъ въ преданности, тогда какъ на душѣ у нихъ таятся кинжалы, ядъ и убійства.

Въ послѣдствіи времени учреждены повѣрочныя комиссіи, кото-

рымъ я долженъ былъ дать болѣе правъ, чѣмъ онѣ имѣли; ибо утверждать уставныя грамоты въ томъ видѣ, какъ онѣ были составлены, не представлялось рѣшительно никакой возможности; крестьяне были бы тогда окончательно разорены и покупали бы за слишкомъ дорогую цѣну клочки земель, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ и на большихъ пространствахъ отъ ихъ жилищъ и не приносяшіе имъ хозяйственного обезпеченія. Въ этомъ-то именно и состояла цѣль тамошнихъ помѣщиковъ-католиковъ, которымъ надобно было окончательно разорить крестьянъ именемъ вашего императорскаго величества, такъ какъ въ грамотахъ, составленныхъ крамольными мировыми посредниками, скрывалась основа будущаго окончательнаго бѣдствованія крестьянъ. Я вынужденъ былъ приказать рассмотреть эти грамоты; уничтожить все незаконное, въ нихъ заключавшееся, повѣрить самыя угодья и произвести правильную онымъ оцѣнку; этимъ только способомъ, возбуждившимъ возгласы аристократіи: Радзивилловъ, Хребтовичей, Витгенштейновъ и другихъ, я могъ положить твердое основаніе къ будущему благоустройству края и утвержденію нашего владычества въ ономъ. Теперь двѣ трети крестьянскаго дѣла уже окончены; надѣюсь, что тѣ, которымъ вашему императорскому величеству благоугодно будетъ поручить управленіе краемъ, не отступятъ отъ принятыхъ началъ и довершатъ окончательное утвержденіе крестьянской собственности и водворятъ на прочномъ основаніи начало русской народности и Православія. Я говорю — русской народности и Православія, потому, что все дѣло наиболѣе заключается въ сельскомъ населеніи, которое въ душѣ русское, но было загнано и забито. Паны называли его быдломъ. Мировыя же учрежденія, составленныя нынѣ изъ русскихъ, возвысили въ народѣ русскій духъ, ввели, съ содѣйствіемъ мѣстнаго учебнаго управленія, русскія школы, русскую грамотность, и русская родная рѣчь всюду утверждена среди населенія, которое еще такъ недавно думало, что на вѣки уже поработщено поляками и должно забыть святую свою вѣру и родное слово.

При семъ священнымъ для себя долгомъ считаю выразить предъ вашимъ императорскимъ величествомъ, что дѣло устройства быта крестьянъ въ Западныхъ губерніяхъ и Великороссійскихъ не можетъ быть одинаково. Въ послѣднихъ не должно разъединять сословія, ибо помѣщики и крестьяне суть истинно русскіе и вѣрноподданные вашего императорскаго величества,—тамъ должно всѣми мѣрами поддерживать въ законныхъ правахъ всѣ званія и сословія, составляющія могущество и основу Россіи. Въ Западномъ же краѣ наоборотъ: здѣсь ренегаты, польскіе помѣщики, бывшіе прежде того русскими, сдѣлались римско-католиками и заклятыми врагами вашего императорскаго величества, Россіи и Православія; подъ предлогомъ возстановленія отчизны они желали

только получить прежнія права самоуправства надъ крестьянами и прочимъ податнымъ населеніемъ, которыми они неограниченно пользовались при Рѣчи Посполитой; здѣсь одни только крестьяне, сохранившіе Православную вѣру и даже насильственно принявшіе римско-католичество, остались вѣрными сынами Россіи и преданными престолу вашего императорскаго величества; ихъ необходимо подыять, возвысить и поставить въ совершенно независимое положеніе отъ польскихъ пановъ. Тогда только мы можемъ бороться съ польскою пропагандою, постоянно уничтожать ее и привести въ ничтожество. Очень сожалѣю, что правительство не исполнило неоднократнаго моего ходатайства объ увеличеніи средствъ русскихъ помѣщиковъ оказаніемъ имъ льготъ и пособій; финансы государства непременно бы больше выиграли отъ умноженія къ краѣ русскаго элемента.

Положивъ главное основаніе не на бумагѣ, а на самомъ исполненіи, упроченія быта крестьянъ и русской народности въ краѣ и принявъ всѣ зависѣвшія отъ меня мѣры къ возведенію и обновленію православныхъ храмовъ на счетъ состоявшихъ въ моемъ распоряженіи контрибуціонныхъ суммъ, взысканныхъ съ мѣстныхъ крамольныхъ помѣщиковъ, я въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1864 года, съ изволенія вашего императорскаго величества, прибылъ въ С.-Петербургъ и, полагая, что исполнилъ, по мѣрѣ силъ и уразумѣнія своего, возложенное на меня вашимъ императорскимъ величествомъ временное порученіе по укрощенію мятежа, осмѣлился просить вновь объ освобожденіи меня отъ тяжкихъ занятій, превосходящихъ мои силы, при видимомъ упадкѣ здоровья. Вашему императорскому величеству благоугодно было всемилостивѣйше повелѣть мнѣ продолжать управленіе краемъ и соизволить назначить мнѣ временно, въ качествѣ помощника по гражданскому управленію, генераль-маіора Потапова.

Имѣя въ виду, что для края наступила эпоха будущей прочной организаціи онаго, которая могла получить полное свое развитіе съ окончаніемъ крестьянскаго дѣла, я осмѣлился представить вашему императорскому величеству на предварительное благоусмотрѣніе о тѣхъ мѣроположеніяхъ, которыя я признавалъ необходимыми для будущаго устройства края въ отношеніи политическомъ, съ тѣмъ, чтобы мѣры эти, требующія продолжительнаго дѣйствія, не обинуясь, продолжались бы тѣмъ лицомъ, которое меня заступитъ. Вашему императорскому величеству благоугодно было утвердить главныя представленныя мною начала и такимъ образомъ возложено было на меня:

- 1) Продолжать крестьянское дѣло на прежнемъ основаніи;
- 2) устроить и, по возможности, возвысить достоинство православнаго духовенства, для чего ваше императорское величество соизволили

приказать отпускать ежегодно по 400 т. рублей на добавочное содержание изъ процентныхъ сборовъ;

3) заняться устройствомъ православныхъ храмовъ, для чего я испрашивалъ еще 500 т. рублей въ добавокъ къ расходу, производимому мною изъ контрибуціонныхъ суммъ,—на что и послѣдовало въпослѣдствіи разрѣшеніе;

4) умножить, по возможности, число русскихъ школъ какъ между христіанами, такъ и евреями, дабы русская рѣчь была всюду господствующею, какъ и подобаетъ быть въ русскомъ краѣ;

5) учителей гимназій и другихъ школъ, польскаго происхожденія, замѣнить вызванными изъ Россіи и закрыть тѣ публичныя заведенія, которыя были учреждены, съ цѣлью польской пропаганды, среди шляхты и мелкаго дворянства, которые, такимъ образомъ, выводились изъ обыкновеннаго круга занятій и поступали въ разрядъ чиновниковъ, ставшихъ во главѣ мятежа;

6) прекратить самопроизвольныя и самоуправныя дѣйствія римско-католическаго духовенства, которое считало себя господствующимъ въ томъ краѣ. Въ сихъ видахъ не позволять ему:

а) строить и чинить костелы, каплицы, філіи, безъ разрѣшенія главнаго начальника края;

б) дѣлать церковныя процессіи и производить оглашенія, безъ вѣдома и разрѣшенія мѣстнаго гражданскаго начальства;

в) не допускать назначенія ксендзовъ въ приходы, безъ согласія главнаго мѣстнаго начальства, и болѣе того числа, которое должно быть по числу приходовъ, а также не позволять вступать въ монашество и въ семинаріи, безъ разрѣшенія главнаго начальства;

г) прекратить произвольное бродяжничество римско-католическаго духовенства, которое, пользуясь безпечною мѣстнаго начальства, разбѣжало свободно по цѣлому краю, безнаказанно проповѣдывало мятежъ, возставало открыто противъ правительства и, будучи безбрачно, разжигало страсти въ польскихъ женщинахъ, какъ извѣстно, столь легко увлекающихся;

7) Водворить на прочныхъ основаніяхъ русскій элементъ въ краѣ, для чего поселять русскихъ крестьянъ на конфискованныхъ за мятежъ земляхъ и приглашать русскихъ къ покупкѣ имѣній въ томъ краѣ, съ предоставленіемъ имъ льготъ на основаніи составленныхъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ и высочайше одобренныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ правилъ,—съ новыми добавленіями о надѣленіи русскихъ чиновниковъ участками земли до 500 дес. и болѣе, съ разсрочкою уплаты денегъ въ извѣстный періодъ времени, дабы тѣмъ самымъ улучшить бытъ русскихъ дѣятелей въ могущихъ быть тамъ земскихъ собраніяхъ;

*

8) Для будущаго прочнаго обезпеченія власти русскаго правительства замѣщать постепенно и постоянно всѣ главныя должности, въ особенности же полицейскія и соприкасающіяся непосредственно съ народомъ, лицами русскими, вызванными изъ сердца Имперіи, дабы тѣмъ самымъ оградить себя отъ того несчастнаго и безвыходнаго положенія, въ которомъ находилось начальство при началѣ мятежа, когда всѣ должности были замѣщены поляками. Для поощренія же русскихъ дѣятелей вашему императорскому величеству благоугодно было разрѣшить имъ прибавку 50% къ содержанію. Относительно этой замѣны польскихъ чиновниковъ русскими было весьма много заявленій въ С.-Петербургѣ, гдѣ многіе находили мѣру эту несправедливою; но нельзя не высказать при этомъ случаѣ искренняго сожалѣнія, что среди правительственныхъ лицъ Россіи, испытавшей столько бѣдствій и пролившей столько драгоцѣнной русской крови отъ польской крамолы, находятся еще такіе, въ которыхъ благоразуміе по сію пору не взяло верхъ надъ чувствомъ какой-то ложной гуманности; они забываютъ, что должно служить Россіи, а не польскому дѣлу; если намъ указалъ горькій опытъ, что край, въ которомъ всѣ мѣста были почти исключительно заняты польскими чиновниками, былъ край не русскій и представлялъ обширное поле крамолѣ, то, конечно, мѣру замѣщенія мѣстъ русскими чиновниками нельзя считать несправедливою, хотя бы она и была нѣсколько стѣснительна для польскихъ уроженцевъ, идущихъ на мѣста въ видахъ собственныхъ выгодъ и къ содѣйствію всему вредному для русскаго правительства; въ этомъ случаѣ должна быть отброшена всякая мысль о гуманности. Къ сожалѣнію, я еще недавно выслушивалъ офиціальное сужденіе одного министра, который полагаетъ, что такъ какъ Западный край остается русскимъ, то и не должно дѣлать исключенія для тамошнихъ уроженцевъ въ правахъ, принадлежащихъ вѣрноподаннымъ вашему императорскому величеству. Опытъ указалъ, что когда приказано было мною по цѣлому краю сдѣлать одновременно внезапный обыскъ въ присутственныхъ мѣстахъ, то въ оныхъ найдено было: оружіе, порохъ, прокламаціи, секретная переписка; словомъ, цѣлый мятежъ сосредоточивался въ присутственныхъ мѣстахъ подъ зеркаломъ вашего императорскаго величества, въ римско-католическихъ монастыряхъ и у польскихъ чиновниковъ. Пора Россіи и всѣмъ русскимъ убѣдиться въ томъ, что съ польскимъ началомъ не можно и не должно дѣлать примиренія, ибо крамола должна непремѣнно исчезнуть, но мира съ нею быть не можетъ; гуманность и уступки въ этомъ случаѣ суть преступленія предъ Россіею. Вотъ мои убѣжденія, извѣданныя на опытѣ, въ продолженіе 40-лѣтняго глубокаго изученія Сѣверо-Западнаго края.

Возвратясь вновь, по волѣ вашего императорскаго величества, въ исходѣ мая 1864 года, въ высочайше вѣренный мнѣ край, я старался

въ точности исполнить вышепрописанную программу, и въ этотъ разъ Господь благословилъ начинанія мои успѣхомъ. Крестьянское дѣло быстро двинулось впередъ. Всѣ, противопоставленныя польскою и, къ сожалѣнію, нѣмецкою католическою, населяющею Ковенскую губернію и Инфляндскіе уѣзды Витебской губерніи, партією помѣщиковъ, претоны устранены, и всѣ смирились предъ непреклоннымъ исполненіемъ одобренныхъ вашимъ императорскимъ величествомъ началъ; русское дѣло восторжествовало съ благоденствіемъ крестьянъ, которые отовсюду посылали благодарственные адреса вашему императорскому величеству и сооружали церкви, престолы и часовни во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ воспоминаніе благодѣяній вашего императорскаго величества, щедро разлитыхъ на это угнетенное населеніе. Мировыя учрежденія, составленныя болѣе, чѣмъ изъ 400 лицъ, вызванныхъ изъ Россіи, съ примѣрнымъ самоотверженіемъ достигали цѣли, и нынѣ осталась одна треть всей работы, которая должна всецѣло кончиться къ осени текущаго года. Но много претерпѣли гоненій и сіи дѣятели; много пущено было на нихъ клеветы и неправды, которыя доходили и до вашего императорскаго величества. Ихъ обвиняли въ идеяхъ социализма, въ разрушеніи общественнаго порядка, въ уничтоженіи правъ собственности, словомъ, во всемъ, что могло только опорочить ихъ честь и ослабить энергическую дѣятельность—подобно тому, какъ распускали клеветы и на доблестныя войска вашего императорскаго величества, противу которыхъ поляки ложно даже присягали, обвиняя ихъ въ грабежѣ, тогда какъ они свято исполняли долгъ вѣрно-подданныхъ. Къ сожалѣнію, не одни поляки обвиняли мировыхъ дѣятелей, но и въ самомъ правительствѣ находились поборники тѣхъ же мыслей, увлеченные происками польской и нѣмецкой католической аристократіи. Между мировыми посредниками встрѣчались иногда люди, не оправдавшіе довѣрія, но ихъ тотчасъ же смѣняли и замѣняли достойнѣйшими. То же самое долженъ я сказать и о прочихъ русскихъ дѣтеляхъ, вызванныхъ для занятія гражданскихъ должностей въ Сѣверо-Западномъ краѣ на мѣста поляковъ. Вообще, болѣе 3 тыс. русскихъ чиновниковъ, учителей и семинаристовъ прибыло въ край. Въ подобной массѣ, безъ сомнѣнія, было не малое число недостойныхъ, что весьма часто случается и внутри Россіи; но бдительное начальство зорко за ними слѣдило, и неоправдавшіе довѣрія были высылаемы изъ края. Такимъ образомъ, въ короткое время, менѣе года, обновился цѣлый край: польское начало уничтожено, пропаганда утихла, крамола смирилась, русская народность возвысилась, правительственная власть утвердилась, и недостойные чиновники были замѣнены лучшими дѣтелями. Само собою разумѣется, что предстоящій переворотъ не могъ слѣжаться безъ ущерба. Кто понимаетъ, что значить управленіе, тотъ

постигнеть, что сдѣланное съ такимъ успѣхомъ не есть дѣло случая, но дружнаго содѣйствія русскихъ людей, вызванныхъ въ край, и общаго сочувствія цѣлой Россіи; въ противномъ разѣ еще многіе годы не удалось бы этого совершить. Благодареніе Богу, храмы православные всюду воздвигаются въ краѣ на суммы не 10 и 5%, сборовъ, а на контрибуціонныя и штрафныя, взысканныя съ владѣльцевъ и римско-католическаго духовенства за ихъ крамольныя побужденія и манифестаціи. Такимъ образомъ болѣе 100 церквей возобновляются и воздвигаются вновь на сказанныя суммы; на отпущенныя же вашимъ императорскимъ величествомъ 500 т. руб. будутъ окончательно возведены православные храмы въ Виленской и Гродненской губерніяхъ,—не деревянные, а каменные, дабы и на будущее время, во славу Божию, оставались они живыми памятниками въ народѣ. Въ самой Вильнѣ, въ которой было нѣкогда болѣе 30 православныхъ храмовъ, исчезнувшихъ подъ вліяніемъ римской пропаганды, нынѣ вновь воздвигаются уцѣлѣвшіе остатки отъ 2-хъ древнихъ святынь, и нѣсколько храмовъ передѣлываются и должны быть окончены къ осени нынѣшняго года; останется неотдѣланнымъ только одинъ Митрополитальный соборъ Пречистыя Богородицы, извѣстный вашему императорскому величеству, который освященъ былъ нѣкогда митрополитомъ и чудотворцемъ всея Россіи Алексіемъ; но и на устройство этого собора имѣется въ наличности болѣе 120 тыс. капитала, въ томъ числѣ слишкомъ 20 тыс., пожертвованныхъ изъ Россіи. Обращаясь за симъ къ важному дѣлу построенія церквей, я не могу не выразить искренняго сожалѣнія, что православные храмы въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, на которые вашимъ императорскимъ величествомъ отпускались щедро суммы, не всегда строились соотвѣтственно потребностямъ. Въ предупрежденіе будущихъ ошибокъ, я долженъ высказать, что прежніе православные храмы, оставшіеся отъ уни, большею частію крайне убоги, построены въ селеній, какъ бы въ укоръ православію; на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ нѣкогда были православныя церкви—выстроены нынѣ великолѣпные костелы, нерѣдко среди сплошнаго православнаго населенія, въ которые, при крайней убогости нашихъ русскихъ церквей, привлекается православный народъ, кромѣ римско-католической пропаганды, самымъ великолѣпнѣмъ костеловъ и органами. Для избѣжанія всего вышеизложеннаго и для удобства поселянъ, нынѣ, при постройкѣ церквей, постановлено правиломъ воздвигать таковыя среди селеній. Эта мѣра крайне необходима и должна быть всюду соблюдаема для исправленія собственныхъ нашихъ ошибокъ. Высказавшись о принятыхъ къ возведенію православныхъ храмовъ мѣрахъ, я не могу пройти молчаніемъ о томъ вредѣ, который происходилъ отъ безпечности и отъ такъ называемой вѣротерпимости, позволявшей римско-католической пропагандѣ проникать

всѣми возможными путями къ достиженію преступной цѣли—ополченія и окатоличенія края; ибо католическая вѣра того края не вѣра, а политическая ересь; римско-католическіе епископы, ксендзы и монахи не составляютъ духовенства, а политическихъ эмиссаровъ, проповѣдующихъ вражду къ русскому правительству и ко всему, что только носить названіе русскаго и православнаго. Такимъ образомъ имъ удалось, въ издревле русскомъ краѣ, обратить въ католичество городское населеніе и довольно значительную часть сельскаго. Не надобно никогда вводить себя въ заблужденіе и знать, что доколѣ римско-католичество будетъ господствовать въ краѣ и правительство не поставитъ его въ положеніе зависимости, что и сдѣлано уже мною, доколѣ мы не можемъ быть увѣрены въ моральномъ преобладаніи въ краѣ, ибо всѣ политическія страсти положительно разжигаются римско-католическимъ духовенствомъ. Въ настоящее время оно смирилось и не смѣетъ явно противо-дѣйствовать; преслѣдовать его юридически нельзя, ибо ковы его тайны, а потому необходимо зоркое за нимъ наблюденіе и наложеніе денежныхъ штрафовъ за всякое нарушеніе установленнаго порядка. Вотъ единственная и необходимая система, безъ которой не остановится латино-польская пропаганда; она, какъ волкъ, врывается въ наше православное стадо; самопроизвольно устрояетъ алтари въ домахъ помѣщиковъ, съ одного только разрѣшенія епископовъ; перестраиваетъ таковыя впослѣдствіи въ каплицы, въ видѣ фамиліальныхъ кладбищенскихъ склеповъ, затѣмъ обращаетъ ихъ въ філіи и, наконецъ, въ приходскіе костелы, съ припискою къ нимъ православныхъ прихожанъ. Такимъ образомъ, внутри православныхъ приходовъ встрѣчается постоянно по 5—10 філій и каплицъ, неизвѣстно съ чьего разрѣшенія построенныхъ, приписанныхъ къ отдаленнымъ приходскимъ костеламъ, въ которыхъ считается 10—15 дворовъ римско-католиковъ; живущее около нихъ русское населеніе постепенно соблазняется ксендзами и овращается въ латинство. Въ 1864 году, вслѣдствіе строгаго наблюденія за несо-вращеніемъ, болѣе 12 тыс. душъ православныхъ, обращенныхъ въ католицизмъ вышеказанными средствами, опять воссоединились съ православіемъ, вслѣдствіе чего много изъ вышеупомянутыхъ філій и каплицъ было закрыто, на точномъ основаніи закона, по неимѣнію достаточнаго числа прихожанъ.

Нельзя не выразить безъ прискорбія, что зло въ этомъ случаѣ происходило какъ отъ польской пропаганды, такъ и отъ безпечности гражданскаго и духовнаго начальства. Оставляя край, я долженъ высказать это съ полною откровенностію, ибо было бы весьма грустно, если, послѣ всего сдѣланнаго, страна эта обратится опять въ польскую, тогда какъ опыты доказали, что въ весьма короткое время польское дѣло тамъ погибло, и никогда не возстанетъ, если только правительство будетъ

настоячиво продолжать и неуспынно слѣдить за проясками латино-польской пропаганды. Но не надобно забывать, что, кромѣ опредѣленной системы для дѣйствія со стороны правительства, нуженъ и выборъ дѣятелей, способныхъ приводить въ исполненіе благія предначертанія вашего императорскаго величества; въ противномъ случаѣ усердіе, рвеніе и добросовѣстность не помогутъ. Это будутъ однѣ только отрицательныя качества. Самый лучшій инструментъ въ рукахъ плохаго исполнителя будетъ издавать одни только дисгармоническіе звуки. Распространяться болѣе о сдѣланномъ и о томъ, что предстоитъ еще сдѣлать, не нахожу надобности. Скажу только одно: съ помощью русскихъ дѣятелей дѣло присоединенія того края къ Россіи значительно подвинулось впередъ; большая будетъ ошибка съ нашей стороны, если мы подумаемъ, что можно одною только силою удержать его: можетъ придти моментъ, чего Боже сохрани, что не поможетъ и сила: если не утвердятся тамъ православіе и наша русская народность, особенно теперь, когда поляки, наученные опытомъ прошедшаго въ ошибочности своихъ дѣйствій, будутъ еще осторожнѣе и, пожалуй, смогутъ успѣть въ своихъ крамольныхъ ковахъ. Всѣ возгласы и осужденія противу русскихъ дѣятелей, едва призванныхъ въ край и совершившихъ столь многое для пользы Россіи, есть болѣею частью клевета и, смѣю сказать, преступная измѣна; надо понимать управленіе и знать, что вездѣ и всегда въ огромномъ дѣлѣ есть много недостатковъ и что тамъ, гдѣ нужно было быстро идти, не оглядываясь, впередъ, чтобы потушить все охватившій пожаръ, тамъ всѣ средства, даже въ обыкновенное время и нелегальныя, должны были быть употреблены, ибо съ законностью насъ вынесли бы изъ края, какъ выносятъ сонныхъ дѣтей. И мы въ 1863 году были точно въ такомъ же положеніи. Границы 1772 года были почти рѣшены и въ Европѣ и во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ; легальныя полицейскіе суды, допускавшіе безнаказанно въ продолженіе столь долгаго времени всѣ демонстраціи и манифестаціи, клонившіяся къ явному уничтоженію Россіи, съ оплеваніемъ русскихъ людей и даже войскъ вашего императорскаго величества на улицахъ Вильны и Варшавы, конечно, свидѣлствуютъ о томъ безвыходномъ положеніи, въ которое мы себя поставили сами, а отнюдь не польскій умъ и польское знаніе.

Окончивъ, такимъ образомъ, весь періодъ прекращенія мятежа, я занялся устройствомъ крестьянскаго дѣла, установленіемъ порядка въ противность польской пропагандѣ, устройствомъ православныхъ храмовъ и причетническихъ строеній, находившихся въ разрушенномъ видѣ, учрежденіемъ русскихъ народныхъ школъ, которыя заведены даже на Жмуди, куда началъ нынѣ проникать русскій языкъ; введеніемъ русскихъ буквъ, вмѣсто польскихъ, въ жмудскихъ и латышскихъ буква-

рахъ, распространеніемъ русскихъ молитвенниковъ, вмѣсто польскихъ, бывшихъ въ употребленіи среди православнаго населенія, распространеніемъ для обученія народа русскихъ историческихъ и священныхъ картинъ съ изображеніемъ православныхъ святыхъ (подобныхъ картинъ распространено въ край болѣе 100 т. экземпляровъ и заказано до 60 т. разныхъ молитвенниковъ въ синодальной типографіи,—что еще не исполнено); введеніемъ въ обычай носить православнымъ наперсные кресты, что доселѣ не было соблюдаемо; уничтоженіемъ вредныхъ жмудскихъ молитвенниковъ, кланущихъ владычество Россіи; прекращеніемъ преподаванія превратнымъ образомъ исторіи края, въ которой толковалось о наѣздѣ русскаго правительства, о томъ, что русскаго никогда и ничего тамъ не было и т. д. Съ этою цѣлью предложено, съ премією, Московскому университету написать исторію Россіи и Западнаго края, и образована особая коммиссія для пересмотра Виленскаго музеума, въ которомъ, вопреки высочайшаго указанія въ Бозѣ почившаго наслѣдника цесаревича, всѣ предметы содѣйствовали не къ вѣщшему скрѣпленію узъ, соединяющихъ литовскія губерніи съ Россією, а напоминали бывшій польскій гнетъ и польское владычество; съ умысломъ были даже помѣщены на видныхъ мѣстахъ разныя вещи, принадлежащія Костюшкѣ и инымъ агитаторамъ, чтобы нагляднымъ образомъ возбудить мятежныя тенденціи въ публикѣ. Словомъ, уничтоженіе всѣхъ политическихъ происковъ польской пропаганды—вотъ цѣль, которую я предположилъ себѣ и старался привести въ точное исполненіе въ теченіе періода управленія моего краемъ.

Нынѣ, оставляя оный, съ соизволенія вашего императорскаго величества, я долженъ всеподданнѣйше доложить, что съ содѣйствіемъ начальниковъ губерній, ревностно трудившихся къ умиротворенію края, цѣль была достигнута, благодаря благонамѣреннымъ усиліямъ ихъ и прочихъ русскихъ дѣятелей. Теперь остается заняться водвореніемъ на будущее время прочаго гражданскаго управленія. Дѣла, собственно политическія, о лицахъ, участвовавшихъ въ мятежѣ, поглощали почти все время начальниковъ губерній, которые обязаны были разсматривать постановленія какъ слѣдственныхъ, такъ и военно-судныхъ комиссій и сверхъ того слѣдить и разыскивать всѣ тайныя сношенія захваченныхъ въ преступленіи лицъ съ оставшимися въ край тайными крамольниками. Такимъ образомъ цѣлый 1864 годъ былъ употребленъ мѣстными губернаторами на возможно скорое окончаніе политическихъ дѣлъ и на уничтоженіе въ край остатковъ тайной мятежной организаціи. Къ сему считаю долгомъ присовокупить, что учрежденныя по моему ходатайству, съ высочайшаго соизволенія вашего императорскаго величества, жандармскія команды, подчиненныя въ дѣйствіяхъ своихъ начальникамъ губерній, составляя самую дѣятельную и благонамѣренную, въ видахъ

правительства, полицію, въ родѣ Mavéchaussé во Франціи, окончательно послужили къ умиротворенію края; ибо жандармы успѣли заслужить довѣріе населенія, такъ что сами крестьяне приходили заявлять имъ о тайныхъ ковахъ и укрывательствѣхъ мятежниковъ. Такимъ образомъ, начальники губерній, слѣдя за дѣйствіями слѣдственныхъ и военно-судныхъ комиссій и рассматривая ихъ постановленія и приговоры съ содѣйствіемъ жандармскихъ командъ, успѣли открыть убѣжища крамольныхъ мятежниковъ, такъ что во второй половинѣ того года окончательно очистился край отъ бродившихъ одиночныхъ личностей и польскихъ эмисаровъ, старавшихся еще распространять и возобновлять мятежныя покушенія. Подобнымъ-то образомъ была окончательно обнаружена тайная организація края, и взяты участники въ оной. Такъ какъ все дѣло мятежа было основано на сѣти тайныхъ сообществъ, имѣющихъ значительную связь съ С.-Петербургомъ и служащими внутри Имперіи польскими чиновниками, такъ что секретныя организаціи не только покрывали цѣлый край, но и далеко распространялись за предѣлами онаго, то, съ обнаруженіемъ таковыхъ, чему я обязанъ начальникамъ губерній и членамъ слѣдственныхъ и военно-судныхъ комиссій, оно хотя было обнаружено и подавлено, но не подлежитъ сомнѣнію, что еще тлѣетъ подъ пепломъ, ибо никогда нельзя надѣяться на польскую преданность и покорность. Дальнѣйшіе успѣхи будутъ зависѣть отъ того направленія, которое дастъ высшее правительство, и неослабно зоркихъ и энергическихъ дѣйствій главныхъ дѣятелей, коимъ поручено будетъ распоряженіе краемъ.

Мысль о возвращеніи высланныхъ за политическія преступленія изъ края лицъ, не однажды проникавшая и распространявшаяся между обывателями Сѣверо-Западнаго края и, къ сожалѣнію, поддерживаемая нѣкоторыми изъ главныхъ правительственныхъ дѣятелей, смѣю сказать, есть мысль преступная, ибо служить къ бесполезному пролитію русской крови въ томъ краѣ. Я считаю для себя священною обязанностью предупредить объ этомъ правительство, тѣмъ болѣе, что это не однажды подтверждалось горькимъ опытомъ. Всякая милость правительства принимается поляками за слабость, и если бы правительство, при самомъ началѣ проявленія польскихъ манифестацій, вмѣсто примирительныхъ и такъ называемыхъ легальныхъ мѣръ, употребило бы мѣры справедливой строгости, то мятежъ былъ бы подавленъ прежде полнаго развитія и много несчастныхъ жертвъ было бы сбережено; неблагоприятная гуманность есть жестокость и, смѣю сказать, въ послѣдствіяхъ своихъ есть преступленіе.

Я имѣлъ уже счастье доводить до свѣдѣнія вашего императорскаго величества, чрезъ военнаго министра, о числѣ лицъ, подвергшихся по судебнымъ приговорамъ и постановленіямъ слѣдственныхъ комиссій раз-

личнымъ тяжкимъ наказаніямъ и частью высланныхъ на жительство въ край, въ видѣ административныхъ взысканій. Молва, вслѣдствіе польской пропаганды, старалась увеличить, по возможности, разсказъ объ этихъ жертвахъ. Ваше императорское величество изволила видѣть изъ отчета, что число приговоренныхъ къ тяжкимъ наказаніямъ и лишенію правъ состоянія едва составляетъ 3.500 человекъ на цѣломъ пространствѣ края, и до 5 т. простолюдиновъ, преимущественно изъ мелкой шляхты и иныхъ разночинцевъ, было выслано изъ края для водворенія на казенныхъ земляхъ сибирскихъ губерній, потому что по неблагонадежности общество не приняло ихъ на свое поручительство. Смѣю увѣрить ваше императорское величество, что всѣ возможные мѣры снисхожденія были употреблены, дабы уменьшить число жертвъ; болѣе 9 т. человекъ, виновныхъ по участию въ мятежѣ и осужденныхъ на административныя взысканія, оставлены въ краѣ, подъ надзоромъ полиціи. Цифры эти, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствуютъ достаточно, что управленіе Сѣверо-Западнаго края старалось соединить справедливость съ милосердіемъ, столь свойственнымъ царствованію вашего императорскаго величества. Менѣе едва-ли можно было допустить жертвъ тогда, когда цѣлый край былъ объятъ пламенемъ мятежа и не было, можетъ быть, ни одного дворянскаго и шляхетскаго семейства и духовнаго лица римско-католическаго исповѣданія, которое бы не участвовало словомъ или дѣломъ къ поддержанію крамолы, мятежа и убійствъ.

Обращаясь къ будущему положенію края, требующему продолженія выше прописанныхъ мѣръ, для политическаго благоустройства оного, я полагаю, что съ окончаніемъ крестьянскаго дѣла, съ прекращеніемъ дѣйствій въ нынѣшнемъ году слѣдственныхъ и военно-судныхъ комиссій, кромѣ постоянной, которая должна оставаться въ Вильнѣ, слѣдуетъ особо заняться устройствомъ гражданскаго управленія и удержаніемъ русскихъ чиновниковъ въ краѣ, столь усердно содѣйствовавшихъ къ водворенію въ ономъ законнаго порядка, русской народности и православія, переводомъ ихъ туда и передачею имъ въ собственность земель. Къ сожалѣнію, должно сказать, что управленіе это всегда и искони въ Сѣверо-Западномъ краѣ было въ самомъ неустроенномъ положеніи. Мнѣ край тотъ извѣстенъ 40 лѣтъ, и я могу судить о немъ безъ увлеченій, съ полнымъ знаніемъ дѣла. Съ распространеніемъ же мятежа были разрушены тамъ и послѣднія основы гражданскаго управленія; большая часть польскихъ чиновниковъ ушла въ мятежъ, или была взята за участіе въ ономъ, и только едва въ 1864 году присутственныя мѣста могли начать, хотя не вполне, свои служебныя дѣйствія. Имѣя въ виду необходимость приведенія въ точную извѣстность положенія всѣхъ присутственныхъ мѣстъ и управленій въ губерніяхъ, я еще въ истекшемъ 1864 году преподалъ начальникамъ губерній подробныя наставленія объ осмотрѣ всѣхъ уѣздовъ, съ самымъ тщательнымъ изслѣдованіемъ поло-

женія управленія и принятыхъ мѣръ къ водворенію должнаго устройства въ присутственныхъ мѣстахъ. Въ предложеніи этомъ я, между прочимъ, указалъ, что съ прекращеніемъ заботы объ усмирении мятежа и искореніемъ крамолы предстоитъ дѣло упроченія на твердыхъ основаніяхъ законнаго порядка и вмѣстѣ съ тѣмъ забота о благоустройствѣ края и внутренняго управленія онымъ. Съ этою цѣлью, признавая необходимымъ, чтобы каждый изъ начальниковъ губерній, не ограничиваясь свѣдѣніями, донесеніями и распоряженіями, заключающимися въ перепискѣ со всѣми подлежащими ему мѣстами и вѣдомствами въ губерніи, удостоившись осязательно, въ какомъ положеніи находятся всѣ части управленія, я поручилъ губернаторамъ лично обозрѣть ввѣренную имъ губернію и произвести подробную ревизію по оной всѣхъ какъ судебныхъ, такъ и административныхъ мѣстъ и учрежденій, обращая при томъ строгое вниманіе на составъ въ оныхъ чиновниковъ, въ особенности по военно-гражданскому и полицейскому управленіямъ, и на то, вполне ли соотвѣтствуютъ ихъ дѣйствія распоряженіямъ правительства и главнаго мѣстнаго начальства, при чемъ, если замѣчены будутъ какіе-либо безпорядки въ теченіи дѣлъ, уклоненіе отъ точнаго исполненія распоряженій, злоупотребленіе власти, а равно неблагонадежность должностныхъ лицъ, то вмѣнилъ въ обязанность принять немедленно на мѣстѣ надлежащія мѣры къ прекращенію безпорядковъ и злоупотребленій и къ устраненію лицъ, допустившихъ оныя.

При обзорѣ этомъ поручено было губернаторамъ обратить особенное вниманіе:

1) На состояніе городского хозяйства, которое вообще, по нерадѣнію къ оному самихъ городскихъ обществъ и вкоренившемся злоупотребленію лицъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивается завѣдываніе онымъ, запущено и находится въ самомъ неудовлетворительномъ положеніи.

2) На порядокъ, въ которомъ производится исполненіе податными сословіями лежащихъ на нихъ повинностей, и на мѣры, предпринимаемыя къ правильному и неуклонному исполненію оныхъ; на порядокъ взиманія государственныхъ податей и другихъ общественныхъ сборовъ и на причины, по которымъ, накопляясь и увеличиваясь ежегодно, тяготятъ на обществахъ значительныя недоимки.

3) На бытъ какъ государственныхъ, такъ и временно-обязанныхъ крестьянъ (крестьянъ-собственниковъ) и на правильность дѣйствій по отношенію къ первымъ,—чиновъ вѣдомства государственныхъ имуществъ, а въ отношенія послѣднихъ,—мировыхъ посредниковъ.

4) На устройство вообще мировыхъ учреждений, а также на дѣйствія повѣрочныхъ комиссій какъ въ отношеніи обезпеченія быта крестьянскаго сословія дарованными ему правительствомъ правами, такъ равно и землевладѣльцевъ—слѣдующею имъ по закону собственностию.

5) На городскія и сельскія школы, равнымъ образомъ на то, соот-

вѣтствуютъ ли онѣ при настоящемъ своемъ устройствѣ и личномъ составѣ наставниковъ предположенной правительствомъ цѣли; при чемъ особенному вниманію губернаторовъ поручилъ наблюдать, чтобы народныя школы тамъ, гдѣ нѣтъ къ тому особыхъ препятствій, находились непремѣнно подъ ближайшимъ подчиненіемъ мѣстнаго православнаго духовенства, и чтобы отнюдь не было допускаемо обученіе въ школахъ польскому языку, а также существованія школъ, учрежденныхъ помѣщиками польскаго происхожденія, безъ особаго разрѣшенія начальства.

6) На состояніе православныхъ церквей и бытъ православнаго духовенства.

7) Такъ какъ римско-католическое духовенство было главнѣйшимъ подстрекателемъ мятежа и постоянно стремилось къ распространенію польской революціонной пропаганды съ цѣлью уничтоженія русской народности въ адмѣннмъ краѣ, и въ сихъ видахъ оно, безъ установленнаго закономъ разрѣшенія начальства, строило самопроизвольно костелы, каплицы и філіи внутри даже православныхъ приходовъ, то, обращая на это особое вниманіе губернаторовъ, поручилъ имъ принять зависящія отъ нихъ мѣры, чтобы подобные случаи не могли повторяться и чтобы подобнаго рода сооруженія, безъ установленнаго закономъ разрѣшенія гражданскаго начальства, отнюдь не были допускаемы.

Независимо отъ всѣхъ приведенныхъ выше отдѣльныхъ указаній, поручено при объѣздѣ губерній обращать тщательное вниманіе вообще на весь ходъ внутренней администраціи, на состояніе городского и сельскаго хозяйства и на всѣ части, касающіяся благосостоянія обывателей, и подвергнувъ всѣ эти предметы подробному осмотру, исправить тѣ неудобства и вкравшіяся злоупотребленія, которыя по оплошности, или злонамѣренности должностныхъ лицъ допускаются на мѣстѣ и ускользали до нынѣ отъ бдительности высшей власти, въ особенности же вниманіе должно быть обращено на политическую сторону управленія, и принять всѣ зависящія мѣры какъ къ прекращенію и искорененію революціонной польской католической пропаганды, такъ равно къ поднятію и возвышенію достоинства и значенія православнаго духовенства, и къ утвержденію въ краѣ русской народности.

Хотя начальники губерній и приступили отчасти къ исполненію вышеизложеннаго распоряженія, но рекрутскій наборъ, назначенный съ 15-го января 1865 года, отвлекъ ихъ отъ исполненія сего важнаго дѣла. Благополучное и безнедоимочное окончаніе рекрутскаго набора прежде назначеннаго мѣсячнаго срока, свидѣтельствуя объ особой заботливости губернаторовъ и мѣстныхъ властей, поставленныхъ въ управленіи, вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуетъ и о совершенномъ спокойствіи въ краѣ, ибо и самая трудная для набора Ковенская губернія исполнила таковой безнедоимочно. Я надѣюсь, что нынѣ начальники губерній,

продолжая исполнять сдѣланныя мною распоряженія указаннымъ имъ порядкомъ, въ теченіе года сумѣютъ установить оный на лучшихъ началахъ, чѣмъ тѣ, которыя были до начатія мятежа. Край тотъ крайне нуждается въ хорошемъ управленіи, но, къ сожалѣнію, нужно много времени, чтобы оное водворить тамъ, ибо нѣтъ предшествующихъ началъ, которыя могли бы служить указаніемъ къ устройству; вообще тамъ, какъ сказано выше, не было никакого порядка еще давно, до мятежа, а въ городахъ не существовало никакого хозяйства. При благодѣтельныхъ указаніяхъ вашего императорскаго величества ко всеобщему благоустроенію Имперіи, конечно, будутъ оживлены тѣми же стремленіями и главные правители Сѣверо-Западнаго края Россіи; одного только должны желать, чтобы прежде, нежели вводить въ оный тѣ преобразованія, которыя признаны нужными въ Великороссійскихъ губерніяхъ, былъ бы вполне потушенъ польскій элементъ, и чтобы учрежденіе правъ земства не возвратило польскимъ тенденціямъ новой силы и новаго управленія. Военное положеніе должно еще долго оставаться въ краѣ; нельзя распускать бразды управленія; польскіе помѣщики, шляхта и ксендзы недостойны никакой милости; они не могутъ быть сравнены въ правахъ, которыя ваше императорское величество даете вѣрной и преданной вамъ Россіи. Западный край и Польша,—всегдашнее гнѣздо крамолы и клятвопреступленія, не могутъ быть поставлены на-ряду съ русскими вѣрноподданными вашего императорскаго величества. Контрибуціонные сборы съ польскихъ помѣщиковъ должны продолжаться постоянно; молва о томъ, что контрибуція разорвали край, совершенно ложна и выдумана нарочно поляками; доказательствомъ тому служить то обстоятельство, что, при продажѣ имѣній, за долги еще ни одно не вышло у нихъ изъ рукъ; долги контрибуція и подати уплачиваются исправно; а что край улучшился,—доказательствомъ тому служить быть крестьянъ, которые исправно вносятъ подати. Молю Бога, чтобы главные дѣятели и правительство не увлекались общими европейскими идеями гуманности и будто бы однородностью обывателей во всей Имперіи; они должны зорко слѣдить за сѣверо-западными окраинами нашего дорогаго отечества, неоднократно возрождавшими столь значительныя для Россіи потери. Мы не можемъ быть тамъ спокойны дотолѣ, доколѣ польскій элементъ не будетъ окончательно подавленъ и польскіе пришельцы вмѣстѣ съ русскими ренегатами не почувствуютъ, что они должны покоряться не одной только силѣ оружія, но и моральному слитію съ великимъ русскимъ народомъ, который господствовалъ искони и по нынѣ господствуетъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, составить одно нераздѣльное политическое цѣлое. Для этого же нужны русскіе дѣятели, и я умоляю ваше императорское величество обратить вниманіе на постоянное возвышеніе въ томъ краѣ русскаго элемента.

Собственноручныя письма В. А. Жуковского къ Д. П. Северину ¹⁾.

36.

5-го іюня 1847 г.

Письмо твое, милый Котъ, ввѣренное тобою князю Гагарину²⁾, получено мною только нынче, слѣдовательно, оно, вышедъ на свѣтъ 28-го мая, достигло своего назначенія въ осьмой день отъ своего рожденія. Гагаринъ, съ которымъ я два дни тому назадъ, т. е. 2-го іюня, обѣдалъ у Убри³⁾, у котораго, т. е. у Убри, была графиня Нессельродъ⁴⁾ (нѣсколько похудѣвшая и что-то весьма мрачная и теперь находящаяся въ Баденѣ), прислалъ мнѣ это письмо только нынче по городской почтѣ, не заботясь, быть можетъ, о томъ, чтобы быть его вручителемъ, тобою рекомендованнымъ. И мнѣ онъ понравился въ то время, когда мы сидѣли съ нимъ рядомъ за столомъ у Убри и ѣли трюфели; отецъ его⁵⁾ былъ мой соученикъ по пенсіону и послѣ того добрый пріятель; мать его⁶⁾ очень замѣчательная и милая женщина, также мнѣ знакомая; братъ его⁷⁾ могъ бы быть славнымъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, апрѣль 1902 г.

²⁾ Князю Теофілу Григорьевичу Гагарину († 1853), бывшему въ то время младшимъ секретаремъ посольства во Франкфуртѣ.

³⁾ Петра Яковлевича, нашего посланника въ Франкфуртѣ (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 150, прим. 3-е).

⁴⁾ Супруга вице-канцлера.

⁵⁾ Князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ (р. 1782 † 1837), бывшій нашимъ посланникомъ въ Туринѣ, а затѣмъ въ Мюнхенѣ.

⁶⁾ Княгиня Екатерина Петровна (р. 1790 † 1873), рожденная Соймонова, сестра извѣстной Софіи Петровны Свѣчиной.

⁷⁾ Князь Григорій Григорьевичъ Гагаринъ (р. 1810 † 1893), впоследствии вице-президентъ Императорской Академіи Художествъ. Имъ расписанъ Сіонскій соборъ въ Тифлисѣ.

живописцемъ, если бы не осужденъ былъ быть обыкновеннымъ дѣйствователемъ на сценѣ нашего большаго свѣта. Все это служить предисловіемъ къ тому, чтобы тебѣ изъяснить, почему я такъ поздно откликнулся на письмо твое. Откликъ мой состоитъ въ слѣдующемъ: радуюсь, милый Коть, что увижу тебя въ Саксенгаузенѣ. Я дожидаюсь прибытія нашего милаго цесаревича около 3-го (15-го) іюня, то есть или до или по¹⁾. Какъ онъ писалъ ко мнѣ, прибытіе его должно послѣдовать въ первыхъ числахъ нашего іюня. Графиня Нессельродъ сказывала, что они отправляются 28-го мая изъ Петербурга на пароходъ, и не на Штеттинъ и Любекъ, а на Киль—почему это, не знаю. Я пробуду все это время въ своемъ Саксенгаузенѣ. По приговору Коппа²⁾ долженъ остаться нынѣшнюю зиму для моей бѣдной жены за границу; хотѣлъ ее оставить и съѣздить въ Россію одинъ, и это было для меня такъ рѣшено, что я всѣмъ объявилъ о своемъ пріѣздѣ, а выходить напротивъ. Коппъ требуетъ, чтобы жена провела лѣто и начало осени въ Интерлакенѣ, дышала горнымъ воздухомъ и пила сыворотку. И я туда ѣду съ нею. Послѣднее время все было исполнено для меня и для всѣхъ насъ тревогою и печалью. Первая половина 1845 года была весьма худа для моего здоровья; но я теперь совсѣмъ поправился. За то и 1845, и 1846 годы для жены будутъ памятны, особливо послѣдній, и всѣ почти мѣсяцы 1847. Сверхъ болѣзни тяжкое горе: смерть сестры³⁾ и четырехъ-мѣсячная болѣзнь брата⁴⁾, который не разъ былъ у дверей гроба и только теперь начинаетъ поправляться. Все это остановило мою Одиссею, которая съ самаго дня рожденія моего сына (1-го генваря с(тарого) с(тиля) 1845) ни на шагъ не подвинулась впередъ.—Пріѣзжай, милый; весело будетъ тебя увидѣть въ моемъ домѣ. Я представлю тебя съ удовольствіемъ Павлу Васильевичу⁵⁾. А Александра Васильевна обрадуется, увидѣвъ своего стараго друга-кривляку и танцовщика. Жена моя тебѣ сердечно, дружески кланяется. Увѣдомь напередъ, когда навѣрное будешь. Наше отправленіе въ Интер-

¹⁾ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ и его супруга проводили въ 1847 г. лѣто въ Киссингенъ и Дармштадтъ.

²⁾ Иоганнъ-Генрихъ Коппъ (р. 1777 † 1858), докторъ и авторъ нѣсколькихъ трудовъ по медицинѣ, пользовавшійся большою извѣстностью у русскихъ, ѣздившихъ за границу.

³⁾ Второй дочери Гергардта Рейтерна, двадцатичетырехлѣтней Маріи (Min) Рейтернъ († отъ тифа 10-го (22-го) февраля 1847 г.). Объ ея смерти см. въ письмѣ Жуковскаго къ Гоголю, отъ 20-го февраля (4-го марта) 1847, напеч. въ приложеніяхъ къ Отчету Императорской Публич. Библіотеки за 1887 годъ, стр. 58—61.

⁴⁾ Одиннадцатилѣтняго Гергардта Рейтерна, который также былъ боленъ тифомъ (см. „Gerhardt von Reutern. Ein Lebensbild“, St.-Petersburg. 1894, стр. 135—137).

⁵⁾ Павелъ Васильевичъ и Александра Васильевна—дѣти Жуковскаго.

лакенъ послѣдуетъ въ началѣ іюля, по отъѣздѣ великаго князя; или, можетъ быть, и позже. Нашъ дружескій поклонъ милой Кошечкѣ. Обнимаю тебя. Свѣтлана.

Очарованный Челнокъ ¹⁾ побывалъ у насъ и, кажется, полюбилъ жену мою; это заключено изъ того, что онъ весьма часто бралъ ее за руку и всякой разъ осыпалъ руку своими чмоканьями. Все тотъ же милый чудакъ; только устарѣлъ.

37.

1-го августа (новаго стиля) ²⁾ 1847 г. (Эмсъ).

Мой милый Сѣверинъ, сейчасъ распространился здѣсь слухъ, что будто в(еликій) к(нязь) наслѣдникъ вдругъ уѣхалъ изъ Киссингена въ Петербургъ. Правда ли это и что это значитъ ³⁾? Ты окажешь мнѣ великую дружбу, если немедленно мнѣ будешь отвѣчать на этотъ запросъ въ Эмсъ. Спѣшу посылать на почту и обнимаю тебя. Жуковский.

38.

18-го (30-го) января 1848 г. ⁴⁾.

Котъ! Посылаю тебѣ просьбу, которую постарайся исполнить, чѣмъ очень, очень одолжишь меня. Ты будешь смѣяться, узнавъ содержаніе просьбы. И конечно есть надъ чѣмъ. Тогда какъ вся Европа стоитъ на кратерѣ вулкана, готовая встрѣтить страшную лаву, когда на развалинахъ вѣры и правды яростный радикализмъ строитъ свой лубопный театръ, чтобы въ немъ дать пиръ на весь міръ всякаго рода разбойникамъ и ворами и чтобы, отпировавъ, вмѣстѣ съ ними задохнуться подъ обломками минутнаго своего зданія, когда на Альпахъ уже горятъ маяки, означающіе возстаніе черни, ему (то есть радикализму) подвластной; когда англійскіе поклонники свободы, законности и правды безъ стыда подаютъ руку греческимъ ворами и даютъ имъ пристанище или притонъ на корабляхъ, осѣняемыхъ флагомъ Бри-

¹⁾ Арзамасское прозвище Петра Ивановича Полатика (р. 1778 † 1849) (см. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 139, прим. 8-е).

²⁾ Какъ это видно изъ почтоваго штемпеля на письмѣ: Bad-Emm, 1 Aug. 1847.

³⁾ Наслѣдникъ цесаревичъ выѣхалъ изъ Дармштадта въ обратный путь въ Россію лишь 12-го (24-го) сентября.

⁴⁾ Дата выставлена рукою Северина (списана, очевидно, съ почтоваго штемпеля на конвертѣ письма). Северинимъ же сдѣлана на письмѣ описка: „Отвѣчалъ 2-го (14-го) фев(ала)“.

таннія; когда на тронъ благороднаго датскаго короля ¹⁾ всходитъ пьяный его сынъ ²⁾, когда безстыдныя плѣхи преобразуются властію королей въ сіятельныя графини ³⁾, — въ эту важную роковую минуту шестидесятилѣтній поэтъ проситъ почти столь же престарѣлаго министра Русской имперіи, имѣющаго значительное имя между дипломатами Европы, чтобы онъ постарался найти ему для его и дѣтей его забавныя картинки, по образцу, здѣсь приложенному. Не смѣшно ли? Смѣшно. Смѣйся, а не премѣнно сыщи и пришли картинки. Почему ты именно, а не другой кто осужденъ заняться такою важною негоціаціею? Вотъ почему: эти картинки давнымъ давно, то есть за шестьдесятъ лѣтъ передъ симъ, были выданы въ Аугсбургъ или въ Ниренбергъ. Онѣ были во время оно блаженствомъ нынѣшняго шестидесятилѣтнаго поэта, тогдашняго шестилѣтнаго мальчишки. Онѣ, то есть картинки, изображали между прочимъ знаменитые города Европы: Парижъ, Версаль, Амстердамъ, внутренности многихъ зданій, семь чудесъ свѣта, и прочее, и прочее. Здѣсь мнѣ удалось найти нѣкоторые въ испорченномъ видѣ транспарановъ, и во мнѣ сильно загорѣлось желаніе приобрѣсть всю эту коллекцію, которая имѣетъ для меня прелесть не по художественной красотѣ своей, а потому, что въ этихъ пестрыхъ листахъ сидитъ бездна ребяческихъ воспоминаній. Я хотѣлъ бы, чтобы то, что меня старика радовало, какъ ребенка, было радостью и моихъ дѣтей въ ихъ ребячествѣ. Переводя Одиссею, я не забываю самъ устраивать для нихъ Guckkasten ⁴⁾. Прошу тебя, моего милаго Кота, поручить кому-нибудь въ Минхенѣ отыскать желаемую коллекцію, вѣрно еще найдется или вся она, или хотя нѣсколько листовъ между старьемъ у антикваріевъ въ Минхенѣ, Аугсбургѣ и Ниренбергѣ. Ты меня истинно одолжишь и въ полномъ смыслѣ какъ ребенка обрадуешь. А въ награду за это пришлю тебѣ отборный экземпляръ моихъ Сочиненій; ихъ изданіе, вѣроятно послѣднее при мнѣ, печатается въ Карлсру. Оно выдетъ въ свѣтъ не прежде, какъ въ концѣ нынѣшняго года; но тебѣ доставлю, какъ скоро цѣлый томъ или цѣлые томы (ибо разомъ печатается три тома) совѣмъ поспѣютъ; однако получишь не иначе, какъ отыскавши мнѣ мои картинки. Ты же, дипломатъ, людямъ, состоящимъ на лицѣ при дворѣ, даришь портретъ свой, а меня, не

¹⁾ Датскій король Христіанъ VIII умеръ 8-го (20-го) января 1848 года.

²⁾ Король Фридрихъ VII (р. 1808 † 1863). Онъ былъ женатъ два раза и затѣмъ оба раза разводился съ своими женами; въ 1850 г. онъ вступилъ въ мorganатическій бракъ съ Луизою Размуссенъ, которой потомъ былъ присвоенъ титулъ графини Даннеръ.

³⁾ Извѣстной авантюристкѣ Лола Монтецъ (Lola Montez, р. 1820 † 1861), плѣнившей короля Баварскаго Лудвига I (р. 1786 † 1868), былъ пожалованъ титулъ графини фонъ Ландсфельдъ (von Landsfeld).

⁴⁾ Т. е. раѣкъ, камера-обскура.

придворнаго арзамаса, и не думать подарить имъ; я ужъ самъ насильно отбилъ одинъ экземпляръ у Олсуфьева ¹⁾, чтобы лишить тебя навсегда возможности имѣть счастье поднести мнѣ лично свою харю. Вотъ еще что: скажи-ка мнѣ (я не выдамъ этого въ свѣтъ): кто будетъ на мѣсто Убриля ²⁾? Что если бѣ ты? А? Мурлыки еще такъ—этому бы у насъ въ Саксенгаузенѣ всѣ обрадовались—и Салпа моя не менѣе другихъ.

Прощай. Цѣлуй руку у твоей жены. Нѣжный поклонъ ей и тебѣ отъ меня и моей двойчатки. Жуковский.

39.

(15-го (27-го) мая 1848 г. Франкфуртъ на Майнѣ ³⁾).

Посылаю тебѣ, мой милый Сѣверинъ, свое послѣднее поэтическое стряпанье; не сочти меня Хвостовымъ, который и въ самый день Страшнаго суда написалъ бы оду на свѣтопреставленіе. То, что теперь тебѣ посылается, было отдано въ печать еще въ спокойное время; начатое надобно было кончить—это я и сдѣлалъ. Посылаю же тебѣ свои стихи теперь (когда никому нѣтъ средства думать о стихахъ), потому что болѣе, можетъ быть, не удастся этого сдѣлать; полное изданіе печатается въ Карлсру, и ты остальные томы въ свое время получишь отъ издателя Рейфа ⁴⁾. Теперь же къ стихамъ присоединяю и рыльцо стихотворца, которому прошу дать пріютъ въ твоемъ кабинетѣ, недалеко отъ той полки, на которой отведена будетъ квартира Рустему, Ивану Царевичу и Одиссею. Самъ же я уже на пути въ Россію, въ нашу мирную, смирную и могучую Россію; но этотъ путь идетъ черезъ Эмсъ, гдѣ и я и жена будемъ пить и купаться до 15 іюля ⁵⁾. Отвѣчай мнѣ на это письмо въ Эмсъ. Обнимаю тебя и твою милую жену. Когда-то намъ Богъ приведетъ свидѣться! Нашего полку весьма побавилось. Жена тебѣ дружески кланяется изъ Эмса. Прощай. Твой Жуковский.

¹⁾ Василія Дмитріевича (р. 1796 † 1858), гофмаршала двора цесаревича, впоследствии графа.

²⁾ П. Я. Убри (Oubril), бывшій нашимъ посланникомъ во Франкфуртъ, скончался въ 1847 году.

³⁾ Дата письма опредѣлена по почтовому штемпелю.

⁴⁾ Составителя извѣстныхъ словарей, наблюдавшаго за печатаніемъ въ Карлсруэ Сочиненій Жуковского.

⁵⁾ Эмсъ не помогъ Е. А. Рейтернъ, и Жуковский, какъ извѣстно, принужденъ былъ отложить предполагавшуюся поѣздку въ Россію.

40.

11-го марта 1850 г. Баденъ-Баденъ.

Мой милый Коть, я давнымъ давно собираюсь писать къ тебѣ и все откладываю по своей благословенной привычкѣ. Теперь однако не могу долѣе откладывать, ибо долженъ отвѣчать нашему другу Стурдзѣ. Вотъ мое письмо къ нему ¹⁾; прошу тебя его отправить немедленно, а мнѣ доставь его адресъ, дабы я впредь тебя не беспокоилъ пересылкою къ нему моихъ писемъ. Черезъ нѣсколько времени однако мнѣ надобно будетъ къ нему послать манускриптъ ²⁾, довольно толстую тетрадь; научи, какъ это удобнѣе сдѣлать. Не полѣнись отвѣчать поскорѣе на этотъ пунктъ, да при этомъ отвѣтѣ пришли мнѣ стихи Вяземскаго Свята я Русь ³⁾, мнѣ они весьма нужны; у меня былъ экземпляръ; я его подарилъ и забылъ оставить у себя копію. Возвращаю тебѣ письмо Вяземскаго и съ приложениями, которыя и я имѣю. Извини, что задержалъ возвращеніе всего этого. Но книгу Стурдзы о Православной Церкви ⁴⁾ позволь пока мнѣ у себя оставить: ты получишь ее со многими замѣтками моими карандашемъ. Это заставитъ нахмуриться твою кошечную чистоплотность; но, подумавъ немного, ты скажешь: благодарствую; эти черты карандашемъ въ свое время мнѣ напомнятъ, что былъ когда-то у меня другъ Жуковский, который, держа эту книгу въ рукахъ, думалъ о многомъ важномъ и оставилъ на этихъ листахъ слѣдъ своихъ мыслей, мнѣ на добрую о немъ память. Вяземскій ко мнѣ совсѣмъ не пишетъ, за то пишетъ въ Петербургъ о томъ, что я совсѣмъ не пишу къ нему. На дняхъ я возвратился изъ Франкфурта, куда ѣздилъ на свиданіе съ моимъ Радовицемъ. Видѣлъ тамъ и любезнаго князя Горчакова ⁵⁾, къ которому у меня весьма лежитъ сердце. Прошу тебя отъ меня поблагодарить твою Баварію за ея благія дѣйствія въ пользу устройства Германіи. Обнимаю тебя крѣпко и дружески. Жуковский.

¹⁾ Напеч. въ Сочиненіяхъ Жуковского, изд. 7-е, т. VI, стр. 543—546.

²⁾ Жуковский собирался послать на судъ Стурдзы свои прозаическіе отрывки религіозно-философскаго содержанія (см. тамъ же, стр. 544—545).

³⁾ См. Полн. собраніе сочиненій князя П. А. Вяземскаго, т. IV, Спб. 1880, стр. 311—315.

⁴⁾ См. „Русскую Старину“ 1902 г., апрѣль, стр. 165, прим. 1-е.

⁵⁾ Князь Александръ Михайловичъ Горчаковъ (будущій канцлеръ) былъ въ то время посланникомъ при Германскомъ Союзѣ и въ Штутгартѣ.

41.

11-го апрѣля 1850 г.

Милый Коть, твое коротенькое письмо меня порадовало: мнѣ было очень пріятно твое одобреніе моей статьи¹⁾, которой автора ты такъ скоро угадалъ. Не знаю, какъ это случилось, но я выскочилъ изъ своего угла на сцену войны политической. Разумѣется, что это одинъ отдѣльный прыжокъ; танцовать на этой сценѣ я не намѣренъ, да и не умѣю. Эта статья была написана какъ письмо къ фельдмаршалу²⁾ въ Варшаву; въ письмѣ сама собою написалась похвала лорду Пальмерстону; мнѣ захотѣлось потомъ сдѣлать эту похвалу публичною, и изъ сего вышла статья для *Allgemeine Zeitung*. Прошу тебя сохранить мнѣ мое инкогнито. Впрочемъ, оно и само собою сохранится; статья уже теперь исчезла изъ памяти и конечно не произведетъ никакого дѣйствія. Было бы смѣшно и грезить о какомъ-нибудь дѣйствіи: мнѣ просто хотѣлось отвести душу, которую давило нахальное ругательство надъ всякою правдою, ругательство, которымъ такъ дерзко обижалъ весь просвѣщенный міръ одинъ безстыдный бунтъ, пьянствовавшій въ кабацѣ, называемомъ кабинетъ великобританскихъ министровъ. — Прощай, мой милый Коть, обними себя и Кошечку за меня и примите оба дружеское привѣтствіе жены моей. Твой Жуковский.

42.

(Во второй половинѣ іюня 1850. Франкфуртъ)³⁾.

Вотъ тебѣ, мой милый Коть,
Мой нѣмецкій Butterbrod⁴⁾.

Я уѣзжаю въ Россію⁵⁾. Около 20-го іюля мой выѣздъ отсюда. Прости на всякій случай.

¹⁾ Статья Жуковского „*Englische und Russische Politik*“ (Англійская и русская политика“), помѣщенная, безъ подписи Жуковского, въ № 92 *Allgemeine Zeitung* 1850 года. Русскій текстъ см. въ Сочиненіяхъ Жуковского, изд. 8-е, т. VI, стр. 178—192.

²⁾ Князю И. О. Паскевичу.

³⁾ Письмо безъ даты, имѣетъ только помѣту руки Северина: „24-го іюня (6-го іюля) 1850“.

⁴⁾ Быть можетъ, статья Жуковского объ Іосифѣ Радовицѣ „*Joseph v. Radowitz wie ihn seine Freunde kennen*“, изданная въ 1850 году. Русскій текстъ см. въ Сочиненіяхъ Жуковского, изд. 8-е, т. VI, стр. 192—225.

⁵⁾ Какъ извѣстно, въ Россію Жуковскому пріѣхать не удалось.

43.

5-го декабря (новаго стиля) 1850 г. (Бадень) ¹⁾.

Благодарствуй, мой милый Коть, за присылку листка изъ Инвалида ²⁾. Ты порадовалъ мое сердце и снова далъ мнѣ доказательство вѣрной твоей дружбы, которая всегда меня вспомнить въ такую минуту, когда этому быть слѣдуетъ. Письмо Воронцова прекрасно, и я радъ, что его напечатали; у насъ не водится, чтобъ извѣщать народъ объ благихъ дѣлахъ царя и его семейства; пишутъ однѣ лакейскія, официальные статьи, которыя ни въ комъ не согрѣваютъ сердца. Цензура наша свободную похвалу царю, произнесенную благородно, запрещаетъ, какъ таможенный надсмотрщикъ товаръ, вычеркнутый изъ тарифа. Благодаря тебѣ, я принялся тотчасъ за перо и написалъ къ наслѣднику мою свободную благодарность за храброе дѣло, которымъ порадуетъ вся Россія. Дѣло само по себѣ не знаменитое; но хорошо, что царевъ наслѣдникъ смѣло бросился подъ черкесскія пули, не для того, чтобы просто показать себя хватомъ, а для того, чтобы съ опасностію жизни доказать одинъ разъ навсегда отечеству, что въ будущемъ его царѣ есть и неустрашимость мужа. И отечество должно поблагодарить его за эту заботливость заслужить и въ этомъ отношеніи его уваженіе. Благодарствуй, Коть, и обнимаю тебя и твою Кошку всѣмъ сердцемъ. Жена дружески тебѣ и ей кланяется. Свѣтлана.

44.

9-го (21-го) сентября 1851 г. Бадень.

Коть. Ты думаешь, что я давно въ Россіи; анъ нѣтъ, я опять засѣлъ на зиму въ Бадень. Причина тому есть глазная болѣзнь, которая овладѣла мною почти наканунѣ назначеннаго мною выѣзда изъ Бадена и теперь еще мною владѣетъ. И я сижу взаперти и въ темнотѣ, и не знаю, когда это кончится, но, какъ видишь, могу писать, и писать съ закрытыми глазами ³⁾. Это даетъ мнѣ возможность заняться съ помощію лектора

¹⁾ Какъ это видно изъ почтоваго штемпеля на письмѣ: Baden. 5 Dez. 50.

²⁾ Въ № 247-мъ „Русскаго Инвалида“ 1850 года, отъ 10-го ноября, было напечатано всеподданнѣйшее представленіе главнокомандующаго кавказскимъ отдѣльнымъ корпусомъ князя М. С. Воронцова о подвигѣ храбрости, оказанномъ 26-го октября 1850 г. цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ въ стычкѣ съ партіею чеченцевъ. По представленію князя Воронцова цесаревичу былъ пожалованъ за это дѣло орденъ св. Георгія 4-й степени.

³⁾ Письмо писано карандашомъ, крупнымъ почеркомъ, при помощи особой машинки.

переводомъ Иліады. Вотъ почему и прошу тебя возвратить мнѣ возвращеннаго мною тебѣ Гнѣдича. Постараюсь воспользоваться моимъ заточеніемъ и слѣпотою, чтобы вполнѣ быть русскимъ Гомеромъ. Пришли поскорѣе Иліаду. А я тебя сердечно обнимаю. Поклонъ тебѣ и Кошечкѣ отъ жены и отъ меня. Жуковскій.

45.

(1850-хъ годовъ ¹).

Я получилъ изъ Одессы письмо отъ Анны Петровны Зонтагъ ²), которая говоритъ мнѣ въ немъ о князѣ Гагаринѣ и о печали его по своей женѣ. Это письмо получено мною тому мѣсяца три. Я не знаю, какой это Гагаринъ. Былъ въ Одессѣ Гагаринъ, женатый на дочери Стурдзы... ³) Неужели? Напиши объ этомъ. Также изъясни мнѣ, кто въ твоей характеристикѣ восходящій министръ и кто царедворецъ. Сѣдаго секретаря я узналъ. Но кто другіе?

¹) Эта записка, какъ кажется, составляетъ окончаніе какого-то письма Жуковского.

²) Рожденной Юшковой, извѣстной писательницы, племянницы Жуковского.

³) Дочь А. С. Стурдзы, Марія Александровна, была замужемъ за княземъ Евгеніемъ Григорьевичемъ Гагаринымъ; но она пережила Жуковского.

Загѣтка о новомъ документѣ о Самозванцѣ.

Въ № 5 «Русской Старины» (стр. 313—316), напечатанъ «Новый документъ о Самозванцѣ», найденный г. Шамбинаго въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Этотъ документъ содержитъ рядъ вопросовъ о названномъ Дмитріи, не имѣетъ ни даты, ни другой какой либо помѣты, а по бумагѣ и почерку относится къ началу XVII столѣтія. Спрашивается, откуда онъ появился. Былъ ли онъ составленъ правительствомъ или частнымъ лицомъ?

На этотъ вопросъ можно, кажется, дать довольно опредѣленный отвѣтъ. Въ томъ же архивѣ, гдѣ находится упомянутый документъ, есть письмо плоцкаго епископа Альберта Барановскаго къ Сигизмунду III отъ 6-го марта 1604 года (Литовская метрика, Новыя Книги, п^о 55, л. 87). Получивъ официальное свѣдѣніе о появленіи Дмитрія, и въ качествѣ сенатора имѣя голосъ въ совѣтѣ, Барановскій увѣдомляетъ короля, что онъ вовсе не довѣряетъ «московскому князику». Между прочимъ, онъ требуетъ, чтобы Дмитрій былъ подвергнутъ тщательному разспросу. Съ этою цѣлью онъ высылаетъ рядъ вопросовъ. При самомъ письмѣ однако этихъ вопросовъ нѣтъ. Они находятся именно въ ново обнаруженномъ документѣ, который такимъ образомъ есть не что иное, какъ приложение къ письму Барановскаго.

Въ доказательство можно привести то обстоятельство, что вопросы составлены по докладу Вишневецкаго, который Сигизмундъ сообщилъ сенаторамъ, требуя отъ нихъ совѣта, а не новыхъ данныхъ о Дмитріи. Во всякомъ случаѣ вопросы исходятъ отъ частнаго лица, а не отъ правительства, ибо изъявляютъ желаніе, чтобы королевскіе послы были привлечены къ дѣлу. А между частными лицами только про Барановскаго извѣстно, что онъ составилъ такого рода вопросы. Даже самое ихъ замысловатое заглавіе (*terminata*), встрѣчается въ его письмѣ (*Czegobym rozumiał dopytywaé się, possyłam tego z ossobną terminatę*).

Правительство получило эти вопросы, но врядъ ли оно ихъ разослало. Такая рассылка не могла бы пройти безслѣдно, а слѣдовъ ей нѣтъ.

П. Пирлингъ.

Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина ¹⁾.

IV.

Тайныя приготовленія къ мятежу. — Безпорядки въ Вильнѣ. — Воспитательный домъ „Исуса Младенца“. — Вопросъ о преобразованіи Виленскаго воспитательнаго дома. — Отъѣздъ семейства Назимовыхъ за границу. — Развитіе безпорядковъ. — Гродненскій губернаторъ Шпееръ. — Манifestація въ Вильнѣ 8-го мая. — Безпорядки на дворянскихъ выборахъ. — Объясненіе Назимова съ дворянствомъ и его послѣдствія. — Безпорядки въ Ковнѣ 31-го іюля.

Н е смотря на собиравшуюся съ запада политическую грозу, зима 1860—1861 годовъ до начала варшавскихъ смуть прошла въ Вильнѣ чрезвычайно весело. Послѣ новаго года шли по обыкновенію балы, рауты, спектакли. Графъ Степанъ Плятеръ и Незабитовскіе, богатые помѣщики Гродненской губерніи, дали по блестящему балу, въ воскресенье назначенъ былъ балъ у Грабовской, которому, однако же, не суждено было состояться. По обычаямъ мѣстной жизни, издавна сложившейся въ Вильнѣ, по субботамъ, обыкновенно давались маскарады, сперва въ домѣ Миллера, нынѣ Шишки, на углу Нѣмецкой и Трокской улицъ, а съ 1857 года въ дворянскомъ клубѣ. Маскарады эти въ особенности нравились среднему сословію горожанъ, артистамъ городского театра, чиновникамъ, офицерамъ и вообще посѣщались молодежью очень охотно. При В. И. Назимовѣ, который ѣздилъ очень часто на эти маскарады, они сдѣлались еще оживленнѣе, чему способствовало и самое помѣщеніе клуба, изящно отдѣланное дворянствомъ къ первому

¹⁾ См. „Русскую Старину“, мартъ 1902 г.

пріѣзду государя въ Вильну въ 1858 году. Въ субботу, предшественницу дня, въ который назначенъ былъ балъ у Грабовской, генералъ-губернаторъ пріѣхалъ въ маскарадъ съ большою свитою приближенной къ нему молодежи. Въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи маскарадъ былъ въ полномъ разгарѣ и весьма оживленный. Толпы масокъ сновали туда и сюда, интригуя знакомыхъ и незнакомыхъ посѣтителей; въ большомъ танцевальномъ залѣ, въ національныхъ костюмахъ, шель краковякъ... Кругомъ танцующихъ толпилась многочисленная публика. В. И. Назимовъ сталъ съ своими приближенными въ числѣ зрителей, неподалеку одного изъ оконъ, выходящихъ на улицу. Нѣсколько времени спустя послѣ его пріѣзда, раздался по залѣ трескъ разбитого стекла, осколки которого полетѣли со звономъ на паркетъ, и что-то бѣлое, ударившись въ эпoletъ начальника края, упало къ его ногамъ. Оказалось, что съ улицы неизвѣстно кѣмъ была брошена въ залъ стеклянная пробка отъ графина, къ которой привязана была бумажка съ лаконическою надписью по-польски: «отечество въ траурѣ — не время веселиться». Когда слухъ объ этомъ разошелся по клубу, значительная часть посѣтителей разошлась по домамъ, но маскарадъ продолжался. На другой день, въ воскресенье, съ раннего утра, полетѣлъ по городу отказъ назначеннаго въ тотъ день бала у Грабовской—по случаю внезапной болѣзни... Болѣзнь эта вскорѣ приняла такой эпидемическій характеръ, что балы и вечера въ Вильнѣ по польскимъ домамъ совершенно прекратились. Наступившій Великій постъ и поѣздка В. И. Назимовой въ Петербургъ прекратила обычные танцевальные вечера и у генералъ-губернатора на все время ея отсутствія. По возвращеніи Анастасіи Александровны изъ столицы, наступила середина — пріемный день Назимовыхъ, который въ столь недавно прошлое время ожидался всѣми съ нетерпѣніемъ,—такъ весело и непринужденно проводилось у нихъ время. Верхняя зала дворца, роскошно убранная множествомъ большихъ апельсиновыхъ, лимонныхъ и кипарисныхъ деревьевъ и залитая свѣтомъ лампъ и свѣчей, ожидала своихъ обычныхъ посѣтителей, число которыхъ 12-го февраля 1857 года простиралось до 918 человекъ. Радужная и гостепріимная семья съ хозяиномъ во главѣ съ девяти часовъ вечера находилась уже въ залѣ; оркестръ бальной музыки скрытъ былъ за разными тропическими растеніями. Наступило время сѣзда. Первыми пріѣхало нѣсколько русскихъ семействъ, и въ томъ числѣ директоръ дворянскаго института М. И. Падренъ-дю-Карне. Посмотрѣвъ на часы, которые показывали половину десятого, и обратясь ко мнѣ, онъ сказалъ:

— Посмотримъ, что-то будетъ сегодня вечеромъ...

— Что будетъ? будемъ танцевать, — отвѣтилъ я ему, не понявъ, что онъ дѣлаетъ намекъ на прекращеніе баловъ у поляковъ.

Между тѣмъ время шло, а гости собирались очень медленно, не такъ, какъ бывало прежде... Къ десяти часамъ съѣхались остальные русскія семейства, да чиновники-поляки безъ женъ. Изъ польской аристократіи явились въ одиннадцатомъ часу — графиня Плятеръ съ дочерьми, да князь Гедройцъ съ молодою женою; но и тѣ уѣхали безъ ужина домой. Вообще на вечерѣ все было какъ-то натянуто, ненатурально; куда дѣвалась непринужденность и веселость прежнихъ вечеровъ?! Однимъ словомъ, это былъ первый вечеръ, въ теченіе шестилѣтняго пребыванія Назимовыхъ въ Вильнѣ, который имъ не удался. Становилось очевиднымъ, что польское общество болѣе чѣмъ сочувственно отнеслось къ варшавскимъ безпорядкамъ 13-го (25-го) февраля. Объ этихъ безпорядкахъ я узналъ отъ виленакаго коменданта А. С. Вяткина, въ домѣ котораго былъ принятъ какъ родной. Бывая у нихъ ежедневно, случалось даже по нѣскольку разъ въ день, и обѣдая у нихъ почти каждый день въ 12 часовъ, я зашелъ, по обыкновенію, въ кабинетъ Александра Сергѣевича и нашелъ его сидящимъ за письменнымъ столомъ, съ сильно озабоченнымъ видомъ.

— Что это съ вами случилось такое? — спросилъ я его.

— Со мною-то, слава Богу, ничего, — отвѣтилъ онъ мнѣ, вставая; не скажешь никому — открою секретъ...

— Даю честное слово, буду нѣмъ, какъ рыба...

— Въ Варшавѣ бунтъ — пятьсотъ человѣкъ осталось на мѣстѣ.

— Кого, нашихъ? — спросилъ я съ безпокойствомъ.

— Нѣтъ, поляковъ... Войска стрѣляли...

— Да ты, братецъ, смотри: не проговорись кому-нибудь, — продолжалъ комендантъ, приглашая меня за собою въ столовую.

— Будьте покойны, не скажу даже и вашимъ.

На другой день оказалось, что и скрывать-то было нечего. Вѣсть о варшавскихъ безпорядкахъ разнеслась по Вильнѣ и по цѣлому краю съ быстротою молніи еще и съ прикрасами. Убитыхъ въ этотъ несчастный день, по словамъ стоустой молвы, было чуть не полъ-Варшавы... На самомъ же дѣлѣ убитыхъ было только пять человѣкъ да столько же раненыхъ. Въ числѣ первыхъ находились: нѣкто Карчевскій, братъ содержательницы моднаго магазина, ярыхъ патріотокъ, помѣщикъ Рутковскій, ученикъ реальной гимназіи Арцихевичъ, и двое мастеровыхъ: нѣкто Адамкевичъ и одинъ съ желѣзной фабрики Брынделя. На всемирной выставкѣ въ Парижѣ въ 1867 году я самъ лично видѣлъ картины о небывалыхъ русскихъ звѣрствахъ, относящихся къ тому времени; раззолоченныя рамы этихъ картинъ были украшены шифромъ седанскаго героя.

Поляки, по обыкновенію своему, не останавливались ни передъ чѣмъ: литература, газеты, живопись трудились неустанно, лишь бы напра-

вить на насъ цѣлую Европу. Вслѣдъ за полученною изъ Варшавы вѣстію о торжественномъ погребеніи пяти убитыхъ тамъ лицъ въ несчастный день 13-го (25-го) февраля началась комедія траурныхъ молебствій по цѣлому краю; Вильна подавала примѣръ всякому безобразію. Сперва поляки собирались на панихиды подъ разными благовидными предлогами и съ видимою робостію, затѣмъ подстрекаемые распоряженіями «народоваго ржонда» и бездѣйствіемъ главной администраціи края, которую увѣряли предводители дворянства и вліятельные поляки, что воѣ происходящіе безпорядки въ край не что иное, какъ дѣтская шалость, горожане становились все дерзче и смѣлѣе. Впослѣдствіи коноводы мятежа при содѣйствіи общества Винценцинокъ стали собирать и чиновниковъ, состоявшихъ на государственной службѣ, почти исключительно изъ поляковъ, для усиленія демонстративныхъ безобразій, въ которыхъ приняли дѣятельное участіе и лица изъ высшаго польскаго общества. Въ разныхъ мѣстахъ города и по разнымъ костеламъ служались панихиды объ убитыхъ въ Варшавѣ, и началось пѣніе революціонныхъ гимновъ. Вскорѣ городъ Вильна, а за нимъ и весь край, при содѣйствіи угрозъ, брани, сѣрной кислоты и т. п., облекся въ трауръ по оскорбленной ойчизнѣ. Русскихъ дамъ и дѣвицъ, носившихъ цвѣтныя платья, сопровождали оскорбительные возгласы учениковъ и гимназистовъ; названіе пестрая свинья — было однимъ изъ самыхъ невинныхъ.

Въ 1863 году открылось, что учрежденное Бучинскою обществомъ St.-Vincent de Paul принимало въ дѣлѣ мятежа самое живѣйшее участіе. На средства этого общества содержались цѣлыя толпы уличныхъ пѣвцовъ и пѣвуній революціонныхъ гимновъ и наблюдателей за ношеніемъ траура. Прежде чѣмъ поведу разсказъ о бывшей неурядицѣ, которой я былъ свидѣтелемъ, сдѣлаю предварительно небольшое отступленіе, имѣющее, впрочемъ, связь съ дѣломъ тайнаго подготовленія мятежа.

Въ Вильнѣ существуетъ воспитательный домъ «Исусъ Младенецъ», основанный въ 1791 году княгинею Ядвигою Огинскою, женою трокаго воеводы, для пріюта сиротъ и вообще покинутыхъ родителями дѣтей, которыя до того времени принимались въ госпиталь епископа Гонсѣвскаго. Для осуществленія этой цѣли княгиня Огинская купила домъ на улицѣ Суббочъ, что нынѣ Сиротская. Находявшіеся по сосѣдству миссіонеры присоединили къ нему другой, свой собственный, а виленскій магистратъ, съ дозволенія сейма, отвелъ плацъ въ два морга земли. 3-го іюля 1787 года епископъ виленскій князь Масальскій положилъ основаніе строенію, которое соорудила кн. Огинская; постройка продолжалась до 1791 года, и 17-го октября вошли туда римско-католическія сестры милосердія; имъ ввѣренъ былъ надзоръ за учрежденнымъ заведеніемъ. По плану видно, что настоящія строенія составляютъ только третью часть былаго. Къ этому заведенію, съ мѣстомъ, усту-

пленнымъ магистратомъ, отошли и прочно выстроенные подвалы для складовъ, о которыхъ въ простонародѣ ходили толки, что находящіеся при нихъ подземелья тянулись до самыхъ Трокъ и входили въ связь съ тамошними подземельями. Капиталь этого заведенія былъ въ 1803 г. 44.524 руб. 50 коп.; въ этомъ же году императоръ Александръ I подарилъ ему старство Жосельское. Такъ какъ Виленскій воспитательный домъ былъ разсадникомъ совращенія въ латинство православныхъ дѣтей, то строгій ревнитель православія, митрополитъ Іосифъ, будучи еще архіепископомъ литовскимъ, обратилъ на него въ 1851 году серьезное вниманіе. По представленію его въ Св. Синодъ, объ огражденіи православныхъ питомцевъ отъ вреднаго вліянія латинскихъ монахинь, 20-го января 1852 года послѣдовало высочайшее повелѣніе: 1) чтобы въ Виленскомъ попечительномъ совѣтѣ всегда присутствовалъ членъ изъ мѣстнаго православнаго духовенства, по назначенію епархіальнаго преосвященнаго; 2) чтобы попечитель, смотритель и учитель воспитательнаго дома «Исусъ Младенецъ» были непременно православнаго исповѣданія; 3) чтобы въ училищѣ сего заведенія помѣщаемы были дѣти какъ православнаго, такъ и римско-католическаго исповѣданія, соразмѣрно количеству призрѣваемыхъ въ ономъ дѣтей того или другаго исповѣданія и 4) на устройство въ заведеніи православной церкви повелѣвалось отпустить пятьсотъ рублей серебромъ изъ Виленскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въмѣстѣ съ тѣмъ государю императору благоугодно было повелѣть: «Объявить римско-католическимъ монахинямъ, имѣющимъ ближайшій надзоръ, чтобы онѣ воздерживались отъ вредныхъ внушеній дѣтямъ православнымъ, а начальству заведенія имѣть за симъ наблюденіе и въ противномъ случаѣ немедленно представить объ удаленіи изъ онаго монахинь». Замѣчательно здѣсь то обстоятельство, что изъ предложенія генераль-губернатора И. Г. Бибикова виленскому губернатору А. О. Россету ¹⁾ исключено было самое главное, то-есть то, что приказано было, по высочайшему повелѣнію, объявить латинскимъ монахинямъ. Канцелярія генераль-губернатора, состоявшая исключительно изъ поляковъ, воспользовавшись этимъ, вломилась въ амбицію и старалась доказать, что латинскія монахини никакого вреда православнымъ дѣтямъ не причиняли, иначе появились бы жалобы на то ближайшаго ихъ начальства! Самой собой разумѣется, подобныя дѣйствія не могли не парализировать ожидавшійся успѣхъ дѣла; церковь православная была устроена едва въ 1859 году; русское дѣло шло такъ дурно, что высокопреосвященнѣйшій Іосифъ 19-го іюня

¹⁾ Отъ 20-го февраля 1852 г. № 1821. На поляхъ черноваго отпуска, противъ означеннаго мѣста написано чьею-то рукою: Его высокопревосходительству благоугодно было приказать исключить изъ бумаги.

того же года вынужденнымъ нашелся написать, наконецъ, генералъ-губернатору В. И. Назимову письмо, которое кончилъ такъ: «Впрочемъ, я далеку, чтобы раздѣлять взгляды вашего высокопревосходительства на настоящее дѣло, но уповаю, что Богъ не оставитъ церковь православную въ здѣшней сторонѣ благимъ своимъ Промысломъ».

При подобномъ официальномъ разногласіи взглядовъ на воспитательный домъ и опасаясь нашего православнаго архипастыря, польская пропаганда не замедлила пустить въ ходъ свои тайныя пружины. Въ виду строгаго наблюденія со стороны православнаго духовенства за крещеніемъ подкидышей по православному обряду, нѣкто дворянка Оекла Савицкая, при содѣйствіи частной благотворительности, начала съ 1856 г. принимать на воспитаніе незаконнорожденныхъ дѣтей, дабы сохранить ихъ въ католицизмѣ. Въ 1858 году штабъ-лѣкарь Товянскій, вмѣстѣ съ Савицкою, устроили, безъ вѣдома и разрѣшенія правительства, нѣчто въ родѣ воспитательнаго дома близъ римско-католическаго кладбища «Росса», въ домѣ графини Чапской, которая уступила имъ бесплатно, по контракту, свой домъ на пять лѣтъ для вышеозначенной цѣли. Ни мѣстные власти, ни полиція не имѣли никакихъ свѣдѣній объ этомъ заведеніи, которое съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяло кругъ своихъ дѣйствій. Наконецъ, 21-го февраля 1861 года штабъ-лѣкарь Товянскій подалъ генералъ-губернатору записку, въ которой довелъ до его свѣдѣнія, что по неимѣнію въ Вильнѣ родильнаго отдѣленія и по случаю воспрещенія свободнаго приѣма въ Виленскій воспитательный домъ младенцевъ, онъ съ нѣсколькими лицами, въ чувствахъ человеколюбія, началъ принимать къ себѣ съ 1858 года безпріютныхъ родильницъ, которыя по выздоровленіи помѣщались въ услуженіе, а младенцы ихъ отдавались на воспитаніе по деревнямъ за плату пополамъ съ матерями. Несчастныя жертвы порока, видя въ этихъ дѣйствіяхъ чистое состраданіе, убѣдясь въ строгомъ храненіи ихъ тайнъ и избѣгая преслѣдованія полиціи, болѣе и болѣе стали обращаться къ нему и довѣрять ему своихъ незаконнорожденныхъ дѣтей, и такихъ младенцевъ въ настоящее время простирается до 150, изъ которыхъ два мальчика и одна дѣвочка находятся въ самомъ заведеніи, устроенномъ при кладбищѣ «Росса», въ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ графини Чапской, а остальные розданы кормилицамъ по деревнямъ. Не смѣя продолжать дѣло въ такомъ размѣрѣ, хотя и чисто христіанское, безъ разрѣшенія правительства, и не имѣя средствъ поддержать его, г. Товянскій просилъ генералъ-губернатора: «находящихся на его попеченіи незаконнорожденныхъ дѣтей приказать принять въ Виленскій воспитательный домъ съ метрическими свѣдѣніями, не подвергая его и матерей сихъ дѣтей преслѣдованію и розыскамъ, а также позволить ему расширить кругъ

дѣйствія по призрѣнію безпріютныхъ дѣтей незаконнорожденныхъ и ихъ родильницъ съ назначеніемъ для сего возможнаго денежнаго пособія».

Получивши подобнаго рода ходатайство, генераль-губернаторъ поставленъ былъ въ весьма неловкое положеніе. Три года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ въ Вильнѣ, на глазахъ главной администраціи края, существовалъ частный воспитательный домъ весьма почтенныхъ размѣровъ съ родильнымъ отдѣленіемъ, и на это никто, даже сама полиція, не обращала никакого вниманія столь продолжительное время. Учредитель, повидимому, зналъ, что дѣлалъ,—и дѣйствительно выбралъ самое удобное время для осуществленія своихъ намѣреній. Слухъ о только-что совершившейся въ Варшавѣ катастрофѣ съ быстротою молніи разнесся по краю; ополченные обитатели Сѣверо-Западнаго края слѣдили за Варшавою съ напряженнымъ вниманіемъ и обнаруживали свое живое сочувствіе къ совершившимся безпорядкамъ, вполне понимая затруднительное положеніе правительственной власти въ краѣ. Съ другой стороны было извѣстно, что, за уменьшеніемъ добровольныхъ пожертвованій со стороны поляковъ на содержаніе учрежденной А. Назимовой школы рукодѣлія во имя св. Маріи Магдалины, это заведеніе поставлено было въ безвыходное положеніе и что учредительница ея предполагала ходатайствовать при дворѣ о назначеніи пособія отъ казны. Пользуясь этимъ, Товянскій подалъ мысль, что совмѣстно съ ходатайствомъ о школѣ необходимо просить и о преобразованіи воспитательнаго дома на болѣе широкихъ началахъ и представилъ проектъ, по которому генераль-губернаторъ не находилъ возможнымъ входить съ официальнымъ представленіемъ по политическому положенію края, хотя и раздѣлялъ взгляды Товянскаго и приглашалъ его къ себѣ на частныя совѣщанія по этому предмету. Наконецъ, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшено было, что Назимова поѣдетъ въ Петербургъ и будетъ ходатайствовать о пособіи школѣ и о преобразованіи воспитательнаго дома. Я былъ тоже командированъ туда, въ званіи секретаря ея по благотворительности. Въ виду же начинавшейся неурядицы въ краѣ, въ Петербургъ поѣхала и вся семья Назимовыхъ.

Выше мы видѣли то разногласіе во взглядахъ на воспитаніе дѣтей, помѣщенныхъ въ Виленскій воспитательный домъ «Иисусъ Младенецъ», которое существовало между высшими духовною и свѣтскою властями въ краѣ. Преобразование воспитательнаго дома нужно было Товянскому и К^о для того, чтобы сохранять младенцевъ въ латинствѣ или, правильнѣе, въ польщизинѣ—тѣмъ болѣе, что митрополитъ Іосифъ зорко слѣдилъ за непопачиваніемъ несчастныхъ дѣтей, которыхъ судьба помѣстила въ этотъ пріютъ. Само собою разумѣется, предполагавшаяся реформа не упоминала и намекомъ объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Въ запискѣ, поданной Товянскимъ генераль-губернатору, все было построено на

чисто благотворительныхъ и нравственныхъ началахъ, генераль-губернаторская же канцелярія, состоявшая исключительно изъ поляковъ, искусно сгруппировала всѣ факты въ своемъ докладѣ, признавая необходимость представленной реформы. По этой канвѣ составлена была и нижеслѣдующая записка А. А. Назимовой, которую она повезла съ собою въ Петербургъ.

«Въ былое время,—сказано въ запискѣ,—когда Виленскій воспитательный домъ состоялъ подъ непосредственнымъ управленіемъ римско-католическихъ сестеръ милосердія, туда принимались безпрепятственно и тамъ воспитывались сироты и подкидыши; давался пріютъ беспомощнымъ родильницамъ и съ цѣлю сокрытія невинныхъ жертвъ соблазна была секретная родильня. Впослѣдствіи времени, по случаю отмены Литовскаго Статута и введенія Свода Законовъ Имперіи, а также послѣ приѣма съ 1842 года всѣхъ богоугодныхъ и воспитательныхъ заведеній, находившихся въ управленіи духовенства, въ вѣдѣніе приказовъ общественнаго призрѣнія, и Виленскій воспитательный домъ подчинился дѣйствующимъ законамъ, по силѣ которыхъ свободный пріемъ младенцевъ прекратился, а допущено было призрѣніе ихъ въ уважительныхъ только и неизбѣжныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: при поднятій младенца, не имѣющаго родственниковъ, могущихъ и обязанныхъ воспитать его. По полиціямъ поставлено въ непремѣнную обязанность при поднятіи младенца живаго, а еще болѣе мертваго, дѣлать неупустительно строгое изслѣдованіе и виновныхъ въ томъ подвергать строгому сужденію по законамъ. Подобныя ограниченія имѣли вредное вліяніе на нравственность: опытъ показалъ, что въ послѣдующіе за тѣмъ годы число найденныхъ мертвыхъ тѣлъ младенцевъ значительно съ каждымъ годомъ увеличивалось; при томъ нужно замѣтить, что статистическія свѣдѣнія о совершенныхъ дѣтоубійствахъ не могли быть вѣрными указателями содѣянныхъ преступленій, которыя всегда совершаются въ тайнѣ. Сколько гибнетъ еще дѣтей въ зародышѣ, если принять въ соображеніе то обстоятельство, что въ низшемъ классѣ народа есть старухи-обманщицы, всегда готовыя на услуги подобнаго рода. Съ другой стороны, означенныя ограниченія не доставляли удовлетворительныхъ результатовъ ни въ уменьшеніи разврата, ни въ сокращеніи расходовъ на вскормленіе и воспитаніе младенцевъ, тѣмъ болѣе, что въ 1842 году передано было сестрами милосердія 107 питомцевъ,—изъ нихъ сиротъ 82 и подкидышей 25; въ теченіе же послѣднихъ десяти лѣтъ ежегодно поступало въ заведеніе до 100 сиротъ и 650 подкидышей, при чемъ, не смотря на столь значительное число сихъ послѣднихъ, не было еще случая открытія и наказанія виновныхъ въ подкинутіи младенцевъ. Слѣдовательно, ограниченіемъ приѣма въ воспитательный домъ однихъ подкидышей обходится только законъ, не только безъ всякой пользы, но

и съ большимъ вредомъ, тѣмъ болѣе, что безнравственные матери, подбрасывая своихъ дѣтей и опасаясь за это наказанія, не стараются узнавать объ ихъ бытѣ въ воспитательномъ домѣ, какъ это бывало прежде и, не получая ни откуда наставленій объ исправленіи своего поведенія, впадаютъ въ новые пороки и тѣмъ самымъ увеличиваютъ число подкидышей. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, признавалось бы болѣе соответственнымъ допустить свободный пріемъ въ Виленскій воспитательный домъ, для чего необходимо исходатайствовать отміну существующихъ нынѣ законоположеній. Но, подвергая кореннымъ преобразованіямъ это заведеніе, непременно слѣдуетъ устроить въ немъ родильное отдѣленіе, при которомъ можно будетъ обучать повивальному искусству, такъ какъ въ краѣ чувствуется большой недостатокъ въ повивальныхъ бабкахъ. Старые питомцы бывшаго Виленскаго университета утомлены уже трудомъ и удручены лѣтами, а молодымъ негдѣ приобретать необходимыхъ познаній.

«Равнымъ образомъ при воспитательномъ домѣ необходимо образовать школу нянекъ, обученіе же грамотѣ оставить на прежнемъ основаніи. Существующій способъ раздачи питомцевъ на безвозмездное призрѣніе разнымъ лицамъ, съ обязанностью приписать ихъ, по достиженіи ими 21 года, къ извѣстному роду жизни, производящійся посредствомъ конторы воспитательнаго дома, состоявшей изъ врача и смотрителя, признавался весьма неудовлетворительнымъ, а потому предполагалось въ составъ членовъ конторы прибавить по крайней мѣрѣ двѣнадцать почетныхъ попечителей, преимущественно изъ зажиточныхъ ремесленниковъ, съ обязаніемъ ихъ нещадно о участіи питомцевъ: отдачею ихъ въ обученіе разнымъ ремесламъ, рукодѣліямъ, садоводству и т. п. Обученіе питомцевъ воспитательнаго дома фельдшерскому искусству будетъ весьма полезнымъ не только для нихъ самихъ, но и для цѣлаго края, тѣмъ болѣе, что къ тому имѣется полная возможность въ виду находящихся въ Вильнѣ городскихъ госпиталей—св. Іакова, Савичъ и Еврейскаго. На содержаніе и одежду необходимо отпустить ежегодно по тысячѣ рублей изъ суммъ Виленскаго приказа общественнаго призрѣнія. Въ прежнее время помѣщикъ, рассчитывая на свой жилой капиталъ, уже для собственныхъ своихъ выгодъ обязанъ былъ заботиться о сохраненіи здоровья собственныхъ своихъ крестьянъ, съ освобожденіемъ же ихъ—они могутъ остаться безъ всякой помощи, при томъ распределеніе достаточнаго числа опытныхъ фельдшеровъ по большимъ селеніямъ оградить жизнь крестьянъ отъ шарлатанства знахарей».

Само собой разумѣется, что составленный на такихъ основаніяхъ проектъ не могъ имѣть успѣха, когда въ краѣ начинались волненія.

Вторая записка А. А. Назимовой касалась устройства въ Вильнѣ

дома трудолюбія, вмѣсто Остробрамской школы рукодѣлія, основанной ею 25-го марта 1857 года на средства частной благотворительности; но и тутъ ходатайство не имѣло успѣха. Въ Маріинской школѣ находилось тогда 52 дѣвицы бѣдныхъ родителей, на полномъ содержаніи и 18 приходящихъ; начавшіеся безпорядки въ краѣ и крестьянская реформа значительно сократили частныя пожертвованія и разомъ поставили это заведеніе въ безвыходное положеніе. А. А. Назимова, занимавшаяся съ любовью дѣломъ благотворенія, не могла безъ особой горести смотрѣть на охлажденіе общества къ этому полезному учрежденію, на которое она потратила, кромѣ денегъ, столько нравственныхъ силъ и здоровья; но, увы! всѣ розовыя мечты ея должны были разлетѣться въ прахъ, встрѣясь съ черною неблагодарностью тѣхъ, въ которыхъ она привыкла видѣть своихъ друзей.

Привожу здѣсь подлинникомъ заключеніе записки, такъ какъ оно объяснитъ поводъ ходатайства. «Крайне затруднительное положеніе бѣдныхъ и искреннее желаніе помочь имъ и убѣдить населеніе въ благотворительныхъ дѣйствіяхъ нашего правительства рѣшаетъ меня ходатайствовать о дозволеніи устроить въ Вильнѣ домъ трудолюбія, на содержаніе котораго ежегодно понадобится пять тысячъ рублей. Получивши такое пособіе со стороны правительства, можно будетъ устроить, при помощи частной благотворительности, столь необходимое въ здѣшнемъ краѣ заведеніе и достигнуть благотѣльныхъ результатовъ, какъ въ нравственномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ. Если же въ настоящее время по какимъ то ни было причинамъ признано будетъ невозможнымъ удѣлять для столь общепользующей цѣли по пяти тысячъ рублей ежегодно, то испросить высочайшее соизволеніе государя императора на открытіе въ Вильнѣ лотереи съ ежегоднымъ розыгрышемъ двадцати пяти тысячъ рублей по прилагаемому плану».

Дѣло по этому предмету и о воспитательномъ домѣ оставалось безъ движенія очень долго, только 23-го декабря 1861 года предложено было виленскому губернатору: «объявить штабъ-тѣкарю Товянскому, что, при настоящихъ обстоятельствахъ края, генераль-губернаторъ признаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе устроеннаго имъ и другими благотворительными лицами заведенія для призрѣнія безпріютныхъ родителей и незаконнорожденныхъ дѣтей и затѣмъ наблюсти за немедленнымъ закрытіемъ онаго. Что же касается находящихся уже на его попеченіи полутораэта незаконнорожденныхъ младенцевъ, то принять ихъ въ воспитательный домъ съ метрическими свидѣніями и оставить его, Товянскаго и матерей сихъ дѣтей свободными отъ преслѣдованія и розысковъ».

Такимъ образомъ оба ходатайства не имѣли успѣха; да и время-то къ тому выбрано было самое неудобное: по костеламъ начиналось пѣніе

революціонныхъ гимновъ. Въ первой половинѣ мая семья В. И. Назимова возвратилась въ Вильну и затѣмъ въ началѣ іюня отправилась за границу. Я провожалъ ее до Дрездена.

Заграничная поѣздка вызвана была и политическою, такъ сказать, необходимостію: положеніе Назимовыхъ дѣйствительно становилось невозможнымъ. Польское высшее общество, въ особенности дамы, совершенно отстали отъ нихъ и веселый до того времени домъ генераль-губернатора опустѣлъ; малочисленное русское общество составляло каплю въ морѣ. Изрѣдка приходила во дворецъ, какъ бы тайкомъ, навѣщать А. А. Назимову одна только Поморнацкая, одѣтая въ черное шелковое платье; въ передней вынимала она обыкновенно какой-нибудь цвѣтной галстучекъ изъ кармана, надѣвала его и являлась въ гостиную, какъ бы не въ траурѣ. Этого рода вниманіе принималось добродушными хозяевами за особенное одолженіе; впоследствии даже дворецкій Антонъ, изъ мѣстныхъ уроженцевъ, со слезами на глазахъ оставилъ ихъ домъ, сказавши только, что его вынуждаютъ къ тому обстоятельства. Дерзость уличныхъ безобразій разгоралась съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе и, наконецъ, дошла до того, что средняя дочь генераль-губернатора, шедшая въ садъ со своею кузиною, подверглась было оплеванію гимназиста среди бѣлаго дня за ненашеніе траура. Пусть же посудитъ благосклонный читатель—въ какомъ безвыходномъ положеніи находились мы, русскіе, когда дочь благодѣтеля поляковъ, ставившаго за нихъ свою голову, подверглась подобной участи...

Въ первое время, не зная, какъ посмотреть на это правительство, злоумышленники прикрывали демонстраціи разными благовидными предложениями; затѣмъ, видя совершенную безнаказанность своихъ дѣйствій, коноводы беспорядковъ облеклись въ трауръ и, по распоряженію польскаго центральнаго комитета, стали понуждать другихъ носить жалобу по оскорбленной ойчизинѣ... Въ средствахъ къ тому не затруднялись: публичныя оскорбленія женщинъ, не носившихъ трауръ, обливаніе одежды чернилами, купороснымъ масломъ и т. п. повторялось ежедневно; волею-неволею горожане должны были облечься въ черный цвѣтъ, порча платья была чувствительна каждому. Демонстраціи начались съ Вильны, примѣру ея вскорѣ послѣдовалъ цѣлый край; затѣмъ открылись сборы на мятежъ, подъ видомъ обезпеченія участи семействъ убитыхъ въ Варшавѣ. Основанное Бучинскою общество St. Vincet de Paul приняло самое дѣятельное, хотя и скрытое, участіе въ подготовленіи политическихъ манифестацій. Можно сказать съ достовѣрностію, что въ денежныя пожертвованія на мятежъ и въ моленія участвовало все шляхетское и городское населеніе въ краѣ; одни только крестьяне съ недоумѣніемъ посматривали на происходившее, да жиды потирали руки, почувявъ богатую себѣ наживу. Бѣдныхъ крестьянъ паны старались

обвинить въ неблагонамѣренности и запугивали правительственную власть разсказами объ ожидавшихся безпорядкахъ по случаю освобожденія крестьянъ и, какъ мы видѣли, довели дѣло до того, что губернаторы подписывали бланки на ружья для помѣщиковъ, необходимыя имъ для самозащиты отъ нападенія крестьянъ? Очевидно, это оружіе имъ было нужно для шаякъ, и они хотѣли усыпить выраженіемъ своихъ опасеній и безъ того слабую бдительность правительства.

7-го апрѣля 1861 года, незадолго до поѣздки моей въ Петербургъ, я получилъ секретное предписаніе отправиться въ Бѣлостокъ и произвести тамъ дознаніе о политической панихидѣ по убиеннымъ въ Варшавѣ. Мой товарищъ по службѣ, адъютантъ генераль-губернатора А. С. Павловъ, совѣтовалъ мнѣ обратиться за свѣдѣніями по этому дѣлу къ члену, завѣдывавшему хозяйственною частію въ Бѣлостокскомъ институтѣ Туманову, который, какъ русскій очевидецъ, могъ быть мнѣ очень полезенъ. Заручившись такими указаніями, я покатилъ на другой день въ Гродну. Остановился я у губернатора И. А. Шпеера. Добрѣйшій Иванъ Абрамовичъ былъ человѣкъ простой и весьма ограниченныхъ способностей, толстякъ, крикунъ, но хлѣбосоль и съ добрымъ сердцемъ; общій гологъ прозвалъ его слономъ на воеводствѣ. Попалъ онъ на это мѣсто по желанію В. И. Назимова и губернаторскія обязанности были для него совершенная *terra incognita*. Не смотря на крикъ, никто изъ подчиненныхъ его не боялся; дѣла по губерніи велъ вице-губернаторъ И. И. Рожновъ, человѣкъ весьма дѣльный, котораго, впрочемъ, скоро спровадили оттуда, такъ какъ онъ былъ *tror patriote et tror gusse roug le raus*. Впослѣдствіи времени, въ періодъ 1868—1873 гг. эта фраза была приложена ко многимъ истинно полезнымъ дѣятелямъ русскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ; видно, такова судьба ихъ, но объ этомъ разскажу въ свое время.

Угостивши меня сытнымъ обѣдомъ, Иванъ Абрамовичъ не пустилъ меня въ этотъ день въ Бѣлостокъ, такъ что въ семьѣ его я провелъ цѣлый вечеръ, переночевалъ и на другой день, послѣ чаю, поѣхалъ далѣе, къ цѣли моего путешествія, запасшись на дорогу нужными для меня свѣдѣніями по дѣлу.

Уѣздный городъ Бѣлостокъ—одинъ изъ лучшихъ городовъ края, но грязенъ также, какъ и всѣ города, гдѣ большинство народонаселенія составляютъ евреи. Проѣзжая по большой улицѣ, я былъ пораженъ глубокимъ трауромъ, который носилъ весь женскій персоналъ. Остановился я въ казенномъ бывшемъ губернаторскомъ домѣ и переодѣвшись отправился въ институтъ благородныхъ дѣвицъ, за необходимыми мнѣ свѣдѣніями. Мѣстность института довольно уединенна, онъ помѣщается въ большомъ каменномъ двухъэтажномъ зданіи съ разными пристройками, на концѣ города, близъ большаго пруда и имѣетъ великолѣпный паркъ,

обнесенный каменнымъ заборомъ. Лѣтомъ этотъ паркъ представляетъ великолѣпное мѣсто для рекреационныхъ прогулокъ институтокъ, такъ что онѣ не нуждаются выѣзжать на дачу; воздухъ тамъ чистый и здоровый. Пришедши на квартиру члена, завѣдывавшаго хозяйственною частію, я засталъ его дома и приказалъ человѣку доложить о себѣ. При входѣ моемъ въ залъ, вышелъ ко мнѣ весьма плотный мужчина, средняго роста, съ круглымъ краснымъ лицомъ и улыбающеюся физиономіею, который, отрекомендовавшись мнѣ хозяиномъ, попросилъ меня въ кабинетъ. Усѣвшись съ нимъ около письменнаго стола, я передалъ ему поклонъ отъ его beau frère и тотчасъ же приступилъ къ дѣлу; но увы! ожидаемыхъ свѣдѣній я не получилъ отъ него никакихъ. По его словамъ, дѣло не стояло и выѣденнаго яйца. Не желая затѣмъ терять понапрасну дорогое время, я вскорѣ съ нимъ распрощался и отправился домой, чтобы заняться порученнымъ мнѣ дѣломъ, не подозревая нисколько, что этому лицу въ скоромъ времени суждено было отъ квашенія капусты и соленія огурцовъ попасть на мѣсто правителя генералъ-губернаторской канцеляріи и въ какое же время? Почти наканунѣ вооруженнаго мятежа!

Едва я пришелъ къ себѣ на квартиру, какъ дежурный полицейскій солдатъ доложилъ мнѣ о приходѣ приказчика купца первой гильдіи Забудовскаго, тамошняго царька. Я приказалъ ему впустить посѣтителя. Вошедшій ко мнѣ, довольно высокаго роста, сухопарый еврей, послѣ обычныхъ еврейскихъ привѣтствій, обратился ко мнѣ съ слѣдующимъ вопросомъ:

— Что это значить, что вы изволили остановиться не у насъ?! У насъ все начальство останавливается... господинъ генералъ-губернаторъ, Иванъ Абрамовичъ... Для васъ также найдется особая комната, постель и бутылка шампанскаго на сутки...

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ я ему:—шампанское не пью, останавливаться у незнакомыхъ не имѣю привычки.

— Незнакомыхъ!! Насъ всѣ знаютъ... Мы сейчасъ въ вами познакомимся, ваше высокоблагородіе,—продолжалъ любезничать со мною пришедшій еврей.—Не откажите пожаловать перебраться къ намъ.

— Благодарю васъ покорно, но я останусь на настоящей квартирѣ, тѣмъ болѣе, что сегодня же уѣзжаю обратно.

Затѣмъ, пользуясь его посѣщеніемъ и зная, что на панихидѣ 16-го марта присутствовало нѣсколько человѣкъ евреевъ, я просилъ его рассказать, кого Забудовскій посылалъ туда депутатомъ? Мой еврей, видимо, смѣшался отъ моей шутки.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо отвѣтилъ онъ мнѣ,—съ нашей конторы только одинъ молодой человѣкъ пошелъ въ костелъ изъ любопытства, и

за это ему досталось отъ хозяина... О, вы не знаете, что такое Забудовскій—это министръ.

— А можно видѣть, поразспросить этого молодого человѣка?—продолжалъ я.

— Пожалуйте со мною, ваше высокоблагородіе, и все, что вамъ нужно будетъ знать, все узнаете, только, пожалуйста, никому ни слова, а то намъ будетъ паскудно.

Общая сохранить тайну, я пошелъ съ приказчикомъ Забудовскаго къ нему въ домъ, который считается самымъ лучшимъ въ цѣломъ городѣ. При моемъ приходѣ отперта была для меня парадная дверь, открывающаяся только для высокихъ посѣтителей,—и потому весьма рѣдко. Лѣстница была покрыта плотнымъ слоемъ пыли, ту же самую пыль зашвырнулъ я на паркетъ, на столахъ, на золоченой мебели; паутина всюду висѣла по угламъ, затхлый воздухъ давилъ грудь. По всему было видно, что въ комнатахъ этихъ давно никого не было; что онѣ устроены только для парадныхъ пріемовъ. Милліонеръ-хозяинъ, нажившій себѣ громадный капиталъ отъ Бѣловѣжской пуши, жилъ, какъ подобаетъ жиду, въ совершенной грязи—въ двухъ, трехъ комнатахъ, съ чернымъ ходомъ со двора. Приведшій меня приказчикъ, попросивши меня присѣсть, тотчасъ же вышелъ изъ комнаты. Минуть десять пришлось мнѣ прождать его возвращенія, но, вотъ, наконецъ, открылась дверь, и грязная еврейка внесла на серебряномъ подносѣ два налитыхъ бокала съ бутылкою шампанскаго и конфекты, а за нею появился и распорядитель-приказчикъ. Еврейка, поставивъ на столъ поднось, удалилась съ поклономъ изъ комнаты.

— Позвольте попросить васъ выпить за ваше здоровье,—обратился ко мнѣ съ бокаломъ неотвязчивый приказчикъ,—и покоштите цукерковъ.

— Благодарю васъ покорно,—отвѣчалъ я ему,—я уже вамъ сказалъ, что не пью шампанскаго, тѣмъ болѣе, не ѣмъ сласти до обѣда. А вотъ, потрудитесь-ка мнѣ лучше позвать того молодого человѣка, который былъ въ костелѣ.

— Ваше высокоблагородіе,—отвѣчалъ мнѣ еврей, поставивъ бокалы на поднось,—этотъ молодой человѣкъ уѣхалъ съ господиномъ Забудовскимъ, но я могу самъ рассказать вамъ все, какъ было, только прошу васъ никому не рассказывать объ этомъ, а то... еврей одѣлалъ при этомъ рукою неизобразимый жестъ, выразившій, повидимому, что-то очень страшное.

Затѣмъ изъ его разсказа и изъ собранныхъ свѣдѣній въ городѣ оказалось, что 16-го марта отслужена была въ костелѣ торжественная панихида по убитымъ въ Варшавѣ, болѣе мѣсяца спустя послѣ происшествія, на которой присутствовали почти всѣ жители католики. Изъ служащихъ

на панихидѣ находились: уѣздный предводитель дворянства, городской голова, чиновничество съ женами и восемь человѣкъ евреевъ. Въ костелѣ устроенъ былъ черный катафалкъ съ гробами, и, для приданія большей торжественности церемоніи, городскіе цехи принесли свои значки; по окончаніи церковной службы предложень былъ сборъ въ пользу семействъ убитыхъ, который принесъ до 400 р. Близость Варшавы и частыя съ нею сношенія представляли жителямъ много удобства не только слѣдить за всѣми тамошними безобразіями, но и подражать имъ. Въ Вильнѣ взглянули на это дѣло, какъ не стоящее выѣденнаго яйца.

Наступило восьмое мая, день храмоваго праздника св. Станислава въ Вильнѣ. Превосходная весенняя погода благопріятствовала торжеству. Каедральный костелъ былъ набитъ биткомъ молящимися и немолчащими народомъ. Литургію совершалъ епископъ Красинскій въ сослуженіи многочисленнаго духовенства. По окончаніи обѣдни, своды храма въ первый разъ огласились несслыханнымъ дотолѣ революціоннымъ гимномъ: «Боже! который озарялъ Польшу много вѣковъ блескомъ могущества и славы». Въ числѣ пѣвцовъ находились мужчины и дамы; болѣе другихъ обратили на себя вниманіе неистовымъ выкрикиваніемъ: студенты университетовъ С.-Петербургскаго Викторъ Пашковскій, Московскаго графъ Казиміръ Тышкевичъ и Александръ Зельверовичъ; бывшій студентъ Дерптскаго университета: Милаковскій, именовавшійся докторомъ, Дыбовскій, близкій родственникъ богатаго помѣщика Еленскаго, который, какъ оказывается, въ 1846 году былъ участникомъ крамольныхъ приготовленій въ краѣ, а въ 1863 году вступилъ въ члены бѣлаго верховнаго литовскаго комитета, и житель царства Польскаго, отставной прапорщикъ Станишевскій, постоянно развѣзжавшій по краю. Всѣ эти лица были арестованы полиціею по выходѣ изъ храма, но этимъ дѣло не кончилось... Болѣе пятидесяти женщинъ разнаго сословія, въ числѣ которыхъ были и дамы изъ высшаго общества, не успѣвъ воспрепятствовать арестованію пѣвцовъ, отправились толпою во дворецъ къ генералъ-губернатору съ ходатайствомъ объ освобожденіи арестованныхъ. Такъ какъ ходатайство ихъ не имѣло успѣха, то барыни на другой день снова явились въ пріемную генералъ-губернатора и стали требовать уже настойчиво освобожденія арестантовъ. Напрасно В. И. Назимовъ убѣждалъ ихъ разойтись по домамъ, обѣщая дать законное направленіе дѣлу—ничто не помогало. Шумъ и крикъ заглушали его слова. Наконецъ, ему пришла счастливая мысль отдать приказъ—послать за пожарной командой и охладить водой патріотическій пылъ разсвирѣпѣвшихъ барынь. Стыдъ получить холодную ванну и удаленіе генералъ-губернатора изъ пріемной въ кабинетъ, вслѣдъ за приказаніемъ, мало-по-малу образумили волновавшихся: удостовѣрившись, что двери

въ кабинетъ заперты, онѣ отправились по домамъ. Можно отдать имъ полную справедливость, что во все время переговоровъ и послѣ онѣ вели себя настоящими торговками... Такъ какъ оставить безнаказанно подобную наглость не было никакой возможности, то нѣкоторые изъ барынь, видимо, руководившія толпою и болѣе другихъ рѣзко выражавшіяся въ разговорѣ съ генералъ-губернаторомъ, были высланы имъ административнымъ порядкомъ изъ Вильны на жительство въ имѣнія, съ воспрещеніемъ вѣзда въ городъ. Впрочемъ, подобное распоряженіе мало принесло пользы и нисколько не обезкуражило коноводовъ беспорядковъ, а только еще болѣе ихъ озлобило.

17-го мая, въ Остробрамскомъ костелѣ, послѣ вечерни, которую служилъ епископъ Красинскій, до тридцати учениковъ Виленской губернской гимназіи пропѣли съ неистовыми криками революціонный гимнъ. Къ гимназистамъ и студентамъ, наводившимъ Вильну, вскорѣ стали присоединяться во множествѣ женщины-католички разныхъ сословій, ремесленный людъ, чиновники польскаго происхожденія, вообще, горожане, такъ что пѣніе гимновъ стало происходить ежедневно въ разныхъ мѣстахъ города и въ нарочно опредѣленные на то часы. Дерзость дѣятелей беспорядковъ, видѣвшихъ полнѣйшую безнаказанность своихъ безобразій, превосходить всякое описаніе; не бывши очевидцемъ—трудно тому повѣрить. Не только русскіе, но и самая полиція, державшая себя крайне осторожно, такъ какъ состояла большею частію изъ поляковъ, подвергались чуть не на каждомъ шагѣ оскорбленіямъ и брани. Дабы не подавать повода къ большимъ безчинствамъ, начальствомъ сдѣлано было распоряженіе, чтобы полиція наблюдала только за совершавшимися демонстраціями и записывала бы, по возможности, лицъ, въ нихъ участвовавшихъ, но не дѣлала бы никакихъ распоряженій къ воспрещенію или къ прекращенію пѣнія гимновъ; впрочемъ, и эти наблюденія не всегда проходили ей даромъ. Командировались нерѣдко и воинскія команды къ этимъ сборищамъ; можно было видѣть цѣлыя взводы солдатъ съ ружьями на молитву и съ кепи въ рукахъ, въ проливной дождь, стоящими въ сторонѣ отъ толпы, которая, укрываясь отъ ливня подъ зонтиками, ревѣла во все горло гимнъ. Приходившія вновь на мѣсто пѣнія гимна и уходившія оттуда личности, при видѣ стоявшихъ безмолвно солдатъ, высказывали къ нимъ полнѣйшее презрѣніе, ругали ихъ и даже плевали на нихъ, а они должны были молча переносить все это. Однажды случилась пресмѣшная сцена. Какая-то ярая патріотка, проходя мимо солдата, плюнула ему на грудь. Солдатъ обратился къ обидчицѣ, обтеръ плевокъ и въ догонку произнесъ ей:

— Паночка, паночка! Стыдно плевать; аммуниція-то казенная; пожалуй, попортишь и будешь въ отвѣтъ, а вотъ не угодно ли вамъ плю-

нуть мнѣ на сапоги, двойная польза будетъ... и душу, значить, отведете, и у меня сапоги будутъ чище, слюнка-то ваша вмѣсто деготка послужить...

Подобное хладнокровіе, сопровождаемое хохотомъ подошедшихъ двухъ товарищей, привело чуть не до бѣшенства обидчицу—она неистово ругалась.

Въ пѣніи гимновъ, оскорблявшихъ святыню самыхъ храмовъ, и въ разныхъ другихъ уличныхъ безобразіяхъ прошелъ цѣлый май и первые дни іюня.

9-го числа этого мѣсяца назначены были выборы виленскаго уѣзднаго предводителя дворянства на мѣсто уволеннаго по высочайшему повелѣнію за неблагонамѣренность графа Ивана Тышкевича, который вмѣстѣ съ своею женою сталъ открыто во главѣ движенія: дѣлалъ съ нею визиты ремесленникамъ, приглашалъ ихъ къ себѣ въ домъ и готовилъ у себя обѣды тысячи на полторы простолюдиновъ, но по принятымъ мѣрамъ онъ не состоялся ¹⁾.

Не смотря на предупрежденіе генераль-губернатора дѣйствовать законно, дворяне, приступивъ къ баллотировкѣ кандидатовъ, по предложенію помѣщика Карла Вагнера, бывшаго аптекаря, постановили немедленно написать отъ лица всѣхъ дворянъ уѣзда благодарственный адресъ бывшему предводителю графу Тышкевичу, сосланному тогда на жительство въ имѣніе, а другой помѣщикъ Болеславъ Еленскій, прочитавъ собранію заранее приготовленный адресъ, предложилъ его къ подписи присутствовавшимъ на выборахъ дворянамъ. Началось замѣшательство... Нѣсколько человекъ помѣщиковъ, болѣе благоразумныхъ, старались отклонить своихъ собратьевъ отъ этой неумѣстной выходки, выставляя имъ на видъ крайнюю безтактность ихъ дѣйствій, но голосъ ихъ былъ заглушенъ взволнованными страстями. Три коновода: Вагнеръ, Еленскій и Гриневецкій сначала просьбами, а потомъ и угрозами успѣли склонить на свою сторону двѣ-трети лицъ общаго числа шестидесяти шести человекъ, участвовавшихъ въ выборахъ. Интересно здѣсь то, что адресъ былъ подписанъ и вновь выбраннымъ въ предводители Александромъ Ваньковичемъ. Такимъ образомъ дѣла принимали серьезный оборотъ... Изъ сферы уличныхъ манифестацій политическій пожаръ перебрасывало въ сферу официальную. Между тѣмъ изъ Петербурга шли приказанія генераль-губернатору употребить по-прежнему легкія, примирительныя мѣры, къ которымъ онъ и безъ того

¹⁾ Графъ Тышкевичъ съ женою, по распоряженію генераль-губернатора, были высланы изъ Вильны на жительство въ Ваку, въ 14 верстахъ отъ города. Впослѣдствіи, избѣгая отвѣтственности за свои продѣлки, они уѣхали за границу.

былъ склоненъ. Окружающіе его польскіе паны напѣвали ему то же самое, увѣряя его, что всѣ демонстраціи суть не что иное, какъ пустая шалость молодежи; стоитъ на нихъ не обращать никакого вниманія, и они сами собой прекратятся. На дѣлѣ же выходило наоборотъ. Дерзость коноводовъ росла не по днямъ, а по часамъ. Въ подобномъ затруднительномъ положеніи генералъ-губернаторъ официально пригласилъ къ себѣ дворянъ и убѣждалъ ихъ оказать правительству содѣйствіе къ прекращенію беспорядковъ. Слова его были приняты очень холодно. Бывденный наконецъ изъ терпѣнія болѣе, чѣмъ не двухсмысленными ихъ отвѣтами, В. И. Назимовъ сказалъ имъ, что если они не образумятся и, оставаясь равнодушными зрителями происходящихъ въ краѣ беспорядковъ, не поддержать правительство, то имъ же будетъ хуже; можетъ легко повториться Галиційская исторія. Сказанныя слова были перетолкованы поляками такъ, что генералъ-губернаторъ грозитъ имъ рѣзней. Это обстоятельство подняло цѣлую бурю и поставило начальство края еще въ большее затрудненіе. Слухъ о произнесенныхъ словахъ, благодаря усердію пановъ, съ быстротою молніи распространился во вліятельныхъ сферахъ столицы, разумѣется, еще съ разными прикрасами. Сколько нужно было потратить увѣреній, чтобы хоть сколько-нибудь сгладить то непріятное впечатлѣніе, которое произвели тамъ эти слухи. Польская справа, надобно отдать ей справедливость, съ полнымъ знаніемъ дѣла шла къ своей цѣли, а мы смотрѣли въ оба и ничего не видѣли.

Въ первыхъ числахъ іюля я былъ командированъ генералъ-губернаторомъ въ г. Россіены для окончанія слѣдствія о сумасшедшемъ ратманѣ. Проѣздомъ чрезъ Ковну ко мнѣ зашелъ въ клубъ, гдѣ я остановился пообѣдать, одинъ изъ моихъ знакомыхъ, молодой архитекторъ Куликовскій; болтая съ нимъ о томъ, о семъ, я коснулся тогдашнихъ безобразій, которыя охватили цѣлый край. Тутъ я, между прочимъ, узналъ, что 31-го іюля, т. е. ко дню такъ называемой Люблинской уніи, на которой совершилось историческое насиліе единенія Литвы съ Польшею, въ Ковнѣ готовится громадная демонстрація, и что въ ней примутъ участіе и жители царства Польскаго, находящагося на другой сторонѣ р. Нѣмава. По возвращеніи моемъ черезъ недѣлю въ Вильну, я доложилъ о слышанномъ мною генералъ-губернатору, который, не смотря на полученное предвареніе, не счелъ нужнымъ принять серьезныя мѣры къ ея предотвращенію и разрѣшилъ даже губернатору Холинскому поѣздки въ Петербургъ, такъ что въ день происшествія мѣсто его заступалъ вице-губернаторъ П. И. Корецкій, человекъ дѣловой, правдивый, отличный во всѣхъ отношеніяхъ, но оригиналъ и крайне нерѣшительный, медленный, чему отчасти была причиною его глухота. Малороссійскій темпераментъ высказывался въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ движеніи, а упрямство его было таково, что во время казни одного

преступника, не смотря на сдѣланное предостереженіе о крайней опасности выбраннаго имъ пункта, онъ остался на мѣстѣ и получилъ серьезную рану въ ногу, отъ которой пролежалъ въ постели болѣе шести недѣль. Этой-то прямой, благородной личности суждено было оправдать пословицу—во чужомъ пиру похмѣлье.

Наступило 31-е іюля. Съ самаго ранняго утра началось въ Ковнѣ большое движеніе между римско-католическимъ населеніемъ города; малые и большіе, мужчины и женщины всѣ были разряжены въ пухъ и прахъ; патриотическій трауръ въ этотъ день исчезъ и подверглся даже преслѣдованію, которое выпало большею частію на долю русскихъ, появившихся на улицу, по привычкѣ, въ черныхъ платьяхъ. Большія толпы народа, подобно волнамъ, постоянно прибывали къ костелу Августіановъ, въ старомъ городѣ, близъ ратуши и, какъ бы разбиваясь объ его стѣны, расходились по площади; къ назначенному заранѣе часу сюда собрались также и представители разныхъ городскихъ цеховъ съ своими разнохарактерными флагами. Непосвященнымъ въ тайну задуманной демонстраціи казалось, что приготавливаемое празднество не что иное, какъ повтореніе торжества, совершаемаго католическою церковію въ день праздника тѣла Господня. Въ числѣ участвовавшихъ въ демонстраціи находились не только служащіе чиновники съ своими женами, но и ихъ начальники-поляки, составлявшіе большинство администраціи въ краѣ. Такъ какъ храмъ не могъ вмѣстить въ себѣ и десятую часть этой пестрой толпы, то самая значительная масса собравшейся публики расположилась около костела на площади, представляя живописную картину изъ ярмарочной жизни, ярко освѣщенную лѣтнимъ солнцемъ. Когда при утреннемъ рапортѣ ковенскій полиціймейстеръ Васильевъ доложилъ заступающему мѣсто губернатора о большомъ стеченіи народа при костелѣ и о предстоявшемъ шествіи въ царство Польское черезъ Нѣманскій мостъ, П. И. Корецкій, предваривъ его, что самъ лично отправится на мѣсто, приказалъ немедленно послать на берегъ казаковъ и двѣ роты солдатъ, настрого подтвердивъ при этомъ, чтобы войска воздерживались отъ насилія и ожидали дальнѣйшихъ его приказаній. Цѣль его состояла въ томъ, чтобы присутствіемъ войскъ дать понять народу бесполезность попытки перейти по Нѣманскому мосту въ царство Польское. По окончаніи обѣда, изъ костела двинулась торжественная процессія съ ксендзами во главѣ, предшествуемая городскими цехами съ флагами, образами и хоругвями. Когда это шествіе вступило въ узкую улицу, ведущую къ Нѣманскому мосту, полиціймейстеръ сталъ уговаривать народъ разойтись по домамъ, предваряя, что черезъ мостъ никого не пропустить; но, подстрекаемая коноводами, толпа упорно подвигалась впередъ, произнося разные ругательства на полицію. П. И. Корецкій стоялъ на другомъ концѣ улицы подлѣ храма

св. Николая, построеннаго на самомъ берегу Нѣмана, въ память спасенія государя Николая Павловича отъ потопленія при переѣздѣ черезъ рѣку. Замѣтивши неудержимый напоръ толпы, онъ приказалъ развести мостъ, который былъ приготовленъ къ тому, но оставался еще неразведеннымъ, дабы не остановить безъ нужды сообщеніе съ царствомъ Польскимъ, такъ какъ тутъ пролегалъ почтовый трактъ на Варшаву. Замѣтивши разводку моста, толпа прибавила шагу и вступила на него въ тотъ моментъ, когда два средніе плашкота были выведены вонъ. Причаливъ ихъ къ периламъ моста, разводчики подали поводъ къ тому, что прерванное сообщеніе было скоро восстановлено толпою, при чемъ произошла страшная давка; войска стояли смирно подъ ружьемъ. Дѣло это совершилось такъ быстро, что не было никакой возможности остановить шествіе. Въ то самое время, когда городская процессія вступила на мостъ, съ другой стороны Нѣмана показалось торжественное шествіе, вышедшее къ ней навстрѣчу изъ царства Польскаго. Обѣ процессіи, пройдя по мосту до середины рѣки, остановились передъ разведеннымъ пространствомъ, преклонили колѣна и пропѣли революціонный гимнъ, который продолжался во все время, пока отставной инженеръ, капитанъ путей сообщенія Михайловскій, не окончилъ съ людьми работу по восстановленію сообщенія; тогда при громкихъ крикахъ и лобзаніяхъ, обѣ процессіи слились въ одну толпу и двинулись съ пѣніемъ гимна въ предѣлы царства Польскаго, гдѣ въ имѣніи помѣщика Годлевскаго пропировали до вечера. Сконфуженныя мѣстныя власти разошлись по домамъ; осталось только послать телеграмму генералъ-губернатору съ донесеніемъ о совершившемся фактѣ, что и было сдѣлано. Такъ какъ главные коноводы этой манифестаціи выказали много дерзости не только въ отношеніи полиціи и солдатъ, но и къ самому заступавшему мѣсто губернатора, то на другой день послѣ описаннаго происшествія произведено было, по распоряженію генералъ-губернатора, нѣсколько арестовъ; виновные были присланы въ Вильну въ сопровожденіи жандармовъ, гдѣ и попали въ политическую тюрьму на время производства слѣдствія. Поляки обвиняли наше правительство въ томъ, что оно круто поступаетъ съ ними, хотя въ описываемое время все возмездіе за ихъ безобразія и дерзости ограничивалось кратковременнымъ арестомъ или высылкою изъ края административнымъ порядкомъ во внутреннія губерніи Россіи. Мѣра эта принесла громадный вредъ только не крамольникамъ, которымъ жилось такъ привольно и весело, а русскимъ—нашимъ собратіямъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Николай Карлович Шильдеръ.

I.

6-го апрѣля скончался директоръ Императорской Публичной библіотеки, членъ корреспондентъ Императорской академіи наукъ и почетный членъ Николаевской инженерной академіи, генералъ-лейтенантъ Николай Карловичъ Шильдеръ. Онъ родился 21-го мая 1842 года и въ 1860 году, окончивъ курсъ въ Пажескомъ его величества корпусѣ, былъ выпущенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. Поступивъ за тѣмъ въ Николаевскую инженерную академію и окончивъ въ ней курсъ по первому разряду, Н. К. Шильдеръ перешелъ на службу въ л.-гв. Саперный баталіонъ. Въ 1863 году онъ былъ назначенъ адъютантомъ къ Э. И. Тотлебену, впоследствии графу, занимавшему въ то время постъ товарища его императорскаго высочества генералъ-инспектора по инженерной части. Въ августъ 1872 г. Н. К. Шильдеръ былъ произведенъ въ полковники, а въ 1874 г. назначенъ флигель-адъютантомъ его императорскаго величества и состоялъ для особыхъ порученій при главномъ инженерномъ управленіи.

Съ графомъ Тотлебенемъ Николай Карловичъ принималъ участіе въ послѣдней турецкой кампаніи 1877—1878 гг., участвовалъ въ блокадѣ Плевны и за тѣмъ, съ назначеніемъ графа Тотлебена главнокомандующимъ дѣйствующею арміею, Н. К. Шильдеръ, состоялъ при немъ же для особыхъ порученій. За боевыя отличія, оказанныя въ турецкую войну, онъ былъ награжденъ золотымъ оружіемъ и орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами; въ 1878 г. былъ произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества и наконецъ 30-го августа 1893 г.—въ генералъ-лейтенанты.

Съ 28-го іюля по 14-е августа 1879 г. Н. К. Шильдеръ былъ помощникомъ редактора «Инженернаго журнала», а затѣмъ былъ назначенъ директоромъ Гатчинскаго Николаевскаго сиротскаго института и Гатчинской женской гимназіи. Въ этой должности онъ оставался въ теченіе семи лѣтъ, когда въ 1886 г. назначенъ былъ начальникомъ Николаевской инженерной академіи и училища; съ 12-го іюля 1899 г. по день кончины былъ директоромъ Императорской публичной бібліотеки.

Николай Карловичъ Шильдеръ началъ свою литературную дѣятельность въ 1863 г. помѣщеніемъ въ «Инженерномъ журналѣ» статьи подъ заглавіемъ «Битва у Чарльстона 7-го апрѣля 1863 г.». Вслѣдъ за тѣмъ въ разное время, стали появляться его изслѣдованія по русской исторіи, помѣщавшіяся преимущественно въ «Русской Старинѣ», «Историческомъ Вѣстникѣ», «Русскомъ Архивѣ», «Русскомъ Вѣстникѣ», «Военномъ Сборникѣ» и «Инженерномъ журналѣ». Николай Карловичъ печаталъ въ нихъ переводы съ иностранныхъ языковъ, разные историческіе документы и самостоятельныя изслѣдованія. Не имѣя возможности въ настоящей замѣткѣ перечислять заглавія статей, имъ напечатанныхъ, мы назовемъ наиболѣе выдающіяся:

«Очеркъ войны въ Германіи и Италіи 1866 г.».—«Фельдмаршалъ Паскевичъ въ Крымскую войну».—«Императоръ Николай I и Польша».—«Императоръ Николай I въ 1848 г.».—«Императоръ Николай I и графъ Аракчеевъ». «Э. И. Тотлебенъ его жизнь и дѣятельность», въ двухъ томахъ.

Съ октября 1892 г. по 1-ое января 1894 года Николай Карловичъ былъ редакторомъ «Русской Старины». Въ 1893 году подъ его редакцію напечатаны собранные имъ матеріалы о посольствѣ графа П. А. Толстого въ Парижъ и составили 89 томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Въ 1897—1898 гг. напечатанъ его солидный трудъ «Императоръ Александръ I. Его жизнь и царствованіе» въ 4 томахъ; недавно вышелъ его трудъ «Императоръ Павелъ I» и очеркъ подъ заглавіемъ: «Пятьдесятъ лѣтъ русской исторіи». (Царствованіе императоровъ Александра I и Николая I). Посмертнымъ трудомъ Николая Карловича должно считать «Біографическій очеркъ князя А. И. Чернышева», напечатанный въ первыхъ четырехъ нумерахъ «Военнаго Сборника» текущаго года.

Императорская академія наукъ, высоко цѣня ученныя заслуги Николая Карловича Шильдера, избрала его въ 1900 году въ свои члены-корреспонденты.

Историческая литература потеряла въ немъ неутомимаго дѣателя и выдающагося историка, не жертвовавшаго точностію исторической истины для интереса чтенія.—Человѣкъ мягкій, вѣжливый, доступный и

отзывчивый на все доброе,—таковъ былъ Николай Карловичъ Шильдеръ. Всегда готовый помочь каждому совѣтомъ, онъ не только дѣлился своими знаніями, но и документами, имъ собранными и ему же необходимыми для своихъ работъ.

Пишущій эти строки можетъ засвидѣтельствовать, что Николай Карловичъ никогда не гнался за тѣмъ, чтобы первому опубликовать какой-либо найденный имъ интересный историческій документъ, или не солилъ его въ прокъ въ своемъ собраніи съ тѣмъ, чтобы воспользоваться имъ при случаѣ. Стоило кому-нибудь обратиться къ нему съ вопросомъ, не знаетъ ли онъ, гдѣ можно найти такія-то или другія свѣдѣнія, и Николай Карловичъ, если имѣлъ какіе-либо документы, самъ предлагалъ ихъ для пользованія, съ одною только просьбою возвратитъ ему по минованіи надобности. Намъ извѣстно, что Н. К. Шильдеръ въ теченіе многихъ лѣтъ собиралъ матеріалы для біографіи своего отца и, увлекшись турецкою кампаніею 1828 и 1829 года, списалъ множество документовъ, относящихся до этой кампаніи. Мы видѣли ихъ въ нѣсколькихъ весьма объемистыхъ папкахъ, и знаемъ, что не имѣя времени скоро приступить къ ихъ обработкѣ, онъ передалъ всѣ эти матеріалы одному лицу, изъявившему желаніе заняться и написать исторію этой кампаніи. Много ли такихъ безкорыстныхъ тружениковъ науки?

Ни товарищи, ни подчиненные никогда не слыхали отъ Н. К. рѣзкаго слова и не встрѣчали не деликатнаго или грубаго поступка; но и съ своей стороны не позволяли съ нимъ никакой фамильярности и не переставали видѣть въ немъ начальника. Всѣ признавали въ Шильдерѣ человѣка рѣдкихъ душевныхъ качествъ: гуманнаго, просвѣщеннаго, добросовѣстнаго по отношенію къ себѣ и другимъ и доброжелательнаго. Мягкость его въ обращеніи была удивительная, а готовность придти на помощь каждому, чѣмъ только можно, привлекала къ нему всѣхъ, кто его зналъ. Добрая и вѣчная память человѣку, много потрудившемуся на пользу родины и оставившему о себѣ самыя лучшія воспоминанія.

Всѣ русскіе газеты и журналы почтили память усопшаго и по мѣрѣ силъ старались оцѣнить его ученую дѣятельность. Посмотримъ же, какъ смотрятъ на Николая Карловича европейскіе ученые. Ред.

II ¹⁾.

Русская исторіографія понесла тяжелую утрату. 6-го (19-го) апрѣля скончался, въ С.-Петербургѣ, директоръ Императорской Публичной

¹⁾ Извлечено изъ газеты „Allgemeine Zeitung“, 1902 г. № 107 (Приложение).

библіотеки, генераль-лейтенантъ Н. К. Шильдеръ. Съ нимъ сошелъ въ могилу не только величайшій собиратель историческаго матеріала къ исторіи Россіи XIX вѣка и одинъ изъ лучшихъ знатоковъ этой эпохи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, плодovitый и талантливый историкъ, оставляющій за собою пробѣлъ, пополнить который можно съ трудомъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже едва-ли это возможно.

Такъ какъ я имѣлъ счастье находиться съ нимъ въ самомъ дружескомъ общеніи во время моихъ многократныхъ поѣздокъ съ научной цѣлью въ Петербургъ для занятій въ архивахъ, которыя продолжались всякій разъ нѣсколько мѣсяцевъ, то я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній, характеризующихъ его, какъ человѣка, прежде нежели приступить къ оцѣнкѣ его дѣятельности, какъ писателя. Для того, чтобы вполне правильно уяснить себѣ слабыя стороны и достоинства его историческихъ трудовъ, необходимо предварительно составить себѣ понятіе о своеобразномъ складѣ его психическаго міра.

Шильдеръ былъ, прежде всего, добрый человѣкъ, безъ малѣйшей тѣни зависти и безъ малѣйшей чиновничьей жилки, всегда готовый отдать справедливость трудамъ другихъ лицъ и поддержать ихъ, насколько это отъ него зависѣло; онъ обладалъ чрезвычайно живымъ воображеніемъ, которое пріобрѣло довольно своеобразную окраску вслѣдствіе нѣсколько мистическаго склада его ума. Онъ былъ воспитанъ въ чисто нѣмецкомъ духѣ, но владѣлъ также въ совершенствѣ русскимъ и французскимъ языками, и чувствовалъ себя вполне русскимъ и русскимъ патріотомъ, хотя никогда не отрицалъ нѣмецкаго происхожденія своего семейства, выселившагося изъ Австріи. Онъ не любилъ крайностей и, по своимъ природнымъ качествамъ, не былъ ни политикъ, ни человѣкъ партій. Онъ держался далеко отъ всего, что не входило въ кругъ его дѣятельности и, глубоко уважая нѣмецкій характеръ, онъ не симпатизировалъ прусской политикѣ, но это не мѣшало, конечно, его личнымъ дружескимъ отношеніямъ къ пруссакамъ. Нелюбовь ко всему прусскому была какъ бы его догматомъ, и онъ считалъ русско-прусскую дружбу, начало которой было положено свиданіемъ въ Мемелѣ, въ 1802 г., злопслучіемъ. Фридрихъ III и IV, въ частности, были ему антипатичны, точно такъ же, какъ и политическіе дѣятели современной Германіи.

Въ исторіи его занималъ, главнымъ образомъ, можно даже можно сказать исключительно, психологическій моментъ, и не смотря на величайшее стараніе установить факты и строго придерживаться хронологіи, онъ придавалъ слишкомъ большое значеніе анекдотической части. Къ этому присоединялась его твердая вѣра въ существующее въ исторіи возмездіе (Немезиду)¹⁾ и склонность придавать вѣру чудесному. Онъ

¹⁾ Богиня мщенія.

былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что его изгнѣчилъ отъ тяжелой болѣзни императоръ Александръ I, который явился ему во снѣ въ образѣ старца Ѳедора Кузьмича и наложилъ ему на голову руку. Въ обзорѣ, предпосланномъ имъ къ его послѣднему сочиненію «Императоръ Павелъ», который не появился въ печати, онъ высказалъ свой взглядъ на ходъ русской исторіи, во всей ея совокупности. Онъ прислалъ мнѣ этотъ обзоръ съ надписью «для немногихъ»; нынѣ, когда смерть освободила его отъ всякой отвѣтственности, его отзывъ можетъ быть приведенъ здѣсь, какъ любопытнѣйшій образчикъ русской исторической философіи:

«Основнымъ, постоянно повторяющимся элементомъ въ жизни народовъ, точно такъ же, какъ и въ жизни отдѣльныхъ личностей является возмездіе за совершенное насиліе и раскаяніе за содѣянное преступленіе. Мы нерѣдко видимъ, что жизнь народовъ омрачается преступленіемъ, возмутительнымъ насиліемъ, совершеннымъ, быть можетъ, съ какой-либо благородной цѣлью. Этимъ какъ будто все сдѣлано и покончено, остается только жаловаться. Но въ дѣйствительности происходитъ нѣчто совершенно иное. Злодѣяніе не проходитъ тому, кто его сдѣлалъ, безслѣдно, оно оставляетъ глубокій слѣдъ, который появляется въ послѣдующихъ событіяхъ. Рано или поздно настаетъ часъ неизбежной, окончательной расплаты; наступаетъ никѣмъ неожиданная развязка, какъ это изображено въ высоко поэтичномъ древне-германскомъ мнѣіи о затмѣніи боговъ. Валгалла разрушается, наступаетъ новая жизнь, которая приноситъ съ собою примиреніе и право».

Шильдеръ видитъ причину всѣхъ бѣдъ новѣйшей исторіи Россіи въ той роковой ночи, 25-го ноября 1741 г., которая доставила престолъ императрицѣ Елисаветѣ. «Невинный младенецъ, защитой коего должны были служить его законныя права, былъ лишенъ престола, разлученъ съ родителями, обреченъ на страдальческую жизнь въ заточеніи и, наконецъ, убитъ много лѣтъ спустя въ критическую минуту. Но неумолимая Немезида является хранительницей нарушеннаго права, безжалостной мстительницей, и совершенное злодѣяніе вызываетъ долгое время спустя новыя насилія и порождаетъ столь трагическія событія, которыя повергаютъ насъ въ изумленіе своей драматической мощью. Оскорбленное право насмѣхается надъ тѣмъ, что принято называть «*raison d'Etat*». Тѣнь Банко садится за тотъ столъ, за которымъ идетъ пиршество, и помираетъ духъ тѣхъ лицъ, кои призваны судьбою играть роль въ новой трагедіи.

«Это сюжетъ, способный, безъ сомнѣнія, воодушевить будущаго русскаго Шекспира. Его художественное перо нарисуетъ намъ самыя потрясающія картины нашего прошлаго; онъ разоблачитъ передъ наблюдателемъ сокровенный смыслъ событій, и тогда обнаружится таинственная связь, которая, подобно причинѣ и послѣдствію, логически связы-

ваетъ вещь, не имѣющія на первый взглядъ никакого внутренняго соотношенія».

Въ этихъ словахъ проглядываетъ скрытый пафосъ, который можетъ подмѣтись въ сочиненіяхъ Шильдера только человекъ, близко знакомый съ его характеромъ.

Собственно говоря, главнѣйшимъ побужденіемъ, которое руководило имъ въ его историческихъ изслѣдованіяхъ, было именно стремленіе прослѣдить эту Немезиду, вліяніе которой онъ признавалъ, какъ я убѣдился изъ моихъ многократныхъ съ нимъ бесѣдъ, въ настоящее время и предвидѣлъ также въ будущемъ. Полетъ его воображенія и мистическое направленіе его религіозныхъ взглядовъ довели его такимъ образомъ чуть не до прозрѣнія.

Когда намъ доводилось бесѣдовать о русской исторіи, то Шильдеръ говорилъ обыкновенно, что мы должны бесѣдовать, какъ будто мы встрѣтились въ Елисейскихъ поляхъ; тогда онъ бывалъ неутомимъ въ своемъ желаніи прослѣдить психологическіе мотивы, руководившіе поступками его героевъ. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежалъ и Наполеонъ I, и въ библиотекѣ Н. К. имѣются рѣдчайшія и драгоцннѣйшія сокровища къ исторіи Наполеона. Въ душѣ онъ никакъ не могъ простить Александру I того, что онъ не понялъ Наполеона и не присоединился вполне чистосердечно къ его мысли подѣлить владычество міромъ. Но когда Н. К. писалъ для печати, то онъ излагалъ свои мысли въ высшей степени осторожно и обдуманно.

Шильдеръ специально занимался изученіемъ событій турецкой войны 1877 и 1878 г.г. и собралъ для настоящей, неофициальной исторіи этой войны замѣчательный по своей полнотѣ матеріалъ. Для изученія исторіи этой войны по истинѣ было бы незамѣнимой потерей, если бы весь этотъ матеріалъ былъ утраченъ.

Однимъ изъ первыхъ трудовъ, съ коимъ выступилъ, настолько мнѣ извѣстно, Шильдеръ, былъ переводъ сочиненія Мольтке о первой турецкой войнѣ, веденной Николаемъ въ 1828 и 1829 г.г.¹⁾ Но это былъ не простой переводъ, такъ какъ въ примѣчаніяхъ, сопровождавшихъ текстъ, заключался разнообразный и совершенно новый матеріалъ для критической оцѣнки этого похода, при чемъ, само собою разумѣется, еще чувствовалось, что Шильдеръ былъ въ то время новичкомъ въ области историческихъ изслѣдованій и поэтому могъ пользоваться «какъ источникомъ, такимъ въ высшей степени ненадежнымъ сочиненіемъ, какъ «*Histoire de la vie et du règne de Nicolas I*» Лакруа. Этотъ переводъ сочиненія Мольтке появился въ 1876 г. Девять лѣтъ

¹⁾ Переводъ соч. Мольтке появился послѣ многихъ уже трудовъ Н. К. Шильдера.

спустя была написана обширная, въ двухъ томахъ, біографія Тотлебена, коей первый томъ доведенъ до 1859 г., а второй,—до кончины графа, послѣдовавшей въ 1884 г. Эта біографія не есть сочиненіе, вызванное только долгомъ признательности, это есть вмѣстѣ съ тѣмъ выдающееся по учености и живому изложенію военное сочиненіе. И въ этомъ трудѣ конечно не все можно было сказать, потому центромъ тяжести служатъ приложенія, которыя долго еще будутъ составлять въ заграничной литературѣ въ высокой степени цѣнный матеріалъ къ исторіи Крымской и послѣдней турецкой войны; но, разумѣется, онъ не даетъ и приблизительно въ высшей степени важныхъ матеріаловъ, которые могъ бы сообщить Шильдеръ, и въ этомъ случаѣ ему пришлось подчиниться необходимости и руководствоваться извѣстными соображеніями. Шильдеръ долженъ былъ считаться съ тѣмъ, что все, касавшееся войны 1877 г., было бы принято съ ревнивымъ вниманіемъ, находившимися еще въ живыхъ участниками этой войны.

Уже въ это время въ русскихъ историческихъ журналахъ стали появляться принадлежавшія его перу небольшія замѣтки, а затѣмъ и статьи изъ царствованія Александра I. Онѣ становились съ каждымъ годомъ содержательнѣе и обратили на себя вполне понятное вниманіе всестороннимъ пониманіемъ предмета. Это былъ подготовительный матеріалъ къ написанной имъ въ четырехъ томахъ исторіи Александра I, которая появилась въ печати въ 1898 г. и была во свое время подробно оцѣнена мною въ историческихъ журналахъ. Шильдеръ смотрѣлъ на это сочиненіе только какъ на подготовительную работу къ обширному труду объ Александрѣ I, и для котораго имъ былъ собранъ богатый матеріалъ, извлеченный всецѣло изъ русскихъ архивовъ. Иностранными архивами онъ предполагалъ воспользоваться впоследствии, окончивъ предварительно исторію Павла I и Николая I, которыя имѣли характеръ исключительно біографическій. Исторія Павла I дѣйствительно появилась въ прошедшемъ году. Она стоитъ по достоинству ниже исторіи Александра I, была написана, быть можетъ, слишкомъ поспѣшно и носить до такой степени біографическій характеръ, что, увлекшись характеристикой личности, авторъ почти не коснулся ни внѣшней, ни внутренней политики императора.

Цѣлью этого сочиненія было показать, какъ изъ мягкаго отъ природы, челоѣколюбиваго и до конца жизни рыцарски благороднаго челоѣка, какимъ былъ Павелъ I-й, вырисовывается постепенно деспотъ. Шильдеръ сравниваетъ его съ Жуаной, матерью Карла V, какъ ее изобразилъ Charles de Moу въ журналѣ «Revue des deux mondes»; извѣстное сходство между ними несомнѣнно существуетъ съ тою лишь разницею, что Павелъ, по сравненіи съ нею, дѣйствовалъ все-таки сознательнѣе и даже въ моменты величайшаго раздраженія былъ досту-

пенъ убѣжденію и совѣтамъ, если за него умѣли взяться. Въ рукописяхъ, оставшихся по смерти князя Лобанова-Ростовскаго, который собралъ для исторіи Павла I-го не менѣе богатый матеріалъ, нежели Шильдеръ для исторіи Александра I-го, мы находимъ между прочимъ замѣтку по поводу Павла, въ которой говорится, что за неточное соблюденіе правилъ, изданныхъ для вахтпардовъ, исключено 5-го февраля 1797 г. изъ службы 5 генераловъ, 18 бригадировъ, 29 полковниковъ, 20 подполковниковъ и 5 майоровъ. По той же причинѣ исключено 9-го сентября 1797 г.: 3 генерала-отъ-инфантеріи, 3 генераль-лейтенанта, 68 полковниковъ гвардіи, 90 унтеръ-офицеровъ и 123 рядовыхъ изъ одного только Преображенскаго полка.

5-го февраля 1797 г. Кутузовъ и фельдмаршалъ графъ Салтыковъ получили выговоръ за незнаніе службы, и по той же причинѣ четыре недѣли спустя были исключены изъ службы: Ермоловъ, Багговутъ, Дохтуровъ, Коновницынъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ и Беннигсенъ, слѣдовательно, именно всѣ тѣ лица, кои особенно отличились въ войну 1812 г. Все это произошло во второй годъ правленія императора, когда никто еще не дерзалъ говорить объ его ненормальности. Лобановъ приводитъ еще рядъ примѣровъ, изъ коихъ я упомяну одинъ, а именно что 8-го февраля 1800 г., генералъ Врангель получилъ послѣ своей кончины строгій выговоръ «въ примѣръ другимъ!»

Но рядомъ съ этими фактами можно привести цѣлый рядъ поступковъ, которые свидѣтельствуютъ о проницательномъ умѣ императора, о доброжелательной и любвеобильной его дѣятельности. То и другое шло рука объ руку, при болѣе внимательномъ разсмотрѣніи видно, что то и другое было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его полного незнакомства съ русской жизнью и съ остальнымъ міромъ. По моему мнѣнію, Шильдеру слѣдовало бы выяснитъ противорѣчія въ характерѣ императора. Но, какъ мы уже сказали, сочиненіе о Павлѣ I-мъ было написано слишкомъ поспѣшно, и Шильдеръ смотрѣлъ на него только какъ на очеркъ. Это сочиненіе имѣетъ кромѣ того характеръ полемики. Въ то время, какъ писался «Павелъ», Шильдеръ былъ также занятъ исторіей императора Николая I-го, изъ коей первая глава, до польскаго возстанія, появились на страницахъ «Русской Старины» по изложенію и методу изслѣдованія онѣ походили вполне на исторію Александра. Когда я уѣхалъ осенью прошлаго года изъ Петербурга, то рукопись четырехъ томовъ была уже готова. Но Шильдеръ писалъ мнѣ, что обиліе полученнаго имъ новаго матеріала заставляетъ его переработать все написанное: за этимъ трудомъ смерть и застигла этого прекраснаго человѣка.

Федоръ Шиманнъ.

Русскіе на островъ Готландъ въ 1808 г.

(Разсказъ секретаря магистрата въ Висбю, Антона Моляндера) ¹⁾.

Полковникъ и вице-губернаторъ Erik af Klint, который 21-го прошлаго апрѣля отправился внутрь страны, чтобы въ южномъ округѣ распорядиться составленіемъ списковъ для ополченія, прибылъ въ Висбю 23-го числа утромъ съ извѣстіемъ, полученнымъ наканунѣ вечеромъ, что русское войско неожиданно для всей Швеціи и къ ужасу жителей острова Готланда и города Висбю высадилось въ южной части страны, близъ Grötlingbo, и направляется къ столицѣ.

Слухъ о томъ распространилъ всюду панику, и тотчасъ же у бургомистра Per Herman Qrewesmühl въ помѣщеніи ратуши собрались представители всѣхъ сословій. Тамъ же находился и полковникъ, который заявилъ, что онъ уже пригласилъ поселянъ оказать сопротивленіе непріятелю и собраться въ Mästerby, въ 2¹/₄ миляхъ отъ города. Въ это время, однако, пришло два донесенія: первое о томъ, что шесть непріятельскихъ пушекъ перевезено на берегъ и что непріятельское войско простирается отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ человѣкъ; по второму же донесенію оно опредѣлено было отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ. Въ распоряженіи жителей не было ни аммуниціи, ни оружія; сопротивленіе по общему признанію было невозможно и повело бы только къ ненужному кровопролитію и неизбѣжному опустошенію страны, а потому полковникъ, по предложенію собравшихся, и рѣшилъ, вмѣстѣ съ депутатами отъ города, выѣхать на встрѣчу непріятелю и выговорить себѣ возможно льготныя условія сдачи города. Согласно этому, отправивъ съ экстренной почтой донесеніе о

¹⁾ Изъ шведской газеты „Aftonbladet“ 4-го апрѣля 1902 г. № 76.

появленіи непріятеля, полковникъ въ то же утро выѣхалъ вмѣстѣ съ городскими депутатами, а къ ночи въ городъ явился курьеръ съ увѣдомленіемъ, что полковникъ съ депутатами встрѣтилъ начальника экспедиціи, контръ-адмирала Бодиско, съ которымъ и уговорился насчетъ безопасности для жизни и имущества жителей и мирнаго вступленія въ городъ, гдѣ долженъ быть приготовленъ постой для 2.500 человѣкъ нижнихъ чиновъ и примѣрно 50 офицеровъ.

Магистратъ и старшины города, созданные въ ратушу въ воскресенье 24-го числа въ 4 часа утра, сдѣлали распоряженіе о постояхъ, и въ тотъ же день вступили непріятельскіе полки, которые и были расквартированы по всему городу; контръ-адмиралъ занялъ квартиру въ ратушѣ.

Вслѣдствіе предписанія контръ-адмирала, чтобы магистратъ представился ему въ ратушѣ въ понедѣльникъ утромъ, члены думы явились въ назначенное время. Въ десять часовъ утра вышелъ къ нимъ контръ-адмиралъ Бодиско, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ, и прочелъ на русскомъ языкѣ слѣдующую, тутъ же переведенную по-шведски декларацию: что по высочайшему повелѣнію русскаго императора онъ, Бодиско, занялъ островъ и вступилъ, въ званіи губернатора, въ управленіе имъ; что согласно волѣ и приказанію государя, жителямъ обѣщается мягкое обращеніе, свобода богослуженія, неприкосновенность жизни и имущества и управленіе согласно шведскимъ законамъ; что чиновники и служащіе, усердно и исправно исполняющіе свою службу и обязанности, удерживаются, если они того хотятъ; но что русскія войска должны содержаться на счетъ города и страны. Обо всемъ этомъ еще подробнѣе оповѣщалось въ объявленіи губернатора, прочтенномъ съ проповѣднической кафедрой въ ближайшій молитвенный день.

Хотя и трудно точно опредѣлить число вступившихъ тогда войскъ, численность которыхъ, можетъ быть, даже намѣренно утаивалась (для чего прибѣгали къ частому передвиженію и смѣнѣ войскъ), но все-таки можно съ нѣкоторою увѣренностью признать, что число солдатъ не превышало 2.000 человѣкъ, но офицеровъ было свыше 60. Доставить всѣмъ имъ помѣщеніе и пищу было тѣмъ болѣе трудно, что почти всѣ ремесленники въ Висбю находятся въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, городъ наполненъ массою бѣдныхъ поденщиковъ и вдовъ и, въ предыдущую осень, привозъ товаровъ былъ такъ ничтоженъ, что весь накопившійся запасъ ихъ былъ почти вездѣ истраченъ. Тѣмъ не менѣе благодаря тому, что съ одной стороны, по письменному приказанію губернатора, всѣмъ нуждающимся въ помощи для постоя выдавалась небольшая поддержка въ видѣ хлѣба изъ казенныхъ магазиновъ, а съ другой стороны торговцы города съ тою же цѣлью сдѣлали значительный сборъ, а магистратъ закупилъ и черезъ извѣстныхъ городу лицъ, за уменьшенную цѣну, продавалъ партію селедокъ,—благодаря всему этому жители

города получили возможность выдержать постой и продовольствовать войско въ теченіе трехъ недѣль.

Значительныя издержки были возложены на городъ: устройство казармъ въ казенномъ винокуренномъ заводѣ, сараевъ для устройства пекарень, лазаретовъ, кухонь, бань и для ежедневной поставки свѣчей, масла, лампъ, подводъ, мѣшковъ, письменныхъ принадлежностей и т. п. Для распоряженій по исполненію этихъ поставокъ, какъ и для переписки съ поставщиками и приѣма товаровъ магистратъ былъ ежедневно въ полномъ сборѣ даже въ праздничные дни отъ 6 час. утра до 9 час. вечера.

Отъ губернатора время отъ времени исходили предписанія, чтобы казенный лазаретъ былъ расширенъ; чтобы не прекращали винокуренія; чтобы жители, имѣющіе оружіе и порохъ, тотчасъ же ихъ сдали; чтобы солдаты на постой ежедневно получали 2½ фунта хлѣба, двѣ рюмки водки и порцію супа съ мясомъ; чтобы жители послушно относились къ приказаніямъ; чтобы торговцы показали какъ число своихъ судовъ, такъ и свой запасъ дровъ; что тѣ изъ жителей, которые будутъ пытаться бѣжать, будутъ растрѣляны или повѣшены такъ же, какъ и ихъ соучастники; что городской соборъ долженъ быть предоставляемъ для богослуженія русскихъ войскъ въ тѣ часы, когда онъ свободенъ отъ мѣстнаго богослуженія и проч. и проч....

15-е мая было радостнымъ и незабвеннымъ днемъ для жителей города Висбю и вообще всего Готланда; въ этотъ день получено извѣстіе о приходѣ флота съ шведской военной силой, присланной на выручку страны. Проливались слезы радости и благодарности, и народъ благословлялъ короля за его заботы о беззащитныхъ, но въ душѣ преданныхъ и вѣрныхъ подданныхъ.

Часть русскихъ войскъ — правда, ночью выступила, чтобы оказать сопротивленіе, но въ полдень, когда въ городъ явился майоръ фонъ-Иленъ (von Uhlen) въ качествѣ парламентаря и посредника, увеличилась надежда на благопріятный исходъ; а 16-го числа эта надежда превратилась въ увѣренность, когда морской капитанъ Axel Klinkowström представилъ магистрату радостное увѣдомленіе, что капитуляція прекращена.

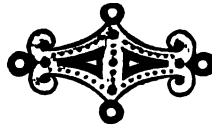
Въ этотъ же самый и въ слѣдующій день, русскія войска выступили изъ города къ радости жителей, но при единодушномъ свидѣтельствѣ о томъ, что адмиралъ Бодиско своими рѣдкими знаніями и вообще замѣчательными свойствами своими заслужилъ всеобщее высокое уваженіе; что русскіе офицеры были люди очень образованные, высокой нравственности и вѣжливаго обращенія. Они поддерживали въ войскахъ дисциплину, заслуживающую высшей похвалы, ибо за время ихъ пребы-

ванія въ городѣ ни одинъ человѣкъ не потерпѣлъ ни смерти, ни увѣчья, не былъ ни оскорбленъ, ни обворованъ.

Съ извѣстіемъ объ окончаніи капитуляціи распространилась между жителями города и надежда на вознагражденіе за постой и реквизицію русскихъ. Въ этой надеждѣ было послано магистратомъ города пять депутатовъ въ г. Slitö (гдѣ окончательно должны были завершиться условія снятія капитуляціи), чтобы требовать для города возмѣщенія расходовъ въ 30.000 рейхсъ-талеровъ.

Замѣчательно то обстоятельство, что страна была занята непріятелемъ и очищена безъ всякаго кровопролитія.

Сообщила Екат. Ник. Янжулъ.

Польша въ 1814 — 1831 гг.

(Изъ воспоминаній генерала Клементія Колачковского).

III ¹⁾).

Великій князь Константинъ Павловичъ, какъ инструкторъ польскихъ войскъ.—Коронованіе императора Николая I въ Варшавѣ.—Сеймъ 1830 г.—Пріѣздъ въ Варшаву прусскаго принца Фридриха-Вильгельма и Александра Гумбольдта.—Іюльскія событія въ Европѣ.—Возстаніе въ Парижѣ.—Положеніе великаго князя Константина Павловича.—Диктаторство Хлюицкаго.—Его характеристика и дѣятельность.

1828 годъ былъ памятенъ Россіи турецкой войною.

Вѣроятно, многимъ будетъ удивительно, что ни одна часть польскаго войска не была употреблена въ эту кампанію, хотя императоръ и выразилъ желаніе, чтобы въ дѣйствующую армію была послана одна дивизія пѣхоты и дивизія кавалеріи; онъ предлагалъ это Константину Павловичу. Мысль связать товарищескими узами на полѣ битвы два войска, которыя должны были сражаться подъ одними знаменами, была весьма цѣлесообразна. Быть можетъ, этимъ были бы устранены послѣдующія событія. Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ внять этимъ доводамъ и энергично возсталъ противъ предложенія своего брата: смотры на Саксонской площади, во время которыхъ онъ не могъ потерять ни одного человѣка, были для него дороже всякихъ иныхъ соображеній. Въ дѣйствующую армію было послано только человѣкъ до ста, офицеровъ квартирмейстерской части, корпуса инженеровъ и бывшихъ учениковъ аппликаціонной школы, выпущенныхъ въ пѣхоту.

Между тѣмъ великій князь пожиналъ не окровавленные лавры на поляхъ подъ Повонзками. Его мало интересовали военныя дѣйствія,

¹⁾ См. «Русскую Старину» май 1902 г.

происходившія на Дунаѣ, еще менѣе интересовался онъ славою русскаго оружія и мало заботился объ опасности, которой могъ подвергнуться императоръ. Единственное доказательство участія, которое великій князь принималъ въ этой войнѣ, выразилось въ построеніи во время маневровъ батальоновъ въ карре и устроенное имъ, по предложенію генерала Гауке, примѣрное обложеніе бастіона, насыпаннаго два года передъ тѣмъ, подъ моимъ наблюденіемъ, саперами на песчаныхъ холмахъ предъ фронтомъ лагеря.

Работы по обложенію начались 20-го августа и окончились 4-го сентября 1828 года. Отряды пѣхоты, артиллеріи и саперъ, исполняли по очереди всевозможныя работы, предписываемыя теоріей и практикой осады крѣпостей.

Передъ началомъ этихъ работъ аппликаціонная школа совершила подъ моимъ наблюденіемъ военную прогулку въ Модлинъ, гдѣ ученики занялись составленіемъ плановъ новаго укрѣпленія и нивелировкой. Эти работы заняли весь іюль мѣсяцъ.

Великій князь находился въ это время въ Литвѣ, гдѣ онъ производилъ смотръ Литовскому корпусу и откуда онъ вернулся только въ концѣ августа; осмотрѣвъ наши работы, онъ выразилъ намъ свое удовольствіе.

13-го (25-го) марта мой пріятель Прондзинскій былъ освобожденъ изъ своего заточенія въ монастырь кармелитовъ, гдѣ онъ просидѣлъ около трехъ лѣтъ.

Приближалась коронація, о которой давно уже было возвышено жителямъ Варшавы. Къ этому торжеству въ Варшаву пріѣхали: императоръ съ супругою, наслѣдникъ престола, великій князь Михаилъ со свитою. По этому случаю дѣлались пышныя приготовленія мѣстными властями, войскомъ и городами. Сенаторы собрались на торжество коронаціи въ полномъ составѣ; польское войско и гвардія (численностью до 40.000) стали лагеремъ подъ Повонзками. Весьма многіе помѣщики пріѣхали изъ своихъ имѣній съ семьями, желая видѣть смотръ войскамъ. Въ Варшаву были привезены знаки царскаго достоинства, тѣ самыя, коими императоръ короновался въ Москвѣ. Поляки надѣялись видѣть на челѣ русскаго монарха польскую корону; но, увидѣвъ русскую, начали роптать. Неудовольствіе росло съ каждымъ днемъ, находя отзвукъ въ высшихъ правительственныхъ лицахъ и въ войскѣ. Вновь воспряли тайныя общества, еще не прекратившія своей дѣятельности.

Самые ярые члены этихъ обществъ хотѣли произвести во время коронаціи нападеніе на царскую фамилію, обезоружить гвардію и произвести возстаніе. Насколько эта мысль созрѣла въ умахъ заговорщиковъ, какія приготовленія были сдѣланы ими съ этой цѣлью, что побудило ихъ отложить выполненіе своего намѣренія, мнѣ не извѣстно; кажется, этотъ

гнусный планъ не былъ приведенъ въ исполненіе вслѣдствіе присущаго нашему народу отвращенія къ царубійству и изъ опасенія нарушить такимъ вопіющимъ злодѣяніемъ въ глазахъ Европы права гостепріимства и отчасти вслѣдствіе разлада, происшедшаго между заговорщиками. Но, должно быть, великому князю было извѣстно о существованіи этого позорнаго намѣренія, такъ какъ во время коронаціи и слѣдовавшихъ за нею торжествъ онъ выказывалъ все время большое волненіе.

Не смотря на то, что Варшава находилась какъ бы на вулканѣ, торжество коронаціи прошло спокойно по составленной заранее программѣ. Наканунѣ, на улицахъ и площадяхъ Варшавы, развѣзжали герольды, возвѣщавшіе о готовившемся торжествѣ, и провозглашали титулъ императора.

Титулъ былъ тотъ же, какой провозглашался на тѣхъ же улицахъ и площадяхъ во времена польскихъ королей.

Знаки императорскаго достоинства были отнесены въ торжественной процессіи въ кафедральный костелъ и торжественно освящены послѣ обѣдни.

На слѣдующій день императоръ, въ присутствіи сенаторовъ, дипломатическаго корпуса и многочисленныхъ жителей, собравшихся въ замкъ, возложилъ на себя корону и знаки царскаго достоинства, поданные ему архіепископомъ Вороничемъ, преклонивъ колѣна на ступеняхъ трона, повторилъ слова молитвы, прочитанной архіепископомъ, послѣ чего архіепископъ воскликнулъ: *vivat rex in aeternum*; орудія на замковыхъ валахъ загрѣмѣли; колокола зазвонили. Императоръ двинулся изъ замка подъ балдахиномъ, который поддерживали штабъ-офицеры, въ числѣ коихъ находился и я. Пройдя по Свенто-Янскоу улицѣ, застланной пунцовымъ сукномъ, въ сопровожденіи царской фамиліи и свиты сановниковъ, сенаторовъ, пословъ и генераловъ, императоръ направился въ кафедральный соборъ св. Яна, гдѣ католическое духовенство вознесло молитвы о благополучномъ царствованіи императора и короля. По улицамъ были разставлены ппалерами войска. Около памятника Сигизмунда III были устроены застланныя коврами мѣста для зрителей, гдѣ нѣсколько тысячъ дамъ своею красотою и разноцвѣтными нарядами увеличивали блескъ торжественнаго зрѣлища, залитаго яркимъ майскимъ солнцемъ. По окончаніи церковной службы, императоръ со свитою тѣмъ же порядкомъ вернулся въ замокъ, сопровождаемый кликами собравшейся тысячной толпы.

Въ тотъ день былъ сожженъ фейерверкъ для народа, состояла бесплатная театръ, парадъ, смотръ, угощеніе для войска, обѣдь, балъ для всѣхъ классовъ общества, и т. д.

Все совершилось по утвержденной заранее программѣ и подъ отеческимъ окомъ полиціи, какъ должно.

Всѣ крики радости исходили не изъ сердца, веселость была не искренняя, всякій, отъ мала до велика, мало-мальски знакомый съ исторіей Польши, былъ оскорбленъ въ своихъ національных чувствахъ; всѣ знали, что никто искренно не сочувствуетъ этому торжеству, ибо корона, которую возложилъ на себя Николай I, была не королевская корона; императоръ показалъ, что царство Польское, въ глазахъ его и русскаго народа, было не что иное, какъ завоеванная провинція, подобно царству Казанскому, Астраханскому и т. д., хотя при коронаціи присутствовалъ архіепископъ, но онъ не мазалъ императора мвромъ, не короновалъ его; императоръ былъ окруженъ русскою гвардіей.

Цѣль, которую имѣлъ императоръ: сблизить, примирить, слить оба народа, не была достигнута. Ненависть, недовѣріе, зависть, росли съ каждымъ днемъ и вспыхнули вскорѣ яркимъ пламенемъ, которое никто уже не былъ въ состояніи потушить!

На слѣдующій годъ, въ первыхъ числахъ мая императоръ вторично прибылъ со своей супругою и дворомъ въ Варшаву и открылъ 13-го мая первый въ его царствованіе сеймъ. Изъ Берлина пріѣхалъ привѣтствовать его наслѣдникъ прусскаго престола, принцъ Фридрихъ-Вильгельмъ (впослѣдствіи король), въ сопровожденіи инженеръ-генерала Рауха и Александра Гумбольдта, только-что передъ тѣмъ возвратившагося изъ большаго путешествія въ Среднюю Азію и Оренбургъ. Начались парады, смотры, представленія, обѣды, балы, на которыхъ я присутствовалъ по обязанности службы. На одномъ изъ нихъ, у сенатора Замойскаго, великій князь представилъ меня Александру Гумбольдту, съ которымъ я имѣлъ интересный разговоръ о его послѣднемъ путешествіи. Это былъ еще бодрый старикъ, одаренный необычайной памятью, но слишкомъ много говорившій о себѣ.

Апликаціонная школа удостоилась посѣщенія прусскаго принца, онъ пріѣхалъ къ намъ съ Гумбольдтомъ и генераломъ Раухомъ совершенно неожиданно, въ 9 часовъ утра, и пробылъ у насъ два часа, интересовался нашимъ курсомъ и обнаружилъ знакомство со всѣми науками, какія у насъ проходились. На него произвела впечатлѣніе представительная наружность полковника Совинскаго, а когда онъ узналъ, что полковникъ служилъ ранѣе въ прусскомъ войскѣ, и увидѣлъ у него на груди орденъ Pour le mérite, то онъ отнесся къ нему еще любезнѣе, даже можно сказать сердечно. Принцъ очаровалъ всѣхъ насъ своимъ умомъ и привѣтливимъ обращеніемъ. Мы показали ему наши модели, рисунки учениковъ; время прошло незамѣтно до 11 часовъ, когда пріѣхалъ запыхавшійся флигель-адъютантъ, давно уже разыскивавшій его, чтобы сообщить, что великій князь, вернувшись со смотра, ожидаетъ принца.

— Зачѣмъ же отрываетъ онъ меня отъ васъ,—сказалъ принцъ,—мнѣ тутъ такъ хорошо, я охотно пробылъ бы тутъ подольше.

Я слышалъ въ послѣдствіи, что Гумбольдтъ, на вопросъ императора о томъ, какъ онъ нашелъ нашу школу, похвалилъ ее въ присутствіи великаго князя, сказавъ, что въ ней введены всѣ новые методы, примѣняемые въ политехнической школѣ въ Парижѣ.

— А все-таки они бѣлые якобинцы, сказалъ на это великій князь.

Такова была награда, которую мы услышали изъ его устъ за наши десятилѣтніе труды!

Передъ отъѣздомъ изъ Варшавы, императоръ и императрица принимали въ Духовъ день участіе въ народномъ гуляньи въ Бѣлѣнахъ; они ѣхали въ открытомъ экипажѣ въ ряду другихъ экипажей, любезно раскланиваясь на всѣ стороны. Ихъ встрѣчали такъ радушно, что казалось, будто между монархомъ и народомъ снова установилось полное довѣріе. Умѣніе народа держать себя, красота женщинъ, ихъ весенніе наряды поразили высочайшихъ особъ.

Въ началѣ сентября мы были какъ громомъ поражены извѣстіемъ объ іюльской революціи въ Парижѣ, а четыре мѣсяца спустя о революціи въ Брюсселѣ и о революціонномъ движеніи въ Брауншвейгѣ, Касселѣ, Дрезденѣ и другихъ нѣмецкихъ городахъ. Не смотря на всѣ старанія полиціи, вѣсть о событіяхъ, происходившихъ въ Западной Европѣ, переходила изъ устъ въ уста; давно уже возбужденные умы заволновались. Въ войскѣ, въ университетѣ, наконецъ въ обществѣ скопилась масса горячаго матеріала: можно было опасаться, что вскорѣ въ Варшавѣ произойдутъ тѣ же кровавыя сцены, которыя происходили на улицахъ Парижа и Брюсселя. Для этого было достаточно одной искры.

Во время іюльской революціи, великій князь съ княгиней Ловичъ находился, насколько припомню, въ Дрезденѣ; онъ не спѣшилъ въ Варшаву, чтобы парализовать своимъ присутствіемъ замыслы, о которыхъ ему давно уже было извѣстно, и тѣмъ предотвратить хотя бы на время надвигавшуюся грозу,—это было ошибкою съ его стороны. Онъ возвратился только въ октябрѣ. Близкіе къ великому князю люди, пользовавшіеся его довѣріемъ, говорили, что событія, разыгравшіяся въ Парижѣ, произвели на него сильное впечатлѣніе, что всѣ его поступки изобличали сильное душевное волненіе. Прежняя его порывистость уступила мѣсто какой-то, до тѣхъ поръ, небывалой снисходительности и кротости въ дѣлахъ службы. Великій князь сталъ жаловаться во всеуслышаніе на свое здоровье, говорилъ, что онъ усталъ и хочетъ отдохнуть. Онъ не разъ повторялъ, что служить уже 40 лѣтъ, что ему пора подумать объ отставкѣ и что онъ давно уже просилъ императора освободить отъ его обязанностей. Проѣзжая однажды мимо казармъ Волинскаго полка, онъ посмотрѣлъ на нихъ съ грустью и сказалъ своему адъютанту:

— Я знаю, что меня ожидаетъ въ Варшавѣ,—да будетъ воля Божія—меня тревожитъ болѣе всего участь этихъ молодцовъ!

Приближенные великаго князя говорили, что, вѣроятно, опасность близка, коли онъ сдѣлался такъ кротокъ.

Во то время въ Варшавѣ разнеслись вѣсти о намѣреніи императора объявить войну Франціи, о союзѣ, заключенномъ съ Австріей и Пруссіей, о приведеніи Польскаго и Литовскаго корпусовъ на военное положеніе, объ обширныхъ запасахъ аммуниціи, сосредоточенныхъ въ Модлинѣ, и т. п. Свѣдущіе люди были убѣждены, что не далѣе, какъ весною, произойдутъ важныя событія, говорили даже, будто императоръ Николай хотѣлъ стать во главѣ новой коалиціи противъ Франціи для подавленія совершившейся уже революціи, которая кромѣ перемѣны династіи не повлекла за собою для Европы никакихъ дурныхъ послѣдствій.

Между тѣмъ въ варшавской атмосферѣ чувствовалось приближеніе грозы. Полиція каждую ночь сдираала съ угловъ прокламаціи, возвѣщавшія о возстаніи. Однажды утромъ, на стѣнахъ Брюлевскаго дворца, въ которомъ жилъ великій князь, появилось объявленіе съ надписью: «Этотъ домъ отдается въ наемъ съ 1-го января 1831 года».

Физиономія города преобразилась: на улицахъ появилось много новыхъ лицъ. Разсказывали о заупокойной общинѣ, отслуженной академикомъ по убитымъ при взятіи Праги. Руководители тайныхъ обществъ, воспользовавшись отсутствіемъ великаго князя и сосредоточіемъ войска въ лагерѣ, дѣятельно старались склонить умы къ возстанію. Кажется, еще до окончанія лагернаго сбора все было условлено, и къ заговору примкнули многіе офицеры, академики и чиновники. Изъ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ вскользь Станиславомъ Ржевусскимъ, я понялъ, что онъ тоже вступилъ въ тайное общество; недѣли за двѣ до возстанія онъ принесъ мнѣ записку Килинскаго, которую распространяли съ цѣлью пріучить жителей Варшавы къ мысли о возстаніи. Я сильно сомнѣвался, чтобы все это могло быть скрыто отъ бдительнаго ока полиціи. Моя увѣренность въ этомъ еще болѣе усилилась, когда было арестовано нѣсколько офицеровъ и академиковъ. Въ обществѣ говорили, что была учреждена новая слѣдственная коммиссія, предсѣдателемъ которой былъ назначенъ генералъ Станиславъ Потоцкій, что засѣданія этой коммиссіи уже начались и что правительство напало на слѣдъ весьма важныхъ уликъ.

18-го октября я получилъ отъ Станислава Ржевусскаго визитную карточку, на которой карандашомъ были написаны нѣсколько начальныхъ буквъ. Въ тотъ день я не обратилъ на это особеннаго вниманія, но впоследствии припомнилъ, что именно этотъ день, 18-го октября, былъ избранъ вначалѣ для возстанія. Намъ было извѣстно также, что въ варшавскомъ гарнизонѣ, послѣ возвращенія великаго князя, были приняты

особыя мѣры предосторожности. Баталіонамъ, составлявшимъ этотъ гарнизонъ, было приказано собираться въ случаѣ тревоги на двухъ площадяхъ; въ каждомъ кавалерійскомъ полку, въ одномъ эскадронѣ лошади всю ночь стояли осѣдланныя. Русскіе гвардейскіе офицеры говорили почти открыто, что если польское войско останется вѣрнымъ императору, то нечего бояться и что всякое уличное движеніе будетъ подавлено въ самомъ началѣ; въ противномъ случаѣ они считали себя погибшими.

Варшавскій гарнизонъ состоялъ изъ 9.600 человекъ пѣхоты, 2.400 человекъ кавалеріи и одной батареи конной артиллеріи; кромѣ того въ Варшавѣ находилась школа подпрапорщиковъ, состоявшая изъ 300 учениковъ, набранныхъ изъ разныхъ польскихъ и русскихъ гвардейскихъ и пѣхотныхъ полковъ; школа кавалерійскихъ подпрапорщиковъ, въ которой было 200 молодыхъ людей, поступившихъ также изъ польскихъ и русскихъ войскъ; наконецъ, аппликаціонная школа и школа артиллерійскихъ унтеръ-офицеровъ, у которой было 4 пушки.

Великій князь до послѣдней минуты рассчитывалъ на польское войско, въ особенности на свой любимый 4-й пѣхотный полкъ и на саперъ, коимъ онъ оказывалъ сравнительно съ другими частями особое благоволеніе; онъ никогда не допускалъ мысли, что съ этой стороны ему могла угрожать какая-нибудь опасность, и торжественно заявлялъ императору въ своихъ донесеніяхъ, что какъ бы то ни было, а на преданность польскаго войска всегда можно положиться.

Если бы онъ не былъ такъ увѣренъ въ этомъ, то еще въ октябрѣ онъ имѣлъ всѣ средства разрушить планы заговорщиковъ. Для этого стоило только двинуть въ Варшаву одну дивизію Литовскаго корпуса или хотя бы одну бригаду гренадеръ и стрѣлковъ, съ соответствующимъ количествомъ артиллеріи, вызвать изъ Скерневицъ и Горы 20 орудій, послать въ надежное мѣсто напр. въ Модлинъ 30.000 ружей и нѣсколько пушекъ, хранившихся въ варшавскомъ арсеналѣ; занять Модлинъ нѣсколькими батальонами Литовскаго корпуса, подъ командою энергическаго начальника; привести наскоро эту крѣпость въ оборонительное положеніе, снабдить ее артиллеріей, боевыми снарядами и съѣстными припасами на три мѣсяца. Въ самой же Варшавѣ онъ могъ принять болѣе энергичныя мѣры предосторожности и сосредоточить полки русской гвардіи близъ Бельведера. Въ виду такихъ силъ и такихъ мѣръ предосторожности, руководители возстанія не рѣшились бы, вѣроятно, начать уличные беспорядки и отказались бы отъ своего замысла.

Между тѣмъ 17-го (29-го) ноября, въ 5 часовъ вечера, вернувшись домой изъ аппликаціонной школы, я приказалъ запретъ лошадей, намѣреваясь провести вечеръ у княгини Ловичъ и поблагодарить ее за

«Harmonie» Ламартина, которые она подарила мнѣ въ день моихъ именинъ 11-го (23-го) ноября.

Была ли то простая случайность или меня хранила судьба, но, какъ бы то ни было, кучера моего не оказалось дома. Будучи одѣтъ и не желая терять вечера, я рѣшилъ отправиться пѣшкомъ на Грибовую улицу къ г-жѣ Гутаковской. Погода была хорошая, морозило, и я пошелъ, закутавшись въ плащъ. Подходя къ желѣзнымъ воротамъ, я услышалъ нѣсколько выстрѣловъ изъ ружей. Остановившись, я спросилъ проѣзжавшаго мимо извозчика, не слышалъ ли онъ выстрѣловъ со стороны Краковскаго предмѣстья?

— Вы,—должно быть, ошиблись, панъ, это шумѣли, вѣроятно, мои дрожки,—отвѣчалъ онъ...

Но я не успѣлъ пройти и двухсотъ шаговъ, какъ снова раздались выстрѣлы. Увѣренный этотъ разъ въ томъ, что я не ошибся, я ускорилъ шагъ и зашелъ къ Генрику Забѣлѣ на Грибовой улицѣ. Я засталъ у него Эдуарда Рачинскаго, съ которымъ они преспокойно разглядывали чертежи и рисунки Лондонскихъ доковъ, ни мало не подозрѣвая того, что дѣлалось въ городѣ. Они выслушали меня съ удивленіемъ и послали по моей просьбѣ слугу на Краковское предмѣстье узнать, что тамъ происходитъ. Онъ вернулся чрезъ нѣсколько минутъ и сообщилъ, что въ Варшавѣ бунтъ. Я поспѣшно простился съ Забѣллою съ намѣреніемъ отправиться въ аппликаціонную школу, куда меня призывалъ мой долгъ. На Гржибовской площади я встрѣтилъ нѣсколькихъ подпрапорщиковъ пѣхоты, скакавшихъ верхомъ и кричавшихъ: «М о с к а л и р ѣ ж у т ь н а ш и х ь , п о л я к и к ѣ о р у ж і ю !». Они не тронули меня, и я отправился на Банковую площадь, гдѣ увидѣлъ батальонъ сводныхъ гренадеръ подъ командою маіора Живульта со 2-мъ линейнымъ полкомъ. Я спросилъ его: «Что случилось, что вы тутъ дѣлаете?»

— Я тутъ по приказанію начальства,—отвѣчалъ маіоръ,—это мое мѣсто на случай тревоги, мнѣ приказано защищать банкъ. Я передаю команду г. полковнику, какъ старшему офицеру.

— Команда въ хорошихъ рукахъ,—отвѣчалъ я маіору;—что касается меня, то мое мѣсто въ аппликаціонной школѣ.

— Что же мнѣ дѣлать далѣе?—спросилъ Живульта.

— Пока,—отвѣчалъ я,—защищать банкъ, держать батальонъ подъ ружьемъ и слѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ, рассылая во всѣ стороны патрули и ведеты.

Между тѣмъ до насъ долеталъ отголосокъ шума, происходившаго передъ арсеналомъ; слышны были крики людей и выстрѣлы. Въ эту минуту подошла школа конныхъ подпрапорщиковъ, состоявшая на половину изъ русскихъ, на половину изъ поляковъ, подъ командою подполковника Чарномскаго. Простоявъ на Банковской площади съ пол-

часа, они повернули обратно. Я оставался нѣкоторое время подъ галлереей банка; трудно было добраться до школы, хотя до нея было и недалеко, но улицы, ведущія къ ней, были переполнены вооруженными людьми; я встрѣтилъ тутъ генерала Копецкаго, графа Ельскаго, майора Войнаровскаго и нѣкоторыхъ другихъ лицъ.

— Чѣмъ все это кончится?—спрашивали они.

— Пока русскихъ выгонять изъ Варшавы,—отвѣчалъ я,—а черезъ мѣсяцъ будетъ война съ Россіей, конецъ которой можетъ предвидѣть каждый здравомыслящій человекъ, а въ результатѣ потеря свободы и тяжелая для насъ неволя!

Вотъ, что я говорилъ въ то время, ибо чего можно было ожидать отъ революціи, какъ не бѣдствія для народа? Вначалѣ, быть можетъ, немного славы, которая разлетится, какъ дымъ, а затѣмъ упадокъ страны, несчастіе семей, тысячи жертвъ... Какъ бы одаренный прозорливостью пророка, я видѣлъ въ то время ясно, какъ день, то, что ожидало насъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя. Это видѣли и другіе, но охватившая всѣхъ тревога, неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ замыкала всѣмъ уста. Поговоривъ нѣсколько минутъ съ этими господами, я вошелъ въ домъ Замоискихъ и попросилъ знакомаго слугу дать мнѣ стаканъ чая, потомъ отправился къ себѣ на квартиру, бывшую въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, и, взявъ немного денегъ на всякій случай, вернулся къ банку. Тутъ я увидѣлъ, что положеніе дѣла значительно измѣнилось. Офицеры, собравшись безъ начальства, совѣщались между собою. Солдаты начали выходить изъ рядовъ. Разныя лица, арестованныя съ оружіемъ въ рукахъ въ арсеналѣ, шли мимо насъ съ криками: «да здравствуетъ отчизна». Въ этотъ моментъ передъ батальономъ вышли генералъ Феншовъ и капитанъ Безобразовъ, адъютантъ великаго князя. Первый пріѣхалъ изъ Бельведера окольными улицами; второй былъ встрѣченъ около ратуши залпомъ изъ ружей и едва не былъ убитъ. Феншовъ былъ возмущенъ тѣмъ, что великій князь ничего не предпринималъ въ столь важный моментъ, и, обратясь ко мнѣ, сказалъ (по-французски):

— Онъ оставляетъ насъ въ минуту опасности,—тогда какъ если бы дѣйствовать энергично, можно было бы еще все спасти, онъ колеблется и погубить всѣхъ насъ вмѣстѣ съ собою.

Къ намъ подъѣхалъ также Владиславъ Замоискій, но, поговоривъ съ нами нѣсколько минутъ, отправился обратно. Генералъ Феншовъ проѣхалъ до Тломацкой улицы, но тутъ былъ окруженъ толпою и едва не заплатилъ за свою смѣлость жизнью.

Вскорѣ послѣ этого показался генералъ Станиславъ Потоцкій и, остановившись ненадолго предъ гренадерами Живульта, поѣхалъ по Римарской улицѣ, смѣло подвигаясь среди толпы, которой онъ объяснялъ

безразсудность ея поступка. Его окружили военныя и гражданскія лица разныхъ чиновъ и убѣждали стать въ главѣ ихъ. Но генераль отвѣчалъ, что не можетъ нарушить данной присяги и запятнать свою военную честь. Когда же они стали приставать къ нему все болѣе и болѣе энергично и хотѣли силою заставить его идти съ собою, то онъ протискался сквозь толпу и вернулся смущенный къ баталіону Живульта. Немного погодя, онъ приказалъ обезоружить толпу, шедшую мимо, которая была вынуждена сложить предъ фронтомъ гренадеръ Живульта оружіе, взятое изъ арсенала, которое они несли спрятаннымъ. Вслѣдъ за Станиславомъ Потоцкимъ человекъ около двадцати протиснулись въ ряды баталіона и начали склонять на свою сторону гренадеръ. Потоцкій еще разъ обратился къ толпѣ, желая уговорить ее отказаться отъ своего намѣренія. Но все было напрасно,

Во время замѣшательства, происшедшаго среди гренадеръ Живульта, неизвѣстнымъ человекомъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, и Станиславъ Потоцкій былъ смертельно раненъ. Его отнесли въ домъ Замойскихъ, гдѣ онъ скончался нѣсколько часовъ спустя. Вслѣдъ за нимъ удалился съ Банковской площади начальникъ его штаба, генераль Мрожинскій, раненный въ шею штыкомъ.

Такъ погибъ храбрый воинъ, товарищъ Косцюшки и князя Понятовскаго, ревностный патріотъ, отъ руки тѣхъ самыхъ людей, которымъ было бы весьма важно имѣть на своей сторонѣ человека столь вліятельнаго и преданнаго общему дѣлу, какъ Станиславъ Потоцкій. Если бы ему было дано нѣсколько часовъ на размышленіе, то его навѣрно удалось бы склонить на нашу сторону, но его минуты были сочтены!

Послѣ того, какъ онъ былъ убитъ, никто уже не чувствовалъ себя въ безопасности, поэтому я вышелъ изъ толпы и вернулся домой, ожидая всю ночь дальнѣйшихъ событій, въ коихъ я не могъ принимать никакого участія.

На слѣдующій день, 18-го (30-го) ноября, ко мнѣ явился въ 10 часовъ утра Станиславъ Ржевускій, прося дать ему что-нибудь поѣсть. Подкрѣпляя себя пищей, онъ разсказалъ мнѣ о событіяхъ этой ночи: нападеніи на Бельведеръ, смерти генерала Гауке, полковника Медичевскаго, генераловъ Блюмера, Тренбицкаго, Новицкаго, Семеновскаго; арестованіи русскихъ генераловъ: Рихтера, Исакова, Энгельмана, Кривцова, Нессельроде; адъютантовъ Грессера и Бутурлина; польскихъ генераловъ: Риделя и Бонтана; о разграбленіи арсенала, изъ котораго народъ взялъ 30.000 ружей; и т. д. На мой вопросъ о томъ, кто руководитъ возстаніемъ и какія дальнѣйшія намѣренія поляковъ, онъ не могъ ничего сказать. Когда онъ ушелъ, я послалъ преданнаго мнѣ слугу Войцеха къ полковнику Совинскому узнать, что дѣлается въ

аппликаціонной школѣ. Ему сказали, что ученики до 9 часа вечера сидѣли спокойно въ своихъ залахъ; въ девятомъ часу толпа вооруженнаго народа ворвалась въ школу и не смотря на сопротивленіе полковника и офицеровъ силою вывела ихъ на улицу, откуда ни одинъ изъ нихъ еще не возвратился. Войцехъ сообщилъ мнѣ также, что волненіе не прекращается, и что офицеру нельзя показаться на улицѣ безъ пистолета или какого-либо оружія въ рукахъ и т. д. Я не выходилъ весь день изъ дома и только на слѣдующій, 1-го декабря, рѣшился выйти изъ своей квартиры и присоединиться къ начальнику школы.

Въ тотъ день рано утромъ ко мнѣ явились: инженерный капитанъ Вильсонъ и поручикъ того же корпуса Прширембель (Przyrembel); войдя ко мнѣ, они спросили, чтѣ я намѣренъ дѣлать? Вильсонъ сообщилъ мнѣ всѣ слухи, ходившіе въ городѣ, вслѣдствіе которыхъ весьма многіе легковѣрные люди перешли на сторону мятежниковъ.

— Мнѣ не нужно,—сказалъ я Вильсону,—никакихъ доводовъ, чтобы принять какое-нибудь рѣшеніе въ настоящую минуту. Я прежде всего полякъ! Коль скоро польскій народъ возстаетъ, я не намѣренъ отдѣлать своей судьбы отъ судьбы народа. Если онъ хочетъ погибнуть, то и я погибну вмѣстѣ съ нимъ. Но наше возстаніе есть война съ Россійской имперіей, которую не могъ побѣдить Наполеонъ, и всякій благомыслящій человѣкъ можетъ понять, каковъ будетъ ея результатъ для насъ. Что касается меня, то я останусь на своемъ мѣстѣ и буду дѣйствовать такъ, какъ долженъ поступить честный человѣкъ, преданный своему отечеству; быть можетъ, безъ увлеченія, которое я вижу въ васъ, но ровно и настойчиво до конца. Кто руководитъ возстаніемъ?

Вильсонъ отвѣчалъ, что до сихъ поръ никто изъ людей извѣстныхъ не сталъ во главѣ мятежниковъ, но что они разсчитываютъ на Хлопцаго.

— Гдѣ же корпусный командиръ, генералъ Малецкій?

— Съ великимъ княземъ.

Взявъ пистолетъ и снявъ русскіе ордена и султанъ съ шапки, которые всѣ военные одѣли при началѣ революціи, оставивъ бѣлую ленту и кокарду, я вышелъ съ Вильсономъ и Прширембелемъ на Сенаторскую улицу. Первые лица, которыхъ мы встрѣтили, были статскій совѣтникъ Лудвигъ Платеръ и каштелянъ Дембовскій, оба съ саблями въ рукахъ и съ кускомъ бумаги на шляпѣ, на которомъ было написано: «народная гвардія». Они шли къ дому князя Любецкаго. На ихъ блѣдныхъ лицахъ замѣтны были слѣды волненія и бессонныхъ ночей. Въ ту сторону шла масса разнаго народа, всѣ съ оружіемъ въ рукахъ. На фасадѣ ратуши (домъ Яблоновскихъ) я прочелъ надпись: Witaj jutrzeńko wolności, za tobą

*

idzie słońce swobody! ⁴⁾). На дворѣ зданія военной комиссіи мы увидѣли баталіонъ саперъ въ волненіи, не поддающемся описанію.

Солдаты, набранные по большей части изъ варшавскихъ мастеровыхъ, полупьяные, начали уже грабить кассы и угрожали офицерамъ, которые старались обуздать ихъ своеволіе. Офицеры и унтеръ-офицеры, которые всѣ хорошо знали меня, привѣтствовали меня громкими криками радости. Песдоровавшись съ ними, я началъ разспрашивать ихъ о томъ, что было наканунѣ, и узналъ о смерти капитана Терстеняка (Tersteniak), на котораго напали три сапера его роты въ его собственной квартирѣ и закололи штыками въ присутствіи его жены. Его вина заключалась въ томъ, что въ ночь 17-го (29-го) ноября онъ не сталъ во главѣ своей роты. По той же причинѣ солдаты стрѣляли въ подпоручика Піотровскаго, который былъ смертельно раненъ. Баталіонный командиръ, подполковникъ Майковскій, ожидалъ съ минуты на минуту той же участи.

У дворца я встрѣтилъ нѣсколькихъ офицеровъ, между коими былъ полковникъ Жванъ и полковникъ Альфонсъ. Въ эту минуту къ нашему кружку подъѣхалъ верхомъ пѣхотный подпоручикъ съ смуглымъ сумрачнымъ лицомъ и сказалъ, обращаясь къ намъ:

— Господа! все идетъ, какъ слѣдуетъ! Я былъ сейчасъ у генерала Хлопицкаго; онъ принимаетъ начальство надъ войскомъ. Революція, которой вы были свидѣтелями, есть дѣло моихъ рукъ. Это сдѣлалъ все я. Я Заливскій!

При этихъ словахъ всѣ переглянулись и остолебенѣли. «И такіе-то ничтожные люди руководятъ возстаніемъ!»—подумалъ каждый. Заливскій отъѣхалъ къ другой группѣ и повторилъ ей буквально то же самое. Мы пошли далѣе. На Медовой улицѣ стояла народная гвардія. Нѣсколько сотъ человекъ, вооруженныхъ разнокалибернымъ оружіемъ, начали строиться рядами. Чиновники, купцы, ремесленники, артисты, рабочіе и т. д. стояли другъ возлѣ друга чинно, въ величайшемъ порядкѣ. На Красинской площади стоялъ 4-й баталіонъ пѣхотнаго полка съ полковникомъ Богуславскимъ и два орудія конногвардейской артиллеріи подъ командою поручика Гауке, сына убитаго военнаго министра. Наконецъ, я добрался до аппликаціонной школы и, поговоривъ съ полковникомъ Совинскимъ, отправился въ инженерное управленіе въ томъ же зданіи, гдѣ соберется нѣсколько офицеровъ. Всѣ эти господа думали только о томъ, какъ бы схватить лишній чинъ. 19-го ноября (1-го декабря) вечеромъ генералъ Хлопицкій, до тѣхъ поръ тщательно скрывавшійся, принялъ командованіе войсками съ цѣлью предупредить начинавшуюся анархію.

⁴⁾ Привѣтствую утро вольности, за тобою встаетъ солнце свободы.

20-го ноября (2-го декабря) генералъ Салацкій приказалъ мнѣ составить списокъ всѣхъ инженерныхъ офицеровъ, находившихся въ Варшавѣ.

На слѣдующій день генералъ Шембекъ вступилъ въ Варшаву во главѣ полка пѣхотныхъ стрѣлковъ, приветствуемый радостными криками народа, и присоединился къ мятежникамъ. Этотъ важный шагъ побудилъ тѣ части польскаго войска, которыя еще оставались вѣрны великому князю, измѣнить ему.

Въ тотъ же день, т. е. 20-го ноября (2-го декабря), великій князь принялъ въ Вержбѣ депутацію, состоявшую изъ князя Адама Чарторыйскаго, князя Любецкаго, Владислава Островскаго и Лелевеля, и заключилъ съ нею договоръ.

Когда генералъ Шембекъ присоединился къ мятежникамъ, генералъ Хлопицкій ввелъ въ Варшаву гренадерскій полкъ и конныхъ стрѣлковъ, во главѣ которыхъ ѣхали генералы: Жимирскій, Красинскій и Курнатовскій. Народъ встрѣтилъ войско рукоплесканіями, но на Банковской площади началъ угрожать генераламъ Красинскому и Курнатовскому, называя ихъ измѣнниками. Ярость толпы дошла до того, что если бы въ дѣло не вмѣшались Хлопицкій и Шембекъ, то этимъ генераламъ пришлось бы поплатиться жизнью за свои прежніе грѣхи. Они постѣжили уѣхать изъ Варшавы: Курнатовскій въ Вроцлавъ, гдѣ онъ пробылъ до окончанія войны, а Викентій Красинскій въ Петербургъ.

Только 22-го ноября (4-го декабря) руководители возстанія вспомнили о Модлинѣ. Генералъ Хлопицкій послалъ по ихъ просьбѣ подполковника Хржановскаго съ нѣсколькими ротами 8-го пѣхотнаго полка занять этотъ важный для мятежниковъ оборонительный пунктъ, въ которомъ помимо 50 орудій разнаго калибра находилось нѣсколько милліоновъ готовыхъ патроновъ и большой запасъ пороха. Комендантомъ крѣпости былъ артиллерійскій полковникъ Гугемусъ. Крѣпость совершенно не была приспособлена къ оборонѣ, въ ней не было съѣстныхъ припасовъ и ни одного пѣхотнаго солдата. О продолжительной оборонѣ нечего было и думать. Поэтому какъ только подполковникъ Хржановскій со своей пѣхотой подошелъ къ Сѣроцку, комендантъ началъ съ нимъ переговоры.

Русскому войску и артиллеріи было дозволено уйти въ Цѣхановецъ къ русской границѣ. Такимъ образомъ въ нашихъ рукахъ очутились большіе запасы пороха, пуль и готовыхъ боевыхъ снарядовъ, безъ которыхъ война была бы окончена съ перваго сраженія. 5-го декабря утромъ я получилъ отъ генерала Салацкаго, принявшаго, за отсутствіемъ дивизіоннаго генерала Малецкаго, начальство надъ корпусомъ инженеровъ,—приказъ, коимъ онъ увѣдомлялъ меня о томъ, что, будучи назначенъ вновь учрежденнымъ правительствомъ завѣдывать матеріальной

частью артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ, онъ предлагалъ мнѣ принять временно начальство надъ корпусомъ инженеровъ и вступить немедленно въ исполненіе моихъ новыхъ обязанностей.

Такимъ образомъ генералъ Салацкій предпочелъ занять болѣе безопасное мѣсто, возложивъ всю отвѣтственность за дальнѣйшія дѣйствія на меня. Побужденія, руководившія имъ въ этомъ случаѣ, не были для меня тайною, но мое желаніе послужить народному дѣлу было такъ сильно, что я не колеблясь занялся приведеніемъ Варшавы, Праги и Модина въ оборонительное положеніе.

23-го ноября (5-го декабря) генералъ Хлопицкій рѣшилъ объявить себя диктаторомъ. Онъ приказалъ войску собраться на Марсовомъ полѣ и обратился къ нему со слѣдующею рѣчью:

— Такъ какъ настоящее критическое положеніе требуетъ величайшей съ нашей стороны энергіи и всякая задержка въ дѣйствіяхъ можетъ имѣть роковыя для нашего народнаго дѣла послѣдствія, — то, руководствуясь не честолюбіемъ и желаніемъ власти, ибо я далекъ отъ этого, а требованіемъ событій, по примѣру римлянъ, которые въ случаѣ опасности, угрожавшей отечеству, довѣряли высшую власть диктатору, — я объявляю вамъ, полякамъ, вамъ, храбрымъ польскимъ рыцарямъ, что я принимаю на себя на короткое время, т. е. до собранія сейма, диктаторскую власть, по собраніи же сейма я передамъ эту власть въ его руки. Вѣрьте мнѣ, соотечественники, что я употребляю эту власть только на вашу пользу.

На эту рѣчь войско и народъ отвѣчали криками: «да здравствуетъ диктаторъ! да здравствуетъ отечество!»

Генералъ Хлопицкій, окруженный многочисленною свитою, прибылъ верхомъ на Марсову площадь.

Благородная осанка, мужественное лицо, пронизательный взглядъ, громкій голосъ, созданный для командованія, произвели на всѣхъ сильное впечатлѣніе; онъ походилъ на богатыря, взявшаго въ свои руки бразды правленія для того, чтобы поразить враговъ.

Иосифъ Хлопицкій родился въ Галиціи въ 1772 г.; хотя ему было уже подъ 60 лѣтъ и онъ участвовалъ на своемъ вѣку во многихъ походахъ, начавъ свою военную карьеру подъ командою Костюшки въ 1792 г., но трудности боевой жизни не сломили его здоровья, и онъ казался моложе своихъ лѣтъ.

Пенсія, которую онъ получалъ (отъ русскаго правительства), и дохода съ маленькаго имѣнія, даннаго ему Наполеономъ, могло хватить на скромную жизнь въ Варшавѣ, но страсть къ карточной игрѣ заставляла его искать общества русскихъ генераловъ, коимъ онъ проигрывалъ большую часть своихъ денегъ. Я встрѣчался съ нимъ у Михаила Мицельскаго и у г-жи Вовсовичъ, за нѣсколько лѣтъ до возстанія. Я не могъ

не уважать его, какъ храбраго воина, но я не видѣлъ въ немъ качества человѣка, могущаго держать въ своихъ рукахъ бразды правленія или быть главнокомандующимъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ французскихъ генераловъ, называемыхъ *routiniers* (рутинеры), которые не видятъ ни поля битвы и ничего кромѣ орудіянаго дыма и которыхъ богъ войны не одарилъ стратегическимъ даромъ. Къ этому надобно прибавить, что онъ любилъ хорошо поѣсть, былъ готовъ играть въ карты съ кѣмъ попола, не выбирая людей и мѣста, часто проводилъ время праздно, не читалъ никакихъ военныхъ сочиненій и обладалъ такимъ запальчивымъ и раздражительнымъ характеромъ, что князь Адамъ Чарторыйскій говорилъ о немъ, что онъ никогда не видалъ военнаго, болѣе дурно воспитаннаго.

Какую цѣль могъ имѣть Хлопицкій, взявъ на себя бремя диктатора, въ столь важный для народа моментъ, когда каждый потерянный часъ могъ имѣть пагубное вліяніе на ходъ дѣла? Казалось, у него не могло быть иной цѣли, какъ, признавъ совершившуюся революцію, которую уже никакія человѣческія силы не могли сдержать, упорядочить власть народа, увеличить наши вооруженныя силы, направить народный энтузіазмъ въ одну сторону и начать безнадежную войну съ Россіей. Такъ казалось всѣмъ, такъ думалъ и я. Вслѣдствіе этого, объявленіе объ его диктатурѣ было принято всѣми съ восторгомъ. Кто бы могъ думать въ то время, что храбрый солдатъ мечталъ о чемъ-либо иномъ и былъ съ самаго начала польщенъ мыслию подавить революцію и повергнуть ее обезоруженную къ стопамъ императора Николая?

Въ моментъ провозглашенія диктатуры я находился на Марсовомъ полѣ; я шелъ задумавшись мимо школы подпрапорщиковъ, разставленной предъ фронтомъ войска, какъ вдругъ одинъ изъ подпрапорщиковъ, выйдя изъ рядовъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ:

— Мы видамъ на лицѣ нашихъ штабъ-офицеровъ явную печаль и неудовольствіе по поводу совершившагося. Развѣ они не раздѣляютъ нашихъ чувствъ къ отчизнѣ?

— Я полагаю, — отвѣчалъ я, что такъ называемая вами печаль есть не что иное, какъ забота о будущемъ. Вы радуетесь полученной свободой! Мы предвидимъ войну съ державою, которую въ Европѣ никому еще не удалось побѣдить, которую самъ Наполеонъ не могъ осилить. Не мудрено, что мы задумываемся надъ тѣмъ, какъ ее вести, такъ какъ это будетъ борьба на жизнь и смерть, быть можетъ, это будетъ для насъ послѣдняя борьба. Но успокойтесь! Штабъ-офицеры польскаго войска исполняютъ свою обязанность и будутъ помогать вамъ, молодымъ людямъ, на полѣ битвы своей опытностью. Могу за это вамъ поручиться.

Эти слова произвели на подпрапорщика благопріятное впечатлѣніе: онъ пожалъ мнѣ руку и отошелъ къ товарищамъ, чтобы передать имъ

мои слова. Я видѣлъ по выраженію ихъ лицъ, что мои слова соотвѣтствовали самымъ пламеннымъ ихъ желаніямъ. Нѣсколько минутъ спустя послѣ этого разговора, генераль Хлопицкій остановился передъ фронтомъ подпрапорщиковъ, благодарилъ ихъ за молодецкое самопожертвованіе и общалъ, что они будутъ вознаграждены за все сдѣланное. Они всѣ были произведены въ подпоручики и зачислены во вновь формирувавшіеся третьи и четвертые батальоны. Такимъ образомъ онъ отдѣлался сразу отъ ненадежной въ рукахъ этой молодежи революціонной силы.

Между тѣмъ великій князь съ русскимъ войскомъ безпрепятственно выступилъ изъ Варшавы и шелъ, не встрѣчая никакой помѣхи, къ Пулавамъ и, переправившись тутъ, 25-го ноября (7-го декабря) на лодкахъ, явился 14-го декабря въ Влодаву, на границу Литвы. Этотъ спокойный маршъ въ то время, когда вся страна волновалась, не мало удивилъ всѣхъ сколько-нибудь дальновидныхъ людей. Почему русскія войска не были обезоружены и взяты въ плѣнъ? Пять тысячъ вооруженныхъ человѣкъ, 3.000 лошадей и 20 орудій стояли того, чтобы постараться объ этомъ. Великому князю, стѣсненному между польскимъ войскомъ Вислою и австрійской границей, ничего не оставалось бы, какъ дать сраженіе либо отдаться въ плѣнъ. Этого требовала демократическая партія, во главѣ которой стояли Лелевель, Мохнацкій, Брониковскій. Но Хлопицкій былъ глухъ къ ихъ требованіямъ и энергично оспаривалъ мысль о возможности атаковать великаго князя. Между тѣмъ время уходило. Когда великій князь перешелъ Вислу, подходящий моментъ былъ упущенъ, и сдѣланную крупную ошибку уже нельзя было исправить.

Намъ предстояло рѣшить важный вопросъ, а именно, слѣдовало ли намъ тотчасъ по совершившейся революціи двинуться съ войскомъ въ Литву, вызвать тамъ возстаніе, обезоружить литовскій корпусъ и начать кампанію на берегу Днѣпра и Двины.

Какъ плохо знали нашу страну, средства Польши и ея военное положеніе и могущество Россія тѣ люди, кои лелѣли въ своемъ воображеніи столь легкомысленные проекты! Во-первыхъ, вся, такъ называемая завоеванная страна состояла изъ Литвы, Волыни, Подолія и Украйны, простираясь отъ Буга и Нѣмана до Днѣпра и Двины и отъ Балтійскаго моря до береговъ Днѣстра. Эта мѣстность занимаетъ въ ширину 60, а въ длину 135 миль и раздѣляется на двѣ части болотами, которыя тянутся вдоль Припечи: на этомъ пространствѣ имѣется только три дороги, доступныя для войска съ юга на сѣверъ, и тотъ, кто владѣеть ими, можетъ свободно пройти изъ Волынской губ. въ Литву.

Въ половинѣ января русскіе могли сосредоточить въ окрестностяхъ Вильны и Бѣлостока 118.600 человѣкъ пѣхоты, 400 орудій и 15.300

человѣкъ кавалеріи, не считая казаковъ, а на югѣ могли мобилизовать черезъ три мѣсяца армію въ 43.500 человекъ пѣхоты, 21.229 кавалеріи и 334 орудій.

«Каждая изъ этихъ двухъ армій, взятая въ отдѣльности, была достаточно сильна, чтобы подавить возстаніе. Какія же силы могли мы противопоставить русскимъ? Не болѣе какъ двѣ пѣхотныя дивизіи, т. е. 26.700 человекъ пѣхоты, 5.400 человекъ кавалеріи и 10 ракетныхъ станковъ, всего 32.100 человекъ!»

Если русскимъ войскамъ нужно было время для того, чтобы сосредоточиться, то и мы не были готовы сразу. Намъ надобно было еще сформировать парки, заготовить съѣстные припасы, боевые снаряды и т. п.

Итакъ намъ предстояло выступить изъ Варшавы съ этими двумя дивизіями пѣхоты и двумя дивизіями кавалеріи, не имѣя парковъ и боевыхъ снарядовъ, идти къ Брестъ-Литовску, овладѣть этимъ пунктомъ и тутъ только приступить окончательно къ сформированію нашего войска. Изъ этого пункта намъ предстояло напасть на мѣсто стоянки Литовскаго корпуса, разѣединить его отряды, обезоружить одни изъ нихъ, склонить другихъ перейти на нашу сторону, внести возстаніе въ Литву и т. д. Лелевель и демократическая партія рассчитывали навѣрняка на то, что, при нашемъ появленіи, Литовскій корпусъ присоединится къ намъ со своей артиллеріей и знаменами. Правда, въ этомъ корпусѣ было не мало молодыхъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ поляковъ, но большая часть солдатъ и унтеръ-офицеровъ были русины и литовцы, отличавшіеся отъ насъ языкомъ, религіей, обычаями и издавна преданные своему знамени. Почти всѣ дивизіонныя, бригадные, полковые, батальонныя и даже ротныя командиры были русскіе или нѣмцы. Склонить ихъ на нашу сторону было дѣломъ не легкимъ. Кромѣ того, командовавшій корпусомъ генералъ Розенъ принялъ необходимыя мѣры предосторожности, изъ коихъ одна, весьма важная, состояла въ томъ, что онъ перевелъ многихъ офицеровъ поляковъ въ другіе корпуса, во внутреннія губерніи Россіи и замѣнилъ ихъ коренными русскими офицерами.

Изъ всего этого вытекаетъ, что надежда привлечь Литовскій корпусъ на нашу сторону или возможность обезоружить его принадлежала къ числу тѣхъ несбыточныхъ мечтаній, которыя были порождены революціей.

Движеніе отъ Брестъ-Литовска въ глубь страны, напр. къ Вильно, или Минску, также было бы очень опасно и могло повлечь за собою самыя нежелательныя послѣдствія. Если бы мы осадили Брестъ съ одной дивизіей пѣхоты и дивизіей кавалеріи, что же осталось бы у насъ для дѣйствія противъ русскихъ отрядовъ, надвигавшихся со всѣхъ сто-

ронъ, какія силы могли бы мы выставить противъ южной арміи, которая получила приказаніе перейти нашу границу не позже 17-го февраля (1-го марта)? Быть можетъ, мы могли противопоставить имъ энергію, вѣру въ революцію? Пустыя слова, которыми никто не побѣдилъ еще ни одной арміи, состоящей изъ слишкомъ твердыхъ основъ, чтобы они могли уступить подъ натискомъ чарующихъ насъ словъ!

Между тѣмъ проигранное сраженіе въ Литвѣ было бы вторыми Мацёвицами, и чѣмъ далѣе оно произошло бы отъ Вислы и отъ нашихъ запасныхъ магазиновъ, тѣмъ оно имѣло бы болѣе пагубныя послѣдствія.

Чѣмъ далѣе мы углубились бы въ Литву, тѣмъ болѣе южная армія угрожала бы Бресту и Варшавѣ.

Изъ этого ясно, что движеніе въ Литву съ самаго начала было невысказано, и что, даже взявъ Брестъ, мы не могли долго удержаться въ немъ.

Хлопицкій, какъ человѣкъ опытный въ военномъ дѣлѣ, былъ, вѣроятно, того же мнѣнія; поэтому, должно быть, онъ такъ энергично и оспаривалъ проектъ Лелевеля двинуть войско въ Литву.

Но возвратимся къ Варшавѣ.

Тотчасъ по полученіи приказа отъ 23-го ноября (5-го декабря), я дѣлательно занялся разработкою плана обороны Праги, Варшавы и Модлина и прежде всего обратилъ вниманіе на устройство предмостнаго укрѣпленія въ Прагѣ. Производство работъ было поручено мною инженеръ-капитану Лелевелю, которому были даны въ помощники четыре офицера и два кондуктора. Работы были начаты.

25-го ноября (7-го декабря) все населеніе Варшавы высыпало на валы, какъ въ 1794 г. Тутъ были цехи со значками во главѣ, монашенскіе ордена, школы, училища; всѣ соревновали другъ передъ другомъ, принимая участіе въ насыпкѣ валовъ. Это создало много неурядицы; надобно было имѣть много терпѣнія и времени, чтобы водворить порядокъ среди этихъ восторженныхъ работниковъ; но то, что было начато слабыми, изнѣженными руками, было докончено опытными работниками, и дѣло вышло. Зрѣлище было во всѣхъ отношеніяхъ любопытное и отрадное.

26-го ноября (8-го декабря) я отправился въ Модлинъ для осмотра крѣпости, которая оказалась въ самомъ плачевномъ, разрушенномъ состояніи. Моста черезъ Вислу не было вовсе. Я немедленно приступилъ къ работамъ.

Нѣсколько времени спустя комендантомъ Модлина былъ назначенъ артиллерійскій полковникъ Ледоховскій, ветеранъ 1812 г., потерявшій ногу въ сраженіи подъ Лобаномъ, который употребилъ всевозможное стараніе, чтобы привести крѣпость въ надлежащее состояніе.

Что касалось укрѣпленія Варшавы, то оно представляло большія трудности вслѣдствіе чрезвычайной раскинутости города и его предмѣстій.

Но для того, чтобы рѣшить вопросъ, какую систему укрѣпленій надлежало принять для такого обширнаго города, надобно было прежде всего знать намѣренія диктатора. Я не имѣлъ доступа къ нему и не могъ представить ему безъ спроса никакого плана обороны Варшавы, такъ какъ я видѣлъ по примѣру Прондзинскаго и Крыжановскаго, что онъ умѣетъ быстро отдѣлаться отъ непрошенныхъ совѣтниковъ: изъ нихъ первый былъ посланъ въ Замостье, а второй въ Модлинъ помощниками комендантовъ за то, что они осмѣлились высказать въ его присутствіи свои планы кампаніи. Поэтому мнѣ пришлось ожидать возвращенія генерала Малецкаго, который, пріѣхавъ въ Варшаву, вступилъ снова въ управленіе корпуса инженеровъ.

Я долженъ былъ во всемъ сообразоваться съ его приказаніями, такъ какъ диктаторъ совѣтовался только съ нимъ. Малецкій, умѣвшій угодить и нашимъ и вашимъ, снискалъ довѣріе диктатора, точно такъ же, какъ онъ счумѣлъ снискать у великаго князя; онъ бывалъ у Хлопицкаго на обѣдахъ и говорилъ во всеуслышаніе, что диктаторъ прекрасно знаетъ фортификацію. Съ такою же похвалою онъ отзывался обыкновенно обо всѣхъ начальствующимъ лицахъ. Поэтому отъ совѣщаній съ генераломъ Хлопицкимъ нельзя было ожидать ничего хорошаго.

Впрочемъ, онъ одобрилъ всѣ распоряженія, сдѣланныя мною въ его отсутствіе.

По приказанію диктатора была организована коммиссія изъ генераловъ Малецкаго и Бонтана, изъ которой должны были исходить всѣ распоряженія по инженерной части.

Первое предложеніе, съ коимъ я обратился въ коммиссію, заключалось въ сформированіи изъ отставныхъ солдатъ, саперъ и минеровъ резервнаго батальона, который я предполагалъ употребить при сооруженіи укрѣпленій Варшавы, Праги и Модлина; что касалось Замостья, то я предложилъ сформировать изъ захваченныхъ нами дезертировъ піонерную роту для крѣпостныхъ работъ.

Коммиссія отказала мнѣ въ томъ и другомъ, назначивъ отставныхъ саперъ въ артиллерію; существовавшій же саперный батальонъ былъ распределенъ такимъ образомъ, что одна рота піонеровъ была назначена въ Модлинъ, другая въ Замостье, а повтонная рота въ артиллерійскій паркъ, такъ что у меня осталась всего одна рота саперъ, которая несла службу при главной квартирѣ и при войскахъ. Для производства работъ въ Варшавѣ и Прагѣ не осталось ни одного солдата; такимъ образомъ инженерная служба была дезорганизована съ самаго начала.

Этой услугой мы были обязаны главнымъ образомъ генералу Малецкому.

Другая моя просьба касалась артиллеріи, а именно я просилъ дать мнѣ 200 орудій для вооруженія Варшавы и Праги, 100 орудій для отправки въ Замостье и 100 для посылки въ Самсоново и Суходнево, но въ этомъ мнѣ также было отказано.

Будучи такимъ образомъ весьма стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ, я долженъ былъ тѣмъ не менѣе приступить къ дѣлу. Первымъ дѣломъ чадобно было обезпечить столицу отъ нападенія непріятельскаго отряда, который могъ перейти Вислу выше или ниже Варшавы и воспользо-ваться отдаленіемъ нашихъ главныхъ силъ для того, чтобы овладѣть столицей, уничтожить наши запасы и разстроить наши оборонительныя средства.

Каково бы ни было намѣреніе диктатора, думалъ ли онъ вести переговоры или начать наступательную войну или ожидать нападенія со стороны русскаго войска, во всякомъ случаѣ его первою обязанностью было увеличить наши силы, насколько позволяли средства страны. Въ первомъ случаѣ, желая выговорить какъ можно болѣе выгодныя условія, намъ было необходимо быть сильными; во второмъ случаѣ, если мы хотѣли воевать съ Россіей, то намъ слѣдовало быть еще сильнѣе. Хлопицкій оказался въ этомъ случаѣ человѣкомъ недалъновиднымъ.

28-го ноября (10-го декабря) князь Любецкій отправился вмѣстѣ съ депутатомъ Зезерскимъ (Zezierski) въ Петербургъ, чтобы сообщить императору о положеніи дѣлъ въ королевствѣ и склонить его вступить съ нами въ переговоры.

Наши требованія сводились главнымъ образомъ къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ:

Строгому соблюденію конституціи и амнистіи всѣмъ участвовавшимъ въ возстаніи; посланнымъ велѣно было упомянуть между прочимъ и о надеждѣ поляковъ, что къ королевству будутъ вновь присоединены отторгнутыя отъ него провинціи.

На всѣ эти пункты Николай I, какъ императоръ всероссійскій, разумѣется, не могъ согласиться. Любецкій понималъ это какъ нельзя лучше, но ему не хотѣлось оставаться долѣе въ Польшѣ, ему хотѣлось быть въ болѣе безопасномъ мѣстѣ, и поѣздка въ Петербургъ вполне соответствовала его желаніямъ.

5-го (17-го) декабря, Хлопицкій заявилъ въ присутствіи собравшихся депутатовъ сейма и сенаторовъ, что онъ представитель конституціоннаго короля, что онъ не намѣренъ нарушить данной Николаю присяги, что его желанія не идутъ далѣе конституціонныхъ правъ, что онъ никогда не помышлялъ о возвратѣ отторгнутыхъ провинцій, такъ какъ императоръ никогда на это не согласится, и что онъ присвоилъ

себѣ диктаторскую власть только для того, чтобы спасти страну отъ революціонной анархіи, и никакихъ иныхъ цѣлей добиваться не будутъ.

Эти слова поразили присутствующихъ. Понимая, какое впечатлѣніе заявленіе диктатора должно было произвести на народъ, они рѣшили не оглашать его истинныхъ намѣреній.

6-го (18-го) декабря, въ 6 часовъ вечера, сеймъ объявилъ возстаніе 17-го (29-го) ноября дѣломъ народнымъ.

Въ отвѣтъ на этотъ рѣшительный шагъ сейма диктаторъ въ тотъ же вечеръ сложилъ съ себя власть. Волненіе въ Варшавѣ въ тотъ день и на слѣдующій день было необычайное.

Такимъ образомъ страна осталась безъ правительства, войско безъ главы.

Но хотя депутаты сейма рѣшили держать заявленіе, сдѣланное диктаторомъ, въ тайнѣ, но публика вскорѣ узнала истину. Всѣ съ тревогою спрашивали другъ друга: чтѣ намѣренъ дѣлать Хлопицкій? Неужели мы останемся безъ руководителя? А войско роптало и говорило, что оно пойдетъ противъ непріятеля только подъ командою Хлопицкаго.

Сеймъ вторично собрался на совѣщаніе и снова предложилъ Хлопицкому диктаторскую власть, которую тотъ, ко всеобщему удивленію, тотчасъ изъявилъ согласіе принять.

Насталъ второй періодъ диктатуры, продолжавшійся съ 8-го (20-го) января по 4-е (16-е) февраля.

Чтѣ имѣлъ въ виду Хлопицкій, принимая вторично диктаторскую власть, послѣ того какъ революція была объявлена дѣломъ народнымъ? Быть можетъ, онъ предполагалъ измѣнить свой образъ дѣйствій и послѣдовать за общимъ теченіемъ? Едва ли! Откровенно изложивъ свой взглядъ въ присутствіи депутаціи отъ сейма, онъ могъ предполагать, что сеймъ одѣлъ его неограниченной властью на тѣхъ условіяхъ, которыя были имъ заявлены. Поэтому его нельзя обвинять въ двуличности, а лишь въ томъ, что онъ упорствовалъ вопреки волѣ народа и понималъ положеніе дѣлъ превратно.

Послѣ всего бывшаго 17-го (29-го) ноября уже нельзя было вступать ни въ какіе переговоры. Императоръ могъ требовать отъ насъ не подчиненія какимъ-либо условіямъ, а полнаго повиновенія и наказанія участниковъ возстанія. А мы, вмѣсто того, чтобы подчиниться его власти, требовали прекращенія злоупотребленій, соблюденія конституціонной хартіи, всеобщей амнистіи, говорили объ отторгнутыхъ у насъ провинціяхъ и въ то же время усиленно вооружались.

Могли ли, при подобныхъ условіяхъ, къ чему-либо привести переговоры? Я въ этомъ сильно сомнѣваюсь.

А между тѣмъ Хлопицкій настаивалъ на своемъ и рѣшалъ начать

съ конституціоннымъ королемъ переговоры отъ имени народнаго правительства!

Въ этомъ слѣдуетъ винить не его, а тѣхъ, кто, зная его образъ мыслей и намѣренія, вручили ему власть—Лелевеля, Звержовскаго и прочихъ членовъ патріотическаго клуба.

Съ обѣихъ сторонъ дѣятельно готовились къ войнѣ.

9-го (21-го) ноября диктаторъ послалъ своего адъютанта Вылежинскаго въ Петербургъ съ письмомъ къ императору, приказавъ ему вернуться 26-го декабря (7-го января) съ отвѣтомъ или хотя бы даже безъ него.

Вылежинскій возвратился 6-го числа, но не привезъ рѣшительнаго отвѣта, а только письмо къ Хлопицкому отъ статсъ-секретаря графа Грабовскаго, въ которомъ говорилось, что императоръ весьма доволенъ чувствами, выраженными Хлопицкимъ въ его письмѣ, и готовъ повѣрить имъ, ежели диктаторъ докажетъ ихъ на дѣлѣ согласно съ волею его величества, возвыщенному польскому народу 6-го (18-го) января ¹⁾.

Прочитавъ это письмо, Хлопицкій заявилъ сейму, что послѣ этого онъ не можетъ долѣе оставаться у власти, и совѣтовалъ, какъ съ самаго начала, начать переговоры при посредничествѣ Пруссіи, указывая на могущество Россіи, на ничтожество нашихъ силъ, на недостатокъ у насъ военныхъ запасовъ и т. п. Депутаты оспаривали его слова. Завязался горячій споръ, и наконецъ, когда Янъ Ледоховскій сталъ упрекать его въ упорствѣ, то Хлопицкій отвѣчалъ, что никакія силы въ мірѣ не заставятъ его сохранить диктатуру.

Тогда сеймъ избралъ въ члены народнаго правительства князя Адама Чарторыйскаго, Ст. Баржиковскаго, І. Лелевеля, Т. Моравскаго и В. Нѣмоевскаго. Командующимъ войсками былъ назначенъ князь Михаилъ Радзивиллъ, котораго Хлопицкій обѣщалъ поддерживать своимъ совѣтомъ.

Съ этой минуты война сдѣлалась неизбежною. Послѣдняя надежда на примиреніе исчезла. 13-го (25-го) января, когда по предложенію Романа Солтыка было объявлено о низложеніи императора, Ледоховскій воскликнулъ: «Нѣтъ болѣе Николая І».

Началась война, окончившаяся, какъ и слѣдовало ожидать, побѣдою русскихъ войскъ и окончательнымъ включеніемъ Польши въ составъ Россійской Имперіи.

¹⁾ Въ воззваніи къ польскому народу госуляръ требовалъ наказанія всѣхъ участниковъ возстанія, освобожденія русскихъ плѣнныхъ, прекращенія вооруженій, распушенія войска и т. д.

Англійскій путешественникъ въ Россіи

и

его мнѣніе о русскомъ обществѣ.

(1826 и 1827 г.г.)

26-го октября 1826 года прибылъ въ Оренбургъ, въ сопровожденіи своего слуги, англичанинъ Ричардъ Сандерсонъ и очень удивилъ полиціймейстера своимъ поведеніемъ: двое сутокъ не выходилъ изъ повозки, потомъ перемѣстился въ комнату, въ которую входъ всѣмъ, не исключая и слуги его, былъ воспрещенъ; занимался онъ постоянно письмомъ и черченіемъ, употребляя при этомъ циркуль; окна комнаты всегда наполовину были закрыты салфетками.

Всѣ эти странности привели начальника мѣстной полиціи къ заключенію, что «онъ можетъ быть человѣкъ подозрительный и неблагонамѣренный для Россіи». Поѣздки же Сандерсона по окрестностямъ города и въ Илецкую Защиту еще болѣе укрѣпили подозрѣніе полиціймейстера, и онъ счелъ нужнымъ о странномъ пріѣзжемъ довести до свѣдѣнія военнаго губернатора П. К. Эссена, а послѣдній сообщилъ въ Петербургъ. Изъ третьяго отдѣленія Собственной его величества канцеляріи предписано было установить надзоръ надъ Сандерсономъ.

Между тѣмъ одно изъ писемъ Сандерсона къ матери изъ Оренбурга было перлюстрировано, и въ немъ оказалась слѣдующая характеристика русскаго общества того времени:

«Здѣшніе жители не понимаютъ, какъ наши барыни въ Англіи могутъ проводить время столь однообразно въ кругу своихъ семействъ и во весь годъ не посѣщаютъ публичныхъ зрѣлищъ. При такомъ образѣ мыслей мнѣ едва-ли нужно вамъ сказать, что невѣрность, а вмѣстѣ съ оною домашнее несогласіе бываютъ весьма обыкновенны.

«Въ семь государствъ большой недостатокъ въ нравственныхъ правилахъ и весьма мало чувства истинной религіи. Что касается до низшихъ званій, то они болѣе наблюдаютъ обряды, нежели самую религію, а высшія сословія, презирая оные обряды и смѣшивая ихъ съ самою религіею, не радѣютъ ни о нихъ, ни о вѣрѣ.

«Здѣсь каждая вещь болѣе или менѣе имѣетъ одинъ наружный блескъ или личину. Гостепріимство очень часто происходитъ отъ тщеславія, а мнимая пріязнь—изъ какихъ-нибудь корыстолюбивыхъ видовъ. Если кто съ вами здѣсь обращается съ необыкновеннымъ вниманіемъ и ласкою, то это почти непремѣнный знакъ, что онъ подъ конецъ васъ хочетъ вовлечь въ какую-нибудь дурную шутку. Я знаю, что сей приговоръ строгъ, но путешественникъ, наблюдатель міра, и въ семь качествъ имѣетъ право замѣчать погрѣшности народовъ. Я не желаю тѣмъ сказать, чтобы не было исключенія. Думаю, что я самъ на себѣ испыталъ оное, пользовавшись въ разныхъ случаяхъ крайне лестнымъ пріемомъ въ Россіи, особенно въ семь городѣ, и я надѣюсь, что все сіе происходило изъ самыхъ чистыхъ видовъ; однако, съ другой стороны, истина побуждаетъ сказать, что со мною иногда встрѣчалось совсѣмъ тому противное.

«Русскіе весьма походятъ на французовъ. Они примутъ васъ съ отверстыми объятіями при первой встрѣчѣ и наговорятъ вамъ тысячу учтивостей, однако, дружба ихъ, которую гораздо легче пріобрѣсти, нежели нашу, не столь прочна и надежна.

«Русскіе большую имѣютъ страсть къ игрѣ, музыкѣ и танцамъ. Одаренный сими тремя совершенствами (если первая можетъ назваться таковымъ) и знающій при томъ два или три языка, почитается человѣкомъ съ воспитаніемъ и въ обществѣ скорѣе можетъ играть роль, нежели, когда бъ его голова была запасена всевозможными познаніями; однако теперь, кажется, начинаетъ появляться совсѣмъ другой образъ мыслей.

«Русское общество исполнено интригъ и происковъ; почти невозможно избѣгнуть клеветы. Доселѣ я не находилъ двухъ человѣкъ, которые бы хорошо говорили одинъ о другомъ. Не имѣя нашей откровенности и рѣшительности въ характерѣ, они втайнѣ питаютъ свою злобу и въ публикѣ вамъ льстятъ, пока неожиданный случай не сниметъ съ нихъ личину. Въ своихъ привѣтствіяхъ и наружной ласкѣ они щедры, не наблюдая однако той тонкости въ обращеніи, каковою дорожатъ, чтобы не оскорбить чувства или предубѣжденія другихъ людей. Здѣсь въ обществѣ часто дѣлаютъ вопросы особеннаго рода, которые бы у насъ почли крайне дерзкими, и мнѣ нерѣдко случалось слышать въ самомъ лучшемъ обществѣ, что одинъ изъ господъ упрекалъ барыню во лжи. Признаюсь, что однажды было сіе сказано въ шутку, а можетъ быть, что выраженіе сіе на французскомъ языкѣ не такъ оскорбительно,

какъ на нашемъ, однако, не взирая на таковое извиненіе, у насъ крайне непріятно слышать кому бы то ни было таковыя или подобныя отзѣвы, которые болѣе или менѣе сопряжены съ худыми послѣдствіями.

«Въ наилучшемъ кругу мужчины курятъ табакъ въ обществѣ дамъ и плюютъ на полъ или на коверъ, куда ни попало и безъ малѣйшаго уваженія; но какое мы имѣемъ право осуждать мужчинъ, если женскій полъ самъ подаетъ къ тому примѣръ?»

«Въ русскихъ домахъ вы едва услышите, чтобы въ обществѣ разсуждали о религіи, политикѣ и другихъ важныхъ предметахъ. Мужчины либо угождаютъ дамамъ, или играютъ въ карты, билліардъ и т. д.

«Русскіе слишкомъ пристрастны къ праздникамъ, отправляемымъ въ честь святыхъ, коихъ они имѣютъ нѣсколько сотенъ. Въ такіе дни они наряжаются въ самыя лучшія платья, утромъ ходятъ по церквамъ, а послѣ обѣда толпою собираются въ какомъ-нибудь публичномъ саду или въ рошѣ, а вечеръ оканчиваютъ обильнымъ жертвоприношеніемъ Бахусу. Говоря вообще, гораздо легче переимѣнить теченіе рѣки, нежели заставить русскаго работать въ такіе дни.

«Женщины здѣсь предаются болѣе пьянству, ежели къ тому имѣютъ случай, нежели мужчины, особливо въ церковные праздники.

«Вы легко изъ того можете заключить, что работа и промышленность народная много отъ сего претерпѣваютъ, ежели при томъ разсудить, что треть года состоитъ изъ таковыхъ церковныхъ праздниковъ и что на другой день, послѣ такой невозддержанности, человѣкъ большею частью не способенъ исправлять всегдѣшнюю свою обязанность.

«Русскіе большіе охотники до музыки и вообще въ ней отличаются, когда ею прилежно занимаются. Нѣкоторые изъ національных русскихъ пѣсенъ превосходныя и большею частью унылыя, подобно шотландскимъ или ирландскимъ.

«Одинъ изъ адъютантовъ губернатора мастерски играетъ на скрипкѣ; онъ и еще два другихъ разыгрывали моцартовы и гайдновы квартеты, такъ какъ и другія новѣйшія сочиненія не хуже самыхъ лучшихъ виртуозовъ. Назадъ тому два или три столѣтія кто-бы могъ сего ожидать въ азіатскихъ и татарскихъ степяхъ».

Высказанныя Сандерсономъ замѣчанія относительно русскихъ вызвали еще болѣе строгій за нимъ надзоръ со стороны мѣстныхъ властей.

Оренбургское общество сначала приняло Сандерсона, какъ путешественника, весьма радушно, но вскорѣ увидѣло, что человѣкъ этотъ не стоитъ того вниманія, которое ему оказывали. Кромѣ разныхъ его странностей, замѣчено было, что онъ имѣлъ величайшую склонность къ горячимъ напиткамъ, что стало особенно бросаться въ глаза въ 1827 году. Такъ въ августѣ этого года, въ то время, когда большинство горожанъ было въ рошѣ за р. Ураломъ, Сандерсонъ, тоже тамъ находившійся,

настолько усердно послужилъ Бахусу, что завелъ со своимъ слугой драку, дошедшую до полицейскаго разбирательства; дѣло кончилось тѣмъ, что Сандерсонъ заплатилъ избитому слугѣ 500 рублей.

Послѣ такого скандала Сандерсонъ началъ подумывать объ отъѣздѣ изъ Оренбурга и даже выхлопоталъ два билета на проѣздъ до Москвы, но выѣзжать медлилъ, такъ какъ въ это время у него началась переписка съ живущимъ въ Персіи мирзою Сіемли. Узнавъ объ этихъ сношеніяхъ, наше правительство поручило оренбургскому военному губернатору выслать Сандерсона изъ Россіи.

21-го ноября 1827 года Сандерсонъ выѣхалъ изъ Оренбурга въ сопровожденіи хорунжаго Сильнова и 19-го декабря въ Раздвинловѣ былъ выпровожденъ въ Австрію.

Сообщилъ И. С. Шукшинцевъ.

Письма В. А. Жуковского къ А. С. Стурдзѣ ¹⁾.

VI ²⁾.

(Мартъ 1850).

Сію минуту получилъ ваше любезное письмо, почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ, и отвѣчаю на него немедленно, не откладывая, дабы не случилось съ нимъ того же, что случилось послѣ полученія вашего послѣдняго письма—я отложилъ отвѣтъ до завтра и это завтра продолжалось до нынѣшняго дня. Я ужасный лѣнтяй на письма. Все, что вы мнѣ обѣщали прислать, мною уже довольно давно получено и прочтено. Вашъ переводъ Литургіи ³⁾ я давно имѣлъ; Окружное посланіе ⁴⁾ мнѣ не было до сихъ поръ извѣстно; я его не читалъ еще отъ странной ошибки: я смѣшалъ его съ грам'атою восточныхъ патріарховъ на имя Святѣйшаго Синода, и только въ эту минуту, когда я взялся за перо, чтобы писать къ вамъ, пришло мнѣ въ голову, что я сбредилъ; нынче же прочту; за то читалъ

¹⁾ См. „Русск. Стар.“, май 1902 г.

²⁾ Напечатано, съ пропусками, въ „Одеск. Вѣстн.“ 1855 г. №, 3 и въ „Москвитянинъ“ 1855 г., № 4, кн. 2, стр. 75—79.

³⁾ Переводъ на французскій языкъ литургіи св. Іоанна Златоуста былъ одѣланъ А. С. Стурдзою во время пребыванія его въ Италіи въ 1846 г. и тамъ же напечатанъ подъ заглавіемъ: „Liturgie de Saint Jean Chrysostome, archevêque de Constantinople, traduite du grec sur le texte original“. Pise. 1846. XV+56 р.; тогда вышло еще три изданія разныхъ переводчиковъ (см. „Письма духовныхъ и свѣтскихъ лицъ къ митр. Филарету“, Спб. 1900, стр. 233—234—письма А. С. Стурдзы).

⁴⁾ „Окружное посланіе патріарховъ и святителей восточныхъ въ отвѣтъ на папскую грамату Пія IX къ восточнымъ христіанамъ“ было издано въ 1848 г. См. о немъ письма Стурдзы къ митроп. Филарету („Письма духов. и свѣтск. лицъ къ митроп. Филарету“, стр. 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242); оно вызвало у Стурдзы мысль записать свою „Le double parallèle“ (тамъ же, стр. 241).

съ великимъ удовольствіемъ вашу маленькую брошюру (*Le double parallèle*) ¹⁾, въ которой такъ много заключается въ немногомъ; это чтеніе произвело во мнѣ объ васъ *Heimweh* ²⁾; какъ бы было хорошо для меня теперь посидѣть вмѣстѣ съ вами, чтобы часто бесѣдовать о такомъ предметѣ, который теперь для насъ обоихъ есть главный въ жизни, который для васъ всегда стоялъ на первомъ ея планѣ; а для меня такъ ярко отразился на ея радужномъ туманѣ весьма недавно, только тогда, какъ я вошелъ въ уединенное святилище семейной жизни. Этотъ чистый свѣтъ (свѣтъ христіанства), который всегда мнѣ былъ по сердцу, былъ завѣшенъ передо мною прозрачною завѣсою жизни; онъ проникалъ сквозь эту завѣсу, и глаза его видѣли, но все было завѣшено, и вниманіе болѣе останавливалось на тѣхъ поэтическихъ образахъ, которые украшали завѣсу, нежели на томъ свѣтѣ, который одинъ давалъ имъ видимость, но ими же и былъ заслоненъ отъ души, разсѣянной ихъ поэтической прелестію. Вотъ вамъ моя полуйсповѣдь; цѣлой исповѣди не посылаю: на это не имѣю времени, да издали она будетъ и бесполезна. Если бы мы были вмѣстѣ, многое изъ этой исповѣди васъ бы удивило; въ душѣ человѣческой много непостижимыхъ загадокъ, и никто не раздаетъ ихъ, кромѣ самого Создателя души нашей.—Я прочиталъ недавно и ваше давнишнее сочиненіе о Православной Церкви, написанное по-французски; Сѣверинъ прислалъ мнѣ свой экземпляръ ³⁾; онъ пишетъ, что этой книги въ продажѣ уже нѣтъ и хочеть, чтобы я возвратилъ ему его экземпляръ; для чего вы не сдѣлаете втораго изданія? Эта работа, то-есть дополненіе въ старости къ творенію юности, достойно займетъ васъ, и вы оставите по себѣ прекрасный памятникъ вашей христіанской жизни; у насъ, православныхъ, чтѣтъ такого богатства христіанской литературы, какъ у католиковъ и протестантовъ. Какъ много чудно-прекраснаго у сихъ послѣднихъ, хотя они все строятъ, не имѣя никакой базы, но въ убѣжденіи, что имѣютъ самую лучшую. Имъ и въ голову не приходитъ, что въ христіанствѣ право *Freug Forschung* ⁴⁾ такъ же уничтожаетъ всякую возможность имѣть неподсудимый авторитетъ или, что все равно, цер-

¹⁾ „*Le double parallèle ou l'église en présence de la papauté*“ (см. выше). Сочиненіе это было потомъ переведено на греческій языкъ и напечатано въ Константинополѣ.

²⁾ Тоску по отчизнѣ.

³⁾ *Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe*. Par Alexandre de Stourdza. Weimar. 1816. Сочиненіе это вызвало возраженія со стороны католиковъ, между прочимъ: *L'église catholique justifiée contre les attaques d'un écrivain qui se dit orthodoxe, ou refutation d'un ouvrage intitulé: Considérations sur la doctrine et l'esprit de l'église orthodoxe, par A. de Stourdza*. A. Weimar, 1816: par M**. A Lyon. 1822; см. предыдущее письмо, примѣчаніе 2-е.

⁴⁾ Свободнаго толкованія.

ковъ, какъ въ политическомъ мірѣ уродливая база народнаго самодержавія (*Souveraineté du peuple*) уничтожаетъ всякую возможность общественнаго порядка. Не смотря на это, какъ много чистыхъ христіанъ между протестантами. Я многое читаю съ величайшимъ благоговѣніемъ, и это чтеніе тѣмъ для меня назидательнѣе и убѣдительнѣе, что я все истинное съ такой базы переношу на мою, твердую, съ базы протестантизма—на базу православія. Знакомы ли вамъ сочиненія Штира ¹⁾:

1. Die Reden des Herrn Iesu, 6 Bände;
2. Der Brief Iacobi, 1 B.;
3. Die Gemeinde in Christo Iesu. Auslegung des Briefes an die Epheser;
4. Auslegung des Briefes an die Hebräer;
5. Epistelpredigten.

Все превосходно, особенно № 4. Недавно попалась мнѣ книжка *Kardiphonia, oder: Christliche Herzensergiessungen, von Iohann Newton, съ англійскаго* ²⁾. Прелесть!

Вы бы весьма меня одолжили, если бы дали мнѣ роспись главнѣйшихъ древнихъ и новыхъ сочиненій славянскихъ, русскихъ и иностранныхъ о церкви православной. Въ послѣднее время, въ промежуткахъ моего главнаго труда, т. е. моего перевода *Одиссеи*, я набросалъ на бумагу нѣсколько разнаго рода разсужденій, въ прозѣ; въ томъ числѣ есть нѣкоторые содержанія христіанскаго. Все это теперь пересматриваю и привожу въ порядокъ. Мнѣ хотѣлось бы со временемъ выдать эти отрывки ³⁾. Но мои разсужденія о предметахъ христіанства требуютъ особаго пересмотра: надобно представить ихъ на судъ ума, просвѣщеннаго ученымъ православіемъ; я невѣжда въ теологiю. Думаю, что можно быть православнымъ христіаниномъ и безъ обширной теологической учености; но пускать въ ходъ свои мысли должно только по прямой дорогѣ, указанной нашею церковью и для этого нуженъ путеводитель опытный. Все, что церковь дала намъ одинъ разъ на всегда то мы должны принять безусловно вѣрно такъ же одинъ разъ на всегда. Въ это дѣло нашему уму не слѣдуетъ мѣшаться; ему принадлежитъ только актъ этого принятія или, вѣрнѣе, протоколъ этого принятія и потомъ при-

¹⁾ Штирцъ (Ewald-Rudolph Stier, р. въ 1800, ум. въ 1862 г.), лютеранскій пасторъ и суперинтендентъ, авторъ многочисленныхъ богословскихъ сочиненій; 1-я изъ упоминаемыхъ Жуковскимъ книгъ была издана въ 1843—1848 г., 2-я—въ 1845; 3-я—въ 1848 и 1851; 4-я—въ 1842 и 5-я—въ 1837 году.

²⁾ Полное заглавіе ея: „*Kardiphonia, oder: Herzensergiessungen in einem wirklich gepflogenen Briefwechsel mit vertrauten Freuden geschrieben*“, перев. съ англ. Карла Лютке съ предисловіемъ А. Tholuck'a, 2 ч., Берлинъ. 1850.

³⁾ Въ письмѣ отъ 11-го октября 1849 г. Жуковскій писалъ: „Съ позвiей пора проститься. Надобно приниматься за прозу. У меня довольно написано философскихъ отрывковъ: они могутъ составить толстый томъ, и еще многое хочется написать“.

мѣненіе къ практической жизни. Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства, которой смыслъ: отъ Бога къ Богу. Философія, истекающая изъ одного ума, есть ложь. Пунктъ отбытія всякой философіи (*point de départ*) должно быть откровеніе. Чтобъ возвратиться къ моей прозѣ, я велю особенно переписать все, имѣющее содержаніе христіанское, и постараюсь доставить вамъ на теологическій и литературный судъ, съ полнымъ правомъ поправлять: здѣсь и осужденіе будетъ къ добру, и даже было бы хорошо напечатать ошибочное, какъ оно есть, съ его опроверженіемъ. У меня въ виду со временемъ написать нѣчто подъ титуломъ Философія невѣжды. И этотъ титулъ будетъ чистая правда: я совершенная невѣжда въ философіи. Нѣмецкая философія была мнѣ доселѣ неизвѣстна и не доступна; на старости лѣтъ нельзя пускаться въ этотъ лабиринтъ: меня бы въ немъ цѣликомъ проглотилъ минотавръ нѣмецкой метафизики, сборное дитя Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля и пр. и пр. Хочу попробовать, чтѣ могу написать на бѣлой бумагѣ моего ума, опираясь на однѣ откровенныя, неотрицаемыя истины христіанства. Теперь за этотъ трудъ приняться еще не могу. Я занятъ другимъ дѣломъ, азбукою ¹⁾; началъ учить самъ свою дочку ²⁾ и хочу для нея составить полный курсъ домашняго и систематическаго, пригготовительнаго ученія по собственной методѣ, которая кажется мнѣ весьма практической. Еще долженъ вамъ сказать объ одной моей работѣ, давно уже конченной вчернѣ: я перевелъ весь Новый Заветъ съ нашего славянскаго, держась строго текста и сохраняя въ русскомъ переводѣ всѣ тѣ славянскія слова, которыя уже нашему русскому языку присвоены употребленіемъ: цѣль этого перевода не иное что, какъ одно собственное занятіе; онъ не можетъ принадлежать публикѣ, да объ этомъ я и не думаю ³⁾: онъ остается въ семьѣ моей памятнымъ подаркомъ отъ меня моимъ дѣтямъ. Теперь я мало-по-малу поправляю переводъ; потомъ, если Богъ дастъ жизни, и перепишу его своею рукою для мо-

¹⁾ Въ письмѣ отъ 15-го февраля 1850 г. Жуковскій говоритъ: „Я теперь имѣю на рукахъ большую работу. Если бы вы невидимою тѣнью посѣтили меня въ моемъ кабинетѣ — за чѣмъ бы вы меня застали? — За азбукой и четырьмя правилами ариметики, за приведеніемъ въ порядокъ буквъ, складовъ, за составленіемъ живописной азбуки, за облегченіемъ первыхъ уроковъ счета, за составленіемъ полнаго систематическаго курса домашняго ученія, который систематически долженъ обнять всѣ тѣ предметы, которые дѣти могутъ и должны изучить дома отъ самихъ родителей. Съ новаго года я началъ учить дочь. Занятіе сухое: русскіе буквы и склады, писать по-русски, считать“.

²⁾ Александра Васильевна Жуковская была замужемъ за барономъ Вѣрманомъ и умерла въ Баденъ-Баденѣ 14-го сентября 1899 г. („Русскій Архивъ“ 1900 г., кн. III, стр. 46).

³⁾ Переводъ этотъ впоследствии былъ изданъ за-границей.

и хъ. Какъ бы вы мнѣ пригодились въ этомъ дѣлѣ. Какъ бы мой переводъ выигралъ отъ вашихъ замѣчаній!

Сію минуту дочиталъ Окружное Посланіе ¹⁾: прекрасно! неопровержимо! Кажется мнѣ только, что недостаетъ одного аргумента (или, можетъ быть, онъ выраженъ подразумеваемо, то-есть, безъ выраженія подразумевается). Вотъ онъ:

Расколъ Церкви на Восточную и Западную послужилъ только къ тому, чтобы утвердить первую на основаніи незыблемомъ и, такъ сказать, лишить ее возможности сойти съ этого основанія; послѣднюю же необходимо бросилъ на путь измѣненія, а потому и лишилъ ее характера неприкосновенности (Infallibilité). Восточная Церковь послѣ раскола осталась неподвижною на святой базѣ VII-ми Вселенскихъ Соборовъ, то-есть на вѣчной законности, данной ей не волею человѣческою, а соприсутствіемъ Святаго Духа, каждый Вселенскій Соборъ освѣщавшаго. Западная Церковь, оторвавшись отъ восточной и чрезъ то раздвоивъ Церковь, именно симъ разрывомъ, сдѣлала на всѣ времена всякое созваніе Вселенскихъ Соборовъ невозможнымъ (ибо соборы, ею одною созываемые, не имѣютъ характера Вселенскихъ); слѣдственно, всѣ ея постановленія, не изъ Вселенскихъ Соборовъ исходящія, входятъ въ разрядъ постановленій человѣческихъ и не могутъ быть признаны даже и для самаго Запада обязательными постановленіями соборной Церкви. А измѣнивъ произвольно догматы, утвержденные Вселенскими Соборами, въ началѣ и для нея обязательными, она, такъ сказать, разрушила и самое церковь, признавъ возможною ея измѣняемость, измѣнивъ на дѣлѣ ея ученіе и въ своихъ частныхъ постановленіяхъ перенесши постановленія всеобщія, на которыхъ лежитъ печать Святаго Духа, на судъ Папы, признаннаго ею непогрѣшимымъ и поставленнаго выше соборовъ. Правильно ли все это? и ясно ли я выразилъ свои мысли? Но письмо мое сдѣлалось чересчуръ длинно. Простите, что такъ дурно написалъ и столько помарокъ надѣлалъ. Переписывать нѣтъ времени.

Прилагаю здѣсь письмо, полученное мною изъ Одессы. Я совсѣмъ не помню, получилъ ли я ту книгу, о которой въ письмѣ упоминается; это могло случиться во время моего отъѣзда изъ Франкфурта, когда я всѣ свои пожитки отправилъ въ Россію—однимъ словомъ, не помню. Но вотъ бѣда: я лишенъ всякой возможности я отвѣчать на это письмо: писавшій его такъ лаконически выразился, что я ничего не могъ вспомнить и не могу съ нимъ объясниться, ибо онъ такъ нечетко подписалъ свое имя, что я не знаю, кто ко мнѣ пишетъ. Взглянувъ на приложенное письмо, вы, можетъ быть, узнаете, кто пишетъ: оно изъ

¹⁾ См. выше.

Одессы; книга, о которой въ письмѣ говорится, вамъ должна быть извѣстна. Разгадайте мнѣ эту загадку.

Обнимаю васъ всѣмъ сердцемъ. Жуковскій.

Письма А. П. Зонтагъ—А. С. Стурдзъ.

1.

[Май—октябрь 1852 г. Мишенское].

Зная готовность вашу содѣйствовать всякому благому дѣлу, я увѣрена, что вы не откажете мнѣ въ моей просьбѣ, къ которой и приступаю, объясня вамъ напередъ, въ чемъ состоитъ дѣло:

Вдова и дѣти нашего несравненнаго друга Василя Андреевича Жуковскаго въ настоящее время находятся не въ блестящемъ положеніи, хотя будущность ихъ и обезпечена монаршею милостью: Государь императоръ пожаловалъ одновременно Елизаветѣ Алексѣевнѣ три тысячи рублей серебромъ и назначилъ ей и дѣтямъ ея ежегодную пенсію по пяти тысячъ рублей серебромъ же, что очень милостиво и достаточно; но эту пенсію семейство Жуковскаго не иначе можетъ получить, какъ возвратясь въ Россію, что также совершенно справедливо. Только теперь Елизавета Алексѣевна не можетъ еще думать о переселеніи въ Россію, потому что она больна и зиму должна пробить за границею. Петръ Александровичъ Плетневъ, бывши всегда сердечно преданъ Жуковскому, предпринялъ въ помощь семейству покойнаго собрать сколько возможно его писемъ и издать ихъ для назиданія многихъ. Я уже переписала и отправила къ Плетневу все, что у меня было ¹⁾; а какъ мнѣ извѣстно, что и вы имѣете нѣсколько писемъ отъ Василя Андреевича, то усерднѣйше прошу васъ сдѣлать милость приказать переписать тѣ изъ нихъ, которыя вы найдете приличными для напечатанія, и переслать ихъ или ко мнѣ, адресуя просто въ Бѣлевъ, на мое имя, или прямо къ его превосходительству Петру Александровичу Плетневу, въ С.-Петербургъ, въ Университетъ.

Мнѣ было очень прискорбно, что мнѣ не удалось проститься съ вами; вѣроятно, свиданіе наше прошедшею зимою въ Одессѣ было послѣднимъ; ибо я уже не имѣю причины ѣхать опять въ тотъ городъ, гдѣ жила такъ долго и гдѣ оставила многихъ друзей, которыхъ ласки всегда вспоминаю съ сердечною благодарностью. Я была у васъ передъ

¹⁾ Какъ сказано было выше, частью этихъ писемъ Плетневъ воспользовался для составленной имъ біографіи Жуковскаго.

отъѣздомъ вашимъ въ Манзырь, но меня не приняли, потому что тогда вы были очень нездоровы. Съ благодарностью ко Всевышнему узнала я, что здоровье ваше поправилось. Да сохранить васъ Господь еще надолго въ здѣшнемъ свѣтѣ, гдѣ вы дѣлаете такъ много добра! Пока я жива, мнѣ будетъ утѣшительно знать, что вы продолжаете подвизаться на поприщѣ, хотя и трудномъ, но благомъ! А тамъ, быть можетъ, Господь сподобитъ насъ свидѣться, въ радости, въ дому Отца нашего небеснаго, въ которомъ обители многи суть, но можетъ статься въ одной изъ нихъ мы встрѣтимся. Въ ожиданіи этого радостнаго свиданія, примите увѣреніе въ сердечной моей привязанности и совершенномъ почтеніи, съ коими честь имѣю быть вашею покорнѣйшей службой Анна Зонтагъ.

J'ai été bien heureuse, ma très chère et respectable madame Stourdza ¹⁾, d'apprendre le rétablissement de votre digne époux. Puisse le Seigneur le conserver encore longtemps sur cette terre pour l'édification de la pauvre humanité! Je suppose, que vous êtes maintenant de retour à Odessa et que vous y reverrez bientôt toute votre charmante famille. Veuillez bien dire mille choses amicales de ma part à l'aimable princesse Marie ²⁾, ainsi qu'à son époux ³⁾. J'embrasse ses chers enfants. Je crois que petite Maroussia ⁴⁾ commence à marcher. Que le bon Dieu benisse toute votre chère famille! Portez vous bien et croyez à mon affection bien sincère et à l'estime bien sentie que je vous porte.

Je présente mes respects à la princesse Катерина Петровна ⁵⁾, si elle se trouve encore à Odessa ⁶⁾.

¹⁾ Жена Александра Скарлатовича, рожденная Гуфеландъ.

²⁾ Княгиня Марья Александровна Гагарина (ум. 13-го февраля 1890 г.), дочери А. С. Стурдзы; о ней см. книгу „Пятидесятилѣтіе Стурдзовской общины сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ“. Историческій очеркъ. Одесса. 1900; съ портретомъ кн. Гагариной, ея мужа и др.

³⁾ Князю Евгенію Григорьевичу Гагарину (род. 25-го октября 1811, ум. 15-го августа 1886 г.).

⁴⁾ Княжна Марія Евгеньевна Гагарина.

⁵⁾ Княгиня Е. П. Гагарина, рожденная Соймонова (род. въ 1790, ум. въ мартѣ 1873 г.), жена князя Григорія Ивановича, мать зятя Стурдзы.

⁶⁾ Переводъ: „Я была очень счастлива, дорогая и многоуважаемая г-жа Стурдза, узнать, что здоровье вашего достойнаго супруга поправилось. Да сохранить его Господь на землѣ еще на долгіе годы для утвержденія на ней челоуѣколюбія! Я полагаю, вы теперь возвращаетесь въ Одессу и скоро увидите тамъ все ваше прелестное семейство. Передайте отъ меня тысячу дружескихъ привѣтствій княгинѣ Маріи и ея супругу; обнимаю ихъ милыхъ дѣтей. Маленькая Маруся, полагаю, начинаетъ уже ходить. Да благословить Господь все ваше дорогое семейство! Будьте здоровы и вѣрьте моей искренней привязанности и высокому уваженію, которое я къ вамъ питаю. Свидѣтельствую мое почтеніе княгинѣ Катеринѣ Петровнѣ, если она еще въ Одессѣ.“

2.

6-го ноября 1852 г. Село Мишенское.

Позвольте мнѣ ужъ не милостивогосударствовать васъ, сердечно уважаемый мною Александръ Скарлатовичъ; для такого церемоннаго титула я, слишкомъ много люблю васъ и теперь пишу къ вамъ, какъ будто къ отбывшему нашему другу Жуковскому, sans aucuns aggrèges pensées, что у меня на сердцѣ въ теперешнюю минуту. Покорнѣйше васъ благодарю за доставленіе копій съ драгоценныхъ писемъ покойника; я уже отправила ихъ къ П. А. Плетневу, а сама не только прочитала ихъ съ сердечнымъ умиленіемъ, но даже сдѣлала изъ нихъ выписку, изъ того письма, въ которомъ онъ говоритъ объ «Окружномъ Посланіи» ¹⁾, и отправила ее къ дочери ²⁾. Она, находящаяся въ семействѣ католическомъ, живущая въ землѣ католической, имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи. Малютка внучка моя Анюта ³⁾ передъ моимъ отъѣздомъ сказала мнѣ: «Вы, бабушка, будьте покойны! Я не измѣню той церкви, въ которой вы меня крестили!» Помоги имъ, Господи, устоять противъ всѣхъ искушеній! Это моя усердная ежедневная молитва. Вѣрю и надѣюсь, что милостивый Отецъ спасетъ созданіе Свое и путями, Ему извѣстными, приведетъ къ благому концу.

Письмо ваше со вложеніемъ писемъ Жуковскаго я получила въ тотъ самый день, когда отходила изъ Бѣлева экстра-почта; слѣдственно, я не успѣла бы написать къ вамъ хотя коротенькаго отвѣта и послать его изъ деревни въ городъ; мое письмо уже не застало бы почты; вотъ почему и пишу къ вамъ черезъ недѣлю. Отъ Плетнева давно не имѣю писемъ и не знаю, много ли онъ собралъ, и началось ли уже печатаніе. Не знаю также, не будетъ ли ему какого затрудненія въ напечатаніи: наша цензура до того стала неумолима, что изъ рукъ вонъ! Она запретила перепечатывать новымъ изданіемъ сочиненія Гоголя, которыя хотѣли издать въ пользу его матери, находящейся въ бѣдности!

Скажу вамъ новость, можетъ отаться вамъ уже извѣстную: вдова нашего друга, Елизавета Алексѣевна Жуковская, перешла въ нашу церковь и приняла мѣропомазаніе: печать дара Духа Святаго 16-го числа прошедшаго сентября. Восприемницею ея была государыня цесаревна.

¹⁾ См. выше, письмо V.

²⁾ Дочь А. П. Зонтагъ, Марья Егоровна (род. въ 1824 г.) была замужемъ за г. Гутмансталъ и въ 1896 г. была вдовою („Руск. Арх.“ 1896 года, кн. I, стр. 266).

³⁾ Дочь М. Е. Гутмансталъ.

Прошу васъ покорнѣйше сказать мое дружеское почтеніе Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ ¹⁾ и обнять за меня княгиню Марію Александровну ²⁾ и дѣтей ея, если они уже съ вами. Также скажите отъ меня много дружескаго Катеринѣ Александровнѣ Хитровой ³⁾. Помогите ей Господи въ святомъ подвигѣ, предпринятомъ ею! Она, конечно, уже знаетъ, что двое изъ бароновъ Черкасовыхъ поженились: Гавріилъ ⁴⁾ — вторымъ бракомъ на дочери покойнаго Дмитрія Павловича Левшина ⁵⁾, молодой, хорошенькой и богатой; а воспитанникъ Катерины Александровны, двадцати-двухъ-лѣтній Александръ ⁶⁾ на дочери генерала Байкова, говорятъ, необыкновенно дурной собою, но онъ влюбленъ въ нее страстно. Это доказываетъ, что она обладаетъ чѣмъ-то лучше, нежели красотой. И пословица говорить: «не по-хорошему милъ, а по-милому хорошъ».

¹⁾ Стурдзѣ, женѣ Александра Скарлатовича.

²⁾ Гагарину.

³⁾ Ев. Ал. Хитрово нѣсколько лѣтъ была сестрою-надзирательницею въ Одесской Стурдзовской общинѣ сердобольныхъ сестеръ, основанной въ 1850 г. А. С. Стурдзою. Въ концѣ 1855 г. она была, по желанію великой княгини Елены Павловны, командирована въ Симферополь, въ качествѣ главной сестры-настоятельницы Крестовоздвиженской общины сестеръ попеченія о раненныхъ и больныхъ, и здѣсь по достоинству была оцѣнена Н. И. Пироговымъ; однако, уже 2-го февраля 1856 г. Е. А. Хитрово скончалась въ Симферополѣ: тѣло ея было перевезено въ Одессу и погребено на кладбищѣ Стурдзовской общины. Нѣкоторые свѣдѣнія о ней и портретъ ея (изъ галлерей портретовъ дѣятелей войны 1853—1856 г.) можно найти въ книгѣ «Пятидесятилѣтіе Стурдзовской Общины сердобольныхъ сестеръ въ Одессѣ. Историческій очеркъ». Одесса. 1900, стр. 10—13 и 48.

⁴⁾ Баронъ Гавріилъ Ивановичъ Черкасовъ (род. въ 1826 г.), воспитанникъ училища Правовѣдѣнія, выпуска 1845 года; былъ въ Тулѣ губернскимъ прокуроромъ; выйдя въ отставку съ чиномъ статскаго совѣтника, онъ проживалъ частью за границей, частью въ имѣніяхъ: матери своей—въ Подольскомъ уѣздѣ Моск. губ. и въ Кромскомъ—Орловской губ.; умеръ 16-го сентября 1899 года.

⁵⁾ Баронъ Черкасовъ вторымъ бракомъ былъ женатъ на Наталѣ Дмитріевнѣ Левшиной (р. въ 1830 г. здравствуетъ и по нынѣ), дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника Дмитрія Павловича Левшина (род. въ 1804 г., ум. въ 1851 г.) и жены его Вѣры Яковлевны, рожд. княжны Грузинской (род. въ 1801, ум. въ 1860 г.); въ первомъ бракѣ баронъ Гавріилъ Ивановичъ былъ женатъ на Екатеринѣ Филипповнѣ Христіановичъ, но она, спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, умерла отъ холеры въ 1848 г. въ Петербургѣ.

⁶⁾ Баронъ Александръ Ивановичъ Черкасовъ (р. въ 1830 г.), братъ предыдущаго, также воспитанникъ училища Правовѣдѣнія, выпуска 1850 г., служилъ по Министерству иностранныхъ дѣлъ; здравствуетъ и по нынѣ; его жена Марья Матвѣевна умерла въ 1883 или 1884 году. (Всѣ свѣдѣнія о бар. Черкасовыхъ сообщены мнѣ барономъ Павломъ Гавриловичемъ Черкасовымъ, коему и приношу мою искреннюю признательность).

Прощайте, мой почтеннѣйшій Александръ Скарлатовичъ. Молю Бога о продолженіи вашего здоровья и драгоцѣнной жизни для блага столькихъ благодѣтельствованныхъ вами и назиданія многихъ. Ваша покорная и сердечно преданная вамъ Анна Зонтагъ.

Р. С. Я выписала для моей Анюты русскихъ книгъ; нишу случая переслать ихъ въ Триестъ: Путешествіе Дюмонъ-Дюрвиля вокругъ свѣта, передѣланное для дѣтей ¹⁾. Это поможетъ ей учиться географіи. Оно хорошо, но видно, передѣлыватель былъ не агрономъ; напр., онъ говоритъ о японскомъ земледѣліи, что тамъ большія поля, засѣяныя рисомъ, а за ними другія—съ сарачинскимъ пшеномъ: blé sarazin, то-есть, гречиха. Потомъ: «Приключенія Пони» ²⁾,—для ея забавы, хорошенькая повѣсть и, наконецъ, главное: «Пространный катихизисъ митрополита Филарета», который утвердитъ ее, съ Божіею помощію, въ данномъ мнѣ общаніи. Всѣ эти книги рекомендую княгинѣ Маріи Александровнѣ, для ея дѣтей.

Сообщилъ Б. Л. Модзалевскій.

¹⁾ „Библіотека путешествій для маленькыхъ читателей. Путешествіе вокругъ свѣта Дюмонъ-Дюрвиля“, 10 ч., съ 45 картинками. Спб. 1850 г.

²⁾ „Приключенія Пони, Эмского осла“ (Спб. 1852, съ 12 раскраш. картинками) написаны Маріей Ѳедоровной Ростовской, рожд. Львовой (ум. въ Вѣнѣ въ 1872 г.).

Записки баронессы Прасковьи Григорьевны Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи.

VI ¹⁾.

Путешествіе въ Іерусалимъ.

Дальнѣйшій рассказъ о путешествіи Митрофаніи въ Іерусалимъ изложенъ ею въ письмахъ къ Маріи, игуменѣ Балашовскаго монастыря, и въ такомъ видѣ мы и печатаемъ его. Ред.

1.

9-го мая 1896 г. Харьковъ.

Пишу тебѣ, другъ души моей, изъ Харькова, куда пріѣхала 4-го. Завтра ѣду вечеромъ въ Полтаву, но волею Божіею маршрутъ мой измѣнился: ѣду прямо въ Одессу. Человѣкъ располагаетъ, а Богъ опредѣляетъ. Перемена случилась слѣдующимъ образомъ: Филарету я зашла здѣсь въ Харьковѣ, возвратилась она изъ Одессы съ слѣдующими извѣстіями: первое: мнѣ слѣдуетъ поспѣшить въ Одессу, для возобновленія срока на полученіе заграничнаго паспорта, такъ какъ для слѣдованія въ Одессу четырехъ-мѣсячный просроченъ уже два мѣсяца. Нужно поспѣшить, дабы успѣть сѣсть на круговой пароходъ, который идетъ въ Іерусалимъ 29-го числа сего мѣсяца. Монахи аеонскіе совѣтуютъ мнѣ не мѣшкать, такъ какъ теперь время самое удобное: море тихое и пароходъ благонадежный, т. е. покойнѣе другихъ. Второе:

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1902 г.

Господь, видя мое безвыходное положеніе, относительно ухода за мною, 70-лѣтней старухой, внушилъ одной запасной сестрѣ милосердія С.-Петербургской Покровской общины, мнѣ извѣстной, придти къ сестрѣ Ѳеодосіи Николаевнѣ (Аристовой) и навѣстить меня, паломницу, такъ какъ она изъ моихъ воспитанницъ, мною принятыхъ въ 1868 году. Приняла я ее, бѣдняжку, 4½ лѣтъ. Воспиталась она въ общинѣ и удостоилась быть испытуемой, а затѣмъ и сестрой милосердія; наконецъ, оставила Петербургъ (т. е. общину великой княгини) и прикомандировалась къ обществу Краснаго Креста, гдѣ получила медаль на Аннинской лентѣ за существенныя и самоотверженныя услуги дѣлу помощи страждущимъ во время эпидеміи тифа и холеры въ 1891 и 1892 годахъ. Съ тѣхъ поръ она живетъ въ дѣтской заразной больницѣ здѣсь, въ г. Харьковѣ, и несла это тяжелое послушаніе съ великимъ терпѣніемъ. Мечта ея была много лѣтъ ѣхать во св. градъ Іерусалимъ, но средствъ у нея нѣтъ никакихъ,—задушевная мечта оставалась только мечтою. При разговорѣ со мной она со слезами просила меня взять ее съ собою, какъ преданную слугу и что въ Іерусалимѣ, если я пожелаю ее отпустить, то она опредѣлится въ больницу Русской миссіи, и что она меня ничѣмъ не обременитъ, кромѣ платы за проѣздъ. Это было 7-го. Видя ея слезы, ея чистосердечное желаніе поклониться Гробу Господню, также желаніе отплатить за сдѣланное мною ей добро, принявъ ее, сироту, въ общину; мысль меня покоить дорогой и слѣдить за мной, въ случаѣ болѣзни, бесплатно, привела меня въ тѣ чувства благодарности къ Богу, которыя ты одна можешь понять, такъ какъ ты все знаешь и моя скорбь тебѣ открыта. Я, сразу ничего не обдумывая, перекрестясь, сказала ей, что я беру ее съ любовью. Она поклонилась мнѣ въ ноги и общала, при тутъ бывшихъ сестрахъ, меня во всемъ покоить и служить мнѣ, какъ раба. Филарета, по внушенію Божію, не противорѣчила, Феня Аристова также. Послѣдняя ее рекомендовала, какъ вѣрную и способную сестру. Что мыслить Филарета, того не вѣдаю, но теперь она пока вѣрна, но это не надолго; развѣ самъ Господь ее вразумитъ за твои сестринскія и материнскія молитвы. Я рѣшила не ѣхать теперь въ Кіевъ, скорблю, но дѣлать нечего, лучше утѣшить скорбящаго чловека, теряющаго терпѣніе четвертый годъ. Она трудилась здѣсь, а до того она два года трудилась, также при эпидеміи; никого у ней нѣтъ родныхъ, сама выращена сиротой, ничего у нея нѣтъ и по милосердію Божію, Господь мнѣ, неимущей, послалъ это страждущее существо. Всѣ утверждаютъ здѣсь, въ общинѣ, что она служила за жалованье, при заразныхъ младенцахъ, чтобъ накопить себѣ денежекъ на проѣздъ въ Іерусалимъ, но жалованья она получала только 20 руб. въ мѣсяцъ и все шло на одежду, обувь и обыденный расходъ на чай и проч. Жаль мнѣ стало ее, жаль и себя. Чтобы ѣхать кружно въ Кіевъ, а

потомъ въ Одессу надо затратить 50 руб.; за дорогу же сестры Ольги изъ Харькова до Іерусалима я затрачу не болѣе 30 руб. и къ тому же тѣмъ исполню волю Божию. Думаю, въ Одессѣ все устрою насчетъ паспорта, а тамъ, если великая княгиня мнѣ на мое письмо-отвѣтитъ и пригласитъ, то могу къ ней заѣхать, нарочно на два дня изъ Одессы. Вѣрю, Господь все мнѣ самъ укажетъ и устроить.

2.

11-го мая 1896 г. Полтава.

Вчера писала тебѣ изъ Харькова, а сегодня пишу изъ Полтавы, куда я пріѣхала въ 4 часа утра. На вокзалѣ, въ дамской комнатѣ, я уснула и три часа отдохнула. Освѣжившись, поѣхала въ Крестовоздвиженскій монастырь поклониться и помолиться на могилахъ моихъ благодѣтелей: раба Божія Михаила и преосвященнаго Іоанна. На могилѣ послѣдняго просила я его благословить меня въ дальній путь, и мнѣ казалось, что онъ слышитъ меня и молить Бога о моемъ недостойнствѣ. Изъ монастыря я поѣхала къ Елизаветѣ Петровнѣ Мартыновой ¹⁾, гдѣ думаю пробыть до завтра вечера. Въ ночь на 13-е поѣду въ Козельщину, но устрою ли я для тебя то, о чемъ мечтаю, не знаю...

3.

14-го мая 1896 г. Полтава.

Сейчасъ уѣзжаю изъ Полтавы, другъ души моей, незабвенная матушка Марія. Завтра буду въ Одессѣ вечеромъ по морю черезъ Николаевъ. Надѣюсь, что получу отъ тебя давно ожидаемое письмо. Пишу теперь потому, что забыла тебѣ написать о слѣдующемъ: въ Бѣлгородѣ я имѣла разговоръ о ладонѣ Балашовскомъ, т. е. твоей обители, съ монахиней Рождественскаго Богородицкаго монастыря Викторіей по фамиліи Прилуцкой, главной мастерицы по издѣлію иконъ, которыя она продаетъ по ярмаркамъ, посылая изъ своей келіи мастерицъ по разнымъ городамъ. Имъ пожелалось узнать про Балашовъ, какъ туда проѣхать и можно ли тамъ на ярмаркѣ торговать. Я имъ дала мѣшечекъ ладона для образца и ладона, который они могутъ продавать вмѣстѣ съ иконами и цвѣтами. Я имъ посовѣтовала быть у тебя и заказывать въ твоей школѣ иконы, такъ какъ у нихъ въ Бѣлгородѣ иконы дурнаго письма. Она просила тебѣ о ней написать, чтобы ты знала, что она монахиня благонадежная. Мое дѣло только тебя увѣдомить, потому что она можетъ быть къ тебѣ обратиться, а когда, мнѣ не извѣстно.

¹⁾ Полтавская помѣщица.

Въ Одессѣ пробуду включительно до 29-го числа. Если найду возможнымъ, пройду въ Кіевъ; хочется исполнить твой дружескій совѣтъ. Ъхать мнѣ одной и вернуться будетъ стоять 12 руб.; изъ 15 дней я употреблю только 5 сутокъ, двое въ пути и трое сутокъ въ Кіевѣ. Въ Одессѣ возьму у полиціи-мейстера билетъ, а съ просроченнымъ я разсудила, что мнѣ ѡхать въ Кіевъ нельзя, могу тамъ подвергнуться непріятностямъ. Изъ Одессы напишу великой княгинѣ.

Вчера весь почти день Филарета плакала потихоньку отъ меня. Ей повидимому очень не по нутру, что я взяла съ собой сестру Андрееву, т. е. Ольгу Ивановну. Бѣда мнѣ, но я вѣрю, что невидимыми судьбами все устроитъ Богъ.

4.

22-го мая 1896 г. Одесса.

Думала ѡхать въ Константинополь 25-го, о чемъ телеграфировала тебѣ, но это была ошибка, ѣду 28-го въ 4 часа вечера на пароходѣ круговомъ¹⁾. Имя его еще не знаю. Капитанъ мнѣ велѣлъ пріѣхать въ пятницу, 24-го, и тогда я его увижу и выберу себѣ мѣсто во II-мъ или I-мъ классѣ; но это рѣшу, когда узнаю, гдѣ будетъ помѣщаться тотъ или другой классъ, такъ какъ въ серединѣ (парохода) бываетъ спокойнѣй: тогда качка, если и бываетъ, то не очень сильна, и II-й классъ бываетъ покойнѣй I-го. До сегодняшняго дня я все думала ѡхать въ Кіевъ, думала ѡхать одна, какъ тебѣ о томъ писала изъ Харькова или изъ Полтавы, думала написать изъ Одессы великой княгинѣ, но и это не удалось, и по всему видно, Богу не угодно мое появленіе къ ней; время не пришло, а потому при всемъ моемъ желаніи вышло иначе. Во-первыхъ, срокъ моему паспорту прошелъ, и твое свидѣтельство одно нравственно оправдало меня за просрочку; въ Кіевѣ я могла бы имѣть большую непріятность, о которой я не подозрѣвала, т. е. явившись туда въ отсутствіе митрополита Іоаннікія, я не была бы принята въ монастырской гостиницѣ; а во-вторыхъ, здѣсь, въ Одессѣ, какъ видно, меня ждали. 18-го числа я пріѣхала къ градоначальнику П. А. Зеленому. Онъ выслалъ тотчасъ же ко мнѣ правителя своей канцеляріи, просить меня къ себѣ въ свой кабинетъ. Привѣтственный пріемъ и даже удивленіе градоначальника, почему я была стѣснена, выдачею мнѣ срочнаго паспорта, для пріѣзда въ Одессу, доказали мнѣ, что онъ весьма милостиво ко мнѣ относится и что, вѣроятно, былъ предупрежденъ о томъ изъ Петербурга, что я ѣду за границу.

Онъ просилъ подождать полчаса, и два паспорта были принесены и вручены мнѣ имъ съ пожеланіемъ благополучнаго пути. Я заплатила

¹⁾ Идущемъ прямо до Яффы.

за себя и за Филарету пошлѣвъ 24 руб. На другой день пришлось мнѣ ѣхать къ турецкому консулу, который, вопреки принятому обычаю, моментально также удовлетворилъ меня. Тамъ за два паспорта взяли съ меня 3 р. 60 к. Затѣмъ, пришлось мнѣ ѣхать по пропискѣ бумагъ Ольги Ивановны Андреевой къ полиціймейстеру для того, чтобы онъ ей далъ свидѣтельство для безпрепятственнаго выѣзда за границу. Онъ принялъ меня какъ знакомую, принялъ съ видимою радостію, и то, что до него касается, было также сдѣлано въ его канцеляріи...

Съ субботы начну говѣть и мои спутницы также, 27-го мая приобшусь, а 28-го сяду на пароходъ.

5.

29-го мая 1896 г., пароходъ „Россія“.

28-го мая, въ 4 часа дня, я и спутницы мои: Филарета и сестра милосердія Ольга, съ Божію помощію, отправились изъ Одессы на пароходъ «Россія» на Дальній Востокъ. Много лѣтъ протекло съ тѣхъ поръ, какъ я дала Богу обѣтъ ѣхать въ святой градъ Іерусалимъ, чтобы выплакаться на Голгофѣ и поклониться Святому Гробу Господню и съ восторгомъ облобызать ту святыню, которая свидѣтельствуетъ о всеобъемлющей любви Христовой. Морское путешествіе для меня не ново; но когда пароходъ загудѣлъ и послѣдній свистокъ капитана возвѣстилъ о началіи плаванія и пароходъ медленно началъ вступать въ открытое море, я не скрою отъ тебя, дорогая сестра Марія, что я была проникнута особенно грустнымъ чувствомъ, при воспоминаніи о Балашовѣ, т. е. о тебѣ, моя незамѣнимая мать и добрый другъ. Тутъ, перекрестясь, прося у Бога помощи, перекрестила и тебя мысленно, прося Царицу Небесную хранить тебя для счастья тебѣ вѣранныхъ сестеръ, а также и для счастья моего; слезы невольно полились, и я, сидя на палубѣ и глядя на Одессу, удаляющуюся отъ насъ и, наконецъ, очутившись между небомъ и водою, далеко отъ родныхъ береговъ, отъ роднаго края, мнѣ пришло на мысль, что можетъ быть я уже не увижу тебя болѣе и не услышу болѣе звона русскихъ колоколовъ, не увижу болѣе и роднаго мнѣ теперь Балашовскаго Покровскаго монастыря. Но вскорѣ я успокоилась, возложивъ все мое упованіе на милость Божію, утѣшаясь при мысли, что ѣду на поклоненіе, лобзаніе и обозрѣніе святынь выше всѣхъ святынь, и съ такими чувствами я мысленно молясь о тебѣ и всѣхъ прочихъ молящихся обо мнѣ въ настоящее время, стала мечтать о томъ, что меня встрѣтитъ на Святой землѣ; углубилась въ тѣ чувства и стала спокойно, какъ живописецъ всматривается въ даль, любоваться тихими морскими волнами, припоминать и бурное морское время, которое я испытала, ѣхавши изъ Новороссійска въ

Сухумъ-Кале въ 1892 г., но только не въ маѣ мѣсяцѣ. Время теперь самое благопріятное, именно, конецъ мая, и въ іюнѣ путешествіе по морю оставляетъ самое пріятное впечатлѣніе: не жарко, море настолько тихо, что не чувствуешь, движется ли пароходъ или стоитъ на якорѣ. Пароходъ «Россія» лучшій; онъ солиденъ, устойчивъ и очень покоевъ. У меня во II-мъ классѣ отдѣльная каюта, пассажировъ мало, а потому я одна, могу спокойно заниматься, отдохнуть и помолиться въ совершенномъ уединеніи. Ночь прошла настолько спокойно, что я положительно отдохнула и тѣломъ и душою. Въ 7 часовъ встала, помолилась и призвала своихъ спутницъ выпить чаю со мною. Онѣ также устроились въ III-мъ классѣ очень хорошо, на палубѣ на верху, а не въ трюмѣ. На этомъ пароходѣ устроены нары очень удобныя, и спать тамъ хорошо и не сыро.

Капитанъ добрый человѣкъ, офиціанты и горничная также снисходительны (конечно, за рубль, другой), а потому для ухода за мною, т. е. подъ видомъ ухода за мной, Филарета и Ольга имѣютъ право ходить ко мнѣ пить чай, завтракать, обѣдать и со мной сидѣть на палубѣ I-го класса, такъ что я за нихъ покойна. Завтра, въ 8 часовъ утра, мы будемъ въ Константинополѣ, пробудемъ тамъ полтора дня. Я остановлюсь на Андреевскомъ подворьѣ. Цѣль моя помолиться въ Вла-хернской церкви и у живоноснаго источника, и послѣ осмотрѣть все замѣчательное въ Царьградѣ. Обо всемъ тебѣ напишу въ свое время, а теперь пойду любоваться на палубу. Море свѣтитъ, какъ чистое зеркало. Послѣ обѣда напишу тебѣ о томъ, что было въ Одессѣ и что не успѣла тебѣ сообщить.

Вечеръ 6½, часовъ.

Къ вечеру вѣтерокъ поднялся, и теперь въ моей каютѣ чувствуется качка, но я могу еще писать; въ 10 часовъ вечера мы станемъ на якорь и будемъ ночевать въ виду Босфора. Утромъ рано, въ 6-мъ часу, надо будетъ идти на палубу, чтобы полюбоваться, какъ говорятъ, дивною картиною при вступленіи въ Босфоръ, который прельщаетъ путешественниковъ.

6.

31-го мая, 8 часовъ утра, Константинополь.

Продолжаю письмо, другъ мой, уже въ Константинополѣ на Андреевскомъ подворьѣ, гдѣ встрѣтилъ меня посланный отца Виктора на монастырскомъ яликѣ. Погода великолѣпная, жарой я не страдаю, ночи меня не беспокоили. Я проснулась въ 5 часовъ и пошла на палубу, пароходъ стоялъ на якорѣ; мы были въ Босфорѣ, въ этой дивной крѣпости, созданной Творцомъ Небеснымъ и затѣмъ умомъ человѣческимъ.

Никакое описаніе не сильно передать это величіе природы, которое помогло уму смертныхъ возвести тѣ укрѣпленія, тѣ великолѣпныя зданія на берегахъ Константинопольскаго залива,—нужно ихъ видѣть лично. Невольно мысли о величіи Божіемъ поражаютъ и атенста. На верхнемъ балконѣ палубы собрались всѣ пассажиры и ждали посла изъ Порты съ дозволеніемъ вступить въ заливъ. Въ 6 часовъ пропускъ былъ сданъ капитану; пароходъ снялся съ якоря, все было готово, и мы поплыли скоро, обозрѣвая съ той и съ другой стороны залива ту прерывающуюся цѣль горъ, покрытыхъ кипарисами, кедрами и каштанами, которыя поражаютъ глазъ путника. Всѣ пассажиры съ биноклями жадно смотрятъ въ даль, передавая ихъ близорукимъ. Я же, слава Богу, въ бинокль не нуждаюсь и видѣла все очень хорошо. На полубѣ я познакомилась съ двумя французами и двумя англичанами, съ двумя священниками, одинъ изъ Петербурга, а другой изъ Сибири. Съ ними мы въ эти полтора дня подружились. Иностранцы, узнавши, что я говорю по-французски, вступили со мною въ разговоръ о величіи коронаціи, которую они ѣздили смотрѣть. Мы простились съ ними, желая другъ другу всего лучшаго, а съ пастырями церкви мы и вчера ѣздили поклониться и обозрѣвать древнюю святыню. Они (священники) съ нами поѣдутъ до Аеона, и тамъ распростимся. О моемъ впечатлѣніи при въѣздѣ въ Константинополь не могу умолчать. Флотъ турецкій, броненосцы султана, его мраморный дворецъ, зданіе гарема, войсковыя казармы, всѣ зданія европейскихъ посольствъ,—все возведено на берегахъ залива, т. е. Босфора. Сады замковъ, мѣсто, называемое Золотой Рогъ, минареты, мечети,—все это поражаетъ глазъ живописца, но, причаливъ къ Царьграду, видъ совершенно противоположный: улицы узкія, зданія высокія, грязныя и проч., о чемъ поговорю завтра. Теперь, я посылаю тебѣ въ этомъ письмѣ, въ знакъ моей о тебѣ непрестанной памяти, лавровый листъ изъ мѣста, гдѣ течетъ живоносный источникъ, розу, сорванную при входѣ во Влахернскую церковь, и листокъ изъ сада, который окаймляетъ палисадникъ Патріархіи. О Софійской нынѣ мечети тебѣ также завтра напишу.

7.

Яффа 11-го іюня, 8 ч. вечера. Греческій монастырь.

Слава Богу: я въ Яффѣ. Никто не помнитъ такой тихой погоды на Яффской всегда бурной пристани. Консулъ мнѣ прислалъ своего каваса, съ двумя лодками, въ каждой по шести гребцовъ. Пароходъ, по случаю тишины моря, присталъ къ такъ называемой бѣрной пристани за сто сажень, тогда какъ онъ обыкновенно кидаетъ якорь за одну или двѣ

*

версты отъ берега. Я спокойно опустилась съ лѣстницы, т. е. съ трапа, какъ въ Константинополѣ, Салоникахъ и Смирнѣ, влѣзла сама въ лодку, поддерживаемая кавасомъ. Яликъ тронулся, я перекрестилась, прося у Бога помощи, и вообрази все переданное мнѣ до сего дня страшное оказалось для меня гуляньемъ. Не только волны меня не забрызгали, но мы ихъ даже не видали; лодка шла плавно и не перекидывалась, какъ рассказываютъ паломники. Пріѣхали прямо въ таможеню. По милости консула все было сдѣлано: меня не остановили, нашихъ паспортовъ мы не заявляли; изъ багажа осмотрѣли пустой коробокъ для проформы, и все было сдѣлано въ 5 минутъ. Я пошла въ сосѣдствѣ находящійся Греческій монастырь св. Великомученика Георгія. Игуменъ мнѣ далъ два номера (комнаты) къ морю, и въ виду моемъ пароходъ «Россія» простоялъ до 4 часовъ дня. Услужливый кавасъ размѣнялъ мнѣ деньги и завтра привезетъ мнѣ квитанцію багажа, подписанную турецкимъ консуломъ. Завтра въ два часа отправится поѣздъ, и я опять увижусь съ нелюбимою мною желѣзною дорогою.

8.

Утро 12-го іюня.

Море волнуется; мой кавасъ пришелъ ко мнѣ за приказаніями.

Сейчасъ, ѣхавши на вокзалъ, заѣду къ русскому консулу, чтобы его поблагодарить за вниманіе. Онъ прислалъ мнѣ сказать, что желаетъ быть у меня, но если я хочу быть у него, то очень радъ меня принять.

Ночь провела хорошо; но жаль, что остановились у грековъ, хотя они и очень пріятливы, но хитрый и лукавый народъ. У Филареты со стола украли серебряные часы.

Прощай до Іерусалима. Сердце бьется отъ радости, что ѣду къ Гробу Господню!

13-го іюня, 10 ч. утра,
Св. градъ Іерусалимъ.

Слава Богу: я въ Святомъ градѣ Іерусалимѣ: Съ чего начну, что тебѣ скажу? Сердце полно умиленія, слезы льются, не могу успокоиться отъ радостнаго біенія сердца; однимъ словомъ, Господь сотворилъ милость свою надо мною. Люди опозорили невинно, а благодать Милосерднаго Отца на склонѣхъ лѣтъ наградила меня вполне за всѣ мои долготѣнныя страданія. Вчера въ 5 часовъ вечера поѣздъ подѣхалъ къ вокзалу; за 5 минутъ я встала и, стоя, впервые поклонилась Священному-траду, перекрестившись, мысленно облобызала Святую Землю, и стоя доѣхала. Добрая моя Лиза Мазараки ¹⁾ встрѣтила меня съ букетомъ розъ, спутницы

¹⁾ Жена доктора, жившая въ Іерусалимѣ.

мои передали кавасу нашъ ручной багажъ, и я сѣла въ хорошую открытую коляску, и доѣхали мы до города, т. е. до Яффскихъ воротъ. Тутъ мои спутницы пошли съ кавасомъ и тремя носильщиками-арабами въ приготовленную мнѣ квартиру, а я пошла съ Лизой подъ руку по Іерусалимскимъ улицамъ, къ главной святынѣ Іерусалимской,—Животворящему Гробу Господню и Храму Воскресенія. Улицы узенькія, не болѣе 5 аршинъ ширины; верблюды, навьюченные ослы непрестанно встрѣчаются; арабы, греки, турки, европейцы, снуютъ по тѣснымъ улицамъ, которыя всѣ замощены камнемъ. Вспоминая свою болѣзнь въ Балашовѣ, не могла я, другъ мой, идти къ Гробу Господню, не поминая непрестанно тебя въ моей умственной молитвѣ. Прошли мы съ версту безъ отдыха и дошли до Храма Воскресенія и взошли на дворъ. Слава Богу, храмъ отпертъ, я пошла съ Лизой въ храмъ, а мои спутницы пошли съ кавасомъ и вещами на мою квартиру, которая у самого Гроба Господня.

Когда я взошла на паперть, не могла удержаться отъ слезъ благодарности. Жгучее, непреодолимое желаніе скорѣе облобызать Гробъ Господень не могу словомъ выразить; это надо чувствовать на самомъ мѣстѣ. Здѣсь все забывается, кромѣ любви и молитвы. Въ преддверіи, при входѣ въ храмъ, я поклонилась «Камню Помазанія», на которомъ было умащено ароматами тѣло Богочеловѣка. Камень этотъ покрытъ каменною плитою, т. е. мраморною розоваго цвѣта; надъ нимъ балдахинъ на четырехъ столбахъ, подъ нимъ висятъ неугасимыя лампы всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, имѣющихъ въ храмѣ Воскресенія свои алтари. Помолившись, Лиза повела меня къ мѣсту, гдѣ стояла Богоматерь, когда сняли со креста тѣло Христово и умащали оное; мѣсто это отдѣляется рѣшеткою. Поклонилась и облобызала самый камень, гдѣ она крестоносица-мать плакала, взирая на умершаго Сына своего Спасителя міра Іисуса Христа; надъ онымъ малый балдахинъ, и подъ нимъ лампада, которою это мѣсто освѣщается. Прямо отъ этой святыни мы пошли къ Кувукліи и придѣлу Ангела, отваливаемаго камень отъ гроба. То, что я почувствовала, войдя въ оную, словами передать не возможно; я забыла все, свою немощь, приложилась къ камню, на которомъ сидѣлъ Ангелъ Господень; поклонилась опять и стала молиться за тебя, моя дорогая Марія. Успокоившись немного, пошла во внутренность пещеры, согнувшись, опустившись на колѣна предъ Святымъ Гробомъ Жизнодавца. Тутъ я плакала радостными слезами, облобызала Святой Гробъ; твое имя и имена всѣхъ близкихъ мнѣ я отъ души въ этотъ часъ помянула. Никого поклонниковъ не было, мы были съ Лизой однѣ. Мой букетъ передала я при Гробѣ стоящему монаху; онъ его принялъ, поставилъ на Св. Гробъ, а въ замѣнъ далъ мнѣ большой букетъ изъ мелкихъ цвѣтовъ, который стоялъ на Гробѣ нѣсколько дней, и оросилъ меня грѣшную ароматомъ, и я,

дорогая моя матушка, паче всѣхъ грѣшниковъ удостоилась такой несказанной благодати.

Кувуклія, или часовня Гроба, которая вмѣщаетъ въ себѣ святыню всѣхъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, сдѣлана изъ желтаго мрамора; надъ нею легкій куполь. Когда вышла, то напротивъ оной сѣла на скамеечку отдохнуть, т. е. дала отдохнуть моимъ слабымъ ногамъ. О чувствахъ моихъ не могу объяснить, ты сама сочувствуешь мнѣ и вполне понимаешь, что я счастливѣй всѣхъ счастливѣйшихъ. Прошло пять минутъ, и, отдохнувши, пошли на Святую Голгофу, которая находится въ юго-восточной части храма. На мѣстѣ, гдѣ былъ водруженъ крестъ Христовъ, стоитъ престолъ изъ бѣлаго мрамора; подъ нимъ сдѣлана выемка, тутъ самое отверстіе, въ которое былъ водруженъ Святой крестъ Христовъ. Оно обложено по обводу серебряной круглой доской, вычеканенной съ изображеніями Страстей Христовыхъ, запрестольное большое распятіе съ предстоящими Матерью Божіею, Іоанномъ Богословомъ, вырѣзанными по контуру. По обѣимъ сторонамъ означены на мраморномъ помостѣ два черныя, круглыя мѣста, гдѣ были водружены два креста разбойниковъ. Здѣсь же на скалѣ видна широкая и глубокая трещина, о которой сказано въ Евангеліи: «Се завѣса церковная раздрася на двое съ верхняго края до нижняго». Облобызавъ эту святыню, ты поймешь, что чувствовала душа моя! Много лѣтъ желала я выплакаться на Голгофѣ и по милости Божіей облила слезами мѣсто распятія Христа. Высокая лѣстница не утомила меня; мое сердце спокойно переноситъ всѣ трудности путешествія; болѣзнь, которой столько лѣтъ страдала, понемногу облегчается. Подъ нижней частью Голгофы, принадлежащей грекамъ, по православному преданію погребенъ Мелхиседекъ, царь Салимскій. Престолъ тутъ стоитъ во имя Св. Іоанна Предтечи и праотца Адама, за нимъ сквозь желѣзную рѣшетку, при свѣтѣ неугасаемой лампы, видна нижняя часть Голгофской разсѣлины.

На первый разъ я слишкомъ устала, чтобъ обозрѣвать прочую Святыню. Лиза повела меня домой, т. е. въ приготовленную мнѣ квартиру въ домѣ Св. Гроба. Зданіе очень хорошее, здѣсь живетъ архимандритъ Евфимій, настоятель этого подворья; лѣстница мраморная, коридоръ широкій, по обѣимъ сторонамъ номера, у меня два номера, хорошая постель желѣзная съ пологомъ, по другую стѣну тахта восточная, т. е. длинный диванъ. Комната моя высокая, со сводомъ, двери и окно широкія и высокія, каминъ, шкафъ, письменный столъ и столъ для умыванія, составляютъ обстановку моей комнаты Іерусалимской келіи, въ другой (комнатѣ) помѣщаются мои спутницы Филарета и сестра Ольга.

Вечеромъ, въ 10 часовъ, кавасъ привезъ на ослахъ весь мой багажъ съ вокзала. Послѣ этого я заперлась и съ неизъяснимою радо-

стью въ сердцѣ помолилась я улеглась, не забывая имя дорогой Маріи и имя доброй Серафимы, усердіе которой забыть не могу. Въ 12 часовъ я уснула и встала въ 6 часовъ, потому что Лиза Мазараки обѣщала ко мнѣ зайти утромъ въ 7¹/₂ часовъ, дабы идти къ обѣднѣ въ церковь Св. Александра Невского, недавно освященную, гдѣ служить по-русски священнослужитель нашей миссіи.

Вставши, я написала тѣ имена, за которыхъ желала помолиться въ первую литургію, которую здѣсь въ Іерусалимѣ буду стоять. Забыла сказать, что мои спутницы тоже обходили вышесказанныя святыя мѣста, и мы всѣ вмѣстѣ пили чай и бесѣдовали о томъ, что пришлось испытать при путешествіи по желѣзной дорогѣ называемой «Отоманія». Французская компанія построила оную, но, признаться сказать, наша Харьковско-Балашовская желѣзная дорога менѣе опасна, чѣмъ Отоманская; объ этомъ скажу тебѣ послѣ. Сегодня вышедши изъ квартиры, мы пошли съ Лизой Мазараки къ архимандриту: у него есть для приѣма келія при самомъ храмѣ, при входѣ въ оный. Приѣмъ былъ самый внимательный, я тотчасъ же передала ему 25 руб. на разрѣшающую обѣдню, которую будетъ служить самъ патріархъ; имена будутъ написаны мною завтра, обѣдня будетъ въ воскресенье 16-го іюня, въ день Тихона, т. е. въ день вступленія моего въ монастырь. Это все устроилось само собою. Ночь буду ночевать у Гроба, а завтра въ 3 часа вечеромъ съ пѣніемъ будутъ водить паломниковъ по всей святынь и мнѣ совѣтовали не уклоняться отъ этого обычая, и потому пойду, несмотря на то, что сегодня утромъ мы ходили по всему храму во всѣхъ придѣлахъ, была также и въ Кувукліи, поставила къ Гробу свѣчку. Завтра понесу богатую пелену на Гробъ Святой—пожертвованіе моихъ благодѣтелей Лабзиныхъ и въ воскресеніе будутъ на ней служить обѣдню. Слава Богу, Господь все совершаетъ. Сегодня я была въ придѣлѣ «Поруганія» и «Тернистаго вѣнца», въ пещерѣ «Обрѣтенія животворящаго креста», удостоилась быть сегодня въ «Темницѣ Христовой», въ придѣлѣ «Раздѣленіе ризъ», въ придѣлѣ Лонгина сотника, была опять и на Голгофѣ, была на мѣстѣ узъ Христовыхъ, т. е. въ придѣлѣ Богородицы, также на мѣстѣ явленія Спасителя Маріи Магдалинѣ между часовней Гроба Господня и церковью. Это мѣсто устроено на полу и имѣются два круга мраморныхъ: одинъ выше другаго. У перваго дѣлаютъ поклонъ, ко второму прикладываются, такъ какъ на этомъ мѣстѣ стоялъ Спаситель.

Такимъ образомъ до обѣдни я имѣла счастье поклониться всѣмъ мѣстамъ, ознаменованнымъ страданіями Спасителя міра.

9.

13-го іюня, 9 часовъ вечера. Іерусалимъ.

Въ 4 часа были мы съ Лизой у патриарха Герасима. Патриархъ принялъ меня отлично хорошо, просилъ меня бывать у него во всякое время. Онъ говорить по-французски, а по-русски говорить не можетъ. Подали намъ варенье съ холодной водой, потомъ по-восточному кофе; мы сидѣли у него около часу, и отъ него я вынесла самое пріятное впечатлѣніе. Онъ очень добръ и очень религіозенъ, также ученъ, ему не болѣе 50 лѣтъ, высокъ ростомъ и очень красивой наружности. Величаю я его *Votre béatitude* (т. е. Ваше Блаженство). Обстановка его жилища роскошная, полы мраморные, гдѣ нужно покрыты коврами, мебель также роскошная. Уходя, я дала патриарху, собственно по совѣту Лизы Мазараки, 15 руб., чтобы поминать меня и всѣхъ моихъ во всѣхъ его служеніяхъ; онъ принялъ благосклонно и далъ слово, что исполнить. Спросилъ меня, довольна ли я квартирой, обѣщалъ, что меня будутъ покоить, и поздравилъ меня неоднократно, что Господь привелъ меня поклониться Св. Гробу Господню, говоря, что это знакъ милосердія ко мнѣ Божія и Царицы небесной.

10.

14-го іюня 1896 г. Іерусалимъ.

Сейчасъ пришли отъ вечерни; послѣ оной былъ обходъ по всѣмъ придѣламъ храма Воскресенія. Это шествіе трогательно и назидательно. Послѣ вечерни всѣмъ дають свѣчи, и всѣ идутъ къ Кувукліи, становить богомольцевъ по правую и лѣвую сторону къ двери. Къ Кувукліи приходятъ служащіе священники и діаконъ съ хоромъ пѣвчихъ, но только одно жалко, что молебень служитъ по-гречески, только возгласы сказываются по-русски, послѣ каждаго возгласа. Архіерей изъ свиты патриарха, который тутъ присутствуетъ, говоритъ паломникамъ слово о томъ мѣстѣ, куда дошли. Четыре раза по всѣмъ четыремъ сторонамъ читается Евангеліе по-русски. Шествіе трогательное; на Голгофѣ поется канонъ страстямъ русскими паломниками довольно стройно. Все хорошо, все отраднo здѣсь, но деньги, деньги на первомъ планѣ. Я смутилась многимъ, не хочу отравлять сегодняшний день описаніемъ моихъ впечатлѣній, а потому до будущаго письма. Квартирой своей я очень довольна, такъ какъ она у самаго Св. Гроба: сойду съ лѣстницы не болѣе 25 шаговъ, и я у дверей храма. Завтра пойду къ настоятелю переговорить о цѣнѣ, а отъ него пройду къ Лизѣ Мазараки, найму эки-

пажъ, и мы поѣдемъ къ консулу заявить ему наши паспорта, потомъ къ архимандриту Рафаилу. Въ 6 часовъ пойду въ храмъ и тамъ буду въ уединеніи молиться, обѣдня будетъ на Гробѣ Господнемъ, слава Богу! Обѣтъ мой исполненъ, и я въ Іерусалимѣ, пишу тебѣ у открытаго окна, гора каменистая въ моихъ глазахъ, верхъ ея населенъ, дома въ восточномъ стилѣ, всѣ каменные; камень горы употребляется на постройку.

Каменщики здѣсь не хуже русскихъ владимірскихъ и отдѣлываютъ дома великолѣпно, не хуже одесскихъ. Въ моихъ глазахъ храмъ Александра Невского, а за нимъ большая пальма и одинъ кипарисъ; среди нѣкоторыхъ домовъ деревья оживляютъ ландшафтъ. Вода здѣсь холодная, очень вкусная и во множествѣ, въ нашемъ коридорѣ кранъ и вездѣ по улицамъ краны; птички въ родѣ воробьевъ стаями кружатся надъ нами. Въ 7 часовъ солнце садится, небо безоблачно, жары я не чувствую. Народъ здѣсь очень не симпатичный. 50.000 евреевъ, 7.000 православныхъ грековъ, русскихъ, арабовъ, католиковъ 2.000, протестантовъ 300.

Ѣхавши въ Іерусалимъ, мы ѣхали масличными рощами; дрова здѣсь изъ терновника, растущаго на каменистыхъ горахъ. Хлѣбъ уже сняли, молотятъ; огороды, какъ у насъ, въ добромъ порядкѣ, даже сердце радуется видѣть, какъ арабы трудолюбивы. Кактусы здѣсь сажаютъ вмѣсто изгороди вокругъ садовъ, изгородь изъ нихъ вышиною отъ аршина до 3-хъ, не менѣе. Любятъ они глину, въ глинѣ ихъ сажаютъ отростками; маслины также растутъ на пескѣ и глинѣ; фунтъ масла деревяннаго здѣсь 15 коп., горить великолѣпно.

11.

15-го іюня 1896 г. Іерусалимъ.

Сегодня была у консула нашего г-на Круглова, познакомилась съ нимъ. Мой паспортъ и спутницъ моихъ онъ приказалъ прописать и самъ подписалъ. Такой здѣсь порядокъ; прописываютъ на выѣздъ въ Россію, слѣдовательно отъ меня зависятъ возвратиться или ѣхать путешествовать, куда вздумается. Могла бы жить и не прописываясь, но я, зная, что такъ лучше, подчинилась Россіи, а не Турціи, чтобы знали, гдѣ я пребываю, потому что живу не на русской постройкѣ, не въ палестинскихъ русскихъ номерахъ, а у Св. Гроба, въ номерахъ, принадлежащихъ грекамъ. Изъ консульства прошли мы съ Лизой къ начальнику русской миссіи, отцу архимандриту Рафаилу. Наше свиданіе было задушевное, онъ такъ мнѣ обрадовался, какъ близкой ему знакомой. Пили у него чай, потомъ возвратились въ часъ домой, чтобы до пове-

черія отдохнуть. Волей неволей, а ноги мои приучаются ходить. Чтобы ѣхать куда-либо, нужно идти пѣшкомъ съ версту до дома Давыдова или до Яфѣскихъ воротъ; тамъ стоятъ экипажи, и можно нанять коляску или карету; такъ сдѣлала и я сегодня. Къ вечернѣ я не пошла, а пила въ 4 часа чай; къ повечерію пойду въ 7¹/₂ часовъ, и насъ запрутъ до утра въ церкви Воскресенія.

Гуляла я третьяго дня въ саду патріарха, тамъ въ грунту большіе кусты леандры по 4 арш. вышины, всѣ въ цвѣту, роскошь. Цвѣты здѣсь не то, что въ нашей Россіи; садъ архимандрита тоже хорошъ, но эти сады во дворѣ, а на улицѣ камень справа слѣва, сзади, спереди и подъ ногами камень. Одно небо синее, безоблачное надъ нами; улицы грязны въ восточномъ духѣ. Вся жизнь жителей на улицѣ, и торгуютъ и ремесломъ занимаются. Письма свои посылаю съ русской почтой, т. е. черезъ консульство; почта австрійская идетъ 4 раза въ недѣлю, а наша одинъ разъ, но я считаю, наша будетъ вѣрнѣй. Здѣсь я нашла знакомыхъ изъ Павловскаго посада Сокольскихъ, они стоятъ въ томъ же коридорѣ, гдѣ я живу теперь. Кромѣ того здѣсь Алексій Александровичъ Нейдгартъ, отъ юности мнѣ знакомый. Моя мать была дружна въ молодости съ его сестрами, пріятно будетъ свидѣться на дальнемъ востокѣ, онъ ужъ много разъ спрашивалъ, когда я буду. Вообще рада, что я въ Іерусалимѣ, и считаю это чудомъ, что я здѣсь ежедневно молюсь у Гроба Господня. Отдохну нѣсколько дней, а потомъ поѣду въ Гевсимацію, въ Горнее и къ пр. святымъ мѣстамъ, поѣду и на Іорданъ. Теперь здѣсь пути сообщенія улучшаются, всюду экипажи, а на Елеонѣ имѣется porte-chaise, меня туда снесутъ, если сама не буду въ силахъ идти.

12.

21-го іюня 1896 г. Іерусалимъ.

Прошло уже четыре дня съ тѣхъ поръ, какъ я къ тебѣ писала; дневнику моему дала я отдыхъ, по причинѣ устройства моей квартиры, временной или постоянной, то знаетъ одинъ Богъ. Пришлось выкладывать изъ сундуковъ въ шкапы и комоды необходимое, а все теплое-начиная съ шубы, ватопниковъ и пр., укладывать на покой въ опо, роженный сундукъ. Иконы мои теперь я устроила на годъ времени, ежели доживу я до будущаго года.

Я счастлива, что я удостоилась быть въ св. градѣ Іерусалимѣ, что я живу у Святаго Гроба, что имѣю утѣшеніе молиться на Голгофѣ и поминать моихъ незабвенныхъ усопшихъ, поминать здѣсь тебя и всѣхъ моихъ близкихъ.

Да, все пройдетъ, минетъ, жизнь наша измѣнится, но правда и любовь никогда насъ не оставятъ, а ложь неминуемо исчезнетъ.

13.

22-го іюня. Іерусалимъ.

Вчера я ничего не сообщила тебѣ интереснаго относительно моей жизни здѣсь, потому что въ прошлую недѣлю сидѣла дома и берегла мою лѣвую ногу, отъ сильной ходьбы она распухла. Слава Богу! болѣзнь уступила, все зажило, теперь могу ходить. Прости, моя дорогая, пришло время читать вечернее правило, и я оставляю перо до завтра, 23-го іюня, дня Владимірской Богоматери. Думаю, что ты у всеношней и вспомнишь меня, убогую Митрофанію.

14.

23-го іюня. Воскресенье 11 ч. утра.

Я встала по обыкновенію рано въ 6-мъ часу, въ 7-мъ пошла въ храмъ Воскресенія Христова. Звонъ колоколовъ, здѣсь необыкновенно звенящихъ, разбудилъ меня въ 5 час., но я, изнемогая, опять уснула на четверть часа и успѣла въ это время побывать во снѣ въ домовомъ храмѣ игуменьи Балашовскаго монастыря и слышала сладостное пѣніе «Заступница усердная». Весело стало на душѣ, прихожу къ граду святому и, тамъ помолившись и приложившись къ святынь, изъ Кувуклія пошла въ храмъ; обѣдня только-что началась, народу было много, архіерей Епифаній стоялъ въ фелони на своемъ архіерейскомъ мѣстѣ, которое устроено на лѣвой сторонѣ противъ патриаршаго. Литургію служилъ іеромонахъ и два діаконъ, съ архіерейскимъ посохомъ стоялъ какой-то игумень безъ облаченія. Служба по-гречески, напѣвъ отвратительный, евангеліе читаютъ по-гречески, по-арабски и по-русски. Одинъ діаконъ по-очереди съ другимъ читаютъ евангеліе. Для чтенія они идутъ по внутренней алтарной лѣстницѣ на устроенное мѣсто по срединѣ втораго пояса иконостаса, тамъ висятъ три паникадилыцы золотыхъ, въ каждой одна свѣча, и діаконъ, какъ бы на балконѣ. Послѣ чтенія монахъ чередной загашаетъ ихъ (свѣчи), и діаконъ спускается въ алтарь. Удивительно то, что Царскія двери открываетъ и закрываетъ чередной монахъ безъ облаченія, завѣсу онъ же своевременно открываетъ и закрываетъ, но здѣсь завѣса открывается съ запада на востокъ, а не какъ у насъ съ востока на западъ. Архіерей, стоя на своей каедрѣ, имѣетъ нѣкоторое участіе въ службѣ: къ нему при выходѣ со Святыми Дарами діаконъ подноситъ дискосъ и священную чашу, и архіерей, сошедши съ возвышенія, поминаетъ нѣкоторыя имена, потомъ благословляетъ на всѣ три стороны народъ золотымъ крестомъ. Митры у него тутъ нѣтъ, но, послѣ выхода съ Дарами, онъ надѣваетъ

камилавку и въ концѣ обѣдни накрываетъ камилавку наметкой. Антидоръ онъ самъ раздаетъ народу, сходитъ съ возвышенія, два каваса съ булавами, въ родѣ того, какъ у нашихъ аристократическихъ швейцаровъ, стоятъ передъ преосвященнымъ и охраняютъ его отъ давки; они въ греческихъ красныхъ фескахъ, народъ подходитъ чинно. По окончаніи обѣдни онъ, т. е. архіерей снимаетъ фелонь и выходитъ изъ церкви безъ всякой свиты и идетъ съ своимъ послушникомъ монахомъ пѣшкомъ на свою квартиру.

Послѣ обѣдни я опять приложилась къ великой святыни, облобызала камень скалы Голгофской, гдѣ по преданію православной церкви лежалъ черепъ праотца нашего Адама, такъ что драгоцѣнная кровь Спасителя протекла на него. Этотъ камень какъ бы въ углубленіи за открытымъ окномъ въ аршинъ квадратный. Въ воскресеніе камень для всѣхъ открытъ, а въ будничные дни онъ за мѣдною рѣшеткою; между камнемъ и рѣшеткою теплится лампада, а потому онъ всегда виденъ глазу, но не доступенъ къ лобзанію богомольцевъ. Придѣлъ этотъ именуется придѣломъ праотца Адама, камень на Горнемъ мѣстѣ за престоломъ, отсюда-то и видна Голгофская разсѣлина.

Еще особенность при большомъ входѣ: кадитъ Святымъ Дарамъ монахъ безъ облаченія; кто онъ, неизвѣстно: іеромонахъ или іеродіаконъ. Заамвонную молитву читаетъ служащій священникъ предъ иконой Спасителя; а не за амвономъ, какъ у насъ въ Россіи; фелонь виситъ спереди; и не на пуговицахъ; вообще служба у грековъ далеко не та, что у насъ въ Россіи.

Завтра день св. Іоанна Крестителя; въ Горнемъ праздникъ, я же поѣду въ среду, дабы избѣгнуть тѣсноты; экипажи здѣсь хороши, фургоны въ родѣ каретъ, но до Яффскихъ воротъ нужно идти пѣшкомъ съ версту, а для моихъ ногъ это не легко.

Послѣ обѣдни напившись чаю, я сегодня въ 9 часовъ пошла одна опять къ Св. Гробу и такъ была счастлива, что при мнѣ соглядатая не было; мои не знали, куда я пошла. Въ Кувуклии пришлось мнѣ быть одной съ $\frac{1}{4}$ часа, отрадно мнѣ было облобызать Св. Гробъ безъ свидѣтелей, тутъ я отъ души помолилась за тебя, моего добраго, Богомъ даннаго мнѣ друга и сестру, также и о всѣхъ близкихъ мнѣ живыхъ и усопшихъ. Потомъ пришелъ монахъ, окропилъ меня ароматами и далъ мнѣ три цвѣтка изъ букета, стоящаго на Св. Гробѣ; одинъ цвѣтокъ тебѣ посылаю въ благословеніе отъ Св. Гроба. На Голгофу я сегодня не ходила, боялась ради моей ноги; завтра, надѣюсь, пойду. Зная твою ко мнѣ любовь и участіе, желаю подѣлиться съ тобою и тѣмъ, что всѣ дивятся на удобства моей квартиры, чтѣ здѣсь весьма рѣдко; первое: у меня двѣ хорошія комнаты и кухня, въ которой стоятъ наши сундуки, вода великолѣпная и во множествѣ, въ коридорѣ кранъ, кухонная

печь имѣеть четыре конфорки, которыя, въ родѣ плиты, затапливаются по мѣрѣ надобности углемъ изъ терновника; тутъ же очажекъ, куда ставится самоваръ и керосиновая печь, постели съ тюфиками куплены въ Триестѣ очень хорошіе, коридоръ освѣщается лампами—квартира барская, очень благородно, тихо, все очень уважительно и что жъ ты думаешь? Пошла я нынче къ архимандриту Евфимію, настоятелю при храмѣ Свят. Гроба Господни, спросить, какую онѣ цѣну положить съ меня за годъ времени? Онъ съ любовію отвѣтилъ мнѣ: «Матушка, не беспокойтесь вы заплатите за квартиру не мнѣ, а Святому Гробу, по мѣрѣ усердія и средствъ вашихъ. Я счастливъ буду только тѣмъ, если вамъ будетъ у насъ жить покойно и хорошо». Я хотѣла ему дать въ задатокъ 25 руб., но онъ отказался, сказавъ мнѣ, что время терпитъ, чтобы я о деньгахъ не беспокоилась бы до времени, когда онѣ будутъ мнѣ не особенно нужны, а теперь говорить: «Вамъ вначалѣ, знаю, деньги болѣе нужны, чѣмъ впослѣдствіи»,—однимъ словомъ его деликатность меня удивила. Сочувствіе отца архимандрита принимаю за указаніе ему воли Божіей, чтобы меня утѣшить. Все это я получаю не случайно, а за мою вѣру въ милость Божію. Слава Богу! во всемъ сопутствуетъ мнѣ милосердіе Божіе и владычицы нашей Пресвятой Богородицы.....

15.

24-го іюня 9 часовъ утра.

Съ праздникомъ св. Іоанна Предтечи поздравляю тебя, моя дорогая. Въ 5 часовъ встала, одѣлась, убрала мою комнату и позвала Филарету, чтобы идти въ церковь. Было 6½ часовъ, когда вышла, приложилась къ камню миропомазанія Спасителя. Въ то время праздничный органъ католиковъ оглашалъ весь храмъ; обѣдня шла у Св. Гроба, храмъ Воскресенія былъ запертъ, и потому я только приложилась къ окну Св. Гроба, потому что приложиться къ Гробу во время службы нельзя. Духовная музыка отрадно повліяла на мою душу. Отъ Кувукліи пошла я на Голгофу и тамъ поплакала, молившись за тебя и всехъ моихъ близкихъ и дальнихъ. Приложившись къ отверстію камня, гдѣ былъ водруженъ Крестъ животворящій, и совершивши мой крестный ходъ, пошла въ монастырь св. Іоанна Предтечи, гдѣ началась уже обѣдня, которую совершалъ одинъ іеромонахъ по-гречески и по-русски одновременно; одна актенья по-русски, другая по-гречески. Пѣніе здѣсь очень не стройно, но я придумала взять съ собою молитвы при Божественной литургіи, а потому я себя утѣшила и читала вмѣсто того, чтобы слушать непонятное пѣніе. Послѣ обѣдни я приложилась къ чудотворной иконѣ главы св. Іоанна Крестителя, при которой есть большая часть оной, т. е. святыхъ его мощи. Получивши антидоръ, пошла я

черезъ базаръ ко Гробу Господню и, приложившись къ оному, вернулась домой. Пока самоваръ еще не готовъ, а письмо не запечатано, пишу тебѣ эти послѣднія строки. Обнимаю тебя.

16.

26-го іюня, вечеръ.

Сегодня день Тихвинской Божіей Матери, это мой праздникъ, а потому я сегодня встала въ 6 часовъ, пошла съ сестрой Ольгой къ Яффскимъ воротамъ, тамъ взяли извозчика и къ 7 ч. были въ церкви на русскихъ постройкахъ. Филарета вчера отпросилась ѣхать въ Горній, съ одной поклонницей, съ которой она познакомилась. Архимандритъ самъ служилъ, постригалъ одного монаха, котораго привезъ съ собой. Послѣ обѣдни я просила мнѣ отслужить молебень. Узнавши, что у архимандрита закуска, я къ нему не пошла, а отправилась въ больницу, гдѣ старшая сестра милосердія аптекарша, Палагея Зобина, изъ моихъ петербургскихъ покровскихъ сестеръ, мною въ 1869 году принята. Ея уваженіе и сердечность ко мнѣ я въ эти недѣли испытала вполнѣ; она была у меня два раза, а потому я прямо отъ обѣдни пошла къ ней пить чай.

17.

28-го іюня, вечеръ.

Съ преддверіемъ праздника тебя поздравляю. Думаю, ты, вѣроятно, въ Пензѣ у твоего старца и благодѣтеля. Поздравляю съ именинникомъ, дай Богъ ему пожить еще много, много лѣтъ. Сегодня я рѣшилась идти пѣшкомъ въ Гевсимацію, встала въ 5 часовъ, въ 6 часовъ съ Филаретой и Ольгой пошли въ путь; считается $3\frac{1}{2}$ версты, взадъ и впередъ 7 верстъ и все по горамъ, что довольно для меня трудно, но я очень утѣшена, Господь благословилъ меня и далъ мнѣ силу совершить мой обѣтъ: въ 7 часовъ утра мы достигли Гевсимаіи. Греческая обѣдня, къ сожалѣнію, отошла, то я отстояла армянскую, послѣ которой приложилась къ Гробу Бого-Матери, поклонилась и гробамъ св. Іоакима и Анны и Іосифу Обручнику. Входъ въ пещеру широкій, имѣетъ 48 мраморныхъ ступеней. Сердце сильно потрясено и, входя въ эту усыпальницу, мракъ подземелья и блескъ лампадъ наполняютъ душу непонятнымъ торжествомъ. Свѣтъ этихъ лампадъ указываетъ дорогу къ Гробу Бого-Матери. Сегодня тишина, богомольцевъ нѣтъ, мы одни съ греческимъ монахомъ обходили всю пещеру и на все со вниманіемъ смотрѣли; тутъ же и коптскій престолъ. Послѣ армянской литургіи совершается въ другомъ углу коптская, но слѣдуетъ сказать: нѣтъ должнаго благочинія. Наши російскіе монастыри имѣютъ другую обстановку, и

русскому паломнику нельзя умиротвориться съ неистовствомъ арабовъ, коптовъ и абиссинцевъ. Пещера Гевсиманская унижена разноцвѣтными лампадами, другихъ украшеній нѣтъ, своды массивны, зданіе бѣдное, углубленное въ скалахъ. Подходя къ оному, изъ внѣ нельзя себя представлять, что въ этой скалѣ вся слава Честнѣйшей; что въ этихъ мрачныхъ сводахъ есть мѣсто погребенія Той, къ Которой мы непрестанно взываемъ: «радуясь, радости наша». Нѣтъ, дорогая моя матушка, Россія устроила бы тутъ лавру великую, а теперь Гевсиманія въ смиреніи своемъ не глаголетъ путнику о томъ, что внутри этихъ скалъ сохраняется такая великая христіанская святыня. Помолвившись за себя и за тебя со всѣми о Христѣ сестрами, мы пошли въ Гевсиманскій садъ, принадлежащій католикамъ. Здѣсь руна образованная сдѣлала все то, что требуетъ любовь и вѣра. Это мѣсто—роскошный, хорошо содержимый садъ. Патеръ дежурный съ любовью указывалъ намъ то дерево, подъ которымъ молился Иисусъ,—это роскошная маслина, окруженная высѣченнымъ камнемъ: отъ ствола до камня не менѣе 1¹/₂ аршина и въ этомъ кругѣ растутъ великолѣпные цвѣты, изъ которыхъ онъ сорвалъ букетикъ, а также поднялъ упавшіе съ маслины листья и далъ намъ въ благословеніе. За нѣсколько шаговъ, тройная маслина, также вѣковая, окаймленная также камнемъ, хранится, какъ мѣсто, гдѣ стояли апостолы, когда взять былъ Иисусъ Христосъ. Въ этомъ саду есть и еще нѣсколько маслинъ и кипарисовъ вѣковыхъ, по всѣмъ дорожкамъ клумбы, роскошныя леандры, и все это огорожено желѣзною рѣшеткою; вокругъ этого четырехъугольная каменная ограда, дорожки же въ 3 аршина ширины отъ рѣшетки до стѣны, и черезъ нѣсколько саженъ воздвигнуты каменные кіоты съ живописными изображеніями крестнаго пути. Обходя этотъ достопамятный садъ страстнаго томленія Христа, нельзя удержаться отъ слезъ. По всѣмъ лѣстницамъ я отдыхаю; саду и думаю, гдѣ я? Сама себя не вѣрю, что въ моихъ глазахъ дерево, орошенное кровавымъ потомъ Богочеловѣка... Я была отъ него въ двухъ саженяхъ, не болѣе, я недостойная паче всѣхъ грѣшнѣйшая Митрофанія. Неужели же послѣ этого можно кому-либо усомниться, что Богъ не близъ меня? что страдалецъ Иисусъ, видя вѣру мою и труды въ пользу страждущаго человѣчества, не воздастъ мнѣ еще въ жизни сей ту награду, которая для меня выше всѣхъ наградъ на землѣ — идти по крестному пути его.

Изъ сада Гевсиманскаго я долго смотрѣла на гору Елеонъ, у подножія которой я была и куда думаю быть скоро, если Богъ благословитъ. Мы были и на мѣстѣ избіенія архидіакона Стефана. Стояла я у крестнаго пути и думала, какъ возвратиться. Я мысленно робѣла, какъ мнѣ идти въ гору, т. е. обратно въ Іерусалимъ, думала послать нанять коляску и доѣхать до католическаго монастыря, что на поло-

винѣ пути до Гроба Господня; другой помыселъ мнѣ нашептывалъ: не смущайся, дойдешь. Перекрестилась и пошла въ гору, куда шелъ Спаситель съ крестной ношею своею, окруженный толпою злодѣевъ. Вспоминала я, какъ Спаситель міра, измученный, падалъ въ изнеможеніи, а все-таки шелъ, и шелъ до мѣста казни. Слезы невольно капали изъ глазъ, я шла бодро, призывая въ помощь страдальца Іисуса Христа; то Филарета, то Ольга вели меня, и я, опираясь на мою палочку, даже не чувствовала боли въ ногахъ. Зашли въ католическій монастырь на томъ мѣстѣ, на которомъ, говорятъ католики, св. Вероника отирала съ лица св. кровь Богочеловѣка: на этомъ мѣстѣ костель. Тамъ, въ сторожкѣ, мнѣ дали свѣжей воды, и я, отдохнувши, пошла далѣе, прямо на Голгофу и къ Гробу Господню. Вернулась около 10¹/₂ часовъ, сейчасъ легла отдохнуть, и пока самоваръ не кипѣлъ, съ полчаса лежала. Напившись чаю, я опять на полчаса легла, въ 12 часовъ пришелъ ко мнѣ архимандритъ Мелетій, отъ имени его блаженства патріарха Герасима, передать мнѣ его благословеніе и спросить, какъ я себя чувствую, здорова ли я и довольна ли своей квартирой. Велѣлъ мнѣ сказать, что онъ будетъ радъ, если буду его хоть изрѣдка навѣщать. Спасибо его блаженству, его вниманіе для меня очень дорого, на дняхъ поѣду въ Горнее, а затѣмъ буду и у него. Пообѣдавши въ 4 часа, пошли къ празднику въ храмъ Петра и Павла, архіерей Поликарпъ служилъ сегодня вечерню съ благословеніемъ хлѣбовъ, послѣ котораго онъ благословилъ меня однимъ артосомъ, какъ они ихъ здѣсь называютъ. Пѣли греки, отвратительно кричали, стихиры пѣли въ родѣ плясовой; удивляюсь, какъ это до сихъ поръ въ Іерусалимѣ такое неистовство.

18.

29-го іюня, утро.

Была сейчасъ у обѣдни у арабовъ, въ церкви св. апостола Іакова, брата Господня, перваго патріарха іерусалимскаго, которая смежна со стѣною храма Воскресенія, тамъ сохранилось его патріаршее мѣсто, въ него только единожды въ годъ входитъ іерусалимскій патріархъ, когда служить литургію. Рядомъ съ этимъ мѣстомъ имѣется икона весьма древняя, писанная евангелистомъ Лукою, ручки сдѣланы серебряными, къ которымъ прикладываются, литургія на арабскомъ языкѣ.

8 часовъ вечера.

Слава Богу! въ 6 часовъ задумала идти на гору Сіонъ, жара спала, нужно идти опять къ Яффскимъ воротамъ, и, вышедши изъ города, мы пошли на Сіонъ на кладбище христіанское. Боже Великій! Это ли воспѣваемая царемъ-пророкомъ св. гора Сіонъ? Это ли есть гора Господня?

То, что во время Давида было верхомъ красоты, въ настоящее время это пустырь, одні могилы, предвѣстники горя. Сіонъ, прославленный въ псалмахъ, оказывается теперь вспаханнымъ много разъ, по могиламъ пустота, нигдѣ нѣтъ ни зелени, ни цвѣтовъ, во всемъ кладбищѣ я нашла только семь молодыхъ кипарисовъ, недавно посаженныхъ, т. е. не старше настоящаго десятилѣтія. На одной могилѣ нѣсколько горшковъ розановъ,—все прочее пустырь, только двѣ могилы съ памятниками, огороженными желѣзною рѣшеткою; на нихъ кресты высѣчены изъ камня; всѣ прочія безчисленныя христіанскія могилы, которыхъ тутъ десятки тысячъ, не осѣнены знаменіемъ креста, и пришедшему на Сіонъ христіанину на сердцѣ становится тяжело, тѣмъ болѣе, когда убѣдишься, что черезъ три года могилы разрываютъ, кости выбрасываютъ и другихъ покойниковъ зарываютъ безъ гроба и накладываютъ на могилы тяжелые камни безъ надписи и безъ креста. Вотъ это тотъ Сіонъ, куда безъ почести и страха кладутъ смердящія тѣла. Тѣ, которыя огорожены рѣшеткою, тѣхъ не выкапываютъ, потому что мѣста куплены. Всѣхъ ихъ на кладбищѣ до 10 могилъ. На южной сторонѣ кладбища, у каменной кладбищенской загородки, выложенъ каменный помостъ сажень на 5 квадратныхъ, къ стѣнѣ устроенъ каменный столикъ въ три аршина примѣрно; подъ нимъ на камнѣ высѣченъ крестъ. На этомъ мѣстѣ въ Троицынъ день, не имѣя походной церкви, служатъ только вечеромъ, т. е. патриархъ, и молитвы читаются въ день Пятидесятницы потому, что на этомъ мѣстѣ было сошествіе Св. Духа на апостоловъ. Около той двери есть желѣзная калитка, которую я просила сторожа открыть и тамъ сохраняется въ оградѣ между прочими камнями большой камень изъ Сіонской горницы, на которомъ высѣченъ крестъ въ 6 и 8 вершковъ. Вокругъ пустырь,—это все воспѣваемый Сіонъ. Грустно, тяжело, сердце обливается тоской, поневолѣ призадуматься, неужели и я здѣсь, странница, умру? Но опять мысль ободряющая мнѣ говорить:

Не скорби, не унывай,
 Богъ видитъ сердца чистоту,
 На Него ты уповай,
 Гори любовью ко Христу.

Да, другъ мой, не скрою, что мнѣ стало грустно, видя это безотрадное кладбище.

19.

30-го іюня, воскресенье.

Чудо совершилъ со мной Господь. Я, не привязанная ни къ чему и ни къ кому изъ близкихъ моихъ десятки лѣтъ, въ послѣднее время моей жизни привязалась къ Балашову. Думаю, это потому, чтобы я не оставалась навсегда здѣсь, въ этомъ святомъ городѣ Іерусалимѣ, такъ

какъ здѣсь кромѣ святыми нѣтъ ничего хорошаго, люди бѣдовые, распри, междоусобія, и эти распри ничего добраго не приносятъ православію.

Сегодня мнѣ пришлось простоять католическую обѣдню у Гроба Господня; хотѣла прослѣдить за службою. Грустно сказать, но не просвѣщенному арабу или магометанину, конечно, служба католическая, благоговѣйно исполняющаяся съ хоромъ пѣвцовъ и органомъ, гораздо привлекательнѣе нашей греческой, но не россійской, конечно.

8 часовъ вечера.

Сейчасъ были въ первый разъ въ часовнѣ Гевсиманіи, рядомъ съ моей квартирой. Здѣсь чудотворная икона Успенія Божіей Матери, также и Іерусалимскія Божія Матери. Помолившись тамъ, меня пригласилъ къ себѣ архимандритъ, подворья Гевсиманскаго, который ежедневно служитъ въ Гевсиманіи на гробѣ Богородицы. Онъ человѣкъ хорошій, говорящій по-русски, а потому я была рада съ нимъ познакомиться.

Въ Іерусалимѣ климатъ не хорошъ, мы дышемъ пылью и известкой; здѣсь вся почва известковый камень. Сіонъ, даже вся гора пепельно-кремнистая, а потому здѣсь всѣ страдаютъ глазами. Въ Яфѣ зимою лучше. Жарю я не страдаю, впрочемъ квартира очень хороша, окна закрываемъ въ 8 часовъ вечера, а утромъ откываемъ въ 6 часовъ.

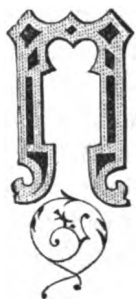
Сообщилъ кн. А. Дадіанъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записка о Киевскомъ университетѣ св. Владиміра въ 1838 году ¹⁾.

Начальныя событія, сопровождающія почти каждый годъ существованія вновь учрежденнаго Киевскаго университета, невольно заставляютъ обратить на него вниманіе правительства. Къ сожалѣнію, событія сіи таковы, что предполагаютъ въ семъ младенцѣ существованіе такой болѣзни, отъ коей самыя возмужалые нисходятъ въ могилу, увлекая за собой тысячи.

Послѣ сего самое существованіе университета невольно обращается въ

¹⁾ Записка эта находится въ рукописномъ сборникѣ Императорской Публичной библіотеки (Ф. XVII. 63, л. 96—102). Рукопись нѣкогда принадлежала П. И. Саввантову и описана, въ числѣ другихъ бывшихъ рукописей Саввантова, И. А. Бычковымъ. (См. И. А. Бычковъ. Каталогъ собранія рукописей П. И. Саввантова, нынѣ принадлежащихъ Императорской Публичной библіотекѣ. Вып. I. Спб. 1900. Стр. 209—210). Хотя записка переписана писцомъ и подписи на ней нѣтъ; но, по всей вѣроятности, она принадлежитъ перу Иннокентія (Борисова), впоследствии архіепископа херсонскаго и таврическаго, такъ какъ въ ней встрѣчаются собственноручныя поправки архіепископа.

Какъ извѣстно, Иннокентій былъ воспитанникомъ Киевской духовной академіи, потомъ тамъ же профессоромъ, ректоромъ съ 1835 г. по 1841 г. епископомъ чигиринскимъ, викаріемъ Киевской епархіи. Онъ былъ связанъ искренней дружбой съ проф. Киевскаго университета М. А. Максимовичемъ, бывшимъ ректоромъ университета въ началѣ его существованія. — Такимъ образомъ и долгое время пребываніе въ Киевѣ, и официальное положеніе какъ профессора, ректора, наконецъ, епископа, неизбежно вводили Иннокентія въ интересы жизни университета.

Когда была написана „записка“, ясно видно изъ содержанія, именно въ концѣ ея говорится: „Какъ закрыть университетъ св. Владиміра?—закрытъ послѣ четырехъ лѣтъ бытія?“ Киевскій университетъ былъ открытъ 15-го іюля 1834 года; слѣдовательно, „записка“ была написана во второй половинѣ 1838 г. Г. Е.

*

вопросъ. Слѣдующія, взятая изъ опыта, соображенія могутъ служить къ поясненію сего важнаго предмета.

Для чего учрежденъ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ? Университетъ сей, кромѣ цѣли, общей всѣмъ россійскимъ университетамъ, имѣетъ еще частную цѣль—доставить юношеству возвращенныхъ отъ Польши губерній высшее образованіе и вмѣстѣ съ нимъ русское направленіе образа мыслей и чувствъ. Цѣль прекрасная, но достиженіе ея посредствомъ университета въ Кіевѣ—крайне затруднительно. Во-первыхъ, Кіевъ, несмотря на то, что называется и есть дѣйствительно мать городовъ русскихъ, по духу настоящихъ жителей своихъ, едва годится и въ мачихи. Не мѣсто объяснять здѣсь причины сего печальнаго явленія: довольно сказать, что каждый русскій, побывавъ въ Кіевѣ, тотчасъ видитъ это. Населеніе его составляетъ смѣсь Россіи, Польши и Малороссіи: тутъ ли набраться русскаго духа?—Кромѣ сего, предназначеніе особаго университета для польскаго юношества открываетъ ему, посредствомъ студенческихъ собратствъ, всю удобность не только удерживать, но и усиливать, даже прививать другимъ анти-русскій духъ, принесенный съ собою изъ домовъ родительскихъ. Со-всѣмъ другое въ университетахъ внутри Россіи: тамъ, польское юношество, состоя въ меньшемъ числѣ, невольно теряется въ массѣ русскоѣ, и занимаетъ отъ нея русскій духъ. Самая близость къ домамъ родственниковъ, частыя свиданія съ ними, посѣщенія ихъ во время вакацій служатъ поводомъ къ непрестанной электризаціи духа воспитанниковъ Кіевскаго университета въ пользу антирусскаго образа мыслей. Отсюда само собою открывается, что достигнуть цѣли, предположенной университету св. Владиміра, было весьма трудно въ Кіевѣ, по самому характеру и географическому положенію сего города.

Какія мѣры приняты были къ достиженію цѣли университета св. Владиміра? Судя по важности цѣли сего университета и вмѣстѣ по трудности достигнуть ея, надлежало ожидать, что для достиженія ея будутъ приняты особенныя мѣры, приближающія цѣль и отдаляющія препятствія. Но сего, къ сожалѣнію, не было, по крайней мѣрѣ—не было въ достаточномъ видѣ и съ надлежащею силою.

Главныя мѣры могли быть слѣдующія:

1) Врученіе надзора за студентами людямъ съ русскимъ духомъ, которые могли бы, не ограничиваясь одною внѣшнею дисциплиною, вникать въ ихъ духъ и отношенія.

2) Недопущеніе студентовъ изъ поляковъ заводить между собою особаго общества и явно отдаляться отъ студентовъ русскихъ.

3) Наполненіе каедръ профессорскихъ русскими достойными преподавателями.

4) Дружное устремленіе самага образа преподаванія наукъ противъ духа польскаго.

5) Строжайшій разборъ поступавшихъ въ университетъ воспитанниковъ.

6) Обузданіе всѣхъ проявленій духа антирусскаго.

7) Предназначеніе кончившихъ курсъ студентовъ изъ поляковъ на службу въ Россію.

Безъ всякаго предосужденія чьей-либо личности, должно сказать, что ни одна изъ сихъ мѣръ не была употреблена какъ должно.

Кому врученъ былъ надзоръ за студентами? Большею частію нѣмцамъ и даже полякамъ, кои едва умѣютъ сказать хорошо пять словъ по-русски. При томъ эти надзиратели весьма часто были перемѣняемы, такъ что и при всей способности своей не могли пріобрѣсти точныхъ свѣдѣній о студентахъ. Отсюда понятно, какъ студенты могли дѣлать революціонныя совѣщанія въ самомъ домѣ университетскомъ,—можно сказать,—подъ глазами начальниковъ.

Кѣмъ наполнены были катедры профессорскія? Большею частію поляками, кои были наставниками въ покойномъ Кременецкомъ лицѣ, скончавшемся, какъ извѣстно, отъ революціоннаго польскаго тифа. Пустить такихъ людей наставниками въ новый университетъ безъ выдержанія карантина было явнымъ нарушеніемъ карантиннаго устава. Правда, что большая часть ихъ умѣла себя сохранить отъ явнаго личнаго вмѣшательства въ послѣднее несчастное событіе. Но нѣкоторые однако же не боялись по временамъ обнаруживать свои кременецкія правила и въ Кіевѣ, за чтѣ и были переведены въ другія мѣста.

Допущеніемъ профессоровъ поляковъ въ университетъ Кіевскій хотѣли: 1) дать имъ мѣсто и занятіе, 2) привлечь сею мѣрою скорѣе польское юношество въ новый университетъ. Но а) мѣста можно было дать въ университетахъ русскихъ; в) юношество польское и безъ сей мѣры пошло бы учиться въ Кіевскомъ университетѣ, по одной необходимости—учиться гдѣ-либо. А не бѣда была бы, если бы часть его устремилась въ другіе русскіе университеты; ибо накопленіе его въ Кіевѣ было одною изъ причинъ, что между студентами образовался духъ касты польской.

Одна, впрочемъ непредвидѣнная вовсе, польза произошла отъ допущенія профессоровъ польскихъ въ университетъ Кіевскій,—то, что и русскіе и самые поляки увидѣли, что прославленные у поляковъ кременецкіе геліи суть люди самые посредственные, никакъ не могущіе идти въ научное состязаніе съ профессорами русскими.

Было ли преподаванію наукъ въ университетѣ дано направленіе антипольское? Преподаваніе наукъ безъ всякаго ущерба ихъ достоинству могло и должно было принять въ университетѣ

св. Владиміра направленіе особенное, антипольское. Въ этомъ долженствовало быть первое противоядіе недугу, заражающему несчастное польское юношество. Было ли употреблено это противоядіе? Нисколько. Каѳедра исторіи, которая особенно могла бы раскрывать глаза на участь страны и ея значеніе истинно русское, посвящала свои особенные труды македонянамъ и персамъ. Каѳедры наукъ политическихъ, кои также могли бы дѣйствовать на искорененіе революціонныхъ предразсудковъ, оставались или нѣмыми или праздными.

Допущеніе преподаванія закона Божія на польскомъ языкѣ также было слѣдствіемъ не соображенія политическаго. Когда студенты въ состояніи были слушать всѣ прочія лекціи на русскомъ языкѣ, то почему не могли принимать на немъ и законъ Божій? Между тѣмъ употребленіе польскаго языка въ преподаваніи религіи оставляетъ за собою глубокіе слѣды на всю жизнь въ душѣ воспитанника, сливая въ понятіи его сей языкъ со всѣмъ, что есть для человѣка самаго священнаго.

Былъ ли дѣланъ надлежащій политическій разборъ при принятіи воспитанниковъ въ университетъ? Судя по программѣ и правиламъ, опубликованнымъ для свѣдѣнія желающимъ поступить въ университетъ, можно было опасаться, что никто не будетъ принять, или надѣяться, что университетъ св. Владиміра составитъ изъ слушателей, могущихъ быть тотчасъ профессорами, ибо правила сіи такъ строги въ требованіяхъ, что имъ могъ удовлетворить рѣдкій профессоръ университета, и опубликовать ихъ можно было только съ тѣмъ, чтобы никогда не исполнять и дать полякамъ новый случай сказать, что русскій законъ строгъ на одной бумагѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, приложеніе сихъ правилъ къ опыту тотчасъ открыло ихъ совершенную неисполнимость. Въ университетъ напранято много такихъ людей, кои не могли быть хорошими гимназистами. Опасались, что поляки не пойдутъ въ новый университетъ (страхъ совершенно напрасный), всего болѣе имѣя въ виду умноженіе чиселъ. Но въ семъ случаѣ обнаружилось, что числа не всегда, какъ говорится, управляютъ міромъ, а нерѣдко разстроиваютъ міръ. Впускаемая (ради умноженія чиселъ) безъ всякихъ политическихъ соображеній, молодежь польская оказалась дальновиднѣй старости русской, не замедля вступить въ университетъ съ своими политическими соображеніями. Между тѣмъ, когда бы не преобладала въ семъ дѣлѣ ариѳметика, многихъ изъ желающихъ поступить въ университетъ надлежало бы, подѣ предложомъ самыхъ экзаменскихъ правилъ, не впускать въ него, именно всѣхъ тѣхъ, коихъ отцы или ближайшіе родственники были замѣшаны въ прошедшемъ бунтѣ. Пусть бы ѣхали учиться въ университеты внутри Россіи!

Было ли достаточно обуздываемо проявленіе духа,

явно антирусскаго? Въмѣсто обузданія нѣкоторые находили въ семъ случаѣ едва не поощреніе. Такъ, одинъ изъ адъюнктовъ обнаружился съ очевидною ненавистью къ Россіи. Что же? Въмѣсто того, чтобы уничтожить или обезсилить заразу, въ немъ скрывающуюся, его послали директоромъ въ Харьковскую гимназію, то есть возвели на мѣсто высшее и при томъ такое, гдѣ онъ, по должности начальника, можетъ сообщить политическую заразу многимъ.

Кромѣ сего, студенты изъ поляковъ съ самаго начала видимо отдѣлились отъ студентовъ русскихъ и, во все пребываніе свое въ университетѣ, составляли свое особенное общество, которое давало публичные столы въ честь разныхъ лицъ и пр. На этотъ весьма важный признакъ тайной болѣзни не обращено было вниманія. За годъ передъ симъ одинъ студентъ (какъ теперь оказалось, главный коноводъ зла) ушелъ за границу, повидимому безъ особой причины. Эта безпричинность побѣга давала знать о тайныхъ причинахъ зла, но и этотъ симптомъ болѣзни, скрывавшейся въ университетѣ, оставленъ врачами безъ дальнѣйшаго изслѣдованія.

Приняты ли достаточныя мѣры, по окончаніи курса студентовъ, для дальнѣйшаго ослабленія въ нихъ польскаго духа? Нисколько. Въмѣсто того, чтобы послать ихъ на службу въ Россію, имъ дали мѣста въ западныхъ губерніяхъ, а нѣкоторыхъ уволили за границу, снабдивъ на дорогу еще деньгами отъ казны.

Судя по такому образу дѣйствій касательно управленія университетомъ и округомъ Кіевскимъ, нельзя было не опасаться печальныхъ послѣдствій. Къ сожалѣнію, опытъ не успѣшилъ оправдать сіи опасенія въ такой мѣрѣ, что теперь самое дальнѣйшее бытіе университета обращается въ вопросъ.

Откуда возникла фальшивая система дѣйствій? Злонамѣренность въ семъ случаѣ предполагать нельзя. Она возникла:

1) Отъ незнанія польскаго духа, положенія здѣшняго края и природнаго свойства университетовъ.

2) Отъ необдуманнаго желанія казаться великодушными тамъ, гдѣ благородная, справедливо-умѣренная строгость есть истинное великодушіе.

3) Отъ личнаго пристрастія въ доставленіи мѣстъ родственнымъ и знакомымъ, не справляясь хорошо съ степенью ихъ удѣльной способности къ тому.

4) Отъ желанія умножить число школъ и учащихся во что бы то ни стало: ибо это составляло заслугу предъ начальствомъ.

Виновенъ ли самъ университетъ въ злѣ, отъ него, повидимому, происшедшемъ? Университетъ самъ въ этомъ невиновенъ. Русскіе профессора, особенно нѣкоторые, исполняли свое

дѣло не только со всѣмъ добросовѣстіемъ, но и съ отличнымъ успѣхомъ, постоянно имѣя въ виду обезсиліе польскаго духа. Только, къ сожалѣнію, сіи достойные преподаватели не видѣли къ себѣ благосклоннаго вниманія въ той мѣрѣ, въ какой его заслуживали. Увольненіе отъ ректорской должности профессора Максимовича среди курса учебнаго послужило весьма не на пользу для юнаго университета ¹⁾.

Можно ли скоро исправить допущенные недостатки и что для сего нужно? Недостатки въ системѣ дѣйствій исправить довольно легко: слѣдуетъ только принять другія правила дѣйствій.

Но для сего необходимо нужно перемѣнить дѣйствователей, именно, нужно удалить и отъ надзора и отъ преподаванія поляковъ и нѣмцевъ. Какъ можетъ вселить русскій духъ тотъ, кто самъ его не имѣетъ? А послѣ перемѣны людей надобно для исправленія зла обратиться къ прочимъ мѣрамъ, кои указаны выше.

Но всѣмъ этимъ можетъ быть исправлена система дѣйствій, а понятіе объ университетѣ публикѣ нельзя исправить ничѣмъ дотолѣ, пока само время не покажетъ, что опасная болѣзнь, его заражавшая, прошла.

Не должно ли закрыть Кіевскаго университета? Судя по самой трудности достиженія цѣли, предположенной университету Кіевскому, тѣмъ паче по несчастному опыту недостиженія ея въ такомъ огромномъ видѣ, первая, представляющаяся уму, мысль есть та, чтобы вертоградъ, принесшій вмѣсто винограда не только терніе, а растеніе ядовитое, былъ вовсе оставленъ. Къ той же мысли можетъ вести взглядъ на число университетовъ въ Россіи, которыхъ, судя по истиннымъ нуждамъ отечества, а не по рабскому подражанію иностранной системѣ народнаго образованія, и безъ Кіевскаго университета, весьма достаточно, между тѣмъ какъ примѣчается значительный недостатокъ въ высшихъ училищахъ спеціальныхъ, кои, будучи гораздо прямѣе университетовъ направлены къ извѣстнымъ общепользнымъ цѣлямъ, по сему самому всегда были и сами спокойнѣе, и для общества полезнѣе.

Но за университетъ Кіевскій есть одинъ такой ходатай, противъ котораго трудно сказать что-либо русскому. Это—имя св. Владиміра, коего памяти посвященъ сей университетъ. Какъ закрыть университетъ св. Владиміра? — закрыть послѣ четырехъ лѣтъ бытія? — Это было бы не по-русски! Лучше сдѣлать сей университетъ истинно русскимъ, какимъ онъ не былъ доселѣ, и какимъ долженъ быть, даже преимущественно предъ другими университетами. Тогда, и только тогда, можно будетъ судить и осуждать самый университетъ, между тѣмъ какъ теперь онъ самъ, можно сказать, просить суда въ томъ, что ему не дали быть, чѣмъ должно.

Сообщилъ Г. Кунцевичъ.

¹⁾ М. А. Максимовичъ былъ ректоромъ съ іюля 1834 г. по конецъ декабря 1835 г.

Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская.

(По подлиннымъ неизданнымъ письмамъ) ¹⁾.

XII.

Въ духъ о загадочныхъ отношеніяхъ болѣзненнаго, простаго, съ трудомъ окончившаго семинарію, монаха съ богатой аристократкой высшаго круга и о Юрьевомъ монастырѣ, какъ блиставшемъ драгоценностями и великолѣпіемъ, далеко прошелъ по Россіи; монастыремъ интересовались даже за границей. Нѣкоторые иностранные гости, проѣздомъ въ тогдашнія наши военныя поселенія, заглядывали и въ Юрьевъ изъ любопытства, какой такой особенный монастырь, которому настоятель далъ имя «рай земной». «Вчера,—писалъ Фотій 20-го мая,—съ кн. Шаховскимъ былъ французскій посланникъ въ обители и былъ въ соборѣ св. Георгія, въ ризницѣ и главѣ и все осматривалъ и послѣ на пароходѣ сѣдши черезъ озеро въ Старую Руссу въ поселеніе отправился» (21-го мая 1829 г.). Есть также въ письмахъ свѣдѣнія и о посѣщеніяхъ Юрьева австрійскимъ посланникомъ и принцемъ Оскаромъ. «Вчера посланникъ австрійскій почти въ 6 ч. пріѣхалъ въ Ю. М. съ губернаторомъ и генералами и уѣхалъ, когда было темно. Принцъ шведскій Оскаръ былъ 21-го іюля у обѣдни» (12-го сентября 1830 г.). Такія весьма краткія данныя наводятъ на мысль, что Фотій пренебрежительно относился къ иностраннымъ особамъ, принималъ ихъ сухо, официально, лишь бы поскорѣе отдѣлаться. Не любилъ Фотій и своихъ соотечественниковъ изъ высокопоставленныхъ особъ, посѣщавшихъ монастырь. Тѣхъ, кто пріѣзжалъ

¹⁾ См. „Русскую Старину“, май 1902 г.

изъ любопытства посмотрѣть на самого Фотія, послѣдній называлъ «ежами колючими», а иныхъ просто ненавидѣлъ. «Съ 31-го октября по 1-е ноября почевала кн. Вяземская на мызѣ и была у обѣдни и отъ обѣдни ко мнѣ съ нею пришли еще люди» (2-го ноября 1832 г.).

Ранѣе же объ этой княгинѣ Фотій писалъ Орловой: «Не удивляйся мачихѣ князя Вяземскаго, ибо она наказана за поношенія пасынка и за любовь къ своей харѣ. Она завидывала въ сердцѣ, почему не къ ней привязанъ пасынокъ. Это была тайна на душѣ моей, а теперь тебѣ являю» (31-го октября 1829 г.).

О пребываніи въ монастырѣ жены тогдашняго министра финансовъ графини Канкриной Фотій сообщалъ неоднократно. Хотя она нѣсколько и благоговѣла передъ монахомъ, но онъ все-таки остался ею недоволенъ. «Были вчера Канкринна, Сухарева и прочихъ человѣкъ еще 5. Канкринна жаловалась на нездоровье, я ей совѣтовалъ св. посты хранить, она взялась за сіе; велѣлъ елей добрѣйшій Богу возжигать и далъ ей въ благословеніе св. образъ. Всю службу стояли и у меня въ кельяхъ долго были» (29-го октября 1832 г.). «Я забылъ Канкриной сказать, чтобъ табакъ не нюхала, ибо она ходила по собору Георгіевскому и табакерку носила въ рукахъ. О, соблазнъ! Это не богомоленіе въ обитель пріѣзжать, а одинъ соблазнъ» (31-го октября 1832 г.).

Бывали у Фотія и добрыя отношенія къ людямъ, но большею частью внѣшнія, показныя и преимущественно къ тѣмъ, которые могли подставить ему ногу. Напр., къ Жеребцову, занимавшему постъ новгородскаго губернатора, онъ относился хорошо. Но когда Фотій получилъ свѣдѣніе о самоубійствѣ Жеребцова, то далъ о немъ весьма неслестное мнѣніе: «Жеребцовъ, отецъ жены гр. Алексѣя Орлова, былъ злѣйшій франкъ-масонъ, и ложа была у него, называемая Георгія Побѣдоносца, и всѣ масонскіе ордена имѣлъ. Такая ему варвару и смерть. Злый злѣ и умеръ, смерть грѣшниковъ люта» (7-го сентября 1832 г.).

Всякую людскую похвалу Фотій принималъ за чистую монету и не допускалъ въ ней лъстивости. Кто умѣлъ льстить ему, тотъ былъ у него въ фаворѣ и пользовался всѣми благами. Губернаторъ Денферъ превозносилъ Фотія прямо въ глаза ему и за то имѣлъ чрезъ него протекцію по службѣ, хотя впоследствии былъ обруганъ покровителемъ всячески по той причинѣ, что не держалъ сторону Фотія по дѣлу объ удаленіи Юрьевской слободки отъ монастыря ¹⁾. «Да прошу тебя и молю, напомни брату Алексѣю объ награжденіи нашего губернатора; ужели и нынѣ ему не будетъ награжденія, онъ уже болѣе 5 лѣтъ губернаторомъ» (14-го августа 1831 г.). «Въ Новгородѣ болѣе 700, а въ

¹⁾ Объ этомъ будетъ въ послѣдующей главѣ.

Старой Руссѣ болѣе 4.100 забрано поселянъ. Царь самъ навѣсилъ звѣзду Слезкѣ (губернатору Денферу). Вотъ какъ царь милъ и праведенъ. Губернаторъ летаетъ на крыльяхъ радости, какъ птица» (19-го октября 1831 г.).

«Вчера прилетѣлъ и нашъ губернаторъ, я его со всею братію поздравилъ въ залѣ» (20-го октября 1831 г.).

Особенно Фотій былъ расположенъ къ вице-губернатору Смирнову; онъ усиленно старался выхлопотать ему движеніе по олулжбѣ. «Ты знаешь вице-губернатора нашего, онъ твой знакомый и мой и Алексѣю. Я тебѣ скажу вотъ что; не можно бѣ лучше обрѣсти челоуѣка въ товарищи министру (Канкрину). Большая бѣ польза была какъ-нибудь ему помѣститься по сей части въ Спб. Но сохрани Боже отъ такихъ людей, каковы Дубенскій и другіе. Сдѣлай милость прими вице-губернатора Смирнова и вели Алексѣю непремѣнно его принять, надобно сего челоуѣка наитить, мало такихъ въ нынѣшнемъ свѣтѣ, безъ примѣси и церкви и царю преданныхъ и проворныхъ; я тебѣ его вручаю и Богу» (3-го февраля 1836 г.).

Очевидно, ходатайство за Смирнова на этотъ разъ не удалось, и Фотій вскорѣ прочитъ его уже на другое мѣсто. «Вотъ случай моего писанія самый нужный. Владимірскій губернаторъ въ отставку выходитъ, а желаетъ поступить туда нашъ духовный родственникъ Смирновъ. Буде не поздно, приложи все стараніе» (17-го апрѣля 1836 г.). Придавая важность своимъ хлопотамъ, Фотій пишетъ графинѣ въ этотъ же день другое письмо, помѣчая его «12-й часъ по полунощи». «Прими его жену по нашей крестницѣ и, буде можно, накорми обѣдомъ, Бога ради не опоздай, а позови къ себѣ брата и поручи ему все».

XIII.

Среди іерарховъ православной церкви Фотій сходилса съ тѣми, которые обращались къ нему за совѣтомъ, помощью, протекціей, которые принижались, считали себя ниже, хотя были поставлены по олулжбѣ выше. Приведемъ въ примѣръ Филарета казанскаго, у котораго случилась какая-то исторія, дошедшая до Синода и грозившая ему большою неприятноостью. Филаретъ послалъ графинѣ Орловой письмо, молилъ о защитѣ и просилъ посовѣтоваться съ Фотіемъ. Гордась авторитетностью, Фотій принялъ въ Филаретѣ горячее участіе. «Письмо Филарета казан. преосвящ. я получилъ и читалъ и прошу у тебя сей милости: 1) постарайся подлинное письмо его императору показать, дабы онъ прочелъ и

знать, а я копію списалъ съ онаго, 2) что вибудь подарить ему послѣ подачи и прочтенія письма А. П. ¹⁾. Сіе письмо Филарета при семъ обратно тебѣ посылаю для врученія А. П., ежели случай будетъ. Похвалить нужно и людямъ таковое дѣло Филарета поставить на видъ. Сего Григорію не сдѣлать и В. ²⁾ скажи обо всемъ подробно и, на случай копій списавъ, держи для показанія кому-либо прочесть» (27-го сентября 1829 г.). Прошу тебя, хвали ты каз. Филарета А. П. и А. К. Не онъ виноватъ, а П. Потщися о немъ, онъ тебя любитъ. Помни слово мое, о, святая душа, Анна, чадо мое милое. Буди ангелъ ты Б. во плоти» (изъ письма 28-го сентября 1829 г.). Исторію съ Филаретомъ приписываетъ Фотій проискавъ П. на томъ основаніи, что этотъ П. дѣлалъ непріятности и самому Фотію.

Фотій даже ожидалъ къ себѣ на поклонъ извѣстнаго митрополита московскаго Филарета (Дроздова), когда послѣдній бывалъ въ Новгородѣ. «Завтра ожидаемъ Филарета въ Новгородъ, и я думаю, что авось либо заѣдетъ въ Юрьевъ монастырь. Онъ наказывалъ чрезъ Агриппу, что желаетъ со мной видѣться» (15-го мая 1829 г.). «Сегодня 16-го мая, ожидаемъ М. М. (митрополита московскаго) Филарета въ Новгородъ» (16-го мая 1829 г.). «Вчера ѣздили для встрѣчи В* ³⁾, но получилъ письмо отъ Суслова, что 17-го будетъ въ Новгородѣ, то и готовлюсь видѣть его. В** ⁴⁾ велѣлъ представляться ему всѣмъ настоятелямъ и настоятельницамъ» (17-го мая 1829 г.). Филаретъ былъ въ Новгородѣ, но въ Юрьевъ не заѣхалъ и тѣмъ, конечно, раздражилъ Фотія. «17-го мая былъ въ Новгородѣ В., и пріемъ ему былъ прекрасный, ко мнѣ весьма былъ ласковъ, но не былъ въ Юрьевѣ». (18-го мая 1829 г.).

Къ слѣдующему пріѣзду Филарета юрьевскій архимандритъ относится уже холодно, даже не ѣдетъ для встрѣчи, маскируя это обстоятельство причинами, будто бы отъ него не зависящими. «У насъ преосв. Филарета ждутъ, ибо онъ, какъ пишетъ Стариковъ, выѣхалъ 27-го сентября, а нѣкто сказалъ, будто бы 26-го въ 4 часа, около вечерни. Итакъ твое письмо не застанетъ его уже въ Москвѣ» (1-го октября 1829 г.). «Сейчасъ, 2-го октября, по утру, въ 5 часовъ, получилъ извѣстіе, что московскій Филаретъ 1-го октября, по вечеру, въ 7 час. пріѣхалъ и 2-го въ 6 час. уѣзжаетъ. Вѣтеръ пресильный, водой ѣхать невозможно, да и не успѣтъ уже застать его. Дороги ни прямо, ни кругомъ вовсе нѣтъ почти. Итакъ, уповая на Вышняго, я остался дома, храня здравіе, ко-

¹⁾ Императору.

²⁾ Митрополитъ Серафимъ.

³⁾ В*—митрополитъ московскій Филаретъ.

⁴⁾ В**—митрополитъ Серафимъ.

торое я непременно долженъ повредить, ежели выѣхать сегодня въ городъ и кое-какъ пѣша и водою тащиться. А при томъ же викарій по ненависти своей ко мнѣ не далъ знать» (изъ письма 2-го октября 1829 г.).

Такъ какъ Филаретъ ѣздитъ въ Петербургъ, то Фотій писалъ графинѣ въ оправданіе. «Сдѣлай милость, объясни В., что я уже 2 недѣли караулилъ его пріѣздъ и не удостоился его видѣть при всемъ желаніи моемъ и чтобъ онъ меня извинилъ» (3-го октября 1829 г.).

Пославъ такого содержанія письмо, Фотій обдумалъ свою нетактичность къ видному ученому іерарху и вслѣдъ за симъ послалъ другое, въ одну строчку. «Я ѣздитъ въ городъ и В. уже не засталъ» (3-го октября 1829 г., 3-й часъ по полудни).

Въ слѣдующемъ году Филаретъ опять былъ въ Новгородѣ. Въ этотъ разъ Фотій видѣлся съ нимъ, работѣствовалъ, ухаживалъ за нимъ, но напрасно—Филаретъ не заѣхалъ въ Юрьевъ. «Я служилъ литургію и во время оной мнѣ речено въ ухо, что М. М. Филаретъ въ Новгородѣ пріѣхалъ и такъ я сряду послѣ службы полетѣлъ къ нему на благословеніе,—былъ весьма ласковъ. Архіерея не было въ городѣ и кушавъ съ нимъ я простився, проводилъ до кареты въ путь, и онъ въ 2 ч. уѣхалъ» (16-го мая 1830 г.).

Но когда Филаретъ снова посѣтилъ Новгородъ въ 1832 г. и не заѣхалъ въ Юрьевъ, Фотій заключилъ, что владыка пренебрегаетъ имъ. «Вчера въ Новгородъ пріѣхалъ М. Филаретъ, около 8-го часа и пробылъ до 3 часовъ, но не былъ у смиреннаго Фотія. Видно, онъ такъ высокъ, что не могъ, подражая Богу, преклониться съ небесъ на землю къ человѣкамъ, преклониться съ высоты къ низкости Фотіевой. Азъ же ему ни кареты не послалъ и ничто же не дѣлалъ. Можетъ быть, онъ и ждалъ экипажа или меня. Вотъ проба, есть ли въ В. любовь или нѣтъ. Нѣсть въ нихъ любви истинны» (23-го мая 1832 г.).

Сочувствуя огорченію Фотія относительно непосѣщенія Филаретомъ Юрьева, графиня постаралась увидать послѣдняго въ Петербургѣ и просила обласкавъ заѣздомъ архимандрита. Онъ далъ ей слово. На этотъ разъ Фотій болѣе чѣмъ когда-либо приготовился къ встрѣчѣ Филарета. Однако, митрополитъ, бывъ въ Новгородѣ, все-таки не заѣхалъ въ Юрьевъ.

Тогда огорченный Фотій писалъ графинѣ: «Въ субботу, 26-го мая, весь день намѣстникъ ждалъ съ каретою В. въ городѣ до 8 ч. ночи. А я сдѣлался нездоровъ отъ хлопотъ, такъ что 27-го, въ воскресенье, не могъ служить. В. пріѣхалъ поутру 27-го въ 7 ч. и былъ до 3 ч. по-полудни, но не пріѣхалъ, обманулъ тебя». (22-го мая 1834 г.).

Весьма естественно, что Фотій долженъ бы быть со своимъ начальствомъ болѣе чѣмъ съ кѣмъ-либо мягокъ, не не тутъ-то было. Въ на-

чальствѣ онъ видѣлъ своихъ клеветниковъ, помогавшихся его униженію, огорченію, высылки изъ «земнаго рая» и даже уничтоженію. Такъ онъ велъ вражду съ мѣстнымъ викаріемъ Тимоѳеемъ, въ которой заключалось не мало рѣзкихъ и грубыхъ эпитетовъ. «Викарій весьма ко мнѣ плохъ. 27-го сентября я пришелъ къ нему для благословенія, онъ принялъ съ сердцемъ великимъ: лицо было красное, пьяное и глаза красные, какъ будто съ большого запоя. Словомъ сказать, въ не порядкѣ бывъ; принялъ меня и отпустилъ худо—хуже прежняго. Да, скажи Алексѣю Ѳеодоровичу (Орлову), чтобы онъ въ случаѣ предъ А. П. ¹⁾ замолвилъ слово, что съ похмѣлья или отъ чего другаго пакости дѣлаетъ Тимоѳей. Когда Богъ избавитъ отъ него Новгородъ» (28-го сентября 1829 г.). «Я слышалъ, что викарію очень противно, что я засѣдаю въ консисторіи и благочиннымъ. Мнѣ кажется, что на свѣтѣ для меня хуже не будетъ челоуѣка. Сіе меня веселитъ, онъ мнѣ сказалъ самъ въ глаза, что будто бѣ В. такъ о мнѣ худо внушилъ, что нужно меня преслѣдовать. Самъ мнѣ сіе говорилъ. Еслибъ я увидѣлъ теперь В., то бы ему сіе сказалъ» (2-го октября 1829 г.).

Дѣйствительно, митрополиту Серафиму. были уже даны нехорошія вѣсти о Фотіи. Послѣдній, конечно, чрезъ графиню, прикидывался предъ владыкой невиннымъ страдальцемъ. «Ахъ, какъ мнѣ жаль, что А. К. ²⁾ доселѣ немощствуетъ; увѣдомляй ты меня о ея здравіи подробно. Спаси ее Господи и помилуй. Я тебѣ скажу, что викарій не съ однимъ со мною худо поступаетъ, а почти со всѣми. Богъ съ нимъ. Я всегда его удаляюсь, ибо злобенъ. Но при случаѣ ты В. скажи, что я привыкъ всѣ горести давно терпѣть и для меня есть паче удовольствіе, нежели скорбь отъ обиды, лишь бы словомъ и дѣломъ было то, а не бумагами незаконными и глупыми. Монахъ для того и монахъ, что скорби всегда всѣ долженъ терпѣть Бога ради» (5-го октября 1829 г.).

Три дня спустя, Фотій, въ доказательство того, что викарій обращается дурно и съ другими чинами духовнаго вѣдомства, описываетъ графинѣ такой случай: «Вчера, 7-го числа, сижу въ консисторіи, и вдругъ ректоръ входитъ въ оную съ лицомъ очень краснымъ. Я ему сказалъ, — вѣрно ты былъ у Тимоѳея? И онъ мнѣ сказалъ: «грызъ, какъ собака меня». За что же? Барка хлѣба стоитъ подъ монастыремъ, хозяинъ принуждаетъ купить, а Т. говоритъ, что изъ каждаго куля надобно взять муки и опробовать, хороша ли, испекши. Скажи, чадо, кто дастъ изъ каждаго куля на пробу взять для печенія, а ему ректору для семинаріи нужно купить кулей, можетъ быть, и до 500. Каковъ же разсудокъ» (8-го октября 1829 г.).

¹⁾ Императоромъ.

²⁾ Императрица.

Викарій Тимоеей собиравъ противъ Фотія документы и увѣдомилъ объ этомъ митрополита. Графиня предупредила Фотія, но онъ ничуть не смутился. «Молю тебя и умоляю, чадо мое, не огорчайся ни на кого, что есть какія-то бумаги у Т. Это все къ лучшему. Виждь, какъ Богъ меня исхищаетъ изъ рукъ Т.» (12-го октября 1829 г.).

Полагая, что заступничество графини уже воздѣйствовало на митрополита, Фотій писалъ съ какимъ-то злорадствомъ. «Слышу и замѣчаю, что Т. голову повѣсилъ, сказать не можно, какъ зла много дѣлалъ и грозился сдѣлать, а теперь видно ему наставленіе прислано. Пусть самъ проглотить!» (16-го октября 1829 г.).

Можетъ быть, викарій и повѣсилъ голову отъ какого-нибудь замѣчанія свыше, но это болѣе его озлобило; онъ дѣлалъ свое дѣло—пустилъ въ ходъ документы. Серафимъ обратился къ графинѣ съ вопросомъ, чѣмъ такое дѣлаетъ вашъ духовный отецъ. Конечно, все это было тотчасъ же передано Фотію. «Теперь я тебѣ опишу принести благодарность за сообщеніе о мнѣ нужнаго. Господи Боже нашъ! Какъ можно архіерею такъ клеветать на меня, отъ котораго онъ никогда такихъ глупостей не услышитъ. Господи Боже нашъ! Нечего было выдумать, то нужно было безстыдно писать, дабы яти меня местию и клеветою и мучити. Потому не удивляюсь клеветѣ, что свойственно есть человѣческому роду лгать, но удивляюсь сану великому отъ лжи побѣждаему. Нѣтъ, нѣтъ я лгать не хочу ни въ какомъ случаѣ такъ безстыдно, и избави и изми мя, Господи, отъ такого зла» (24-го октября 1829 г.).

Какъ ни разыгрывалъ Фотій страдальца подъ гнетомъ клеветы, какъ ни оказывалъ свою смиренность, но злоба пробивала брешь въ смиреніи и въ Тимоеея также летѣли стрѣлы, хотя косвенно, чрезъ графиню и Серафима. «Проезжая ректоръ изъ Спб. заѣхалъ къ викарію Т. и сказалъ, что ему митрополитъ посылаетъ благословеніе, и той сказалъ ректору: «не вѣрю, митрополитъ на меня сердитъ, да я и писать къ нему не хочу». Ректоръ сказалъ: «а вамъ писать должно, хотя бъ онъ и не отвѣчалъ». Сказалъ ему викарій: «Я на одного Бога надѣюсь и не хочу отъ него ничего». Вотъ и не оказавши услугъ и дѣлъ благихъ, какъ В. трактуетъ; а посему что же можно намъ съ нимъ дѣлать. Всѣ его бѣгаютъ, и я уже по примѣру всѣхъ бѣгаю» (8-го ноября 1829 г.). Продолжая доносить на викарія, Фотій не упускалъ изъ виду даже мелочь, которая бы могла дурно вліять на пастырское положеніе Тимоеея. «Сдѣлай милость, скажи В., что викарій меня насильно принуждаетъ жертвовать на тюремное общество и быть членомъ. На бумагу г. губернатора я отказался вовсе, а онъ меня бранитъ, что я примѣра не подаю къ толь великому и св. дѣлу. И дажь резолюцію всѣхъ вообще пригласить и всѣмъ указы послать, но въ этомъ есть добрая воля каждого. Право, горе служить съ такимъ человѣкомъ» (14-го мая 1831 г.). «Во-

образы, какъ викарій меня ненавидитъ, что при всякомъ случаѣ испытаніе мнѣ дѣлается, и я за книгами вчера посылалъ о. игумена Никона, и онъ болѣе 3 часовъ держалъ, всячески терзалъ по мнѣ, дабы что свидѣтельствовалъ на меня, но не успѣлъ, ибо Никонъ старецъ преданъ мнѣ о Христѣ.» (21-го мая 1831 г.).

Доносы Тимоеева поднимали у Фотія бурю негодованія. Однажды онъ писалъ графинѣ: «Единожды навсегда знай, что онъ, викарій, мнѣ не отецъ, а я ему не сынъ, за лукавое секретное писаніе къ моему стыду, которое онъ писалъ къ Парфенію. Ежели бъ не боялся Бога, то бъ я ихъ назвалъ въ горести души Каиафа и Анна, два тѣ архіерея, которые Христа отдали на смерть» (19-го апрѣля 1833 г.).

Всѣ козни, какъ съ той, такъ и съ другой стороны были подпольныя. Лично монахи уступали другъ другу, и казалось, что между ними какъ будто нѣтъ ни сучка, ни задоринки. «Викарій присылалъ звать меня въ Хутынъ на праздникъ къ Варлааму Хутынскому» (5-го іюня 1830 г.). Фотій охотно принялъ приглашеніе и былъ на праздникѣ, любезно и даже подчиненно относился къ викарію Тимоееву.

Отношенія Фотія съ митрополитомъ Серафимомъ были довольно курьезныя. Архимандритъ то хвалитъ графинѣ Серафима, выражаетъ ему «истинную» любовь, то сейчасъ же бранитъ, поноситъ его, обличаетъ въ лицемѣріи, пристрастіи. Потомъ приглашаетъ владыку къ себѣ, ухаживаетъ за нимъ, какъ за малымъ ребенкомъ, и снова бранитъ, обзывая его и глупцомъ и старцемъ, выжившимъ изъ ума. Конечно, Серафимъ, какъ главный начальникъ Фотія, немного сталъ бы разговаривать касательно отсылки его куда-нибудь подальше, но мѣшала графиня Орлова, пользовавшаяся расположеніемъ государя, государыни и двора. Графиня не мало получала упрековъ и замѣчаній со стороны свѣтскихъ и духовныхъ властей, благодаря заносчивости и разнымъ беззаконіямъ Фотія, но все-таки защищала, не давала въ обиду его, такъ какъ была всецѣло предана ему. Приведу отношенія между Фотіемъ и Серафимомъ также общія. По письмамъ они начинаются сномъ архимандрита. «Нынѣ видѣлъ сонъ я и видѣлъ тебя и В. и какъ бы мы съ тобою угощали его и ты не дождалась его угощать и надѣлась во все придворноа платье и спѣшила ѣхать къ царицѣ А. К. Платье же на тебѣ верхнее съ хвостомъ розовое свѣтлое и прочее, что при свиданіи лучше перескажу и кажется въ таковомъ видѣ я случился быть и видѣлъ на праздникѣ у царицы и слышалъ пѣніе и музыку» (1-го іюня 1829 г.).

Фотій посылаетъ Серафиму въ подарокъ яблоки изъ своего сада, но цѣль имѣетъ не простодушную, а чтобы показать, какихъ результатовъ достигъ садъ, его заботами и трудами разсаженный. «Нынѣ я отправляю два ящика, 1-й съ уставомъ, а 2-й съ яблоками юрьевского сада, разныхъ сортовъ, а посему я посылаю, дабы ты или са-

мыхъ большихъ яблоковъ, сверху лежащія десятка два или болѣе, отослала къ митрополиту отъ имени моего, что я для благословенія ему представляю, дабы увидѣлъ, какія яблоки растутъ отъ саду, мною насажденнаго, онныя еще не доспѣли; можно же Алексію Ивановичу вручить, а онъ владыкъ. Да при свиданіи В. перескажи о всѣхъ плодахъ и яблокахъ, какіе растутъ въ Юрьевѣ. Только что въ моемъ саду осталось нѣсколько яблокъ, а вездѣ по саду братія подобрала. Такіе охотники до моихъ яблокъ» (30-го августа 1829 г.).

Пришелъ на Фотія какой-то доносъ къ Серафиму, послѣдній повѣрилъ и далъ ходъ ему. Объ этомъ графиня сообщила своему духовному отцу. «Тебѣ сказали нѣкто архіерей, что виною всему викарій. Нѣтъ викарія, какъ звѣря, токмо напустили на меня, а иначе ежели бъ Серафимъ не восхотѣлъ меня травить и язвить чрезъ него, то бы онъ и не могъ. В., живя ложью всегда, насчетъ мой обрѣлъ клеветника въ Киѣ¹⁾, общавъ ему милости свои и мое достоиніе, и успѣлъ меня

¹⁾ Это былъ намѣстникъ Юрьева монастыря, монахъ бойкій, ловкій, отличавшійся свѣтской жизнью. Его любилъ Фотій и по заслугамъ награждалъ. „Вчера я получилъ изъ Спб. письмо, что В. набедренникъ моему намѣстнику уже на моей бумагѣ положилъ дать. И я сему весьма радъ“. (20-го мая 1829 г.). Затѣмъ Киѣа сдѣлался клеветникомъ и злѣйшимъ врагомъ Фотія. Дѣло въ томъ, что онъ сошелся съ викаріемъ Тимофеемъ и передавалъ ему всѣ подробности своевольныхъ дѣйствій Фотія. Послѣдній зналъ это хорошо чрезъ своихъ шпионовъ-монаховъ, но нанести какой-либо ударъ Киѣѣ не могъ, изъ боязни еще больше подлить масла въ сплетни. Архимандритъ отводилъ душу только тѣмъ, что писалъ графинѣ: „Киѣа у викарія живетъ и пьетъ, и ѣстъ, и спитъ трое сутки и, бывъ въ соборѣ 21-го апрѣля, сказалъ, хвастая, что онъ дѣла мои обдѣлываетъ съ викаріемъ, а индѣ хвалится, что доказалъ все на меня“ (22-го апрѣля 1832 г.). Подобныя вѣсти не такъ еще волновали Фотія, но надо было видѣть его тогда, когда графиня достала ему письма, писанныя на него Киѣой. „Читалъ письма клеветника сына моего, игумена Киѣы, одно на меня къ секретарю В., а другое къ самому В.; читая, я одно видѣлъ то, въ чемъ и не ошибался я прежде; онъ, будучи въ обители моей, былъ Иуда предатель и другъ, и ученикъ мой, и врагъ, и ненавистникъ. Зри, мое чадо, чѣмъ онъ соблазняется: въ соблазвѣ и заблужденіи, и сумасшествіи поставляетъ мнѣ, что я полунощницу, часы въ свое время правлю, хитонъ ношу, Б. М. Акафистъ служу въ свѣтлыхъ ризахъ, крестъ ношу въ рукахъ и все называю въ насмѣшку чудесами, давая знать, что сіе выдумка есть такая же глупая, какъ чудеса, въ писаніяхъ упоминаемыя. Да что же еще старался и тебя тутъ же участницей быть моихъ заблужденій и страданій. Также и въ Москвѣ онъ насѣялъ ложь, когда Ив. Широкой сталъ удерживать мать его, то она говорила, что кому лучше звать, какъ не мнѣ, что А. Фотій сошелъ съ ума, ибо сынъ мой уже правитъ Ю. монастыремъ и вскорѣ будетъ онаго настоятелемъ. Онъ явно указывалъ въ письмахъ, что я не въ здоровомъ смыслѣ, помѣшался и въ ереси и въ любодѣніяхъ и что у меня секта и Фотинія есть моя начальница. Мнѣ пріятно было читать въ письмахъ клеветника моего и предателя, что онъ, не воз-

Ки́фа В. предать и утѣшался, видя меня отца презрѣннаго и убиваемаго нравственно, а посему Серафимъ буди яко В. всему виною и Ки́фа яко сынъ, а викарій есть нѣчто слѣпое постороннее. Аще бѣ теперь В. и горы съ мѣста переставлялъ, дѣлая чудеса, и тогда я не повѣрю, что въ немъ осталась искра любви ко мнѣ» (20-го апрѣля 1832 г.).

Написавъ обвиненіе митрополита, Фотій одумывается, какъ бы графиня не передала ему объ этомъ, не произошло бы тутъ чего дурнаго. Поэтому для Фотія было очень пріятно, когда графиня сообщила ему, что въ Юрьевѣ собирается митрополитъ Серафимъ. Такой чести онъ не ожидалъ и даже относился къ этому событію какъ-то недоувѣрчиво. Это видно изъ слѣдующихъ писемъ Фотія. «Митрополитъ Серафимъ мнѣ 17-го дня прислалъ письмо, въ коемъ пишетъ, что онъ въ іюлѣ будетъ непременно въ Новгородѣ; теперь дѣйствительно надо готовиться къ пріѣзду В.» (18-го іюня 1834 г.). «Такъ какъ ожидаю по твоему слову и письму В. пріѣзда его вскорѣ, то по всему монастырю чистка и уборка идетъ, бѣленіе, крашеніе и прочее все нужное. Желаемъ, дабы все поправилось митрополиту въ обители. Вѣрно онъ вездѣ осмотритъ. Съ великимъ желаніемъ ожидать буду твоего прибытія тѣмъ паче, что митрополитъ говорилъ тебѣ, что будто онъ безъ тебя не поѣдетъ. Пошли узнать отъ него, какъ онъ намѣревается ѣхать, и увѣдомъ меня завѣрное» (28-го іюня 1834). «Нужно бѣ прежняго обойщика прислать и какихъ-нибудь креселъ 12 въ митрополичьи комнаты, не краснаго дерева, а какихъ-нибудь. Нужно исправить кое-что испорченное, а потому и обойщика, ежели можно, прежняго пришли поскорѣ въ монастырь ненадолго». (29-го іюня 1834 г.). Совмѣстный пріѣздъ Серафима съ графиней былъ на руку Фотію, потому что какая-либо погрѣшность

могли служить тебѣ, говорить, что ты слишкомъ мнѣ предана» (20-го мая 1832 г.).

Къ числу своихъ клеветниковъ Фотій причислялъ и нѣкоего арх. Андрея, но онъ считалъ его настолько малосильнымъ, что безропотно принималъ у себя и не выражалъ ему никакой мести. „Ты помнишь, что ар. Андрей двѣ бумаги на меня подалъ, а 29-го апрѣля третью подалъ, дабы меня судить, и захворалъ. Что же? Пришелъ въ монастырь и просился ночевать, а же ему дозволилъ ночлежъ, на утро онъ такъ заболѣлъ, что въ келью, ему отведенную, снесли на рукахъ, а послѣ такъ прихудалъ, что исповѣданъ и приобщенъ, и теперь онъ очень труденъ. А можетъ быть дастъ Богъ, что онъ будетъ и живъ. Я къ тому пишу, что какъ Богъ его наказуетъ и что онъ счелъ меня за врага, а я его теперь легѣю и около его приставилъ услугу и все ему въ угодность даю“ (6-го мая 1829 г.).

Однако отъ этого клеветника Фотій скоро избавился. Неизвѣстно, по милости ли Фотія или по инымъ какимъ-либо обстоятельствамъ, но только Андрей былъ высланъ. „Объ арх. Андреѣ скажу, что его со стражею, по выздоровленіи, отправили по указу Свят. Синода въ Тверь“ (1-го іюня 1829 г.).

не такъ сурово будетъ принята митрополитомъ въ присутствіи графини. Поэтому архимандритъ всячески домогался совмѣстнаго пріѣзда. «Ужели ты не думаешь, не чаешь насъ видѣть 25-го іюля. Конечно, можно о семъ позаботиться тебѣ. Ежели В. не будетъ согласенъ ѣхать безъ тебя, ты ему напиши Бога ради письмо, дабы онъ не ѣздилъ безъ тебя въ Новгородъ, а подождалъ, пока уѣдетъ гость, и чтобы ты была свободна также пріѣхать, а онъ тебя послушаетъ. Устрой такъ, дабы онъ В. безъ тебя не ѣхалъ. Иначе будетъ ему скучно, и мы не будемъ знать, угостить какъ его и чѣмъ порадовать. Обнадежь меня симъ, что онъ безъ тебя не поѣдетъ въ Новгородъ и увѣдомь; сіе мнѣ нужно и напиши, что тебѣ никакъ нельзя ѣхать до отъѣзда наслѣдника». (6-го іюля 1834 г.). «Ежели В. согласится не ѣхать безъ тебя, то ты къ 25-му іюля уже на нѣсколько дней и не спѣши пріѣхать въ рай, а уже съ терпѣніемъ ожидай, когда уѣдутъ гости и тебѣ можно совсѣмъ пріѣхать и въ то время, когда пріѣдетъ В. въ Новгородъ, то все время онъ будетъ при твоей бытности и для меня все будетъ лучше гораздо. Я говорю къ тому, дабы пріѣздъ В. былъ при тебѣ къ намъ и когда уже гости чужестранные совсѣмъ отправятся» (7-го іюля 1834 г.).

Фотій окончательно готовится къ встрѣчѣ Серафима и со спокойной душой пишетъ графинѣ. «Обитель вся очищена, новое зданіе противу глазъ моихъ все выштукатурено и все выбѣлено, весь монастырь бѣлъ какъ снѣгъ и чистъ, и мы теперь готовы принять не токмо митрополита, но хотя самого царя. Начнемъ уже ждать пріѣзда В. и рады будемъ принять, ибо кажется готовы». (17-го іюня 1834 г.). Дѣйствительно Серафимъ пріѣзжалъ въ Юрьевъ и пробылъ нѣсколько дней. Митрополитъ остался всѣмъ доволенъ и, кажется, надо было жить Фотію съ нимъ въ любви и согласіи, но не тутъ-то было. Вскорѣ на Фотія снова стали поступать доносы о незаконныхъ дѣйствіяхъ по отправленіи церковныхъ службъ. Пріятное впечатлѣніе о Фотіи изгладилось у Серафима, старецъ митрополитъ сердился, упрекалъ графиню и даже грозился сдѣлать архимандриту служебную непріятность. Фотій ни въ чемъ не признавалъ за собой вины и приписывалъ все личному негодованію на него митрополита. Помимо разныхъ поношеній онъ даже пророчить митрополиту скорую смерть, открытую ему будто бы во снѣ. «Снамъ вѣрить будто бы не должно, говорятъ ученые отцы, но бываютъ сны и отъ Бога, какъ во св. писаніи пишется. На сихъ дняхъ мнѣ явился нѣкто во снѣ и гласъ былъ отъ него глаголя: не опасайся, будь спокоенъ. Еще три года будетъ жить. Я тотчасъ помыслилъ, что В. можетъ быть ранѣе не умереть. Я пишу сонъ сей, а не увѣряю; мы можемъ жизнь нашу продолжить и сократить» (23-го іюня 1837 г.).

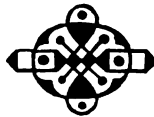
Вслѣдъ затѣмъ Серафимъ предложилъ Фотію прекратить всѣ тѣ пріавленія къ церковной службѣ, которыя ему вовсе не разрѣшены. По

*

поводу этого Фотій пишетъ графинѣ, что такъ онъ дѣлаетъ уже нѣсколько лѣтъ и бросить неразрѣшенное не собирается. «В. требуетъ, дабы я—все какъ нововведеніе оставилъ: неуспѣшное моленіе, похвалу Богородицы, исправлять полунощницу, часъ первый, третій, шестой, девятый не дѣлалъ, какъ нововведенное, а уже издавна всѣми принятое празднoсловіе и жителство болѣе мірское, нежели ангельское святое. Престалъ Богу по вся дни служить, приобщаться, безмолвствовать, говѣть, молиться и послѣдовать святымъ въ чемъ послѣдую уже нѣсколько лѣтъ». (3-го декабря 1837 г.).

Однако все кончилось ничѣмъ, все осталось по-старому. Фотій торжествовалъ. «Побѣда на нашей сторонѣ, хотя и критиковалъ В. посланіе и не сознается предъ тобою, что виновать и не смиряется, но видно, что совѣсть его угрызаетъ и въ душѣ сознаетъ себя виновнымъ. Первое, что онъ самъ тебя пригласилъ къ себѣ и на волю тебѣ далъ пріѣхать. Второе, какъ въ моемъ посланіи написано, что я вовсе подѣ общія предписанія тебя не подводилъ и не подвожу, то самъ онъ какъ бы себя оправдать хотѣя предъ тобою читалъ. Третіе сказывалъ, что напрасно по пустякамъ я огорчаюсь, что будто подѣ наблюденіе викарію отдавъ. Видно ему уже и самому стало меня жаль» (4-го декабря 1837 г.).

А. Слезоскинскій.

1838 годъ въ Петербургѣ.

(По дневнику П. Г. Дивова)

росимъ бѣглый взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ и начнемъ нашъ обзоръ съ юга:

Португалія раздираема внутренними междоусобіями и борьбою, происходящею между хартистами (или защитниками хартии, данной Донъ-Педро, который былъ впоследствии императоромъ Бразильскимъ) и анархистами или республиканскими демагогами; нѣтъ никакой надежды, чтобы эта страна могла успокоиться своими собственными средствами.

Во главѣ хартистовъ стоялъ Салданго, а во главѣ демократовъ Антось. Послѣдній одержалъ надъ своими противниками побѣду въ сраженіи, и его партія нападаетъ на монархическую власть безъ того уже весьма ограниченную. Число гверилласовъ, дѣйствовавшихъ въ пользу Донъ-Мигуеля, увеличилось; это подало ему надежду стать, по примѣру Донъ-Карлоса испанскаго, во главѣ матежнаго движенія. Англія поддерживала въ тайнѣ королевскую власть, но дѣйствовала очень осторожно. Англійскіе происки вызвали страшную вражду между обѣими партіями и страшную ненависть къ англичанамъ.

Въ Испаніи, переживающей всѣ ужасы междоусобной войны, правительство не могло упрочиться. Королева Изабелла и ея мать Христина не могутъ, не смотря на всѣ усилія, уничтожить партію Донъ-Карлоса, которая, подобно фениксу, возрождается изъ пепла. Ясное доказательство, что она имѣетъ многочисленныхъ приверженцевъ въ сѣверныхъ провинціяхъ. Англія и Франція поддерживаютъ монархическую партію, но полумѣры не могутъ упрочить власть юной королевы и ея матери. Донъ-Карлосъ, имѣя вдоволь денегъ, сѣстныхъ припасовъ и боевые снаряды, успѣшно отражалъ всѣ дѣйствія противниковъ. Въ те-

ченіе истекшаго 1837 г. испанской столицѣ нерѣдко угрожали вооруженныя банды и если бы Гильбао и Синандеръ очутились во власти карлистовъ, то престолъ Изабеллы рушился бы. Такимъ образомъ положеніе дѣлъ весьма печально, и нѣтъ надежды, чтобы дѣла въ будущемъ году улучшились.

Въ Италіи были безпорядки, вызванные волненіемъ демократовъ, но бдительность сардинскаго, неаполитанскаго и римскаго правительства съумѣла подавить ихъ.

Франціи удалось упрочить свои завоеванія въ Африкѣ взятіемъ Константина, что породить со временемъ несогласія между ею и Англіей. Король Людовикъ-Филиппъ успѣлъ утвердить свою власть и устроить свой дворъ на образецъ стариннаго королевскаго двора. Его сыновья приобрѣли уваженіе и довѣріе войска и населенія. Все приняло видъ царскаго представительства; демократы вичего не могутъ сдѣлать и только наполняютъ періодическіе журналы безплодными выходками противъ возрастающей власти монарха. Положеніе Франціи по отношенію къ Англіи осложняется съ каждымъ днемъ.

Англія не можетъ видѣть равнодушно упроченіе французскихъ владѣній въ Африкѣ, усиленія въ Испаніи власти Донъ-Карлоса и ослабленія правительства королевы Христины; тѣмъ менѣе она можетъ относиться равнодушно къ тому, что происходитъ въ Португаліи. Оба эти народа относятся къ ней съ ненавистью и конечно постараются со временемъ освободиться отъ ея опеки. Въ Англіи положеніе дѣлъ тревожно, въ особенности въ Ирландіи, которая хочетъ отдѣлиться и образовывать вполнѣ независимое государство. Подобное же движеніе замѣчается въ Канадѣ. Восточной Индіи угрожаетъ война съ Бирманскимъ королевствомъ. Положеніе дѣлъ въ этой странѣ внушаетъ большія заботы британскому правительству. Молодая королева Викторія открыла парламентъ съ большимъ достоинствомъ; она нравится странѣ. Ею руководить мать. О коронаціи еще не слышно.

Австрія находится въ дружественныхъ отношеніяхъ ко всѣмъ прочимъ державамъ и продолжаетъ свою прежнюю политику. Она покровительствуетъ французской королевской семьѣ, которая искала убѣжища въ ея предѣлахъ, и тайно поддерживаетъ Донъ-Карлоса. Князь Меттернихъ владычествуетъ въ странѣ и мудро руководитъ какъ внѣшними, такъ внутренними дѣлами.

Пруссія ведетъ прежнюю политику. Ея финансы растутъ за счетъ ея сосѣдей. Бракъ дочери Людовика-Филиппа съ принцемъ Виртембергскимъ дѣло ея рукъ, точно такъ же, какъ бракъ принцессы Виртембергской съ герцогомъ Орлеанскимъ.

Баварія находится подъ эгидою Австріи точно такъ же, какъ Вир-

тембергъ подѣ эгидію Франціи. Саксонія тѣсно связана съ Австріей, въ ней водворилось спокойствіе.

Данія и Швеція находятся въ прежнемъ положеніи. Последняя держава тѣсно связана съ Англіей. Король мудро управляетъ страной, которую судьба ввѣрила случайно его попеченію. Его сынъ Оскаръ снискалъ общее уваженіе своимъ образомъ дѣйствій. Вообще, старанія дипломатовъ всѣхъ странъ направлены къ поддержанію въ Европѣ мира. Греція и Турція относятся не дружелюбно къ Сентъ-Джемскому кабинету. Вездѣ стоитъ на очереди вопросъ объ улучшеніи путей сообщенія, постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и устройствѣ газоваго освѣщенія. Ускореніе сообщеній путемъ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ измѣнить въ будущемъ ходъ военныхъ дѣйствій. Вся тактика должна будетъ направиться главнымъ образомъ на разрушеніе желѣзныхъ дорогъ и гибель пароходовъ.

Во Франціи снова открытъ заговоръ противъ короля, въ которомъ, какъ при Наполеонѣ, должна была играть роль адская машина.

У насъ всѣ министры остались на своихъ постахъ. Наибольшимъ вліяніемъ пользуется повидимому военный министръ графъ Чернышевъ. Изъ вѣдѣнія министра финансовъ изъято управленіе удѣльными имѣніями, для этого создано отдѣльное министерство, коимъ будетъ управлять генераль Киселевъ. Графъ Канкринъ былъ оскорбленъ этимъ, но остался на своемъ посту. Морской министръ кн. Меншиковъ сохранилъ свое вліяніе. Министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ пріобрѣлъ сравнительно съ прошлымъ годомъ большее вліяніе. Положеніе министра юстиціи Дашкова не измѣнилось. Министръ иностранныхъ дѣлъ гр. Нессельроде занимаетъ то же положеніе, какъ прежде. Начальникъ тайной полиціи, гр. Бенкендорфъ, который былъ очень боленъ въ прошломъ году, поправился осенью, и ему было поручено отвезти дѣтей императора въ Москву. Графъ Орловъ (пользуясь отсутствіемъ гр. Бенкендорфа во время его болѣзни) снискалъ довѣріе императора.

1837-й годъ будетъ памятенъ въ лѣтописяхъ Имперіи: 1) путешествіемъ наслѣдника цесаревича по Россіи и 2) путешествіемъ его отца на Кавказъ. Великій князь посѣтилъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ высокообразованныхъ лицъ, губерніи: Новгородскую, Вологодскую, Ярославскую, Московскую, Пензенскую, Симбирскую, Казанскую, Томскую и т. д. Его встрѣчали вездѣ восторженно. Императоръ посѣтилъ прежде всего Вильно, но холера помѣшала его поѣздкѣ въ Варшаву. Изъ Вильно онъ отправился въ Кіевъ, а оттуда въ Вознесенскъ, гдѣ было сосредоточено 325 эскадроновъ, которымъ были произведены маневры, въ присутствіи принцевъ прусскаго, австрійскаго и иностранныхъ генераловъ, приглашенныхъ въ лагерь, гдѣ царствовалъ величайшій поря-

доку и какъ бы по волшебству появилось 300 домовъ, построенныхъ съ изумительною быстротою благодаря дѣятельности графа Витта. Въ Вознесенскѣ императоръ встрѣтился съ императрицей и великими князьями, и оттуда всѣ отправились въ Одессу и далѣе на пароходахъ въ Крымъ, который ихъ императорскія величества и ихъ высочества объѣздили по восьми направленіямъ. Императрица и великія княжны разстались съ императоромъ и отправились въ Москву, куда прибыли и остальные члены императорской фамиліи въ сопровожденіи гр. Бенкендорфа, къ великому огорченію князя Александра Голицына, которому до тѣхъ поръ поручалось сопровождать августѣйшихъ дѣтей. Императоръ, со своей стороны, сѣлъ на пароходъ въ Керчи и отправился на Кавказъ сопровождаемый гр. Орловымъ и директоромъ своей канцеляріи гр. Адлербергомъ. Въ Тифлисѣ императоръ принималъ персидское посольство во главѣ котораго находился наслѣдникъ персидскаго престола, мальчикъ лѣтъ 8 или 9. Императоръ объѣхалъ весь Кавказъ и даже Арменію и черезъ Воронежъ вернулся въ Москву. При выѣздѣ изъ Тифлиса онъ едва не свалился въ пропасть, но благодаря Бога остался цѣлъ и невредимъ. Около 12-го ноября вся царская фамилія виѣстѣ съ императоромъ возвратилась въ Петербургъ, а въ ночь съ 17-го на 18-е декабря Зимній дворецъ сгорѣлъ до тла; уцѣлѣлъ только одинъ Эрмитажъ.

Императоръ, возвращаясь изъ театра съ императрицей и великими князьями, увидѣлъ, что его великолѣпный дворецъ объятъ пламенемъ. Онъ поспѣшно пошелъ въ свой кабинетъ, взялъ всѣ бумаги, приказалъ вынести брилліанты императрицы и казенные брилліанты и пошелъ смотрѣть за тѣмъ, какъ тушили пожаръ. Но, увидавъ, что погибло нѣсколько десятковъ человѣкъ, приказалъ не заботиться о тушеніи пожара и предоставилъ огню истребить все, что можно. Наслѣдникъ цесаревичъ, бывшій свидѣтелемъ этого бѣдствія, былъ глубоко имъ опечаленъ. Государь воспользовался случаемъ, чтобы сказать ему, что необходимо быть твердымъ въ несчастіи, необходимо покориться волѣ Провидѣнія и что, быть можетъ, это горе послужитъ на пользу ему.

Въ то же время государъ объявилъ всѣмъ жившимъ во дворцѣ и всѣмъ фрейлинамъ, что черезъ годъ онѣ будутъ жить во вновь отстроенномъ помѣщеніи. Надобно благодарить Бога, что это несчастіе не застало царскую фамилію во время сна. Купечество и дворянство хотѣли содѣйствовать перестройкѣ дворца, но говорятъ, будто императоръ не хотѣлъ ничего принять.

Конецъ 1837 г. будетъ достопамятенъ въ лѣтописяхъ Россіи. Принимая во вниманіе тѣ опасности, коихъ избѣгнулъ императоръ Николай, надобно сознаться, что Провидѣніе охраняетъ наше отечество. Императоръ избѣгнулъ чумы, появившейся въ Одессѣ вскорѣ послѣ его отъѣзда, избѣгнулъ смерти въ пропасть Кавказа. Пожаръ, истребившій

его дворецъ, не стоилъ жизни ни одному изъ членовъ его семьи, но при тушеніи пожара погибло много солдатъ. Миръ праху этихъ самоотверженныхъ людей!

Января 1-го 1838 г. многіе сенаторы получили награды.

Графъ Киселевъ назначенъ министромъ удѣловъ.

Сенаторъ Бибиковъ, зять Кочубея, переименованъ въ генералъ-лейтенантъ и назначенъ кievскимъ, волынскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ.

Кажется, князь Долгорукій останется литовскимъ генералъ-губернаторомъ; удалось устранить затрудненія, послѣдствіе которыхъ императоръ не хотѣлъ оставить его на этомъ посту въ виду его предполагаемаго брака съ г-жею Забѣллою. Чтобы уничтожить препятствіе къ этому браку, его величеству представили, что этотъ союзъ послужитъ къ сближенію двухъ націй.

Января 11-го Былъ раутъ у вице-канцлера, на который я также былъ приглашенъ. Я былъ въ треугольной шляпѣ и съ пряжками на башмакахъ. Всѣ прочіе были одѣты по-модному въ круглыхъ шляпахъ и съ розетками на башмакахъ. Вице-канцлеръ подошелъ ко мнѣ часъ спустя и замѣтилъ, что я одѣтъ не по формѣ.

— Вы желаете, чтобы я ходилъ въ круглой шляпѣ?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ.

Тогда я рѣшилъ, что надобно показать ему, что я не сдѣлалъ ничего предосудительнаго, хотя я и былъ одѣтъ не по модѣ, и когда начались танцы, то я всталъ на виду въ смежной съ залой комнатѣ, гдѣ насъ было всего двое, князь Любецкій и я. Тутъ меня увидѣлъ императоръ и императрица и первый привѣтливо поклонился мнѣ.

Января 15-го. Въ Эрмитажѣ случился переполохъ, вызванный вспыхнувшимъ тамъ пожаромъ, который впрочемъ тотчасъ былъ прекращенъ, но императоръ такъ былъ этимъ разсерженъ, что сказалъ нѣсколько рѣзкихъ словъ министру двора князю Волконскому и приказалъ арестовать смотрителя дворца Щербинина, который просидѣлъ ночь на гауптвахтѣ. Волконскій заболѣлъ отъ огорченія. Его величество такъ боится пожара, что говорятъ, услыхавъ малѣйшій запахъ дыма, встаетъ съ постели, чтобы удостовѣриться, въ чемъ дѣло.

Января 28-го. День рожденія великаго князя Михаила Павловича. Вечеромъ всѣ сенаторы были приглашены на спектакль въ Эрмитажъ. Давали французскую пьесу «Les indépendants», которая была хорошо разыграна, и балетъ «Дочь Дуная» (танцевала Тальони).

Февраль. Въ городѣ только и говорятъ о свадьбѣ дѣвицы Пушкиной съ княземъ Трубецкимъ. Въ этомъ бракѣ будто бы принимаетъ живое участіе императоръ. Вѣнчаніе происходило въ Царскомъ Селѣ.

Февраля 13-го. Скоростижно окончался комендантъ Мартыновъ.

О немъ сожалѣютъ, такъ какъ онъ былъ весьма снисходителенъ къ молодымъ военнымъ, находившимся подъ его надзоромъ.

Мартъ. Начали переплавлять старинныя монеты, чеканенныя при Екатеринѣ II, рубли, полтины до пятаковъ включительно. По этому поводу опубликовано распоряженіе Монетнаго двора, что обмѣнъ старыхъ рублей на новые будетъ производиться по расчету 72 за 84 к. Всѣ начали роптать, и это дошло до императора, который, какъ говорить, смотрѣлъ на дѣло иначе. Дѣйствительно, владѣльцы старыхъ монетъ, пріобрѣтенныхъ по ихъ номинальной стоимости, правы; всѣ того мнѣнія, что правительство могло бы изъять эти старыя и уже истертыя монеты изъ употребленія, принявъ на себя издержки по переплавкѣ, такъ какъ владѣльцы этихъ монетъ понесутъ весьма чувствительныя потери, которыя равняются четвертой части стоимости монетъ. Увидимъ, какія мѣры будутъ приняты для того, чтобы успокоить эти жалобы, и поступитъ ли правительство справедливо или нѣтъ.

Марта 18-го. Происходило обычное, пятничное, засѣданіе Сената, на которомъ присутствовалъ генераль-губернаторъ Восточной Сибири князь Горчаковъ. Обсуждалось два вопроса: 1) о казенномъ винокурении и 2) о законной силѣ или дѣйствительности договоровъ, заключаемыхъ казною съ частными лицами. Министръ финансовъ, графъ Канкринъ, утверждалъ, что казенные винокуренные заводы должны выкуривать не болѣе 200/т. ведеръ водки, тогда какъ генераль-губернаторъ утверждалъ (подкрѣпляя свои слова доказательствами), что они могутъ гнать 226/т. ведеръ и что, слѣдовательно, нѣтъ надобности давать откупщикамъ право покупать водку въ частныхъ винокуренныхъ заводахъ, въ ущербъ казнѣ. Послѣ многихъ споровъ большинство сенаторовъ присоединились къ мнѣнію министра финансовъ, и частныя лица получили возможность участвовать въ прибыли отъ продажи водки. Князь Горчаковъ остался при своемъ мнѣніи.

Второй вопросъ о силѣ или дѣйствительности договоровъ, заключенныхъ казною съ частными лицами (въ тѣхъ случаяхъ, когда начальствующія лица, заключившія договоръ, превысятъ данную имъ закономъ власть для заключенія контрактовъ), вызвалъ оживленный обмѣнъ мыслей. Многіе сенаторы поддержали мнѣніе, высказанное генераль-губернаторомъ, другіе же соглашались съ министромъ финансовъ, который утверждалъ, что всякій контрактъ, заключенный какимъ бы то ни было начальствующимъ лицомъ съ частными лицами, считается дѣйствительнымъ, хотя бы начальствующее лицо нарушило при этомъ законъ, превысивъ власть. Въ этомъ случаѣ я присоединился, съ шестью сенаторами, къ мнѣнію генераль-губернатора, который считаетъ подобнаго рода договоры не обязательными для казны.

Апрѣля 3-го. На мѣсто гофмаршала Кирилла Алексѣевича Нарышкина назначенъ князь Николай Долгорукій.

Апрѣля 9-го. За нѣсколько дней до Пасхи заболѣлъ предсѣдатель Государственнаго Совѣта Новосильцевъ и скончался сегодня. Онъ былъ сторонникомъ либеральныхъ идей и представительнаго образа правленія. Мнѣ кажется, что онъ былъ назначенъ на занимаемый имъ постъ благодаря старанію зловердной либеральной партіи, окружающей монарха и наслѣдника престола.

Апрѣля 12-го. Хоронили предсѣдателя Государственнаго Совѣта Новосильцева съ большой пышностью. Я не былъ на похоронахъ, потому что мнѣ нездоровилось и потому что я не любилъ этого человѣка, который вмѣстѣ съ Чарторыйскимъ одинъ изъ первыхъ поколебалъ существовавшій порядокъ и вмѣстѣ съ Кочубеемъ склонилъ покойнаго императора къ нововведеніямъ въ администраціи. Повидимому, никто не видитъ этого зла и порожденныхъ имъ язвъ, которыя съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе подтачиваютъ молодежь.

Беки уѣхали 11-го числа въ коляскахъ. Они ѣдутъ на Ригу и по моему разсчету будутъ въ Гамбургѣ только 28-го числа. Отецъ сопровождаетъ сына по желанію своей жены, которая не думаетъ о томъ, что въ случаѣ какого-либо несчастія она можетъ потерять одновременно сыновей и мужа.

Апрѣля 21-го. Тезоименитство императрицы. Я былъ по утру на выходѣ, а вечеромъ на балу; видѣлъ императора. Въ этотъ день трое дѣвицъ пожалованы во фрейлины, въ томъ числѣ Мезенцева, внучка фельдмаршала Суворова. Дм. Вас. Васильчиковъ назначенъ оберъ-егермейстеромъ. Императоръ, отойдя въ сторону, долго бесѣдовалъ съ нимъ и съ гр. Орловымъ.

Апрѣля 23-го. Вчера я получилъ записочку отъ министра финансовъ, который спрашиваетъ меня *ex officio*, какая сумма потребуется для окончанія постройки глазной лѣчебницы. Эта записка написана въ отвѣтъ на мое письмо, коимъ я сообщилъ ему, со словъ князя Голицына, что государь приказалъ отпустить нужную на это сумму денегъ, и что мнѣ приказано обсудить этотъ вопросъ совмѣстно съ министромъ финансовъ. Отвѣтивъ гр. Канкрину въ немногихъ вѣжливыхъ словахъ, я приложилъ къ своему письму: отчетъ о суммахъ, полученныхъ комитетомъ глазной лѣчебницы (что составило въ общей сложности 175.000 р.) и израсходованныхъ имъ (которыя превышаютъ эту цифру на нѣсколько тысячъ рублей) и смѣту архитектора Шарлемана на 262.000 р. Я просилъ ассигновать для лѣчебницы 150.000 р. и, чтобы придать болѣе убѣдительности моей просьбѣ, представилъ выписку о числѣ больныхъ, пользовавшихся въ лѣчебницѣ за 14 лѣтъ; таковыхъ было: проходящихъ 82.000 и постоянныхъ 4.900 чел.

М а я 2-го. Мои хлопоты о лѣчебницѣ увѣнчались успѣхомъ; 2-го мая министръ финансовъ увѣдомилъ меня, что императоръ соблаговолилъ отпустить лѣчебницѣ 150.000 р.; вмѣстѣ съ тѣмъ министръ сдѣлалъ мнѣ запросъ, въ какой суммѣ лѣчебница нуждается тотчасъ. Я отвѣчалъ, что для заключенія контрактовъ на поставку матеріаловъ необходимо имѣть 50.000, и что комитетъ желалъ бы получить еще 50.000 въ сентябрѣ, а остальную сумму въ началѣ 1839 г. Кромѣ того я писалъ министру, что если отъ продажи дома на Фонтанкѣ не будетъ выручено выданныхъ авансомъ 250.000 р., то комитетъ, на основаніи правилъ, утвержденныхъ 3-го іюня 1836 г., просить разсрочить уплату недостающей суммы на 26 лѣтъ.

М а я 12-го. Меня чрезвычайно удивляетъ, что ни въ русскихъ, ни въ прусскихъ газетахъ не появилось до сихъ поръ ни слова о путешествіи ихъ императорскихъ величествъ, хотя прошло уже двѣ недѣли съ тѣхъ поръ, какъ они уѣхали. Къ чему эта странная тактика, къ чему давать пищу празднымъ толкамъ, которые не могутъ не распространяться, коль скоро это путешествіе совершается столь таинственнымъ образомъ.

Тайна объяснилась; причина ея та, что императоръ и его сынъ отправились подъ вымышленными именами. Наслѣдникъ поѣхалъ подъ именемъ адъютанта генерала Аничкова,—это была фамилія императора. Императорская фамилія съѣхалась въ Берлинѣ 17-го числа. Объ отъѣздѣ двора по-прежнему молчатъ; даже въ «Берлинской газетѣ» появилось только краткое извѣщеніе о прибытіи ихъ императорскихъ величествъ. Но русскіе генералы, сопровождавшіе дворъ, всѣ поименованы и въ отдѣлѣ «Внутреннихъ извѣстій» упомянуто о празднествахъ и смотрахъ, происходящихъ въ Берлинѣ.

М а я 16-го. Я прочелъ въ иностранныхъ газетахъ, что въ отсутствіе гр. Нессельроде министерствомъ иностранныхъ дѣлъ будетъ управлять Родофиникинъ. Это было несправедливо со стороны графа, но онъ не могъ не удовлетворить честолюбія челоуѣка, завѣдующаго всѣми его денежными дѣлами. Такъ-то все дѣлается на этомъ свѣтѣ.

Намъ прочли разные вновь появившіеся указы, изъ коихъ первый касается орденовъ св. Владиміра и Анны 3 ст., коимъ императоръ освобождается отъ скучной обязанности распредѣлять эти ордена, и она возлагается на капитулы этихъ орденовъ.

Вторымъ указомъ увеличена власть совѣта министровъ. Это временная мѣра, объявленная по случаю отсутствія императора, для того, чтобы не утомлять его величества утвержденіемъ разныхъ вопросовъ, которые могутъ быть рѣшены въ совѣтѣ.

М а я 25-го. Получено извѣстіе, что пароходъ «Николай» сгорѣлъ дотла у береговъ Мекленбурга, и что исключая трехъ матросовъ и

г.г. Головкова, подполковника Миллера и Келлера, которые сдѣлались жертвою пламени, всѣ остальные спасены. Пассажировъ было 130 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и много дѣтей. Къ счастью, капитанъ успѣлъ направить судно къ берегу; иначе всѣ люди погибли бы.

Говорятъ, что прусскіе маневры не нравятся императору, и что вообще онъ не доволенъ своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ, хотя онъ принялъ званіе почетнаго гражданина этого города.

Мая 30-го. Сегодня, въ 4 часа утра, скончался г. Родофиникинъ, проболѣвъ всего 4 дня. Созванъ совѣтъ департамента министерства иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ я председательствовалъ, какъ старшій въ чинѣ; рѣшено сообщить о смерти Родофиникина Сенату и председателю совѣта министровъ. Члены совѣта заблагодарасудили предложить мнѣ вести временно сношенія съ дипломатическимъ корпусомъ. Рѣшено послать графу Нессельроде въ Карлсбадъ курьера съ этимъ печальнымъ извѣстіемъ. Это огромная потеря для вице-канцлера. Это также большая потеря и для службы, такъ какъ онъ былъ весьма свѣдущъ и ловокъ въ дѣлахъ.

Мая 31-го. Комитетъ министровъ сообщилъ мнѣ чрезъ статс-секретаря Бахтина свою резолюцію по поводу моего назначенія временно управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Я сообщилъ объ этомъ немедленно директору департамента, который просилъ меня пріѣхать на другой день въ департаментъ для того, чтобы обсудить, что дѣлать далѣе.

Іюня 1-го. Я подписалъ циркуляръ на имя дипломатическаго корпуса и всѣхъ посольствъ, извѣщая ихъ о вступленіи моемъ временно въ управленіе дѣлами, предупреждая ихъ, чтобы они адресовали письма не на мое имя, а на имя министерства иностранныхъ дѣлъ. Надѣюсь, что вице-канцлеръ одобритъ это распоряженіе.

Іюня 3-го. Сегодня хоронили Родофиникина въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Присутствовали члены Государственнаго Совѣта, дипломатическій корпусъ и всѣ служащіе въ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Я видѣлъ на похоронахъ также графиню Нессельроде.

У меня были съ визитомъ повѣренные въ дѣлахъ Франціи, Австріи, Баваріи и т. д., но ни одинъ министръ не сдѣлалъ мнѣ визита. Можетъ случиться, что повѣренные въ дѣлахъ напрасно были у меня, такъ какъ императоръ, вернувшись изъ-за границы, можетъ не утвердить моего назначенія безъ согласія гр. Нессельроде.

Іюня 4-го. Въ газетахъ ничего не сказано о возвращеніи императора, хотя на Аничкиномъ дворцѣ развѣвается флагъ. Говорятъ, будто государь проведетъ въ Петербургѣ всего 6 дней. Мое положеніе совершенно неопредѣленно; вѣроятно, участь моя рѣшится по пріѣздѣ импе-

ратора въ Теплицъ или въ какое-либо иное мѣсто, гдѣ онъ приказалъ графу ожидать его. Но я не покажу глазъ въ департаментъ иностранныхъ дѣлъ до тѣхъ поръ, пока не выяснится, долженъ ли я взяться за дѣла по указанію совѣта министровъ или же долженъ спрятаться въ свою скорлупу.

Официальныя газеты не обмолвились ни словомъ о возвращеніи императора, только «Сѣверная Пчела» помѣстила объ этомъ статью и сообщила о посѣщеніи императоромъ и наслѣдникомъ въ Стокгольмѣ короля шведскаго. Эта неожиданная поѣздка навѣрно обратитъ вниманіе Лондонскаго кабинета; въ то же время это расположитъ въ нашу пользу Швецію.

Я получилъ сегодня письмо отъ повѣреннаго въ дѣлахъ Швеціи, барона Моргенштерна, въ которомъ онъ проситъ меня устроить, чтобы онъ могъ представиться императору. Я препроводилъ его письмо Полѣнову, прося его устроить это дѣло.

1 юня 5-го. До сихъ поръ у меня не были съ визитомъ ни американскій, ни голландскій, ни неаполитанскій посланники, но генералъ-губернаторъ прислалъ мнѣ 12 бланковъ для курьерскихъ подорожныхъ, которыя я передалъ Кудрявскому чрезъ Полѣнова.

Повѣренный въ дѣлахъ Англіи Мильбанкъ пріѣзжалъ ко мнѣ, чтобы переговорить о нижеслѣдующемъ: 1) объ отказѣ въ выдачѣ паспорта одному англичанину по имени Голледсъ, отецъ котораго принялъ русское подданство. Онъ объяснилъ мнѣ, что въ Англіи существуетъ правило, что ни одинъ англичанинъ не можетъ принять подданства какого бы то ни было государства въ Европѣ, и что даже въ нашемъ Сводѣ законовъ сказано, что англичанинъ, принявшій русское подданство, можетъ въ любое время уѣхать изъ Россіи. Я просилъ его указать мнѣ статью нашего Свода законовъ, въ которой это говорится, но онъ отвѣчалъ, что подобныя паспорта были выданы Булю и Сутерну.

Повѣренные въ дѣлахъ Швеціи и Баварія просили меня устроить, чтобы они могли быть представлены императору. Его величество написалъ на поляхъ: «Если они военные, то можно представить на маневрахъ».

1 юня 7-го. Повѣренный въ дѣлахъ Голландіи Геверсъ (Gevens) просилъ свиданія, чтобы передать мнѣ бумаги, касающіяся Бельгіи и возникшаго съ нею спора относительно нѣкоторыхъ земель. Это оказались письма Меттерниха изъ Вѣны въ Гаагу и письма Werstolk'a къ нидерландскому посланнику въ Вѣну. Изъ этой переписки видно, что вѣнскій, прусскій и русскій дворы хотятъ устранить лондонскій и французскій дворы отъ вмѣшательства въ дѣла континента по поводу земельныхъ уступокъ Германскому союзу; при этомъ хотятъ оказать Голландіи преимущество передъ Бельгіей.

Іюня 8-го. Посланъ курьеръ (Гесслеръ) съ ратификаціей торговаго договора, заключеннаго со Швеціей. Я передалъ вице-канцлеру мой разговоръ съ повѣренными въ дѣлахъ Англіи относительно дѣлаемыхъ будто бы Россіей приготовленій къ тому, чтобы ввести войска въ Бухарестъ.

Іюня 9-го. Начались маневры, которые продолжатся 6 дней; а 12-го числа его величество уѣзжаетъ изъ Петергофа въ Любекъ и Теплицъ.

Іюня 10-го. Я былъ съ визитомъ у герцога Медена Сидома (Medena Sidoma), маркиза Виллафранкъ, который заѣзжалъ ко мнѣ два раза, прося паспортъ для своей жены. Это человекъ лѣтъ 30—40 съ испанскимъ типомъ, очень вѣжливый. Покончивъ вопросъ о паспортѣ, я спросилъ его, сколько времени онъ еще пробудетъ тутъ. Онъ отвѣчалъ, что рассчитываетъ пробыть до октября, и осторожно намекнулъ на то, что онъ занятъ дѣлами Испаніи. По этому поводу, онъ сообщилъ мнѣ статью «Франкфуртской газеты», въ которой говорится объ одномъ англійскомъ полковникѣ, которому правительство разрѣшило поступить на службу къ тунисскому бею для организациі его войскъ. Я замѣтилъ на это, что г. Моле (французскому посланнику) слѣдуетъ объясниться по этому поводу съ англійскимъ посланникомъ, но что англичане, повидимому, недовольны успѣхами Франціи въ Мексикѣ.

Іюня 10-го. Прочитавъ телеграмму оренбургскаго генералъ-губернатора, я увидѣлъ, что въ ней говорится о русскихъ плѣнныхъ, взятыхъ хивинцами, которыхъ они хотятъ возвратитъ намъ, но и, кромѣ того, прислать къ намъ посольство. Изъ этой телеграммы сдѣлано извлеченіе и послано императору съ просьбою, чтобы хивинскому посланнику было разрѣшено пріѣхать въ Петербургъ.

Писано и объявлено генералъ-губернатору, графу Воронцову, министру финансовъ и повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, по повелѣнію императора, что надобно пріобрѣсти 1.000 четв. пшеницы для черногорцевъ и выпустить ихъ безпошлинно; послѣдному велѣно выхлопотать для нихъ денегъ у Порты въ виду неурожая, постигшаго жителей Черногоріи.

Іюня 12-го. На мой вопросъ, не надобно ли пригласить хивинскаго посланника въ Петербургъ, императоръ отвѣчалъ «можно», но, я полагаю, что для сокращенія расходовъ, его слѣдуетъ задержать въ Оренбургѣ, чтобы онъ пріѣхалъ сюда только къ возвращенію его величества, въ концѣ осени.

Іюня 13-го. Императоръ написалъ собственноручно приказъ канцеляріи графа Нессельроде, коимъ повелѣвается послать курьера въ Мюнхенъ къ русскому посланнику Смирнову, приказавъ ему переговорить съ королемъ по поводу пребыванія императрицы въ Мюнхенѣ,

и оказать ему, что его величество соглашается на пребываніе ея въ королевскомъ замкѣ лишь подъ условіемъ, что король обязуется не давать никакихъ празднествъ и не дозволить никому представляться государынѣ, словомъ, что онъ будетъ беречь ея здоровье. Такъ какъ этотъ приказъ былъ написанъ по-русски, то я велѣлъ включить его дословно въ мою депешу къ Смирнову и приказалъ курьеру ѣхать на Варшаву, Калишъ, Прагу и Мюнхенъ. Въ томъ же приказѣ Смирнову повелѣвалось послать отвѣтъ прямо императору въ Теплицъ или Фюрстенштейнъ.

Іюня 17-го. Изъ Персіи получено извѣстіе о согласіи шаха выдать батальонъ русскихъ дезертировъ. Императоръ обратился съ этимъ требованіемъ къ чинамъ посольства, прибывшимъ къ нему отъ шаха въ 1837 г., во время пребыванія его величества въ Тифлисѣ, коимъ онъ заявилъ, что, въ случаѣ отказа со стороны шаха, онъ не объявитъ войны, но прикажетъ русскому посланнику выѣхать изъ Персіи. Вслѣдствіе этого вновь назначенному въ Тегеранъ посланнику, полковнику Дюгамелю, было приказано повременить отъѣздомъ, и указъ объ его назначеніи, подписанный 30-го апрѣля, былъ задержанъ до полученія отвѣта на требованіе императора. Вслѣдствіе этого я донесъ его величеству, что Дюгамель выѣзжаетъ, и послалъ указъ объ его назначеніи для исполненія министру юстиціи, извѣстивъ вмѣстѣ съ тѣмъ статсъ-секретаря о причинѣ замедленія и потребовавъ у министра финансовъ 3.000 р. для Дюгамеля.

Іюня 21-го. Я просмотрѣлъ записку Матусевича объ испанскихъ дѣлахъ. Составитель этой записки написалъ ее въ своихъ личныхъ интересахъ, такъ какъ онъ предлагаетъ назначить уполномоченныхъ отъ трехъ дворовъ, которые должны до времени оставаться неизвѣстны или, лучше сказать, не аккредитованы, и вступить въ исполненіе своихъ дипломатическихъ обязанностей тотчасъ, какъ Донъ-Карлосъ будетъ признанъ тремя дворами. Матусевичъ надѣялся быть назначенъ уполномоченнымъ со стороны Россіи. Въ этой запискѣ онъ обсуждаетъ слѣдующіе три пункта:

1) Субсидіи, которыя три двора должны выплачивать Донъ-Карлосу ежемѣсячно.

2) Признаніе этого принца тремя дворами и затруднительное положеніе, въ какомъ онъ находится по отношенію къ Португаліи.

3) Посылка уполномоченнаго, снабженнаго инструкціями, который будетъ аккредитованъ при дворѣ Донъ-Карлоса.

Весьма вѣроятно, что эта записка будетъ прочитана на конгрессѣ въ Теплицѣ. Увидимъ, какъ повернетъ дѣло умный и ловкій князь Меттернихъ, какъ поступать дворы лондонскій и тюльрійскій, которымъ, конечно, будетъ извѣстно все то, что произойдетъ на конгрессѣ. Амери-

канскій посланникъ обратился ко мнѣ съ просьбою узнать при моемъ посредствѣ способъ, употребляемый въ Россіи на заводахъ для отдѣленія золота отъ платины, и вообще средство получить золото изъ минераловъ по способу полковника Амосова.

Въ тотъ же день ко мнѣ заѣзжалъ генералъ-губернаторъ, съ просьбою достать ему чрезъ банкира Штиглица 15 дюжинъ жизненнаго эликсира изъ Вѣны, сказавъ, что эту услугу оказывалъ ему покойный Родофиникинъ; я обѣщаль устроить это дѣло.

Іюня 22-го. Ко мнѣ заѣзжалъ посланникъ (повѣренный въ дѣлахъ) Милльбанксъ и прочиталъ мнѣ депешу Пальмерстона, который приказалъ ему получить отъ нашего правительства свѣдѣнія о способѣ, употребляемомъ русскимъ правительствомъ для регулированія мѣръ и вѣсовъ.

Іюня 23-го имъ была прислана мнѣ записка съ вопросами, относительно правилъ, соблюдаемыхъ въ Россіи при производствахъ какъ въ сухопутномъ войскѣ, такъ и во флотѣ. Я сказалъ ему, что я не имѣю объ этомъ ни малѣйшаго понятія, но что я займусь этимъ вопросомъ. Бесѣдуя съ нимъ о текущихъ дѣлахъ, я замѣтилъ, что онъ приписываетъ американцамъ возстаніе въ Канадѣ и не признаетъ особеннаго ума въ лордѣ Дургамѣ. Полюбовавшись висящей у меня на стѣнѣ коллекціей извѣстныхъ англійскихъ дѣятелей, онъ сказалъ мнѣ, что первый министръ Мюльгравъ его дядя, но что онъ никогда не заказывалъ своего маслянаго портрета. «Поэтому я и не могъ пріобрѣсти его и повѣсить рядомъ съ Питтомъ», сказалъ я. Онъ обѣщаль мнѣ достать портретъ своего дяди.

Затѣмъ онъ завелъ рѣчь о дѣлаемыхъ яко бы въ Молдавіи запасахъ провизіи и спросилъ, извѣстно ли мнѣ что-либо объ этомъ? Я отвѣчалъ, что я не возбуждалъ этого вопроса, такъ какъ это могло быть только дѣломъ частной спекуляціи, которая хотѣла воспользоваться засухой, постигшей южныя губерніи, и вслѣдствіе которой цѣны на зерновой хлѣбъ должны были сильно повыситься.

Іюня 24-го. Повѣренный въ дѣлахъ Сардиніи, маркизъ Карреджа, заѣзжалъ переговорить со мною о вещахъ, полученныхъ въ таможи для посланника гр. Росси. Онъ сообщилъ мнѣ при этомъ, что его величество поручилъ ему написать графу Росси, чтобы онъ не пріѣзжалъ ранѣе сентября, такъ какъ его величество хочетъ первый встрѣтить графиню (она была пѣвицей) и поцѣловать ея ручки.

Затѣмъ маркизъ сказалъ мнѣ, что гр. Нессельроде предложилъ Смонетти хлопотать у его двора, чтобы товары, приходящіе изъ Сардиніи подъ разными флагами, могли приходить въ Кронштадтъ подъ сардинскимъ флагомъ. Надобно было прежде всего сговориться съ Датскимъ дворомъ относительно прохода судовъ въ Зундъ и Бельтъ, что графъ Нессельроде писалъ объ этомъ въ Копенгагенъ и что все это

произошло во время отсутствія вице-канцлера. Я просилъ маркиза Карреджа прислать мнѣ объ этомъ записку и общалъ ускорить это дѣло. Маркизь очень красивый итальянецъ, съ огненными глазами, которые могутъ быть причиною раздора между нимъ и его начальникомъ, графомъ Россей.

Маркизь не прислалъ мнѣ общанной записки относительно плаванія судовъ по Зунду подъ Сардинскимъ флагомъ и извинился, написавъ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, такъ какъ онъ долженъ предварительно рассмотреть всѣ относящіяся къ дѣлу бумаги.

Іюня 25-го. Я былъ въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ отслуженъ молебенъ по случаю дня рожденія императора. Обѣдню служилъ грузинскій митрополитъ, а молебенъ совершено съ обычною торжественностью 30 священно-служителями. Въ церкви находились: военный губернаторъ генералъ Эссенъ, военный министръ, министръ внутреннихъ дѣлъ, оберъ-камергеръ гр. Лятта, статсъ-секретарь Танѣевъ, сенаторы Безродный и Лубяновскій и нѣкоторые другіе генералы.

Іюня 28-го. Повѣренный въ дѣлахъ Голландіи Gevers заѣхалъ неожиданно въ министерство и передалъ мнѣ собственноручное письмо нидерландскаго министра Verstolk de Solen'a, которое ему приказано сообщить мнѣ. Министръ иностранныхъ дѣлъ Ферстолькъ пишетъ, что Бельгія усиленно вооружается, что въ арсеналахъ Антверпена день и ночь идетъ работа и что революціонный духъ, проявляющійся въ этой странѣ, можетъ побудить правительство къ непріязненнымъ дѣйствіямъ.

Я написалъ съ сегодняшнимъ курьеромъ конфиденціальное письмо графу Нессельроде, сообщивъ ему сдѣланное министромъ финансовъ предложеніе переплавить въ слитки плохія турецкія монеты, хранящіяся въ Одессѣ, цѣнность которыхъ доходитъ до 33 милліоновъ піастровъ. Наведя по этому поводу справки, я высказалъ свои соображенія по этому вопросу и выразилъ одобреніе министерству иностранныхъ дѣлъ за то, что оно вопреки мнѣнію министерства финансовъ пустило въ оборотъ тѣ 20 милліоновъ, которые находились на храненіи въ Константинополѣ и бѣихъ осталось не болѣе 4 милліоновъ, ассигнованныхъ на постройки въ Перѣ. Я сообщилъ ему также, что графиня, его супруга, уѣзжаетъ 3-го іюля въ Одессу на встрѣчу своему сыну, который ѣдетъ изъ Грузіи.

Іюля 1-го. Я получилъ первое письмо отъ вице-канцлера изъ Карлсбада и нѣсколько депешъ, касающихся блокады различныхъ портовъ въ Америкѣ французами. Письмо было очень дружественное. Говорятъ, что онъ узналъ о моемъ назначеніи временно управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ отъ Чернышева; это заставляетъ меня предполагать, что я обязанъ рѣшеніемъ императора гр. Чернышеву.

Іюля 5-го. Графъ Віельгорскій объявилъ мнѣ, что ему приказано

сопровождать великихъ княженъ въ Берлинъ, гдѣ онѣ пробудутъ короткое время, а затѣмъ вернутся со своими августѣйшими родителями въ Петербургъ. Отъѣздъ старшихъ великихъ княженъ назначенъ 27-го августа. Онѣ поѣдутъ на пароходъ «Геркулесъ» до Штетина, а оттуда сухимъ путемъ въ Берлинъ.

1 юля 7-го. Баронъ Моргенштернъ, повѣренный въ дѣлахъ Швеціи, рассказывалъ мнѣ о несчастномъ случаѣ, бывшемъ съ его монархомъ на смотру. По окончаніи смотра бѣшенная лошадь сбросила его величество на землю. Король сильно ушибся, но, придя въ себя, сѣлъ на другую лошадь и возвратился въ городъ верхомъ, однако былъ вынужденъ прибѣгнуть къ помощи врача. Изъ трехъ бюллетеней, приложенныхъ къ депешѣ шведскаго министра, видно, что королю лучше.

1 юля 11-го. Получены депеши отъ русскаго консула изъ Сербіи, который пишетъ, что князь Милошъ готовъ кинуться въ объятія Англіи и что онъ не чуждъ возстанію, подготовляемому христіанами въ Босніи противъ мусульманъ. Я послалъ эту депешу вице-канцлеру 13-го числа вмѣстѣ съ донесеніемъ о томъ же нашего консула въ Бухарестъ, который находится въ настоящее время въ Константинополѣ и который всѣми силами старается открыть глаза Портѣ.

1 юля 19-го. Я уполномочилъ повѣреннаго въ дѣлахъ въ Константинополѣ Рюкманна препроводить изъ суммъ военной контрибуціи 400.000 піастровъ графу Воронцову, въ Одессу, на покупку 10.000 четв. зерноваго хлѣба, подаренныхъ черногорцамъ.

1 юля 21-го. Мнѣ приказано отправить г. Дризена въ Вѣну и выдать ему на дорогу деньги, полагающіяся курьерамъ. Вотъ единственно, о чемъ писалъ мнѣ до сихъ поръ вице-канцлеръ, не задавая мнѣ никакихъ вопросовъ ни о дѣлахъ на Востокѣ, ни о дѣлахъ вообще.

1 юля 25-го. Курьеръ, пріѣхавшій изъ Теплица, гдѣ императоръ пробудетъ до 1-го — 12-го августа, привезъ мнѣ ратификацію торговыхъ договоровъ съ Швеціей.

1 юля 27-го. Я послалъ съ сегодняшнимъ курьеромъ вице-канцлеру въ Теплицѣ письмо, касающееся одной статьи въ «Journal des Debats» отъ 26-го іюля, въ которой приведена выдержка изъ англійскаго журнала «Глобусъ», гдѣ издатель осмѣлился сказать, что послѣднее паденіе императора (во время его поѣздки по Россіи) повліяло на его умственные способности. Я писалъ вице-канцлеру, что газета была задержана самимъ почтъ-директоромъ и что я буду ожидать его приказаній относительно того, слѣдуетъ ли изъять этотъ номеръ изъ обращенія и уничтожить его, какъ это дѣлается обыкновенно.

Августа 8-го. Мнѣ было приказано созвать азіатскій комитетъ и присутствовать въ его засѣданіи въ качествѣ управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ при обсужденіи проекта объ учрежденіи торговаго

*

предпріятія въ окрестностяхъ Астрабада. Въ комитетѣ засѣдали военный министръ гр. Чернышевъ, начальникъ главнаго штаба, кн. Меншиковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ Блудовъ и я. Комитету было приказано рассмотреть записку министра финансовъ, неблагопріятную для московскаго общества, учрежденнаго гр. Строгановымъ слишкомъ поспѣшно и необдуманно. Это общество предполагало выпустить акцій на 520.000; учредителями его были 18 человекъ, а гр. Канкринъ просилъ для начала этого предпріятія всего 100.000—200.000 и предлагалъ выпустить не свыше 5 — 10 тысячъ акцій. Общество просило: 1) чтобы въ Астрабадской бухтѣ находилось постоянно военное судно и чтобы директоръ общества могъ держать его, гдѣ ему заблагорассудится, 2) оно не желаетъ допускать участія казны въ этомъ предпріятіи, а только просить ея покровительства, 3) оно хочетъ учредить вдоль береговъ крейсерство до границъ Туркменіи, 4) просить, чтобы ему было предоставлено право ввозить доски и балки для постройки барокъ, 5) предполагаетъ затратить въ видѣ опыта 300.000 р., 6) желаетъ, чтобы въ Тегеранѣ находился дипломатическій чиновникъ для охраненія интересовъ общества и другой таковой же въ Астрабадѣ, 7) подходящимъ для этого лицомъ называютъ ассесора Карелина и т. д.

Я увидѣлъ, во-первыхъ, что Чернышевъ и Меншиковъ готовы были поддержать проектъ министра финансовъ. Блудовъ не раздѣлялъ ихъ мнѣнія и не желалъ, чтобы это общество было утверждено. Онъ настаивалъ на публикаціи. Я присоединился къ мнѣнію обоихъ военныхъ генераловъ и находилъ, что было весьма не кстати предать это дѣло гласности. Блудовъ присоединился въ концѣ концовъ къ нашему мнѣнію, и было рѣшено согласоваться съ мнѣніемъ министра финансовъ, тѣмъ болѣе, что онъ сообщилъ объ этомъ болѣе подробныя свѣдѣнія, такъ какъ въ Астрахань уже было послано въ видѣ опыта разнаго товара на 70.000, для начала торговли съ Астрабадомъ. Мнѣ было приказано объявить комитету, что его величество не видитъ никакого препятствія къ вывозу досокъ для постройки барокъ и что общество можетъ вывозить не только доски, но и балки по образцамъ, уже вывозимымъ изъ Астрахани, но требуетъ, чтобы этимъ правомъ не злоупотребляли для вывоза одновременно строительнаго лѣса. Министръ финансовъ былъ удивленъ этимъ заявленіемъ, такъ какъ онъ не предполагалъ, что императоръ успѣлъ ознакомиться съ этимъ дѣломъ. Изъ полученныхъ мною депешъ видно, что его величество очень желаетъ учрежденія этого общества въ томъ смыслѣ, какъ хлопотали учредители; но я не далъ членамъ комитета прочесть депешу государя, чтобы не смущать ихъ.

Не знаю, какъ выпутается изъ этого дѣла графъ Строгановъ, но сомнѣваюсь, чтобы общество приняло предложенія гр. Канкрина, который

говорить, впрочемъ, въ концѣ своей записки, что если общество не согласится на его предложеніе, то придется отъ него отказаться.

Вообще я замѣтилъ, что этотъ вопросъ обсуждался не достаточно основательно и что вмѣсто того, чтобы обсудить каждый пунктъ въ отдѣльности, записка была прочтена наскоро; но предсѣдатель комитета, военный министръ, до начала засѣданія убѣждалъ князя Меншикова и даже графа Блудова въ необходимости поддержать предложеніе гр. Канкринина и не утверждать проекта общества.

Августа 14-го. Всѣ члены подписали эту резолюцію, которая будетъ послана 26-го числа вмѣстѣ съ прочими бумагами вице-канцлеру въ Берлинъ.

Я былъ въ думѣ, гдѣ раздаютъ пряжки за выслугу лѣтъ. Онѣ присуждены всего 20 человѣкамъ. Неаполитанскій посланникъ князь Бутера пріѣзжалъ просить у меня для себя паспортъ. Мы бесѣдовали о разныхъ разностяхъ и, между прочимъ, о вольнодумствѣ, царствующемъ среди молодежи всѣхъ странъ; онъ сказалъ мнѣ по этому поводу, не будучи ничѣмъ къ тому вызванъ съ моей стороны, что твердый и рѣшительный характеръ императора Николая поддержитъ порядокъ; онъ какъ будто хотѣлъ сказать этимъ, что, благодаря характеру императора, въ Россіи царствуетъ спокойствіе.

Получена ратификація договора съ Швеціей, и, къ моему величайшему удовольствію, Аделунгъ, посланный мною въ Швецію, получилъ орденъ Вазы.

Августа 23-го. Цензоръ министерства иностранныхъ дѣлъ, заведующій цензурою газетъ, принесъ мнѣ газеты, въ которыхъ разсказана исторія графа Чернышева, когда онъ былъ въ Парижѣ въ 1812 году, и когда ему удалось получить списки французскихъ войскъ, подкупивъ одного изъ канцелярскихъ служителей военнаго министерства, который былъ разстрѣлянъ. Разсказъ объ этомъ событіи и о ловкости, съ какою Чернышевъ ухитрался съ полученными имъ бумагами, появился впервые въ «Gazette de France». Я болѣе не колебался разрѣшить эту статью къ печатанію, коль скоро я видѣлъ, что всѣ журналы помѣстали объ этомъ разсказъ, взятый изъ записокъ Фуше. При томъ Чернышевъ изображенъ въ ней, какъ ловкій агентъ.

Августа 24-го. Я послалъ въ Берлинъ курьера къ графу Нессельроде съ бумагами, касающимися намѣренія персовъ захватить небольшой островъ передъ Астрабадскимъ заливомъ, который принадлежитъ туркменамъ.

Августа 25-го. Я получилъ съ эстафетой изъ Ревеля письмо отъ графа Віельгорскаго, который извѣщаетъ меня, что буря заставила пароходъ, на которомъ ѣхали великія княжны, уйти изъ Штеттина, и онѣ должны были продолжать путь въ Берлинъ сухимъ путемъ. Онъ

просилъ меня выдать ему 4 паспортныхъ бланка для посылки императору курьеровъ. Я поспѣшилъ исполнить его просьбу и послалъ ихъ съ фельдъегеремъ, равно какъ 8.000 р., предназначенные для путешествія ихъ императорскихъ высочествъ.

Августа 28-го. Графъ Віельгорскій извѣстилъ меня о полученіи 8.000 р. и четырехъ паспортовъ, и сообщилъ, что ихъ императорскія высочества отдохнули съ дороги и будутъ ночевать 30-го въ Тильзитѣ, выѣхавъ въ Ревель 27-го числа.

Августа 30-го. Я былъ въ Александро-Невской лаврѣ. Народу было немного.

Въ тотъ же день ко мнѣ пріѣзжалъ англійскій посланникъ съ извѣщеніемъ, что посланникомъ къ нашему двору назначенъ маркизъ Кланрикадъ. Я спросилъ его, какое же онъ получаетъ назначеніе? Онъ отвѣчаетъ, что поѣдетъ сначала въ Лондонъ, а затѣмъ будетъ посланникомъ въ Вѣнѣ, на время отсутствія посла, который уѣдетъ на нѣкоторое время въ Лондонъ. Наканунѣ онъ прислалъ мнѣ письмо къ императору, запечатанное черной печатью. Я спросилъ его, отъ кого это письмо, но онъ не могъ сказать мнѣ этого. Когда онъ ушелъ, я вскрылъ письмо: оказалось, что это было письмо отъ какого-то художника, который, ссылаясь на свое знакомство съ русскимъ посланникомъ въ Лондонѣ, предлагалъ какое-то приспособленіе отъ глухоты.

Августа 31-го. Повѣренный въ дѣлахъ Швеціи пріѣзжалъ просить о выдачѣ 39.991 р. сер., которые его императорское величество всемилостивѣйше повелѣлъ выдать изъ полученной съ Турціи военной контрибуціи. Я обѣщалъ выдать ему эту сумму 2-го сентября. Въ назначенный день явился уполномоченный графини Левенгелъмъ, шведскій генеральный консулъ Стерке, и я далъ ему ассигновку на получение этихъ денегъ изъ банкирской конторы Штиглица.

Сентября 24-го. Сегодня ожидали императора. На Англійской набережной были сдѣланы всѣ приготовленія для его пріема, но онъ не пріѣхалъ.

Сентября 26-го. Получено извѣстіе, что императоръ сошелъ съ своей семьей съ парохода въ Ревель и прибудетъ 27-го числа въ Петербургъ, но, вмѣсто этого, отправивъ императрицу и великихъ князей, онъ прибылъ 26-го числа прямо въ Царское Село, а на другой день ожидали всю царскую фамилію.

Сентября 27-го. Я препроводилъ черезъ канцелярію собственноручное письмо персидскаго шаха къ агенту, прося перевести его, что онъ и сдѣлалъ. Въ этомъ письмѣ говорилось, что англичане (шахъ не называлъ ихъ по имени) объявили ему войну безо всякаго повода, тогда какъ онъ вооружался только для того, чтобы водворить спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ. Онъ кончалъ угрозою, что если ему

объявляютъ войну за его преданность Россіи, то онъ сомнѣвается въ томъ, совмѣстно ли съ достоинствомъ императора терпѣть это и что, въ худшемъ случаѣ, онъ бросится въ объятія Англіи. Директоръ азіатскаго департамента и директоръ канцеляріи Кудрявскій хотѣли измѣнить выраженія шаха, чтобы не раздражить императора, но я высказалъ имъ, что собственноручное письмо одного монарха къ другому должно быть представлено дословно и что его императорскому величеству надобно рѣшить, что слѣдуетъ дѣлать далѣе. Поэтому, 28-го числа, императору былъ посланъ точный переводъ письма, и я узналъ при этомъ, къ величайшему моему сожалѣнію, что письмо было переведено на французскій языкъ учителемъ этого языка въ институтъ восточныхъ языковъ, такъ какъ инаго переводчика нѣтъ. Такимъ образомъ, я увѣренъ, что четверть часа спустя содержаніе этого письма было уже извѣстно французскому посольству, а изъ частной корреспонденціи о немъ узнало и англійское посольство.

Въ ночь съ 28-го на 29-е у меня потребовали 10 паспортовъ для отправки 40 артиллеристовъ и 4 пушекъ, посылаемыхъ въ подарокъ королю прусскому.

Сентября 30-го. Я отправился къ министру финансовъ и сообщилъ ему, что журналъ азіатскаго комитета по Астрабадскому дѣлу утвержденъ императоромъ, что англичане объявили войну шаху изъ-за Герата и что шахъ написалъ собственноручное письмо императору, въ которомъ онъ угрожаетъ броситься въ объятія Англіи; я присовокупилъ, что я опасаюсь, какъ бы Англія не приобрѣла поселенія на берегу Каспійскаго моря, однимъ словомъ, что наши дѣла съ Персіей таковы, что мы можемъ потерять наше вліяніе на эту страну. Послѣ этого я хотѣлъ уѣхать, но онъ удержалъ меня. Вошла его дочь, которую я никогда не видалъ, хорошенькая дѣвушка лѣтъ 15—16. Я восторгался ея красотою, онъ находилъ, что она не довольно высока ростомъ. Такимъ образомъ мы пробесѣдовали до 4 часовъ.

Сентября 30-го. Въ тотъ же день императоръ возвратилъ докладъ вице-канцлера и мой собственный по поводу аудіенціи, которой испрашиваетъ голландскій посланникъ, не положивъ на нихъ никакой революціи и, такъ какъ французскій посланникъ также просилъ аудіенціи, то я послалъ о томъ докладъ на слѣдующій день. Его постигла та же участь.

Октября 6-го. Вице-канцлеръ пріѣхалъ наканунѣ вечеромъ. Я былъ у него въ 9 часовъ утра. Я говорилъ съ нимъ: 1) о своихъ опасеніяхъ относительно поселенія англичанъ въ Астрабадѣ, передалъ ему то, что писалъ императору шахъ, и объ угрозѣ броситься въ объятія Англіи; 2) я говорилъ съ нимъ объ угрожающей нотѣ англичанъ по поводу нашего спора относительно сѣверо-американской компаніи.

Октября 9-го. Разнесся слухъ о томъ, что въ Архангельской губерніи взбунтовалось 2.000 крестьянъ удѣльнаго вѣдомства и что флигель-адъютантъ Крузенштернъ посланъ туда съ приказаніемъ усмирить бунтовщиковъ вооруженной силой.

Октября 10-го. Вице-канцлеръ вступилъ сегодня въ управленіе министерствомъ, коимъ я завѣдывалъ въ его отсутствіе 4 мѣсяца. Ожививъ въ своемъ умѣ все сдѣланное за это время, я очень радъ, что удалось избѣжать столкновенія съ Англіей изъ-за Персіи, когда шахъ былъ вынужденъ пріостановить свои дѣйствія на Гератъ, который онъ считаетъ своимъ наслѣдственнымъ владѣніемъ, и потому онъ видѣлъ въ этомъ только право монарха привести своихъ подданныхъ къ покорности. Самое трудное дѣло въ министерствѣ это цензура газетъ: Конгрессъ или сѣздъ сѣверныхъ монарховъ имѣлъ цѣлю, главнымъ образомъ, восстановление въ Испаніи Донъ-Карлоса; кажется, онъ одержитъ верхъ надъ своими противниками. Пересылаемые ему огромныя суммы денегъ дадутъ ему возможность содержать какъ слѣдуетъ войско, которое доходитъ уже до 20.000 человекъ; у него, повидимому, много приверженцевъ.

Во время поѣздки императора за границу, рѣшенъ, кажется, вопросъ о бракѣ великихъ княженъ, Ольги и Маріи. Первая выходитъ, какъ говорятъ, за баварскаго королевскаго принца, а вторая, хотя она старшая, сдѣлалась невѣстою принца Лейхтенбергскаго, сына Богарне, который женился на баварской принцессѣ; великая княжна Марія Николаевна, которую императоръ очень любитъ, не хочетъ уѣзжать изъ Россіи, а это возможно въ случаѣ ея брака съ Лейхтенбергскимъ. Какъ бы то ни было, по возвращеніи императорской фамилии въ Петербургъ, этотъ слухъ не подтвердился, и ему даже какъ будто не вѣрили.

Октября 11-го. Въ то время, какъ я вступилъ въ управленіе министерствомъ, представителями большей части дворовъ были повѣренные въ дѣлахъ, исключая неаполитанскаго посланника князя Буттера, американскаго посланника d'Allois и англійскаго посланника Милл-банка. Голландскій посланникъ также былъ въ отсутствіи.

Англійскому посланнику лѣтъ 35—40, онъ очень простъ въ обращеніи; онъ дѣлательно заботится объ интересахъ своей страны, и то и дѣло посылаетъ курьеровъ въ Англію, по всей вѣроятности, съ донесеніями касательно нашихъ вооруженій и дѣлъ съ Персіей.

Американскому министру лѣтъ 40—50, онъ очень простой.

Голландскій министръ Шимельфенингъ приблизительно тѣхъ же лѣтъ; я видѣлъ его только одинъ разъ въ канцеляріи, куда онъ пріѣзжалъ просить меня объ аудіенціи у императора. У него умное и красивое лицо.

Французскій посланникъ бар. де-Барантъ—писатель, человекъ умный и весьма тактичный.

Сардинскій посланникъ гр. Росси, по вѣнжности и манерамъ настоящій отставной военный; хотя онъ ничѣмъ особеннымъ не отличился на этомъ поприщѣ, но онъ будетъ имѣть успѣхъ при нашемъ дворѣ, такъ какъ императоръ оказываетъ ему особое благоволеніе. Это тотъ самый посланникъ, у котораго хватило храбрости жениться на дѣвицѣ Зонтагъ, появлявшейся на сценѣ въ 1830 г.

Повѣреннымъ въ дѣлахъ Франціи былъ гр. Засси, типъ современныхъ французскихъ дѣятелей, довольно легкомысленный въ дѣловыхъ сношеніяхъ.

Датскій посланникъ былъ у меня всего одинъ разъ такъ же, какъ и повѣренный въ дѣлахъ Пруссіи гр. Шлейницъ. Датчанинъ показался мнѣ человѣкомъ довольно ничтожнымъ, но прусскій посланникъ навѣрно сдѣлаетъ хорошую карьеру. Наконецъ, повѣренный въ дѣлахъ Швеции, баронъ Моргенштернъ часто бывалъ и у меня и заѣзжалъ въ канцелярію, такъ какъ дѣло шло о ратификаціи торговаго договора и о пожалованіи его императорскимъ величествомъ орденовъ разнымъ шведскимъ высокопоставленнымъ лицамъ по случаю его пребыванія въ Стокгольмѣ.

Англіискій посланникъ маркизъ Clancisade пріѣхалъ со своей женою два дня спустя по возвращеніи вице-канцлера, гр. Нессельроде, вслѣдствіе чего я не имѣлъ съ нимъ никакихъ дѣлъ.

Во время управленія моего министерствомъ я присутствовалъ съ удовольствіемъ въ засѣданіяхъ азіатскаго комитета вмѣстѣ съ гр. Канкринимъ, Чернышевымъ и Блудовымъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Обсуждался вопросъ объ учрежденіи компаніи для торговыхъ сношеній съ Персіей чрезъ Астрабадъ. Гр. Строгановъ (московский) слишкомъ много говорилъ объ этомъ проектѣ; министръ финансовъ дѣйствовалъ осмотрительнѣе и хотѣлъ осуществить его не спѣша. Его мнѣніе было принято комитетомъ и утверждено императоромъ, но англичане провѣдали объ этомъ, и я полагаю, что мы обязаны рѣшительнымъ тономъ съ какимъ Сентъ-Джемскій кабинетъ высказался въ вопросѣ о войнѣ персидскаго шаха съ его мятежными подданными въ Гератѣ, именно тому, что этотъ слухъ распространился преждевременно.

Меня особенно волновали, во время моего управленія министерствомъ, то и дѣло получавшіяся извѣстія о замыслахъ нѣкоторыхъ поляковъ противъ особы императора и депеша нашего повѣреннаго въ дѣлахъ въ Веймарѣ, которой мнѣ было сообщено, что, во время пребыванія его величества въ этомъ городѣ у его сестры Маріи Павловны, были приняты всевозможныя мѣры къ тому, чтобы предупредить всякое посягательство на его священную особу. Это тягостное чувство отравляло мнѣ исполненіе моихъ обязанностей. И я былъ очень радъ оставить управленіе министерствомъ. Моими ближайшими сотрудниками

въ это время были Полѣновъ, Кудрявскій и Сенявинъ. Изъ нихъ первый, весьма опытенъ въ дѣлахъ. Второй, человекъ очень щепетильный, не всегда дѣйствовалъ достаточно прямо, но онъ имѣлъ инструкціи отъ вице-канцлера и кое-что скрывалъ отъ меня. Третій, директоръ азіатскаго департамента, былъ вполне на своемъ мѣстѣ, онъ хорошо образованъ, свѣдушъ въ дѣлахъ, но немного тщеславенъ.

Октября 16-го. Освѣщены въ Царскомъ Селѣ ворота, воздвигнуты въ воспоминаніе побѣдъ, одержанныхъ въ Персіи, Турціи и Польшѣ.

Въ торжествѣ участвовали только солдаты и офицеры, имѣвшіе ордена за эти кампаніи; ихъ было не болѣе 10.000 человекъ. Императоръ и императрица удостоили торжество своимъ присутствіемъ.

Октября 21-го. Я получилъ по почтѣ депеши генераль-губернатора Восточной Сибири и ящикъ съ подарками отъ китайскаго амбана, присланные, вѣроятно, покойному Родофиникину, но такъ какъ не было сказано, кому они предназначаются, то я препроводилъ ихъ въ канцелярію министра, чтобы вице-канцлеръ распорядился ими по своему благоусмотрѣнію.

Октября 23-го. Императоръ, совершенно для всѣхъ неожиданно, объявилъ о помолвкѣ своей дочери съ герцогомъ Лейхтенбергскимъ и пожаловалъ послѣднему Андрея Первозваннаго, что даетъ ему право на чинъ генераль-лейтенанта.

Октября 24-го. Англійскій посланникъ Кланрикадъ сообщилъ, что онъ имѣлъ честь представить императору свои вѣрительныя грамоты и принимаетъ у себя 24-го и 25-го числа отъ 8—10 часовъ. Я отправился къ нему въ первый же день и засталъ у него весьма немногихъ; но ровно въ 8 часовъ пріѣхали члены дипломатическаго корпуса. Посланникъ высокаго роста, но въ наружности его нѣтъ ничего выдающагося. Его жена средняго роста, одѣта очень просто и, судя по портрету, находящемуся у меня, очень похожа на своего отца, лорда Каннинга.

Заболѣлъ М. М. Сперанскій; я посылалъ къ нему за бюллетенями, которые роздаются письменные. Это человекъ достойный, но проникнутый принципами представительнаго образа правленія. Онъ и Кочубей создали министерства и Государственный Совѣтъ въ томъ видѣ, какъ они существуютъ въ настоящее время. Его трудъ по составленію Свода законовъ былъ огромный и заслуживаетъ ему признательность Россіи. Онъ же пересмотрѣлъ или, лучше сказать, затемнилъ Литовскій статутъ, желая согласовать его съ остальными законами Имперіи. Ему поручается писать высочайшіе манифесты.

Ноября 8-го. Тезоименитство великаго князя Михаила Павловича. Я былъ по обыкновенію во дворцѣ у ихъ императорскихъ вы-

сочествъ и по обыкновенію не былъ принятъ. Говорятъ, что императоръ уѣзжаетъ сегодня въ Москву со своимъ будущимъ зятемъ, принцемъ Лейхтенбергскимъ, котораго его величество хочетъ вѣроятно представить московской публикѣ; онъ уже зачисленъ на русскую службу генераль-маіоромъ.

Ноября 17-го. Въ городѣ говорятъ о безпорядкахъ, происшедшихъ въ Кіевскомъ университетѣ; нѣкоторые изъ студентовъ позволили себѣ вступить въ переписку съ поляками, эмигрировавшими въ Европу, и поэтому устраивали тайныя сходки. Правительство строго наказало этихъ юныхъ безумцевъ.

Декабря 4-го. Обнародованъ церемоніаль обрученія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимиліаномъ Лейхтенбергскимъ, которое и состоялось 4-го числа въ Эрмитажѣ. Такъ какъ церковь очень мала, то въ нее было допущено только духовенство и Государственный Совѣтъ. Сенатъ не былъ приглашенъ на церемонію, но былъ созванъ въ 3 часа для выслушанія вновь появившихся указовъ.

Я былъ во дворцѣ вмѣстѣ съ прочими сенаторами для принесенія поздравленія ея императорскому высочеству. Какъ первоприсутствующій сенаторъ, я шелъ тотчасъ за членами Государственного Совѣта. Поздравленія принимала только великая княжна; императрица удалась. Принцъ по-моему не такъ красивъ, какъ говорили.

Декабря 6-го. Тезоименитство императора. Татищевъ, посланникъ въ Вѣнѣ, и Рибопьеръ, посланникъ въ Берлинѣ, сдѣланы членами Государственного Совѣта. Двое сенаторовъ, Мавринъ и Озеровъ, получили Александра Невскаго. Пять человекъ пожалованы во флигель-адъютанты.

Военнымъ увеличено жалованье.

ВОЗЗВАНІЕ.

Николо-Тихвинскій женскій монастырь, Бирюченскаго уѣзда, Воронежской губерніи, озабочиваясь удовлетвореніемъ духовныхъ потребностей сестеръ обители и оказаніемъ помощи окрестному населенію, предпринялъ сооруженіе храма, въ честь Тихвинской иконы Божіей Матери, больницы и пріюта для сиротъ. Недостатокъ средствъ у обители крайне затрудняетъ постройку сего храма и означенныхъ благотворительныхъ учреждений. Въ виду сего Николо-Тихвинскій монастырь обращается къ христолюбивымъ благотворителямъ съ покорнѣйшею просьбою оказать обители посильную помощь въ принятомъ ею благомъ дѣлѣ. Пожертвованія деньгами и вещами просятъ высылать по слѣдующему адресу: Станція Волоконовка, Елецъ-Валуйской ж. д., Настоятельница Николо-Тихвинскаго женскаго монастыря, монахинѣ Валентинѣ.

РУССКАЯ СТАРИНА въ изд. 1902 г.
ТОМЪ СТО ДЕСЯТЫЙ.
АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

СТРАН.

- I. Записки баронессы Прасковьи Григорьевны
Розенъ, въ монашествѣ Митрофаніи. Сообщ.
князь А. Дадіанъ. 285—302, 589—610
- II. Воспоминанія Валеріана Александровича
Панаева 317—336
- III. Изъ записокъ Ивана Акимовича Никотина 521—540
-

Портреты.

- I. Портретъ В. А. Жуковского. Грав. И. И.
Хелмицкій.
(При 4-ой книгѣ).
- II. Портретъ князя М. Д. Горчакова. Грав.
И. И. Хелмицкій.
(При 5-ой книгѣ.)
- III. Портретъ Н. К. Шильдера. Грав. И. И.
Хелмицкій.
(При 6-ой книгѣ).
-

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—Раз- сказы, матеріалы и замѣтки.

	СТРАН.
I. Ссылка Сперанскаго въ 1812 году. (Изъ бумагъ академика А. Ѳ. Быкова.) Сообщ. И. А. Быч- ковъ.	5—44
II. Василий Андреевичъ Жуковскій и его отношенія къ декабристамъ: I. В. А. Жуковскій и семейство Якушкиныхъ; II. В. А. Жуковскій и братья Турге- невы; III. В. А. Жуковскій и В. К. Кюхельбекеръ; IV. В. А. Жуковскій и Ѳ. Н. Глинка; V. В. А. Жуковскій и А. Ѳ. фонъ-деръ-Бриггенъ. Н. Ду- бровина	45—119
III. Кн. П. А. Вяземскій о В. А. Жуковскомъ. Письмо кн. П. А. Вяземскаго кн. А. Ѳ. Бычкову. 17-го іюня 1872 г. Сообщ. И. А. Бычковъ	120
IV. Письма и записки В. А. Жуковскаго къ графинѣ Ю. Ѳ. Барановой. Сообщ. Ѳ. А. Бычковъ.	121—133
V. Два неизданныхъ стихотворенія В. А. Жуков- скаго. Сообщ. графъ Н. А. Бревернъ-де-ля- Гарди.	134—136
VI. Собственноручныя письма В. А. Жуковскаго къ Д. П. Северину.	137—166, 511—519
VII. Альбомъ, подаренный Фридрихомъ Вильгельмомъ наслѣдникомъ прусскимъ Васил. Андреевичу Жу- ковскому. А. Ѳомина	167—176
VIII. Письма В. А. Жуковскаго къ разнымъ лицамъ. Сообщили И. А. Бычковъ и Б. М. Модза- левскій	177—188
IX. Замѣтки В. А. Жуковскаго, написанныя въ аль- бомахъ Александры Андреевны Воейковой. Сообщ. графъ Н. А. Бревернъ-де-ля-Гарди.	189—192
X. Письма короля прусскаго Фридриха Вильгельма къ В. А. Жуковскому.	193—194
XI. Петербургъ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка	195—207, 359—367
XII. Московскій университетъ въ 1826 г. Предписа- ніе И. Дибича полков. гр. Строганову. 17-го апр. 1826 г. Письмо И. Дибича А. А. Писареву 17-го апрѣля 1826 г.	208
XIII. Россія и Англія въ Афганистанѣ. (Оконч.) В. В. Тимошукъ	209—223
XIV. Къ біографіи В. Н. Каразина. Письмо В. Кара- зина къ В. Г. Муратову, 3-го марта 1827 г.	224
XV. Письма императора Николая I и велик. кн. Ми- хаила Павловича. Сообщ. Рих. Алек. Гриммъ.	225—230
XVI. Пребываніе Сперанскаго въ Нижн. Новгородѣ и Перми. Сообщ. И. А. Бычковъ	231—249

XVII.	Собственноручный рескриптъ имп. Александра I московск. гражд. губ. тайн. сов. Н. В. Обрѣз- кову объ аэростатѣ Лепиха. 24-го мая 1812 г. Сообщ. П. А. Тулубъ	250
XVIII.	М. М. Сперанскій. (По Гауеншильду) Сообщ. В. А. Билъбасовъ	251—262
XIX.	Событія, предшествовавшія возстанію въ Польшѣ въ 1861 г. Сообщ. Анд. Ник. Крыжановскій.	263—284
XX.	Николай де-Мелло «Гишпанскія земли» чернецъ. П. Пирлинга	303—312
XXI.	Новый документъ о Самозванцѣ С. Шамбинаго.	313—316
XXII.	Письма В. А. Жуковского къ великой княгинѣ Александрѣ Теодоровнѣ изъ перваго его загра- ничнаго путешествія въ 1821 г. Сообщ. И. А. Бычковъ	337—367
XXIII.	Чиновники-актеры. Предложеніе мин. юстиціи Правит. Сенату. 20-го марта 1831 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	368
XXIV.	Изъ дневника французскаго дипломата при дворѣ Екатерины II. Р.	369—384
XXV.	Письма В. А. Жуковского къ А. С. Стурдзѣ. Сообщ. Б. Л. Модзалевскій	385—397, 579—588
XXVI.	Письмо А. С. Стурдзы—Жуковскому о М. П. Розбергѣ. 30-го апрѣля 1836 г. Сообщ. Г. А. Тройницкій	398
XXVII.	Фотій и гр. А. Орлова-Чесменская. А. Слез- скаго	399—408, 617—628
XXVIII.	Польша въ 1814—1831 г.г.	409—438, 553—574
XXIX.	Письмо С. П. Шевырева М. Н. Синельниковой о послѣднихъ дняхъ жизни М. В. Гоголя. Сообщ. В. И. Шенрокъ	439—447
XXX.	О перемѣнѣ времяисчисленія во флотѣ. Предло- женіе мин. юстиціи Правит. Сенату. 26-го марта 1831 г. Сообщ. Г. К. Рѣпинскій	448
XXXI.	Заграничная поѣздка великаго князя Николая Павловича и великой княгини Александры Теодо- ровны въ 1824 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ	449—466
XXXII.	Сперанскій въ Великопольѣ и Пензѣ. Сообщилъ И. А. Бычковъ	467—485
XXXIII.	Всеподданнѣйшій отчетъ графа М. Н. Муравьева по управленію Сѣверо-Западнымъ краемъ.	486—510
XXXIV.	Замѣтка о новомъ документѣ о Самозванцѣ. Сообщ. П. Пирлинга	520
XXXV.	Николай Карловичъ Шильдеръ. Ѳ. Шиманнъ	541—548
XXXVI.	Русскіе на островѣ Готландѣ въ 1808 г. Сообщ. Е. Н. Янжулъ	549—552
XXXVII.	Англійскій путешественникъ въ Россіи и его мнѣніе о русскомъ обществѣ. (1826 и 1827 г.г.) Сообщ. И. С. Шукшинцевъ	575—578

XXXVIII. Записка о Киевскомъ университетѣ Св. Владиміра въ 1838 г. Сообщилъ Г. К у н ц е в и ч ъ . . .	611—616
XXXIX. 1838 годъ въ Петербургѣ. (По дневнику П. Г. Дивова)	629—651

Библиографическій листокъ.

1. Русскій біографическій словарь. Павелъ (преподобный)—Петръ (Илейка). Изданъ подъ наблюденіемъ председателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 1892 г. Н. И. К а ш к а д а м о в а (на оберткѣ апрѣльской книги).
2. Царь Василій Шуйскій и мѣсто погребенія его въ Польшѣ. Томъ второй. Приложенія къ историческому изслѣдованію. Книга вторая. Д. В. Цвѣтаева. Варшава 1902 г. В. А—аго (тамъ же).
3. Григорій Виленкинъ. Финансовый и экономическій строй современной Англіи. Спб. 1902 г. Цѣна 2 р. 50 к. Н. И. К а ш к а д а м о в а (на оберткѣ майской книги).
4. Л у и д е-С е н т ъ О б е н ъ. Тридцать девять портретовъ 1808—1825. Изданіе Е. И. В. Вел. Кн. Николая Михайловича (на оберткѣ июньской книги).
5. Къ столѣтію Комитета Министровъ (1802—1902). Наша желѣзнодорожная политика по документамъ архива Комитета Министровъ. Историческій очеркъ Н. А. Бислинскаго. Томы 1-й и 2-й. Спб. 1802 г. Н. И. К а ш к а д а м о в а (тамъ же).
6. Разказы и стихотворенія изъ русской исторіи. Составилъ К. Елпатьевскій. Стр. 397, in 8°. С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 1 р. 30 к. (тамъ же).

П р и л о ж е н і я.

1. Дневники В. А. Жуковскаго. Сообщ. И. А. Бычковъ 289—368

подъ председательством наслѣдника цесаревича (впослѣдствіи императора Александра II), получившій наименованіе «Комитетъ по устройству С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги» и при немъ строительная коммиссія подъ председательствомъ графа Бенкендорфа. Коммиссія вскорѣ была упразднена, и дѣлопроизводство ея передано во вновь образованный департаментъ желѣзныхъ дорогъ.

При разсмотрѣніи вопроса о направленіи дороги, на основаніи произведенныхъ техническихъ изысканій, нѣкоторые члены Комитета заявили, что они считаютъ необходимымъ сдѣлать обзоръ мѣстности и по направленію къ Новгороду, и производство дополнительныхъ изысканій по этому направленію было поручено инженеръ-полковнику Мельникову. Въ донесеніи своемъ Мельниковъ отдавалъ рѣшительное предпочтеніе прямому направленію, безъ отклоненія къ Новгороду. Мнѣніе его раздѣляла и техническая коммиссія при департаментѣ желѣзныхъ дорогъ и свое заключеніе представила на уваженіе Комитета С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги. Въ Комитетѣ вопросъ этотъ возбудилъ разногласіе. На журналѣ Комитета государь положилъ слѣдующую резолюцію: «дорогу устроить по прямому направленію, ибо не нахожу ни одной уважительной причины вести ее на Новгородъ, который не лишится тѣхъ выгодъ, коими пользуется». Независимо отъ такой резолюціи, государь развилъ свою мысль въ особой собственноручной запискѣ, копія которой хранится въ дѣлахъ Комитета.

Когда, такимъ образомъ, было окончательно установлено направленіе С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги и опредѣленъ типъ ея колеи, оставалось озаботиться заготовкою необходимого матеріала. При обсужденіи условий приступа къ сооруженію С.-Петербургско-Московской дороги императоръ Николай I повелѣлъ сообщить всѣмъ владѣльцамъ русскихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ высочайшее желаніе: «дабы они поставляли со своихъ заводовъ потребное для сооруженія желѣзной дороги количество рельсовъ». Для избѣжанія необходимости заказывать за границей подвижной составъ, государь приказалъ передать изъ вѣдѣнія министерства финансовъ въ завѣдываніе главнаго управленія путей Александровскій казенный литейный заводъ. Но заводъ этотъ ни по внутреннему устройству, ни по состоянію имѣвшимся въ наличности механическимъ снарядамъ не могъ удовлетворять предъявленнымъ къ нему требованіямъ; вслѣдствіе этого было приступлено къ преобразованію всей системы производства поставляемыхъ заводовъ матеріаловъ; съ этою цѣлю заводъ былъ переданъ на срокъ 1844 по 1850 г. въ распоряженіе американскихъ механиковъ Уайненса и Гаррисона, съ которыми былъ заключенъ контрактъ на изгото-

вленіе до 1848 г. потребнаго количества локомотивовъ и вагонныхъ тележекъ. Кромѣ того заводское управленіе обязывалось обучить состоявшихъ на заводѣ мастеровъ всѣмъ родамъ механическаго производства, образоватъ изъ нихъ машинистовъ, кочегаровъ и т. п.

Николаевская ¹⁾ дорога обошлась казнѣ — въ 76.000.000 р., т. е. по 125.000 р. за версту пути.

Замѣтнымъ, сразу ощутительнымъ результатомъ отстройки Николаевской дороги явилось удешевленіе цѣнъ на перевозку товаровъ изъ Москвы въ Петербургъ: прежде перевозка одного нуда груза обходилась отъ 1 р. 20 к. до 2 р. 40 к., съ открытіемъ же желѣзной дороги перевозка товаровъ между тѣми же городами стала стоить отъ 15 до 40 к. съ нуда. Уже одна эта перемѣна показывала, чего можетъ ожидать Россія отъ развитія своей желѣзнодорожной сѣти.

Трудъ г. Кислинскаго, безъ сомнѣнія, займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ нашей, не особенно богатой литературѣ по данному вопросу.

Н. К.-ш.-ъ.

Разсказы и стихотворенія изъ Русской исторіи. Составилъ К. Елпатьевскій. Стр. 397, in 8°. С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 1 р. 30 к.

Сборникъ извѣстнаго педагога, г. К. Елпатьевского, припоровленъ къ новымъ программамъ по русской исторіи и съ большимъ успѣхомъ можетъ быть примѣненъ въ младшихъ классахъ среднихъ учебныхъ заведеній, какъ историческая хрестоматія. Составитель обнаружилъ въ немъ основательное знакомство съ литературой предмета и далъ своей книгѣ пространную и живую иллюстрацію къ сухому курсу краткаго учебника. Кстати сказать, хорошаго учебника по русской исторіи для младшихъ классовъ у насъ пока нѣтъ, да и историческая хрестоматія для учениковъ младшаго возраста является у насъ впервые, благодаря труду г. Елпатьевского. Нѣтъ сомнѣнія вслѣдствіе этого, что новый трудъ извѣстнаго педагога окажетъ большую услугу современной школѣ. Заключая въ себѣ около двухсотъ литературныхъ произведеній, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ и охватывающихъ всю русскую исторію въ главнѣйшихъ ея событіяхъ, книга его даетъ прекрасное освѣщеніе этихъ событій и лицъ, принимавшихъ въ нихъ участіе, и уясняетъ ихъ смыслъ и значеніе во всемъ теченіи отечественной исторіи.

Н. П.—ъ.

¹⁾ Наименованіе это присвоено С.-Петербургско-Московской линіи по высочайшему повелѣнію императора Александра II, обнародованному 8-го сентября 1855 г.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

РУССКАЯ СТАРИНА

1902 г.

ТРИДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ** руб., съ пересылкою. За границу **ОДИННАДЦАТЬ** руб.—въ государства, входящія въ составъ всеобщаго почтового союза. Въ прочія мѣста за границу подписка принимается съ пересылкой по существующему тарифу.

Подписка принимается: для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Фонтанка, д. № 145, и въ книжномъ магазинѣ **А. Ф. Цинзерлинга** (бывшій Мелье и К^о), Невскій просп., д. № 20. Въ Москвѣ при книжныхъ магазинахъ: **Н. П. Карбасникова** (Моховая, д. Коха), Въ Казани—**А. А. Дубровина** (Воскресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ при книжн. магаз. **В. Ф. Духовникова** (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжномъ магазинѣ **Н. Я. Оглоблина**.

 Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, Фонтанка, д. № 145, кв. № 1.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го в.в.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства: переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзвы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія.

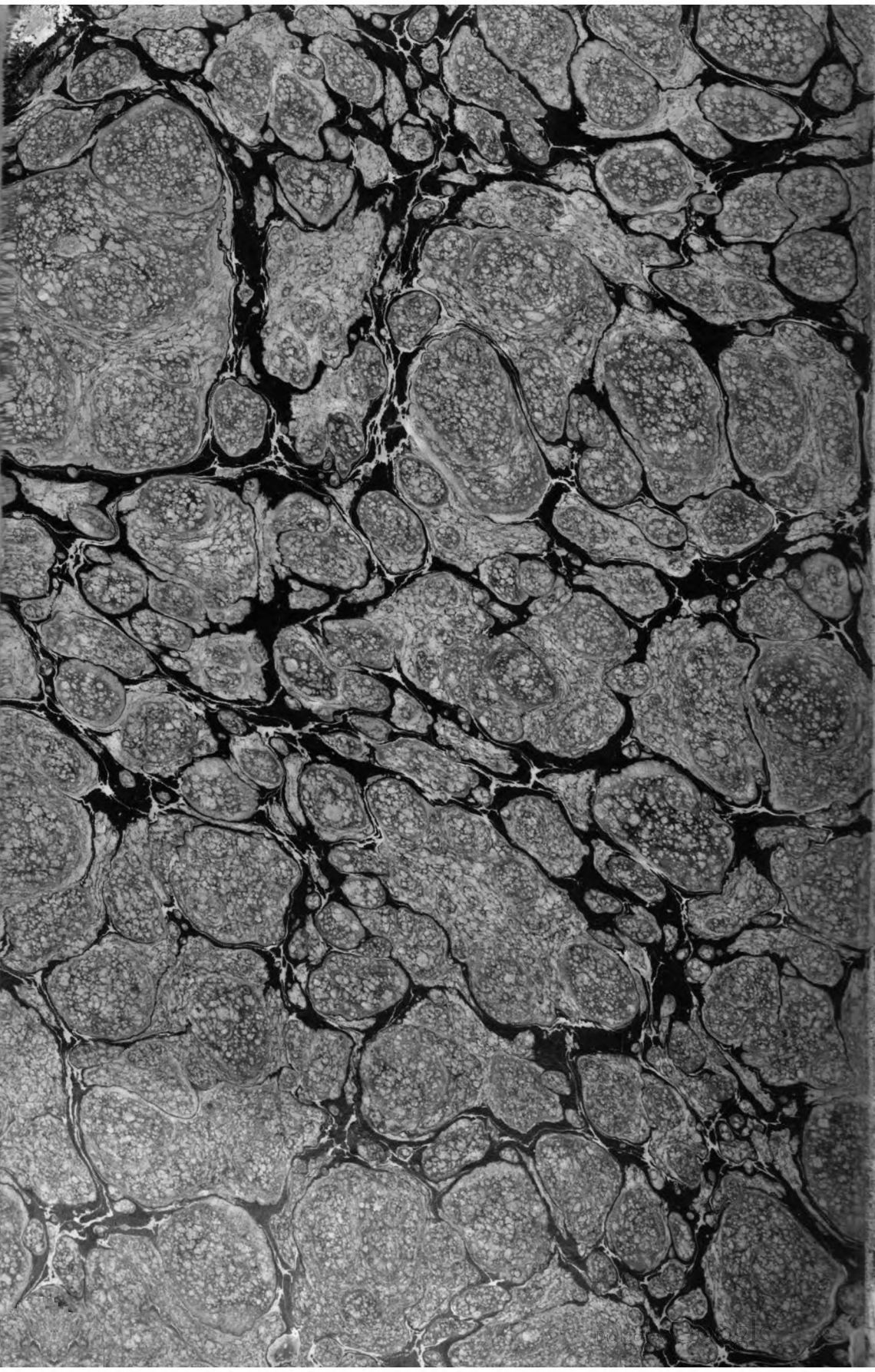
Редакція отвѣчаетъ за правильную доставку журнала только передъ лицами, подписавшимися въ редакціи.

Въ случаѣ неполученія журнала, подписчики, немедленно по полученіи слѣдующей книжки, присылаютъ въ редакцію заявленіе о неполученіи предъидущей, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстнаго почтового учрежденія.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ въ случаѣ надобности сокращеніямъ и измѣненіямъ; признанныя неудобными для печатанія сохраняются въ редакціи въ теченіе года, а затѣмъ уничтожаются.—Обратной высылки рукописей ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

 Можно получать въ конторѣ редакціи „Русскую Старину“ за слѣдующіе годы: 1876—1880 по **8** рублей; 1881 г., 1884 г., 1885 г. и съ 1888—1901 по **9** рублей.

Объявленія о новыхъ изданіяхъ и книгахъ, присылаемыхъ въ редакцію, печатаются на оберткѣ журнала **бесплатно**.

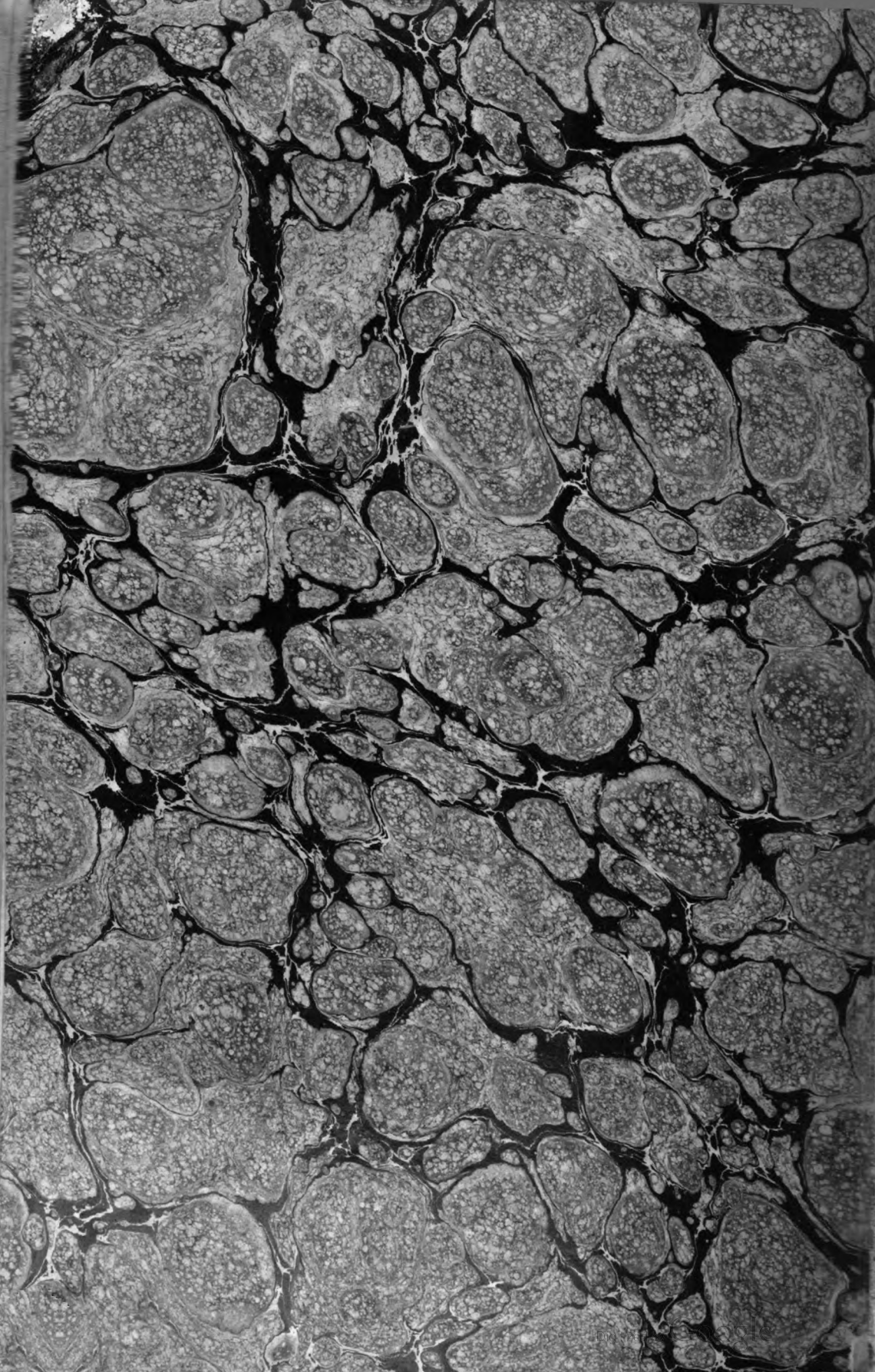

3 0000 010 376 634

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

3 0000 010 376 634

**DO NOT REMOVE
SLIP FROM POCKET**

DEMCO

